THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

НЕВСКІЙ СБОРНИКЪ.

I.

Nevskiĭ sbornik

НЕВСКІЙ СБОРНИКЪ

(УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

1867

СУК

I.

изданіе Вл. КУРОЧКИНА.

В.К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. Вульфа, Литейный проспектъ, домъ № 60.

PG3226
.N44
1867

С.-Петербургъ, 24-го Апрѣля, 1867 года.

91-107029
EP57
01/18/91

МИЗАНТРОПЪ

КОМЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ МОЛЬЕРА

(1666).

10 Je 76

ЛИЦА.

АЛЬЦЕСТЪ.

ФИЛИНТЪ.

СЕЛИМЕНА.

ОРОНТЪ.

ЭЛІАНТА, кузина Селимены.

АРСИНОЯ.

АКАСТЪ. } маркизы.
КЛИТАНДРЪ. }

Лакей Селимены.

Лакей Альцеста.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ домѣ Селимены.

«Мизантропъ» написанъ Мольеромъ назадъ тому двѣсти лѣтъ *); съ тѣхъ поръ, переведенный на всѣ европейскіе языки, поставленный на всѣхъ сценахъ, онъ тысячу разъ былъ разобранъ критически со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Изъ статей и книгъ о «Мизантропѣ» можетъ составиться порядочная библіотека. Въ Россіи онъ также былъ переведенъ нѣсколько разъ и, въ различное время, нѣсколько разъ ставился на сцену. Поэтому, помѣщая новый его переводъ, мы обязываемся только выяснить нашъ личный взглядъ, по которому мы считаемъ эту комедію, заслуживающею и въ наши дни вниманіе публики.

Первоначальнымъ своимъ успѣхомъ, «Мизантропъ», какъ извѣстно, былъ обязанъ той поразительной вѣрности, съ какою въ немъ были выставлены нравы двора Людовика XIV **). Но, еслибы все достоинство комедіи заключалось только въ этомъ, то теперь, когда со сцены міра давно сошли всѣ Монтозье и г-жи де-Лонгевиль (личности, выведенныя Мольеромъ въ Альцестѣ и Селименѣ), когда съ нея слиняли краски животрепещущей современности — она могла бы имѣть развѣ только одно историческое значеніе. Но въ томъ то и дѣло, что въ этомъ произведеніи Мольера, подобно тому, какъ въ драмахъ Шекспира, внутренній міръ человѣка схваченъ такъ глубоко и вѣрно, что независимо отъ внѣшнихъ случайностей мѣста и времени—общечеловѣческое его значеніе не потускнетъ до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ задаваться нравственными и общественными вопросами.

---

*) 4-го іюня 1666 г. онъ былъ въ первый разъ представленъ; написанъ, вѣроятно незадолго до этого времени. Тралажъ въ своей «Исторіи французскаго театра» приводитъ между прочимъ сомнительный разсказъ современника Мольера—итальянскаго пѣвца Анжело, что будто бы «Мизантропъ» былъ написанъ въ двѣ недѣли.

**) «*Le Misantrope* est une véritable galerie des travers et des ridicules alors en faveur à la cour» говоритъ біографъ и одинъ изъ главнѣйшихъ критиковъ Мольера Ташеро въ своей Histoire de la vie et des ouvrages de Molière.

«Что такое *Мизантропъ*—и какъ смотрѣть на эту комедію?» спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ Мольера, Бансель (Les Harangues de l'éxil. 1863). Въ ней нѣтъ никакой интриги. Честный человѣкъ ищетъ руки кокетки, которая то привлекаетъ его, то отталкиваетъ, то приводитъ въ отчаяніе, то исполняетъ восторга и наконецъ обнаруживается предъ нимъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Во всей комедіи нѣтъ ни неожиданностей, ни случайностей, никакихъ компликацій и перепетій, если не считать таковой процессъ Альцеста, о которомъ, впрочемъ, говорится только глухо; нѣтъ, однимъ словомъ, ни путаницы событій, ни галиматьи невѣроятностей, къ какимъ въ наше время прибѣгаютъ писатели драматическихъ произведеній для раздраженія пресыщеннаго любопытства своей публики».

«Весь интерессъ ея» продолжаетъ онъ «въ развитіи характеровъ. *Мизантропъ*—это картина, съ глубоко обдуманной перспективой, написанная мастеромъ и умнымъ человѣкомъ; любители эффектнаго письма найдутъ ее, пожалуй, недостаточно яркою, но никто не избѣгнетъ обаянія, которое производятъ строгость и правильность рисунка, могучая и серьезная композиція.» «Языкъ ея» говоритъ онъ далѣе, опровергая нападки тѣхъ близорукихъ цѣнителей, которые до нашего времени не устаютъ упрекать Мольера въ варваризмахъ и жаргонѣ,—самый вѣрный, самый искренній, самый цѣльный, самый стремительный, самый естественно-краснорѣчивый... Въ словахъ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ ни натяжекъ, ни декламаціи, ни напыщенности, ни неумѣстнаго лиризма; въ нихъ самыя блестки остроумія какъ бы сдержаны и воображенію какъ то мало простора. Это идіома живого языка разсудка и здраваго смысла.

На этомъ и останавливается современный французскій критикъ, но, еслибы онъ взглянулъ глубже, то понялъ бы, что истинность и цѣльность характеровъ въ «Мизантропѣ,» также какъ правда и вѣрность языка этой комедіи зависитъ отъ той вѣчной правды, которая положена въ ея основаніи.

Глубокая мысль, которую Мольеръ, не знаемъ сознательно или безсознательно, положилъ въ основу «Мизантропа,» состоитъ въ томъ, что для высоко честнаго и чистаго человѣка, мыслящаго и чувствующаго искренно—жизнь представляетъ безвыходную борьбу—при тѣхъ условіяхъ и установившихся нравахъ, какія до сихъ поръ представляло человѣческое общество. Чѣмъ страстнѣе и напряженнѣе въ немъ любовь къ истинѣ и идеалу, тѣмъ горче разочарованія въ сферѣ реальности, и тѣмъ неизбѣжнѣе переходъ любви къ людямъ—въ презрѣніе

къ нимъ: мысль промелькнувшая и въ извѣстныхъ стихахъ русскаго поэта:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей!

Но этимъ то и разнятся понимающіе люди между собою. Одни изъ нихъ могутъ удовлетворяться сознаніемъ своего нравственнаго превосходства надъ своими ближними и *презирая людей въ душѣ*, продолжать жить, какъ ни въ чемъ не бывало; другіе же не умѣютъ выносить всего ужаса этого презрѣнія и, истрачивая на него свою жизнь становятся брюзгами, альцестами и мизантропами, протестантами, тяжелыми и невыносимыми, какъ для самихъ себя, такъ и для всѣхъ ихъ окружающихъ. Такіе люди при всей своей высокой честности и чистотѣ — по громадной пропасти, отдѣляющей ихъ идеалъ отъ дѣйствительности—дѣлаются въ средѣ практической жизни лицами комическими, хотя комизмъ, проявляемый ими, долженъ бы былъ производить не одинъ смѣхъ...

Такую комическую фигуру представляетъ собою Альцестъ—герой комедіи Мольера. Такъ комиченъ и донъ Кихотъ, по своему дѣятельному чувству, хотя его идеалы, переставленные назадъ, въ прошлое, и не отличаются особенною глубиною.

Альцестъ является въ европейской комедіи первымъ протестантомъ этого рода. «Мизантропъ» слѣдовательно первая комедія протеста, хотя положеніе самаго Мольера и время въ которое онъ жилъ и ограничили проявленія его довольно узкою сферою. Въ этомъ, по нашему мнѣнію—все громадное значеніе «Мизантропа» и кровное его родство съ первою русскою общественною комедіею: «Горе отъ ума.»

Чацкій дѣйствительно сколокъ съ Альцеста, и сколокъ — можетъ быть, помимо воли самого высоко-талантливаго Грибоѣдова, чуть ли не рабскій. Даже внѣшнимъ образомъ и тотъ и другой, послѣ перенесенной ими катастрофы въ любви, бѣгутъ искать по свѣту уголокъ для ихъ оскорбленнаго чувства, одинаково и неподозрѣвая, что таковаго *уголка* для нихъ еще не уготовано...« Горе отъ ума», какъ комедія, *веселье* «Мизантропа»; но причиною этого явленія не сами Альцестъ и Чацкій, а то, что наши Фамусовы и Скалозубы порельефнѣе разныхъ Клитандровъ и Оронтовъ, т. е. они представляютъ собою болѣе рѣзкія отклоненія отъ идеаловъ, выработанныхъ европейскою мыслью, отъ которой, какъ ни славянофильствуй, тоже никуда не скроешься и не уйдешь...

Конечно, современнаго человѣка не удовлетворитъ ни Альцестъ, ни Чацкій, но... для чего же терять надежду, что если не мы, то дѣти наши встрѣтятся когда нибудь съ обновленнымъ Альцестомъ въ средѣ русскаго общества? Но, какъ бы впослѣдствіи не поблѣднѣли Чацкіе и Альцесты передъ истиннымъ чувствомъ честнаго человѣка, высоко развитаго и способнаго понимать различныя житейскія безобразія во всемъ присущемъ имъ ужасѣ — «Горе отъ ума» всегда будетъ дорого русскимъ людямъ, какъ яркая страница въ нашемъ развитіи, а «Мизантропъ» будетъ имѣть значеніе, какъ ея прототипъ.

Н. К.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИЛИНТЪ и АЛЬЦЕСТЪ.

Филинтъ.

Что съ вами сдѣлалось?

Альцестъ.

Прошу меня оставить.

Филинтъ.

Но это странно мнѣ...

Альцестъ.

Оставьте, просятъ васъ!
Оставьте—предо мной вамъ нечего лукавить.

Филинтъ.

Да надо выслушать, судить, не горячась...

Альцестъ.

Я слушать не хочу и вправѣ горячиться...

Филинтъ.

Но, я васъ не пойму: вы расходились вдругъ,
Не знаю отчего... намъ должно объясниться.
Какъ другъ вашъ, наконецъ, я долженъ...

Альцестъ (*быстро*).

Я—вашъ другъ?
Нѣтъ, вычеркните вонъ изъ списковъ это слово!
Упали низко вы теперь въ моихъ глазахъ;
Мы больше не друзья, и говорю вамъ снова:
Я дружбы не ищу въ испорченныхъ сердцахъ.

Филинтъ.

Я, стало быть, погибъ на вѣки въ вашемъ мнѣньи?

Альцестъ.

Какъ вы не умерли, скажите, отъ стыда?
Поступкамъ вашимъ нѣтъ прямаго извиненья
И честный человѣкъ осудитъ ихъ всегда.
Здѣсь кто то съ вами былъ—и вы до униженья
Распростиралися другъ другу въ похвалахъ,
Я дружбы не видалъ примѣрнѣй... на словахъ.
Чего тутъ не было? Отверстыя объятья,
Поклоны, нѣжности, лобзанья, рукожатья!
Я думалъ: вотъ друзья! спросилъ васъ: кто такой,
Кому сейчасъ клялись вы въ дружбѣ самой тѣсной--
И что же? Васъ въ тупикъ привелъ вопросъ простой
И кто такой вашъ другъ—самимъ вамъ неизвѣстно.
Насилу вспомнили фамилію его.
Онъ ногу за порогъ и дружба улетѣла;
Я говорю объ немъ — вамъ до него нѣтъ дѣла,
Едва знакомы вы — и это ничего?
Но вы подумайте, вы совѣстью измѣрьте,
Какъ низко чувствами завѣтными шутить...
О, еслибъ такъ же мнѣ случилось поступить—
Я-бы повѣсился, повѣрьте!

Филинтъ.

Ужъ и повѣситься! За что же гнѣвъ такой?
Признайтесь, что меня вы осудили скоро,
И, взвѣсивъ вашего суровость приговора,
Не вѣшайте меня.

Альцестъ.

Плохою остротой
Вы не поправитесь... здѣсь шутки неумѣстны.

Филинтъ

Чего жъ хотите вы?

Альцестъ.

Чтобъ человѣкъ былъ честнымъ;
Чтобъ не смѣялся онъ надъ истиной святой
И чтобъ его слова не шли въ разладъ съ душой.

Филинтъ.

Но если человѣкъ, при первой встрѣчѣ съ вами,
Отъ радости, какъ будто, самъ не свой—
Нельзя не отвѣчать (не дѣломъ, такъ словами)
Услугамъ и хваламъ—услугой и хвалой.

Альцестъ.

Нѣтъ, я не допущу могущества методы,
Усвоенной рабами глупой моды.
Кривлянья эти мнѣ несноснѣе всего
И, эти господа, *готовые къ услугамъ*,
Цѣлующіе васъ, зовущіе васъ другомъ,
Не чувствуя въ душѣ ничтожной ничего
И, уважать весь свѣтъ безъ всякаго изъятья,
Какъ будто, снявшіе подрядъ,
Людямъ достойнѣйшимъ и фатамъ заурядъ,
Отверзшіе свои объятья...
Я ненавижу ихъ! Какъ это лестно вамъ:
Здѣсь, вашимъ качествамъ онъ гимны сочиняетъ,
Клянется въ вѣрности и въ дружбѣ увѣряетъ,
А первому мерзавцу *тамъ*
Все ту же пѣсню напѣваетъ
И куритъ тотъ же фиміамъ.
Нѣтъ! человѣкъ, своимъ проникнутый значеньемъ,
Съумѣетъ отличить пріязнь отъ униженья
И понимаетъ онъ, что искренности нѣтъ
Когда васъ любятъ такъ, какъ любятъ цѣлый свѣтъ.
Пріязнь основана на нравственномъ влеченьи;
Всѣхъ уважающій не любитъ никого;
Я другомъ никогда не назову того,
Кто равное ко всѣмъ питаетъ уваженье!..

Не надо дружбы мнѣ вмѣстительныхъ сердецъ,
Не различающихъ людей по ихъ заслугамъ;
Пусть отличатъ *меня*, хочу я наконецъ:
Всесвѣтный другъ — *моимъ* не будетъ другомъ.

Филинтъ.

Но, при дворѣ живя, намъ должно, хоть наружно,
Условья свѣтскія стараться соблюдать.

Альцестъ.

Нѣтъ, нѣтъ, по моему скорѣй стремиться нужно
Личины подлыя безжалостно снимать.
Хочу, чтобъ человѣкъ былъ *человѣкъ*, чтобъ слово
Не шло въ разладъ съ душой, и правды приговоръ,
Открыто поразить порокъ всегда готовый,
За комплиментами не прятался, какъ воръ.

Филинтъ.

Но правда рѣзкая забавна не на мѣстѣ,
И истина, хотя возвышенна всегда —
Непозволительна бываетъ иногда.
И — не въ укоръ сказать суровой вашей чести: —
Есть обстоятельства, гдѣ и нельзя безъ лести...
Ну можноль говорить людямъ, что вотъ у васъ
Объ нихъ составлено такое то сужденье
И, если ненависть кто возбуждаетъ въ насъ,
Что мы къ нему питаемъ отвращенье?

Альцестъ.

Да!

Филинтъ.

Вы сказали бы Аглаѣ, что она
Дурна, какъ смертный грѣхъ, когда набѣлена?
Что отцвѣла она давнымъ давно?

Альцестъ.

Конечно.

Филинтъ.

Клеону, что онъ всѣмъ надоѣдаетъ вѣчно
Своею храбростью и знатною родней?

Альцестъ.

Скажу.

Филинтъ.

Вы, кажется, смѣетесь надо мной?

Альцестъ.

Нисколько не смѣюсь и никому пощады
Не дамъ. Нѣтъ. Съ каждымъ днемъ я оскорбленъ сильнѣй.
Жолчь разливается отъ гнѣва и досады
При взглядѣ на житье и дѣйствія людей.
Что представляетъ намъ столица?
Что представляетъ нашъ великолѣпный дворъ?—
Притворствомъ скорченныя лица,
Подобострастія позоръ,
Несправедливость, лесть... Смотрѣть на это больно,
Нѣтъ силъ переносить. Я гнѣва не сдержу
И каждому въ глаза невольно
Всю правду горькую скажу!

Филинтъ.

Вы правду рѣжете, но есть и правдѣ мѣра:
Вы перешли ее и потому смѣшны.
Но «Школою мужей» Мольера
И вы и я поражены.
Мы какъ два брата въ ней...

Альцестъ.

Нельзя ли безъ сравненья!

Филинтъ.

Нельзя ли вамъ смягчить немного ваши мнѣнья;
Все человѣчество нельзя исправить намъ.
И, такъ какъ истина всего дороже вамъ,
Я правду вамъ скажу немногими словами:
Всѣ расхохочутся надъ вами,
Едва замѣтятъ этотъ взглядъ
На нравы общества.

Альцестъ.

Прекрасно, очень радъ!
Примѣта добрая, мнѣ слушать васъ отрадно:
Такъ ненавистны мнѣ всѣ люди, что, клянусь,
Быть умнымъ въ ихъ глазахъ—мнѣ было-бы досадно.

Филинтъ.

Какъ сильно сказано!... Я за людей страшусь.

Альцестъ.

И ненависть моя растетъ съ ожесточеньемъ...

Филинтъ.

Всѣхъ смертныхъ, стало быть, равно, безъ исключенья

Вы ненавидите? Положимъ злыхъ, но тѣхъ,
Которые добры...

Альцестъ.

Я ненавижу всѣхъ!
Однихъ за то, что злы, подлы до униженья;
Другихъ за то, что къ злымъ имѣютъ снисхожденье,
Что гнѣва праваго не возбуждаютъ въ нихъ
Дѣянья подлыя мерзавцевъ записныхъ.
Примѣръ вамъ мой процессъ—вотъ снисхожденье это!
Извѣстный негодяй, не спрятавшій отъ свѣта
Подъ маской лживою души презрѣнный хламъ,
Умильнымъ голосомъ поющій,
Взводящій очи къ небесамъ
И въ цѣломъ городѣ за подлеца слывущій:
Вся біографія его извѣстна намъ.
Извѣстно всѣмъ его происхожденье,
Всѣ знаютъ, какъ онъ выползъ въ свѣтъ,
Цѣной неслыханно-презрѣнныхъ униженій,
Купивши внѣшній блескъ и, гордый отъ побѣдъ,
Всеобщимъ заклейменъ презрѣньемъ.
Послѣднимъ именемъ его пусть назовутъ;
Пусть скажутъ: извергъ онъ, первостатейный плутъ —
Согласны всѣ единодушно;
Честь оскорбленная не тронетъ никого
И всѣ краснѣютъ за него —
Но всюду принятъ онъ радушно.
Всѣ рады, веселы, куда онъ ни придетъ,
И еслибъ видныхъ мѣстъ онъ вздумалъ домогаться,
Съ нимъ будетъ большинство, я знаю напередъ,
Надъ лучшими людьми онъ вѣрно верхъ возьметъ...
Нѣтъ, нѣтъ, я не могу смотрѣть и не терзаться,
Какъ даже съ подлостью здѣсь должно уживаться,
Забывши истину... Нѣтъ, я готовъ скорѣй
Бѣжать куда нибудь подальше отъ людей!

Филинтъ.

О! Богъ мой! Въ сторонѣ оставимъ нравы вѣка,
Немного пощадимъ натуру человѣка,
Оставимъ строгій взглядъ, безжалостный разборъ,
Сердечной теплотой смягчимъ нашъ приговоръ;
Терпимость надобно, чтобъ жить въ толпѣ столичной,

Избытокъ мудрости осудятъ иногда,
Да мудрость и бѣжитъ отъ крайностей всегда
И умный человѣкъ всегда уменъ прилично.
Къ намъ строгой чистоты давно прошедшихъ лѣтъ
И примѣнять нельзя,—такъ измѣнился свѣтъ,
И совершенства въ насъ искать никакъ не должно:
За временемъ идти необходимо вслѣдъ.
Смѣшно до крайности, не только невозможно,
Стараться одному исправить цѣлый свѣтъ.
Я, также какъ и вы, дурное замѣчаю,
Что было лучше бы *вотъ такъ*, я нахожу,
Но изъ себя не выхожу
И человѣка принимаю
Такимъ, каковъ онъ есть. Смотрю спокойно я
На слабости людей, душевно убѣжденный,
Что флегма ровная моя
Умнѣе жолчи раздраженной.

Альцестъ.

На все рѣшительно вы смотрите равно?
И въ свѣтѣ ничего нѣтъ ровно,
Что вывело бы васъ, судящихъ такъ умно,
Изъ вашей флегмы хладнокровной!
Но если другъ васъ очернитъ?
Ограбить если васъ искусно,
Васъ сдѣлавъ жертвой сплетни гнусной —
Все это васъ не возмутитъ;
Въ васъ не взволнуетъ жолчь?

Филинтъ.

Далекъ отъ жолчи вашей —
На слабости людей смотрю я, какъ на зло,
Присущее натурѣ нашей
И мнѣ ни холодно отъ нихъ и не тепло,
Я снисходительно смотрю на ихъ обманы,
Какъ на презрѣнныя ужимки обезьяны..

Альцестъ.

Растерзанъ быть въ клочки я соглашусь скорѣй,
Обманутъ, осрамленъ... но говорить напрасно
И лучше уступить сужденіямъ прекраснымъ...

Филинтъ.

Вы правы, вамъ молчать теперь всего умнѣй.

Чтобъ партія враговъ вамъ повредить не смѣла,
Вамъ надобно искать...

Альцестъ.

Искать не буду я...

Филинтъ.

Ктожъ будетъ, если вы...

Альцестъ.

Кто будетъ за меня?—
Разсудокъ, истина и справедливость дѣла.

Филинтъ.

Вы даже посѣщать не станете судей?

Альцестъ.

Зачѣмъ, когда я правъ?

Филинтъ.

Вы правы, безъ сомнѣнья,
Но партія сильна.

Альцестъ.

Я твердъ въ своемъ рѣшеньи:
Ни шагу никуда.

Филинтъ.

Но правотѣ своей
Нельзя же ввѣриться: противниковъ старанья
Окажутъ на судей вліянье...
Вы проиграете...

Альцестъ.

Что будетъ, посмотрю.

Филинтъ.

Но...

Альцестъ.

Съ удовольствіемъ процессъ я проиграю.

Филинтъ.

Но... я вамъ говорю...

Альцестъ.

А я вамъ говорю,
Я проиграть процессъ рѣшительно желаю;
Я потеряю все... Но буду знать тогда,
Что люди такъ подлы, такъ мало въ нихъ стыда,
Такъ въ нихъ подкуплены, извращены сужденья,
Что справедливаго предъ свѣтомъ очернить,
Ограбить праваго — для нихъ не преступленье...

Филинтъ.

Вотъ человѣкъ!

Альцестъ.

Всего готовъ себя лишить,
Чтобъ только пострадать въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ.

Филинтъ.

Но эти мнѣнія такъ рѣзки, такъ странны,
Вездѣ васъ осмѣютъ, повѣрьте.

Альцестъ.

Въ самомъ дѣлѣ?
Тѣмъ хуже для того, кому они смѣшны.

Филинтъ.

Но развѣ истины вездѣ ища напрасно,
Открытой прямоты и правды идеалъ
Нашли вы въ женщинѣ, любимой вами страстно?
Родъ человѣческій въ немилость къ намъ попалъ,
Мы съ нимъ поссорились на вѣки, намъ ужасны
Дѣянія людей. Но что пріятно намъ,
Что въ насъ волнуетъ кровь, что нашимъ льститъ глазамъ
Отъ нихъ же взяли мы... Вотъ не пойму чего я!
Вашъ выборъ, наконецъ? Вамъ все равно, что къ вамъ
Неравнодушна Арсиноя,
Что Эліанта васъ довѣрчиво любить
Всѣмъ сердцемъ молодымъ и искреннимъ готова,
Но Селимена вамъ разставила оковы
И вы попались въ нихъ... чѣмъ это объяснить?
На нравы вѣка вы воздвигнули гоненье,
Но не замѣтили вы развѣ, что она
Всѣмъ существомъ своимъ кокетству отдана—
Пороковъ вѣка воплощенье?
Какъ, ненавидя ихъ, вы любите ее?
Какъ сердце строгое свое
Вы вдругъ открыли снисхожденью?
Въ любимой женщинѣ пороки для меня
Всего ужаснѣе — ихъ видѣть очень грустно,
Но вы не видите, какъ замѣчаю я,
Или прощаете искусно.

Альцестъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Любовь моихъ не ослѣпила глазъ,
Всѣ слабости ея я, къ сожалѣнью, знаю,
И какъ я ни влюбленъ, но, увѣрю васъ,
Я первый вижу ихъ, и первый осуждаю.

Но что же дѣлать мнѣ? я человѣкъ, я слабъ.
И, совѣсти на зло, на перекоръ сознанью,
Порочной красоты я безотвѣтный рабъ:
Такъ сильно красоты вліянье!
Да, я люблю ее и твердо убѣжденъ—
Моя любовь ее возвыситъ.

Филинтъ.

Совершите
Великій подвигъ вы. Но вотъ что мнѣ скажите:
Васъ любитъ ли она?

Альцестъ.

Я не былъ бы влюбленъ,
Безъ убѣжденія, что я любимъ...

Филинтъ.

Прекрасно!
За чѣмъ же вы теперь терзаетесь напрасно
При видѣ всѣхъ ея поклонниковъ?

Альцестъ.

Затѣмъ,
Что сердце требуетъ любви безъ раздѣленья
И я пришелъ сюда разсѣять всѣ сомнѣнья
И, все ей высказавъ, давъ волю чувствамъ всѣмъ,
У ней потребовать прямаго объясненья.

Филинтъ.

Нѣтъ, не вскружила бы она мнѣ головы!
Наврядъ удастся вамъ возвысить Селимену.
Лишь Эліанта вамъ, Альцестъ, всю знаетъ цѣну,
Лишь въ ней бы вы нашли...

Альцестъ.

Какъ справедливы вы!
Разсудокъ говоритъ мнѣ тоже ежечасно
И все-таки я рабъ кокетливой вдовы.
Къ несчастію, любовь разсудку не подвластна.

Филинтъ.

Любовь безумная даетъ одну печаль
И вы увидите....

СЦЕНА II.

Оронтъ, Альцестъ и Филинтъ.

Оронтъ.

Нѣтъ дома? очень жаль?

(*Альцесту*)
Представьте: я уже совсѣмъ домой собрался,
Но говорятъ: вы здѣсь — и я назадъ сейчасъ;
Радешенекъ, что случая дождался
Вамъ лично выразить, какъ уважаю васъ.
Да, да... я къ вамъ давно питаю уваженье
И вашей дружбы я ищу давнымъ давно;
Я къ вамъ стремлюсь душой—да и не мудрено:
Къ заслугамъ истиннымъ я чувствую влеченье.
Друзьями будемте, молю васъ объ одномъ.
Надѣюсь, что мое родство, мое значенье
И дружба теплая притомъ
Не возбудятъ пренебреженья
(*Альцестъ все время въ задумчивости не слушаетъ Оронта*).
Я обращаюсь къ вамъ, вы слышите?

Альцестъ.

Ко мнѣ?

Оронтъ.

Надѣюсь, васъ мои слова не оскорбляютъ?

Альцестъ.

Нѣтъ; но онѣ меня немного удивляютъ:
Подобной чести мнѣ не снилось и во снѣ.

Оронтъ.

Вы удивляетесь? Мнѣ странно, отчего же?
Вселенная вамъ скажетъ тоже.

Альцестъ.

Позвольте...

Оронтъ.

Франція не цѣнитъ васъ вполнѣ:
Что встанетъ съ вами на равнѣ?

Альцестъ.

Позвольте....

Оронтъ.

Ничего; я васъ предпочитаю
Достойнѣйшимъ людямъ, какихъ я только знаю.

Альцестъ.

Позвольте....

Оронтъ.

Пусть сейчасъ сквозь землю провалюсь,
Когда въ моихъ словахъ есть хоть крупица лести.

Альцестъ.

Позвольте....

Оронтъ.

Нѣтъ, сейчасъ, на этомъ самомъ мѣстѣ,
Позвольте васъ обнять....

Альцестъ.

Позвольте....

Оронтъ.

Нѣтъ, клянусь —
Назваться другомъ вамъ горю отъ нетерпѣнья....
Вотъ вамъ моя рука

Альцестъ.

Но....

Оронтъ.

Безъ сопротивленья!
Вы не желаете?...

Альцестъ.

Напротивъ, признаюсь,
Быть вашимъ другомъ мнѣ, конечно, очень лестно,
Но дружба требуетъ, какъ вамъ самимъ извѣстно,
Знакомства нѣсколько поболѣе въ друзьяхъ...
Дружиться никогда не слѣдуетъ въ потьмахъ,
Не зная даже съ кѣмъ; вѣдь дружба — не забава,
Чтобъ ею расточать на лѣво и на право....
Сначала надобно узнать другъ друга намъ,
Вглядѣться пристальнѣй.... быть можетъ, невозможно
И быть друзьями намъ.

Оронтъ.

Умно и осторожно!
Я уважаю васъ и удивляюсь вамъ.
Пусть время утвердитъ за вами имя друга.
Не нужно ль при дворѣ объ васъ упомянуть?
Скажите прямо мнѣ—всегда готовъ къ услугамъ,
При нынѣшнемъ дворѣ я значу что нибудь!
Со мной король хорошъ — не вѣрите, ей Богу!
Мнѣ стоитъ попросить, онъ выполнитъ сейчасъ.
Но въ дружбѣ искренней чтобъ мнѣ увѣрить васъ,
Я, зная тонкій вкусъ и зная взглядъ вашъ строгій,
Прочту вамъ свой сонетъ.... Я написалъ, какъ могъ,
И ваше мнѣнье знать желалъ бы о сонетѣ.

Альцестъ.

Увольте.

Оронтъ.

Почему?

Альцестъ.

Есть у меня порокъ:
Быть откровеннѣе, чѣмъ подобаетъ въ свѣтѣ.

Оронтъ.

Чего-же же лучше мнѣ? Да это просто кладъ!
Ни лести не прошу у васъ, ни снисхожденья;
Прошу васъ выразить открыто ваше мнѣнье.

Альцестъ.

Съ такимъ условіемъ я слушать очень радъ.

Оронтъ.

Сонетъ... Названіе: *Надежда*... это къ дамѣ,
Которою стихи мнѣ внушены.
Стихи не громкіе, вы убѣдитесь сами,
Но нѣжныхъ чувствъ они, игривости полны.

Альцестъ.

Прочтите.

Оронтъ.

Да, *Сонетъ*... *Надежда*... Слогъ, не знаю,
Понравится ли вамъ. Слогъ легкій; красота
Въ игривости его... мысль полуразвита...

Альцестъ.

Я все увижу самъ.

Оронтъ.

Притомъ, васъ увѣряю,
Я четверти часа не сочинялъ его...

Альцестъ.

Читайте, время здѣсь не значитъ ничего

Оронтъ.

(Читаетъ)

Насъ надежда, вѣчно тѣмъ же,
Усыпляетъ въ свой чередъ.
Но, Филида, ахъ! зачѣмъ же
Ничего за ней нейдетъ?

Филинтъ.

Очаровательно! Прекрасное начало!

Альцестъ *(тихо Филинту)*.

Филинтъ, галиматью хвалить вамъ не пристало.

Оронтъ.

Вы добры ко мнѣ—прекрасно!
Но зачѣмъ васъ раззорять?
Не расходуйтесь напрасно
Лишь надежду мнѣ давать...

Филинтъ.

Какъ это хорошо! какъ тонко, какъ умно!

Альцестъ (*тихо*).

Какъ подло то хвалить, что глупо, что смѣшно!

Оронтъ.

Постоянно ожиданье
Возжигаетъ лишь страданье.
Чую: близокъ мой конецъ.
О! Филида, кто не знаетъ—
Насъ надежда оставляетъ
Безъ надежды, наконецъ.

Филинтъ.

Какъ неожиданно и смѣло заключенье!

Альцестъ (*въ сторону*).

Тебя бы заключить за это восхищенье!
О, чортъ бы взялъ тебя!

Филинтъ.

Но какъ хорошъ конецъ!
Такихъ стиховъ у насъ не много...

Оронтъ.

Вы мнѣ льстите?

Филинтъ.

Я никогда не льщу, хоть у кого спросите.

Альцестъ (*въ сторону*).

Такъ чтожь ты дѣлаешь, неисправимый льстецъ?

Оронтъ (*Альцесту*).

А ваше мнѣніе? Вы, помнится, правдиво
Хотѣли высказать—хорошъ ли мой сонетъ?

Альцестъ.

Предметъ, признаться вамъ, довольно щекотливый:
Мы любимъ, чтобы насъ хвалили. Я совѣтъ
Недавно далъ пріятелю; стихами
Мы были заняты, какъ вотъ теперь я съ вами.
Онъ, также какъ и вы, стихи свои читалъ...
Кто онъ—я не скажу. Но я ему сказалъ,
Что умный человѣкъ обязанъ силой воли
Удерживать себя, когда рука зудитъ
Писать галиматью, а написавъ, тѣмъ болѣ,
Читать ее другимъ—разсудокъ не велитъ;
Что часто дѣлаетъ посмѣшищемъ для свѣта,
Привычка странная стихи свои читать...

Орантъ.

Понятно, этимъ вы желаете сказать,
Что и мои стихи...

Альцестъ.

Не говорю я это.
Но я ему сказалъ, что словъ наборъ пустой
Про слабость автора намъ говоритъ невольно
И этой слабости одной,
Чтобъ осмѣять его довольно.
Онъ честный человѣкъ, да намъ-то нужды нѣтъ:
Дурное замѣчать — обыкновенье свѣта.

Орантъ.

Позвольте; развѣ вамъ не нравится сонетъ?
Онъ развѣ такъ дуренъ?

Альцестъ.

Не говорю я это;
Но я ему сказалъ, чтобъ вылечить его,
Что люди честные, прекрасные страмились,
Смѣшными дѣлались... все только оттого,
Что славой авторской прельстились.

Орантъ.

Но развѣ я пишу такъ дурно, что меня
Хотите сравнивать...

Альцестъ.

Не говорю я это;
Но такъ я убѣждалъ знакомаго поэта:
За чѣмъ вы пишете, васъ спрашиваю я?
Кой чортъ васъ, наконецъ, печатать принуждаетъ?
Сбродъ всякій издавать простительно однимъ
Несчастнымъ авторамъ—ихъ голодъ заставляетъ.
Послушайтесь меня, оставьте это имъ.
Ужъ если страсть писать — пишите втихомолку,
А имя честное, какимъ зоветъ васъ свѣтъ,
Охота вамъ мѣнять, безъ нужды и безъ толку,
На имя глупое: непризнанный поэтъ?
Словами этими я вразумлялъ поэта...

Орантъ.

Такъ, но замѣтить мнѣ теперь позвольте вамъ,
Что не относится все это до сонета.

Альцестъ.

Онъ, правду вамъ сказать, хорошъ для кабинета.

Вы слѣдовали въ немъ нелѣпымъ образцамъ,
Въ немъ все изысканно, хоть, напримѣръ, вотъ это:

Вѣчно тѣмъ же усыпляетъ въ свой чередъ?

Иль вотъ:

«Ничего за ней нейдетъ»?

А это что:

Не расходуйтесь напрасно
Лишь надежду мнѣ давать»?

Или теперь вотъ это:

«Надежда оставляетъ безъ надежды наконецъ».

Вотъ онъ, вкусъ вѣка пресловутый!
Слогъ изукрашенный, надутый,
Игра затѣйливая словъ —
Намъ на бѣду ее ввела недавно мода!
Но такъ-ли говоритъ природа?
Вотъ пѣсня старая, вотъ нашихъ пѣснь отцовъ.
Въ своемъ невѣжествѣ они ее сложили,
Но въ ней, наперекоръ теоріямъ глупцовъ,
Простаго чувства не забыли:

О, еслибъ мнѣ король сулилъ,
Гордясь своею силой,
Свою столицу, чтобъ забылъ
Я дивный образъ милой,
Я отвѣчалъ бы королю:
Возьми свою столицу!
Я низачто не разлюблю
Красавицу дѣвицу!

Вотъ вамъ! Здѣсь просто все, нѣтъ тѣни украшенья,
Немного грубый слогъ, и въ рифмахъ недочетъ;
Но какъ-же сравнивать?... судите сами... вотъ
Какъ сильно страсти выраженье!

О, еслибъ мнѣ король сулилъ
Гордясь своею силой,
Свою столицу, чтобъ забылъ
Я дивный образъ милой,
Я отвѣчалъ бы королю:
Возьми свою столицу,
Я ни за что не разлюблю
Красавицу дѣвицу!

Какъ прямо изъ души раздался этотъ крикъ!

(Филинтъ смѣется).

(Филинту). Смѣяться можете... Пусть выразитъ такъ живо
Страсть неподдѣльную шутихою фальшивой
Высокопарный вашъ языкъ!

Оронтъ.

А я вамъ говорю, стихи мои прекрасны.

Альцестъ.

У васъ причины есть законныя хвалить;
Позвольте же и мнѣ своимъ не измѣнить,
Когда мы въ мнѣніяхъ немного несогласны.

Оронтъ.

Другіе, сударь мой, хвалили мой сонетъ.

Альцестъ.

У нихъ талантъ былъ льстить; во мнѣ таланта нѣтъ.

Оронтъ.

Что жь, развѣ вы одни умнѣе всѣхъ людей?

Альцестъ.

Я знаю, что хвалить по вашему умнѣй.

Оронтъ.

Безъ вашей похвалы я обойдусь, тѣмъ болѣй.

Альцестъ.

Да, должно обойтесь, хоть волей, хоть неволей.

Оронтъ.

Взглянулъ я, какъ бы вашъ разсудокъ сочинилъ,
Когда бъ я тэму вамъ такую предложилъ.

Альцестъ.

Я намарать стишки, къ несчастью, въ состояньи,
Но ихъ другимъ читать — мнѣ запретитъ сознанье.

Оронтъ.

Вы дерзки наконецъ, я не позволю вамъ...

Альцестъ.

Нѣтъ, ужь другіе пусть вамъ курятъ фиміамъ!

Оронтъ.

Но, критикъ яростный, потише вамъ нельзя ли?

Альцестъ.

Поэтъ восторженный, вы горячиться стали!

Филинтъ *(становясь между ними)*.

Довольно, господа. Довольно, ради Бога...

Оронтъ.

А! точно, признаюсь: я виноватъ немного;
Мое почтенье вамъ; готовый вамъ служить!

Альцестъ.

Покорнѣйшимъ слугою имѣю счастье быть.

ЯВЛЕНІЕ III.

ФИЛИНТЪ, АЛЬЦЕСТЪ.

Филинтъ.

Ну вотъ! вотъ видите! теперь плохое дѣло...
Оронтъ вамъ отомститъ. По мягче бы при немъ...
А то, по своему все — откровенно, смѣло!...

Альцестъ.

Прощайте

Филинтъ.

Но позволь...

Альцестъ.

Я съ вами незнакомъ.

Филинтъ.

Но надо...

Альцестъ.

Полно вамъ!

Филинтъ.

Но должно...

Альцестъ.

Ни полслова.

Филинтъ.

Но...

Альцестъ.

Я не слушаю.

Филинтъ.

Да это...

Альцестъ.

Что вы снова?

Филинтъ.

Обидно...

Альцестъ.

Чортъ возьми! Прочь убирайтесь съ глазъ!

Филитъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Вы шутите, я не оставлю васъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЬЦЕСТЪ И СЕЛИМЕНА.

Альцестъ.

Я правду вамъ скажу; угодно слушать вамъ?
Такъ жить какъ вы, — нельзя; такъ поступать — жестоко.
Вся жолчь во мнѣ кипитъ; я оскорбленъ глубоко.
Я вижу по всему: разстаться должно намъ.
Я не умѣю льстить и хитрыми словами
Коварно увѣрять, что часъ не наступилъ....
О! я бы клятву далъ, что не разстанусь съ вами,
Но, чтобъ ее сдержать — во мнѣ не хватитъ силъ!

Селимена.

Такъ вотъ вы для чего хотѣли быть со мною,
Чтобы бранить меня?...

Альцестъ.

Нѣтъ, вовсе не бранить.
Но вы такъ ласковы со всѣми, кто желаетъ,
Толпа поклонниковъ всегда васъ окружаетъ —
А это трудно мнѣ отъ васъ переносить.

Селимена.

Толпа поклонниковъ! Вы, право, очень строги!
Но если нравлюсь я — кто жъ въ этомъ виноватъ!
Они мной заняты, со мною быть хотятъ —
Неужли съ палкою встрѣчать ихъ на порогѣ?

Альцестъ.

Не палка — сердце васъ должно бы охранять
Отъ пошлой болтовни и глупыхъ объясненій
Присяжныхъ волокитъ; должно вамъ силу дать
Встать выше женскихъ искушеній.
Я знаю: красота невольно ихъ влечетъ,
Но ласковый пріемъ ихъ дальше увлекаетъ,
Игра невинная глазами подаетъ
Надежду лестную, надежда обольщаетъ,
Игра невинная заходитъ далеко....

Кто знаетъ, гдѣ конецъ?... А вамъ, вамъ только надо
Кокетство уменьшить, умѣрить нѣжность взгляда —
Безъ палки будетъ вамъ легко
Прогнать докучливое стадо.
Но объясните мнѣ, я не могу понять,
Какими странными судьбами
Вамъ нравится Клитандръ? Что въ немъ, скажите сами,
Какою силою онъ можетъ увлекать
И сердца вашего живыя струны трогать?
Онъ длинной шпагою, должно быть, васъ прельстилъ?
Не знаю, чѣмъ еще? Что на мизинцѣ ноготь
Длиннѣе шпаги отпустилъ?
Нѣтъ? Изобильемъ лентъ? Костюмомъ прихотливымъ
Онъ поражаетъ васъ? Васъ ослѣпилъ парикъ!
Нѣтъ? Но не можетъ быть, чтобъ голосомъ фальшивымъ
Онъ прямо въ душу вамъ проникъ.

Селимена.

Какъ вы взволнованы и какъ несправедливы.
Онъ при дворѣ имѣетъ вѣсъ;
Въ моемъ процессѣ онъ....

Альцестъ.

Теряйте вашъ процессъ!

Селимена.

Ко всей вселенной вы ревнивы!

Альцестъ.

Ко всей вселенной — да! А вы, какъ вижу я,
Ко всей вселенной благосклонны....

Селимена.

И упрекаете за это вы меня?
Вы — мной предъ всѣми отличенный?
А лучше, еслибъ одному
Я отдавала предпочтенье?

Альцестъ.

Я вами отличонъ? Но чѣмъ же? — не пойму.
Разсѣйте, наконецъ, сомнѣнья....

Селимена.

Чѣмъ? Убѣжденіемъ, что вы любимы мной.

Альцестъ.

И радъ бы вѣрить всей душой,
Гдѣ жь доказательства?

Солимена.

Но если я сказала:
Альцестъ, я васъ люблю — и этого вамъ мало?
Вы все не вѣрите?...

Альцестъ.

Повѣрить я готовъ,
Но кто поручится, что этихъ самыхъ словъ
Вы, можетъ быть, сейчасъ другимъ не говорили?

Солимена.

Вотъ мнѣніемъ какимъ меня вы наградили!
Вотъ ваша страстная, высокая любовь!
Довольно! я сейчасъ разсѣю всѣ сомнѣнья:
Что говорила я — беру назадъ вполнѣ;
Я говорила въ заблужденьи.
Нѣтъ, не приписывайте мнѣ
Обмана вашихъ чувствъ и вашего сознанья —
Теперь все кончено.

Альцестъ

Зачѣмъ я васъ люблю!
О! если вырвусь я изъ вашего вліянья,
Я небеса благословлю!
Я не скрываю, нѣтъ, я пламенно желаю
Изъ сердца вырвать прочь вашъ образъ роковой,
Но... всѣ усилія напрасны — я не знаю,
За что наказанъ я любовію такой!

Селимена.

Да, странная любовь! Едва ли кто такъ любитъ.

Альцестъ.

Вы правы: я ревнивъ, мнѣ страшенъ цѣлый свѣтъ,
Моя любовь смѣшна, — она меня погубитъ —
Но въ мірѣ ей подобной нѣтъ!

Селимена.

Любить — чтобы бранить! Дорогою избитой
Любовь подобная нейдетъ;
Въ забавныхъ дерзостяхъ она нашла исходъ....
И точно: въ мірѣ нѣтъ любви такой сердитой.

Альцестъ.

Но кто же, какъ не вы, смягчитъ мою любовь?
Скажите прямо мнѣ, мнѣ правды только надо....
Признанье, приговоръ — я ко всему готовъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

СЕЛИМЕНА, АЛЬЦЕСТЪ И БАСКА.

Селимена.

Кто тамъ?

Баска.

Акастъ пришолъ.

Селимена.

Просить, я очень рада.

ЯВЛЕНІЕ III.

СЕЛИМЕНА И АЛЬЦЕСТЪ.

Альцестъ.

Какъ? Даже и теперь нельзя мнѣ, глазъ на глазъ,
Вамъ душу высказавъ, потребовать отвѣта?
Вы не рѣшаетесь разъ въ жизни, только разъ,
Отрѣчься для меня отъ свѣта?

Селимена.

Я не намѣрена знакомства бросить съ нимъ.

Альцестъ.

Но вы не знаете, какъ это оскорбляетъ!

Селимена.

Чтожъ дѣлать! Для меня Акастъ невыносимъ;
Но онъ мнѣ не проститъ, когда о томъ узнаетъ.

Альцестъ.

Не все ли вамъ равно? Ну что вамъ до него?

Селимена.

О, Боже праведный! Онъ при дворѣ бываетъ,
А эти господа, незнаю отчего,
Но при дворѣ огромный вѣсъ имѣютъ;
Такъ смѣло судятъ обо всемъ....
Тамъ всѣ ихъ слушаютъ, да и они при томъ,
Добра не сдѣлаютъ — а повредить съумѣютъ.
О! злые языки опасны! Иногда
Отъ нихъ не защититъ общественное мнѣнье....

Альцестъ.

Во всякомъ случаѣ вы правы и всегда

У васъ готовое на все опроверженье;
Гостиной вашей дверь всегда открыта всѣмъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЬЦЕСТЪ, СЕЛИМЕНА И БАСКА.

Баска.

Клитандръ, сударыня.

Альцестъ.

Вотъ и Клитандръ прекрасный.

Селимена.

Куда вы?

Альцестъ.

Ухожу.

Селимена.

Останьтесь.

Альцестъ.

А зачѣмъ?

Селимена.

Останьтесь!

Альцестъ.

Не могу.

Селимена.

Но я хочу.

Альцестъ.

Напрасно.

Я разговоровъ свѣтскихъ врагъ
И быть наказанъ не желаю.

Селимена.

Но если я хочу?

Альцестъ.

Я не могу никакъ.

Селимена.

Такъ можете идти; я васъ не принуждаю.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЭЛІАНТА, ФИЛИНТЪ, АКАСТЪ, КЛИТАНДРЪ, АЛЬЦЕСТЪ, СЕЛИМЕНА И БАСКА.

Эліанта.

Клитандръ и Акастъ, кузина, къ вамъ идутъ;
Объ нихъ доложено?

Селимена.

Да. *(Баскѣ)* Креселъ!

(Баска подаетъ кресла и уходитъ).

(Альцесту) Что же это?

Вы здѣсь.... вы не ушли?...

Альцестъ.

Я и останусь тутъ,

И наконецъ дождусь при всѣхъ отъ васъ отвѣта.

Селимена.

Что?

Альцестъ.

Я — или они — вамъ выборъ предстоитъ.

Селимена.

Какъ?

Альцестъ.

Да, теперь, сейчасъ.

Селимена.

Въ своемъ ли вы разсудкѣ?

Альцестъ.

Сейчасъ.

Селимена.

Вы шутите?

Альцестъ.

О, нѣтъ, плохія шутки!

Довольно я терпѣлъ — вашъ выборъ все рѣшитъ.

Клитандръ.

Уфъ! я изъ Лувра къ вамъ. Тамъ встрѣтилъ я Клеона.
Какой чудакъ, какъ разодѣтъ!
Найдется ль человѣкъ порядочнаго тона,
Чтобъ дать ему благой совѣтъ
И просвѣтить его на счетъ его фигуры?...

Селимена.

Онъ, какъ Сатиръ смѣшонъ, а наровитъ въ амуры.
На всѣхъ гуляньяхъ онъ, какъ въ баснѣ стрекоза.
Всѣхъ свѣтскихъ новостей безсмысленное эхо.
Съ нимъ разъ поговорить, довольно за глаза,
Потомъ ужь на него взглянуть нельзя безъ смѣха.

Акастъ.

А, если рѣчь у васъ зашла о чудакахъ,
Такъ я напомню вамъ еще оригинала —
Болтливый резонеръ Дамонъ — вѣдь это страхъ!
Я пострадалъ сейчасъ и пострадалъ не мало;

На солнцѣ, битый часъ, портшэзъ остановивъ,
Онъ мнѣ надоѣдалъ своею болтовнею.

Селимена.

Онъ замѣчательно болтливъ.
Я знаю, цѣлый часъ онъ вамъ не дастъ покоя
Своими фразами, но не постигнетъ умъ,
Что онъ хотѣлъ сказать — онъ самъ не понимаетъ
И, слушая его, мы слышимъ только шумъ.

Эліанта (*Филинту*).

Не дурно; разговоръ искусно попадаетъ
На путь злословія....

Клитандръ.

А о Тимантѣ вы
Какого мнѣнія? Онъ тоже страненъ....

Акастъ.

Очень.

Селимена.

Тимантъ? Онъ — тайна весь отъ ногъ до головы.
Безъ дѣла занятъ онъ, безъ нужды озабоченъ.
И съ вами встрѣтившись, исполненный заботъ,
Свой взглядъ блуждающій поспѣшно вамъ бросаетъ,
Кривитъ немилосердно ротъ
А ужъ секретами вездѣ надоѣдаетъ!
Секретъ для каждаго ему найдти легко.
Онъ важный разговоръ прерветъ пустымъ секретомъ
И, наконецъ, ужь такъ онъ наметался въ этомъ,
Что даже «здравствуйте» вамъ скажетъ на ушко.

Акастъ.

Ну а Жеральдъ каковъ?

Селимена.

Несносный пустомеля!
Онъ къ громкимъ титуламъ привязанъ всей душой
И принятъ, на словахъ, конечно, не на дѣлѣ,
У герцогинь, князей и герцоговъ какъ свой.
Собаки, лошади, наряды, экипажи —
Вотъ все, о чемъ Жеральдъ заводитъ разговоръ.
Со всѣми онъ *на ты*, рѣшительно, и даже
Учтивость вообще считаетъ онъ за вздоръ.

Клитандръ.

Съ Белизой, говорятъ, онъ въ близкихъ отношеньяхъ....

Селимена.

Разсудкомъ, бѣдная, обижена судьбой!

Я не могу вамъ дать понятья о мученьяхъ,
Какія я сношу, когда она со мной.
Ея визитъ даетъ тяжелую работу;
Безплодной скупостью, несвязностью рѣчей,
Косноязычная, васъ доведетъ до поту
И всякій разговоръ тотчасъ умретъ при ней.
Всѣ общія мѣста вы скажете несчастной:
Какой прекрасный день, какъ жарко, дождь какой!
Она вамъ скажетъ: да-съ, съ улыбкою тупой
И тотчасъ замолчитъ — и цѣлый часъ безстрастно
Готова просидѣть. Но гдѣ же силы взять
Чтобъ съ ней не умереть? Вы наконецъ замѣтно,
То на часы смотрѣть, то станете зѣвать —
Она, какъ дерево, тупа и безотвѣтна....

Акастъ.

Адрастъ каковъ?

Селимена.

Гордецъ, собою обольщенный.
Онъ погруженъ въ себя, обиженъ онъ дворомъ!
И оппозицію, глубоко оскорбленный,
Избралъ всегдашнимъ ремесломъ.
Другихъ не цѣнитъ онъ, въ себѣ онъ видитъ диво.
Чуть только при дворѣ получитъ вѣсъ другой —
Онъ первый закричитъ: какъ это справедливо!

Акастъ.

А юноша Клеонъ, котораго толпой
Вся наша молодежь такъ часто посѣщаетъ?

Селимена.

Обязанъ повару извѣстностью такой,
А вашу молодежъ — роскошный столъ прельщаетъ.

Эліанта.

Клеонъ, какъ гастрономъ, въ Парижѣ знаменитъ;
Обѣдъ изысканный....

Селимена.

Одно въ немъ только худо:
Что самъ амфитріонъ не лакомое блюдо
И въ состояніи испортить аппетитъ.

Филинтъ.

А дядюшка его Дамисъ, какого мнѣнья
Вы наконецъ объ немъ?

Селимена.

Онъ изъ моихъ друзей.

Филинтъ.

Онъ честный человѣкъ и многихъ не глупѣй.

Селимена.

Но рѣзкій тонъ его сужденій
Приводитъ въ бѣшенство; онъ силится раздуть
Умишко дюжинный, старается блеснуть
Натянутой игрой остротъ и выраженій
И разъ вообразивъ, что онъ всемірный геній,
Вездѣ, во всемъ, талантъ опровергать готовъ.
Какъ умный человѣкъ, не хочетъ восторгаться,
И плакать отъ души и отъ души смѣяться
Считаетъ слабостью глупцовъ.
Какъ онъ рисуется, заносчиво считая
Все современное дурнымъ,
И свѣтскій разговоръ установить желая,
Взыскателенъ къ словамъ простымъ.
Высокопарно то, а это слишкомъ грязно,
А это странно такъ звучитъ
И руки на груди сложивъ крестообразно,
На все съ презрѣніемъ глядитъ.

Акастъ.

Дамисъ, живой Дамисъ!

Клитандръ.

Да чортъ возьми! Едва ли
Художникъ начертитъ такой живой портретъ.

Альцестъ.

Пора и кончить бы! Вы всѣхъ разрисовали
И никому пощады нѣтъ.
А пусть придетъ сюда, кто такъ вамъ непріятенъ —
Вы тотчасъ всѣ къ нему бѣжать
И низко кланяться, и руку жать до пятенъ
И, какъ Іуды, лобызать!

Клитандръ.

За что вы противъ насъ? Васъ это оскорбляетъ?
Скажите вотъ кому (*показывая на Селимену*).

Альцестъ.

Я *васъ* задѣть хотѣлъ!
Смѣхъ одобрительный въ ней злобу разжигаетъ
И гонитъ съ языка градъ ядовитыхъ стрѣлъ.
Вы въ ней питаете преступнымъ потаканьемъ
Духъ, вѣчно жаждущій злословья и остротъ;

Не будь здѣсь только васъ, не будь рукоплесканій —
Она насмѣшекъ не найдетъ.
Чтобъ вырвать съ корнемъ вонъ людскія заблужденья,
Лесть надо истребить и раздавить льстецовъ!

Филинтъ.

Помилуйте, зачѣмъ такое озлобленье?
Зачѣмъ вамъ тратить столько словъ?
Вы сами ихъ всегда за то же осуждали....

Селимена.

Вѣдь надо жь возражать? Вы этого не знали?
Нѣтъ, съ большинствомъ Альцестъ не будетъ заодно:
Намъ надо показать, во что бы то ни стало,
Что намъ природою дано
Противорѣчія начало.
Какъ можно думать такъ, какъ думаетъ другой?
Вѣдь это такъ обыкновенно!
Противорѣчить непремѣнно
Намъ должно, чтобы встать надъ глупою толпой.
Противорѣчіе Альцесту такъ пріятно,
Что мнѣніе его — но сказано другимъ
И ужь Альцестъ кричитъ, что мнѣніе превратно.

Альцестъ.

Смѣяться можете надъ нимъ,
Всѣ эти господа усердно будутъ вторить.

Филинтъ.

Послушайте Альцестъ, сознайтеся хоть разъ
Что вы противъ всего, всегда готовы спорить;
Нельзя бранить людей, чтобъ не обидѣть васъ,
А голосъ похвалы васъ тоже оскорбляетъ.

Альцестъ.

Кто хвалитъ? кто бранитъ? Вѣдь люди, чортъ возьми!
А люди правы не бываютъ!
Два качества вполнѣ усвоены людьми:
Хула до дерзости и лесть до униженья.

Селимена.

Но....

Альцестъ.

Нѣтъ, оставьте; нѣтъ, я умереть готовъ,

Но не поддамся снисхожденью!
Пусть превозносятъ васъ, пусть дружный хоръ льстецовъ
Въ васъ укрѣпитъ порокъ безнравственнымъ куреньемъ,
А я всегда скажу...

Клитандръ.

Я твердо убѣжденъ,
Что въ вашей красотѣ порокъ не обитаетъ.

Акастъ.

Я вашей красотой конечно ослѣпленъ,
Но вашихъ слабостей мой глазъ не замѣчаетъ.

Альцестъ.

Я замѣчаю ихъ, и не хочу скрывать,
Все недостойное сразить упрекомъ надо.
Кто любитъ истинно — не станетъ потакать,
Кто любитъ горячо, тотъ любитъ безъ пощады!
А этихъ записныхъ и гнусныхъ волокитъ,
Всѣ ваши слабости хвалящихъ безусловно,
Съ нихъ надо маску снять, ихъ выставить на видъ
И похвалу льстеца — считать обидой кровной.

Селимена.

Мы, наконецъ, должны возвышенно любить,
Отъ тихихъ радостей и счастья отказаться,
И оскорбленьями любимую громить,
Какъ можно болѣе стараться.

Эліанта.

Нѣтъ, вообще любовь иначе создана,
Она влюбленнаго всегда даритъ блаженствомъ;
Любимой женщиной душа его полна —
Онъ въ ней и слабости считаетъ совершенствомъ.
Изобрѣтаетъ онъ на это имена:
Влюбленъ онъ въ блѣдную — она бѣлѣй жасмина;
Когда жъ красавица, какъ смертный грѣхъ черна —
Смуглянкой страстной онъ зоветъ ее картинно.
Въ дебелой женщинѣ — величьемъ пораженъ,
А въ тощей — стройный станъ его обворожаетъ.
И неопрятностью, безвкусіемъ плѣненъ,
Онъ ихъ небрежностью изящной называетъ.
Влюбленъ онъ въ карлицу, она въ его глазахъ —

Вся прелесть женская въ размѣрѣ уменьшенномъ,
А женщина-гигантъ, внушающая страхъ,
Богиней кажется глазамъ его влюбленнымъ.
Болтунья страшная — любезности полна,
А молчаливая — невинность золотая.
Плутовка — умница, а дурочка — простая
И очень добрая. Любовь во всемъ видна;
Къ любимой женщинѣ влюбленный всѣхъ добрѣе,
За недостатки онъ любить ее готовъ.

Альцестъ.

Я нѣтъ, я никогда.

Селимена.

Довольно про любовь,
Не лучше ль, господа, пройтись по галлереѣ.
Но вы уходите, я вижу...

Клитандръ и Акастъ.

Никуда.
Мы остаемся здѣсь.

Альцестъ.

А вы уже испугались!
Когда угодно вамъ уйдите, господа,
Но трудно, чтобы вы здѣсь безъ меня остались.
Я послѣ васъ уйду, предупреждаю васъ.

Акастъ.

Боюсь, чтобъ общество мое не надоѣло;
Сегодня, у меня нѣтъ никакого дѣла
И я останусь здѣсь...

Клитандръ.

Я отлучусь на часъ,
Но... выходъ вечеромъ — а утро все я съ вами.

Селимена (*Альцесту*).

Вы это шутите?

Альцестъ.

Я не люблю шутить.
Кому остаться здѣсь, вы разрѣшите сами.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЬЦЕСТЪ, СЕЛИМЕНА, ЭЛІАНТА, АКАСТЪ, ФИЛИНТЪ, КЛИТАНДРЪ, БАСКА.

Баска *(Альцесту).*

Здѣсь кто-то къ вамъ пришелъ и съ вами говорить
Объ дѣлѣ экстренномъ немедленно желаетъ.

Альцестъ.

Скажи, что у меня такихъ дѣлъ вовсе нѣтъ;
Пускай ко мнѣ зайдетъ.

Баска.

Онъ форменно одѣтъ,
И перевязь на немъ...

Селимена *(Альцесту).*

Такъ пусть она узнаетъ,
Что надобно ему, или зоветъ сюда. (*Баска уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Альцестъ *(выходя къ нему).*

Меня угодно вамъ? Извольте, что такое?

Полицейскій.

Два слова вамъ сказать... но эти господа...

Альцестъ.

Вы можете при нихъ.

Полицейскій.

Я васъ побезпокою,
Вотъ предписаніе: васъ просятъ...

Альцестъ.

Какъ? Меня?

Полицейскій.

Такъ точно.

Альцестъ.

А зачѣмъ?

Полицейскій.

Зачѣмъ, не знаю я.

Альцестъ.

Но...

Филинтъ *(Селименѣ).*

Это объ стихахъ и объ Оронтѣ дѣло.

Селимена.

Оронтъ?...

Филинтъ.

Альцесту онъ свои стихи читалъ,
Альцестъ, какъ водится, сказалъ, что думалъ, смѣло...
Ихъ примирить хотятъ.

Альцестъ.

Какъ! чтобы я сказалъ,
Что хороши стихи?

Филинтъ.

Потише; предписанье
Исполнить надобно...

Альцестъ.

Насъ примирить хотятъ!
Глупѣйшіе стихи, наперекоръ сознанью,
Найти хорошими меня приговорятъ!
И чтобъ отрекся я? И чтобъ я назвалъ эти
Стихи несчастные...

Филинтъ.

Оставьте этотъ тонъ;
Помягче надобно...

Альцестъ.

Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

Филинтъ.

Но должно-же идти; васъ ожидаетъ онъ.
Ступайте, только тамъ помягче, хоть немного...

Альцестъ.

Иду, и если мнѣ король прикажетъ самъ
Стихи его признать — я уступлю, конечно,
А съ прочими, клянусь, я буду спорить вѣчно,
И не поддамся никому,
Какого-бъ не былъ онъ высокаго полета...
Скажу, что слѣдуетъ, по мнѣнью моему,
За вирши глупыя повѣсить рифмоплета!

(Клитандру и Акасту, которые смѣются)

Не думаю чтобъ я и этотъ разговоръ
Васъ вызвали на смѣхъ?...

Селимена.

Альцестъ, скорѣй ступайте.
Куда вамъ слѣдуетъ.

Альцестъ.

Я ухожу, прощайте.
Но я сейчасъ вернусь и мы покончимъ споръ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛИТАНДРЪ, АКАСТЪ.

Клитандръ.

Любезнѣйшій маркизъ, завиденъ мнѣ твой нравъ:
Все веселитъ тебя, ни что не потревожитъ.
Скажи по совѣсти: ты думаешь — ты правъ?
Самодовольнымъ быть, какъ ты, не всякій можетъ.

Акастъ.

Гм, гм... ты думаешь? А я, какъ погляжу,
Да посравню себя съ другими,
Такъ недовольнымъ быть причинъ не нахожу.
Я молодъ, я богатъ и предками своими
Похвастаюсь: нашъ родъ довольно знаменитъ.
Любое мѣсто я сейчасъ себѣ достану;
И сердце есть во мнѣ, хоть я его на видъ
Безъ пользы выставлять не стану;
А похожденьями любовными горжусь:
Всѣ знаютъ про мои интриги...
Притомъ-же я не глупъ; во мнѣ природный вкусъ:
Я обо всемъ сужу, а презираю книги;
Въ театрѣ я, какъ свой — приди и убѣдись:
Я знаю, что, по крайней мѣрѣ,
Я первый начинаю: bis! —
И все волнуется въ партерѣ.
Я ловокъ, я красивъ, я хорошо сложенъ,
Извѣдалъ я вполнѣ всѣ тайны туалета;
Подобной граціи, я въ этомъ убѣжденъ,
Ты не найдешь нигдѣ, хоть обойди полсвѣта.
И, наконецъ, мой другъ, я близокъ къ королю;

Всѣ знатные меня, мой милый, уважаютъ.
Себя, конечно, не хвалю,
А женщины меня не любятъ-обожаютъ!
Да, милый мой маркизъ, кто взысканъ такъ судьбой
Доволенъ можетъ быть собой.

Клитандръ.

Ну, что и говорить, мой милый! это такъ,
Зачѣмъ же здѣсь вздыхать по цѣлымъ днямъ безплодно?

Акастъ.

Тьфу, чортъ! Я не уродъ, маркизъ, я не дуракъ,
Чтобы вздыхать у ногъ красавицы холодной.
Оставимъ это новичкамъ.
Пускай посредственность вздыхаетъ по ночамъ,
Пусть слезы льетъ она въ отвѣтъ словамъ суровымъ
И съ постоянствомъ безтолковымъ
Пускай она горитъ на медленномъ огнѣ!
Сознайся самъ маркизъ, къ лицу-ли это мнѣ?
Упрямство приведетъ глупца къ желанной цѣли,
Затѣмъ то временемъ глупецъ и дорожитъ;
А умный человѣкъ увѣренъ сразу въ дѣлѣ—
И я, любезный мой, не полюблю въ кредитъ.
Какъ? Женщина меня своею красотою
Что-бъ ослѣпила? Вздоръ какой!
Я знаю самъ, чего я стою.
Акаста сердце, милый мой,
Не купитъ женщина дешовою цѣною!
Потомъ я полюблю и самъ,
Но для начальнаго сближенья
Нельзя безъ жертвоприношенья;
По моему: въ любви — расходы пополамъ!

Клитандръ.

Ты думаешь и здѣсь дѣла идутъ прекрасно?

Акастъ.

Я вправѣ думать такъ, мой милый.

Клитандръ.

Милый мой,
Ты заблуждаешься ужасно;
Ты просто обольщенъ надеждою пустой.

Акастъ.

Ну да, я обольщенъ надеждой. Очень ясно!

Клитандръ.

Съ чего ты взялъ, что ты любимъ?

Акастъ.

Я заблуждаюсь-да.

Клитандръ.

Какое основанье?...

Акастъ.

Ну да! я ослѣпленъ.

Клитандръ.

Ты предпочтенъ другимъ?

Акастъ.

Нѣтъ, я не предпочтенъ!

Клитандръ

Ты вынудилъ признанье?

Акастъ.

Нѣтъ, я вообразилъ.

Клитандръ.

Да отвѣчай-же мнѣ.

Акастъ.

Мнѣ показалось такъ.

Клитандръ.

Нѣтъ, ты скажи безъ шутокъ:
Ты обнадеженъ здѣсь?

Акастъ.

Я потерялъ разсудокъ —
Ты здѣсь блаженствуешь вполнѣ;
Ко мнѣ питаютъ отвращенье,
Я даже думаю повѣситься....

Клитандръ.

Зачѣмъ?
Маркизъ, я выведу тебя изъ заблужденья.
Послушай: тотъ изъ насъ, кому
Удастся заслужить вниманье Селимены,
И кто любви ея представитъ вѣрный знакъ,
Тотъ здѣсь останется —другой сойдетъ со сцены.
Согласенъ?

Акастъ.

Ахъ, маркизъ, какой же ты чудакъ!

Чтобъ я?... Отъ всей души согласенъ я на это...
Но... тсс...

ЯВЛЕНІЕ II.

СЕЛИМЕНА, АКАСТЪ, КЛИТАНДРЪ.

Селимена.

Вы здѣсь еще?

Клитандръ.

Любовь сковала насъ.

Селимена.

Постойте: кажется подъѣхала карета.

Клитандръ.

Да...

Баска *(входитъ)*.

Арсиноя здѣсь, желаетъ видѣть васъ.

Селимена.

Ахъ, какъ не во время! Поди, скажи ей Баска...

Баска.

Тамъ Эліанта съ ней.

Клитандръ.

Зачѣмъ она пришла?

Акастъ.

Она смиренницей недаромъ прослыла;
Усердьемъ, ревностью...

Селимена.

Все это только маска!
Въ душѣ она непрочь отъ свѣта никогда.
Кого нибудь задѣть, кольнуть — ей наслажденье.
Къ другимъ, смиренница, не знаетъ снисхожденья.
Она влюбленныхъ бичь! Да только въ томъ бѣда,
Что всѣ усилія завистницы безплодны,
Что черствыхъ прелестей ея смиренный видъ,
Къ несчастію, ничьей души не шевелитъ.
И вотъ въ неистовствѣ святомъ и благородномъ,
Она клянетъ любовь, любовниковъ громитъ;
Душонку грязную едва прикрывъ смиреньемъ,
Ханжа безплотная всѣхъ смертныхъ судитъ зло;
Невинную любовь считаетъ преступленьемъ,
Затѣмъ, что ей самой въ любви не повезло.

А между тѣмъ сама однѣмъ страстямъ послушна:
Къ Альцесту, напримѣръ, она не равнодушна.
Альцестъ къ ней холоденъ, а виновата я!
Ей кажется, что я любовь его украла,
Что ей-бы безъ меня она принадлежала;
И, злобу въ сердцѣ затая,
Она передо мной безбожно лицемѣритъ
И сыплетъ заглаза злословья сѣмена;
Вездѣ чернитъ меня, но ей никто не вѣритъ.
Ну словомъ такъ она черна,
Что на нее смотрѣть нельзя безъ отвращенья,
Такъ омерзительна...

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, АРСИНОЯ.

Селимена (*выходя къ ней на встрѣчу*).

Вотъ радостный визитъ!
Мнѣ трудно выразить въ какомъ я восхищеньи.

Арсиноя.

Два слова вамъ сказать мнѣ долгъ святой велитъ.

Селимена.

Вы вспомнили меня! О, боже! какъ я рада!

(Клитандръ и Акастъ уходятъ, смѣясь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕЛИМЕНА, АРСИНОЯ.

Арсиноя.

Какъ кстати разошлись всѣ эти господа.

Селимена.

Угодно кресло вамъ?

Арсиноя.

Нѣтъ, кресла мнѣ не надо;
За дѣломъ важнымъ я пріѣхала сюда.
Нелицемѣрный другъ не на словахъ привязанъ,
Но въ важныхъ случаяхъ всегда подастъ совѣтъ;
А такъ какъ ничего важнѣе чести нѣтъ —
Честь друга охранять надежный другъ обязанъ;
И за долгъ я себѣ священнѣйшій почла,

Вамъ дружбу выразивъ, спасти васъ отъ позора.
Вчера я въ обществѣ достойнѣйшемъ была,
И тамъ, средь умнаго, живаго разговора,
Рѣчь и объ васъ зашла. Я услыхала то̀,
Чего бы во всю жизнь услышать не желала:
Вашъ образъ жизни тамъ не похвалилъ никто
И въ немъ хорошаго нашли, къ несчастью, мало,
Что вы окружены толпою волокитъ,
Что въ васъ безпечности, кокетства очень много,
Что весь Парижъ объ васъ кричитъ —
Тамъ осудили всѣ — и осудили строго.
Я въ положеніи ужаснѣйшемъ была!
Честь вашу защитить отъ всей души старалась
И извиняла васъ, конечно, какъ могла...
За чистоту мыслей я, напримѣръ, ручалась,
Что вы такъ молоды, я говорила имъ,
Что вы неопытны — сказала въ оправданье;
Но вамъ легко понять самимъ,
Что оправдать людей нельзя однимъ желаньемъ...
И согласиться я была принуждена,
Что поводъ къ этому вы подаете сами,
И что вся ваша жизнь загадками полна,
Что вы бы взяли верьхъ надъ злыми языками,
Обдумавъ нѣсколько, что дѣлаете вы...
Вѣдь я не поддалась злословію молвы;
Нѣтъ, Боже сохрани! я васъ всегда считала
Въ душѣ невинною и чистою какъ день.
Свѣтъ судитъ иначе. Ему и нужды мало,
Что чисты вы въ душѣ. Ему порока тѣнь
Порокомъ кажется, и, вы замѣтьте это,
Мы добродѣтельны должны быть и для свѣта.
Вы не разсердитесь, я знаю, вы умны,
Вы не отринете моихъ совѣтовъ вѣрно;
Послѣдуйте же имъ; они мнѣ внушены
Къ вамъ дружбою нелицемѣрной.

Селимена.

Какъ васъ благодарить — я словъ не нахожу.
На васъ сердиться мнѣ? Помилуйте! за что же?
Напротивъ, вашу честь предохраняя тоже,
Я благодарность вамъ скорѣе докажу.

И такъ какъ, дружбу выражая,
Всѣ сплетни про меня вы сообщили мнѣ,
Я, вашей дружбѣ подражая,
Что говорятъ про васъ, вамъ сообщу вполнѣ.
Разъ, въ обществѣ людей достойныхъ всякой вѣры,
О добродѣтели судили цѣлый часъ,
И, кстати приводя различные примѣры,
Случайно вспомнили про васъ;
Но вашу набожность, и ревность, и смиренье,
Не похвалили, къ сожалѣнью.
Тамъ все, съ наружности обманчиво-святой
И до поступковъ, все по ниткѣ разобрали:
И ваши склонности къ морали,
Уроки мудрости сѣдой,
Смиренномудріе, довольное собой,
Всегда готовое двусмысленное слово,
Чтобъ злую распустить по свѣту клевету
На ненавистную вамъ юность, красоту;
Вашъ голосъ плавный и суровый
И выраженіе скорбящее очей,
Готовность поскорбѣть надъ суетой грѣховной
И тотчасъ же потомъ со злобой хладнокровной
Невинность очернить... до самыхъ мелочей.
Вашъ образъ жизни тамъ провѣрили разборомъ —
И осудили всѣ единодушнымъ хоромъ...
Зачѣмъ въ ней, говорятъ, наружно-скромный видъ,
Смиренье на лицѣ? Кого она морочитъ?
Поклоны жалобно творитъ,
А бьетъ своихъ людей и имъ платить не хочетъ;
Съ усердьемъ ревностнымъ слѣдитъ церковный чинъ,
А на лицѣ ея румяна и бѣлила;
Нагія статуи заботливо прикрыла,
А смотритъ нѣжно на мужчинъ...
Я защищала васъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Я говорила имъ, что это ничего...
Что значитъ голосъ одного?
И всѣ рѣшили въ заключенье,
Что вамъ заботы нѣтъ до постороннихъ дѣлъ,
Что вы свои дѣла должны вести умнѣе,
Что исправлять другихъ совсѣмъ не вашъ удѣлъ,

Что добродѣтельный примѣръ всегда вѣрнѣе,
Что люди строгіе ко всѣмъ,
Должны построже быть немного надъ собою,
А осуждать, учить — оставить должно тѣмъ,
Кому назначено судьбою.
Вы не разсердитесь, я знаю, вы умны,
Вы не отринете моихъ совѣтовъ, вѣрно;
Послѣдуйте же имъ; они мнѣ внушены
Къ вамъ дружбою нелицемѣрной.

Арсиноя.

Кто правду говоритъ, тотъ ко всему готовъ,
Но я.... я не ждала подобныхъ возраженій,
А вижу, между тѣмъ, изъ вашихъ ѣдкихъ словъ,
Что вы оскорблены моимъ расположеньемъ.

Селимена.

Напротивъ, было бы умно
Методу новую взаимныхъ осужденій
Вездѣ ввести въ употребленье;
Тогда исчезло бы давно
Людей надутыхъ ослѣпленье;
Мы не блуждали бъ какъ во снѣ....
Мнѣ это нравится; вамъ продолжать угодно?
Начнемъ разоблачать, по дружески, свободно,
Что замѣчаемъ мы: я въ васъ, а вы во мнѣ.

Арсиноя.

Я никогда чужихъ не разбираю строго
Грѣховъ и немощей: во мнѣ самой ихъ много.

Селимена.

Вѣдь можно все хвалить и порицать весь міръ,
Но свой чередъ всему — таковъ законъ природы.
Во всякомъ возрастѣ особенный кумиръ:
Есть годы для любви и для молитвы годы.
Быть строго набожной — расчетъ,
Подъ маской многое сойдетъ,
Не такъ замѣтятся морщинки....
Съ лѣтами все придетъ: мнѣ опротивитъ свѣтъ,
Я, можетъ быть, пойду по вашей же тропинкѣ,
Но развѣ можно быть ханжою въ двадцать лѣтъ?

Арсиноя.

Да, я старѣе васъ, а вы меня моложе!
Такъ только этимъ вы горды?
Ну да, я старше васъ — такъ что же?
Тутъ нѣтъ еще большой бѣды.
Не понимаю, какъ на этомъ основаньи,
Рѣшаться дерзости открыто говорить....

Селимена.

Я тоже не пойму усерднаго желанья
Вездѣ слѣдить за мной, вездѣ меня чернить.
Здѣсь вашей красотѣ никто не платитъ дани —
За что жъ сердиться на другихъ,
Внушающихъ огонь желаній?
Зачѣмъ же сваливать на нихъ
Свое безсилье? Мы невинны,
Мы не съумѣемъ вамъ помочь,
Когда безъ видимой причины
Отъ вашей красоты бѣгутъ мужчины прочь.

Арсиноя.

Я безъ поклонниковъ, по вашему, страдаю?
Вы полагаете, что я огорчена?...
О, нѣтъ, не думайте! Я знаю,
Какая нынче имъ цѣна.
Толпу поклонниковъ на свѣтѣ
Вы, только сердцемъ и умомъ,
Не соберете цѣлый домъ —
У нихъ другое на примѣтѣ.
Любовь невинная не можетъ ихъ занять,
Ихъ добродѣтели давно не ослѣпляютъ;
Свѣтъ трудно обмануть и намъ легко понять,
Какія женщины внушаютъ
Страсть непорочную и, чистыя душой,
Держать поклонниковъ способны въ отдаленьи,
Какія.... но теперь изъ сказаннаго мной
Не трудно вывесть заключенье:
Что сразу побѣдить нельзя мужскихъ сердецъ:
Къ сближенью поводы должны подать мы сами,
Глаза прекрасные не двигаютъ сердцами —
Купить ихъ должно, наконецъ.

А легонькихъ побѣдъ невыгодная слава,
По мнѣ, чѣмъ болѣе громка,
Тѣмъ менѣе даетъ намъ права
Глядѣть на ближнихъ свысока!
Мнѣ честью рисковать, конечно, безразсудно,
А доказать легко; тутъ нечего умѣть —
Имѣть любовниковъ не трудно,
А стоитъ только захотѣть!

Селимена.

Ну такъ имѣйте ихъ—мы запрещать не смѣемъ!
Вамъ стоитъ захотѣть? Вѣдь это такъ легко?
Вы...

Арсиноя.

Лучше замолчать обѣимъ,
Чтобъ не забраться далеко.
И я-бы васъ давно оставила въ покоѣ,
Но я кареты жду и не могу пѣшкомъ...

Селимена.

Такъ подождите здѣсь и не стѣсняйтесь мною;
Альцестъ, навѣрно вамъ знакомъ?...
Мнѣ нѣкогда теперь.... Вы, сколько вамъ угодно,
Остаться можете; Альцестъ сюда идетъ,
Поговорите съ нимъ свободно
И онъ навѣрно васъ займетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЬЦЕСТЪ, СЕЛИМЕНА, АРСИНОЯ.

Селимена.

Мнѣ должно написать письмо безъ замедленья;
Альцестъ, я отлучусь на нѣсколько минутъ,
Останьтесь съ этой дамой тутъ;
Она займетъ васъ, безъ сомнѣнья.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЬЦЕСТЪ, АРСИНОЯ.

Арсиноя.

Альцестъ, ей хочется, чтобъ я васъ заняла,
Пока мой человѣкъ не явится съ каретой.

Пріятнѣе бесѣды этой
Она мнѣ ничего доставить не могла.
Да, люди вашего ума и направленья
Насъ очаровываютъ вдругъ
Бесѣдой, полной увлеченья.
И близорукій дворъ не оцѣнилъ заслугъ!
По вашимъ качествамъ вамъ не назначилъ мѣста!
Вотъ справедливость гдѣ! Вѣдь взбѣситъ хоть кого —
Здѣсь награждаютъ всѣхъ, забывши про Альцеста!

Альцестъ.

Меня? Я, кажется, не сдѣлалъ ничего?
Услугъ отечеству я оказалъ немного,
Достоинствъ столько-же во мнѣ, какъ и въ другихъ,
Не смѣю сѣтовать...

Арсиноя.

А разбирая строго,
Достоинствъ много развѣ въ нихъ,
Вотъ въ тѣхъ, что при дворѣ имѣютъ вѣсъ огромный?
Все случай надобно-а вы, живете скромно
И ваши качества...

Альцестъ.

Оставьте ихъ при мнѣ!
Дворомъ доволенъ я вполнѣ...
Работы безъ меня довольно, слава Богу,
А чтобъ откапывать достоинства въ людяхъ
И имъ прокладывать дорогу —
Нѣтъ этого нигдѣ, ни при какихъ дворахъ!

Арсиноя.

Дорогу для себя найдутъ заслуги сами,
А въ двухъ знакомыхъ мнѣ домахъ
Особы важныя, съ заслугами, связями,
Васъ осыпали похвалами...

Альцестъ.

А что мнѣ въ этихъ похвалахъ?
Заслуги съ подлостью безсовѣстно мѣшая,
Всѣхъ нынче хвалитъ модный свѣтъ...
Да честь то въ этомъ небольшая,
Затѣмъ, что истины тутъ нѣтъ;
Всѣ этѣ похвалы весьма подешевѣли,

За деньги расхваленъ въ газетахъ мой лакей,
Такъ какъ же я могу?...

Арсиноя.

Вы! еслибъ захотѣли
Прибѣгнуть къ помощи друзей,
Вы все бы при дворѣ имѣли,
Какой угодно постъ. Скажите слово мнѣ
И мы вамъ преданность докажемъ:
Гдѣ слѣдуетъ, шепнемъ два слова въ сторонѣ,
Гдѣ слѣдуетъ, колеса смажемъ
И къ славѣ при дворѣ откроемъ вѣрный путь.

Альцестъ.

А что мнѣ дѣлать тамъ? Тамъ мнѣ и воздухъ вреденъ!
Я созданъ такъ, что мнѣ трудненько спину гнуть,
Я добродѣтелями бѣденъ,
Какими при дворѣ стараются блеснуть.
Во мнѣ одинъ талантъ: всегда быть правдѣ вѣрнымъ.
А тотъ, кого душѣ покорствуетъ языкъ,
Кто правду говорить привыкъ —
Всегда придворнымъ будетъ сквернымъ
Не получить нигдѣ, конечно, внѣ двора
Ни громкихъ титуловъ, ни важнаго значенья,
Ни вѣса въ обществѣ, но эта мишура
Тамъ покупается цѣной порабощенья.
Я только внѣ двора могу свободнымъ быть,
Не жертвуя собой для глупаго каприза
Стиховъ нелѣпыхъ не хвалить,
Не говорить про умъ такого-то маркиза
Про красоту такихъ-то дамъ...

Арсиноя.

Ну, если неугодно вамъ,
Довольно... но меня другое безпокоитъ:
Мнѣ ваше сердце жаль, оно въ любви изноетъ....
Я откровенно вамъ скажу:
Другую полюбить я вамъ всегда желала,
А эту женщину, что васъ очаровала,
Васъ недостойной нахожу.

Альцестъ.

Но вспомните, что вы считаетесь друзьями,
А этотъ разговоръ на дружбу не похожъ.

Арсиноя.

А знаете-ли вы, мнѣ это — острый ножъ,
Когда я вижу, какъ она играетъ вами,
Мнѣ жаль смотрѣть на васъ, болитъ душа моя,
Вы здѣсь обмануты—я слово дать готова.

Альцестъ.

Все это можетъ быть, но только это слово,
Какъ для влюбленнаго, не нужно для меня.

Арсиноя.

Но вы обмануты, она васъ недостойна!
Вы любите ее тревожно, безпокойно—
Она, притворщица, васъ любитъ на словахъ.

Альцестъ.

Все это можетъ быть—нельзя читать въ сердцахъ;
Но ваша доброта могла бы подозрѣній
Не возбуждать во мнѣ—ихъ слушать тяжело.

Арсиноя.

Вы не желаете оставить заблужденій?
Извольте—я молчу, когда на то пошло.

Альцестъ.

Въ подобныхъ случаяхъ я на слово не вѣрю.
Сомнѣнье тяжело. Мнѣ должно доказать.
Скажите прямо мнѣ — я истину измѣрю,
Готовый вѣрить и страдать.

Арсиноя.

Хотите?... хорошо! Вы вздумали прекрасно;
Подайте руку мнѣ и все вамъ будетъ ясно.
Поѣдемте ко мнѣ, а тамъ
Докажемъ ясно вамъ кокетство и измѣну
И, если можете забыть про Селимену,
Найдется, можетъ быть, и утѣшенье вамъ.

(*уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эліанта, Филинтъ.

Филинтъ.

Подобной стойкости примѣровъ очень мало;

Ихъ примирили тамъ съ огромнѣйшимъ трудомъ.
Онъ убѣжденьями осыпанъ былъ кругомъ—
Его ничто не убѣждало;
Онъ все свое твердилъ, и эти господа
Не знали даже какъ покончить между ними.
Онъ говорилъ одно: «сужденьями своими
Играть не стану никогда,
И согласясь на все — не соглашусь на это!»
Чѣмъ онъ обидѣлся? Что хочетъ онъ сказать?
Что можетъ у него отнять
Мое сужденіе передъ глазами свѣта?
Страдаетъ честь его отъ этихъ пустяковъ?
Должно же быть ему извѣстнымъ,
Что въ свѣтѣ можно быть и человѣкомъ честнымъ,
И авторомъ плохихъ стиховъ.
Я всѣ достоинства въ немъ признаю безспорно:
Онъ свѣтскій человѣкъ, наѣздникъ онъ лихой,
Чувствителенъ, уменъ, прекраснѣйшій придворный,
Все что угодно вамъ — да авторъ-то плохой.
Я все въ немъ похвалю: прекрасно онъ фехтуетъ
Прекрасно ѣздитъ онъ верхомъ,
Живетъ какъ сибаритъ, весьма легко танцуетъ,
Да не владѣетъ языкомъ.
Я говорилъ ему безъ всякой непріязни,
Что авторамъ плохимъ одуматься пора
И брать не слѣдуетъ пера
Подъ опасеньемъ смертной казни!»
И наконецъ, ужъ какъ-то онъ
Усилье страшное свершивши надъ собою,
Смягчить желая рѣзкій тонъ,
Окончилъ фразой вотъ какою:
«Оронтъ, мнѣ очень жаль, что вы плохой поэтъ,
Я очень васъ люблю и потому подавно
Желаю сочинить хорошій вамъ сонетъ».
Потомъ обняться ихъ заставилъ весь совѣтъ
И дѣло кончилось забавно.

Эліанта.

Да, странностей его нельзя и перечесть,
Но эти странности особеннаго рода:
Въ нихъ героизмъ какой-то есть

И благородная свобода.
Пожалуй, онъ чудакъ, но въ настоящій вѣкъ,
Подобныхъ чудаковъ побольше я желаю.

Филинтъ.

Я вотъ чего не понимаю:
Какъ можетъ этотъ человѣкъ
Подобной страстью быть взволнованъ?
Съ такимъ характеромъ, съ натурою его,
Какъ можетъ онъ любить? И, что страннѣй всего,
Онъ Селименой очарованъ!

Эліанта.

Какъ видите, любовь рождается порой
Безъ сходства образа мыслей и убѣжденій,
И вотъ примѣръ любви, разрушившій собой
Всѣ этѣ зданія сочувствій и влеченій!

Филинтъ.

Но какъ вамъ кажется, она не влюблена?
Какъ вы замѣтили?

Эліанта.

Задача мудрена!
Я не берусь рѣшить, отъ всей души желая;
Она самой себѣ отчета не даетъ,
И любитъ иногда, сама того не зная,
И думаетъ любить — а холодна какъ ледъ.

Филинтъ.

Да, много горя здѣсь мой бѣдный другъ найдетъ,
Не видя бездны подъ собою.
Будь сердце у него мое — ручаюсь вамъ—
Оно плѣнилось-бы другою,
Служило-бы другимъ очамъ
И преклонилось-бы предъ вашей красотою.

Эліанта.

А я, я не терплю уловокъ и затѣй,
И искренность въ любви за долгъ всегда считаю.
Кузину любитъ онъ—я не ревную къ ней,
Но въ ней участье принимаю.
И еслибъ я могла, я тотчасъ — видитъ Богъ —
Сама бы ихъ соединила.
Но, если никогда кузина не любила
И еслибъ, наконецъ, ее забыть онъ могъ,

Разочарованный кокетствомъ и измѣной—
Его бы полюбила я,
Всѣ оскорбленья Селимены
Не оттолкнули бы меня!

Филинтъ.

Не осуждаю васъ за ваше снисхожденье,
За вашу доброту къ нему;
И онъ вамъ скажетъ самъ, въ минуту увлеченья,
Что я объ васъ твержу ему.
Но если узы Гименея
Его съ другой соединятъ,
Остановите, не краснѣя,
На мнѣ сочувствующій взглядъ.
Я буду счастливъ безконечно,
Тѣмъ, что онъ васъ не оцѣнилъ....

Эліанта.

Вы шутите, Филинтъ...

Филинтъ.

Нѣтъ, такъ чистосердечно
Я никогда не говорилъ.
Я небеса молю приблизить то мгновенье,
Когда открою вамъ, все что отъ васъ скрывалъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, АЛЬЦЕСТЪ.

Альцестъ.

Нѣтъ силъ перенести такое оскорбленье!
И страсть упорная убита на повалъ.

Филинтъ.

Вы такъ взволнованы, что съ вами?...

Альцестъ.

Я не знаю,
Какъ я остался живъ,... но еслибъ на меня
Земля обрушилась,... но.... я не понимаю,
Что я хочу сказать!... о какъ страдаю я!
Любовь.... моя любовь.... нѣтъ словъ для выраженья!

Эліанта.

Да успокойтесь же Альцестъ...,

Альцестъ.

О, Боже мой!
И какъ соединить съ такою красотой
Душъ самыхъ низкихъ преступленья!

Филинтъ.

Да что же сдѣлалось?...

Альцестъ.

Все въ мірѣ потерять!
Я опозоренъ.... я.... убитъ такой измѣной!...
Шутить душой моей и чувствами играть!
Быть такъ обманутымъ!... И кѣмъ же? Селименой!

Эліанта.

Но вы увѣрены?...

Филинтъ.

Вашъ разумъ омраченъ,
А вы же мнительны, признайтесь,
Какой нибудь предлогъ...

Альцестъ (*Филинту*).

Въ свои дѣла мѣшайтесь!
(*Эліантѣ*) А я... къ несчастію, я слишкомъ убѣжденъ.
Ея руки письмо лежитъ въ моемъ карманѣ,
Мой стыдъ, ея позоръ! И что же? Какъ на смѣхъ,
Участникомъ въ ея обманѣ —
Оронтъ! А я его боялся меньше всѣхъ!

Филинтъ.

Смыслъ этого письма васъ вводитъ въ заблужденье
И можетъ быть, она невинна...

Альцестъ.

Я опять
Покорнѣйше прошу меня не утѣшать,
И для себя беречь такія разсужденья!

Эліанта.

Умѣрьте же вашъ гнѣвъ, не нанося обидъ.

Альцестъ.

Вамъ этотъ подвигъ предстоитъ!
Избавьте же меня отъ жгучаго страданья:
Я умоляю васъ невѣрной отомстить,
Клеймящей жаръ души преступнымъ поруганьемъ,

Готовой каждый часъ постыдно измѣнить!
Васъ эта чернота приводитъ въ содроганье?
Отмстите за меня... Вамъ это такъ легко!

Эліанта.

Но какъ отмстить за васъ?

Альцестъ.

Принявши эту руку.

Я, оскорбленный глубоко,
Невѣрной отомщу, забуду злую муку,
Изъ сердца вырву прочь коварныя черты,
Вамъ посвящу свои мечты,
Всю жизнь свою, свои стремленья,
Благоговѣйную любовь,
И счастье — все принесть готовъ,
Все—въ жертву вамъ, все—ей въ отмщенье!

Эліанта.

Я вамъ сочувствую душевно, какъ всегда,
И согласилась бы на жертву всей душою;
Но можетъ быть еще не такъ страшна бѣда
И жажда мщенія пройдетъ сама собою.
О, сколько-бъ не было обидъ
Нанесено предметомъ милымъ—
Въ насъ сердце мщеніемъ горитъ,
А отомстить ему нѣтъ силы.
Мы въ справедливости своей убѣждены,
А сердце между тѣмъ простить всегда готово —
И, забывая все, влюбляемся мы снова;
А что такое гнѣвъ, когда мы влюблены?

Альцестъ.

Нѣтъ, слишкомъ тяжело такое оскорбленье!
Одинъ исходъ—разстаться на всегда.
И если я ее прощу, къ себѣ тогда
Я потеряю уваженье!

(*входитъ Селимена*)

Она!... Досада, гнѣвъ владѣютъ снова мной,
Иду сразить ее упрекомъ безъ пощады,
А тамъ, свободною душой
У вашихъ ногъ искать отрады!...

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЬЦЕСТЪ, СЕЛИМЕНА.

Альцестъ (*въ сторону*).

Но... гдѣ мнѣ силы взять, чтобы владѣть собой!

Селимена.

Что съ вами? Вы мрачны, какъ туча громовая.
Что значитъ этотъ грозный видъ
И злоба взглядовъ огневая?

Альцестъ.

Что самъ Порокъ не совершитъ,
Что вы со мною совершили;
Что въ гнѣвѣ небеса, судьба и цѣлый адъ
Подобной злобы не творили
И никогда не сотворятъ!

Селимена.

О, сколько нѣжностей вы мнѣ наговорили!

Альцестъ.

О нѣтъ, не смѣйтесь, нѣтъ! Краснѣйте отъ стыда!
Есть доказательства позора!
Вотъ отчего я былъ взволнованнымъ всегда,
Вотъ почему искалъ прямаго разговора!
Я васъ всегда подозрѣвалъ;
Вы бдительность мою за ревность принимали,
Ее жестокой называли—
А я несчастья ожидалъ!
Какъ не хитрили вы и ловко и искусно,
Во мнѣ моя звѣзда вселяла тайный страхъ,
И вотъ обманутъ я!... Но вы въ моихъ глазахъ
Прочтете месть измѣнѣ гнусной!
Я знаю: силы нѣтъ, чтобъ возбудить любовь;
Она рождается свободно, безъ сознанья,
Она не слушается словъ,
Она не внемлетъ приказаньямъ.
Побѣду надъ собой даетъ душа сама—
И, еслибъ вы меня не обольщали словомъ,
Слова моей любви отринувши сурово,
Во мнѣ хватило-бы ума,
Не сѣтуя на васъ, склониться предъ судьбою;
Но поощрять меня надеждою пустою—

Коварно, низко! Казни нѣтъ
Такимъ жестокимъ преступленьямъ!
И вы дадите мнѣ отвѣтъ,
Отвѣтъ въ жестокомъ оскорбленьи!
Страшитесь за себя! Я страшенъ, я взбѣшенъ,
Вы на смерть нанесли мнѣ рану,
Я слушать разума не стану...
Я пылкимъ гнѣвомъ увлеченъ—
И за себя не отвѣчаю!...

Селимена.

И слушаю—не понимаю!
Въ своемъ-ли вы умѣ?...

Альцестъ.

Нѣтъ, я его лишенъ!
Лишенъ съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ взорѣ
Нашелъ себѣ смертельный ядъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ, предвѣщая горе,
Сулилъ мнѣ счастье этотъ взглядъ.

Селимена.

Но кто вамъ измѣнилъ? Какое основанье?

Альцестъ.

О двойственность души, притворства рѣдкій даръ!
Но не найти вамъ оправданья! *(показываетъ письмо)*
Взгляните: ваше ли любовное посланье?
Вашъ почеркъ? вашъ преступный жаръ?
Въ письмѣ доказана коварная измѣна
И не солгать вамъ ничего!

Селимена.

Итакъ, по поводу письма вся эта сцена?

Альцестъ.

И не краснѣя, вы глядите на него?

Селимена.

А почему краснѣть?

Альцестъ.

Вамъ и притворства мало?
Вамъ наглости не доставало!
Вы можете сказать: написано не мной!
Оно безъ подписи—чегожъ вамъ? Отопритесь.

Селимена.

Зачѣмъ? оно моей написано рукой.

Альцестъ.

Вы это видите и, видя, не стыдитесь!
Въ немъ слово каждое изобличаетъ васъ!

Селимена.

Какой вы взбалмошный, Альцестъ, скажу вамъ прямо.

Альцестъ.

Какъ?... Все, что я прочелъ сейчасъ,
Вы отвергаете упрямо?
Вы пишите письмо Оронту своему—
И я не оскорбленъ!... И вамъ стыда нѣтъ въ этомъ?

Селимена.

Оронтъ? Кто вамъ сказалъ, что писано къ нему?

Альцестъ.

Кто озарилъ мнѣ душу свѣтомъ,
Вручивши мнѣ письмо? Ну, не къ нему оно;
Оно написано къ другому—
Да сердцу-то не все ль равно?
Преступны меньше-ль вы?

Селимена.

Что спорить по пустому:
Я къ женщинѣ писала—да.
Вамъ оскорбленья нѣтъ и вы меня напрасно...

Альцестъ.

Уловка тонкая и оборотъ прекрасный,
Да только этого не ждалъ я никогда!
Такъ я и убѣжденъ. Нѣтъ, я бы не рѣшился
Къ такимъ уловкамъ прибѣгать!
Что я совсѣмъ ума лишился,
Вы мнѣ рѣшились доказать.
Обманъ и хитрость въ вашей власти;
Вы ухитритесь объяснять,
Что можно къ женщинѣ писать
Письмо исполненное страсти.
Что будетъ далѣе—посмотримъ. Я молчу,
Вы объясните мнѣ все это.

Селимена.

Не хочу.
Вы мнѣ смѣшны, въ пылу нелѣпыхъ подозрѣній,
Мнѣ гибель дерзостей въ лицо наговоря...

Альцестъ.

Но объясните мнѣ, безъ злобы на меня,
Всю нѣжность этихъ выраженій.

Селимена.

Нѣтъ, я не объясню за этотъ рѣзкій тонъ,
Чтобъ вы не думали—заботы мнѣ не много.

Альцестъ.

Но объясните, ради Бога—
И я..... я буду убѣжденъ,
Что можно къ женщинѣ писать подобнымъ слогомъ.

Селимена.

Зачѣмъ? Къ Оронту я писала, и давно
Онъ мною отличенъ средь молодежи модной;
Что въ немъ—то мило мнѣ, что скажетъ онъ—умно;
Теперь я соглашусь на все, что вамъ угодно.
Я все сказала вамъ; рѣшайтесь же скорѣй,
А то ужъ голова болитъ отъ объясненья...

Альцестъ. (*въ сторону*)

О, можноль что нибудь еще придумать злѣй,
И съ сердцемъ честно-ли такое обхожденье!
Я въ гнѣвѣ праведномъ, я страшно оскорбленъ,
Я долженъ обвинять—и я же обвиненъ!
Еще хотятъ во мнѣ усилить подозрѣнья,
Жалѣютъ пары словъ, чтобъ ослѣпить меня,
Хотятъ, чтобъ вѣрилъ я.... И чтожь? Такъ низокъ я
И сердце такъ во мнѣ сроднилось съ униженьемъ,
Что силъ въ немъ нѣтъ сломить оковъ,
И силъ нѣтъ замѣнить презрѣньемъ
Свою безумную любовь!

(*въ слухъ*)

О, какъ искусно вы играете со мною
Бездушной слабостью моей!
Какъ пользуетесь вы своею красотою
И адской силою предательскихъ очей!

Да сбросьте же съ меня всю тягость подозрѣнья...
Зачѣмъ преступною прикидываться вамъ?
Скажите, что въ письмѣ невинны выраженья...
Вамъ даже руку я протягиваю самъ:
Вы—постарайтесь быть невинной, хоть для виду...
Я—постараюсь васъ невинною признать.

Селимена.

Чтобъ снова ревностью нелѣпою терзать?
Придумать новую обиду?
Чтобъ унижалась я!... Подите, вы глупецъ,
Любви вы недостойны сами.
Кто мнѣ прикажетъ, наконецъ,
Такъ притворяться передъ вами?
Зачѣмъ я буду лгать? Понравься мнѣ другой,
Я объявила бы открыто;
Я такъ довѣрчива, и что же? Боже мой!
Признанье въ страсти роковой
Не послужило мнѣ защитой!
Предъ доказательствомъ такимъ
Имѣютъ силу подозрѣнья...
Ихъ не отбросили, напротивъ, внемлютъ имъ
И мнѣ наносятъ оскорбленья!
Я не досадую—нѣтъ! Я оскорблена,
Но вы не стоите досады—вы мнѣ гадки!
По настоящему—я оправдать должна
Нелѣпой ревности догадки.
Я васъ люблю еще... я слишкомъ къ вамъ добра,
Но... мнѣ одуматься пора,
Пора вамъ измѣнить, чтобъ вы остались правы!...

Альцестъ.

Не знаю вѣрить ли! О, какъ сильна любовь!
Вы рѣчью полною утонченной отравы
Меня опутали—и вѣрить я готовъ!
Я приготовился, своей судьбѣ послушный,
До дна всю чашу осушить,
Чтобъ видѣть, такъ-ли вы бездушны,
Что мнѣ рѣшитесь измѣнить.

Селимена.

Нѣтъ, вы не любите, какъ слѣдуетъ любить.

Альцестъ.

Но ктожъ полюбитъ васъ такъ горячо и страстно,
Какъ я васъ полюбилъ, на перекоръ уму?
О, я желалъ бы, чтобъ прекрасной
Вы не казались ни кому;
Чтобъ вы въ страданьяхъ огрубѣли,
Родившись въ низменномъ быту,
Чтобъ встрѣтили у колыбели
Въ лохмотьяхъ грязныхъ нищету;
Чтобъ вы не знали обаянья
Священныхъ словъ: отецъ и мать
Чтобъ все потомъ, какъ подаянье,
Изъ рукъ любви моей принять,
Чтобъ я, въ пылу любви счастливой,
Все подарилъ вамъ, чтобъ я могъ
Все положить у вашихъ ногъ,
На зло судьбѣ несправедливой!...

Селимена.

Какъ вы добры! Избави Богъ
Отъ жертвъ любви такой ревнивой!
Вотъ вашъ лакей идетъ... но что съ нимъ? вотъ чудакъ!
Какъ дико смотритъ онъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ДЮБУА.

Альцестъ.

Что сдѣлалось съ тобой?

Дюбуа.

Ахъ, сударь!

Альцестъ.

Говори!

Дюбуа.

Ахъ!...

Альцестъ.

Ну...

Дюбуа.

Нельзя ни какъ.

Альцестъ.

Да что же сдѣлалось?

Дюбуа.

Бѣда вслѣдъ за бѣдою!...

Альцестъ.

Что?

Дюбуа.

Можно вслухъ сказать?

Альцестъ.

Да говори живѣй.

Дюбуа *(озираясь)*.

А нѣтъ ли тамъ кого?

Альцестъ.

Да что за проволочки!
Ты будешь говорить?

Дюбуа.

Уѣдемте скорѣй!

Альцестъ.

Какъ?

Дюбуа.

Такъ, уѣдемте сейчасъ же безъ отсрочки.

Альцестъ.

Зачѣмъ?

Дюбуа.

Да ужъ затѣмъ, что ѣхать намъ пора.

Альцестъ.

Да ѣхать же зачѣмъ?

Дюбуа.

Затѣмъ, что ѣхать надо!

Альцестъ.

Тьфу, чортъ тебя возьми! меня беретъ досада!
Какъ ѣхать?

Дюбуа.

Вещи взять и прямо со двора.

Альцестъ.

Да говори, бездѣльникъ, толкомъ,
Иначе я съ тобой не объяснюсь во вѣкъ.

Дюбуа.

Ну вотъ: на кухнѣ былъ какой-то человѣкъ,

Разбойникъ въ черномъ весь, а смотритъ сѣрымъ волкомъ.
Принесъ бумагу онъ — да эдакихъ крючковъ
Самъ чортъ не разберетъ, ей Богу!
Я тотчасъ же смекнулъ и присягнуть готовъ,
Что это вашъ процессъ, да въ ней крючковъ такъ много,
Что хуже чорта будь — и то не разберешь!

Альцестъ.

Бумага и отъѣздъ поспѣшный! что ты врешь?
Да что же общаго, бездѣльникъ, между ними?

Дюбуа.

А вотъ, какъ этотъ-то ушелъ, такъ черезъ часъ,
Вотъ тотъ, что ходитъ къ вамъ такъ часто, какъ бишь имя?...
Ну этотъ вотъ, вашъ другъ, пришелъ провѣдать васъ
И приказалъ сказать, мое усердье зная,
Чтобъ вы... ну, какъ его зовутъ!...
Вотъ такъ и вертится, а все не вспоминаю!...

Альцестъ.

Да чортъ ли въ имени, что говорилъ онъ тутъ?

Дюбуа.

Ну словомъ: онъ вашъ другъ! вотъ памяти не стало!
Такъ онъ мнѣ и сказалъ, что вамъ грозитъ бѣда,
Что ѣхать надобно, а то еще пожалуй,
Засадятъ, Богъ знаетъ куда.
Вотъ я и говорю: поѣдемте скорѣе!

Альцестъ.

Да въ чемъ же дѣло-то? Онъ вѣрно объяснилъ?...

Дюбуа.

Нѣтъ! онъ спросилъ потомъ бумаги и чернилъ
И что то написалъ... да вотъ, всего вѣрнѣе,
Постойте: я вотъ вамъ записочку отдамъ.

Селимена.

Чтобъ это значило?

Альцестъ.

Не понимаю самъ!
Въ запискѣ, вѣрно, объясненье...
Поймите что нибудь при эдакомъ ослѣ!
Подай записку мнѣ! я выйду изъ терпѣнья.

Дюбуа (*долго роется въ карманахъ*).

Записку? такъ и есть — оставилъ на столѣ.

Альцестъ (*въ гнѣвѣ*).

Ну что тутъ дѣлать мнѣ?!

Селимена.

Чтобы узнать въ чемъ дѣло,
Напрасно не сердясь, сейчасъ идти домой,

Альцестъ.

Да, кажется, судьба сегодня захотѣла
Подобно вамъ, играть со мной!
Вамъ время не даетъ она для оправданья,
Намъ должно говорить — а тутъ, какъ на бѣду,
И говорить нельзя! что жь дѣлать! до свиданья;
Попозже вечеромъ я къ вамъ опять зайду.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Альцестъ, Филинтъ.

Альцестъ.

Нѣтъ, повторяю вамъ, я твердъ въ своемъ рѣшеньи.

Филинтъ

Но виноватъ одинъ — за что же всѣхъ винить?

Альцестъ.

Вы мастеръ разсуждать, но ваши разсужденья
Моихъ намѣреній не могутъ измѣнить.
Въ нашъ вѣкъ извращены понятія и нравы,
И я хочу бѣжать сообщества людей.
Какъ? противъ правоты моей
Все вмѣстѣ: истинное право,
Законъ и приговоръ судей;
Я справедливаго рѣшенья ожидаю,
Вооружаетъ всѣхъ предательство и ложь. —
Все за меня стоитъ, и чтожъ?
Со мною истина—и я процессъ теряю!
Надъ справедливымъ верьхъ извѣстный плутъ беретъ

И, чорное какъ ночь, выигрываетъ дѣло;
Предъ ложью истина оружіе кладетъ...
Меня разбойникъ грабитъ смѣло
И грабежу даютъ благообразный видъ.
Гримасы гнусныя къ нему внушаютъ вѣру
И, превзойдя злодѣйства мѣру,
Еще меня же онъ чернитъ!
Злодѣйство увѣнчавъ законнымъ приговоромъ
Бездѣльникъ недоволенъ; нѣтъ,
Онъ хочетъ моего позора!
Ходящій по рукамъ безнравственный памфлетъ,
Памфлетъ, строжайшаго достойный осужденья,
Читать который—преступленье,
Въ безстыдной наглости приписываютъ мнѣ.
Оронтъ содѣйствуетъ его продѣлкѣ гнусной
И имя автора старается искусно
За мною утвердить вполнѣ.
А честнымъ именемъ онъ пользуется въ свѣтѣ!
Ему дурнаго я не сдѣлалъ ничего
И злобу вызвалъ оттого,
Что смысла не нашелъ въ сонетѣ,
А онъ же самъ сказалъ, что презираетъ лесть!
Я мнѣнье высказалъ, не измѣняя чести,
И вотъ мы съ нимъ враги! И онъ съ мерзавцемъ вмѣстѣ
Безбожной выдумкой мою мараетъ честь!
И мнѣ ужъ никогда не заслужить прощенья
За то, что плохъ сонетъ.... Вотъ люди каковы!
Вотъ справедливость, честь, вотъ къ истинѣ стремленье,
Вотъ добродѣтельное рвенье,
Вотъ все, къ чему способны вы!
Другъ другу, каждый часъ погибель вы куете—
И, молча, все сносить? О, нѣтъ, бѣжать скорѣй!
Людьми зоветесь вы, какъ звѣри вы живете,
Ужъ лучше прямо въ лѣсъ и жить среди звѣрей!

Филинтъ.

Какъ горячитесь вы! Я вижу, васъ тревожитъ
Преувеличенное зло,
Но увѣряю васъ, когда на то пошло,
Вамъ это повредить не можетъ.

Доносъ предательскій ему-же повредитъ —
Законъ преслѣдуетъ такія донесенья....

Альцестъ

Къ несчастію, его законъ не устрашитъ:
Онъ негодяемъ быть имѣетъ разрѣшенье.
Вы думаете, онъ потерпитъ за доносъ?
Напротивъ: завтра же дадутъ ему награду...

Филинтъ.

Во всякомъ случаѣ, вамъ согласиться надо,
Что общество ему не слишкомъ поддалось;
А чтобы дѣло не пропало,
Вамъ слѣдуетъ опять идти на перекоръ,
Подать прошенье....

Альцестъ.

Нѣтъ, во что-бы то ни стало,
Пускай свершится приговоръ!
Пускай онъ перейдетъ къ потомкамъ
Въ залогъ продажности людей,
Какъ голосъ, вопіющій громко,
О заблужденьяхъ нашихъ дней!
Я двадцать тысячь потеряю,
Я нищимъ сдѣлаюсь, но этою цѣной
Себѣ я право покупаю
Возненавидѣть родъ людской!

Филинтъ.

Но я вамъ говорю...

Альцестъ

Напрасно говорите!
Что вы мнѣ скажете? Рѣшитесь, безъ стыда,
Вы зло оправдывать? Но... вы не примирите
Меня съ неправдой никогда!

Филинтъ.

Нѣтъ, я не стану васъ разувѣрять напрасно
И соглашусь на все, въ чемъ вы убѣждены:
Корысть господствуетъ на свѣтѣ самовластно
И люди иначе должны быть созданы.
Всему одинъ рычагъ — нашъ эгоизмъ лукавый.
Мы гибнемъ жертвами страстей;

Но это не даетъ вамъ права
Бѣжать сообщества людей.
Напротивъ: страсти и пороки
Даютъ пытливому уму
Высокой мудрости уроки.
И еслибъ зла никто не дѣлалъ ни кому,
Всѣ были-бъ искренны, добры и откровенны —
Такъ добродѣтелей не надобно совсѣмъ:
Вся добродѣтель въ томъ, чтобъ зло сносить смиренно,
Не падая ни передъ чѣмъ.

Альцестъ.

Вы разсуждаете, я знаю, превосходно;
Но время и слова теряете безплодно.
Разсудокъ мнѣ твердитъ, что слѣдуетъ бѣжать:
Здѣсь каждый день меня ждутъ новыя напасти,
Надъ увлеченьями я не имѣю власти,
Мнѣ языка не удержать
И за свои слова я самъ не отвѣчаю...
Я каждый часъ готовъ на новую борьбу.
Оставьте же меня. Рѣшить мою судьбу
Я Селимену ожидаю.
Я долженъ наконецъ узнать
Любила ли она...

Филинтъ.

Ее, до возвращенья,
Пойдемте къ Эліантѣ ждать.

Альцестъ.

Нѣтъ, вы ступайте къ ней, а я... я весь въ волненьи...
Останусь здѣсь въ углу; здѣсь кстати такъ темно...
А на душѣ моей такъ мрачно... столько горя...

Филинтъ.

Я оставляю васъ, не споря,
Хоть это общество немного и смѣшно.

(Филинтъ уходитъ, Альцестъ садится въ глубинѣ сцены).

ЯВЛЕНІЕ II.

СЕЛИМЕНА, ОРОНТЪ, АЛЬЦЕСТЪ *(въ глубинѣ).*

Оронтъ *(Селименѣ).*

Да, вы должны рѣшить, теперь за вами дѣло

Хотите ли вполнѣ принять мою любовь?
Хотите—говорите смѣло,
Нѣтъ—я откланяться готовъ.
И если страсть моя вселяла въ васъ участье
И если страсть зажечь я въ вашемъ сердце могъ,
Извольте говорить; я требую въ залогъ
Свидѣтельство взаимной страсти.
Альцеста вы должны вполнѣ забыть теперь;
Хочу, чтобъ въ жертву мнѣ онъ принесенъ былъ вами
И, чтобы для него закрылась ваша дверь.

Селимена.

Но... я... удивлена подобными словами...
Всегда, мнѣ помнится, его
Вы осыпали похвалами...

Оронтъ.

Вы удивляетесь—но мнѣ не до того!
Я здѣсь за тѣмъ, чтобъ вы сказали откровенно,
Кого вы любите, кто вами предпочтенъ...
Вашъ выборъ все рѣшитъ.

Альцестъ (*выходя*).

Да, выборъ непремѣнно!
Вамъ правду говорятъ. Я тоже увлеченъ
И тоже требую прямаго объясненья,
Надежный знакъ любви я требую отъ васъ.
Довольно я терпѣлъ, но лопнуло терпѣнье:
Извольте выбирать—и выбирать сейчасъ...

Оронтъ (*Альцесту*).

Когда здѣсь любятъ васъ, пусть любятъ на здоровье!
Моя докучливость не помѣшаетъ вамъ.

Альцестъ.

Я тоже не хочу любовью
Дѣлиться съ вами пополамъ.

Оронтъ.

И если вашу страсть предпочитаютъ явно...

Альцестъ.

И если *васъ* она способна полюбить...

Оронтъ.

Клянусь не докучать.

Альцестъ.

А я клянусь подавно
Вѣкъ не видать ее и навсегда забыть!

Оронтъ (*Селименѣ*).

Моимъ присутствіемъ нисколько не стѣсняйтесь...

Альцестъ (*тоже*).

Скажите прямо мнѣ, нисколько не страшась.

Оронтъ.

Къ кому васъ страсть влечетъ, довѣрчиво признайтесь.

Альцестъ.

Кого вы любите изъ насъ?

Оронтъ.

Какъ? этотъ выборъ васъ приводитъ въ затрудненье?

Альцестъ.

И вы колеблетесь? Вашъ выборъ не рѣшенъ?

Селимена.

Нѣтъ, онъ давно рѣшенъ, но это объясненье,
Упрямство дѣтское и этотъ рѣзкій тонъ
Здѣсь неумѣстны... Я, повѣрьте, очень скоро
Могла бы одного отвергнуть изъ двоихъ;
Но грустныя слова такого приговора
Не говорятся при другихъ.
Любовь и такъ видна, и я всегда готова
Признанье высказать, но безъ обидныхъ словъ;
Мнѣ не хотѣлось бы отвергнуть такъ сурово
Нераздѣленную любовь.

Оронтъ.

Нѣтъ, не стѣсняйтесь такъ, во мнѣ одно желанье
Услышать приговоръ. Я вовсе не изъ тѣхъ,
Которыхъ устрашитъ подобное признанье.

Альцестъ.

А я, я требую—и именно при всѣхъ,
Чтобъ вы торжественно назвали,
Кого вы любите! Разсѣйте ложный страхъ,
Довольно вы лавировали,
Довольно я блуждалъ въ потьмахъ...
Всѣхъ удержать нельзя—а вы, для развлеченья,

Нѣжны со всѣми глазъ на глазъ...
Я требую отъ васъ прямаго объясненья,
За приговоръ приму отказъ.
Молчанье ваше утверждаетъ
Все, что я думаю объ васъ...

Оронтъ.

Онъ справедливо разсуждаетъ:
Я тоже говорилъ сейчасъ.

Селимена.

Вы оба, господа, мнѣ страшно надоѣли,
Въ желаньяхъ вашихъ смысла нѣтъ.
Я вамъ сказала свой отвѣтъ...
Пусть Эліанта въ этомъ дѣлѣ
Рѣшитъ права ли я?.. вотъ кстати и она.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ЭЛІАНТА.

Селимена.

Скажи, пожалуста, кузина...
Я объясниться здѣсь должна;
Меня преслѣдуютъ, хотятъ весьма наивно,
Чтобъ я сказала имъ, кого изъ нихъ люблю,
Сказала при другомъ—но развѣ можно это?

Эліанта.

Напрасно отъ меня хотите вы совѣта—
Я вамъ едва-ли пособлю.
Открыто сказанныя мнѣнья
Меня къ сочувствію влекутъ.

Оронтъ (*Селименѣ*)

Напрасные труды, плохія ухищренья!

Альцестъ (*тоже*).

Уловки хитрыя поддержки не найдутъ!

Оронтъ (*тоже*).

Вамъ только ротъ раскрыть—мы ко всему готовы.

Альцестъ.

Нѣтъ, только продолжать молчаніе хранить.

Оронтъ.

Чтобъ истину узнать—съ меня довольно слова.

Альцестъ.

А я молчаніе съумѣю объяснить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КЛИТАНДРЪ, АКАСТЪ, АРСИНОЯ.

Клитандръ (*Селименъ*).

Прошу насъ извинить, мы съ вами захотѣли
Кой-что скорѣе разъяснить...
(*Оронту и Альцесту*).
Вы можете при этомъ быть:
И вы замѣшаны немного въ этомъ дѣлѣ.

Арсиноя.

Вамъ страненъ мой визитъ? Но... онъ необходимъ:
(*Показываетъ на Клитандра и Акаста*).
Они сказали мнѣ про васъ такое диво,
Что я... о, Боже справедливый!
Ушамъ не вѣрила своимъ.
Я васъ способною на это не считала
И слишкомъ высоко цѣнила васъ всегда,
Что я не вѣрила и все опровергала —
Вамъ скажутъ эти господа.
Забыто прошлое. Мы съ вами дружны были—
У насъ у всѣхъ желаніе одно:
Чтобъ съ вашей нравственности смыли
Вы это черное пятно.

Акастъ.

Придумать что нибудь нельзя ли?
Я предлагаю на лицо
Письмо, которое къ Клитандру вы писали.

Клитандръ.

А вотъ къ Акасту письмецо.

Акастъ (*Альцесту и Оронту*).

Вамъ тоже, господа, должно быть все извѣстно;
Я голову отрѣзать дамъ,

Что слогъ письма знакомъ и вамъ,
Но это прочитать довольно интересно.

(*Читаетъ*)

«Вы—странный человѣкъ. Осуждаете мою всегдашнюю веселость и еще упрекаете въ томъ, будто бы я никогда не бываю такъ весела, какъ въ отсутствіе ваше. Если вы сейчасъ же не явитесь просить у меня прощенія—я вамъ не прощу во всю жизнь. Вы начинаете ваши жалобы съ идіотика-виконта...»

Должно быть, онъ здѣсь.

«...идіотика-виконта, но развѣ можетъ этотъ человѣкъ кому нибудь нравиться? Я потеряла къ нему послѣднее уваженіе съ тѣхъ поръ, какъ сама видѣла, что въ продолженіи трехъ часовъ онъ плевалъ въ колодезь, наблюдая образуемые этимъ упражненіемъ круги... Далѣе вы нападаете на маленькаго маркиза...»

Не скрываю, господа, маленькій маркизъ—это я.

«...маркиза. Не знаю, есть ли что нибудь тщедушнѣе этого человѣчка. Это одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ дворянскаго тщеславія. Господинъ съ зелеными лентами...»

(*Альцесту*). Неугодно ли вамъ послушать.

«...съ зелеными лентами забавляетъ меня иногда своими свирѣпыми выходками и грубымъ ожесточеніемъ, но чаще я не могу выносить его присутствія. А этотъ непризнанный поэтъ...»

(*Оронту*). Слушайте, слушайте...

«...пустившійся въ литературу и во что бы то ни стало желающій, чтобы объ немъ и его произведеніяхъ говорили, смѣшнѣе ихъ всѣхъ. Я рѣшительно не могу говорить съ нимъ, потому что его разговоръ еще глупѣе стиховъ его. Увѣрьтесь, наконецъ, что мнѣ вовсе не такъ весело, какъ вамъ кажется, что только съ вами я могу говорить долго и пріятно, и что только присутствіе любимаго человѣка можетъ доставить мнѣ удовольствіе».

Клитандръ.

Теперь мнѣ позвольте.

(*Читаетъ*).

«Вы мнѣ все толкуете о вашемъ Клитандрѣ, который мнѣ рѣшительно надоѣлъ своими нѣжностями. Къ нему-то ужъ не могу имѣть ни малѣйшаго расположенія. Сумазбродъ забралъ себѣ въ голову, что онъ любимъ, а вы, сумасшедшій, воображаете, что васъ не любятъ. Поймите, наконецъ, кого любятъ и какъ можно чаще пріѣзжайте ко мнѣ. Только вы можете помочь мнѣ сносить общество этого господина».

Вотъ добродѣтели прекрасный образецъ!
Вы сами знаете, какъ это называютъ...
Довольно! мы идемъ, но, изъ конца въ конецъ,
Объ этомъ весь Парижъ узнаетъ.

Акастъ.

Я могъ бы многое сказать,
Но вы не стоите—я отвергаю вызовъ.
Подобнымъ женщинамъ никакъ нельзя играть
Сердцами маленькихъ маркизовъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

БЕЗЪ АКАСТА И КЛИТАНДРА.

Оронтъ.

Какъ? Послѣ вашихъ нѣжныхъ словъ
У васъ при мнѣ такая сцена?
Не могъ же думать я, что здѣсь попеременно
Имѣетъ право на любовь
Все человѣчество по самымъ сходнымъ цѣнамъ!
Такъ въ дуракахъ я былъ вполнѣ!
Какъ васъ благодарить за это объясненье:
Вы сердце возвратили мнѣ,
Но потеряли уваженье.
Я вамъ съумѣю отомстить!

(*Альцесту*).

А вамъ я больше не помѣха,
И съ ними дѣло заключить
Желаю полнаго успѣха.

ЯВЛЕНІЕ VI.

БЕЗЪ ОРОНТА.

Арсиноя.

Вотъ низость черная! Я вчужѣ взбѣшена!
Я не могу молчать... вся кровь во мнѣ въ волненьи...
Вотъ ваша нравственность, вотъ ваше поведенье!
Къ другимъ я очень холодна,
Но мнѣ Альцеста жаль: всю жизнь свою, все счастье
Честнѣйшій человѣкъ въ любви соединилъ,
И васъ въ своей высокой страсти,
Какъ божество боготворилъ;
А вы...

Альцестъ.

А васъ прошу, нельзя ли
Позволить мнѣ, чтобы я самъ
Своей защитой былъ. Вы трудъ напрасный взяли.
Душевно благодаренъ вамъ
За этотъ громъ негодованья,
Но не могу вамъ заплатить
Согласно вашимъ ожиданьямъ,

И если захочу невѣрность отомстить,
Прошу простить меня — орудьемъ этой мести
Не изберу васъ никогда!

Арсиноя.

А я надѣялась? Скажите! Вотъ бѣда!
Вы думаете: много чести
Принять въ наслѣдіе любви остывшій жаръ?
Какъ вы тщеславны! Вотъ идея!
Ея любви гнилой товаръ
Вы покупали, не краснѣя,
И, послѣ этого, чтобъ я любила васъ?!
О, нѣтъ! Бѣгите къ ней скорѣе,
Покуда пламень не угасъ,
Въ ея объятія!.. А я — я васъ не стою,
Вамъ надо женщинъ не такихъ...
Я — оскорбленная въ мечтаніяхъ своихъ
Полюбовалась бы подобною четою.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЕЛИМЕНА, ЭЛІАНТА, АЛЬЦЕСТЪ, ФИЛИНТЪ.

Альцестъ (*Селименѣ*).

Всѣ говорили — я молчалъ.
Довольно ль власти надъ собою
Я въ это время показалъ?
Теперь всѣ разошлись — могу ли я свободно,
Все, что мнѣ душу тяготитъ
Открыто высказать?..

Селимена.

Да... все, что вамъ угодно,
Все выслушать отъ васъ проступокъ мой велитъ.
Вы вправѣ сѣтовать, и праведнымъ укоромъ
Вы можете меня казнить;
Я преклоняюсь ницъ предъ вашимъ приговоромъ
И оправданій вамъ не стану приводить.
Зачѣмъ я буду лгать напрасно?

Я презирала гнѣвъ другихъ,
Но съ вами я вполнѣ согласна:
Въ проступкахъ вѣтренныхъ своихъ
И въ малодушномъ увлеченьи,
Я васъ обманывала — да!
Пускай же ненависть, вражда
Или обидное презрѣнье
Меня казнятъ. Спокойно жду,
На все готова я.

Альцестъ (*въ сторону*)

Въ моей ли это власти!
И мнѣ ли согласить вражду
Съ огнемъ неукротимой страсти!
Гдѣ сердце мнѣ найти способное къ враждѣ?
При всемъ желаніи — нѣтъ силы ненавидѣть!

(*обращаясь къ Филинту и Эліантѣ*)

Вотъ образецъ любви, невиданной нигдѣ!
Но здѣсь не все еще: вамъ суждено увидѣть
Всю низость слабости моей.
Напрасно умными слывемъ мы, мудрецами:
Въ любви умнѣйшій между нами
Не выше дюжинныхъ людей.

(*Селименѣ*)

Я все готовъ покрыть забвеньемъ,
Все оправдать, все объяснить,
Назвать проступки — увлеченьемъ
И вашей юности простить,
Чтобъ только вы мнѣ слово дали
Бѣжать, бѣжать такихъ людей
И, чтобы этимъ оправдали
Проступки юности своей.
Разставшись съ жизнію тревожной
Вы смоете пятно стыда,
Всѣ замолчатъ — и мнѣ тогда
Еще любить васъ будетъ можно.

Селимена.

Какъ? Я должна покинуть свѣтъ
И заживо себя похоронить въ могилѣ?..

Альцестъ.

Но если-бъ вы меня любили,
Такой ли былъ бы вашъ отвѣтъ?
Какое дѣло вамъ до свѣта?
Не вся ли жизнь въ любви?..

Селимена.

Мнѣ только двадцать лѣтъ,
А одиночество ужасно въ эти лѣта!
На это силы нѣтъ во мнѣ,
Но... я вамъ руку предлагаю...
И узы брачныя...

Альцестъ.

Нѣтъ, я васъ презираю!
Я васъ узналъ теперь вполнѣ.
Прочь! Мнѣ не надо васъ! Меня вы оскорбили!
Вы никогда такъ не любили,
Чтобъ видѣть все во мнѣ, какъ все я видѣлъ въ васъ...
Все объяснилъ мнѣ вашъ отказъ!
Не надо нѣжностей притворныхъ,
Любовь пропала безъ слѣда.
Теперь, я отъ цѣпей позорныхъ
Освободился навсегда!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

АЛЬЦЕСТЪ, ФИЛИНТЪ, ЭЛІАНТА.

Альцестъ (*Эліантѣ*).

Всѣ добродѣтели соединились дружно
Осмыслить вашу красоту,
Про вашу искренность и говорить не нужно:
Я вижу въ васъ свою завѣтную мечту.
Но слишкомъ васъ цѣню и слишкомъ уважаю,
Чтобъ вамъ любовь свою рѣшиться предлагать;
Я недостоинъ васъ — я знаю.
Я долженъ наконецъ понять,
Что мнѣ не суждено узнать любви высокой,
Что счастью моему еще не пробилъ часъ.

Душой измученной я сознаю глубоко,
Что слишкомъ жалкій даръ — моя любовь для васъ,
Что вы...

Эліанта.

Я знаю заключенье
И ваши мысли доскажу.
Я въ выборѣ любви не вижу затрудненья (*показываетъ на Филинта*)
Вотъ мною избранный...

Филинтъ.

Я словъ не нахожу,
Чтобъ душу выразить. О! мало жизни цѣлой,
Чтобъ эту оцѣнить любовь
И я готовъ для васъ, на все возставши смѣло,
Отдать всю жизнь, пролить всю кровь!

Альцестъ.

Благословляю васъ на истинное счастье.
Любовь да будетъ вамъ защитой отъ людей,
А я, измученный продажностью судей,
Неблагодарностью, отверженною страстью,
Враждой нелѣпою за пару глупыхъ строкъ,
Въ конецъ измученный борьбою безъисходной,
Бѣгу — и можетъ быть найдется уголокъ
Гдѣ можно честнымъ быть свободно...

(*Уходитъ*).

Филинтъ.

Чтобъ не рѣшился онъ! Идемте вслѣдъ за нимъ
И, можетъ быть, вдвоемъ его уговоримъ.

В. КУРОЧКИНЪ.

ТРЕМЪ СИЛАМЪ.

(ДОКТОРУ Ю. К. ШОНОВУ).

.... И свѣтъ бысть!..

Есть мощные три двигателя вѣка,
Безсмертной мысли въ мірѣ торжество,
Блестящій ореолъ твореній человѣка
Права души на божество!

Костры потушены; не въ силахъ міръ цѣпями
Ни новый Гильдебрандтъ, ни Кесарь оковать.
Палъ силы деспотизмъ; свинцовыми рядами
Возстала Гуттенберга рать.

Насилья бичь, защитникъ правъ опальныхъ,
Свободы другъ, грядущихъ благъ залогъ,
Превыше арокъ всѣхъ вознесся тріумфальныхъ
Типографическій станокъ.

И рушено пространство для народовъ;
Общеньемъ нуждъ міръ быстрымъ обновленъ.
Паръ цѣпи разорвалъ; низвелъ съ небесныхъ сводовъ,
Какъ Прометей, огонь-Фультонъ!

И времени преградъ обмѣну мысли нѣту.
Сатурна-деспота лишилъ Уитстонъ правъ.
Въ единый мигъ во всѣ концы по свѣту
Разноситъ вѣсти телеграфъ!

Ликуй же человѣкъ! Ты лучшаго побѣга
Отъ древа знанія дождался наконецъ.
Въ немъ альфа истины, невѣжества омега,
Начало и конецъ!

Всѣ раны старыя насилія врачуя,
Въ грядущемъ миръ и свѣтъ плоды его сулятъ;
И эту мощь трехъ силъ великую, святую
Всѣ духи тьмы не побѣдятъ!

Н. Кроль.

НОВОЖЕНЫ И БРАКОБОРЦЫ.

(ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БРАКА).

Семья и монастырь, бракъ и монашество — вотъ два начала, около которыхъ группируется вся исторія безпоповскаго раскола, въ послѣдовательномъ ея ходѣ и развитіи. Безъ этѣхъ двухъ началъ не мыслима наша безпоповщина; въ борьбѣ ихъ — все ея прошлое. Борьба эта, начавшаяся при знаменитыхъ братьяхъ Денисовыхъ, не окончилась еще и въ наши дни, стало-быть — продолжается полтораста лѣтъ. Выяснить эту борьбу — значитъ понять исторію развѣтвленія безпоповскаго сектанства, во всей его полнотѣ, въ самыхъ сокровенныхъ его мотивахъ; значитъ узнать: «что такое безпоповскій расколъ?»

Но прежде, чѣмъ приступить къ предположенной нами характеристикѣ и развитію такой безпоповской борьбы, изъ которой самъ собою выяснится избранный нами для нашей статьи предметъ — о раскольничьемъ бракѣ, необходимо бросить, хотя бѣглый взглядъ на до-петровскую нашу старину, на сколько обращеніе къ этой старинѣ можетъ быть въ настоящемъ случаѣ полезнымъ. Можетъ быть мы повторимся, имѣя намѣреніе указать на фактъ, отчасти уже нами анализированный (въ одной изъ статей «о противораскольничьихъ братствахъ», № 37 «Недѣли»); но есть вещи, о которыхъ надо говорить больше и чаще, чтобы до чего-нибудь договориться. Мы разумѣемъ фактъ, что православное русское духовенство вообще пользуется далеко не такимъ почетнымъ общественнымъ положеніемъ, особенно сравнительно съ положеніемъ протестантскихъ пасторовъ и католическихъ ксензовъ, какое было бы ему, безъ сомнѣнія, желательно. Само духовенство, подъ вліяніемъ недодуманныхъ славянофильскихъ идей, ищетъ причину такого явленія въ новой исторіи, въ Петровскихъ реформахъ, въ Петровской централизаціи и воздыхаетъ облестящемъ, будто бы, положеніи духовнаго сословія въ старину, о его мнимо-великомъ тогда земскомъ значеніи. Странная ошибка; а какъ часто приходится слышать, что «старики крѣпче были», что «въ-старину лучше жили»? Черное духовенство, съ его матеріальными богатствами, при монашескихъ тенденціяхъ до-петровскаго общества, дѣйствительно играло

до времени видную роль; но на сколько высоко стояло духовенство черное, на столько же унижено было, и матеріально и нравственно, духовенство бѣлое. Положеніе послѣдняго становилось тѣмъ хуже, чѣмъ полнѣе развивалась (по мѣстамъ) земско-общинная и церковно-приходская самостоятельность старинныхъ нашихъ корпорацій. Это всего яснѣе на исторіи Новгорода и Пскова и вообще новгородско-псковскаго колонизаціоннаго движенія. Здѣсь, на всемъ этомъ пространствѣ, положеніе духовенства по преимуществу дурно было поставлено. Оно было прямо игрушкою, слугою всесильнаго тогда великорусскаго деспота — «міра». «Міръ» выберетъ священника и напишетъ ему запись, что вотъ онъ долженъ служить «*міру*», приходу, такъ-то и такъ-то, безъ позволенія «міра» не оставлять прихода, не вмѣшиваться въ церковное хозяйство, коли «міръ» не захочетъ, исправлять службы такъ, какъ «міру» угодно и проч. и проч. Подобнаго рода записи на практикѣ обязательны были для священника, но никакъ не для самого «міра»; онъ во всякое время, по всякому капризу, могъ выпроводить и выпроваживалъ отъ себя «неугоднаго» священника на всѣ четыре стороны. Если хотите подробностей, присмотритесь къ положенію старообрядческаго духовенства, и вы *почти* воскресите въ этомъ отношеніи старину. Нашъ «міръ», земско-приходская община, славянская громада, казацкій кругъ — явленіе совершенно оригинальное. Это дѣйствительно деспоты въ отношеніи отдѣльныхъ личностей. «Что хотятъ, то и воронятъ» они. Ихъ больше нѣтъ на свѣтѣ. Они хотѣли быть бо̀льшими и въ церковныхъ дѣлахъ, рѣшителями всевозможныхъ богословскихъ и церковно-каноническихъ вопросовъ. Они, эти «міры», прямо судили на своихъ сходкахъ или вѣчахъ и священниковъ, за нарушеніе даже церковнаго порядка, священниковъ, трактовавшихся, какъ и всякое другое выборное общиною лицо.

Это воспоминанье старины глубокой, распространеній о которой у насъ вообще будетъ не много, для нашей цѣли имѣетъ вотъ какое значеніе: мы отсюда поймемъ, что отсутствіе общественнаго вліянія духовенства и присвоеніе его роли самими «мірами», естественно и необходимо вело къ ослабленію значенія церковности съ прочно утвердившимся ея авторитетомъ, къ постепенному развитію взгляда, что можно обходиться въ религіозныхъ дѣлахъ и безъ священника, совершать необходимыя таинства и мірянамъ. Быстрота и свобода старой нашей колонизаціи еще больше содѣйствовали такому охлажденію къ церковности. Гдѣ тутъ было брать священника для двухъ-трехъ дворовъ забивавшагося въ какую-нибудь глушь починка! Вотъ гдѣ еще кроется начало, основаніе нашего безпоповскаго раскола (а не въ оскуденіи священства стараго постановленія), который, поэтому, и явился преобладающимъ въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи, гдѣ — особенно въ поморьѣ — было въ полномъ развитіи часовенное, т. е. безъ священническое, «мірское» богослуженіе. Но нашъ «міръ», наше старинное земство, еще не удовольствовались подчиненіемъ всепоглощавшему своему вліянію бѣлаго духовенства. Они пошли съ нимъ и въ монастырь, держав-

шій въ рукахъ своихъ церковно-религіозную самостоятельность, пока «міръ» расправлялся съ приходскими своими причтами, которыхъ училъ уму-разуму: какъ слушаться набольшихъ. Вліяніе бѣлаго духовенства рушилось; но жить безъ религіознаго руководительства общество не хотѣло. Гдѣ же его искать ему было? Оставался одинъ монастырь.... И вотъ, когда «міръ» увидѣлъ себя окончательно предоставленнымъ самому себѣ въ дѣлахъ церковныхъ, при крайней слабости интеллектуальныхъ его силъ, когда, между тѣмъ, деспотизмъ его, такъ сказать, пресытился, тогда онъ съ какимъ-то увлеченіемъ, съ какой-то дѣтской покорностью бросился въ объятія монастыря, искать спасенія въ монашествѣ. Монашество стало для него вторымъ крещеніемъ, какъ бы замѣнявшимъ собою самыя таинства церковныя. Тотъ считалъ себя несчастнымъ, кто не успѣвалъ умирать монахомъ, или, по крайней мѣрѣ, подлѣ стѣнъ монастырскихъ. Все превратилось въ монашество. Монастыри очутились окруженные со всѣхъ сторонъ слободами. Мало того, явился особый классъ монаховъ, походящихъ на нынѣшнихъ «бѣгуновъ», которые промышляли постриженіемъ желающихъ по селамъ и деревнямъ. Стало-быть монастырь и съ своими слободами не могъ вмѣстить въ себѣ всего монашества. Дѣйствительные отшельники бѣжали дальше и дальше, въ глубь лѣсовъ и пустынь; но и русскій «міръ» шелъ по пятамъ за ними. Этотъ наплывъ на монастырь и съ нимъ сдѣлалъ тоже, что съ бѣлымъ духовенствомъ. «Міръ» и въ него внесъ тѣ же воззрѣнія, тѣ же общинныя нестроенія, которыя были ему присущи. Монастырь сдѣлался представителемъ аскетизма и церковности только формально, а на самомъ дѣлѣ получилъ значеніе простой общинной корпораціи, чувствовавшей всю свою силу для борьбы и въ борьбѣ съ порабощеніемъ ея автономіи. Самыя безпоповскія воззрѣнія перенесены были въ монастырь. Его выселенцы, основатели новыхъ пустынь, вовсе не тяготились тѣмъ, что имъ доставалось молиться на всходъ солнечный, либо въ кое-какъ сколоченной часовнѣ, молиться по своему собственному смышленію—церковь для нихъ была роскошью. Вся почти религіозность ставилась въ томъ, чтобы надѣть рясу и клобукъ.

Въ такомъ-то видѣ былъ монастырь, когда явился расколъ. Онъ былъ совершенно во власти народа, служа какъ бы крѣпостью для защиты общинъ его отъ сторонняго вмѣшательства въ церковно-мірскія дѣла, и онъ дѣйствительно первый пріютилъ у себя расколъ. Монастырь былъ оплотомъ раскола и самымъ сильнымъ пропагандистомъ безпоповства. За фактами далеко ходить не зачѣмъ. Довольно вспомнить Соловецкій монастырь съ его поморьемъ. Безпоповскій расколъ много ему обязанъ, понялъ его значеніе и настроилъ собственныхъ своихъ скитовъ, въ которыхъ толпа видѣла мѣсто для подвиговъ, а ея вожаки — нѣсколько больше. По этой-то традиціи, по этому логическому складу событій, сѣверный расколъ первый выразился въ такой монастырско-корпоративной формѣ. А уже «гоненія» на него явились только вспомогательнымъ средствомъ къ развитію и закрѣпленію въ безпоповщинѣ монастырскаго начала.

Вотъ та точка отправленія, которая должна класться, по нашему мнѣнію,

въ основу всевозможныхъ изслѣдованій о безпоповскомъ расколѣ. Ее слѣдуетъ положить въ основу и настоящаго нашего изслѣдованія, которое мы намѣрены посвятить разрѣшенію слѣдующаго собственно вопроса: какимъ путемъ и подъ какими вліяніями возникло и постепенно сложилось то понятіе о бракѣ и семьѣ, какое видимъ мы у раскольниковъ-безпоповцевъ нынѣ (*).

На первыхъ порахъ, пока расколъ еще не имѣлъ «здѣ пребывающаго града», пока онъ скитался гдѣ день, гдѣ ночь, пока онъ съ одной кочерюгою въ рукахъ потѣлъ надъ росчисткою полей и луговъ, монастырь одинъ только и могъ маломальски мирить его съ жизнью; въ аскетизмѣ и подвижничествѣ, жесточайшемъ подвижничествѣ, на какое способенъ незнающій нѣжности простой человѣкъ, вся религіозность была раскола; больше у него ничего не осталось отъ разгрома отрицанія. И мы видимъ, что расколъ началъ свое устройство, по отдѣленіи отъ церкви, прежде всего съ устройства монастыря. Главною его заботою тогда было очистить монастырь отъ того наплыва въ него мірскихъ элементовъ, которые наслѣдовалъ онъ отъ старины. Онъ выдумывалъ и узаконялъ самыя строгія правила подвижничества и съ какимъ-то даже ожесточеніемъ устремился на истребленіе семьи. Пропагандисты его, расхаживая по всевозможнымъ захолустьямъ, только и проповѣдывали: «нѣтъ спасенія въ мірѣ; идите, русскіе люди, въ скиты спасать и себя и свою вѣру отъ истребленія.» Русскіе люди и шли, бросая свои семьи на произволъ судьбы. «Одна голова не бѣдна», а куда тутъ возиться съ женой и дѣтьми, какъ устоять съ ними въ томъ ожесточеніи фанатизма, которое разрѣшалось самосожженіями, открытымъ (и не безнаказаннымъ, конечно,) хуленіемъ «слугъ антихристовыхъ» и проч.; какъ ему быть свободнымъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, имѣя постоянно на глазахъ безпомощную семью?... Но не всѣ же, разумѣется, были такъ твердо ожесточены къ своему положенію; нашлось не мало и слабодушныхъ, которые не имѣли силъ разстаться съ семьей; они рѣшались скитаться вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣлить горе. Этимъ путемъ положенъ былъ фундаментъ тѣхъ монастырскихъ слободъ, которыя явились впослѣдствіи и которыя были необходимымъ дополненіемъ монастыря древне-русскаго.

Жажда и нужда въ скитальчествѣ быстро группировали общинныя раскольничьи братства, которыя, нечувствительно для себя самихъ, становились силою раскола, способною *бороться* за старину. Это же вызывало новыя и новыя выселенія въ раскольничьи или къ раскольничьимъ братствамъ, уже не столько для удовлетворенія аскетизму, сколько для того, чтобы жить подъ охраною этихъ братствъ, братствъ, укрѣпившихся стѣнами, которыя могли вмѣщать въ себѣ, въ случаѣ невзгоды, всѣхъ поселенцевъ близь нихъ. Монастырь становился все сильнѣе и сильнѣе; онъ началъ предписывать законы всему безпоповству. Поэтому, дозволеніе семейнымъ людямъ селиться подлѣ стѣнъ монастырскихъ стало больше и больше обставляться разнаго

(*) Главные наши матеріалы для этого — коллекція такъ называемыхъ «бракоборныхъ» раскольничьихъ рукописей, въ Импер. публ. библ. Другіе источники въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны.

рода ограниченіями, истекавшими изъ аскетическаго принципа. Скоро сдѣлалось обязательнымъ поступленіе въ монашество для всѣхъ, кто искалъ защиты монастыря. Для этого семьи разводились и для женщинъ созданы были особыя монастырскія корпораціи.

Но мудрено было долго держаться этимъ корпораціямъ, этимъ братствамъ, на подвижничествѣ. При множествѣ рукъ и мало-мальски правильномъ распредѣленіи труда, для чего всегда являлись вожаки, раскольничьи корпораціи быстро богатѣли и уже не могли съ прежнимъ увлеченіемъ преслѣдовать цѣли аскетизма. Между мужскими и женскими обителями открылись довольно близкія и частыя сношенія. А къ этому поводовъ было много. Надо обратить вниманіе на оригинальное устройство женскихъ раскольничьихъ монастырей. Выродившись изъ естественнаго наплыва на мужскія обители женскаго элемента, они, являясь выселками послѣднихъ, непремѣнно устраивались *вблизи* нихъ, прежними мужьями и братьями, и становились подъ руководительство монастырей мужскихъ. Это были въ нѣкоторомъ смыслѣ мужъ и жена; между ними было самое близкое родство, и какъ же отказать имъ въ сношеніяхъ?... Изъ дѣйствительныхъ же братьевъ и сестеръ, разведенныхъ мужей и женъ выродились названныя сестры и жены, братья и мужья—самозванцы. Но вѣдь «боліи есть со діаволомъ бесѣдовати, нежели съ женами совѣтовати; легчае со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами; понеже скоро и преложно бо есть человѣческое естество и, небрегомо, удобнѣ на злое прилагается. Слыши: вложивъ кто огнь въ нѣдра своя, ризъ своихъ не сожжетъ ли? Аще кто ходитъ по углію огненному, не сожжетъ ли нозѣ свои? Еда бо камень еси человѣкъ? Держа бо огнь въ нѣдрахъ своихъ, не хощеши ли запалитися? Постави свѣщу въ сѣно, и тогда аще возможеши, рещи ми: яко не можетъ сгорѣти. Похоть плоти пребываетъ и будетъ пребывать вѣчно, и сила этой похоти есть столь велика, что можетъ противъ оныя вооружиться и твердо встати развѣ той, кому особенно вліяна есть благодать Божія, за великіе подвиги и труды. Но избранные Божіи, которыи въ удаленіи отъ міра пребывали, мужи знатнѣйшіе и въ старость лѣтъ пришедшіе, плѣнены были похотію естества и съ неудержимымъ стремленіемъ впадали въ пороки страстей. А если столь великіе мужи, ядущіе простую и прискорбную пищу и водою свою жажду утоляющіе, спящіе на голой землѣ, а по сему и одежды худыя носящіе, ниспадали въ стремнину плотскихъ страстей, то какъ непорочно въ души и тѣлеси соблюсти свое дѣвство людямъ, которые свѣтлые и пространные покои имѣютъ, многоцѣнною трапезою и различными напитками вкусы услаждаютъ, мягкими постелями упокояютъ тѣло, частные разговоры и сношенія съ различнымъ (женскимъ) поломъ, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія имѣютъ?» Дѣйствительно, развратъ пламенемъ, какимъ-то пьянымъ разгуломъ охватилъ раскольничьи монастыри. Сначала еще любители женскихъ обителей «во образѣ женъ» путешествовали въ нихъ; но потомъ начался развратъ открытый. «И толикое пошло оскверненіе, что и рещи срамно, еще какъ земля держитъ, еще какъ не пожретъ ихъ (блудниковъ и блудницъ), яко же и Содома и Гомора, и двѣ

тьмы и три тысящи, иже при Дафанѣ и Авиронѣ; многажды бо случалось: братъ съ сестрою, кумъ съ кумою; многожды случалось при молитвенныхъ домѣхъ, во время службы великихъ праздникъ, и не точію прихожане токмо, но и сами служащіе ту, и безъ всякаго страха и срама, яко же ни во что сіе вмѣняли-увы, послѣдняго нечестія и гибели! Иніи же и до старости тако въ томъ пребывали и начасто любодѣйцъ своихъ посѣщали и другъ друга поучали: тайный грѣхъ тайно и судится. И отѣ таковыхъ сквернителей рожденные младенцы многажды бывали бросаемы, аки псища.... Увы! увы! о чемъ здѣ первѣе возрыдати, о любодѣяніи ихъ, или о неповинно истребляемыхъ отрочатѣхъ. Ужаснися здѣ ты самъ, благоразумный читателю, и засвидѣтельствуй небу и земли, яко до толика неистовства доидоша старовѣры, глаголеміи чистіи, вси бо отъ мала до стара въ любодѣяніи погрязли, овые дѣломъ, а другіе совѣтами, и вси уготовашася діаволу — пріятнѣйшая жертва.»

Въ самомъ дѣлѣ надо было подумать: что будетъ дальше съ безпоповствомъ. Вопросъ становился серьезно. Нельзя было не видѣть, что «лютъ воистинну блудный грѣхъ, люта и тяжка невоздержанія страсть и плотскія нечистоты недугъ; домы бо великіе разруши и грады отъ основанія низложи и брани лютыя воздвиже и отца на чада подвиже и прекроткое естество человѣческое во звѣрское и словесное въ безсловесное положи и бѣды тысящію принесе.» Безпоповцы не знали, какъ и умъ приложить къ такому дѣлу, или они прямо боялись приняться за изслѣдованіе своихъ язвъ и струповъ, только что прикрытыхъ монашескою рясою, чтобы потомъ придти къ какому нибудь рѣшенію. Но если теорія не давалась пока безпоповству, то практика дѣлала свое. Одни изъ раскольниковъ, бросая пустыни и монастыри, побѣжали въ города и села, гдѣ было наибольшее сосредоточеніе раскола, или образовывали свои собственныя поселки и, въ томъ и другомъ случаѣ, полагали основаніе «новоженству»; другіе, продолжавшіе видѣть въ семьѣ нѣчто крайне нечистое и непримиримое съ расколомъ, пустились въ новыя скитальничества по лѣсамъ и дебрямъ, ища возстановленія средствъ и силъ къ подвижничеству, износившемуся въ разбогатѣвшихъ монастыряхъ, бились изъ-за того, чтобы положить основаніе новой исторіи раскола, начавъ ее съ того же, съ чего начали свое раскольничье дѣло соловецкіе выходцы, — и все съ болѣе и болѣе усиленными требованіями аскетизма. Такъ изъ Выговцевъ - поморянъ выродилось въ особый скитъ филиповство, заставлявшее задуматься надъ его изувѣрствомъ, принятіемъ догмы о мученичествѣ самосожженіями, само правительство. Оно дѣйствительно подняло на первыхъ порахъ аскетическое начало (какъ оно понималось, конечно, раскольниками), создало длинный рядъ такъ называемыхъ мучениковъ, которыми наполнились послѣ раскольничьи синодики всѣхъ безпоповскихъ сектъ; оно сильно потянуло къ себѣ аскетовъ; но и на немъ, съ умноженіемъ секты, съ развитіемъ благосостоянія и съ постепеннымъ ослабленіемъ мѣръ преслѣдованія со стороны правительства, повторилось то же самое, что случилось съ поморствомъ. Филиповство — этотъ адамантъ раскола, филиповство, на которое чуть не

молились «жиловые» т. е. живущіе, по городамъ и селамъ безпоповцы, также не устояло противъ нравственной распущенности, а потомъ среди него явилось и новоженство. Тогда расколъ выдвинулъ изъ среды филиповства новую секту «странничество» или «бѣгунство,» догмою которой было поставлено не имѣть не только никакихъ жизненныхъ утѣхъ и удобствъ, но даже и теплаго угла въ скиту, а всю жизнь проводить въ скитальничествѣ, т. е. еще въ большей, чѣмъ филиповство, полнотѣ возстановить соловецко-поморскій расколъ въ тотъ періодъ его существованія, когда онъ не имѣлъ ни скитовъ, ни даже лѣсныхъ лачужекъ. Съ этого пути не сошла еще значительная часть безпоповства и нынѣ. Но чѣмъ настойчивѣе преслѣдовалъ расколъ цѣли аскетизма, чѣмъ выше ставилъ онъ свои странные идеалы, тѣмъ невозможнѣе становилось ихъ осуществленіе и тѣмъ болѣе противоположные выходили отсюда результаты. Мнимый аскетизмъ раскола хотѣлъ парализировать развитіе новоженства и дѣйствовать противъ разврата, а приводилъ непремѣнно либо къ тому, либо къ другому.

Такимъ образомъ расколъ явно распадался на защитниковъ семьи—новоженовъ и борцовъ монастыря—монаховъ. Присматривавшіеся къ ходу событій раскольники задумались надъ крѣпостью и стойкостью своихъ сектъ и еще отъ старшаго Денисова потребовали разрѣшенія: «что тутъ дѣлать, куда вести дальше расколъ?» Денисовъ лавировалъ, и изслѣдователи раскола обыкновенно замѣчаютъ на это, что Денисовъ самъ не зналъ, что дѣлать, держа себя такъ странно. Но не поведеніе Денисова въ настоящемъ случаѣ, по нашему мнѣнію, странно, а страненъ взглядъ на Денисова. Такому ли человѣку не знать, что дѣлать? Дѣйствительно, онъ шелъ къ своей цѣли строго систематически. Тѣмъ противорѣчіемъ себѣ, на которое мы сейчасъ укажемъ и на которое указываютъ другіе изслѣдователи раскола, онъ именно того и добивался, что ему нужно было. Офиціально или теоретически онъ заявлялъ себя противъ признанія брака и семьи. Какъ «тонкій политикъ», онъ писалъ даже сочиненія объ этомъ. Любопытный называетъ ихъ два: «къ Ѳедосѣю Васильеву, патріарху (?) Ѳедосіанъ предосудительное и суевѣріемъ дышащее бракоборное посланіе, на прелесть простодушнымъ сердцамъ, объ уничтоженіи брачнаго таинства во всемъ мірѣ» и «на предразсудкѣ основанное посланіе (къ Ѳедосѣю же Васильеву) о безбрачіи или уничтоженіи супружеской тайны въ Христовой (?) церкви» *). Но на самомъ дѣлѣ, у себя дома Денисовъ вовсе не такъ былъ строгъ къ отступникамъ отъ подвижничества; назидая ихъ, для формы, своими «политичными» поученіями, Денисовъ смотрѣлъ больше, чѣмъ сквозь пальцы на взаимныя любезности молодежи, притворялся часто, что какъ будто и вовсе ихъ не замѣчаетъ, а жившій въ 1717 г. въ Москвѣ, онъ открыто помѣстился «въ Покровскомъ у Антона Иванова и Семена Артемьева, которые были оба вновь женившіеся, и вмѣстѣ съ ними молился, вмѣстѣ ѣлъ и пилъ.» Денисовъ дѣйствовалъ такъ: «и нашимъ и вашимъ», въ тѣхъ видахъ, чтобы предохранить по возможности

*) Каталогъ Павла Любопытнаго.

расколъ отъ распаденія, которое, во всякомъ случаѣ, служило бы къ его ослабленію, совсѣмъ тогда (на взглядъ раскольниковъ) не своевременному. Онъ очень хорошо видѣлъ, что новоженство и монастырскую распущенность ему и никому другому не осилить, но и ослаблять монастырскую традицію значило ни больше ни меньше, какъ дѣйствовать прямо во вредъ расколу. Дѣло въ томъ, что, при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, корпораціею онъ только и держался; не будь ее, расколъ не устоялъ бы противъ мѣръ правительства. Не могъ также не понимать Денисовъ и того, что хотя аскетизмъ раскольничій началъ дѣлаться пустымъ формализмомъ, но этотъ формализмъ или книжный аскетизмъ все же имѣлъ значеніе идеала, о которомъ нужно было вздыхать, къ которому нужно было стремиться, и это давало какъ будто нѣсколько больше содержанія расколу, особенно на случай защиты его отъ «внѣшнихъ.» Само собой разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣла, Денисовъ не могъ и не хотѣлъ дѣйствовать противъ монастырской корпораціи. Ему едва ли не все равно было, занимаются или не занимаются дѣйствительнымъ подвижничествомъ руководимые имъ иноки; онъ билъ на то, чтобы лучше устраивались «работныя избы» монастыря и выгоднѣе организовалось распредѣленіе труда, чтобы монастырь больше богатѣлъ и дальше распространялъ вліяніе свое на расколъ. Въ этомъ отношеніи Андрей Денисьевичъ былъ добрымъ учителемъ славнаго и извѣстнаго всѣмъ Ильи Алексѣевича Ковылина. Ковылинъ развивалъ тотъ же принципъ; усиленіе новоженской борьбы и личный его характеръ, въ связи съ занимаемымъ положеніемъ въ расколѣ, дѣлали только Ковылина рѣзче и циничнѣе. А они оба одинаково видѣли въ монастырѣ не мѣсто и средство къ подвижничеству, но силу и бплотъ раскола. Этимъ то объясняется ожесточенность послѣдующей за тѣмъ оорьбы по вопросу о бракѣ, съ которою мы должны будемъ встрѣтиться ниже.

Своею «политикою» Денисовъ сохранилъ отъ борьбы монастырь; но противоаскетическія настроенія послѣдняго скоро нельзя стало игнорировать раскольничьимъ вожакамъ. Въ лицѣ Ивана Алексѣева (1776) новожены (ими, впрочемъ, еще не было усвоено тогда подобнаго названія) выставили энергическаго заступника своего дѣла. Алексѣевъ пустилъ въ ходъ сочиненную имъ «ясную, занимательную и духомъ любви и благочестія горящую цѣлую книгу разсужденій о бракѣ,» и еще также «ясное, пылкое, убѣжденія исполненное возгласительное слово на дѣвственное общество ѳеодосіанцевъ, лжемудрственно, по невѣжеству своему, и суетно дѣвство святящихъ и повергающихъ чрезъ то въ глубокую пропасть тѣлесной нечистоты и зловѣрія» (Любопытный). Со стороны новоженовъ это было сигналомъ къ борьбѣ, борьбѣ, наполнившей собою большую половину исторіи безпоповства. Раскольничій библіографъ Любопытный называетъ, въ своемъ каталогѣ, до 100 сочиненій, написанныхъ раскольниками за и противъ брака. Но онъ несомнѣнно называетъ не всѣ сочиненія; не говоря о томъ, что каталогъ его оканчивается только первой четвертью нынѣшняго столѣтія, обратимъ вниманіе

на то, что Любопытный постоянно дѣлаетъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «были и другія сочиненія того или другаго автора, но невѣжество ихъ утратило.» Намъ самимъ попадались сочиненія, не названныя Любопытнымъ.

Первое время борьбы для новоженства были временемъ, однако, крайне труднымъ. Надо припомнить, что расколъ начала XVIII столѣтія, когда подготовлялась борьба, былъ въ полнѣйшей зависимости отъ монастыря, зависимости и матеріальной и нравственной. Раскольничьи обители держали въ рукахъ своихъ образованіе и литературу — на сколько то и другая присущи были расколу, поставляли всюду наставниковъ, разсылали миссіонеровъ и проч., вообще изъ нихъ шло все образовательное вліяніе на расколъ. «Жиловой» расколъ, среди котораго, вмѣсто монастырской распущенности, стало развиваться новоженство, не имѣлъ у себя ничего подобнаго. Къ тому же новоженство явилось откликомъ на вопіющее требованіе жизни, сложилось практически, а не было послѣдствіемъ установившейся теоріи, и стало быть далеко не могло приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ борьбѣ. Легка ли же должна была явиться для новоженства поставленная ему жизнію задача—не только поколебать, но вовсе сломить, почивавшее на крѣпкой традиціи монастырское вліяніе? Энергическія сочиненія Ивана Алексѣева, въ защиту брака, составляли первоначально почти всѣ наличныя средства новоженства для борьбы его съ монастыремъ. И какъ ни сильно было вліяніе этого человѣка, заговорившаго языкомъ жизни, среди общаго настроенія раскола вліяніе это было пока каплею въ морѣ. Задѣтый же за живое открытою оппозиціею новоженства монастырь, снисходившій къ нему прежде, какъ это видно, между прочимъ, изъ указанія на житье Денисова у московскихъ новоженовъ, пустилъ теперь въ ходъ весь запасъ своей силы, для того, чтобы задавить семью; онъ выдѣлилъ брачниковъ въ особую секту, лишилъ ихъ общихъ моленій и всякаго сообщенія, въ чемъ бы то ни было; запретилъ наставникамъ совершать требы въ самыхъ домахъ новоженовъ, крестить ихъ дѣтей, какъ видимаго выраженія плотскаго оскверненія, и т. д.... Такимъ образомъ раскольники семьяне очутились даже и безъ той скудной церковности, которая осталась у безпоповцевъ, при ихъ основаніи. Былъ моментъ, когда православная миссія, если бы она надлежащимъ образомъ была устроена, могла бы имѣть значительный успѣхъ, среди отвергнутой безпоповствомъ секты. Уже многіе новожены, увидѣвшіе себя въ безвыходномъ положеніи, начали вѣнчаться въ православныхъ церквахъ, начали приносить туда же, для крещенія, и своихъ дѣтей, но благопріятное время было пропущено, а потомъ уже стало поздно... Въ 1765 г. новожены залучили къ себѣ наставника, бывшаго ѳедосѣевскаго учителя Гаврилу Артамонова, который согласился исправлять для нихъ всѣ требы. Сдѣлался ли Артамоновъ самъ новоженомъ и признавалъ ли бракъ, по своему крайнему разумѣнію, неизвѣстно. Вѣрнѣе, кажется, нѣтъ, а сошелся онъ съ новоженами (въ Москвѣ) или по денежнымъ расчетамъ, или по досадѣ на «бракоборцевъ»—ѳедосѣевцевъ, отъ которыхъ «откололся за старознаменное пѣніе,» утверждая, что въ богослуженіи надо

употреблять «пѣніе нарѣчное;» онъ же былъ «человѣкъ самонравный, вспыльчивый, непокорнаго духа и строптивый »

Артамоновъ, какъ наемникъ, дѣйствительно не игралъ никакой роли собственно въ устройствѣ новоженства и не оставилъ въ немъ послѣ себя никакого вліянія. Исторія организаціи новоженской общины, корпораціи, началась нѣсколько послѣ, когда во главу его встало лицо, вполнѣ преданное своему дѣлу, вполнѣ убѣжденное въ правотѣ новоженства. Это былъ прославляемый безпоповцами, «знатнѣйшій гонитель злочестиваго галилейства и чтитель законныхъ браковъ,» Василій Емельяновъ, основатель для новоженовъ молельни въ Москвѣ. Перо его не отличалось, кажется, рѣзкостью; онъ не столько хлопоталъ объ обличеніи «бракоборной ереси,» сколько объ «уврачеваніи» въ этомъ отношеніи «бракоборцевъ.» Но значеніе его въ расколѣ было таково, что «вся Выгорѣція и окрестность ея созерцали въ немъ щедраго отца и наставника душамъ ихъ;» а его «миролюбіе увѣнчало его лаврами отличныхъ похвалъ во всѣхъ благочестивыхъ странахъ». (Любопытный). Мы имѣемъ подъ руками письмо одного ѳедосѣевца (Зенькова), который, рѣшаясь оставить свое согласіе и перейти въ общину Емельянова, обращается къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: «пречестный отецъ, Василій Емельяновичъ! ты самимъ Богомъ наученный, ты намъ Богомъ избранный, ты намъ Богомъ поставленный, ты намъ Богомъ посланный, еже правовѣрныхъ утверждати въ правой вѣрѣ, а невѣрныхъ правой вѣрѣ поучати; ты намъ отъ Бога данный предводитель на правый путь, о тебѣ все упованіе наше, и тобою чаемъ спастися; ты нашъ столпъ и утвержденіе всѣмъ намъ, къ тебѣ прибѣгающимъ и наставниче заблужденнымъ, потопляемымъ въ мори житія правитель» и проч. и проч., еще панегирикъ не конченъ. Этотъ то человѣкъ, самъ семьянинъ, считается по справедливости устроителемъ, организаторомъ и собирателемъ разсѣяннаго и все еще робкаго новоженства. Онъ началъ съ того, что устроилъ для новоженовъ особую молельню въ Москвѣ (исторія этой молельни разсказана нами въ брошюрѣ «старообрядческія покровская молельня и филиповская часовня въ Москвѣ» С.-П. Б. 1865 г.) и образовалъ при ней общину, приходъ; «стыдно намъ, православные христіане, таиться, когда ѳедосѣевцы кичатся—сказалъ онъ новоженамъ — стыдно не имѣть общественной молельни; они упрекаютъ насъ, будто мы служимъ молебны и благословляемъ браки въ конюшняхъ; необходимо устроить намъ молитвенный домъ, чтобъ избѣгнуть поношеній.» Въ этомъ именно словѣ новожены и нуждались. Они сейчасъ образовали около Емельянова кружокъ, который скоро выросъ до 1000 человѣкъ; однихъ призрѣваемыхъ при молельнѣ (это необходимая принадлежность каждой раскольничьей молельни) считалось около 100 человѣкъ. Событіе это, т. е. устройство новоженской общины весьма важно въ исторіи раскола. Не напрасно мы немного раньше сказали, что былъ благопріятный моментъ для православной миссіи, въ средѣ новоженства и онъ пропущенъ. Здѣсь приходится повторить намъ еще разъ это замѣчаніе, подкрѣпивъ его заявленіемъ самихъ раскольничьихъ учи-

телей. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о Васильѣ Емельяновѣ Павелъ Любопытный: «онъ первый изъ пастырей сталъ торжественно *избавлять женящихся христіанъ отъ явной пропасти никоніанства.*» Да, прежде новожены были овцы безъ пастыря, а теперь стали корпораціей, которой было кому заправлять. Замкнутость этой корпораціи отъ вліянія православія укрѣпилась еще больше тогда (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), когда принявшій отъ Емельянова наставничество въ покровской молельнѣ нѣкто Гаврило Скачковъ завелъ при молельнѣ такъ называемую брачную книгу, въ которую вносились имена лицъ, повѣнчанныхъ въ ней. Эта же «брачная книга,» судя по попадавшимся намъ въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ и по надписи на одной раскольничьей рукописи «Ѳедосѣевка, дѣвственница старообрядка въ собственномъ своемъ лицѣ» («сочиненіе поморянина Андреяна Сергѣева, московскаго мѣщанина, ведшаго при молельнѣ *выданныя ей отъ Сената* брачныя книги, въ 1836 г. отобранныя генералъ-губернаторомъ»), въ глазахъ самого правительства имѣла значеніе документа офиціальнаго. И раскольники обыкновенно говорили: «тамъ, т. е. въ покровской молельнѣ обвѣнчаютъ, да и въ книгу запишутъ.»

Остановившись на Емельяновѣ, какъ основателѣ новоженской общины, мы не будемъ далѣе слѣдить ни за численнымъ развитіемъ новоженства, ни за характеристикой лицъ, дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ. Во первыхъ, это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ предмета, а во вторыхъ, намъ пришлось бы многое не договаривать или говорить по догадкамъ, за скудостью матеріаловъ для этого. Замѣтимъ одно, что новоженство скоро заняло прочное положеніе въ расколѣ; количество прихожанъ покровской молельни, въ 20-хъ годахъ въ одной Москвѣ простиралось до 8000; въ Москвѣ же появилось пропасть домашнихъ новоженскихъ молелень; покровскіе прихожане составили общественный капиталъ болѣе чѣмъ въ 50,000 р. и открыли правильно организованную пропаганду по всей Россіи, до самыхъ южныхъ губерній. Наконецъ, новоженами сдѣлалось большинство безпоповцевъ, начиная съ поморянъ и оканчивая бѣгунами—сила брала свое.

Гораздо важнѣе прослѣдить литературное, такъ сказать, развитіе вопроса о бракѣ, породившаго собою такую усиленную борьбу въ расколѣ, чтобы яснѣе освѣтить тотъ путь, которымъ шло новоженство къ завоеванію себѣ преобладанія въ безпоповствѣ, чтобы полнѣе обнять тотъ взглядъ, какой выработанъ и усвоенъ былъ потомъ безпоповцами относительно «таинства» брака. Дозволимъ себѣ одно только отступленіе, которое, надѣемся, будетъ не лишнимъ. Въ «бракоборной» борьбѣ не справедливо, по нашему мнѣнію, отождествляютъ новоженовъ съ поморянами, а бракоборцевъ съ ѳедосѣевцами, несправедливо называютъ эту борьбу борьбою поморянъ и ѳедосѣевцевъ. Спора нѣтъ, что въ Москвѣ, гдѣ происходила главная свалка борьбы, знамя новоженства поднято было поморянами, а противники ихъ были ѳедосѣевцы; но, во-первыхъ, это можетъ быть объяснено личными характерами и взглядами вождей той и другой партіи—если Василью Емельяновичу претилъ мо-

настырскій развратъ, то Ковылинъ, жертвуя всевозможными противорѣчіями, во что бы то ни стало хотѣлъ охранить преобладающее значеніе монастырской *корпораціи*, въ которой, по его мнѣнію, еще нуждался расколъ; во-вторыхъ, если разработка теоріи о бракѣ, общинное устройство новоженовъ, начались при Емельяновѣ и Ковылинѣ, то практическая, такъ сказать, борьба новоженства открылась гораздо раньше—былъ «соборъ» противъ новоженовъ еще въ 1751 году; въ третьихъ, по каталогу Любопытнаго можно фактически доказать, что устроители семьи и ихъ противники были одинаковы, разница развѣ въ количествѣ, какъ между поморцами, такъ и среди ѳедосѣевцевъ; въ четвертыхъ, выговскій поморскій монастырь прямо отвергъ отъ себя новоженовъ; въ пятыхъ, наконецъ, ѳедосѣи, заклятые враги брака при Ковылинѣ, при основателѣ этой секты—Ѳедосеѣ Васильевѣ, допускали брачное сожитіе и противъ него ратовалъ тогда старшій Денисовъ, вызвавшій со стороны Ѳедосея «громкое и ясное, силы и благочестія исполненное посланіе о вѣчномъ бытіи законныхъ браковъ». Стало быть, роли были совершенно иныя. Ѳедосѣи защищали браки тогда, когда жили больше за польскимъ рубежемъ и не нуждались слишкомъ сильно въ сплоченіи монастырской корпораціи, которая, между тѣмъ, необходима была поморянамъ-выговцамъ, ожидавшимъ и миссіи Неофита и Самаринской экспедиціи; ратовали же противъ брака и за монастырь въ то время, когда сами задумали основаться въ Москвѣ и упрочить здѣсь свое положеніе. По всѣмъ же этимъ резонамъ, бракоборческая борьба была, какъ мы уже сказали, борьбою не ѳедосѣевства и поморства, а именно монастыря и «жиловаго раскола». Монастырь сталъ изнашиваться въ своемъ аскетизмѣ—тогда «жиловой расколъ» началъ выдвигаться на первый планъ; силенъ былъ монастырь строгостью правилъ (какъ понималась она, конечно, раскольниками), «жиловой расколъ» бѣжалъ въ него толпами, тогда и самый расколъ назывался «монастырскимъ»; нуженъ былъ монастырь для сообщенія расколу силы въ борьбѣ съ «внѣшними», и раскольники благоговѣли передъ нимъ; расколу стало полегче отъ «внѣшнихъ» и онъ всталъ за семью («Зѣло возможно находящееся о законномъ бракѣ сомнѣніе рѣшить, ибо нынѣ есть время благопріятное, нынѣ есть *время свободы*, а не принужденія и тѣсноты; нынѣ слово Божіе не вяжется»). Въ послѣднее время семейная жизнь стала преобладающею и монастырь, съ обязательнымъ прежде для всѣхъ иночествомъ, утратилъ первоначальное свое значеніе. Можно сдѣлать еще болѣе рельефныя сближенія. Просимъ читателя припомнить, что сказано было нами о дробленіи безпоповскаго раскола на отдѣльныя секты. Старѣйшая изъ сектъ—поморяне; за ней слѣдуютъ ѳедосѣи; послѣ ѳедосѣевъ идутъ филиповцы; послѣ филиповцевъ бѣгуны (мелкіе толки пропускаемъ потому, что они подчиняются тому же порядку, а между тѣмъ названія ихъ постоянно видоизмѣняются). Указанная же нами причина развитія сектантства заключается, главнымъ образомъ, въ стремленіи раскола къ аскетизму, на разные манеры комбинировавшемуся и постепенно слабѣвшему въ сектахъ старѣйшихъ. Основа всѣхъ этихъ сектъ, стало быть, была мо-

настырская. Поэтому, чѣмъ раньше начинала свое существованіе секта, тѣмъ прежде развивала въ себѣ элементы семьи; чѣмъ позже возникала секта, тѣмъ дольше держалась на сторонѣ бракоборцевъ, т. е. отрицателей брака. Точно также и наоборотъ. Нравственная распущенность поморства, которая неизбѣжно вела въ будущемъ къ признанію брака, гонитъ изъ среды себя партію аскетовъ для образованія филиповства; распущенность филиповства вызываетъ появленіе у себя партіи для основанія бѣгунства и т. д. Монастырь старается задавить жиловой расколъ; жиловой расколъ бьется изъ за того, чтобы изъ монастыря сдѣлать простой поселокъ. Послѣдній дѣлаетъ все больше и больше завоеваній; первый стремится дальше и дальше въ пустыню. Наконецъ монастырю некуда стало бѣжать, и онъ вынужденнымъ нашелся вступить въ сдѣлку съ жиловымъ расколомъ, чтобы обезопасить свое существованіе; онъ началъ преслѣдовать видимое только воздержаніе отъ супружества и распался на маленькія обители, такъ называемыя кельи съ ихъ келейницами по деревнямъ. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія новоженство было сектой, а теперь, наоборотъ, монастырь сталъ походить больше на секту. Вліяніе въ расколѣ монаховъ и монахинь держится уже и поражаетъ не подвижничествомъ, а другими заслугами расколу: писательствомъ, книжною работой и торговлей, наставничествомъ и проч., для чего именно и нужно то свободное время, которымъ располагаютъ живущіе на счетъ міра раскольничьи лже-аскеты, и котораго нѣтъ у большинства жиловыхъ раскольниковъ, обязанныхъ массою дѣлъ и семейныхъ и хозяйственныхъ, и торговыхъ, и всякихъ другихъ.

Первый извѣстный доселѣ письменный актъ противъ новоженства относится къ 1751 году. Въ это время «бракоборцы» постановили: «1) Въ бани христіаномъ съ новоженами не мытися и отнюдь не входить и изъ единыхъ сосудовъ въ оскверненной водѣ съ ними не мытися; аще ли кто обрящется мыющійся изъ новоженскихъ сосудовъ, сей да творитъ поклоновъ 300 до земли, при соборѣ. 2) Новоженовъ младыхъ и старыхъ безъ распуту (безъ развода) на покаяніе отцемъ духовнымъ отнюдь не принимать. Аще ли кто и старыхъ пріемлетъ на покаяніе, отлучить таковаго и съ новоженомъ отъ христіанъ; аще ли обѣщается отецъ духовный впредь тако не творити, и въ томъ прощеніе принесетъ, да сотворитъ поклоновъ 300 при соборѣ. 3) Живущихъ съ женами чужими, крадеными не крестить (при переходѣ въ секту) безъ распуту; аще ли вѣдаетъ о таковыхъ духовникъ и небрежетъ, и таковыхъ будетъ безъ распуту исправлять, таковыхъ отлучать изъ духовниковъ; аще ли зазритъ себе духовникъ и покается, да сотворитъ поклоновъ 500 при соборѣ. 4) Приходящихъ отъ невѣрія допрашивать: не съ чужой ли женою? не увезъ ли и не съ лукавствомъ ли коимъ сочетался; аще ли обрящется отъ сицевыхъ кой-либо, отнюдь таковыхъ не крестить, дондеже не разойдутся. 5) Мужіе и жены простые крестятъ младенцевъ, а богословныхъ глаголъ не знаютъ, но крестятъ съ молитвою, таковыхъ младенцевъ не отпѣвать (если умрутъ) и не поминать. 6) У новоженовъ дѣтей крестить съ обѣщаніемъ, чтобы имъ разойтися, а при смертномъ часѣ на христіанскія руки чтобы от-

дали младенцевъ, и аще не разойдутся, и надъ таковыми младенцами погребенія не отпѣвать. 7) Младенцевъ здравыхъ у новоженовъ ни духовнымъ ни мірскимъ людемъ отнюдь не крестить; аще ли духовный окреститъ здраваго и таковаго духовника отъ духовенства отставить, а простаго человѣка отлучить. 8) Съ новоженомъ въ единой храминѣ не жити христіаномъ; такожде и не стряпать въ новоженскихъ домѣхъ и не обѣдать; аще ли которые старостію погорблены, а не имѣютъ гдѣ пристанища, таковымъ подобаетъ попустить, и на моленіе ихъ пріимать, а сосуды имъ свои особые имѣть и со христіанами имъ въ пищахъ не сообщатися и на одномъ столѣ съ новоженами не ясти и дѣтей ихъ новоженскихъ не пѣстовати; аще ли преслушаютъ, да отлучатся; а которыя новоженскія дѣти въ возрастѣ и восхощутъ быти со христіаны, то жити имъ въ особыхъ храминахъ и стряпать имъ самимъ на себя. 9) Новожены аще восхощутъ къ покаянію, разводить ихъ въ разныя деревни и налагать имъ постъ на шесть недѣль, якоже и ко крещенію готовятся и ходити имъ всякому къ соборному моленію и стоять ниже всѣхъ, а по отпустѣ службы всякому человѣку исходящему кланятися до земли; а которые новожены разболятся, и въ томъ ихъ дому безъ распуту на исповѣдь не пріимать и погребенія въ дому ихъ не стоять, а другую половину (т. е. жену) при погребеніи въ то время не пущать, дондеже исправятся.»

Издавши такія жестокія правила, монастырь думалъ, кажется, что обезопасилъ себя достаточно отъ развитія новоженства, и опять зажилъ по прежнему. Но торжество его, какъ извѣстно, было не продолжительно. Мало того, что новоженство развивалось, въ Москвѣ начало оно организоваться въ правильную благоустроенную общину. Тогда монахи-бракоборцы опять зашевелились. Въ знаменитой Выгорѣціи они созвали новый соборъ, на который пригласили и московскихъ депутатовъ; но соборъ этотъ уже не могъ выстоять на той строгости къ новоженамъ, какая явилась выраженіемъ силы монастыря нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ которомъ именно году было Выгорѣцкій соборъ, неизвѣстно положительно; можно сказать только, что *близъ* 1794 года—вѣроятно, нѣсколько раньше, потому что имѣющееся у насъ подъ руками опроверженіе (рукописное) постановленнаго соборомъ (нѣкоего Ивана Филиповича—дѣвственника, въ Москвѣ) относится къ самому началу 1794 г. (оно писано въ февралѣ); по этому едва ли справедливо мнѣніе большинства изслѣдователей раскола, что Выгорѣцкій соборъ былъ не раньше 1794 г., а въ этомъ именно году. Для насъ, впрочемъ, не имѣетъ большой важности точное опредѣленіе года составленія собора; важнѣе его постановленія. А постановленія эти заключаются въ слѣдующемъ; 1) «о новыхъ бракахъ мудрствовать такъ, какъ наши прежніе отцы: Андрей и Семеонъ (Денисовы — устроители монастыря) съ прочими, т. е. отвергать ихъ:» 2) не признавать въ новыхъ бракахъ ни церковной формы, ни совершенія, кромѣ молитвословія священническаго; 3) у бракосовокупляющихся вновь молебновъ не пѣть, не благословлять не благословенное церковію; 4) вновь брачившихся вскорѣ не принимать въ общеніе; но тогда, егда свое житіе удостоятъ къ соблюденію чистоты, и въ томъ отвѣтъ учинятъ (т. е. обяжут-

ся) прежнее исправить и 5) сихъ бракоутвердителей, если они не покаются, конечно отлучить;аще ли обратятся совершенно, имъ запретить, чтобы не толковали и тому не учили.» Просимъ читателя обратить вниманіе на дипломатичность Выгорѣцкаго акта. Монастырю еще хочется удержать за собой положеніе законодателя, положеніе единственной безпоповской метрополіи; но уже какъ будто предчувствуя будущую свою судьбу, онъ старается задобрить новоженовъ разнаго рода уступками. Чтобы не показать своей непослѣдовательности и не измѣнить принципу утвердившейся традиціи, монастырь не признаетъ, правда, законности новоженовъ, но онъ уже видимо старается поправить ошибку безусловнаго отлученія отъ себя новоженовъ, старается пройти среднимъ путемъ. Прежнія подробныя правила (1751 г.), направленныя противъ новоженства и обнимавшія собою всю его жизнь, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, въ Выгорѣцкомъ актѣ собраны всѣ въ пять тощенькихъ пунктиковъ, въ которыхъ вы видите пять общихъ фразъ, представляющихъ полную возможность толковать ихъ по разумѣнію каждаго, полное право игнорировать монастырю многое въ новоженствѣ и самое новоженство, пока оно не дѣлается явнымъ. Особенною же дипломатичностью отличается 4-й пунктъ Выгорѣцкихъ правилъ: «вновь брачившихся вскорѣ не принимать въ общеніе; но тогда егда свое житіе удостоятъ къ соблюденію чистоты.» Монастырь уже не предписываетъ разводить новоженовъ, а только требуетъ отъ нихъ обѣщанія на чистое житіе. Само собой разумѣется, что подобнаго рода обѣщанія были одной пустой формой, исполненіе которой не гарантировалось и не могло гарантироваться ни чѣмъ. На практикѣ отъ новоженовъ требовалось одно (но въ правилахъ и того не было), чтобы они не допускали открытаго обнаруженія супружескаго сожитія — не родили дѣтей. Въ существѣ дѣла дозволялось вступать и въ супружескія сожитія и вообще жить домами, лишь бы не было брака въ надлежащемъ значеніи этого слова, не было дозволенія на сожитіе.

Писалъ ли свои правила «соборъ» съ практики или онъ самъ произвелъ эту практику, не знаемъ; только вотъ что оставили намъ старообрядческіе литераторы, въ своихъ рукописныхъ произведеніяхъ, относительно того разнообразія формъ, подъ которыми новоженство старалось обходить монастырскія правила. «Имѣютъ оніи новожены своему сопряженію различные виды: овіи, тайно пришедше, восхищаютъ отъ родителей дѣвицъ и во своя жилища отводятъ; творятъ же сіе по предсогласному условію и совѣту. Овіи же дѣвицы, восхитивши имѣніе своихъ родителей, тайно къ рачителю своему убѣгаютъ. Иніи же, и вѣдующимъ родителямъ ихъ, но яко не знати притворящимся и молчаніе на уста своя налагающимъ, въ начинаніи таковаго дѣянія послабляютъ. Егда же совокупятся чада ихъ, тогда по малѣ времени: едини о дщери, аки о мертвой, плачутъ; друзіи же, аки о впадшемъ въ грѣхъ и великое беззаконіе сотворшемъ сынѣ, притворное рыданіе составляютъ; потомъ родители обоихъ сошедшеся, аки сѣтующе, нѣкій часъ пребываютъ и посемъ о награжденіи дщери глаголати начинаютъ, и тако скончавши своя совѣты, расходются во свояси. Иніи же родители совѣтуются съ сыномъ и

дщерію о сопряженіи таковомъ, и когда совѣтъ свой утвердятъ, тогда единъ сынъ идетъ въ домъ той, гдѣ нареченную себѣ любовницу видѣти желаетъ; но родители, ради да небудутъ отъ общества за сіе отлучени, не приходятъ. Тако и въ дому томъ, гдѣ оная любовница жительствуетъ, родители ея къ таковому дѣйствію, чтобы показати тому свою дщерь, не приступаютъ, но сродницѣ каковой или пріятельницѣ оное дѣяніе производити ввѣряютъ. Овіи же родители какъ сыну своему ищутъ таковыя согласницы, такъ и о дщери пекутся, дабы обрѣсти ей любовника, и соглашаются между собою о награжденіи или приданомъ и приходятъ въ домъ родителей, аще суть, или сродниковъ дѣвицы, не таковымъ впрочемъ образомъ, какъ законобрачившіися творятъ смотрѣти невѣсты своему сыну. Не тако новожены, не тако; приходятъ бо аще и дѣвицу зрѣти, но притворяются, яко что продати или купити или каковыхъ въ домѣ имѣющихся вещей видѣти. И тако усмотряютъ дѣвицу и совѣтуютъ: овіи съ сыномъ, овіи же со дщерію, аще видятся угодни другъ другу. И какъ соизволеніи ихъ узнаютъ и согласіе возъимѣютъ, тогда родители изъ храмины тоя вонъ исходятъ, оставляя дѣтей своихъ съ нѣкіими чуждими предначати ихъ будущаго сожитія любовническое дѣйствіе и смотря изъ—за тоя храмины (вѣроятно изъ другой комнаты), соуслаждаются, зряще ихъ дѣянія. Овіи же, по усмотрѣніи любовницы и по учиненіи согласія, отходятъ въ домъ свой, и потомъ обоихъ родители пріуготовленія творятъ, едини ради приведенія сыну своему рачительницы, пищу изобильну и питія много различна уготовляютъ;—друзіи же, какъ дати дщерь свою любовнику,—да лучше красота ея съ прелестями явится,—различными одеждами украшаютъ. Егда же приспѣетъ нареченный день таковаго сопряженія, тогда юноша и дѣвица не требуютъ, по обычаю христіанскому, по подобію сочетавающихся законнымъ бракомъ, отъ родителей благословенія; но какъ не знаеми и чужди ходятъ, пріуготовляющееся къ совершенію предначатаго дѣйствія. Тако и родители будто странни являются и яко не причастни таковаго ихъ дѣянія показуются. И хотя совѣтъ каковый и творятъ, но благословенія сыну не подаютъ. И тако сынъ, не получивъ благословенія, посылаетъ, да возьмется любовница изъ дому ея, и ожидаетъ оную, гдѣ надѣются сожитію своему, да не будетъ отъ народа зазрѣнія. Тако и дѣвица, украсившися свѣтлыми одеждами, къ присланнымъ отъ любовника исходитъ въ нарѣченное мѣсто,—откуда, по подобію законобрачущихся, въ домъ возвращаются. И какъ родители увидятъ сына своего приближающагося съ любовницею его къ дому, то немедленно или въ иную храмину входятъ, или на улицу, или въ чужой домъ преходятъ, ожидающе времени, пока сынъ ихъ введетъ въ домъ ихъ нареченную себѣ по народному наименованію жену. Другіе же хотя и въ единомъ дому, но въ иную храмину входятъ и тайно на входящихъ сына и приводимую имъ любовницу смотрятъ, и не на лицо токмо, но и одеждъ стройность и ступаніе ногъ,—и симъ веселящеся услаждаются. Потомъ по малѣ времени, отъ затвора своего исходятъ и прилучившихся гостей любезно привѣтствуютъ; на сына же съ любовницей, аки на незнае-

мыхъ, и не взираютъ. Но на второй или на третій день, какъ законную сына жену, невѣсткою или снохою называютъ.»

Было пропасть разнаго рода пріемовъ, разнаго рода «хитростей» для заключенія новоженскихъ сожитій, пока жиловой расколъ еще не высвободился изъ подъ вліянія безпоповскаго монастыря и былъ въ необходимости изыскивать средства къ примиренію и взаимному удовлетворенію своихъ и монастырскихъ требованій. Сложилась цѣлая система новоженско-монастырскихъ сдѣлокъ. Вотъ еще двѣ изъ нихъ. «Овіи, лицемѣрящеся и да не будутъ познани отъ несогласныхъ, творятъ по подобію законобрачившихся: вмѣсто своихъ родителей, чуждыхъ нѣкіихъ призываютъ, и отъ тѣхъ, яко требующе благословенія, къ рачительницѣ своей отходятъ, и егда приведутъ любовницу въ домъ свой, то отъ тѣхъ поръ своихъ благословителей, яко истиніи супружницы, со св. иконою и прочимъ, къ тому принадлежащемъ, срѣтаеми бываютъ, причемъ благословители, какъ будто незная ничего о присходившемъ, вопрошаютъ: чего ради сами родители во время сіе не быша, но чуждымъ срадоватися мѣсто сіе даша? На сія ложныя отвѣтвословія вымышляютъ (сошедшіеся на сожитіе) и неудобства и препятія нѣкая предлагаютъ. Нѣціи же родители, да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, и сами таковой видимой блудотворной радости пріобщаются, овіи подаяніемъ благословенія при отхожденіи къ любовницѣ, овіи при введеніи въ домъ срѣтеніемъ св. иконою и прочими радостновидными дѣяніи; на за сіе, яко за весьма тяжкое преступленіе, что чадомъ своимъ соизволеніе на явное блудное смѣшеніе подали, приходятъ къ настоятелемъ (наставникамъ), приносятъ покаяніе и требуютъ прощенія. Настоятели же, разсмотряще качество человѣка, даютъ епитиміи въ наказаніе, и бываютъ отлучени общія молитвы и купнояденія. Когда же оная любовница сына ихъ, родитъ младенца, тогда, яко осквернившіися отъ единодомовнаго ихъ пребыванія, паки въ общемоленіе до четыредесяти дней и вящше приходити возбраняются. Младенцы же аще (по многомъ прошеніи, ибо по уставу ихъ старшихъ не вѣлено у таковыхъ крестити, развѣ страха ради видимаго т. е. въ случаѣ опасности смерти) и сподобляются крещенія, но питати матерямъ ихъ не повелѣваютъ, скотскимъ же млекомъ напояти не запрещаютъ, понеже скоты не согрѣшаютъ тако, яко же новожены,—того ради и лучше матерей вмѣняются.» Послѣ того, смотря по характерамъ и степени нравственной развитости, у однихъ новоженовъ начинается правильная семейная жизнь, но «другіе сопряженницъ своихъ истинными блудницами нарицаютъ.» Есть и такіе, которые «блудницами и наложницами сожительницъ своихъ называть стыдятся, а законными супружницами именовати боятся» и потому придумываютъ названія: домоправительницъ, попечительницъ, хозяекъ, прибылыхъ (приживалокъ), товарокъ и стряпухъ, обезпечивая ихъ, однако, въ будущемъ, пріобрѣтеніемъ на ихъ имя разнаго рода имуществъ; только, «стыда ради, предъ честными гражданы и въ присутственныхъ мѣстахъ женами называютъ; такожде и дѣтей незаконнорожденныхъ наслѣдниками своего

имѣнія, въ противность церковнаго и гражданскаго установленія, устрояютъ.»

Допускается и болѣе упрощенная форма новоженства. Безъ всякихъ обрядностей и торжественностей берется въ домъ любовница, въ видѣ прислуги, и вступаетъ во всѣ права хозяйки. Эта форма сожитія наиболѣе выгодна для безпоповскихъ наставниковъ, которые, по принадлежности къ той или другой безпоповской сектѣ, обязаны были являться формально строгими бракоборцами; потому что при такой формѣ новоженства, «хотя и случится отъ единодомовнаго пребыванія бременошеніемъ отягчитися и чадородію тайному быти,—держатели любовницъ не претерпѣваютъ студа, чтобы отъ общемоленія и единотрапезнаго вкушенія отлученнымъ быти, Рожденніи же младенцы, родителямъ ихъ только извѣстно, гдѣ сохраняются.»

Еще необходимо освѣтить одну сторону новоженской обстановки, когда въ семьѣ является постороннее лицо—безпоповскій наставникъ. «Настоятели егда призываеми бываютъ праздества совершати, безъ всякаго отрицанія приходятъ, впрочемъ не по приглашенію новоженовъ, а ихъ родителей, торжественно церковную службу совершаютъ; но токмо новоженовъ молитися купно съ собою не попущаютъ; въ притворѣ негдѣ стояти и слушати пѣнія и чтенія повелѣваютъ; но только ихъ хуже скотовъ вмѣняютъ, яко скоты безсловесные, случается, кажденія фиміамнаго сподобляются, яко же кони, въ память св. мученниковъ Фрола и Лавра, кропленія св. воды удостоиваются. Иніи же новожены, не имѣющіе родителей и хотяще празднество какое торжествовати, сродника каковаго нищаго въ дому имѣти тщатся или своего служителя. Настоятели же и прочіе празднолюбцы, егда услышатъ званіе, идутъ не отложно и по совершеніи молитвословія поздравляютъ не сроднику нищему, ниже служителю господина дому, но самому господину, блудника наименованіе носящему, и его рачительницѣ, господствующей въ дому, яко женѣ законной. Такожде, егда по молитвѣ представлена будетъ трапеза исполнена брашенъ, по окончаніи оныя, паки тому же господину благодаренія приносятъ. Во время же приключившихся болѣзней, когда новожены восхотятъ покаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, отцы духовные таковымъ болящимъ предлагаютъ, чтобы они дали обѣщаніе оставить, по народному наименованію, женъ, по залогу же и исповѣданію, сущихъ блудницъ, если хотятъ быть принятыми въ общемоленіе съ прочими, не вступившими въ новоженство, и по смерти поминовенія сподобиться. Въ виду смерти новожены даютъ обѣщаніе, но за то, что творится во время одержащія болѣзни и въ самый часъ разлученія отъ тѣла? Предстоитъ любовница у одра своего рачителя и при самихъ настоятеляхъ сѣтованные составляетъ вопли, припадаетъ къ персямъ больнаго, цѣлуетъ уста, лобзаетъ руцѣ и, къ себѣ жалостно прижавши, испускаетъ великія слезы и умильно проситъ распредѣлить имѣніе, коликое число и чего ради употребити»; при чемъ «*ниже отъ настоятелей*, ниже отъ прочихъ, сему *возбраненіе бываетъ*. И когда отходящему отъ жизни долженствуетъ прилежно каятися о прелести, ею же содержимъ былъ,

оный своей именуемой блудницѣ завѣщаваетъ о имѣніи и поминовеніи души,—въ то самое время, когда въ исповѣданіи предъ отцомъ духовнымъ не усумнился нарицати сожительницу свою блудницею и далъ обѣщаніе отлучиться отъ нея.» Послѣ того, «какъ законная жена, въ наслѣдіе любовница вступаетъ, *вспомоществуемая прочими*. Иногда же и сами настоятели ближнихъ своихъ попечителями о тѣхъ (сожительницѣ съ дѣтьми) устрояютъ. Аще же прежде умретъ любовница, тогда сожительствующій ея, яко о законной супругѣ, поминовеніе творитъ и надъ гробомъ на камняхъ наименованіе супруги надписываетъ. А иные завѣщаваютъ, да положатся и тѣлеса ихъ неразлучно. Аще ли же останутся у таковыхъ новоженовъ родители, тогда, по смерти сына, оставшую любовницу, яко законную жену, къ себѣ присвояютъ и чадъ ихъ внучатами воспитываютъ и св. иконами благословляютъ. Друзіи новожены, въ приключившихся болѣзняхъ, видя своя юностная лѣта и невоздержное плоти стремленіе, чтобы не быть отринутыми отъ своихъ любовницъ, боятся явити таковое, яко же предъявися, обѣщаніе, и тако (т. е. безъ покаянія) косою смерти посѣкаются и поминовенія не сподобляются. Иніи же, и давши въ болѣзни обѣщаніе, чтобы разрѣшитися (разойтись) съ своими любовницами, по выздоровлѣніи, начавъ вновь единодомовное пребываніе, разрушаютъ обѣщаніе, аки огнь съ сѣномъ соединившися; но настоятелями отъ общаго моленія не отлучаются, развѣ плодъ ихъ обликомъ явится.»

Не ради оригинальности только раскольничьяго литераторства, съ которымъ вообще слишкомъ слабо наше знакомство и которое, между тѣмъ, совершенно доступно по своей формѣ, привели мы такой длинный отрывокъ изъ имѣющагося у насъ списка съ рукописи одного изъ дѣятельныхъ защитниковъ брака—Гаврила Скаскова (1745—1821 г.), а по двумъ слѣдующимъ еще причинамъ: во первыхъ, чтобы показать всю глубину фарисейства, осистематизированнаго раскольничьимъ монастыремъ при установленіи отношеній его къ развивавшемуся все больше и больше новоженству, безусловное отрицаніе котораго стало для раскольничьей обители невозможнымъ. Все позволяетъ монастырь «мірскому» или жиловому расколу, все терпитъ онъ, только формы не уступаетъ. Можно жить съ какой угодно «любовницей», жить какъ угодно; нельзя только узаконять и освящать это сожитіе бракомъ, запрещено только видимое обнаруженіе семейной жизни—дѣторожденіе. Передъ исповѣдію требуется отрицаніе мужа отъ жены, и жены отъ мужа, а послѣ исповѣди предоставляется имъ полное право de facto вступить опять во всѣ семейныя обязанности и отношенія, какъ ни въ чемъ не бывало. Наставники-бракоборцы не допускаютъ новоженовъ до моленій «въ одной храминѣ (молельнѣ) съ «христіанами» и даютъ именоваться имъ законными супругами на могильныхъ памятникахъ, при молельняхъ. Они совершаютъ у нихъ всѣ службы, только не по призыву самихъ новоженовъ, а кого-нибудь изъ ихъ родныхъ или знакомыхъ, и т. д. и т. д. Для того, во первыхъ, распространились мы съ означеннымъ раскольничьимъ памятникомъ, чтобы видѣть, какъ новожен-

ство, изобрѣтая себѣ разныя формы сожитій, постепенно приближалось къ возстановленію всѣхъ тѣхъ обрядностей, которыя сложились народною нашею жизнію на случаи совершенія бракосочетаній, обрядностей, которыя, какъ будто замѣнили собою религіозное основаніе и освященіе семьи, которыя получили такого рода значеніе, что ихъ, повидимому, достаточно стало вполнѣ для болѣе или менѣе правильной организаціи семейной жизни. На это стоитъ обратить вниманіе... При той свободѣ, какая дана была новоженству въ устройствѣ семьи, при систематическомъ парализированіи семейнаго быта со стороны монастыря—совершенная неожиданность видѣть возможную ея въ этомъ отношеніи правильность. Дѣйствительно, напрасно было бы упрекать жиловой расколъ, въ значительномъ большинствѣ его, въ развратѣ; это было и есть по преимуществу принадлежность безпоповскаго монастыря и лицъ, близко поставленныхъ къ нему. Жиловой расколъ, напротивъ, даже съ униженіемъ себя предъ монастыремъ, настойчиво шелъ къ цѣли организаціи семьи, взамѣнъ монастырской распущенности.

Какъ бы это, впрочемъ, ни было, не подлежитъ только сомнѣнію то, что новоженство само выработало въ расколѣ семью и не при посредствѣ, первоначально, какихъ-нибудь богословскихъ теорій, а по простому народному инстинкту. Теорій еще не было и въ поминѣ, когда начала устроиваться семья. Это же дало новоженству громадное жизненное значеніе, громадную силу. И устроители семьи уже не могли останавливаться на полдорогѣ. Новоженству, въ лицѣ лучшихъ его по крайней мѣрѣ представителей, нельзя же было не чувствовать, по собственному его опыту, всей полноты монастырской безнравственности въ признаніи семьи неоффиціальной и отрицаніи, поруганіи семьи открытой; странно ему было терпѣть униженіе отъ этой безнравственности, которая, между тѣмъ, старалась стоять выше благоустроеннаго семейнаго быта; оно не могло выносить взгляда на новоженство, похотствующее только, какъ на что-то чистое, и на новоженство дѣтородящее, какъ на скверну, не уничтожаемую потому лишь, что монастырю этого не угодно было; ему нуженъ былъ бракъ открытый, съ признанною законностью его въ расколѣ. И вотъ оно повело борьбу съ монастыремъ дальше.

Прежде всего новоженство задалось задачей разбить то несостоятельное убѣжденіе монастырскаго раскола, что дѣвство—одно нормальное состояніе совершеннаго человѣка и потому должно быть обязательно для всѣхъ, кто не хочетъ быть «нечистымъ»; доказать, что, напротивъ, семейная жизнь, а не дѣвство, есть жизнь естественная; монашество же—удѣлъ не многихъ желающихъ. Но чтобы сильнѣе поразить на этомъ пунктѣ бракоборцевъ, новоженскіе писатели не ограничились одними отвлеченными соображеніями и книжными изысканіями, а основались на фактической несостоятельности обязательнаго дѣвства по явленіямъ изъ жизни самого раскола. Мы уже видѣли изображеніе новоженами монастырско-безпоповскаго разврата. Далѣе они нападали на то, что бракоборцы, не желающіе «во опредѣленіе брака явѣ вступить и дѣвъ и вдовицъ въ стряпухи поемше, тайное оскверненіе творятъ же,

робятъ плодятъ и всюду подкидыаютъ»; что бракоборцы «наряжаютъ только дѣвками бабъ», а вовсе не дѣвствуютъ съ ними; что мнимые иноки, «во образѣ женъ» путешествующіе по частнымъ домамъ и женскимъ обителямъ, только «мечтуютъ» въ своемъ воображеніи о дѣвствѣ, на самомъ же дѣлѣ они «сущіе фарисеи, имущіе одно имя чисто, а не дѣло; что монастырь систематически развращаетъ «отроковъ», что непризнаніе брака, при дозволеніи жить съ наложницами, работницами и кухарками, «есть явное попущеніе на любодѣйствіе», что «съ единымъ (исключительно) дѣвственнымъ путемъ» житье съ женами и рожденіе дѣтей, очевидно, не мирится. «Како дѣвою можетъ быть, спрашиваетъ одинъ изъ Покровскихъ настоятелей Иванъ Анисимовъ,—сожжена сущи совѣстію? Дѣво бо не тѣломъ точію быти должна, но и душею. Сія же т. е. безпоповская дѣвственница обоими сими осквернена и не чиста есть.» Да и вообще «нынѣшніи чистіи токмо о чистотѣ поучаютъ, дѣломъ же самымъ беззаконіе исполняютъ и развращеніе умножаютъ.» «Къ кому же убо причтемъ васъ? Ко іудеомъ ли? Но не примутъ сіи, яко супружество чтутъ и Божіе твореніе хвалятъ. Къ намъ ли (т. е. защитникамъ семьи)? Но не восхотѣсте послушати Христа, чрезъ Павла глаголюща: честенъ бракъ и ложе нескверно. Остается, наконецъ, съ язычники точію постановити васъ; но и тіи отвергнутъ же, яко нечестивѣйшихъ паче себя. Платонъ бо утверждаетъ, что благъ Той былъ, кто сію сотворилъ вселенную. Ты же (бракоборецъ) злымъ нарицаеши онаго и злыхъ вещей сотворителемъ. Но не ужасайся имѣти сообщникомъ ученія своего діавола и аггеловъ его, даже ниже сихъ; не мни бѣ, яко привлекшіи тебе въ неистовство сіе, сами де въ томъ находятся, ибо и они (т. е. дьяволы) знаютъ, что благъ есть Богъ... Еще ли убо дѣвствомъ величатися и симъ любославитися будете, а не паче отшедше оплакивати себѣ самихъ будете и сѣтовати о безуміи, коимъ васъ діаволъ, яко плѣнниковъ связавъ, во огнь геенскій влечетъ.» Новожены усиливались, такимъ образомъ, представить не себя, а «бракоборцевъ» сектою «невводителями не бывалаго прежде злаго ученія».

«Удивляется народъ,
Разныхъ званій каждый родъ;
Секта нова учредилась,
Вѣра дѣвства, что явилась.
Смотритъ, видитъ кто у ней,
Свойства духъ и волю въ ней.
Самовольно поступаетъ,
Въ заблужденье вовлекаетъ.
Внѣ закона въ ней составъ,
Буйный, лютый, вредный нравъ.
Совѣсть, разумъ омрачаетъ,
Пользы святости лишаетъ,
Новый давъ о томъ законъ,
Ясно здѣсь, каковъ и онъ.

Виды дѣвства учреждаетъ,
Бракъ законный истребляетъ.
Въ дѣвствѣ каждый прибывай,
Бракъ блудомъ теперь сознай.
Бракоборство то являетъ,
Духомъ вреднымъ заражаетъ.
Нынѣ браковъ нѣтъ нигдѣ,
Дѣвство должно быть вездѣ.
Въ рай путь брачный истребивъ,
Силой дѣвство наложивъ,
Староженамъ учредили,
Постъ, поклоны наложили:
За рожденіе дѣтей,
Мучить тяжко сихъ людей;
За четвертое жъ рожденье,
Прочь отъ вѣрныхъ отлученье.
Молодый въ бракъ не вступай,
Родъ потомства пресѣкай;
Отрокъ, дѣва не зачнися,
Въ свѣтъ природой не родися;
Дѣва, отрокъ умертвись,
Жизни въ ложеснахъ лишись.
Гидра адска пожираетъ,
Бракоборъ что взаконяетъ.
Сей учитель кровопійца,
Онъ злодѣй цареубійца,
Люты нравы водворяетъ,
Безъ ножей тутъ закалаетъ;
Вѣрныхъ роды погубляетъ,
Церковь Божью истребляетъ...
Воинство врага явилось,
Жало смертное вселилось,—
Человѣка истреблять,
Царствовать его лишать;
Чинъ вселенной разрушать,
Дерзко къ Богу воевать.
Повсемѣстное убійство,
Явно гнусное безстыдство...
Фараонъ дѣтоубійца,
Иродъ злобный кровопійца, —
Грѣхъ тогда ихъ легче былъ,
Мужескъ полъ одинъ губилъ.
Бракоборъ же взаконяетъ,

Оба полы умерщвляетъ;
И въ родахъ не помогать,
Мать младенца оставлять;
Скорби, боли да терзаютъ,
Смерть хоть тутъ—не сострадаютъ...
А себя по вѣрѣ чтетъ,
Какъ бы святостью течетъ...
Вѣра нова бракоборна,
Зла зараза студотворна...
Вѣра образомъ смиренна,
Мерзость лестью покровенна.
Книги, служба тутъ старинны,
И иконы неповинны;
(Но) образъ видомъ благочестья,
Полонъ мерзостей злочестья;
Тутъ собранье—вавилонъ,
Хоть является сіонъ...
Чаша видомъ внѣ златая,
Вавилонка обольщая (?)...
Въ бракоборствѣ смертный ядъ,
Тутъ владыкой супостатъ;
Ложну дѣвству злый учитель,
Самъ діаволъ предводитель;
Богу, людямъ, врагъ-злодѣй,
Душегубецъ асмодей...

Какъ же послѣ этого «отвращатели совокупленія мужа съ женою» смѣютъ, продолжали защитники семьи, браки гаждати и сія разоряти», сами, «и съ выею въ беззаконіи погрязшіе»? Да и что страннаго видятъ бракоборцы (по теоріи) въ «супружескомъ совокупленіи»? Хотя «и единою (однажды) рѣчено быть: раститеся и множитеся и наполняйте землю»; но «по вся лѣта дѣло бываетъ, силу творя естеству нашему на плодотвореніе, по роду и подобію всякаго роду: скотска и звѣрска и птичія и въ водахъ всякаго роду и въ древахъ всякаго плода и въ травахъ всякаго овощія.» «Законы божественные неизмѣнны въ природѣ, и преемство родовъ, чрезъ подобіе, строго соблюдается: конь коня преемникомъ себѣ творитъ, левъ—льва, орелъ—орла, и ни какое время не растлѣваетъ животныхъ средства, но, яко бы нынѣ устроено было, естество всегда купно со временемъ течетъ. И аще безсловесныя животныя, по Божію благословенію, продолжаютъ и продолжать будутъ бытіе свое, вся бо на земли и въ водахъ пребывающая и по воздуху летающая рождаются и рождаютъ, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ своего рода наслѣдіе, то како же человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, такого благословенія лишится и будетъ претерпѣвать отъ воспламененія плоти великую нужду и неволею носить не всѣмъ удобоносимое бремя?

Воззрите на себя первѣе: откуду родилися вы мнимые дѣвственники, чистоту имущіе? Откуда родился Ной, праотецъ нашъ? Откуда Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Предтеча Никола и прочіе святые? Всѣ отъ законнаго супружества произошли.» Поэтому, правильная семейная жизнь только и избавляетъ людей отъ неизбѣжныхъ въ иномъ состояніи пороковъ. «Ибо, ежели человѣкъ впадаетъ въ безчестныя и безаконныя сквернодѣянія и гнусные пороки, то егда обрящаетъ гдѣ согласное себѣ лицо, способное мѣсто и удобный случай; тогда невоздержно, аки конь свирѣпый, устремляется ко исполненію своего мерзостнаго желанія, не разбирая времени, не разсуждая праздника и поста. И ежели отъ таковаго зазорнаго дѣянія зачнется и родится младенецъ, то отецъ и матерь, яко о чуждо рожденномъ, не будутъ стараться о его соблюденіи здравія, о воспитаніи и наученіи христіанскаго закона и гражданскаго честнаго жительства и поведенія. Но чтожъ къ сему можетъ привести? Не иное что, какъ токмо превосходящее многихъ людей силы отъ законнаго брака удержаніе. Когда Григорій, папа римскій, издалъ повелѣніе, чтобы священнослужителямъ не имѣть женъ, то они видимо исполняли (повелѣніе), а тайно дѣлали различныя грѣхопаденія; и когда случилось святѣйшему папѣ приказать въ своемъ прудѣ ловить рыбу, тогда рыболовцы наловили 6,000 младенческихъ головъ...» «Того ради, лучше не внимать беззаконнымъ (бракоборцамъ), отвращати отъ нихъ очи разума и придерживаться тѣхъ, кои правомудро разсуждаютъ о законномъ бракѣ, не боясь страха, идѣ же нѣсть его. Того же ради, елицы имате юныя дѣти и въ мірское житіе приводите хощете, скоро подъ иго брака привлачайте, понеже бо младыхъ сущихъ похоти стужаютъ. И егда отрокъ возрастетъ, о брацѣ его печалуй прежде воинства (со страстьми), и аще онъ увѣдаетъ, яко скоро ему невѣсту приведеши и до этого время уже кратко,—возможетъ пламень (страстей опять) претерпѣти. Аще ли же помыслитъ, яко лѣнишися ты и косниши и ожидаеши; тогда долгаго ради времени—поползнется на блудъ... Прочее же оставляется читателю...»

Надо, однако, отдать полную справедливость брачникамъ въ отношеніи полемической ихъ сдержанности. Не смотря на полный разгаръ спора, они не дошли до крайности совершеннаго отрицанія ученія своихъ противниковъ, т. е. бракоборства, въ смыслѣ защиты имъ иночества или дѣвства; они настаивали на томъ только, что дѣвство должно оставаться удѣломъ избранныхъ, а не быть обязательнымъ для всѣхъ; иначе оно, по справедливому ихъ замѣчанію, дѣлается скопчествомъ, которое, какъ невольное дѣвство, «ничтоже хвалится.»

Различные пути въ небесно царство вводятъ,
Которые по нихъ разсудно ходятъ:
Отъ скверныхъ дѣлъ бѣгутъ, хранятъ святое дѣвство,
Словами, дѣломъ всѣ являютъ чисто дѣйство.
Не могутъ ли вмѣстить, въ законный бракъ вступаютъ,
Дѣтей родятъ, а Бога прославляютъ.

Едина церковь всѣхъ въ объятія пріемлетъ,
Христосъ, ея женихъ, хранитъ и не воздремлетъ;
Не пуститъ онъ волковъ, чтобъ стадо разогнали,
Нелѣпость бы ввели, законъ святой попрали;
Предѣлы бы творца, конечно, отложили,
Хотѣнія свои на вѣки бъ утвердили;
Словесныхъ естеству въ иное претвориться,
Съ женами *всѣмъ* не жить и дѣтямъ не родиться.
Но въ камень претворить едва ли всѣмъ возможно, —
Все сказанное здѣсь во истинну не ложно.

Въ пользу дѣвства дѣлались даже большія уступки.

«Хотя и честенъ бракъ, но *ниже* дѣвства есть,
Не можетъ съ дѣвствомъ онъ имѣть такую жъ честь.»

Только

«Прекрасно дѣвство есть, кто чисто соблюдаетъ,
И всѣ пороки прочь далече прогоняетъ.»

Или надо знать,

«Какое въ существѣ дано опредѣленье:
Какъ множиться, расти, всегда такъ пребывать,
И вида своего никакъ не измѣнять.
Богъ создалъ выше всѣхъ словесна человѣка,
И тварь всю покорилъ владѣть ему до вѣка;
Онъ мужа и жену на свѣтъ сей произвелъ,
И жизни ихъ конецъ поставилъ имъ предѣлъ;
И бракъ опредѣлилъ, чтобъ людямъ умножаться
И самымъ токмо симъ во вѣки продолжаться.»

Даже вотъ какую уступку брачники дѣлаютъ бракоборцамъ: «аще бы вси брачніи были, то имѣли бы неотложное попеченіе о своей женѣ и дѣтяхъ, и како бы могли встати противу враговъ, нападающихъ на церковь Христову (т. е. на расколъ)? Не было бы имъ столь свободнаго времени гремѣти златословесными ученіями, и церковь Христова не имѣла бы таковаго богатства разума.» Поэтому «ради умноженія талантовъ» должно постоянно пребывать дѣвство.

Но какъ ни ясно, какъ ни безпристрастно представлялось дѣло со стороны брачниковъ, бракоборцы «ни мало о семъ слышати хотѣли, а пребывали въ своемъ закоснѣніи,—одебѣлеша бо сердца ихъ.» Они начали съ своей стороны доказывать, что пусть все это такъ, пусть являются плотскія грѣхопаденія, мы и сами не защищаемъ ихъ, напротивъ, соболѣзнуемъ; но вотъ бѣда: «нѣтъ нынѣ священства» (наше священство не признается), а безъ священства не можетъ быть брака т. е. таинства: «кромѣ священнословія совокупляющіися на грѣхъ сходятся», безсвященнословные браки всегда именовались незаконными и наказывались эпитиміями, какъ «блудническіе.» Какъ же

«нынѣ мощно воспріяти бракъ? гдѣ мощно обрѣсти законъ?» Нѣтъ, «кончался бракъ.»

Подобнаго рода возраженіямъ, дѣйствительно справедливымъ, приписывалось особенное значеніе; въ нихъ видѣли бракоборцы всю свою силу, расчитывая, что въ виду общаго безпоповскаго ученія о взятіи священства на небо и оставленіи раскола съ двумя только таинствами (крещеніемъ и покаяніемъ), опровергать ихъ не посмѣютъ. Но брачниковъ возраженія эти уже не могли остановить на полдорогѣ. Они отвѣчали: пожалуй, мы и не прочь имѣть священство, даже умильно его просимъ для законнаго совокупленія желающихъ; «съ священствомъ вельми бракъ добръ, полезенъ и великолѣпенъ», но если его уже нѣтъ (неправда), то нечего объ этомъ и толковать. Какъ установили всѣ безпоповцы крещеніе и покаяніе, совершаемыя простыми людьми, такъ точно надо поступить и съ бракомъ; въ противномъ случаѣ, т. е. если отвергнуть это начало, потеряютъ значеніе и безпоповскія крещеніе съ покаяніемъ. «Нѣсть у насъ священника», но есть «архіерей великій, невидимо присутствующій при совершеніи брака, яко въ Канѣ Галилейской.» И дѣйствительно, продолжали брачники, если разобрать дѣло, тогда окажется, что «не по обрядамъ какимъ либо молитвословнымъ или вѣнцесловнымъ великолѣпностямъ бракъ тайною называется, но по святѣйшимъ свойствамъ Христова съ церковію соединенія, по теплѣйшей любви и тѣснѣйшей связи законосочетавшихся. Вѣнчаніе же (церковное) не есть тайна, ниже содѣйствіе къ тайнѣ, на бракъ претворяющее, а есть токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное. Ибо и въ первенствующей церкви надъ совокупляющимися бракомъ священническихъ молитвъ не было (?), и около налоя не ходили, но токмо съ единымъ благословеніемъ и соизволеніемъ родителей и самихъ сопрягающихся бракъ законно совершался, о чемъ показуютъ церковныя исторіи (*сочиненныя* старообрядцами) и правильныя книги. Да и всякій, имѣющій здравый разумъ, скажетъ, что сущности вещей, равно и брака, непремѣняемы.» А если бракъ установленъ самимъ Богомъ, то какъ онъ можетъ уничтожиться съ уничтоженіемъ священства? «Посему и видимъ, что прежде и въ невѣрныхъ и иновѣрныхъ, у коихъ священнословіе быти не могло, браки пребывали неизмѣнно и отъ св. церковныхъ учителей именовалися законными. Ибо по воспріятіи таковыми православныя вѣры ничего надъ ними церковными установленіями дѣйствовати не предано; они были оставляемы безъ всякаго направленія и навершенія.» «Незаконные браки бываютъ только тамъ, гдѣ, по подобію бывшихъ во время Ноя исполиновъ, содѣваются оные не въ вѣчно нерасторжимое житіе, но токмо въ удовольствіе своего сладострастія, гдѣ хотящіи женитися, тайно согласившеся, уходятъ, не извѣстивши никому о семъ.» Такое же тайное «бракосовокупленіе, если и съ іерейскимъ благословленіемъ бываетъ, есть беззаконно; и потому оно не токмо не освобождаетъ сочетавшихся отъ наименованія блудниковъ, но и священника, дерзнувшаго сіе сотворити, подвер-

гаетъ наказанію. Нынѣ же у православныхъ христіанъ (т. е. у брачниковъ) дѣйствуемы браки бываютъ не тайно, но явно и съ родительскимъ благословеніемъ; посему и не могутъ подпадати подъ наказаніе блудниковъ, но суть законны и правильны.»

Съ точки зрѣнія безпоповства (*), достаточно было и этихъ соображеній для того, чтобы показать несостоятельность возраженій бракоборцевъ противъ семьи (а не противъ таинства брака). Но брачники не остановились еще на этомъ. Они построили цѣлую теорію отстаиваемой ими законности браковъ, разобравши ихъ со всѣхъ сторонъ: со стороны сущности, матеріи, формы и проч. Теорія эта представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Бракъ есть таинство, писали брачники, совершаемое со взаимнаго согласія жениха и невѣсты, по благословенію Божію, въ знакъ союза Христа съ церковію, для рожденія и воспитанія дѣтей въ Царство Христово» (Споры безпоповцевъ о бракѣ, въ Прав. Обозр. 1864 г.). Теперь анализъ этого общаго положенія. «Что есть матерія» или сущность брака? спрашиваютъ брачники, и отвѣчаютъ: «вещь сея тайны мужъ и жена сопрягающіися честно; когда есть женихъ и невѣста, то изъ того и бракъ всегда производится; аще же нѣтъ жениха и невѣсты, то и бракъ не можетъ состояться.» Отсюда священническое благословеніе у брачниковъ уже перестаетъ быть необходимостью; потому что (?) и «крещеніе, говорятъ они, существо свое получаетъ не отъ псалмовъ и тропарей, не отъ молитвъ и возгласовъ, но отъ трикратнаго погруженія съ приглашеніемъ (?) тріипостаснаго божества.» Равнымъ образомъ и «покаяніе истинное бываетъ не отъ чтенія или нравоученія съ минами, но отъ чистосердечнаго раскаянія.» И «каждая тайна бываетъ сама собою, а не отъ внѣшнихъ дѣйствій, ее представляющихъ въ пышномъ видѣ.» «Что есть форма брака и отъ чего онъ приходитъ въ совершенство?» Отвѣтъ: «оныя брачущихся глаголы, яко по любви сопрягаются и обѣщаются; словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ (Кормчая); исповѣданіе рѣчей ихъ предъ обрѣтающимися тогда, сирѣчь: хощеши ли мя? Хощу тя. Но если бы отъ священника проистекало браку совершенство, то сими свидѣтельствами было бы сказано: браку совершенство должно получить отъ іерея, а не предъ іереемъ; ино бо—имъ, ино бо—предъ нимъ. Посему возможность, дарующая браку полный образъ, есть только взаимное обязательство брачущихся, выражаемое словами: хощу, беру, иду, моею властію.» Стало быть, священникъ, если и имѣетъ, по несправедливому утвержденію брачниковъ, какое либо значеніе въ совершеніи брака, но не больше какъ свидѣтель, безъ котораго всегда можно обойтись (?); «дѣйственникъ же сея тайны самъ Господь Богъ.» Но онъ разъ навсегда сказалъ: «раститеся и множитеся.» «По семъ же брачущіися сами себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголя: азъ тя посягаю въ жену, азъ же

(*) Только съ точки зрѣнія безпоповства. Но мы пишемъ не полемическую статью и потому не можемъ входить ни въ какія въ этомъ отношеніи подробности, тѣмъ болѣе, что «новожены и бракоборцы» и безъ того опровергаютъ другъ друга.

тя посягаю въ мужа,» что «состоитъ въ воли сопрягающихся токмо.» Кто же, послѣ этого «будетъ такъ мало правосуденъ, что такую тайну не утвердитъ въ ея справедливости?» «Адамъ и Ева, Сифъ и Енохъ, иже угоди Богу, праведный Ной, спасшійся въ ковчегѣ, великіи угодники Божіи: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, да и по плененіи вавилонскомъ: Захарія и Елизаветъ, Іакимъ и Анна и ключарь небеснаго царствія св. Петръ—вси сіи бракосопряженіи были, но чина вѣнчанія, каковъ положенъ въ греко-россійскихъ потребникахъ, на всѣхъ оныхъ не было; а всѣ сіи бракъ законный имѣли и блудодѣятели не были, и ни отъ кого не имѣновались» (*). Явившееся же въ христіанствѣ требованіе священническаго благословенія объясняется стремленіемъ, будто бы, подчинить простой народъ іерархіи: «понеже тогда святіи простой народъ привязывали къ чину священному, повелѣвая и начатки овощей приносить къ священнымъ лицамъ;» посему то св. Игнатій (Богоносецъ) пишетъ: «нелѣть есть безъ епископа ни крестити, ни жертвы проскомисати, ни церковныхъ пировъ совершати.» Но не смотря и на это, долго не утвердилось въ церкви, по мнѣнію брачниковъ, нынѣшнее браковѣнчаніе: «много тысящъ, до открытія въ свѣтѣ брачнаго чина, сочетались съ однимъ епископскимъ спросомъ; въ два вѣка безъ малаго отъ начала вѣнчанія браки совершались всѣ почти съ однимъ причастіемъ или родительскимъ благословеніемъ; семь сотъ слишкомъ лѣтъ отъ Великаго Василія до Алексѣя Комнина браки отправлялись вездѣ и всѣ почти, кромѣ императоровъ, господъ и именитыхъ гражданъ, безъ священнословія и вѣнцовъ; до Ѳедора Вальсалома — безъ вѣнцовъ и прочихъ пышностей. Россійскіе князья и государи супружества съ иновѣрными производили 500 лѣтъ послѣ Алексѣя Комнина. Гдѣ же

(*) Раскольники ведутъ еще длинный перечень «браковъ, отправленныхъ безъ брачнаго церемоніала или чина, положеннаго въ требникѣ.» Вотъ, ради оригинальности, перечень этихъ браковъ, напечатанный въ спис. раск. соч. А. Б: матери священномученика Климента Анкирскаго—христіанки съ эллиномъ; матери св. Григорія Богослова съ эллиноіудеяниномъ; матери мученика Пантелеймона съ язычникомъ; мученицы Вассы съ эллинскимъ жрецомъ; мученицы Наталіи съ эллиномъ Адріаномъ; сестры Константина великаго съ иновѣрцемъ; дочери Владиміра великаго Предславы съ королемъ венгерскимъ Андреемъ; другой его же дочери съ королемъ богемскимъ; третьей Маріи—съ Казиміромъ польскимъ; самаго Владиміра съ Анною греческою; Елизаветы Ярославовны съ Гаральдомъ, королемъ норвежскимъ; Анны Ярославовны съ Генрихомъ французскимъ и потомъ съ Рудольфомъ, графомъ во Франціи; Маріи Ярославовны съ Казиміромъ Болеславичемъ польскимъ; Евпраксіи, дочери в. к. Всеволода, съ маркграфомъ бранденбургскимъ Генрихомъ I и потомъ съ римскимъ цезаремъ Генрихомъ IV; Анастасіи Всеволодовны съ Болеславомъ IV, польскимъ; Вышеславы Всеволодовны съ Болеславомъ II; Сбиславы Святополковны съ Болеславомъ III; Предславы Святополковны съ Янерикомъ, королемъ венгерскимъ; Епифаніи, сестры греческихъ императоровъ, Василія и Константина, съ королемъ римскимъ Оттономъ; дочерей Владиміра II: Софіи съ венгерскимъ королемъ Белою II, Анастасіи съ Болеславомъ польскимъ; дочери Мстислава I, Владиміровича, Елены съ Гейзою, королемъ венгерскимъ; дочери Всеволода II, Ольговича, съ Болеславомъ Владиславичемъ польскимъ; Евдокіи Всеволодовны съ польскимъ королемъ Мстиславомъ III и т. д. и т. д. еще списокъ длиненъ; онъ ведется до обрученія дочери Бориса Годунова Ксеніи съ датскимъ королевичемъ (Опис. раск. соч. А. Б.).

у сихъ браковъ были священныя молитвы, пѣніе, великолѣпные вѣнцы? Навѣрно, они этой пышной наружности были лишены и только довольствовались одной брачной сущностью, т. е. совершеніемъ супружеской тайны, словами совокупляющихся и изволеніемъ ихъ внутреннемъ.» (Опис. раск. соч. А. Б.)

Само собой разумѣется, что для православія подобнаго рода доказательства явились бы очень бездоказательны, потому что таинство, по ученію православному (за исключеніемъ крещенія по нуждѣ), безъ священника — вещь не мыслимая; но въ глазахъ раскольниковъ-безпоповцевъ они должны были имѣть все значеніе. Что же могли сказать въ отвѣтъ брачникамъ бракоборцы? Вмѣсто разсужденій, они начали злиться и драться. Надо знать напередъ, что московскіе брачники—прихожане покровской молельни употребляли самыя усиленныя старанія къ тому, чтобы утвердить бракъ, не производя раздѣленія изъ за него въ расколѣ; въ этихъ видахъ, они составляли разныя собранія и совѣщанія съ бракоборцами, представителями коихъ было преображенское кладбище, посылали къ нимъ миролюбивыя посланія и т. д. Вотъ такъ однажды отправили покровцы съ письмомъ къ Ковылину нѣкоего Лаврентія Ѳедотова, чтобы условиться на счетъ сходки. Ковылинъ взялъ письмо «со вложеннымъ увѣдомленіемъ» и не распечатавши «проворными руками ращипалъ то и другое въ мелкіе куски и влепилъ ихъ вмѣстѣ съ сургучемъ подателю въ лицо съ упругомъ», да такъ, будто, влепилъ, что, «далъ почуствовать изрядную боль и оставилъ на лицѣ знакъ.» Дѣлать нечего, пришлось Ѳедодотову воротиться къ своимъ «съ начертаннымъ лицомъ.» Въ другой разъ Ковылинъ избилъ посланнаго по щекамъ. А о бракѣ и слышать не хотѣлъ: «я-де отъ васъ брачниковъ никакого книжнаго свидѣтельства не пріемлю, и не представляйте мнѣ ни семи вселенскихъ соборовъ, ни девяти помѣстныхъ, ни апостольскихъ правилъ. Или въ конецъ вамъ сказать: аще бы и самъ Христосъ съ небеси сошелъ со архангелы и велѣлъ бы мнѣ: Илья! пріими-де новоженовъ въ согласіе себѣ, я бы ему сказалъ: не послушаю тебя, Христе; рѣче-де мнѣ такъ отецъ мой Илья Ивановъ при смерти своей: какъ-де ты наученъ, такъ и стой; аще онъ будетъ въ адѣ, то и я съ нимъ; аще въ царствіи, то и я съ нимъ; того ради я ученія его не отстану и не измѣню. И еще скажу вамъ: аще вы будете и чудеса творить или мертвыхъ воскрешать, не пріиму васъ въ сообщеніе себѣ. Еще же (т. е. кромѣ отца) мнѣ и хорошіе люди присуждаютъ: какъ-де я былъ въ Питерѣ и случилось мнѣ быть у генерала Потемкина, и онъ мнѣ говорилъ: Илья! какъ-де ты наученъ, такъ и стой, а своего толку не заводи; и я-де ему за то въ ноги поклонился: благодарствую, батюшка, на добромъ совѣтѣ.» Ужъ коли на то пошло, въ запальчивости кричали бракоборцы, такъ «лучше имѣть нынѣ сто блудницъ, нежели брачиться....» Да и блудницы эти не отстали отъ своихъ вожаковъ. Вотъ «собственное израженіе дѣвственницы Ѳедосѣевки», сочиненное однимъ изъ брачниковъ, Андреяномъ Сергѣевымъ (разъ уже мы его называли).

«Слышу, вижу, понимаю,
Я что, я въ чемъ, я то знаю.
Относительно жъ меня,
Здѣсь вамъ мыслить отъ себя.
Что угодно понимайте,
Какъ хотите называйте,
Я стыда ни въ чемъ не знаю,
Что держу, то изражаю.
Не боюсь,
Не стыжусь.
Что угодно разсуждайте,
Какъ хотите называйте.
По сему
Хоть кому....
Сколько видно я полезна,
Иль кому я въ чемъ несносна;
Называй, порицай, что постыдно,
Вѣрѣ, совѣсти противно;
Но творю,
Говорю:
Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не сознай;
Дѣвка замужъ не ходи,
Староженка не роди
Тайна брака истребися,
Дѣтородство запретися (*).
Какъ угодно поживи,
Не въ законъ жену держи.
Сколько хочешь народи,
Только замужъ не ходи....
Въ вѣрѣ исповѣдь спасетъ (?)....

(*) Что къ зачатью человѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ творецъ не посылаетъ,
Самъ діаволъ помѣщаетъ;
Сатана зиждетъ людей,
Множество числомъ семей;
Въ томъ невѣрны помогаютъ,
И враги тожъ пособляютъ.
Сына, дочь не сочетать,
Мать, отца за бракъ изгнать.
Староженкамъ наблюдати,
Чтобъ дѣтей не сочетати.
Къ браку умножить слѣдовъ,
Казни будутъ трехъ родовъ.

Вотъ до чего договорились; вотъ конечные плоды моральнаго развитія раскольничьяго монастыря! И брачники съ полнымъ правомъ могли сказать бракоборцамъ: «о! тѣ, которые основываютъ бренныя свои системы на слабыхъ положеніяхъ; тѣ, которые гоняясь за тѣнью церемоній, обезображиваютъ всю истину постыдною подлостью! Имъ надобно взойти самимъ въ себя и разсудить, не лучше ли примѣниться единой женѣ, какою бы то церемоніею ни было, только бы съ твердымъ намѣреніемъ къ благословенному продолженію человѣческаго рода, къ честному и неблазненному общежительному состоянію, нежели безъ плана, безъ цѣли, какъ ни попало, удовольствовать только стремленіе срамной похоти! О стыдъ! О позоръ для нашей старовѣрческой религіи! О нравы необузданные! О сердца, изрыгающія порочныя мысли, чуждыя святости христіанской! О тѣ недугующіи раздорами и суесловіемъ лжеименованнаго разума, сѣдые, но невѣжественные пастухи! Что они думаютъ? Они, конечно, много о своей святости воображаютъ... Они суть душевни, бѣсовски, Духа святаго неимущіи. Почему же? Потому что самонравны, вздорны, сварливы, непримирительны, злобны. А къ симъ нравамъ если прибавить мнѣніе ихъ о супружествѣ, прикрытое лисьимъ

Староженамъ тожъ самимъ
Сохранять воздержность имъ.
Тожъ дѣтей бы не рождати,
За рожденье жъ отлучати.
Кто воздержность измѣняетъ,
Въ вѣрѣ что дѣтей рождаетъ,
Кобелищь разумѣть,
Въ чистой вѣрѣ не имѣть.
Чистоту мы умножаемъ,
Вѣру дѣвства защищаемъ.
Повивалками не быть,
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохраняйте,
И въ родахъ непомогайте
Какъ угодно поживи,
Не въ законъ жену держи.
Тверды въ вѣрѣ пребывайте,
Жизни брачной не примайте.
Сколько хочешь народи,
Только замужъ не ходи.
Страсть любовну поправляти,
Покаяньемъ очищати.
Насъ отцы за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.
Кто же браки принимаетъ,
И въ законность почитаетъ
Тамъ иконамъ не молись,
Безъ моленья обойдись.
Что же гдѣ у насъ иконникъ,
Студный, явный беззаконникъ.

хвостомъ, о чемъ также, не щадя ихъ святости, сказано: въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею святостію, внемлюще духовомъ лѣстчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, возбраняюще жениться,—то святость ихъ мнимая и поумалится или, можетъ, совсѣмъ исчезнетъ; а останется только въ собственный удѣлъ ихъ буйство, невѣріе и суевѣріе....» Совершенно такъ. Но упрямство Ковылина и «израженіе дѣвки Ѳедосѣевки» можетъ имѣть нѣсколько и иной смыслъ. Припомнимъ, что сказано было нами въ разныхъ мѣстахъ статьи о значеніи въ расколѣ монастыря съ его корпораціей; тогда упрямство Ковылина нѣсколько объяснится,—Ковылина, требовавшаго отъ молодежи не подвижничества, а веселой работы на богатыхъ преображенскихъ фабрикахъ.... Вчитайтесь со вниманіемъ и безъ моральной брезгливости въ «израженіе» Ѳедосѣвки, и вы вспомните Китовъ Китычей Островскаго. Ѳедосѣевка ратуетъ за монастырь потому, что онъ даетъ ей полную свободу распоряжаться собой, во всѣхъ отношеніяхъ.... Иначе было бы физически не возможно, не естественно такое фанатическое, готовое на все презрѣніе матери къ собственнымъ ея дѣтямъ, никакими и животными инстинктами его нельзя было бы объяснить. Ругается и топчется ногами все, что мѣшаетъ свобод-

---

Тутъ иконамъ помолись,
Осуждать грѣхи страшись.
Похоть плоти пребываетъ;
Въ жизнь любовну вовлекаетъ.
Въ вѣрѣ исповѣдь спасетъ.
Въ домы царствія внесетъ.
Христіанамъ бракъ приняти,
Новоженствомъ называти.
Новоженовъ разумѣть,
Правило о нихъ имѣть.
Новоженка сохрани,
Изъ горшка млекомъ корми,
А не грудію своею,
И не мерзостью твоею,
Но коровьимъ молокомъ,
Для спокойствія о томъ.
Вѣрныхъ чтобъ своихъ дѣтей,
Окрещенныхъ какъ людей,
Ко крещенью допускати,
Мать, отца ихъ разлучати.
Купно жить не позволять,
По деревнямъ разгонять.
Вмѣстѣ будутъ проживати,
Ихъ дѣтей не отпѣвати,
Ни крестить всегда, нигдѣ,
Здравыхъ ихъ дѣтей нигдѣ.
Вмѣстѣ съ ними имъ не жити,
Въ разныхъ домѣхъ имъ пребыти.
Пѣстовать дѣтей не должно,
Удаляться ихъ какъ можно.

ному, какому-то пьяному, разгулу жерщины. Ненормальность—ненормальностію же и вызванная! Вотъ почему, между прочимъ, найдете вы теперь всюду по раскольничьимъ деревнямъ, что извѣстная часть женскаго поколѣнія непремѣнно отдѣляется на мнимое монашество; что это послѣднее по преимуществу отстаивается женщиною; что женщины составляютъ преобладающій элементъ въ монашествѣ; что, наконецъ, иныя «дѣвки» заклинаютъ себя отъ замужества.... Это такъ называемыя келейницы, составляющія маленькія обители или общины по деревнямъ со всѣмъ наружнымъ благочестіемъ и съ полнѣйшею распущенностію нравственною. Кельи — это раскольничьи клубы, въ которые старики и старухи собираются для чтеній и разнаго рода собесѣдованій о своихъ дѣлахъ и ученіяхъ, а молодежь для того, чтобы весело провести время.... Въ подробности входить здѣсь нѣтъ надобности....

«Израженіе дѣвственницы Ѳедосѣевки»—для меньшинства и «бракъ, какъ тайна сопрягающихся», для большинства — послѣднее слово безпоповскаго

Ихъ избавиться напасти,
На одномъ столѣ не ясти.
Въ банѣ съ ними имъ не мыться,
Разной шайкой отдѣлиться.
Ихъ съ разводомъ исповѣдать,
Въ ихъ домѣхъ намъ не обѣдать.
Въ домѣ ихъ Христа не славить,
Какъ невѣрныхъ ихъ оставить,
Чтобъ повсюду дѣвству быть,
Брачны жизни истребить.
Въ бракъ входящихъ отлучать,
Троицы святой лишать.
Вѣру дѣвства знать бы впредь,
Брачныхъ всюду бѣсу въ снѣдь.
Братья наши хоть различны,
Что собой всегда отличны;
Одновѣрство въ насъ творитъ (?),
Братство наше состоитъ.
Дѣвственникъ и старожены,
Новоженъ и дѣвкожены,
Вкупѣ тутъ же тайноженъ.
И въ союзѣ много женъ,
Въ бракѣ бывъ блудомъ покайся.
Съ жизнью здѣшней разлучайся.
Вѣра наша лучше всѣхъ,
Къ чистотѣ что въ насъ успѣхъ.
Ѳедосѣвы научили,
Вѣру дѣвства учредили.
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ,
Будетъ знать хоть цѣлый свѣтъ.
Дѣвства духъ явился самъ,
Образъ свой представилъ вамъ.

раскола по вопросу о бракѣ, послѣднее, по крайней мѣрѣ, по извѣстнымъ доселѣ печатнымъ и рукописнымъ памятникамъ (*). И намъ слѣдовало бы на этомъ остановиться; тутъ конецъ исполненію, поставленной нами въ началѣ статьи задачи. Но намъ хотѣлось бы еще отвѣтить, хоть коротенько, или, по крайней мѣрѣ, поставить два слѣдующіе вопроса: 1) нѣтъ ли какихъ-нибудь особенностей въ раскольничьей семьѣ, съ такими напряженными усиліями завоеванной у монастыря? и 2) можно ли назвать безпоповскій бракъ гражданскимъ, какъ иные думаютъ?

Исторія раскола и внимательное изученіе «бракоборныхъ» сочиненій на первый изъ этихъ вопросовъ даютъ отвѣтъ, до извѣстной степени, положительный, на послѣдній — отрицательный.

Если мы воспроизведемъ все сказанное доселѣ о возникновеніи и постепенномъ развитіи бракоборнаго вопроса, тогда увидимъ слѣдующее любопытное явленіе: брачное сожитіе на первыхъ порахъ не имѣло ни малѣйшаго юридическаго (съ точки зрѣнія раскола) обезпеченія; оно опиралось рѣшительно на одной только взаимности, которая могла разрушиться всегда и всѣми. Среди жиловаго раскола еще могла дѣйствовать традиція, привычка. Но возбужденіе стремленія къ правильному устройству семьи и ея упроченіе подлѣ всесильнаго, нѣкогда, раскольничьяго монастыря — дѣло, казалось бы, просто непостижимое: на почвѣ разврата устраивается семья!... Что же въ этомъ случаѣ пособило? Да ни больше, ни меньше, какъ созданіе расколомъ женской монастырской корпораціи, обезпечивавшей собою для женщины внѣшнюю защиту и не особенно взыскательной къ нравственнымъ ея паденіямъ. Подъ охраною своей собственной корпораціи, женщина имѣла не мало возможности дѣлать свободный выборъ суженаго и, главное, не давать ему много разгуливаться надъ собой; еслибы это послѣднее случилось, монастырь сейчасъ прикрылъ бы ее, такъ и не всегда разыграется молодецкая рука «дружка милаго.» И мы дѣйствительно видимъ, что у раскольниковъ-безпоповцевъ остается мѣсто свободѣ молодыхъ людей въ устройствѣ браковъ. Правда, свобода эта стѣсняется не мало дѣтьми, которыхъ не легко бросить матери; но за то раскольница, наслѣдовавши отъ монастыря тра-

(*) Уже имѣя корректурные листы, получили мы нѣсколько новыхъ матеріаловъ по «бракоборному» вопросу; но они проливаютъ свѣтъ не столько на теоретическую разработку этого вопроса, сколько на историческое его движеніе. Оказывается, что въ прошлое царствованіе бракоборцы поднялись-было съ своей пропагандой; но въ настоящее время настало вновь преобладаніе брачниковъ,—голоса въ защиту семьи послышались изъ среды самихъ воспитанниковъ Ильи Алексѣевича Ковылина. Пропаганда брачниковъ идетъ быстро и управляется лицомъ энергическимъ—нѣкоимъ инокомъ Павломъ, извѣстнымъ подъ именемъ Павла Прусскаго. Онъ живетъ въ Пруссіи, имѣетъ свою типографію и оттуда пропагандируетъ чрезъ своихъ агентовъ. Говорятъ, впрочемъ что онъ отъ времени до времени и самъ пріѣзжаетъ въ Россію. На издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ разныхъ писателей, отвѣчающихъ его видамъ, большею частію помѣчается: «въ Пруссіи въ Іоганнисбургѣ» (близъ Лифляндской границы). Нѣсколько свѣдѣній о Павлѣ Прусскомъ сообщено въ брошюрѣ: «Съ людьми древняго благочестія».

дицію имѣть равное съ мужчиною право на доступное расколу образованіе и, ревниво охраняя это право (женщина-раскольница, непремѣнно грамотна; исключеній не много), держитъ бо̀льшею частью въ своихъ рукахъ воспитательное вліяніе на дѣтей, и это даетъ ей нѣкоторое значеніе въ семьѣ. Но съ громадными же жертвами досталась раскольникамъ *болѣе или менѣе* благоустроенная семья. Много было повыморено, повыбросано бѣдныхъ дѣтей, пока семья пробивала себѣ дорогу.... Не перестали морить и бросать дѣтей дѣвки-келейницы и нынѣ. Къ счастію только число ихъ все больше и больше сокращается. А то, съ точки зрѣнія морали, этѣ мнимыя монахини, дѣйствительно язва въ расколѣ.

При всемъ, однако, отсутствіи церковной законности раскольничьей семьи, при всей свободѣ «сопряженій», безпоповскій бракъ нельзя никакъ назвать гражданскимъ. По взгляду самихъ раскольниковъ, онъ есть въ строгомъ смыслѣ таинство, а ни въ какомъ случаѣ не гражданскій актъ, не простое заключеніе контракта. Тутъ видимое противорѣчіе; но мы уже знаемъ изъ предшествующаго изложенія, какъ безпоповцы старались выдти изъ него. Что же сообщаетъ браку силу обязательности, помимо «свободнаго произволенія» брачущихся? что замѣняетъ собою обряды церковные? Родительское благословеніе, объявленіе молодыхъ супруговъ «міру» или открытое «сопряженіе» и соблюденіе выработанныхъ народомъ при совершеніи браковъ обрядностей? Вотъ оно наслѣдіе-то, изображенной нами до-петровской старины, съ ея «мірскою» религіозностью. Церковное вѣнчаніе — простой церемоніалъ, а домашніе обряды, измышленные, внѣ ученія церковнаго самимъ простонародіемъ, не церемоніалъ?... Но этотъ предметъ, равно какъ и анализъ раскольнической семьи, въ ея практической постановкѣ, требуетъ особаго изслѣдованія.

А. Вишняковъ.

12 Декабря (1866 г).

МУЗѢ.

Муза! прочь отъ меня!
Я съ тобой разрываю всѣ узы.
Право честнаго слова цѣня,
Въ міръ хочу я явиться безъ музы.
Прочь, развратница!.. Твой Геликонъ
Шарлатанамъ сталъ мѣстомъ базара,
Лучезарный твой богъ Аполлонъ
Нарядился въ ливрею швейцара;
Опозоренный, дряхлый старикъ
Мелкой лестью смѣнилъ вдохновенье
И въ прихожихъ, въ грязи униженья
Отъ рѣчей неподкупныхъ отвыкъ.
Муза, прочь!.. Не нужна
Мнѣ опора твоя ненавистная;
Ты, порой какъ весталка скромна,
То нагла, какъ блудница корыстная.
Передъ юнымъ и честнымъ пѣвцомъ
Ты свой умыселъ гнусный скрывала:
Подходила съ невиннымъ лицомъ,
Какъ невѣста, предъ брачнымъ вѣнцомъ,
Цѣломудренно взоръ опускала.
Ты водила поэта въ поля
Въ наши грустныя, русскія степи;
Ты рыдала, кляня —
Крѣпостничества ржавыя цѣпи,
Ты на вопли народные воплемъ своимъ отвѣчала
И могучая пѣсня стонала,
Какъ стонала родная земля.

Время шло. На сатиры избитыя мода
Обратилась въ плохое фиглярство,
Спали цѣпи съ народа
На глазахъ изумленнаго барства.
На старинныя темы напѣвъ,
Что ни шагъ представлялъ неудобства

И свободная муза свой гнѣвъ
Промѣняла на лиру холопства...
А ты, поэтъ, спокойный путь избравъ,
Не постыдился новаго юродства:
За чечевичную похлебку, какъ Исавъ,
Ты на обѣдахъ продалъ первородство.
Нѣтъ, муза, прочь!..

Дмитрій Минаевъ.

ФАРИСЕЙКА.

(РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ КАРЛО ПОРТА).

Донна Фабія Фаброни, цвѣтъ миланскаго бонтона,
Съ Францисканцемъ Фра Джузеппе, у открытаго балкона,
Дня два-три тому, въ субботу... или нѣтъ, я вспомнилъ — въ среду,
Сидя подъ вечеръ — такую томно съ нимъ вела бесѣду:

«Да, вы правы, Фра Джузеппе, въ вашемъ страхѣ и боязни,
Близко свѣта преставленье — міръ заслуживаетъ казни.
Я сама вашъ образъ мыслей всей душею раздѣляю,
Ибо многое такое я на свѣтѣ замѣчаю, —
Все такое, что, конечно, совершаться не могло бы,
Еслибъ часъ не приближался исполненья божьей злобы.

«Что вокругъ себя мы видимъ? — зло, развратъ и преступленье,
Буйство черни, грубость массы, либераловъ изступленье,
Вольнодумство и нечестье, козни, наглые обманы, —
Знатный родъ не представляетъ людямъ болѣе охраны.
Знатный родъ — вы разсудите сами — это что такое?
Точно знатность — не основа благъ общественнаго строя.

«Или мертвыхъ воскресенье въ наше время не далеко
И мы видимъ исполненье вдохновенныхъ словъ Пророка;
Или... я ужъ и не знаю! сей сумбуръ холеры злѣйшій —
Вожделенный плодъ, должно быть, философіи новѣйшей...
Я сама, почтенный падре, нѣтъ тому еще недѣли,
Испытала степень злобы развращенныхъ массъ на дѣлѣ.

«Я говѣла, сообразно христіянскому обряду
И соборъ святого Цельза посѣщала три дня сряду.

Все, какъ слѣдуетъ, при этомъ я, позванью, соблюдала
И къ собору ровно въ полдень я въ каретѣ подъѣзжала.
Экипажъ мой всѣмъ извѣстенъ—весь въ гербахъ, при двухъ лакеяхъ,
А лакеи въ самыхъ новыхъ, только сшитыхъ имъ, ливреяхъ.

«Ну-съ, два дня прошли прекрасно, я окончила говѣнье
И на третій пріѣзжаю (это было Воскресенье);
Но, подъѣхавъ, замѣчаю, что на паперти у входа
Нищихъ множество столпилось, разночинцевъ, дряни, сброду,
Такъ что выдти изъ кареты и пройти къ дверямъ собора
Не нашлось, imaginez-vous, достодолжнаго простора.

«Дѣлать нечего — смѣшно же было даромъ возвращаться!
Я людямъ своимъ велѣла, подозвавъ ихъ, протолкаться,
Но, приказывая это и не думая ни крошки
Объ опасности, съ каретной поскользнулась я подножки
И на паперть, чуть не навзничь, всей я тяжестью упала!
Кринолинъ мой... comprenez-vous, сколько было тутъ скандала?!..

Поднялась я, не ушиблась, но подобные пассажи
Намъ, особамъ, важнымъ лицамъ — непріятнѣй смерти даже.
Я стыдливостью, приличьемъ дорожу, какъ жизнью самой,
И такой ужасный случай, днемъ и гласно, съ свѣтской дамой!
Если въ обморокъ я тутъ же безъ сознанья не упала,
То меня, конечно, въ этомъ только вѣра подкрѣпляла.

«Чтожъ вы думаете? случай этотъ, горькій и ужасный,
Вызвалъ въ черни состраданье, какъ должно бы быть? — напрасно!
Вы ошиблись бы, конечно, еслибъ такъ предполагали;
Надо мной же всѣ смѣялись: шумъ поднялся, мнѣ свистали!
Точно будто бы я ровней имъ была, простой мѣщанкой,
Или рыбною торговкой, иль заѣзжей комедьянткой...

«Много выстрадала горя, падре, я въ минуты этѣ,
Но Господь мнѣ былъ защитой и умѣнье жить на свѣтѣ:
Я толпѣ не показала ни страданья, ни смущенья,
Обвела всю чернь я взоромъ, полнымъ гордаго презрѣнья —
И, при помощи лакеевъ, быстро въ храма дверь проникла,
Гдѣ съ молитвою такою предъ распятіемъ поникла:

«О! Господь, мной жарко чтимый, Ты своею благодатью
Далъ возможность мнѣ родиться между избранною знатью,

Хоть и могъ бы (нѣтъ для Бога въ мірѣ вещи невозможной!)
Сотворить меня лакейкой, червемъ, гадиной ничтожной,
Приношу тебѣ за это я свое благодаренье!
Ты всещедро возвеличилъ на землѣ свое творенье.

«Но хоть я цѣню высоко санъ свой, данный мнѣ Тобою,
Я тщеславія не знаю и не хвасталась собою.
Что другимъ бы, слабымъ мыслью, только голову вскружило
Мнѣ, напротивъ, въ дѣлѣ вѣры побужденьемъ послужило,
Долгъ мой мнѣ напоминая — подражать Христу въ терпѣньи
И враговъ моихъ безумныхъ въ снисходительномъ прощеньи.

«Сынъ Твой распятый, Ты знаешь, пресвятой Отецъ Небесный
Изнывая отъ страданій, причиненныхъ смертью крестной,
За разбойниковъ молился; Онъ, примѣръ для всѣхъ скорбящихъ
И прощать велѣлъ безумцевъ, зло въ невѣденьи творящихъ;
Такъ и я, въ минуту скорби, Сыну Божію подобно,
За толпу невѣждъ молюся, оскорбляющую злобно.

«Отпусти поступокъ дерзкій этимъ людямъ безъ сознанья
Моего смиренья ради, ради крестнаго страданья!
Ихъ на путь наставь ко благу—силы дай для исправленья,
И въ селеніяхъ небесныхъ уготовь мое спасенье,
Чтобы я была достойна вѣчныхъ благъ и вѣчной славы
Нынѣ, присно и во вѣки, amen — Боже вѣчно правый!

Я окончила моленье, и чтобъ дѣятельно вѣру
Закрѣпить поступкомъ добрымъ, прочимъ дамамъ для примѣру
Я рѣшилась (сообразно дорогимъ моимъ идеямъ)
Отплатить за злое добрымъ въ тотъ же часъ моимъ злодѣямъ.
Для чего, на паперть выйдя, я въ дверяхъ остановилась —
И съ такою рѣчью, падре, я къ той черни обратилась:

«Не смущайтесь, имъ сказала я съ довѣрчивою лаской
(Ласка служитъ этимъ людямъ самой лучшею остраской),
«Я хочу въ нуждѣ помочь вамъ... день сегоднишній мнѣ дорогъ,
«Сколько васъ всего тутъ будетъ? —
— Будетъ ваше-ство насъ съ сорокъ.
«Сорокъ?—много! неужели?.. ну, а впрочемъ, чтожъ такое?
Вотъ двѣ лиры (*): раздѣлите дружно ихъ между собою!»

(*) Полтинникъ.

Н. Курочкинъ.

ИДЕАЛЪ.

Я не французъ, не англичанинъ,
Я не полякъ, не шведъ, не грекъ,
Не нѣмецъ я, не бусурманинъ:
Я чисто русскій человѣкъ!

Душой люблю обычьи наши,
Привыкъ я къ водкѣ, къ пирогу;
Мнѣ не обѣдъ безъ щей и каши,
Я жить безъ квасу не могу.
Лечусь я рѣдькой и разсоломъ,
Курю я жуковскій табакъ,
Люблю гульнуть съ прекраснымъ поломъ,
И всякихъ книгъ заклятый врагъ.
Служебнымъ долгъ отдавъ заботамъ
Сажусь поѣмъ, потомъ всхрапну,
И въ банѣ парюсь по субботамъ,
И въ праздникъ съ пѣвчими тяну.
Большой удѣлъ судьбой мнѣ не данъ,
И я впередъ не выдаюсь:
Какъ сынъ, отечеству я преданъ,
И страхъ начальниковъ боюсь.
Имѣю чинъ, жену, ребятокъ,
Казенный уголъ и дрова...
Но что касается до взятокъ —
То ужъ сорву, какъ дважды два!

Я не французъ, не англичанинъ,
Я не полякъ, не шведъ, не грекъ,
Не нѣмецъ я, не бусурманинъ:
Я чисто русскій человѣкъ!

П. Ш.

ТЕМНЫЕ ЛЮДИ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

... Къ подъѣзду очень красиваго барскаго дома то и дѣло подъѣзжали на полуразвалившихся, извощичьихъ дрожкахъ или пробирались пѣшкомъ, постукивая палкою о тротуаръ, очень знакомыя въ городѣ и легко угадываемыя по одному наружному виду личности — все блѣдныя, тощія, съ торопливыми взглядами, съ неприглаженными, встрепанными бородками, въ черныхъ, длиннополыхъ кафтанахъ, препоясанныхъ черными же кушаками, въ сильно повытертыхъ, бобровыхъ шапкахъ съ замасленными и истасканными козырьками...

Непривѣтливо встрѣчалъ ихъ въ передней жирный, мопсообразный лакей, въ довольно засаленномъ сюртукѣ, съ прорванными на локтяхъ рукавами:

— Обчищайте сапоги! не видите—коверъ дорогой разостланъ, жиды проклятые!

И вслѣдъ за этими словами раздавалось дружное шарканье у порога.

— Точно вороны налетѣли! ворчалъ ливрейный мопсъ — ужъ не жди, значитъ, добра; вѣрно баринъ профинтился, голубчикъ, въ картишки; теперь ищетъ, у кого бы призанять.

Чрезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета послышался пронзительный звонокъ. Лакей бросился опрометью.

— Что, факторы собрались? вопросилъ баринъ.

— Собрались.

— Позвать ихъ всѣхъ въ залу, да покурить хорошенько порошкомъ, а то, я думаю, они нанесутъ столько чесночнаго запаху, что и не вмочь...

Лакей широко отворилъ дверь въ залу:

— Ну, жидова, еще разъ пообчистите хорошенько сапоги и ступайте сюда. Да глядите, ни до чего не прикасайтесь своими нечистыми руками...

Черезъ минуту весь передній уголъ у порога залы былъ занятъ евреями, отъ которыхъ, дѣйствительно, страшно разило чеснокомъ. Появился другой лакей, длинный, съ заспаннымъ лицомъ, съ бронзовой курильницей въ рукѣ, и началъ распространять по залѣ пріятныя благовонія, имѣвшія назначеніемъ пересилить нетерпимый бариномъ чесночный запахъ.

Скоро изъ кабинета вышелъ и самъ баринъ — бѣлокурый мужчина, среднихъ лѣтъ, довольно плотной комплекціи, въ богатомъ шелковомъ халатѣ, передняя часть котораго была значительно позасалена; баринъ сосалъ толстую сигару. За нимъ шествовалъ третій лакей, несшій на серебряномъ подносѣ стаканъ чая, объемистый сливочникъ и цѣлую груду сдобныхъ печеній. Баринъ былъ ни кто другой, какъ Сергѣй Михайлычъ Шмелевъ — владѣлецъ большаго, но весьма поразстроеннаго имѣнія, только что возвратившійся въ родной городъ съ одной ярмарки, на которой дѣйствительно спустилъ въ карты не только бывшія съ нимъ деньги, но и экипажъ, лошадей, шубу, часы, бритвы и даже пару новыхъ, только что сдѣланныхъ на заказъ сапоговъ... Какъ только пріѣхалъ, онъ сейчасъ послалъ за всѣми факторами, сколько ихъ было въ городѣ, а онъ ихъ всѣхъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, чтобъ завтра же явились утромъ; а самъ повалилъ прямо въ спальню и, бухнувъ въ постель, захрапѣлъ тѣмъ убитымъ, мертвымъ, все сразу порѣшающимъ сномъ, который въ исторіи извѣстенъ подъ именемъ Наполеоновскаго сна послѣ Ватерлоо...

Щурясь, кислымъ взглядомъ, обвелъ Сергѣй Михайлычъ сыновъ Израиля, заволновавшихся при его появленіи.

— Ну, мнѣ нужны деньги до зарѣзу!...

Сергѣй Михайлычъ откинулъ назадъ голову и съ отчаяніемъ повелъ рукою по горлу.

— Слышите?

Жиды отвѣчали, что слышатъ.

— Ну, кто-жъ теперь изъ васъ знаетъ въ городѣ, или даже по близости въ окрестностяхъ и деревняхъ такого человѣка, у котораго есть деньги и у котораго я бы еще ни разу не занималъ? Вѣдь я всегда занималъ чрезъ васъ. Къ тѣмъ, кому долженъ, не стану уже больше обращаться, во первыхъ, не повѣрятъ, во вторыхъ... Да впрочемъ и

первой причины весьма достаточно: надо бы такого еще неопытнаго и дѣвственнаго, который бы даже и по имени не зналъ меня.

— Хе, произнесъ одинъ изъ евреевъ, наиболѣе храбрый, пожалъ выразительно плечами и выдвинулся впередъ — трудно, васе высокоблагородіе, найтить такого непросвѣщеннаго человѣка, который бы имѣлъ деньги и по имени даже не зналъ бы васъ...

— Трудно! я самъ знаю, что трудно... Да вѣдь въ этомъ-то и вся суть: найди его, Берка. Мои условія хорошія: 10% тебѣ за коммисію и всякому, кто только найдетъ такое сокровище...

Жиды переглянулись, замотали головами и изъ нѣсколькихъ устъ разомъ послышалось: «хоросія условія».

— А великая, васе высокоблагородіе, сумма требуется?

— А чортъ ее знаетъ! Тутъ я и самъ ничего не соображу. Не менѣе пяти тысячъ, а болѣе... сколько угодно. Хоть милліонъ, — займу, лишь бы дали. Да не дадутъ скоты!... Впрочемъ, если и менѣе пяти тысячъ, ничего... возьму и четыре тысячи, и три, и двѣ... пять — десять рублей даже возьму! Ну, ступайте же, друзья мои, дѣйствуйте и чтобъ въ 24 часа были у меня съ отвѣтомъ, да съ отвѣтомъ положительнымъ. А то и носа лучше не показывайте. Кто только осмѣлится явиться съ извѣстіемъ, что денегъ нѣтъ, тотъ уже прямо ступай на конюшню: отдеру и прогоню въ шею... Такъ, милые мои, и запишите... Кто же принесетъ мнѣ пріятную вѣсть, съ тѣмъ, какъ съ роднымъ буду, посажу за одинъ съ собою столъ, угощу на славу и, какъ сказалъ, 10% дамъ за коммисію.

На другой день, ровно чрезъ двадцать четыре часа, къ подъѣзду Сергѣя Михайлыча мчался на извощичьей таратайкѣ, во всю прыть малорослой, но шустрой лошаденки, факторъ Берка и даже подпрыгивалъ и подымалъ руки къ верху, думая этимъ возбудить еще большую прыть въ лошаденкѣ, и безъ того, повидимому, нещадившей живота...

— Га! Скажите, Петръ Ѳомичъ, что баринъ... у себя? напалъ оторопѣлый Берка на флегматичнаго мопсообразнаго слугу.

— У себя... Коли добрыя вѣсти, такъ пожалуйте къ барину: обѣ половинки отворю; а коли дурныя, такъ ступай, поганый Берка, на конюшню: тамъ ужо тебя примутъ.

— Ну, ну! отворяйте, Петръ Ѳомичъ, обѣ половинки...

— Ну, теперь, на деликатностяхъ... галантерейное надо обращеніе, промурлыкалъ мопсъ, въ самомъ дѣлѣ отворяя дверь настежъ — какъ же о васъ доложить, по имени и отчеству?

— А на что? скажите — просто Берка...

— Нѣтъ, велѣно по имени и отчеству: ужъ коли пріятный человѣкъ, такъ баринъ требуетъ вѣжливости съ нимъ.

— Ну, Берка Аронычъ.

Петръ заковылялъ къ кабинету:

— Берка Аронычъ...

— А, проси, проси...

И самъ Сергѣй Михайлычъ показался въ дверяхъ:

— Сюда, Берка Ароновичъ... Петръ, чаю намъ!.. Ну-съ, нашли сокровище? Кто такой?.. Разсказывайте... Хотите сигарку? Вотъ самая душистая...

Берка Аронычъ и не оглядѣлся, какъ уже сидѣлъ въ мягкихъ комфортабельныхъ креслахъ, передъ стаканомъ дорогаго чая, съ благовонною сигарою.

— Это будетъ, началъ онъ речитативомъ и съ чувствомъ нѣкотораго достоинства — ветеринарный лекарь, Прокопъ Трофимычъ Зубенко.

— Много денегъ?

— Тысячъ пять...

— Ахъ, онъ подлецъ! что жъ онъ больше не припасъ?

— Онъ и эти имѣетъ отъ жены: въ приданое взялъ...

— Обо мнѣ знаетъ что нибудь?

— Знаетъ только то, что вы — баринъ богатый, имѣете деревню и конскій заводъ.

— Ну, ему, дураку, бо̀льше ничего на свѣтѣ и не нужно знать...

— Я даже думаю, Сергѣй Михайлычъ, что для перваго знакомства пригласите его такъ... чтобъ посмотрѣлъ, ну, тамъ какого нибудь вашего коника... скажете, что спотыкается... чортъ его знаетъ чего... спотыкается...

Берка съ нѣкоторою фамильярностью откинулся на спинку креселъ и замахалъ руками... Онъ думалъ, что предложеніе его очень понравится Сергѣю Михайлычу.

— Ничего вы, Берка Ароновичъ, не смыслите—осадилъ его сразу Сергѣй Михайлычъ, и съ такимъ прикрикомъ, что Берка даже оробѣлъ—вы только мнѣ теперь скажите, гдѣ этотъ почтенный «скотолечебникъ» — на какой улицѣ живетъ?..

Сергѣй Михайлычъ схватилъ клочекъ бумажки и карандашикъ, а Берка продиктовалъ: «на Пустопорожней улицѣ, близъ Голоднаго рынка, въ собственномъ домѣ».

— Какъ? воскликнулъ Сергѣй Михайлычъ, у него, олуха, еще и домъ есть? А вы, Берка Ароновичъ, не приняли этого во вниманіе и молчали! Ну, какой же вы послѣ этого факторъ? Вѣдь можно еще при случаѣ и домишко заложить... Хорошій домъ? каменный?

— Каменный.

— Сколько оконъ на улицу?

— Оконъ семь.

— Ну, вотъ видишь! Ну, почтенный Берка Ароновичъ! нечего мнѣ теперь съ тобою много разговаривать и терять попусту время... Я сейчасъ начну дѣйствовать. Ступай съ Богомъ! Свои 10% за коммисію ты получишь. Это вѣрно...

— А развѣ за васимъ высокоблагородіемъ когда что пропадало?..

Въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Михайлычъ никогда ни одного фактора не надулъ: всегда расчитывался щедро и вѣрно—«нужнаго, полезнаго человѣка всегда — говорилъ — поощрить надо».

Берко убрался: ему и теперь обѣ половинки растворили. Въ кабинетѣ раздался энергическій звонокъ.

— Позвать Чемирязева... велѣть заложить карету и послать въ магазинъ къ Попандопуло взять на книжку два фунта лучшаго турецкаго табаку безъ бандероли...

На мезонинѣ у Сергѣя Михайлыча прозябало длинноногое, тощее существо, съ бѣлокурыми вьющимися волосами, съ апатичнымъ, тупымъ взглядомъ въ мутно-голубыхъ, подслѣповатыхъ глазахъ. Сложенія существо было лифматическаго. Значительно подержаный длиннополый сюртукъ сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Разъ Сергѣй Михайлычъ вздумалъ привести въ порядокъ свою библіотеку, когда-то довольно порядочную и по числу и по достоинству книгъ, да потомъ уже отъ невниманія и отъ того, что хозяйничалъ въ ней всякій, кто хотѣлъ, обратившуюся въ какой-то безпорядочный хаосъ. Сергѣю Михайлычу порекомендовали Чемирязева, какъ мужа ученаго, способнаго къ книжному дѣлу: «Учителемъ-де математики былъ, да испивалъ шибко: ну, его и уволили, чтобъ не развращалъ юношества». Данила Петровичъ Чемирязевъ что-то года три возился съ библіотекой, получалъ ничтожное жалованье, столъ и квартиру, и когда окончилъ свое дѣло, то уже не оставлялъ дома Сергѣя Михайлыча: засѣлъ на мезонинѣ, да тамъ и прозябалъ, такъ что никто о немъ и не спрашивалъ, только время отъ времени вспоминалъ Сергѣй Михайлычъ, какъ вспомнилъ и теперь.

Спустился съ своихъ высотъ заспанный и врядъ ли умывавшійся се-

годня, Данила Петровичъ, предсталъ предъ очи Сергѣя Михайлыча и остановился у порога, немощно прислонившись всѣмъ корпусомъ къ притолокѣ дверей.

— Чего стали? дѣло дѣлайте, милый: берите сейчасъ листъ почтовой бумаги, какая получше, перо и пишите... Я буду диктовать...

Сергѣй Михайлычъ заходилъ по комнатѣ и принялся тереть себѣ лобъ.

— Ну, пишите:

«Дорогой роденька!

«Письмо это передастъ тебѣ Сергѣй Михайлычъ Шмелевъ, нашей и вашей губерніи помѣщикъ, мой закадычный пріятель. Я ему весьма благодаренъ, что онъ повѣдалъ о твоемъ существованіи. Совершенно случайно разговорясь (бесѣда шла о новой болѣзни на лошадяхъ) онъ назвалъ тебя, какъ опытнаго и извѣстнаго въ цѣлой губерніи ветеринара-практиканта. А что ты пошелъ по этой части, я давно зналъ. Ты меня врядъ ли помнишь. Я часто думалъ, что̀ съ тобою? Хорошо ли живется на бѣломъ свѣтѣ? Для меня, старика, каждая родная душа близка, какъ своя собственная. Я просилъ Сергѣя Михайлыча всенепремѣнно побывать у тебя и побесѣдовать по пріятельски. Пожалуйста и ты съ нимъ безъ чиновъ обойдись, какъ съ хорошимъ, добрымъ малымъ. Отъ него же я узналъ, что ты женатъ и имѣешь дѣтей. Поклонись женѣ и перецѣлуй дѣтишекъ... Пожалуйста откликнись на эту цидулку, да пообстоятельнѣе и позадушевнѣе. Не сердись, что я съ тобою безъ чиновъ. Старъ я, братецъ, да и отечеству послужилъ. Весь твой, Петръ Зубенко.

«P. S. Посылаю тебѣ лучшаго табаку, на дняхъ только полученнаго прямо изъ Константинополя. Покуривай во славу турецкаго султана».

— Запечатайте теперь этою печатью, да только чтобы оттискъ вышелъ какъ можно поотчетливѣе.

Сергѣй Михайлычъ подалъ Чемирязеву маленькую изъ сердоликоваго камня печать, украшенную чуть ли не графскою коронкой, съ разными внушающими эмблемами и длиннымъ рядомъ крестовъ и медалей, среди которыхъ, въ самомъ центрѣ, красовалась звѣзда. Печать принадлежала когда-то покойному дядѣ Сергѣя Михайлыча, сенатору, тайному совѣтнику и вообще мужу очень заслуженному.

Пріодѣвшись какъ можно щеголеватѣе и опустивъ письмо въ карманъ, Сергѣй Михайлычъ сѣлъ въ карету и закричалъ:

— Въ Пустопорожнюю улицу, къ Голодному рынку!

Кучеръ было немного призадумался насчетъ улицы, но потомъ молодецки взмахнулъ возжами и лошади помчались, какъ бѣшеныя.

ГЛАВА II.

Пустопорожняя улица такъ называлась потому, что была проведена на еще незастроенныхъ «новыхъ мѣстахъ». Всего-то на ней торчало пять-шесть домиковъ; а больше тянулись все длинные, сѣрые заборы, огораживавшіе пустопорожнія мѣста, на которыхъ современемъ, конечно, должны были возникнуть и сады, и строенья. Почему же «Голодный рынокъ?» — этого въ сущности никто не могъ сказать. Развѣ потому, что весь рынокъ состоялъ изъ трехъ-четырехъ обшарпанныхъ и грязныхъ бабъ торговокъ, каждое утро помѣщавшихся съ своимъ товаромъ у одного длинно-тянувшагося плетня, а единственными покупателями были вѣчно голодные семинаристы. Они проходили здѣсь ватагами въ свою семинарію, которая помѣщалась въ стоявшемъ особнякомъ, чуть не за чертою города, зданіи—вдали, значитъ, отъ коловратнаго свѣта. Семинаристы пробавлялись у бабъ, за свои мѣдные гроши, бубликами, пирогами, вареным картофелемъ и, въ видѣ лакомства, яблоками, сушеными грушами, черносливомъ и сѣмячками.

Прямо фасадомъ къ Голодному рынку, на противоположной сторонѣ, красовался семи-оконный, каменный съ пестрымъ палисадникомъ домъ ветеринарнаго врача Зубенко, титулярнаго совѣтника, какъ было означено на дощечкѣ, прибитой къ воротамъ и украшенной изображеніемъ ведра и топора. Значитъ, титулярный совѣтникъ Зубенко, въ случаѣ пожара въ городѣ, долженъ былъ доставить на мѣсто происшествія топоръ и ведро. Но Прокопъ Трофимычъ самъ всегда являлся на пожаръ съ этими орудіями: онъ былъ человѣкъ преаккуратный и очень домовитый гражданинъ.

Въ настоящую пору Прокопъ Трофимычъ, въ дешевомъ и пестромъ, какъ спинка ящерицы, халатѣ, купленномъ у назойливаго бухарца, работалъ въ саду, подрѣзывалъ на деревьяхъ молодые, слишкомъ уже порывавшіеся, побѣги. Поодаль нанятый на толкучкѣ мужичонокъ, сбросивъ свитку и въ одной рубахѣ, работалъ, сильно напирая босою ногой на заступъ: готовилъ грядку для какой-то зелени. Во дворѣ у колодца вертѣла неповоротливое колесо дюжая дѣвка, съ красными, толстыми, какъ обрубки, икрами и съ такими огромными грудями, что походила на миѳологическую богиню, способную кормить цѣлый міръ. Что касается самой благовѣрной почтеннаго ветеринара, барыни весьма невзрачной, постарше его годами, щуплой и такого низенькаго роста, что остряки Пустопорожней улицы прозвали ее «поснѣтюхомъ» — по имени маленькой, сѣренькой птички, вѣчно работающей носикомъ своимъ въ сорныхъ ямахъ, — то Марѳа Степановна возилась съ бѣльемъ: развѣшивала его на веревочкахъ, протянутыхъ

между колонками галлереи, выходившей во дворъ и обращенной на солнечную сторону — значитъ, очень удобной для сушки бѣлья. Хотя по наружному виду, Марѳа Степановна казалась особой не много обѣщающей, но она, на самомъ дѣлѣ, была матерью четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ, Ольгѣ, было лѣтъ десять и она тутъ же толклась по галлереѣ, няньча малютку брата, такого бѣлоголоваго, какъ солнце: жутко даже было смотрѣть. Остальные два мальчугана, тоже бѣлоголовые, но не такъ, бѣгали по двору—кто кого перегонитъ. Въ отворенное окно, выходившее изъ кухни на галлерею, можно было видѣть страшное пламя, пылавшее въ печи точно адъ, а на столѣ, отдѣленномъ небольшимъ промежуткомъ отъ печи и, составлявшемъ, такъ сказать, таинственную рѣку Стиксъ, рядышкомъ лежали битые и совсѣмъ уже приготовленные для сковородки и кострюли гусь и поросенокъ, должно быть большіе грѣшники. Старая кухарка, съ сѣдыми, кое-какъ подобранными подъ загрязненный капоръ волосами, хотя была особа прекраснаго пола, но очень напоминала безжалостнаго старца Харона; такое было у нея лицо непривѣтливое и злое...

Марфа Степановна, съ глубокимъ вниманіемъ остановившись на какой-то мокрой рубахѣ, развернутой ею въ видѣ знамени, только что сбиралась что-то сказать кухаркѣ, какъ вдругъ раздался грохотъ экипажа: къ воротамъ подъѣхала щегольская карета и въ мгновеніе ока, точно со скалы, сорвался съ козелъ сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ лакей, въ синей, сіявшей серебряными позументами ливреѣ, и опрометью бросился къ калиткѣ, отъ которой сейчасъ же и также быстро далъ тягу: изъ подъ-воротъ бросились на него съ ужаснѣйшимъ лаемъ четыре пса, такъ и наровившіе истрепать въ куски длиннополую ливрею (должно быть, демократы отъявленные), но чрезъ минуту тутъ уже были и принялись оборонять изо всей мочи и босоногій мужичонокъ съ заступомъ, и полногрудая нимфа съ какимъ-то подъ руку подвернувшимся дубьемъ, и бѣлоголовые ребятишки съ хворостинками...

Самъ Прокопъ Трофимычъ, подобравъ полы халата, мчался быстрѣе полевой мыши черезъ садъ въ комнаты, чтобы скорѣе переодѣться. И изъ другихъ дворовъ повыбѣжали и люди, и собаки: первые—чтобъ поглядѣть на чудо въ нѣкоторомъ родѣ, послѣднія — чтобъ поддержать концертъ товарищей.

«Ага! — смекнулъ сразу выглядывавшій изъ кареты Сергѣй Михайлычъ судя по собакамъ и по вооруженной прислугѣ, надо полагать, что и въ самомъ дѣлѣ у сего скотолечебника водятся деньжишки...

Черезъ нѣсколько минутъ герой нашъ былъ уже въ залѣ—расхаживалъ, въ ожиданіи хозяина, съ шляпою въ рукахъ, которыя забросилъ

назадъ по наполеоновски, и время отъ времени останавливался передъ картинами, оригинальные сюжеты которыхъ вызывали невольную улыбку: *Павелъ* и *Виргинія; Жакъ, получающій благословеніе отъ родителей; жена царедворца Пентефрія* и улепетывающій отъ нея *Іосифъ благонравный; морское сраженіе при Наваринѣ; два жандарма*; *зеленый попугай*; *подносъ съ фруктами; лошади*, по одной на картинѣ, съ надписями: *Бедуинъ, Стрѣла, Золотникъ* и *Вихрь*. Въ узенькихъ рамочкахъ, со вставленными въ нихъ для красоты и блеска стеклышками, чопорно отдѣлялось отъ стѣны долговязое зеркало и какъ будто дѣлало недовольную гримасу; вѣроятно подъ вліяніемъ этого недовольства, каждую физіономію, вздумавшую заглянуть въ него, отражало въ искривленномъ и косомъ видѣ: «вотъ же тебѣ!» Сергѣй Михайлычъ даже плюнулъ, когда заглянулъ. Старинныя краснаго дерева кресла, съ волосяными черными подушками, глядѣли какъ-то сумрачно. Въ одномъ углу, ближе къ двери, торчала толстая и сучковатая палка; въ другомъ — подальше — гитара, покрытая пылью и отчасти затканная паутиною.

Еще разъ обвелъ глазами Сергѣй Михайлычъ картину всей этой обстановки, имѣвшей видъ какой-то непріятной старины и неподвижности...

— Да, вполголоса проговорилъ онъ самому себѣ — видно, хозяинъ такой человѣкъ: проживи, какъ слонъ, двѣсти лѣтъ, все у него будетъ также, какъ обзавелся онъ въ первый разъ въ жизни: тѣ же картины тѣ же кресла, то же зеркало... какая надобность, что 200 лѣтъ оно будетъ показывать своему хозяину рожу его въ исковерканномъ видѣ... Да полно, заглядываетъ ли еще хозяинъ въ зеркало, знаетъ ли еще онъ, что зеркало это вретъ немилосердно? Никакой новинкой не увлечется почтенный ветеринаръ... И въ концѣ концовъ всякаго сужденія о немъ будетъ именно то, что гдѣ нибудь, въ самомъ потаенномъ ящикѣ его допотопнаго бюро, хранятся старые серебряные рубли, бережно перевязанные въ объемистыя пачки бумажки. Ахъ, можетъ быть, онъ, дуракъ, позабылъ перемѣнить старыя ассигнаціи на новыя депозитки! Да я ему, канальѣ, за это шею сверну!..

Дверь отворилась, вошелъ Прокопъ Трофимычъ... во фракѣ и съ такими длинными фалдами, что онѣ походили на раздвоенный хвостъ ласточки. Воротнички на рубахѣ были загрязненные; галстукъ тоже не изъ чистыхъ... Это былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, роста средняго, съ дряблымъ, желтоватымъ лицомъ, не лишеннымъ, впрочемъ, добродушнаго, располагающаго выраженія.

Онъ отвѣсилъ очень низкій поклонъ. Сергѣй Михайлычъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ за руку и продержалъ въ своей, крѣпко сжимая, минуты съ три.

— Помѣщикъ здѣшняго Тюмреханскаго и Колотовскаго уѣздовъ, Сергѣй Михайлычъ Шмелевъ.

— Знаю, знаю... имѣю удовольствіе...

Прокопъ Трофимычъ закивалъ шибко головой, пробранною, какъ цвѣточный чай, тамъ и сямъ серебристой сѣдиной.

— Прошу покорнѣйше...

Они сѣли. Сергѣй Михайлычъ быстро поворотился лицомъ къ хозяину, помѣстившемуся какимъ-то столбнякомъ, точно аршинъ проглотилъ.

— Я только что изъ Херсона... привезъ вамъ поклонъ, письмо и подарочекъ отъ достопочтеннаго роденьки вашего Петра Афонасьича.

Зубенко вытаращилъ глаза.

— Вотъ-съ письмецо... заслуженный человѣкъ Петръ-то Афонасьичъ... взгляните на печать: сколько знаковъ нахваталъ... Вотъ по истинѣ оказалъ услуги отечеству...

— Да у меня въ Херсонѣ нѣтъ родственника.

— Что вы! А дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Афонасьичъ Зубенко? Посмотрите, и знатный человѣкъ, да не отказывается, а вы?.. не грѣхъ ли? Пожалуйста прочтите письмецо-то. Я въ претензіи не буду, что при мнѣ...

Зубенко подошелъ поближе къ окну, вооружилъ носъ очками и принялся читать письмо. Когда кончилъ, онъ выразительно пожалъ плечами и взглянулъ на Сергѣя Михайлыча поверхъ очковъ.

— Гм! хоть убейте, не помню, чтобъ у меня былъ какой родственникъ. Есть двоюродный братъ, такъ тотъ въ офицерахъ, отличается на Кавказѣ.

— Ну, можетъ быть, и отличился такъ, что его сразу пожаловали въ генералы, дали аренду въ Херсонской губерніи и онъ живетъ не въ деревнѣ, а въ городѣ, какъ человѣкъ образованный, предпочитающій губернское, развитое общество какой нибудь деревенской чумѣ... и для того еще, наконецъ, чтобъ дѣтямъ дать на своихъ глазахъ приличное воспитаніе. Вѣдь въ городѣ не то, что въ глуши: тутъ и гимназіи, и гувернеры, и профессора... Да, позвольте... не вашъ ли то родственникъ и Шамиля поймалъ?

— Нѣтъ. . и тотъ, что на Кавказѣ, не могъ такъ сразу шагнуть, какъ вы говорите... чтобъ аренда... и генералъ... Далеко куцому до

зайца. Я даже долженъ вамъ сказать, что изъ него никогда не будетъ проку... потому что какъ есть шалопутъ: въ картишки все спускаетъ, дай и аренду, на что́ царская милость, онъ и аренду въ трубу выпуститъ...

Зубенко о шалопутѣ-родственникѣ видимо отзывался съ какою-то жолчью, даже на лицѣ у него проступили красноватыя пятна.

— Ну да онъ, можетъ быть, исправилъ свою нравственность, какъ увидѣлъ, что безпутство ведетъ къ гибели?

— Нѣтъ, такой человѣкъ не исправится. Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Да и никогда писать онъ ко мнѣ не станетъ, точно также какъ и я къ нему. Мы клятву между собою положили не знать другъ друга. Вотъ что!.. Замытарилъ шалопутъ моихъ полтораста рублей: на обмундированіе просилъ, получивши офицерскій чинъ, обѣщалъ съ первою почтою выслать, да такъ и улыбнулся. Я ему сколько писалъ, а ни-гугу! Вотъ онъ какой человѣкъ.

«Эге, думалъ между тѣмъ Сергѣй Михайлычъ — значитъ у кармана этого гуся уже постукивали и не безъ успѣха, да вотъ разозлили. Надо будетъ всячески обходить злополучную цифру 150».

Между тѣмъ гусь, при воспоминаніи, что у него выудили эту сумму, приходилъ все въ большій и большій жаръ негодованія.

— Я клятву далъ... нарочно ходилъ въ каѳедральный соборъ, къ кресту приложился... что теперь никому ни копѣйки! коли уже свои родные надуваютъ... суда Божьяго не боятся...

«Экъ его разобрало! съ неудовольствіемъ подумалъ Сергѣй Михайлычъ и въ душѣ готовъ былъ пребольно посѣчь кавказскаго шалуна — эти-де негодные мальчишки совсѣмъ подрываютъ кредитъ».

— И прекрасно! поддакнулъ онъ вслухъ расходившемуся ветеринару—никому ни подъ какимъ видомъ не довѣряйте! Дѣйствительно, родъ человѣческій теперь лежитъ, такъ сказать, въ лонѣ самой глубокой нравственной порчи: ни одной душѣ на грошъ переломленный нельзя повѣрить.

— Ни, ни! Прокопъ Трофимычъ энергически показалъ на кончикъ пальца.

Сергѣю Михайлычу даже сдѣлалось невыносимо.

— Да позвольте, достойнѣйшій Прокопій Трофимычъ (такъ онъ выразился для большей нѣжности), я не понимаю, изъ чего же вы горячитесь? Ужъ вѣрно это въ Херсонѣ вашъ родственникъ: не станетъ же дѣйствительный статскій совѣтникъ и еще человѣкъ съ такими заслугами, ни съ того, ни съ сего, навязываться вамъ въ родню и писать письма? Разсудите хорошенько... Вы еще помолитесь Богу: ужъ вѣ-

роятно, въ высшей справедливости, Онъ судилъ послать вамъ такого почтеннаго, добраго родственника въ замѣнъ вашего двоюроднаго братца, пошаливающаго въ картишки на Кавказѣ.

Эта логическая и здравая реплика, видимо подѣйствовала на Прокопа Трофимыча: морщины, собравшіяся было на челѣ его вслѣдствіе недоумѣнія, мгновенно разошлись и вообще лицо его прояснилось.

— Да, конечно, заговорилъ онъ — нельзя, чтобъ у человѣка родственниковъ не было, и даже такихъ, о которыхъ самъ отъ рожденія и не слыхивалъ...

Сергѣй Михайлычъ оживился...

— И, помилуйте! воскликнулъ онъ. Кто изъ насъ можетъ знать всю свою родню! Еще въ библіи сказано: «умножу родъ твой, яко песокъ морской». Представьте, недавно какой былъ случай. Это еще, говорю вамъ, хорошо, что отозвался у васъ родственникъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, человѣкъ заслуженный, богатый и всѣми уважаемый. А то вотъ къ одному моему знакомому вдругъ является пѣшкомъ изъ Петербурга мастеровой какой-то, парень запачканный, загрязненный, съ мозолями на рукахъ и на ногахъ—пролетарій въ буквальномъ смыслѣ слова, и подаетъ письмо отъ умирающей матери, а мать эта оказывается ихъ общая и пишетъ къ этому-то, моему знакомому: «наконецъ, на смертномъ одрѣ Создатель Всемилосердный судилъ мнѣ величайшую радость — загладить смертный грѣхъ мой. Въ молодости овдовѣвъ, я прижила съ однимъ офицеромъ сына, котораго изъ стыда и бѣдности, лишавшей всякихъ средствъ, я отдала въ воспитательное заведеніе. Но съ тѣхъ поръ стала мучить меня совѣсть; я ни минуты не знала покоя. И пришла мнѣ мысль, во что бы ни стало отыскать дитя (а она, видите, на правомъ у него плечѣ, для знака, сдѣлала глубокую царапину, которая потомъ могла превратиться въ шрамъ); долго розыскивала, цѣлые годы..., наконецъ какъ-то на берегу рѣки, на очень близкомъ разстояніи, увидѣла выходившаго изъ воды послѣ купанья юношу (а она уже на юношей въ этомъ видѣ всегда засматривалась: все думала набрести на сынишку). Что жъ? вдругъ замѣчаетъ на правомъ плечѣ шрамъ. У нея и духъ захватило отъ радости.—«Какъ васъ зовутъ?» говоритъ.—«Василій» (такъ и ея сына звали).—«Вы не изъ воспитательнаго?»—«Изъ воспитательнаго».—«Отца и матери не знаете?» — «Нѣтъ, говоритъ, гдѣ ихъ знать!» — Шрамикъ у васъ этотъ на правомъ плечѣ съ малолѣтства?» — «Да́, говоритъ, съ малолѣтства». Ну, разумѣется, она схватила его сейчасъ въ объятія, да съ радости и занемогла такъ, что очутилась на смертной постели (удивительные случаи бываютъ въ жизни!). А первый-то

сынъ былъ у нея отъ законнаго брака и служилъ въ другомъ городѣ стряпчимъ. Вотъ она, умирая, и отправила къ нему на попеченіе нежданнаго братишку. Чучело является въ оборванномъ платьѣ, немытый, съ мозолями на рукахъ и на ногахъ: «я, говоритъ, кровный братъ вашъ».

У Прокопа Трофимыча лицо даже передернулось отъ нѣкотораго ужаса.

— Да, промолвилъ онъ—чрезвычайная непріятность, когда въ такомъ неприличномъ видѣ окажется родственникъ, не то, чтобъ отъ него какой нибудь прокъ, а ты еще одѣнь его и накорми.

— Вы, Прокопій Трофимычъ, женаты конечно? вдругъ вопросилъ обязательный гость, желая пріятною бесѣдою ближе расположить хозяина въ свою пользу.

— Женатъ...

— Благое дѣло! кто что ни говори, а жена все-таки подруга жизни. Я, еще будучи въ юнкерахъ, укралъ, да женился .. Ну-съ, и потомство приготовили?

Съ нѣкоторою даже гордостью отвѣчалъ Прокопъ Трофимычъ насчетъ потомства.

— Какъ же-съ: вонъ по двору бѣгаютъ ребятишки... три сына и дочь.

— Красавица, конечно?

— Еще въ дѣвочкахъ, но обѣщаетъ: по всему видно, должна выдти изъ нея красавица...

— Вѣроятно въ матушку?

— Нѣтъ, носъ только матери да глаза... А то уже какъ-то больше свое...

— Съ супругой вашей желалъ бы, очень желалъ бы познакомиться, если конечно она сама не прочь доставить мнѣ эту великую честь...

Зубенко какъ-то замялся. Можно было подумать, что ревнивецъ не желаетъ вывести на показъ жену-красавицу, подозрѣвая въ гостѣ коварнаго соблазнителя.

— Да она у меня, заговорилъ онъ—не изъ свѣтскихъ

— И, помилуйте! да вы-то меня за кого принимаете? За столичнаго фата? Пожалуйста, я васъ прошу. Добрые, хорошіе люди для меня дороже всего...

— Да жена у меня, ей Богу, не разговорчивая... и къ тому же, какъ говорится на свѣтскомъ діалектѣ, въ интересномъ положеніи. .

Сергѣй Михайлычъ сдѣлалъ движеніе.

— Положеніе весьма почтенное... тѣмъ еще больше уваженія возбуждаетъ къ себѣ женщина. Это, по моему, у нея больше значитъ, чѣмъ у насъ генеральскій чинъ. Кто знаетъ? Иная мать генералиссимуса родитъ... Да-съ! Слушайте, что я вамъ скажу, дорогой Прокопій Трофимычъ... (Сергѣй Михайлычъ съ чувствомъ схватилъ его за руку) Кромѣ меня никого другаго въ кумовья не звать, ни, ни! Я буду крестить...

— Да я тово... очень, очень радъ .. и жена, думаю... доселева всѣхъ дѣтей у насъ крестилъ судья Криворотниковъ...

— Ну, будетъ съ него, съ Криворотникова... Позвольте еще мнѣ... Какъ имя и отчество вашей супруги.

— Марфа Степановна... знаете, не свѣтское имя... не Семирамида, или Пульхерія какая, или еще Розалія, принялся Прокопъ Трофимычъ перечислять свѣтскія, по его мнѣнію, имена...

— Что въ имени? Посмотрите въ святцы: изъ какихъ больше святыя были? Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ, представьте меня достойнѣйшей Марфѣ Степановнѣ. Безъ этого и не уѣду отъ васъ.

Черезъ полчаса явилась Марфа Степановна, въ желтомъ шелковомъ платьѣ, шитомъ чуть ли не въ прошломъ столѣтіи, въ турецкой шали, въ которой она, по малости роста, совсѣмъ походила на пеструю куропатку. И платье и шаль куплены по случаю, у одной помѣщицы и надѣвались никакъ не болѣе двухъ разъ въ годъ — въ самые большіе праздники.

Сергѣй Михайлычъ подошелъ къ ручкѣ. Марфа Степановна чмокнула его въ щеку и имѣла намѣреніе, по обыкновенію свѣтскихъ дамъ ея круга, начать бесѣду прямо съ метеорологическихъ наблюденій надъ погодою, но Сергѣй Михайлычъ не допустилъ ее до сего позора и сейчасъ же завязалъ разговоръ съ болѣе интересныхъ предметовъ. Мы не станемъ, впрочемъ, приводить ихъ бесѣды...

«Ахъ, какой милый и обходительный человѣкъ!» думала Марфа Степановна о Сергѣѣ Михайлычѣ.

— Не хотите ли кофею? предложила она. Сергѣй Михайлычъ не отказался, подала кофе та самая дѣвка, что способна была удивлять міръ полнотою и великолѣпіемъ своихъ персей. Кофе оказался прескверный, что-то въ родѣ разжиженнаго дегтя, но сливки были превосходные и сдобные крендельки собственнаго издѣлія такъ вкусны, что Сергѣй Михайлычъ принялся съ большимъ аппетитомъ уписывать ихъ одинъ за другимъ.

— Сейчасъ видно, что вы хозяйка образцовая, сказалъ онъ Марфѣ

Степановнѣ комплиментъ по поводу вкусныхъ крендельковъ—просто хоть царю кушать...

— Нѣтъ, я совсѣмъ не умѣю печь кренделей, возразила Марфа Степановна, жеманясь и поправляя шаль—это вамъ такъ показалось... и чуть не ляпнула вслѣдъ за этимъ о погодѣ.

— Увѣряю васъ, что вкуснѣе этого печенья я еще въ жизни не ѣлъ.

Сергѣй Михайлычъ взялъ разомъ еще два кренделька. Марфа Степановна представила любезному гостю дѣтей своихъ и онъ похвалилъ ихъ еще съ бо̀льшимъ чувствомъ, чѣмъ кренделькн — нѣтъ, сказалъ онъ, ни малѣйшаго сомнѣнія, что дочь будетъ первая красавица и что надобно будетъ ее очень беречь, а то какой нибудь лейбъ-гусаръ непремѣнно украдетъ. На счетъ сыновей выразился, что мальчики обѣщаютъ быть геніями.

Марфа Степановна окончательно убѣдилась, что гость преобходительный, премилый человѣкъ.

— Что это вы, Прокопій Трофимычъ, во фракъ принарядились? вопросилъ Сергѣй Михайлычъ, собираясь откланяться.

Прокопъ Трофимычъ чувствовалъ и самъ уже, что неловко сдѣлалъ, облачившись во фракъ ради гостя, и тѣмъ выказалъ незнаніе свѣта.

— Не собрались ли вы къ кому съ поздравленіемъ?

Прокопъ Трофимычъ вдругъ оживился.

— Да, солгалъ онъ, впрочемъ весь зардѣвшись, какъ подобаетъ совѣстливому человѣку— собираюсь поздравить одного моего знакомаго съ днемъ рожденія...

— Такъ я васъ довезу.

Прокопъ Трофимычъ растерялся.

— Что-жъ ты не благодаришь Сергѣя Михайлыча? вполголоса прикрикнула Марфа Степановна. Прокопъ Трофимычъ принялся въ то же время и раскланиваться, и сморкаться. Марфа Степановна зло поглядѣла на него.

Опять Сергѣй Михайлычъ подошелъ къ ея морщинистой и загорѣвшей рукѣ. Опять она чмокнула его въ щеку.

Въ каретѣ Сергѣй Михайлычъ все старался занимать Прокопа Трофимыча разною болтовнею, а тотъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ навязчиво преслѣдовавшей его мысли: «ну, какого чорта я буду поздравлять съ рожденіемъ? И гдѣ я высажусь изъ экипажа? И какъ сказать, чтобъ кучеръ остановился? Чортъ знаетъ, куда это завезутъ меня»!..

На лицѣ его выражались явные признаки смущенія и безпокойства...

— Куда вамъ, Прокопій Трофимычъ? спросилъ кстати Сергѣй Михайлычъ — я васъ подвезу, куда хотите.

Прокопъ Трофимычъ машинально выглянулъ изъ окна: мелькнула какая-то вывѣска...

— Здѣсь мнѣ...

Экипажъ остановился. Прокопа Трофимыча высадили на панель и онъ очутился какъ разъ передъ крылечкомъ, надъ которымъ была надпись, вовсе не чета безнадежной надписи надъ вратами Дантова ада: «продажа питій: меду, пива, вина. Распивочно и на выносъ. Сегодня за деньги, завтра въ долгъ». Но Прокопа Трофимыча надпись эта повергла въ совершенное отчаяніе.

— Господи! почти вслухъ воскликнулъ онъ—чтожъ подумаетъ обо мнѣ Сергѣй Михайлычъ? Какъ разъ угораздило высадиться у кабачка и еще въ свѣтскомъ нарядѣ—во фракѣ! Тьфу! скверность какая!..

Когда онъ воротился пѣшечкомъ домой, раздумывая съ досаднымъ чувствомъ, что сдѣлалъ совершенно ненужный променадъ, Марфа Степановна напустилась на него за незнаніе свѣтскихъ приличій, за неумѣніе вести себя при образованныхъ людяхъ.

— О, олухъ царя небеснаго! распекала она муженька.—Ничего-то не понимаешь. Ужъ сколько разъ я тебя учила обращенію. Какъ пень! такъ-таки просто, какъ пень! Ты думаешь, для тебя сидѣлъ Сергѣй Михайлычъ? Ужъ это я его умѣла занять и развлечь разговорами.

Прокопъ Трофимычъ не огрызался: лучшее и испытанное имъ средство обезоруживать гнѣвъ благовѣрной...

Скоро достойные супруги сидѣли уже рядышкомъ въ совершенномъ согласіи и мирѣ. Съ жаромъ принялись они разсуждать о свалившемся съ неба знаменитомъ родственникѣ: «чувствительная, говорили, душа... рѣдкій человѣкъ!» Расчитывали уже на его протекцію, такъ какъ Прокопу Трофимычу страхъ захотѣлось выскочить въ старшіе ветеринарные врачи въ губерніи, или получить Станислава въ петлицу, или денежную награду...

— Ну, да ужъ Петръ Афанасьичъ устроитъ это: человѣкъ сильный... ишъ сколько отличій заслужилъ!

Прокопъ Трофимычъ принялся внимательно разсматривать печать на письмѣ заслуженнаго родственника.

— А что до меня, заговорила Марфа Степановна—то я предпочла бы денежную награду всякому Станиславу, ей Богу! Вонъ дочь ростетъ: приданое готовить надо. Да иной разъ ночи я не сплю—думаю, какъ бы намъ пополнить тѣ 150 р., что выслали на Кавказъ твоему почтенному двоюродному братцу. Безпутный человѣкъ! Богъ его вѣр-

но накажетъ... Ужъ въ моей роднѣ не найдется такой безсовѣстный человѣкъ!..

Прокопъ Трофимычъ возразилъ:

— За то, душа моя, въ твоей роднѣ не найдется и ни одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Заруби себѣ это на носу.

— А что, Марфушенька? Повѣримъ сумму, сказалъ онъ позже, когда обо всемъ уже переговорили и сдѣлалось имъ скучно—когда мы въ послѣдній разъ пересчитывали?

— Да ужъ съ недѣлю будетъ... а то и больше гляди.

Марфа Степановна, никогда не отказывавшаяся пересчитывать казну свою, сейчасъ же встала съ диванчика, затворила плотно дверь, опустила на окнѣ шторку и подошла къ комоду, позвякивая ключами.

Супруги принялись пересчитывать деньги; руки ихъ слегка дрожали, страхъ и опасеніе выражались на лицахъ: «что, если не досчитаются? Что, если Анисью или Домну лукавый попуталъ. Да, наконецъ, и самъ лукавый можетъ подшутить: возьметъ радужную, да и припрячетъ—ищи! Сто разъ будешь пересчитывать—нѣтъ, да и только. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ—слезки».

Но деньги оказались всѣ на лицо. Свободно вздохнули мужъ и жена. Марфа Степановна даже, не безъ особеннаго чувства, повела глазами въ уголокъ, гдѣ видѣлся въ серебряномъ окладѣ образъ чрезвычайно темной живописи.

Зубенко получилъ капитала за женою тысячъ пять и въ теченіи многихъ уже лѣтъ со дня свадьбы не взялъ ни копѣйки; кавказскому родственнику онъ выслалъ изъ своихъ, которыхъ было немного. Жилъ же онъ жалованьемъ да практикою.

Ни на какую финансовую афферу капиталисты наши не поддавались: многіе обращались къ Прокопу Трофимычу, просили въ займы денегъ. Онъ ссылался на шалопута-кавказца и на отрѣзъ отказывалъ.

Предлагали ему взять акціи того или другаго общества: дѣло было въ разгаръ разныхъ предпріятій, на пользу отечества.

— Какъ бы не такъ! говорилъ Прокопъ Трофимычъ — ужъ развѣ Богъ у меня умъ отнялъ. Промѣняю я государственныя кредитки на какіе-то измышленные купцами лоскутки бумаги. Ужъ извѣстное дѣло—купцы всѣ плуты: обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ...

Пошли въ ходъ 5% билеты—кажется, ужъ государственные. Прокопъ Трофимычъ не соблазнился и ими.

— Нѣтъ, говорилъ—это не деньги! а такъ себѣ, картины, или аттестаты. Въ рамку развѣ ихъ. Такъ у меня и безъ того живописи много на стѣнкахъ виситъ—и еще почище: по крайней мѣрѣ изображены лошади, нимфы, яблоки, жандармы и все такое.

ГЛАВА III.

Не много прошло времени, какъ Марфа Степановна родила дочь. Хотѣли по святцамъ назвать Степанидой, да Прокопъ Трофимычъ вздумалъ напередъ спросить совѣта Сергѣя Михайлыча.

— Что ты говоришь? накинулась Марфа Степановна—надо по закону, непремѣнно по закону давать имена. А то дѣтямъ не бываетъ счастья.

— Нѣтъ ужъ, мать моя, какъ ты себѣ хочешь — Сергѣй Михайлычъ пусть разсудитъ. Самъ назвался въ крестные, пусть и имя самъ приберетъ... какое нибудь свѣтское.

Отъ Сергѣя Михайлыча явился человѣкъ Прохоръ съ записочкою:

«Спѣшу, дорогой Прокопъ Трофимычъ, съ поздравленіемъ, до радостнаго свиданія, когда самъ лично обниму и облобызаю васъ. Много лѣтъ здравствовать новорожденной! я почему-то очень радъ, что родилась дѣвочка, а не мальчикъ. Человѣка Прохора оставьте у себя: у васъ теперь, конечно, много хлопотъ и онъ можетъ пригодиться для услугъ. Марфѣ Степановнѣ — поклонъ отъ меня въ самыя ножки. Я видѣлъ ее во снѣ всю въ сіяніи и изъ-за облака выходила надъ нею благословляющая рука...»

— Ахъ, какой прекрасный, какой добрый человѣкъ! восклицала Марфа Степановна и даже въ порывѣ чувства обѣими руками брала себя за голову—и сонъ ему какой божественный снился, будто я въ сіяніи и надо мною благословляющая рука».

— Ты, любезный, прежде всего выпей водочки за здоровье новорожденной...

Прокопъ Трофимычъ говорилъ Прохору—такому высокому и дюжему парню, что могъ потолокъ собою подпереть. Прокопъ Трофимычъ держалъ къ рукахъ графинъ и рюмку, въ которую налилъ вина до самыхъ краевъ, даже перелилъ, чтобъ дочка была счастливѣе. Анисья, въ утреннемъ неглиже, которое очень шло къ ея очаровательному бюсту, стояла тутъ же и держала тарелочку съ кускомъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью.

Прохоръ взялъ рюмочку, поздравилъ съ новорожденной, которой пожелалъ многихъ лѣтъ и непремѣнно жениха генерала, выпилъ съ чувствомъ и закусилъ хлѣбцемъ.

Теперь Прокопъ Трофимычъ сказалъ ему:

— Собственно говоря, любезный Прохоръ, ты здѣсь особенно не нуженъ, но коли самому желается, на случай чего такого, то скажу тебѣ спасибо.

— Нѣтъ ужъ, сударь, я останусь. Мнѣ хочется и барину своему сдѣлать угодное, а баринъ именно сказалъ, чтобъ я у васъ здѣсь находился и исполнялъ, коли что.

Прохору пожелалось остаться врядъ ли столько изъ желанія угодить своему барину, сколько потому, что въ жизнь свою не видѣлъ онъ такой славной дѣвки, какъ Анисья, и онъ при первомъ же случаѣ заговорилъ съ нею очень любезно.

— Какъ васъ?

— Анисья!

— А по батюшкѣ?

Дѣвушка какъ-то серьезно взглянула на Прохора и промолвила:

— Петровна... а вамъ что?

— Да такъ... слѣдовательно и будемъ звать васъ для вѣжливости: Анисья Петровна...

Въ два часа пробирался вдоль забора къ воротамъ Прокопа Трофимыча самъ Сергѣй Михайлычъ; за нимъ шествовалъ лакей въ ливреѣ, съ какою-то ношею въ рукѣ, а поодаль шагомъ ѣхала карета. Собачьяго лая не слышалось, такъ какъ собакъ убрали въ сарай и заперли. Черезъ заборъ къ Прокопу Трофимычу заглядывалъ высокій сосѣдъ, въ халатѣ, безъ шапки и съ трубкою: его занимала видимая суетня во дворѣ ветеринара. Передъ воротами, посреди улицы, торчали двѣ бабы, подобравшія по случаю небольшой грязи платья и юбки чуть не выше колѣнъ: одна шла къ колодцу съ ведрами по воду, другая—съ корзиной на рынокъ; онѣ встрѣтились и разговорились съ большою словоохотливостью, что-де у лекаря (такъ они величали Зубенко) родины и что крестить ѣдетъ какой-то баринъ изъ самаго Кіева. Между тѣмъ, на кухню, къ поварихѣ, старой Домнѣ, нужно не нужно, поминутно, шмыгали отъ сосѣдей разныя служанки: спрашивали то ступки—соль истолочь, то сковородки — кофе пережечь, засиживались нарочно и пускались въ тары-бары. Въ цѣломъ домѣ замѣчался безпорядокъ и какая-то вольница. Повивальная бабка, старая, толстая, съ отдувшимся, желтоватаго цвѣта лицомъ и такими маленькими, въ глубь ушедшими глазками, что они походили на двѣ изюменки, воткнутыя въ большую сдобную булку — вошла совершенно въ свои права: поминутно теребила слугъ разными приказаніями, то и дѣло наполняла объемистый желудокъ свой: то завтракала, то кофе пила; ходила по всѣмъ шкапамъ, распоряжалась, какъ у себя дома, а когда усаживалась подлѣ больной, то, для развлеченія ея, запускала разные турусы на колесахъ и сплетничала.

Сергѣй Михайлычъ, какъ вошелъ, поцѣловалъ Прокопа Трофимыча и поздравилъ:

— Почти всю улицу вашу, сказалъ онъ — прошелъ пѣшкомъ, а экипажу велѣлъ ѣхать за собою... тихо, чтобъ, знаете, грохотомъ не потревожить достойнѣйшей Марфы Степановны... Ну, что — благополучно?

— Благополучно...

— И слава Богу! я ужасно радъ, что дѣвочка... какъ хотите—созданіе болѣе усовершенствованное... такъ сказать, вѣнецъ творенія. Ну, что мы, мужчины? Кровь проливаемъ въ исторіи человѣческой.

— А мы, Сергѣй Михайлычъ, хотѣли посовѣтоваться съ вами насчетъ имени. По святцамъ выходитъ — Степанида... Но это имя совсѣмъ не свѣтское. У насъ одно время кухарка была Степанида...

— Такъ погодите... Я приберу имечко...

Сергѣй Михайлычъ закинулъ голову къ верху и приложилъ палецъ къ углу праваго глаза.

— Вотъ мы какое имя ей дадимъ: Людмила... или Валерія — еще лучше... Валерія Прокофьевна... очень будетъ хорошо. У меня въ Петербургѣ есть кузина Валерія Ксенофонтьевна, фуроръ производитъ.

Въ эту минуту появился въ дверяхъ человѣкъ Сергѣя Михайлыча, съ откупоренною бутылкою шампанскаго, за нимъ Анисья съ бокалами на большомъ подносѣ.

— Это откуда? вопросилъ смѣшавшійся отъ неожиданности Прокопъ Трофимычъ.

— Я, я, батюшка, приволокъ... Надо непремѣнно выпить за здоровье новорожденной и поздравить счастливую мать неиначе, какъ съ бокалами въ рукахъ... Удивительный сонъ видѣлъ я: Марфа Степановна будто вся въ сіяніи и изъ-за облака простирается надъ нею благословляющая рука...

На другой или на третій день происходили крестины. Сергѣй Михайлычъ поднесъ Марфѣ Степановнѣ штуку дорогой матеріи (какой-то ремонтеръ вывезъ изъ-за границы для своей любовницы и проигралъ во время ярмарки Сергѣю Михайлычу, у котораго долго валялась эта матерія безъ употребленія; теперь онъ о ней вспомнилъ); бабкѣ далъ два золотыхъ, за которыя она съ такою прытью бросилась цѣловать ему руки, что чуть не сшибла съ ногъ; дьячку сунулъ цѣлковый, а попу ничего не далъ; не понравился. Попъ, однако, присталъ было, но Сергѣй Михайлычъ, безъ всякой застѣнчивости и смотря ему прямо въ глаза, возразилъ:

— Батюшка, я вамъ красненькую сунулъ—ей Богу, красненькую сунулъ. Согласитесь, не ловко же было при всѣхъ предлагать вамъ. Ну, я деликатнымъ образомъ, когда вы проходили послѣ обряда, и сунулъ вамъ въ руку. Вы, должно быть, обронили...

Батюшка принялся обшаривать свои карманы — думалъ, что по привычкѣ ужъ какъ нибудь машинально припряталъ; но не нашелъ никакой красненькой...

— Ей-Богу, должно быть, обронили, повторилъ Сергѣй Михайлычъ—э, батюшка! какъ же вы? А впрочемъ, это даже дѣлаетъ честь вамъ—показываетъ, что вы въ принятіи мзды не искусны; по нерасположенію, всеконечно, къ ней...

Батюшка недоумѣвалъ... обратился къ торчавшему у порога дьячку.

— Ты получилъ?

— Получилъ, промолвилъ дьячекъ и кивнулъ головою, съ такимъ довольнымъ видомъ, что батюшка не спросилъ уже: «сколько?» а заходилъ по комнатѣ, понуривъ голову и пуская глаза по полу, все думалъ—не обронилъ ли. Между тѣмъ Сергѣй Михайлычъ внутренно посмѣивался отъ своей выходки.

Батюшка остановилъ еще мальчика, переходившаго черезъ комнату и несшаго для кого-то объемистую, величиною чуть не съ горшокъ, пѣнковую трубку, съ чубукомъ, длиннымъ, какъ пика.

— Послушай... послушай... проговорилъ батюшка въ полголоса и кивнулъ пальцемъ—какъ тебя?

— Тишка...

— Я тутъ обронилъ десяти-рублевую, знаешь, красненькую бумажку; завтра, какъ будешь подметать комнату, поищи... хорошенько поищи... На пряникъ дамъ... Да смотри, молодъ еще — не прикармань... и отцу или матери не снеси... На томъ свѣтѣ дьяволы тебя припекутъ... Знаешь, какъ читается восьмая заповѣдь?

— Знаю: читается—«не укради».

Но батюшка все еще не могъ успокоиться, сѣлъ на стулъ и продолжалъ рыскать глазами, пуская ихъ по полу.

Дня черезъ два явилась въ домъ Прокопа Трофимыча новая личность—дѣвушка, лѣтъ 20, съ сѣренькой сѣточкой поверхъ тщательно подобранныхъ, бѣлокурыхъ волосъ, съ подвижными плечиками, кокетливая и востроглазая такая, въ камлотовомъ бурнусикѣ, съ гарусным ридикюльчикомъ въ рукѣ, одѣтой въ фильдекосовую перчатку...

— Это что за барышня? спросилъ Прокопъ Трофимычъ и засуетился.

Оказалось, что это была швея съ записочкой отъ Сергѣя Михайлыча на имя Марфы Степановны. Прокопъ Трофимычъ не мало сконфузился, узнавъ, что швею принялъ за барышню.

Ее провели въ спальню къ Марфѣ Степановнѣ. Развязно она поклонилась.

— Здравствуйте, сударыня... поздравляю съ новорожденной. Дай Богъ ей жениха графа. Сергѣй Михайлычъ меня прислали... Вотъ-съ записочка...

Сергѣй Михайлычъ писалъ:

«Милая, дорогая кумушка! Жена моя, мѣсяцъ ужъ, какъ уѣхала въ Одессу и пробудетъ тамъ довольно долгое время. Штатъ ея, состоящій изъ способныхъ на всѣ руки мастерицъ и швей, остается безъ дѣла, празднымъ. Ну, а праздность есть мать пороковъ. Чтобъ спасти отъ грѣха этого самую слабую изъ нихъ по характеру и самую искусную по профессіи—Олимпіаду Ѳомину, посылаю ее въ ваше полное распоряженіе; займите ее дѣломъ. Она можетъ шить платья, шляпки, чепцы—все, что хотите. Платить ей, впрочемъ, не надо: во первыхъ, она получаетъ постоянное жалованье изъ кабинета жены моей, во вторыхъ, для нея уже будетъ достаточнымъ вознагражденіемъ то, что вы избавите ее отъ праздности—этой, какъ сказано выше, матери пороковъ. Слѣдовательно — душу спасете. Ѳомина — дѣвушка смазливенькая и умѣетъ строить мужчинамъ куры. Боюсь, чтобъ достойный кумъ мой, а вашъ благовѣрный не записался подъ вліяніемъ ея взглядовъ въ повѣсы, тѣмъ болѣе, что ваше теперешнее положеніе предписываетъ ему постъ, молитву и воздержаніе. Такъ вы и примите мѣры, дабы онъ не нарушилъ долга супружества, самаго священнаго изъ всѣхъ долговъ».

Улыбнулась Марфа Степановна и, приподнявшись на постели и шлепнувъ себя по бедрамъ обѣими руками, съ чувствомъ проговорила:

— Ахъ, какой милый! какой очаровательный человѣкъ и что за шутникъ этотъ Сергѣй Михайлычъ!

Вошелъ Прокопъ Трофимычъ; она подала ему письмо Сергѣя Михайлыча и спросила, что значитъ слово профессія? Не значитъ ли «процессія?» Прокопъ Трофимычъ сейчасъ же объяснилъ, такъ какъ онъ, по званію ветеринара, кое что въ латыни смыслилъ.

— Ну, милая, обратилась Марфа Степановна съ шутливымъ видомъ къ дѣвушкѣ — у меня баринъ совсѣмъ неблагонадежный человѣкъ: прошу не строить ему глазокъ.

— Да вы ужъ, сударыня, прикажите и барину, чтобъ въ грѣхъ не вводить...

— Ги, ги, ги — заливался Прокопъ Трофимычъ, читая шутливое посланіе добраго куманька и вслушиваясь въ то же время въ разсужденія Марфы Степановны съ востроглазой швеей.

— Вы, милая, и шляпки шьете?

— Какъ же съ, сударыня, шляпки и есть наше первое дѣло...

Разумѣется, къ дѣлу сейчасъ же приступили: выдвинули перво на перво на сцену великолѣпный муаръ-антикъ, подаренный Сергѣемъ Михайлычемъ Марфѣ Степановнѣ на крестины...

Вотъ, милая, прежде всего надо начать, я думаю, съ платья.

У Марфы Степановны въ минуту развился геніальнѣйшій планъ, и въ ея, столько лѣтъ дремавшемъ воображеніи, сразу представилась самая заманчивая перспектива: какъ это она, по истеченіи извѣстнаго срока послѣ родинъ, въ новой шляпкѣ, въ богатомъ платьѣ, которое такъ и будетъ волочиться по землѣ и шумѣть, широкими складками... да еще попроситъ у кума карету, съ лакеемъ... отправится къ Лукерьѣ Дементьевнѣ Бубновой... то-то форсу задастъ! И Лукерья Дементьевна унылымъ голосомъ, опустя носъ и вздохнувши глубоко-глубоко, скажетъ: «гдѣ намъ съ вами, Марфа Степановна, тягаться. Вы счастливица, одно слово — въ сорочкѣ родились»...

— Ахъ, что за милый, преобходительный человѣкъ! неожиданно Марфа Степановна закончила свою обольстительную думу мыслью о Сергѣѣ Михайлычѣ.

Она принялась теперь гнать Прокопа Трофимыча къ куму.

— Что ты до сихъ поръ не сходишь къ Сергѣю Михайлычу, не засвидѣтельствуешь почтенія? О-охъ! совсѣмъ не знаешь свѣтской жизни.

Какъ тяжкій грѣхъ на сердцѣ, чувствовалъ и самъ Прокопъ Трофимычъ, что надо сходить къ Сергѣю Михайлычу... засвидѣтельствовать почтеніе; да все не рѣшался...

— Что жъ? какъ я пойду? во фракѣ, или въ сюртукѣ? Надо во фракѣ...

Смѣлость проявилась — и онъ, натянувъ фракъ, пѣшкомъ отправился къ Сергѣю Михайлычу; но по мѣрѣ того, какъ приближался, имъ овладѣвала пренепріятная робость: «хорошо, если никого нѣтъ; ну, а какъ гости... все люди значительные... можетъ быть — самъ губернаторъ!» Между тѣмъ, машинально ноги подвигались впередъ, поворотилъ нашъ путешественникъ на площадь, и какъ разъ передъ глазами его выдвинулся большой, въ два этажа, съ готическими окнами каменный домъ, окрашенный пикантною сѣрою краской. Вдоль дома по тротуару чугунныя тумбы съ цѣпями, на парапетахъ крыльца — пушки; на воротахъ львы съ открытыми ртами. У подъѣзда, въ две-

ряхъ котораго торчалъ швейцаръ въ пестрой ливреѣ, съ бронзовой булавой и въ треуголкѣ, стояли экипажи...

— Куда ты, дуракъ, съ посконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ суешься? закричалъ самому себѣ бѣдняга ветеринаръ и сейчасъ поворотилъ оглобли.

«Пущай ужъ до другаго раза, размышлялъ онъ, отошедши подальше и успокоившись немного— надо узнать, когда Сергѣй Михайлычъ въ баню ходитъ... ужъ вѣрно въ тотъ день значительныхъ гостей у него не бываетъ.

Другая, глубокая, вводившая его чуть не въ меланхолію забота — была написать письмо въ Херсонъ къ сановному родственнику:

«Ну, какъ ему писать... и гдѣ такую бумагу купить? Развѣ въ Петербургскомъ магазинѣ... Или ужъ лучше спрошу въ магазинѣ Соловцова что ни на есть лучшую. Съ бумагой еще не великая штука... а вотъ какъ ты, голубчикъ, будешь съ самымъ сочиненіемъ? Тутъ ужъ просто нужно оратора».

Нѣсколько разъ Прокопъ Трофимычъ принимался самъ, въ качествѣ оратора, сочинять, да все не ладилось, не лѣзло въ голову; начнетъ: «ваше превосходительство, благодѣтельный родственникъ», да тутъ же спроситъ себя: «отчего-жъ благодѣтельный?» Ну, зачеркнетъ— напишетъ: «ваше превосходительство, дорогой родственникъ...» Хорошо ли это: дорогой? Можно сказать дорогая рыба, дорогое мясо. Нѣтъ, про родственника, да еще имѣющаго генеральскій чинъ, такъ выражаться, какъ о рыбѣ и мясѣ, совсѣмъ не годится. Такая особа не рыба и не мясо... Гм, вотъ до чего уже додумался! Про сановника говорю— ни рыба, ни мясо... Ну его къ дьяволу! никогда сочинять самъ не возьмусь. Еще такую штуку сочинишь, что самого себя въ петлю втянешь. Ну, и выходитъ, что на плечахъ у тебя глупая голова... да такъ-таки глупая, телячья. И Прокопъ Трофимычъ, швырнувъ перо, отпрянулъ совсѣмъ отъ стола: какъ же я могу даже написать просто родственникъ? Какой же еще родственникъ? Вѣдь я и этого хорошенько не знаю: дядя, или кто?

Прокопъ Трофимычъ такъ наконецъ разсердился, что потрясъ самого себя за волосы и сталъ громко изливать слѣдующую ругань:

— Чтобъ чортъ побралъ, право, и этого родственника, и этого кума! Вотъ что! Просто хлопотъ надѣлали! Думай теперь, сочиняй... кланяйся... Вѣдь жилъ себѣ, славу Богу! Спокойно, тихо... ни разу со дня свадьбы фрака не надѣвалъ! Ни о какихъ манерахъ не думалъ... А теперь на-поди! У кума, какъ хочешь, придется бывать... пожалуй, самъ возьметъ, посадитъ въ карету и увезетъ къ себѣ, а тамъ все свѣтскіе люди... дамы... генералы... Тамъ, говорятъ, полы такіе, что

какъ на льду: поскользнешься и растянешься... То ли дѣло — взялъ бы купца въ кумовья: свой человѣкъ — простой, безъ всякихъ церемоній...

Вѣроятно, много еще кое-чего насказалъ бы самому себѣ Прокопъ Трофимычъ о преимуществахъ кума изъ купцовъ, если бы не развлекъ его поднявшійся во дворѣ сильный лай собакъ: у воротъ, оказался почтальонъ и, пошаривъ въ своей сумкѣ, вынулъ оттуда письмо.

— Изъ Херсона, сказалъ онъ Прокопу Трофимычу.

По большой печати, украшенной гербомъ, съ разными эмблемами силы и могущества, Прокопъ Трофимычъ сразу узналъ, отъ кого...

Херсонскій родственникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ писалъ:

«Дорогой роденька! На дняхъ я получилъ письмо отъ Сергѣя Михайлыча. Онъ, со всѣми подробностями, передаетъ о свиданіи и первомъ знакомствѣ съ тобою. Отъ него пріятно было мнѣ слышать, что ты, съ женой и дѣтками, не жалуешься на судьбу, живешь, слава Богу, хлѣбъ жуешь. Скромная доля въ свѣтѣ самая лучшая. Досадно, однакожъ, о тебѣ и о твоемъ житьѣ-бытьѣ слышать отъ постороннихъ, а не отъ тебя самого. Вѣдь я до сихъ поръ не получилъ отвѣта на первое письмо. Пожалуйста не полѣнись, напиши. Между прочимъ, Сергѣй Михайлычъ вкинулъ пару словъ о кавказскомъ родичѣ нашемъ, какъ онъ надулъ тебя на 150 руб. Я зналъ этого шалопута еще ребенкомъ и тогда уже не предвидѣлъ отъ него ничего добраго и мнѣ кажется, онъ неисправимъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Однако изъ этой маленькой исторійки я вывожу одно весьма важное обстоятельство — то, что ты, достойный мой родичъ, имѣешь слабое сердце и просящему у тебя не отказываешь. Конечно, раздавать деньги — высокая добродѣтель, точно также, какъ копить ихъ и держать подъ спудомъ изъ одного скряжничества — гнусный порокъ и даже зло общественное. Капиталъ надо непремѣнно пускать въ оборотъ ради собственной пользы и пользы для цѣлаго общества. Но это хорошее дѣло слѣдуетъ дѣлать съ большою осторожностью, съ тщательнымъ выборомъ людей, которымъ ввѣряешь свои деньги.

«Ты не удивишься послѣ этого, если я тебѣ скажу, что я самъ охотно ссужаю деньги подъ процентъ, разумѣется, не жидовскій. Сергѣй Михайлычъ, у котораго бываютъ большія дѣла, часто у меня заимствуетъ, а иногда и я у него; но Сергѣй Михайлычъ прежде всего человѣкъ высокой честности, притомъ, съ огромнымъ состояніемъ, человѣкъ, для котораго тысячи ничего не значатъ, развѣ только въ отдѣльные моменты, когда и для самого Ротшильда (это такой богачь есть) какая нибудь лишняя сотня рублей пріобрѣтаетъ вдругъ необычайный

интересъ, въ виду выиграть чрезъ нее сторицею больше. Такіе люди какъ Сергѣй Михайлычъ умѣютъ и сами пріобрѣтать, и другимъ давать хлѣбъ. Но много ли вообще честныхъ людей на свѣтѣ? Не даромъ одинъ писатель сказалъ, что коли попадешь на честнаго человѣка, то кричи о немъ съ крышъ домовъ. Кстати, Сергѣю Михайлычу я долженъ за овецъ 6,000 руб., но деньги эти могу выслать не ранѣе августа. Я ему пишу объ этомъ въ деревню. Въ случаѣ же онъ въ городѣ—ты передай ему объ этомъ на словахъ.

«Извини, пожалуйста, что я по слабости, уже общей всѣмъ старикамъ, видѣвшимъ и испытавшимъ чрезвычайно много на свѣтѣ, беру на себя преподавать совѣты тебѣ, полагаю, мужу тоже опытному и наученому уроками жизни, которая есть лучшая наставница людей; одно только горе — что ея непосредственные уроки слишкомъ дорого обходятся людямъ. Она именно, какъ старый и суровый педагогъ, преподаетъ не иначе, какъ изъ-подъ лозы, принижаетъ человѣческую личность, ставитъ на колѣни и въ уголъ, запираетъ въ карцеръ, оставляетъ безъ сапогъ и безъ обѣда»...

Какъ дочиталъ Прокопъ Трофимычъ до этого мѣста, такъ просто туманъ какой-то охватилъ его голову.

«Господи! подумалъ онъ — вотъ съ какими людьми приходится имѣть дѣло! читаешь точно экклезіастъ».

Теперь больше, чѣмъ когда, увидѣлъ Прокопъ Трофимычъ неизбѣжность вступить въ переписку съ сановнымъ родственникомъ и что для этого слабый умъ его совсѣмъ не годится, а надобенъ непремѣнно краснорѣчивый ораторъ.

Черезъ полчаса Прокопъ Трофимычъ самъ уже заглядывалъ черезъ заборъ къ высокому, бѣлобрысому сосѣду, который любилъ, вѣроятно больше отъ скуки, перекидывать любопытные взгляды во дворъ почтеннаго ветеринара: сосѣдъ въ халатѣ, съ трубкою, которую никогда не выпускалъ изъ рукъ, расхаживалъ по двору подлѣ крыльца и казался погруженнымъ въ серьезныя думы; онъ соображалъ выгодно ли будетъ промѣнять профессору семинаріи Фіолетову египетскаго голубя на голубя-хохляка? Не думаетъ ли господинъ профессоръ надуть его, увѣряя, что хочетъ сбыть хохляка за излишествомъ, а можетъ быть хохолокъ его имѣетъ какіе нибудь важные пороки, нетерпимые въ благовоспитанной голубятнѣ.

— Господинъ капитанъ! господинъ капитанъ! воззвалъ къ нему Прокопъ Трофимычъ.

Сосѣдъ, бывшій изъ бурбоновъ и всего поручикъ въ отставкѣ, всегда, однакожъ, выдавалъ себя за капитана и любилъ, чтобы его такъ

величали. Конечно, люди, имѣвшіе къ нему надобность, не отказывали ему въ этомъ.

— Хотите, я вамъ подарю горсточку отличнѣйшаго табаку, прямо изъ Константинополя, самъ султанъ куритъ.

— Благодарствуйте... Капитанъ очень оживился и зашагалъ къ забору, черезъ который Прокопъ Трофимычъ протянулъ уже руку съ табакомъ, завернутымъ въ бумажку.

Разумѣется, капитанъ сейчасъ же пригласилъ сосѣда къ себѣ. Разговоръ съ перваго начала все вертѣлся на табакѣ. Капитанъ набилъ трубку и закурилъ.

— Какъ находите? спросилъ Прокопъ Трофимычъ.

— Я въ этихъ вещахъ знатокъ—капитанъ подмигнулъ глазомъ— и скажу, что табакъ не изъ казистыхъ. Должно быть, турецкій султанъ скряжничаетъ, да это видно и изъ того, что солдатамъ жалованье не сполна отпускаетъ. Я вамъ доложу, что султанъ походитъ на ту бабу, которая, ради корысти, сама кушаетъ черный хлѣбъ, а на базаръ несетъ бѣлый: такъ и онъ — вѣрно лучшій табакъ отправляетъ заграницу англичанамъ. Доложу вамъ, это достовѣрно извѣстно, что султанъ боится англичанъ, чтобы они у него не отняли краснаго моря. А какъ отнимутъ красное море — шабашъ значитъ... секимъ башка! А впрочемъ ничего — благодарствуйте, табакъ хорошъ, и очень хорошъ. Долженъ я вамъ сказать, что султанскіе табаки — канальскіе: сразу не разсмакуешь, а потомъ ужъ себя и покажутъ...

— Теперь, Онисимъ Ѳедорычъ, я хочу спросить васъ: какихъ вы держите на хлѣбахъ семинаристовъ? Есть между ними и риторы, и философы?

— Натурально, отвѣчалъ капитанъ съ такою гордостью, какъ будто спросили о предметахъ его собственнаго издѣлія и о такихъ еще, которые доведены имъ до совершенства. — Вонъ у сарая на колодкѣ сидитъ, читаетъ книгу: это философъ; а вонъ черезъ рѣшетку видно, растянулся подъ вишнею — думаетъ, кабы сама ягода свалилась ему въ ротъ: это риторъ. Оба сыновья благочинныхъ. Я такъ дѣтей отъ родителей малаго сана не беру: бо́льшею частью голь; ну, а благочинные всегда люди состоятельные.

— Мнѣ нужно сочинить одно письмецо.

— Извольте, сейчасъ сочинятъ... ребята бойкіе и все на свѣтѣ знаютъ.

— Письмо къ значительному лицу...

— И къ значительному лицу сочинятъ, въ карманъ за словомъ не полѣзутъ... Передъ цѣлой публикой говорятъ на актахъ и руками раз-

махиваютъ... доказываютъ... Да вотъ сейчасъ станемъ чай пить; такъ вы съ ними и познакомитесь. Риторъ только что лѣнивъ... невозможнаго все хочетъ, чтобъ сами, значитъ, жареные рябчики въ ротъ ему падали... а умница — куда вамъ. Философъ... Этотъ больше по части науки.

Капитанъ повертѣлъ пальчикомъ около лба, съ самымъ замысловатымъ видомъ.

Мы не будемъ, однако, разсказывать до подробностей, какъ Прокопъ Трофимычъ за чайнымъ столомъ у сосѣда-бурбона познакомился и съ риторомъ, и съ философомъ; скажемъ только, что и риторъ, и философъ, сильный по части науки, также затруднились насчетъ приступа (exordium — по ихнему) въ письмѣ къ херсонскому родственнику: писать ли ваше превосходительство-благодѣтель, или ваше превосходительство-дорогой родственникъ. Капитанъ, котораго тоже пригласили на совѣтъ, по пословицѣ: одинъ умъ хорошъ, а два лучше, совѣтовалъ написать просто «ваше превосходительство» и ничего больше, черкнуть только въ концѣ большую палку. Такъ онъ называлъ знакъ восклицательный.

Читатель можетъ недоумѣвать насчетъ одного обстоятельства — какимъ образомъ письмо, о настоящемъ происхожденіи котораго весьма не трудно догадаться, могло попасть въ руки почтальона и быть имъ доставлено, съ почтовымъ штемпелемъ на конвертѣ, впрочемъ такъ запачканнымъ, что трудно было разглядѣть, изъ Херсона, или изъ другаго города. Обстоятельство это объясняется очень просто: у Сергѣя Михайлыча вездѣ были друзья-пріятели—и въ почтовой конторѣ, и въ полиціи, и въ гражданской палатѣ, и даже въ палатѣ уголовной.

— Гдѣ человѣку не случится побывать? говаривалъ Сергѣй Михайлычъ съ видомъ практическаго знатока всякихъ житейскихъ треволненій — такъ надо, чтобъ всюду ты явился какъ свой, чтобъ вездѣ тебя встрѣтили, какъ стараго знакомаго. Большая разница являешься ли ты по дѣлу, съ которымъ можетъ быть связана участь твоя, къ людямъ чуждымъ, въ первый разъ встрѣчающимъ тебя лицомъ къ лицу, не знающимъ всѣхъ твоихъ свойствъ, въ числѣ которыхъ многія, очень мягкія и тонкія, пришлись бы, можетъ быть, по сердцу твоимъ судьямъ и подготовили бы заранѣе благосклонный взглядъ ихъ на твое дѣло; или являешься ты въ среду людей, хорошо уже знакомыхъ съ тобою, хорошо уже знающихъ и давно оцѣнившихъ по достоинству мягкія и симпатичныя свойства

души твоей; ты съ этими людьми столько уже разъ подвизался на такъ называемомъ зеленомъ полѣ, и отписывалъ, и записывалъ, за однимъ столомъ преломлялъ свой вкусный кусокъ хлѣба, съ иными пилъ даже брудершафтъ, и рѣдко кто изъ нихъ не имѣетъ отъ тебя на память какой нибудь презентикъ, поднесенный въ день ангела или въ благословенный день рожденія. Въ первомъ случаѣ, когда все люди незнакомые, принимаютъ тебя сухо и холодно, преднамѣренно преувеличиваютъ важность твоего дѣла, говорятъ, какъ о государственной измѣнѣ, указываютъ на строгость карающихъ законовъ; суровы и не привѣтливы и рѣчи и лица этихъ господъ, и какъ ни извивайся передъ ними мелкимъ бѣсомъ, хорошо они знаютъ, что это не отъ мягкихъ и симпатичныхъ свойствъ, врожденныхъ душѣ твоей, а отъ того, что стараешься ты заискать въ нихъ, расположить въ свою пользу (да и что значатъ мягкія и симпатичныя свойства души?), хочешь просто теплотою сердца доплатить то, чего замышляешь не доплатить изъ сокровенной глубины твоего кошелька. Открывай-ка лучше его во всю ширину и до самаго дна, авось тогда прояснятся эти сумрачныя, холодныя лица судей, мелькнетъ на устахъ ихъ улыбка и заговорятъ они словами утѣшенія и надежды. Совсѣмъ не то съ знакомыми, съ друзьями, съ пріятелями, которыхъ хорошо помнишь и дни ангеловъ, и дни рожденій: еще прежде, чѣмъ явишься къ нимъ съ повинною, они уже между собою вдоволь помаракуютъ о тебѣ: «экъ Сергѣй-то Михайловичъ нарвался! милый человѣкъ! Какъ же это онъ не сообразилъ! А все отъ доброты сердца, отъ того, что взбалмошный. Въ сущности же человѣкъ совсѣмъ не злой. Ну, надо ему сердечному помочь». Является и самъ Сергѣй Михайлычъ, ухмыляется, пожимаетъ всѣмъ руки и самому маленькому. Его окружаютъ съ участіемъ и готовностью, пускаются въ распросы: «какъ это? что съ вами, достойнѣйшій Сергѣй Михайловичъ?» А Сергѣй Михайлычъ, не переставая ухмыляться и жать шероховатыя, неуклюжія чиновничьи длани, остритъ, говоря:

— Всѣ люди смертны; Кай — человѣкъ, слѣдовательно — Кай смертенъ. Согрѣшилъ, друзья мои! Да объ этомъ рѣчь послѣ, а теперь прошу пожаловать ко мнѣ на закусочку...

И не надо думать, чтобъ слишкомъ дорого обходились Сергѣю Михайлычу эти друзья-пріятели; денегъ онъ много никому никогда не давалъ, а задабривалъ и располагалъ къ себѣ больше тѣмъ, что изъ ближайшаго имѣнія, было ли дѣло или не было, все равно, былъ бы только человѣкъ вліятельный и на случай чего нужный, присылалъ время отъ времени муку, крупу, картофель, арбузы, огурцы, соленыхъ гусей, живыхъ ягнятъ и куръ, яйца и даже букеты цвѣтовъ тѣмъ, у

кого были франтихи-жены, или невѣсты—дочери, даже еще при этомъ для иного господина, особенно почитающаго его веселый и вѣчно шутливый характеръ фокусъ выкинетъ: въ числѣ десятка грушъ натуральныхъ, велитъ положить пару, что ли, хорошо подобранныхъ искуственныхъ изъ воска, или изъ чего другаго... и сколько смѣху бывало, когда кто нибудь невзначай попробуетъ! «Ахъ, какой, право, шутникъ этотъ Сергѣй Михайлычъ! Премилый человѣкъ!»

ГЛАВА IV.

— Великолѣпная идея! воскликнулъ Сергѣй Михайлычъ, поутру на другой день, послѣ того, какъ отправилъ чрезъ почтальона письмо къ Прокопу Трофимычу отъ имени херсонскаго родственника.

Такъ какъ и всякія, не только великолѣпныя идеи, какія приходили въ голову Сергѣю Михайлычу, онъ тотчасъ же приводилъ въ исполненіе, то не болѣе какъ чрезъ полчаса онъ уже обдавалъ грохотомъ своего экипажа уединенную Пустопорожнюю улицу; собаки лаяли и гнались, другія встрѣтили у воротъ Прокопа Трофимыча; ветеринаръ самъ выбѣжалъ оборонять дорогаго гостя...

— Эй, смотри, кумъ! пригрозилъ ему Сергѣй Михайлычъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ—злыя собаки доказываютъ, что у хозяина много денегъ... Напущу ужо на тебя вора... берегись!

— Богъ оборонитъ, Сергѣй Михайлычъ, возразилъ ветеринаръ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай... Не правду ли говорю?

— Вѣрно, Сергѣй Михайлычъ. И то сказать, безъ Бога ни до порога...

— Ну, ладно... Кто это у тебя по сосѣдству домишко соорудилъ? Понравились мнѣ ужасно фестончики надъ окнами: они деревянненькіе, но очень искусно сдѣланы, видъ придаютъ; окошки, точно какъ барышни въ завиткахъ, улыбаются.

Дѣйствительно, Сергѣй Михайлычъ въ этотъ разъ, когда проѣзжалъ, что-то очень любезно и особенно внимательно поглядѣлъ на домикъ капитана, котораго фамилія была Кругловъ.

— И видно, человѣкъ зажиточный: во дворѣ кучеръ дрожки ладилъ, въ загороди двѣ коровы сѣно жуютъ... на окнахъ занавѣсочки и цвѣты. Вѣрно, дочь невѣста, или жена молодая... Страхъ какъ люблю видѣть признаки довольства.

Впрочемъ, ветеринаръ отрекомендовалъ сосѣда, какъ человѣка вовсе не капитальнаго, на что Сергѣй Михайлычъ сдѣлалъ только «м-мъ».

— Да и дочери невѣсты у него нѣтъ, продолжалъ Прохоръ Трофимычъ — да и жена не изъ молодыхъ, а въ лѣтахъ уже...

— Ну, и чортъ съ нимъ и съ женою его!..

Для Сергѣя Михайловича достаточно было узнать, что капитанъ не капиталистъ, онъ сейчасъ и пересталъ имъ интересоваться...

— А я, Сергѣй Михайлычъ, получилъ письмо изъ Херсона...

— Что пишетъ Петръ Аѳанасьичъ?

— Пишетъ, между прочимъ, чтобъ я передалъ вамъ, что деньги, которыя онъ долженъ, можетъ выслать не ранѣе августа...

— Гм, тамъ 6 тысячъ съ него слѣдуетъ...

— Да-съ.

— Онъ у меня овецъ купилъ... Экая досада! А мнѣ деньги могутъ понадобиться...

— Онъ вамъ объ этомъ послалъ письмо въ деревню.

— Угадалъ!.. Ну, да Богъ съ нимъ... проговорилъ Сергѣй Михайлычъ разсѣянно и махнулъ рукою.

Выплыла Марфа Степановна опять въ желтомъ платьѣ и турецкой шали. Сергѣй Михайлычъ подлетѣлъ къ ручкѣ. Она заговорила о погодѣ, и любезный кумъ, съ видимымъ удовольствіемъ, поддержалъ бесѣду о такомъ общезанимательномъ сюжетѣ.

Сбѣжались дѣти съ возгласами: «дядя пріѣхалъ!» Сергѣй Михайлычъ перецѣловалъ ихъ, кому головку погладилъ, кого подержалъ на колѣнкахъ. Всѣхъ надѣлилъ конфектами... Няня вынесла крестницу. Тутъ уже совсѣмъ Сергѣй Михайлычъ растаялъ и обратился въ Манилова...

Марфа Степановна даже не могла безъ слезъ глядѣть на него и думала въ умиленіи любящаго, материнскаго сердца: «какой милый, какой обходительный человѣкъ!»

— Все это надо выростить и воспитать, проговорилъ Прокопъ Трофимычъ съ видомъ озабоченнаго главы семейства.

— Что вамъ? Чего у васъ не хватаетъ? съ живостью вмѣшался Сергѣй Михайлычъ — вамъ поможетъ Петръ Аѳанасьичъ: человѣкъ богатый, одинокій. Да и старъ ужъ очень, не долго ему жить. Ну кому же, послѣ смерти, останется его состояніе? Натурально, вамъ; вотъ и будетъ дѣтишкамъ на молочишко...

Надо было взглянуть на лица достойныхъ супруговъ, какъ они прояснились: каждая морщинка выпрямилась, въ глазахъ огонекъ забѣгалъ; имъ никогда и въ голову не приходила мыслишка о томъ, что кто нибудь изъ ближнихъ окачурится и оставитъ имъ большое наслѣдство. И точно этотъ близкій, съ духовнымъ завѣщаніемъ въ рукахъ,

былъ передъ ними въ лицѣ веселаго и безпечальнаго куманька, такъ они заходили около него. Предложили чайку — отказался, кофейку — отказался... спросилъ «чашечку» сливокъ и выпилъ съ удовольствіемъ...

Денька черезъ два опять грохотъ наполнилъ Пустопорожнюю улицу; всполохнувшіеся обитатели ея заговорили другъ другу: «кто это все ѣздитъ къ Зубенку?» Самъ Прокопъ Трофимычъ сегодня совсѣмъ не ожидалъ кума. Но у Марфы Степановны, какъ она говорила, было предчувствіе и сонъ ей снился: будто какъ разъ надъ ихъ домомъ Сергѣй Михайлычъ на тоненькой—тоненькой паутинѣ спускается съ неба, точно паукъ, скорчился весь и показываетъ зубы... какъ рядъ бѣлыхъ горошинокъ. А она только приговариваетъ: «ну, что за шутникъ этотъ Сергѣй Михайловичъ! Просто умора!» Да еще кухарка видѣла, какъ кошка, сидя на крыльцѣ, мыла себѣ лапкой мордочку: ну, значитъ, будутъ гости!

— Что — не ожидали? воскликнулъ кумъ, весь въ попыхахъ.

— Нѣтъ, у меня было предчувствіе...

— Добрый знакъ! Не даромъ мы покумились: вотъ, значитъ, и духовная связь зародилась между нами... Ну, да, дорогіе мои, теперь не объ этомъ дѣло. Слушай, Прокопъ Трофимычъ! Готовься, куманекъ, преступить свою страшнѣйшую клятву...

Сергѣй Михайлычъ всею рукою налегъ на плечо щуплаго ветеринара и впился глазами въ его глаза. У Марѳы Степановны на лицѣ выразилось смущенье.

— Драгоцѣнная кумушка! Не безпокойтесь: не думайте, что вашему благовѣрному приходится измѣнить клятвѣ, данной вамъ подъ вѣнцомъ предъ алтаремъ Всевышняго...

— Ну, ужъ этой клятвѣ онъ, вѣрно, разъ тысячу измѣнялъ и это меня уже нисколько не безпокоитъ...

— Браво!

Сергѣй Михайлычъ захлопалъ въ ладоши и опять принялся теребить неповоротливаго кума.

— Ну, такъ слушай, въ чемъ дѣло: тебя надулъ твой двоюродный братецъ, герой Кавказа, и ты далъ себѣ клятву никому ни подъ какимъ видомъ не давать теперь ни копѣйки... Такъ ли?

— Ей-Богу, такъ.

Зубенко даже привскочилъ.

— Боже сохрани теперь кому хотя одну четверть копѣйки.

Марѳа Степановна съ самымъ рѣшительнымъ видомъ покачала головой.

— Ну, а мнѣ, друзья мои, дадите такъ денька на три, на четыре рублей 200. Я ужъ васъ не надую...

Супруги поглядѣли другъ на друга, и ровно ничего не выразилось на лицахъ ихъ: просто какое-то отупѣніе...

— Да кто же изъ васъ старше? съ тѣмъ я, и буду говорить... Или вы оба равны... egalité, значитъ, феноменъ, необыкновенный въ супружествахъ...

— Да какже это вамъ, дорогой кумъ, 200 р., заговорилъ Прокопъ Трофимычъ почти безсознательно: сами губы прошамкали. Марѳа Степановна сложила руки на животѣ и глядѣла посоловѣлыми глазами.

Сергѣй Михайлычъ взялъ кума за плечо.

— На три, на четыре дня — никакъ не дальше. Поворачивайся, куманекъ... не размышляй.

— Ей-Богу, кумъ, нѣтъ столько денегъ...

— Ей-Богу... затараторила и Марѳа Степановна и подняла руку ко лбу, чтобъ перекреститься; но Сергѣй Михайлычъ не допустилъ ее до этого движенія.

— Э, друзья мои, такъ я вижу, у васъ поклясться, значитъ, все равно, что воды выпить... Ну, ужъ на томъ свѣтѣ припекутъ васъ...

Марѳа Степановна затряслась всѣмъ тѣломъ...

— Ну, ужъ, извините — продолжалъ кумъ: — коли такъ легко даете клятвы, такъ вамъ нарушать ихъ еще легче... Фи! Срамъ какой! 200 р. мнѣ не хотите повѣрить! Возвращу, и возвращу съ процентами... Сколько положите?

— И, какъ можно... заговорила Марфа Степановна, отмахиваясь рукою: — проценты брать грѣшно.

— И въ книгѣ сына Сирахова...

— Не надо, кумъ, справляться съ книгою сына Сирахова. Деньги мнѣ нужны сію минуту. Случай такой необычайный вышелъ. Я изъ дома вашего не уйду, пока не дадите. Вы просто обижаете меня тѣмъ, что не вѣрите. Да наконецъ, я хочу взять у васъ, у васъ именно. Ни у кого больше, хотя у меня въ виду сто душъ, изъ которыхъ каждый далъ бы мнѣ съ большою радостію не 200 рублей, а 2000. Но я хочу, сударики мои, получить именно отъ васъ, чтобъ доказать вамъ, что мнѣ вѣрить можно. Для меня обида кровная — ваша мнительность, ваше недовѣріе. Это чортъ знаетъ что такое...

Сергѣй Михайлычъ такъ раскричался, такъ свирѣпо заходилъ по комнатѣ и сталъ размахивать руками, что почтенные супруги, понуривъ головы, какъ два вола, запряженные въ одно ярмо, рядышкомъ и не говоря уже ни слова, поплелись въ кабинетъ къ завѣтному уголку, гдѣ помѣщалась сокровищница ихъ...

«Вотъ скоты!» размышлялъ о нихъ Сергѣй Михайлычъ, продолжая шагать по залѣ...

Въ кабинетѣ между тѣмъ скоро послышался сдержанный шопотъ:

— Старенькую, выбирай старенькую... не давай новенькихъ... Пускай лучше дѣтямъ новенькія останутся.

— Зачѣмъ же ты берешь пятидесятку? Какъ можно такую большую бумажку давать! Дадимъ лучше изъ мелкоты.

— Толкуй, изъ мелкоты! Да ты видишь ли, какую кучу денегъ придется отдать! Вѣдь это ворохъ называется...

Сергѣй Михайлычъ на цыпочкахъ подкрался къ двери кабинета и запустилъ глазомъ въ замочную скважинку, чрезъ которую узрѣлъ стоявшій въ углу, отпертый теперь, пузатый комодъ изъ краснаго дерева, на какихъ-то чудовищныхъ ножкахъ.

«Вонъ онъ, злодѣй!» подумалъ Сергѣй Михайлычъ и отпрянулъ поскорѣе отъ двери.

Черезъ нѣсколько минутъ супруги вышли; узнать ихъ было нельзя: лица пожелтѣли, сморщились; руки у нихъ дрожали; даже, казалось, ростомъ они сдѣлались ниже.

Сергѣй Михайлычъ усѣлся сейчасъ къ столу:

— Ну-съ, аккуратненько надо сосчитать. Кума! Одолжите же чернилъ, пера и бумаги... Начеркаю росписочку. Всѣ вѣдь подъ Богомъ...

За чернилами и перомъ надо было послать къ сосѣду, у котораго эту надобность завели семинаристы...

«Несчастные люди! думалъ, сидя въ ожиданіи, Сергѣй Михайлычъ:— вы уже обречены погибели, коли думаете просуществовать безъ пера и чернильницы.»

Когда онъ уѣхалъ, Прокопъ Трофимычъ и Марфа Степановна были словно ошалѣлые, точно умеръ внезапно кто-то изъ близкихъ родныхъ. Даже за пищу не принимались...

— Ты бы сходилъ къ Сергѣю Михайлычу, говорила на другой день Марфа Степановна мужу — не уѣхалъ ли? Можетъ быть, уѣхалъ куда нибудь далеко... Можетъ быть, даже это и не кумъ былъ, а кто нибудь другой...

И Прокопъ Трофимычъ нисколько не усумнился послѣдовать благоразумному совѣту: снарядился и торопливо зашагалъ вдоль улицы. Скоро онъ уже очутился на площади не вдалекѣ отъ барскаго дома Сергѣя Михайлыча: опять смущали его и пушки на парапетахъ подъѣзда, и усатый швейцаръ въ дверяхъ, и львы съ разинутыми ртами на воротахъ. Прокопъ Трофимычъ рѣшился выжидать, не выйдетъ ли кто изъ воротъ. Такъ онъ дождался Прохора и остановилъ его:

— Что, Сергѣй Михайлычъ, никуда не уѣхалъ?

— Нѣтъ, никуда...

— И не думаетъ никуда ѣхать изъ города?

— Ничего-съ не сказывали. Должно быть, что нѣтъ...

Но не долго горевали наши простяки. Ровно черезъ четыре дня явился Сергѣй Михайлычъ съ деньгами и еще съ такими новенькими, какъ будто вчера только сдѣланы.

— Вотъ-съ, получайте... спасибо за кредитъ...

Не такъ молоденькіе, прожорливые воробушки, въ гнѣздышкѣ гдѣ нибудь подъ опустившимся карнизомъ дома, накидываются на мать-самку, прилетѣвшую къ нимъ съ пищею — бьютъ шибко еще неоперившимися крылышками и разѣваютъ широкіе рты — какъ грянули теперь къ Сергѣю Михайлычу его достойные кумъ и кума...

— Благодѣтель нашъ! воскликнула Марфа Степановна и всплеснула отъ радости руками, точно благодѣтель привезъ имъ не ихъ же деньги, а свои, да еще огромный кушъ, на который можно устроить блаженнѣйшую жизнь на землѣ. Прокопъ Трофимычъ какъ схватилъ въ руку пачку кредитокъ, сжалъ ее, да такъ и остался...

— Что жъ вы не считаете? сосчитайте, потѣшался Сергѣй Михайлычъ: — эка, несчастный кумъ! Еще мнѣ не вѣрилъ.

— Не хотите ли, куманекъ, кофейку?

— А вотъ, не хотите ли, кума, моего гостинца?

Сергѣй Михайлычъ развернулъ бумагу, изъ которой вынулъ два ящичка.

— Это для васъ: французскіе конфекты... никогда не кушали?

— Никогда, хоть побожиться...

— А это для тебя, Прокопъ Трофимычъ, лучшія сигары: Regalia imperialis... Кушалъ? Подлинно, куманекъ, онѣ такъ пріятны и душисты, что ихъ не курить надо, а кушать. Не хотѣли вы съ меня взять процентовъ, такъ примите гостинчикъ!

Марфа Степановна, у которой даже заиграли въ глазахъ какія-то сладкія слезы, опять засуетилась:

— Да выкушайте, кумъ, кофейку.

— Благодарствувте.

— Ну, чайку!

— И чайку не хочу.

— Господи Боже ты мой!—Марфа Степановна даже съ отчаяніемъ всплеснула руками — ну, чѣмъ же васъ мнѣ угощать? Право, какой вы не добрый: ничего у насъ не хотите...

— Не правда, хочу...

— Чего это, благодѣтель, скажите?

— Крестницу поцаловать...

Марфа Степановна махнула сейчасъ въ дѣтскую и вынесла оттуда крестницу.

Сергѣй Михайлычъ взялъ на руки ребенка, подержалъ маленько, позабавилъ, какъ забавляютъ вообще маленькихъ дѣтей: ау, ау, ау! поцѣловалъ, слегка поморщась, и отдалъ обратно матери, которой съ серьезнѣйшимъ видомъ проговорилъ насчетъ крестницы!

— Генеральша будетъ... увидите, что будетъ...

— Вашими устами, дорогой кумъ, медъ пить.

По отъѣздѣ Сергѣя Михайлыча, супруги хорошенько побранили себя, что усумнились было въ такомъ прекрасномъ, миломъ, обходительномъ человѣкѣ.

— А все ты... никакого обращенія въ свѣтѣ не знаешь, журила Марфа Степановна муженька.

— Нѣтъ ужъ, матушка, возражалъ муженекъ: — не я, а ты, ты все опасалась, говорила даже, что, можетъ быть, это и не кумъ совсѣмъ, не Сергѣй Михайлычъ, а кто нибудь прикинулся имъ... чтобъ взять наши денежки... А я ему готовъ всегда вѣрить. Вонъ что про него пишетъ изъ Херсона Петръ Аѳанасьичъ: высокой, говоритъ, честности человѣкъ...

— Ну, а я что говорила? Я всегда была объ немъ такого мнѣнія, чувствительная душа — вотъ и все...

«Готтентоты! думалъ между тѣмъ о нихъ Сергѣй Михайловичъ, мчась домой: навезу имъ въ другой разъ дутыхъ бусовъ, стеклярусу, разноцвѣтныхъ камушковъ, и на этѣ бездѣлушки буду вымѣнивать у нихъ слитки золота...»

ГЛАВА V.

Приближалось время ярмарки. Именно къ этому времени и нужны были Сергѣю Михайлычу тѣ, намѣченныя имъ у ветеринара Зубенко деньги, къ которымъ онъ, такъ сказать, подъѣзжалъ на салазкахъ...

Прочіе помѣщики ужъ въ какую угодно другую пору, только не на ярмарочную, могли нуждаться въ деньгахъ и искать ихъ на сторонѣ у капиталистовъ; а на ярмарку они всегда съ деньгами; изъ ихъ имѣній такъ и тянутся длинные обозы, то съ хлѣбомъ, то съ шерстью, или гонится крупный и мелкій скотъ на продажу... И сами они ѣдутъ на ярмарку, съ оживленными физіономіями, какъ на вѣрную разживу, получить за товаръ денежки, расплатиться въ городскихъ лавочкахъ

съ должниками, а на остаточки покутить, повеселиться: въ городѣ объ эту пору и театръ, и акробаты, и балы въ благородномъ собраніи, и гулянья съ музыкой и танцами въ городскомъ саду. Изъ имѣній же Сергѣя Михайлыча, собственно изъ дворовъ и усадьбъ его, не двигалась ни одна телѣга съ какимъ либо грузомъ, не гналась на ярмарку ни одна овца; у него хлѣбъ бывалъ проданъ еще на корню, точно также за шерсть и за сельскіе продукты, еще до сбора ихъ, денежки бывали давнымъ давно получены отъ пронырливыхъ и готовыхъ на любой рискъ евреевъ, и въ карманѣ у Сергѣя Михайлыча изъ этихъ денегъ въ теченіи немногихъ дней не оставалось уже ни единаго обола.

Съѣздъ на ярмарку почему-то былъ особенно великъ. Бездна народу перебывала у Сергѣя Михайлыча еще до дня открытія ярмарки; кто только вваливался въ городъ, на слѣдующій же день, побрившись тщательнѣйшимъ образомъ и принарядившись какъ можно пощеголеватѣе (если это, впрочемъ, не былъ какой нибудь отжившій старикъ, пренебрегавшій условіями свѣта и являвшійся куда угодно въ костюмѣ временъ очаковскихъ), непремѣнно спѣшилъ съ визитомъ къ Сергѣю Михайлычу; его всѣ уважали и любили потому, что онъ былъ, по общему мнѣнію, именно «душа человѣкъ», и къ тому же выражались о немъ всегда съ замысловатою миною: «ума палата». Его не разъ уже выбирали въ губернскіе предводители, подносили на серебряномъ блюдѣ всѣ шары бѣлые, но онъ отказывался.

— Обязанности сіи, говорилъ онъ — столь велики и священны, что я чувствую силы свои слишкомъ слабыми для исполненія ихъ. Предоставьте, господа, эту высокую честь достойнѣйшему.

— Такъ укажите, Сергѣй Михайлычъ, укажите! мы не знаемъ никого достойнѣе васъ. Можетъ быть, вашъ прозорливый умъ глубже проникаетъ въ сердца людей. Укажите же достойнѣйшаго...

— Но, господа, я могу это сдѣлать на одномъ условіи, чтобъ ужъ противорѣчія не было, и залогомъ этого должно служить то, что вы мнѣ позволите шары, поднесенные вами мнѣ, точно также поднести тому, кого я считаю достойнѣе себя — ради вашей славы и вашей пользы...

Сергѣю Михайлычу, разумѣется, разрѣшали и онъ подносилъ шары какъ разъ тому, къ кому ближе лежало сердце его и съ кѣмъ связывали его личные интересы.

«Дурачье! размышлялъ Сергѣй Михайлычъ о своихъ пламенныхъ поклонникахъ: они не понимаютъ, что для меня въ двадцать разъ почетнѣе и выгоднѣе имѣть въ рукахъ своихъ предводителя, чѣмъ самому быть предводителемъ».

Четвертаго числа у Сергѣя Михайлыча большой обѣдъ на пятьдесятъ персонъ; шестаго—балъ... улица должна быть иллюминована.

«Слѣдовательно, заключилъ Сергѣй Михайлычъ, деньги нужны».

У подъѣзда уже стояла готовая карета. Съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ принялся Сергѣй Михайлычъ одѣваться.

— Въ Пустопорожнюю улицу, скомандовалъ онъ кучеру: «къ Готтентотамъ!» добавилъ онъ про себя, когда сѣлъ въ карету.

«Скверно, однакожъ, будетъ, если потерплю пораженіе... Надобно для вящшаго успѣха раззориться... Купить для нихъ еще табакерочку съ музыкой... что ли».

Зубенко былъ дома... впрочемъ, Зубенка всегда можно было застать дома, развѣ поутру ранехонько самъ сходитъ на рынокъ, опасаясь, что кухарка украдетъ или обсчитаетъ; да въ воскресенье или въ праздникъ, снарядившись чинненько, отправится онъ въ приходскую церковь отслушать обѣдню. Во всякое-же другое время, съ утра до вечера, копошится въ своемъ маленькомъ углишкѣ, то возится съ лопаткой въ саду или огородѣ, то обходитъ съ топорикомъ въ рукѣ всѣ заборы и приводитъ въ порядокъ покоробившіяся и разошедшіяся доски; тамъ канавку обравниваетъ и углубляетъ для удобнѣйшаго стока воды; здѣсь, и еще съ видимымъ удовольствіемъ, вколачиваетъ въ доску выткнувшійся не въ мѣру гвоздь: «вотъ я тебя!» приговариваетъ съ каждымъ ударомъ обуха, «ты мнѣ впередъ не выйдешь изъ предѣловъ своихъ обязанностей». Или калякаетъ черезъ заборъ съ сосѣдомъ бурбономъ, вышедшимъ покормить голубей; бесѣда о разныхъ разностяхъ, о солнышкѣ, если солнышко свѣтитъ, объ облачкахъ, если облачка по небу разгуливаютъ, не то о голубяхъ, которые занимаютъ бурбона, или о гвоздѣ, только что вколоченномъ въ предѣлы своихъ обязанностей. Иногда и о политикѣ, это уже когда подвернется особенный случай: сосѣдняя дѣвка Хавронья ходила въ лавочку и принесла оттуда мыло, завернутое въ клочекъ «Сына Отечества».—«Прочиталъ я въ газетѣ преинтересное извѣстіе, говорилъ сосѣдъ — Англія вступаетъ въ дружбу съ Франціей. «Сынъ Отечества» полагаетъ, что дружбы истинной здѣсь не бывать, а одна политика. И я думаю, Франція и Англія сближаются между собою на тотъ собственно конецъ, чтобы узнать, у кого изъ нихъ бока будутъ покрѣпче».—Между тѣмъ и Марфа Степановна не безъ дѣла, то солитъ огурцы или гусей, то на кухнѣ руководитъ не совсѣмъ смышленую кухарку, то бранится не на животъ, а на смерть съ полногрудой Анисьей за ея мѣшковатость и неповоротливость. Анисья дѣвка съ гоноромъ и держится правила — зубъ за зубъ, око за око. Бываетъ, что Марфа Степановна привяжется и къ

муженьку—ну, тогда уже супруги одинаково развлечены и развлечены порядочно...

Прокопъ Трофимычъ сидѣлъ въ кабинетѣ и разсуждалъ съ риторомъ насчетъ письма къ херсонскому родственнику (риторъ принесъ ему цѣлыхъ три образчика), какъ подъѣхалъ Сергѣй Михайлычъ.

Хотя въ голову почтеннаго ветеринара никогда не приходили внезапно какія либо мысли, но на этотъ разъ вдругъ, какъ бы осѣненный свыше, онъ подумалъ: «вотъ съ кѣмъ насчетъ письма посовѣтоваться. съ Сергѣемъ Михайлычемъ. Вѣдь онъ сенаторъ человѣкъ...»

— Ну, что тутъ у васъ? вопросилъ Сергѣй Михайлычъ, въ одно время поглядывая и на Прокопа Трофимыча, и на ритора, который сейчасъ же спасовалъ и опустилъ глаза долу.

Прокопъ Трофимычъ, заикаясь и конфузясь, принялся объяснять и въ самомъ дѣлѣ попросилъ у Сергѣя Михайлыча совѣтовъ.

«Ладно, подумалъ Сергѣй Михайлычъ, можно и не покупать табакерки съ музыкой, а съ этой стороны подладиться»...

— Ну-съ, читай... я послушаю.

Риторъ изъ чрезвычайно развитаго въ немъ чувства скромности, не рѣшился самъ читать свое произведеніе, а предоставилъ Прокопу Трофимычу.

Всѣ три образчика были прочитаны; ровно ничего въ нихъ не разобралъ Сергѣй Михайлычъ, занятый и озабоченный совсѣмъ другими мыслями, но сказалъ, что всѣ хороши, что лучше-де и желать не надо...

— Ну, а которое же наилучшее? вопросилъ Прокопъ Трофимычъ.

— Второе... больше тѣхъ, какъ они?.. цвѣтовъ, цвѣтовъ...

— И есть надежда, что Петру Аѳанасьичу польститъ?

— Непремѣнно!

Сергѣй Михайлычъ откинулъ головой. Лицо ритора просіяло паче солнца: онъ уже заблаговременно ощущалъ въ своемъ карманѣ обѣщанную за труды желтенькую бумажку и въ воображеніи его сразу предстало, какъ, на эту бумажку, онъ купитъ цѣлую сотню папиросъ и еще на толкучкѣ одну картину, которая крѣпко пришлась ему по сердцу: нарисована удивительнѣйшая нимфа — только что изъ воды послѣ купанья... и разлеглась себѣ въ полной красѣ на зеленой травѣ—безъ покрывала. Картину эту, разумѣется, онъ на стѣнку не повѣситъ, чтобъ бурбонъ-хозяинъ, поклявшійся отцу его блюсти чистоту его нравственности паче зѣницы ока, не отвалялъ чубукомъ; нѣтъ, онъ спрячетъ въ сундукъ и только время отъ времени будетъ вынимать и поглядывать на нимфу, да приговаривать подъ носъ себѣ: «тьфу ты,

канальская!.. разлеглась какъ, безъ церемоніи... въ полной красотѣ!» и отнесетъ нимфу подальше и опять ее приблизитъ... Да, много испытаетъ риторъ наслажденія и не даромъ лицо его просіяло паче солнца.

А того и въ голову ему не могло придти, что въ настоящую минуту Сергѣй Михайлычъ внутренно и усерднѣйшимъ образомъ посылалъ его къ чорту... Да, впрочемъ, не особенно чинясь съ нимъ, Сергѣй Михайлычъ прямо приступилъ къ Зубенку.

— Ну, кумъ, отправляй ты поскорѣе оратора къ пенатамъ его... Поѣдемъ со мною на ярмарку. Тамъ у меня пять сотъ пудовъ шерсти привезли. Хочу, чтобъ ты посмотрѣлъ. Ты вѣдь долженъ быть знатокъ въ этѣхъ вещахъ.

Напрасно Прокопъ Трофимычъ увѣрялъ, что нисколько не знатокъ: спустя нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ каретѣ рядышкомъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ и мчался на ярмарку.

Дорогою Сергѣй Михайлычъ говорилъ ему:

— Экъ, роденька твой поддѣдюлилъ меня: не прислалъ къ ярмаркѣ денегъ за овецъ. Вѣдь 6 тысячъ. Мнѣ теперь деньги нужны для того, чтобъ показать покупщикамъ шерсти, что я не особенно нуждаюсь, что могу съ своимъ товаромъ и попридержаться. Тогда они дали бы за шерсть очень хорошую цѣну...

Карета остановилась на площади у одного обширнаго склада шерсти, которая принадлежала богатому помѣщику Зубареву — сосѣду Сергѣя Михайлыча по имѣнію.

— Что̀, покупщики были? вопросилъ Сергѣй Михайлычъ прикащика Антипа. Тотъ выпрямился и снялъ шапку...

— Были-съ...

— Что давали?

— По 16 за перегонъ и по 7 за грязную.

— Мало. Вотъ, кумъ, погляди, какая шерсть... шелкъ! точно волосы барышни... Антипъ! покажи братецъ перегонъ-то...

Антипъ показалъ пробу. Вмѣсто того, чтобъ разсмотрѣть, Зубенко поднесъ къ носу; ну, да для Сергѣя Михайлыча было все равно.

— Хороша? спросилъ онъ.

— Должна быть... полагаю, первый сортъ.

— Нечего полагать: это вѣрно...

Сергѣй Михайлычъ обратился къ Антипу.

— Надо подождать: цѣны набѣгутъ хорошія...

Возвращаясь съ ярмарки, Сергѣй Михайлычъ завезъ кума къ себѣ—на завтракъ. Ему доложили, что ждетъ Берка.

— Позвать!.. ну, что скажешь?

Берка, ничего не говоря и сложивъ руки на груди по восточному, принялся кланяться низко, низко...

— Знаю, братъ, воскликнулъ Сергѣй Михайлычъ — и не думай! Ишь какой!

Теперь Сергѣй Михайлычъ обратился къ Зубенкѣ.

— Хочетъ зашибить копѣйку у какого-то иностраннаго агента и настаиваетъ, чтобъ я свою шерсть уступилъ ему по 16 съ полтиной... Ты вѣдь видѣлъ, кумъ, какова шерсть?

— Видѣлъ... превосходная... точно волосы барышни.

— Слышишь, Берка, что лекарь говоритъ? Вѣдь онъ, братецъ, въ этихъ вещахъ маракуетъ получше насъ съ тобою. . Я, братъ, въ деньгахъ не нуждаюсь. Могу и подождать. Тогда съ твоимъ агентомъ заплатите мнѣ и по 18...

— Нѣтъ, Сергѣй Михайлычъ, такой цѣны не можно дать...

— Ну, какъ хочешь! Убирайся... Идемъ, кумъ, завтракать!..

Прокопъ Трофимычъ ступалъ на кончикахъ пальцевъ, едва касаясь паркета, который пугалъ его своей гладкой поверхностью Ему все казалось, что онъ во дворцѣ. Это обстоятельство даже сбавило въ немъ аппетитъ: самыя вкусныя вещи не шли въ горло, и какъ Сергѣй Михайлычъ не упрашивалъ его пить, онъ воздерживался и выпилъ очень мало, что даже разсердило гостепріимнаго хозяина.

— Эхъ, баба! пентюхъ! не способенъ даже на то, чтобы выпить! Ужъ на что́ не мудреная штука! Или хочешь передо мною блеснуть нравственностью? Такъ ты, милый мой, и не знаешь еще, что такое нравственность!..

— Нѣтъ, жена. .

— Что жена? боишься, что голову напудритъ? Не по закону живешь: написано, что жена да боится мужа... Ну, вижу, что уже наровишь до дому. Ладно... Ѣдемъ къ тебѣ. Кстати, намъ надо поговорить съ тобою объ одномъ весьма серьезномъ дѣлѣ.

Пріѣхали. Марфа Степановна подала мужу принесенное почтальономъ письмо—разумѣется, изъ Херсона, хотя штемпель и теперь былъ такъ запачканъ, что буквъ нельзя было разобрать. Да и кто сталъ бы еще рязбирать? Ужъ извѣстно—ни откуда больше, какъ изъ Херсона. Опять дорогой родственникъ начеркалъ цѣлый листъ кругомъ разной дребени и въ p. s. прибавилъ:

«У васъ теперь ярмарка. Вѣроятно ты будешь видѣться съ Сергѣемъ Михайлычемъ. Попроси извиненія, что я никакъ не могъ къ этому времени выслать ему 6,000 за овецъ, но чрезъ недѣлю вышло непремѣнно».

— Эхъ онъ старый хрычъ! воскликнулъ Сергѣй Михайлычъ. — Шутка ли черезъ недѣлю! А мнѣ деньги нужны сію минуту. Не стану же я, по его милости, сбывать шерсть за безцѣнокъ. Ужъ какъ хочешь, кумъ, а я тебя возьму за бока: дай взаймы денька на четыре...

И Сергѣй Михайлычъ насчетъ суммы заикнулся: онъ увидѣлъ, какъ сразу и самымъ чудовищнымъ образовъ измѣнились лица и Прокопа Трофимыча и Марфы Степановны...

— Ну, что посоловѣли? прикрикнулъ на нихъ Сергѣй Михайлычъ:—опять сомнѣніе напало? Думаете, что пропадутъ за мною ваши деньги? Мнѣ-то всего надо, какъ я сказалъ, на три, на четыре денька, тысчонокъ пять...

— Батюшки свѣты? возопила первая Марфа Степановна и подняла руки къ ушамъ, какъ будто ихъ оглушили внезапнымъ трескомъ барабановъ. Да откуда у насъ такія деньги!

— Не хитрите, кумушка; есть у васъ. Развѣ это можно, чтобъ въ домѣ не нашлось ужъ и какихъ нибудь тысчонокъ пять? Да безъ этого существовать нельзя...

— Нѣту, кумъ.

— Нечего некать!—Сергѣй Михайлычъ подошелъ къ Прокопу Трофимычу и взялъ за пуговицу сюртука его: — хочешь, пари держу, что у васъ есть деньги... тысячъ пять... и еще больше... въ пузатомъ комодѣ... въ томъ, что въ спальнѣ... въ уголку... Ну, пойдемъ!

Сергѣй Михайлычъ схватилъ Зубенка за руку и потащилъ.

— Ахъ, кумъ, нельзя сюда, нельзя...

Марфа Степановна загородила собою двери въ спальню, какъ Леонидъ Ѳермопилы.

— Да я теперь у васъ, коли не вѣрите мнѣ, не возьму ни одной копѣйки. Я вотъ только хочу почтеннаго куманька вывести на свѣжую воду: что онъ вретъ, что денегъ нѣтъ! Ужъ его на томъ свѣтѣ припекутъ бѣсы...

Сергѣй Михайлычъ продолжалъ тащить кума, какъ тотъ ни упирался. Минуты черезъ двѣ всѣ были уже въ спальнѣ.

— Ухъ, усталъ совсѣмъ съ вами! Сергѣй Михайлычъ сѣлъ на большой красный сундукъ, окованный желѣзомъ и сейчасъ же повелъ умиленнымъ взглядомъ на «пузанчика».—Ну, друзья мои, шутки въ сторону! Будемъ говорить дѣло. Что деньги у васъ есть, это вѣрно; что я, взявши ихъ взаймы, возвращу, это еще вѣрнѣе. Да вы, голубчики мои, сообразите хорошенько: на этой недѣлѣ я продамъ одной шерсти на 12 тысячъ, да на слѣдующей Петръ Аѳанасьичъ вышлетъ 6 тысячъ. Что жъ мнѣ въ вашихъ деньгахъ? Да плевать я на нихъ, прости

Господи! Мнѣ только на два, на три денька... Дорого, говорятъ, яичко къ празднику... И ужъ теперь, какъ хотите, безъ процентовъ не возьму ни за какія коврижки, что бы тамъ въ книгѣ сына Сирахова не говорилось. Я не хочу вашего... ни, ни! Я вамъ на 5 тысячъ отсчитаю 200 рублей. Вамъ они очень будутъ не лишни. . у васъ вонъ дѣти ростутъ, о нихъ нужно подумать. А для меня это все равно, что ничего. Кумъ, принеси сюда чернилъ и бумаги... поскорѣе.

Прокопъ Трофимычъ повиновался.

— Что вы будете писать?

— Росписку! не возьму же я у васъ деньги безъ документа.

Сергѣй Михайлычъ подсѣлъ къ столу, налегъ рукою на листъ бумаги и мокнулъ перомъ въ чернильницу: быстро заработала десная его.

«Я нижеподписавшійся—диктовалъ онъ вслухъ самому себѣ,— состою должнымъ г. титулярному совѣтнику Прокопію Трофимычу Зубенку *пять тысячъ* рублей, въ случаѣ неуплаты которыхъ подвергаю себя отвѣтственности по всей строгости законовъ россійской имперіи».

Марфа Степановна и Прокопъ Трофимычъ прижались къ стѣнкѣ и были въ такомъ положеніи, какъ будто подписывался ихъ смертный приговоръ.

— Вотъ вамъ, сказалъ Сергѣй Михайлычъ, подымаясь и выпрямляясь съ видомъ нѣкоторой рѣшимости духа—«по всей строгости законовъ россійской имперіи». Это значитъ, если я не уплачу, можете меня, почтеннѣйшаго куманька вашего, владѣльца обширныхъ имѣній, благороднаго дворянина, уважаемаго цѣлою губерніею, посадить за рѣшетку... ха, ха, ха! Понимаете, съ какимъ удовольствіемъ я пожелаю видѣть себя арестантомъ? Странные вы, право, люди: думаете, что зажилю ваши убогія крохи...

— Дорогой... безцѣнный... голубчикъ... куманекъ... завопила Марфа Степановна, ломая на груди руки — не берите у насъ, займите у кого другаго... у благочиннаго возьмите...

— Милая, дорогая, безцѣнная кумушка, съ своей стороны заговорилъ Сергѣй Михайлычъ—дайте вашу ручку... Понимаете ли, какъ вы обижаете меня? Точно я разбойникъ и пришелъ васъ грабить. Вы просите пощады...

Что касается Зубенко, то онъ ходилъ тревожными шагами изъ угла въ уголъ, съ сердитымъ видомъ и самъ не сознавалъ, что такое, какую гиль несъ себѣ подъ носъ.

Сергѣй Михайлычъ даже одною ногою сталъ на колѣнку передъ Марфой Степановной.

— Достойнѣйшая кума! Я не могу отстать отъ васъ, какъ хотите.

Понимаете, хорошо ли мнѣ будетъ сознавать, что мнѣ, которому никто никогда не отказывалъ, отказали люди самые близкіе? не повѣрили... усумнились въ моей честности... подумали, что я захочу, какъ послѣдній мазурикъ, прикарманить ихъ кровныя денежки — будущее наслѣдство дѣтей. Поймите, какую вы мнѣ наносите тяжкую обиду? Да я, уѣхавши отъ васъ, не въ состояніи буду никому въ глаза прямо посмотрѣть... Да, наконецъ, Богъ съ вами! Не хочу я вашихъ денегъ! Я дѣйствительно лучше возьму у кого нибудь другаго, возьму у благочиннаго... у архіерея, коли что... Мало ли у кого я могу взять—каждый съ радостью повѣритъ... Сдѣлайте милость! Не клиномъ земля сошлась.

Сергѣй Михайлычъ заговорилъ раздражительно и съ желчью, какъ человѣкъ, котораго оскорбили самымъ незаслуженнымъ образомъ.

— Вы только снимете съ меня тяжесть этого недовѣрія, которымъ такъ глубоко опечалили мою душу. Ну, дайте мнѣ ваши деньги только до сегодняшняго вечера... понимаете, до сегодняшняго вечера... пусть только побудутъ въ моемъ карманѣ... Ну, я просто только прогуляюсь съ ними по городу... Но пусть буду утѣшенъ тѣмъ, что повѣрили же и вы мнѣ наконецъ... Ну, клянусь вамъ, совѣстно мнѣ уѣхать отъ васъ такъ, съ оплеухой.. Господи Боже ты мой! Вотъ не ожидалъ!.. Тьфу, даже кровь ударила въ голову!. .

Сергѣй Михайлычъ заходилъ по комнатѣ и сталъ сильно тереть себѣ лобъ.

— Вѣдь такъ можно убить честнаго человѣка! говорилъ онъ, полный скорби и негодованія. Зубенко стоялъ молча у окна и Богъ знаетъ, что копошилось въ его малоустроенной головѣ. Марфа Степановна, въ своемъ жалкомъ, тревожномъ видѣ походила уже не на сѣренькую куропатку, съ которою сравнивали ее въ околодкѣ, а на какую-то сморщенную вареную грушу. Мелкія слезинки заходили у нея на обѣихъ рѣсницахъ. Она дрожала, какъ въ злой лихорадкѣ... и вотъ сухая, черствая рука ея опустилась, скользнула въ глубину кармана — и послышался звякъ ключей. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Пошелъ! громко крикнулъ Сергѣй Михайлычъ кучеру, когда сѣлъ въ карету, и потомъ ужъ самому себѣ проговорилъ: «великолѣпно! дѣло обошлось даже безъ музыки. О краснорѣчіе!.. краснорѣчіе!.. Великая, неоцѣнимая сила!»..

ГЛАВА VI.

Ждали добродушные Зубенки пріѣзда Сергѣя Михайлыча съ деньгами, ждали до поздней ночи; прислушивались къ каждому стуку на улицѣ, къ каждому лаю собаки... и не дождались. На другой день вплоть до поздняго вечера опять ждали и также напрасно. Наконецъ, Марфа Степановна принялась, какъ говорится вообще про супруговъ, грызть муженька: «а все ты, ты голубчикъ... ужъ я бы ни за что... Вотъ теперь мы съ тобою и у праздника... гляди, что почтенный куманекъ, взявши денежки, съ тѣмъ и откланяется. Ужъ мнѣ не даромъ сны все такіе снятся: все какой-то незнакомецъ виноградъ мнѣ подноситъ—зеленый да крупный, какъ слива: ѣшь, говоритъ, раба Божія, да слезы утирай кулакомъ... Ужъ у меня не даромъ все подъ ложечкой сосетъ что-то... сосетъ точно змѣя... Ужъ ты, башка твоя дурацкая, доведешь и себя и меня до лиха...»

Сначала возражалъ Прокопъ Трофимычъ, потомъ сталъ отмалчиваться; собственныя мысли, и видимо весьма не отрадныя, озабочивали его голову. Наконецъ, молча собрался онъ и побрелъ на знакомую площадь: подлѣ дома Сергѣя Михайлыча стоитъ множество экипажей; въ окнахъ яркое освѣщеніе, мелькаютъ какія-то тѣни во фракахъ и что-то все разносятъ. Вотъ послышались дружные крики: «урра!» У Сергѣя Михайлыча сегодня большой обѣдъ.

Прокопъ Трофимычъ сообразилъ это и только посвисталъ вполголоса.

— Фи, фи! Не до того, видно, теперь Сергѣю Михайлычу. А по какому это случаю у него обѣдъ сегодня? Эге, да онъ вѣрно шерсть свою на ярмаркѣ выгодно продалъ; ну, если шерсть продалъ, такъ завтра привезетъ денежки...

Но не привезъ ему денежекъ Сергѣй Михайлычъ ни завтра, ни послѣ завтра. Еще пуще грызетъ его сварливая и сдѣлавшаяся до истерики раздражительною Марфа Степановна. Опять снаряжается онъ въ путь и, понуривъ бездольную голову, шествуетъ къ завѣтному пункту; его теперь ослѣпляетъ блескъ иллюминаціи, вдоль тротуара передъ домомъ Сергѣя Михайлыча протянуты яркія плошки; къ подъѣзду то и дѣло, гремя, подъѣзжали экипажи.

Прокопъ Трофимычъ останавливается на минуту, чтобъ отдать самому себѣ отчетъ, что это такое происходитъ? И скоро догадывается, что у Сергѣя Михайлыча балъ; опять Прокопъ Трофимычъ только присвиснулъ.

— Фи, фи! Куда же теперь Сергѣю Михайлычу до меня? Къ нему

это цѣлая губернія валитъ съ почтеніемъ. Однихъ генераловъ, думаю, сколько будетъ.

На этотъ разъ, однако, у героя нашего хватило столько смѣлости, что онъ взошелъ во дворъ и попросилъ какого-то перебѣгавшаго черезъ дворъ мальчика вызвать Прохора, котораго однажды присылалъ къ нему Сергѣй Михайлычъ для услугъ. Прохоръ былъ немного подвыпивши...

— Что это у васъ, Прохоръ, балъ ныньче?

— Да ужъ теперича у насъ пойдутъ пиры да балы...

— Что-жъ это значитъ?

— Значитъ, баринъ денежки гдѣ нибудь зашибъ и теперича не угомонится, покамѣсть всѣхъ не спуститъ.

— Какія же денежки зашибъ? Развѣ шерсть выгодно на ярмаркѣ продалъ?

— Да у насъ на ярмаркѣ и совсѣмъ шерсти не было. Мы никогда ни одного клока на ярмарку не привозимъ. У насъ на мѣстѣ, еще до стрижки, проклятые жиды закупаютъ. Это пронюхаютъ дьяволы, что у барина въ карманахъ вѣтерокъ одинъ повѣваетъ, ну и явятся съ деньгами. Баринъ, за что ни продать, продастъ, лишь бы изъ рукъ въ руки сейчасъ получить денежки.

По душѣ у Прокопа Трофимыча прошелъ какой-то холодъ отъ темныхъ, еще неуясненныхъ имъ самому себѣ предчувствій и онъ залебезилъ передъ Прохоромъ.

— Ну, а скажи, дорогой Прохоръ, изъ Херсона Сергѣй Михайлычъ не получалъ никакихъ денегъ?

— Да нѣшто тамъ ему кто долженъ?

— Долженъ родственникъ мой, генералъ...

Прохоръ подозрительно взглянулъ на ветеринара—подумалъ: «да генералъ ли еще твой родственникъ?»

— За овецъ долженъ, договорилъ Прохоръ Трофимычъ.

— Не знаю того. Да и не думаю, чтобъ издалека пришли какія деньги. А тутъ же должно быть у кого нибудь жиды раздобыли для барина. Вѣдь, почитай, въ городѣ нѣтъ ни одной души, у кого бы мы не занимали денегъ.

— Что ты? что ты?

Зубенко совсѣмъ ошалѣлъ. Прохоръ побожился, что такъ.

— Чтожъ, Сергѣй Михайлычъ отдаетъ, коли возьметъ у кого?

— Не знаю ужъ этого я: ихнее, значитъ, дѣло; отдастъ—хорошо, а не отдастъ—что съ нимъ подѣлаешь? Прощайте—свои ждутъ.

И Прохоръ зашагалъ къ кухнѣ. Зубенко съ минуту не могъ дви-

нуться съ мѣста. Какая-то собака замѣтила его и принялась лаять. Онъ вышелъ за ворота и потащился домой — подъ бременемъ такихъ тяжелыхъ думъ, что, изогнувшись въ три погибели, чуть не куликался носомъ о землю... Марфѣ Степановнѣ, однакожъ, о своей бесѣдѣ съ Прохоромъ и о сдѣланныхъ неутѣшительныхъ открытіяхъ не проговорилъ ни слова, а сказалъ, что у Сергѣя Михайлыча ныньче гости и потому-де не видѣлся съ нимъ. Марфа Степановна теперь каждое утро принялась гнать его со двора къ Сергѣю Михайлычу, но у Прокопа Трофимыча каждый разъ душа опускалась къ пяткамъ, едва онъ приближался къ барскому дому кума своего; кромѣ того, что смущали его, какъ и прежде, пушки на парапетахъ подъѣзда, львы на воротахъ, швейцаръ и вѣчно торчавшій у подъѣзда какой нибудь экипажъ, напоминавшій о гостѣ, который могъ быть даже самъ губернаторъ или, по крайней мѣрѣ, предводитель — теперь еще началъ пугать его неизвѣстно откуда появившійся огромный песъ ньюфаундлендской породы—черный, какъ чортъ, съ мордою, какъ у льва, — развалившійся себѣ преважно на верхней площадкѣ подъѣзда.

Прокопъ Трофимычъ, какъ увидѣлъ его въ первый разъ, такъ только рукою махнулъ.

— Ну, теперь уже до Сергѣя Михайлыча и совсѣмъ не доберешься.

Марфѣ Степановнѣ, однако, сказалъ, что былъ у Сергѣя Михайлыча, но не засталъ его дома.

Наконецъ, предвидя, что самъ врядъ ли когда рѣшится представиться лично къ Сергѣю Михайлычу и поговорить съ нимъ, Прокопъ Трофимычъ разсудилъ лучше послать Анисью съ письмомъ и велѣть, чтобы попросила отвѣта.

Письмо было слѣдующаго содержанія, ясно обличавшаго въ авторѣ дипломатическій тактъ.

«Милостивый государь и многоуважаемый кумъ, Сергѣй Михайлычъ! Вѣроятно, множество важныхъ дѣлъ по случаю выборовъ, а также частыя сношенія и оффиціальныя и пріятельскія съ важными особами, аристократами и генералами, похищаютъ у васъ и то время, которое вы употребили бы, по благосклонности своей, на посѣщеніе насъ и благоволили бы привезти наши деньги, въ коихъ мы ощущаемъ самую крайнюю нужду. А потому, свидѣтельствуя наиглубочайшее почтеніе, принимаю честь просить васъ, милостивый государь и достойнѣшій кумъ, чрезъ подательницу сего письма дать настоящій отвѣтъ, когда осчастливите насъ возвратомъ денегъ. Жена безпокоится и даже впала въ угрожающую болѣзнь».

Послѣднюю фразу Прокопъ Трофимычъ вклеилъ по настоянію самой Марфы Степановны

— Ты, сказалъ онъ Анисьѣ, отдавая письмо —тамъ ничего не бойся. И если увидишь на крыльцѣ большую собаку, не пугайся: собака эта такая, что совсѣмъ не кусается, дамская... не то, что Барбосъ нашъ—мужикъ, хватающій людей за икры... Ну, ступай, да смотри, непремѣнно принеси отвѣтъ.

Прокопъ Трофимычъ даже пригрозилъ пальцемъ.

Черезъ часъ прибѣжала Анисья, вся запыхавшись и безъ всякаго отвѣта. Письма она не передала.

— Что хотите дѣлайте со мною, заговорила она отчаяннымъ голосомъ—а я не могу... не могу... баринъ-голубчикъ и барыня-матушка...

— Чего ты не можешь?

— Страшно, совсѣмъ страшно... николи не видѣла ничего такого: на крыльцѣ такая собака, что упаси Господи... ну ее! съ бычка величиною, да кудлатая, а на воротахъ волки сидятъ... рты поразинули... а у самыхъ дверей пушки... такъ и стрѣляютъ...

— Ахъ ты подлая, негодная тварь! Прокопъ Трофимычъ неистово затопалъ ногами — да какъ же ты смѣешь не слушаться и не исполнять приказанія господъ твоихъ? Боится вишь чучелъ какихъ-то на воротахъ!

— Какъ хочете... рѣшительно проговорила Анисья—не пойду.

Она вынула письмо изъ платочка и положила на столъ.

— Ну, я тебя расчитаю и выгоню вонъ! накинулась на нее Марфа Степановна.

— Что завгодно вашей милости, проговорила отчаянно Анисья, сложила руки на груди и отступила къ порогу.

Марфа Степановна покосилась теперь раздраженнымъ взглядомъ на Прокопа Трофимыча, который въ растерянности, казалось, собирался считать углы.

— Нечего, закричала къ нему Марфа Степановна—слоняться теперь по угламъ! Не большой баринъ — снеси-ка самъ письмо. Можетъ быть придется не одни письма носить, а и суму.

Марфа Степановна опустилась на диванчикъ, прильнула головою къ столу и зарыдала какимъ-то истерическимъ рыданьемъ. Прокопъ Трофимычъ махнулъ на нее рукою и молча задвигался въ другую комнату.

Черезъ минуту онъ былъ на улицѣ, черезъ полчаса (онъ брелъ слишкомъ медленно и задумчиво) на площади передъ домомъ, съ сви-

рѣпыми львами на воротахъ. Теперь не испугали его свирѣпые львы, ни даже чорная, ньюфаундлендская собака. Сергѣя Михайлыча не было дома. Зубенко попросилъ швейцара передать письмо барину, какъ только пріѣдетъ.

— Гдѣ это Сергѣй Михайлычъ добылъ такую ужасную собаку? полюбопытствовалъ онъ и вопросилъ у швейцара.

— Купилъ на дняхъ. Вѣдь у насъ, чуть заведутся деньги, такъ мы ихъ во сто рукъ спѣшимъ спустить. Навязалъ ему пса этого какой-то офицеръ. Вѣдь чуть пронюхаютъ, что у нашего деньги, такъ всѣ, кому что нужно сбыть съ рукъ, къ нему тащутъ. Вчера отъ Суровщикова попугая въ бронзовой клѣткѣ принесли — купилъ, далъ пятьдесятъ рублей; и до сихъ поръ попугая не приладили: какъ поставили въ залѣ на первое попавшееся окно, такъ и стоитъ. Корму, кажется, цѣлые сутки вотъ не давали. Армянинъ еще поутру сегодня какой-то явился, притащилъ кинжалъ; ничего, баринъ и кинжалъ купилъ. Да это еще не совсѣмъ бѣда; у насъ и теперь на кухнѣ двумя кинжалами, вмѣсто ножей, говядину рубятъ. А то вотъ сидитъ въ залѣ какой-то господинъ—дожидается, принесъ камень. Странствовалъ въ Азіи гдѣ-то, да оттуда, говоритъ, вывезъ камень, почитай изъ тѣхъ, что у насъ мостовыя мостятъ; а онъ думаетъ за него взять хорошія деньги. И баринъ, гляди, купитъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, заговорилъ Зубенко рѣшительнымъ тономъ и даже очень близко подступилъ къ швейцару—вы этого господина съ камнемъ прогоните... А то ей-Богу, Сергѣй Михайлычъ всѣ деньги истратитъ. Ей Богу, ни копѣйки у него не останется...

— А что эти жиды проклятые, продолжалъ швейцаръ, не думая вовсе изгонять господина съ камнемъ—такъ хуже всего: цѣлый день у насъ съ ними ярмарка, кто коня ведетъ, кто органчикъ тащитъ, кто съ рулеткой...

Швейцаръ не докончилъ фразы, какъ подошелъ къ подъѣзду какой-то человѣкъ въ солдатской фуражкѣ и шинели, лѣвый рукавъ которой болтался за неимѣніемъ руки (видно, оторвана на войнѣ), въ правой онъ держалъ что-то очень полновѣсное въ платкѣ...

— Ну, а тебѣ что надо? накинулся на него швейцаръ.

— Я раненый... Не купитъ ли у меня вашъ баринъ севастопольскую бомбу?

— Пошелъ прочь! закричалъ на него Зубенко, не ожидая, что скажетъ швейцаръ, и затопалъ неистово ногами. Солдатъ проворно поворотился спиной и побрелъ восвояси. Швейцаръ принялся такъ усердно ухмыляться, что у него даже брюхо заколыхалось...

Отвѣта на дипломатическое посланіе свое Прокопъ Трофимычъ, разумѣется, не получилъ. О настоящей причинѣ молчанія онъ уже не смѣлъ и догадываться, а утѣшалъ себя все больше тѣмъ, что Сергѣю Михайлычу не до того-де, что занятъ теперь онъ важными дѣлами, возится съ аристократами и генералами.

Марфа Степановна то походила на философа Гераклита, который съ утра до вечера все рюмилъ, то на какое-то чудовищное олицетвореніе злобы и въ этомъ видѣ грызла голову мужа съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ комедіи Данта Уголино грызъ черепъ епископа Руджіери. Положеніе Прокопа Трофимыча дѣлалось невыносимо тяжело. Это уже доказывается тѣмъ, что онъ рѣшился идти, такъ сказать, на проломъ и во что бы ни стало добиться личнаго свиданія съ Сергѣемъ Михайлычемъ. Для этого онъ выбралъ по возможности раннюю пору, пока еще никто не нагрянулъ къ Сергѣю Михайлычу съ визитомъ или по дѣлу. Но не такъ вышло, какъ расчитывалъ добродушный ветеринаръ, незнакомый съ свѣтскимм привычками. Сергѣй Михайлычъ всталъ поздно, въ гостиной у него уже были гости и жена принимала ихъ. Въ залу, гдѣ претерпѣвалъ г. Зубенко страшнѣйшія муки самаго томительнаго ожиданія, хозяинъ вышелъ послѣ того, какъ уже побывалъ въ гостиной и вдоволь наговорился съ бойкими и словоохотливыми визитерами; такъ и неслись оттуда оживленный говоръ и неудержимый смѣхъ.

«Господи! думалъ Прокопъ Трофимычъ — ну, если и меня поведутъ въ гостиную... умру! ей Богу умру!»

— А! воскликнулъ Сергѣй Михайлычъ, едва переступивъ черезъ порогъ—кого я вижу? Вотъ по истинѣ сегодня для меня праздникъ... имянины сердца...

И онъ съ распростертыми объятіями пошелъ къ вытянувшемуся въ струнку и опустившему руки по швамъ Прокопу Трофимычу.

— Дорогой, достойный кумъ! Вѣдь ты еще съ барыней моей не знакомъ, а она давно... жаждетъ...

Сергѣй Михайлычъ проворно и мощно взялъ кума подъ руку и потащилъ въ гостиную.

— Леля! Вотъ Прокопъ Трофимычъ, достойнѣйшій кумъ, о которомъ я тебѣ говорилъ такъ много хорошаго... Прошу полюбить...

Онъ подвелъ Зубенка къ бѣлокурой, долговязой, молодыхъ лѣтъ дамѣ, одѣтой въ черное шелковое платье, затянутое до самаго горла.

— Очень пріятно, очень пріятно, проговорила она, протягивая бѣлую, съ длинными, стройными пальцами руку и оскаливая зубы, та-

кіе большіе и такой бѣлизны, что въ воображеніи ветеринара вдругъ представилась кобыла, которую онъ лечилъ у аптекаря Вагнера.

Это, впрочемъ, нисколько не помѣшало ему громко чмокнуть протянутую руку и наставить не совсѣмъ чисто выбритую щеку, которую не удостоили поцѣловать.

Сергѣй Михайлычъ сейчасъ же поворотилъ сконфузившагося куманька лицомъ къ прочимъ гостямъ. Это были какіе-то франты, съ проборами a l'anglaise, въ черныхъ фракахъ и брюкахъ, такъ ловко пригнанныхъ, что ноги этихъ счастливцевъ просто казались облитыми какою-то плотною, черною массой. Одинъ былъ въ очкахъ, другой съ pince-nez, крѣпко сжимавшимъ переносицу, третій такъ усердно щурилъ глаза, что для него уже нуженъ былъ развѣ гершелевъ телескопъ.

— Господа! рекомендую: прелюбезнѣйшій человѣкъ, лучшій въ губерніи ветеринаръ, имѣющій знаки и прочее... Прокопъ Трофимычъ Зубенко.

Франты поклонились.

— Ну, душа моя, обратился Сергѣй Михайлычъ къ женѣ и подмигнулъ глазкомъ—займи куманька, полюбезничай (надо этого тюленя особенно обласкать, добавилъ онъ по-французски), а я, вѣдь ты знаешь, сію минуту долженъ ѣхать... Голова у меня этакая отъ хлопотъ и дѣлъ разныхъ! Пожалуйста, дорогой кумъ, извини меня, вѣдь мы свои. Да ты какъ сюда добрался?

— Пѣшкомъ...

— Фи! Что за генералъ отъ инфантеріи! Нѣтъ, я тебя отсюда такъ не пущу, ты поѣдешь въ экипажѣ. Я съѣзжу только, куда мнѣ надо, и пришлю карету. Леля, пожалуйста, дружокъ, не отпускай драгоцѣннаго кума до дому безъ экипажа.

Сергѣй Михайлычъ пожалъ проворно всѣмъ руки и улизнулъ еще проворнѣе. Елена Алексѣвна, такъ звали жену его, съ полной симпатіей возвела на Зубенко голубые, объемистые глаза, опять оскалила большіе, бѣлые зубы, напоминавшіе ветеринару кобылу аптекаря Вагнера и начала осаждать его свѣтскими любезностями, отъ которыхъ дѣлалось ему очень жутко...

— Сюда, сюда, кумъ... поближе... проговорила она, указывая на мѣсто рядомъ съ собою и отодвигаясь къ противоположному углу дивана—вѣдь я давно желала познакомиться съ вами... Не грѣшно ли не бывать у насъ?

Зубенко, не имѣвшій понятія о мягкой и эластической мебели, такъ ухнулся плотно, что ударился затылкомъ о спинку дивана, а но-

гами взмахнулъ въ видѣ мачтъ и задѣлъ столъ, съ котораго чуть не полетѣли фарфоровыя вазы съ цвѣтами.

— Ну, супруга ваша... что подѣлываетъ хорошенькаго? заговорила Елена Алексѣвна, стараясь прервать смущеніе оторопѣвшаго гостя.

— Супруга... ничего...

— Здорова ли?

— Здорова.

— Ахъ, Боже мой! Я все собиралась къ ней. Да Сержъ вѣчно занятъ. Мнѣ хочется разцѣловать его крестницу. Онъ въ восторгѣ отъ этого ребенка. Онъ вѣдь немножко физіономистъ: говоритъ, что дитя обѣщаетъ что-то, просто будетъ восхитительное созданіе... Мосье Вальгоцкій?

Хозяйка вдругъ обратилась къ господину, сильно щурившему глаза.

— Вы, кажется, любите дѣтей?

— Очень. Какъ Талейранъ: люблю ихъ, когда они плачутъ...

— Почему же?

— Потому, что ихъ тогда сейчасъ уносятъ.

— Слышите, дорогой кумъ? Какъ вамъ нравится подобный взглядъ? повторила Елена Алексѣвна, желая во что бы ни стало разшевелить ветеринара, на котораго точно столбнякъ нашелъ. Не правда ли, взглядъ чудовищный?

— Нѣтъ, г. Зубенко, подступилъ къ нему Вальгоцкій — я попрошу васъ объяснить, почему вы находите мой взглядъ чудовищнымъ? Я полагаю, что каждый серьезный и занятый дѣломъ человѣкъ непремѣнно не долюбливаетъ дѣтей и будетъ разсуждать о нихъ, какъ я и Талейранъ: дѣти мѣшаютъ серьезному и занятому человѣку.

— Даже, если это будутъ родныя дѣти самого этого серьезнаго и занятаго человѣка? спросила Елена Алексѣвна.

— Даже.

— Но вы, мосье Зубенко, вмѣшался франтъ въ золотыхъ очкахъ и подъѣхалъ въ своихъ креслахъ поближе къ Прокопу Трофимычу — вы, можетъ быть, полагаете, что передъ вами, въ лицѣ Вальгоцкаго, самъ Талейранъ, вѣчно занятый и озабоченный судьбами Европы? Совсѣмъ нѣтъ: это просто Обломовъ семиборовскаго захолустья...

— Странное дѣло! воскликнулъ Вальгоцкій — даже, если бы я былъ и Обломовъ, то въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣтей, я непремѣнно сошелся бы съ Талейраномъ: люди, ничего не дѣлающіе, какъ и люди вѣчно занятые, требуютъ, чтобъ имъ не мѣшали. Не такъ ли, докторъ?

Вальгоцкій фертомъ остановился передъ ветеринаромъ. Того на-

чало кидать въ жаръ и потъ. Онъ досталъ изъ кармана не совсѣмъ чистый носовой платокъ и принялся отирать влажное, раскраснѣвшееся лицо...

— Я политикою не занимаюсь, проговорилъ онъ, наконецъ, видя, что Вальгоцкій продолжаетъ стоять передъ нимъ фертомъ, въ ожиданіи отвѣта на свой вопросъ.

— Вы вѣдь ветеринаръ? вопросила, безъ всякой, конечно, колкости, Елена Алексѣвна.

— Да, отрывисто произнесъ Зубенко — «блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ».

— Совершенно правильно, отозвался гость, съ pince-nez, крѣпко сжимавшимъ переносицу — профессія ветеринара, по моему крайнему разумѣнію, гуманнѣе профессіи любаго медика, врачующаго людей. Не мудрено проникнуться участіемъ къ своему ближнему, къ существу разумному, прописывать спасительныя снадобья латинской кухни, ходить за нимъ. А вотъ прошу повозиться около лошади или около быка. Вѣдь безсловесныя! ничего неразскажутъ, что тамъ у нихъ. Нужно ужъ особенное вниманіе и любовь къ твари. Съ полнымъ убѣжденіемъ могу повторить ваши слова: «блаженъ мужъ, иже и скоты лечитъ».

«Господи! думалъ про себя ветеринаръ въ невыразимой тоскѣ, какое бы это было благодѣтельное средство — удрать отсюда!»

Онъ даже со всею чистосердечностью пожелалъ, чтобы потолокъ обрушился.

Но Господь, видно, услышалъ молитву Прокопа Трофимыча и гораздо проще устроилъ его спасеніе.

— Карета готова! возгласилъ вошедшій лакей. Зубенко сдѣлалъ невольное и быстрое движеніе.

— Да посидите еще, куманекъ, сладенькимъ голоскомъ произнесла любезная хозяйка.

— Нѣтъ... жена... дѣти... промолвилъ куманекъ и сталъ громоздко выдвигаться изъ-за стола, угрожая опять фарфоровымъ вазамъ...

. . . . . .

«Чтобъ васъ чортъ всѣхъ побралъ! думалъ онъ, сидя въ каретѣ, которая мчала его во всю прыть домой. Да если бы милліонъ мнѣ должны были, кажется, и отъ милліона отказался бы. Ну ихъ къ бѣсу! Никогда и не видывалъ дамъ съ такими бѣлыми и большими зубами! И что это за кавалеры—всѣ какъ черти въ черномъ съ ногъ до головы! И слѣпые все, или ужъ плуты отъявленные: ни одинъ порядочно въ глаза посмотрѣть тебѣ не можетъ. И какъ будто безъ политики нельзя

существовать на свѣтѣ! Только и разговору, что про какого-то Тирана, недолюбливающаго дѣтей...»

Марфѣ Степановнѣ о своей неудачной экспедиціи передалъ онъ совсѣмъ въ другомъ видѣ:

— Ну, Марфуша! видѣла, въ какой каретѣ привезли меня?

— Чтожъ деньги?

— Сказалъ Сергѣй Михайлычъ, что на дняхъ непремѣнно... непремѣнно.

Марфа Степановна пытливо поглядѣла мужу въ глаза — ничего сомнительнаго не замѣтила; притомъ же карета, въ которой съ грохотомъ прикатилъ благовѣрный, тоже подѣйствовала на нее довольно успокоительно.

Дни проходили; Сергѣй Михайлычъ не являлся. Марфа Степановна опять принялась грызть и гнать мужа. Онъ опять сдѣлалъ приступъ, не смотря, что послѣ первой попытки послалъ всѣхъ къ чорту, и опять таже неудача: его приняли съ распростертыми объятьями, скалили передъ нимъ большіе, бѣлые зубы, заговаривали о политикѣ и, не давъ ему заикнуться о дѣлѣ ни однимъ словомъ, прелюбезно предложили карету и благополучно доставили до дому.

— Я уже ничего здѣсь не придумаю... сказалъ Прокопъ Трофимычъ женѣ — поди, матушка, сама съ ними потолкуй. Это все равно, что побывать заграницей: и люди — какъ будто не тѣ и языкъ—какъ будто другой...

ГЛАВА VII.

Совсѣмъ опѣшили наши простяки. Горе одолѣвало ихъ. Все пошло въ ихъ домѣ, какъ кривое колесо. Они стали скряжничать и жаться: отпустили Анисью; отказались отъ пирога въ праздничные дни; открыли продажу по сосѣдямъ яицъ и цыплятъ изъ своего курятника, зелени съ огорода, молока и сливокъ. Приняли къ себѣ на хлѣбы семинаристовъ — переманили отъ сосѣда-бурбона, пообѣщали кормить варениками и пельменями, до которыхъ бурсаки необыкновенно лакомы. Появились у нихъ и риторы, и философы — въ длиннополыхъ халатахъ — народъ все жадный и притязательный... Марфа Степановна замышляла только брать съ нихъ деньги, а самихъ кормила плохо и надувала крѣпко на счетъ лакомыхъ блюдъ, но и они не легко поддавались на ея стратагему: вставая изъ-за стола голодными, или заводили съ хозяйкою непріятныя сцены, или наровили проникнуть тайкомъ въ кладовую и стащить что нибудь съѣдобное...

— Господи, Боже ты мой! вопила Марфа Степановна, ломая себѣ руки въ отчаяніи — съ тѣхъ поръ, какъ завелись эти проклятые философы, подъ замкомъ ничего не удержишь: все прибираютъ.

— Какихъ, матушка, философовъ изволите поносить? спрашивалъ кто нибудь изъ семинаристовъ, въ комъ наиболѣе пробуждалось чувство амбиціи.

— Тѣхъ, что воруютъ.

— Насъ это, значитъ, не касается, заключали философы въ одинъ голосъ.

— А насъ и подавно, приговаривали риторы.

И тѣ и другіе углублялись за тѣмъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ въ чтеніе своихъ книгъ и тетрадей...

Марфу Степановну еще болѣе подзадоривало это безстыдное равнодушіе.

— Хоть бы совѣсть у людей какая была. А еще науки проходятъ...

Опять щепетильный амбиціонеръ возвышалъ голосъ:

— Кто это такой, матушка, изучаетъ науки, а совѣсти не наблюдаетъ?

— Есть такіе...

— Любопытно знать, кто? отъ такого опаснаго смертнаго надо бы урѣзывать полы, да бѣжать за тридевять земель...

— Что за язвительный народъ насталъ на свѣтѣ! Посмотрѣли бы въ зеркало, такъ и узнали бы опаснаго смертнаго...

Амбиціонеръ преспокойно, съ перевальцемъ, заковылялъ въ залу къ косому зеркалу.

— Вижу, матушка, но узнать не могу, говорилъ онъ — вся рожа на сторону сворочена. Знать, не прошла даромъ продѣлка...

Прокопъ Трофимычъ на эту пору былъ въ другой комнатѣ и сидѣлъ надъ книгою духовнаго содержанія «Восторгнутые класы». Книга, впрочемъ, не читалась: мысли никакъ не могли сосредоточиться на одномъ какомъ-либо предметѣ: были въ разбродѣ.

Вмѣшиваться въ непрестанныя распри Марфы Степановны съ семинаристами — онъ не вмѣшивался; но въ душѣ былъ какъ-то больше на сторонѣ семинаристовъ.

— Что-жъ? думалъ, ребята молодые, здоровые... ѣсть хотятъ. Жена слишкомъ ужъ прижимаетъ ихъ съ этой стороны... Что за бѣда, если молодой человѣкъ захочетъ полакомиться и въ кладовой тайкомъ запуститъ пятерню свою въ сметану. Конечно, было-бъ уже лучше прямо ложкой... А то вѣдь у молодыхъ людей не всегда бываютъ чисты пальцы...»

Растворилась дверь. Вошелъ пожилой мужчина, съ солидной просѣдью и весьма замѣтнымъ брюшкомъ, въ сѣромъ пальто, сѣрыхъ брюкахъ и сѣромъ жилетѣ. Въ одной рукѣ держалъ широкополую шляпу, а въ другой — сучковатую изъ грушеваго дерева объемистую палку. Какъ вошелъ, свѣтлокаріе глаза его такъ и забѣгали по угламъ, будто искали чего.

Прокопъ Трофимычъ пошелъ на встрѣчу и поглядѣлъ на гостя съ недоумѣніемъ — точно спрашивалъ: кто бы это такой?

— Я къ вамъ, Прокопъ Трофимычъ...

— Добро пожаловать...

— Вы вѣдь меня знаете. Правда, давненько не видались... Савва Леонтьичъ Кругловъ...

— А! Савва Леонтьичъ! не узналъ—быть вамъ богату.

— Кабы! съ вами подѣлился бы...

Савва Леонтьичъ грузно и съ видомъ разслабленнаго опустился на диванъ.

— А я съ просьбой. Сейчасъ къ вамъ на дворъ приведутъ моего пѣгаго. Посмотрите пожалуйста.

— Что съ нимъ?

— Да чортъ его знаетъ! Это везетъ, везетъ, да вдругъ нà—тебѣ, и остановится, да еще и остановится бестія съ такимъ видомъ, какъ будто размышлять примется: везти дальше или не везти! Ужъ не стали ли въ наше время просвѣщаться и забирать себѣ въ голову чортъ знаетъ что и лошади — не одни мальчуганы.

— Ничего на этотъ счетъ не могу вамъ сказать.

— Ей Богу! Ужъ кучеръ какъ его стегаетъ! какъ ни стегай, а онъ и ухомъ каналья не ведетъ; чортъ его знаетъ, что тамъ у него въ головѣ засѣло: эмансипація что ли? Разслышалъ, видно, что въ Петербургѣ общество изъ генераловъ составилось, которое горою стало за всѣхъ животныхъ: никто не смѣй, видите, бить ни лошадь, ни даже собаку, а изволь обращаться съ ними галантерейно: силь-ву-плѐ...

— Неужели такое общество... и изъ генераловъ, говорите? Надо полагать, что ветеринарамъ теперь жалованья прибавятъ...

— На счетъ ветеринаровъ—не знаю. А я хочу спросить: какъ же я буду обращаться галантерейно, когда онъ бестія изъ всякаго повиновенія выходитъ? Ужъ коли, братъ, хомутъ на шею натянули, да взнуздали твою холку — такъ вези, не размышляй. Вѣдь можетъ быть и ѣдутъ на тебѣ и погоняютъ тебя, тварь ты эдакая, для твоего же блага, чтобъ на рынкѣ овса купить.

Савва Леонтьичъ, разсуждая такимъ образомъ, все кривилъ какую-то замысловатую улыбку.

Немного погодя, кучеръ его Тимофей ввелъ черезъ калитку во дворъ пѣгаго, сѣдластаго буцефала, что-то и въ самомъ дѣлѣ высоко задиравшаго голову,

— Вотъ онъ, либералъ мой, проговорилъ Савва Леонтьичъ, выглянувъ въ окно. — Пойдемте, Прокопъ Трофимычъ... Современное явленіе! Современное явленіе! твердилъ Савва Леонтьичъ, переваливаясь черезъ порогъ.

— А ну, проведи его по двору, приказалъ Прокопъ Трофимычъ кучеру. Кучеръ провелъ буцефала по двору.

— Ну, теперь бѣгомъ! Что будетъ?

Кучеръ пустился бѣгомъ, собаки бросились за нимъ съ неистовымъ лаемъ.

— Ну-ка, братъ, сядь еще верхомъ, да въ галопъ... маршъ! маршъ!

Кучеръ и въ галопъ поскакалъ. Буцефалъ ничего: никакихъ этакъ завиральныхъ замашекъ не выказывалъ. Савва Леонтьичъ, казалось, начиналъ сердиться.

— Вѣдь вотъ подите, какая каналья, хочетъ показать, что послушнѣе и благонравнѣе его нѣтъ коня на свѣтѣ. А увѣряю васъ, въ головѣ у него... эмансипація...

Прокопъ Трофимычъ подошелъ къ коню поближе, взялъ за холку, потрясъ, потомъ поглядѣлъ въ зубы...

— Такъ чтобъ философствовать, еще бы молодъ, кажется, проговорилъ достойный ветеринаръ, впадая въ тонъ Саввы Леонтьича.

— Да вѣдь ныньче, батюшка, кто-жъ и философствуетъ, какъ не молодежь!

— Какъ его зовутъ?

— Воробей... купленъ у консисторскаго секретаря Воробьева, такъ и прозванъ.

— Ничего покамѣстъ положительнаго сказать не могу.

— Схитрилъ бестія! видите, какъ схитрилъ! А знаете, что я сдѣлаю: запрягу его на дняхъ это въ телѣжку, да съ вами и поѣдемъ... хоть за городъ, ко мнѣ на дачу. Кстати, угощу васъ наливочкой...

— Благодарствуйте. А теперь позвольте съ моей стороны угостить васъ чаемъ.

Савва Леонтьичъ не отказался. Прокопъ Трофимычъ забѣжалъ впередъ къ женѣ.

— Чаю, душа.

— А чорта не хочешь? окрысилась жена — вишь богачъ какой нашелся: гостей сталъ сзывать на чай!

— Нельзя, человѣкъ нужный... Процессами занимается. Онъ научитъ, какъ намъ быть съ Сергѣемъ Михайлычемъ...

Въ самомъ дѣлѣ, Кругловъ былъ никто иной, какъ ходатай по дѣламъ и пользовался въ городѣ славою опытнаго дѣльца. Марфа Степановна не стала уже прекословить и засуетилась около самовара...

Между тѣмъ благовѣрный ея принялся изо всѣхъ силъ лебезить передъ гостемъ и когда замѣтилъ въ немъ полное къ себѣ расположеніе, то разсказалъ, какую скверную штуку продѣлалъ съ нимъ Сергѣй Михайлычъ.

Адвокатъ значительно покрутилъ головою.

— Плохо! А покажите росписку.

Прокопъ Трофимычъ показалъ.

— Никуда не годится: срока не означено.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Если бы вы и у самого Соломона спросили, то и самъ Соломонъ не зналъ бы, что вамъ посовѣтовать.

— Будто?

— Вѣрно...

Прокопъ Трофимычъ опустилъ и голову и руки. Савва Леонтьичъ принялся, молча, постукивать пальцами по столу, у котораго сидѣлъ. Дверь распахнулась и вошелъ семинаристъ съ подносомъ, на которомъ несъ два объемистыхъ стакана чая, но безъ хлѣба и сливокъ; семинаристъ былъ тотъ самый амбиціонеръ риторъ, который не спускалъ Марфѣ Степановнѣ ни одного рѣзкаго слова. Но теперь, когда Марфа Степановна ласково попросила помочь ей — не въ службу, а въ дружбу, онъ первый вызвался: «только ужъ, матушка Марфа Степановна, лишній кусочекъ сахару положите мнѣ въ стакашку. Страхъ люблю сладости... Какъ буду батюшкой, только и буду жрать кутью да медъ».

Взявши стаканъ и прихлебнувъ изъ него, адвокатъ заговорилъ съ видомъ участія:

— Жаль мнѣ васъ, Прокопъ Трофимычъ, очень жаль. Ну, какъ-таки повѣрить такому взбалмошному и неосновательному человѣку, какъ Сергѣй Михайлычъ, и еще удовольствоваться отъ него росписочкой, пригодной развѣ для того, чтобъ вашъ же сынишка сдѣлалъ пѣтушка себѣ на забаву: «ай да какой пѣтушокъ хорошій!» Вѣдь въ судъ не сунетесь съ такимъ важнымъ документомъ—съ пѣтушкомъ-то,

— Кто-жъ это думалъ, Савва Леонтьичъ! Знали мы, что человѣкъ богатый, всѣми уважаемый...

— Ничего вы не знали! возразилъ Савва Леонтьичъ не безъ энергіи.—Знали вы, что разъѣзжаетъ баринъ въ блестящей каретѣ, живетъ въ какомъ-то палаццо, да и задаетъ пиры. Развѣ это значитъ знать человѣка? Положимъ, я у васъ увидѣлъ бы большой сундукъ, кованный со всѣхъ сторонъ желѣзомъ, запертый висячими и потайными замками, и заключилъ бы, что у васъ тамъ куча денегъ, золота и разныхъ драгоцѣнностей. А у васъ тамъ, можетъ быть, пусто, какъ въ желудкѣ человѣка, три дня не кушавшаго. То есть видите, когда нибудь сундукъ этотъ и былъ у васъ полонъ всякимъ добромъ—можетъ быть за женою въ приданое взяли. А все-таки я не могу сказать черезъ десять лѣтъ, что онъ также полонъ и составляетъ ваши надежные фонды. Почему я знаю, какъ вы прожили эти десять лѣтъ? Можетъ быть спустили все до чиста... ну, а можетъ завели гдѣ нибудь и другой еще сундукъ: одного оказалось мало. Но вѣдь все это можетъ быть... значитъ, можетъ и не быть. А въ жизни такъ нельзя: жизнь требуетъ положительнѣйшаго знакомства съ нею и съ людьми. Въ жизни недостаточно быть чистыми яко голуби, надо быть и мудрыми яко зміи. Ну, а гдѣ же вамъ знать что нибудь и набраться змѣиной мудрости? Поселились вы у чорта на куличкахъ, съ людьми не якшаетесь, ни сами нигдѣ не бываете, ни къ вамъ, чай, никто не заглядываетъ. Особымъ міркомъ зажили—какъ улитка въ свою раковину заперлись. Построили домишко преизрядный, развели садикъ да огородъ, своя коровенка, свои куры: на рынокъ, чай, не зачѣмъ пойти. Ну, да помнили, что есть у васъ въ потаенномъ уголку деньжатъ малая толика про черный день. И чего вамъ больше? Много ли, думали, нужно человѣку. Оно и такъ: дѣйствительно не много нужно человѣку, да только надо, чтобъ это немногое было вѣрно, чтобъ его у васъ не отвоевали никакія земныя и небесныя силы. Вы и на этотъ счетъ, пожалуй, были спокойны: вездѣ у васъ крѣпкіе засовы, вездѣ солидные и надежные замки, собаки злыя, да и сами держали ухо на сторожѣ. Правда, воръ къ вамъ не проберется — знаете, мелкій человѣкъ, въ драномъ зипунишкѣ. Но за то изъ высшаго свѣта подъѣдетъ къ вамъ ловкій человѣкъ и подъѣдетъ съ шумомъ, въ блестящей кар тѣ,съ чванной ливреей—и вы сами проведете его отъ тѣхъ же собакъ, которыхъ держали на случай воровъ, введете въ домъ - и онъ галантерейнѣйшимъ образомъ пообчиститъ ваши карманы. И подите, попробуйте сказать ему, что онъ воръ: батюшки, возмутится какъ!

— Да развѣ Сергѣй Михайлычъ обворовалъ меня?

— Нѣтъ, онъ занялъ у васъ деньги, съ тѣмъ чтобъ не отдать; а чтобъ повѣрнѣе было дѣло, снабдилъ васъ росписочкой, которая выѣденнаго яйца не стоитъ. Плутъ-человѣкъ... Впрочемъ, я, можетъ быть, выражаюсь объ немъ такъ жестко потому, что у насъ съ нимъ большія вышли неудовольствія...

— А что—и у васъ взялъ деньги?

— Нѣтъ, денегъ я бы ему не далъ: кукишъ показалъ бы, но были другія дѣла. Богъ его знаетъ, можетъ быть, онъ и думаетъ заплатить вамъ...

— Знаете, Савва Леонтьичъ, что я предполагаю: сходить къ архіерею, да не одинъ, а съ Марфой Степановной...

— Ужъ кстати и дѣтей заберите... только зачѣмъ это?

Савва Леонтьичъ повернулся всѣмъ корпусомъ и пристальнымъ взглядомъ уперся въ ветеринара.

— Вѣдь Сергѣй Михайлычъ бываетъ у владыки, даже ѣздитъ къ нему въ метрополію, каждый разъ подходитъ къ его благословенію. Владыко собственноручно въ праздники подноситъ ему просвиру. Это я знаю достовѣрно потому, что своими глазами видѣлъ...

— Что же, однако, изъ всего этого слѣдуетъ?

— Попрошу владыку, чтобъ урезонилъ Сергѣя Михайлыча, авось возвратитъ мои деньги. Ужъ не можетъ быть, чтобъ и голосъ владыки на него не подѣйствовалъ...

— Вотъ видите, Прокопъ Трофимычъ, какой вы, ничего не смыслящій въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ. Во первыхъ, архіерей врядъ ли и возмется урезонивать Сергѣя Михайлыча; во вторыхъ, если бы онъ даже и взялся за этотъ немаловажный трудъ, то я даю голову свою на отсѣченіе, если увѣщаніе владыки сколько нибудь подѣйствуетъ на Сергѣя Михайлыча, съ какимъ бы уваженіемъ и усердіемъ Сергѣй Михайлычъ ни лобызалъ его благословляющую десницу.

— Будто?

— Это вѣрно.

Прокопъ Трофимычъ маленько задумался, а черезъ минуту опять заговорилъ.

— А какъ вы думаете, Савва Леонтьичъ, не будетъ ли пригодна такая мѣра: этотъ риторъ—вотъ что приносилъ сюда чай—чрезвычайнаго ума молодой человѣкъ; только амбиціонеръ ужасный: даже дамамъ не спускаетъ, если его амбицію задѣнутъ. Сейчасъ колкость какую нибудь отпуститъ. Такъ онъ мастеръ на проповѣди...

— Ну?—Савва Леонтьичъ наладился выслушать что-по опять преоригинальное.

— Намедни приходилъ къ нему за совѣтами одинъ богословъ, которому приходится на праздники сказать проповѣдь въ каѳедральномъ соборѣ на тему: «горе вамъ соблазняющимъ малыхъ дѣтей... Лучше надѣньте себѣ камень на шею и утопитесь въ пучинѣ морской...» Сергѣй Михайлычъ навѣрное будетъ въ соборѣ, въ своемъ дворянскомъ мундирѣ. Вѣдь онъ всегда въ торжественные дни выслушиваетъ обѣдню. Такъ мы съ богословомъ и риторомъ долго разсуждали, нельзя ли въ проповѣди какъ нибудь укорить Сергѣя Михайлыча—вкинуть этакія слова...

Прокопъ Трофимычъ проворно зашагалъ въ комнату, въ которой занимались семинаристы, и возвратился оттуда съ клочкомъ бумаги.

— Вотъ вчера мы тутъ всѣ сочиняли... и жена... своего меду каплю капнула... Слушайте...

Савва Леонтьичъ, ухмыляясь хитро, склонилъ голову и наставилъ ухо. Прокопъ Трофимычъ, съ одушевленіемъ и метая перстомъ въ сторону (предполагалось, что тамъ Сергѣй Михайлычъ), прочиталъ слѣдующее:

«А вы, облачающіеся въ золототканныя одежды (намекъ на дворянскій мундиръ), вы, блистающіе знаками отличія, сими знаменьями высокихъ человѣческихъ доблестей, загляните въ глубь вашихъ сердецъ, мысленнымъ окомъ низойдите на дно души своей: такожды ли внутренняя ваша изукрашена добродѣтелями и высокими христіанскими доблестями? Сіяютъ ли тамъ лучи правды и добра на пользу и благо вашихъ ближнихъ, или, какъ въ непроглядной безднѣ ада, сплетаются ковы на погибель человѣка. Чиста ли, боляринъ, совѣсть твоя, какъ чисты и блестящи украшающіе выю твою лавры? (намекъ на золотое шитье мундирнаго воротника). Ты, идя въ храмъ сей, повелѣлъ рабу твоему послѣднюю пылинку снять съ оныхъ но потщился ли оглядѣться—не имѣешъ ли пятенъ на душѣ своей? Идя въ храмъ сей съ молитвою ко Господу, не оставилъ ли за собою въ мірѣ кого либо изъ ближнихъ—обиженнаго твоею гордостію, или злобою, или мщеніемъ, или корыстью и любостяженіемъ! Въ сіи минуты изліянія сердца твоего предъ алтаремъ Всевышняго, не плачетъ ли братъ твой со чадами, коихъ ты нарушилъ и спокойствіе, и достояніе. Иди, боляринъ, примирись съ жертвою твоего жестокосердія...»

— То-есть — прервалъ Савва Леонтьичъ — заплати, боляринъ, ветеринарному врачу Зубенкѣ должные 5 т. руб, а не то—ждетъ тебя геена огненная...

Савва Леонтьичъ расхохотался такъ, что Прокопъ Трофимычъ принялъ за невѣжливость и разсердился.

— Что-жъ вы смѣетесь?

— Да какъ же, батюшка? И вы думаете, что Сергѣй Михайлычъ такъ и приметъ все это на свой счетъ и почувствуетъ укоры совѣсти? Полноте! Прежде всего Сергѣй Михайлычъ, по обычаю во бще благочестивыхъ слушателей и въ особенности изъ сановныхъ, едва вашъ богословъ выйдетъ съ тетрадкою—такъ сейчасъ же и навостритъ лыжи (ибо проповѣдей недолюбливаютъ свѣтскіе люди)или тутъ же займется съ кѣмъ нибудь разговорами; коли съ пріятелемъ, такъ еще совѣщаться примется—какъ поладнѣе уладить именно то грѣшное дѣло, противъ котораго проповѣдникъ напрягаетъ всѣ силы краснорѣчія и за которое предрекаетъ скрежетъ зубовный и геенну огненную... Вѣдь вы знаете—существуетъ житейское правило: именно во время проповѣди, когда тѣснѣе жмутся и обступаютъ проповѣдника благочестивые слушатели, алчущіе слышать слово спасенія—совѣтуютъ покрѣпче держаться за карманы...

— Тьфу! Прокопъ Трофимычъ даже плюнулъ—такъ послѣ этого чего же и ждать отъ людей?

— Ждать всего и быть съ ними осторожну.

— Я думаю, просто какъ изъ Содома надо бѣжать въ пустыню какую...

— И тамъ не спасетесь: вѣдь не укрылись же вы, поселясь у чорта на куличкахъ и отказавшись почти отъ всякаго сообщества людей. Нашли они васъ и здѣсь, найдутъ и въ пустынѣ Аравійской, если есть только въ васъ малѣйшій интересъ...

— То есть деньги?

— Пожалуй.

Прокопъ Трофимычъ замолчалъ. Лицо его сдѣлалось мрачно, между тѣмъ какъ лицо его собесѣдника было совершенно спокойно. Наконецъ, Савва Леонтьичъ потянулся за фуражкой...

— Не утѣшили вы меня, промолвилъ ему Прокопъ Трофимычъ...

— Что дѣлать.

— Гм... Теперь, коли что, къ вамъ напредки забѣгу за совѣтомъ...

— Заднимъ умомъ русскій человѣкъ крѣпокъ. Знаете, Прокопъ Трофимычъ, сказочку: у одного крестьянина украли осла, котораго онъ не запиралъ. Оселъ такъ и улыбнулся. Крестьянинъ купилъ послѣ того замокъ и навѣсилъ на дверь конюшни: «ну, говорилъ, теперь не украдутъ»... Да уже нечего было воровать... А, впрочемъ, заходите ко мнѣ какъ нибудь на дняхъ—потому что я собираюсь въ Харьковъ по дѣламъ... ѣду...

ГЛАВА VIII.

Такъ какъ Прокопу Трофимычу крѣпко хотѣлось воротить своего осла, то онъ и не сталъ долго мѣшкать: на другой же день, передъ вечеромъ, потянулся къ адвокату. Савва Леонтьичъ, сидя за громаднымъ письменнымъ столомъ, на которомъ грудами лежали и книги, и бумаги, строчилъ какую-то челобитную и въ то же время переговаривалъ съ женой. Она сидѣла тутъ же у окна, съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ. Молодая, красивая женщина, но съ такимъ выраженіемъ въ блѣдномъ и преждевременно отцвѣтшемъ лицѣ и въ темнокарихъ, тупо глядѣвшихъ глазахъ (тогда какъ казалось, въ нихъ-то и должны были играть огонь и жизнь и, можетъ быть, не такъ давно еще и играли), которое ясно говорило, что не весело живется этой женщинѣ на свѣтѣ и что часто ей не до вязанья, или до другой, на столько же серьезной работы, придуманной, чтобъ чѣмъ нибудь наполнить пустынное и безцѣльное существованіе женщины, а особенно жены какого нибудь зажиточнаго гражданина, доставляющаго ей безъ излишнихъ хлопотъ и хорошій сытный столъ, и теплый, уютный кровъ, и нарядное платье...

Савва Леонтьичъ именно былъ зажиточный гражданинъ, сколотившій деньгу отъ своей прибыльной профессіи. Россіяне вѣчно ссорятся и заводятъ тяжбы и сами, тяжелые на подъемъ и не охотники вести какіе бы ни было дѣла тѣмъ охотнѣе заводятъ ихъ, когда кто нибудь вдругъ вызовется и въ газетахъ даже объявитъ, что принимаетъ на себя хожденіе по всякаго рода тяжебнымъ и процеснымъ дѣламъ. Иной обыватель, прочтя это объявленіе, сейчасъ изъ лежня и изъ человѣка такого, которому ничего ровно, если кто, идя мимо, ради одной потѣхи, дастъ щелчка по носу, вдругъ превращается въ притязателя и амбиціонера: заводитъ не на животъ, а на смерть ссору съ сосѣдомъ изъ-за какого нибудь перелетѣвшаго черезъ заборъ пѣтуха, а не то и цѣлый процессъ на многіе годы, возмечтавъ, что сосѣдъ сдѣлалъ у него захватъ земли. И вотъ уже сидитъ онъ у адвоката, совѣщается, какъ бы упечь сосѣда, задѣвшаго его амбицію или прихватившаго на цѣлую пядень земли его...

Савва Леонтьичъ такимъ образомъ нажилъ весьма кругленькое состояньице: построилъ хорошій домишко, развелъ садъ, обильный и цвѣтами, и фруктами, купилъ щегольскую пролетку и добраго рысака—того самаго либерала, на вольнодумство котораго жаловался опытному въ своемъ дѣлѣ ветеринару, и сказалъ себѣ: «не добро быти

одному человѣку: пріобрѣтемъ жену. Жена же должна быть молоденькая, молоденькая (нѣтъ нужды, что самому наберется подъ пятьдесятъ), должна быть хорошенькая, хорошенькая—съ темными, огнемъ и страстью отливающими глазенками, съ роскошными, длинными до самыхъ пятъ волосами, красавица (нѣтъ нужды, что самъ больно не казистъ и ношу на головѣ широкую плѣшь, сіяющую ярче полнаго мѣсяца), должна быть свѣжа, какъ маковъ цвѣтъ, съ хорошо развитымъ бюстомъ, аппетитная особа, въ полномъ соку (нѣтъ нужды, что самъ я значительно поистасканъ, захирѣлъ и вожусь съ подлой подагрой—наслѣдствомъ дурно-употребленныхъ молодыхъ лѣтъ, или съ нестерпимыми ревматизмами, дѣлающими меня капризнымъ, злымъ, взыскательнымъ), и, наконецъ — всему дѣлу вѣнецъ — должна любить меня, любить горячо, страстно, ухаживать за мною, творить мою волю и не засматриваться на другихъ и даже не подумать—Боже сохрани!—увлечься кѣмъ нибудь...

Не трудно было Саввѣ Леонтьичу прибрать себѣ въ подруги жизни существо какъ разъ по задуманному имъ идеалу: мало ли въ каждомъ городѣ дочерей «бѣдныхъ, но благородныхъ» родителей, только и мечтающихъ, какъ бы съ рукъ сбыть «родное дитятко», да повыгоднѣе его пристроить за человѣка солиднаго, со средствами, благоразумно приращающаго, а не растрачивающаго свое хорошо округленное достояніе...

— Эхъ, слюбится—стерпится, думаютъ бѣдные, но благородные родители.

— Ништо, разсуждаетъ солидный человѣкъ, подкупающій собственную совѣсть, умру—тогда ужъ поживетъ себѣ на радость молодая вдова. Вѣдь къ ней же перейдетъ все состояніе.

— Такъ тово, душа моя, говорилъ Савва Леонтьичъ, засыпая песочкомъ только что написанныя строки—коли сына Богъ пошлетъ, назовемъ его Саввой? а?

Александра Ильинишна не промолвила ни слова—брови ее только сильно хмурились.

— Нѣтъ, душа моя, Шурочка, ты скажи...

— Да какой тамъ сынъ? выдумалъ...

— Ну, да если?

Савва Леонтьичъ, оглядываясь съ улыбкой на жену, которая не спускала теперь глазъ съ своей нехитрой работы, переворачивалъ листъ и начиналъ новую страницу и, дописавъ до половины, опять клалъ перо и опять, съ прежней улыбкой, заговаривалъ къ женѣ:

— Ну, а если Богъ пошлетъ, паче чаянья, дочь... что ты, Шурочка, на это скажешь?

Александра Ильинишна ничего не говорила — еще сильнѣе хмурились ея строгія брови.

— А? Мужъ взглядывалъ лукавымъ глазомъ. — Ну, да скажи, радость моя... Сашетъ, а Сашетъ!

Онъ вытягивался, разводя руками въ воздухѣ, и съ нѣжностью поворачивалъ голову въ сторону жены.

Александра Ильинишна подымала на него недовольные взгляды.

— Ужъ развѣ что Богъ пошлетъ, молвила она не безъ колкости— а то изъ чего бы...

— Хе, хе, хе...

Лицо Саввы Леонтьича покрылось легкою краскою и онъ хватился снова за перо.

— Вѣчно эти жены, прости Господи! — недовольны! ничѣмъ на нихъ не угодишь... никакою любовью... ни, ни...

Онъ писалъ и все посмѣивался, что служило прелюдіей къ новому разговору.

— Это, душа моя, ужъ по упрямству... изъ одного каприза... не хочешь подарить мнѣ сынка.

— Ахъ, оставь пожалуйста, Савва Леонтьичъ, эти разговоры... Что за охота вздоръ молоть!

— Нельзя, мое солнышко, хочется имѣть сынишку... знаешь, такого махонькаго... карапузика .. ну, хоть дочку! Я и на то согласенъ...

Савва Леонтьичъ оборачивался и поглядывалъ на жену плотоядными взглядами.

— Только главное—чтобъ на меня походили...

— Я уйду, если будешь наскучать, молвила разсердившись Александра Ильинишна и въ самомъ дѣлѣ поднялась, чтобы уйти.

— Те, те, те...

Савва Леонтьичъ схватился съ креселъ и загородилъ ей дорогу, развертывая руки и вытягивая брюшко.

— Не пущу, отрада моя, пока не дашь слова...

На этой сценѣ засталъ ихъ Прокопъ Трофимычъ. Александра Ильинишна ушла, а Савва Леонтьичъ остался съ гостемъ.

— Ну, что, достойнѣйшій докторъ? Думалъ это я о васъ.

— Что-жъ придумали, Савва Леонтьичъ? А я ужъ просто и голову потерялъ...

— Да и на что она вамъ? Голова нужна человѣку, чтобъ мыслить,

работать ею, соображать и свои поступки и поступки другихъ, съ кѣмъ водимся и съ кѣмъ обрѣтаемся въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ; голова нужна, чтобъ хорошенько и въ должномъ порядкѣ содержать въ ней, для необходимыхъ справокъ, такъ сказать, библіотечку—изъ свода законовъ, напримѣръ, и изъ другихъ полезныхъ книжекъ, поучающихъ насъ уму, разуму, что мы такое сами по себѣ и по отношенію къ другимъ, ибо недостаточно одного сознанія, что суть люди—существа, одаренныя разумомъ и свободною волею. (Часто разума и вовсе не оказывается, а свободной воли—и того чаще). Нѣтъ, надо еще знать, что мы за люди, кто такіе? Перво на перво: Россіяне. Что такое Россіяне? Народъ, населяющій громаднѣйшую въ мірѣ имперію и т. д. Потомъ — дворяне или крестьяне; купцы или чиновники и т. д. Потомъ, кто бы мы тамъ ни были—въ чемъ наше различіе отъ другихъ? Въ правахъ состоянія, говорятъ. Что такое права состоянія и въ чемъ заключаются наши? и т. д. Если кто хочетъ занять у меня деньги, то что это за человѣкъ? Коли подлецъ, то, взявши деньги, скажетъ пожалуй, что не бралъ; коли и честный человѣкъ, да умретъ съ бухты-барахты, то и ничего не скажетъ—слѣдовательно къ имуществу и капиталамъ его но дотрогивайся: на то есть законные наслѣдники... Итакъ, что же? Надо имѣть документъ. Опять рождается вопросъ, какой документъ? Законный, разумѣется. А какой это законный? Надо справиться съ законами. Хорошо взять книжку изъ шкапа, а еще лучше найти эту книжку, не ходя далеко, въ собственной головѣ... Помните, вѣдь вы тоже въ семинаріи были, помните, насъ учили по риторикѣ, какъ сочинять на заданную тему, по вопросамъ: quis? quid? ubi? quomodo? quando? qur? quibus auxiliis? т. е. кто? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? почему? съ чьею помощью? Вотъ такъ приходится часто поступать и въ жизни. Вѣдь вы вотъ до титулярнаго дожили, дѣтей кучу благопріобрѣли, а вѣдь сами въ жизни чуть не ребенокъ. И я нахожу, что вашъ риторъ, сочинявшій проповѣдь на текстъ: «горе вамъ, соблазняющимъ дѣтей»—юноша весьма разумный. Онъ, видите, нисколько не задумался васъ, титулярнаго совѣтника, человѣка солидныхъ лѣтъ, почтеннаго главу семейства, отнести къ категоріи «малыхъ сихъ», которыхъ грѣхъ вводитъ въ соблазнъ и искушеніе.

— Да что же, Савва Леонтьичъ, воскликнулъ ветеринаръ, котораго эта длинная рацея разозлила даже — я вѣдь въ университетѣ не былъ, высокихъ наукъ не проходилъ...

— Ну, а я какъ? Былъ въ университетѣ? Проходилъ или нѣтъ высокія науки? Ну, а Сергѣй Михайлычъ, тоже былъ въ университетѣ?

Вѣдь Сергѣя Михайлыча изъ четвертаго класса выключили за нерадѣніе. Изъ всей географіи, чай, знаетъ только что Парижъ... А подитека, въ дѣлахъ какъ смышленъ. Ужъ его не надуешь. Дудки! Самъ надуетъ, кого хотите. Да что говорить! Университетъ нашъ — жизнь, люди, общество...

Савва Леонтьичъ раскрылъ съ шумомъ свою серебряную табакерку и понюхалъ съ чувствомъ березоваго табачку...

— Dixi! промолвилъ онъ, отчихиваясь... Ну, теперь рѣчь о вашемъ дѣлѣ...

Ветеринаръ сейчасъ подъѣхалъ поближе и вытянулъ шею...

— Съ самимъ Сергѣемъ Михайлычемъ я не видѣлся: вѣдь мы съ нимъ, какъ я уже говорилъ вамъ, не въ ладахъ; а слышалъ отъ Чемирязева, который у него живетъ, что онъ образумливается: ищетъ теперь, гдѣ бы призанять 2 тысячи рублей. Хочетъ въ «Сусалахъ» — ближайшей къ городу деревнѣ своей, устроить большой винокуренный заводъ для того, чтобы всѣ доходы обращать исключительно на уплату долговъ...

— Это ужъ, видно, самъ Богъ его надоумилъ...

— Можетъ быть. Провидѣніе сжалилось надъ тѣми, кого онъ обидѣлъ, и хочетъ такъ, чтобъ и онъ свой грѣхъ исправилъ, и чтобъ они получили свое. И знаете, какъ думаетъ Сергѣй Михайлычъ распорядиться? Первая выручка отъ продажи вина пойдетъ въ уплату съ процентами тому, кто теперь дастъ ему взаймы этѣ двѣ тысячи, необходимыя для устройства завода. Деньги ему собственно нужны на покупку котловъ, трубъ и другихъ принадлежностей, а самое зданіе-то у него давно отстроено... и когда-то тамъ уже была винокурня. Но какъ-то понадобились Сергѣю Михайлычу деньги до зарѣзу (вѣдь это у него вдругъ), онъ и продалъ какому-то жиду котлы, трубы и все тамъ, благо въ лѣтнее время: винокурня не дѣйствовала... Такъ вотъ, достойнѣйшій докторъ, будь у васъ теперь тысченки двѣ, вы могли бы воротить весь свой капиталъ съ процентами.

— Какъ? Опять дать въ займы Сергѣю Михайлычу?

— Да! Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись... Знаете правило гомеопатовъ: similia similibus curantur? Я ужъ вамъ посовѣтовалъ бы, какъ сдѣлать...

— Гм, у меня теперь и двухъ сотенъ не наберется, не то — двѣ тысячи...

— Вы бы прежде всего, молвилъ адвокатъ, не слушая ветеринара — вмѣсто той росписки, которую далъ вамъ Сергѣй Михайлычъ и которая, какъ безсрочная, выѣденнаго яйца не стоитъ, взяли бы отъ

него настоящее заемное письмо на всѣ семь тысячъ и засвидѣтельствовали бы формальнымъ порядкомъ у маклера. Потомъ, написали бы еще особое условіе, по которому первая выручка отъ продажи вина шла бы исключительно на пополненіе вашего долга. Т. е. пока вы не получили бы всѣхъ своихъ семи тысячъ съ процентами, до тѣхъ поръ Сергѣй Михайлычъ не имѣлъ бы права распорядиться ни одной копѣйкой отъ продажи вина... Понимаете?

— Понимаю... но гдѣ же я возьму этѣ двѣ тысячи, чтобъ дать Сергѣю Михайлычу?

— Гм! А другаго нѣтъ спасенья. Вѣдь если Сергѣй Михайлычъ и намѣревается расчитаться съ долгами, то только по обязательствамъ законнымъ. Это вѣрно. Слѣдовательно вашъ долгъ въ его расчеты не входитъ. Надулъ онъ васъ безпутный человѣчишко... семейства вашего не пожалѣлъ... обобралъ малютокъ дѣтей вашихъ... Повѣсить его бы за это! Ей-Богу! Такъ-таки на первой осинѣ ..

Адвокатъ немощно поднялся съ креселъ и заковылялъ по комнатѣ, кривя лицо и хватаясь за лѣвую ногу...

— Ой, батюшки, ломитъ какъ!... Это непремѣнно передъ дождемъ...

Прокопъ Трофимычъ сидѣлъ, низко, низко опустивъ голову.

— Ума не приложу, промолвилъ онъ и развелъ руками.

— Да вашъ домишко? Вѣдь онъ каменный, земли при немъ достаточно... садъ есть... огородъ...

Адвокатъ опять ухватился за ногу и скорчилъ физіономію, будто отъ боли.

— Чтожъ домишко?

— Разумѣется, пуганная ворона и куста боится: вы не рѣшитесь. А я бы на вашемъ мѣстѣ заложилъ бы домъ на годъ, что ли... Тысячи двѣ навѣрное дадутъ...

— Да позвольте, Савва Леонтьичъ, вы объясните мнѣ пожалуйста опять все сначала...

— Извольте, объясню...

Савва Леонтьичъ подсѣлъ поближе и принялся объяснять по пальцамъ.

— Ну, теперь поняли, въ чемъ дѣло?

Нѣсколько секундъ просидѣлъ ветеринаръ, не молвя ни слова и уставясь глазами въ землю; туго, но все-таки, видно было, заработала механика въ головѣ его...

— Гм, понимаю... Только гдѣ же взять этѣ двѣ тысячи, хотя и подъ домъ? Кто мнѣ ихъ дастъ?

— Какъ кто дастъ? Да я первый... потому, что дѣло вѣрнѣйшее. Вы въ первый же годъ выручите всѣ деньги съ процентами... Видите, какъ я въ этомъ увѣренъ. Коли-бъ малѣйшее могло быть сомнѣнье, такъ, натурально, я не сталъ бы рисковать... Не такъ ли?

Прокопу Трофимычу показалось, что именно такъ.

Только, заговорилъ адвокатъ — «куй желѣзо, пока горячо». Если не вы, то другой сдѣлается съ Сергѣемъ Михайлычемъ, дастъ ему деньги. Да самъ я, если бы не разладъ нашъ съ нимъ, со всею готовностью. Но изъ одной амбиціи не хочу теперь имѣть съ нимъ никакого дѣла. Еслибъ вы знали, какъ онъ меня задѣлъ за живое! Нѣтъ, теперь я съ нимъ не примирюсь до гроба... Вамъ — другое дѣло: почему не помочь человѣку въ бѣдѣ? Мнѣ жаль, чистосердечно говорю, жаль вашихъ маленькихъ дѣтокъ, которымъ пожалуй теперь, когда вы убухали деньги, отдавши этому шалопуту Сергѣю Михайлычу, не на что будетъ дать и приличное воспитаніе. Ну, а безъ воспитанія—согласитесь, что они будутъ?

— Такъ помогите, ради Бога, взмолился ветеринаръ—наставьте, Савва Леонтьичъ, какъ это все устроить...

— Да вотъ какъ... На словахъ вамъ хоть и не говори, порезабудете и спутаете. Я лучше напишу этакую программу, а вы уже по ней и дѣйствуйте...

Савва Леонтьичъ заковылялъ къ письменному столу.

— Вѣдь теперь и я уже становлюсь лицомъ здѣсь заинтересованнымъ. Значитъ, не пожелаю, чтобъ Сергѣй Михайлычъ — будь ему пусто! или кто другой надулъ васъ. Нѣтъ, дудки...

ГЛАВА IX.

Дня черезъ два «Пустопорожняя улица» опять наполнилась знакомымъ грохотомъ, опять къ воротамъ ветеринара Зубенка подлетѣла щегольская карета, всполошившая весь околодокъ, и людей, и собакъ... Мотылькомъ выпорхнулъ изъ нея Сергѣй Михайлычъ и бросился къ калиткѣ... за нимъ лакей съ нѣсколькими узелками и ящичками...

— Повинную голову мечъ не сѣчетъ.

Сергѣй Михайлычъ облобызалъ, даже съ нѣкоторымъ аппетитомъ, обѣ ручки Марфы Степановны и обѣими своими крѣпко стиснулъ лапу Прокопа Трофимыча.

— Друзья мои! Что же вы, коли сомнѣвались во мнѣ, не потянули персону мою къ суду и не подвергли дѣйствію строгихъ отечествен-

ныхъ законовъ? Видно, обо мнѣ меньше думали, чѣмъ я объ васъ... Клянусь — Сергѣй Михайлычъ взглянулъ въ уголокъ на висѣвшіе образа, сурово какъ-то глядѣвшіе на настоящую сцену... и даже вдругъ мелкія слезинки навернулись у него на глазахъ — клянусь, день и ночь я думалъ только объ одномъ, объ отдачѣ вамъ долга, и пока не представлялось ни малѣйшей возможности. Кстати, твой почтеннѣйшій роденька надулъ меня, не прислалъ за овецъ шести тысячъ... вотъ и значитъ, не надѣйся на сыны и князи человѣческіе; я не смѣлъ глазъ показать къ вамъ; совѣсть тяжелѣе всякаго свинца давила мою душу...

Но чтобъ не останавливаться слишкомъ долго на не совсѣмъ пріятномъ сюжетѣ и не дать въ особенности кредиторамъ своимъ сдѣлать и съ своей стороны еще болѣе непріятныя варіяціи, Сергѣй Михайлычъ прежде, чѣмъ промолвили они хоть словечко, обратился къ торчавшему у порога гайдуку, который держалъ въ рукахъ наготовѣ узелки и ящечки.

— Ну-ка братъ, давай сюда...

Сергѣй Михайлычъ ударилъ ладонью по столу, на которомъ гайдукъ сейчасъ же соорудилъ цѣлую гору разныхъ гостинцевъ.

— Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ... Тебѣ, кумъ — сигары Regalia imperialis... Цари только курятъ такіе... Вамъ, безцѣнная кумушка, вотъ что...

Въ мгновеніе ока развернулась въ рукахъ Сергѣя Михайлыча чрезвычайно эффектная шелковая шаль, захваченная изъ неисчерпаемаго гардероба жены.

— Нѣжное къ нѣжному идетъ, промолвилъ съ чувствомъ куманекъ.

Марфа Степановна даже не знала, что сказать, ей даже показалось, что на самой шали было написано: какой милый, обходительный человѣкъ—этотъ Сергѣй Михайлычъ.

— Ну-съ, а дѣтямъ—сласти.

Дѣти окружили Сергѣя Михайлыча и подняли рученки.

— А отгадайте, кумушка, что для крестницы? вопросилъ «милый человѣкъ», поднявъ вверхъ руку съ какой-то вещицей, завернутой въ цвѣтную бумажку, и подмигнувъ лукаво глазомъ.

Марфа Степановна не умѣла отгадать, да и трудно было. Сергѣй Михайлычъ развернулъ бумажку и вынулъ изъ нея сахарнаго генерала, съ голубой лентой черезъ плечо...

— Благородное слово — Марѳа Степановна... крестница моя будетъ за генераломъ. Это все зависитъ отъ воспитанія, а воспитаніе ея я вѣдь принимаю на себя... изъ-за границы выпишу учителей... обра-

зованнѣе и увлекательнѣе личности еще и не было на свѣтѣ... Увидите, любой генералъ будетъ у нея подъ башмакомъ... Ну, а пока пусть полакомится: генералъ внутри налитъ слабенькимъ, но чрезвычайно пріятнымъ и душистымъ ликёрчикомъ. Онъ навѣрное будетъ ей по вкусу.

Крестница сейчасъ же обезглавила генерала и изъ его превосходительства потекла проворно на платье ей красноватая жидкость.

Хохоту было очень много.

— Ну, кумъ! вдругъ обратился къ Зубенку Сергѣй Михайлычъ.— Собирайся, надо дѣло дѣлать. Ѣдемъ въ «Зелену-балку». Тамъ ты передашь деньги нѣмцу съ рукъ на руки. Я до нихъ даже и не прикоснусь. При тебѣ же возьмутъ отъ него на подводы котлы, паровики и другія штуки для винокурни и повезутъ въ мое подгородное имѣніе «Сусалы». Пока подводы будутъ плестись, мы тамъ—въ Зеленой-балкѣ покушаемъ на славу и отдохнемъ... а отдохнувши, маршъ въ Сусалы, чтобъ при насъ же приняли на заводѣ всѣ вещи... и тамъ, въ твоемъ присутствіи, объявлю винокуру, что первая выручка отъ продажи вина будетъ идти тебѣ въ уплату долга... передамъ ему и копію съ нашего условія... велю вручить тебѣ печать и ключи отъ подвала... Словомъ — сдамъ крѣпость, какъ побѣдителю... Будь уже самъ полнымъ хозяиномъ, пока не наверстаешь свое... А наверстаешь скорехонько: водку будутъ брать у тебя разомъ для тридцати шинковъ, для солдатъ квартирующаго у насъ въ городѣ полка и для гарнизоннаго баталіона... Все это уже улажено мною. Греби денежки лопатой... Ты, можетъ быть, самъ не смыслишь дѣла, такъ во всемъ ужъ наставитъ тебя винокуръ Германъ Германсонъ — честнѣйшій нѣмчура, такой, т. е., что собаку съѣлъ...

Сергѣй Михайлычъ скривилъ физіономію и прищурилъ глаза. Сомнѣнія уже, значитъ, никакого не могло быть, что нѣмчура собаку съѣлъ.

— Что до заемнаго письма на семь тысячъ и условія, то я ихъ тебѣ сейчасъ же вручу.

Сергѣй Михайлычъ зашарилъ въ карманѣ и, вынувъ оттуда бумаги, передалъ Зубенку.

— Тебя ужъ почтенный адвокатъ просвѣтилъ въ этихъ вещахъ. Можешь провѣрить, такъ ли составлены, какъ онъ говорилъ тебѣ.

Прокопъ Трофимычъ промычалъ что-то и, обѣими руками захвативъ бумаги, ушелъ въ другую комнату, чтобъ переодѣться, и съ нимъ Марфа Степановна, чтобъ помочь ему въ сборахъ; а Сергѣй Михайлычъ занялся съ крестницей.

— Ау-ау-ау!

Онъ началъ теребить дѣвочку за носъ, пока она не заплакала и ее не унесли.

Часа три спустя Сергѣй Михайлычъ и Прокопъ Трофимычъ уже подъѣзжали къ Зеленой-балкѣ. Нужно было спускаться съ довольно крутой горы, у подошвы которой протекала рѣка, а черезъ нее былъ мостъ—не весьма благонадежной конструкціи...

Вояжеры наши высадились изъ экипажа и пошли пѣшкомъ подъ гору.

— Знаешь, кумъ? заговорилъ Сергѣй Михайлычъ. — Я у этого проклятаго нѣмца думаю еще выторговать рублей хоть пятьдесятъ. Право... Ты вотъ что: когда покажутъ котлы и трубы, отзови меня въ сторону и прими видъ человѣка понимающаго, да и начни потихоньку что нибудь нашептывать мнѣ на ухо—ну, хоть, абракадабра, бракадабра, ракадабра... только на разные тоны. Я и скажу нѣмцу: mein Herr! вотъ докторъ—человѣкъ знающій... путешествовавшій вокругъ свѣта, находитъ, что я очень промахнулся — дорого слишкомъ заплатилъ за твои струменты. Уступи, mein lieber Freund... пожалуйста; нѣмецъ непремѣнно что нибудь уступитъ... А на самомъ дѣлѣ, я тебѣ долженъ сказать, покупка чрезвычайно выгодная, нѣмецъ за полцѣны все отдалъ. Видишь, онъ изъ самой Швабіи и любитъ Швабію чортъ знаетъ какъ; но обстоятельства, и кажется еще политическія, заставили его на время бросить родину и поселиться въ Россіи; ну, а Россія совсѣмъ не похожа на Швабію и ничего ни можетъ дать ему въ замѣнъ и въ утѣшеніе, вотъ онъ, нѣмчура, и стосковался по родинѣ—стосковался такъ, что просто хоть вѣшайся. Кричитъ:

Возьмите же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ...

Въ самомъ дѣлѣ Сергѣй Михайлычъ такъ насѣлъ на нѣмца, что тотъ уступилъ рублей пятьдесятъ.

— Абракадабра и помогла, шепнулъ онъ Зубенку — на эти деньги, куманекъ, мы съ тобою кутнемъ въ городѣ...

Подводамъ съ купленными вещами дали уйти впередъ, а сами еще остались въ Зеленой-балкѣ у нѣмца, который очень радушно предложилъ имъ отобѣдать за семейнымъ столомъ.

— Увидишь, куманекъ, семь смертныхъ грѣховъ, шепнулъ Сергѣй Михайлычъ Зубенку.

Къ столу вышла хозяйка и сдѣлала книксенъ; за нею семь взрослыхъ дочерей ея, тоже сдѣлали по книксену...

— Не я ли тебѣ говорилъ? опять шепнулъ Сергѣй Михайлычъ Зубенку. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, разсказывалъ анекдоты и такія еще вещи, отъ которыхъ на лицахъ дѣвственницъ вспыхивалъ яркій румянецъ и онѣ закрывали себѣ глаза платочками вмѣсто того, чтобъ затыкать уши.

Такъ какъ разстояніе отъ Зеленой-балки до подгороднаго имѣнія Сусалы, куда пошли подводы, было незначительное, то далеко еще до вечера Сергѣй Михайлычъ и Зубенко прибыли въ Сусалы. Тамъ мигомъ закипѣла работа подъ руководствомъ Германа Германсона — такого подвижнаго и дѣятельнаго, что никто и не подумалъ бы заподозрить въ немъ нѣмецкую породу — знаменитую по своей флегмѣ. Онъ съ особеннымъ стараніемъ хлопоталъ и захаживалъ около Зубенка, объяснялъ ему значеніе и способъ употребленія каждой вещи на заводѣ, говорилъ съ большимъ жаромъ о предстоящихъ огромныхъ барышахъ, какъ только начнутъ курить вино.

Зубенко съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ его несмолкаемыя рѣчи и по лицу видно было, что напряженіе это мало приносило проку. Зубенко никакъ не могъ сразу усвоить себѣ открываемыя передъ нимъ съ такою готовностью тайны совершенно новаго для него производства.

Въ вечеру, по возвращеніи въ городъ, Сергѣй Михайлычъ, какъ ни отпирался Прокопъ Трофимычъ, затащилъ его къ себѣ; дома уже ждали Сергѣя Михайлыча гости; всѣ комнаты были освѣщены, какъ для праздника; лакеи во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ — такіе франты, что Прокопъ Трофимычъ принималъ ихъ за господъ и отвѣшивалъ имъ поклоны...

Подали чай, а послѣ чая усѣлись за карты. Сергѣй Михайлычъ ставилъ большія ставки и проигрывалъ, но, какъ ни въ чемъ, былъ веселъ, острилъ, подшучивалъ.

Онъ проигралъ какому-то офицеру, съ необыкновенно длинными усами и бакенбардами, около пятисотъ рублей.

Тоска неисходная подступала у ветеринара къ самому сердцу. Онъ нѣсколько разъ порывался бѣжать до дому, но Сергѣй Михайлычъ не отпускалъ безъ ужина. Ужинъ былъ великолѣпный. Прокопъ Трофимычъ, не смотря на отсутствіе всякаго аппетита, попробовалъ такихъ вкусныхъ и лакомыхъ блюдъ, какія ему и во снѣ не снились.

Подали шампанское; бокалы наполнились бурливымъ виномъ.

— Да здравствуетъ разумъ и да сгинетъ всякая глупость! воскликнулъ бакенбардистъ, сильно подвыпившій еще до шампанскаго, и полѣзъ черезъ столъ къ Сергѣю Михайлычу цѣловаться.

— Люблю тебя, Сержъ! у самого себя сдѣлалъ выгодную покупку, да еще на чужія денежки...

— Тссъ!...

Сергѣй Михайлычъ бросилъ ему въ самый ротъ салфетку и съ небольшимъ смущеніемъ повелъ глазами на сторону Прокопа Трофимыча . . . . . .

. . . . . .

— Ничего не понимаю... Хоть убей — ничего не понимаю, бормоталъ себѣ подъ носъ бѣдный ветеринаръ, поздно ночью возвращаясь подъ кровъ своихъ мирныхъ пенатовъ...

Дни, недѣли проходили; винокуренный заводъ въ Сусалахъ работалъ на славу. Выручка шла превосходно, но ее ветеринаръ, уже заранѣе глотавшій слюнки отъ удовольствія, всегда ощущаемаго людьми при видѣ денегъ, хотя бы и въ болѣе отдаленной перспективѣ, могъ получить почему-то не ранѣе, какъ по истеченіи мѣсяца — и еще болѣе.

Вожделѣнный срокъ, показавшійся въ нетерпѣливомъ ожиданіи слишкомъ долгимъ, наконецъ насталъ. Прокопъ Трофимычъ пріѣхалъ въ Сусалы и прямо къ заводу...

— Что, Германъ Исаичъ? какъ дѣла? вопросилъ онъ винокура, который увидя его, хотѣлъ, казалось, дать тягу... но, не успѣвши въ этомъ, сдвинулъ плечами и сдѣлалъ самые невеселые глаза...

— Плохо! проговорилъ Исаичъ — пойдемъ, докторъ, въ контору: сами увидите...

— Что это—печати?

— Да, печати... Исправникъ налетѣлъ и все опечаталъ. Теперь заводъ нашъ берутъ подъ присмотръ полиціи. Какіе-то евреи (должно быть имѣютъ кучу денегъ) объявили претензію, что первая выручка должна слѣдовать не вамъ, а имъ, потому, что ихъ долгъ старше, т. е. что Сергѣй Михайлычъ сдѣлалъ у нихъ заемъ раньше, чѣмъ у васъ, и ихъ сроки наступили прежде вашего...

Прокопъ Трофимычъ чуть живой опустился на скамеечку, возвелъ недоумѣвающій, страдальческій взглядъ на винокура и попросилъ повторить въ другой разъ только что сказанное. Винокуръ не отказался — повторилъ...

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Есть, — промолвилъ ему на это Германсонъ — въ городѣ чудеснѣйшій адвокатъ, г. Кругловъ... Савва Леонтьичъ... Поѣзжайте къ нему. Онъ одинъ только такой мудрый человѣкъ, что все на свѣтѣ знаетъ...

Прокопъ Трофимычъ, ни мало не медля, собрался и поѣхалъ къ мудрому, всезнающему человѣку.

— Ничего не возьмутъ проклятые іудеи — до синя пороха дотронуться не дадимъ! говорилъ Савва Леонтьичъ, преисполняясь какой-то энергіи и забирая проворно табакъ то въ ту, то въ другую ноздрю...

— Вы, достойнѣйшій докторъ, свое получите... непремѣнно... непремѣнно.

Савва Леонтьичъ такъ замахалъ руками, что остававшійся у него на пальцахъ табакъ попалъ въ носъ его кліенту и кліентъ расчихался не на животъ, а на смерть...

— Значитъ, говорю правду. Одно только скверно—завяжется процессъ и много воды утечетъ въ море, пока онъ кончится...

ГЛАВА X.

Процессъ дѣйствительно завязался и потянулся, какъ ему слѣдуетъ, каучковымъ порядкомъ —

длинный, длинный, длинный
Безъ романтическихъ затѣй...

А впрочемъ, какъ безъ нихъ! Слѣпотствующая Ѳемида—это вѣрно—бываетъ подчасъ весьма и весьма горазда на изящные вымыслы. Но мы не станемъ занимать читателя подробностями, мало касающимися главной сути настоящаго разсказа...

Процессъ еще далеко не достигъ своего апогея, т. е. далеко еще не дошелъ и до половины пути своего, какъ минулъ годъ, а съ нимъ и срокъ, на который былъ заложенъ Прокопомъ Трофимычемъ домъ адвокату Круглову...

Прокопъ Трофимычъ, со времени процесса страшно состарѣвшійся, сидѣлъ однажды на крылечкѣ между колонами, подпиравшими незатѣйливый навѣсъ, и Богъ его знаетъ, о чемъ думалъ... Можетъ быть просто ни о чемъ! Во всей его фигурѣ такая проявлялась мертвенная неподвижность, что воробьи смѣло вспархивали на самую верхнюю ступеньку, съ любопытствомъ засматривали къ нему и выкрикивали: «чуть живъ, чуть живъ».

Прокопъ Трофимычъ не трогался. Передъ нимъ стоялъ на балясинѣ стаканъ жиденькаго чая, довольно уже остывшаго.

Видно бѣдняку было не до воробьевъ и не до чая—и ни до какихъ пріятностей жизни.

Вдругъ раздался лай собакъ. Въ калитку вошелъ человѣкъ въ кучерскомъ чекменѣ и, прямо направившись къ Прокопу Трофимычу, еще издали снялъ шляпу и протянулъ руку съ письмомъ...

— Отъ г. Круглова—Саввы Леонтьича...

Прокопъ Трофимычъ какъ прочиталъ письмо, лицо его сдѣлалось блѣднѣе полотна и онъ чуть не грохнулся на землю.

Адвокатъ писалъ слѣдующее:

«Добрѣйшій Прокопъ Трофимычъ! Сегодня, что, разумѣется, хорошо памятуете и вы сами, — оканчивается срокъ займу денегъ, взятыхъ вами у меня подъ залогъ дома. Несмотря, что важнѣйшія дѣла требовали отлучки моей изъ дома, я и не трогаюсь: сижу какъ нѣкоторый факиръ, въ ожиданіи вашего желаннаго посѣщенія. Чортъ знаетъ, какія прескверныя обстоятельства подвернулись: деньги нужны до зарѣзу. Пожалуйста, дорогой мой, не задержите...»

— Да развѣ баринъ твой не знаетъ, что у меня денегъ теперича нѣтъ, проговорилъ Прокопъ Трофимычъ, очнувшись и придя въ себя. Вѣдь ему же хорошо извѣстно это. Съѣлъ меня проклятый процессъ. Пока не кончится, я не могу удовлетворить Савву Леонтьича... Ты ему скажи это... Или стой—я лучше напишу письмо...

Но Прокопъ Трофимычъ не въ состояніи былъ написать ни одной строчки: и мысли путались, и рука дрожала, онъ бросилъ перо и изорвалъ бумагу...

— Самъ пойду и объясню...

Адвокатъ выслушалъ внимательно несвязную рѣчь явившагося къ нему ветеринара и съ самымъ сокрушеннымъ видомъ пожалъ плечами.

— Что же мнѣ дѣлать? Вѣдь мнѣ деньги нужны до зарѣзу. Сокрушаюсь всѣмъ сердцемъ о вашемъ горѣ, но—своя рубашка ближе къ тѣлу. Я не такой жестокій человѣкъ, чтобъ не дать вамъ времени на размышленіе. Извольте, отстрочиваю уплату денегъ на три дня; но дальше—ни коимъ образомъ не могу... Хоть ведите на площадь и казните всенародно... Шурочка, дружокъ мой...

Онъ обратился къ женѣ, которая тутъ же сидѣла съ своимъ вѣчнымъ вязаньемъ.

— Вѣдь и ты, родная, знаешь... Скажи и отъ себя Прокопу Трофимычу, что ждать денегъ долго мы никакъ не можемъ. Ultimatum... Не правда ли? Вотъ спросите и у нея...

Адвокатъ теперь обратился къ торчавшему неподвижно — точно окаменѣлому—среди комнаты должнику.

Жена у меня—святой человѣкъ... Лгать не станетъ...

Но жена промолчала. Адвокатъ зашагалъ вдоль комнаты и сталъ ломать себѣ руки:

— Бѣда! бѣда! восклицалъ онъ съ ужимками—такія варварскія нынче настали времена... Каждый часъ, каждая минута пріобрѣтаютъ самое серьезное, рѣшающее значеніе. Вонъ купецъ Бобкинъ опоздалъ четверть часа съ посылкой какой-то телеграммы въ Одессу и черезъ это понесъ убытка на пятьдесятъ тысячъ.

Прошло три дня. Адвокатъ не промедлилъ ни единаго часа: ровно въ 12-ть, когда въ полиціи собрались всѣ члены присутствія, онъ подалъ ко взысканію обязательство Зубенка. На другой же день явился къ ветеринару полицейскій чиновникъ и предъявилъ претензію Круглова.

Прокопу Трофимычу все казалось, что онъ видитъ во снѣ, а не то чтобъ на самомъ дѣлѣ приключилась съ нимъ такая скверная и горькая дѣйствительность; но его увѣрили въ ней самымъ положительнымъ образомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Денегъ я не имѣю. Пусть г. Кругловъ хоть зарѣжетъ—не могу заплатить ему долга. Коли хочетъ—пусть пообождетъ. Я выиграю процессъ, который веду съ помѣщикомъ Шмелевымъ..

— Все это вы такъ и напишите въ отзывѣ вашемъ, проговорилъ чиновникъ, мало вслушиваясь въ объясненія ветеринара — и заковылялъ сейчасъ къ столу, на которомъ замѣтилъ бумагу, перья и чернильницу...

— Ну, и правительство уважитъ? вопросилъ Зубенко, тоже направляясь къ столу. Чиновникъ поворотилъ голову и взглянулъ на него пытливымъ глазомъ...

— Правительство! Оно, разумѣется, должно уважить — по тому самому, что вы имѣете свой резонъ. Я уже вамъ перескажу все, что будутъ говорить объ вашемъ дѣлѣ... и коли хотите, копійку доставлю. Намъ, если не угождать хорошимъ людямъ, такъ и не жить. Семья большая, жалованье маленькое... Натурально, каждый проситель уваженіе имѣетъ и кто что можетъ...

Прокопъ Трофимычъ измѣрилъ чиновника съ ногъ до головы проницательнымъ взглядомъ и воскликнулъ:

— Хотите, я вамъ подарю гитару? Инструментъ очень хорошій. А не то какую нибудь картину...

И онъ повелъ при этомъ глазами по стѣнамъ залы.

— Нѣтъ, возразилъ чиновникъ, сосредоточиваясь и перекосивъ непривѣтливо физіономію—это все такіе сюжеты, что просвѣщеннымъ только людямъ. А я на мѣдные гроши учился и гитары отродясь въ рукахъ не держалъ...

— Ну, какъ выиграю процессъ, такъ я вамъ синенькую презентую... синенькую... Честное, благородное слово...

— Нѣтъ, опять промолвилъ чиновникъ, дѣлаясь еще сосредоточеннѣе и мрачнѣе—мнѣ вотъ сегодня до зарѣзу надобится рубль. Коли не заполучу, такъ просто камень на шею, да въ воду...

— Рубля не могу... Полтину, коли хотите?

Прокопъ Трофимычъ посмотрѣлъ на чиновника, который все глубже и глубже входилъ въ себя.

— Полтину могу, повторилъ Зубенко.

Чиновникъ принялся соображать что-то.

— И то съ условіемъ, добавилъ ветеринаръ, — чтобъ вы сами и отзывъ сочинили, а я подпишусь.

Чиновникъ, молча, подступилъ къ столу, сѣлъ въ кресло и сталъ писать отзывъ.

— Ну, какъ вы полагаете, вопросилъ опять ветеринаръ — правительство уважитъ?

— У-ва-житъ, промолвилъ чиновникъ вполголоса и не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ... потомъ вдругъ возвысилъ ноту и заговорилъ рѣшительно.

— А хотите, чтобъ правительство навѣрно уважило? Прибавьте еще четвертакъ. Я подпущу краснорѣчія. Безъ краснорѣчія нельзя. Я добавлю, что вы питаете полнѣйшую увѣренность, что благодѣтельное правительство высокоблагосклоннымъ окомъ воззритъ на положеніе вашего дѣла...

— Пишите, пишите...

Зубенко затопалъ ногами и сейчасъ же зашарилъ въ карманѣ; ораторъ только мигнулъ глазомъ на монетку—совсѣмъ припалъ къ столу и зачеркалъ по бумагѣ во всю руку...

Но не помогло никакое краснорѣчіе; не помогли Прокопу Трофимычу и его просительскія визитаціи къ архіерею, къ губернатору и къ разнымъ сановникамъ, къ которымъ шелъ онъ не рѣдко таща за собою жену и дѣтей, жена хватала за руки сановниковъ, плакала горчайшими слезами, дѣти подымали дружный вой...

Сановники приходили въ негодованіе, отскакивали и отмахивались и руками и ногами.

— Милостивый государь! говорили они Зубенку — законы неумолимы. .

— Милостивая государыня! говорили они рыдавшей навзрыдъ Марфѣ Степановнѣ—законы неумолимы...

— Пожалуйста, уймите дѣтей вашихъ, вѣдь это нестерпимо! Вѣдь этого не вынесутъ, не могутъ вынести ни чьи благовоспитанные нервы. Вы научили дѣтей вашихъ плакать, наставьте же ихъ и въ томъ, что законы неумолимы...

Домъ Зубенка былъ описанъ и назначенъ въ продажу съ публичнаго торга.

Какъ шальной шатался по улицамъ Прокопъ Трофимычъ, останавливалъ встрѣчнаго и поперечнаго, разсказывалъ про свое горе и спрашивалъ совѣтовъ...

Ходилъ къ адвокату—вѣчно дома нѣтъ; ходилъ къ Сергѣю Михайлычу—уѣхалъ куда-то на ярмарку и неизвѣстно, когда будетъ — потому, что Сергѣй Михайлычъ имѣетъ привычку переѣзжать съ одной ярмарки на другую и третью. Его такъ и прозвали «купцомъ—только безъ товара».

— Да вы кто такой? вопросилъ Зубенка Чемирязевъ, на котораго онъ наткнулся съ своими распросами

— Ветеринаръ Зубенко...

— Что жъ вы къ Сергѣю Михайлычу—по части лошадей? Да вѣдь теперь у него нѣтъ ни одной и здоровой, не то что больной. Слѣдовательно, не надѣйтесь на практику у него...

— Нѣтъ, онъ мнѣ долженъ деньги...

— Фи, фи! На это еще меньше надѣйтесь. Такой онъ человѣкъ! Я вотъ самъ отъ него бѣгу...

Въ рукахъ Чемирязева былъ какой-то узелокъ, поверхъ котораго виднѣлась привязанная пара очень поношенныхъ сапогъ. Самая встрѣча съ нимъ Зубенка произошла у воротъ.

— Неблагодарный человѣкъ Сергѣй Михайлычъ, молвилъ Чемирязевъ и скривилъ рожу въ знакъ великаго неудовольствія—я ему какое дѣло въ три года сдѣлалъ. Никому другому и въ десять лѣтъ не сдѣлать бы. Я привелъ въ порядокъ его библіотеку: все представляло до меня такой хаосъ, что и самъ Богъ изъ нея ничего не сотворилъ бы. А я—что называется, жизни не щадилъ: съ ранняго утра до поздней ночи это каждый день возился — въ пыли... чуть чахотки не на-

жилъ. А онъ чѣмъ отблагодарилъ? оставилъ подъ конецъ умирать съ голоду. Самъ шляется по ярмаркамъ. Жена уѣхала въ Одессу—съ какимъ-то гусаромъ. Насчетъ меня не отдалъ прислугѣ никакого приказанія. Послѣдній лакей ухомъ тебѣ не ведетъ. Да чортъ съ ними, съ лакеями. Я самъ себѣ и господинъ, и слуга. Нужно почистить сапоги—почищу, а найду, что не нужно,—обойдусь и безъ чистки. Я философъ... Но скверно то, что поваръ тебя не слушается, что экономка, отпускавшая чай, сахаръ и всякую провизію, осмѣливается отмахиваться рукою и дерзко возражать: «убирайтесь, не до васъ!» Да и въ самомъ дѣлѣ: связалась подлая съ какимъ-то писарчукомъ баталіонной канцеляріи и на него убиваетъ и провизію и деньги, которыя награбила у Сергѣя Михайлыча. Вѣдь здѣсь кто не грабилъ: и лакей, и поваръ, и кучеръ... Просто говорю вамъ—домъ беззаконія и разврата. Бѣгу—какъ изъ Содома. Слава Богу—нашелъ себѣ мѣсто... маркеромъ буду въ «Европѣ»... знаете гостинницу «Европу»—на углу Казачьей и Варышкина переулка? Такъ туда...

Однажды кто-то окликнулъ Прокопа Трофимыча:

— Г. Зубенко! г. Зубенко!

Прокопъ Трофимычъ оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади его шествовалъ помѣщикъ Хлоповъ, у котораго онъ когда-то лечилъ лошадей.

— Какъ живете-можете г. докторъ? Слышалъ о вашемъ несчастіи...

Въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ не было, почитай, и такого мальчишки, который бы не слышалъ о несчастіи ветеринара: онъ сдѣлался знаменитъ, какъ австрійскій генералъ Маккъ, пріобрѣвшій всемірную извѣстность послѣ пораженія своего подъ Ульмомъ...

— А я это собираюсь въ Херсонъ, проговорилъ Хлоповъ и указалъ на слѣдовавшаго за нимъ человѣка, который несъ на головѣ объемистый, дорожный чемоданъ...—Посмотрите, пожалуйста, на кожу, какова?

— Кожа добротная, промолвилъ ветеринаръ.—Такъ вы ѣдете въ Херсонъ? Городъ хорошій... Тамъ у меня есть дядя—сильный человѣкъ. Коли что надо—обратитесь, все сдѣлаетъ...

— Мнѣ не надо. Да вы что же по своему дѣлу къ нему не обратитесь? Вѣдь я слышалъ, что васъ тѣснятъ, ограбить хотятъ. Вчера была у насъ секретаря консисторіи жена Аделаида Павловна, такъ навзрыдъ плакала, разсказываючи про ваше дѣло. Вѣдь точно такъ обобрали и отца ея и она осталась безъ приданаго. Полковникъ одинъ ка-

зачій сватался, да какъ узналъ, что дѣло ихъ прогорѣло, такъ сейчасъ и отъѣхалъ: «мнѣ, говоритъ, голую не нужно». А черезъ это и вся судьба ея совсѣмъ наизнанку перевернулась: могла быть военной дамой, а сдѣлалась статской...

— Да, злые люди такъ-таки среди бѣлаго дня разбойничаютъ. Обижаютъ сильно. Ходилъ я по всѣмъ сановникамъ, бралъ съ собою жену и дѣтей... Ничего ни уважили, такъ какъ законы, говорятъ, неумолимы... А это вы, Платонъ Адамычъ, благую мнѣ мысль подали—обратиться къ дядѣ; вѣдь сильнѣйшій человѣкъ: однихъ отличій у него отъ плеча до плеча. Да какъ къ нему добраться, не знаю. Денегъ у меня нѣтъ на дорогу...

— Хотите, я васъ свезу? Я ѣду въ большомъ тарантасѣ, со мною одинъ только человѣкъ Лука, котораго можно помѣстить и на козлахъ съ кучеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, дядя вашъ и пособитъ вашему горю. Вѣдь вамъ только бы зажать ротъ этому адвокату—Круглову. Онъ-то больно насѣдаетъ на васъ. А что до Сергѣя Михайлыча,—такъ вы еще можете насѣсть на него...

Хлоповъ, проговоривъ эту тираду, дружески потрепалъ ветеринара по плечу. У ветеринара лицо сдѣлалось веселѣе солнца—такъ онъ обрадовался... Сердце его крѣпко и пріятно забилось самыми оживляющими надеждами...

Дня черезъ два онъ былъ уже въ дорогѣ... и точно канулъ въ воду: о немъ не было ни слуху, ни духу.

Еще до поѣздки своей Прокопъ Трофимычъ не одно письмо послалъ къ херсонскому родственнику, но отвѣта не было...

— Не доходятъ! говорилъ онъ:—подлые люди, видно, перехватываютъ письма!...

ГЛАВА XI.

Между тѣмъ процессъ шелъ своимъ порядкомъ. Домъ, построенный на имя Марфы Степановны, былъ проданъ съ публичнаго торга и достался адвокату Круглову. Онъ немного надбавилъ сверьхъ суммы, должной ему Зубенкомъ, и вообще такъ округлилъ и обставилъ дѣло, что на торги явились только лица подставныя. Конкурренціи, стало быть, не было и домъ достался ему весьма дешево.

Полиція ввела его во владѣніе. Отчаяніе Марфы Степановны было неописанное: она дни и ночи на пролетъ рыдала неутѣшными слезами...

Савва Леонтьичъ не гналъ ее изъ дома, напротивъ, онъ какъ-то къ ней поддабривался. Но она выходила изъ себя, едва показывался онъ на глаза, осыпала его страшной руганью и проклятіями.

— Разбойникъ! кричала она — извергъ рода человѣческаго! Обобралъ! По міру пустилъ! Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки...

Адвокатъ отмалчивался, поглядывалъ только на нее искоса конфузливыми глазками, да понюхивалъ табачекъ...

Однажды Марфа Степановна изнемогла совсѣмъ: всю желчь, все горе, казалось, излила въ слезахъ и проклятіяхъ, замолчала, склонила голову на столъ, у котораго сидѣла, и какъ-то тупо, безсознательно ворочала зрачками...

Поодаль, на другомъ стулѣ, сидѣлъ, немного сгорбившись, Савва Леонтьичъ и машинально перебиралъ пальцами. Въ двери изъ другой комнаты, время отъ времени, выглядывали дѣти, загрязненныя, блѣдныя...

Ихъ давно не умывали, да, кажется, давно и не кормили...

Савва Леонтьичъ дѣлалъ имъ улыбку и подзывалъ къ себѣ пальчикомъ, но они сейчасъ убѣгали...

— Матушка Марѳа Степановна, заговорилъ онъ:—не хотѣлъ и не хочу я пустить васъ по міру, съ малыми дѣтками. Не возьму такого тяжкаго грѣха на душу, которой и безъ того тяжело отъ разныхъ другихъ прегрѣшеній. Я сдѣлаю для васъ все, только бы не грызла меня изъ за васъ моя совѣсть. Если поупрямитесь и не примете моего предложенія, тогда уже сами будете виноваты, а я нисколько. Предложеніе мое слѣдующаго рода: я вотъ поселяю здѣсь тридцать человѣкъ семинаристовъ, все сыновья зажиточныхъ отцовъ. Имъ выгодно будетъ жить въ приличномъ домѣ, своею, такъ сказать, семьею и не далеко отъ семинаріи. Но все таки имъ нужна хозяйка, которая бы хлопотала насчетъ обѣда для нихъ, стирки бѣлья и другихъ надобностей. Но ни я, ни жена моя этихъ хлопотъ на себя не возьмемъ. Хотите на всю жизнь вашу имѣть кусокъ хлѣба, вотъ онъ. Я вамъ даю помѣщеніе въ этомъ же домѣ, слѣдовательно, не совсѣмъ вы съ нимъ разстанетесь, если онъ почему либо дорогъ вашему сердцу; даю столъ, прислугу и еще жалованья по 10 рублей въ мѣсяцъ. Что до дѣтей вашихъ, то такъ какъ нужнѣе всего для нихъ воспитаніе, то я и на этотъ счетъ позаботился, семинаристы уже дали мнѣ слово учить вашихъ дѣтокъ грамотѣ и приготовлять въ училище даромъ...

— Господи! до чего я дожила! воскликнула въ какомъ-то изступленіи Марфа Степановна, крѣпко сжала руки на груди и глазами, пол-

ными неестественнаго огня, взглянула на образъ, темнѣвшій въ углу комнаты...

— Что ты вздумалъ это, извергъ? Кровопійца! — обратилась она вдругъ къ адвокату — стану я еще служить тебѣ? Варваръ ты этакой! Да и я хороша... остаюсь еще въ этомъ домѣ, который теперь принадлежитъ вору... На, злодѣй! забирай уже и послѣднее добро мое...

Марфа Степановна сорвала съ себя платокъ, потомъ чепецъ и швырнула въ лицо адвокату.

— Бери!

— Дѣти!—закричала она. Дѣти прибѣжали... Она начала поспѣшно снимать съ нихъ верхнее платье и каждую штуку также швыряла въ сторону адвоката. Дѣти остались въ однихъ рубашкахъ и подняли ревъ...

— Идемъ отсюда!

Марфа Степановна двухъ маленькихъ схватила за руки... Остальныя сами побѣжали...

— Идемъ! это видите, сидитъ разбойникъ. Идемъ на улицу, теперь у насъ нѣтъ дома, будемъ ночевать подъ заборомъ...

Она была уже на крыльцѣ и принялась звать собакъ:

— Жучка! Косой! Шарикъ! нечего вамъ сторожить вора отъ воровъ...

Собаки побѣжали за ней. Марфа Степановна, растрепанная, съ голой шеей и безъ чепца, поплелась вдоль улицы; сырой и холодный вѣтеръ раздувалъ рубашонки на дѣтяхъ и заставлялъ ихъ бѣжать противъ воли.

На Савву Леонтьича не могла не произвести эта сцена тяжелаго, подавляющаго впечатлѣнія. Онъ нѣсколько минутъ просидѣлъ неподвижно и въ раздумьи, тупо глядя на разбросанныя передъ нимъ вещи.

Наконецъ поднялся и проговорилъ самому себѣ вслухъ.

— Экъ ее разобрало—глупую бабу! Ужъ не думаетъ ли, что я ей домъ возвращу? Какъ же! И какой тутъ разбой? Что тутъ неестественнаго, заняли тетери подъ залогъ дома деньги, не позаботились уплатить въ срокъ, ну, домъ ихъ и улыбнулся. Кажется, все тутъ въ порядкѣ вещей. Я дѣйствовалъ на основаніи законовъ и предоставленныхъ мнѣ правъ. Для чего жъ и даны права? Для чего жъ и существуютъ законы? Я понимаю, убить человѣка—грѣшно, оставить его безъ куска хлѣба—грѣшно... Ну, а я тебѣ даю кусокъ хлѣба, ѣшь и будь сыта...

Но въ какіе софизмы не вдавался нашъ практическій юристъ, со-

физмы мало помогали, и въ душѣ залегло какое-то непріятное, щемящее чувство, отъ котораго Савва Леонтьичъ крѣпко желалъ отдѣлаться.

Пришедъ домой, онъ выпилъ рюмку водки и она показалась ему болѣе горькой, чѣмъ обыкновенно.

За обѣдомъ онъ разсказалъ женѣ про сцену, какую сдѣлала ему Марфа Степановна.

— Куда тебѣ! Такъ раскричалась и разыграла такую роль, точно въ трагедіи. Гдѣ и краснорѣчіе взялось! Вѣдь я ей добро предлагалъ... вѣчный кусокъ хлѣба... Господи, что за глупые люди! Отъ собственнаго счастія бѣгутъ! Пожалуйста, душа моя, поговори ты еще съ нею, растолкуй, что она должна же о дѣтяхъ подумать. Вѣдь такъ пропадетъ, и сама, и ребятишки ея... Пропадутъ всѣ они ни за цапову душу. А я этого вовсе не желаю. Мнѣ это чортъ знаетъ, какъ будетъ непріятно и на совѣсти моей ляжетъ; а для меня дороже всего спокойствіе совѣсти.

Александра Ильинишна дѣйствительно въ переговорахъ своихъ съ Марфой Степановной имѣла больше успѣха. Марфа Степановна согласилась... Ей отвели квартиру, дали столъ, прислугу, жалованье и она вступила во всѣ права хозяйки-экономки, отъ распорядительности и заботливости которой зависѣло благоустройство и довольство маленькой коммуны семинаристовъ,—сыновей все богатыхъ отцовъ, хорошо платившихъ Круглову и деньгами, и разными припасами.

Александра Ильинишна хотѣла взять къ себѣ на воспитаніе старшую, одинадцатилѣтнюю дочь Марфы Степановны; но Савва Леонтьичъ сильно воспротивился.

— Ни, ни! возразилъ:—ты ей добра этимъ не устроишь. Ты такая мягкосердечная, а еще лучше сказать, слабонервная. Избалуешь дѣвочку совсѣмъ; пріучишь къ такой обстановкѣ и къ такому образу жизни, для которыхъ никогда у нея не будетъ средствъ, и она станетъ потомъ тяготиться своимъ положеніемъ, которое, конечно, не весьма привлекательно, но котораго ей не избѣжать. Всякому свое...

Александра Ильинишна настаивала, но адвокатъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи.

Александра Ильинишна кончила слезами.

— Что я за несчастная женщина! И добра-то никому не могу сдѣлать.

— Это вѣрно... и не берись лучше... подхватилъ мужъ и запустилъ пальцы въ свою вѣчную табакерку.

Скажемъ объ Александрѣ Ильинишнѣ еще нѣсколько словъ. Она

видимо хирѣла и вянула. Зловѣщій румянецъ заигрывалъ по временамъ на лѣвой щекѣ ея; глаза свѣтились неестественнымъ огнемъ, страшная худоба плечъ и рукъ наводила на весьма печальныя мысли.

«Кабы ужъ Господь прибралъ ее поскорѣе, думалъ адвокатъ — вѣдь видимо жизнь ей не въ радость. А почему бы? Чего ей недоставало? Теплаго, уютнаго угла? Чистаго, благорастворенного воздуха? Изрядныхъ нарядовъ, вкуснаго стола, печенья, сливокъ? Добраго досуга, цвѣтущаго сада, красивыхъ и благовонныхъ цвѣтовъ? Интересныхъ книгъ, театровъ и другихъ развлеченій? Гм! Все это было... да не хватало добраго, разумнаго смысла. Богъ знаетъ о чемъ мечтала она, не умѣя пользоваться самыми прочными и вѣрными благами жизни? Неужели же одна невыгодная сторона положенія въ жизни можетъ пересиливать всѣ остальныя, какъ бы онѣ хороши ни были, и отравлять ихъ?»

Такъ иногда разсуждалъ втихомолку Савва Леонтьичъ, глубокомысленный юристъ и солидный практикъ, постигнувшій дѣйствительныя пружины жизни—да, такъ именно разсуждалъ онъ по поводу отцвѣтавшей и, какъ говорится, смотрѣвшей въ могилу, жены своей, пробираясь на карточный вечерокъ къ архиваріусу казенной палаты, Лукѣ Федоровичу Панфилову, которому непремѣнно проигрывалъ и, проигрывая, еще какъ-то весело потиралъ себѣ руки, точно отъ великаго удовольствія.

— А вы все, Любовь Лукинишна, вы причиною моихъ проигрышей, говаривалъ онъ взрослой дочери архиваріуса—какъ только вотъ зашумите неподалеку своимъ сиренькимъ платьицемъ, или тамъ съ кѣмъ нибудь заговорите своимъ ангельскимъ голоскомъ, у меня въ сердцѣ сейчасъ и тревога; разумъ помутится и я пасую, или ставлю ремизы.

— Гм, вы хотите быть счастливыми въ любви? вопрошала Любовь Лукинишна съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и дѣлала гримаску.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать. Насильно милъ не будешь.

Барышня ничего не сказывала больше и уходила, шурша своимъ туго накрахмаленнымъ, кисейнымъ платьемъ цвѣта сирени. Адвокатъ, глядя ей вслѣдъ, помышлялъ только:

«И какъ это, не постигаю умомъ своимъ, какъ это не треснетъ и не расползется въ стороны бѣдное кисейное платьице, плотно и въ обтяжку охватывающее такія полныя, упругія, цвѣтущія формы? И что за прелестныя, обольстительныя плечи... Какое здоровье! какая сила!.. И какое должно быть безконечное наслажденіе повести рукою по этимъ, точно выточеннымъ, молодымъ, упругимъ округлостямъ?

Нѣтъ, эта не должна захирѣть скоро и навѣрное переживетъ старика мужа и пусть ее уже потомъ блаженствуетъ съ молодымъ, въ полномъ удовольствіи и счастіи.»

Но Савва Леонтьичъ, разсуждая такимъ образомъ, не забывалъ и себя. Врядъ ли какой Молчалинъ являлся на столько умѣреннымъ и аккуратнымъ какъ онъ, въ отношеніи образа своей жизни, которую старался всѣми мѣрами продлить. Макробіотика Гуфеланда и извѣстное сочиненіе доктора Бока «о сохраненіи здоровья» и разныя другія книги, написанныя на эту же тему, сдѣлались для него настольными, и онъ безпрестанно заглядывалъ то въ ту, то въ другую... строго слѣдовалъ совѣтамъ и только нѣкоторые отвергалъ.

Мало книгъ; къ нему аккуратно раза по три въ недѣлю сталъ ѣздить опытный медикъ, которому щедро платилъ Савва Леонтьичъ за визиты.

— Эхъ, Христіанъ Карловичъ — говорилъ онъ медику — ничего нѣтъ дороже здоровья и милѣе жизни.

— Ну, такъ вотъ же, слушайтесь меня.

— Во всемъ, во всемъ, докторъ, но только не въ отношеніи язвительнѣйшихъ стрѣлъ Купидона: ядъ ихъ слишкомъ пріятенъ...

Да, въ этомъ отношеніи Савва Леонтьичъ не слушался и Христіана Карлыча.

Совсѣмъ, повидимому, другихъ взглядовъ на жизнь и на здоровье свое была Александра Ильинишна, она уже просто не хотѣла слушаться никакихъ медиковъ; она ни одному полезному совѣту не слѣдовала, не берегла себя и съ совершенно спокойнымъ духомъ сознавала въ себѣ упадокъ силъ, съ каждымъ днемъ приближавшій ее къ могилѣ.

— Прощай! твердо и ясно произнесла она мужу въ послѣднюю минуту, когда отходила душа ея, въ такъ называемый лучшій міръ.

— Прощай! и съ этимъ словомъ повернулась лицомъ къ стѣнкѣ: черезъ секунду она уже не существовала.

Убитый, казалось, горемъ, и сильно заливаясь слезами, шелъ за гробомъ ея Савва Леонтьичъ и утѣшавшимъ пріятелямъ своимъ говорилъ о покойницѣ:

— Чудная, прекрасная была душа. Ангелъ кротости и доброты! Золотое, рѣдкое сердце... Я это нарочно пригласилъ два хора пѣвчихъ и велѣлъ, пока не опустятъ въ землю, звонить въ колоколъ, чтобъ привлечь на похороны побольше народу, чтобы, такъ сказать, видѣть цѣлый міръ плачущимъ... И чего ей недоставало?

Черезъ двѣ, три недѣли, въ теченіе которыхъ особенно учащалъ

къ архиваріусу Лукѣ Федорычу, какъ говорилъ онъ, чтобы развлечься отъ горя и размять сердечную тоску, Савва Леонтьичъ вступилъ какъ-то подъ вечерокъ въ интимную бесѣду съ стариками Панфиловыми, сначала съ женою, а потомъ призвалъ на совѣтъ и помощь и самого Луку Ѳедорыча. Уходя, онъ крѣпко пожималъ имъ руки и говорилъ трогательнымъ, вызывавшимъ на участіе тономъ.

— Что прикажете дѣлать? Не могу переносить междуцарствія. Нѣтъ! Въ моемъ сердцѣ, какъ говорятъ французы: la reine est morte— vive la reine!

Того же вечера, какъ только ушелъ Савва Леонтьичъ, Панфиловы объявили дочери, что онъ проситъ ея руки. Много хорошаго насказали они ей въ пользу адвоката: человѣкъ-де прекрасной души, добрѣйшаго сердца, образованный, по французски знаетъ, богатъ, будетъ водить молодую жену въ шелкахъ и золотѣ, будетъ возить въ колясках и каретахъ.

— Ничего не хочу! Плюю на все это и ногою еще растираю! воскликнула Любонька и вся вспыхнула—такъ разсердилась.

— Онъ старъ, въ гробъ смотритъ... онъ мнѣ противенъ... видѣть его не могу...

— Глупенькая! Что бѣды, что старъ, не долго проживетъ: все тебѣ оставитъ. Будешь богата, сама себѣ полная госпожа. Тогда пойдешь, за кого захочешь.

Черезъ нѣсколько дней Любонька вертѣлась передъ зеркаломъ и налюбоваться не могла на новенькія свои сережки и брошку, которыя ярче звѣздочекъ горѣли крупными бриллiантами.

— На-те, цѣлуйте въ знакъ моей благодарности, говорила она и протягивала свою бѣленькую, пухленькую ручку Саввѣ Леонтьичу, который такъ и загребъ драгоцѣнность эту въ свои неуклюжія, морщинистыя лапы и принялся цѣловать несчетное число разъ.

— Душу отдамъ... молвилъ безпутный человѣчишко...

ГЛАВА XII.

Подобно тому, какъ въ садахъ древней академіи ученики «божественнаго» Платона,—теперь въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада, примыкавшаго къ новопріобрѣтенному дому адвоката Круглова, расхаживали въ длиннополыхъ сюртукахъ или просто въ пестрыхъ и не мало позасаленныхъ халатахъ взрослые философы и риторы: кто съ книгой, а кто съ тетрадкой, и жужжали такъ, что можно было подумать, не

усѣлся ли гдѣ нибудь на старое и дуплистое дерево желанный рой пчелъ, всегда своимъ прилетомъ предвѣщающій счастіе хозяину. Семинаристы помоложе играли на площадкѣ за сараемъ въ чихарду.

Марфа Степановна, помѣстивъ на завалинѣ, у заново отстроеннаго флигеля, длинную лохань, наполненную мыльнымъ растворомъ, мыла въ ней дѣтскія рубашки. Служанка была послана встрѣчать коровъ, возвращавшихся подъ вечеръ съ поля.

Марфа Степановна, трудясь совершенно машинально надъ своей работой, до такой степени была погружена въ какія-то сильно занимавшія голову ея мысли, что даже не обращала никакого вниманія на бѣлоголоваго сынишку, который уже давно егозилъ около нея и тянулъ за платье.

— Мамашенька, посмотрите...

Онъ держалъ на пальчикѣ какую-то имъ же заморенную козявку.

Савва Леонтьичъ, только что пришедшій съ невѣстою, чтобъ показать ей новое хозяйство, остановился подлѣ колодца и заговорилъ съ рабочими, которые дѣлали новый деревянный срубъ. Любовь Лукинишна побѣжала прямо въ садъ нарвать цвѣтовъ и накинулась было на грядку, пестрѣвшую чрезвычайно красивыми маргаритками, какъ вдругъ обратила вниманіе на сидѣвшаго не далеко подъ деревомъ «философа», смуглаго и необыкновенно мужественной наружности, который изъ-подъ густыхъ, черныхъ какъ смоль бровей метнулъ на нее большими, темнокарими глазами, такъ и отливавшими фосфорическимъ свѣтомъ...

— Вотъ онъ! чуть не вслухъ произнесла Любовь Лукинишна и, какъ очарованная, остановилась надъ грядкой въ полунаклонномъ положеніи.

Ей показалось, что она когда-то во снѣ видѣла этого юношу-атлета, смуглаго и мужественнаго, съ огненными взглядами.

«Этотъ самый и будетъ моимъ, когда Савва Леонтьичъ умретъ, мелькнуло у нея въ головѣ, какъ бы само собою. Онъ будетъ моимъ и раньше... О, я теперь стану ходить сюда чаще и чаще... буду на правѣ хозяйки смотрѣть, все ли въ порядкѣ... такъ ли идетъ все, какъ надо...»

Она принялась рвать маргаритки и одну, какъ будто нечаянно, бросила въ сторону философа, который опять метнулъ на нее фосфорическими взглядами...

Она зардѣлась и пошла по аллеѣ медленными шагами.

Между тѣмъ, въ домѣ собравшіеся у регента пѣвчіе репетировали концертъ, который должны были не далѣе, какъ послѣ завтра, про-

пѣть на славу въ каѳедральномъ соборѣ, при вѣнчаніи Саввы Леонтьича и Любови Лукинишны; въ открытыя окна неслись и оглашали дворъ и улицу звуки торжественнаго пѣнія: «Гряди, гряди, голубица моя» и «Исаіе ликуй!». Уже нѣсколько минутъ стоялъ на улицѣ передъ окнами и вслушивался съ видимымъ удовольствіемъ въ хорошо подобранные, звучные и мягкіе голоса господинъ небольшаго роста, съ увѣсистымъ брюшкомъ, въ истертой фуражкѣ и въ пальто такого покроя, что сразу можно было принять его за самаго захолустнаго обитателя міра.

— Хорошо поютъ! Баритонъ, бестія, сильнѣйшій... хоть лопатой забирай. И тенора, канальи, такъ и воскриляютъ душу къ самому небу.

Такое сужденіе произнесъ господинъ, закрутилъ еще головою въ знакъ одобренія и ввалился въ калитку. Савва Леонтьичъ сейчасъ же поворотилъ голову въ сторону нежданнаго гостя и притопнулъ ногою на пса, который было кинулся къ калиткѣ.

— Вы, вѣроятно, и есть новый владѣлецъ этого дома г. Кругловъ. Я-съ, честь имѣю рекомендоваться: помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Хлоповъ.

Онъ взялся одною рукою за козырекъ, а другую протянулъ хозяину.

— Я-съ вчера только изъ Херсона... и привезъ весьма нерадостныя вѣсти насчетъ прежняго владѣльца этого дома, ветеринарнаго лекаря Зубенка.

Савва Леонтьичъ сдѣлалъ невольное движеніе.

— Ахъ, скажите, что съ нимъ? Вѣдь у насъ объ немъ ни слуху, ни духу—точно въ воду канулъ. Жену его и дѣтей я отличнѣйшимъ образомъ устроилъ здѣсь—такъ, что вѣчный кусокъ хлѣба... благоденствуютъ...

— Ну, тѣмъ болѣе не хочу я изъ собственныхъ устъ отравлять ихъ счастіе сообщеніемъ пренепріятной исторіи, приключившейся съ главой ихъ—Зубенкомъ. Разскажу вамъ, а вы уже передайте имъ, какъ за лучшее сочтете...Можно, знаете, не сразу... а этакъ, подготовивши.

Савва Леонтьичъ пригласилъ гостя въ комнаты...

Въ это самое время Любовь Лукинишна выходила изъ сада съ букетомъ цвѣтовъ, но увидя, что Савва Леонтьичъ ушелъ съ кѣмъ-то въ комнаты, снова воротилась въ садъ и сейчасъ же пустила пытливыми глазками между деревьевъ въ ту сторону, гдѣ продолжалъ изучать

человѣческую мудрость юный философъ, такъ сильно и сразу заинтересовавшій ее.

— Настоящій итальянецъ! тихо, но съ чувствомъ промолвила Любовь Лукинишна, никогда, впрочемъ, не видавшая итальянцевъ.

— Я хочу сейчасъ же познакомиться, сказала она себѣ рѣшительно и пошла по аллеѣ, безпрестанно поднося къ носу цвѣты и съ жадностію вдыхая ихъ смѣшанный ароматъ. Философъ, когда она уже была не далеко, приподнялъ голову, на которой волоса были въ безпорядкѣ, и стрѣльнулъ въ барышню фосфорическими взглядами...

Она прямо теперь подошла къ нему.

— Вы человѣкъ, конечно, ученый... объясните мнѣ, что это за цвѣтокъ... какой-то странный.

Барышня показала на первый попавшійся цвѣтокъ въ букетѣ, нисколько не странный.

Философъ воздвигся передъ нею во весь ростъ, зардѣлся какъ красная дѣвушка, посмотрѣлъ на цвѣтокъ больше, чѣмъ слѣдовало, и промолвилъ:

— Именуется маргаритка.

Между тѣмъ помѣщикъ Хлоповъ, съ разными выразительными жестами, съ паѳосомъ, ясно доказывавшимъ, что онъ далеко не индиферентно относился къ предмету своего повѣствованія, разсказывалъ адвокату печальнѣйшую исторію ветеринара Зубенка.

Печальнѣйшая исторія эта была слѣдующая:

Какъ только Хлоповъ и Зубенко пріѣхали въ Херсонъ и остановились въ гостинницѣ, кажется, называемой «Мысомъ Доброй Надежды», первое дѣло Зубенко вопросилъ у номернаго:

— Скажите мнѣ, братецъ, гдѣ тутъ въ городѣ живетъ Петръ Аѳонасьичъ Зубенко?

— Не могу-съ знать...

— Да ты разслышалъ ли? Петръ Аѳонасьичъ Зубенко, тайный совѣтникъ?

— Не слыхивалъ...

— Тьфу ты какой! Слышишь, генералъ Зубенко?

Номерной принялся размышлять, перебралъ, вѣрно, въ умѣ всѣхъ генераловъ и опять отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, генерала Зубенка не знаю...

— Ну, такъ ты, братецъ, вѣрно изъ самой деревни... вчера только въ городъ попалъ.

Зубенко разсердился и началъ допекать номернаго колкостями.

— Нѣтъ-съ, я и родился въ городѣ... людей знаю, окрысился но-

мерной—да энтотъ генералъ вашъ, можетъ быть, проѣздомъ бываетъ въ городѣ и останавливается не у насъ, а въ другой гостинницѣ...

— Ага! можетъ быть и такъ... Ну, а какія здѣсь самыя лучшія гостинницы? Оно правда, что въ вашей врядъ ли остановится...

— Отчего же? и у насъ, слава Богу, хорошіе господа останавливаются...генералы... и изъ Питера вонъ въ прошломъ году мѣсяца два прожилъ хлигель-адъютантъ.

Прокопъ Трофимычъ не сталъ впрочемъ долго разговаривать съ номернымъ и пустился по всѣмъ гостинницамъ розыскивать своего роднаго — генерала Зубенка; но вездѣ ему отвѣчали то же самое, что не знаютъ такого... не слыхивали. Нашелся одинъ добрый человѣкъ, который ближе вошелъ въ его положеніе и далъ благой совѣтъ.

— Справьтесь-ка въ полиціи. Можетъ быть генералъ Зубенко, пріѣзжая въ городъ, останавливается у кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ, а не въ гостинницѣ. Ужъ въ полиціи во всякомъ случаѣ должны знать...

Опрометью бросился Прокопъ Трофимычъ въ полицію. Дѣло происходило на второй день по пріѣздѣ его, и пора была послѣобѣденная. Въ полиціи онъ засталъ двухъ лицъ: какого-то господина съ взъерошенными волосами, расхаживавшаго съ папироской въ рукахъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, и какого-то мальчугана, съ высокимъ горбомъ на спинѣ, сидѣвшаго за столомъ и чинившаго перо съ такимъ глубокомысленнымъ видомъ, какъ будто рѣшалъ труднѣйшую философскую задачу.

Прокопъ Трофимычъ обратился къ господину, сосавшему папироску. Тотъ только сдвинулъ плечами.

— Не помню что-то... сказалъ онъ, потеръ себѣ маленько лобъ и обратился къ мальчугану:

— Емелюшка! Посмотри въ спискѣ о пріѣзжихъ: не значится ли тайный совѣтникъ Зубенко? Вотъ онъ справится...

Прокопій Трофимычъ поспѣшно зашагалъ къ Емелюшкѣ.

— Есть, проговорилъ Емелюшка такимъ, впрочемъ, равнодушнымъ тономъ, что Прокопъ Трофимычъ надѣлилъ его за это равнодушіе хотя мгновеннымъ, но чрезвычайно свирѣпымъ взглядомъ. Емелюшка принялся выписывать на особую бумажку, читая вслухъ:

— Въ гостинницѣ «Мысъ Доброй Надежды» т. с. Зубенко.

— Т. с.! воскликнулъ Прокопъ Трофимычъ:—это и значитъ тайный совѣтникъ. Вѣдь вотъ во всѣхъ гостинницахъ былъ, а именно въ эту проклятую: «Мысъ Доброй Надежды» и не заглянулъ... Да и лукавый человѣкъ нашъ номерной: ничего мнѣ объ ней не сказалъ...

Прокопъ Трофимычъ даже задрожалъ весь, схвативши изъ рукъ Емелюшки бумажку, на которой была записана справочка, и, наставивъ карманъ жилета надъ самымъ столомъ, съ нервною торопливостью вывернулъ его и вытряхнулъ всю мелкую серебряную монету въ благодарность Емелюшкѣ; гривенники и пятіалтынные запрыгали и поскакали со стола на полъ...

Прокопъ Трофимычъ взялъ перваго попавшагося извощика.

— Въ гостинницу «Мысъ Доброй Надежды»! закричалъ онъ такъ, какъ никогда еще не кричалъ—знаешь?

— Знаю-съ... Какъ не знать мышь доброй надежды...

— Пошелъ скорѣе!... Будемъ, братъ, тамъ спрашивать генерала Зубенка... слыхивалъ?

— Нѣтъ, такого не слыхивалъ...

— Ну, такъ дуракъ ты совсѣмъ! Пошелъ поскорѣе... полтинникъ на водку!.. Пошелъ поскорѣе!...

Зубенко даже привскакивалъ на дрожкахъ, какъ будто этимъ могъ возбудить въ извощичьей лошаденкѣ пущую рысь...

— О Господи! восклицалъ онъ, уже самъ съ собою разсуждая—и ты, почтенный куманекъ, милѣйшій вертопрахъ Сергѣй Михайлычъ, и ты, достопочтенный адвокатъ, хитрѣйшая лисица г. Кругловъ—узнаете же вы, наконецъ, что есть правда на землѣ! что не дадутъ Зубенки себя въ обиду! Нѣтъ, своя кровь всегда заговоритъ! Напляшетесь вы теперь у меня—будете помнить и всѣмъ потомкамъ своимъ до третьяго и пятаго колѣна закажете, что значитъ обирать людей, грабить ихъ среди бѣлаго дня.. пускать ихъ съ малыми дѣтьми по міру... Живодеры вы этакіе!... На колѣняхъ будете стоять—молить о прощеніи; но не будетъ вамъ его. Еще кума можетъ быть сколько нибудь пощажу, но тебя, адвокатъ, тебя, бестія, звѣрь ты ненасытный...

Прокопъ Трофимычъ не договорилъ уже, только сжалъ оба кулака и звонко постучалъ однимъ объ другой.

— Чего ты оглядываешься? прикрикнулъ онъ на извощика, который ни мало уже не сомнѣвался, что подцѣпилъ барина подгулявшаго.—Дѣлай свое дѣло—пошелъ скорѣе! Сказалъ, что полтинникъ на водку...

Прокопъ Трофимычъ былъ въ какомъ-то неестественномъ настроеніи отъ ажитаціи и нетерпѣнія.

Извощикъ хотя и усерднѣе стягалъ свою лошаденку, но въ головѣ его такъ и копошилось:

«Экъ подгулялъ гдѣ-то баринъ!.. а еще къ генералу ѣдетъ сердечный... Ну, а не посадитъ тебя генералъ на гопвахту?..»

Не успѣлъ онъ еще подкатить къ крыльцу, какъ Зубенко сорвался съ дрожекъ, порхнулъ по лѣстницѣ и, наткнувшись въ темномъ корридорѣ на перваго встрѣчнаго, вопросилъ:

— Гдѣ здѣсь генералъ Зубенко?

— Генералъ? Есть здѣсь пріѣзжій г. Зубенко, только не знаю, генералъ ли.

— Еще бы ты зналъ! Ну, гдѣ? въ которомъ номерѣ?

— Пожалуйте-съ со мною. Проведу. Только, кажется, ихъ дома нѣтъ...

— Эхъ досада! Вѣрно у губернатора или у предводителя на обѣдѣ...

Они повернули изъ темнаго корридора въ стеклянную галлерею, которая шла вдоль цѣлаго ряда номеровъ. Около одного изъ нихъ остановился номерной, шедшій впередъ.

— Вотъ-съ, сказалъ онъ и, оглянувшись на Прокопа Трофимыча, выразилъ нѣкоторое изумленіе.

— Да вѣдь г. Зубенко, кажется, вы сами?

— Федотъ, да не тотъ. Дѣйствительно—Зубенко, только не дѣйствительный, т. е. понимаешь, до генеральскаго чина не дотянулъ. Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!

— Да вѣдь вы съ г. Хлоповымъ пріѣхали?

— Съ Хлоповымъ я пріѣхалъ...

— Такъ какъ же вы изволите сами себя спрашивать и пришли къ самимъ себѣ?

— Что ты, съ ума сошелъ?

— Ей-Богу-съ! Въ этомъ номерѣ вы, да г. Хлоповъ. А другаго г. Зубенка у насъ нѣтъ...

— Да ты, братецъ, не ври...

— Что же мнѣ врать. Извольте войти въ номеръ, сами-съ увидите...

Между тѣмъ дверь отворилась и изъ нея выглянулъ слуга Хлопова.

— Лукьянъ! воскликнулъ Прокопъ Трофимычъ.—Такъ какъ же это?!..

Онъ перешагнулъ за порогъ. Лицо его приняло странное выраженіе, по глазамъ прошелъ туманъ. На сжатыхъ устахъ показалась тупая улыбка.

— Такъ это ты, Лукьянъ?

— Я-съ..

— Такъ это мы здѣсь? Гм! Вижу... вотъ и чемоданы наши, и погребецъ... и халатъ Ивана Васильевича Хлопова... Хе, хе, хе! Вотъ это штука!

Прокопъ Трофимычъ опустился на диванъ и взялся за голову.

— Совсѣмъ штука! Хе, хе, хе! Бѣгалъ я по цѣлому свѣту, искалъ генераловъ, и нà! Къ самому себѣ пришелъ за совѣтомъ и защитой. Это совсѣмъ смѣшно. Хе, хе, хе. Ну что же, г. Зубенко... ваше превосходительство... какой совѣтъ?

Прокопъ Трофимычъ крѣпко постучалъ себя въ голову, глаза его блуждали... Хе, хе, хе! никто не откликается. Никого значитъ въ палатѣ (онъ приложилъ палецъ ко лбу)! пуста палата: всѣ совѣтники разошлись. Видно табельный день, неприсутственный... Маршъ, господа просители, по домамъ. А ну казначейство...

Прокопъ Трофимычъ раскрылъ бумажникъ...

— Двугривенный—вотъ казначейство мое. На годъ никакъ не хватитъ... Нѣтъ господа, желудокъ требуетъ, чтобъ того, для собственнаго благополучія... А какъ изъ палаты ни указа, ни инструкціи... и значитъ... Эге, высокоторжественный день! Совѣтники гдѣ нибудь засѣли въ карты... Хе, хе, хе! Хе, хе, хе!

И онъ принялся неудержимо хохотать какимъ-то нервнымъ, спазмодическимъ смѣхомъ. Призванные лекаря объявили, что онъ помѣшался, и были правы...

М. Стопановскій.

БЕЗПОЛЕЗНЫЕ ВОПЛИ.

(изъ мюссе).

Какъ жалко ремесло твое, поэтъ!..
Ни годы битвъ, когда безсильно слово,
Ни дни труда, когда твой дѣтскій бредъ
Съ презрѣньемъ осмѣять толпа готова,
Ничто смирить не можетъ твой языкъ...
По первому призыву, какъ блудница,
Ты откликаться звуками привыкъ
И — за страницей въ міръ идетъ страница.
Пусть будетъ такъ! Страдая и любя
И не скрывая внутренняго жара,
Не унижай лишь только ты себя
Безчестной маской наглаго фигляра!..
Пусть въ трепетномъ безсильи старики
Изъ паутины вьютъ себѣ вѣнки, —
Мы разбиваемъ старые кумиры...
Брось далеко осколокъ льстивой лиры
И босикомъ, какъ Истина, впередъ
Съ свободной пѣсней выступи въ народъ.

* * *

Маккіавель!.. Я будто вижу снова
Пустынный садъ, гдѣ прежде ты бродилъ...
Тамъ, послѣ дня безплодно-трудоваго,
Не зная сна, ты ночи проводилъ, —
Тамъ, всѣмъ чужой, безъ дружескаго крова
Ты въ ужасѣ слѣдить нерѣдко могъ,
Какъ праздность сторожила твой порогъ,
Запасы силъ и кровь твою сосала
И, словно тѣнь, тебя не оставляла.
Тогда ты написалъ: «кто жъ я таковъ?
«Пусть мнѣ велятъ ворочать въ мірѣ камни —
«И эта ноша будетъ не тяжка мнѣ:
«Я горы подниму до облаковъ.
«Бездѣйствіе меня лишаетъ силы —
«Нѣтъ, тишины ужаснѣе — могилы.»

* * *

Маккіавель! Я, какъ и ты, боюсь
Посредственности жалкаго покоя,
Съ ничтожествомъ, какъ ты не помирюсь:
Хочу «всего иль ничего» я.

***

Я юнъ еще, но ужъ успѣлъ устать
И шагъ за шагомъ молодость теряю,
А все жъ людей не въ силахъ презирать,
Лишь самаго себя я презираю.
Что сдѣлалъ я? Съ чѣмъ выступилъ впередъ?
А между тѣмъ летѣлъ за годомъ годъ...
Такъ мы дѣтьми глядимъ на жизнь безпечно
И все вдали, безъ темныхъ, грозныхъ тучь,
Намъ кажется свѣтло и безконечно,
Но встрѣтивъ на пути прозрачный ключъ,
Къ нему нагнувшись, съ видомъ отвращенья
Мы видимъ въ немъ свое изображенье —
Полуживой и старческій скелетъ...
Все кончено!.. Назадъ возврата нѣтъ.
Кровь въ жилахъ закипавшая когда-то
Негодованьемъ въ прошлые года,
Могильнымъ холодомъ объята,
Въ насъ застываетъ навсегда.
Къ чему жъ твой опытъ, старость? Для чего же
Ты насъ гнетешь, даешь намъ чахлый видъ?
Вѣдь смерть нѣма; мертвецъ въ могильномъ ложѣ
Загадки смерти намъ не разрѣшитъ...
О, еслибъ тотъ, кто съ жизнью кончилъ счеты,
Въ тѣ дни, когда я въ жизнь еще вступалъ,
Сказалъ бы мнѣ: «Хлопочешь изъ чего ты?
Остановись — я проигралъ!»

***

О, Греція! Къ твоимъ святымъ руинамъ
Въ безумствѣ грезъ не разъ я улеталъ,
Хотѣлъ я быть тѣмъ гордымъ гражданиномъ,
Когда твой міръ языческій сіялъ,
И красота, въ которой ты являлась
Въ прозрачномъ Гелеспонтѣ отражалась.
Гдѣ жъ твой языкъ? Онъ сталъ нѣмымъ для насъ,
Лишь въ мраморѣ своихъ безсмертныхъ статуй

Предъ нами оживаетъ Фидіасъ...
А ты, искуства памятникъ богатый,
Ты, славный Римъ, — гдѣ вѣкъ тотъ золотой,
Когда твои художники, какъ боги,
Сходили въ міръ въ лучахъ иной зари
И строили роскошные чертоги,
Гробницы и дворцы и алтари?..
Мнѣ чудится: больной и изнуренный
Микель-Анжело бросилъ свой рѣзецъ
И завистью и злобой раздраженный,
Глядитъ на Римъ онъ, блѣденъ, какъ мертвецъ.
А тамъ, вдали, улыбкой вдохновенной
Соперниковъ встрѣчаетъ Рафаэль...
Тамъ для труда Корреджіо смиренный
Забылъ покой и пищу и постель;
Тамъ о прекрасномъ, южномъ небосклонѣ
Толкуетъ съ Тиціаномъ молодымъ
Восторженный гордецъ Джіорджіоне;
Тамъ у подножья храма, недвижимъ,
Стоитъ Бартоломео съ Рафаэлемъ...
А мы теперь... какимъ мы служимъ цѣлямъ?
Гдѣ нашъ пророкъ, борьбу ведущій съ зломъ?
Кто насъ ведетъ? Кто честно негодуетъ?
Искуство стало общимъ ремесломъ
И имъ художникъ съ наглостью торгуетъ...
Непроченъ трудъ и, какъ минутный бредъ
Предъ нами исчезаетъ наша слава.
Все кончено! Съѣдаетъ жизнь отрава
Любви — и той на свѣтѣ больше нѣтъ!

***

Несчастные и жалкіе поэты!..
Не выдавайте людямъ тайныхъ грезъ, —
Чтобъ вашихъ слезъ, кровавыхъ, жаркихъ слезъ
Никто не зналъ... и съ думой на челѣ ты
Молчи, пѣвецъ, не жалуйся, не плачь,
Не ожидай вниманья и участья:
Людское равнодушье, какъ палачь,
Въ тебѣ убьетъ послѣдній проблескъ счастья.

***

Умолкни, Веберъ... Ждетъ тебя давно

Старикъ Моцартъ... И ты, поэтъ — довольно —
Остановись! Намъ пѣть теперь смѣшно,
Смѣшно за тѣнью бѣгать добровольно.
Какой матросъ въ часъ бури запоетъ?
Нѣтъ мѣста пѣснямъ звучнымъ и прекраснымъ.
Иди, пѣвецъ, какъ труженикъ, въ народъ,
Опорой будь всѣмъ слабымъ и несчастнымъ.
Ты самъ страдалъ, — людскую скорбь и плачь
Скорѣй смиришь ты лаской и привѣтомъ,
Чѣмъ праздный и безчувственный богачь
Съ его участьемъ подогрѣтымъ.
Счастливцевъ-ли холодная рука
Поддержитъ и утѣшитъ бѣдняка?..

* * *

Смотрите: вотъ несутъ полуживого
И съ язвами кровавыми больного...
Едва ли онъ очнется къ жизни вновь.
Недвижный трупъ, запекшаяся кровь —
Всѣ видимые признаки мученья
Въ прохожихъ возбуждаютъ сожалѣнье.
Но вотъ другой: нѣтъ явственныхъ примѣтъ,
Что онъ страдалъ, но сердце въ немъ разбито,
Онъ дряхлъ и старъ и раньше срока сѣдъ;
Въ немъ какъ въ гробу, его страданье скрыто!
Онъ всѣми позабытъ и одинокъ...
Такъ нашихъ слезъ, весь ужасъ жгучей муки,
Безсильныхъ жалобъ сдержанные звуки
И близкій другъ понять подъ часъ не могъ.

* * *

Пишу и разрывается на части
Больное сердце... Слезъ сдержать нѣтъ власти...
Что жъ медлю я? Что мнѣ мѣшать могло
Покончить съ жизнью счетъ въ одно мгновенье?
Нѣтъ, буду жить, насильно жить, на зло:
Пускай судьба пойметъ мое презрѣнье,
Пойметъ и устыдится, наконецъ,
Что для людей рукой своей суровой
Иль цѣпь куетъ, иль вьетъ вѣнокъ терновый...
Да, буду жить... Воскресни же, мертвецъ!..

Дмитрій Минаевъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Каждая трагедія есть ничто иное, какъ апотеоза нравственной человѣческой личности. Человѣкъ хочетъ внести въ міръ, во внѣшнюю жизнь свою высокую идею, свою безграничную страсть, хочетъ разбить тѣ оковы, которыя рутина жизни налагаетъ на его свободную дѣятельность. Но едва явилось въ немъ такое намѣреніе, какъ злая судьба начинаетъ зорко стеречь его. Она преслѣдуетъ его на каждомъ шагу, воздвигаетъ непреодолимыя преграды его цѣлямъ и, когда онъ успѣваетъ всѣ ихъ пробить или обойдти, и побѣдоносно доходитъ, повидимому, до предѣла своихъ желаній, судьба сокрушаетъ его въ самомъ упоеніи своимъ преждевременнымъ торжествомъ.

Но этотъ боецъ, такъ безсильно падающій подъ ударами судьбы, есть все-таки избранникъ среди людей, цвѣтъ человѣчества, герой, надѣленный высшими дарами духа. Своею дѣятельностью онъ стремится разорвать тѣ оковы, которыми въ мірѣ дѣйствительности скована нравственная человѣческая личность; въ царствѣ желѣзной необходимости онъ стремится поставить выше всего знамя нравственной человѣческой свободы и независимости. Его идеалы могутъ быть ложны, средства, которыми онъ пользуется для воплощенія этихъ идеаловъ, могутъ быть не нравственны, даже иногда вовсе безнравственны, но за всѣмъ тѣмъ высоко нравственнымъ и прекраснымъ остается тотъ принципъ, за который онъ борется, хотя бы это происходило и безсознательно для него самого, принципъ поставить мысль человѣка, его свободу выше всего, выше всякой слѣпой случайности. Среди людей—этихъ жалкихъ рабовъ, отъ самаго рожденія и до гроба безропотно и даже съ наслажденіемъ несущихъ на себѣ позорныя цѣпи—онъ, при всѣхъ его заблужденіяхъ, все-таки болѣе истинный, болѣе подлинный человѣкъ, чѣмъ обыденная, бездушная толпа, въ которой часто не обнаруживается никакого признака человѣческаго достоинства. Вотъ почему для насъ его паденіе въ борьбѣ съ судьбою не простое паденіе, не проявленіе безсилія, а, напротивъ, величайшая сила, самое высокое торжество человѣческой природы. Мы видимъ въ немъ, въ этомъ паденіи — жертву, приносимую во имя самостоятельности и

свободы человѣческой личности, добровольное отреченіе отъ самой жизни ради нравственныхъ началъ человѣческой природы.

Изъ сказаннаго нами видно, что каждый трагическій герей eo ipso есть протестантъ противъ существующаго порядка, существующихъ воззрѣній, и, слѣдовательно, отщепенецъ отъ толпы, которая служитъ охранительницею этого порядка, носительницею этихъ воззрѣній. Поэтому, толпа становится всегда во враждебное отношеніе къ герою. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ страдаетъ за ея собственныя идеи и убѣжденія, она не признаетъ его, отрекается отъ него, какъ отъ человѣка, идущаго путемъ для нея не обычнымъ.

Когда боги непосредственно управляли дѣлами людей и вмѣшивались во всѣ ихъ дѣйствія, жизнь толпы представляла собою ту норму божественнаго міроправленія, выше которой не позволялось выходить ни одному смертному. Боги ревниво охраняли свои права; ихъ зависть, по глубокому воззрѣнію древнихъ, преслѣдовала всякаго смертнаго, который хотѣлъ подняться выше этого уровня, подчинить себѣ судьбу, поставить свою мудрость на мѣсто ихъ промысла. И такъ какъ на подобное хищеніе власти, на борьбу съ богами могъ отважиться только богато надѣленный дарами отъ самихъ боговъ, и слѣдственно высоко поставленный ими въ лѣстницѣ общественной іерархіи, то отсюда въ древнюю трагедію входило два необходимыхъ представленія: 1) тайная или явная месть боговъ всякому трагическому герою и 2) выборъ въ трагическіе герои или прямо боговъ, или лицъ избранныхъ и отличенныхъ благосклонностью боговъ, какъ-то: царей, героевъ.

Вслѣдствіе этого, греческая трагедія была связана съ религіознымъ культомъ и сюжеты ея брались почти исключительно изъ миѳологическаго и героическаго періода, предшествовавшаго періоду культуры. Семейство Титанидовъ было главнымъ резервуаромъ трагическихъ героевъ, и эта первоначальная семейная основа трагедіи была, вѣроятно, причиною, что семейный характеръ остался на греческой трагедіи навсегда, и даже возведенъ Аристотелемъ въ общій законъ трагическаго искуства. Изыскивая въ четырнадцатой главѣ своей піитики, какія именно происшествія могутъ возбуждать ужасъ и состраданіе, Аристотель говоритъ, что всѣ происшествія происходятъ или между врагами, или между друзьями, или между людьми чуждыми другъ другу. Когда врагъ умерщвляетъ своего врага, ни замыселъ его, ни исполненіе имъ самаго дѣла не возбуждаетъ никакого другаго состраданія, кромѣ самаго общаго, какое мы вообще чувствуемъ при взглядѣ на какія нибудь прискорбныя и преступныя дѣйствія. Точно тоже должно сказать и о происшествіяхъ между лицами, чуждыми другъ другу. Слѣдовательно, трагическія происшествія могутъ быть только между друзьями. Братъ долженъ умерщвлять или имѣть замыселъ умертвить брата, сынъ отца, мать сына, сынъ мать, или вообще какимъ нибудь злодѣйскимъ образомъ должны близкія лица поступить другъ съ другомъ. Вотъ когда, по воззрѣнію древней трагедіи, могло быть истинное трагическое дѣйствіе.

Первоначальная европейская трагедія, начавшая развиваться на основаніяхъ Аристотеля и вообще по образцамъ древней, сохранила болѣе или менѣе всѣ основныя черты ея характера.

Она также стала въ періодъ, въ извѣстной степени до-культурный, какъ трагедія греческая. Какъ греческіе драматурги отыскивали своихъ героевъ въ миѳическихъ преданіяхъ, такъ точно Шекспиръ ищетъ ихъ въ первобытныхъ сагахъ германскихъ и гальскихъ племенъ, которыя напоминаютъ титанидовъ своею жестокостью и грубостью. Органы мстящаго божества проглядываютъ и въ трагедіяхъ Шекспира. Таковы вѣдьмы въ Макбетѣ, такова тѣнь отца въ Гамлетѣ. Наконецъ, трагедія Шекспира имѣетъ такую же частную, семейную основу, какъ и трагедія древнихъ.

Не смотря однакожъ на то, что сюжеты трагедій древней и основанной и развившейся по образцамъ ея первоначальной европейской, брались изъ отдаленнаго времени и подернуты были миѳическимъ покровомъ, этѣ трагедіи не были ни въ какомъ случаѣ историческими. Ибо первобытныя сказанія до-культурнаго времени, которыя брались въ основу трагедій, подвергались полной поэтической переработкѣ, согласно поэтическимъ цѣлямъ и развитію того времени, въ которое писалась трагедія. У позднѣйшаго изъ греческихъ трагиковъ, Эврипида, миѳы потеряли совершенно тотъ характеръ, который имѣли въ первобытныхъ сказаніяхъ и народныхъ вѣрованіяхъ. Этого мало. Одно и то же лицо въ разныхъ трагедіяхъ Эврипида являлось съ разными характерами, какъ напримѣръ, Менелай въ «Орестѣ», въ «Герміонѣ» и въ «Ифигеніи въ Авлидѣ».

И подобную полную передѣлку историческаго матеріала для поэтическихъ цѣлей считала совершенно законною греческая эстетика. Вотъ что говоритъ Аристотель объ отношеніи поэзіи къ историческому матеріалу:

«Изъ этого (т. е. изъ существенныхъ свойствъ поэтической фабулы—для драмы—которыя предварительно опредѣлилъ Аристотель) ясно видно, что поэтическое произведеніе имѣетъ цѣлью не то, чтобы разсказать, что случилось, но чтобы разсказать, какого свойства было случившееся и по какимъ законамъ вѣроятности или необходимости оно случилось. Ибо историкъ и поэтъ различаются другъ отъ друга не одною только размѣренною или неразмѣренною рѣчью; можно книги Геродота передать размѣренною рѣчью, но въ этой размѣренной рѣчи онѣ останутся точно также исторіею, какою были и въ рѣчи неразмѣренной. Различіе между историкомъ и поэтомъ состоитъ въ томъ, что одинъ разсказываетъ, что случилось, а поэтъ, какого свойства было случившееся. Поэтому-то поэзія философичнѣе и полезнѣе, нежели исторія. Поэзія стремится болѣе ко всеобщему, а исторія къ частному. Какъ вообще всякій человѣкъ такихъ-то и такихъ-то свойствъ по законамъ вѣроятности или необходимости станетъ говорить или дѣйствовать—это всеобщее, какъ можно видѣть это и изъ самыхъ именъ, которыя даетъ поэзія (своимъ лицамъ). А частное напротивъ то, что сдѣлалъ или перенесъ Алкивіадъ. Въ комедіи это теперь сдѣлалось уже вполнѣ очевиднымъ. Потому

что тамъ, когда фабула составлена по законамъ вѣроятности, даютъ сообразно съ этимъ и соотвѣтствующія имена, отступая въ этомъ случаѣ отъ ямбическихъ (сатирическихъ) поэтовъ, которые остаются все еще при именахъ личныхъ. Въ трагедіи же доселѣ удерживаютъ историческія имена для того, чтобы сдѣлать возможное вѣроятнымъ; мы не вѣримъ въ возможность того, чего не было; напротивъ того, что было, то очевидно возможно, потому что оно и не случилось бы, если бы не было возможно. Впрочемъ, даже и въ трагедіяхъ — въ нѣкоторыхъ встрѣчается всего два-три извѣстныхъ имени, остальныя всѣ вымышлены; въ другихъ же не встрѣчается и совершенно ни одного, какъ напримѣръ, въ *цвѣткѣ Агаѳона*. Въ этой пьесѣ вымышлены какъ всѣ дѣйствія, такъ и имена, и отъ этого она нравится намъ, однакожъ, ни чуть не менѣе».

Къ этимъ словамъ Аристотеля Лессингъ дѣлаетъ слѣдующій комментарій:

«Неоспоримо, что Аристотель не дѣлаетъ совершенно никакого различія между лицами трагедіи и комедіи, относительно ихъ всеобщности. Какъ тѣ, такъ и другія, не исключая даже и лицъ эпопеи, однимъ словомъ всѣ лица поэтической постройки безъ различія, должны говорить и дѣйствовать не такъ, чтобы на нихъ походило только какое нибудь частное, единственное лицо, а такъ, какъ бы дѣйствовалъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ каждый человѣкъ, одинаковыхъ съ ними свойствъ. Въ этой всеобщности поэтическихъ лицъ и заключается причина, почему поэзія философичнѣе и слѣдовательно поучительнѣе исторіи, и если справедливо, что тотъ комическій поэтъ, который бы захотѣлъ дать лицамъ своей комедіи физіономіи столько спеціальныя, что каждое изъ нихъ походило бы только на единственный индивидуумъ въ мірѣ — снова обратилъ бы, по словамъ Дидро, поэзію въ дѣтство и превратилъ бы ее въ сатиру, то точно также справедливо, что тотъ трагическій поэтъ, который захотѣлъ бы намъ изображать только именно такого-то человѣка, напримѣръ, Цезаря, или Катона въ тѣхъ ихъ характеристическихъ особенностяхъ, которыя намъ извѣстны, не показывая при этомъ, какъ эти особенности могутъ совпадать со всѣми характерами общими характеру Цезаря и Катона—такой поэтъ, говорю я, уничтожилъ бы трагедію, унизивъ ее до исторіи.»

Сказавъ далѣе, что въ древней греческой поэзіи не только въ трагедіи, но и въ комедіи употреблялись собственныя, извѣстныя имена для обозначенія типическихъ лицъ, что обычай этотъ относительно комедій не былъ долго оставляемъ и послѣ того, какъ послѣдовало запрещеніе употреблять собственныя имена въ комедіи, что собственныя имена брались какъ въ трагедіи, такъ и въ комедіи только потому, что съ извѣстными именами соединялось извѣстное типическое представленіе, что Аристофанъ выводя софиста подъ именемъ Сократа вовсе не думалъ осмѣивать именно Сократа, а взялъ имя его потому только, что съ этимъ именемъ соединялось извѣстное представленіе о софистахъ въ обществѣ, Лессингъ продолжаетъ:

«Такъ точно, только то понятіе о характерѣ, которое мы привыкли соеди-

нять съ именами Регула, Катона, Брута, служитъ причиною—почему трагическіе поэты даютъ эти имена своимъ лицамъ. Онъ выводитъ Регула, Брута не для того, чтобы познакомить насъ съ дѣйствительными дѣлами этихъ людей и не для того, чтобы возобновить нашу память объ нихъ, а для того чтобы ихъ дѣлами показать намъ возможность и дѣйствительное существованіе людей съ ихъ характерами. Правда, что мы отвлекаемъ, составляемъ для себя ихъ характеръ изъ ихъ дѣйствительныхъ дѣлъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы составленный, такимъ образомъ, характеръ непремѣнно раскрывался въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ, изъ которыхъ мы его отвлекли; не рѣдко онъ можетъ гораздо прямѣе и естественнѣе вести совершенно къ другимъ дѣламъ, съ которыми тѣ дѣйствительныя дѣла не имѣютъ ничего общаго, подобно водамъ, которыя вышли изъ одного источника, но протекши разными подземными и надземными путями, потеряли свою первоначальную чистоту. Въ послѣднемъ случаѣ поэтъ, имъ самимъ измышленныя дѣла предпочтетъ, конечно, дѣйствительнымъ, но лицамъ оставитъ все-таки ихъ прежнія имена. И это сдѣлаетъ онъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, что мы привыкли при этихъ именахъ представлять именно тотъ характеръ, который поэтъ хочетъ изобразить намъ въ его всеобщности; а во 2-хъ потому, что дѣйствительныя имена ручаются, повидимому, и за дѣйствительность приключеній, а все, что случилось, вѣроятнѣе того, что никогда не было».

Но если древніе подвергали свободной переработкѣ тѣ миѳы, изъ которыхъ брали свои сюжеты для трагедій, то ихъ переработка все таки не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тою радикальною передѣлкою, которую производитъ Шекспиръ надъ средневѣковыми сагами, снабжавшими сюжетами его трагедіи. Въ его «Лирѣ», «Макбетѣ», «Гамлетѣ»—трагедіяхъ, повидимому, съ историческимъ содержаніемъ, нѣтъ и тѣни ничего историческаго; сходство съ сагами, изъ которыхъ онѣ заимствованы только самое ничтожное. Саги, можно сказать, были въ этомъ случаѣ не болѣе какъ толчкомъ, направившимъ извѣстнымъ образомъ фантазію поэта, а никакъ не указателями для нея. Съ бо̀льшимъ, на первый взглядъ, правомъ можно бы было отнести къ разряду историческихъ, три классическія трагедіи Шекспира: «Антоній и Клеопатра», «Юлій Цезарь» и «Коріоланъ», потому что этѣ трагедіи построены на сказаніи Плутарха и неуклонно держатся его. Но здѣсь вѣрность остается только за мелкими подробностями сказанія; что касается до духа, то здѣсь Шекспиръ преслѣдуетъ свои цѣли. Въ борьбѣ римскихъ партій Шекспиръ видитъ подобіе борьбы политическихъ партій въ своемъ отечествѣ, и только по этому именно его и интересуетъ самый Римъ. Онъ беретъ изъ Плутарха то, что болѣе подходитъ къ его цѣли, обходитъ то, что не нужно, хотя это обойденное могло бы дать иногда совершенно другой свѣтъ самымъ главнымъ характерамъ его трагедій, напримѣръ, Коріолану; вмѣсто римской черни изображаетъ смѣло англійскую и т. п. Развѣ все это могъ бы дѣлать человѣкъ, который заботился бы объ исторической вѣрности? И вообще, развѣ Шекспиръ могъ бы успокоиться на Плутархѣ, если бы цѣлью его была рим-

ская исторія? Плутархъ былъ для Шекспира такой же сагой, какъ и тѣ темныя средневѣковыя саги, изъ которыхъ онъ заимствовалъ своего «Гамлета», «Лира», «Макбета». Разница только та, что сага римская была обработанная сага, совпадавшая съ воззрѣніями поэта и отступать отъ нея приходилось лишь на столько, на сколько нужно было приспособить ее для потребностей англійскаго общества. Цѣль трагедій Шекспира была вовсе не исторія; исторія, исключая хроникъ, была для него не болѣе какъ матеріаломъ, изъ котораго онъ отливалъ поэтическія фигуры по своей волѣ. Цѣль трагедій Шекспира была современность. Этотъ взглядъ свой на драму, Шекспиръ ясно высказалъ въ «Гамлетѣ». Гамлетъ, выслушавъ явившихся къ нему пріѣзжихъ актеровъ и, приказывая Полонію какъ можно лучше угостить ихъ, говоритъ при этомъ послѣднему: «Они зеркало и краткая лѣтопись своего времени. Плохая эпитафія повредитъ тебѣ послѣ смерти меньше, чѣмъ злая эпиграмма изъ устъ ихъ, пока ты живъ». Потомъ, давая наставленіе актерамъ, какъ они должны играть въ избранной имъ пьесѣ, Гамлетъ говоритъ имъ, между прочимъ: «все преувеличенное прямо противорѣчитъ назначенію драматическаго искуства, котораго задачею и прежде и теперь, было и есть — служить зеркаломъ природы: показывать добродѣтели ея черты, позорному—подлинное его изображеніе, а современному вѣку и, такъ сказать, всему организму времени—его отпечатокъ и изображеніе».

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ представленіи, которое составилось въ нашей литературѣ и обществѣ относительно Шекспира. Людямъ вообще трудно отвлекаться отъ настоящаго къ прошедшему. Настоящее съ своими радостями и горестями, съ своими крупными и мелкими интересами, съ своими дѣлами и заботами такъ поглощаетъ все вниманіе, всю дѣятельность, всю жизнь и мысль человѣка, что онъ вообще всякое прошедшее знаетъ только въ его отношеніи къ настоящему, да и въ этомъ случаѣ его знаніе ограничивается почти только самыми крупными выводами. Оттого ему всегда трудно себѣ представить, что прошедшее, когда оно было такимъ же настоящимъ, какъ и существующее настоящее—временемъ борьбы интересовъ, стремленій, надеждъ, что сердцу всякаго геніальнаго поэта именно потому, что онъ геніальный, великіе вопросы его времени должны быть ближе всего, что онъ никогда не можетъ отворотиться отъ нихъ, не можетъ оставить ихъ безъ всякаго опредѣленія для себя и, сообразно съ установленною имъ точкою зрѣнія, не можетъ не содѣйствовать ихъ разрѣшенію своимъ талантомъ. У насъ принято представлять Шекспира въ видѣ чиннаго *академическаго* поэта, который занимается поэзіей какъ искуствомъ для искуства, которому понравилось, напримѣръ, время Юлія Цезаря, какъ г. Чаеву понравилось время Самозванцевъ, а г. Аверкіеву—Мамаево побоище, и онъ взялся изобразить Юлія Цезаря. Мужи сановные, почитатели Державина, поклонники искуства для искуства—всѣ *клянутся Шекспиромъ*, какъ своимъ учителемъ и союзникомъ, всѣ текутъ на трехсотлѣтнее торжество его, какъ на собственную побѣду, всѣ указываютъ на него современному поколѣнію и говорятъ:

«вотъ у кого учитесь! Вотъ кто понялъ искуство, вотъ кто умѣлъ сохранить его академическую важность и декорумъ, не унижая его свистомъ».

Но, что сказали бы, какъ изумились бы всѣ эти почтенные почитатели Шекспира, если бы имъ сказать, что великій Шекспиръ, академическій въ ихъ глазахъ Шекспиръ—былъ свистунъ изъ свистуновъ? Его трагедіи представляются намъ академически чинными только потому, что у насъ потерянъ ключъ къ уразумѣнію ихъ современнаго смысла. Мы не знаемъ даже поводовъ, по которымъ возникла каждая изъ его трагедій и какую она имѣла ближайшую цѣль; тѣмъ менѣе мы можемъ знать *суть* разныхъ частностей, характеровъ, намековъ въ трагедіяхъ Шекспира, въ отношеніи ихъ къ современности. Мы можемъ убѣждены быть только въ одномъ, что нѣтъ ни одной трагедіи Шекспира, которая не имѣла бы самаго ближайшаго отношенія къ современности. Даже его трагедіи общечеловѣческаго содержанія вызваны были, по всей вѣроятности, неизвѣстными для насъ потребностями и условіями тогдашняго общества. Такой человѣкъ, какъ Шекспиръ, не могъ заниматься поэзіей, какъ искуствомъ для искуства, какъ легко всякій можетъ убѣдиться изъ вышеприведеннаго нами взгляда его на сценическое искуство, а еще болѣе изъ того значенія и направленія, какое вообще имѣлъ театръ при Шекспирѣ, и притомъ въ особенности именно та самая труппа актеровъ, къ которой принадлежалъ самъ Шекспиръ.

До 70 годовъ XVI столѣтія, т. е. до временъ королевы Елизаветы, театральное искуство не было публичнымъ въ Англіи. Оно существовало въ видѣ грубыхъ сценическихъ представленій, которыя разыгрывали ремесленники для собственнаго ихъ, домашняго удовольствія, слуги знатныхъ лицъ передъ своими господами, служители судебныхъ палатъ въ тѣсномъ кругу своихъ товарищей и т. п. При королевѣ Елизаветѣ, покровительницѣ искуствъ, любившей театральныя представленія, вкусъ къ нимъ сталъ такъ быстро распространяться въ дворянствѣ и народѣ, что изъ слугъ разныхъ лордовъ образовались многочисленныя труппы странствующихъ актеровъ и правительство нашло нужнымъ около 1572 г. ограничить ихъ размноженіе. Въ 1574 году, слуги лорда казначея графа Лейчестера, въ главѣ которыхъ состоялъ Джемъ Бурбеджъ, выхлопотали себѣ отъ королевы патентъ съ дозволеніемъ играть во всей странѣ, исключая столицы, гдѣ лордъ-меръ и городской совѣтъ воспрещалъ то, чему покровительствовалъ дворъ. Въ 1576 году, Бурбеджъ основалъ постоянный театръ въ Лондонѣ на границахъ Сити, за предѣлами которой оканчивалась власть лорда-мера, въ бывшемъ монастырѣ черныхъ братьевъ блакфрейеровъ, отъ чего и самый театръ получилъ свое названіе—блакфрейерскаго. Неподалеку отъ него въ это самое время возникли другіе два театра, основанные другими труппами: «Театръ» и «Занавѣсъ». Утвердившись такимъ образомъ, театры стали привлекать къ себѣ безчисленныя толпы народа своимъ вмѣшательствомъ въ живые современные вопросы дня. «Актеры, говоритъ Гервинусъ, не щадили на своихъ сценахъ, ни царствующихъ государей, ни государства, ни религіи, ни политики. Со времени

уничтоженія армады стали осмѣивать испанскаго короля и католицизмъ; но, съ другой стороны, и пуританамъ, заклятымъ врагамъ театра, пришлось бояться его сатиры». Въ 1589 году два театра были закрыты за насмѣшки надъ пуританами, но блакфрейерскій театръ успѣлъ спастись. Онъ предотвратилъ этотъ ударъ отъ себя формальнымъ заявленіемъ, что онъ никогда не затрогивалъ въ своихъ представленіяхъ ни государства, ни церкви и притомъ увѣрялъ, что готовъ всегда повиноваться тайному совѣту (при королевѣ) во всемъ. На этомъ документѣ, въ числѣ другихъ пятнадцати актеровъ, принадлежавшихъ къ блакфрейерской труппѣ, подписался и Шекспиръ, находившійся въ то время, уже болѣе трехъ лѣтъ, въ этой службѣ. На сколько справедливо было это заявленіе блакфрейерскаго театра о своей невинности, не извѣстно. Но впослѣдствіи, при Іаковѣ I, при которомъ искуство пользовалось еще большимъ покровительствомъ, и на блакфрейерскомъ театрѣ стали давать предосудительныя пьесы, такъ что самые важные сановники, то альдерманы, то, наконецъ, посланники иностранныхъ державъ приносили на него жалобы. «Такое вмѣшательство театровъ, говоритъ Гервинусъ, въ суетливую жизнь большаго города нравилось публикѣ, и вмѣшательство это доведено было до такой степени, до какой оно едва ли доходило въ какомъ нибудь новѣйшемъ государствѣ, послѣ временъ Аристофана. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія, на лондонскихъ театрахъ давали «Ричарда II» съ чисто революціонными цѣлями. Короля Іакова I, когда онъ былъ еще въ Шотландіи, подозрѣвали въ томъ, что онъ приказалъ умертвить брафа графа Гоури за любовную связь его съ королевой: этотъ сюжетъ былъ выведенъ на сцену и представленъ собственными королевскими актерами. Бенъ-Джонсонъ осмѣялъ въ своемъ «Cynthios revels» дворъ королевы Елизаветы, а въ своемъ «Eastword Hoe» онъ представилъ, что король Іаковъ жалуетъ титулы за деньги. За эту выходку онъ съ своими сотрудниками чуть не поплатился ушами». «Всѣ этѣ черты, продолжаетъ Гервинусъ, соединенныя вмѣстѣ, доказываютъ ясно, что новое искуство, опираясь на сильное сочувствіе къ нему всѣхъ классовъ народа, было въ состояніи не только выдерживать борьбу съ самыми закоренѣлыми предразсудками, съ нападками со стороны могущественнѣйшихъ властей, духовенства и полиціи, но даже и грозить имъ оружіемъ своей своевольной сатиры».

И такъ, театры Лондона находились въ постоянной борьбѣ, и въ этой борьбѣ, если не болѣе, то никакъ не менѣе принимали участіе и театры: блакфрейерскій, а потомъ основанный тою же труппою «Globe». Хотя онъ и никогда не былъ закрываемъ, имѣя сильныхъ покровителей, но подвергался часто преслѣдованіямъ, точно также, какъ и другіе. Лондонскій городской совѣтъ, не видя никакой возможности управиться съ труппою Бурбеджа, рѣшился въ 1608 г. купить принадлежавшее театру зданіе, чтобы выжить его, по крайней мѣрѣ, изъ Сити. Но покупка не состоялась потому, что Бурбеджъ и Шекспиръ, главные представители театра, потребовали за него очень значительную сумму. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого у труппы Бурбеджа произошелъ снова разладъ съ городскимъ совѣтомъ. Къ этому времени относится

дошедшее до насъ письмо графа Соутгемптона, въ которомъ онъ ходатайствуетъ передъ кѣмъ-то изъ знатныхъ лицъ за блакфрейерское общество и два «весьма знаменитыя его украшенія» Бурбеджа и Шекспира.

Мы приводимъ изъ Гервинуса всѣ этѣ подробности, относительно направленія англійской сцены при Шекспирѣ не съ тою, конечно, цѣлію, чтобы одобрять тѣ злоупотребленія, какія дѣлались на ней; мы хотимъ только показать, что Шекспиръ былъ вовсе не такой академически чинный поэтъ, какимъ привыкли у насъ представлять его многіе, что онъ былъ такой же свистунъ, какъ и другіе современные ему актеры, изъ которыхъ бо̀льшая часть была также и сочинителями, и что онъ въ своихъ драмахъ, никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ современныхъ, преслѣдовать не могъ.

Изъ сказаннаго нами видно, что тѣ сильно ошибаются, которые встрѣтивъ въ трагедіяхъ великихъ поэтовъ прежняго времени сюжеты, взятые изъ исторіи и историческія имена, думаютъ, что эти трагедіи служатъ исторіи, а не современнымъ потребностямъ того времени, въ которое жилъ поэтъ. Никогда поэзія исторіи не служила. Она всегда смотрѣла на исторію, какъ на матеріалъ, брала его изъ исторіи только тогда, когда видѣла, что онъ можетъ служить ея цѣлямъ лучше вымысла, и свободно измѣняла, переработывала его, именно на столько, на сколько требовали этого ея собственныя цѣли.

Вотъ почему намъ кажется, что графъ Толстой сдѣлалъ ошибку, избравъ сюжетомъ для своей трагедіи время Іоанна Грознаго. Сюжетомъ для трагедій могутъ быть только такія историческія лица и событія, которыя могутъ имѣть въ передѣлкѣ ли или à lettre близкое отношеніе къ настоящему, давать какой нибудь смыслъ къ его уразумѣнію. Но время Грознаго именно не имѣетъ подобнаго отношенія къ нашему настоящему. Оно такъ чуждо намъ по своимъ нравамъ, обычаямъ, воззрѣніямъ, что въ трагедіи графа Толстаго намъ представляется скорѣе любопытная археологія прошедшаго, чѣмъ понятная намъ жизнь, которая могла бы говорить нашему сердцу.

Намъ скажутъ: «а хроники Шекспира? Развѣ это не та же археологія прошедшаго?» Но, во-первыхъ, хроники Шекспира и не называются ни трагедіями, ни драмами. Это не болѣе, какъ приготовительные черновые этюды, которые, составляя въ поэтическомъ отношеніи ошибку или уступку существовавшей тогда модѣ на подобныя хроники, можетъ быть, нужную для поэта въ личныхъ его расчетахъ, дороги для насъ единственно потому, что они этюды генія, что и на нихъ отразилась сила могущественнѣйшаго драматическаго генія. Еслибы Шекспиру пришла фантазія переложить въ драматическіе этюды сочиненія Ѳукидида, то нѣтъ сомнѣнія, что въ его рукахъ и они приняли бы, вопреки мнѣнію Аристотеля, извѣстную поэтическую печать. Слѣдовало ли бы однакожъ изъ этого, что исторію надобно или можно цѣликомъ переносить въ поэзію? Но, во-вторыхъ, и это въ настоящемъ случаѣ самое главное, хроники Шекспира содержали для его современниковъ не исторію отдаленныхъ временъ, совершенно изчезнувшую въ ихъ памяти, а исторію живаго преданія, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнаго, такъ что Шекспиръ

долженъ былъ сообразоваться при составленіи своихъ хроникъ съ сохранившимся въ памяти народа представленіемъ о характерѣ разныхъ личностей. «Шекспиръ, справедливо говоритъ статья подъ названіемъ: «*Историческія драмы*», приложенная къ новому изданію Шекспира на русскомъ языкѣ (Т. II, 1866 г.), въ хроникахъ долженъ былъ встрѣчать стѣсненія на каждомъ шагу при обработкѣ характеровъ и сюжетовъ, всѣмъ одинаково извѣстныхъ, если не до мелочныхъ подробностей, то, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. Это обстоятельство было въ то же время и главною причиною важнѣйшихъ отступленій Шекспира отъ строгой исторической истины въ описаніи нѣкоторыхъ характеровъ и при послѣдовательномъ изложеніи событій. Онъ старался писать свои хроники для всѣхъ, а не для одного какого нибудь класса людей, а потому и лица и событія выставлялъ въ томъ свѣтѣ, въ которомъ всѣ привыкли ихъ себѣ представлять: отсюда и преувеличенье жестокости въ характерѣ Ричарда III, и преувеличенье святости въ характерѣ Генриха VI. Обѣ эти личности, на равнѣ со множествомъ другихъ; должны были явиться въ хроникахъ такими, какими они сохранились въ народной памяти. И подъ вліяніемъ этого-то постояннаго стремленія къ согласованію исторической истины съ народными представленіями историческихъ лицъ и событій, Шекспиръ написалъ всѣ свои хроники и придалъ имъ тотъ чисто національный колоритъ, которымъ вообще отличается жизнь и исторія Англіи и которымъ такъ справедливо гордится эта страна». Совсѣмъ въ другомъ отношеніи стоимъ мы къ времени Іоанна Грознаго. Оно не только исчезло въ памяти народа до тла съ своими лицами и событіями, но оно и возстановленное по источникамъ, представляетъ для насъ совершенно міръ намъ чуждый, съ которымъ у насъ нѣтъ ничего общаго ни въ нашихъ воззрѣніяхъ, ни въ началахъ нашей жизни. Оно находится по ту сторону нашей культуры, и для насъ возможенъ одинъ интересъ въ немъ историко-археологическій, но никакъ не живой. Не только сюжеты, взятые изъ жизни европейскихъ государствъ послѣднихъ столѣтій, но даже сюжеты изъ римской исторіи, напримѣръ, Юлій Цезарь и его время, для насъ понятнѣе и ближе, чѣмъ сюжеты изъ времени до-Петровскаго, потому что съ первыми совпадаютъ воззрѣнія и начала нашей современной культуры, а къ послѣдней они относятся совершенно отрицательно. Хроники въ нашей исторіи въ шекспировскомъ родѣ были бы возможны только изъ исторіи послѣ Петра, и онѣ, полагаемъ, дѣйствительно могли бы сдѣлаться и интересными и даже народными, конечно на столько, на сколько народность захвачена новой культурой.

Но если мы не можемъ, съ современной точки зрѣнія на искуство, оправдать выбраннаго графомъ Толстымъ сюжета для трагедіи, то все-таки здѣсь есть поэтическая разработка его, есть нѣкоторыя художественныя частности, наконецъ, несмотря на безцѣльность сюжета вообще, нельзя отказать въ извѣстной, относительной поучительности такого характера, какъ характеръ, напримѣръ, Грознаго и для нашего времени.

Никакъ нельзя того же сказать о томъ безобразномъ сшивкѣ изъ исторіи,

который представляетъ собою «Дмитрій Самозванецъ» г. Чаева. Чисто внѣшній интересъ дѣйствія, отсутствіе всякой попытки со стороны автора сколько нибудь осмыслить хоть одно изъ дѣйствующихъ лицъ, дать ему если не рельефное очертаніе, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю основу для его рѣчей и дѣйствій, несообразность дѣйствій и рѣчей дѣйствующихъ лицъ даже съ ихъ внѣшнимъ положеніемъ, машинное однообразіе бо̀льшей части дѣйствующихъ лицъ въ самомъ складѣ ума и способѣ выраженія, при этомъ однообразный лакейскій колоритъ, наведенный на всѣ дѣйствующія лица драмы ихъ лакейскимъ обхожденіемъ другъ съ другомъ и не менѣе лакейскимъ языкомъ — все это превращаетъ драму г. Чаева чисто въ ремесленную, тѣлесную работу, лишенную, какъ всякаго поэтическаго, такъ равно и историческаго значенія.

На г. Самойлова многіе нападаютъ за игру его въ «Самозванцѣ» г. Чаева. Г. Самойловъ, конечно, находитъ такіе нападки несправедливыми, потому что, по всей вѣроятности, онъ убѣжденъ внутренно, что никакіе Бурбеджи, никакіе Гаррики, никакіе Тальмы не могли бы ничего сдѣлать изъ тѣхъ чисто механическихъ, лишенныхъ всякаго внутренняго смысла и мысли, рѣчей, которыя представляютъ для актера лица драмы г. Чаева. Мы совершенно согласны съ этимъ, и при всемъ томъ мы нисколько не сомнѣваемся сами стать въ ряды нападающихъ. Мы думаемъ, что актеръ, какъ и всякій другой художникъ, имѣетъ свои священныя обязанности по отношенію къ публикѣ. Онъ долженъ выходить на сцену не для того, чтобы развращать послѣдній смыслъ и вкусъ въ публикѣ, а для того, чтобы способствовать ея развитію. Мы понимаемъ, что при бѣдности репертуара, при ничтожности пьесъ его составляющихъ, присяжный актеръ поставленъ въ печальную необходимость очень часто дѣйствовать, если не вопреки, то, по крайней мѣрѣ, несоотвѣтственно этому своему призванію. Единственная забота его бо̀льшею частью ограничивается тѣмъ, что онъ старается чѣмъ ни попало пріятно занять публику въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Но всему, однакожъ, есть разумная граница. Мы думаемъ, что каждый актеръ, достойно носящій это званіе, долженъ имѣть въ репертуарѣ пять, шесть пьесъ такихъ, исполненіе которыхъ занимало бы серьозно его мысль и чувство, которыя давали бы намъ понятіе объ индивидуальности его таланта, въ которыхъ бы, слѣдовательно, для него дѣло шло не объ одной внѣшней позировкѣ и переодѣваньи изъ одного костюма въ другой. Тогда мы не только простимъ ему, но и снисходительно будемъ смотрѣть на исполненіе имъ своихъ пріятныхъ обязанностей въ пьесахъ «Ришелье» и тому подобныхъ, гдѣ весь успѣхъ пьесы зависитъ отъ одной внѣшней позировки и вообще чисто внѣшнихъ сценическихъ пріемовъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, каждый дорожащій своимъ дарованіемъ актеръ долженъ тщательно, всѣми возможными мѣрами бѣгать плохихъ историческихъ пьесъ, гдѣ весь успѣхъ пьесы расчитанъ на чисто-внѣшнюю помпу. Движеніе идетъ чисто внѣшнее; нѣтъ ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ни игры страстей, ни строго очерченнаго характера, ни даже просто опредѣленнаго образа мыслей—все сливается въ какую-то пошлую, безцвѣтную массу; не на чемъ и не на комъ остановиться ни мысли, ни чувству актера, а между тѣмъ публика

довольна, публика рукоплещетъ и вызываетъ актера безчисленное число разъ. И актеръ, пріучаясь пожинать незаслуженные лавры, добытые безъ всякаго труда мысли, безъ всякаго волненія въ груди, начинаетъ относиться къ своему занятію механически, превращаетъ мало по малу, незамѣтно для себя, самое искуство въ ремесло и, наконецъ, перестаетъ видѣть въ какой бы то ни было роли что нибудь болѣе, кромѣ позировки и декламаціи. «Какъ скоро актеръ,—говоритъ Гервинусъ,—пересталъ быть простымъ статистомъ, какъ скоро онъ научился наблюдать людей и познакомился съ развитою частью общества, онъ по самому своему призванію и по тѣмъ воззрѣніямъ, которыя вырабатываетъ въ немъ это знакомство, не будетъ находить большаго удовольствія въ рыцарскихъ пьесахъ и историческихъ драмахъ. Источникомъ его искуства для него будетъ окружающая жизнь; познаніе о людяхъ онъ будетъ черпать не изъ исторіи, потому что его будутъ привлекать не величественныя очерки фигуръ, а мелкія ихъ черты и подробности. Жизнь временъ и народовъ будетъ становиться для него менѣе цѣнна, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ узнавать тѣхъ, на которыхъ онъ долженъ дѣйствовать и на которыхъ онъ можетъ дѣйствовать только съ того штандпункта, на которомъ они стоятъ сами».

Гервинусъ говоритъ, конечно, не о всѣхъ историческихъ драмахъ, а только о драмахъ той композиціи, которыя для своего исполненія не требуютъ ничего, кромѣ тѣлесной мощи и тѣлесныхъ доблестей, какова драма г. Чаева, и которыя на нѣмецкой сценѣ держались даже при Шиллерѣ и Гете.

Узнать подобную продукцію не трудно, конечно, всякому порядочному актеру. Потому что, прочитавъ драму онъ сейчасъ можетъ видѣть, требуетъ ли она работы его головы или нужно идти только надѣвать *богатый запорожскій нарядъ* или *гусарское платье*, какъ предписываетъ г. Чаевъ относительно своего «Самозванца», чтобы идти прямо на сцену и *валять*.

А впрочемъ, для неопытныхъ актеровъ относительно различенія историческихъ драмъ, мы можемъ сообщить нѣкоторый и внѣшній признакъ. Пусть они остерегаются тѣхъ историческихъ драмъ, которыя писаны не стихами, а прозой. Пусть они будутъ къ допущенію этихъ драмъ на сцену весьма осторожны и даже робки, само собою разумѣется, если этѣ драмы представляются талантами, дебютирующими въ первый разъ.

Поэзія, съ древнѣйшихъ временъ объяснявшаяся не иначе, какъ языкомъ боговъ, рѣчью размѣренною и стройною, въ XVIII вѣкѣ стала отставать отъ этого обычая. Явились защитники прозаической рѣчи, которые доказывали, что стихотворный размѣръ, съ одной стороны, стѣсняетъ свободу рѣчи, а съ другой, лишаетъ ее полной натуральности. Можетъ быть эти резоны были отчасти и справедливы, но предоставленіе полной свободы говорить какимъ угодно языкомъ въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ имѣютъ слишкомъ много для себя простора фантазія и чувство, естественно должно было вести къ другаго рода неудобству, гораздо болѣе важному—къ распущенности и даже разнузданности отъ всякихъ правилъ. Переложи г. Чаевъ свою драму въ стихи, онъ

сейчасъ бы увидѣлъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшей поэзіи, и первый отступился бы отъ нея. Теперь же, въ прозѣ, она ему кажется поэзіей и онъ, поощряемый художественною критикой въ своемъ ремеслѣ, настрочитъ еще, вѣроятно, не мало таковыхъ для «Вѣстника Европы», которой между «*впрашаніемъ Кирика Нифонту*» и художественными драмами не находитъ, повидимому, ни какого различія и потому поощряетъ драмы Чаевскаго покроя.

Что прозаическая рѣчь въ драмахъ можетъ вредно дѣйствовать на драматическую продукцію и вести ее къ варварству, мы это говоримъ нисколько не шутя, а основываясь на горькомъ опытѣ германской литературы.

Извѣстно, что всѣ три лучшія драмы Лессинга, какъ то: Миссъ Сара Симсонъ, Минна фонъ Борнгельмъ, Эмилія Галотти, были написаны прозой. Исключеніе составляетъ только Натанъ Мудрый. Въ «Драматургіи» своей Лессингъ очень нерѣдко высказывался въ пользу прозаическаго писанія драмы. Причиною было конечно то, что Лессингу попадались все драмы, писанныя неудачными стихами. Естественно, что онъ позволялъ себѣ выражаться въ такомъ родѣ, что нѣтъ нужды усиливаться писать или переводить драмы стихами, что хорошая, сильная прозаическая рѣчь ничѣмъ не хуже стиховъ. Хотя въ «Драматургіи» Лессинга нѣтъ ни одного рѣшительнаго мѣста о предпочтеніи прозаической рѣчи въ драмѣ стихамъ, тѣмъ не менѣе изъ его случайныхъ отзывовъ о неудовлетворительныхъ стихахъ и изъ примѣра его собственныхъ драмъ вывели заключеніе, что по взгляду Лессинга драма должна писаться прозой, а не стихами. А такъ какъ Лессингъ самъ признавался, что онъ не поэтъ и поэтическаго дарованія не признавали въ немъ и другіе, а между тѣмъ, драмы, написанныя имъ, превосходны, то отсюда вывели второе заключеніе, что для того, чтобы писать драмы поэтомъ быть вовсе не нужно. Дѣйствительно, вскорѣ явилось и въ литературѣ опредѣленно выраженное мнѣніе, что драма есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ поэзіи, что это особенная вѣтвь человѣческаго вѣдѣнія. Первымъ послѣдствіемъ этого было то, что всѣ бездарные поэты, не надѣявшіеся добиться никакого успѣха въ поэзіи, обратились къ драматической продукціи. Вторымъ послѣдствіемъ, еще худшимъ, было то, что производство театральныхъ пьесъ соединилось съ званіемъ актера. Такъ какъ, по новому воззрѣнію, драматическія пьесы не имѣли никакихъ другихъ, высшихъ цѣлей, кромѣ той, чтобы занять пріятно публику во время пребыванія ея въ театрѣ, то казалось, кто лучше можетъ исполнить это дѣло, какъ не хозяева, нѣкоторымъ образомъ, театра, т. е. актеры! Они знали и сцену, и публику, знали чего требуетъ та и другая — и никто легче ихъ не могъ поддерживать репертуаръ. «Такимъ образомъ,—говоритъ Гервинусъ,—произошло соединеніе двухъ профессій и призваній, къ соединенію совершенно неудобныхъ и соединеніе которыхъ неизбѣжно должно было сопровождаться ущербомъ и стѣсненіемъ для того или другаго изъ нихъ. Если Шекспиръ, если Гете и Шиллеръ были актерами, или захотѣли бы быть и сдѣлаться актерами, то тутъ опасности большой бы не было, потому что

собственный ихъ вредъ указалъ бы имъ, гдѣ они должны остановиться. Но когда наши актеры стали бросать на сцену кучи своихъ ничтожныхъ и убогихъ произведеній, то было неизбѣжно, что они стали стараться не о томъ, чтобы развить въ публикѣ чувство прекраснаго, а о томъ, чтобы позабавить ее, пріятно занять; такимъ образомъ изъ свободнаго искуства сдѣлали ремесло, разорвали всякую связь между драмой и поэзіей». Такимъ образомъ, образовались двѣ драмы: одна драма поэтическая, литературная, которая трудами такихъ геніальныхъ умовъ, каковы были Шиллеръ и Гете, шла постоянно впередъ, внѣ всякаго, впрочемъ, отношенія къ сценѣ; другая театральная, дѣйствовавшая на сценѣ, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже погружалась въ пошлости обыденной жизни. Оба эти рода шли или безъ всякаго отношенія, или въ враждебномъ отношеніи другъ къ другу. Впослѣдствіи, когда явились на сценѣ драмы школы Шиллера и Гете, онѣ сдвинули съ пьедестала театральныхъ сочинителей, но ремесленнаго кропанія драмъ все-таки не уничтожили. Театральные сочинители, лишенные прежняго блеска, но довольные и тою скромною долею, которая осталась имъ, продолжали творить на развращеніе вкуса и смысла публики, той неразвитой публики, которой мало были доступны произведенія истинно поэтическія.

Говоря все это, мы вовсе не имѣемъ дерзкаго замысла—уничтожить театральнаго писателя. Театральный писатель, т. е. тотъ темный писатель, произведенія котораго, фигурируя на сценѣ, не имѣютъ однакоже никакого отношенія къ литературѣ, проживетъ у насъ, гдѣ такъ мало поэтовъ вообще, а драматическихъ въ особенности, безконечныя времена. Я боюсь только, чтобы тотъ темный родъ драмы, который фабрикуется театральными сочинителями съ легкой руки г. Чаева, поддерживаемаго новымъ «Вѣстникомъ Европы», не смѣшанъ былъ съ литературнымъ, не признанъ былъ истиннымъ родомъ и чтобы драма, отдѣлившись отъ поэзіи, не обратилась въ ремесло и не сдѣлалась цеховою въ рукахъ театральныхъ сочинителей—будутъ ли они актеры, или будутъ только состоять при театрѣ въ качествѣ ихъ подручныхъ. Если драмы Лессинга могли дать поводъ къ заключенію, что для того, чтобы писать драмы поэтомъ быть не нужно, и что драма есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ поэзіи, особая отрасль вѣдѣнія, то кто же, читая драмы г. Чаева усомнится, что для сочиненія драмъ не только не нужно быть поэтомъ, а даже и знать почти что ничего не нужно, а нужно только почитывать источнички по русской исторіи и карандашикомъ обчеркивать въ нихъ, что нужно вписать въ драму, чтобы она вышла драма по подлиннымъ документамъ. Это, какъ видитъ читатель, даже и не особая отрасль вѣдѣнія, какъ думали нѣмцы, а просто баловство при занятіяхъ исторіей или при чтеніи исторіи.

Но скажутъ намъ, есть же, однако, нѣчто такое, что называется *историческою* драмою? Что же она такое? Чѣмъ она отличается отъ обыкновенныхъ драмъ? И какое отношеніе ея къ исторіи?

Прежде нежели мы будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны разъ-

яснить кратко тѣ обстоятельства, которыя способствовали происхожденію исторической драмы.

Отцемъ новѣйшей исторической драмы почитается Шиллеръ—и весьма справедливо. Историческія драмы Шекспира безконечно выше драмъ Шиллера по своей объективности, по исполненію. Но Шекспиръ стоитъ на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, потребностямъ его времени вполнѣ удовлетворяли условія древней драмы, которыя были общи, какъ для драмы и торической, такъ и обыкновенной. Шиллеръ былъ, если позволено будетъ такъ выразиться, воспріемникомъ новаго времени (1759—1804), когда воззрѣнія на жизнь народовъ, на ихъ процвѣтаніе, на ихъ историческое значеніе такъ измѣнились, что историческая драма не могла оставаться въ условіяхъ прежней, патріархальной, семейной драмы. Она требовала другой основы, другой постройки, сообразно тѣмъ задачамъ, исполненіе которыхъ возложено было на нее принципами новаго времени.

Когда воспитывался и выступилъ на литературное поприще Шиллеръ, наука въ Англіи и Франціи сдѣлала уже блистательные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ вѣдѣнія, въ особенности въ естествознаніи. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ знанія усиливался скептицизмъ, подрывавшій устарѣвшія общественныя основы. Новыя идеи, добытыя философіею, идеи свободы, равенства, гуманизма, всемірнаго гражданства, быстро разлились всюду. Даже въ Германіи, не знавшей никогда политической жизни и славившейся семейными добродѣтелями, явились мечты о всемірной республикѣ. Освобожденіе Америки казалось началомъ того обновленія, котораго ждали для всего человѣчества.

При такомъ движеніи умовъ и возраставшей силѣ знанія, поэзія, пробавлявшаяся античнымъ хламомъ и средневѣковыми преданіями и легендами, находилась въ опасности потерять всякое образовательное и дѣятельное значеніе въ развитіи людей. Шиллеръ видѣлъ это и не могъ спокойно подумать о приниженіи того искуства, которому онъ былъ преданъ всѣми силами своей души. Такъ стояло дѣло съ одной стороны. Съ другой, Шиллеръ и самъ былъ далеко не равнодушенъ къ идеямъ новаго времени. Онъ понималъ умозрительно все ихъ величіе и все значеніе для человѣчества, но думалъ, что онѣ слишкомъ рано явились человѣчеству, что онѣ застали его еще не приготовленнымъ къ ихъ дѣятельному осуществленію. Тѣмъ болѣе считалъ онъ не готовою для участія въ нихъ Германію, и въ томъ числѣ самого себя. Такъ, онъ пишетъ въ Парижъ своему молодому другу Вольцогену: «у кого есть смыслъ и любовь для великихъ событій міра, тому должно быть привольно въ этой широкой стихіи». «Какъ ничтожны,—продолжаетъ онъ,—и бѣдны наши гражданскія и политическія отношенія! Но, конечно, надобно имѣть глаза, чтобы не огорчаться тѣми великими бѣдствіями, которыя они неизбѣжно производятъ. Человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ соединенными силами, есть всегда великое существо, какъ бы ничтожными ни казались недѣлимыя и детали дѣйствія. Но поэтому именно каждую деталь надобно представлять въ связи съ великимъ цѣлымъ, иначе сказать, надобно разсматривать ее философскимъ взгля-

домъ. У кого нѣтъ такого взгляда или у кого онъ не подготовленъ, тотъ споткнется на мелкихъ недостаткахъ и прекрасное великое цѣлое будетъ для него потеряно. Мнѣ лично, моей маленькой скромной персонѣ великое политическое общество представляется изъ той орѣховой скорлупы, изъ которой я его разсматриваю, почти такимъ же, какимъ представляется человѣкъ, всползающему на него червячку. Я питаю безконечное благоговѣніе передъ этимъ великимъ, взволнованнымъ человѣческимъ океаномъ; но мнѣ все-таки лучше въ моей скорлупѣ. Мой смыслъ, если онъ и есть у меня, для всего этого, *не подготовленъ, не развитъ*».

И Шиллеръ говорилъ это совершенно справедливо и искренно, въ другихъ случаяхъ онъ на этотъ же самый волнующійся человѣческій океанъ, къ которому въ приведенномъ нами мѣстѣ относится съ безконечнымъ благоговѣніемъ, смотритъ подобно Гете, какъ только на помѣху развитію человѣчества. Вообще, взглядъ его дѣлается нетвердымъ и колеблющимся, какъ скоро дѣло доходитъ до событій, порожденныхъ идеями, но самыя идеи привлекаютъ его.

Проникнутый этѣми идеями, Шиллеръ придумалъ цѣлый планъ эстетически-политическаго воспитанія народа. Планомъ этимъ достигались двѣ цѣли: 1) поэзія становилась во главу прогрессивнаго движенія и знанія и 2) для народа приготовлялось новое политическое устройство, на свободныхъ началахъ, долженствовавшее наступить само собою, мирно, безъ всякихъ потрясеній и бѣдствій. Драмы Шиллера были выполненіемъ этого, задуманнаго имъ плана.

Планъ Шиллера остался бы, конечно, неизвѣстнымъ для насъ, если бы его не заставили высказаться случайныя обстоятельства. Шиллеръ жилъ единственно своими литературными трудами и жилъ очень бѣдно. «Въ нашемъ литературномъ мірѣ удовлетворить строгимъ требованіямъ искуства,—пишетъ онъ въ письмѣ принцу аугустенбургскому Христіану,—и пріобрѣтать себѣ необходимыя средства для жизни—двѣ вещи несовмѣстныя. Десять лѣтъ бился я, чтобы совмѣстить то и другое; и мнѣ стоило здоровья, чтобы сдѣлать это только нѣсколько возможнымъ. Наконецъ, когда я былъ близокъ къ тому, чтобы закрѣпить въ себѣ нѣжную и вѣчную связь между разумомъ и фантазіею, я очутился при смерти. И хотя опасность эта миновала, но я пробудился къ новой жизни только для того, чтобы съ ослабѣвшими надеждами начать новую борьбу съ судьбою. Въ такомъ положеніи нашли меня письма изъ Даніи». Т. е. въ это время принцъ аугустенбургскій принялъ участіе въ Шиллерѣ. Принцъ аугустенбургскій стоялъ во главѣ датскаго либеральнаго дворянства, сочувствовавшаго идеямъ новаго времени, онъ былъ поклонникъ сочиненій Шиллера и, какъ кажется, желалъ слышать его мнѣніе о происходившихъ событіяхъ во Франціи. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Обезпеченный поддержкою принца въ своемъ существованіи послѣ болѣзни, Шиллеръ пишетъ ему цѣлый рядъ писемъ (всѣхъ 27), въ которыхъ, уклоняясь отъ прямаго обсужденія происходившихъ во Франціи событій, онъ высказываетъ свой взглядъ на воспитаніе людей для политиче-

ской жизни. Письма этѣ составляютъ одно цѣлое и въ сочиненіяхъ Шиллера носятъ названіе: «Über die esttetische Erziehung des Menschen».

Въ настоящее время, говоритъ Шиллеръ, и взоры философа, и взоры политика устремлены на то политическое позорище, гдѣ, какъ думаютъ, обсуждаются великія судьбы человѣчества. Не принимать участія во всеобщихъ толкахъ объ этомъ, не есть ли признакъ преступнаго равнодушія къ общественному благу?—На сколько близко этотъ великій вопросъ о правахъ человѣка, по своему содержанію и по своимъ послѣдствіямъ, касается каждаго, кто носитъ имя человѣка, на столько же сильно онъ, по самому способу своего обсужденія, долженъ интересовать каждаго, въ особенности мыслящаго, человѣка. Вопросъ, на который прежде давало отвѣтъ только слѣпое право сильнѣйшаго, теперь, какъ это представляется, поставленъ предъ судилище чистаго разума, и всякій, кто только способенъ поставить себя въ центръ цѣлаго, взглянуть на свою личность съ точки зрѣнія цѣлаго рода, имѣетъ право смотрѣть на себя, какъ на соучастника этого судилища, ибо и онъ имѣетъ въ немъ долю, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ міра, и въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ заинтересованъ въ его послѣдствіяхъ. Такимъ образомъ, въ этомъ великомъ обсужденіи правъ, не только предлежитъ къ рѣшенію его собственное дѣло, но оно будетъ еще и обсуждаться по тѣмъ законамъ, которые онъ, какъ разумный духъ, самъ способенъ и уполномоченъ диктировать.

Но не смотря,—говоритъ Шиллеръ,—на то, что время требуетъ скорѣе рѣчи о свободѣ, чѣмъ о красотѣ, и не смотря на то, что его самого привлекаетъ этотъ предметъ, онъ противится этому искушенію и извиняется въ этомъ не только своею *склонностью*, но и принципами; онъ убѣжденъ, что политическая проблемма, которою заняты всѣ, можетъ быть разрѣшена не иначе, какъ путемъ эстетическимъ.

Всѣ первоначальныя государства, говоритъ Шиллеръ, государства натуральныя, невольныя для людей. «Человѣкъ приходитъ въ себя изъ своей чувственной дремоты, сознаетъ себя, какъ человѣкъ, осматривается кругомъ и находитъ себя—въ государствѣ. Гнетъ нуждъ бросилъ его сюда прежде нежели онъ могъ свободно избрать для себя такое состояніе; необходимость устроила для него государство, прежде нежели онъ получилъ возможность устроять его по законамъ разума. Но этимъ невольнымъ государствомъ, которое возникло только изъ его натуральныхъ требованій и приспособлено только исключительно къ нимъ, человѣкъ, какъ моральное существо, не могъ и не можетъ довольствоваться, и было бы худо, если бы могъ!» На этомъ основаніи, каждый народъ, сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, имѣетъ, по мнѣнію Шиллера, право перемѣнить свое натуральное государство на нравственное, по тѣмъ нравственнымъ идеаламъ, которые онъ себѣ создаетъ. «Но этимъ правомъ онъ можетъ воспользоваться не прежде, какъ приготовивъ себя къ дѣйствію въ томъ нравственномъ государствѣ, которое должно замѣнить собою натуральное».

Но этой именно подготовки Шиллеръ не видитъ, смотря на текущія событія во Франціи.

«Правда, говоритъ онъ, авторитетъ мнѣнія палъ, съ произвола сорвана маска, и хотя онъ еще вооруженъ силою, но онъ уже не пользуется никакимъ уваженіемъ; человѣкъ пробудился отъ своей долговременной безчувственности и самообольщенія и огромнымъ большинствомъ голосовъ требуетъ возстановленія своихъ вѣчныхъ правъ. Но онъ не только требуетъ ихъ, онъ повсюду возстаетъ, чтобы силою взять то, въ чемъ несправедливо ему отказываютъ. Зданіе натуральнаго государства колеблется, его утлыя основы уступаютъ, и открывается, повидимому, *физическая* возможность утвердить законъ на тронѣ, почтить, наконецъ, человѣка, какъ высшую цѣль всего (Selbstzweck), и истинную свободу сдѣлать основою политическаго союза. Напрасныя надежды! Нѣтъ нравственной возможности, и благодатная минута застаетъ родъ, неспособный къ воспринятію (ея даровъ).

«Человѣкъ познается въ его дѣлахъ, и какую драму представляетъ намъ картина настоящаго времени. Съ одной стороны одичаніе, съ другой изнѣженность, разслабленіе: двѣ крайности человѣческаго паденія и обѣ соединенныя въ одномъ пространствѣ времени?

«Въ низшихъ многочисленнѣйшихъ классахъ представляются намъ грубые, чуждые всякаго закона инстинкты, которые, освободившись отъ распавшихся узъ гражданскаго порядка, съ неудержимою яростью стремятся къ животному удовлетворенію себя.

«Съ другой стороны, цивилизованные классы представляютъ еще болѣе противное зрѣлище разслабленія и испорченности характера, которое тѣмъ болѣе возмутительно, что источникъ этого находится въ самой культурѣ. Я не помню, кто изъ древнихъ или новыхъ философовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что благороднѣйшее въ своемъ разложеніи есть самое отвратительнѣйшее; то же замѣчаніе должно приложить и къ нравственной дѣятельности. Изъ сына природы, когда онъ сбивается съ пути, образуется бѣшеный человѣкъ, изъ питомца культуры—негодяй. Просвѣщеніе разума, которымъ, конечно, не вполнѣ неосновательно гордятся высшіе классы, въ цѣломъ оказываетъ однако-жъ очень мало облагороживающаго вліянія на образъ мыслей, а напротивъ, развращеніе обращаетъ въ принципъ... Въ нѣдрахъ избраннѣйшихъ обществъ эгоизмъ основалъ свою систему и не внесъ сюда съ собою сердца, дѣйствительно способнаго къ общественному союзу; мы испытываемъ здѣсь на себѣ только всю гадость и всю духоту общества. Наши свободныя сужденія мы подчиняемъ его деспотическому мнѣнію, наши чувства — его глупымъ обычаямъ, нашу волю — его обольщеніямъ; мы удерживаемъ за собою только нашъ произволъ противъ его священныхъ правъ... Культура, нисколько не заботясь о томъ, чтобы сдѣлать насъ свободными, съ каждою новою силою, которую она въ насъ выработываетъ, развиваетъ въ насъ новыя потребности; узы физическихъ нуждъ опутываютъ насъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ

что страхъ потерять погашаетъ самыя пламенныя стремленія къ улучшенію и принципъ страдательнаго послушанія почитается высшею мудростью жизни».

Причину всего этого Шиллеръ находитъ въ характерѣ современной культуры. Сравнивая ее съ древне-греческою, онъ находитъ въ послѣдней то преимущество, что она развивала человѣка всесторонне, всецѣло (Totalitet), во всей полнотѣ его чувствующихъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ силъ, такъ что онъ выходилъ и чувствующимъ, и мыслящимъ, и энергичнымъ, совмѣщалъ въ себѣ и художника, и философа, и гражданина, однимъ словомъ былъ носителемъ и представителемъ полнаго содержанія современной ему культуры.

Новая культура, безконечно превосходящая прежнюю своимъ разнообразіемъ и глубиною развитія въ цѣломъ, въ частныхъ своихъ представителяхъ является въ самомъ убогомъ видѣ. На людей она смотритъ, какъ на машинки, существующія для ея абстрактной разработки. Въ каждомъ изъ нихъ она одну какую нибудь силу развиваетъ до послѣдней степени совершенства, за то оставляетъ въ небреженіи всѣ другія.

Первоначальная причина такого ложнаго направленія культуры лежала въ самой наукѣ—въ томъ разъединеніи и какъ бы враждебномъ отношеніи другъ къ другу, какое принимали разныя науки по мѣрѣ увеличенія массы знанія и по мѣрѣ болѣе точнаго спеціализированія предметовъ каждой изъ нихъ, раздѣленія границъ между ними, и въ распаденіи науки съ искуствомъ.

«Но этотъ разрывъ, начатый ученостью во внутреннемъ человѣкѣ, довершенъ былъ,—говоритъ Шиллеръ,—окончательно и повсюду, духомъ управленія. Безъ сомнѣнія, нельзя было и ожидать, чтобы простая организація первыхъ республикъ пережила простоту первыхъ нравовъ и отношеній; но вмѣсто того, чтобы стать послѣ нихъ на высшую ступень живой жизни, она ниспала до пошлой и грубой механики; натура греческихъ республикъ, организовавшихся на подобіе полипниковъ, въ которыхъ каждый индивидуумъ пользовался независимою жизнью, а въ случаѣ нужды, могъ служить своимъ трудомъ и общему, уступила мѣсто искуственно-машинно-часовому устройству, гдѣ изъ сплоченія между собою безконечно многихъ, но безжизненныхъ частичекъ образуется механическая жизнь цѣлаго. Разорваны другъ отъ друга церковь и государство, нравы и законы; наслажденіе отдѣлилось отъ труда, средства отъ цѣли, напряженіе отъ удовольствія достиженія. Вѣчно работая надъ какимъ нибудь ничтожнымъ отрывкомъ изъ цѣлаго, человѣкъ и самъ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ отрывка; вѣчно слыша однозвучный шумъ только того колеса, которое вертитъ онъ самъ, человѣкъ никогда не въ состояніи развить гармоніи въ своемъ существѣ и вмѣсто того, чтобы напечатлѣвать человѣчество въ своей натурѣ, онъ дѣлается только отпечаткомъ своего занятія, своей науки. Но даже это скудное обрывочное участіе, которое привязываетъ частныхъ членовъ къ цѣлому, состоитъ не въ томъ, чтобы они самодѣятельно выработывали формы данныхъ имъ обрывковъ (и въ самомъ дѣлѣ можно ли было довѣрить ихъ свободѣ столь искусную и свѣтобоящуюся часовую машинку?); нѣтъ, имъ съ самою скрупулезною точностью начертаны образцы,

которыхъ и должно неуклонно держаться ихъ свободное знаніе. Мертвая буква замѣняетъ живой разумъ; механическая память руководитъ вѣрнѣе, чѣмъ геній и чувство.

«Если, по общепринятому мнѣнію, должность служитъ масштабомъ достоинства человѣка, если люди въ одномъ изъ своихъ согражданъ уважаютъ только память, въ другомъ формулярный разумъ, въ третьемъ механическую ловкость; если въ одномъ мѣстѣ, не обращая никакого вниманія на характеръ, требуютъ только знаній, въ другомъ, напротивъ того, ради духа порядка и законной исполнительности, самое глубокое помраченіе разума почитаютъ достоинствомъ, если хотятъ при этомъ, чтобы каждая изъ этихъ частныхъ способностей была доведена до такой интензивности, какая только возможна по интензивности субъекта, то можно ли удивляться, что остальныя свойства души остаются въ пренебреженіи и съ особенною тщательностью воздѣлывается единственно то свойство, которое почитаютъ и за которое даютъ награды»?

Шиллеръ говоритъ, что отъ той формы общества, которая сама способствовала порожденію и распространенію этого зла, нельзя ждать его изцѣленія: гдѣ высшія классы общества вовсе не умѣютъ пользоваться свободою, тамъ позволительно и не брать у нихъ этой свободы, равно какъ позволительно не давать ее низшимъ классамъ, если они только злоупотребляютъ ею въ своей слѣпой необузданности.

Всякаго политическаго улучшенія можно ожидать только отъ облагороженія характера людей.

«Отчего, спрашиваетъ Шиллеръ, продолжается доселѣ это всеобщее господство предразсудковъ и это омраченіе головъ, не смотря на весь свѣтъ, который добытъ философіей и опытомъ? Вѣкъ просвѣщенъ, знанія найдены и обнародованы; этихъ знаній очень достаточно, по крайней мѣрѣ для того, чтобы утвердить наши практическіе принципы. Духъ свободнаго изслѣдованія разсѣялъ тѣ *безсмысленныя* понятія, которыя долгое время преграждали доступъ къ истинѣ, и подрылъ то основаніе, на которомъ утверждали свой тронъ фанатизмъ и обманъ. Въ чемъ заключается причина того, что мы доселѣ остаемся варварами». «Должно быть,—продолжаетъ онъ,—въ сердцахъ людей существуетъ нѣчто такое, что препятствуетъ принятію истины даже и тогда, когда она такъ свѣтло свѣтитъ, и усвоенію ея, даже когда она такъ живо убѣждаетъ».

Это нѣчто, по мнѣнію Шиллера, есть недостатокъ мужественности въ характерѣ, отсутствіе энергіи, готовности на борьбу. Бо̀льшая часть людей такъ утомлена и разслаблена непомѣрною борьбою съ нуждою, что она не желаетъ вовсе подняться на новую и упорную борьбу съ заблужденіемъ. Будучи довольна тѣмъ, что она избавлена сама отъ тяжелаго труда мыслить, она предоставляетъ охотно другимъ опеку надъ своими понятіями, и когда случается въ ней самой зашевелятся высшія потребности, то она и въ это время съ жадною вѣрою ухватывается за тѣ формулы, которыя на подобные случаи имѣютъ для нѣй въ готовности абсолютизмъ и догматизмъ. Если эти несчастные

люди заслуживаютъ нашего состраданія, то мы не можемъ по всей справедливости не презирать другихъ, которыхъ лучшій жребій сдѣлалъ свободными отъ ига нужды, но которые по собственному выбору склоняются подъ это иго. Они живутъ при мракѣ темныхъ понятій, гдѣ чувствуется живѣе, гдѣ фантазія по собственному произволу создаетъ *пріятные* образы, не смотря на лучи истины, разгоняющіе пріятные призраки ея сновъ. Именно на этихъ обольщеніяхъ, которыя долженъ разсѣять враждебный свѣтъ знанія, они основали все зданіе своего счастія, и они должны купить истину очень дорого, ибо истина начнетъ тѣмъ, что отниметъ у нихъ все, что для нихъ имѣетъ цѣну. Они должны уже быть мудрыми для того, чтобы полюбить мудрость... Такимъ образомъ, не довольно того, что всякое просвѣщеніе разума достойно уваженія лишь на столько, на сколько оно вліяетъ на характеръ; оно само нѣкоторымъ образомъ исходитъ изъ характера, ибо путь къ головѣ можетъ быть открытъ только черезъ сердце. И образованіе способности чувствованія есть самая настоятельная потребность нашего времени не только потому, что она будетъ средствомъ улучшенное знаніе сдѣлать дѣятельнымъ для жизни, но и потому даже, что она будетъ побуждать къ улучшенію знанія.

«Но нѣтъ ли здѣсь круга?—спрашиваетъ Шиллеръ.—Теоретическая культура должна породить практическую, и однакожъ практическая ставится необходимымъ условіемъ теоретической? Всякое улучшеніе въ политической жизни должно исходить отъ облагороженія характера, но какъ можетъ облагородиться характеръ подъ вліяніемъ варварскаго формальнаго устройства? Очевидно, что для этой цѣли надобно изыскать орудіе, которое давалось бы не этою формою, и надобно открыть источники, которые при всякомъ гражданскомъ развращеніи остаются чистыми и свѣтлыми...

«Это орудіе, говоритъ Шиллеръ, есть искуство, эти источники открываются въ его безсмертныхъ произведеніяхъ».

Художникъ можетъ отрѣшиться отъ своего времени, стать выше его; предоставивъ разуму сферу дѣйствительнаго, онъ долженъ изъ соединенія возможнаго съ необходимымъ создать идеалъ, и изобразивъ его, молча бросить на безконечное время. Онъ не долженъ усиливаться воплотить созданный имъ идеалъ *непосредственно* въ настоящемъ и въ текущей жизни, онъ долженъ только дать направленіе, которое спокойный потокъ времени приведетъ къ развитію. «Чистое нравственное стремленіе,—говоритъ Шиллеръ,—направлено къ безусловному, для него нѣтъ времени, будущее есть для него уже настоящее, какъ скоро оно необходимо должно развиваться изъ настоящаго. Передъ человѣческимъ разумомъ, для котораго нѣтъ предѣловъ, направленіе дѣла есть вмѣстѣ и окончаніе его, и путь уже пройденъ, когда онъ найденъ». Такое направленіе даетъ художникъ, когда онъ, *уча*, возвышаетъ свои мысли къ вѣчному, когда *дѣйствуя* и *творя* онъ необходимое и вѣчное обращаетъ въ *предметъ своихъ стремленій*». «И чтобы дѣйствительность не подсунула тебѣ своихъ образцовъ,—говоритъ Шиллеръ художнику,—не входи въ ея сомнительное общество прежде, нежели утвердишь прочно въ своемъ сердцѣ свои идеалы.

Живи съ своимъ вѣкомъ, но не будь его твореніемъ; твори для своихъ современниковъ, но то, въ чемъ они имѣютъ нужду, а не то, что они хвалятъ. Нераздѣляя съ ними ихъ вины, раздѣли съ ними, съ благороднымъ самоотверженіемъ, тѣ страданія, которыя они несутъ за это, склоняясь свободно подъ то иго, которое они и сбрасываютъ съ себя и несутъ равно дурно. То постоянное мужество, съ которымъ ты будешь отвергать ихъ счастье, докажетъ имъ, что не робость твоя сдѣлала тебя участникомъ ихъ страданій. Когда ты будешь дѣйствовать на нихъ, то представляй ихъ такими, какими они должны быть, но когда ты начинаешь что нибудь дѣлать для нихъ, представляй ихъ такими, какіе они есть. Одобряй ихъ достоинства, но на ихъ счастье смотри какъ на недостатокъ; тогда твое собственное благородство возбудитъ ихъ благородство, а ихъ недостатки не уничтожатъ твоей цѣли. Серьезныхъ твоихъ принциповъ въ ихъ началѣ они будутъ бояться, но въ игрѣ (т. е. искуствѣ) они перенесутъ ихъ; ихъ вкусъ цѣломудреннѣе ихъ сердца, и здѣсь ты долженъ ловить робкаго бѣглеца. Напрасно ты будешь нападать на ихъ правила, напрасно будешь осуждать ихъ дѣла, но въ ихъ досугъ ты можешь попытаться внести свою образующую руку. Изгони произволъ, фривольность, грубость изъ ихъ удовольствій, и ты этимъ самымъ не замѣтно изгонишь ихъ изъ ихъ поступковъ, наконецъ изъ ихъ мыслей. Всюду, гдѣ только ты найдешь ихъ, окружи ихъ благородными, великими, полными духа формами, обойми со всѣхъ сторонъ символами прекраснаго, пока наконецъ видимость побѣдитъ дѣйствительность и искуство-природу».

Мы не будемъ далѣе слѣдовать за Шиллеромъ въ развитіи его плана. Сказаннаго нами достаточно, чтобы читатель могъ видѣть: 1) какой взглядъ имѣлъ Шиллеръ на современное ему человѣчество; 2) какимъ способомъ онъ думалъ на него дѣйствовать и 3) какую цѣль имѣлъ въ своихъ твореніяхъ.

Этимъ вполнѣ объясняются тѣ особенности, которыя получила историческая драма Шиллера, отъ предшествовавшихъ ему историческихъ драмъ.

Задавшись мыслью сдѣлать поэзію средствомъ для проведенія общественно-гражданскихъ идеаловъ, Шиллеръ, естественно, долженъ былъ оставить прежнюю семейную и вообще частную основу драмы и перенести ее на общественную арену. Его герои не люди только съ общечеловѣческими страстями и стремленіями, но вмѣстѣ и общественные дѣятели, въ которыхъ интересы общественные составляютъ, если не исключительную, то преобладающую надъ всѣми другими страсть. Эта новая основа драмы измѣнила не только внѣшнія условія прежней ея постройки—ибо вышеприведенный законъ Аристотеля, въ силу котораго въ трагедіи братъ долженъ былъ умертвить брата, сынъ отца и т. п., уже не могъ имѣть мѣста, но и внутренній смыслъ ея. Весь интересъ прежней драмы сосредоточивался на психологической обрисовкѣ страстей, на развитіи и обработкѣ частныхъ характеровъ. Такъ должны мы сказать это о всѣхъ драмахъ Шекспира, не исключая даже отчасти и «Юлія Цезаря», хотя эта трагедія болѣе всѣхъ другихъ выходитъ изъ сферы частныхъ отношеній. Въ драмахъ Шиллера насъ привлекаетъ, какъ субъек-

тная личность героя, такъ точно и то общее дѣло, котораго онъ является другомъ или противникомъ. Мало этого: торжество дѣла для насъ даже выше личности героя. Наши симпатіи къ нему опредѣляются именно отношеніемъ его къ этому дѣлу. Для насъ положительно, напримѣръ, все равно Макбетъ ли владѣетъ престоломъ или тотъ король, котораго онъ убиваетъ, и потому мы здѣсь равнодушны къ самому дѣлу, мы волнуемся здѣсь только зрѣлищемъ страшнаго развитія страстей; такъ точно для насъ безразлично: уничтожитъ Коріоланъ Римъ или помилуетъ его, и здѣсь точно также интересуетъ насъ сила желѣзнаго характера, пропитаннаго самою закоренѣлою аристократическою надмѣнностью, поставленная на пробу въ борьбѣ съ нѣжными семейными чувствами. Но для насъ не все равно: выиграетъ ли свое дѣло Донъ-Карлосъ съ маркизомъ Позою или нѣтъ, равно какъ не все равно—останется ли Фьеско генуэзскимъ герцогомъ или нѣтъ. Когда погибаютъ Донъ Карлосъ и маркизъ Поза, мы чувствуемъ скорбь вдвое большую, чѣмъ какую бы чувствовали при гибели другихъ трагическихъ героевъ съ подобными симпатическими намъ качествами (припомнимъ хоть Гамлета), и это потому, что съ ихъ смертью проигрывается то дѣло, котораго они были представителями; послѣ нихъ остаются разбитыми надежды Нидерландъ.

Сказать проще, драмы Шиллера—*принципіальныя* драмы; ихъ интересъ основанъ на торжествѣ гражданскаго принципа, идеи; на коллизіи этого принципа въ лицѣ героя съ существующимъ порядкомъ, а не на субъективныхъ общечеловѣческихъ достоинствахъ героевъ.

Мы уже замѣтили, что къ числу такихъ принципіальныхъ драмъ должно отнести и трагедію «Юлій Цезарь», что, слѣдовательно, драмы Шиллера въ этомъ отношеніи не были новостью, тѣмъ болѣе, что «Фіеско» былъ первою политическою драмою Шиллера и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія «Юлія Цезаря» Шекспира. И въ самомъ дѣлѣ, если не брать въ совокупности всѣхъ драмъ Шиллера, если сравнивать одного «Фіеско» съ «Юліемъ Цезаремъ» Шекспира, то мы не увидимъ никакой между ними разности. Фіеско въ Генуѣ, также какъ Юлій Цезарь въ Римѣ, понимаетъ, что генуэзская республика отжила свое время, что развратная и продажная чернь въ ней вовсе неспособна пользоваться свободою, что ея патриціи въ свободѣ преслѣдуютъ только свои личные интересы, что генуэзскій защитникъ такой же благородный, республиканскій идеалистъ въ Генуѣ, незнакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, какъ и Брутъ въ Римѣ. Заключеніе и у Шиллера и у Шекспира вытекаетъ, повидимому, одно и то же. Но если возмемъ всѣ драмы Шиллера, то мы увидимъ, что «Фіеско» у Шиллера имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ «Юлій Цезарь» у Шекспира. «Юлій Цезарь» у Шекспира приспособленъ къ англійскому обществу его времени; въ немъ подъ видомъ римской черни Шекспиръ рисуетъ, какъ мы уже замѣтили, англійскую чернь и вообще борьбу тогдашнихъ партій, такъ точно, какъ въ «Коріоланѣ» казнитъ англійскую аристократію. У Шиллера «Фіеско» есть картина чуждая для германскаго народа; онъ представляетъ ее германскому

народу въ видѣ поученія, что народъ, въ которомъ чувство свободы вымираетъ и въ высшихъ и въ низшихъ классахъ, дѣлается необходимымъ достояніемъ деспотіи. Иначе сказать, Шекспиръ говоритъ, что нѣтъ спасенія ни въ демократіи, ни въ деспотіи, оно есть только въ монархіи, — Шиллеръ же говоритъ, что только чувство свободы, распространенное во всемъ народѣ, сдѣлаетъ его счастливымъ, что безъ него онъ будетъ бѣдствовать и въ монархіи.

Такая разность въ воззрѣніяхъ двухъ поэтовъ зависѣла отъ разности времени, въ которое они жили. Шекспиръ, стоявшій на рубежѣ стараго и новаго времени, видѣлъ въ прошедшемъ непрочность республикъ, видѣлъ ужасы феодальнаго времени и не могъ не благословлять мудраго правленія королевы Елизаветы, при которой начали процвѣтать науки и искуства, развиваться духъ предпріимчивости и торговли внутри государства, политическая сила и самостоятельность англійскаго народа во внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ монархіи Шекспиръ видѣлъ блестящее будущее англійской націи.

Ничего подобнаго не представлялось Шиллеру въ современной ему Германіи. Ни одинъ народъ не былъ въ такомъ унизительномъ, въ такомъ тяжкомъ, въ такомъ позорномъ положеніи, въ какомъ находился народъ нѣмецкій въ XVIII столѣтіи. И главною причиною этого были многочисленные крупные и мелкіе германскіе владѣльцы, управлявшіе своими подданными на неограниченномъ правѣ. Дворы этихъ, ничтожныхъ бо̀льшею частью, владѣльцевъ, обладавшихъ ничтожными средствами, соперничествовали другъ передъ другомъ въ роскоши, мотовствѣ, праздности, безпутности, развратѣ, съ моднымъ тогда всюду дворомъ французскимъ. Германія стонала подъ невыносимымъ почти гнетомъ отъ налоговъ, наборовъ, продажности должностей и чиновъ, отъ корыстолюбія, лихоимства, насилія, отсутствія почти всякаго правосудія и права. Въ довершеніе всего этого, сыны ея гибли десятками и сотнями тысячъ отъ междоусобныхъ войнъ многочисленныхъ владѣльцевъ, отъ вмѣшательства ихъ въ войны, совершенно чуждыя интересамъ Германіи, наконецъ, для пополненія финансовъ владѣльцевъ, граждане продавались въ другія государства въ военную службу.

«Кабала и любовь», одна изъ первыхъ трагедій Шиллера, довольно яркими чертами обрисовываетъ намъ положеніе тогдашнихъ германскихъ дворовъ. Изъ нея мы можемъ понять, какъ болѣзненно чувствовалъ нашъ поэтъ ихъ гнетъ надъ народомъ и развращающее вліяніе и какъ невозможно было ему стоять, относительно ихъ, на одной точкѣ зрѣнія съ Шекспиромъ.

Содержаніе этой трагедіи слѣдующее: сынъ президента при дворѣ одного германскаго владѣтельнаго герцога, маіоръ *Фердинандъ*, влюбляется въ дочь музыканта *Миллера*. Между тѣмъ отецъ, по желанію герцога, хочетъ женить его на фавориткѣ герцога, англичанкѣ леди Мильфордъ, всемогущей при дворѣ герцога и выходящей замужъ не по немилости герцога, не для того, чтобы разстаться съ нимъ, а единственно по собственному своему капризу. Въ мужья себѣ она сама выбрала именно Фердинанда. Фердинандъ, доселѣ ни-

когда не знавшій леди Мильфордъ и не видавшій ея, питаетъ однакожъ къ ней полное презрѣніе, уже по тому одному, между прочимъ, что съ ея пріѣздомъ увеличился гнетъ на народъ въ герцогствѣ. Онъ остается вѣренъ своей любви къ Миллеръ. Но напрасно онъ умоляетъ отца освободить его отъ брака съ леди Мильфордъ. На его краснорѣчивѣйшія представленія отецъ, отвѣчаетъ ему: «да ты съума сошелъ! Всякій благоразумный человѣкъ сталъ бы добиваться чести этого почетнаго положенія!» и заставляетъ его немедленно отправиться къ леди Мильфордъ, чтобы представиться ей въ качествѣ жениха. Фердинандъ ѣдетъ съ твердымъ намѣреніемъ высказать ей все свое презрѣніе, показать ей самого себя, какъ въ зеркалѣ, и если она и затѣмъ не захочетъ отказаться отъ его руки, то отказаться отъ нея публично. Но пріѣхавъ къ леди Мильфордъ, Фердинандъ находитъ въ ней то, чего онъ вовсе не думалъ встрѣтить. Леди Мильфордъ оказывается женщиною очень хорошею; въ фаворитки къ герцогу загнала ее крайняя нужда, но и здѣсь она свою силу употребляла, сколько могла, на пользу народа. Приэтомъ, леди Мильфордъ искренно и сильно любитъ Фердинанда и устроила бракъ съ нимъ именно съ тою цѣлью, чтобы бросить навсегда то позорное положеніе, которое она занимала. Фердинандъ за всѣмъ этимъ остается вѣренъ любви своей къ Миллеръ, но леди Мильфордъ не хочетъ съ своей стороны отказаться отъ него, потому что отецъ Фердинанда, желая заставить сына своего согласиться на бракъ, уже всюду разгласилъ, что сынъ его женится на леди Мильфордъ. Леди Мильфордъ не соглашается на тотъ позоръ, который неминуемо покроетъ ее, если подданный герцога откажется отъ ея руки. Со стороны отца Фердинанда начинаются интриги, гоненія противъ него, противъ музыканта и его семейства. Трагедія кончается тѣмъ, что Фердинандъ, запутанный интригами, отравляетъ дочь музыканта и вмѣстѣ самого себя.

Трагедія эта, одна изъ самыхъ слабыхъ по исполненію, яркими чертами рисуетъ положеніе германскихъ тогдашнихъ дворовъ. Всѣ лица, принадлежащія ко двору, начиная съ владѣтельнаго герцога, такъ грязны, такъ ничтожны, такъ пошлы и подлы, что нельзя не чувствовать самаго искренняго презрѣнія ко всему персоналу двора, исключая леди Мильфордъ. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ, характеризующихъ отношеніе владѣтельныхъ германскихъ князей, того времени, къ народу. Передъ предполагавшеюся свадьбою леди Мильфордъ съ Фердинандомъ, герцогъ присылаетъ ей съ своимъ старымъ камердинеромъ богатый свадебный подарокъ и по этому случаю разыгрывается слѣдующая сцена:

Камердинеръ.

Его величество, герцогъ приказалъ кланяться миледи и прислалъ ей на свадьбу эти бриллiанты. Они только что получены изъ Венеціи.

Леди *(открываетъ шкатулку и отступаетъ въ испугѣ).*

Слушай! что заплатилъ твой герцогъ за эти камни?

Камердинеръ (*мрачно*).

Они не стоитъ ему ни гроша.

Леди.

Какъ? Ты съ ума сошелъ? *Ничего*? Но ты (*отступаетъ отъ него назадъ*), ты смотришь на меня такъ, будто хочешь пронзить меня насквозь своимъ взглядомъ... И эти дорогіе камни, которымъ нѣтъ цѣны, *ничего* ему не стоятъ?

Камердинеръ.

Вчера семь тысячъ человѣкъ отправилось въ Америку... они все заплатятъ?

Леди (*тотчасъ же ставитъ шкатулку и начинаетъ быстро ходить по залѣ; потомъ послѣ нѣкотораго молчанія, обращается къ камердинеру*).

Старикъ! что съ тобой? Ты никакъ плачешь?

Камердинеръ (*обтираетъ глаза и говоритъ глухимъ голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ*).

Эти брилліанты... И моихъ сыновей двое пошло...

Леди (*отворачивается въ тревогѣ и схватываетъ его руку*).

Но не по неволѣ?

Камердинеръ (*съ горькимъ смѣхомъ*).

Боже мой!... Нѣтъ! Все по доброй волѣ!... Правда, вышли двое-трое молодцовъ, посмѣлѣе, передъ фронтъ и спросили полковника, по чемъ продаетъ герцогъ пару людей. Но милостивый нашъ принцъ велѣлъ выступить на плацъ парадъ всѣмъ полкамъ и разстрѣлять крикуновъ. Мы слышали, какъ грянули ружья; видѣли какъ брызнулъ на мостовую мозгъ,—и вся армія крикнула: «ура! въ Америку!»

Леди (*въ ужасѣ опускается на софу*).

Боже мой! Боже мой! А я ничего не слыхала, не замѣчала!

Камердинеръ.

Да, сударыня!... Напрасно вы поѣхали съ нашимъ герцогомъ на медвѣжью травлю, какъ былъ сборъ къ выступленію .. Жаль, что вы это торжество пропустили, какъ намъ возвѣстилъ громъ барабановъ, что пора; тамъ сироты съ воемъ догоняли живаго отца, а тутъ бѣжала, какъ обезумѣвъ, мать, пропороть штыкомъ своего груднаго младенца; невѣстъ и жениховъ отгоняли другъ отъ друга сабельными ударами, въ отчаяніи стояли сѣдые старики, и кидали подъ конецъ вслѣдъ дѣтямъ свои костыли: возьмите, молъ, и ихъ въ Америку! .. А барабаны-то со всѣхъ сторонъ трещатъ!

Леди (*встаетъ въ сильномъ волненіи*).

Прочь эти камни!... Они жгутъ адскимъ огнемъ мое сердце. (*Кротко камердинеру*). Успокойся, бѣдный старикъ! Они возвратятся. Они опять будутъ на родинѣ.

Камердинеръ (*съ чувствомъ*).

Богу это извѣстно! Да! будутъ!... Они еще у городскихъ воротъ обернулись и кричали: «Богъ васъ храни жены и дѣти!...»

Леди (*ходитъ рѣзкими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ*).

Ужасно! Безчеловѣчно! А мнѣ говорили, что я осушила здѣсь всѣ слезы. Страшно,

страшно открываются у меня глаза... ступай, скажи своему господину—я поблагодарю его лично! (*Камердинеръ хочетъ идти. Она кладетъ ему въ шляпу кошелекъ съ деньгами*). Вотъ тебѣ за то, что ты сказалъ мнѣ правду.

Камердинеръ (*бросаетъ кошелекъ на столъ съ презрѣніемъ*).

Положите его къ остальнымъ (*уходитъ*).

Въ другой сценѣ леди Мильфордъ разказываетъ Фердинанду свою исторію и вотъ что говоритъ, между прочимъ:

«Правда, герцогъ овладѣлъ моей беззащитной молодостью, но кровь Норфольковъ возмутилась во мнѣ... «Эмилія! говорилъ мнѣ внутренній голосъ, въ тебѣ течетъ царская кровь, а ты наложница герцога!» (Леди говоритъ о себѣ, что она изъ рода Томаса Норфолька, павшаго жертвою за Марію шотландскую). Гордость боролась у меня въ душѣ съ моею судьбою, когда герцогъ привезъ меня сюда, и глазамъ моимъ сразу явилось ужаснѣйшее зрѣлище... Сластолюбіе великихъ этого міра—ненасытныя гіена, въ неутолимомъ голодѣ вѣчно ищущая себѣ добычи. Оно уже страшно свирѣпствовало въ этой странѣ — разлучало жениховъ и невѣстъ, разрывало даже священные узы брака, здѣсь подтачивало скромное счастіе семьи тамъ проникало тлетворной заразой въ молодое, неопытное сердце и умирающія ученицы, съ пѣной на устахъ, въ послѣднихъ судорогахъ проклинали своего учителя. Я встала между агнцемъ и тигромъ, потребовала отъ него въ минуту страсти торжественной клятвы—и этѣ безчеловѣчныя жертвы прекратились. Печальный періодъ этотъ смѣнился періодомъ еще болѣе печальнымъ. И дворъ и сераль наполнились изчадіемъ Италіи. Вѣтренныя парижанки играли страшнымъ скипетромъ, и народъ истекалъ кровью отъ ихъ прихотей... Царству ихъ былъ положенъ конецъ! Я видѣла жалкое ихъ паденіе: и была больше всѣхъ ихъ кокетка! Я взяла бразды у тирана, разслабшаго въ моихъ объятіяхъ... Отечество твое, Фердинандъ, впервые почувствовало надъ собою человѣческую руку, и довѣрчиво склонилось ко мнѣ на грудь (*Молчаніе. Она страстно глядитъ на него*). Боже мой! и передъ единственнымъ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго я дорожу, я принуждена хвастаться и сжигать свою скромную заслугу на огнѣ изумленія!... Вальтеръ! Я отворяла темницы, разрывала смертные приговоры и сократила не одну страшную вѣчность каторги! Въ неизлечимыя раны лила я по крайней мѣрѣ утоляющій бальзамъ, я повергала въ прахъ могучихъ преступниковъ и своей наложнической слезой спасала не разъ проигранное дѣло невинности... и проч.

Такъ смотрѣлъ Шиллеръ на владѣтельные германскіе дома въ Германіи и, натурально, не могъ ожидать ничего хорошаго отъ нихъ въ будущемъ для нѣмецкаго народа. Надежды на лучшее будущее для народа онъ видѣлъ въ насажденіи и распространеніи въ народѣ тѣхъ цивилизаціонныхъ идей, которыя въ его время быстро стали распространяться повсюду изъ Франціи. Мы уже видѣли, что онъ не сочувствовалъ революціи, но идеями ея онъ увлекался и былъ убѣжденъ, что онѣ могутъ возвысить народъ и этимъ самымъ дать ему оплотъ противъ деспотизма, насилія и т. п. Поэтому, хотя Шиллеръ былъ также роялистъ, какъ и Шекспиръ, но совсѣмъ на другихъ началахъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что какая бы ни существовала форма правленія, но подъ всякою формою только самъ народъ можетъ создать себѣ счастье. Оттого драмы Шиллера представляются въ его время такъ демократичными и даже революціонными, что какой-то владѣтельный князь сказалъ, что «если бы

онъ былъ Богомъ и предвидѣлъ, что Шиллеръ напишетъ такія драмы, то онъ бы не создалъ міра».

Въ сущности Шиллеръ не былъ однако-жъ никакимъ революціонеромъ, ни даже демократомъ въ томъ смыслѣ, какъ понимается это слово нынѣ. Въ «Вильгельмѣ Теллѣ» онъ нарочно вставилъ сцену Паррициды, въ которой Вильгельмъ Телль, только что убившій ландфогта, высказываетъ глубокое уваженіе къ своему монарху. Онъ врагъ не власти, но злоупотребленія ея, тиранніи, насилія. Онъ только защитникъ своихъ человѣческихъ правъ. «Я отмстилъ,—говоритъ Вильгельмъ Телль Паррицидѣ, убившему своего дядю и императора, —

Священныя права природы, ты же
Ихъ посрамилъ. Мнѣ ничего съ тобой
Нельзя дѣлить: убійца ты одинъ,
Я защищалъ, что мнѣ всего дороже.

И въ этомъ признаніи за народомъ способности сознавать священныя права природы и защищать ихъ, и заключается различіе воззрѣній Шиллера отъ воззрѣній Шекспира на народъ.

Тогда какъ Шекспиръ въ своемъ Юліѣ Цезарѣ изображаетъ англійскую чернь продажною, ни къ чему неспособною, безнадежною для всякаго политическаго смысла, Шиллеръ видитъ въ своемъ народѣ, народъ униженный, угнетенный, упавшій, но способный подняться въ каждомъ своемъ индивидуумѣ до высокихъ дѣлъ и подвиговъ гражданскихъ. Въ его «Вильгельмѣ Теллѣ» всѣ швейцарцы по духу такіе же Вильгельмы Телли, какъ и самъ Вильгельмъ Телль. Даже слабыя женщины соревнуютъ въ этомъ случаѣ съ мужчинами. Читатель припомнитъ, что самая мысль о подвигѣ принадлежитъ женщинѣ, простой крестьянкѣ. Когда Штауффахеръ, преслѣдуемый ландфогтомъ, не знаетъ, что ему дѣлать, Гертруда, жена его, узнавъ о его горѣ, совѣтуетъ ему немедленно начать. Штауффахеръ принимаетъ этотъ совѣтъ, но все-таки разныя сомнѣнія колеблютъ его.

Жена, ты бурю страшныхъ думъ
Въ груди моей спокойной пробудила!
Ты свѣтомъ дня мнѣ мысли озарила;
О чемъ не смѣлъ мечтать мой робкій умъ,
О томъ ты мнѣ такъ смѣло говорила!
Но свой совѣтъ обдумала ли ты?
И звукъ мечей, и громы боевые
Ты призываешь на поля родныя.
И намъ ли мирнымъ пастырямъ, вступить
Въ неравный бой съ владыкою вселенной.
Повѣрь они предлога только ждутъ,
Чтобъ въ эти бѣдныя долины
Послать свои свирѣпыя дружины;
Чтобъ пользуясь правами сильныхъ, здѣсь
Они могли подъ видомъ наказанья,
Всѣхъ прежнихъ льготъ свободы насъ лишить.

Гертруда.

И вы владѣть умѣете сѣкирой;
А смѣлыми Господь владѣетъ самъ.

Штауффахеръ.

Жена! ужасно гибельна война:
Она стада и пастырей караетъ.

Гертруда.

Сносить должны мы Божье наказанье,
Но притѣсненья не должны сносить!

Штауффахеръ.

Жена! нашъ новый домъ тебѣ любезенъ:
Войной онъ будетъ въ пепелъ обращенъ.

Гертруда.

Когда-бъ къ нему привязана была я
Своей рукой сожгла бы я его!

Штауффахеръ.

Но грозный богъ войны не пощадитъ
И слабаго младенца въ колыбели!

Гертруда.

Невинность въ небесахъ найдетъ защиту;
Смотри впередъ, мой другъ, а не назадъ!

Штауффахеръ.

Мы умереть на полѣ битвы можемъ,
Но васъ, но васъ какая ждетъ судьба!

Гертруда.

И слабому открытъ послѣдній выборъ:
Скачекъ съ утеса—и свободна я!

Штауффахеръ *(бросаясь въ ея объятія)*.

О, кто такимъ владѣетъ сердцемъ, тотъ
Сразится радостно за кровъ родимый,
Тому не страшны силы и проч.

Шекспиръ не видитъ ничего, кромѣ грязи, въ современномъ ему народѣ, и рисуетъ эту грязь самымъ объективнымъ образомъ, какъ она есть. Шиллеръ видитъ въ своемъ народѣ также грязь, но онъ смотритъ на эту грязь, какъ на наносную, только временно покрывающую его согражданъ. Въ близкомъ будущемъ онъ провидитъ время, когда они, стряхнувъ съ себя все наносное, будутъ готовы и способны для «подвиговъ чести и добра»...

Грыцько.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

ИЗЪ БАРБЬЕ.

Былъ славный городъ... Съ дикимъ Гунномъ
Промчался я въ его стѣнахъ,
И раздробилъ ядромъ чугуннымъ
Твердыни гордыя во прахъ!
Я вскачь коней разгоряченныхъ
Пустилъ по камнямъ звонкимъ плитъ
И трупы женщинъ обнаженныхъ
Хрустѣли подъ шипомъ копытъ!
На прахъ, гдѣ кровь струей бѣжала,
Я звѣрски юныхъ дѣвъ простеръ,
И съ волосатой груди сало
О перси нѣжныя отеръ!
Я въ городъ ввелъ пожаръ... И съ ревомъ
Носился страшный исполинъ.
И языкомъ лизалъ багровымъ
Потоки крови межъ руинъ!..
Ура! я смялъ мятежъ ногами,
Я раздавилъ его чело!
Позоръ, наложенный вѣками,
Я смылъ, межъ мертвыми тѣлами
Въ крови купаясь по сѣдло!
Все кончено! и мечъ мой нынѣ
Виситъ безъ пользы у бедра;
Хранятъ разбитыя твердыни
Слѣды огня, слѣды ядра.
И воютъ псы худыя всюду:
Имъ крови больше не лизать,
И мохъ покрылъ развалинъ груду
И степь кругомъ!.. О смерть, о мать!
Скажи мнѣ, гдѣ теперь я буду
Съ мечомъ кровавымъ пировать?..

В. Буренинъ.

АРАБЕСКИ.

I.

Изъ жизни Святоши-Повсемѣстнаго.

Въ ряду огромной массы фактовъ, представляющихся моему наблюденію и поражающихъ меня своею колоссальною нелѣпостью, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто понятія моихъ любезныхъ соотечественниковъ о жизни и смерти вообще.

Помните ли вы, мой провинціальный читатель, какой потрясающій ужасъ овладѣвалъ вами, когда по вашему маленькому городишку проносилась тревожная вѣсть о какомъ нибудь ночномъ грабежѣ, о семейной расправѣ, кончившейся умертвіемъ, или о какомъ нибудь, доселѣ неизвѣстномъ ружьѣ, разряженномъ его владѣльцемъ въ свой собственный лобъ? А вы, житель столицы, вспоминаете ли то впечатлѣніе, какое оставило въ васъ чтеніе газетной статейки, повѣствующей о томъ, что въ такомъ-то городѣ, въ одинадцать часовъ ночи, т. е. среди благоуханія, тишины и поэзіи лѣтнихъ сумерекъ, произошло звѣрское убійство молодой женщины, старухи-матери, ребенка и такъ далѣе? Вспоминаете ли вы это впечатлѣніе? Вы чувствовали глубокую симпатію къ женщинамъ и дѣтямъ, такъ преждевременно вырваннымъ съ роскошнаго пиршества жизни, на которомъ всѣ мы веселимся; вы горѣли негодованіемъ. Всѣ эти чувствованія рекомендуютъ васъ, несомнѣнно, съ хорошей стороны и я снимаю передъ вами мою шляпу, низко вамъ кланяюсь и сознаю въ себѣ глубокое чувство уваженія къ моимъ согражданамъ, полнымъ человѣчности и тонкаго нравственнаго чутья, непоколебимо отвергающаго все насильственное и вредящее общему счастью.

Но, мои возлюбленные сограждане, не потрудитесь ли вы заглянуть поглубже въ жизнь, какъ вашу собственную, такъ и окружающихъ васъ ближнихъ, не отыщете ли вы въ этой мирной жизни нѣсколько дней, а можетъ быть и нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ

медленномъ подготовленіи смерти одного изъ вашихъ близкихъ?.. Вы, мой богатый, старый и гуманный господинъ Святоша-Повсемѣстный, не захотите ли вы, въ виду ежеминутно пугающей васъ смерти, отвѣтить на мой вопросъ утвердительно и хоть не много облегчить этимъ признаніемъ гнетущій васъ страхъ? Вы, мой милый, благоухающій, блестящій красотой, костюмомъ и модными словами, молодой джентльменъ, не разскажете ли намъ своимъ бойкимъ языкомъ длинную повѣсть вашихъ любовныхъ побѣдъ и вообще пережитыхъ вами сильныхъ ощущеній? Вы, нѣжные родители, не передадите ли намъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о судьбѣ вашихъ дочерей и сыновей? Вы, счастливый супругъ, не разскажете ли намъ подробности послѣднихъ мѣсяцевъ жизни вашей незабвенной жены, такъ рано скончавшейся? Да, я знаю, что надъ ея молодымъ тѣломъ стоитъ богатый мраморный памятникъ, я знаю, что въ вашемъ кабинетѣ виситъ ея прекрасный портретъ съ печальными глазами, изъ которыхъ сейчасъ польются слезы... Вы впрочемъ, не пугайтесь—я шучу, слезы не польются больше изъ этихъ глазъ...

Но иногда я бываю болѣнъ, и меня посѣщаютъ галлюцинаціи. Въ это время, въ числѣ многихъ видѣній, нарушающихъ мой комфортъ, приходятъ ко мнѣ разнообразныя личности, приходятъ въ большомъ количествѣ, толпятся и кричатъ о томъ, что они умерли слишкомъ рано. Видѣнія эти разсказываютъ мнѣ исторіи своей жизни и изъ этихъ разсказовъ складывается передо мной картина, до такой степени подрывающая мое уваженіе къ обычаямъ, понятіямъ и гуманности моихъ согражданъ, что я надѣваю свою шляпу и перестаю обдумывать предназначавшіеся имъ комплименты. Вѣчно преслѣдуютъ меня эти видѣнія съ своими разсказами, я не могу отвязаться отъ нихъ; я хотѣлъ бы забыться отъ нихъ хоть на одну недѣлю, хоть на одну недѣлю вообразить, что вокругъ меня все цвѣтетъ, благоденствуетъ, наслаждается.

Я спрашиваю себя—отчего мои сограждане на столько счастливѣе меня, что ихъ возмущаютъ и, можетъ быть, даже растроиваютъ ихъ желудокъ, только такія сцены насилія, которыя совершаются съ громомъ, энергіей и вообще съ эффектомъ, а на меня дѣйствуютъ даже и такіе случаи, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какой бы то ни было театральный драматизмъ? Отъ голода ли умеръ подъ заборомъ какой нибудь оборвышъ—у меня немедленно является вопросъ: кто погубилъ его? Въ воду ли кто нибудь бросился — опять тоже; чахотку ли я замѣчаю въ комъ нибудь—все-таки тоже, тоже и тоже и конца этому нѣтъ.

Но неужели всѣ вы отличаетесь отъ меня только нѣкоторою слабостью къ эффектамъ, неужели вы дѣйствительно не знаете вокругъ себя такихъ исторій, которыя хотя и не отличаются особенною театральностью, но все таки могутъ стать на ряду даже и съ драматическими сценами убійства? Неужели не видите? Подумайте. Я хочу, чтобы вы, въ тиши вашего кабинета, сознались единственно передъ самимъ собой, что вы нерѣдко бесѣдуете съ людьми, совершавшими преступленія противъ человѣческой жизни, людьми, можетъ быть изящными, хлѣбосольными, но все-таки заѣвшими не одну жизнь. Я хочу, чтобы вы сознались передъ самимъ собой, что эти элегантные убійцы далеко не производятъ на васъ того потрясающаго впечатлѣнія, которое вызываютъ убійства эффектныя, дикія и совершаемыя вооруженною рукой.

А такія элегантныя, тихія убійства бываютъ. Да, бываютъ. Я много видалъ ихъ, много чувствую ихъ вокругъ себя даже въ то самое время, когда пишу настоящія строки, и скажу вамъ откровенно, что они дѣйствуютъ на меня даже тяжелѣе, чѣмъ тѣ дикія вспышки страстей, о которыхъ мы нерѣдко читаемъ въ газетахъ. Въ безъ-эффектныхъ исторіяхъ, о которыхъ я говорю, видишь, что человѣкъ какъ будто живетъ, какъ будто ожидаетъ еще всѣхъ возможныхъ благъ, заключающихся въ жизни, видишь, что онъ проживетъ еще можетъ быть нѣсколько лѣтъ, но вмѣстѣ съ этимъ постороннему наблюдателю неотразимо чувствуется, что эта жизнь уже перерѣзана въ корнѣ, что для нея нѣтъ уже ни новыхъ радостей, ни новой весны.

Я знаю женщину. Можетъ быть и вы знаете ее. Она была швеей. Можетъ быть и вы не разъ торговались съ ней, заказывая ей бѣлье для вашихъ дочерей, выторговывали у нея нѣсколько копѣекъ и радовались, что выгодно сдѣлали дѣло. Она была худа, бѣлокура и до того блѣдна, что на ея щекахъ не показывался румянецъ даже и тогда, когда ей приходилось выслушивать отъ своихъ работодателей намеки и комплименты. Я думаю, что эта бѣдная женщина имѣла возможность привыкнуть къ пріемамъ нашего общества, да къ тому же и безсонныя ночи, проводимыя за работой, много способствовали къ усовершенствованію мраморной неподвижности ея лица. Этѣхъ безсонныхъ ночей было у нея очень много, вѣроятно больше чѣмъ у моихъ читательницъ имѣется ночей, проводимыхъ въ танцахъ, и я удивляюсь только тому, какъ эти нескончаемые рабочіе часы не убили въ моей минутной героинѣ всѣхъ надеждъ, ожиданій и мечтаній. У ней была одна мечта, странная мечта, смѣшная мечта и я совѣтую вамъ, читатель, непремѣнно засмѣяться надъ этой фантастической бредней.

Да, это была чисто фантастическая бредня. Представьте себѣ сырую каморку на высокомъ чердакѣ, окружите ея окно мракомъ дождливой осенней ночи, вообразите себѣ блѣдную фигуру озябшей швеи, освѣщенную маленькой лампой, представьте себѣ, наконецъ, окружающую это жилье, шумную, холодную столицу; введите въ эту обстановку розовыя мечты о далекой родной деревнѣ, о поляхъ, о лѣсахъ, о вольномъ воздухѣ, о цвѣтахъ и смѣйтесь, громко смѣйтесь, мой читатель. Иззябшія, усталыя руки машинально работаютъ иглой, стоитъ грязь и холодъ, свиститъ вѣтеръ, а среди всего этого живутъ и растутъ розовыя мечты о цвѣтахъ и поляхъ, а подъ прикрытіемъ этихъ мечтаній и надеждъ на будущее гложетъ человѣка медленная смерть.

Я зналъ одного стараго, богатаго и уважаемаго господина, котораго, вѣроятно, знавали и вы, мой читатель, вѣроятно бывали на его обѣдахъ, и можетъ быть, даже пили за его здоровье. Я сказалъ уже, что онъ былъ богатъ, слѣдовательно имѣлъ возможность купить и друзей, и любовь женщинъ, и, пожалуй, хоть какой нибудь умѣренно-либеральный органъ печати, стоящій на распутьи либеральной и ретроградной дорогъ точно въ такомъ же выжидательномъ положеніи, какъ въ древнія времена стаивали на распутьяхъ блудницы, ожидавшія своихъ покупщиковъ. Друзья у него уже были, въ органѣ онъ не видѣлъ нужды и попробовалъ купить любовь той дѣвушки, мечтанія которой я только что разсказалъ читателю. Старикъ былъ землякомъ моей героини, умѣлъ при случаѣ говорить и о поляхъ, и о цвѣтахъ, и о спокойной жизни, давно уже незнакомой швеѣ, и, принимая все это во вниманіе, думаете ли вы, что онъ не достигъ своей цѣли? Думаете ли вы, что моя швея не увлеклась его обѣщаніями и не продала ему свою любовь? Не думайте этого... Вы не имѣете права думать такимъ образомъ... Не знаю я, какія рѣчи говорились между купцомъ и продавшейся, какія обѣщанія давались ими другъ другу, не знаю также и того, долго ли говорились этѣ рѣчи, но знаю только то, что въ одно прекрасное утро, богатый баринъ Святоша Повсемѣстный выѣхалъ изъ столицы въ провинцію; знаю также и то, что его долго и напрасно ждала, а можетъ быть и теперь еще ждетъ одна обманутая женщина. Думаю я, что и послѣ этой исторіи Повсемѣстный былъ также веселъ и спокоенъ, какъ и прежде; думаю я, что онъ не разъ въ веселыя минуты разсказывалъ своимъ друзьямъ эту любовную интрижку, совершившуюся на закатѣ его жизни, а можетъ быть и вы, читатель, слышали эти юмористическіе разсказы стараго барина и по прежнему находили его порядочнымъ и достойнымъ уваженія джентльменомъ. А между тѣмъ руки его, которыя вы жали, были запятнаны въ крови его

ближняго. А между тѣмъ, въ это же самое время, когда вы слушали его юмористическіе разсказы, героиня ихъ, облеченная краснорѣчивыми устами разскащика въ образъ беззаботно порхающаго и веселящагося мотылька, можетъ быть вторично продавала себя, чтобы накормить своего ребенка, можетъ быть отчаянно надрывалась надъ работой, а смерть стояла за ея спиной, кашляла чахоточнымъ кашлемъ и подсмѣивалась надъ розовыми мечтами ея о поляхъ и цвѣтахъ. Можетъ быть, эта героиня думала въ это время, что лучше бы вмѣсто этой веселой исторіи, Повсемѣстный съигралъ съ ней другую, окончившуюся быстрою и эффектною смертью... Разные бываютъ вкусы, читатель.

Много знаю я фактовъ подобнаго тихаго пресѣченія человѣческой жизни. А вы знаете ихъ больше моего, но вы счастливѣе меня: для васъ они составляютъ только матеріалъ разговора, небольше. Вы вѣдь знаете этихъ задумчивыхъ женщинъ, являющихся на ваши празднества съ далеко непраздничными лицами, этихъ блѣдныхъ женъ съ отблескомъ глубоко затаеннаго горя во взглядѣ, вы знаете изъ ихъ семейной жизни много исторій, могущихъ объяснить и это горе, и эту блѣдность, и даже то, что этѣмъ женщинамъ уже не повеселѣть, не надѣяться на долгую или счастливую жизнь... Вы знаете все это и даже съ излишнимъ паѳосомъ говорите о деспотизмѣ ихъ мужей; но увѣрены ли вы въ томъ, что какъ скоро для этѣхъ женщинъ окончатся всякія семейныя исторіи, какъ скоро представится возможность, то мы не попробуемъ сейчасъ же сочетать этихъ чудовищь-деспотовъ законнымъ бракомъ съ нашими собственными дочерями?..

II.

Изъ міра добрыхъ намѣреній.

Когда названныя выше видѣнія уже черезчуръ нарушаютъ мой комфортъ, когда глупости и преступленія повсемѣстно и ежечасно совершаемыя моими ближними уже черезъ мѣру сдавливаютъ мое сердце, тогда я стараюсь отъискать для себя какія нибудь успокоительныя мысли, и въ этомъ случаѣ обыкновенно и неизбѣжно останавливаюсь на той гуманной идеѣ, что подъ солнцемъ и подъ луною нѣтъ и не найдется можетъ быть ни одного человѣка, не имѣющаго въ своемъ сердцѣ хотя бы очень маленькаго мѣста для добрыхъ, человѣчныхъ стремленій,—и что вслѣдствіе этого, огромное большинство людей всегда руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ добрыми намѣрені-

ями. Когда наши школьные воспитатели сѣкли насъ съ вами и очень больно сѣкли, тогда, не смотря на всѣ мученія, причиняемыя намъ, они все-таки руководствовались добрымъ намѣреніемъ сдѣлать изъ насъ кроткихъ, послушныхъ и прилежныхъ гражданъ, способныхъ работать въ потѣ лица своего на всякомъ мѣстѣ и поэтому могущихъ всегда имѣть на своемъ столѣ кусокъ хлѣба. Когда родители выдаютъ свою молодую дочь за стараго, нелюбимаго, но богатаго господина, тогда они, конечно, руководствуются тоже несомнѣнно добрымъ намѣреніемъ, доставить своей глупенькой дочери возможность носить шелковыя платья, ѣздить въ каретѣ и имѣть повара. Когда нашъ общій знакомый запускаетъ свои пухлые, украшенные кольцами пальцы въ чужую кассу, тогда имъ можетъ быть руководитъ не менѣе доброе намѣреніе, создать для своей жены и для своихъ дѣтей такую жизнь, въ которой эти нѣжныя созданья въ теченіи всего своего вѣка, могли бы ѣсть пирожное и ѣздить въ театры. Да, все это добрыя намѣренія, прекрасныя намѣренія, и когда мнѣ хочется спать, глаза мои слипаются, голова отказывается думать, а уши слышать, тогда я дѣйствительно успокоиваюсь на этой мысли, на сердцѣ моемъ становится чрезвычайно сладко и мнѣ снятся чрезвычайно добрые люди, обуреваемые благими стремленіями, неустанно трудящіеся для ихъ осуществленія и, если иногда пересоляющіе въ своемъ рвеніи, то въ такомъ случаѣ съ искреннимъ сокрушеніемъ посыпающіе пепломъ голову... Весь міръ исполненъ для меня благихъ стремленій и добрыхъ сердецъ. Но это бываетъ только тогда, когда я засыпаю или сплю... Когда же глаза мои открываются, уши дѣлаются способными слушать, а голова мыслить, тогда весь этотъ міръ добрыхъ намѣреній улетаетъ куда-то высоко и далеко, въ тѣ розовые туманы, которыми облекаются наши сонныя грезы и поэтическіе идеалы. Онъ улетаетъ въ область мечтаній, а на яву остается одно только суровое царство грубой жизни, царство обмана, притворства, слезъ, преступленій, борьбы не на животъ, а на смерть, и опять безобразныя видѣнія этого темнаго царства нарушаютъ мой комфортъ. Я не говорю, чтобы добрыхъ намѣреній вовсе не существовало въ жизни... Я не говорю этого, потому что я знаю, что подобное утвержденіе было бы вопіющей ложью. Добрыхъ намѣреній такъ много, что если бы они имѣли способность согрѣвать, то вѣроятно мы никогда не нуждались бы въ теплой одеждѣ... Ихъ много, но они не грѣютъ... Ихъ чрезвычайно много, но всѣ маленькіе люди, имѣющіе, ихъ смотрятъ на тѣхъ людей, относительно которыхъ они питаютъ добрыя намѣренія, какъ на большіе, большіе животы, нуждающіеся для безмятежной жизни только въ огромномъ количествѣ хлѣба, пироговъ, го-

вядины и ни въ чемъ другомъ. Они не всегда ошибаются, но ошибаются нерѣдко. Они приготовляютъ для своихъ ближнихъ теплые мѣста, выгодные союзы, полныя кладовыя, и часто бываетъ, что эти ближніе, въ томъ и проводятъ свою жизнь, что занимаются опустошеніемъ этихъ кладовыхъ и вообще истребленіемъ пироговъ и мяса, доставляемыхъ теплымъ мѣстомъ и выгоднымъ брачнымъ союзомъ. Но иногда бываетъ не то. Иногда случается, что нашъ облагодѣтельствованный ближній, вдругъ почувствуетъ, что кромѣ желудка у него есть еще голова и сердце, которыя точно также настоятельно, какъ и желудокъ, требуютъ пищи, жизни, дѣйствія, и тогда онъ нерѣдко плюетъ на всѣ свои кладовыя и прочее, горько усмѣхается по поводу добрыхъ намѣреній своихъ патроновъ и окидываетъ жизнь вызывающимъ взглядомъ... Послѣ этого бываетъ борьба не на животъ, а на смерть, бываютъ страданія, бываютъ горькія мысли о добрыхъ людяхъ, незамѣтившихъ, что у него есть голова и сердце, бываетъ преступленіе, и преждевременная смерть, а иногда безвыходная апатія и тоже преждевременная смерть... Это частая исторія.

Все это я высказываю по поводу одной маленькой исторіи съ маленькимъ героемъ, образъ котораго иногда является передо мной и напоминаетъ мнѣ десятки другихъ такихъ же образовъ и десятки другихъ подобныхъ исторій. Правда, что этотъ герой—маленькій герой и его исторія, очень скромная исторія, но судьбы нашего міра таковы, что маленькіе герои впослѣдствіи выростаютъ въ большихъ героевъ, скромныя исторіи съ теченіемъ времени развиваются въ огромныя, потрясающія трагедіи, которыя чѣмъ больше развиваются, тѣмъ бо́льшее число людей захватываютъ въ свой кругъ и тѣмъ ощутительнѣе оказываютъ свое вліяніе на жизнь нашу и нашихъ ближнихъ.

Когда я узналъ Матюшку Кокорина, ему было всего только четырнадцать лѣтъ. Онъ былъ не по лѣтамъ высокъ ростомъ, обладалъ чрезвычайно тощими членами, длинными, худыми, какъ спицы, руками, узенькой грудью, и постнымъ, длиннымъ лицемъ, съ вѣчно шевелившимися, съ вѣчно что-то шептавшими губами, и большими глазами, какъ будто погруженными постоянно въ созерцаніе чего-то совершавшагося внутри ихъ обладателя и наполнявшимися какимъ-то недоумѣніемъ или испугомъ, когда вниманіе ихъ отвлекалось отъ этого созерцанія какимъ нибудь явленіемъ изъ внѣшняго міра. Я не часто вспоминаю эту постную фигуру, съ длинными, волочащимися по землѣ ногами, и притомъ любившую больше сидѣть, нежели лежать и больше ходить, чѣмъ сидѣть, ходившую по двору или по саду, когда всѣ остальные члены его семейства сидѣли или лежали, и неподвижно

сидѣвшую на своей постели, когда всѣ другіе спали. Я не часто вспоминаю его, и вспоминаю именно тогда, когда, утомившись созерцаніемъ совершающихся вокругъ насъ безотрадно обыденныхъ людскихъ дѣяній, насильственно отрываю отъ нихъ глаза, ищу явленій болѣе утѣшительныхъ и, наконецъ, останавливаюсь на какомъ нибудь изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, которые обыкновенно озаглавливаются въ нашихъ газетахъ «механикъ-самоучка», «слѣпой механикъ-самоучка», «крестьянинъ-изобрѣтатель» и т. д. Я отдыхаю на этихъ явленіяхъ, я живо представляю себѣ ту бѣдную, грязную, страшно подавляющую умъ человѣка обстановку, изъ которой выступили всѣ эти геніи-самородки, и въ этихъ-то случаяхъ обыкновенно и вспоминаю Матвѣя Кокорина. И онъ былъ такимъ же самородкомъ, и его геній родился при обстоятельствахъ мало способствующихъ появленію генія.

Его родимымъ гнѣздомъ былъ низенькій, темный и грязный домишка съ кабакомъ у воротъ, съ цѣпными собаками въ конурахъ, съ маленькимъ дворомъ, вѣчно завѣшаннымъ бѣльемъ и рваными тряпками, и съ садомъ, въ которомъ росло много репейника, хрѣна, капусты и очень мало деревьевъ. Надъ его колыбелью, я полагаю, не пѣлось никакихъ нѣжныхъ, грустноватыхъ пѣсенъ; въ его дѣтствѣ, я думаю, ему не приходилось услышать никакихъ увлекательныхъ, волшебныхъ сказокъ, не приходилось увидѣть никакихъ занимательныхъ картинокъ или игрушекъ и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ тѣ нѣжныя времена, ограничивалось семейными сценами между его двумя отцами и одною матерью. Въ теченіи его дѣтства у него перебывало два отца и ни одинъ изъ нихъ не былъ особенно лучше другаго. Первый былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и напивался три раза въ недѣлю; второй, живущій до нашихъ дней, былъ чиновникомъ, и пилъ безъ перерыва и отдыха, и когда приводилъ свои чувства въ возбужденное, энергическое состояніе, что обыкновенно случалось къ ночи, тогда зажигалъ всѣ, имѣвшіяся въ домѣ свѣчи, помадилъ свою голову и начиналъ танцовать вальсы и мазурки, на которые вмѣсто дамы ангажировалъ стулья, подушки и болѣе удобные столики.

Но эти времена уже прошли въ ту пору, когда я поселился въ мезонинѣ грязнаго домика съ цѣпными собаками, кабакомъ и задумчивымъ геніемъ. Родной отецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, давно умеръ, а вотчима перевели, вслѣдствіе слезныхъ моленій жены, въ другой городъ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ смотрителемъ тюремнаго замка и поэтому наблюдалъ за людьми испорченной нравственности. Въ родимомъ гнѣздѣ Матюшки шла уже совершенно другая жизнь, въ которой теперь не слышалось ни одного рѣзкаго звука или дѣйствія, не-

вольно вызывающаго человѣческій умъ на размышленіе о людяхъ, ихъ жизни и достоинствахъ. Въ темныхъ комнатахъ раздавался только однообразно—ворчливый голосъ хозяйки, стойко выдержавшей аттаку двухъ своихъ мужей, желавшихъ по ихъ собственному сознанію, вогнать ее въ могилу, и затѣмъ, съ прежней энергіей продолжавшей заботиться о пріумноженіи своихъ доходовъ съ хозяйства, о возможно большемъ соблюденіи экономіи въ кушаньи и одеждѣ своихъ сыновей, которыхъ у нея было два, и наконецъ объ устройствѣ для нихъ счастливаго будущаго. Сердце у нея было на столько доброе, что оно вмѣщало въ себѣ искреннюю любовь къ своимъ дѣтямъ и на столько маленькое, что кромѣ этой привязанности не могло вмѣстить никакого другаго теплаго чувства. Правда, что она любила чай со сливками, кофе и кошекъ, но это какъ-то мало относится къ добрымъ качествамъ человѣческаго сердца; правда, что она любила говорить о похвальныхъ сторонахъ человѣческаго характера, но этѣ похвальныя стороны заключались, по ея убѣжденію, въ бережномъ обращеніи дѣтей съ своимъ платьемъ, въ постоянно причесанной головѣ и въ кроткомъ обхожденіи со старшими. Можетъ быть она и была права въ своемъ взглядѣ на достоинства, которыхъ требуетъ отъ человѣка современная жизнь, но во всякомъ случаѣ, ея идеалъ гражданина не могъ особенно сильно способствовать развитію какого бы то ни было генія, точно также, какъ жизнь, которую она завела и направляла въ своемъ грязномъ владѣніи, не могла служить блестящей школой для воспитанія въ человѣкѣ высокихъ стремленій и поэтическихъ мечтаній. Я хорошо помню эту жизнь. Я живо представляю себѣ тѣхъ людей, которые были въ ней главными, постоянными дѣйствующими лицами, и тѣ сцены, которыя каждодневно разъигрывались въ этой жизни. Какъ живая видится мнѣ старая женщина, нѣкогда носившая на рукахъ, няньчившая моего героя. Вотъ она входитъ въ комнату и громко кличетъ по имени хозяйку.

— Собаку нужно накормить, говоритъ она съ какой-то злобой въ голосѣ, и съ неподвижно направленными куда-то въ стѣну мутными, свинцовыми глазами. Лицо ея красновато и морщинисто; изъ подъ платка, покрывающаго голову, торчатъ пряди сѣдыхъ, жесткихъ волосъ.

— А ты возьми хлѣба,—монотонно отвѣчаетъ хозяйка, сидящая за самоваромъ.—Только возьми не того хлѣба, который намъ подаешъ на столъ, а тамъ другой есть, заплесневѣлый, въ уголкѣ лежитъ.

— Станетъ-ли еще ѣсть-то его?... Гдѣ ключъ-то?

— А не станетъ, такъ и не хочетъ значитъ... Въ шкапу ключь.

Старуха медленно двигается по направленію къ шкапу, ощупываетъ его и, наконецъ, отворяетъ.

— Гдѣ?

— На верхней полкѣ.

Старуха кладетъ руку на верхнюю полку.

— Гдѣ?

— Въ углу.

Старуха начинаетъ шарить на полкѣ, и, наконецъ, роняетъ на полъ свертокъ съ нюхательнымъ табакомъ.

— Ахъ ты Господи, восклицаетъ старая нянька, наклоняясь и шаря по полу.

— Что это?.. Чхи!.. Табакъ... Весь разсыпался... Зельемъ этимъ, прости ты Господи, зубы чистятъ... Какъ это ихъ съ нутра-то не вортитъ... Чхи!..

Васька Кокоринъ, меньшой братъ Матюшки, заливается отчаяннымъ хохотомъ. Матюшка по немногу выходитъ изъ своей обыкновенной задумчивости и, кажется, тутъ только и замѣчаетъ присутствіе своей старой няньки.

— А ты мнѣ купи свой, злобно говоритъ его мать.

— И куплю... Зубы чистятъ... чхи!.. табакомъ... Будь онъ проклятъі

И старуха поспѣшно отступаетъ отъ шкапа, придерживаясь за стѣну.

— Да ты опять ослѣпла? Опять пьяна? вскрикиваетъ озлобленная хозяйка, пожирая ее глазами.

Старуха не отвѣчаетъ ни слова и исчезаетъ за дверью.

— Это вѣдь у нее куриная слѣпота?—освѣдомляется Васька.

— Да, куриная.

— А зачѣмъ вы зубы табакомъ чистите? спрашиваетъ онъ, немного помолчавъ, взглядываетъ на мать, фыркаетъ и исчезаетъ за дверью.

Матюшка тревожно посматриваетъ на поблѣднѣвшую отъ злости мать и, съ испугомъ въ лицѣ, готовится выслушать ея обычную слезливую и ѣдкую рѣчь о неблагодарныхъ дѣтяхъ.

За образомъ старой няньки выступаетъ передо мной тощая, черная, какъ бы обгорѣлая фигура ея мужа, отставонго инвалида, занимающагося починкой старыхъ сапогъ. Этотъ дряхлый человѣкъ отправился было вмѣстѣ съ вотчимомъ Матюшки, въ дальній уѣздный городъ, но прожилъ тамъ очень не долго, и скоро его тощая фигурка

опять просовывается въ калитку грязнаго двора, съ колыхавшимся въ немъ бѣльемъ и привѣтствуется радостнымъ визгомъ собакъ.

Неторопясь, входитъ онъ въ комнаты, кашляетъ и крестится.

— Потапычъ! вскрикиваетъ хозяйка, вскочивъ со стула. И *онъ* пріѣхалъ?

— Здравія желаю, матушка... Какъ поживаете, и какъ здоровье ваше? спрашиваетъ Потапычъ, кланяясь и улыбаясь.

— И онъ пріѣхалъ?—вскрикиваетъ поблѣднѣвшая какъ полотно хозяйка.

— А я съ своей стороны живу помаленьку, добродушно продолжаетъ Потапычъ.

— А онъ?— кричитъ ему на ухо блѣдная и дрожащая женщина.

— Что-съ?

— Онъ пріѣхалъ?.. Отецъ пріѣхалъ? повторяютъ и дѣти и мать.

— Супругъ вашъ?

Хозяйка отчаянно киваетъ головой.

— Успокойтесь, матушка... Супругъ вашъ тамъ же на мѣстѣ служитъ, смотрителемъ тюремнаго замка, какъ вамъ извѣстно; и зачѣмъ имъ сюда ѣхать? говоритъ Потапычъ.—Разстался я съ ними четыре недѣли назадъ, и оставилъ ихъ въ добромъ благополучіи, только пьютъ они безмѣрно, и въ деньгахъ удачи не имѣютъ, такъ, что даже кушаютъ нерѣдко отъ одного стола съ арестантами своими и содержать меня средствъ не имѣютъ. Четыре недѣли тому назадъ, обратился я къ нимъ съ просьбой о деньгахъ на пищу и одежду. Но они денегъ мнѣ не дали, какъ не давали ихъ и прежде. Тогда я доложилъ имъ, что оставаться при нихъ не могу и намѣреваюсь возвратиться къ моей женѣ. На это они взяли меня за воротъ, какъ вора какого, и вытолкнули за дверь. Тогда я собрался и пошелъ въ путь. Въ кой день проходилъ пять верстъ, въ кой день семь верстъ, питался христовымъ именемъ; пробылъ въ дорогѣ, какъ уже вамъ докладывалъ, четыре недѣли и, наконецъ, прибылъ.

— Такъ я и окончу здѣсь дни свои, продолжаетъ онъ, послѣ небольшаго молчанія. А вы матушка, квартиры моей меня не лишайте, прошу, и супругѣ моей не отказывайте, такъ какъ мы люди дешевые.

И онъ низко кланяется. Потомъ тихонько кашляетъ въ руку, переминается на мѣстѣ, еще разъ кланяется и тихо выходитъ изъ комнаты.

Среди этихъ-то людей, слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ на разумную рѣчь, росъ Матюшка. Впрочемъ, я полагаю, что здѣсь нѣтъ ничего

особенно страннаго. Сколько я знаю, подобная участь и подобное общество всегда выпадало на долю даже тѣхъ геніевъ, которыхъ голосъ достаточно громокъ, чтобы долетѣть отъ одного конца нашей планеты до другого; а Матюшка былъ геніемъ темнымъ, вовсе не думавшимъ возвышать для чего бы то ни было своего слабенькаго голоса, нисколько не заботившимся о судьбахъ нашего міра, ни чуть не мечтавшимъ объ исцѣленіи слѣпыхъ и глухихъ и устремлявшимъ все вниманіе на свои изобрѣтенія. Онъ былъ механикъ. Онъ посѣтилъ одинъ разъ провиціальную выставку, увидѣлъ на ней маленькую модель вѣтряной мельницы и, воротившись домой принялся за сооруженіе точно такой же игрушки. Но онъ забылъ нѣкоторыя подробности механизма и остановился на половинѣ работы, затосковалъ, задумался и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ устроилъ оригинальную мельницу съ упрощеннымъ, своеобразнымъ механизмомъ, честь изобрѣтенія котораго принадлежала ему и никому больше. Онъ почти не ѣлъ и не спалъ послѣ подобнаго исхода своего предпріятія. Онъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ передъ своей мельницей, гладилъ ея стѣны и крылья, улыбался какой-то торжественной, наивной улыбкой, и въ то же время задумывалъ планы новыхъ работъ.

Въ то время, когда я поселился въ его домѣ, Матюшка думалъ устроить нѣчто подобное одной видѣнной имъ тележкѣ-самокату, приводившейся въ движеніе посредствомъ какого-то совершенно неизвѣстнаго ему внутренняго механизма. Онъ ходилъ по комнатамъ и по улицамъ, совершенно ничего не видя и не слыша, спотыкаясь о камни, падая, пачкаясь и являясь въ школу покрытымъ пылью или грязью, которая чрезвычайно удивляла его, когда товарищи указывали ему на эти слѣды, постоянно остававшіеся на немъ послѣ каждой прогулки на улицѣ, и желали узнать причину ихъ происхожденія. Въ школѣ онъ не сводилъ глазъ съ учителя и между тѣмъ никогда не слышалъ когда его приглашали отвѣчать урокъ. Тетради его пестрѣли непонятными чертежами. Ночью онъ часто приподнимался на своей постели, садился на ней и погружался въ какіе-то расчеты и соображенія, сопровождаемые крупнымъ или легкимъ шевеленьемъ губъ и періодическимъ закрываніемъ или напряженнымъ расширеніемъ своихъ большихъ глазъ.

— Я сдѣлаю ее, иногда говорилъ онъ мнѣ, поднимая къ верху палецъ и торжественно расширяя глаза.

И послѣ подобнаго утвержденія ему, становилось очень весело. Онъ нерѣдко знавалъ горькія минуты сомнѣнія въ своихъ силахъ, отчая-

нія въ успѣхѣ своего предпріятія и въ эти тяжелыя времена онъ измѣнялъ своей привычкѣ—вѣчно быть на ногахъ; ложился ничкомъ; гдѣ нибудь въ саду или въ углу комнаты, и подолгу лежалъ безъ движенія. Но когда его осѣняла надежда, когда онъ торжественно поднималъ свой палецъ и, потрясая имъ, произносилъ свое «сдѣлаю», тогда его лицо озарялось невыразимо счастливой улыбкой, тогда онъ начиналъ ходить по комнатѣ и вслухъ мечтать о томъ, что онъ за дорогую цѣну продастъ свою модель какому нибудь путешествующему англичанину, купитъ на вырученные деньги токарный станокъ, множество рабочихъ инструментовъ, кожанное, неизносимое платье, а половину денегъ отдастъ своей матери, чтобы она не мѣшала ему въ его занятіяхъ

А мать была очень добра относительно его и чрезвычайно заботилась о его будущемъ. Она желала бы, чтобы онъ былъ богатъ или, по крайней мѣрѣ, всегда былъ очень сытъ и очень хорошо одѣтъ. Но когда она осмѣливалась заглянуть въ его будущее, когда она представляла себѣ своего Матюшку въ положеніи чиновника, писца или учителя, тогда ея любящее сердце обливалось кровью. Она знала, что нынѣшнія времена, очень плохія для чиновниковъ времена, она еще лучше знала, что положеніе учителя всегда было и также всегда будетъ очень скверным положеніемъ и поэтому, начала глубоко задумываться о пріисканіи для своего сына какого нибудь другаго поприща. И, наконецъ, она открыла самый удобный и легкій жизненный путь. Она начала каждый день одѣваться въ свое лучшее платье, надѣвала дорогую старинную шляпку, накидывала на свои плеча турецкую шаль и съ утра отправлялась обходить своихъ старыхъ знакомыхъ и покровителей, плакалась имъ на свою судьбу, распивала съ ними чай и кофе, разсказывала свои семейныя страданія, излагала свои скромныя желанія, относительно обезпеченія счастливаго будущаго для своихъ дѣтей, низко кланялась и подносила носовой платокъ къ своимъ глазамъ.

А Матюшка между тѣмъ приступилъ къ осуществленію своей модели, неустанно работалъ въ свободные часы надъ какими-то колесами, пересчитывалъ хранившіяся въ его сундукѣ деньги, получаемыя имъ на праздникахъ, бѣгалъ съ ними къ рабочимъ на фабрикахъ металлическихъ издѣлій, а отъ нихъ возвращался съ желѣзными вещами очень странной формы и, повидимому, чрезвычайно радовался употребленію своего маленькаго капитала. Мать равнодушно смотрѣла на этѣ забавы своего сына.

— Матюшка!—сказала она въ одинъ прекрасный вечеръ.—Ты завтра не ходи въ гимназію.

Матюшка широко раскрылъ глаза.

— Я тебя на мѣсто пристроила, продолжала мать.—Послѣ завтра ты переѣдешь къ купцу Богатову. Онъ беретъ тебя въ свою лавку мальчикомъ... Ну, ну, не разговаривать, не огорчать мать. Скоро прикащикомъ сдѣлаютъ.

Но Матюшка не дослушалъ послѣдней фразы, убѣжалъ изъ комнаты въ самое глухое мѣсто сада, упалъ ничкомъ на землю и пролежалъ въ такомъ положеніи до глубокой ночи.

Вскорѣ послѣ этого, я не разъ встрѣчалъ его на улицѣ, когда онъ спотыкаясь, наталкиваясь на прохожихъ, и вообще ничего не видя и не слыша, брелъ куда нибудь съ кипой матерій изъ лавки своего, нежданно свалившагося ему на шею хозяина.

— Здравствуй Матюша, говорилъ я, останавливая его за плечо или за худую, тощую, какъ плеть болтавшуюся руку.

Онъ останавливался и изъ подлобья взглядывалъ на меня. Прежде онъ при каждой встрѣчѣ крѣпко жалъ мнѣ руку. Теперь же онъ только приподнималъ фуражку.

— Какъ живется Матюша?... Плохо?... Скучно? спрашивалъ я, всматриваясь въ его постное, унылое лицо.

— Нѣтъ... Слава Богу, отвѣчалъ онъ почти беззвучно.

А также я видалъ его и въ лавкѣ. Обыкновенно онъ стоялъ въ самомъ темномъ уголкѣ за прилавкомъ, неподвижно смотрѣлъ куда-то въ стѣну или потолокъ, глаза его были широко и напряженно раскрыты, а губы крупно шевелились и изображали какіе-то беззвучныя слова и рѣчи.

Иногда въ лавку приходила мать его, наряженная въ лучшее платье и въ старинную, дорогую, но полинялую шляпку, справлялась о поведеніи своего сына, съ блаженной улыбкой выслушивала похвалы его кротости, послушанію, усердію съ которымъ онъ внезапно началъ посѣщать монастыри, читать священное писаніе, гладила своего Матюшку по головкѣ, низко кланялась толстому хозяину, прося его не оставить ея дѣтища — и уходила съ самыми свѣтлыми надеждами на прекрасное будущее для себя и своего сына.

А Матюшка отчаянно боролся въ это время съ неотвязно посѣщавшей его мыслью о самоубійствѣ.

И когда впослѣдствіи, почти черезъ два года, онъ одолѣлъ эту черную мысль, когда она уже перестала тревожить его сонъ, тянуть его прочь отъ людей, за городъ, къ темнымъ, мрачнымъ водамъ рѣки или въ

пустынное поле, тогда мой молодой герой почувствовалъ странное, жгучее, неудержимое влеченіе въ кабаки и трактиры. И онъ не могъ устоять противъ этого влеченія, а когда отдался ему, тогда потерялъ свою коммерческую карьеру и неожиданно разбилъ блестящія надежды своей матери.

Но здѣсь уже заканчивается скромная исторія моего маленькаго лероя, моего маленькаго генія. Послѣ этого уже совсѣмъ нѣтъ генія и уже вовсе нѣтъ маленькаго героя, который теперь выросъ въ героя большаго, который теперь путешествуетъ по кабакамъ и трактирамъ, который впослѣдствіи, вѣроятно, полюбитъ и женится, у котораго впослѣдствіи, вѣроятно, будутъ дѣти, который, такимъ образомъ, будетъ стоять въ центрѣ не скромной, а большой исторіи, будетъ пить, неистовствовать, дѣлать глупости и вообще сокрушать сердце матери, имѣвшей несомнѣнно добрыя намѣренія...

Н. Бажинъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ поэмы Гейне «Германія».

(Поэтъ встрѣчается въ Гамбургѣ съ покровительницею этого города, богинею Гаммоніею, и проситъ ее раскрыть предъ нимъ будущность Германіи; пророчество Гаммоніи составляетъ предметъ предлагаемаго отрывка).

Румянцемъ пылало богини лицо—
Какъ будто отъ рома (*), къ коронѣ
Вся кровь прилила,—и разсказъ повела
Богиня въ тоскливѣйшемъ тонѣ:

«Стара становлюсь я. Въ тотъ самый вѣдь день,
Какъ Гамбургъ, я свѣтъ увидала;
Царица селедокъ была моя мать,
Здѣсь въ Эльбѣ она проживала.

«Отецъ мой былъ умный, великій монархъ,
По имени Карлъ, а прозваньемъ—
Великій; съ нимъ даже самъ Фридрихъ-Вильгельмъ
Сравниться не могъ по дѣяньямъ.

«Вотъ стулъ, на которомъ въ вѣнцѣ возсѣдалъ
Онъ въ Ахенѣ,—тамъ и остался;
А стулъ, на которомъ онъ ночью сидѣлъ,
Въ наслѣдство супругѣ достался.

«А матушка мнѣ завѣщала его.
Онъ съ виду невзраченъ, но вѣрьте,—
Давай мнѣ фонъ-Ротшильдъ всѣ деньги свои,
Я съ нимъ не разстанусь до смерти.

«Вонъ видишь, тамъ старое кресло въ углу;

(*) Дѣйствіе происходитъ послѣ того, какъ богиня напилась съ поэтомъ чаю съ ромомъ.

Ободрана кожа со спинки,
А въ мягкой подушкѣ сидѣнья его
Моль выѣла всѣ волосинки.

«Но ты подойди и подушку съ него
Сними,—и представится глазу
Дыра, а подъ этою круглой дырой
Увидишь ты чудную вазу.

«Въ той вазѣ волшебныя силы теперь
Варятся,—и если ты глазомъ
Приложишься къ этой дырѣ,—предъ собой
Увидишь всю будущность разомъ.

«Да, будущность родины милой твоей...
Тамъ бродитъ она, какъ фантазмы;
Но ты не пугайся, коли выходить
Изъ вазы вдругъ станутъ міазмы!»

Улыбкою странной окончила рѣчь
Богиня,—но я не смутился,
И къ страшной дырѣ съ любопытствомъ большимъ
Глазами тотчасъ приложился.

Но что̀ я увидѣлъ, того не скажу—
Молчать обѣщалъ я построже;
Мнѣ даже подробно нельзя разсказать,
Чего я нанюхался... Боже!

Теперь еще гадко, какъ вспомнится мнѣ
Гнуснѣйшій прологъ—испаренье...
Казалось, что это—изъ кожи сырой
И старой капусты смѣшенье.

Когда же во слѣдъ за прологомъ идти
Пары настоящіе стали,
Подумалъ я—боги!—что здѣсь тридцать шесть
Помойныхъ канавъ очищали.

Я знаю, Сен-Жюстъ въ Комитетѣ своемъ
Твердилъ, что несбыточны грезы

Того, кто великій недугъ излечить
Надѣется масломъ изъ розы.

Но эта, грядущей Германіи вонь,
Оставила все за собою,
Что только мой носъ могъ представить себѣ...
Подавленный вонью такою,

Лишился я чувствъ... А очнувшись, опять
Сидѣлъ я съ богинею рядомъ;
Прижавши лицо мое къ груди, она
Смотрѣла сверкающимъ взглядомъ...

П. Вейнбергъ.

РАБОТНИКЪ-БРОДЯГА.

[ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКА НАДЪ БЫТОМЪ РУССКАГО РАБОЧАГО КЛАССА (*)].

«Охъ, плохое наше житье, слышится всюду въ средней Россіи, земли у насъ малыя, оброки большіе и повернуться какъ не знаешь, вотъ въ саратовской губерніи или въ пермской, тамъ житье: земли много, паши сколько хочешь, тамъ и умирать не надо». Поѣхалъ я посмотрѣть на Эльдорадо въ восточной Россіи, но лишь только забрался въ самое сердце пермской губерніи, услышалъ ту же пѣсню: «плохое наше житье, вотъ въ тобольской губерніи тамъ житье, такъ житье, тамъ и землю никогда не унавоживаютъ». Спѣшу въ тобольскую губернію, но тамъ оказывается также плохое житье и восхваляется томскій округъ: «тамъ-де и лѣса изобильныя и земли недѣленыя». Но и въ томскомъ округѣ крестьянинъ оплакиваетъ свою горькую участь; «здѣсь земли легкія, не плодоносныя,—говоритъ онъ,—зима суровая, ничего не родится, вотъ въ кузнецкомъ и бійскомъ округѣ тамъ богатство, и хлѣбъ, и медъ, и лѣсъ—все въ изобиліи». Добрался я до кузнецкаго округа—и что же? хотя бы я встрѣтилъ тѣнь довольства своею судьбою». Зачѣмъ и дѣти-то у насъ родятся, кричатъ матери въ одинъ голосъ, пусть бы они умирали скорѣе, намъ бы легче было». Гдѣ же хорошо? спрашиваю я, наконецъ, въ недоумѣніи. «Въ восточной Сибири, тамъ хорошо», отвѣчаютъ мнѣ. Но терпѣніе мое достигло своего предѣла, я не вѣрю болѣе рабочему человѣку, а начинаю распрашивать образованное сословіе... Оказывается совершенно на оборотъ: я слышу тутъ однѣ утѣшительныя рѣчи. «У насъ, говорятъ, не то, что въ Англіи или въ западной Европѣ, у насъ нѣтъ пролетаріевъ, здѣсь народъ благоденствуетъ». Въ восточной Россіи похвалъ еще болѣе: «у насъ здѣсь все дешево,—повторяютъ мнѣ,—и хлѣбъ и мясо, у насъ здѣсь народъ не умираетъ съ голоду, голодныхъ мы здѣсь не видали». Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, въ Сибири похваламъ нѣтъ конца; «у насъ здѣсь,—говорятъ мнѣ,—не то, что у васъ въ Россіи, здѣсь голодныхъ не водится, народъ ржанаго хлѣба и ѣсть не станетъ, курныя избы здѣсь неизвѣстны, народъ живетъ чисто, а вашихъ россійскихъ называетъ лапотниками—презрительное названіе, данное народомъ, который никакой другой, кромѣ кожаной, обуви не носитъ.

(*) Отрывокъ изъ большаго изслѣдованія о рабочихъ въ Россіи вообще.

Если же хотите посмотрѣть на богатство и роскошь сибирскаго рабочаго, то поѣзжайте на золотые промыслы. Когда рабочіе возвращаются съ промысловъ, они кутятъ такъ, что и нашему брату не всегда удастся такъ позабавиться, нанимаютъ музыкантовъ, устилаютъ улицу кусками ситца и въ одинъ день издерживаютъ сто или двѣсти рублей. Бываютъ случаи, что одинъ работникъ получитъ при расчетѣ за лѣто восемьсотъ рублей и черезъ мѣсяцъ не имѣетъ ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ». Много я слушалъ подобныхъ разсказовъ, но одно мнѣ показалось подозрительнымъ, что всѣ эти панегиристы народнаго благосостоянія въ одинъ голосъ повторяли, что у насъ рабочаго человѣка необходимо сѣчь, что безъ розогъ ничего не сдѣлаешь. Гдѣ розги, тамъ рабство, грязь и бѣдность; розги и благосостояніе, двѣ вещи не совмѣстимыя: человѣкъ, пользующійся благосостояніемъ не позволитъ себя сѣчь, человѣкъ, котораго сѣкутъ, никогда не будетъ пользоваться благосостояніемъ, потому что онъ будетъ грязенъ и нравственно униженъ.—Окончательно запутавшись въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ разсказовъ и взглядовъ на дѣло, я отправился на золотые промыслы, чтобы посмотрѣть на дѣйствительность и съ нитью личнаго наблюденія добраться до истины.

Порядочная горка! сказалъ я своему спутнику, подымаясь шагомъ по узкой тропинкѣ, круто взвивавшейся по обрыву скалистой горы. Подо мною, въ безднѣ, бурлилъ весенній потокъ, покрытый корою снѣга, надо мною почти отвѣсно подымалась черная скала и на небѣ рисовались росшія въ трещинахъ деревья. На узкой тропѣ поминутно скользило осторожное копыто лошади; отрывался камень, скакалъ по обрыву, какъ пущенное ядро, разбивался на куски и осколки летѣли со свистомъ, какъ у разорвавшейся бомбы. Не смотря на покойное положеніе на лошади, сознаніе опасности такъ утомляло нервы, какъ будто бы я самъ карабкался по крутизнѣ. Каждую минуту я измѣрялъ глазами сокращавшуюся тропинку. Еще нѣсколько шаговъ и мы поднялись на лужайку, среди которой стояла небольшая сопка (*). Отъ сопки этой до золотаго пріиска считалось съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ. Очутившись на ровномъ мѣстѣ я приготовился отдохнуть и пустилъ лошадь свою рысью, но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ фыркнула, навострила уши и вихремъ кинулась въ сторону; въ то же время цѣлая стая хищныхъ птицъ поднялась съ разныхъ сторонъ и закружилась въ воздухѣ. Я увидѣлъ зрѣлище, весьма обыкновенное на сибирскихъ дорогахъ: полусъѣденный птицами трупъ лошади, съ отвратительными красными ранами и выклеванными глазами. Рядомъ съ нимъ лежало еще что-то; я едва могъ осилить себя, чтобы разсмотрѣть и разсмотрѣлъ трупъ человѣка, умершаго отъ голода. Онъ, повидимому, хотѣлъ раздѣлить трапезу съ хищными птицами, но не успѣлъ и кончилъ свое существованіе. Павшая на дорогѣ лошадь была для меня зрѣлищемъ привычнымъ, но подобное прибавленіе такъ меня поразило, что я

(*) Сопкою называютъ въ Сибири конусообразную гору.

едва не лишился сознанія. «Господи,—вскричалъ мой проводникъ,—это Королевъ, мы съ нимъ вмѣстѣ на промыслѣ работали». Онъ совершенно растерялся, безъ причины привязалъ лошадь къ дереву, какъ будто хотѣлъ что-то сдѣлать, но только совался въ разныя стороны. Глядя на его оборванную фигуру, на торчащіе черные волосы, мнѣ пришла въ голову мысль, и я спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ и для себя подобной участи? «Чего добраго», отвѣтилъ онъ, «въ этой проклятой сторонѣ не мудрено дождаться, тутъ не то, что у насъ на Дону...» и пошелъ. Я остановилъ потокъ его краснорѣчія замѣчаніемъ, что нужно дать знать исправнику. «Вонъ-на,—отвѣтилъ онъ,—мало ли ихъ здѣсь по тайгамъ то пропадаетъ, такъ обо всѣхъ и давать знать»; онъ прибавилъ, что скажетъ священнику, чтобы онъ заочно отпѣлъ покойнаго (*).—Мнѣ сдѣлалось страшно и я, для развлеченія, посмотрѣлъ кругомъ себя. Подо мною была глубокая долина, утопавшая въ лѣсной зелени, по серединѣ вилась рѣка по бѣлымъ камнямъ и яркой полосой желтѣлъ среди зелени песокъ. Съ боку камни были террасами наворочены на груды камней и образовались двѣ скалы; зелень между каменьями была такая нѣжная, наливная, что она казалась скорѣе какимъ-то призракомъ, чѣмъ дѣйствительностью, и каждую минуту я ожидалъ, что она расплывется въ воздухѣ. Далѣе кругомъ, въ долинахъ, по холмамъ разросся безконечный лѣсъ, то онъ падалъ съ горы крутымъ скатомъ къ рѣкѣ, и на вершинѣ стояла сопка, то грядами подымалась его кудрявая зелень и густою тѣнью опускалась въ долину. Въ одномъ мѣстѣ рисовался на зеленомъ фонѣ рядъ остроконечныхъ горъ, покрытыхъ чернымъ лѣсомъ, въ другомъ лѣсистая вершина нависшей скалы грозила съ грохотомъ обрушиться въ долину и запрудить рѣку камнями. Все это кончалось зубцами сплошнаго лѣса. Надъ ними неясно былъ видѣнъ другой рядъ зигзаговъ темнаго лѣса, тутъ видны были и круглыя, и острыя вершины, длинные скаты и темныя долины. Еще далѣе, вдоль всего горизонта, тянулась цѣпь бѣлоснѣжныхъ горъ. То они возвышались зигзагъ надъ зигзагомъ и какъ будто устремлялись, чтобы достать небо, то вытягивались длиннымъ волокомъ. Съ живописной пестротою мѣнялись на горныхъ вершинахъ бѣлоснѣжная полоса съ темною отъ лѣсистаго оврага и, послѣ ряда угловъ, протянулись двѣ круглыя вершины самаго яркаго, розово-бѣлаго блеска и на нихъ хотя бы пятнышко тѣни. Надъ головою золотое небо. Кругомъ меня свистали соловьи, звонко раздавались трели одного и сквозь мощные, полные звуки едва можно было разслышать отдаленное пѣніе другихъ. Мнѣ невольно пришло въ голову—вотъ какова природа и вотъ судьба человѣка!—Какъ же это случилось, чѣмъ объяснить такой ужасный конецъ рабочаго?—будемъ на промыслѣ, все объяснится (**).

(*) Заочное отпѣваніе встрѣчается не только въ Сибири, но и въ восточной Россіи.

(**) Извѣстіе о работникахъ, умирающихъ въ тайгѣ отъ голоду и страданій, не въ первый разъ является въ печати; о работникахъ, умирающихъ въ енисейской тайгѣ говоритъ Кривошапкинъ, въ сочиненіи: «Енисейскій округъ и его жизнь. С.-Петербургъ 1865 г.» На стр. 191 сказано: «золотопромышленники и ихъ управляющіе особенно,

Не стая вороновъ слѣталась
На груды тлѣющихъ костей —
Удалыхъ шайка собиралась.

Пушкинъ.

Пекарскій былъ знаменитый управляющій золотыми пріисками. Въ его рукахъ и бездоходный промыселъ дѣлался доходнымъ. Золотопромышленники смотрѣли на него съ умиленіемъ, а исправникъ и горное начальство превозносили его до небесъ—всѣмъ умѣлъ угодить Пекарскій.—«Въ чемъ тайна вашего искуства?» спросилъ я его, выбравъ минуту откровенности. «Во многомъ, отвѣтилъ онъ, хотя напримѣръ въ томъ, что у меня никогда не бывало рабочихъ съ узаконенными видами» (это было преувеличеніе).—Было уже поздно вечеромъ, звѣзды показались на небосклонѣ, торопливою рысью я приближался къ промыслу, которымъ управлялъ Пекарскій въ тайгѣ..... округа. Нужно было нѣсколько верстъ ѣхать подъ гору. Когда мы стали приближаться къ промыслу, мы увидѣли, что работы на немъ были еще въ полномъ ходу. Мой проводникъ не могъ удержаться, чтобы не обратить на это мое вниманіе. «Живодеръ этотъ Пекарскій,— сказалъ онъ мнѣ,—ни на одномъ промыслѣ такой тяжелой работы нѣтъ, какъ у него. На зимнихъ работахъ у него народъ изъ силъ выбился, а потомъ онъ ни одному не заплатилъ, многіе погибли въ тайгѣ, какъ собаки, отъ голоду. Сначала они было въ Енисейскъ кинулись, смуту большую сдѣлали въ городѣ, все начальство узнало, а потомъ, какъ стали ихъ перебирать — тотъ безъ паспорта, другой безъ паспорта... Они бѣжать изъ Енисейска и оказалось, что онъ со всѣми раздѣлал-

---

сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой точки зрѣнія; они говорятъ, что наши пріисковыя больницы основываются только дла первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно-больныхъ, и надобно основать гдѣ нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то, при каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ разсчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: «расчитанъ за болѣзнію; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года». Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды—его мочитъ въ дождь и сверху и съ низу, вѣтры пронизываютъ насквозь его дырявую одеженку, жуетъ онъ кой-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ, съ вѣдома пріисковой полиціи, жильцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ нибудь на зимовьѣ, и жарясь отъ боли на печи, прерываетъ онъ своими оханьями, да глубокими вздохами тишину одинокой хижины; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ, и въ ночное время можетъ вторить стону его развѣ сказочникъ-котъ своимъ мурлыканьемъ, да храпъ зимовника, да изрѣдка съ просонья тявканье собаки, когда приснится ей какая нибудь изъ дневныхъ сценъ. Третій протащится всю тайгу, умретъ гдѣ нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья, въ анцифоровской уже волости и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окруж-

ся, какъ слѣдуетъ». Близь самаго промысла мы остановились и очутились въ кругу рабочихъ, возвращавшихся съ работы. Какая смѣсь одеждъ и лицъ: тутъ былъ и черкесъ, и финнъ, и бурятъ изъ восточной сибири; кто пришелъ въ лаптяхъ, кто въ сапогахъ; одинъ пришелъ безъ вида изъ Россіи, другой бѣжалъ изъ каторги. Грязные, оборванные, они представляли видъ самый жалкій. Деревня, гдѣ жили всѣ эти рабочіе, помѣщалась въ глубокой ямѣ, между горами. На краяхъ этой ямы, нѣсколько сажень выше домовъ, лежалъ почти все лѣто, со всѣхъ сторонъ, снѣгъ. Какъ скоро солнце садилось, въ ней воздухъ былъ такой сырой и холодный, что безъ теплаго платья нельзя было показать носу на улицу; въ шубѣ было только не холодно. Между тѣмъ, многіе рабочіе, кромѣ рубахи, ничего на себѣ не имѣли, посинѣли и дрожали отъ холода. «Что толсторожіе, шеи-то у васъ поубавилось не много?» замѣтилъ мой спутникъ, обращаясь къ толпѣ. Это была горькая иронія, люди эти были худы и блѣдны, какъ тѣни. Рабочія лошади такъ были измучены, что отъ нихъ остались одни только остовы, но хозяинъ объ этомъ не заботился, ему бы лошадь только дослужила до осени, а тамъ, если пропала, то туда ей и дорога.—«Встрѣчалось ли вамъ такое, разноплеменное населеніе?—сказалъ мнѣ Пекарскій,—но за то я ихъ держу въ рукахъ; у меня конюхи лихіе: кого вспорятъ, тотъ будетъ помнить». — «Вы ихъ порядочно прижимаете, должно быть?» сказалъ я.—«Прижмешь ихъ!—отвѣтилъ онъ,—они всѣ безпаспортные, они разбѣгуться, вотъ я и сяду на бобахъ, или золото будутъ на сторону продавать, тогда дохода не будетъ.»—Пекарскій кривилъ душою: его рабочіе вовсе не обладали такими легкими средствами, чтобы защитить себя отъ при-

---

наго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска, и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случалось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу и, горько смотрѣть,—оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже до того, что нельзя узнать лика человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ—и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороной, обличаютъ въ немъ живого человѣка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ и засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ такими-то больными наполняется наша енисейская больница и число больныхъ въ ней достигаетъ втрое противу комплекта». Это самое свидѣтельство мѣстнаго врача, написанное явно подъ впечатлѣніемъ многократнаго опыта, не можетъ быть заподозрѣно въ преувеличеніи; если подобная участь можетъ ожидать рабочаго, имѣющаго законный видъ и всѣ законные документы, то читатель можетъ себѣ представить, что бываетъ съ бродягою. Это сочиненіе, изданное географическимъ обществомъ и посвященное графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, вовсе не имѣло главною цѣлью описаніе положенія рабочаго на золотыхъ пріискахъ; главною цѣлью его было описаніе сѣвернаго края и звѣроловства, въ прочихъ своихъ частяхъ оно всего болѣе географическое и, если авторъ говоритъ съ нѣкоторою подробностью о томъ, какъ умираютъ въ тайгѣ больные, то исключительно потому, что это явленіе слишкомъ поразило его во время его медицинской дѣятельности и самый тонъ разсказа показываетъ, что онъ какъ бы невольно вырвался у него изъ души. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно, чтобы сохранить его въ себѣ, при описаніи края.

тѣсненій. Конечно, нужно родиться злодѣемъ, чтобы систематически пользоваться слабыми сторонами нашего соціальнаго быта, какъ ими пользовался Пекарскій. Но если мало людей дѣйствуютъ изъ злодѣйскихъ цѣлей, то многіе дѣлаютъ то же по слабости характера или по трудности своего положенія. Какъ скоро существуетъ недостатокъ, то неизбѣжно явятся и люди, которые будутъ пользоваться имъ. Всякій раззорившійся золотопромышленникъ по инстинкту самосохраненія дѣйствуетъ точно также, какъ Пекарскій, а чтобы дать понятіе о числѣ раззорившихся золотопромышленниковъ достаточно сказать, что раззоряются золотопромышленники, въ родѣ Глотовыхъ, у которыхъ пріиски, въ теченіе всего времени разработки, ни разу не дали убытку и до сего времени считаются золотымъ дномъ. Раззорились они отъ безалабернаго хозяйства и отъ крайне высокихъ процентовъ на заемный капиталъ. Золотые промыслы находятся всегда въ непроходимыхъ лѣсахъ, за болотами и горами, не только вдали отъ всякаго жилья, но въ такихъ мѣстахъ, куда провозъ всякаго товара крайне затруднителенъ и куда никто не поѣдетъ безъ заказа. Иногда провозъ товаровъ лѣтомъ даже вовсе не возможенъ, весь запасъ долженъ быть сдѣланъ зимою; промышленникъ не можетъ надѣяться обставить свой промыселъ покупкою у окрестныхъ жителей, необходимо дѣлать запасы посредствомъ поставщиковъ, а поставщики и состоятельнаго золотопромышленника иногда такъ нагибаютъ (*), что самый богатый промыселъ не выдержитъ и раззоритъ своего владѣльца, о раззоренномъ же золотопромышленникѣ и говорить нечего; конкуренція между поставщиками, и безъ того недостаточная, уменьшается опасеніемъ не получить ничего. Покупать нужно все дорого, а между тѣмъ старые долги висятъ надъ головою; какъ же быть? неужели объявить себя несостоятельнымъ и впасть въ совершенную нищету?.. Промышленникъ рѣшается на послѣднее средство: онъ ведетъ дѣло, нанимая почти исключительно на работы бродягъ и бѣглыхъ — дѣло рисковое и болѣе или менѣе отчаянное. При наемкѣ рабочихъ онъ можетъ сократить, такимъ образомъ, первоначальныя свои издержки на половину. Въ отдаленную тайгу, напр. въ енисейскую, не получивъ значительнаго задатка, никто не пойдетъ: надо заплатить подати, надо сдѣлать весною, въ распутицу, по непроходимымъ дорогамъ, черезъ безчисленные перевозы, можетъ быть, болѣе тысячи верстъ и поспѣть къ сроку; осенью, съ такими же затрудненіями нужно сдѣлать тотъ же самый путь обратно; на все это за безцѣнокъ никто не рѣшится. Безпаспортный приметъ все, онъ возьметъ половину, третью часть задатка; но за то же, если онъ имѣетъ возможность, то схвативъ задатокъ, онъ бѣжитъ, и искать его безполезно. Подобные бѣглецы, во всякомъ случаѣ, составляютъ исключеніе; обыкновенно безпаспортный примиряется съ своею участью. Дѣло начинается съ того, что получивъ недостаточный задатокъ отъ хозяина, который самъ ходитъ почти безъ са-

(*) «Нагибать» выраженіе весьма употребительное на золотыхъ промыслахъ, оно значитъ: поставить человѣка въ безвыходное положеніе, при которомъ онъ вынужденъ или дорого платить за товаръ или дешево продавать.

погъ, онъ отправляется въ путь весною, въ самую распутицу. Поговорите съ кѣмъ нибудь изъ подобной, жалкой, оборванной партіи рабочихъ и едва-ли этотъ кто нибудь желаетъ для себя чего либо лучшаго, кромѣ смерти. Подобная партія производитъ впечатленіе собранія нищихъ въ самыхъ пестрыхъ и оригинальныхъ костюмахъ; тутъ встрѣчаются такія части одежды, что и придумать невозможно, что это такое и изъ чего она сдѣлана. Одѣтый какъ попало, безъ денегъ, безъ средствъ, работникъ-бродяга бредетъ по непроходимой дорогѣ. Сначала его путь лежитъ по большому иркутскому тракту; трактъ этотъ весною составляетъ отчаяніе путешественника, тутъ не проѣдешь ни на саняхъ, ни на телегѣ: нашему рабочему придется на каждомъ, переходѣ раза два или три окунуться, по поясъ, въ мокрый снѣгъ или въ воду; его платье и обувь постоянно гніютъ на его тѣлѣ, а прійдетъ на станцію, согрѣться ему негдѣ и поѣсть нечего хорошенько. Въ богатую избу ему не войдти, туда не пустятъ несчастнаго горемыку, отверженнаго міромъ, въ убогой же и голодно, и холодно. Всего чаще ему придется ночевать у барышника, который опасается, чтобы ему не показалось слишкомъ хорошо за дешевыя деньги и, чтобы другимъ не повадно было столько же платить. Но большая дорога еще рай; съ ней ему придется своротить на малый торговый трактъ; по этому тракту двѣ лошади не могутъ бѣжать рядомъ, одна должна непремѣнно провалиться по брюхо, поэтому постоянно ѣздятъ цугомъ. Каждый разъ, когда онъ встрѣтится съ крестьяниномъ въ саняхъ, онъ долженъ идти въ снѣгъ по поясъ, а въ безчисленныхъ рытвинахъ и оврагахъ, онъ проваливается въ воду по самую шею. Не смотря на всѣ эти страданія, онъ себя считаетъ все еще счастливымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ настоящимъ бродягою, онъ даже теряетъ тотъ смиренный видъ, которымъ отличался, можетъ быть, нѣсколько недѣль тому назадъ. Но вотъ онъ вошелъ въ настоящую, пустынную, дѣвственную тайгу; жилья почти нѣтъ, дорогъ нѣтъ, снѣгъ саженной глубины, ему приходится то ночевать на снѣгу, то почти вплавь пробираться по лужамъ и прогалинамъ; онъ проклинаетъ свою судьбу и съ завистью вспоминаетъ о жизни бездомнаго бродяги. Онъ на пріискѣ; начались работы. Сначала дѣло еще идетъ кое-какъ, но вотъ является первый недостатокъ въ мясѣ. Нѣкоторое время его еще утѣшаютъ разными прибаутками, затѣмъ перестаютъ утѣшать, вотъ и хлѣбъ начался плохой, а потомъ и вовсе ѣсть нечего. Обувь, одежду, все, что для него необходимо, онъ долженъ покупать въ счетъ заработной платы отъ своего хозяина, хозяинъ самъ купилъ дорого, а продаетъ еще дороже. Наконецъ, положеніе работника такъ плохо, что ему хуже, чѣмъ было бы въ острогѣ, ему хуже, чѣмъ ему было, когда онъ шатался по большимъ дорогамъ, жилъ милостынею и воровствомъ, ночевалъ въ овинахъ и въ баняхъ. Ему скверно, сквернѣе и быть не можетъ, а все-таки что-то его удерживаетъ въ этомъ положеніи; это что-то— любовь къ свободѣ, любовь къ опредѣленному положенію, надежда, хотя слабая и шаткая, что нибудь пріобрѣсти. Таежный пріискъ та же тюрьма и еще самая скверная, сырая, простудная тюрьма, по крайней мѣрѣ при такой об-

становкѣ, а ему все кажется, что онъ на свободѣ; какъ ни плохо его мѣсто, а онъ все-таки при мѣстѣ, кончитъ работу, получитъ расчетъ и напьется такъ, что нёбу будетъ жарко. Онъ не думаетъ о томъ, что еще прежде, чѣмъ ему удастся напиться, какая нибудь злая лихорадка отправитъ его на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ, дѣла хозяина изъ рукъ вонъ плохи; въ безполезномъ отчаяніи онъ рветъ на себѣ волосы: на пріискѣ во всемъ недостатокъ. По преданію, его работники надѣялись продавать краденое золото и вознаграждать себя такимъ образомъ, куда! — самъ хозяинъ радъ продать или заложить золото въ частныя руки, украдкой отъ казны. Являются самыя ложныя и натянутыя отношенія, отъ которыхъ проигрываютъ всѣ. Работникъ балуется, начинаетъ работать неохотно, а хозяину работа нужна болѣе, чѣмъ кому нибудь; непріятностямъ нѣтъ конца, нѣтъ конца и жестокостямъ. Наконецъ, приближается и наступилъ расчетъ; работникъ считаетъ часы своей муки и ждетъ его съ нетерпѣніемъ, хозяинъ встрѣчаетъ его въ лихорадочномъ волненіи: какъ нибудь, а надобно расчитаться, между тѣмъ въ карманѣ свиститъ. Дѣлаются всѣ возможныя натяжки и оказывается, что хозяинъ или ничего, или весьма мало долженъ своему работнику. Работникъ побьется, видитъ, что взять нечего и пойдетъ мыкать свое горькое горе; ему ѣсть не давали, работой замаяли, нагайками тиранили, а при окончательномъ расчетѣ даже и на выпивку денегъ не дали. Вотъ какова судьба бродяги на золотыхъ промыслахъ Сибири! Когда я встрѣчалъ этѣ жалкія партіи, мнѣ невольно думалось: сколько изъ васъ, господа, преждевременно погибнетъ отъ болѣзней, а иному, можетъ быть, грозитъ и голодная смерть.

Когда вамъ весною случится ѣхать по большому сибирскому тракту изъ Тюмени (тобольской губерніи) въ Иркутскъ, то вамъ постоянно будутъ встрѣчаться люди жалкаго, оборваннаго вида, смиренные, какъ только можно быть смиреннымъ. Они каждому низко кланяются и, если вы спросите ямщика, что это за люди? онъ вамъ отвѣтитъ коротко: «бродяжки». Спросите подобнаго человѣка въ тюрьмѣ, за что онъ судится, онъ никогда не скажетъ вамъ «за бродяжество», а скажетъ «за отлучку»—онъ стыдится своего положенія, онъ не бродяга, а «отлучившійся». Если человѣкъ идетъ по большой дорогѣ, по направленію отъ Иркутска къ Тюмени, и кланяется, то это навѣрное бродяга. Дайте ему денегъ, обласкайте его, онъ вамъ разскажетъ откровенно, какъ онъ бѣжалъ изъ каторги, потому что тамъ, будто бы, пища плохая, работа тяжелая и начальство стало притѣснять, онъ вамъ покажетъ и свои клейма, если они у него есть, и разскажетъ, какъ онъ надѣется ихъ вывести. Спросите потомъ въ первой деревнѣ, сколько подобныхъ бродягъ проходитъ у нихъ? вамъ отвѣтятъ—много, въ иной день человѣкъ пятьдесятъ. Всѣ эти бродяги пробираются въ Россію; кромѣ того, въ Сибири не на однихъ золотыхъ промыслахъ, но на всѣхъ работахъ есть бродяги; бродяги живутъ въ работникахъ и въ селеніяхъ у земледѣльцевъ и въ производствахъ въ большомъ размѣрѣ, ихъ можно встрѣтить караульными на пасекахъ, въ пустынной тайгѣ, и въ самыхъ многолюдныхъ мѣстахъ: они также незамѣт-

но скрываются среди людской толпы, какъ и среди непроницаемаго мрака. Можетъ быть, меньшая половина этихъ безпаспортныхъ бѣжала изъ восточной Сибири, значительная часть изъ нихъ пришла изъ Россіи и, можетъ быть, никогда не была въ тюрьмахъ и острогахъ. Бѣгло-каторжный, имѣющій свой собственный домъ и живущій въ немъ тридцать или сорокъ лѣтъ, весьма обыкновенное явленіе. Наконецъ, пусть не думаютъ, что бродяжество есть исключительная особенность Сибири. Правда, что въ пермской губерніи весьма строго обходятся съ бродягами изъ Сибири и стараются не пропускать ихъ въ Россію, но они легко обходятъ не только эти затрудненія, но и самую губернію. Оттуда они проходятъ не только въ восточную и среднюю Россію, но и въ Петербургъ. Впрочемъ, Россія вовсе не нуждается въ сибирскихъ бродягахъ, у ней своихъ много; многія мѣстности и часто такія, въ которыхъ всего болѣе развита промышленность, кишатъ бродягами. На офиціальномъ языкѣ это происходитъ отъ развитія зла пристанодержательства, въ дѣйствительности же этимъ пристанодержателямъ иногда и въ голову не приходитъ, что они преступники; они просто пользовались дешевою работою. Какъ много бродягъ въ Россіи и даже въ Петербургѣ—это можно легко видѣть изъ того, что каждый разъ, когда, по какому нибудь случаю, полиція захватывала на улицѣ толпу или дѣлала обыскъ въ домѣ съ многочисленными обитателями, непремѣнно въ числѣ захваченныхъ оказывалось нѣсколько бродягъ. Читатель, прочитывающій газеты, вѣроятно, помнитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Изъ всего этого видно, что бродяги въ Россіи—это значительный классъ работниковъ, судьбы котораго должны бы были обратить на себя вниманіе общества; если бы столько бревенъ гнило, сколько тутъ людей погибаетъ, и въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы серьезно объ этомъ подумать. Скажемъ нѣсколько словъ о судьбахъ бродяги, объ его нравственномъ настроеніи и его страданіяхъ и, конечно, начнемъ съ тюремнаго замка.

---

1. Содержащіеся узники должны довольствоваться, на основаніи закона, пищею хорошаго качества, но умѣренною.

5. Арестантамъ, трудящимся для собственныхъ нуждъ по замку и въ видахъ искорененія праздности, никакого особаго улучшенія въ пищѣ не полагать.

(Табель о родѣ пищи и о количествѣ припасовъ, потребныхъ на приготовленіе оной для продовольствія арестантовъ).

Каковы бы ни были причины бродяжества и хотя много бродягъ кончаютъ свою жизнь никогда не видавъ тюрьмы, однакоже столько ихъ проходитъ чрезъ тюремныя стѣны, и тюрьма имѣетъ такое важное вліяніе на нравственное состояніе бродяги, что тюремную его жизнь никакъ нельзя оставить безъ вниманія. Я не буду говорить о томъ вліяніи, которое оказываетъ тюрьма въ качествѣ орудія для прекращенія преступленій —это дѣло криминалистовъ, я буду говорить о томъ вліяніи, которое тюрьма оказываетъ на человѣка, въ качествѣ работника. Человѣкъ, у котораго проступная дѣя-

тельность составляетъ существо его жизни—величайшая рѣдкость; люди же, которыхъ жизнь наполняется работой составляютъ громадное большинство и всякое существенное вліяніе на эту работу,—дѣло первостепенной важности. Жизнь работника—это борьба, въ которой онъ тѣмъ болѣе выиграетъ, чѣмъ болѣе онъ въ ней обнаружитъ ума и мужества; отъ исхода этой борьбы зависитъ не только его судьба, но судьба цивилизаціи и богатство всего общества. Если въ Англіи богаты лордъ и купецъ, то они этимъ обязаны англійскому рабочему, который имѣлъ столько ума и мужества, что не соглашался работать за низкую заработную плату. Пока русскій работникъ будетъ плохо питаться, до тѣхъ поръ невозможно развитіе въ Россіи земледѣлія и русское дворянство будетъ бѣдно; если этотъ работникъ улучшитъ свой обѣдъ прибавкой одной восемнадцатой фунта мяса въ день, то потребуется увеличеніе земледѣльческихъ произведеній; по цѣнности своей превышающее всю цѣнность нашей заграничной хлѣбной торговли. Если онъ будетъ выпивать по одной лишней рюмкѣ вина въ день, то увеличеніе его потребленія будетъ значительнѣе всей цѣнности товаровъ, ввозимыхъ въ Россію изъ-заграницы. Ни земледѣліе, ни промышленность не могутъ питаться потребленіемъ высшихъ классовъ и, до тѣхъ поръ, пока не увеличится потребленіе рабочаго класса, и образованная часть общества будетъ бѣдна, не предпріимчива и невѣжественна. Всѣ части общества одинаково заинтересованы въ увеличеніи заработковъ рабочаго класса, потому что отъ этого зависитъ ихъ общее благополучіе, увеличеніе же заработковъ рабочаго класса прямо пропорціонально развитію въ немъ ума и мужества; упадокъ этихъ качествъ имѣетъ неминуемымъ своимъ послѣдствіемъ развитіе въ немъ раболѣпія, самоуниженія и бѣдности. Общество должно стараться устранять все, что можетъ пораждать въ работникѣ эти качества. Пока работникъ свободенъ, пока онъ торгуется о заработной платѣ, пока онъ смотритъ въ оба, чтобы его не обсчиталъ хозяинъ или его управляющій, пока онъ напрягаетъ всѣ силы своихъ способностей, чтобы избѣгнуть когтей кулака и міроѣда, при торговлѣ своимъ земледѣльческимъ трудомъ и своими земледѣльческими произведеніями, жизнь, при мало-мальски сносномъ соціальномъ положеніи, скорѣе способствуетъ развитію въ работникѣ ума и характера, чѣмъ уничтоженію ихъ. Успѣхъ въ борьбѣ внушаетъ къ нему уваженіе въ его сферѣ, неудача влечетъ за собою пренебреженіе со стороны товарищей. Страсти въ немъ разгораются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ бо́льшаго благосостоянія работникъ можетъ достигнуть въ случаѣ успѣха. Въ степяхъ восточной Россіи, работникъ смотритъ довольно апатично на свою бѣдность, въ промышленныхъ губерніяхъ бѣдный работникъ—это несчастный и горькій страдалецъ; въ лохмотьяхъ, голодный, онъ долженъ переносить высокомѣрное презрѣніе своего товарища, который, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ такой же бѣдняга, какъ онъ, а теперь проводитъ мимо его свою жену въ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ. Въ этой борьбѣ горькое чувство неудовлетворенныхъ потребностей и безнадежное отчаяніе,

порожденное слабостью ума и характера, толкаютъ на путь преступленій и приводятъ къ тюрьмѣ. У насъ почти половина преступниковъ—воры; (*) я начертаю путь въ тюрьму, которымъ идутъ два вора, изъ двухъ крайнихъ слоевъ рабочаго класса, очерчу, среди степныхъ земледѣльцевъ, характерную фигуру конокрада, а въ городахъ обыкновеннаго вора. Конокрадъ въ восточной Россіи, это сказочный герой, который воспламеняетъ воображеніе мѣстныхъ жителей, точно также, какъ разсказы о лѣшихъ и водяныхъ. Знаменитые конокрады послѣ смерти выростаютъ до величины какихъ-то героевъ и великановъ. Существуютъ семейства, гдѣ старшій слыветъ изъ рода въ родъ главою конокрадовъ, онъ еще до смерти дѣлается предметомъ разныхъ басень и дѣйствующихъ на воображеніе разсказовъ. Про одного разсказывали, напр., что онъ для воровскихъ своихъ похожденій укаталъ доргу черезъ лѣса и горы, на разстояніи двухъ сотъ верстъ, которая не заходила ни въ одну деревню, и дѣйствительно отъ его дома начиналась дорога, которая носила многозначущее названіе воровской. Большія связи конокрадовъ, изумительная быстрота, съ которою они препровождаютъ лошадей изъ одной мѣстности въ другую—поразительны; что лошадь продается за тристаи болѣе верстъ—это дѣло весьма обыкновенное; случается, что лошадь, которая похищена ночью, въ полдень оказывается проданною за восемьдесятъ верстъ уже въ третьи руки и на нее выданы полиціею документы. Знаменитые въ окрестностяхъ конокрады пользуются значительнымъ благосостояніемъ и никогда не сидятъ въ тюрьмѣ; мало этого ихъ положеніе совершенно безопасно и они не подвергаются ни малѣйшему риску увидать тюремныя стѣны. Если бы этотъ рискъ явился, они тотчасъ перенесли бы свою дѣятельность на другіе предметы; какая нужда зажиточному человѣку рисковать для пустяковъ. Я дошелъ до того момента, гдѣ начинается горькая, драматическая подкладка? Знаменитый конокрадъ, славный своими связями и быстротою, съ которою онъ можетъ провождать краденую лошадь за сотни верстъ—это не воръ, а міроѣдъ, это самый безчеловѣчный изъ міроѣдовъ, онъ сосетъ самую горькую нужду и заставляетъ покупать свои милости счастьемъ жизни цѣлаго семейства. Ночныя похожденія выпадаютъ на долю какого нибудь бѣднаго родственника или сосѣда. Послушайте, какъ говоритъ конокрадъ о бѣдномъ; суровость его рѣчи, его энергическая безжалостная фигура, напомнятъ вамъ великихъ притѣснителей человѣческаго рода. Для того, чтобы бѣднякъ дѣлалъ такъ, какъ онъ желаетъ, онъ долженъ быть такъ униженъ, какъ только можно быть униженнымъ, пригнутъ къ землѣ; онъ долженъ чувствовать себя въ безжалостной желѣзной рукѣ, которая его раздавитъ и не почувствуетъ при этомъ ничего — конокрадъ это знаетъ и иногда въ величественной суровости обращенія не уступитъ восточному вельможѣ. Бѣднякъ воруетъ нерѣдко изъ одной угодливости, чтобы обезпечить себѣ помощь конокрада въ день голода или уплаты податей, за краденую лошадь ему случается получить

(*) Преступленія, которыя у насъ совершаются изъ корыстныхъ побужденій составляютъ около четырехъ пятыхъ всѣхъ преступленій.

въ награду пару лаптей. Конокрадъ не воруетъ лошадей, онъ и не продаетъ ихъ, это менѣе опасное дѣло выпадаетъ на долю людей, находящихся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ воры, все дѣло конокрада—препровождать добычу. Онъ беретъ дань съ вора, онъ беретъ ее и съ обокраденнаго, его извѣстность привлекаетъ къ нему просителей объ отысканіи ворованныхъ лошадей, онъ беретъ съ нихъ деньги и, конечно, обманываетъ. Чаще всего воръ—жертва нужды и слабости воли, онъ рискуетъ счастьемъ своей жизни, чтобы набивать кошелекъ богатаго негодяя, но бываетъ и жертвой слабости другаго рода. Въ отдаленныхъ селахъ эта слабость исключительно—пьянство; масса нашего рабочаго населенія такъ бѣдна, что пьянствовать для нее рѣшительно невозможно. Въ глухихъ мѣстахъ большинство крестьянъ можетъ напиваться, на свой счетъ, не болѣе двухъ разъ въ году. При такой рѣдкости вина, оно имѣетъ для крестьянина неотразимую прелесть; лишь только онъ разбогатѣетъ, онъ начинаетъ пьянствовать безъ мѣры и это пьянство служитъ величайшимъ соблазномъ для всякой души. Безчувственный эгоистъ и трусъ оставляетъ голодомъ свое семейство, тиранитъ свою жену и продаетъ ея вещи, болѣе добродушный посѣщаетъ помочи и въ окончательномъ результатѣ, опять-таки разоряетъ свое семейство. Этимъ объясняется сильное распространеніе помочи въ многоземельныхъ странахъ и легкость, съ которою тамъ путемъ помочей наживаются богатые. Избалованный помочами, этимъ злымъ орудіемъ міроѣдства, лихачь опускается все больше, ему ѣсть нечего, подати нечѣмъ платить, а тутъ еще выпить хочется. Въ несчастную минуту ему удается украсть пару лошадей и онъ станетъ лицомъ къ лицу съ міроѣдомъ совсѣмъ другаго полета, съ конокрадомъ, который не выпуститъ его изъ своихъ когтей, пока не сдѣлаетъ его жильцомъ тюрьмы и Сибири. Конокрадъ отъ него лошадей не приметъ, а приметъ неизвѣстный ему человѣкъ и онъ получитъ за нихъ штофъ водки; не смотря на горькую минуту разочарованія, эти люди обыкновенно такъ легкомысленны, что, подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на нихъ интригъ, они повторяютъ свои попытки до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ Сибирь. Въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ кадръ воровства составляютъ лица, которыя никогда не бываютъ въ тюрьмахъ и въ острогахъ. Это—прислуга достаточныхъ и богатыхъ домовъ и люди, находящіеся близко къ деньгамъ и товарамъ. Ихъ пріемы извѣстны: вещь берется незамѣтно, въ случаѣ опасности возвращается, и продается только когда уже нѣтъ никакой опасности; извѣстно также, что воровство это такъ распространено, что на него смотрятъ, какъ на прибавокъ къ заработной платѣ и мѣсто цѣнится не только по содержанію, которое получаетъ работникъ, но и по тому, сколько тутъ можно украсть. Такимъ образомъ дѣлается возможнымъ довольно значительный и безопасный торгъ ворованными вещами. Одинъ весьма опытный въ этомъ отношеніи человѣкъ увѣрялъ меня, что въ столицахъ любой половой, да всякій торговецъ въ извѣстныхъ рядахъ, купятъ краденую вещь, потому выгодно, замѣчалъ онъ простодушно; въ извѣстныхъ мѣстахъ эта торговля имѣетъ такое вліяніе на цѣны, что даже

нельзя торговать, не покупая краденыхъ вещей. Подобные же отзывы мнѣ приходилось слышать и о мелочной мѣщанской торговлѣ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Какъ ни безнравственна подобная эксплуатація слабыхъ сторонъ соціальнаго быта, но люди, которые увеличиваютъ такимъ образомъ свои доходы, обнаруживаютъ умъ, самообладаніе и силу воли; каждый изъ нихъ остановится тамъ, гдѣ начнется опасность и гдѣ игра не будетъ стоить свѣчь; тутъ повторяется то же, что бываетъ между взяточниками, наживающими себѣ состоянія преступными путями.

Чѣмъ быстрѣе развивается промышленность въ какой нибудь мѣстности, чѣмъ размашистѣе вертится колесо фортуны, тѣмъ болѣе ума и самообладанія нужно работнику для того, чтобы держаться постоянно на одномъ уровнѣ, тѣмъ ниже онъ можетъ пасть и работникъ, который сегодня возбуждалъ зависть своихъ товарищей, можетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутиться на мостовой, умирающимъ съ голоду. По душевному своему настроенію, работникъ въ промышленныхъ центрахъ похожъ на человѣка, который идетъ по краю пропасти, въ которую незримыя силы постоянно стараются его свергнуть. Прислушайтесь къ ропоту рабочаго въ столицахъ или въ центрахъ промышленности по Волгѣ; страстная раздражительность его жалобъ тотчасъ покажетъ вамъ, какъ трудно ему держаться на своемъ мѣстѣ, какъ опасно его положеніе. Его потребности развиваются легко и быстро и лишь медленнымъ шагомъ идутъ за ними средства къ удовлетворенію; мудрено ли послѣ этого, что у него часто не хватитъ самообладанія, чтобы остановиться на грани безопасной безнравственности и онъ попадаетъ въ тюрьму, иногда, можетъ быть, только потому, что онъ встрѣтился съ героемъ воровства, который ему разсказалъ о купцахъ, которые ѣздятъ по ярмаркамъ для торговли воровскими вещами и наживаютъ большія состоянія и представилъ ему прелести воровства въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Изъ числа всѣхъ воровъ, этого рода воры попадаются всего чаще въ тюрьму; это не только почти заурядъ лица безхарактерныя, но, по большей части глупыя и вообще слабыя головою. Нѣкоторые изъ нихъ такъ ограничены, что они не могутъ идти, безъ посторонней помощи, далѣе того преступленія, которому ихъ научили—это какъ машина, заведенная на извѣстный ладъ. Даже убійцы ради воровства почти всегда безхарактерные люди, которымъ, вслѣдствіе ихъ легкомыслія и безхарактерности, чрезвычайно трудно было жить и которые, ради пустой прибыли, рискнули счастьемъ своей жизни. Значительная часть тюремнаго населенія, и именно единственная часть, на которую тюрьма можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе—это люди безхарактерные, люди, которыхъ жизнь привела въ тюрьму потому, что имъ недоставало ума и силы воли, чтобы вынести ея бремя. Какъ же дѣйствуетъ на подобнаго человѣка тюрьма?

Сдѣланная въ заголовкѣ выписка изъ табели показываетъ, чего стараются достигнуть тюремнымъ заключеніемъ. Тюрьма должна быть страшна, поэтому въ ней должно быть хуже, чѣмъ на волѣ. Дѣйствительно, первый шагъ

въ тюрьму производитъ на преступника ужасающее впечатленіе. Если онъ пойманъ съ поличнымъ, то его бьютъ, иногда весьма жестоко, до совершеннаго безчувствія и потомъ арестуютъ при полиціи или при волости. Тутъ онъ помѣщается въ холодной комнатѣ, которая или вовсе не отопляется, или отопляется весьма плохо, одежды ему не отпускается, хоть погибай отъ мороза, пищи тоже никакой. Такъ преступникъ проводитъ иногда три недѣли и болѣе. Если вамъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ случится идти мимо части или полиціи и вы за рѣшетками увидите людей, просящихъ милостыню — подайте имъ, между ними есть такіе, которые нѣсколько сутокъ не ѣли. Дрожа отъ холода, лишенный силъ отъ недостатка пищи, несчастный, избитый преступникъ сидитъ на грязномъ полу своей сырой конуры и иногда плачетъ, какъ ребенокъ. Завизжитъ замокъ, войдутъ люди, коротко и сурово обойдутся они съ нимъ и пустятъ голоднаго въ походъ; иногда на разстояніи ста верстъ и болѣе онъ отправляется безъ пищи, т. е. до перваго тюремнаго замка или до первой пересыльной тюрьмы, гдѣ есть чиновное начальство. Ему скверно, невыносимо скверно, а некому пожаловаться, негдѣ искать защиты, онъ чувствуетъ надъ собою какую-то невидимую, желѣзную руку, какую-то безжалостную, но неодолимую силу (*). При свойственномъ ему малодушіи, онъ впадаетъ въ совершенное отчаяніе и тысячу разъ проклинаетъ свой поступокъ. Онъ является въ стѣнахъ тюрьмы запуганнымъ, униженнымъ и готовымъ заискивать у всякаго арестанта, и арестанты въ самомъ скоромъ времени завладѣваютъ всѣмъ его существомъ: они для него власть, которую онъ всего болѣе боится, они же его покровители и учителя уголовнаго права, которое ему такъ необходимо. Въ самомъ скоромъ времени, съ нимъ происходитъ замѣчательная метаморфоза. Ужасное впечатленіе первоначальнаго ареста уже забыто и, не смотря на всѣ неудобства и непріятности тюремной жизни, арестантъ начинаетъ замѣчать, что онъ никогда въ своей жизни не чувствовалъ себя до такой степени спокойнымъ и счастливымъ, какъ въ тюрьмѣ. Посадите его въ одиночное заключеніе, увеличьте страданія

(*) Помѣщенія при полиціяхъ губернскихъ городовъ иногда довольно обширны, но грязны и часто весьма сыры; при частяхъ и въ особенности въ уѣздныхъ городахъ малы и иногда безъ всякой мебели, такъ что въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ стѣнъ и полу. Въ Сибири и въ Россіи я вездѣ встрѣчалъ то же положеніе; исключеніе нашелъ въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Петербургѣ. Тутъ помѣщенія при полиціяхъ обширны, въ камерахъ нары, народъ валяется на полу только въ случаѣ тѣсноты; женщины отдѣлены отъ мужчинъ, помѣщенія топятся болѣе или менѣе достаточно и арестованный не можетъ голодать болѣе сутокъ, потому что каждый день изъ тюремнаго комитета посылается ему пища; на чистоту въ этихъ помѣщеніяхъ, впрочемъ, нельзя пожаловаться— въ Петербургѣ рѣдкій работникъ живетъ такъ грязно, а клоповъ, блохъ и вшей такое множество, что при большемъ числѣ арестантовъ, даже не изнѣженному работнику спать положительно невозможно То же я видѣлъ въ большихъ городахъ, напримѣръ въ Казани. Только въ подобныхъ городахъ это первое заключеніе не служитъ для арестанта школою смиренія. Въ Петербургѣ онъ принимается арестантами съ радушіемъ, ему иногда бываетъ очень весело и онъ нерѣдко переходитъ въ тюрьму съ мыслью, что тамъ вовсе не такъ плохо, какъ онъ полагалъ. Въ Казани, въ полицейскомъ помѣщеніи каждый вечеръ было веселье, пѣсни и пляска.

тюремной жизни до такой степени, что арестантъ будетъ умирать въ ней медленною смертью — будетъ то же. Въ доказательство я могу привести то, что арестанты жалѣютъ объ отмѣнѣ прежняго пѣшаго путешествія въ Сибирь; эта ужасная система, отъ которой они гибли какъ мухи, нравится имъ, однакоже, болѣе современной только потому, что она дѣлала ихъ жизнь въ тюрьмѣ болѣе продолжительною. Для человѣка безхарактернаго самое тяжкое, что можетъ быть — это борьба съ жизнью. Въ тюрьмѣ онъ чувствуетъ себя беззаботно и легко, ему нечего думать о завтрешнемъ днѣ, онъ не можетъ его ни улучшить, ни ухудшить; дѣйствительность не стоитъ кругомъ его живымъ упрекомъ въ глупости и въ безхарактерности, своей презрительной улыбкой не возбуждаетъ его страстей и не заставляетъ его очертя голову кидаться въ опасность. Онъ бѣденъ, правда, и жалокъ, но и всѣ кругомъ его бѣдны и жалки; ему легко среди этого равенства; обманывая въ мелочахъ бдительность начальства, онъ можетъ легко заслужить всеобщее уваженіе; то что его погубило, на волѣ, что такъ трудно достается въ жизни, обезпеченное положеніе и удовлетворенное тщеславіе, здѣсь предлагается даромъ. Ничто здѣсь ему не мѣшаетъ возвеличивать свое прошедшее до героическихъ размѣровъ. Съ голоду арестантская пища, можетъ быть, покажется ему превосходною, но изъ тщеславія онъ присоединится къ общему хору и будетъ ругать ее, а если дѣйствительно будетъ страдать отъ нея, то преувеличитъ свои страданія до крайней степени возможнаго (*). Скоро онъ пріучится къ ханжеству въ выраженіи своего неудовольствія. Здѣсь всѣ ругаютъ пищу, всѣ недовольны смотрителемъ и проклинаютъ его по причинамъ и безъ причинъ. Въ то же время онъ видитъ, что не смотря на горькій ропотъ, всѣ повинуются безпрекословно. Онъ скоро пойметъ, что тутъ много существуетъ орудій усмиренія: карцеръ, оковы, ручные кандалы, въ которыхъ нельзя развести рукъ болѣе, чѣмъ на два вершка. Вотъ ему первый урокъ тюрьмы: онъ пріучается роптать всегда и на все и никогда ничего не дѣлать для улучшенія своего положенія. Его безхарактерная и дряблая натура дѣлается еще болѣе безхарактерною и дряблою. Тюрьма въ Россіи—это разсадникъ рабскихъ

(**) Пища въ тюремныхъ замкахъ, начиная отъ Петербурга и кончая Сибирью, съ бо́льшими или меньшими уклоненіями, одинаковаго качества; она такова, что бо́льшая часть рабочаго класса въ Россіи питается также, а иногда и хуже. Въ Петербургѣ и въ иныхъ мѣстахъ въ провинціи ржаной хлѣбъ отпускается по вѣсу, въ провинціи встрѣчается хлѣбъ и лучше испеченый и лучшаго качества. Въ другихъ мѣстахъ даютъ столько хлѣба, сколько арестантъ можетъ съѣсть и не позволяютъ брать съ собою отъ обѣда. Похлебка или пустая, безъ мяса, или въ ней плаваютъ кусочки жира и отдѣльныя волокна мяса, или снятки. Мнѣ весьма часто случалось ѣсть у рабочаго человѣка похлебку, которая по вкусу и питательности была гораздо хуже арестантской. Помѣщеніе состоитъ въ губернскихъ городахъ, по бо́льшей части, изъ болѣе или менѣе обширныхъ залъ въ каменномъ зданіи, съ нарами, но иногда и безъ наръ и тогда зала представляетъ видъ обширнаго сарая, гдѣ люди валяются на полу. Тамъ, гдѣ водворенъ порядокъ, тамъ женщины и мужчины помѣщаются совершенно отдѣльно, не только въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но и на отдѣльныхъ дворахъ. Конечно, украдкою и тутъ имъ удается имѣть свиданія, но нельзя сказать, чтобы разврату давался полный разгулъ. На

душъ. Развитіе преступниковъ у насъ точно также въ зародышѣ, какъ и развитіе цивилизаціи и промышленности; у преступниковъ существуютъ, правда, и свои легенды и свои пѣсни, но все это лишь зародыши въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается, напримѣръ, въ Англіи, но за то же развитіе раболѣпія и безхарактерности въ полномъ цвѣту. Вся тюремная жизнь способствуетъ въ арестантѣ развитію этихъ первыхъ впечатлѣній, прежде всего—совершенно праздная жизнь. Ничто не развиваетъ въ человѣкѣ въ такой степени безхарактерность, апатію, раболѣпіе и всѣ подлыя свойства, какъ беззаботная и праздная жизнь, жизнь, гдѣ умъ, сила воли, трудолюбіе и энергія—качества совершенно излишнія. Положеніе несравненно менѣе зловредное лишало нужныхъ для жизни качествъ рабовладѣльцевъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ только посредствомъ развитія одной беззаботности. Я зналъ тюремныхъ начальниковъ, которые имѣли благородное намѣреніе развить въ арестантахъ трудолюбіе, но всѣ ихъ попытки были неудачны, они встрѣчали неодолимое препятствіе въ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми требовалось непремѣнно, чтобы арестанты трудились безъ вознагражденія. Рабскій трудъ въ одиночномъ и въ какомъ угодно заключеніи точно также вреденъ, какъ и праздность, онъ заглушаетъ человѣка, дѣлаетъ его беззаботнымъ и безхарактернымъ. Если арестантъ заключенъ лѣтомъ, то тюрьма, съ ея вѣчною лѣнью и беззаботною праздностью можетъ показаться ему раемъ. Наивному арестанту эта вѣчная праздность кажется сначала весьма заманчивою, но скоро даже самой апатической, самой привыкшей къ единообразію натурѣ надоѣстъ по горло, видѣть все тѣ же стѣны и все тѣ же лица. Никакого развлеченья, ни выпить, ни поволочиться, ни разгуляться нельзя, хотя бы чаю выпить — и того не удается; а кто пьетъ чай, кому удается, по временамъ, выпить, тотъ навѣрное привыкъ къ бо́льшему. Въ тюрьмѣ всѣ потребности сжимаются, всякій привыкаетъ къ неизвѣстнымъ для него ограниченіямъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ несчастныхъ бѣдняковъ. При свойственномъ ему легкомысліи арестантъ давно уже позабылъ о гнетущей тягости для него свободной жизни, онъ позабылъ, почему сначала для него такъ легко текли беззаботные дни въ тюрьмѣ, онъ всею душею стремится теперь на волю, ему кажется, что за

мужскомъ дворѣ помѣщаются секретные и пересыльные въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Въ главномъ зданіи, въ камерахъ они размѣщены по роду преступленія, дѣти не отдѣлены отъ взрослыхъ. Впрочемъ, всѣ эти раздѣленія не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, потому что арестанты сходятся на дворѣ и посѣщаютъ другъ друга. Дворъ чистый, полъ грязный, насѣкомыхъ иногда много. Въ уѣздныхъ городахъ я видѣлъ и каменные и деревянные остроги, у иныхъ стѣны были снаружи и внутри выбѣлены и видъ чистый. Я видѣлъ такіе, въ которыхъ нары были въ нѣсколько ярусовъ, что имъ придавало весьма мрачный видъ; даже въ губернскихъ городахъ я встрѣчалъ баня съ землянымъ поломъ. Вообще тюремное помѣщеніе чаще производитъ на арестанта впечатленіе великолѣпное, чѣмъ унылое. Но вотъ наступаетъ зима; въ тюрьмѣ холодъ, сырость, отопленіе самое недостаточное, согрѣться негдѣ. Мало найдешь такихъ арестантовъ, которые въ этомъ отношеніи терпѣли на волѣ болѣе неудобствъ, чѣмъ въ тюрьмѣ; я видѣлъ тюрьмы, гдѣ со стѣнъ и съ потолка постоянно капало и текло, какъ въ банѣ. На счетъ одежды также плохо, иной сидитъ въ своей оборванной лопоти и мерзнетъ, какъ въ лѣсу.

стѣнами тюрьмы его жизнь потечетъ, какъ по маслу. Но въ то время, когда его взглядъ на тюрьму совершенно измѣнился, тюрьма съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разслабляетъ его нравственныя силы; питаясь тюремною премудростью бывалыхъ, онъ воображаетъ, что онъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новыя, могучія средства для жизненной борьбы и только на волѣ горькій опытъ убѣдитъ его, какъ низко онъ палъ. Жалко глядѣть на этихъ несчастныхъ людей, которые не имѣютъ ни малѣйшаго предчувствія о томъ, что они естьи что ихъ ожидаетъ. Нравственная слабость тихо, незамѣтно проникаетъ все его существо. Въ тюрьмѣ арестантъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на послѣдняго, самаго униженнаго изъ смертныхъ; что не нужно никому, что другой постыдился бы ѣсть или носить, то еще довольно хорошо для него; онъ самъ называетъ себя несчастнымъ и всегда готовъ унижаться, кланяться и просить. Для него пріобрѣсти что нибудь —это верхъ блаженства. Тюрьма—это школа дешеваго труда; только рабы способны трудиться изъ такихъ ничтожныхъ выгодъ, изъ которыхъ трудится арестантъ. Я встрѣчалъ арестантовъ, которые трудились мѣсяцъ, чтобы пріобрѣсти тридцать копѣекъ, за день труда приходилась копѣйка. За цѣлый мѣсяцъ труда ему удавалось одинъ разъ выпить. Я видѣлъ арестанта, который трудился цѣлый годъ и копилъ все, что онъ вырабатывалъ—онъ скопилъ въ годъ пять рублей. Когда человѣкъ въ жизни своей не имѣетъ никакого другаго развлеченія, кромѣ отпиранья и запиранья камеры, въ которой онъ находится, тогда не мудрено, что онъ трудится для достиженія такихъ ничтожныхъ выгодъ. Не рѣдко онъ трудится такимъ образомъ надъ фальшивою ассигнаціею и для какихъ нибудь двадцати пяти копѣекъ, онъ готовъ сдѣлать себя несчастнымъ на многіе годы; та самая безхарактерность, которая привела его въ тюрьму, достигаетъ высшей степени развитія, къ какому она способна—онъ дѣлается человѣкомъ совершенно негоднымъ для жизни, человѣкомъ, котораго жизнь будетъ такъ давить, что ему останется одно спасенье въ тюрьмѣ. Это общая участь всѣхъ слишкомъ сильныхъ мѣръ, онѣ приводятъ вовсе не къ тому, къ чему слѣдовало бы придти. Если человѣкъ, который совершитъ преступленіе получитъ хорошій урокъ, который убѣдитъ его, что поступать такимъ образомъ не только скверно, но и не выгодно, если онъ при этомъ сохранитъ всѣ свои силы и средства для жизни безъ нужды и униженій, то онъ конечно, другой разъ не поддастся соблазну, точно также, какъ ямщикъ, который разъ загналъ лошадь для того, чтобы получить полтинникъ на водку, другой разъ никогда не будетъ такъ гонять свою тройку (*); но если, вмѣсто того, преступникъ совершенно уничтожается, то ему останется только переходить отъ преступленія къ преступленію, пока тюрьмы и каторги не измучатъ его до смерти. Жалуются, что тюрьма есть школа воровства. Пусть тюрьму устроиваютъ какъ угодно, пусть доведутъ въ ней одиночество до возможной для человѣка степени, она все будетъ школою воровства; воровской пропагандѣ

(*) Выше было показано, что три четверти преступленій есть плодъ дурно расчитанныхъ выгодъ.

не будетъ никакого противовѣса и чѣмъ рѣже будутъ уроки, тѣмъ глубже они врѣжутся въ память. Создайте среди арестантовъ трудовую собственность и чѣмъ тѣснѣе они будутъ жить вмѣстѣ, тѣмъ, сильнѣе будетъ антиворовская пропаганда; уже въ настоящее время, тамъ гдѣ арестантамъ удается пріобрѣтать что нибудь, они жестоко бьютъ воришекъ; цѣлая палата вступается за обворованаго товарища, кидается на вора и такъ жестоко его истязаетъ, что его приходится спасать одиночнымъ заключеніемъ; я былъ свидѣтелемъ случая, гдѣ подобная кулачная пропаганда честности была ведена исключительно во имя принципа; обокраденый былъ слѣпой, служившій всеобщимъ посмѣшищемъ, и воръ никакъ не полагалъ, что онъ можетъ въ комъ нибудь найдти себѣ защитника, и онъ совершенно растерялся, когда со всѣхъ сторонъ на него посыпались удары и всякій торопился кулакомъ или ногою показать, что и онъ принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Униженный, забывающій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что такое трудовая жизнь, арестантъ нравственно убаюкивается тюремною дисциплиною. Въ этой школѣ смиренія избѣгаютъ всего, что могло бы пробудить въ человѣкѣ энергію или привести кровь его въ волненіе; лишь только въ острогѣ компанія арестантовъ дѣлается значительнѣе, начинается запиранье днемъ и выпусканье по очереди на два часа, чтобы не было скопленья людей на дворѣ; всякія шумныя и веселыя игры запрещаются; лишь только гдѣ проявится слишкомъ много жизни, тотчасъ водворяется тишина. Съ рѣдкими исключеніями, острогъ представляетъ видъ монастыря. По двору, въ камерахъ, разсыпаны группы людей; одни плавно ходятъ взадъ и впередъ, другіе сидятъ группой; или стоятъ молча; изрѣдка видишь человѣка, который сидитъ и точитъ объ мостовую кость, чтобы сдѣлать изъ нее грошевое колечко, или группу играющихъ въ карты или въ шашки. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени тюрьма лишаетъ человѣка человѣческаго образа, до какой степени она его унижаетъ и дѣлаетъ неспособнымъ къ гражданской жизни, стоитъ сдѣлать нѣсколько наблюденій на этапахъ. Вотъ крестьянинъ, арестованный нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ еще полонъ недавней жизненной борьбы, въ немъ бурно взволновались всѣ жизненныя страсти и опасенія. Въ оборваномъ полушубкѣ онъ цѣлый день лежитъ у дверей и переговаривается съ своею матерью. Я слушалъ его нѣсколько часовъ и не узналъ даже въ чемъ его преступленіе и за что онъ тутъ сидитъ, но за то узналъ во всѣхъ подробностяхъ всю его домашнюю обстановку: я узналъ, что у него одна корова, лошадь съ жеребенкомъ, пять овецъ; узналъ и много лицъ изъ его села, степень ихъ годности и довѣрія, котораго они заслуживаютъ, отношеніе ихъ къ его семейству; наслушался сентенцій и практическихъ взглядовъ на сельское хозяйство. Сторожъ вяло отгонялъ его отъ дыры и не замѣчалъ его смотритель: вѣдь и сторожъ живетъ среди житейской борьбы, вѣдь и у смотрителя есть жена, дѣти, житейскія заботы, всѣмъ оказались доступными его чувства и я съ любопытствомъ наблюдалъ эти психологическія проявленія невольнаго сочувствія. Вотъ цѣлая толпа арестантовъ, просидѣвшихъ годъ, два и болѣе, съ ней можно просидѣть не

только нѣсколько часовъ, но двѣ и три недѣли, и ничего не услыхать, кромѣ уголовнаго права, тюремной статистики и тюремной исторіи или пѣсни о побѣгѣ арестанта Ланскаго. Просидитъ этотъ крестьянинъ года, два и онъ будетъ такой же, и онъ не будетъ существовать для жизни. Слушая этихъ людей вы чувствуете, что для нихъ тюрьма замѣнила и семью, и друзей, и знакомыхъ, пожалуй и отечество, мудрено ли, если они такъ тяготѣютъ къ ней и на волѣ. Вотъ каково вліяніе тюрьмы. На основаніи свѣдѣній за 1863 годъ, въ этомъ году оправдано 250,707 человѣкъ, (*) обвиняемыхъ въ преступленіяхъ—въ теченіи поколѣнія это, составило бы болѣе шести милліоновъ человѣкъ, почти десять процентовъ населенія. Сколько изъ нихъ будетъ жертвъ тюрьмы? Какія-то результаты дастъ намъ новое судопроизводство? Дай Богъ, чтобы мы перестали видѣть то, что видали до сихъ поръ.

Для арестанта путешествіе по этапу есть самый счастливый эпизодъ въ его тюремной жизни. Тутъ кончается однообразіе тюрьмы и начинается жизнь относительно разнообразная и даже полная похожденій, а кромѣ того у арестанта являются деньги. При такихъ условіяхъ, раны, которыя ему дѣлаютъ цѣпи, простуда, которой онъ подвергается, ему ни по чемъ. Онъ идетъ, побрякивая цѣпями, верстъ двадцать или тридцать въ сутки, и затѣмъ приходитъ на этапъ. Этотъ этапъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ не болѣе, не менѣе, какъ убогая, черная, крестьянская изба, съ желѣзными рѣшетками; въ мѣстахъ болѣе бойкихъ, это форменный домъ, состоящій изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, обнесенный рвомъ. Тутъ арестантъ не подвергается особеннымъ страданіямъ, отъ насѣкомыхъ и отъ холоду. Несчастливъ онъ только, когда ему придется съ малою компаніею ночевать на большомъ этапѣ: тутъ ему придется цѣлую ночь проходить взадъ и впередъ, не смыкая глазъ, дотого его обсыпятъ разныя насѣкомыя. Вотъ онъ попалъ на большой трактъ, его везутъ, то по желѣзной дорогѣ, то на пароходѣ, то тройками. Это путешествіе, которое привело бы въ неописанный ужасъ благовоспитаннаго путешественника, для него чуть не рай. Чтобы сказалъ благородный путешественникъ, если бы его помѣстили даже не на палубу, а въ семейную камеру; онъ входитъ въ низкую, темную каюту съ нарами, гдѣ вмѣсто оконъ, щели, большая половина стеколъ разбита, въ окна, въ трубы дуетъ, негдѣ спастись отъ холода и сквознаго вѣтра; можно биться объ закладъ, что благородный путешественникъ черезъ сутки получитъ тутъ воспаленіе горла, а арестантъ говоритъ, что тутъ чудесно. Но онъ напрасно увлекается внѣшностью, онъ тоже человѣкъ и нерѣдко ему приходится платиться тяжкою простудою. То же его ожидаетъ и на этапахъ, въ этихъ обширныхъ, грязныхъ сараяхъ, съ выбитыми окнами. Можно судить, до чего опустился человѣкъ, для котораго подобное путешествіе, кажется часто болѣе привлекательнымъ, чѣмъ трудовая и свободная жизнь. Послѣ этого отдыха, который арестанту иногда такъ дорого достается, начинается для него послѣдній періодъ смире-

(*) См. Статистическій временникъ 1866 года.

нія—каторга или арестантскія роты. Тутъ онъ уже не остается празднымъ, а принуждается къ безвозмездной, чисто рабской работѣ; развитіе безхарактерности и раболѣпія достигаетъ въ немъ своего крайняго предѣла. Онъ работаетъ часто тяжко, до изнуренія силъ, до того, что у него дѣлается растяженіе жилъ на рукахъ и на ногахъ, и питается при этомъ иногда совершенно недостаточно; въ арестантскихъ ротахъ еще рѣже жалуются на недостаточную пищу, а изъ каторги слышны горькія жалобы. Теперь это уже болѣе не человѣкъ, это выжимки человѣка, существо затупленное, безъ характера и энергіи; въ немъ иногда осталось еще звѣрство, которое принимается за энергію, по такой же ошибкѣ, по которой звѣрство сумасшедшаго, въ теченіи столѣтій принималось за силу, пока наука не доказала упадокъ силъ, тамъ гдѣ находили ихъ увеличеніе. Когда въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каторжный трудъ былъ замѣненъ свободнымъ, нѣкоторые начальники никакъ не умѣли справиться съ свободными работниками, они совершенно терялись, встрѣтившись съ относительно-энергическою личностью свободнаго человѣка; мнѣ неоднократно приходилось слышать желчныя жалобы на свободныхъ работниковъ и хвалебные гимны каторжнымъ. Когда у человѣка начинаютъ парализироваться душевныя силы, ему кажется, что онѣ увеличились до невѣроятія, онъ самъ себѣ представляется великимъ геніемъ и героемъ и чрезвычайно удивляется, когда его привозятъ въ сумасшедшій домъ; то же самое происходитъ и съ каторжнымъ: чѣмъ ниже онъ падаетъ, тѣмъ болѣе ему кажется, что онъ пріобрѣлъ опытности и силы, и горькое разочарованіе, которое его ожидаетъ при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью.

Школа смиренія завѣнчивается для бродяги—въ бѣгахъ. Иной думаетъ, что онъ будетъ царь на волѣ, грозный и страшный для всѣхъ, но лишь только онъ потеряетъ изъ виду стѣны тюрьмы и своихъ преслѣдователей, какъ убѣдится, что дѣйствительность вовсе не соотвѣтствуетъ его мечтамъ. Онъ полагалъ, что онъ будетъ страшилище для крестьянъ, а между тѣмъ горькій опытъ убѣдитъ его, что онъ боится крестьянина гораздо болѣе, чѣмъ крестьянинъ его. Тутъ положеніе то же самое, какъ между человѣкомъ и медвѣдемъ. Медвѣдь, кажется, страшный звѣрь, а между тѣмъ медвѣдь боится человѣка гораздо болѣе, чѣмъ человѣкъ медвѣдя (*), у медвѣдя умъ и воля слабѣе. Отчего медвѣдь боится человѣка болѣе, чѣмъ человѣкъ медвѣдя, спросилъ я однажды таежнаго жителя. Очень просто, отвѣчалъ онъ, человѣкъ охотится за медвѣдемъ, а не медвѣдь за человѣкомъ. Тоже можно сказать и о бѣгломъ; крестьянинъ ловитъ бѣглаго, а не бѣглый крестьянина. Иной разъ у бѣглаго голодъ трезвонитъ въ желудкѣ, а между тѣмъ не только взойдти въ деревню и избу, но и увидѣть ее страшно. Скоро онъ придетъ въ такое душевное настроеніе, что онъ каждому крестьянину и каждому полицейскому въ городѣ готовъ поклониться не только въ поясъ, но и въ ноги, лишь бы оста-

(*) Когда медвѣдь гонитъ табунъ лошадей и табунъ этотъ увидитъ безоружнаго человѣка, онъ прямо летитъ къ нему и останавливается, медвѣдь испугается и не рѣшится продолжать преслѣдованіе.

вилъ его въ покоѣ. Въ селахъ Сибири, какъ скоро бѣглые начинаютъ пошаливать, крестьяне тотчасъ дѣлаютъ облаву, а въ городахъ облавы дѣлаются систематически солдатами внутренней стражи. Этѣхъ облавъ бѣглые такъ боятся, что сами выдаютъ вора, лишь бы не довести до облавы. Въ теченіи лѣта бѣглый, съ нуждой и смиреніемъ еще кое-какъ пробьется, а зимой ему жить въ такомъ положеніи вовсе не возможно, зимой странствующіе бѣглые исчезаютъ повсемѣстно, какъ будто сквозь землю провалились. И такъ, бѣглый, какъ не шатается лѣтомъ, а къ зимѣ ему крайне необходимо быть на мѣстѣ. Если онъ еще на сколько нибудь остался человѣкомъ, тогда онъ найдетъ себѣ зимнюю работу, въ противномъ случаѣ, онъ добровольно пойдетъ снова въ острогъ. Съ пріисканіемъ работы у него начинается періодъ возрожденія. Мы видѣли его жизнь острожную и бродячую, посмотримъ теперь на рабочую.

Развеселое житье!

Салтыковъ.

Въ городѣ Т., на мосту, стоятъ два человѣка, оба оборваны. Одинъ средняго роста, рыжій, съ голубыми глазами, нѣжная кожа его полопалась и висѣла клочьями, изъ подъ клочьевъ виднѣлись красныя опухоли, покрытыя веснушками. Другой, смуглый, высокій, отъ худобы глаза у него впали, а носъ вытянулся, что, вмѣстѣ съ всклокоченными волосами, придавало ему свирѣпый видъ. Это были бѣглые. Они только что отдали послѣднія свои семь копѣекъ какой-то приказной строкѣ за два вида; то были не фальшивые, а старые, негодные виды. Эта же самая приказная строка сказала имъ, что купецъ Ланитинъ принимаетъ бѣглыхъ. Они остановились на мосту помолиться Богу и собраться съ силами. Довольно смѣло вошли они къ Ланитину, въ незапертую переднюю, тамъ никого не было. Черезъ нѣсколько секундъ раздался безпокойный голосъ: «кто тамъ?» Въ переднюю вошелъ хозяинъ. Онъ посмотрѣлъ на ихъ виды и поднялъ гвалтъ и шумъ на весь домъ. «Воры, мошенники,—кричалъ онъ,—это вы воровать ходите, а говорите наниматься.» Сбѣжались люди, кто съ дубьемъ, кто съ метлой, избили нашихъ героевъ, какъ несчастныхъ собакъ; они кинулись черезъ заборъ въ оврагъ, съ силою отчаянья спрыгнули съ двухсаженной высоты, и сами не зная какъ, очутились въ безопасности, подъ мостомъ, въ двухъ верстахъ отъ города. Въ то время, какъ Ланитинъ благословлялъ судьбу за спасенье имущества, а можетъ быть, и жизни, наши бродяги сидѣли подъ мостомъ и плакали горькими слезами; обманула приказная строка, а они послѣднія деньги отдали, теперь хлѣба не на что купить. Подъ мостомъ они сидѣли и тужили до тѣхъ поръ, пока сила голода не выгнала ихъ оттуда.. Была уже ночь, въ городъ идти опасно, они остановились на кладбищѣ, въ самомъ концѣ, гдѣ не было уже ни крестовъ, ни памятниковъ, а то, пожалуй, подумаютъ, что они воровать пришли. Они сидѣли между могилами и отъ голода и волненія не могли спать

всю ночь. Вдругъ они увидали какой-то свѣтъ надъ могилами, какъ будто бы какой-то ликъ засіялъ и поднялся къ небу. «Не жильцы мы на этомъ свѣтѣ», сказалъ смуглый своему товарищу, онъ былъ очень набоженъ, и имѣлъ множество предразсудковъ. На другой день они опять вошли въ городъ, и сѣли на мосту; отъ голоду они чувствовали слабость въ ногахъ, а между тѣмъ, они рѣшительно не знали, что дѣлать, но судьба послала имъ счастье. Трое такихъ же безпаспортныхъ, какъ и они, пригласили ихъ присоединиться къ нимъ, и наняться въ работу къ купцу Покровскому. Отправились къ Покровскому. Повидимому, новые ихъ товарищи сдѣлали не менѣе горькихъ опытовъ, чѣмъ они; поэтому, они прошли сначала два раза мимо дома Покровскаго, потомъ остановились противъ двора и долго смотрѣли на него, выжидая, не обнаружится ли какихъ нибудь благопріятныхъ признаковъ. На дворѣ было пусто, только собака шла тихими шагами, да козелъ лежалъ понурясь около дровъ; благопріятныхъ признаковъ никакихъ. Поэтому, они отошли за уголъ къ погорѣлому дому, постояли тамъ около получаса и опять подошли ко двору. Снова никакихъ благопріятныхъ признаковъ. Въ третій разъ благопріятный признакъ показался въ видѣ разбитного прикащика, который потряхивая кудрями, бѣжалъ черезъ дворъ изъ конторы. Они подошли, прикащикъ остановился, посмотрѣлъ на ихъ виды. «Убирайтесь, знаете куда съ такими видами», сказалъ онъ, и быстро, какъ тѣнь, мелькнулъ въ подъѣздъ главнаго дома. Понурились головы, закололо въ сердцахъ, но нечего дѣлать, пошли наши ребята. Отошли версты полторы, сами не зная зачѣмъ и отъ изнеможенія сѣли около пустаго мѣста. Просидѣли они съ часъ, не сказавъ другъ другу ни слова: не говорливъ мужикъ, когда его горе одолѣваетъ. «Что же вы ребята говорили, что у Покровскаго нанимаютъ, сказалъ наконецъ рыжій. «Это вѣрно, что нанимаютъ», отвѣтилъ одинъ изъ товарищей «надо подождать самого хозяина». Немного погодя, опять пошли къ дому Покровскаго и стали дожидаться, но не у самаго дома и не рядомъ, а напротивуположной сторонѣ и какъ-то наискось, какъ будто они боялись, что отъ Покровскаго въ нихъ кто нибудь выстрѣлитъ изъ окна. Часа черезъ три подали къ подъѣзду пару и на крыльцѣ появился Покровскій. Мужики подошли къ нему. «Приходите завтра, теперь времени нѣтъ», сказалъ онъ и уѣхалъ. Цѣлую ночь шелъ дождь, выдержать въ лѣсу не было никакой возможности, въ кусту сидѣть точно въ водѣ, промокли до нитки, а вѣтеръ такъ сквозь и пронимаетъ, подумали: не лучше ли утопиться, одинъ конецъ всѣмъ? «Вѣрно, что утонуть намъ», сказалъ черный, «мы не жильцы здѣсь». Къ счастью стогъ оказался на полѣ, хотѣли въ немъ укрыться отъ дождя, но только что устроилися—разсвѣло и надо было опять идти въ городъ. Утренникъ былъ морозный, отъ голоду имъ еще холоднѣе показалось, зубы стучали, голова кружилась, они шатались какъ пьяные; — нѣсколько разъ они оступались и падали въ ровъ близь дороги. Когда они подошли къ дому Покровскаго, было еще очень рано, но на этотъ разъ они ждали бодро, лишь только отворили ворота, они сказали, что хозяинъ приказалъ имъ войдти и

вошли. На дворѣ они просидѣли четыре часа, а дождь лилъ ливнемъ. На крыльцо вышелъ мальчикъ, въ одной рукѣ у него былъ кусокъ мяса, а въ другой хлѣбъ, онъ жевалъ за обѣ щеки и какъ будто бы дразнилъ ихъ; отъ этого они почувствовали такой припадокъ подобострастія, что всѣ встали и смиренно сняли передъ нимъ шапки. Часу въ девятомъ, на крыльцо вышелъ Покровскій въ халатѣ, посмотрѣлъ ихъ виды, спросилъ, нѣтъ ли у нихъ лучше видовъ? «Нечего дѣлать, сказалъ онъ, приходите часу въ седьмомъ вечера, я васъ возьму». Они вышли съ сіяющими лицами, настала для нихъ минута полнаго нравственнаго успокоенія, но вслѣдъ затѣмъ они почувствовали такой ужасный припадокъ голода, что готовы были кинуться на перваго прохожаго и растерзать его на куски; въ глазахъ у нихъ потемнѣло, ноги рѣшительно отказались служить, а до вечера было еще далеко. Что дѣлать?—просить милостыню;—но какъ просить теперь, когда они нашли мѣсто; ихъ могутъ забрать въ полицію и они могутъ лишиться всего;—украсть еще опаснѣе. Они рѣшились терпѣть. На ихъ несчастье несетъ человѣкъ мимо печеные хлѣбы. Не могли они утерпѣть, подошли, смиренно сняли шапки: «отецъ родной», сказали они, «семь дней мы не ѣли, одолжи кусочикъ хлѣба». Они получили кусокъ хлѣба, вѣсомъ около трехъ четвертей фунта; они раздѣлили его между собою и вышло плохо, когда они съѣли свои части: голодъ такъ разъигрался, что едва не свелъ ихъ съ ума. Тянулось же время до шести часовъ, однако же и шесть часовъ наступили; увидали они Покровскаго. Съ нимъ были какой-то чиновникъ и какой-то прикащикъ. «Согласны вы тяжелую работу работать?» спросилъ онъ ихъ, «будете повиноваться безпрекословно?» — «Будемъ», отвѣчали они. — «Смотрите, вы не безъ свидѣтелей, а при чиновномъ лицѣ это говорите», назидательно сказалъ Покровскій, «потомъ не отвертитесь, не отмолитесь».—«Будемъ стараться твоей милости», былъ отвѣтъ.—«На счетъ платы не безпокойтесь, не обижу. Завтра приходите до свѣту, вотъ этотъ молодецъ васъ отправитъ... Верстъ за двѣсти, не болѣе». Таковы были заключительныя слова Покровскаго, онъ повернулся и ушелъ. Наши герои вышли за ворота, къ нимъ подошелъ какой-то парень лѣтъ двадцати.—«Что онъ вамъ сказалъ?» спросилъ парень. «На тяжелую работу согласны ли, а о платѣ безъ сумленія», отвѣчали они, съ удареніемъ на послѣдней фразѣ, чтобы хотя сколько нибудь прикрасить отвѣтъ Покровскаго. «Ну плохо, сказалъ парень, васъ канаву заставятъ рыть, а денегъ вамъ нисколько не заработать, за одинъ хлѣбъ будете трудиться, да и хлѣбъ-то такой, что лучше не ѣсть. Идите ребята лучше топиться въ рѣку», парень повернулся и исчезъ. Наши герои растерялись, какъ будто ихъ сначала облили холодною водою, а потомъ ошпарили кипяткомъ. Была уже глубокая ночь, наши ребята сидѣли за-городомъ подъ какимъ-то навѣсомъ и разсуждали, не лучше ли имъ явиться къ начальству и заявить себя бродягами. Они разсуждали такъ, какъ разсуждаютъ люди, умирающіе съ голоду: за нѣсколькими минутами разговора, слѣдовалъ часъ молчанія или, лучше сказать, отсутствія сознанія. Рѣшили не являться къ начальству—если явиться къ начальству, то посадятъ въ полицію и опять пр

дется нѣсколько дней голодать, а голодать болѣе они не были въ состояніи. Утромъ они встали до свѣту и съ тяжкимъ сердцемъ пошли въ кабалу къ купчинѣ-эксплуататору. Пріѣхали на мѣсто—радость: канаву копать не имъ, а нанимаютъ какихъ-то другихъ. Однако же ихъ все-таки нарядили на канаву, но не на долго, только на одинъ день, пока не прибудутъ другіе. Прошелъ день, прошла недѣля, доходитъ и мѣсяцъ, а ихъ все наряжаютъ на канаву. Самъ чортъ придумалъ эту работу для муки человѣческой, стоишь по поясъ въ грязи, вонь такая, что духъ занимаетъ, вдругъ провалишься и дна нѣтъ, то объ камень ногу зашибешь, то напорешься на сукъ. Работаешь точно на нечистую силу, ничего подъ руками не спорится—ты ее запрудишь, а она тебѣ опять разворотитъ. Ждали только расчета, думали получить денежки, да бѣжать. Мѣсяцъ прошелъ, не получили ни копѣйки: «на что вамъ деньги, говорятъ, или мы пьяныхъ здѣсь не видали—и безъ васъ ихъ довольно; чего вы боитесь, обижены не будете; ваши деньги всѣ цѣлы, до послѣдней копѣйки, они здѣсь крѣпче, чѣмъ у васъ въ рукахъ». «Работа-то такая тяжелая», отвѣчаютъ они. «По работѣ вамъ будетъ и плата», говорятъ имъ. Пришли въ артель ужинать. «Не видать вамъ ни копѣйки, говорятъ имъ работники, на чорта работаете». Дня черезъ два они совсѣмъ собрались бѣжать, вдругъ разнесся слухъ, что черезъ три дня пріѣдетъ начальникъ, всѣмъ будетъ расчетъ, всѣ деньги получатъ—какъ же это, работали столько и денегъ не получить? надо подождать. Ждутъ день за днемъ, между тѣмъ пища сдѣлалась плохая, совсѣмъ плохая, одна овсянка, одежонка износилась совсѣмъ, отъ грязи на тѣлѣ кора сдѣлалась, пошли вереда и болячки. Прошли три недѣли; они стали думать, что ихъ обманываютъ, но вотъ собрали народъ для расчета—завтра, говорятъ, будетъ начальникъ. Другіе получили деньги, а они ничего, постояли и ушли. Когда они пришли въ артель, тамъ всѣ были недовольны; жившіе на своемъ хлѣбѣ по домамъ тоже стали собираться на улицѣ, поднялся шумъ, безпорядокъ—грозили жаловаться начальнику. «Жалуйтесь, отвѣчали имъ, въ лѣсу розогъ много—замолчите». Къ вечеру зачинщики стали уговаривать народъ разойтись, говорили, что расчетъ будетъ сдѣланъ къ полному удовольствію. Разошлись рабочіе. Всю ночь они шепотомъ толковали между собою, что зачинщики ихъ обманули, что они получили отъ хозяина деньги и измѣнили народу. На другой день пріѣхалъ начальникъ, подошелъ къ толпѣ, спросилъ довольны ли они хозяиномъ—никто не подалъ голоса, всѣ чего-то ждали. Начальникъ пошелъ по заводу — пропало дѣло. Онъ обошелъ весь заводъ, даже подъ крышею былъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ опасности или вреда для здоровья. Ловко устроилъ купчина, но оборвалось. Народъ уже разошелся, когда у водоподъемной машины старикъ пожаловался начальнику на хозяина; въ пять минутъ вѣсть разнеслась по деревнѣ. «Идите ребята, на хозяина жалуются», повторяли всѣ и когда начальникъ вышелъ изъ завода, народъ былъ въ полномъ сборѣ и начали приносить жалобы. Начальникъ разсердился, когда его пригласили завтракать, онъ отказался: «кусокъ Покровскаго, какъ кость, остановится у меня въ горлѣ», ска-

залъ онъ. Едва управляющій могъ уговорить его войдти въ контору; тутъ начались убѣжденья; управляющій съ жаромъ доказывалъ, что плохой расчетъ съ рабочими зависѣлъ не отъ хозяина: нѣтъ возможности платить аккуратно, когда самъ не получаешь всего, что слѣдуетъ. У хозяина оказалось до двадцати тысячъ въ долгу по заводу и собрать этихъ денегъ не было возможности—полиція не дѣйствовала; начальнику показали векселя, книги и проч. Онъ успокоился, отдалъ чиновникамъ приказанье непремѣнно взыскать всѣ эти деньги, а управляющему — непремѣнно расплатиться съ рабочими и самъ объявилъ объ этомъ рабочимъ. Послѣ отъѣзда начальника всѣ надежды нашихъ героевъ лопнули; они выдержали еще двѣ недѣли и бѣжали. Однакожъ попытка была неудачная — ихъ воротили. Въ это время самъ Покровскій былъ въ заводѣ; онъ призвалъ ихъ къ себѣ, велѣлъ дать имъ по хорошему стакану водки. «Вамъ было дурно здѣсь,—сказалъ онъ,—будетъ лучше, оставайтесь, работайте, я васъ не обижу». На другой день ихъ уже не нарядили на канаву, а назначили кочегарами, они обрадовались этой работѣ, тутъ не то, что на канавѣ, гдѣ сплошная работа, тутъ работа по очереди — поработаешь, да отдыхаешь; кромѣ того, прежніе кочегары получали и порядочное жалованье. Скоро однако же наступило для нихъ разочарованіе. Работа кочегара—тяжелая работа. Настоишься передъ огнемъ, такъ жарко сдѣлается, что нельзя болѣе терпѣть; выйдешь на вѣтеръ, хоть трескучій морозъ будь, не чувствуешь холода, только облегчитъ; босой ногой пройдешь по снѣгу—не замѣтишь; долго можно на холодѣ быть и все будешь только легко себя чувствовать; вдругъ сдѣлается дурно, голова закружится, во всѣхъ членахъ слабость, едва держишься на ногахъ, или вдругъ сдѣлается ломота въ ногахъ и въ рукахъ, продолжается нѣсколько часовъ и передъ огнемъ опять пройдетъ. Иногда жаръ до того одолѣетъ, что просто разслабнешь весь, кусокъ въ ротъ не лѣзетъ. Иной разъ заснешь, къ утру проснешься, зазябнешь, какъ крыса, сдѣлается ознобъ, такъ всего и бьетъ, какъ въ лихорадкѣ. Эта шутка кончается иногда весьма плохо: неизлечимыми ревматизмами, лихорадками и горячками, а глазамъ болѣть такъ Богъ велѣлъ, и ослѣпнешь—неудивишься. Всего натерпѣлись по немногу наши герои, и Богъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось; борьба ли жизненная имъ надоѣла или они духомъ пали отъ постоянныхъ неудачъ, только они переносили все съ невозмутимымъ терпѣніемъ, какъ будто бы и средствъ защищаться у нихъ не было никакихъ. Впрочемъ, это еще вопросъ—были ли у нихъ эти средства; они очень хорошо знали, какъ трудно найдти защиту, а въ случаѣ жалобы они первые могли также подвергнуться отвѣтственности; пожалуй они могли бы угрожать, что сожгутъ заводъ, если притѣсненія будутъ продолжаться, но они были слишкомъ смиренны, чтобы произнести или привести въ исполненіе подобную угрозу, а были бы они достаточно бойки, то это могло не улучшить, а окончательно испортить ихъ положеніе. Сверхъ того, они были до такой степени легкомысленны и неразвиты, что они и не думали о томъ, до какой степени подобная жизнь вредна для ихъ здоровья.

Одно изъ величайшихъ золъ въ нашемъ отечествѣ это то, что рабочій человѣкъ у насъ вовсе не думаетъ о своемъ здоровьи и вовсе не боится работы или положенія, которыя хотя медленно, но систематически разстроиваютъ его силы. Наши герои постоянно чувствовали себя больными, то ихъ одолѣвала ломота въ костяхъ, то ознобъ, а все-таки они не догадывались, гдѣ причина этихъ золъ. Между тѣмъ, въ концѣ сентября Покровскій вдругъ остановилъ всѣ работы и расчиталъ всѣхъ рабочихъ. Нашимъ героямъ предложили остаться на зиму, но условіе было—докончить канаву; ихъ увѣряли, что работа пойдетъ теперь гораздо успѣшнѣе—они не будутъ болѣе проваливаться въ болотѣ, имъ обѣщали даже дать денегъ при расчетѣ. Отказа съ ихъ стороны не опасались, знали, что имъ дѣваться некуда. Путемъ такого чудовищнаго смиренія они проложили себѣ дорогу къ возрожденію, они могли уже цѣлый годъ выдержать на волѣ. При расчетѣ рабочихъ имъ, однако же, опять-таки денегъ не дали, а выдали натурою теплую одежду, кирпичный чай и проч. Унесли они свою добычу по своимъ убогимъ угламъ, вышли на улицу и стали вмѣстѣ; съ кѣмъ же имъ быть, если не вмѣстѣ, имъ, отверженнымъ міра сего, имъ, несчастнымъ паріямъ, безвѣстнымъ, никѣмъ не замѣчаемымъ страдальцамъ. Стояли они, смотрѣли и, по обыкновенію, молчали, а кругомъ было разливанное море, вышли дѣвушки въ шелковыхъ платьяхъ и мѣховыхъ нарядахъ, вышли женщины въ узорчатыхъ платкахъ съ длинными концами; музыка, пляска, шумъ, гамъ; пьяные, разряженные парни горланили пѣсни, тамъ въ орлянку играли, тутъ на качеляхъ качались. Всякій получилъ по расчету деньги, всякій ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ, всякій старался показать, что онъ всѣхъ удалѣе раскутился. Міръ, со всѣми своими прелестями и соблазнами, широко растворилъ свои двери. Велико было смиреніе нашихъ героевъ, а все-таки слезы катились у нихъ градомъ. Они ли не трудились, они ли не переносили страданій и послѣ всего этого имъ и погулять не удается, хотя на день, хотя на часъ забыть свою тяжкую, гнетущую судьбу. Послѣ горькихъ слезъ настала минута тяжкаго, сумрачнаго молчанія, злоба кипѣла въ сердцѣ, у каждаго злыя мысли вертѣлись на умѣ, одинъ думалъ: «не сжечь ли заводъ!», другой думалъ: «сегодня въ ночь кто нибудь спалитъ этотъ заводъ». Машинально встали они разомъ и разошлись по угламъ, чтобы изъ-за стѣнъ не видѣть соблазна. Черезъ часъ одинъ изъ нихъ неожиданно явился со штофомъ въ рукѣ. «Откуда взялъ?» спросили всѣ.—«А все, что отъ хозяина получилъ, то и заложилъ, чтобы его нелегкая по косточкамъ растащила, этого хозяина». Выпили штофъ, пошли дальше; они пьянствовали пока пропито было все, что было получено ими. На другой день ихъ наряжаютъ на работу, идти не въ чемъ. Они такъ дорожили тѣмъ, что получили пріютъ на зиму, что не рѣшились потребовать новой одежды, какъ бы сдѣлалъ работникъ не—бродяга, а пошли въ чемъ попало. Ихъ тѣло, изнѣженное привычкою быть въ высокой температурѣ, коченѣло на холодѣ; въ полузамерзшей грязи и водѣ работа не леилкась; къ довершенію несчастья, одинъ изъ нихъ, по неловкости, пос-

кользнулся и началъ тонуть въ грязи, они стали его вытягивать своими окоченѣлыми руками и еще болѣе завязили; необходимо было подставить сначала нѣсколько лѣсинъ, чтобы укрѣпиться; когда, наконецъ, вытащили утонувшаго, онъ уже не былъ болѣе жильцемъ этого міра. Когда Покровскій узналъ объ этомъ, онъ испугался, распорядился тотчасъ же выкупить заложенныя ими вещи; на другой день онъ намѣренъ былъ отдать ихъ нашимъ работникамъ, поставивъ имъ въ счетъ за выкупъ восемь рублей. Но на этотъ разъ кажется сама судьба преслѣдовала нашихъ героевъ и рѣшилась окончательно добить ихъ. Выкупленныя вещи были сложены въ сѣняхъ передъ конторою и когда наши герои возвратились съ работы, они увидали ихъ. «Вотъ наше добро», сказалъ одинъ изъ нихъ, «намъ оно пошло въ пятидесяти рубляхъ, жилы у насъ за него вытянули, а онъ взялъ все обратно за шесть рублей». Ночью поднялся шумъ, кричали «воръ», цѣлая толпа кинулась къ лѣсу; наши герои всполошились тоже, но они были только втроемъ, четвертый не отыскивался, а именно тотъ, который вечеромъ указывалъ на ихъ вещи, выкупленныя хозяиномъ. Черезъ нѣсколько времени они увидали своего товарища, его несли, голова у него была пробита и кровь лилась рѣкою; за нимъ несли выкупленныя хозяиномъ вещи—онъ сдѣлалъ попытку ихъ украсть. Его положили на кровать, долго возился съ нимъ фельдшеръ, но безполезно: онъ умеръ въ ту же ночь. Покровскій еще болѣе испугался и отдалъ приказаніе—остальныхъ расчитать немедленно и вывести за предѣлы заводской земли. Вотъ и плоды трудовъ и терпѣнія, вотъ и достигнутая цѣль, вотъ и перспектива свободной и обезпеченной жизни: все, какъ дымъ разлетѣлось въ одну минуту, все, что добыто было такими гигантскими жертвами и усиліями. «За что же»? повторяли они въ отчаяніи, плакали и кидались на колѣна. Управляющій не могъ вынести вида ихъ страданій и пошелъ къ Покровскому, попытаться нельзя ли сдѣлать что нибудь въ ихъ пользу. Оказалось, что Покровскій смотрѣлъ на нихъ съ особенной, предразсудочной точки зрѣнія: онъ находилъ, что это люди, которымъ сопутствуетъ несчастье, и что они, чего добраго, навлекутъ несчастье на его заводъ; подобныхъ людей лучше держать далѣе отъ центра своихъ капиталовъ. Управляющій не рѣшился возражать и дѣйствительно было опасно,—въ случаѣ несчастья, оно было бы отнесено къ его совѣтамъ. Мрачное отчаяніе бродягъ произвело впечатлѣніе не на одного управляющаго; они сидѣли въ углу и ничего не ѣли; боязливо озиралась на нихъ обѣдавшая артель; ихъ сумрачныя, молчаливыя фигуры предвѣщали что-то недоброе, въ темномъ углу они казались какими-то неподвижными тѣнями; ихъ сосредоточенное отчаяніе, совершенное отсутствіе протеста, съ которымъ они переносили свою судьбу, наводило болѣе страха, чѣмъ могли бы навести самыя энергическія угрозы. Всѣ начали говорить, что заводу не сдобровать, что онъ падетъ жертвою мести оскорбленныхъ бродягъ: «за что ихъ обижаютъ? за что лишаются они послѣдняго куска хлѣба? Если Покровскій будетъ такъ дѣлать, то онъ не долго уцѣлѣетъ», говорилось на всѣхъ концахъ завода. Неожи-

данный, общій взрывъ симпатіи къ несчастнымъ страдальцамъ произвелъ на Покровскаго свое впечатлѣніе; онъ сталъ серьезно опасаться, чтобы не пострадать, ожесточая людей; страхъ такой опасности одолѣлъ его суевѣріе и онъ отмѣнилъ свое распоряженіе. Онъ приказалъ имъ выдать обратно одежду и былъ такъ наивенъ, что полагалъ, что онъ оказалъ имъ благодѣяніе. На дѣлѣ вышло не такъ. Бѣдняги наши не вынесли перехода отъ занятія кочегара къ работѣ въ болотѣ и на стужѣ въ сырое, осеннее время, они всѣ трое кончили тѣмъ, что были расчитаны за болѣзнью. Не удалось-таки имъ миновать острога! Одолѣваемые немощью, они пробирались зимою по тайгѣ и кончили свой путь въ острогѣ; но въ острогъ они пришли не жить, а умирать, и рыжій и смуглый, оба умерли въ острогѣ черезъ нѣсколько дней, отъ тифа. Видѣніе сбылось, они не были жильцами сего міра, впрочемъ, и безъ видѣнія я бы имъ предсказалъ то же.

Я ввелъ этотъ разсказъ потому, что видѣлъ въ немъ лучшее и даже единственное средство, наглядно изобразить читателю положеніе и чувства бродяги-работника. Судьба его, даже при счастливыхъ обстоятельствахъ, не много лучше того, что изображено выше; онъ долженъ дѣлать самую трудную, а иногда и самую опасную работу. Золотопромышленника соблазняетъ полоса смежнаго пріиска; чтобы добыть оттуда золото, надо сначала уничтожить межевые знаки; кого употребить для этого? лучше всего бродягу: бродяга привыкъ на волѣ дѣлать опасныя вещи за безцѣнокъ; его положеніе, по бо́льшей части, такое, что переходъ къ каторгѣ не многимъ сдѣлаетъ судьбу его хуже. Его судьба незавидна и тогда, когда ему посчастливится устроить свои дѣла и пріобрѣсти благосостояніе; пока онъ несчастнѣйшій изъ смертныхъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, никто не смотритъ на него алчными глазами. Какъ скоро онъ устроилъ свои дѣла, обзавелся домкомъ, тогда для него начинается мука другаго рода. Вблизи фабрики или завода, въ особенности въ Сибири, можно встрѣтить нѣсколько домовъ, построенныхъ не на фабричной, а на казенной землѣ, и которые составляютъ собственность бродягъ, работающихъ на фабрикѣ. Можно быть увѣреннымъ, что о каждомъ изъ этихъ домовъ производится переписка; переписка эта—въ родѣ чахоточныхъ бугорковъ, она изъ хозяина дома вытягиваетъ всѣ соки, которые могли бы дать ему благосостояніе, здоровье и силу. За то же она дѣлаетъ его смиреннымъ и чрезвычайно пріятнымъ для всѣхъ, кто желаетъ его эксплуатировать. Значительнаго богатства онъ никогда накопить не можетъ, какъ бы онъ ни былъ оборотливъ и счастливъ. Замѣчаютъ, что самый честный бродяга всегда не надеженъ, поручать ему значительныя суммы всегда опасно. Я слышалъ одинъ случай, гдѣ причины этого явленія обнаружились весьма наглядно. Бродяга, служившій въ купеческой конторѣ и долгое время считавшійся благонадежнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, укралъ 25,000 руб. и бѣжалъ. Жизнь его изъ спокойной и обезпеченной сдѣлалась самая несносная. Онъ бѣжалъ въ деревню, на сѣверѣ, въ тайгѣ, въ которой те-

лега была неизвѣстна, кругомъ которой не было никакихъ дорогъ; тамъ онъ дошелъ до такого состоянія, что ему пришлось умирать съ голоду. Для того, чтобы спасти себя отъ голодной смерти, онъ долженъ былъ добровольно отдать себя въ руки правосудія. Подвергнутый тюремному заключенію, онъ не вынесъ новаго своего положенія и лишилъ себя жизни. Люди, которые его знали близко, крайне удивились такому поступку съ его стороны и узнавъ жалкое положеніе, въ которомъ онъ находится, они не были въ состояніи отказать ему въ участіи. Передъ смертью, онъ открылъ имъ свою душу, онъ объяснилъ имъ, что онъ въ жизни своей не зналъ покоя и что его мученія увеличивались по мѣрѣ того, какъ улучшалось его положеніе. Чѣмъ болѣе онъ привыкалъ къ жизни вполнѣ обезпеченнаго конторщика, въ богатомъ купеческомъ домѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему переходъ въ тюрьму, въ которой онъ никогда не бывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ въ рукахъ значительную сумму денегъ, его борьба съ самимъ собою дѣлалась со дня на день несноснѣе. Ему никогда не хотѣлось жить лучше, чѣмъ онъ жилъ въ конторѣ; но ему казалось, что когда онъ будетъ имѣть много денегъ, тогда онъ будетъ въ состояніи ограждать себя отъ всякихъ случайностей. Но лишь только онъ совершилъ воровство, онъ увидалъ свою ошибку, онъ едва не былъ вовлеченъ въ преступленіе еще болѣе жестокое. Онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ человѣка, который хотѣлъ его обличить, и подвергался сильному соблазну его убить, но воздержался, бросилъ всѣ украденныя сокровища и бѣжалъ въ тайгу, гдѣ думалъ уединиться, сдѣлаться пустынникомъ и молиться Богу; намѣреніе это оказалось совершенно неосуществимою мечтою. Вотъ человѣкъ, крайне религіозный и по природѣ наклонный къ честности, который, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, очутился бродягою; не смотря на большія способности, которыми онъ внушалъ къ себѣ неизгладимое уваженіе людямъ мало образованнымъ, онъ сдѣлался воромъ, едва не дошелъ до убійства и кончилъ самоубійствомъ. Всякій негодяй не только можетъ тревожить подобнаго человѣка, онъ можетъ сдѣлать его окончательно несчастнымъ. Одинъ крѣпостной человѣкъ, помѣшавшій своему помѣщику изнасиловать свою жену, былъ за это удаленъ помѣщикомъ въ Сибирь. (Къ несчастію подобные факты въ прежнее время въ Россіи—встрѣчались). Жена его не вынесла жизни въ Сибири и уговорила его бѣжать въ Россію. Въ Россіи онъ прожилъ спокойно двѣнадцать лѣтъ. Жена его все еще была красавицею и имѣла несчастье плѣнить другаго помѣщика, но такъ какъ она не уступала его желаніямъ, то онъ началъ преслѣдовать ея мужа; обнаружено было, что онъ бродяга, его домъ и все имущество пошли прахомъ, все семейство погибло жалкимъ образомъ. Были примѣры, что положеніе бродяги дѣлало честнаго человѣка закоренѣлымъ преступникомъ. Въ одномъ городѣ кузнецу нуженъ былъ видъ, онъ, по обыкновенію, послалъ домой денегъ вдвое болѣе, чѣмъ слѣдовало для полученія вида; ему отвѣтили, что съ него слѣдуетъ еще столько-то подати, онъ послалъ, за тѣмъ онъ получилъ письмо, что съ него слѣдуетъ десять рублей недоимки;

онъ послалъ, потомъ ему написали, что съ него слѣдуетъ еще пятнадцать рублей за службу — онъ выбранъ на службу и долженъ за себя нанять, — скрѣпя сердце, онъ послалъ и пятнадцать рублей, между тѣмъ онъ успѣлъ уже издержать пять рублей на отсрочки и отсрочкамъ срокъ кончился — онъ былъ безпаспортный. Черезъ нѣсколько времени онъ получаетъ письмо: отъ него требуютъ еще тринадцать рублей какой-то недоимки; онъ не видѣлъ, когда будетъ этому конецъ и отказался посылать. Какъ-то полиція ему пригрозила, онъ испугался и бѣжалъ. Послѣ разныхъ мытарствъ, онъ поселился въ отдаленномъ, но большомъ городѣ. Дѣла его шли не хорошо, но все-таки питаться ему было возможно. Къ несчастью онъ прослылъ богатымъ человѣкомъ, отвсюду алчность обратила на него свои взоры; скупаго отъ бѣднаго не отличишь. Онъ началъ попадать въ самыя затруднительныя положенія; случалось такъ, что онъ самъ сутки не ѣлъ, а тутъ съ него денегъ просятъ; начнетъ онъ увѣрять, что онъ самъ живетъ впроголодь,—смѣются, а потомъ начнутъ угрожать; ему и въ голову не приходило покупать краденыя вещи, а его увѣряютъ, что онъ давно этимъ занимается. И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли въ бродягѣ предполагать всѣ пороки? онъ кузнецъ, слѣдовательно онъ покупаетъ краденое желѣзо, передѣлываетъ его и продаетъ. Волею и неволею началъ и онъ заниматься подобными дѣлами; сначала онъ такъ боялся покупать краденыя вещи, что дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда къ нему входилъ воръ съ подобными вещами, онъ ночи не спалъ отъ страха; потомъ привыкъ. У него завелись и слѣдственныя дѣла; наконецъ у него былъ притонъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Онъ слылъ по прежнему богатымъ и, можетъ быть, не безъ основанія; отъ дому его шли подземные ходы и на самой серединѣ улицы устроены были подземныя кладовыя. Вещь, попавшая въ этотъ домъ, пропадала безвозвратно. Изъ человѣка робкаго и смирнаго онъ сдѣлался дерзкимъ и дѣятельнымъ преступникомъ. Вотъ какимъ испытаніямъ подвергается у насъ тотъ классъ людей, который, по слабости своей воли, всего менѣе способенъ выносить испытанія!—если бы еще возможно было уничтожить бродяжество или воспрепятствовать факту пребыванія значительнаго числа людей, въ теченіи многихъ лѣтъ, бродягами, но совершенная невозможность этого доказана многолѣтнимъ опытомъ. Можетъ ли быть что нибудь хуже дряблыхъ и неопредѣленныхъ положеній, въ родѣ положенія у насъ бродяги - работника? Въ странахъ цивилизованныхъ и наиболѣе благоустроенныхъ отъ человѣка вовсе не требуется вида; до тѣхъ поръ, пока онъ не совершилъ преступленія, онъ можетъ спокойно пользоваться своими гражданскими правами, никто не спроситъ его, гдѣ твой видъ, какъ можешь ты жить здѣсь или тамъ. Наша администрація, имѣя это въ виду съ одной стороны, а съ другой, повидимому, убѣдившись въ невозможности искорененія бродяжества мѣрами строгости, избрала средній путь. Бродягъ, въ особенности въ Сибири, преслѣдуютъ весьма слабо или даже и вовсе не преслѣдуютъ, пока они не совершатъ преступленія; но чрезъ это дѣло все-таки еще не сдѣлалось, бродяга остался

безпаспортнымъ, онъ по прежнему отданъ на жертву эксплуатаціи всякаго рода, ему по прежнему отрѣзаны пути къ достиженію честнаго и твердаго благосостоянія, онъ толкается со всѣхъ сторонъ на стезю бѣдности и порока. Желательно было бы, чтобы администрація, начавъ хорошее дѣло, на полъ-пути не останавливалась, а пошла далѣе... Слѣдуетъ человѣку платить, бери съ него, продавай его имущество; нечего съ него взять, Богъ съ нимъ, пусть идетъ на всѣ четыре стороны и заработываетъ себѣ честнымъ путемъ; преграждая ему пути къ честному труду, ничего хорошаго не сдѣлаешь. Необходимо наказать кого-либо, пусть ему будутъ преграждены всѣ пути, чтобъ избѣгнуть наказанія; не удалось, нечего дѣлать, пусть онъ живетъ честно на свободѣ; это лучше, чѣмъ годы тянуть канитель и наталкиваться на путь преступленій.

Семенъ Навалихинъ.

КЪ БОЛВАНАМЪ.

Деревянные болваны
Безъ свободнаго движенья —
Я питаю къ вамъ такъ много
И любви и уваженья!

На болванахъ деревянныхъ
Часто вѣшаютъ портные
И мундиры всѣхъ достоинствъ,
И костюмы дорогіе.

Неподвижные болваны!
Чтобъ на васъ ни надѣвали,
Вы стоите неизмѣнно,
Какъ и прежде вы стояли...

Не глупѣете нисколько
Вы отъ знаковъ повышенья,—
Вы контрастъ живымъ болванамъ,
Со способностью движенья...

Ахъ, живущіе болваны,
Вы бы также были милы,
Еслибъ только не имѣли
Самодвигательной силы!...

Л. Пальминъ.

ФИЛИППЪ

ТРАГЕДІЯ АЛЬФЬЕРИ

ЛИЦА.

ФИЛИППЪ II, испанскій король.

ИЗАБЕЛЛА, его третья жена.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, сынъ Филиппа отъ перваго брака.

ГОМЕЗЪ
ПЕРЕЗЪ } придворные.
ЛЕОНАРДО

Члены совѣта.

Стража.

Дѣйствіе въ Мадритѣ, въ королевскомъ дворцѣ.

Итальянской литературѣ въ Россіи, какъ извѣстно, почему-то не счастливится. Между тѣмъ, какъ наша переводная литература, говоря вообще, далеко не бѣдная, сдѣлала у насъ едва-ли не своими, не только первостепенныхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей, но и такихъ, которые и у себя дома не имѣютъ почти никакого значенія, итальянскіе первоклассные писатели—гордость Италіи—по бо́льшей части извѣстны у насъ чуть ли не только по однимъ именамъ. Самая «Божественная комедія» Данта до сихъ поръ не переведена, если не считать прозаическаго перевода «Ада» Ф. фанъ-Дима. Если мы что нибудь знаемъ о сочиненіяхъ Вико, Макіавелли, Боккачіо, Уго-Фосколо, Альфьери, Парини, Леопарди и т. д., то развѣ только по французскимъ переводамъ ихъ произведеній (*). Новѣйшіе итальянскіе писатели извѣстны намъ еще менѣе; только въ самое недавнее время переведено нѣсколько итальянскихъ романовъ (Манцони, д'Азеліо, Гверацци, Руфини, дель Онгаро), и въ журналахъ стали появляться стихотворенія Джусти, Карло Порта, Меркантини, Фликайя. Современное литературное движеніе Италіи для насъ совершенно чуждо; мнѣ по крайней мѣрѣ даже не удавалось встрѣчаться въ русской литературѣ съ именами Гросси, Прати, Джіоберти, Авзоніо Франки, Феррари, Чекони и т. д. (**). Чѣмъ объяснить такое наше равнодушіе къ итальянской литературѣ—для меня рѣшительно не понятно.

Проводя конецъ 1863 года и почти весь 1864 въ Италіи, и имѣя близкую возможность ознакомиться съ литературными богатствами этой національности, я задумалъ познакомить русскую публику съ

(*) Въ концѣ прошлаго и въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, русскіе писатели довольно дѣятельно занялись итальянской литературой, плодомъ чего, впрочемъ, были по бо́льшей части неудобочитаемые нынѣ переводы комедій Гольдони и либреттъ Метастазіо.

(**) Тѣ «Исторіи литературъ», которыя у насъ переведены, обыкновенно не доводятъ своихъ изслѣдованій до настоящаго времени. Въ компилированной В. Костомаровымъ «Исторіи итальянской литературы», вышедшей подъ редакціею А. Милюкова въ 1863 г., всѣмъ представителемъ новѣйшей литературной эпохи, начиная съ Конти (794) и кончая Мадзини, Канту и Амари (839), отведено всего на все 49 страничекъ разгонистаго шрифта, изданія въ 16°.

старой и новой итальянской драматической литературой, для чего думалъ перевесть хотя по одному произведенію болѣе замѣчательныхъ писателей (Альфьери, Николини, Чекони, Джіакомети, Паоло Феррари, Кастельвеккіо и т. д.). Начинать, разумѣется, слѣдовало съ Альфьери, этого «отца итальянскаго театра». Остановился я на «Филиппѣ», молодомъ произведеніи его (это всего на все вторая по времени изъ написанныхъ имъ трагедій) не по тому, чтобы это было его лучшее произведеніе (самъ Альфьери въ своихъ объясненіяхъ съ публикой «Parere», весьма строгъ къ ней), но потому, что имѣлъ въ виду близкое знакомство русской публики съ «Донъ Карлосомъ», Шиллера, написаннымъ на тотъ же сюжетъ, и полагалъ, что это поможетъ ей прямо увидѣть всѣ особенности таланта Альфьери, мнѣнія о которомъ у насъ тогда были составлены по Шлегелю и Сисмонди, хотя оба эти критика относятся къ нему не особенно безпристрастно: Шлегель преслѣдуя въ немъ защитника независимости Италіи и свободы, Сисмонди, никогда незабывая въ Альфьери автора «Misogallo», жолчной сатиры, направленной на его соотечественниковъ. Кромѣ того, въ этой трагедіи личность Филиппа II, этого «испанскаго Тиверія», очерчена поэтомъ, по единодушному признанію всѣхъ критиковъ Альфьери, съ Тацитовскою правдою. Замѣчательно, что Пушкинъ, кажется, задумывалъ нѣкогда ее перевести, по крайней мѣрѣ во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій, подъ заглавіемъ: «Съ итальянскаго», помѣщенъ первый монологъ Изабеллы изъ перваго дѣйствія «Филиппа» (*).

Предпріятіе мое однакоже, за разными другими занятіями, не осуществилось и на нѣкоторое время мною вовсе отложено, что все-таки не помѣшаетъ мнѣ въ слѣдующемъ выпускѣ «Невскаго Сборника» познакомить русскую публику съ которымъ нибудь изъ другихъ представителей итальянской драматургіи (напр. съ Николини, изъ котораго, насколько мнѣ извѣстно, у насъ ничего не было переведено).

Характеризовать въ немногихъ словахъ значеніе Альфьери вообще и для Италіи въ особенности, дѣло не слишкомъ легкое; для этого надобно было бы написать цѣлую статью, но, чтобы не оставлять въ совершенномъ невѣденіи объ немъ тѣхъ изъ читателей, которые вовсе незнакомы съ его дѣятельностью, я все-таки считаю своею обязанностью сказать нѣсколько словъ.

(*) Въ послѣдствіи, по возвращеніи въ Россію я узналъ, что «Филиппъ» былъ не только переведенъ, но даже ставился и на сцену у насъ, но безъ особеннаго успѣха. Переведенъ онъ былъ (плохо) Евгеніемъ Вороновымъ и напечатанъ въ Пантеонѣ 1840 г. Въ «Исторіи итальянской литературы» В. Костомарова переведенъ составителемъ ея 2 актъ.

Біографія его извѣстна у насъ; ее можно прочитать въ любомъ руководствѣ исторіи европейской литературы и въ упомянутой мною книгѣ В. Костомарова, да и кромѣ того, сколько мнѣ помнится, въ которомъ-то изъ журналовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были переведены (кажется въ сокращеніи) собственныя его записки (Vitta di Vittorio Alfieri da Asti, scutta da esso), поэтому я ограничусь только указаніемъ главныхъ фактовъ его жизни, небогатой приключеніяим, насколько ими были обусловлены особенности его литературной карьеры.

Графъ Витторіо Альфьери—урожденецъ небольшаго городка Асти (въ Пьемонтѣ), родился въ аристократической семьѣ 17 января 1749 г., а умеръ 8 октября 1803 г. (*). Получивъ весьма небрежное и поверхностное воспитаніе, онъ провелъ въ праздности всю свою раннюю молодость и только въ 1774 г., утомленный пустотою своей жизни, созналъ въ себѣ призваніе къ поэзіи, первымъ плодомъ чего была трагедія «Клеопатра», по мнѣнію самого Альфьери «произведеніе чудовищное», имѣвшее однако въ Туринѣ успѣхъ, «къ стыду зрителей и автора». Успѣхъ этотъ, впрочемъ, объясняется очень просто. Время появленія на итальянской сценѣ «Клеопатры»—было временемъ окончательнаго паденія драматическаго искуства въ Италіи. Комедія въ это время впрочемъ уже стремилась къ оживленію, благодаря Гольдони, изгнавшему со сцены скучныя пошлости аббата Кіари, написанныя невозможно-утомительными александринскими стихами съ рифмами (martelliani), и Карло Гоцци, внесшему въ нее ложное, сказочно-фантастическое направленіе, но проявившему его въ своихъ произведеніяхъ съ такимъ блескомъ, что передъ его, какъ онъ называлъ ихъ, «баснями» (fiabe) меркли самыя комедіи Гольдони, нѣсколько сухія и резонерскія; но собственно трагедія была въ положеніи болѣе нежели жалкомъ.

Вся трагическая литература итальянцевъ XVIII столѣтія, до появленія Альфьери, была скучнымъ, вялымъ и холоднымъ подражаніемъ французскому псевдо-классицизму, до того набившимъ публикѣ оскомину, что самыя либретто оперъ Метастазіо, представлявшіяся *безъ музыки*, по поэтичности своего языка, были для зрителей чуть не желаннымъ отдыхомъ, а холодная трагедія Сципіона Маффеи: «Меропа», написанная правильнымъ и строгимъ языкомъ, послѣ напыщенности всѣхъ прежнихъ трагедій, казалась чуть не геніальнымъ произведе-

---

(*) Итальянцы, чрезвычайно высоко чтущіе его память, похоронили его останки въ Пантеонѣ Тосканы—въ церкви Santa Croce (Святаго Креста), во Флоренціи, между гробницами Макіавелли и Микель-Анджело.

ніемъ и производила рѣшительный фуроръ. Успѣхъ «Клеопатры» заставилъ Альфьери серьезнѣе взглянуть на себя и онъ почувствовалъ себя трагикомъ или, какъ говоритъ самъ, «заключилъ съ публикой и съ самимъ собою уговоръ, по крайней мѣрѣ, стремиться къ тому, чтобы быть трагикомъ». Для этого онъ сталъ усердно изучать классическихъ писателей и отечественныхъ поэтовъ, и такъ какъ зналъ даже плохо итальянскій языкъ, то особенно налегъ на выработку себѣ языка, для чего съ 1777 года нѣсколько разъ ѣздилъ въ Сіенну (гдѣ говорятъ самымъ чистымъ тосканскимъ нарѣчіемъ), и оставался въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ. Около этого же времени онъ окончательно поселился во Флоренціи, изъ которой предпринималъ только время отъ времени путешествія, къ которымъ у него была страсть. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстной Луизой Альбани, урожденной графиней Штольбергъ, бывшей въ замужествѣ за Карломъ Эдуардомъ (послѣднимъ изъ Стюартовъ), и съ этого времени окончательно посвятилъ себя драматической поэзіи, такъ что въ 1783, 1784 и 1785 годахъ успѣлъ издать 3 тома своихъ трагедій (9), а къ 1787 году переработалъ, какъ этѣ 9 трагедій и «Клеопатру», такъ и издалъ 9 новыхъ, изъ которыхъ одну: «Bruto secondo», посвятилъ будущему свободному народу итальянскому (Al populo Italiano futuro libero)». Въ началѣ 1789 года, онъ, вмѣстѣ съ графиней Альбани, поѣхалъ въ Парижъ, но засталъ тамъ революцію, по поводу которой сначала написалъ оду «Parigi Sbastigliato», но ужасы которой и тяжкія потери, понесенныя имъ при этомъ, поколебали нѣсколько его убѣжденія: онъ сдѣлался ненавистникомъ французовъ, такъ что возвратясь въ 1792 году въ Италію, написалъ свою сатиру «Misogallo». Съ этѣхъ поръ, онъ всецѣло посвятилъ свое время тихой жизни и умственной работѣ, сталъ учиться по гречески (*) и изучать снова древнихъ классиковъ. Въ уединеніи своемъ онъ очень много писалъ и переводилъ, написалъ трагедію «Алчестъ» и полутрагедію, полу-оперу «Авеля», перевелъ стихами «Персовъ» Эсхилла, «Филоктета» Софокла, «Лягушекъ» Аристофана, всю Энеиду, всѣ комедіи Теренція и «Катилину» Саллюстія, написалъ 17 сатиръ, замѣчательныхъ по своему безотрадному направленію и по безпощадному презрѣнію ко всѣмъ сословіямъ гражданскаго общества, шесть комедій (неудачныхъ) политическаго направленія, свои записки и множество мелкихъ стихотвореній и статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны «Della Tirannia» (о тираніи), «Panegirico di Plinio a Trajano» (похвала

(*) В. Костомаровъ говоритъ, что по гречески учиться Альфьери сталъ 84 лѣтъ отъ роду. Такой фактъ возможенъ только въ русской компиляціи, такъ какъ Альфьери умеръ 54 лѣтъ.

свободѣ) и «Del Principe e delle Lettere (о процвѣтаніи поэзіи и искуствъ въ республикахъ, а точныхъ наукъ — медицины и права — въ монархіяхъ).

Въ чемъ же собственно заключались его заслуги въ драматическомъ искуствѣ? Заслуги этѣ двоякаго рода: онъ измѣнилъ трагедію внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ. Онъ первый (если не считать попытки Маффеи) поставилъ итальянскую трагедію на національную почву; подобно Шиллеру онъ, по замѣчанію одного нѣмецкаго критика (Поль Гейзе 1857 г.), «задумалъ посредствомъ своихъ трагедій начать политическое и соціальное перевоспитаніе своего народа (*).» Кромѣ того, онъ совершилъ рѣшительную перестройку внѣшней формы трагедіи (что было чрезвычайно важно въ его время). Трагедія, по его словамъ «должна, на сколько возможно, исключительно заниматься своимъ предметомъ (сюжетъ, фабула); въ ней должны являться только дѣйствующія лица, а не простые зрители и безцѣльные наперсники; ходъ пьесы долженъ быть вытканъ изъ одной нити и, на сколько это позволяетъ изображеніе страстей, быть быстрымъ и простымъ, ужаснымъ и потрясающимъ, не становясь отвратительнымъ и неестественнымъ; наконецъ, поэтъ долженъ возбудить себя всѣмъ вдохновеніемъ, на какое онъ только способенъ.» (Отрывокъ изъ письма Альфьери къ извѣстному критику Кальзабиджи).

До какой степени Альфьери былъ искрененъ въ своихъ стремленіяхъ, которымъ посвятилъ всю свою жизнь, могутъ служить доказательствомъ его слова, въ которыхъ онъ описываетъ впечатлѣнія, производимыя на него чтеніемъ Плутарха, любимаго его писателя (**): «Я перечитываю,—пишетъ онъ,—въ четвертый или пятый разъ жизнеописанія Тимолеона, Цезаря, Брута, Пелопида, Катона и нѣкоторыхъ другихъ мужей древности, и всякій разъ восторгъ мой выражается неудержимыми криками, слезами, доводящими меня чуть не до безумія, такъ, что еслибы кто нибудь увидалъ меня въ такое время изъ другой комнаты, то навѣрно принялъ бы за сумасшедшаго. При разсказѣ о доблестяхъ этихъ великихъ людей, я просто выхожу изъ себя: слезы отчаянія и досады текутъ изъ моихъ глазъ, едва я только подумаю, что я рожденъ въ Пьемонтѣ, въ такое время и подъ такими несчастными политическими условіями, которыя не позволяютъ мнѣ ни-

(*) Нельзя не обратить вниманія на сходство его съ Шиллеромъ и въ томъ отношеніи, что оба они, одинаково увлекаясь новыми идеями конца XVIII столѣтія,—оба отстранились отъ осуществленія ихъ, при условіяхъ революціи, Шиллеръ считая себя *неподготовленнымъ*, Альфьери обвиняя французовъ въ легкомысліи (см. статью, помѣщенную въ этомъ томѣ «Невскаго Сборника»: «Объ исторической драмѣ»).

(**) См. Histoire de la littérature italienne, par F. T. Perrens. Paris. 1867.

чего дѣлать, которыя сковываютъ мой языкъ и при которыхъ, можетъ быть, даже безполезны всякія высокія чувства и мысли».

Оканчиваю на этомъ, такъ какъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о моемъ переводѣ. Я знаю, что многіе найдутъ его не вѣрнымъ, такъ какъ я переводилъ не слова, а мысли, стараясь придавать имъ обороты, наиболѣе свойственные русскому языку. По моему мнѣнію, всякій переводъ, если только дѣло идетъ не о такомъ классическомъ произведеніи, гдѣ важно сохранить каждое выраженіе писателя именно такъ, какъ онъ его высказалъ — долженъ прежде всего *не казаться переводомъ* и быть по возможности русскимъ. Успѣлъ ли я въ этомъ, переводя «Филиппа», не знаю, но оговариваюсь заранѣе потому, что знаю, что существуетъ другое мнѣніе, совершенно противоположное мною сейчасъ высказанному.

АКТЪ I.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Изабелла (*одна*).

Печаль, боязнь въ душѣ моей... нѣтъ силъ!
Прочь призракъ соблазнительно-прекрасный...
Супруга я Филиппу,—быть вѣрна
Ему должна я даже мыслью самой!
Принцъ — сынъ ему; надъ страстью роковой
Торжествовать во мнѣ разсудокъ долженъ...
Но для чего донъ-Карлосъ такъ хорошъ,
Что знать его и не любить — нѣтъ силы?
Зачѣмъ такою свѣтлою душою
Онъ одаренъ въ такомъ прекрасномъ тѣлѣ?
Зачѣмъ такъ сердце нѣжно въ немъ, и умъ
Такого преисполненъ благородства?
Но, горе мнѣ! — достоинства его
Припоминать я не имѣю права,
Я ихъ забыть должна, чтобы заглохла
Въ моей душѣ преступная любовь!
О, еслибъ я хоть скрыть ее съумѣла,
Такъ глубоко, чтобы объ ней никто
Не могъ узнать... чтобъ онъ не догадался
И чувствъ моихъ грѣховныхъ не проникъ!
О, еслибъ подозрѣній я печалью
Своей не возбудила во дворцѣ!
Всѣ видятъ, что я принца избѣгаю,
Всѣ видятъ, что разрушенъ мой покой...
Всѣ видятъ, но... чужаго сердца тайны
Читать не могутъ люди; — я одна

Объ этой страсти знаю, но когда бы
И я сама могла объ ней не знать,
Иль зная, убѣжать отъ ней далеко,
Чтобы дышать свободно я могла!..
Нѣтъ, только слезы мнѣ однѣ остались,
Хотя, едва ль, и слезы не преступны!
Уйду отсюда — плакать на свободѣ...
Но что я вижу? Карлосъ,—прочь скорѣй!
Боюсь я съ нимъ желанной сердцу встрѣчи,
Меня предать и взглядъ, и рѣчи могутъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ИЗАБЕЛЛА и ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Донъ Карлосъ.

Что съ вами, королева?... вы блѣдны,
Встревожены, какъ будто... удалиться
Стараетесь поспѣшно... неужель
Своимъ я огорчилъ васъ появленьемъ?
Ужель и вы, какъ всѣ, меня бѣжите?..

Изабелла.

Принцъ...

Донъ Карлосъ.

Знаю хорошо я, что ко мнѣ
Весь дворъ отца и короля враждебенъ,
Что отъ меня, какъ отъ чумы бѣгутъ...
Что въ каждомъ взорѣ прочитать могу я
Къ себѣ вражду, и ненависть, и злобу,
Что зависти исполнены ко мнѣ
Всѣ приближенные Филиппа — явной...
(Скрывать ее имъ даже нѣтъ причины:
Всѣмъ ненависть отца ко мнѣ извѣстна);
Но въ васъ я чувствъ такихъ не ожидалъ.
Вы доброты исполнены, не злобы,
Родились вы не подъ суровымъ небомъ
Испаніи... и воздухъ нашъ тлетворный
Души прекрасной вамъ не отравилъ;

Мнѣ странно непривычную холодность
Въ васъ видѣть эту...

Изабелла.

Вы неправы, принцъ,
Такая, какъ всегда я... если можно
Здѣсь только неиспорченною быть!
Но родины живыя впечатлѣнья,
Развившія мнѣ душу на добро,
Здѣсь надо мной не потеряли власти:
Онѣ живутъ въ душѣ неизгладимо,
И заглушить ихъ — навсегда безсильны
Обычаи суроваго двора!
Я знаю все донъ-Карлосъ: ваше горе,
Страданья отъ обидъ незаслуженныхъ,
И къ вамъ полна сочувствіемъ, скорблю я
За васъ душой...

Донъ Карлосъ.

Что слышу?.. Свѣтлый мигъ!
Вы за меня скорбите, королева?
Какъ счастливъ я! Какъ щедро я судьбою,
За бѣдствія свои вознагражденъ!
Но, если такъ... то знайте жъ, королева,
Что я свои тяжелыя страданья
Безропотно съумѣлъ бы перенесть,
Когда бы мысль мою не отравляло
О вашей горькой участи сознанье!
Вотъ, что меня несказанно терзаетъ
И мучаетъ, хотѣлъ бы я...

Изабелла.

Я жду,
Что время участь нашу перемѣнитъ,
И будущее станетъ намъ сноснѣй...
Я не могу себя назвать счастливой,
Но, для чего вы за меня скорбите?
Вамъ больше горя выпало на долю,
Чѣмъ мнѣ, донъ-Карлосъ...

Донъ Карлосъ.

И обидно вамъ

Незваное, безсильное участье,
Тогда какъ ваши теплыя слова,
Однѣ мирятъ меня съ моей судьбою...

Изабелла.

Значенія придать моимъ словамъ
И чувствамъ вы хотите слишкомъ много...

Донъ Карлосъ.

О нѣтъ! не много! — нѣтъ въ душѣ людей
Святѣе чувства—къ ближнимъ состраданья!
Сочувствіе — высокій даръ небесъ,
Скорбящихъ душъ живительное благо!
Оно всесильно! въ радость обратить
Оно одно печаль и горе можетъ!
И вѣрьте мнѣ, ужъ не несчастны тѣ
Кто въ общемъ горѣ, общую отраду,
Страдая вмѣстѣ, отыскать съумѣютъ!..

Изабелла.

Я на участье къ вамъ имѣю право...
Игрой судьбы — я мачихою вамъ,
Но чувствами не мачиха; едва ли
Не каждый разъ, какъ вижу я Филиппа
(Хоть и во мнѣ боязнь къ нему сильна),
Я говорить о васъ начать хочу...
И вѣрю я, я защитить съумѣю
Убитаго, обиженнаго сына
Отъ гнѣва раздраженнаго отца ..

Донъ Карлосъ.

Нѣтъ доступа къ жестокому Филиппу!
Но еслибъ даже страха не вселялъ
Во всѣхъ король, — вы говорить не вправѣ,
И не должны, въ мою защиту, съ нимъ...
Всѣхъ бѣдъ моихъ — невольною причиной
Не онъ, вы сами!

Изабелла.

Я? виною бѣдъ?

Донъ Карлосъ.

Къ несчастію, святая это правда!
Страданія узналъ я съ той поры,

Какъ васъ, мою желанную невѣсту,
Филиппъ со мною разлучилъ на вѣкъ!

Изабелла.

Не вспоминайте; время тѣхъ надеждъ
Минутныхъ и несбывшихся — минуло!

Донъ Карлосъ.

Во мнѣ не гаснетъ память о быломъ!
Душа моя легко не разстается
Съ мечтой о счастьи!... самъ отецъ во мнѣ
Посѣялъ этѣ свѣтлыя надежды!
Онъ самъ, какъ будто, ими утѣшался
И поощрялъ, пока жестокой мысли
Не поддался: рукою самовластной
Разрушить имъ же созданныя узы!..

Изабелла.

Принцъ...

Донъ Карлосъ.

Подданный суроваго монарха,
Безгласный сынъ свирѣпаго отца,
Что могъ я дѣлать?.. покориться молча
И затаить на сердцѣ — даже слезы!
Вѣдь мнѣ законъ — его слѣпая воля!
Но, еслибъ онъ понять способенъ былъ,
Что стоить мнѣ могло повиновенье,
Что стоить мнѣ молчаніе могло!
Какихъ нечеловѣческихъ усилій
Мнѣ стоило въ душѣ преодолѣть
Живое чувство — передъ долгомъ... новымъ,
Чтобъ въ самой мысли — мыслью недостойной
Вашъ чистый образъ мнѣ не осквернить...
И я достигъ (тому свидѣтель небо)
Побѣды въ этой тягостной борьбѣ,
Въ слезахъ влача томительныя ночи
И тяжко нескончаемые дни...
И чтожъ? не оцѣнивъ моихъ страданій,
И подвига во мнѣ не оцѣнивъ,
За пытки всѣ, что вынесъ я, въ награду
Меня возненавидѣлъ мой отецъ!

Изабелла.

Нѣтъ, въ обвиненьи вашемъ вы неправы—
Отецъ не можетъ сына ненавидѣть!
Неласковъ съ вами онъ, несправедливъ
Порою даже... но всему виною
Характеръ подозрительный его;
Васъ дворъ не любитъ — ваша рѣчь смѣла,
Временщики ея не переносятъ,
И пользуясь довѣріемъ Филиппа,
Гнѣвъ противъ васъ поддерживаютъ въ немъ.

Донъ Карлосъ.

Не знаете отца вы моего,
И дай вамъ Богъ, чтобъ никогда Филиппа
Узнать вамъ не пришлося... Правы вы,
Что дворъ меня не любитъ (и за дѣло!), —
При вашемъ благородномъ, честномъ сердцѣ
Нельзя имѣть вамъ даже и понятья,
Что за притонъ безчестный — этотъ дворъ!
Одинъ Филиппъ—жестокостью и злобой
Свой превзойти умѣетъ дворъ презрѣнный;
Меня онъ ненавидитъ—и кругомъ
Доволенъ встрѣтить рабскую потачку
Природу возмущающему чувству,
Но сердцу онъ послушенъ, не придворнымъ!
Ему порой довольно только вспомнить,
Что онъ отецъ,—и гнѣвъ въ его душѣ
Вскипаетъ бурей... я до этихъ поръ,
Покорный сынъ, не нарушалъ почтенья
Къ нему въ рѣчахъ... но если, наконецъ,
Во мнѣ терпѣнье лопнетъ... и изъ устъ
Моихъ потокомъ—сдержанное чувство—
Въ словахъ прорвется, вѣрьте—отъ меня,
Онъ жалобъ и упрековъ не услышитъ,
Ни за мою поруганную честь,
Безвинно, ни за всѣ мои обиды,
Ни даже за неслыханное въ мірѣ,
Въ груди отцовской ненависти чувство,
Но онъ отвѣтитъ мнѣ, и тяжело
И больше, чѣмъ жестоко онъ отвѣтитъ

За то, что васъ отнявъ отъ сердца сына,
Все благо жизни отъ меня онъ отнялъ!

Изабелла.

Остановитесь, принцъ! Забыли вы,
Что объ отцѣ со мною говорите...

Донъ Карлосъ

Простите мнѣ невольный сердца взрывъ:
Въ немъ накипѣла горечь. Не однажды
Я высказать вамъ этого не смѣлъ...

Изабелла.

И не должны высказывать, какъ слушать
Васъ не должна я...

Донъ Карлосъ.

Если началъ я,
То кончить долженъ! часть моихъ страданій
Узнали вы, узнайте...

Изабелла.

Слушать васъ
Я не могу.

Донъ Карлосъ.

Какъ тяжело молчанье,
Когда осталось много такъ сказать!
Моей надежды...

Изабелла.

Даже тѣнь надежды,
Принцъ, въ вашемъ положеніи, преступна!

Донъ Карлосъ.

Неужели жъ преступно думать мнѣ,
Что ненависти я къ себѣ не встрѣчу
Въ васъ, королева?

Изабелла.

Ненавидѣть васъ—
Должна я буду, ежели услышу
Отъ васъ признанье дерзкое...

Донъ Карлосъ.

Въ любви!
Такъ ненавидьте жъ, Изабелла... больше

Я сдерживать себя не въ состояньи,
Я страстно васъ, несказанно люблю!
Пускай изъ вашихъ устъ король узнаетъ
Мою вину...

Изабелла.

Я? обвиню васъ принцъ?...

Донъ Карлосъ.

Да, если я виновенъ...

Изабелла.

Не одни вы
Виновны въ этомъ!...

Донъ Карлосъ.

Боже! я любимъ!..

Изабелла.

О горе мнѣ! что я произнесла!...
Нѣтъ, вы меня не поняли, не то я
Сказать хотѣла... Сжальтесь надо мной!
Забудьте скорбью вызванное слово!..
Меня оставьте... вспомните, кто я:
Я мачиха вамъ, принцъ, и... королева,
Мы оба оскорбляемъ честь Филиппа,
Я слушая васъ, вы же говорить
О безразсудныхъ чувствахъ продолжая...

Донъ Карлосъ.

Вы безразсудствомъ не сочли бы ихъ,
Когдабъ понять могли, какъ я страдаю...
Что стоитъ мнѣ—васъ, Изабелла, видѣть
Супругою... въ объятіяхъ другого!
Неужели жъ не въ правѣ я скорбѣть,
Оплакивать потерянное благо?
Неужели, я осужденъ—не смѣть
На васъ глядѣть и любоваться вами!
Неужели въ почтительныхъ словахъ,
О сердца наболѣвшаго страданьяхъ
Вамъ высказать рѣшившись, долженъ я
Навлечь вашъ гнѣвъ и...

Изабелла.

Отъ меня бѣгите!

Бѣгите прочь изъ этого дворца!
О, сжальтесь! дайте мнѣ дышать свободно!..

Донъ Карлосъ.

Куда могу я скрыться отъ отца?
Побѣгъ дастъ поводъ къ новымъ обвиненьямъ,
А я кажусь и безъ того преступнымъ
Ему довольно,—хоть не знаетъ онъ
Моей вины дѣйствительной...

Изабелла.

Когда бы
И отъ меня ее могли вы скрыть!—

Донъ Карлосъ.

Зачѣмъ? я васъ признаньемъ оскорбилъ?
Чтожъ?—буду я вполнѣ за то наказанъ..
Позвольте только мнѣ остаться здѣсь,
И, если не умру я отъ печали,
Филиппъ отмститъ за васъ мнѣ: онъ рѣшилъ
Давно въ своемъ безчеловѣчномъ сердцѣ,
Мою погибель, смерть ему моя
Нужна; вполнѣ свою я участь знаю!
Но дайте мнѣ одно лишь утѣшенье,
Вблизи отъ васъ, позвольте умереть!

Изабелла.

Мнѣ жаль васъ принцъ, за васъ страшуся я,
И не могу на васъ сердиться даже
За вашу страсть, но именемъ любви
Ко мнѣ, отъ васъ потребую я жертвы:
Когда меня вы любите, бѣгите
Отсюда прочь, бѣгите отъ отца...

Донъ Карлосъ.

Но если не могу я... и не въ силахъ?..

Изабелла.

Тогда, я принцъ, приказываю вамъ
Встрѣчь избѣгать со мною;—королевы
Должна быть незапятнанною честь..
Я дорожу ей, какъ и вашей славой...
Отъ обвиненій ложныхъ оправдаться

Передъ Филиппомъ, Карлосъ, вы должны —
Вы жить должны, не умерать. Живите
И знайте: чистота моя при мнѣ
Должна остаться—но душа на вѣки
И сердце вамъ принадлежатъ отнынѣ,
Хоть отъ меня должны вы удалиться.
Я не хочу встрѣчать васъ, слушать васъ
Я никогда не стану больше, скрыта
Моя любовь къ вамъ, Карлосъ, ото всѣхъ,
Пускай отъ насъ самихъ ее мы скроемъ!
Вы благородны Карлосъ, вы должны
Понять и оцѣнить мое рѣшенье
И даже, если можете, забыть
О всемъ, что мы сейчасъ здѣсь говорили.

(уходитъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Донъ Карлосъ *(одинъ)*

Забыть! скрывать въ душѣ своей любовь,
Не говорить съ ней и ея не видѣть,
И знать притомъ, что я любимъ взаимно —
О, сколько горя и блаженства вмѣстѣ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ И ПЕРЕЗЪ.

Перезъ.

Ищу васъ принцъ я долго—но въ какой
Я васъ тревогѣ застаю... что съ вами?
Вы на себя—донъ-Карлосъ не похожи,
На васъ лица нѣтъ... Новая бѣда
Случилась развѣ?.. раздѣлите принцъ
Со мною горе ваше... нѣтъ отвѣта!
Иль недостоинъ вашего довѣрья,
Кто съ юныхъ лѣтъ, васъ любитъ всей душой
Кого считали другомъ вы когда-то?...

Донъ-Карлосъ.

Кто слово — другъ, здѣсь смѣлъ произнести?
Перезъ мой бѣдный — позабылъ ты, гдѣ мы?
Испанія — притонъ коварной лжи! ..
Вблизи дворовъ безчестныхъ не выносятъ
Названій даже самыхъ — чувствъ святыхъ...
Здѣсь ни любовь, ни дружба неумѣстны!
Да и къ чему послужитъ дружба намъ!
Мнѣ облегчить она не можетъ жребій;
Тебя она погубитъ безполезно!
Живи какъ всѣ... отдайся какъ и всѣ
Стремленію порочнаго потока,
Льсти, ползай и для выгоды кади
Тельцу златому, власти истукану! ..

Перезъ.

Рѣчей такихъ я принцъ не заслужилъ
Отъ васъ въ отвѣтъ на искреннее чувство,
За что меня равнять хотите вы
Съ презрѣнною толпой льстецовъ придворныхъ?...
Поклясться могъ бы я, когда бъ не зналъ
Ничтожность клятвы тамъ, гдѣ всѣ клянутся,
Чтобъ клятвѣ измѣнить потомъ смѣясь;
Но у меня донъ-Карлосъ сердце есть
Съ рукой твердой — для опоры друга,
Я вамъ даю ихъ — чувствъ моихъ въ залогъ...
Скажите жъ Карлосъ, мнѣ, кто васъ обидѣлъ?
И гдѣ вашъ врагъ? и гдѣ могу я встрѣтить
Опасность, чтобъ погибнуть ради васъ?...

Донъ-Карлосъ.

Нѣтъ у меня враговъ... отца почтить я
Такимъ названьемъ не хочу, не долженъ.
Объ немъ смолчу... всю остальную сволочь
Могу я только презирать — не больше...

Перезъ.

Король не правъ: въ своемъ напрасномъ гнѣвѣ
Питаетъ къ вамъ вражду онъ, безъ сомнѣнья,
Но потому, что правды онъ не знаетъ,
Которую стараются другіе
Искусно, ради пользъ своихъ, скрывать;

Но первый я все выскажу открыто
Ему въ глаза и прямо.

Донъ-Карлосъ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!
Слова и оправданья безполезны.
Король всю правду знаетъ, но ее
Онъ отъ себя скрываетъ самъ нарочно,
И ненавидитъ онъ меня на столько,
Чтобы ничьихъ совѣтовъ не послушать...

Перезъ.

Природы голосъ въ немъ заговоритъ...

Донъ-Карлосъ.

Для жалости — Филиппа сердце глухо...
Одно лишь небо развѣ чудомъ можетъ
Желѣзный духъ его смягчить отъ гнѣва.
И правоту мою признать заставить.
Но еслибъ я, Перезъ, виновенъ былъ
Я одному тебѣ свою защиту
Довѣрилъ бы... и никому другому...
Чѣмъ бо̀льшимъ доказать тебѣ могу,
Перезъ, я уваженье, и довѣрье?

Перезъ.

Позволивъ раздѣлить свою судьбу,
Чѣмъ будущее вамъ бы не грозило;
Чтобы я могъ во всемъ принять участье,
Что какъ нибудь касается до васъ...
Въ тяжелое, безсмысленное время,
Когда для гражданина нѣтъ пути,
Нѣтъ подвига другого, нѣтъ заслуги —
Я дружбѣ къ вамъ отдамся всей душой.

Донъ-Карлосъ.

Но развѣ ты не знаешь, что меня
Не легкій жребій въ жизни ожидаетъ?...

Перезъ.

Для сердца друга, въ мірѣ все легко,
И если правда, что печаль слабѣетъ
Когда она раздѣлена, я съ вами
Готовъ дѣлить страданій вашихъ бремя!

Донъ-Карлосъ.

Моя печаль во гробъ меня сведетъ,
Но я ни съ кѣмъ дѣлить ее не вправѣ,
Мнѣ суждено томиться и молчать,
Пока она со мною не погибнетъ.
Оставь меня великодушный другъ,
Тебѣ не облегчить моихъ страданій,
И не могу я за твое участье
Своей души передъ тобой открыть.
Оставь меня, молю тебя я снова —
Со мною дружнымъ быть не безопасно,
Одно припомни: врагъ я королю,
Филиппъ жестокъ, онъ не прощаетъ...

Перезъ.

Я ли
Опасности бояться стану, принцъ?
Мнѣ разрываетъ душу ваше горе,
Мнѣ недовѣрье ваше тяжело,
Но у́знавать не смѣю вашей тайны,
Довольно мнѣ, что вы ее скрывать
Считаете обязанностью вашей.
Я искрененъ — не на словахъ однихъ,
И одного у васъ себѣ прошу я —
Позволить, вмѣстѣ съ вами мнѣ грустить
И, съ вами умереть, — за васъ позволить.
Неужели жъ рѣшится отвергать
Меня и послѣ этого, донъ-Карлосъ?

Донъ-Карлосъ.

Нѣтъ, пусть свершится! вотъ моя рука!
Она залогъ союза рокового.
Пойдемъ вдвоемъ — и будь, что будетъ въ жизни!
Я всей душой тебя благодарю,
За то, что далъ ты мнѣ вкусить отраду,
Узнать святое дружбы наслажденье;
Отнынѣ я роптать уже не буду
На жребій свой; — я награжденъ съ избыткомъ
Твоею дружбой — за свои страданья.
О, какъ же я, униженный, убитый,
Счастливѣе тебя, Филиппъ суровый,
Ты жалости, не зависти достоинъ,

Съ мишурнымъ блескомъ — средь продажной лести,
Ты никогда словъ дружбы не услышишь...

АКТЪ II.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ФИЛИППЪ, ГОМЕЗЪ.

Филиппъ.

Гомезъ! скажи мнѣ, что всего дороже
Ты въ мірѣ цѣнишь?

Гомезъ.

Милость короля;
Я живъ однимъ его благоволѣньемъ,
Я жалокъ и ничтоженъ безъ него!

Филиппъ.

Какимъ путемъ ту милость за собою
Ты думаешь упрочить?

Гомезъ.

Тѣмъ путемъ,
Какимъ и достигалъ ее: молчаньемъ,
Съ слѣпымъ повиновеньемъ.

Филиппъ.

Твой король
Твоихъ услугъ потребуетъ сегодня...

Гомезъ.

Не ново для меня повиноваться,
Я былъ всегда...

Филиппъ.

Ты былъ всегда слугой
Филиппа вѣрнымъ, знаю, но такое
Сегодня дѣло, нашу мысль тревожитъ,
Такъ важнымъ мы для насъ его считаемъ,
Такого ждемъ мы отъ тебя усердья,
Что въ двухъ словахъ сочли мы неизлишнимъ
Тебѣ напомнить долгъ твой къ королю...

Гомезъ.

Я счастливъ мыслью, что Филиппъ узнаетъ
Вполнѣ усердье своего раба...

Филиппъ.

Тебѣ исполнить наше порученье
Не будетъ трудно,—одному тебѣ
Оно доступно; никому другому
Довѣриться мы въ этомъ не могли бы...
Сюда мы ожидаемъ королеву,
Услышишь ты, что будемъ говорить
Мы долго съ нею; ты-же, въ это время,
Весь долженъ обратиться во вниманье
И замѣчать за нею: чертъ лица
Малѣйшія подмѣтить измѣненья
Обязанъ ты, и въ звукъ ея рѣчей
Такъ вслушаться, чтобъ смыслъ ихъ затаенный
Тебѣ былъ ясенъ и не могъ укрыться
Отъ мысли проницательной твоей.
Тебѣ легко исполнить это дѣло,
Ты опытенъ и чутокъ и смышленъ,
Ты въ сердцѣ короля читать умѣешь
И мысль его, безъ слова, исполнять.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ФИЛИППЪ, ИЗАБЕЛЛА, ГОМЕЗЪ.

Изабелла.

Король, вы мнѣ явиться приказали...

Филиппъ.

Да, я васъ звалъ, есть дѣло у меня
И поводъ важный для бесѣды съ вами...

Изабелла.

Случилось развѣ съ вами что нибудь?

Филиппъ.

Могу-ль на васъ я смѣло положиться?
Нѣтъ! недостоинъ васъ такой вопросъ...
Кто мнѣ подать совѣтъ нелживый можетъ,
И откровенный вмѣстѣ, лучше васъ!

Изабелла.

Меня, король, вы звали для совѣта?..

Филиппъ.

Неужли это удивляетъ васъ?
Я васъ цѣню, вамъ вѣрю всей душою,
И если я трудовъ по управленью
Еще доселѣ съ вами не дѣлилъ,
То объяснять вы этого не вправѣ
Ни недостаткомъ къ вамъ любви супруга,
Ни малостью довѣрья короля.
Я одного всегда боялся только,
Что тяжкій трудъ правительственной ноши,
Какъ женщинѣ, вамъ будетъ не по силамъ,
И вашему здоровью повредитъ.
Но долженъ я къ совѣту вѣнценосной
Подруги обратиться потому,
Что встрѣтилося мнѣ такое дѣло,
Въ которомъ съ интересомъ королевства
Мой личный, тѣсно связанъ интересъ.
Но я хотѣлъ бы, прежде чѣмъ къ разсказу
Я приступлю, провѣдать ваше мнѣнье:
Что выше вы считаете, отца ли
Иль короля—отца народа—долгъ?

Изабелла.

Священны оба долга одинако...

Филиппъ.

Да, правы вы; но забываютъ то,
Иные, хоть должны бы были помнить!
Еще спрошу у васъ я, и надѣюсь
Услышать правду... Что мой сынъ? его
Вы любите, иль нѣтъ...

Изабелла.

Король!.. Я смѣю...

Филиппъ.

Довольно мнѣ, я понялъ васъ безъ словъ,
Когда не гласу истины, а сердцу
Покорны вы, то вы забыть хотите,
Что мачиха ему вы, а не... мать.

Изабелла.

Король, мнѣ принцъ...

Филиппъ.

Онъ дорогъ вамъ, я вѣрю...
Въ васъ значитъ, добродѣтель такъ сильна,
Что будучи супругою Филиппа,
Вы пасынка его *любить* готовы
Любовью... матери.

Изабелла.

Беру себѣ примѣръ
Я съ васъ во всемъ... Вы любите инфанта,
(Иль я такъ думать смѣю) — и его
Любить я также, какъ и вы готова.

Филиппъ.

Есть нѣжныя, высокія сердца
Въ нихъ *равнодушью*... мачихи... нѣтъ мѣста!
Цѣню я эти чувства... и, какъ мать,
Васъ попрошу теперь судьей быть сыну...

Изабелла.

Что вы, король, хотите отъ меня?

Филиппъ.

Вниманія къ печальному разсказу.
Мой сынъ мнѣ былъ единою отрадой,
Единою надеждой много лѣтъ,
До той поры, пока не надсмѣялся
Надъ всѣмъ, что добродѣтель намъ внушаетъ
И всѣхъ надеждъ отцовскихъ не разрушилъ
Поступками безпутными своими!
О, сколько разъ я, частыя паденья
Его прощалъ своимъ скорбящимъ сердцемъ,
И заставлялъ себя въ его поступкахъ
Одни порывы молодости видѣть...
Но, наконецъ, дошелъ стезей порока
До пропасти онъ тяжкихъ преступленій,
И вынужденъ я становлюсь... къ закону
И къ мѣрамъ наказанья прибѣгнуть!
Онъ мнѣ нанесъ такое оскорбленье,
Какому въ мірѣ не было примѣра,
Которому нѣтъ въ языкѣ названья,
Которомъ онъ... мнѣ пересталъ быть сыномъ!
Да, онъ не сынъ мнѣ... но, скажите мнѣ,

Что съ вами королева? вы дрожите,
Еще не зная дѣла, какъ же послѣ,
Узнавъ его, вы станете дрожать?
Вы слышали, конечно, не однажды,
О дерзкихъ смутахъ, замыслахъ безумныхъ
Мятежныхъ шаекъ, противъ нашей власти
Въ колоніяхъ, подвластныхъ намъ, возникшихъ.
Мятежники, не знающіе Бога,
На наше право посягнуть дерзнули!
Не мало намъ заботъ, издержекъ, крови,
Законное ихъ усмиренье стоитъ.
Не пощадимъ, однако, мы дальнѣйшихъ
Ни тратъ, ни крови, чтобы наше право,
Престолъ и жизнь незыблемымъ оплотомъ
Отъ ихъ злоумышленій оградить...
Достойное отъ насъ они возмездье
За злодѣянія свои получатъ,
Безъ жалости напрасной мы раздавимъ
Ихъ нашею державною пятою!
Въ свидѣтели беремъ мы въ этомъ небо,
Никто изъ нихъ пощады не увидитъ.
Отплатимъ мы достойно непокорнымъ
И подданству ихъ смертью научимъ.
Но что всего для насъ прискорбнѣй въ этомъ
Тяжеломъ дѣлѣ, что всего больнѣй,
Для нашего страдающаго сердца,
Что мы должны единственнаго сына
Съ мятежниками вмѣстѣ наказать!

Изабелла.

Какъ! принцъ...

Филиппъ.

Онъ покусился на измѣну!
Съ бунтовщиками Карлосъ заодно,
Онъ съ ними былъ въ преступной перепискѣ
(Захваченныя письма мы имѣемъ),
Въ сношеньяхъ тайныхъ, и коварной рѣчью
Онъ поощрялъ ихъ замыслы открыто!
Увѣрены мы въ этомъ, къ сожалѣнью!
О, королева! посудите сами,
Какъ должно разрываться наше сердце

Отъ знанія такой его измѣны!
Скажите сами вы—чего достоинъ,
По строгой справедливости, подобный
Сынъ извергъ?

Изабелла.

Вамъ мой нуженъ приговоръ?..

Филиппъ.

Обдумайте серьезно вы сначала,
И послѣ изрѣките ваше мнѣнье,
Не опасаясь короля обидѣть,
Иль растерзать несчастнаго отца...

Изабелла.

Я одного боюсь—обидѣть правду;
Вблизи престола, не легко порою
Въ подобномъ дѣлѣ истину узнать
И различить невиннаго съ виновнымъ.

Филиппъ

Здѣсь дѣло не въ различьи, если я...
Когда король вамъ говоритъ: *виновенъ*.
Кто, такъ какъ я, хотѣлъ бы, чтобы все
Что знаю я о сынѣ, было ложно!

Изабелла.

Вы говорили съ нимъ?

Филиппъ.

Не говорилъ...
Напрасно ждать отъ Карлоса сознанья,
Тщеславенъ онъ, заносчивъ, дерзокъ, гордъ,
Онъ противъ самыхъ ясныхъ доказательствъ
Навѣрное запрется. Говорить
Я не хотѣлъ еще и потому,
Чтобъ время дать въ груди моей улечься
Порывамъ гнѣва,.. но теперь могу
Спокойно интересы королевства
Я обсуждать... хотя отцовскій голосъ
Еще досель въ груди моей не замеръ...

Изабелла.

Прислушайтесь къ внушеніямъ его!
Нѣтъ голоса за истину сильнѣе!

Быть можетъ, Карлосъ менѣе виновенъ,
Чѣмъ кажется—я даже думать смѣю,
Что можетъ оказаться онъ невиннымъ.
Но, какъ бы очевидна не была
Его вина—вы съ нимъ поговорите
И взвѣсьте, какъ отецъ, его отвѣты...
Кто предъ отцомъ вѣрнѣе сына можетъ
Посредникомъ, защитникомъ быть сыну?
Я знаю, Карлосъ гордъ, но вы ему
Отцовское вниманье окажите,
И сердце сына, вѣрьте мнѣ, растаетъ
Передъ отцовской лаской. Вы строги,
Вы холодны порою съ нимъ сурово,
Присутствье ваше въ немъ вселяетъ страхъ,
А это заставляетъ инстинктивно
Его отъ васъ съ боязнью удаляться
И недовѣрчивость рождаетъ въ немъ
Взамѣнъ любви... Воротится навѣрно
Все прошлое въ его младое сердце
Отъ вашей ласки... если даже въ немъ
И глохнетъ добродѣтель... хоть едва-ли
Она въ немъ глохнетъ. Подданнымъ—король,
Имъ проявляйтесь въ блескѣ грозной власти,
Съ отцовскимъ взоромъ обратитесь къ сыну.
Чего нельзя довѣрчивою лаской
Съ великодушнымъ юношей достигнуть!
Считаете вы Карлоса виновнымъ
(Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ онъ увлекся)—
Пусть гнѣвъ вашъ справедливый разразится
Надъ сыномъ вашимъ,.. но наединѣ...
Отцовскій гнѣвъ дѣйствителенъ, но кротокъ—
Нѣтъ сына, чтобъ ему не покорился!
И каждый звукъ исполненный печали
И нѣжной грусти, слышной даже въ гнѣвѣ,
Въ сыновнемъ сердцѣ, вѣрьте, вызываетъ
Раскаянья и скорби горькой больше,
Чѣмъ сотня приговоровъ безсердечныхъ!
Послушайтесь души своей великой,
Которая о наказаньи сына
Заботясь, ради блага королевства,

О юности его не забываетъ,
Алкая милосердья и прощенья!
Прислушайтесь, какъ Карлосу порою
Хвалы вокругъ престола раздаются:
Онъ энергиченъ, смѣлъ, великодушенъ.
Отбросьте прочь отъ сердца подозрѣнья
О проискахъ, измѣнахъ—недостойно
Филиппа ихъ страшиться!—пусть боятся
Измѣны тѣ, кто заслужилъ измѣну!

Филиппъ.

Прекрасенъ вашъ защиты подвигъ смѣлый:
Вы, вы однѣ о голосѣ природы
Могли такъ *страстно* королю напомнить,
Другіе не взялись бы такъ усердно
За дѣло принца. Участь королей
Печальна въ мірѣ! Кто отъ насъ свободно
Влеченьямъ сердца предаваться смѣетъ?
Кто ихъ признать дерзнетъ и въ нихъ сознаться?
Ихъ схоронить въ душѣ мы молчаливо
Должны и офиціально притворяться,
Пока живое чувство не прорвется
Живительнымъ потокомъ... Я узналъ
Изъ вашихъ словъ яснѣй, сверхъ ожиданья,
Все, что желалъ... и какъ невиненъ принцъ,
Мнѣ кажется, когда его невиннымъ
Считаете вы такъ... краснорѣчиво.
Гомезъ, сюда вы принца пригласите.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ФИЛИППЪ, ИЗАБЕЛЛА.

Филиппъ.

Увидите теперь вы, королева,
Что быть отцомъ еще не пересталъ я,
Хоть и гнететъ предчувствіе мнѣ душу,
Что можетъ быть, впослѣдствіи, придется
Мнѣ выдержать величія оковы
За оскорбленье власти королевской!

Изабелла.

Предчувствія дурныя—понапрасну
Насъ мучаютъ порой, но вотъ и принцъ,
Позвольте мнѣ отсюда удалиться.

Филиппъ.

Напротивъ, вы остаться здѣсь должны.

Изабелла.

Зачѣмъ же? мысль мою вы знать хотѣли,
Я высказала все вамъ, какъ могла,
Къ чему-жъ теперь между отцемъ и сыномъ
Я, мачиха, останусь понапрасну?..

Филиппъ.

Свидѣтель мнѣ небезполезный вы,
Вы мачиха по имени лишь только,
А имя забывается порою...
Пусть Карлосъ васъ увидитъ здѣсь; ему
Вашъ видъ пріятенъ... пусть же онъ узнаетъ,
Что жаркою защитницею были
Вы предо мной и выхваляли смѣло
Его отвагу, сердце и... любовь!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ФИЛИППЪ, ИЗАБЕЛЛА, ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ГОМЕЗЪ.

Филиппъ.

Приблизьтесь, принцъ. Скажите, кто виною,
Что сыномъ васъ я называть не властенъ,
Хотя живетъ во мнѣ потребность сердца,
Потребность кроткой нѣжности отцовской?
Зачѣмъ всегда, когда я съ вами вмѣстѣ,
Я не отецъ для васъ, я—вашъ король?
И почему, когда любви сыновней
Я въ васъ не вижу—въ то же время долженъ
Карать въ васъ къ королю неуваженье?

Донъ-Карлосъ.

Король, я пріученъ сносить обиды,
Хотя и вижу, что на этотъ разъ
Я вами обвиняюсь въ чемъ-то новомъ,

Не ново мнѣ одно: мое молчанье.
Угодно вамъ считать меня виновнымъ
И значитъ — я виновенъ въ самомъ дѣлѣ,
Хоть признаюсь — вины я за собою
Не чувствую, а только грусть одну,
Что вы меня опять вините въ чемъ-то,
Могу-ль, по крайней мѣрѣ, я узнать
Моихъ несчастій новую причину,
Мою вину?

Филиппъ.

Любовь всему виной,
Которой въ вашемъ жосткомъ сердцѣ мало
Къ отечеству, и вовсе нѣтъ къ отцу!
Вы легкомысленны при этомъ; — ложнымъ слухамъ
Врагами распускаемымъ про насъ
Вы слѣпо поддаетесь, ухищреній
Не видите и, дѣлаясь преступнымъ,
Не замѣчаете...

Донъ-Карлосъ.

Доволенъ я и тѣмъ,
Что вы вины моей дурной натурѣ
И злобѣ не хотите приписать.
Исправиться мнѣ значитъ есть надежда?
Со временемъ могу я научиться
Какъ долженъ я любить свою отчизну,
Какой любви вы отъ меня хотите,
И что мнѣ дѣлать — чтобы слухамъ ложнымъ
И лже-пророкамъ вѣры не давать.

Филиппъ.

Вы молоды — не знаете, конечно,
Что каждый шагъ вашъ, несогласный строго
Съ закономъ долга, каждое движенье,
Превратное движенье вашей мысли,
Вашъ видъ, и рѣчь, и поступь — отражаютъ!
Путь зла ведетъ на вѣрную погибель,
То, въ чемъ предъ мной обвинены вы,
Я, какъ отецъ, еще признать согласенъ
Ошибкою сознанья молодаго,
назову тъ иначе...

Донъ-Карлосъ.

Но въ чемъ же, наконецъ, я обвиненъ?

Филиппъ.

Напрасно вы хотите запираться...
Вы — Карлосъ, знать должны, извѣстны намъ
Не только всѣ поступки ваши — мысли,
Какъ ихъ вы не хотѣли бы скрывать.
Теперь на васъ сошлюсь я, королева,
На пасынка вы вашего взгляните,
Меня страшитъ въ немъ не его виновность,
Страшитъ меня упорство несознанья.

Донъ-Карлосъ.

О, скоро ль пытка кончится! Скажите,
Въ чемъ мнѣ сознаться? въ чемъ я обвиненъ?

Филиппъ.

Проступковъ много зная за собою
Въ смущеньи вы, не зная о какомъ
Я говорю изъ нихъ, а догадаться
Не мудрено. Припомните сношенья,
Которыя вы завели секретно
Съ бунтовщиками... назначая имъ
Свиданья, хоть они дневнаго свѣта
Боятся... и какъ тати, до зари,
Украдкой появляются въ столицу.
Признайтеся... вы долгое свиданье
Съ батавскимъ представителемъ имѣли,
Явившимся, какъ будто, съ изъявленьемъ
Покорности, а въ чорномъ сердцѣ мысли
Питавшемъ о возможности измѣны?

Донъ-Карлосъ.

Не знаю, для чего моимъ дѣламъ
Угодно придавать вамъ смыслъ преступный...
Съ Батавцемъ точно долго говорилъ
О положеньи дѣлъ его страны я,
Свое участье выражалъ ему
Я къ бѣдствіямъ его отчизны дальней,
Но... тоже я хотѣлъ бы повторить
И передъ вами... и я думать смѣю,

Исполнились бы жалости вы сами
Къ невыносимой участи колоній,
И дали бы имъ милостиво льготы,
Когда бъ отъ васъ усердно не скрывали
Всѣхъ бѣдствій, до какихъ доведены
Они отъ управленія дурнаго
Министровъ вашихъ—самовластныхъ, злыхъ,
Бездарныхъ, недоступныхъ и жестокихъ
(Отвѣтственности даже не несущихъ!);
Къ чему скрывать! я сострадаю, да,
Батавіи страданіямъ тяжелымъ,
Но развѣ захотѣть могли бы вы,
Чтобъ сынъ Филиппа былъ съ душею черствой?
Чтобъ съ равнодушіемъ постыднымъ онъ
Къ страданьямъ вашихъ подданныхъ отнесся?
За дѣло это слишкомъ горячо
Принялся я, быть можетъ, но иначе
Я не могу—хотѣлъ я все узнать...
Чтобы потомъ всю правду передъ вами
Открывъ—успѣть и васъ склонить на милость...
Что жъ? развѣ преступленіе для сына—
Считать отца способнымъ къ милосердью?
Король! вы представитель на землѣ
Царя небесъ, но милосердьемъ только!
Я все сказалъ. Когда преступенъ я,
Иль все-таки кажуся вамъ преступнымъ,
Вы, мой король—властны во всякой карѣ...
Безропотно я наказанье встрѣчу...
Не выдержу я только однаго:
Безчестнаго въ измѣнѣ подозрѣнья!

Филиппъ.

Довольно, принцъ—я вижу, не погасъ
Въ васъ гордости избытокъ благородной,
Но опытности мало въ васъ, и трудно
Вамъ проникать въ соображенья наши,
Да и не должно. Въ молодой груди
Кипятъ зачатки доблести отважной,
Но пылкость—хладнокровію мѣшаетъ.
Понятно мнѣ: за истину стоять
Стремитесь вы, какъ юноша, но мудрость

Однимъ тяжелымъ опытомъ дается;
Въ правителяхъ благоразумье цѣнятъ,
А не порывы жаркихъ увлеченій.
Когда въ васъ міръ увидитъ короля,
И станетъ вамъ Европа удивляться,
Узнаете вы сами, безъ сомнѣнья,
Что часто—отъ излишка милосердья
До посмѣянія достигнешь только.
Но кончимъ это; вы во мнѣ найти
Желали милосердье—и съискали,
Но, только къ вамъ однимъ, а не къ другимъ;
Въ поступкахъ нашихъ отдавать отчеты
Несообразно съ нашимъ положеньемъ...
Но, мы во всемъ, всегда, пребудемъ тверды
И нѣтъ отъ насъ пощады недостойнымъ!
Васъ мы прощаемъ;—горячо за васъ
Сама просила королева,—ей вы
Обязаны прощеньемъ, а не намъ...
Она еще, донъ-Карлосъ, васъ считаетъ
Достойнымъ нашей и... своей любви,
Мы вѣримъ ей... и уваженья больше
Отъ васъ впередъ надѣемся увидѣть!
Надеждой льстимъ себя, что захотите
Вы поддержать къ себѣ, принцъ, нашу милость...
Вотъ, королева, вѣрный вамъ залогъ
Того, на сколько наши взгляды сходны,
И я, какъ вы, все принцу извиняю,
И я, какъ вы, стремлюсь... его любить!

Изабелла.

Король!...

Филиппъ.

О! да, я много вамъ обязанъ,
Вы облегчить мое съумѣли сердце,
И снова имя сына дорогое
Я, какъ отецъ, произнести могу!
Тебѣ—мой сынъ... я отъ души желаю
Не разрушать надежды королевы
Тебя къ себѣ надолго привязать,
Признательностью... за ея защиту.
А васъ я, королева, попрошу

Чтобъ сердце сына направлять... ко благу,
Почаще съ нимъ видаться и... ласкать,
И быть ему защитой и надзоромъ.
Я вѣрю, что полезно для него
Сближенье это съ мачихою будетъ,
И избѣгать онъ этѣхъ встрѣчь не долженъ,
Отнынѣ впредь—такая наша воля!

Донъ Карлосъ.

Прощеніе! какъ горько для меня
Названье даже, даже слово это!
Но, ежели принять я отъ отца
Его съ смиреньемъ долженъ—и обязанъ
Я имъ, притомъ, защитѣ королевы,
То одного прошу себѣ у неба,
Чтобъ никогда впередъ мнѣ не пришлось
Узнать прощенья снова стыдъ...

Филиппъ.

Не стыдно
Прощенье получать, но только надо
Скорѣй загладить прошлое стараться.
Но, будетъ: о моихъ словахъ размысли...
Вы, королева, между тѣмъ, въ покои
Свои теперь свободны возвратиться,
Я къ вамъ приду сейчасъ же, а теперь
Серьезнымъ дѣломъ надо мнѣ заняться...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Филиппъ, Гомезъ.

Филиппъ.

Все видѣлъ?

Гомезъ.

Все...

Филиппъ.

Все слышалъ?

Гомезъ.

Слышалъ все...

Филиппъ.

Я весь дрожу отъ бѣшенства и злобы!
Итакъ, сомнѣнья наши?..

Гомезъ.

Съ этѣхъ поръ
Ужъ не сомнѣнья больше—достовѣрность...

Филиппъ.

И я позоръ подобный выношу,
И не отмстилъ еще Филиппъ обиды...

Гомезъ.

Я думаю...

Филиппъ.

Иди теперь за мной,
Ты мысль свою мнѣ выскажешь дорогой.

АКТЪ III.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ИЗАБЕЛЛА.

Донъ-Карлосъ.

Простить меня прошу васъ, Изабелла,
Что снова я искать себѣ позволилъ
Свиданья съ вами, въ этотъ поздній часъ,
Черезъ посредство вѣрной вамъ Эльвиры;
Но то, что сообщить я вамъ имѣю
Для вашего спокойствія такъ важно,
Что цѣль благая, мой поступокъ дерзкій
Должна вполнѣ предъ вами оправдать...

Изабелла.

Что надо вамъ?... Зачѣмъ меня въ покоѣ,
Оставить вы, донъ-Карлосъ, не хотите,
Преслѣдуя меня такъ неотступно?
И безъ того—душевною тревогой
Истомлена я...

Донъ-Карлосъ.

Все я это знаю,
Но двухъ минутъ отъ васъ прошу я только

Вниманія... и я оставлю васъ,
Чтобы своей печали одинокой
Предаться вновь... Сегодня короля,
Вы за меня просили, Изабелла...
Вы сдѣлали жестокую ошибку
(Я васъ просилъ сюда—сказать вамъ это),
Дай только Богъ, чтобъ за нее тяжелымъ
Послѣдствіямъ подвергнулся одинъ я!
Повѣрьте мнѣ—игралъ въ великодушье
Филиппъ... въ немъ нѣжность—только маска,
И, чѣмъ добрѣй и ласковѣй онъ съ виду,
Тѣмъ мысль его коварнѣй и чернѣй...
Страшнѣе гнѣва мнѣ его прощенье,
И новыхъ бѣдъ невольно я страшусь...
О, Изабелла! для людей жестокихъ
Нѣтъ выше оскорбленья, нѣтъ обиды,
Которой выносить они не могутъ...
Какъ близость доброты нелицемѣрной;
А вы, давъ волю любящему сердцу,
Такой избытокъ чувства показали,
Что, знаю я, въ немъ закипѣла злоба
И сталъ врагомъ онъ вашимъ съ этѣхъ поръ...
И никогда ни съ страхомъ, ни съ боязнью
Я не знакомый—въ сердцѣ инстинктивно
Сталъ чувствовать какой-то ужасъ тайный,
Предчувствіе грозы неотразимой!
Онъ говорилъ со мною непривычнымъ,
Отцовскимъ языкомъ... о горе! горе!
Прошу васъ, умоляю... никогда вы
Съ нимъ больше обо мнѣ не говорите.

Изабелла.

Онъ говорить со мною первый сталъ,
Онъ добивался отъ меня отвѣта,
И таялъ гнѣвъ его—отъ словъ моихъ,
И нѣжное въ немъ чувство пробуждалось...
Онъ искренъ былъ;—ко мнѣ еще недавно
Зашелъ онъ снова, началъ говорить
О васъ опять такъ нѣжно—и заплакалъ...
Повѣрьте мнѣ—нельзя такъ притворяться?
Онъ любитъ васъ: возможно ли отцу

Не знать любви къ единственному сыну.
Ослѣплены вы страстью, донъ-Карлосъ,
Въ немъ ненависть къ себѣ предполагая,
И если вы къ нему не справедливы,
То, я одна, увы! тому причиной.

Донъ Карлосъ.

Не знаете отца вы моего,
Да и меня не знаете—ему я
Прощаю все, но не могу простить,
Что отъ меня одно онъ благо отнялъ,
Которому и самъ цѣны незнаетъ,
Которымъ онъ владѣетъ безъ заслуги;
О, еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ
Счастливою васъ сдѣлать, Изабелла,
Когда бъ, какъ я...

Изабелла.

Остановитесь, принцъ,
Вы обѣщались мнѣ, что не коснетесь
Въ бесѣдѣ нашей—вашихъ личныхъ чувствъ.
Я ухожу—и успокойтесь, вѣрьте
Что съ этихъ поръ обдумывать я стану
Мысль каждую, бесѣдуя съ Филиппомъ...
И я, какъ вы,.. бояться начинаю,
Но не отца боюсь я, Карлосъ... сына.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Донъ Карлосъ *(одинъ)*.

О чистое, о свѣтлое созданье!
Такъ много вѣры, чувствъ... и для чего?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ, ГОМЕЗЪ.

Донъ Карлосъ.

Кто тутъ?

Гомезъ.

Я, принцъ. Сейчасъ король здѣсь будетъ;
Увидя васъ—я пользуюсь минутой,

Чтобъ передать вамъ, какъ доволенъ я,
Что въ милости вы снова у Филиппа,
Повѣрьте мнѣ—я такъ васъ уважаю,
Что навсегда—пока имѣть вліянье
На короля я буду, вамъ защитой
Нелицемѣрной и оплотомъ твердымъ...

(оглядывается)

Ушелъ!... гордецъ! какъ ты не остороженъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ФИЛИППЪ, ГОМЕЗЪ, ПЕРЕЗЪ, ЛЕОНАРДО И ПРИДВОРНЫЕ.

Филиппъ.

Приблизьтесь слуги вѣрные мои
Я на совѣтъ созвалъ васъ чрезвычайный —
Услышать вы должны о важномъ дѣлѣ,
Такъ важномъ, что сбираясь говорить
Я чувствую, что ужасъ мнѣ всѣ члены
Мои сковалъ—и кровь хладѣетъ въ жилахъ;
Застыли слезы на глазахъ моихъ,
Въ моей груди стѣсненной глохнетъ голосъ,
Отказываясь въ звукахъ передать
Страданія отравленнаго сердца,
Но, я молчать не властенъ: долгъ велитъ мнѣ
Все высказать для блага королевства,
Собой ему пожертвовать я долженъ
И, кто бы могъ изъ васъ тому повѣрить,—
Являюсь не судей на этотъ разъ я—
Судьей я быть не въ силахъ въ этомъ дѣлѣ...
Я только обвинитель,—потому,
Что обвиненье высказать такое
Мы только можемъ—не дерзнетъ ни чей
Языкъ его изрѣчь въ присутствьи нашемъ!
Я вижу страхъ на вашихъ лицахъ— да,
Законенъ ужасъ!—знайте, имя сына
Съ отчаяньемъ я долженъ произнесть...

Леонардо.

(съ ужасомъ).

Инфанта?

Перезъ.

Неужели онъ преступенъ?

Филиппъ.

Да, онъ преступенъ: отнялъ весь покой
Давно отъ насъ нашъ сынъ неблагодарный,
Ту радость, что въ своемъ семействѣ каждый
Изъ васъ (о, я несчастный!) ощущаетъ...
Мы испытали кроткихъ мѣръ не мало,
Не мало потеряли нѣжныхъ словъ,
Чтобъ со стези порока на прямую
Дорогу чести шагъ его направить,
Онъ глухъ и слѣпъ былъ къ нашимъ наставленьямъ,
И нашъ примѣръ ему не шелъ во благо,
Ни ласки наши, ни угрозы даже
Его не довели до исправленья;
Стремительно онъ шелъ путемъ порока,
И подошелъ онъ къ безднѣ преступленья!
Еще вчера лишь утромъ, въ блескѣ новомъ
Ему свою мы милость проявили,
И что жъ? сегодня снова злодѣянье
Онъ покушался звѣрское исполнить...
Едва лишь солнце надъ столицей нашей
(Моихъ трудовъ свидѣтель неустанный)
Зайти успѣло, чтобъ другія страны
Владѣній нашихъ освѣтить привѣтно...
Ему на душу, вмѣстѣ съ мракомъ ночи,
Палъ замыселъ кровавый и ужасный —
Отмстить отцу онъ вздумалъ за прощенье!
Какъ тать, прокрался къ намъ въ опочивальню,
Кинжалъ въ рукѣ предательской сжимая,
И подошелъ уже къ постели нашей...
Я чувствовалъ уже почти въ груди
Холодное желѣзо... вдругъ нежданно
Родригъ ко мнѣ на помощь появился
И крикомъ разбудилъ меня: спасайся
Король Филиппъ, отечества отецъ!
Проснулся я, — почувствовалъ я снова,
Какъ бы другой скользнулъ ударъ невѣрный
По сердцу мнѣ... Бросаю изумленный

Я взглядъ кругомъ — и вижу на полу
Кинжалъ упавшій, а вдали, какъ будто
И сына убѣгающаго тѣнь...
Я все сказалъ... теперь за вами дѣло:
Кто обвинить еще имѣетъ принца
Въ иномъ (теперь всего я ожидаю!),
Иль кто его возьмется оправдать —
Открыто всѣ высказывайте мнѣнья:
Широкую даю я вамъ свободу
Для преній и, да вдохновить васъ небо,
Чтобъ оправдать его вы мнѣ съумѣли!
Затѣмъ... я жду отъ васъ и приговора,
Какимъ бы онъ мнѣ не грозилъ ударомъ.

Гомезъ.

Извлечь кинжала отъ груди отцовской
Не властны мы... но вѣрность къ королю
Филиппъ найдетъ въ замѣнъ въ насъ... на измѣну,
Какъ на измѣну, мы смотрѣть должны...

Леонардо.

Безъ страха изрѣчемъ мы наши мнѣнья,
Хотя наступитъ день иной, быть можетъ,
Когда Филиппъ раскаиваться будетъ,
Что правду всю намъ высказать позволилъ
И насъ же обвинитъ, ее изрѣкшихъ!

Перезъ.

Подобный страхъ безчестенъ и преступенъ;
За истину не слѣдуетъ бояться.

Гомезъ.

И такъ, начну я первый... безъ боязни
Задѣть въ душѣ отца больныя струны.
Да, вы король, отецъ и въ гнѣвѣ самомъ,
Въ словахъ передавая преступленье,
Вы не довольно грозны — вы убиты!
И обвиняя принца — вы, какъ будто,
Щадите сына въ то же время... горе!
Не знаете вы всѣхъ его поступковъ,
Иль даже скрыть ихъ отъ себя хотите...
Съ Батавіей ведетъ переговоры

Преступный принцъ съ измѣннической цѣлью,
И вотъ письмо—оно его рукою
Написано — и превосходитъ все,
Что только есть преступнаго на свѣтѣ.
Я смѣло назову его безчестнымъ!
Въ немъ принцу стыдъ, Испаніи позоръ
(Его перехватили, слава Богу!),
Въ немъ съ Франками мятежный принцъ дерзаетъ,
Съ врагами королевства—соглашаться:
Онъ продаетъ Наварру, Каталонью,
И цѣлый рядъ Испаніи колоній,
Испаніи правленію подвластныхъ,
Облитыхъ славной кровью предковъ нашихъ,
Кровавымъ потомъ нашимъ окропленныхъ!
Предатель сынъ готовъ врагамъ отчизны—
Противъ отца и короля — дать помощь,
За свой союзъ имъ назначая цѣну...
За отдѣленье цѣлой половины
Испаніи подъ чуждое господство!
И чтожъ? ужель пройдетъ безъ наказанья
Такая необъятная измѣна,
За то, что Карлосъ королевскій сынъ?
Сынъ короля, который всей вселенной
По мудрости своей и совершенствамъ
Не только частью, могъ бы управлять.
Нѣтъ, принца мы въ измѣнникѣ забудемъ,
Предъ нимъ отцеубійца исчезаетъ;
Намъ дороги, священны дни Филиппа,
Но намъ свята и слава королевства!
На жизнь отца преступно покуситься,
Ужасно, да! но честь своей отчизны
Корыстно продавать еще безчестнѣй
(Я смѣло это слово повторяю).
Филиппъ простить проступокъ первый можетъ,
Онъ и второй простить, пожалуй, властенъ
Но мы — законъ, не милость. И скажу я,
Что принцъ одной своею смертью можетъ
За всѣ свои злодѣйства заплатить.

Перезъ.

Казнь! Что я слышу?

ФИЛИППЪ

Небо!

ЛЕОНАРДЪ.

Кто повѣритъ,
Чтобъ къ только здѣсь исчисленнымъ названьямъ
Предательства, измѣны и убійства,
Отцеубійства и цареубійства,
Я могъ еще названіе прибавить
Такого преступленья, предъ которомъ
Блѣднѣютъ всѣ другія, и съ усильемъ
Людской языкъ произноситъ дерзаетъ?

ФИЛИППЪ.

Произноси, владыко, безпощадно...

ЛЕОНАРДО.

Клятвопреступникъ принцъ и святотатъ...
О, Боже всемогущій, царь небесный,
Днесь разрѣши уста мои на благо,
Да изглаголетъ истину святую
Твой недостойный и смиренный рабъ...
Трѵипостастный! наступаетъ часъ,
Въ который долженъ грянуть карой грома
Твой ярый гнѣвъ, на горе супротивнымъ,
Которые, какъ злакъ, должны увянуть,
Какъ таетъ воскъ передъ лицомъ огня.
Исполнилось твое долготерпѣнье —
Се! пробилъ часъ небеснаго суда!
Сподобь меня подъять мой гласъ смиренный,
Какъ трубный звукъ — на грозную защиту
Поруганнаго днесь богопочтенья,
Дай силу мнѣ глагола, чтобъ не праздно
Мое раздалось слово, не въ пустынѣ,
Чтобъ святости начатія достойно
Оно небеснымъ свѣтомъ засіяло!
О, царь земной! свой слухъ склони покорно
Къ тому, что Царь Царей тебѣ вѣщаетъ,
Исполненный божественнаго гнѣва,
Днесь — грѣшными раба Его устами:
Я недостойнымъ столь считаю принца,

Что сына короля непризнаю въ немъ.
И такъ начну: сей богохульникъ ярый
Виновенъ въ томъ, что всюду, неустанно
Дерзаетъ онъ, лукаво, словесами
Небеснаго владыку оскорблять,
Кощунствуя, въ рѣчахъ, соблазна полныхъ,
Хулы на духовенство изрыгая,
Онъ разсуждаетъ о дѣлахъ церковныхъ;
Во храмы входитъ поступью надменной,
Обычаи отцовъ онъ порицаетъ
И всѣмъ нечестьямъ новымъ рукоплещетъ!
О, если день печальный тотъ наступитъ,
Что онъ престолъ наслѣдуетъ!... нечестье
По королевству быстро разольется;
Онъ алтарей святыню въ грязь затопчетъ;
Онъ будетъ вѣру истинную гнать...
Увидимъ мы... но что я рекъ: увидимъ?
Ужель Господь такое зло допуститъ
И грѣшника не разразитъ ударомъ?..
Но если, даже, по многотерпѣнью
Отсрочитъ Богъ свой справедливый гнѣвъ,
Я этихъ золъ и бѣдствій не увижу—
Пусть видятъ тѣ ихъ—кто съ печали прежде
И съ горя, не съумѣетъ умереть!
Я исполненья клятвъ безумныхъ принца,
Конечно, не увижу: онъ клянется
Вліянье духовенства ограничить,
Умѣрить строгость нашего суда
(Небесной правды въ немъ непризнавая),
И ада власть усилить на землѣ...
Но, адъ вотще ликуетъ раньше срока—
Се часъ пришелъ!.. Филиппъ, къ Царю Царей
Свой грѣшный взоръ ты обрати покорно,
Пойми, чего онъ отъ тебя желаетъ;
Онъ далъ тебѣ и жизнь, и власть, и право,
Какъ можетъ также въ гнѣвѣ все отнять,
И что жъ? оскорблено Его величье
Безумнымъ принцемъ... Голосу небесъ
Внемли Филиппъ: отмсти Творца обиду,
Возстанови поруганную правду!

Отсрочка казни принца—преступленье,
Да совершится божій судъ надъ нимъ!

Перезъ.

Въ средѣ рабовъ—свободный голосъ встрѣтить
Не легкая задача, государь!
Не всякая свободна рѣчь... хотя бы
Она въ словахъ свободныхъ выражалась...
Порой, подъ маской смѣлыхъ выраженій,
Скрываются презрительныя мысли.
Воспользоваться вашимъ разрѣшеньемъ
Я также, какъ и всѣ, себѣ позволю...
Свободнаго желаете вы мнѣнья —
Вотъ что вамъ скажетъ человѣкъ свободный:
Филиппъ! письмо донъ-Карлоса подложно,
Разнорѣчивы, шатки обвиненья,
Изъ нихъ одни другимъ противорѣчатъ.
Положимъ, принцъ хотѣлъ отцеубійства
Безчеловѣчный замыселъ исполнить;
Зачѣмъ бы сталъ тогда съ бунтовщиками,
Батавцами, онъ заводить сношенья?
Зачѣмъ бы сталъ—враждебнымъ Франкамъ помощь
Онъ обѣщать и, для чего бы съ ними
Дѣлить онъ вздумалъ самъ свое наслѣдье,
И самъ же разчленять свои владѣнья?
Но если бъ онъ, подобными путями
Свою желалъ бы участь обезпечить,
Къ чему тогда онъ сталъ бы покушаться,
Къ чему бы онъ хотѣлъ отцеубійства?...
Допустимъ даже... онъ его задумалъ.
Кѣмъ въ исполненьи былъ онъ остановленъ?
Какъ могъ бы онъ въ такомъ ужасномъ дѣлѣ
На полпути остановиться, чтобы
Идти за то на вѣрную погибель?..
Когда бъ повѣрилъ я, что онъ задумалъ
Такое дѣло, я почелъ бы принца—
Не только что преступнымъ, но безумнымъ.
Вѣдь долженъ же былъ понимать донъ-Карлосъ,
Что бдятъ на стражѣ жизни короля
Придворные усердно (хоть порою
Ему не слишкомъ преданные люди),

Которыхъ блескъ, значеніе и сила
Съ его неразлучимы произволомъ
И держатся лишь жизнію его.
Вы сына тѣнь бѣжавшаго узнали?
Казалось вамъ,—какъ говорите вы,
Встревожены вы были... и усердно
Не подшепнулъ ли кто вамъ имя принца?..
Какъ намъ судить одни предположенья?
Какъ обвинять преступника заглазно?
Пусть принцъ придетъ сюда для оправданья,
И объяснитъ свое намъ поведенье...
Что принцъ на вашу жизнь не покушался,
За это я ручаюсь головою,
И мало этого, клянуся честью,
А только въ чести я своей свободенъ!
Что мнѣ сказать объ яркомъ недостаткѣ
Въ совѣтникахъ, порою, милосердья,
Иль объ извѣстномъ родѣ лже-печали,
Скрывающемъ подъ святостью притворной
Жестокость... что сказать? извѣстно міру,
Что есть ханжи, умѣющіе ловко
Соединять коварство съ неустаннымъ
На помощь призываньемъ имя Божья;
И алтарей служители бываютъ,
Которые искусно прикрываютъ
Заботами о благѣ церкви — крови
И мести ненасытной злую жажду...
Я знаю принца близко съ дѣтскихъ лѣтъ,
Любовью полонъ онъ къ добру и людямъ,
Нерѣдко онъ выказывалъ порывы,
Не всякому доступнаго величья...
Король, вы сами на него надежды
Блестящія когда-то возлагали,
Всѣ вѣрили хваламъ тѣмъ. Я же вѣрить
Не пересталъ... я знаю, невозможно,
Дойти до преступленій съ сердцемъ принца!..
Бывалъ порой, онъ вами обвиненъ,
Бывалъ порой и тяжко обижаемъ,
И что жъ? онъ кротко все переносилъ,
Терпѣлъ, страдалъ, молчалъ и покорялся.

Неужели же слезы—преступленье,
И могутъ раздражать онѣ до гнѣва?
Король Филиппъ,—вы Карлосу отецъ,
Отцу не равнодушны слезы сына,—
Онъ не преступенъ, вѣрьте, онъ несчастливъ!...
Но еслибъ во стократъ еще виновнѣй
Онъ былъ, чѣмъ здѣсь его считать готовы,
Когдабъ здѣсь, на Совѣтѣ, всѣ согласно
Кричали: смерть! и требовали казни—
Отецъ на смерть не осуждаетъ сына,
Не долженъ онъ, не можетъ и не смѣетъ!

Филиппъ.

О! какъ я радъ, что голосъ милосердья
Я хоть въ одномъ совѣтникѣ разслушалъ,
Послѣдую ему я неуклонно!...
Останусь отцемъ я—не судьею...
Я волѣ Божьей, Промыслу благому
Предамъ себя и участь королевства.
Быть можетъ, сынъ мнѣ Господомъ ниспосланъ,
Какъ кара за грѣхи раба Филиппа,
Да сбудется святая воля Бога!
Пусть гибну я, пусть гибнетъ королевство...
Но сынъ живетъ—его я разрѣшаю,
Его я оставляю безъ суда.

Гомезъ.

Хотите быть превыше вы закона?
Вы, какъ монархъ всевластны, но зачѣмъ
Вы насъ созвали?—развѣ королямъ
Свидѣтели нужны для произвола?
Прощать вы властны, но наступитъ день
Такой, быть можетъ, что отъ милосердья
Придетъ погибель...

Перезъ.

Гибельно одно
Притворство—подъ личиной милосердья...
Но... какъ бы дѣло принца рѣшено
Здѣсь не было, не вижу я Совѣта
Того, въ которомъ я въ былые дни
Участвовать считалъ себѣ за счастье...

Мнѣ жизнь моя, король, не дорога,
Давно одной лишь честью дорожу я,
И умываю руки, въ неповинной
Крови ихъ обагрять не соглашаясь...
Пусть видитъ міръ—я ухожу отсюда...
А жаждущіе крови остаются;
Надѣюсь на одно я только небо,
На небѣ только—правда торжествуетъ...
Но нѣтъ, неправъ я, не на небѣ только,
И на землѣ она извѣстна,—если
Я взоры обращу свои кругомъ,
То вижу ясно: правда здѣсь извѣстна
Вполнѣ и всѣмъ, хоть всѣ объ ней молчатъ...
Молчатъ... Зачѣмъ?... Затѣмъ, что здѣсь издавна
Считается великимъ преступленьемъ
Вслухъ говорить объ ней и даже... слушать...

Филиппъ.

Съ кѣмъ говоришь ты, подданный, такъ дерзко?

Перезъ.

Съ отцомъ...

Филиппъ.

Но ты навѣрно позабылъ,
Что и король я вмѣстѣ?..

Леонардо.

Мудрено ль
Забыть твой санъ, когда отцомъ столь нѣжнымъ,..
Являешься въ своемъ ты сокрушеньи...
Но, вспомни благосклонно, ты отецъ
Всѣмъ подданнымъ твоимъ, не только сыну;
Мы всѣ, король, святое имя носимъ
Твоихъ покорныхъ, преданныхъ дѣтей...
Инфантъ одинъ—насъ много, насъ безъ счета...
За что жъ его, виновнаго, прощая,
Бѣдамъ, насъ всѣхъ, невинныхъ, подвергаешь?
Преступенъ онъ, но не преступны мы,
Зачѣмъ же ты стоишь въ недоумѣньи,
Спасти ли одного—на гибель всѣхъ,
Иль всѣхъ спасти... одною принца казнью?

Филиппъ.

Какъ мечъ меня терзаетъ каждый звукъ!
Довольно: слушать больше я не въ силахъ,
Пусть соберется вновь Совѣтъ и судитъ
Онъ безъ меня о дѣлѣ; — духовенство
Собрать не позабудьте: въ нихъ заглохли
Земныя страсти! Истина скорѣе
При ихъ посредствѣ выкажется ярко;
Идите-жъ совѣщаться: я стѣсняю
Присутствіемъ своимъ свободу мнѣній,
А можетъ быть и доброта моя
Мѣшаетъ правдѣ высказаться рѣзко!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Филиппъ *(одинъ)*.

Измѣной, мятежемъ я окружонъ!..
Какъ былъ *Перезъ* и дерзокъ, и свободенъ,
Неужели проникъ въ мою онъ душу?
Нѣтъ, это не возможно! — но какой
Въ немъ смѣлый духъ живетъ — какія чувства,
Какой языкъ и грубый, и свободный...
Какъ могъ съ душой подобной онъ родиться
Въ странѣ, подвластной королю Филиппу?
Какъ могъ я чувствъ его не знать такъ долго?
И какъ еще онъ живъ до этѣхъ поръ!

АКТЪ IV.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Донъ-Карлосъ *(одинъ)*.

Потемки, сумракъ... какъ вы кстати въ этомъ
Безумномъ царствѣ ужаса и мрака;
Здѣсь свѣтъ дневной—нелѣпость; только сумракъ
Приноситъ отдыхъ для души печальной!
Я ночи радъ, не потому, чтобъ горе
Съ отходомъ дня во мнѣ ослабѣвало,
Но потому, что я, по крайней мѣрѣ,
Всѣхъ этихъ лицъ, всѣхъ этихъ жалкихъ гадовъ,
Мнѣ душу возмущающихъ—не вижу!
Придти сюда велѣла мнѣ Эльвира,
Она одна желаетъ королевѣ
Добра и счастья,—что-то передать
Она хотѣла мнѣ отъ королевы?
Что за безмолвье, что за тишина,
Какъ крѣпокъ сонъ предателей, тирановъ;
И преступленье видно спать умѣетъ
Невиннымъ сномъ младенца... я одинъ
Способность сна покойнаго утратилъ,
За то, что не преступенъ, а несчастливъ...
Но для чего ропщу я?.. мнѣ-ль отрады
Безсонница душевной не приноситъ?..
Припоминать прекрасныя черты,
Ласкать въ мечтахъ знакомый сердцу образъ
Въ сіяньи красоты невыразимой —
О, сколько въ этомъ обаянья!.. Я-ль
Еще несчастливъ здѣсь,—на этомъ мѣстѣ,
Гдѣ такъ недавно видѣлся я съ нею?
Гдѣ слухъ мой нѣжилъ звукъ ея рѣчей,
И каждое гдѣ слово Изабеллы
И жизнію, и смертію мнѣ было!
Да, съ этѣхъ поръ, какъ видѣлся я съ ней,

Я сталъ, какъ будто, менѣе несчастливъ,
Хотя, быть можетъ, болѣе виновенъ...
Зачѣмъ въ груди моей родился страхъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то ужасъ тайный?..
Неужели такъ скоро наказанье
Идетъ всегда за увлеченьемъ?.. если
Преступенъ сталъ я тѣмъ, что ей открылъ
Свою всю душу... но не могъ молчать я,
Слова мои лились непроизвольно,
Любовь меня душила...
Что за шумъ
Поднялся?.. не Эльвира ли?.. нѣтъ люди
Идутъ сюда толпой вооруженной...
Огни и говоръ! Что все это значитъ?
Предатели! Убійцы!..
Боже мой,
Отецъ! Филиппъ въ главѣ людей идущихъ!..

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ФИЛИППЪ

Филиппъ.

Одинъ, въ потьмахъ, съ оружіемъ, въ часъ ночи
Что дѣлаешь ты, дерзкій, въ этомъ мѣстѣ?
Куда идешь неровною походкой?
Скажи?.. отвѣть...

Донъ Карлосъ.

Что отвѣчать могу я?
Схватился я за шпагу инстинктивно,
Когда толпу идущую увидѣлъ,
Но падаетъ она изъ рукъ моихъ
При видѣ васъ... Король, не на меня ли
Идете вы? Но для чего такъ много
Вы взяли слугъ съ собой? — и безъ того
Я въ вашей власти полной... что могло
Служить предлогомъ для такого дѣла?
Въ чемъ заподозрить вы меня могли?
Какихъ вы недостойныхъ оправданій
На подозрѣнья жалкія — хотите?

Филиппъ.

Отвѣтъ прямой, ты, дерзостью отваги
Безумно отклоняешь; —въ преступленьи —
Пріемъ не новый! но зачѣмъ притомъ
Лукаво прикрываешь ты почтеньемъ
Души своей коварную жестокость?
Къ чему тебѣ послужатъ извиненья?
Дай бѣшенству — потокомъ словъ свободныхъ
Исходъ скорѣй, излей душевный ядъ
Со всѣмъ безстыдствомъ и открой намъ прямо
Весь дерзкій планъ, какъ чистый и святой.
Одинъ такой языкъ тебя достоинъ,
Мы знаемъ маску гордости твоей.

Донъ Карлосъ.

Что я открыть, въ чемъ признаваться долженъ?
Не знаю я; могу сказать одно:
Обиды — изтязаній мнѣ страшнѣе.
Казни меня, преступникомъ считая...
Ты знаешь, справедливымъ всѣ сочтутъ,
Все, что Филиппъ захочетъ...

Филиппъ.

О, позоръ!
Какъ наглости въ немъ много въ эти лѣта!
Какъ изучилъ искуство онъ притворства:
Застигнутый на дѣлѣ королемъ,
На преступленьи пойманный — онъ даже
Въ лицѣ не измѣняется...

Донъ Карлосъ.

Въ твоемъ
Родился королевствѣ я, въ дворцѣ
Твоемъ воспитанъ—кто же удивляться,
Безстыдство или наглость видя—станетъ!

Филиппъ.

На стыдъ, на срамъ ты здѣсь рожденъ, злодѣй!

Донъ Карлосъ.

Кто жъ этотъ стыдъ загладить вамъ мѣшаетъ?

Меня убить не трудно... если вамъ
Зачѣмъ-то надо крови... крови сына...

Филиппъ.

Не сынъ ты мнѣ... не смѣй произносить
Ты имени священнаго такого!

Донъ Карлосъ.

За что?

Филиппъ.

За что?... и спрашиваетъ онъ,
Въ немъ совѣсть спитъ! онъ даже угрызеній
Ея не знаетъ!.. покушенье онъ
На жизнь отца, злодѣйствомъ не считаетъ,
Отцеубій...

Донъ Карлосъ.

Отцеубійца? я?!
Что слышу? Нѣтъ!... ты самъ тому не вѣришь,
Что говоришь... нѣтъ, нѣтъ!... не можетъ быть,
Ошибся я... ослышался навѣрно...
Отцеубійца! Боже! гдѣ жъ улики?
И поводъ чѣмъ я подалъ, чтобъ меня
Могли винить въ такомъ ужасномъ дѣлѣ?...

Филиппъ.

Какихъ уликъ еще недостаетъ?
Ты поблѣднѣлъ смертельно—вотъ улика!

Донъ Карлосъ.

Довольно! нѣтъ! не мучайте меня...
Остановите пытку... я не въ силахъ,
Не заставляйте преступить меня
Границы тѣ, что самая природа,
Законы, небо, люди—положили
Между отцемъ и сыномъ... королемъ
И подданнымъ... Я весь дрожу отъ гнѣва!

Филиппъ.

Границы тѣ давно ногой преступной
Перешагнулъ ты, хоть умѣлъ всегда,
Благодаря искусному притворству,
Обманывать всѣхъ, вѣрившихъ тебѣ—

Теперь довольно! Сбрось притворства маску,
Явись такимъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ,
И прямо, откровенно исповѣдуй
Всю черноту души твоей презрѣнной!
Открой весь рядъ измѣнъ своихъ позорныхъ,
Всѣхъ замысловъ своихъ безчеловѣчныхъ;
Бояться насъ—нѣтъ нужды... Мы умѣли
Всегда души великость сохранять,
Хоть бы имѣли дѣло съ самымъ жалкимъ
И низкимъ изъ людей... Откройте жъ намъ
Всю правду, и надѣяться дерзайте
На нашу милость... если же обманъ
И ложь мы снова встрѣтимъ—трепещите!

Донъ Карлосъ.

Всю правду я скажу, когда на то
Я вынужденъ. Король, себя я знаю—
Ни передъ кѣмъ не трепеталъ донъ-Карлосъ!
И васъ, Филиппъ, я знаю хорошо,
Такъ хорошо, что въ сердцѣ даже тѣни
Себѣ имѣть надежды не позволю
На то, чтобъ вы хоть чѣмъ нибудь смягчились..
Вамъ жизнь моя нужна—ее отъ васъ
Я получилъ напраснымъ даромъ,—смѣло
Ее берите, но за честь мою
Я постою, чтобы со мной во гробѣ
Нетронутой, она при мнѣ осталась!
И самъ себя я сталъ бы презирать,
Когда бы въ угожденье вашей волѣ,
Иль для спасенья жизни, оправданьемъ
Я низкимъ запятналъ себя на вѣки!
Мой вздохъ послѣдній испустить готовъ
Я, хоть сейчасъ;—судьбѣ своей покорный
Я вынесу неслыханную казнь,
Но потому, что смерть меня лишить
Не можетъ чести... опозорить можетъ
Меня одно, что мнѣ отецъ—Филиппъ!

Филиппъ.

Мятежникъ буйный—смѣетъ королю
Такъ отвѣчать преступно!...

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Преступленье
Мое въ одномъ: меня ты ненавидишь,
Ты кровожаденъ—вотъ моя вина,
Власть безъ границъ—вотъ все Филиппа право!

ФИЛИППЪ.

Арестовать безумца!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Какъ отвѣтъ
Достоинъ жалкаго тирана!... гдѣ оковы?
Я руки приготовилъ къ нимъ давно...
Вотъ грудь моя—скорѣй ее разите!
Что медлить! вѣдь жестокимъ не сейчасъ
Ты сдѣлался... весь рядъ годовъ тяжелыхъ
Правленія Филиппа — представляетъ
Безумства ночь и оргію злодѣйства!

ФИЛИППЪ.

Прочь увести его отъ глазъ моихъ!...
Его сейчасъ же въ башню заключите,
Въ той башнѣ мрачной выбрать для него
Чернѣй тюрьму,безъ воздуха и свѣта!...
И, если—состраданіе ему
Дерзнетъ изъ васъ, хоть словомъ или взглядомъ,—
Кто показать... то берегись ослушный!..

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Напрасенъ страхъ... въ нихъ нѣтъ великодушья,
Рабы твои съ тобой поспорить могутъ
Въ жестокости безумной!...

ФИЛИППЪ.

Взять его!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ИЗАБЕЛЛА, ФИЛИППЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Что слышу я, о Боже мой!...

Филиппъ.

Что съ вами?

Изабелла.

Я... я... король, была въ своихъ покояхъ,
Но раздалися крики по дворцу
И стонъ до слуха моего коснулся...

Филиппъ.

Да, я погорячился здѣсь немного.

Изабелла.

Я принца голосъ слышала и шумъ...
Донъ-Карлоса вы отдали подъ стражу...

Филиппъ.

Увы! нашъ долгъ...

Изабелла.

Онъ сынъ вашъ!

Филиппъ.

Вы блѣдны,
Дрожите вы, что съ вами, королева?

Изабелла.

Мнѣ страшно...

Филиппъ.

О, я понимаю васъ—
Вы отъ любви дрожите... къ намъ, конечно...
Но успокойтесь нѣжная супруга,
Прошла опасность злая...

Изабелла.

Что я слышу!

Филиппъ.

Да! сохранилъ Господь намъ наши дни,
Не удалося злое покушенье!

Изабелла.

На вашу жизнь?

Филиппъ.

Для васъ она нужна
И дорога: намъ Богъ ее оставилъ...

Филиппъ.

Изабелла.

Вамъ измѣнили?

Филиппъ.

Да, измѣнникъ намъ
За умыселъ заплатитъ по заслугамъ;
Не опасайтесь больше, чтобы я
Поддался глупой жалости... отнынѣ
Лишь справедливости суровой голосъ
Понятенъ намъ...

Изабелла.

Какъ, новый заговоръ!

Филиппъ.

О, еслибъ противъ насъ однихъ былъ только
Замышленъ онъ; но тотъ, кто на отца
Готовъ поднять предательскую руку,
И мачиху свою убить рѣшится,
Ее, какъ насъ, быть можетъ, ненавидя...

Изабелла.

Своимъ ушамъ, король, не вѣрю я...
Донъ Карлосъ... Принцъ...

Филиппъ.

Благодѣянья наши
Не оцѣнилъ—и заплатилъ измѣной...
Онъ позабылъ, кто я ему, кто—вы...
Но успокойтесь королева; эту
Суровую заботу предоставьте
Вы намъ однимъ... повѣрьте, я съумѣю
Обоихъ насъ спокойствіе упрочить!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Изабелла *(одна)*.

О Боже мой! нѣтъ силъ въ моей груди,
Отъ ужаса теряю я разсудокъ...
Тонъ короля загадочный... намеки...
Неужли о любви узналъ онъ нашей?
Нѣтъ, глубоко она въ душѣ моей—
Ее никто живущій не узнаетъ;

Но этѣ рѣчи... этотъ грозный взглядъ
Свинцовый взглядъ и холодно зловѣщій...
Все время обращенный на меня...
Что говорилъ онъ о покоѣ нашемъ?
Что я ему на это отвѣчала?
Не выдала ль я тайны, имя принца
Произнеся неосторожнымъ звукомъ?
Отъ ужаса во мнѣ хладѣетъ кровь...
Куда онъ такъ поспѣшно удалился?
Зачѣмъ я не пошла съ нимъ вмѣстѣ?... надо
Его догнать, узнать, спросить вѣрнѣй...
Иду... но нѣтъ, не слушаются ноги...
Мнѣ дурно... бьется сердце... что со мною?

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ГОМЕЗЪ, ИЗАБЕЛЛА.

Гомезъ.

Простите королева, что дерзаю
Въ сей поздній часъ, я вашъ покой нарушить,
Я короля ищу...

Изабелла.

Сейчасъ ушелъ
Отсюда онъ...

Гомезъ.

Его съискать мнѣ надо—
Онъ вѣрно съ нетерпѣньемъ ожидаетъ
Суда рѣшенья...

Изабелла.

Что сказали вы?...
Остановитесь, мнѣ вы передайте...
Въ чемъ дѣло?... что такое?... что за судъ?...

Гомезъ.

Король вамъ, вѣроятно, въ разговорѣ
Ужъ сообщалъ, что приговора онъ
Ждетъ отъ суда верховнаго, который
Былъ созванъ имъ по экстренному дѣлу...

Изабелла.

Онъ въ общихъ говорилъ мнѣ выраженьяхъ,
Что имъ открытъ былъ заговоръ какой-то...

Гомезъ.

Но имени онъ вамъ не называлъ
Преступника?

Изабелла.

Онъ говорилъ... о принцѣ...
Но неужель...

Гомезъ.

Извѣстно, значитъ, вамъ
Все дѣло... и могу я безъ боязни
За ваше сердце нѣжное, открыто
Сказать, что произнесъ Совѣтъ рѣшенье...

Изабелла.

О, говорите Бога ради, все...

Гомезъ.

Онъ долго разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ,
Обдумывалъ глубоко, всесторонне
И, наконецъ, рѣшилъ единогласно...

Изабелла.

Что?...

Гомезъ.

Мнѣніе, сентенція его
И приговоръ въ бумагѣ этой, только
Лишь королю осталось утвердить...

Изабелла.

И присужденъ донъ-Карлосъ?..

Гомезъ.

Къ смертной казни...

Изабелла.

Что слышу я! о изверги! за чтожъ?..

Гомезъ.

Такъ вамъ король не сообщалъ?

Изабелла.

Ни слова
Онъ о винѣ мнѣ принца не сказалъ...

Гомезъ.

Принцъ обвиненъ въ преступномъ покушеньи
На жизнь отца...

Изабелла.

Донъ-Карлосъ?.. Боже мой!..

Гомезъ.

Намъ не было причины для сомнѣнья,
Былъ сильный обвинитель—самъ король,
Всѣ данныя...

Изабелла.

Поддѣланы и ложны!
Убійцею донъ-Карлосъ быть не можетъ!
Вы отъ меня скрываете конечно
Проступокъ принца и его вину...

Гомезъ.

Его вину!.. о Боже, королева,
Угодно ль вамъ, чтобы ее я назвалъ,
И чтобъ за это заплатилъ я жизнью?

Изабелла.

Да, говорите смѣло, Бога ради...
Неужли вы предательства боитесь? —
Я королева...

Гомезъ.

Не боюся я...
Но стану самъ предателемъ я, если
Предамъ своимъ неосторожнымъ словомъ
Я своего монарха... и зачѣмъ
Вамъ правду знать?.. увы! она горька!..

Изабелла.

Я женщина, Гомезъ, я любопытна...

Гомезъ.

И что вамъ принцъ?.. вы мачиха ему.
Погибнетъ онъ, погибнетъ неизбѣжно,

Но смерть его во благо вамъ послужитъ...
Вы будете имѣть дѣтей — имъ путь къ престолу
Откроется... да, въ участи инфанта
Немалую играетъ роль любовь.

Изабелла.

Любовь? къ кому?

Гомезъ.

Къ вамъ короля Филиппа:
Наслѣдника желаетъ онъ отъ васъ,
Не Карлоса...

Изабелла.

Безчестны мысли этѣ!
Вы и меня подозрѣвать, пожалуй,
Осмѣлитесь въ подобномъ?..

Гомезъ.

Короля
Я только взглядъ высказывать дерзаю,
Но самъ его я тоже не дѣлю,
О низкій взглядъ!.. я начинаю вѣрить
Тому, чему я вѣрить не желалъ бы:
Родной отецъ и — ненавидитъ сына.
Мнѣ жаль, что вы такъ мало короля
Проникли, королева...

Изабелла.

Но кому же
Должна я вѣрить, если не ему?..

Гомезъ.

Довѣрьтесь мнѣ—вы вѣрнаго найдете
Во мнѣ слугу, который состраданье
Въ васъ видя къ принцу, далѣе не станетъ
Отъ васъ скрывать тяжелой, горькой правды...
Да, королева, бѣдный принцъ несчастливъ
И вся вина его и преступленье—
Быть сыномъ кровожаднаго Филиппа...

Изабелла.

Вы въ ужасъ повергаете меня!..

Гомезъ.

Увы! вы сами знать хотѣли правду!
Сказать ли? я за васъ самихъ боюся...

Вы знаете ль источникъ чувствъ Филиппа
Безчеловѣчныхъ?.. зависть, злая зависть
Къ достоинствамъ донъ-Карлоса... не можетъ
Ни въ комъ терпѣть онъ даже чувствъ высокихъ;
Онъ чувствуетъ, что для его притворства,
Чужая добродѣтель — наказанье...

Изабелла.

И онъ — отецъ!.. Но чтоже, вашъ Совѣтъ?
Онъ королю въ жестокосердьи равенъ,
Какъ могъ онъ, зная всю невинность принца,
Его приговорить къ тяжелой казни?..

Гомезъ.

Но, кто дерзнетъ противостать Филиппу?
Онъ лично обвинилъ совѣту принца...
Всѣ знаютъ, какъ то обвиненье лживо.
Но, дорожа своею жизнью, каждый
Спѣшитъ съ тирана волей согласиться!
Мы жалкіе рабы — мы не министры,
Мы всѣ его трепещемъ... жертвъ не мало
Мы видѣли, и всѣ мы близко знаемъ,
Что стоитъ только съ нимъ не согласиться,
Чтобъ тотчасъ заплатить за это жизнью...

Изабелла.

О горе мнѣ, сковалъ мнѣ сердце ужасъ...
Скажите-жъ мнѣ, неужели надежды
Нѣтъ никакой для принца?..

Гомезъ.

Очень мало!..
Что разъ Филиппъ задумалъ, то исполнитъ
Навѣрно; будетъ онъ и въ этотъ разъ,
Какъ и всегда, конечно, притворяться
(Въ притворствѣ онъ силенъ необычайно),
Сначала нерѣшительность покажетъ,
Потомъ скорбѣть, для виду, долго станетъ ..
Заявитъ милосердье, и на время
Пожалуй даже приговоръ отсрочитъ,
Но горе тѣмъ, кто королю повѣритъ:
Отсрочка жертвы не спасетъ—и казни
Донъ-Карлосу не миновать...

Изабелла.

О Боже!..
Нѣтъ, если сердце въ васъ не загрубѣло
Въ жестокостяхъ подобныхъ... пощадите,
Спасите принца...

Гомезъ.

Что же я могу?..

Изабелла.

Вы можете...

Гомезъ.

Могу я только плакать,
И то тайкомъ, объ этой новой жертвѣ
И память чтить его въ душѣ своей.

Изабелла.

Но это невозможно!.. содрогнуться
Отъ ужасовъ подобныхъ долженъ міръ!

Гомезъ.

Готовъ бы былъ не пощадить я жизни,
Когда бы могъ я быть полезенъ принцу—
Свидѣтель небо... Но спасти его
Никто не можетъ... Знайте, королева,
Во мнѣ проснулась совѣсть и покоя
Мнѣ не даетъ, за то, что я Филиппу
Былъ другомъ и совѣтникомъ — всю душу
Изгрызло мнѣ раскаянье...

Изабелла.

Я вѣрю...
Чтожъ? многое еще загладить можно!..
Жизнь новую вы хоть теперь начните,
Спасите принца для начала... даже
Опасности себя не подвергая,
Его спасти вамъ можно... я скажу вамъ,
Что надобно для этого вамъ сдѣлать.
Послушайте: Филиппъ въ васъ вѣритъ твердо—
Онъ къ вамъ имѣть не можетъ подозрѣній—
Доставьте принцу способы къ побѣгу...
Вы подвигъ совершите благородный,
И, можетъ быть, когда смягчится сердце
Со временемъ Филиппа—самъ онъ будетъ

Конечно вамъ за это благодаренъ:
Вы честь ему спасете вмѣстѣ съ сыномъ.

Гомезъ.

Отъ подвига такого, королева,
Повѣрьте мнѣ, я убѣгать не сталъ бы,
Когдабъ не зналъ, какъ гордо-благороденъ
Донъ-Карлосъ, и что въ немъ негодованье
Такое предложеніе возбудитъ...
Тревоженъ пылъ души неукротимый;
Принцъ презираетъ смерть, ее готовъ
Героемъ встрѣтить онъ—лишь подозрѣнье
И недовѣріе въ себѣ, я встрѣчу
Въ отвѣтъ на предложеніе — я знаю:
Онъ и во мнѣ готовъ Филиппа видѣть...

Изабелла.

О, ежели препятствье только въ этомъ,
То дайте способъ мнѣ увидѣть принца,
Доставьте мнѣ въ его темницу доступъ,
Я за успѣхъ ручаюсь—упрошу я,
Уговорю его къ побѣгу, мнѣ онъ,
Какъ въ милости—въ согласьи не откажетъ!
Ночь на исходѣ, средства приготовьте
Скорѣй къ побѣгу—смертный приговоръ
Хоть не надолго задержите... вѣрно
Король не ждетъ такъ скоро приговора...
Я жду отъ васъ поддержки и участья,
Я ихъ прошу отъ васъ, какъ подаянья;
Ночь будетъ намъ помощникомъ... скорѣе,
Не медлите, рѣшайтесь... и идите...

Гомезъ.

Кто въ состояньи былъ бы отказать
Въ своемъ участьи въ подвигѣ подобномъ?
Испробуемте все, что только можно...
Идемте... Богъ намъ въ помощь—допустить
Онъ не захочетъ праваго погибель!

АКТЪ V.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Донъ-Карлосъ (*одинъ*).

Все кончено!... погибло все на вѣки!
Ждетъ смерть меня... о еслибы ее
Я встрѣтить могъ скорѣе!... но позоръ
Меня и съ смертью самой ожидаетъ...
Жестокого, безумнаго Филиппа
Одною кровію насытить трудно;..
Ему страданья жертвы, униженье,
Позоръ и оскорбленія—нужны!
На все готовъ я, лишь одно сомнѣнье
Кровавое мнѣ раздираетъ душу:
Что, если нашу знаетъ онъ любовь?...
Не даромъ я въ очахъ его замѣтилъ
Какой-то новый и зловѣщій блескъ;
Не даромъ говорилъ онъ съ королевой—
Онъ выпытать изъ словъ ея, быть можетъ,
Увѣренность въ любви ея хотѣлъ!...
Что будетъ съ нею, если въ недостойномъ
Онъ сердцѣ, къ ней питаетъ подозрѣнье?...
Какихъ обидъ не вынесетъ она,
Какихъ не испытаетъ оскорбленій,
Пока своей онъ мести не насытитъ...
Но какъ узнать о тайномъ чувствѣ нашемъ,
Когда мы сами въ немъ себѣ признаться
Почти не смѣемъ!... Можетъ быть, меня
Моя печаль и вздохи предали—и злобой
Онъ понялъ ихъ, подслушалъ, отгадалъ...
Подумать страшно!... но едва ль понятенъ
Языкъ любви святой—бездушнымъ людямъ...
Когда бъ онъ догадался—онъ навѣрно
Со мной бы былъ еще жесточе, если
Для человѣка можно быть жесточе,

Чѣмъ онъ со мною... Наступаетъ день,
Печальный день его тяжелой мести...
Гдѣ вы, друзья, съ которыми дѣлилъ
Порой безпечной радости часы я?
Зачѣмъ никто изъ васъ меня не вспомнить,
Не передастъ кинжала мнѣ въ темницу,
Чтобъ прекратить страдальческіе дни
И жертву вырвать изъ когтей Филиппа!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ИЗАБЕЛЛА.

Донъ-Карлосъ.

Кого я вижу?... Вы здѣсь, королева?
Какъ вы могли сюда проникнуть?... Что васъ
Заставило придти сюда?.. какое
Васъ чувство привело ко мнѣ въ темницу:
Долгъ, жалость, состраданье иль любовь?...

Изабелла.

О, тяжкое, ужасное извѣстье
Я принесла вамъ... приготовьтесь, принцъ...
Не знаете вы всѣхъ своихъ несчастій:
Король васъ обвинилъ въ отцеубійствѣ,
Совѣтъ верховный васъ приговорилъ
На смерть... и только подписи Филиппа
Ждетъ этотъ приговоръ невѣроятный...

Донъ Карлосъ.

Онъ, Изабелла, не заставитъ ждать!...

Изабелла.

И вы спокойны...

Донъ Карлосъ.

Я давно рѣшился
Своей судьбѣ тяжолой покориться!
Вы помните, что въ разговорѣ нашемъ,
Когда я вамъ открылъ свою любовь,
Отъ васъ—себѣ одной отрады только,
Одной просилъ я милости—позволить

Мнѣ умереть... но здѣсь... вблизи отъ васъ!...
Я не скажу, чтобъ вѣсть о смерти горько
Въ моей душѣ не отозвалась... но
Я ждалъ ее... и радъ я, что услышалъ
Объ ней отъ васъ—не отъ другихъ...

Изабелла.

О! принцъ,
Не говорите мнѣ о смерти... горько,
Не выразимо горько слушать это!
Вы жить должны... вы любите меня?
Не правда ль, вѣдь вы любите?... цѣною
Моей любви я умоляю васъ,
Чтобъ вы, хотя немного уступили.

Донъ Карлосъ.

Кому? чему? какъ страшно мнѣ отъ васъ
Слова такія слушать, королева...
Зачѣмъ вы искушать меня пришли?
Неужли вы... подосланы Филиппомъ?

Изабелла.

Вы можете... меня... подозрѣвать?..

Донъ Карлосъ.

Я знаю, что не долженъ... но играетъ
Филиппъ людьми, и могъ онъ лаской, лестью,
Притворными слезами обмануть васъ
Или понудить силой... зная это
Я отогнать не въ силахъ подозрѣній.
Какъ могъ онъ вамъ придти сюда позволить
Непостижимо!...

Изабелла.

Кто-жъ вамъ сказалъ,
Что о моемъ онъ знаетъ посѣщеньи?
Когда бъ онъ зналъ...

Донъ Карлосъ.

Филиппъ навѣрно знаетъ.
Ничто не можетъ отъ него укрыться...
О горе мнѣ! вы губите себя...
Я новое несчастіе предвижу...

Кто вамъ помогъ исполнить вашу мысль?
Кто доступъ вамъ въ тюрьму мою доставилъ?..
Кто не бояся мести королевской
Ослушаться дерзнулъ его велѣній?...

Изабелла.

Меня Гомезъ...

Донъ Карлосъ.

Гомезъ—о силы неба!
Какое имя вы произнесли
Безчестное и роковое вмѣстѣ!

Изабелла.

Вы въ заблужденьи, вамъ Гомезъ не врагъ...

Донъ Карлосъ.

Когда бъ его, хоть на мгновенье другомъ
Я могъ почесть, отъ горя и стыда
Я умеръ бы...

Изабелла.

А онъ въ душѣ питаетъ
Къ вамъ дружбу, состраданіе, и жалость...
Онъ мнѣ открылъ всѣ замыслы Филиппа...

Донъ-Карлосъ.

И чистая, вы ввѣрились ему.
О, бѣдный другъ, какъ вы неосторожно
Въ разставленныя сѣти вамъ попались!
За васъ, невольно, горько мнѣ и страшно.
Гомезъ—слуга презрѣнный и безчестный,
Въ безстыдствѣ одному Филиппу равный...
Онъ правду вамъ сказалъ... порой и правду
Они сказать бываютъ оба рады,
Но только... если правда эта можетъ
Кого нибудь предать... сгубить вѣрнѣе!...

Изабелла.

Счастливой я себя считаю принцъ...
Что дѣломъ отклонить могу я ваши
Сомнѣнія... Гомезъ вамъ вѣрный другъ,
Онъ средства всѣ къ побѣгу приготовилъ,
Онъ сдѣлалъ все... и если только мнѣ

Уговорить на это васъ удасться,
Всей силою моею къ вамъ любви,
Вы будете и живы и свободны!
О согласитесь, добрый другъ, на это,
И, не теряя времени бѣгите
Отъ казни, отъ Филиппа и... меня!

Донъ Карлосъ.

Напрасно о моемъ спасеньи думать!...
Себя спасать вамъ надо королева,
Пока есть время... Боже, Боже мой...
Какъ ловко онъ вамъ западню разставилъ...
Повѣрьте мнѣ, что жалости Гомезъ
Не выкажетъ безъ цѣли затаенной!
Скорѣй, скорѣй отсюда удалитесь...
Минута промедленья васъ погубитъ!
Сбылось мое кровавое предчувствье,
Филиппъ узналъ о нашемъ чувствѣ тайномъ
И разгадалъ вполнѣ онъ души наши!...

Изабелла.

Нѣтъ! нѣтъ! его я видѣла недавно,
Едва васъ стража увела въ темницу.
Обуреваемъ бѣшенствомъ, онъ долго
Со мною говорилъ—и я дрожала.
Какъ вамъ, и мнѣ, казалось вѣроятно,
И чуть не вѣрно, это подозрѣнье...
Но послѣ, возвратясь въ себя, я долго
Вникала въ смыслъ его рѣчей—и ясно
Мнѣ стало... онъ далекъ отъ подозрѣній,
Что вы меня... онъ думаетъ напротивъ...
И даже мнѣ то высказалъ... что ждалъ онъ,
Что покуситесь вы на жизнь мою...

Донъ Карлосъ.

Въ подобной лжи... я узнаю Филиппа!
Но для чего онъ вамъ такую мысль
Передавать почелъ необходимымъ,
Мнѣ трудно догадаться... Проникать
Коварныхъ мыслей тайныя пружины
И трудно и безчестно... ясно мнѣ
Одно— онъ подозрѣнье въ чувствѣ нашемъ

Увѣренностью хочетъ подтвердить!
Чтобъ не было—одно лишь остается
Скорѣе изъ тюрьмы вы удалитесь...
Мнѣ горько, что вы ввѣрились Гомезу,
И горько мнѣ, что вы могли подумать,
Что я могу принять его услуги...

Изабелла.

О Боже! неужли все это правда?
И я живу... среди такихъ людей!

Донъ Карлосъ.

Къ несчастію святая эта правда!
Но не теряйте времени... скорѣе
Меня оставьте... жалость въ васъ ко мнѣ
Обидна мнѣ, когда къ себѣ самой вы
Ее имѣть упорно не хотите...
Уйдите, если только дорожите
Вы вашей жизнью...

Изабелла.

Жизнью дорожить
Мнѣ не для чего Карлосъ...

Донъ Карлосъ.

Ваше имя,
И честь мою спасете вы уходомъ...

Изабелла.

Но васъ однихъ въ опасности оставить
Не въ силахъ я...

Донъ Карлосъ.

Я знаю только-то,
Что вы меня спасти не въ состояньи,
И понапрасну губите себя...
Вы женщина—не позабудьте это,
И знайте... что для женщины довольно,
Чтобъ до нея коснулось подозрѣнье,
Гнилое подозрѣнье душъ ничтожныхъ,
И гибнетъ имя честное ея!
Не знаете вы, сколько наслажденья
Доставитъ людямъ, если имъ удастся
Хоть только тѣнь на вашу чистоту

Съ лукавствомъ подозрительнымъ набросить?
Уйдите, Изабелла, дорогое
Спасите ваше имя отъ пятна!
Глаза отъ слезъ напрасныхъ осушите...
Печаль заройте глубоко въ груди,
И вѣсть о смерти Карлоса съ холоднымъ
Достоинствомъ—прослушать вы съумѣйте!
Добру себя всецѣло посвятите,
Въ немъ память сохраните обо мнѣ...
Когда жъ печаль заставитъ васъ невольно
Объ участи моей припомнить—съ другомъ
Моимъ поговорите обо мнѣ;
Тотъ другъ, Перезъ, его въ толпѣ придворной
Съищите вы—онъ искренно любилъ...
Онъ будетъ вспоминать о мнѣ украдкой.
Поплачьте съ нимъ... Но, другъ мой, уходите,
Уйдите, королева, слезы душатъ
Меня... не заставляйте вы заплакать
Того, кто смерть безстрашно встрѣтить долженъ.
Не разрывайте сердца мнѣ на части.
Примите твердо вы мое прощанье
Послѣднее... прощайте, другъ мой бѣдный,
Прощайте ангелъ чистый—навсегда!
Я снова твердъ—и встрѣчу я достойно
Часъ смерти грозной...

Филиппъ.

Пробилъ этотъ часъ
Возмездіе предательству!..

Изабелла.

О небо!
Король!... измѣна!..

Донъ Карлосъ.

Встрѣтить я готовъ
Желанную мнѣ гостью...

Филиппъ.

Не заставитъ
Она себѣ злодѣя дожидаться;
Но прежде оба вы меня узнайте
Презрѣнная и жалкая чета!

Блѣднѣйте же отъ ужаса—давно я
Все знаю... и слѣдилъ я каждый вздохъ
И каждый шагъ преступной вашей связи,
Я видѣлъ, какъ въ васъ пламя загоралось,
И подмѣчалъ я, какъ оно росло...
Порой я нылъ отъ бѣшенства и злобы,
Но твердо заставлялъ себя молчать.
Пора прервать тяжелое молчанье...
Въ рукахъ моихъ вы оба... ощущаю
Въ своемъ я сердцѣ трепетную радость,
Мнѣ надо насладиться вашимъ страхомъ,
И ужасомъ, и муками упиться...
И послѣ разразится месть моя
Вполнѣ и грозно... такъ что содрогнутся
Отъ ужаса и люди, и природа!
О, какъ меня живитъ и утѣшаетъ
Вашъ стыдъ и униженье... знай теперь
Безчестная блудница, что напрасно
Ты думала, что королю Филиппу
Могла ты быть когда нибудь пріятна...
Привязанностей онъ не помѣщаетъ
Въ такихъ нечистыхъ ямахъ—и развратъ,
Гнилой развратъ... не признаетъ измѣной!
Въ тебѣ любви не ждалъ я даже встрѣтить,
И не желалъ ее я никогда,
Но требовалъ, и требовать былъ вправѣ,
Чтобы ко мнѣ ты въ сердцѣ страхъ носила,
Чтобъ мысль одна въ тебѣ.. любви къ другому...
Тебя въ невольный трепетъ повергала!
Съ тобой предатель—много говорить
Я не хочу... я былъ всегда увѣренъ,
Что все въ тебѣ презрѣнное я встрѣчу,
И низости нѣтъ трудной для тебя...
Я видѣлъ ваши грязныя стремленья,
Блудливыхъ вздоховъ смыслъ я понималъ,
Отгадывалъ безстыдныя движенья
И помыслы развратныя ловилъ...
Исполнилось мое долготерпѣнье!
Слова безсильны передъ гнуснымъ дѣломъ,

И растопчу я карой одинакой
Обоихъ, одинаково преступныхъ...

Донъ Карлосъ.

Ложь наглая! безстыдныя слова...
Незаслуженныя... невинна королева,
Что говорю, невинна?.. призракъ самый
Виновности ей чуждъ... она чиста,
Въ ней сердце голубицы... страсти тайной
Она моей не раздѣляетъ... гнѣву
Подвергнулся ея, негодованью,
Я—въ мигъ, когда себѣ открыть позволилъ
Предъ ней свою несчастную любовь!..

Филиппъ.

Извѣстны намъ границы преступленья
И знаемъ мы, что чисто наше ложе.
Когда-бъ вы осквернить его дерзнули,
Давно бы васъ ужъ не было на свѣтѣ!
Но, выслушать изъ устъ твоихъ лукавыхъ
Безумныя слова себѣ позволивъ,
Съ тѣхъ поръ блудницей стала королева,
Преступницею стала любострастной!..

Донъ Карлосъ.

Я, я одинъ виновенъ предъ тобой...
Я защищать себя не стану... дерзкій,
Дурной поступокъ я себѣ позволилъ—
Осмѣлившись открыться королевѣ
Въ своей любви... но, къ своему стыду,
Я услыхалъ отъ ней одни укоры...
И чистое желанье—затушить
Во мнѣ огонь любви моей несчастной...
Да, страсть моя несчастна — хоть однажды
Она была законна, и Филиппу
Извѣстно, что была его супруга
Моей невѣстой нѣкогда; — онъ самъ
Ее подругой жизни мнѣ назначилъ,
Хотя потомъ безжалостно отнялъ!
Да, я виновенъ: я люблю какъ прежде...
Отнявъ ее,—ты все отъ сына отнялъ.
Жизнь не нужна мнѣ... Кровію моей

Насыть своей ты ненависти жажду...
Но пусть съ моею смертію замретъ
Глухая ревность; — пощади супругу —
Она чиста, прекрасна и невинна...

Филиппъ.

Она виновна — раздѣливъ съ тобой
Твоихъ желаній дерзкихъ пылъ преступный...
Порою и молчаніе виновно,
А королева даже не молчала!
Ея любовь сказалася довольно —
Мы помнимъ, какъ она намъ защищала
Донъ-Карлоса, когда въ притворномъ гнѣвѣ,
Его мы передъ нею обвинили!
Напомнили тогда вы, королева,
Что принцъ мой сынъ, и высказали вмѣстѣ,
Что въ мысли онъ любовникъ милый вамъ...
Чтожъ вы молчите, или въ сердцѣ вашемъ
Совсѣмъ заглохли совѣсть и законъ?

Изабелла.

Молчу я не изъ страха... но иное
Мнѣ тяготитъ встревоженную душу...
Мнѣ страшно, что узнала ваше сердце
Я злымъ такимъ, коварнымъ и жестокимъ...
Преступной я себѣ кажусь невольно
Тѣмъ, что могла я быть женою вашей...
Другого преступленья я незнаю;
Беру себѣ въ свидѣтели я небо
Въ томъ, что предъ долгомъ вѣрности супруги,
Тяжелымъ долгомъ для жены Филиппа,
Могла бы я сломиться... но его
Нарушить никогда бы не рѣшилась...
Въ душѣ могла я слабой быть конечно...

Донъ-Карлосъ.

Не слушайте! ко мнѣ изъ сожалѣнья,
Себя винить готова королева...

Изабелла.

Нѣтъ, принцъ, оставьте, нѣтъ спасенья мнѣ...
Огнемъ вы жжете — словомъ вашимъ каждымъ

Надменную Филиппа душу; дайте
Ему сказать всю правду... наконецъ,
Пусть онъ узнаетъ — какъ другіе любятъ!
Король, скажу я прямо, вы любви
Причина нашей — съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Я свыклась съ мыслью — быть его женою
И раздѣлять съ нимъ дней счастливыхъ благо.
Вы знали это... знали вы и то,
Что расторгая нашъ союзъ насильно,
Вы не могли любви въ насъ заглушить!
Вы пожелали быть моимъ супругомъ —
Склонилась я предъ силой вашей воли,
И даже больше, — заглушить въ душѣ
Къ нему любовь — я захотѣла твердо,
Я думала, что время мнѣ поможетъ
И сами вы — въ томъ подвигѣ тяжеломъ...

Филиппъ.

Но, ежели ни годы, ни старанья
Мои не помогли — другое средство
У насъ осталось: потушить въ крови
Попробуемъ твоей, мы это чувство.
Какъ знать? быть можетъ, это намъ удастся?...

Изабелла.

Кровь! кровь! всегда, вездѣ и всюду кровь!
Вотъ вся отрада короля Филиппа...
И я для васъ старалась заглушить
Въ своей душѣ другой, прекрасный образъ,
Отъ васъ, король, на столько же отличный,
Какъ добродѣтель отъ порока... день
Отъ ночи. . горе! Вы меня привыкли
Всегда дрожащей передъ вами видѣть,
Но не хочу я васъ бояться больше...
И смѣло называю передъ вами
Свою любовь я къ принцу — не преступной,
А чистою, высокой, и святой...

Филиппъ.

Довольно... вижу я, что вы достойны
Одинъ другаго... Надо убѣдиться

Теперь въ другомъ намъ — такъ ли умереть,
Какъ говорить, съумѣете вы бойко...
(Къ входящему Гомезу)
Исполнено ли наше повелѣнье,
Что сообщить имѣете вы намъ?

Гомезъ.

Перезъ наказанъ смертью — вотъ кинжалъ,
Онъ кровію его еще дымится...

Изабелла.

О, ужасъ!

Филиппъ.

Смерть позорная его
Началомъ будетъ для правдивой мести
Отъ насъ — всей шайкѣ... Карлосъ — вотъ удѣлъ
Всѣхъ тѣхъ, кто былъ вамъ дорогъ или вѣренъ...

Донъ-Карлосъ.

Не пощадить отъ зрѣлища такого
И передъ смертью самой! Бѣдный другъ,
Перезъ — погибъ ты... бѣшенство!.. за что же
Они меня еще не убиваютъ!
Гдѣ-жъ тотъ кинжалъ, что ждетъ меня? Скорѣй
Меня разите... Тигръ моею кровью
Насытится, быть можетъ... и ее
Онъ не погубитъ!

Изабелла.

Нѣтъ, и я нужна
Его ненасыщаемому звѣрству...

Филиппъ.

Довольно вамъ комедію играть,
Мы живо кончимъ дѣло: выбирайте —
Кинжалъ иль ядъ? Ты первый порѣши
Смѣльчакъ отважный...

Донъ-Карлосъ.

Выбираю я
Кинжалъ... онъ не остылъ отъ крови друга.
Вы, королева, высказали столько,

Что и для васъ надежды нѣтъ, и смертью
И вамъ придется вѣрно заплатить...
Но... выбирайте ядъ вы, Бога ради,
Быть можетъ легче умирать отъ яда,
Сталь съ болью проникаетъ въ сердце — горькій
Совѣтъ любви примите: онъ послѣдній!
Всю твердость духа соберите... смѣло
За мной послѣдуй... ангелъ мой... за мною...
Ядъ, ядъ — не сталь... прости, я умираю...
Не медли... я...

Изабелла.

Я за тобой иду...
О, какъ мнѣ сладко умирать съ тобою...

Филиппъ.

Вамъ смерть сладка! такъ будете вы жить,
На перекоръ преступному желанью...

Изабелла.

О, Боже мой!.. онъ умеръ, что же я?
Гдѣ ядъ, скорѣй...

Филиппъ.

Я жизнь тебѣ дарую;
Пока она тебѣ несносной будетъ,
Влачи ее въ слезахъ и сокрушеньи...
Когда же, послѣ долгихъ лѣтъ и мукъ,
Забудется прошедшее... и снова
Почувствуешь ты жажду къ жизни... смертью
Тогда блудницѣ мы заплатимъ.

Изабелла.

Небо!
Жить мнѣ? съ тобою? выносить злодѣя?
Нѣтъ... никогда... ты спряталъ ядъ коварно —
Кинжалъ остался...

Филиппъ.

Гдѣ онъ?..

Изабелла.

Онъ въ груди!

Филиппъ.

Что вижу?

Изабелла.

Смерть жены своей и сына,
Погубленныхъ твоей безумной волей...
А мы невинны были... умираю
Мой Карлосъ... я съ тобой — моя любовь!..

(Умираетъ).

Филиппъ.

Исполнилось! отмщенъ я!.. кровь обоихъ
(Какая кровь!) мной пролита... но я
Не ощущаю радости... молчанье,
Могильное молчанье ты обязанъ,
Гомезъ, хранить о всемъ, что ты здѣсь видѣлъ...
Пойми .. что жизнь оставилъ я тебѣ,
А славой я своею не рискую!..

Н. Курочкинъ.

МИХАИЛЪ АВРАМОВЪ,

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОТИВНИКОВЪ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

Братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, посему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ. Учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ.

Изъ рукописной прописи 1643 года.

I.

Помимо всего, что́ дѣйствительно тяжко ложилось на русскій народъ и его прямые, жизненные интересы въ бурное царствованіе Петра перваго, планы, намѣренія и начинанія великаго государя встрѣчали еще противниковъ инаго рода, бойцевъ за интересы *не отъ міра сего*. Всѣмъ этимъ противникамъ, всѣмъ этимъ бойцамъ не было числа, потому что ломка и передѣлка, творившіяся на Руси въ началѣ XVIII столѣтія, касались всѣхъ и каждаго, начиная отъ сановитѣйшаго, вліятельнѣйшаго боярина и кончая полупомѣшаннымъ странникомъ, таскавшимся, ради спасенія души своей, изъ Керженскихъ лѣсовъ въ Соловки и изъ Соловокъ въ Керженскіе лѣса. Отсюда и враги реформы встрѣчались всюду, и ихъ «противныя» рѣчи лились также ожесточенно изъ устъ какого нибудь распопа, въ трущобѣ Выгорѣцкаго скита, какъ и изъ устъ самого царскаго сына, наслѣдника престола, въ стѣнахъ царскаго дворца. Боярину приходилось жить и служить вовсе не такъ, какъ онъ жилъ и служилъ дотолѣ; бродягѣ-страннику довлѣло распроститься съ своимъ привольнымъ бродяжничествомъ, и, покинувъ звѣриный образъ, превратиться хоть въ нѣкоторое подобіе человѣка; распопу слышался свистъ застѣночнаго кнута въ каждомъ шелестѣ древесной вѣтки, а наслѣдникъ престола, имѣвшій «великое горячество къ попамъ, и попы къ нему», только и

думалъ о томъ, «когда будетъ время безъ батюшки» (*). Вездѣ было задѣто за живое то, чѣмъ каждому казалась красна жизнь, и всѣ, поэтому, упирались руками и ногами, всѣ протестовали противъ вводимаго Петромъ—кто открытой борьбой, кто бѣгствомъ и укрывательствомъ, кто безобразными рѣчами, безобразный смыслъ которыхъ былъ тотъ, что царь-преобразователь не только злѣйшій врагъ славы и счастія Россіи, но врагъ рода человѣческаго, антихристъ, предвѣстникъ «послѣднихъ временъ». Онъ за море ходилъ и возлюбилъ нѣмцевъ и вѣру нѣмецкую; онъ обрился и другихъ брѣетъ, одѣлся въ нѣмецкое платье и другихъ одѣваетъ, пьетъ табачное зелье и другихъ пить заставляетъ; онъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ; а будетъ и то, что станутъ по середамъ и пятницамъ бѣльцы и старцы ѣсть молоко. Онъ не русскій государь, онъ — нѣмчинъ, да вотъ и въ книгахъ написано, что будетъ восьмой царь-антихристъ; а нынѣ восьмой царь—Петръ Алексѣевичъ,—онъ-то и антихристъ.

И вражда къ Петру противниковъ этого сорта, людей, видѣвшихъ въ немъ нѣчто въ родѣ бича Божія, пришедшаго въ міръ на пагубу не только временныхъ, но вѣчныхъ благъ, не только тѣла, но души человѣческой, была еще упорнѣе и злѣе вражды бойцевъ за сословныя, имущественныя и иныя права и привилегіи. Одни изъ нихъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ ожесточеннѣйшаго фанатизма, т. е. свихнувшись окончательно, искали прямо и открыто одного—муки и смерти; другіе, болѣе благоразумные, но все же не умные, пытались дѣйствовать на перекоръ всему, что̀ затѣвалъ и дѣлалъ Петръ, путемъ осторожной и окольной оппозиціи и пропаганды, или будто бы тоже направленныхъ, или, въ самомъ дѣлѣ, искренно казавшихся самимъ оппозиціоннымъ пропагандистамъ направленными на пользу отечества, на общее благо. Эти видѣли въ Петрѣ не столько антихриста и бича Божія, сколько существо, погибающее и губящее другихъ, отъ зловреднаго вліянія на него проклятыхъ еретиковъ-иновѣрцевъ, отъ отмѣны добрыхъ, старыхъ обычаевъ, патріаршества и т. п. Ихъ требованія были умѣреннѣе, ихъ взгляды были здравѣе требованій и взглядовъ противниковъ реформъ первой категоріи; но и у нихъ, сплошь и рядомъ заходилъ умъ за разумъ, и они, не будучи никакъ въ состояніи примириться съ тѣмъ, что̀ совершалось по сторонамъ, гибли безплодно и безслѣдно, какъ мухи, потому что въ тѣ страшныя времена, по силѣ страшныхъ же обстоятельствъ, и безуміе, вмѣсто холодныхъ душей и теплыхъ ваннъ, лечилось дыбою и плахою, и слабоуміе съ невѣжествомъ влекли за собою не состраданіе или презрѣніе, а ту же дыбу, ту же плаху или, для разнообразія, костеръ, колъ, растопленное олово въ горло,—словомъ, лишеніе живота «весьма».

Къ числу такихъ противниковъ петровскихъ преобразованій долженъ быть отнесенъ человѣкъ, имя котораго извѣстно на Руси очень немногимъ, но жизнь и дѣятельность котораго, заключая въ себѣ не мало любопытнаго и

(*) *Исторія царствованія Петра Великаго.* Н. Устрялова. Т. VI, стр. 35.

поучительнаго, заслуживаютъ, поэтому, полнаго вниманія людей, доселѣ еще невладѣющихъ собою на столько, чтобы говорить о значеніи петровской реформы безъ необузданныхъ порывовъ восторженнѣйшаго удивленія или ехиднѣйшей злобы. Это былъ нѣкто Михаилъ Петровичъ Аврамовъ—сначала директоръ петербургской типографіи, потомъ чиновникъ бергъ-коллегіи, потомъ опять директоръ типографіи, вообще же — прожектеръ, публицистъ и доносчикъ, по преимуществу, литературный, избравшій этотъ неблаговидный путь не ради достиженія какихъ либо питающихъ и грѣющихъ мірскихъ благъ, но единственно *изъ любви къ искусству*, изъ любви и усердія къ тому дѣлу, лучезарнымъ вѣнцомъ котораго было бы то, чтобы *братіе не высокоумствовали, но во смиреніи пребывали, еллинскимъ борзостямъ не внимали, риторскихъ астрономъ не читали, съ мудрыми философами не бывали, но училися книгамъ благодатнаго закона, для очищенія отъ грѣхъ грѣшныхъ душъ своихъ.* Аврамовъ развернулся не вдругъ, не вдругъ проявилъ въ себѣ человѣка, требующаго медицинскаго освидѣтельствованія, а тогда, «по духу времени и вкусу», требовавшаго освидѣтельствованія въ застѣнкѣ. При жизни Петра, дѣятельность его гармонировала вполнѣ съ дѣятельностью другихъ, вѣрныхъ слугъ царскихъ, и хотя онъ и тогда уже принялся за проекты; но проекты эти не заключали еще въ себѣ того яро-оппозиціоннаго направленія, не отличались еще тѣмъ увлеченіемъ, задоромъ и всепоглощавшимъ мистицизмомъ и религіознымъ формализмомъ, которые сдѣлались характеристическими чертами Аврамова и его писаній впослѣдствіи. О службѣ и вообще о жизни его свѣдѣнія очень скудны (*). Сначала состоялъ онъ въ вѣдомствѣ московской оружейной канцеляріи, и въ 1711 году, во время открытія въ Петербургѣ первой типографіи, назначенъ былъ ея директоромъ, съ жалованьемъ по 445 рублей и по 25 юфтей хлѣба въ годъ. Черезъ три года жалованье это увеличено было еще 95 рублями и 10 юфтями. Нелюбившій

(*) Едва ли не первыя, сколько нибудь подробныя и связныя свѣдѣнія объ Аврамовѣ и его дѣятельности появились въ изслѣдованіи г. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Въ предисловіи къ этому труду авторъ говоритъ, что извѣстія объ Аврамовѣ сообщены ему В. И. Ламанскимъ. Воспользовавшись, на сколько было нужно, этими извѣстіями, П. П. Пекарскій, въ свою очередь, обязательно передалъ ихъ намъ, давъ намъ, такимъ образомъ, возможность представить, въ настоящей статьѣ, читателямъ нѣсколько весьма нелишенныхъ интереса документовъ. Такъ, благодаря П. П. Пекарскому, въ статьѣ нашей помѣщаются вполнѣ два проекта, поданные Аврамовымъ Петру Великому, и проектъ, поданный имъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; а сверхъ того приводятся выписки изъ обширнаго проекта, поданнаго этимъ неугомоннымъ Стародумомъ своего времени императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Изъ всѣхъ этихъ документовъ, равно какъ и изъ переданной намъ же П. П. Пекарскимъ переписки объ Аврамовѣ во время слѣдствія и суда надъ нимъ, имѣются въ «Наукѣ и литературѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ» довольно многочисленныя выписки и выдержки; но мы, повторяемъ, печатаемъ нѣкоторыя вещи вполнѣ, какъ потому, что онѣ очень характеристичны, такъ и потому, что онѣ очень не велики и, стало быть, ни коимъ образомъ утомить читателя не могутъ. Считаемъ излишнимъ распространяться о нашей искреннѣйшей и глубочайшей признательности П. П. Пекарскому.

никого награждать и жаловать даромъ Петръ, Аврамовымъ, значитъ, былъ доволенъ, и, дѣйствительно, Михаилъ Петровичъ, въ званіи директора петербургской типографіи, былъ, какъ видно, человѣкомъ далеко не безполезнымъ. Старовѣръ и Стародумъ въ душѣ, онъ, въ заботахъ о типографіи и типографскихъ дѣлахъ, являлся даже нѣкоторымъ реформаторомъ и новаторомъ, какъ человѣкъ, неограничивавшійся однимъ безмятежнымъ полученіемъ опредѣленнаго ему *кормленія,* но желавшій необходимыхъ преобразованій и улучшеній во ввѣренной ему части. Неустанно возясь съ разными справщиками и грыдоровальныхъ дѣлъ мастерами, неослабно наблюдая надъ акуратнымъ печатаніемъ книгъ, курантовъ и кунштовъ, Аврамовъ находилъ еще время заниматься русскою исторіею, и отъ 30-го августа 1716 года писалъ по этому поводу къ кабинетъ-секретарю Макарову, прося его о присылкѣ 1713, 14, 15 и 16 годовъ юрналовъ и скромно присовокупляя, что хотя тотъ *малый трудъ, за краткостью ума его* (Аврамова) *и при немъ токмо останется, но онъ и за сіе благодаритъ Бога, яко въ свое время собранія былъ не празденъ.* Очень можетъ быть, что, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, Аврамовъ если и не сталъ бы въ фалангѣ птенцовъ Петровыхъ, то не сталъ бы, по крайней мѣрѣ, въ фалангѣ ихъ противниковъ и сдѣлался бы все-таки человѣкомъ, смотрящимъ на вещи по человѣчески; но обстоятельства сложились иначе, и дружба съ людьми, видѣвшими идеалъ бытія въ томъ, чтобы *братіе не высокоумствовали, но во смиреніи пребывали и съ мудрыми философами не бывали,* произвела то, что Михаилъ Петровичъ, испортивъ и загубивъ жизнь свою, является теперь взорамъ потомства только лишь существомъ, *достойнымъ слезъ и смѣха.*

Въ 1721 году петербургская типографія поступила въ вѣдѣніе синода, но Аврамовъ на первыхъ порахъ все еще состоялъ при ней; потомъ переведенъ былъ асесоромъ въ бергъ-коллегію, и съ этого именно времени — оттого ли, что его не удовлетворялъ новый родъ службы, отъ большаго ли досуга, отъ сильнѣе ли разгорѣвшейся страсти, или отъ другихъ причинъ — начинается его, такъ сказать, публицистически-прожектерская дѣятельность, въ которую неблаговиднымъ ингредіентомъ вошла и дѣятельность литературнаго доносчика. Всегда въ душѣ стоявшій за старину, но, въ званіи директора типографіи, какъ будто дѣйствовавшій вполнѣ согласно съ желаніями и намѣреніями Петра, Михаилъ Петровичъ теперь невольно, хотя еще довольно осторожно, высказался въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Дѣло началось съ простаго, частнаго прошенія на высочайшее имя, а кончилось, еще при жизни Петра, проектомъ, въ которомъ Аврамовъ явился уже почти тѣмъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, былъ дѣйствительно, т. е. безпардоннѣйшимъ клерикаломъ, мистикомъ, обскурантомъ, словомъ — отчаяннѣйшимъ поборникомъ тѣхъ идей и понятій, которыя именно и хотѣлось вывѣтрить Петру изъ промзглой и затхлой русской атмосферы въ окно, прорубленное въ Европу. Въ 1723 году, вмѣстѣ съ вятскимъ коммисаромъ Тряпицынымъ, Аврамовъ завелъ въ казанской губерніи мѣдный заводъ, на которомъ выплавлено было до 10,000

пудовъ мѣди. Надобно было сбыть этотъ товаръ, и Михаилъ Петровичъ подалъ государю въ декабрѣ 1723 года, доношеніе, въ которомъ просилъ оказать ему, *всенижайшему рабу, милостивое призрѣніе—для распространенія онаго промысла учинить помощь: повелѣть принять у него на денежный дворъ въ передѣлъ 500 пудъ мѣди и, вычтя задѣльное и за припасы, выдать ему и съ придѣломъ мѣдною монетою.*

Дѣло было самое обыкновенное: начато было оно изъ личныхъ видовъ и весьма естественныхъ карманныхъ интересовъ; но Аврамовъ присоединилъ къ своему доношенію «всенижайшее мнѣніе», которое касалось уже не частнаго, а общаго вопроса, которое было уже проектомъ, и проэктомъ во многихъ отношеніяхъ любопытнымъ. Вотъ что говорилось въ этомъ «всенижайшемъ мнѣніи»: «О вывозѣ мѣдныхъ денегъ изъ-за рубежей сухимъ путемъ и водою сомнѣнія имѣть не надлежитъ, понеже народному поспольству во всемъ свѣтѣ дѣлать монету подъ смертнымъ запрещеніемъ, а на монетныхъ дворѣхъ нигдѣ чужой монеты дѣлать не будутъ; а хотя бъ кто, отважась, нѣсколько сдѣлавъ, тайно и повезъ въ чужія государства, но того крѣпко смотрятъ присяжные и повѣренные отъ акцизовъ и офицеры на заставѣхъ и у портовъ, да и провозить тайнымъ обычаемъ, за тяжестію монеты, не токмо многаго, но и посредственнаго числа отъ досмотровъ невозможно, о чемъ и указами утвержено и паки подтвердить мочно, чтобъ того при осмотрахъ накрѣпко стерегли, дабы въ Россію мѣдныхъ и серебряныхъ фальшивыхъ денегъ, такъ и изъ Россіи золота, серебра слитками и въ посудѣ, и никакой серебряной монеты многаго числа, безъ указа, никто не провозили. А за вышеписаннымъ сумнѣніемъ, для настоящей всенародной нужды, передѣлку мѣдной монеты отставливать не надлежитъ, но до нѣсколько милліоновъ умножить надобно, понеже нижней монетѣ быть мѣдной не противно, ибо древній сей обычай и во многихъ государствахъ ведется безпереводно, за нѣсколько сотъ лѣтъ дѣлаютъ въ прибавокъ повсягодно, и потому вездѣ у нихъ надѣлано много милліоновъ, отъ которыхъ великая помочь народу. И оное заблагоразсуждается быть истинною, безъубыточною государственною помощію, противъ чего и въ Россіи въ государственную помочь и въ народную пользу мѣдной нижней монетѣ быть и умножать оную надлежитъ даже до многихъ милліоновъ, понеже отъ придѣлу оныхъ будетъ государству польза и народу помочь такая: при удовольствованіи оныхъ, какъ морскимъ адмиралтейскимъ и сухопутнымъ армейскимъ полкамъ и штатскимъ служителемъ дача по окладамъ ихъ жалованья и отпускъ къ городовымъ и къ канальнымъ и къ прочимъ работамъ повсягодно будетъ безъ задержанія мѣдною мелкою монетою, понеже подлый народъ, какъ купечество, такъ и поселенство, оную монету пріемлютъ благодарно, паче мелкихъ серебряныхъ денегъ, въ которыхъ было за истинно умножилось воровскихъ денегъ, однако-жъ нынѣ и тѣ чрезъ усмотрѣніе указами пресѣчены. Служителемъ же всѣхъ чиновъ людямъ и къ городовымъ, и къ канальнымъ, и къ прочимъ дѣламъ общая сумма число превеликое, котораго серебромъ и золотомъ удовольствовать не токмо вскорѣ, но и съ продолжительнымъ временемъ управиться невозможно, на что свидѣтельствуетъ при-

носъ серебра въ бергъ-коллегію за высокую цѣну, и сначала не съ пущимъ довольствомъ; къ тому-жъ разумѣется, ежели кто за приносное серебро и золото пожелаетъ взять мѣдною монетою и тѣмъ противъ серебряной платить цѣною для излишнихъ харчей съ знатною прибавкою для наилучшаго приводу въ приносѣ серебра и золота. А нынѣ за недовольствомъ серебряной монеты, какъ отъ неполученія въ подобныя времена повсягоднаго жалованья, такъ и торговые и нижнихъ чиновъ люди имѣютъ великія скудости, а оное все отъ мѣдной монеты конечно пресѣчено будетъ, и не токмо помянутые нижніе, но и всѣ чины будутъ довольны. Но еще въ губерніяхъ и въ городахъ могутъ удовольствованы быть и святыя церкви со всѣмъ ихъ причетомъ, которые бъ чрезъ оное имѣли о народномъ обученіи попеченіе, и содержатся при оныхъ семинаріи, академіи и прочія ученыя школы, страннопріемницы и гошпитали, также и всякія фабрики и рудные заводы распространятся гораздо скорѣе серебряной монеты. Того ради надлежитъ каждому губернатору и воеводѣ въ нынѣшнее нужное время, покамѣстъ серебра и золота весьма умножится, отдавать на денежные дворы по нѣскольку сотъ пудъ отъ своей губерніи въ передѣлъ мѣди, съ заплатою за задѣльное и за припасы; а придѣломъ не токмо вышереченныя нужды могутъ править, но и хлѣбные запасные магазейны во всѣхъ городѣхъ и въ знатныхъ селѣхъ запасать могутъ, изъ которыхъ, когда на торгу на хлѣбъ подымется цѣна высокая, тогда въ народѣ изъ магазейновъ всякой хлѣбъ имѣетъ быть продаванъ передъ торговою цѣною съ знатною уступкою; а когда гораздо цѣна сбудетъ, паки наполнять магазейнъ. А самыхъ обѣднялыхъ людей, кто бъ какого званія ни былъ, такими придѣльными деньгами и хлѣбомъ, по разсмотрѣнію, ссужать и даромъ; а хотя видится трудно много, оной монеты вскорѣ надѣлать, но денежное дѣло всѣ простые мѣднаго дѣла мастеры и кузнецы отправлять могутъ, того для мочно къ прежнимъ нѣсколько сотъ набрать мастеровъ вольныхъ, и за задѣльныя деньги заставить на денежныхъ дворѣхъ непрестанно дѣлать. А когда Богъ подастъ, рудные заводы произойдутъ, и серебра, и золота, и мѣди своей будетъ довольно, а указано будетъ мѣдную монету въ государствѣ убавить, то надлежитъ надѣлать противъ монеты Швецкой мѣдныхъ платовъ, чтобъ противъ цѣны монеты было въ оныхъ вѣсомъ, и на тѣ платы легко вымѣнять старыя мѣдныя монеты будетъ мочно.

«А вывозъ золоту и серебру случился наипаче тогда, когда были съ войскомъ въ чужихъ краяхъ; когда кому случится изъ другаго государства, служа и торговавъ здѣсь, чрезъ счастіе свое пріобрѣсти не малый капиталъ пожитковъ, на которые покупаютъ золотые ефимки, и серебро, и золото въ дѣлѣ, и въ домѣхъ своихъ держатъ великіе сервисы, и по службѣ выѣзжаютъ въ свои отечества, и тѣ деньги золотыя, серебро и золото въ дѣланныхъ вещахъ высылаютъ и вывозятъ, у которыхъ напредъ того ничего не было.

«Но на сіе разумѣвается, дабы такимъ людямъ серебра, золота въ деньгахъ, въ золотыхъ и во всякой посудѣ изъ Россіи не вывозить, и при отъѣздѣ бъ имъ за оное отдавать россійскими товары настоящими цѣнами, отъ которыхъ товаровъ Россіи убытку не будетъ, а къ помянутымъ, кому то-

вары отданы будутъ, по продажѣ въ другихъ государствахъ, гдѣ такихъ товаровъ, кромѣ вывозу изъ Россіи, не обрѣтается, будетъ не малый прибытокъ.

«И тако, при помощи Всемогущаго, чрезъ сей способъ въ нужное время наиближайшая разумѣется быть государственная помочь, и то все да будетъ у Вашего Императорскаго Величества въ высокомъ разсужденіи.»

Съ этимъ проектомъ можно было не соглашаться, его можно было оспаривать; но прожектеръ не становился еще тутъ въ разрѣзъ съ цѣлями и намѣреніями Петра, не могъ еще вызвать своими измышленіями ни грозной бури негодованія, ни оскорбительныхъ насмѣшекъ со стороны царя и людей, смотрѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ не назадъ, а впередъ. Въ «всенижайшемъ мнѣніи» видѣнъ былъ финансистъ, чиновникъ бергъ-коллегіи, владѣлецъ мѣднаго завода, которому, естественно, хотѣлось повыгоднѣе сбывать свои издѣлія, и который, поэтому, слагалъ диѳирамбъ мѣдной монетѣ, доказывая всевозможными доводами, какая громадная польза можетъ произойдти отъ умноженія обращенія въ народѣ мѣдныхъ денегъ. Практическій Петръ могъ даже надъ этимъ серьезно призадуматься; но одновременно съ «всенижайшимъ мнѣніемъ» Аврамовъ подалъ государю еще другой проектъ посложнѣе и позамысловатѣе, проектъ, въ которомъ, подъ личиною рабской преданности царю и благоговѣйнаго умиленія предъ его преобразовательными дѣйствіями проводилъ уже идеи, столько же похожія на идеи Петра, сколько похожъ былъ на самого Петра самъ Михаилъ Петровичъ. Вотъ это курьезное порожденіе старорусскаго образа мыслей отъ слова до слова:

«О судѣ и милости Вашего Величества—писалъ Аврамовъ—трудъ видимъ нынѣ, что по милости Іисусъ Христовѣ къ ближайшему плодовъ правды созрѣваетъ заключенію, и сего ради не въ указъ, но къ высокому Вашему разсужденію доношу, егда оное заключать изволите, то въ началѣ наилучшее можетъ быти добро, чтобы многими дѣлами и пространными розыски не отягчать высшій судъ, дабы пространною завязкою дѣлъ не утрудило Васъ самою скукою, изъ чего паки закрываться могутъ дѣла надобныя. Но токмо надлежитъ всякія отъ всѣхъ принимать тутъ доношенія и челобитныя и, выслушавъ оныя и записавъ въ книгу, посылать ихъ въ надлежащія мѣста со опредѣленными государственными адвокатами, которымъ по должности своей имѣть о томъ стараніе, и что гдѣ по тѣмъ челобитнымъ чиниться будетъ, ежедневно репортовать имъ о томъ въ высшій судъ письменно, а тѣ репорты потому жъ слушать и опредѣлять на нихъ краткую сентенцію и, записавъ въ книгу, паки отправлять ихъ въ тѣ мѣста, давъ съ того опредѣленія за руками копіи.

«Колодниковъ по тюрьмамъ и вездѣ, и по гошпиталемъ и по работамъ бѣдныхъ людей адвокатомъ же ежедневно осматривать и кратко распрашивать, и о распорядкѣ объ нихъ пещися, о чемъ и репортовать письменно-жъ.

«А когда гдѣ на всѣ сроки противъ указу не вершатъ дѣлъ, или который челобитчикъ и отвѣтчикъ вершеньемъ не будутъ довольны, тогда призывать тѣхъ судей, и при адвокатѣхъ, и истцѣ, и отвѣтчикѣ разсудить оное дѣло въ правду нарочно для того учрежденнымъ особымъ членамъ, къ чему зѣло нуж-

но имѣть удобныхъ людей, которыхъ наилучшее чрезъ сей способъ выбрать изъ настоящихъ судей и изъ прочихъ всѣхъ чиновъ, выбравъ людей смысленныхъ число довольное и учиня имъ жребій, отдать въ волю Божественную; безъ сомнѣнія, избранные отъ всещедрыя его десницы даруются, о чемъ болѣе и не распространяю, но гласомъ сладкаго псалмопѣвца радость россійскую замыкаю: Милость и истина срѣтостѣся, правда и міръ облобызастася, истина отъ земли возсія, и правда съ небеси примите, ибо Господь дасть благость, и земля наша дастъ плодъ свой, правда предъ нимъ предъидетъ и положитъ въ путь стопы своя.

«О судѣ и милости Вашего Величества трудъ видимъ нынѣ, что по милости Іисусъ Христовѣ къ ближайшему созрѣваемъ заключенію, а стропотная настроенія ко исчезновенію, къ чему и для государственной полиціи мнится быти добро повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителемъ избирать между собою мужей смысленныхъ ежегодно, и изъ тѣхъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помочниковъ къ каждой дворовъ тысячѣ, которымъ во своихъ дворѣхъ всякаго чину и полу людемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ нравоученіи и о бѣдныхъ людяхъ правильномъ призрѣніи имѣть попеченіе.

«Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетраточкахъ славословіе Божіе, Царю Небесный, псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди Господни и церковные кратко; и тѣ тетраточки разослать ко архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникомъ. Начальникомъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереовъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается онаго, то своего прихода предъ священниковъ; имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетраточку всякому, научая страха Божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ, по которымъ тетраточкамъ въ предгрядущій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать; а тѣ тетраточки завсегда при себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ.

«За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовныхъ, прочтены были вышереченные тетраточки, о чемъ по вся дни репортовать своихъ директоровъ письменно.

«А и въ армеи господамъ командиромъ о томъ распорядкѣ пещися жъ.

«А хотя наибольшее число безграмотныхъ людей обрѣтается, должны директоры промышлять нѣсколько человѣкъ умѣющихъ грамотѣ, и для того содержать въ своихъ тысящахъ.

«Раскольщикомъ въ каждую недѣлю день опредѣлить во учрежденный домъ собиратися, гдѣ приходскимъ священникомъ чинить книгъ обученіе, для чего сочинить особыя нравоучительныя тетраточки и читать имъ книги православнаго исповѣданія и Питиримовскую пращицу.

«Для иновѣрцевъ, подъ державою россійскою живущихъ, нѣсколько сотъ

тетраточекъ напечатать ихъ литерами и отдать ихъ учителямъ, которымъ хоть не вдругъ для ученія, но сначала для знанія имѣть надобно. Куріерамъ и всѣмъ, въ путяхъ обрѣтающимся, гдѣ кто случится, получать тетраточки въ тѣхъ тысячахъ, а безъ того отнюдь ни быть, чего велѣть управителямъ на крѣпко у всѣхъ осматривать.

«Добро и сверхъ помянутыхъ управителей учрежденнымъ быть нѣскольку человѣкомъ за собственное око, которымъ нарочно въ каждую зиму ѣздить по государству и вездѣ того распорядку осматривать.

«А егда Господь изволитъ сему тако быти, то надобно дворовъ денежныхъ умножить и, при добромъ надзираніи, не касаемь на нихъ дѣломъ, ибо надлежитъ у оныхъ директоровъ, покамѣстъ серебра и золота весьма умножится, принимать отъ каждой команды по нѣсколько сотъ пудъ въ передѣлъ мѣди, за которую вычтя задѣльное и за припасы выдавать имъ съ денежныхъ дворовъ монетою, а имъ на тѣ деньги въ тысячахъ своихъ довольствовать святыя церкви и содержать при оныхъ учебныя школы, страннопріемницы и гошпитали и прочая, о чемъ явно въ особомъ предложеніи.

«Итако чрезъ вышерѣченный способъ плодъ правды легко имать умножатися, а злоба искоренятися, и всякіе люди вездѣ будутъ видимы, и бѣдные призрѣны; празднолюбцемъ же и раскольщикомъ трудно тогда будетъ находитися. Но всѣ, благодатію Господнею другъ отъ друга побуждаеми, съ радостію будутъ добра обучатися.

«О совѣсти моей не донести, что оставаться тунѣ боюся Бога, а безъ помощи придѣлѣхъ быть опасенъ, чего для и милости прошу, а самую истину доношу. Давно по милости Іисусъ Христовѣ горя духомъ истины внутрь моего сердца, слѣдовахъ къ милости и къ любви Вашей, яко къ нему самому Творцу моему усердно, обаче воздержнаго житія путь многократно отъ того меня отводилъ, а наиболѣе егда началъ въ положенныхъ на мнѣ дѣлѣхъ послѣдовать стопамъ Вашея истины, а прочіе оное признавать начали, то многое бремя напастей понесъ не токмо отъ чужихъ, но и отъ своихъ, что усмотря не токмо славы, но и самыя жизни лишитися отъ сильныхъ, по немощи моей, сталъ быть опасенъ, вѣдая что о простодушныхъ послѣдователехъ Вашихъ туне многіе неусыпно трудятся отлучать ихъ вдаль отъ милости Вашей и чинить напрасныя имъ бѣдства, что опробовалъ и надъ собою; и для того токмо въ нужныхъ дѣлѣхъ стоялъ наружно, а въ среднихъ иногда и противо совѣсти моей, съ низшими бояся, да нѣкако видя мя безпомочна, повредятъ мя. Обаче во всѣхъ моихъ о дѣлѣхъ начинаніяхъ твердое имѣю на Бога упованіе произнесть онымъ плодъ правды предъ Вашимъ Величествомъ, а что хотя бъ нѣкоторыя тѣ произведенныя на свѣтъ дѣла и затирали и затирать еще мудрствовали, но осуетишася помышленіи и суетно ихъ имать быть мудрованіе, понеже открытое свѣту акуратно уже угасити невозмогутъ, но наипаче тѣмъ отъимется на мя поношеніе, самая же истина открытися имать, съ которою и пріидохъ готовъ послѣдовати вамъ въ путь, въ немъ же ходить изволите, хотя оный за немощь недозрѣлой моей совѣсти нѣкако мнѣ еще и страшенъ.

Но вѣрую, что съ тобою ми сущу, будетъ и сладокъ, и вожделенъ и будущихъ благъ сопричастенъ, токмо оную мою совѣсть не возмущайся въ милости своей утвердить нынѣ, чтобъ съ помощію Всемогущаго противо всѣхъ завистливыхъ силъ стояти и въ положенныхъ на мнѣ дѣлѣхъ Вамъ служити возмогла право. О, Господи Боже нашъ миръ даждь намъ! Господи Боже нашъ; излей правды и судьбы исправленіе отъ престола славы твоея въ сердца всѣхъ насъ и спаси насъ, яко благъ и преблагъ и человѣколюбецъ. Аминь.»

Читая этотъ проектъ приходишь прежде всего къ заключенію, что, при извѣстномъ направленіи и при извѣстныхъ воззрѣніяхъ, изъ самой высокой и счастливой мысли можно сдѣлать нѣчто въ родѣ болѣзненнаго бреда, по поводу котораго не знаешь—смѣяться или плакать. Въ произведеніи Аврамова говорится и о государственныхъ адвокатахъ, и о передачѣ управленія выборнымъ отъ народа людямъ, и о призрѣніи бѣдныхъ, и о школахъ, и о странно-пріимницахъ, и о гошпиталяхъ—словомъ о вещахъ, о которыхъ, дѣйствительно надобно было подумать въ перерождавшемся и передѣлывавшемся государствѣ, и вдругъ все это разрѣшается предложеніемъ о *тетраточкахъ* съ славословіемъ, псалмами и заповѣдями, заведеніе которыхъ имѣло бы такое магическое дѣйствіе, что тотчасъ же бы *плодъ правды умножился, а злоба искоренилась*. На первый взглядъ все это кажется просто смѣшно и нелѣпо; но тогда люди, умѣвшіе читать между строками, безъ труда поняли, что «умыселъ другой тутъ былъ,» т. е., что мысль о *тетраточкахъ* имѣетъ за собою другую, заднюю мысль, вызванную особеннымъ обстоятельствомъ. Еще до изданія «Духовнаго регламента», въ которомъ указывалось прямо на несостоятельность употреблявшихся до того времени учебныхъ книгъ и на необходимость по этому предмету имѣть «книжицъ», напечатано было въ Петербургѣ, въ 1720 году, «Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги. Тоже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господни, символа вѣры и девяти блаженствъ.» Книга эта, принадлежавшая перу Ѳеофана Прокоповича, во многомъ уже не походила на прежнія произведенія такого рода, предназначавшіяся для пополненія первоначальнаго обученія, писавшіяся «славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ», и по одному этому уже остававшіяся непонятными для дѣтей, не заключали въ себѣ ничего, кромѣ молитвъ и псалмовъ, которые надобно было заучивать наизусть, «не мудрствуя лукаво»; а въ *Первомъ ученіи отрокомъ* находился *ясный толкъ закона Божія, и символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ*—во исполненіе разумнаго намѣренія Петра, «дабы отроцы читать учащіеся, по буквахъ и слогахъ, во утвержденіе чтенія своего, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися; а по семъ уже въ вѣрѣ и законѣ Божіи наставлени, могли бы съ пользою учить псалмы и молитвы.» Въ предисловіи книги, въ обращеніи «къ благочестивымъ родителемъ, воспитателемъ, приставникомъ, господіямъ и всѣмъ прочіимъ имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ», говорилось о значеніи воспитанія и о громадномъ его вліяніи не только *на собственныя* (т. е. отдѣльныя) *лица, но и на всецѣлые народы*. «Како-

ва-жъ добра надѣятися, гдѣ нѣтъ добраго дѣтемъ воспитанія? писалъ Прокоповичъ—А воспитаніе таковое въ Россіи—кто не видитъ какъ скудно? Мнози и благосовѣстніи у насъ и богобоящіися человѣцы, не вѣдая силы и закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ невѣдаютъ, и въ безстрашіи пребываютъ. Вѣдаютъ напримѣръ, Божію заповѣдь: *Чти отца твоего и матер твою*; а мнози ли вѣдаютъ силу тоя заповѣди, кто подъ именемъ отеческимъ разумѣется, и что подъ именемъ чести повелѣвается? Подобнѣ вѣдаютъ заповѣдь: *Не укради*; а многимъ ли вѣдомо есть сила ея? Кто въ грѣхъ себѣ ставитъ обмануть въ куплѣ, найденное утаить, краденое купить, взять мзду на судѣ и прочая? А то все татьба. Тожде рещи, подобаетъ по прочіихъ заповѣдѣхъ. Какъ же таковіи могутъ дѣтей воспитывать? Что же иніи мнози, которые въ такой тьмѣ и грубости пребываютъ, что ниже когда слышали о законѣ Божіи? Все богочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи, еже есть вѣровати въ Спасителя Бога, и со страхомъ и любовію законъ его хранити. Суть же нѣцыи мнящіи самое лучше быти дѣтей наставленіе—научать ихъ читать и писать. И сіе мнѣніе ложное есть: что бо пользуетъ умѣть только книги чести, когда чтущій не разумѣетъ что мнѣ, или ниже тщится разумѣти, или и не то чтетъ, что полезно есть ко исправленію? Не мнози ли обрѣтаются книгочіи, которіи заповѣдей Божіихъ, и символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ и весьма не разумѣютъ? Чимъ же таковіи за книгочтеніе свое лучшіи отъ прочіихъ? Ей, многажды хуждшіи и злѣйшіи бываютъ! Не имуще бо страха Божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научилися, глухое тое искуство обращаютъ себѣ на орудіе злобы: и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пашквили, портятъ записи, договоры, духовницы, притворяютъ указы. Нѣцыи же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣютъ, вельми мудри суть, дерзаютъ вымышлять плевелная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлаютъ И кто изочтетъ безчисленная таковыхъ книжниковъ злодѣйствія, перомъ ихъ твориман?»

Первое ученіе отрокомъ введено было, по приказанію Петра, во всеобщее употребленіе не только для духовныхъ, но и для мірянъ, и 26 февраля 1723 года состоялось распоряженіе правительствующаго синода о чтеніи новыхъ букварей въ великій постъ по церквамъ вмѣсто книгъ Ефрема Сирина и Соборника. (*)

Дѣло было разумное и благое; но и оно, какъ всѣ вообще, разумныя и благія нововведенія Петра, возбудило одни враждебные толки и неудовольствіе, и на книгу Прокоповича накинулось разомъ все тупое и невѣжественное, все видѣвшее высшій идеалъ жизни въ томъ, чтобы люди *не высокоумствовали, но во смиреніи пребывали*. На нее написана была даже пространная

(*) «О чтеніи въ церквахъ въ великій постъ, вмѣсто книгъ Ефрема Сирина, букварей съ толкованіемъ заповѣдей божіихъ». *Полное собраніе законовъ россійской имперіи*. Т. VII, № 4172.

критика подъ названіемъ: «Мѣста примрачная, иже отъ безъименнаго автора (въ *первомъ ученіи отрокомъ* не было выставлено имени Ѳеофана Прокоповича) на славенскомъ языкѣ изданъ и первое ученіе отрокомъ именованъ есть.» Здѣсь прямо доказывалось, что книга Прокоповича не согласна съ ученіемъ православной церкви; что настоящее, душеспасительное ученіе дѣтей должно начинаться произнесеніемъ и призваніемъ святаго и животворящаго креста, за симъ должны слѣдовать извѣстныя молитвы, потомъ октоихъ, псалмы, апостолъ и наконецъ уже *художество грамматическое*.

Такого же мнѣнія, въ числѣ многихъ другихъ, держался и Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, и онъ, не осмѣливаясь возстать прямо и открыто противъ царскаго распоряженія о введеніи во всеобщее употребленіе *перваго ученія отрокомъ*, думалъ противодѣйствовать его пагубному вліянію своими замысловато-незамысловатыми *тетраточками*, посредствомъ которыхъ надѣялся возстановить прежнее ученье по прежнимъ, добрымъ книгамъ, ученье, *по старинѣ и дѣдинѣ*, ученье, благодаря которому такъ называемые столбы нашего отечества, всѣхъ возрастовъ и званій, были такъ долго столбами въ буквальномъ значеніи этого слова.

Проектъ Аврамова оставленъ былъ безъ вниманія; но самъ прожектеръ, въ декабрѣ 1724 года, назначенъ былъ снова директоромъ петербургской типографіи, послѣ того, какъ ее посѣтилъ лично императоръ. Пришлось ему опять возиться съ справщиками и грыдоровальными мастерами, съ книгами, курантами и кунштами, по поводу нѣкоторыхъ сочиненій все болѣе и болѣе утверждаясь въ непріязни къ реформамъ Петра, къ нему самому и къ его помощникамъ и орудіямъ. На первомъ планѣ тутъ какъ сталъ, такъ и стоялъ неизмѣнно Ѳеофанъ Прокоповичъ, непокидавшій у Аврамова этого почетнаго мѣста не только до самой смерти своей, но даже и послѣ нея. Михаилъ Петровичъ даже всѣ дальнѣйшія свои обличенія петровскихъ преобразованій облекалъ въ форму обличеній сочиненій и мнѣній Прокоповича, и эти обличенія Ѳеофана, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ возстановленію патріаршества, сдѣлались у него мало по малу истиннымъ пунктомъ помѣшательства, леченіе котораго по тогдашней системѣ обошлось бѣдному прожектеру очень недешево!

Ѳеофанъ Прокоповичъ, вообще, былъ по истинѣ, какъ бѣльмо на глазу не у одного лишь Аврамова, но у всѣхъ людей этого направленія, у всѣхъ, воздыхавшихъ по погибавшей старинѣ, у всѣхъ, не шутя полагавшихъ, что наступаютъ послѣднія времена. Болѣе другихъ разумѣется, не переваривали его лица его же сословія, и это совершенно понятно: Прокоповичъ былъ неизмѣримо выше каждаго изъ нихъ отдѣльно и всѣхъ въ совокупности и умомъ, и талантами, и познаніями. Довершивъ свое образованіе, и довершивъ его солидно, заграницей, видѣвъ жизнь и людей не на однихъ лишь монастырскихъ дворахъ и подворьяхъ, не въ однѣхъ лишь церквахъ и кельяхъ, одаренный сверхъ того отъ природы проницательнымъ, живымъ, насмѣшливымъ умомъ, онъ на многое уже смотрѣлъ далеко не такъ, какъ смотрѣли его товарищи, какъ смотрѣло за ними, ихъ глазами, пасомое ими стадо, какъ смотрѣла почти

вся Русь, за исключеніемъ самаго Петра, да ничтожной кучки его имъ же созданныхъ и сформированныхъ *птенцовъ*. Принадлежа къ этой кучкѣ, Прокоповичъ и въ ней рѣзко отличался отъ другихъ. Другіе дѣйствительно были созданы Петромъ и творили волю его съ слѣпою, пассивною покорностью, повиновались ему, какъ повинуется ребенокъ отцу или учителю, иногда даже не совсѣмъ хорошо понимая, что, для чего и почему они дѣлаютъ. Прокоповича Петру создавать и формировать было не для чего: онъ нашелъ его совсѣмъ уже готовымъ, и не только его учить, но еще самъ у него могъ кое-чему поучиться. Безвѣстнымъ, темнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Прокоповичъ читалъ уже лекціи, которыя признаны были опасными, какъ содержащія въ себѣ «новое» ученіе, но которыя приводили въ восторгъ всѣхъ, имѣвшихъ *душу живу*, всѣхъ, понимавшихъ вещи хоть мало-мальски по человѣчески. Небудучи еще вовсе извѣстнымъ царю—стало быть, неимѣя еще, какъ имѣлъ впослѣдствіи, никакой сильной поддержки, но имѣя уже не мало враговъ, Прокоповичъ, тѣмъ не менѣе, при каждомъ удобномъ случаѣ, давалъ полную волю своему сатирическому уму, немилосердно бичуя невѣжество, ханжество, лицемѣріе—словомъ, именно тѣ свойства и качества, которыми въ особенности отличались тогдашніе вожди просвѣщенія, тогдашніе блюстители нравственности и всяческихъ добродѣтелей въ Россіи. Самая первая встрѣча его съ Петромъ была такова, что Петръ не могъ не отличить его въ толпѣ другихъ, тоже не вовсе дюжинныхъ лицъ того же сословія. Въ 1706 году, въ бытность царя въ Кіевѣ, Прокоповичъ произнесъ ему въ церкви святой Софіи привѣтственное слово на текстъ: «сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ» — и слово это не могло быть незамѣченнымъ умнымъ и умѣвшимъ сразу распознавать людей государемъ: оно также разнилось отъ другихъ такого рода словесъ и рѣчей, какъ разнился самъ его авторъ отъ авторовъ другихъ такихъ же произведеній. Не было тутъ въ ненужно-нелѣпомъ изобиліи ни къ чему неидущихъ тропъ и фигуръ, уподобленій и сопоставленій по всѣмъ правиламъ реторическаго искуства и забавно-дикихъ школьныхъ пріемовъ, по силѣ которыхъ неискушенный въ этомъ искуствсѣ и пріемахъ слушатель, прослушавъ слово, можетъ сказать одно лишь: что было *что-то* говорено. Не поднимался проповѣдникъ въ туманныя, заоблачныя сферы, изъ которыхъ ничего не увидишь, да и увидѣть нельзя; не пускалъ онъ пыли въ глаза историческими воспоминаніями изъ временъ допотопныхъ, столько же подходящими къ дѣлу, сколько вообще можетъ подходить къ дѣлу и имѣть значеніе для жизни пустое, безцѣльное словоизверженіе. Обращался Ѳеофанъ и къ исторіи, но не къ халдейской, еврейской, греческой или римской, какъ того требовала школьная рутина, а къ исторіи отечественной и при томъ еще, такъ сказать, мѣстной, живыми памятниками которой были — то мѣсто, въ которомъ онъ говорилъ, и тѣ мѣста, которыя его окружали. Отдалъ и онъ неизбѣжную дань неизбѣжному въ такихъ случаяхъ панегеристическому тону; но онъ хвалилъ Петра за то, за что нельзя было не хвалить его: онъ хвалилъ его, между прочимъ, за простоту его образа жизни, за про-

стоту его одежды, за отвращеніе его къ роскоши и пышности. «Обаче, пресвѣтлый монархо нашъ, говорилъ Прокоповичъ — множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленія достойныхъ дѣлѣхъ. Сія же азъ не къ похваленію твоему—не моей бо силы похвалы твоя исчисляти, но къ явленію радости нашей воспомянухъ.»(*)

Какого же лучшаго помощника можно было желать царю-преобразователю при выполненіи имъ его громадной задачи, массивную тяжесть которой приходилось ему выносить почти на однихъ собственныхъ плечахъ? И кто могъ казаться болѣе злымъ и опаснымъ врагомъ для людей въ родѣ Аврамова и его единомышленниковъ — для людей, въ глазахъ которыхъ слова «новое», «новизна», «нововведеніе» были однозначущи съ словами «гибельное», «гибель», «пагуба?» Петръ нашелъ въ Прокоповичѣ все, что желалъ онъ видѣть въ русскомъ епископѣ, наставникѣ и просвѣтителѣ народа; Аврамовъ и его единомышленники встрѣтили въ немъ, напротивъ, то, что казалось имъ не только несовмѣстнымъ съ званіемъ епископа, но что почитали они богомерзкимъ и богопротивнымъ даже въ простомъ міряниніѣ. Обширная и многостороняя ученость, истинно классическое образованіе, прямой, свѣтлый взглядъ на религіозные вопросы, здравое пониманіе нуждѣ и интересовъ человѣческихъ, безпощадное обличеніе и пораженіе всего отжившаго, неумѣстнаго, ненужнаго и нелѣпаго и нескрываемое къ этому презрѣніе—въ глазахъ Петра все это были заслуги; въ глазахъ людей, въ родѣ Аврамова—еретичество, зло и навожденіе духа тьмы. *Первое ученіе отрокомъ*, *Духовный регламентъ*, *Правда воли монаршей*, *Казанья*, похожія на политическіе памфлеты, духовные уставы, казавшіеся сатирами, торжественныя проповѣди, въ которыхъ, вмѣсто мистическихъ представленій и реторическихъ переливаній изъ пустаго въ порожнее, уяснялись значеніе и польза совершавшихся реформъ или говорилось вообще о томъ, что прилагалось и должно было прилагаться къ жизни—все это для Петра было памятниками дѣятельности, заслуживавшей полнаго уваженія и поощренія; все это для Аврамова и его единомышленниковъ было знаменіями времени, когда пораженные безмѣрнымъ ужасомъ сыны человѣческіе будутъ оглашать воздухъ отчаянными криками: «горы, падите на насъ! холмы, прикройте насъ!» Уничтоженіе патріаршества, которому такъ много содѣйствовалъ Прокоповичъ, для Петра было елеемъ по сердцу; уничтоженіе же патріаршества для Аврамова и людей его партіи было ударомъ обуха по лбу, ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что многіе изъ этой партіи, помимо всего другаго, мечтали о первосвятительской каѳедрѣ для себя, соединяя вопросъ церковнаго и государственнаго благосостоянія съ вопросомъ благосостоянія личнаго. «Воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго и не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго

(*) *Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича.*

правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше не брегутъ, уставляемъ духовную коллегію, т. е. духовное соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣсь регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять», писали въ духовномъ регламентѣ Петръ и Прокоповичъ; Аврамовъ же твердилъ неустанно, что *потребно быть въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйному мужу, не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей, и во всемъ съ симъ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввесть благочиніе и доброе благосостояніе.* Онъ говорилъ объ этомъ, онъ писалъ объ этомъ, онъ сходилъ надъ этимъ съ ума, и голосъ его въ этомъ дѣлѣ былъ отголоскомъ цѣлой партіи, имя которой было легіонъ.

Непріязнь къ Прокоповичу людей аврамовскаго образа мыслей и страхъ передъ тѣмъ, что можетъ надѣлать такой человѣкъ, получивъ власть и значеніе, выразились самымъ рельефнымъ образомъ тотчасъ же послѣ того, какъ разнесся слухъ, что Государь назначаетъ Ѳеофана епископомъ въ Псковъ. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, мѣсто блюститель патріаршаго престола, митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій, отнесся немедленно къ архіереямъ Алексѣю, Сарскому и Подонскому, и Варлааму, Тверскому и Кашинскому, долженствовавшимъ ѣхать въ Петербургъ для поставленія архіереевъ на вдовствовавшіе престолы—съ посланіемъ, въ которомъ говорилъ, что если имъ представленъ будетъ для посвященія въ архіереи на какой либо престолъ іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то они должны немедленно донести государю, что іеромонахъ Прокоповичъ «имать пренятіе, которое самъ на себя наложилъ по святому, великому архіерейскому сану. Пренятіе же сіе есть ученіе его несогласное святой нашей апостольской православной каѳолической церкви, которое ученіе проповѣдывалъ онъ, подъ именемъ богословія, явно въ Кіевѣ въ училищахъ, яко же о томъ свидѣтельствуютъ кіевскіе ученики его и прочіе а наипаче письма его, богословскими нареченныя.» Если бы Ѳеофанъ Прокоповичъ ученія этого не призналъ за свое,—слѣдовало обличать его, кромѣ другихъ свидѣтельствъ писанными имъ къ ученикамъ въ Кіевъ письмами; если же бы призналъ за свое, но утверждалъ, что оно согласно съ догматами православной церкви, то архіереи должны были просить государя, чтобы онъ, буде имъ въ томъ не вѣритъ, послалъ Прокоповичево ученіе на разсмотрѣніе къ святѣйшимъ патріархамъ. Въ случаѣ же, если бы Ѳеофанъ призналъ самъ свое ученіе за *новое и противное святой апостольской церкви*, то онъ долженъ былъ *съ покаяніемъ явно* отъ него отречься, и только тогда уже архіереи могли его посвятить по царскому изволенію. «Аще же бы не по сему сіе сдѣлалось—такъ заканчивалъ Стефанъ Яворскій свое посланіе—азъ не повиненъ сему—вы узрите.» (*)

(*) *Рѣшиловское дѣло. Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія.* И. Чистовича. Приложеніе

Стефанъ Яворскій составилъ и самую форму отреченія, по которой Ѳеофанъ Прокоповичъ долженъ былъ свое собственное «противное» ученіе предать анафемѣ, и «сіе клятвенное отрицаніе» утвердить собственноручнымъ подписаніемъ. Но дѣло до этого не дошло: отъ взведенныхъ на него обвиненій отказались сами обвинители, а коноводъ ихъ, Стефанъ Яворскій, сознался и на словахъ, и на бумагѣ, что даже совсѣмъ не читалъ сочиненій Прокоповича, и вовлеченъ въ обманъ доносомъ преподавателей московской академіи Ѳеофилакта Лопатинскаго и Гедеона Вишневскаго. «Императоръ приказалъ сенатору Ивану Алексѣевичу (Мусину-Пушкину), чтобы свелъ Рязанскаго (т. е. Яворскаго) со мною для бесѣды,—писалъ по этому поводу Прокоповичъ въ Кіевъ — послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырь призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ тоже думаетъ, но принималъ слова въ другомъ смыслѣ. Знаменитѣйшій Рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, что́ и получилъ при взаимномъ лобзаніи» (*). Ѳеофанъ Прокоповичъ, такимъ образомъ, вопреки всѣмъ проискамъ своихъ недоброжелателей, нареченъ былъ епископомъ псковскимъ и новогородскимъ и хиротонисанъ, въ присутствіи самого государя, съ облаченіемъ въ саккосъ, что̀ почиталось тогда знакомъ особеннаго отличія, такъ какъ другіе епископы священнодѣйствовали только въ фелони съ омофоромъ.

Но на этой первой неудачѣ враги Прокоповича, разумѣется, не остановились. Озлобленные, напротивъ, еще пуще прежняго, они не пропускали никакого случая, чтобы пошатнуть кредитъ проповѣдника «новаго», несогласнаго съ православіемъ, ученія, а буде можно, то стереть его вовсе съ лица православной русской земли. Ни одно сочиненіе его не проходило безъ возраженій и опроверженій; его обвиняли въ разрушеніи догматовъ и преданій церкви, во введеніи *безбожнаго мытарства и прочаго еретичества;* «новое» же ученіе, мало по малу, превращено было изъ «новаго» просто на просто въ

1, с. 1 и 2.—Тутъ же можно найдти «ученіе пречестнаго отца Ѳеофана, обрѣтающееся въ его письмахъ латинскихъ и русскихъ», т. е. тѣ пункты этого ученія, на основаніи которыхъ оно называлось *несогласнымъ святой нашей апостольской, православно—кафолической церкви.* Вотъ, для любопытствующихъ, нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ: 1) Legem Dei nemo, Aiam quantum cumque justus, perfecte adimplere potest. Закона Божія никто же, аще бы и зѣло была праведенъ, совершенно исполнити не можетъ. 2) Dota in cassum eliciuntur ut pote quam ub homine imperi quantum cumque justificatio. Обѣщанія всуе бываютъ, понеже ихъ человѣкъ исполняти не можетъ, аще бы и зѣло былъ оправданъ. 3) Poenitentia est tantum moera actio poenalis, nullam conferens justitiam intrinsecam. Покаяніе есть токмо дѣло наказательное, ни единыя подающее правды внутреннія. 4) Peccatum, ut sit peccatum, non requiritum esse aut voluntarium aut liber. Грѣхъ дабы былъ грѣхомъ не требуетъ, дабы былъ вольный или свободный. 5) Numerus septenarius peccatorum mortalium est merum firmentum Cassiani. Число седмиричное грѣховъ есть только вымыселъ Кассіана. 6) Чиноначаліе ангельское и лики ангеловъ раздѣленіи суть вымышленіе человѣческое. 7) Книги Св. Діонисія Ареопагита, въ нихъ же чины сіи ангельстіи откроются, не суть Діонисіевы, но нѣкоего баснотворца.»

(*) *Исторія русской церкви*, періодъ V. Москва. 1848. с. 75.

еретическое. При Петрѣ все это оставалось безъ послѣдствій; но Петръ былъ не безсмертенъ; обстоятельства могли круто измѣниться, и потому, 1 марта 1725 года, Ѳеофанъ, безъ всякихъ риторскихъ и декламаторскихъ побужденій, вмѣсто пышной надгробной рѣчи, имѣлъ полное право, задыхаясь отъ слезъ, воскликнуть: «Что се есть? До чего мы дожили, о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!»

II.

Возвратясь снова къ званію директора петербургской типографіи, Михаилъ Петровичъ Аврамовъ снова, при неутомимой дѣятельности, сталъ проявлять нѣкоторыя прогрессивныя тенденціи, точно будто этѣхъ его тенденцій только и могло хватить на одни типографскіе станки и типографскихъ рабочихъ. Такъ, въ 1726 году, по случаю возникшаго въ синодѣ предположенія о сокращеніи типографскихъ штатовъ, Аврамовъ представилъ синоду донесеніе, въ которомъ, излагая всѣ заслуги типографіи въ царствованіе Петра, говорилъ, что учрежденіе это не умалять, но распространять надобно. «По именному высоко-славныя и вѣчно-достойныя памяти Его Императорскаго Величества указу, писалъ онъ—при Санктъпитербурхѣ типографія началась съ 1711 году, и по 1714 была въ домѣ моемъ съ однимъ станомъ, при которомъ въ тѣхъ годѣхъ токмо мастеровые люди во всемъ типографскаго дѣла распорядкѣ обучиваны въ наилучшее, а въ печати мелочныхъ дѣлъ было немного; и такъ то дѣло типографское учинено здѣсь тогда токмо для лучшаго обученія россійскаго народа, чего ради и мастеры иноземцы изъ Риги и изъ Ревеля были высланы, съ которыми отправлялись во флоты корабельные и галерные сигнальные листы и книги, и прочія гражданской науки, и на иностранныхъ языкахъ книги, что нынѣ и одни россійскіе мастеры отправляютъ. А прежде того, здѣсь такихъ людей не бывало, также и пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ. А грыдоровальныхъ дѣлъ мастеры и живописцы здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи, наилучшую получили науку, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцовъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые въ своихъ мастерствахъ при домѣ Его Императорскаго Величества чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы. И хотя сія типографія наиболѣе для обученія въ общенародную пользу россійскихъ людей учинена, какъ тому и разныхъ книгъ, и прочихъ дѣлъ, и гравировальныхъ кунштовъ, сначала по сей 1726 годъ, на 49,828 руб. $3^1/_2$ коп. напечатала. И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалять и контору оставлять не надлежитъ, но наипаче, для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно (*).

(*) *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ-Великомъ*, т. II, с. 659 и 660.

Представленіе это не было уважено, и въ слѣдующемъ 1727 году, уже при Петрѣ II, первоначальная петербургская типографія была не сокращена, но совсѣмъ упразднена. Церковные шрифты ея были отправлены въ московскую синодальную типографію, а гражданскіе въ сенатъ, для передачи въ только что заведенную академическую типографію. Аврамову пришлось проститься съ любезной ему дѣятельностью и въ довершеніе всего, на прощаньи, эта любезная дѣятельность подарила его не совсѣмъ любезнымъ по себѣ воспоминаніемъ. Случилось это по поводу перваго явившагося въ печати произведенія князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, *Симфоніи на псалтырь*. 2 ноября 1726 года, императрица Екатерина передала лично Аврамову, въ лѣтнемъ дворцѣ, произведеніе Кантемира и приказала напечатать его съ тѣмъ, чтобы потомъ пустить въ продажу. Аврамовъ состоялъ тогда въ вѣдѣніи духовнаго управленія, и вслѣдствіе этого просилъ у него разрѣшенія: сколько экземпляровъ *симфоніи* печатать? Разрѣшенія никакого не послѣдовало; Аврамову же хотѣлось исполнить высочайшую волю; а по тому онъ велѣлъ отъ себя напечатать 1250 экземпляровъ, изъ которыхъ 2 экземпляра поднесъ Петру II и сестрѣ его, великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а 9 роздалъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта и синода. Между тѣмъ, князь Антіохъ Кантемиръ подалъ, 19 декабря 1727 года, слѣдующее прошеніе:

«Въ прошломъ 726 году въ іюлѣ мѣсяцѣ подалъ я, нижеименованный блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскому Величеству книгу своихъ трудовъ Симфонію на богодухновенную псалмовъ книгу, которая именнымъ указомъ напечатана. И при начатіи печатанія, по прошенію моему, принято въ типографію отъ меня тоя типографіи справщиками Иваномъ Григорьевымъ да Михаиломъ Волковымъ книжной бумаги полторы стопы, для напечатанія мнѣ, нижеименованному, на имя мое тѣхъ книгъ десять экземпляровъ. Нынѣ же, какъ оныя книги въ окончаніе пришли, господинъ директоръ Аврамовъ оныхъ книгъ на печатанной моей бумагѣ безъ указа мнѣ не отдаетъ. Того ради прошу, дабы повелѣно было оныя новонапечатанныя книги отдать мнѣ, нижеименованному. О семъ доноситъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку ѳендрикъ князь Антіохъ Кантемиръ. 1727 года декабря 19 дня».

По указу императрицы Екатерины, запрещено было печатаемыя въ типографіяхъ книги раздавать безденежно; а такъ какъ Аврамовъ успѣлъ уже раздать 11 экземпляровъ *Симфоніи*, то, въ наказаніе за это, велѣно было выдать ему, вмѣсто жалованья за январскую и майскую трети 1727 года, тѣми книгами, «которыхъ онъ множество безъ указу самовольно напечаталъ, а за взятую у господина Кантемира на печатаніе оныхъ книгъ, бумагу отдать тѣми книгами по истинной цѣнѣ, а именно четыре книги безъ удержанія» (*).

(*) *Библіографическія Записки* за 1858 годъ. Т. I, стр. 531 и 532.

Обстоятельство это не могло быть пріятнымъ Михаилу Петровичу; но небольшая эта непріятность была ничто въ сравненіи съ тѣми сладостными надеждами и радостными ожиданіями, которыми преисполнило новое царствованіе и сердце Аврамова, и сердца всѣхъ, такого же, какъ онъ, образа мыслей и такихъ же, какъ онъ, стремленій сыновъ отечества. Все, казалось сулило имъ возвратъ къ тому, что оплакивали они такъ горько и почитали уже навсегда погибшимъ; все повидимому, направлялось къ уничтоженію тѣхъ, далеко еще не успѣвшихъ окрѣпнуть нововведеній и преобразованій, по поводу которыхъ по всей Руси изъ конца въ конецъ, шла страшная молва о близкихъ—близкихъ послѣднихъ временахъ. На престолѣ былъ сынъ человѣка, *имѣвшаго великое горячество къ попамъ* и ко всему тому, что наоборотъ, казалось лишь годнымъ для сдачи въ архивъ старыхъ дѣлъ въ глазахъ его великаго отца; не мало изъ ревностнѣйшихъ пособниковъ, изъ быстрокрылыхъ птенцовъ Петровыхъ, такъ или иначе, сошло уже съ политической и государственной сцены, и даже могущественнѣйшій, ревностнѣйшій, быстрокрылѣйшій изъ нихъ, «полудержавный властелинъ», свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, искупалъ страданіями тяжелой ссылки свои прегрѣшенія вольныя и невольныя. Императоръ, правда, былъ еще очень молодъ, и на самостоятельную, энергическую дѣятельность съ его стороны расчитывать было не совсѣмъ основательно; но, во 1-хъ Петръ II, не взирая на свою молодость, проявлялъ уже кое-какія черты, по силѣ которыхъ можно было заключать, что онъ будетъ похожъ не на дѣда, а на отца, и не безъизвѣстно, напримѣръ, было многимъ, что онъ *любилъ народъ свой и мало уважалъ другіе;* (*) во 2-хъ тронъ отрока-императора окружали люди, къ которымъ съ полнымъ упованіемъ и умиленіемъ могли обращаться взоры всѣхъ, мыслившихъ одинаково съ Михайломъ Петровичемъ Аврамовымъ. По паденіи Меншикова, стоявшаго выше всякихъ партій и всякихъ отдѣльныхъ личностей, а потому, уже однимъ этимъ всемогуществомъ своимъ исключавшаго возможность существованія иныхъ вліятельныхъ кликъ, русскій дворъ распался снова на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей, дѣйствовавшихъ каждый на пользу свою и своихъ. Первую, групировавшуюся возлѣ самого императора, партію составляли князья Долгоруковы и Голицыны, не совсѣмъ сходившіеся одни съ другими, но вполнѣ сходившіеся въ одномъ: въ любви къ старинѣ и къ родному, въ непріязни къ нововведеніямъ и къ иноземному, и въ стремленіи вытурить изъ Россіи въ три шеи всѣхъ болѣе или менѣе вліятельныхъ иностранцевъ, а съ ними вывѣтрить такъ, чтобъ и духу не пахло, все, что, по волѣ Петра, занесли они съ собою съ запада (пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежала Голицынымъ). Вторую, гораздо менѣе значительную, партію составляли осиротѣвшіе со смертью Петра иностранцы, во главѣ которыхъ стояли баронъ Остерманнъ и братья графы фонъ-Левенвольде. Они льнули къ сестрѣ государя, великой княжнѣ

(*) *Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при императорскомъ россійскомъ дворѣ въ званіи посла короля испанскаго* (1727—1730 г.) стр. 114.

Наталіѣ Алексѣевнѣ, ни въ чемъ почти не походившей на брата, и съ часу на часъ, со страхомъ и трепетомъ, ожидали, что процвѣтаніе и благоденствованіе ихъ въ «Московіи» разрѣшится чѣмъ нибудь весьма плачевнымъ. Этого пока не случилось; но въ царствованіе Петра II не только ни одинъ иностранецъ, не исключая и самого воспитателя и оберъ-гофмейстера императорскаго, Остерманна, не имѣлъ никакого значенія—даже сами князья Голицыны должны были совершенно стушеваться передъ болѣе счастливыми соперниками своими, князьями Долгоруковыми, которые, такимъ образомъ, стали коллективно тѣмъ, чѣмъ былъ до нихъ единолично свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ. Первое мѣсто между членами этой фамиліи заняли князья Иванъ Алексѣевичъ и отецъ его, Алексѣй Григорьевичъ. Сынъ пользовался значеніемъ бо̀льшимъ нежели отецъ, но повиновался ему и даже побаивался его, какъ истинно добрый сынъ и притомъ человѣкъ весьма недалекій, слабохарактерный и вѣтренный; князь же Алексѣй Григорьевичъ, при крайне ограниченномъ умѣ и положительномъ отсутствіи всякихъ дарованій, отличался полнѣйшей нетерпимостью къ иностранцамъ и иностранному и безшабашнѣйшей любовью къ родной старинѣ со всѣми ея красотами и добродѣтелями, начиная отъ конопляннаго масла по середамъ и пятницамъ и кончая сокрушеніемъ реберъ чадамъ и домочадцамъ, по системѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти благовѣщенскаго іерея Сильвестра. Какихъ же еще болѣе лучезарныхъ *знаменій времени* требовалось для Михаила Петровича Аврамова и его единомышленниковъ? Императоръ, благодаря пагубнымъ на него вліяніямъ, обѣщалъ воскресить въ себѣ своего родителя, а пока обѣщанія эти должны были исполниться—наложилъ, на первыхъ порахъ, запрещеніе на сочиненія, въ которыхъ писалось противъ Алексѣя Петровича и его сторонниковъ; безграничнымъ его расположеніемъ и довѣріемъ пользовались люди, насквозь пропитанные нѣжнѣйшею симпатіею къ добрымъ старымъ обычаямъ; еретики—иноземцы попрятались, какъ тараканы яснымъ днемъ, въ свои щели; въ заключеніе же всего, дворъ покинулъ ненавистный Петербургъ и перебрался въ первопрестольную столицу, *въ матерь градовъ россійскихъ*—Москву, гдѣ пребываніе его получило обстановку, преисполнившую сердца многихъ и многихъ сладостною надеждою, что онъ, пожалуй, останется тутъ совсѣмъ, а Петербургу, дѣйствительно, *быть пусту*, какъ пророчили еще при Алексѣѣ Петровичѣ нѣкоторые его друзья и совѣтники. Словомъ, Долгоруковы повели дѣло отлично: далеко не бѣдно одаренный отъ природы Петръ зарывалъ въ землю талантъ за талантомъ; онъ ничему не учился, ничего не читалъ, и даже не думалъ о какихъ бы то ни было дѣлахъ. Балы, банкеты, фейерверки, катанья, гулянья, въ особенности же ружейная и псовая охота поглощали всецѣло всѣ его дни и ночи, губительно дѣйствуя и на физическія, и на умственныя его силы, и кратковременная исторія царствованія этого, задаромъ погибшаго или, вѣрнѣе, загубленнаго, отрока почти вся исчерпывается отмѣтками въ родѣ отмѣтокъ въ «*Запискахъ дюка лирійскаго*» такого содержанія: «Чужестранные министры получили приглашеніе, отъ имени Его

Величества, пріѣхать вечеромъ на Царицынъ лугъ, гдѣ былъ фейерверкъ и балъ.»—«Его Величеству угодно было почтить домъ мой и ужинать у меня. Царь пробылъ у меня за часъ по полуночи, а за столомъ просидѣлъ слишкомъ полтора часа, чему всѣ удивились, потому что онъ остается за столомъ обыкновенно не болѣе четверти часа. Въ эту ночь опорожнили у меня почти 500 бутылокъ вина.»—«Получено извѣстіе, что герцогиня Голштейнъ-Готторпская разрѣшилась отъ бремени принцемъ, и по сему случаю былъ, на другой день, во дворцѣ балъ, на который приглашенъ былъ я со всѣми чужестранными министрами.» — «Сегодняшній балъ продолжался до двухъ часовъ утра.»—«День св. Наталіи, именины великой княжны. По сему случаю былъ при дворѣ праздникъ, состоявшій, какъ и прежде, изъ ужина, бала и фейерверка.»—«Царь отправился опять на охоту за городъ и пробылъ тамъ пять недѣль. Министры послѣдовали его примѣру и, такимъ образомъ, въ Москвѣ остались только великая княжна и иностранные министры.»—«День рожденія Государя праздновался съ величайшей пышностью.»—«Я представилъ царю двѣ борзыя собаки, кои нарочно выписалъ изъ Англіи и Его Величество такъ былъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоцѣнность. Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ опять загородъ сказавъ, что воротится не прежде, какъ выпадетъ первый снѣгъ.» — «Царь отправился на охоту за 12 лье отъ Москвы и пробылъ за городомъ до святой недѣли.»— «Царь отправился на охоту въ Подмосковную, на двѣ недѣли, и возвратился.» — «Поѣхалъ опять, верстъ за 50 отъ Москвы.»—«День св. Петра, именины царскіе. Былъ во дворцѣ праздникъ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и продолжался три дня съ иллюминаціею.»—«Царь поѣхалъ на охоту.»—«День св. Александра Невскаго и кавалерскій праздникъ, Царь рано возвратился въ Москву, и, по окончаніи обѣдни, всѣ кавалеры имѣли честь обѣдать съ Его Величествомъ, который вечеромъ опять отправился на охоту.»—«Царь отправился на охоту, и съ нимъ поѣхали: фаворитъ (князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ), отецъ его, мать и сестры. А какъ эту поѣздку устроилъ также князь Алексѣй Долгоруковъ, то всѣ думали, что теперь-то онъ достигнетъ своего желанія, которымъ такъ долго занимается, женить царя на одной изъ своихъ дочерей.»

Это было на самомъ дѣлѣ пламеннѣйшее желаніе князя Алексѣя Григорьевича; онъ, дѣйствительно, давно и неусыпно имъ *занимался*, и по этой именно причинѣ держалъ императора въ Москвѣ, да даже и не въ Москвѣ, потому что жители первопрестольной столицы только изрѣдка рано утромъ видѣли своего государя, т. е. видѣли, какъ онъ выходилъ изъ дворца, садился въ сани съ княземъ Долгоруковымъ и дежурнымъ камергеромъ и мчался на какую нибудь подмосковную дачу, чаще всего въ подсковсковное село Горенки, принадлежавшее самому князю Алексѣю Григорьевичу. Это былъ обычный сборный пунктъ всѣхъ, охотившихся вмѣстѣ съ императоромъ; охотились же съ нимъ только родственники да преданнѣйшіе друзья и клевреты Долгоруковыхъ, на которыхъ послѣдніе могли вполнѣ положиться. Тутъ, въ Горенкахъ съ одной стороны немолчно раздавались ловко сплетенные панегирики ста-

риннымъ обычаямъ и стариннымъ людямъ, царевичу Алексѣю Петровичу и его сторонникамъ; съ другой—слышались не менѣе искусно скомпонованныя хулы на петровскія преобразованія и нововведенія, на иноземное и иноземцевъ; съ третьей—доказывалось, подъ личиною безпредѣльной любви къ отечеству, что для Россіи не только безполезно, но даже вредно всякое тѣсное сближеніе съ иностранными государствами. Утомленный непосильнымъ моціономъ, безсонными ночами и всякаго рода вакханаліями, и день со дня видимо отъ всего этого, и физически, и умственно, ослабѣвшій Петръ соглашался со всѣмъ и со всѣми; если же амфитріонъ и его родственники замѣчали, что императору какъ будто что-то не по себѣ, что ему очевидно хочется заняться не разсужденіями о благѣ и славѣ Россіи, а чѣмъ нибудь инымъ—на сцену немедленно являлись супруга и дочери князя Алексѣя Григорьевича, и тогда одинъ взглядъ прекрасныхъ глазъ княжны Екатерины Алексѣевны дѣйствовалъ на державнаго отрока гораздо сильнѣе и убѣдительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ, широковѣщательныхъ и медоточивыхъ рѣчей умнѣйшаго, способнѣйшаго, образованнѣйшаго и хитрѣйшаго изъ всѣхъ Долгоруковыхъ, дипломата—проныры князя Василія Лукича.

Аврамову и его единомышленникамъ и происки Долгоруковыхъ посадить свое племя на россійскій императорскій престолъ должны были, съ извѣстной точки зрѣнія, казаться дѣломъ благословеннымъ Богомъ. Это напоминало имъ прежнихъ благочестивыхъ царей, которые не искали себѣ невѣстъ въ еретическихъ земляхъ, а роднились съ природными православными русскими вельможами, и въ дружномъ, любовномъ союзѣ съ ними управляли государствомъ безъ всякихъ заморскихъ затѣй и душевредительныхъ «новшествъ». На эту тему напирали и сами Долгоруковы, разнообразными, ловкими намеками доказывая Петру, что главной, даже единственной причиной бѣдствій его злополучнаго родителя была жена—иноземка и родственная связь съ иноземнымъ дворомъ. Все болѣе и болѣе терявшій голову отрокъ - императоръ вѣрилъ, повидимому, и этому.

Но все, что̀ ни совершалось или ни затѣвалось пріятнаго для Аврамова его друзей въ царствованіе Петра II, все это было ничто въ сравненіи съ разнесшимся въ это время слухомъ о возстановленіи патріаршества. Тутъ ужъ, дѣйствительно, можно было расцвѣсть душею и помолодѣть не на годъ, а на цѣлый десятокъ лѣтъ!..

Не совсѣмъ такъ относились къ событіямъ этого страннаго царствованія люди, смотрѣвшіе на вещи болѣе разумнымъ, проницательнымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ. Они видѣли ясно, что дѣло плохо, и что если обстоятельства не перемѣнятся, то завладѣвшая государемъ клика не доведетъ до добра ни его, ни Россію, ни самое себя. И дѣло точно было такъ плохо, что даже Андрей Ивановичъ Остерманнъ, поставившій себѣ неизмѣннымъ правиломъ всей своей жизни и дѣятельности держаться въ сторонѣ отъ всякихъ, черезъ-чуръ щекотливыхъ и небезопасныхъ вмѣшательствъ — даже Андрей Ивановичъ Остерманнъ, по званію императорскаго воспитателя и оберъ-гоф-

мейстера, счелъ необходимымъ представить государю, какъ несообразенъ его образъ жизни съ его высокимъ саномъ и великимъ назначеніемъ. Петръ выслушалъ своего воспитателя и оберъ гофмейстера — и отошелъ, не сказавъ ни слова. Андрей Ивановичъ заболѣлъ отъ огорченія, но черезъ нѣсколько дней рѣшился снова говорить съ своимъ державнымъ питомцемъ и, повторивъ ему уже высказанное прежде, присовокупилъ, что Его Величество самъ черезъ нѣсколько лѣтъ, приказалъ бы отрубить ему, Остерманну, голову, еслибы онъ не представилъ ему пропасти, въ которую онъ теперь стремится; что онъ, Остерманнъ же, не можетъ быть свидѣтелемъ гибели императора и отказывается отъ званія воспитателя и оберъ-гофмейстера. Петръ на этотъ разъ не отошелъ молча, а обнялъ Андрея Ивановича, и со слезами на глазахъ просилъ не оставлять его. Но въ тотъ же день онъ уже снова скакалъ на охоту, и дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ.

Людей, смотрѣвшихъ на вещи не съ аврамовской точки зрѣнія, смущало въ особенности пребываніе двора въ Москвѣ, и въ числѣ этихъ людей находились и иностранные министры. Изъ нихъ больше другихъ волновался по этому поводу испанскій посланникъ, герцогъ лирійскій, не разъ представлявшій и Остерманну, и царскому фавориту, князю Ивану Алексѣевичу Долгорукову, какъ необходимо, и для самаго императора, и для государства, чтобы Петръ II возвратился въ Петербургъ: для императора — по причинѣ его здоровья, для государства—чтобы у внука были постоянно передъ глазами завоеванія, сдѣланныя дѣдомъ, и флотъ, который неминуемо истребится, если дворъ еще долго останется въ Москвѣ. Фавориту герцогъ лирійскій присовокуплялъ, что возвращеніе двора въ Петербургъ необходимо и для самихъ Долгоруковыхъ, потому что, если съ государемъ случится какое нибудь несчатіе, то непріязненно расположенный къ нимъ московскій народъ передушитъ ихъ всѣхъ до одного, тогда какъ въ Петербургѣ, городѣ новомъ, немноголюдномъ и почти не русскомъ, подобной катастрофы опасаться нечего. То же самое герцогъ лирійскій, вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ, графомъ Вратиславскимъ, представляли и государственному канцлеру, графу Головкину, и другимъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта. Изобразивъ имъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ всѣ неудобства, происходившія отъ безпрестаннаго отсутствія императора изъ Москвы не только на цѣлыя недѣли, но даже на мѣсяцы, иностранные министры говорили, какъ противно достоинству ихъ государей, что они, посланники, такъ долго живутъ въ Москвѣ, незная съ кѣмъ говорить о дѣлахъ, и что они, наконецъ, вынуждены будутъ донести своимъ правительствамъ о безполезности ихъ пребыванія въ Россіи при такихъ странныхъ обстоятельствахъ. И Остерманнъ, и фаворитъ, и члены верховнаго совѣта обѣщали посланникамъ дѣйствовать сообразно съ ихъ желаніями; но подмосковныя лѣсныя дачи, подмосковные веселые пиры и обаяніе прелестей княжны Екатерины Алексѣевны Долгоруковой перевѣсили, какъ то и слѣдовало ожидать, всѣ, основанныя на государственныхъ требованіяхъ, представленія; князь же Алексѣй Григорьевичь, узнавъ объ этихъ продѣлкахъ, которымъ

не чуждъ былъ и возлюбленный сынъ его, во 1-хъ далъ этому возлюбленному сыну сильный нагоняй; во 2-хъ ни на минуту уже не оставлялъ императора, охраняя его, какъ нѣкій сказочный драконъ; въ 3-хъ, наконецъ, проектировалъ тотчасъ же новую охотничью экскурсію, долженствовавшую продлиться нѣсколько недѣль, верстахъ въ 50 отъ Москвы. Задумалъ эту штуку князь Алексѣй Григорьевичъ главнымъ образомъ въ той надеждѣ, что, по возвращеніи съ охоты въ Москву, начнется уже оттепель, и дороги испортятся такъ, что переѣздъ въ Петербургъ придется неминуемо отложить до слѣдующей зимы, такъ какъ князь былъ вполнѣ увѣренъ, что Петръ II ни за что не разстанется съ Москвою лѣтомъ, по причинѣ множества дичи въ благословенныхъ окрестностяхъ этого благословеннаго города. Герцогъ лирійскій приступилъ опять къ фавориту, убѣждая его всевозможными доводами вмѣшаться въ это важное дѣло. Онъ говорилъ ему о ропотѣ народномъ на его отца и всѣхъ членовъ его фамиліи, указывалъ на пагубныя слѣдствія, которыя могутъ произойти отъ страшно-дурнаго и небрежнаго воспитанія императора, упрашивалъ его упросить съ своей стороны государя присутствовать хоть изрѣдка въ совѣтѣ и заставлять докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ, приводя въ примѣръ французскаго короля Людовика XV и покойную королеву савойскую, которая, сдѣлавшись правительницею Испаніи, въ 14 лѣтъ имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи совѣта. «Словомъ, пишетъ герцогъ лирійскій—я высказалъ ему все то, что внушали мнѣ дружба къ нему, почтеніе къ государю его и небольшая моя опытность. Но хотя онъ и соглашался со мною во всемъ и благодарилъ меня, однако же мнѣ показалось, что не слишкомъ много хотѣлъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера. Вслѣдствіе сего, я отправилъ къ королю, съ первымъ курьеромъ, донесеніе, въ которомъ повторилъ все то, о чемъ писалъ уже нѣсколько разъ, т. е., что русское государство скоро придетъ опять въ прежнее свое состояніе, чему пособить никто не хочетъ, и что царя не только не будутъ уважать его сосѣди, но что онъ сдѣлается совсѣмъ безполезнымъ для своихъ друзей и союзниковъ; что иностранные министры играютъ очень жалкую роль при дворѣ, потому что видятъ государя только въ праздничные дни, и то мимоходомъ, не обращая на себя никакого вниманія; что Остерманнъ страдаетъ, и страданія его умножаются еще болѣе отъ того, что каждый день отнимаютъ у него способы помочь злу; словомъ, что одинъ только Богъ можетъ устроить сей безпорядокъ, внушивъ царю, когда онъ возмужаетъ, желаніе послѣдовать славному примѣру своего дѣда.» (*) Почти то же доносилъ своему правительству и англійскій резидентъ Рондо, коротко и ясно присовокуплявшій къ своему очерку тогдашнихъ придворныхъ русскихъ событій и тогдашнихъ придворныхъ русскихъ дѣятелей: «великія предпріятія Петра I разлетятся скоро прахомъ.» (**)

(*) *Записки дюка лирійскаго* с. 59 и 60.

(**) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et francais*, p. 6.

Какъ же было въ самомъ дѣлѣ не ликовать и не радоваться въ это благополучное царствованіе Михаилу Петровичу Аврамову и другимъ мыслителямъ такого же закала, когда именно великія-то предпріятія Петра I и не давали имъ покоя, были главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ ихъ терзаній и мукъ, вслѣдствіе которыхъ многіе изъ этихъ мыслителей готовы были, въ видѣ очистительной жертвы, отдать даже собственную жизнь свою, да еще отдать ее не просто, а при посредствѣ застѣнка, дыбы, кнута, *хожденія по спицамъ, копченія*, колесованія, четвертованія и тому подобныхъ творческихъ изобрѣтеній добраго стараго времени? Зорко и внимательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходило по сторонамъ, въ разныхъ сферахъ московскаго общества, Аврамовъ въ то же самое время былъ сильно занятъ и озабоченъ однимъ спеціальнымъ вопросомъ, вопросомъ высокой важности не для однихъ клерикаловъ, а именно перепискою французскихъ богослововъ съ русскими епископами относительно соединенія восточной и западной церквей. Сорбонскіе богословы еще въ 1717 году, во время пребыванія въ Парижѣ Петра Великаго, предлагали ему содѣйствовать этому соединенію. Членъ Сорбонны, Бурсье, заговорилъ на эту тему именно тогда, когда царь осматривалъ сорбонскую библіотеку, и со вниманіемъ остановился предъ находившимися тамъ славянскими рукописями. Въ отвѣтъ на медоточивую рѣчь французскаго богослова, царь покачалъ головой и, смѣясь, сказалъ, что онъ солдатъ и въ богословіе не мѣшается. Бурсье, однакоже, отъ этого не потерялся и возразилъ, что царь московскій — герой и, будучи властителемъ въ своемъ государствѣ, есть въ то же время и защитникъ его. «Это соединеніе вещь не легкая, отвѣчалъ Петръ—три обстоятельства мѣшаютъ тому: папа, происхожденіе святаго духа и...» Третій пунктъ царь забылъ, а Бурсье подсказалъ: «опрѣсноки и вино для святаго таинства причащенія.» Но французскіе богословы, ревнуя о вожделѣнномъ соединеніи, стали доказывать Петру, что послѣдній пунктъ не важенъ, что и происхожденіе Святаго духа ничто иное, какъ споръ о словахъ, и что, даже признавъ власть папы, Россія можетъ не измѣнять ничего въ управленіи своею церковью, держась при этомъ тѣхъ же началъ, которыхъ держится галликанская церковь. Тогда царь приказалъ французскимъ богословамъ составить объ этомъ предметѣ записку, присовокупивъ, чтобы они только поторопились, потому что онъ скоро уѣзжаетъ изъ Парижа, и давъ обѣщаніе, что записка будетъ передана русскимъ епископамъ, и они будутъ отвѣчать на нее. Обрадованные и обнадеженные богословы составили требуемую записку, подъ редакціею Бурсье, въ двадцать четыре часа. Составили они ее очень ловко, и, настаивая лишь на необходимости признанія папской власти, обнаруживали замѣчательную терпимость и снисходительность относительно двухъ другихъ, разъединяющихъ церкви пунктовъ. Петръ, возвратившись въ Россію, передалъ трудъ сорбонскихъ докторовъ на разсмотрѣніе русскимъ епископамъ, которые и составили, въ отвѣтъ на французскую записку, посланіе въ двухъ различныхъ редакціяхъ, сходившихся, впрочемъ, въ томъ, что русскіе епископы почитаютъ себя не вправѣ рѣшить

вопросъ о соединеніи церквей безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ и безъ участія духовенства другихъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, народовъ. Одна редакція принадлежала Стефану Яворскому; другая Ѳеофану Прокоповичу. Первая наполнена была по преимуществу текстами, цитатами и витіеватыми похвалами премудрости и заслугамъ *честныя академіи сорбонскія*, напоминавшей собою, по словамъ Яворскаго, Соломонову *о мужественной и неудобообрѣтаемой женѣ похвалу: «мнози дщери стяжаша богатства, ты же предуспѣла и превознеслася еси надъ всѣми»*; вторая редакція, какъ почти все, выходившее изъ подъ пера Ѳеофана Прокоповича, отличалась нѣсколько ироническимъ оттѣнкомъ и написана была, вообще, гораздо рѣзче и короче. Извѣстивъ о полученномъ отъ Петра «писаніи» сорбонскихъ богослововъ, Прокоповичъ говорилъ: «Приняли мы оное съ великою радостію не для того, чтобы въ немъ новое нѣчто любопытнѣ усмотрѣть (понеже что либо въ той контроверсіи важное есть, не тайна есть богословцамъ); но что достохвальное ваше желаніе, о яковомъ изъ повѣсти Самодержца нашего разумѣть мощно было, желали мы и въ писаніи вашемъ прочесть, и аки бы очима увидѣть». Восхваливъ затѣмъ желаніе соединенія церквей, высказанное французскими богословами, Ѳеофанъ присовокуплялъ: «Не хощемъ же васъ, братіе, невѣдати, что и мы тойжде духъ, тоежде имѣемъ желаніе: желаемъ бо, и всеусердно желаемъ, да Христосъ, миръ нашъ, сотворитъ обоя едино, и средостѣніе градежа разрушитъ, да оба созиждетъ собою въ единаго новаго человѣка, творя миръ, и примиритъ обоихъ въ единомъ тѣлѣ Богови, крестомъ убивъ вражду на немъ. Вѣсте же, мнимъ и сами, что есть въ церквахъ нашихъ повседневное публичное моленіе о соединеніи вѣры, которое устнами произносяще, духомъ паки и паки повторяемъ; а что вы отъ апостола о единствѣ вѣры и о противныхъ оному вредахъ, раздорахъ и ересяхъ предложили, въ томъ всегдашнее наше есть и ученіе и желаніе: сія и вамъ, и намъ, и всѣмъ (аще непритворный видъ на себѣ являютъ) общая суть. Прочее, какъ бы долговременный сей раздоръ церковный уврачевать, хотя и не такъ трудное дѣло, то есть яковое показали мимошедшіе вѣки, отъ времени наипаче Иннокентія третьяго папы, даже до нашихъ лѣтъ: однако и не такъ скоро и удобно статься то можетъ, какъ вы, можетъ быть, думаете, яко же отъ писанія, вашего догадуемся» (*). Словомъ, Прокоповичъ превозносилъ похвалами желаніе *сіятельныхъ, высоко-честнѣйшихъ и премудрѣйшихъ богослововъ дома, сорбонскаго коллегъ*, заявлялъ о таковомъ же желаніи со стороны русскаго духовенства—и только. Эта редакція и отправлена была въ Сорбонну, но почему-то получена была тамъ очень поздно, и притомъ въ копіи не засвидѣтельствованной. Французскіе богословы остались очень недовольны русскимъ посланіемъ, и всю не-

(*) *Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, съ 1689 года даже до заключенія Нейштадтскаго мира.* Ч. II, стр. 436 и 437.

удачу своей попытки приписывали Ѳеофану Прокоповичу, какъ извѣстному недоброжелателю Рима, папы и всего католичества, что, по мнѣнію этихъ богослововъ, было тѣмъ болѣе предосудительно, что Прокоповичъ именно Риму и католичеству обязанъ былъ и своимъ воспитаніемъ и своею великою ученостью, доставившими ему возможность сдѣлать прекрасную карьеру. Сорбоннскіе доктора утверждали даже, что епископъ Новгородскій не желаетъ соединенія церквей потому лишь, что по уничтоженію патріаршества стоитъ во главѣ русскаго духовенства. Неудовольствіе ихъ на Ѳеофана было такъ сильно, что когда, въ слѣдующемъ году, появилось подъ именемъ іенскаго богослова Будде, противъ объясненной записки сорбоннскихъ богослововъ, сочиненіе подъ названіемъ «Eccelsia romana cum ruthenica irreconsiliabilis»—оно тоже признано было произведеніемъ Прокоповича, написаннымъ съ цѣлью опровергнуть мнѣнія Стефана Яворскаго, расположеннаго будто бы къ католицизму. (*) О редакціи посланія Яворскаго до Сербонны тоже дошелъ слухъ; съ нее добыта была копія, и на этомъ основаніи французскіе богословы не преминули усумниться въ подлинности первой, ими полученной и имъ непонравившейся редакціи. Они, вообще, не теряли надежды на вожделѣнное соединеніе церквей, т. е., на поглощеніе церковью западной церкви восточной, а тутъ еще случилось обстоятельство, присоединившее къ другимъ ихъ надеждамъ надежды новыя. Въ 1726 году, находилась за границею княгиня Ирина Петровна Долгорукова, урожденная княжна Голицина, бывшая въ супружествѣ за княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Долгоруковымъ. По кончинѣ императрицы Екатерины князь Сергѣй Петровичъ долженъ былъ на-скоро возвратиться въ Россію, вызванный туда своими родственниками; супруга же его осталась въ Голландіи. Тутъ сошлась и подружилась она съ принцессою Овернскою, которая получила на нее такое вліяніе, что, съ помощью тогдашняго Утрехтскаго архіепископа Баркмана, убѣдила молодую русскую княгиню принять католичество. Собираясь затѣмъ возвратиться на родину, Долгорукова просила отправить съ нею, для поддержанія ее въ новой вѣрѣ, какого нибудь католическою духовнаго который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы и наставникомъ ея малолѣтнихъ дѣтей. Сорбоннскіе богословы, обрадованные чрезвычайно этимъ пріятнымъ событіемъ и обрадованные имъ, въ особенности, потому, что имъ было не безъизвѣстно о тогдашнемъ значеніи въ Россіи родственниковъ княгини Ирины Петровны, приставили къ ней компаньонку, ярую католичку, и Анньерскаго священника Жюбе, поручивъ ему, наставляя въ вѣрѣ княгиню, имѣть главнымъ образомъ въ виду великое дѣло соединенія церквей. «Смѣю просить васъ, писалъ по этому поводу къ Жюбе Утрехтскій архіепископъ—сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы служить ей руководителемъ въ духов-

(*) Сочиненіе это появилось и на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: «Erörterung der Frage ob eine Vereinigung der Römisch—katolischen und Russischen Kirchen zu hoffen sei.»

ной жизни, также обратить къ Богу ея семейство, наконецъ, слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ ниспослать вамъ въ Московіи, для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна; но мнѣ извѣстна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога, и которою вы воодушевлены; мнѣ извѣстно, что, подобно Аврааму, когда скажетъ Господь: «vade in terram quam monstravero tibi», вы будете готовы повиноваться — ex iit, nesciens quo iret.» (*) Сорбонна, съ своей стороны, дала Жюбе формальное полномочіе кончавшееся словами: «Мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы *употребите всѣ средства* для возбужденія въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской церкви желанія обратить вниманіе на важность этого дѣла». (**) Жюбе былъ человѣкъ очень ловкій и весьма пригодный на данное ему порученіе. Онъ былъ бы не на мѣстѣ для обращенія какихъ нибудь краснокожихъ Караибовъ, въ лѣсахъ и саваннахъ Америки; но въ гостиныхъ, въ комфортабельно убранныхъ кабинетахъ, среди напудренныхъ париковъ и нарумяненныхъ дамъ—тутъ, по всей вѣроятности, его можно было послушать. «Этотъ достойный священникъ, по словамъ Бурсье, соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, самыя способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ сообщества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и почиталъ за честь быть съ нимъ знакомымъ.» (***)

И *столь любезному иностранцу* на первыхъ порахъ, дѣйствительно, везло, тѣмъ болѣе, что онъ, по прибытіи въ Москву, нашелъ тотчасъ же себѣ сильнаго покровителя. Это былъ испанскій посланникъ, герцогъ Лирійскій—католикъ до того ревностный, что когда его однажды пригласили къ нашему священнодѣйствію въ кремлевскій соборъ, онъ усумнился—можетъ ли присутствовать при богослуженіи схизматиковъ, и требовалъ разрѣшенія сначала у своего духовника, а потомъ изъ самаго Рима. Для безопасности Жюбе, герцогъ Лирійскій выдалъ ему письменный видъ, что онъ его посольскій духовникъ; Жюбе же, съ своей стороны, уговорилъ брата своей духовной дочери, княгини Ирины Петровны, князя Голицина, уступить испанскому посланнику свой загородный домъ, гдѣ въ величайшей тайнѣ составлена была записка, доказывавшая и духовныя, и мірскія выгоды отъ соединенія церквей. Жюбе, вообще, въ видахъ достиженія своей цѣли, дѣйствовалъ и съ отдѣльными, вліятельными лицами ловкимъ обѣщаніемъ имъ, при соединеніи церквей, не только духовныхъ, но и мірскихъ выгодъ—словомъ, исполнялъ въ точности предписаніе Сорбонны, т. е. *употреблялъ всѣ средства*. Князя Василія Лукича Долгорукова, напримѣръ, онъ старался увѣрить, что если онъ будетъ содѣйствовать великому дѣлу, то пріобрѣтетъ уваженіе королей французскаго и испанскаго, прославитъ на всегда свое имя, доставитъ россійскому государю титулъ восточнаго императора, а родственнику своему, князю Якову Петровичу Долгорукову, ведшему уединенную жизнь и намѣревавшемуся

(*) *Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu*, T. III, q. 325.
(**) Ibidem.
(***) Ibid.

вступить въ монахи, достоинство россійскаго патріарха. Жюбе даже началъ уже сноситься и совѣщаться съ нѣкоторыми высшими духовными лицами, которыя шли на эти сношенія и совѣщанія, во 1-хъ тоже изъ мірскихъ цѣлей, во 2-хъ изъ непріязни къ Ѳеофану Прокоповичу, потому что при той перспективѣ, которую показывалъ имъ анньерскій священникъ, ненавистный авторъ *Духовнаго регламента* долженъ былъ лишиться всего своего значенія, а тамъ, можетъ быть, и вовсе исчезнуть съ лица земли. Мысль объ исчезновеніи врага папы, Рима и всего католичества была пріятна и Жюбе. Въ этихъ видахъ, и держась правила, что цѣль оправдываетъ средства, *достойной* анньерскій священникъ подговорилъ даже одного монаха написать доносъ на катихизисъ, составленный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ—доносъ, долженствовавшій доказать, что въ катихизисѣ этомъ заключаются протестантскія ученія.

Аврамова сильно интересовало все это дѣло, какъ одинъ изъ задушевнѣйшихъ вопросовъ, и онъ просилъ написать новый трактатъ по этому предмету одного изъ своихъ пріятелей и единомышленниковъ, архимандрита Маркела Родышевскаго. Родышевскій былъ изъ отчаянныхъ ретроградовъ, и, невидя иного пути для проведенія своихъ идей, находилъ самымъ удобнымъ дѣйствовать путемъ доносовъ, преимущественно литературныхъ, т. е., доносовъ на книги, которыя казались ему вредными, пагубными, еретическими. За разныя доблести и за ложный доносъ на Ѳеофана Прокоповича, онъ еще съ 1726 года находился въ заключеніи. Содержался онъ сначала въ крѣпости, потомъ переведенъ былъ въ Александро-Невскій монастырь, подъ начало. Не унялся онъ и тутъ. Движимый любовью къ православной старинѣ, непріязнью къ петровской реформѣ и ненавистью къ Ѳеофану Прокоповичу, Родышевскій подалъ Петру II, въ декабрѣ 1727 года, всепокорное доношеніе, въ которомъ обличались и обносились разныя книги «новоизданніи и новопечатніи въ разныхъ годѣхъ, паче же въ 1722, въ Александро Невскомъ монастырѣ (т. е. книги Ѳеофана Прокоповича), въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и люторскихъ». Ударъ, направленный въ Ѳеофана Прокоповича, отразился на самомъ ударившемъ, но отразился, по силѣ обстоятельствъ, далеко не такъ чувствительно, какъ отразился бы въ иное время. Петръ II неожиданно скончался; на осиротѣвшій россійскій престолъ также неожиданно вступила герцогиня курляндская, и Родышевскій остался только подъ началомъ, съ тою разницею, что когда дворъ переѣхалъ въ Москву, то и онъ былъ переведенъ, тоже подъ началъ, изъ Александро-Невскаго монастыря въ московскій Симоновъ. Къ нему, почему-то, благоволили и сама императрица, и духовникъ ея, архимандритъ Варлаамъ, и могущественный князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и нѣкоторыя другія знатныя и вліятельныя лица. Благоволилъ къ нему и Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, который и не могъ не благоволить къ человѣку съ такими симпатичными и блестящими убѣжденіями. Онъ пріѣзжалъ къ Родышевскому раза по два или по три въ недѣлю, а иногда и по два раза на дню, и сиживалъ у него часа по два и по три. Тутъ ужъ они

всласть отводили душу, во 1-хъ, разсуждая о разныхъ богословскихъ предметахъ; во 2-хъ, изыскивая способы, какъ бы поворотить все по старому; въ 3-хъ, ругая на повалъ Ѳеофана Прокоповича, котораго Родышевскій, не при одномъ Аврамовѣ, но при всей почти братіи, называлъ еретикомъ и ласкателемъ, говоря, что онъ издалъ книги неправильныя и вѣрѣ греческаго исповѣданія противныя, и грозясь, что онъ напишетъ на него возраженіе. Въ надеждѣ на своихъ милостивцевъ и покровителей, Родышевскій, вообще, *началомъ* не стѣснялся, бранился, протестовалъ и писалъ разныя «книжицы». По просьбѣ Аврамова, онъ, какъ послѣ разсказывалъ на допросѣ бывшій симоновскій экономъ, іеродіаконъ Серафимъ, «написалъ на книжицу, присланную изъ Рима къ преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому, на которую Стефанъ митрополитъ отвѣтствовалъ кратко, а онъ написалъ возраженіе со всякимъ доводомъ». Бесѣды, впрочемъ, не всегда имѣли раздражительный и желчный характеръ: друзья порою и умилялись, и разцвѣтали душею, потому что ко времени коронаціи Анны Іоанновны разнеслись снова слухи о возстановленіи патріаршества. Назначались даже ужъ и кандидаты, о которыхъ толковали не только въ народѣ, но и въ высшемъ кругу. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ были въ пользу тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго; князья Долгоруковы стояли за ростовскаго архіепископа Георгія Дашкова; третьи прочили духовника императрицы, архимандрита Варлаама. О Ѳеофанѣ Прокоповичѣ не говорилъ никто, или говорили лишь развѣ въ такомъ тонѣ, въ какомъ разсуждали между собою архимандритъ Іоасафъ Маевскій и іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ: «ежелибъ—да чего Боже сохрани!—произвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то живыхъ насъ поглотаетъ». Аврамовъ, наконецъ, взялся хлопотать о Родышевскомъ—поговорить о немъ съ духовникомъ императрицы, съ которымъ тоже успѣлъ какъ-то сойдтись довольно коротко. Онъ, дѣйствительно, исполнилъ это обѣщаніе, просилъ Варлаама походатайствовать объ освобожденіи Родышевскаго и передалъ ему слова послѣдняго, что Ѳеофановы книги о блаженствахъ евангельскихъ, о монашествѣ и Регламентъ духовный—еретическія, и что у него, Родышевскаго, есть «пункты на новгородскаго архіерея». Варлаамъ, чрезъ Аврамова, приказалъ Родышевскому написать отъ себя челобитную и «толкованіе» и послалъ ему, для написанія начерно и набѣло этихъ вещей, 5 рублей. По полученіи бумагъ, онъ черезъ нѣсколько времени передалъ Аврамову, что представлялъ бумаги императрицѣ, и что о Родышевскомъ будетъ указъ. Съ тѣхъ поръ, чаще прежняго Аврамовъ сталъ бывать у духовника государыни, освѣдомляясь о результатахъ его хлопотъ. Нерѣдко онъ приходилъ раньше всѣхъ другихъ, и тогда изъ кельи Варлаама высылались всѣ служители, и двое бесѣдовавшихъ бесѣдовали, значитъ, о томъ, что только двоимъ и слышать подобало. Часто также Михаилъ Петровичъ услаждался тутъ бесѣдою съ кіево-печерскими старцами, которые били челомъ о новомъ архимандритѣ, и вся эта бесѣда, разумѣется, только укрѣпляла его въ томъ направленіи, укрѣпляться въ которомъ ему не было, впрочемъ, никакой надобности.

Но среди всѣхъ этихъ треволненій и заботъ о родственныхъ и близкихъ душѣ его мыслителяхъ и прожектерахъ въ Аврамовѣ не дремала его собственная мысль, не остывали его собственныя прожектерскія тенденціи, и въ первый же годъ царствованія Анны Іоанновны онъ не преминулъ подать ей проектъ совершенно въ родѣ назидательнаго совѣта отца дочери, проектъ, въ которомъ вылились почти всѣ любимыя идеи и мечты Михаила Петровича. Вотъ что совѣтовалось въ этомъ проектѣ:

«Должность истинная и прямая Вашего Императорскаго Величества, какъ управлять христіански боговрученную вамъ имперію, на которой должности и спасеніе вѣчное, и полученіе царствія Божія Вашему Величеству зависитъ, и безъ сея совѣстное правленіе быть отнюдь не можетъ, о чемъ пунктами нижеписанными изъясняется: 1. Для наилучшаго государственнаго управленія, первѣе всего, прилежно помолясь Богу прежде зачатія всякаго дѣла, яко же и есть благочестивый всегдашній достохвальный обычай Вашего Величества, оное дѣло зачинать, и зѣло тонко о немъ разсуждать, чтобъ было согласно съ закономъ Божіимъ и съ правосудіемъ истиннымъ. 2. Для того, въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву впредь весьма оставить надобно, понеже о томъ и святый Златоустъ, въ бесѣдахъ на дѣянія, въ нравоученіи осьмомъ пишетъ, яко клянущіеся ниже на прагъ церковный вступати суть достойны, и не клятися отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не смѣть призывати, и тако же твердую къ Богу Вашего Величества во исполненіи заповѣди его вѣру, и безъ оной клятвы всѣ дѣла, при помощи его спасителевой, исправятся въ наилучшее. 3. Наипаче же, для самосущаго и глубочайшаго Вашего Величества предъ спасителемъ Богомъ смиренія, потребно быти въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйну мужу, не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей, съ которымъ, за оное крайнее Вашего Величества христіанское смиреніе, безъ сумлѣнья, всѣ дѣла, во имя Христово, исправите въ наилучшее. 4. Весьма надобно имѣть Вашему Величеству всѣхъ дѣлъ своихъ вершеныхъ и которыя еще замышлены быть имѣютъ и дѣйствоватися, всегдашнюю записку, что въ которое время указомъ чинить повелѣно будетъ, или что впредь чинить положится, такожде и походы, и вся повседневная дѣйства, и поступки ради многихъ пользъ, отъ сего имѣющихъ произойдти, а наипаче ради исторіи вѣчной достохвальнаго вашего царствованія.

5. Ради записки повседневныхъ дѣйствъ Вашего Величества имѣть одного избраннаго и вѣрнаго человѣка, которому открывать всѣ свои намѣренія и указы. 6. Оный бы избранный Вашего Величества тайныхъ дѣлъ преобщникъ, записывая обстоятельно вся ваша повелѣнія и указы, такожде дѣйствія и похожденія повседневно, и усмотрѣвъ время свободное Вашему Величеству, когда изволите упраздниться отъ дѣлъ, прочитывалъ исправно предъ Вашимъ Величествомъ. 7. Праведно бы оный доносилъ Вашему Величеству, что усмотритъ къ настоящей христіанской пользѣ въ премудрыхъ совѣтахъ указахъ и повелѣній вашихъ, изъяснялъ бы правилами Божіими и

законами святыхъ отецъ и гражданскими оные ваши указы. 8. Какъ прочитыватися будутъ предъ Вашимъ Величествомъ вторично указы съ объясненіемъ совѣстнымъ и толкомъ, то, что покажется Вашему Величеству и премудрому совѣту вашему хорошо и благопріятно, то утверждать; что же не покажется, то и сдѣланное мочно оставлять. 9. Многіе доносы и праведные, и неправедные могутъ быть въ такомъ великомъ и многотрудномъ Вашего Величества правленіи, и того ради оный тайныхъ дѣлъ сообщникъ имѣетъ, разсудивъ истинно, предлагать правость или неправость доносовъ современемъ. 10. Разсмотрѣніе праведное и прилежное имѣть тайному приказу о множествѣ челобитенъ, поданныхъ Вашему Величеству. 11. А способъ наилучшій о челобитныхъ таковъ: разсылать тѣ челобитныя по надлежащимъ судамъ, гдѣ которая по силѣ и по разсмотрѣнію дѣла надлежитъ, съ поименнымъ указомъ изъ такого приказу, въ которыхъ именно прописывать время, въ коликое бы могъ репортъ до Вашего Величества или до тайнаго вашего суда дойдти съ тѣмъ же челобитчикомъ; за то оный бы челобитчикъ и благодарствовалъ персонально Вашему Величеству за правосудіе; а въ репортахъ именно прописывать, какимъ образомъ оный челобитчикъ удовольствованъ. И тако всѣ обидимые возблагодарятъ Бога за подаяніе имъ таковаго защитника Вашего Величества. 12. Вѣдать иждивеніе перваго духовнаго правителя и всего духовенства. 13. Во всемъ съ имъ, патріархомъ, о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять чтобъ оное духовенство въ древніе ввесть благочиніе и доброе благосостояніе. 14. И всѣ гражданскіе уставы и указы, обрѣтающіеся съ нимъ разсмотрѣть прилежно—согласны ли они съ закономъ Божіимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и буде которые не согласны, ихъ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума. 15 Увѣдавъ о развратившихся въ каковую ересь, и прежде, по повелѣнію Христову, обличить ихъ, и аще не покаятся, то, обще съ патріархомъ, не косно чинить, какъ церковь и законы государственные повелѣваютъ. 16. Повелѣвать по вся мѣсяцы сенату и судьямъ коллегій, дабы они праведно судили и не продолжали дѣлъ человѣческихъ, государственныя же дѣла совѣстно и на благо отечеству совершали. 17. О обидимыхъ сиротахъ, бѣдныхъ и колодникахъ радѣть, и повелѣвать вездѣ скоро и праведно дѣла ихъ разсуждать и милость казать. 18. Завсегда вѣдѣніе имѣть о колодникахъ, и скорой судъ о нихъ повелѣвать дѣлать. 19. Неправости и безсовѣстныя дѣла усматривать, и для того изъ сенату и изъ коллегій часто брать приговоры, ради разсмотрѣнія, и отдавать въ тайный приказъ, ради разсмотрѣнія и предложенія Вашему Величеству. 20. Въ духовные и мірскіе чины опредѣлять избранныхъ. 21. Повелѣть купечеству коммерцію всю праведно весть, безъ обиды, въ вѣсахъ и мѣрахъ и въ прочемъ. 22. О денежныхъ дворѣхъ, о манифактурѣхъ, о заводѣхъ рудныхъ крайнее и всегдашнее попеченіе имѣть и о интересахъ и пріобрѣтеніяхъ государственныхъ промышлять, понеже иностранныя государства весьма тѣхъ дѣлъ ненавидятъ и не пожалѣютъ ве-

ликихъ дачь, дабы ихъ опровергнуть. 23. О правильномъ передѣлѣ дворцовыхъ чиновъ и о чинномъ правленіи всего дворца, и о регальныхъ и прочихъ государственныхъ вещахъ извѣстіе имѣть завсегда. 24. Совѣты, отъ кого нибудь предложенные, принимать и тонко разсуждать, какъ и выше сего помянуто. 25. Доношенія и челобитныя принявъ, съ запискою въ судебныя мѣста отсылать, и гдѣ далѣе полугоду продолжать будутъ судъ, за то судей штрафовать, и потому же чинить, какъ о томъ пространнѣе показано. 26. О расходѣ и приходѣ и о количествѣ всей государственной казны имѣть вѣдѣніе. 27. О указѣхъ всѣхъ имѣть всегдашнее вѣдѣніе, чтобъ по ихъ исправлялося все.

«Для сихъ Вашей Императорской должности дѣлъ надобно весьма быть при васъ тайному приказу, чтобъ васъ самихъ завсегда оныя дѣла не утруждали; а въ тотъ приказъ выбрать судію одного самаго сущаго христіанина, который бы строплъ все въ честь Божію и въ пользу самую крайную Вашего Императорскаго Величества по должности предложенныхъ пунктовъ.

«И что Вашему Величеству на сердце положитъ Богъ дѣйствовать отъ вышереченныхъ пунктовъ, то тотъ судья все со властію вашею имѣетъ исправлять.

«И для того въ томъ приказѣ надобно ему въ своей командѣ имѣть потребное число собинныхъ добрыхъ людей, чрезъ которыхъ все можетъ видѣть, что дѣлается въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и въ народѣ, и потому поступать, и Вашему Величеству о надобныхъ докладывать.

«Впрочемъ къ хвалѣ Божіей и къ государственному правленію о многихъ полезныхъ дѣлѣхъ еще имѣю доношенія, которыя такожде, аще изволите Ваше Величество, выслушать отъ меня благоволите, то къ правому и по истинѣ горящему сердцу вашему преизобильное щедротъ Божіихъ сокровище почерпаете, и имя святыя и нераздѣлимыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, паче и паче славно прославите, и отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа съ сторичнымъ воздаяніемъ вѣнецъ правды воспріимите.

«Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ Михайло Аврамовъ. Въ Москвѣ, 1730 году.»

Въ этомъ проектѣ высказался и выразился весь Аврамовъ — Аврамовъ, отъ природы не глупый и во многихъ предметахъ не несвѣдущій; Аврамовъ, сбитый съ толку разными Родышевскими, кіевопечерскими старцами и тому подобными мудрецами, а потому Аврамовъ смѣшной и жалкій; наконецъ, Аврамовъ — врагъ Ѳеофана Прокоповича, въ котораго прямо и мѣтилъ онъ, поставивъ вторымъ же пунктомъ «для наилучшаго государственнаго управленія» уничтоженіе *настоящей присяжной страшной клятвы*. Совѣты Михаила Петровича, разумѣется, приняты не были; но самому совѣтчику пришлось скоро плохо. Не даромъ вѣдь Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ былъ уже въ Россіи.

III.

Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ былъ уже въ Россіи, но на первыхъ порахъ не развертывался еще во весь махъ, и все то, чѣмъ ознаменовало себя новое царствованіе относительно нѣкоторыхъ, весьма сановитыхъ лицъ духовнаго званія, приписывалось всецѣло Ѳеофану Прокоповичу, стоявшему тогда на вершинѣ славы и величія, вслѣдствіе услугъ, оказанныхъ имъ Аннѣ Іоанновнѣ, по принятію ею самодержавія. А нѣкоторымъ весьма сановитымъ лицамъ духовнаго званія пришлось испить тогда очень горькую чашу! Воронежскій епископъ Левъ Юрловъ, отложившій присягу и молебствіе о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, подъ предлогомъ, что не получалъ еще объ этомъ синодскаго указа, по доносу губернатора, былъ взятъ въ Москву, преданъ суду, лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Архангельскій Крестный монастырь. Георгій Дашковъ, архіепископъ Ростовскій, и Игнатій Смола, митрополитъ Коломенскій, оба члены синода, за то, что не произвели тотчасъ же надъ Львомъ Юрловымъ слѣдствія были также преданы суду и лишились своихъ должностей. Архіепископъ кіевскій, Варлаамъ Ванатовичъ, не служившій молебна въ одинъ высокоторжественный день, по доносу городоваго кіевскаго войта, вызванъ былъ въ Москву, преданъ суду тайной канцеляріи и сосланъ, въ званіи простого монаха, въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь. Мельхиседекъ Борщовъ, архимандритъ ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря, за то, что въ высокоторжественный день служилъ въ ризахъ не перваго, но втораго разряда, лишенъ былъ своего сана и мѣста и наказанъ кнутомъ. Новое царствованіе сказалось и *достойному* анньерскому священнику, разрушивъ всѣ его замыслы, т. е. всѣ замыслы Сорбонны. Жюбе признанъ былъ опаснымъ человѣкомъ и получилъ приказаніе выѣхать изъ Россіи; ретивая католичка, компаньонка княгини Ирины Петровны Долгоруковой, попала въ тюрьму; сама же княгиня должна была произнести торжественное отреченіе отъ принятаго ею католичества. Католики, въ видахъ собственнаго утѣшенія, увѣряли, что Ирина Петровна, произносившая отреченіе по латыни, произносила его не отъ католичества, а отъ протестанства.

Эта высылка Жюбе знаменовала между прочимъ торжество той партіи, духъ и мнѣнія которой были въ особенности ненавистны людямъ въ родѣ Михаила Петровича Аврамова. Русское общество того времени рѣзко распадалось на двѣ партіи, одушевленныя самыми противоположными цѣлями. Первую партію составляли птенцы Петровы и русскіе люди одного съ ними направленія; къ ней же принадлежали иностранцы—протестанты и лютеране и такія духовныя лица, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Партія эта, стало быть, выражала собою прогрессъ, движеніе впередъ и шла по пути, указанному ей Петромъ. Вторая партія состояла изъ враговъ реформъ и поклонниковъ род-

ной старины, духовныхъ и свѣтскихъ, и къ ней примыкали католики, одержимые неизмѣнно обольстительной мыслью о соединеніи церквей, т. е. о подчиненіи русской церкви святѣйшему отцу, мыслью, ради которой они готовы было поддерживать даже всѣхъ, жалавшихъ возстановленія патріаршества, лишь бы будущій русскій патріархъ призналъ свою зависимость отъ папы. Эта партія, такимъ образомъ, изображала собою ретроградство, застой и хлопотала о дѣлахъ, которыя—выражаясь дѣловымъ языкомъ—слѣдовали къ уничтоженію. Жюбе игралъ въ этой партіи едва-ли не самую видную роль, и вдругъ его славная дѣятельность была такъ внезапно и постыдно пресѣчена! Кто-жъ могъ это устроить, кромѣ Ѳеофана Прокоповича, извѣстнаго ненавистника католичества? И ненависть противъ Ѳеофана усилилась, причемъ ненавистники его не пренебрегали никакими средствами, чтобы пошатнуть кредитъ знаменитаго іерарха, кредитъ, который, не смотря на это, только все болѣе и болѣе утверждался, между тѣмъ какъ противная партія только лишь теряла своихъ членовъ, да еще теряла не просто, а путемъ казематовъ и застѣнковъ, при посредничествѣ заплечныхъ мастеровъ.

Въ половинѣ 1732 года появился на Ѳеофана Прокоповича пасквиль, съ приложеніемъ письма, будто бы отъ папы, въ которомъ иронически приносилась Ѳеофану благодарность за уничтоженіе патріаршества и т. д. Пасквиль касался не одного Прокоповича, но многихъ высокихъ особъ, заключалъ въ себѣ нападки на совершившіяся и совершавшіяся реформы и нововведенія, поставлялъ на видъ разореніе народа отъ разныхъ поборовъ, словомъ, выражалъ все то, о чемъ ежеминутно думали и говорили люди аврамовскаго образа мыслей. Дѣло надѣлало шуму. Ѳеофанъ Прокоповичъ остановилъ было сначала свои подозрѣнія на Родышевскомъ, но потомъ перенесъ ихъ на іеромонаха Іосифа Рѣшилова, и такъ и остался убѣжденнымъ, что письмо и пасквиль—произведенія Рѣшилова. Начались поиски, разслѣдованія, допросы, розыски; познакомилось съ застѣнкомъ многое множество, никогда и не ожидавшихъ такого знакомства, лицъ, и не мало погибло совершенно невинныхъ. Черезъ-чуръ близко задѣтый за живое Ѳеофанъ Прокоповичъ оказался великолѣпнѣйшимъ сыщикомъ и слѣдователемъ. Онъ читалъ всѣ показанія, сличалъ ихъ между собою, писалъ новые вопросы, сводилъ обличенныхъ на очныя ставки, пріѣзжалъ въ засѣданія тайной канцеляріи раньше всѣхъ и уѣзжалъ позже всѣхъ; просматривая же инструкціи, писанныя имъ для руководства при допросахъ, трудно повѣрить, что онѣ писаны преосвященнымъ архіепископомъ, а не какимъ-нибудь завзятымъ слѣдователемъ. «Пришедъ къ подсудимому, тотчасъ ни мало не медля допрашивать, наставлялъ Ѳеофанъ.— Всѣмъ вопрошающимъ наблюдать на глаза и на все лице его: не явится ли на немъ каковое измѣненіе, и для того поставить его лицемъ къ окошкамъ. Не допускать говорить ему ничего лишняго и къ допросамъ не надлежащаго, но говорилъ бы то, о чемъ его спрашиваютъ. Сказать ему, что если станетъ говорить: не упомню, то сказуемое непамятство причтется ему въ

знаніе. Какъ измѣну, на лицѣ его усмотренную, такъ и всѣ рѣчи его записывать». (*)

Причастенъ ли былъ дѣлу о письмѣ и пасквилѣ Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, и если причастенъ, то на сколько—объ этомъ свѣдѣній не имѣется; но что онъ сочувствовалъ вполнѣ и письму, и пасквилю—въ этомъ, разумѣется, нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ бы то ни было, но въ томъ же 1732 году онъ былъ арестованъ и заключенъ въ иверской монастырь. Не унялся онъ и въ заключеніи, доказывая тѣмъ, что дѣло, изъ-за котораго онъ бился, взошло ему въ плоть и кровь, стало безъ притворства главнѣйшимъ интересомъ всей его жизни. Ненавистный образъ Ѳеофана Прокоповича неотступно преслѣдовалъ его и въ тихихъ стѣнахъ монастырскихъ, и однажды на исповѣди у іеромонаха Исаіи Аврамовъ говорилъ: «Архіерей Новгородскій Ѳеофанъ написалъ книжку не по нашему благочестію, о чемъ мы съ архимандритомъ Родышевскимъ въ этой книжкѣ ему спорили и чрезъ троицкаго архимандрита Варлаама подали ея императорскому величеству доношеніе, что оный архіерей тое книжку сочинилъ неправильно.» — «Лучше было вамъ въ оныя дѣла невступаться», возразилъ Исаія.—«Какъ же за правду не вступаться?» отвѣчалъ удивленный Аврамовъ; но что именно за книжку «не по нашему благочестію» написалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—того не сказалъ.

Въ то страшное время каждое лыко было въ строку, каждое слово могло привести не только къ простому допросу, но даже въ застѣнокъ, и совершенно невинный, повидимому, разговоръ Аврамова съ Исаіею послужилъ поводомъ къ начатію слѣдствія. При слѣдствіи, на вопросъ о вышеприведенномъ разговорѣ, Аврамовъ отвѣчалъ, что сталъ онъ говорить на исповѣди отцу своему духовному про Новгородскаго архіерея такимъ образомъ: «О дѣлѣ-де Родышевскаго съ Новгородскимъ архіереемъ Ѳеофаномъ, о противности его и о книгѣ его о блаженствахъ доносилъ онъ Троицкому архимандриту Варлааму, и отъ онаго-де архимандрита Варлаама донесено было ея императорскому величеству; а нужда-де ему, Аврамову, объ ономъ архіереѣ на исповѣди говорить была, чтобъ очистить душу свою, не погрѣшилъ ли онъ, Аврамовъ, въ томъ.» Іеромонахъ Исаія на это показаніе отвѣчалъ, что Аврамовъ ему на исповѣди о вышепоказанномъ не сказывалъ, а послѣ исповѣди сказывалъ, но какимъ образомъ—того онъ не упомнитъ. По слѣдствію же открылось, что Аврамовъ, будучи въ заключеніи въ Иверскомъ монастырѣ, писалъ письма, а именно: написалъ цыдулку, отысканную у него, но къ кому писанную—неизвѣстно, въ которой говорится, что, бывъ въ Симоновѣ монастырѣ, слышалъ онъ, Аврамовъ, отъ Маркела Родышевскаго о страшныхъ поношеніяхъ Ѳеофана Прокоповича на преданія и уставъ православной восточной церкви, «и о томъ-де слышавъ, по всѣмъ указомъ, умолчать ему было не повозможности; того ради о томъ о всѣмъ бралъ онъ, Аврамовъ, и отдавалъ духовнику, Троицкому архимандриту Варлааму, чтобъ онъ донесъ о томъ въ

(*) *Рѣшиловское дѣло*, с. 41.

высочайшее разсужденіе ея императорскому величеству; а иной-де никакой вражды до его преосвященства онъ, Аврамовъ, не имѣлъ, неимѣетъ и имѣть не желаетъ, а Родышевскій и де самъ въ лицахъ, и по дѣламъ своимъ отвѣчаетъ, какъ хочетъ; а онъ, Аврамовъ, сидя въ тюрьмѣ, истаялъ и еле живъ обрѣтается; желаетъ святаго причастія.»

Аврамовъ, на вопросъ объ этомъ письмѣ, отвѣчалъ, что писалъ его къ отцу своему духовному, іеромонаху Исаіи, прося его написать къ Ѳеофану Прокоповичу о сообщеніи его, Аврамова, святыхъ таинъ, такъ какъ Исаія, за вышепоказанною съ Новгородскимъ архіереемъ ссорою, до причастія его, Аврамова, не допускалъ. Цыдулку эту онъ Исаіи читалъ, на что тотъ сказалъ: «я знаю, какъ къ архіерею писать.» Бумаги же листъ и перо для написанія цыдулки, принесъ ему, Аврамову, бывавшій у него на караулѣ каменьщикъ Ѳедоръ Щапъ; а чернила сдѣлалъ онъ самъ, выпустивъ изъ куринаго яйца желтокъ и примѣшавъ туда воды съ сажею. Іеромонахъ Исаія, при чтеніи ему этого письма, въ томъ, что оно писано къ нему, не запирался; «а той-де цыдулки у того Аврамова онъ не взялъ, и объ означенномъ къ Новгородскому архіерею не писалъ, опасаясь, дабы ему въ томъ къ винѣ чего не причлось.» Каменьщикъ Щапъ въ приносѣ къ Аврамову бумаги и пера запирался.

Кромѣ цыдулки къ іеромонаху Исаіи, Аврамовъ писалъ еще изъ монастыря къ Алексѣю Волкову, къ женѣ своей, къ бывшему кабинетъ-секретарю Петра Великаго, Макарову, и къ зятю своему, гардемарину Никитѣ Кожину. Въ письмѣ къ Волкову, повторяя то же, что писалъ онъ Исаіи—о страшныхъ поношеніяхъ Ѳеофана Прокоповича на преданія и уставъ православной церкви. Аврамовъ просилъ заступничества Волкова: «онъ-де, въ чистой его совѣсти, ни что лестно, ни лицемѣрно, ни лжу, ни ласканіе, ни напрасный навѣтъ и прелесть, ни ино что таковыхъ имѣя, болѣе полутора года мучится.» Въ письмѣ къ женѣ Аврамовъ поручилъ ей просить за него князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и синодскаго оберъ-секретаря Михайлу Дудина. О ходатайствѣ же просилъ онъ и зятя своего, и Макарова. На вопросъ объ этихъ письмахъ Аврамовъ отвѣчалъ, что для письма къ Волкову принесъ ему листъ бумаги и чернилъ въ пузырькѣ камсньщикъ Щапъ, и онъ обѣщался пріискать кого нибудь, съ кѣмъ бы можно было письмо переслать; что переслалъ онъ письма къ Волкову, къ женѣ и къ Макарову, чрезъ Щапа, съ іеромонахомъ Авраамiемъ; во всѣхъ письмахъ писалъ онъ о заступленіи, Макарова же, кромѣ того, просилъ о іеромонахѣ Авраамiѣ, желавшемъ перейти въ богоявленскій монастырь. Спрошенные Щапъ и Авраамій—одинъ въ передачѣ, другой въ пріемѣ и доставленіи по назначенію писемъ—повинились, при чемъ первый повинился и въ томъ, что доставилъ Аврамову, по его просьбѣ, чернилъ и бумаги; «а что-де Аврамовъ писалъ—не вѣдаетъ.» Къ этому Щапъ присовокупилъ, что передавалъ Аврамову бумагу и чернила на раковинѣ, бывшій у него на караулѣ иверскаго монастыря слуга Титъ Алексѣевъ, который сказалъ ему, Аврамову, что идетъ въ Санктпетербургъ. Отправившись, дѣйствительно, въ Санкт-

петербургъ, Титъ къ Аврамову не приходилъ и писемъ у него не бралъ, о чемъ и самъ онъ показалъ то же самое. Жена Аврамова сказкою показала, что письмо прислано къ ней съ іеромонахомъ Авраміемъ и что съ тѣмъ же Аврааміемъ прислано было еще письмо отъ ея мужа къ тайному совѣтнику Алексѣю Макарову, и она то письмо Макарову передала. Макаровъ сказкою показалъ, что въ присланномъ къ нему отъ жены Аврамова письмѣ ея мужа писано было о заступничествѣ, и что онъ письмо это изодралъ; что при этомъ письмѣ было еще другое письмо—къ Алексѣю Волкову, и онъ его отправилъ къ Волкову по почтѣ.

24 марта 1733 года, по опредѣленію кабинетъ министровъ, іерономанахъ Исаія, для учиненія ему за вину его наказанія плетьми, отосланъ изъ тайной канцеляріи въ святѣйшій синодъ; іеромонахъ Авраамій, по учиненіи ему наказанія плетьми, отосланъ въ святѣйшій синодъ; каменьщикъ Щапъ и служитель Титъ, по учиненіи имъ наказанія плетьми, изъ тайной канцеляріи освобождены.

Между тѣмъ, къ слѣдствію привлечено было еще новое лицо — разстрига Осипъ Васильевъ, бывшій іеродіакономъ въ троицко-сергіевомъ монастырѣ, а потомъ разстриженный и сосланный въ валаамскій монастырь. Въ повинной своей Осипъ Васильевъ собственноручно писалъ, что въ 1730 году къ троицкому архимандриту Варлааму на подворье Аврамовъ приходилъ по утрамъ, до пріѣзду другихъ властей и господъ, зѣло рано и часто мало не по вся дни; лошадей съ санями оставлялъ на подворьѣ, и шелъ въ келью къ архимандриту. Разговоры они имѣли часто наединѣ, а о чемъ—про то онъ, разстрига, не вѣдаетъ, потому что въ то время какъ его, такъ и всѣхъ другихъ келейныхъ высылали вонъ, въ другія кельи. Аврамовъ, на это, разсказалъ, какъ онъ сталъ хлопотать о Родышевскомъ у архимандрита Варлаама послѣ того, какъ тотъ сообщилъ ему о сочиненіи Ѳеофаномъ Прокоповичемъ книгъ неправильныхъ, еретическихъ, и онъ видѣлъ у Родышевскаго на Ѳеофана «пункты»; какъ Варлаамъ велѣлъ Родышевскому написать о свободѣ своей челобитную, а на Ѳеофановы книги толкованіе, и черезъ нѣсколько времени сообщилъ ему, Аврамову, что онъ докладывалъ обо всемъ этомъ императрицѣ, и что по дѣлу Родышевскаго будетъ указъ; какъ послѣ того онъ сталъ ходить къ Варлааму чаще прежняго, а другимъ знатнымъ особамъ и вообще никому другому объ этомъ дѣлѣ никогда ничего не сообщалъ. Въ бытность же свою на свободѣ— присовокупилъ Аврамовъ — онъ хаживалъ ко многимъ знатнымъ особамъ, только о дѣлѣ Родышевскаго разговоровъ и совѣтовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ, объ освобожденіи его никого, кромѣ Варлаама не просилъ и даже про то, что онъ хлопоталъ о Родышевскомъ у Варлаама другимъ никому ни письменно, ни словесно не объявлялъ. Спрошенный по этому поводу Родышевскій показалъ, по какому случаю сталъ онъ писать возраженія на книги Ѳеофана Прокоповича о монашествѣ, Духовный регламентъ и на книгу о блаженствахъ. Какъ сидѣлъ онъ въ Симоновомъ монастырѣ и посѣщалъ его Аврамовъ, онъ, Родышевскій, зная, что Троицкій архимандритъ Варлаамъ — духовникъ ея

императорскаго величества и съ Аврамовымъ друженъ, просилъ Аврамова попросить съ своей стороны Варлаама походатайствовать о его, Родышевскаго, свободѣ, причемъ говорилъ также и о книгахъ Ѳеофана Прокоповича, т. е. что онѣ «неправильныя». Аврамовъ попросить за него, Родышевскаго, обѣщалъ и, придя къ нему въ слѣдующій разъ, сказалъ, что онъ о немъ архимандриту Варлааму говорилъ, и что Варлаамъ обѣщался ему, Родышевскому, «чинить всякій способъ». При этомъ Аврамовъ передалъ ему, Родышевскому, Прокоповичевы тетради о монашествѣ и 5 рублей денегъ, сказавъ, что все это посылаетъ ему Варлаамъ—тетради для написанія на нихъ возраженія, а деньги на покупку бумаги и на плату писцамъ, которые станутъ переписывать возраженія набѣло. Переписанное набѣло возраженіе Варлаамъ намѣревался представить ея императорскому величеству. Послѣ того тотъ же Аврамовъ принесъ къ нему, Родышевскому, Духовный регламентъ и книгу о блаженствахъ, сказавъ, что и этѣ книги посылаетъ ему Варлаамъ, приказывая написать на нихъ возраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ челобитную о свободѣ, и что все это будетъ доложено ея императорскому величеству. «И онъ-де, Родышевскій, по словамъ онаго Аврамова уповая, что означенный архимандритъ Варлаамъ оное чинитъ по указу Ея Императорскаго Величества, написалъ на означенное возраженіе, такожъ и пункты, показанные въ прежнемъ о немъ, Родышевскомъ дѣлѣ, и о свободѣ своей челобитную для подачи архимандриту Варлааму отдавалъ оному Аврамову, а иногда изъ онаго, а что именно не упомнитъ, съ келейникомъ своимъ посылывалъ, котораго о представленіи передъ архимандрита Варлаама просилъ онаго же Аврамова. И келейникъ его передъ архимандрита Варлаама представленъ былъ, и вышеозначенное посланное отъ него тому архимандриту Варлааму подалъ, а если бы-де о вышепоказанномъ приказу отъ архимандрита Варлаама не было, то-бъ-де онъ, Родышевскій, собою о вышеобъявленномъ писать никогда несталъ.»

Сверхъ вышепоказаннаго, разстрига Осипъ Васильевъ въ повинной своей написалъ, что какъ сочинилъ онъ «извѣстную тетрадь о поношеніи Ѳеофана, архіепископа новгородскаго,» то показывалъ ее Аврамову, говоря, что хочетъ такихъ тетрадей умножить и раздавать письменнымъ людямъ, дабы о противностяхъ Ѳеофановыхъ въ церкви святой вѣдали и новоизданнымъ книгамъ его не вѣрили; но Аврамовъ отъ того его унималъ. Аврамовъ на это отвѣчалъ, что унималъ Осипа Васильева потому, что ожидалъ, пока, по докладу, о Родышевскомъ императрицѣ отъ архимандрита Варлаама, ея императорскаго величества указъ будетъ; другаго же о томъ разсужденія никакого ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Между тѣмъ Осипу Васильеву объявлено было въ тайной канцеляріи отъ кабинетъ-министровъ подметное письмо къ Ѳеофану Прокоповичу, съ приказаніемъ чтобы онъ, «припомня о томъ письмѣ, чьей оно руки, написалъ именно.»—«Отъ господъ министровъ объявлено ему, разстригѣ, подметное письмо, дабы о томъ письмѣ показалъ видъ или слѣдъ, кто сочинилъ, и писалъ, и

подкидывалъ, также съ Аврамовымъ, кто больше секретно знались и говаривали, и какія слова — отъ него-бъ хотя мало къ тому слѣдъ признать было можно,» писалъ въ отвѣтъ на министерское объявленіе Осипъ Васильевъ, и за тѣмъ сообщилъ, что когда Аврамовъ былъ въ Москвѣ на свободѣ, то на троицкомъ подворьѣ, въ кельѣ архимандрита Варлаама, говаривалъ много секретно съ бригадиромъ Дмитріемъ Порѣцкимъ, при людяхъ, а наединѣ софроніевой пустыни съ строителемъ Сергіемъ, который подносилъ ея императорскому величеству яблоки, груши и пр. Аврамовъ на это отвѣчалъ, что на троицкомъ подворьѣ, у архимандрита Варлаама, съ бригадиромъ Порѣцкимъ никакихъ секретовъ онъ не имѣлъ и о дѣлѣ Родышевскаго не говорилъ, а говорилъ о своихъ партикулярныхъ дѣлахъ. О чемъ же именно говоривалъ софроніевой пустыни съ строителемъ Сергіемъ, и какой у него съ нимъ «случай бывалъ» — того не упомнитъ. Спрошенный же объ этомъ Сергій сказалъ, что онъ Михайла Аврамова не знаетъ, и какого онъ чину человѣкъ—невѣдаетъ; бывши въ Москвѣ, на троицкомъ подворьѣ, никакихъ разговоровъ съ нимъ наединѣ, тайно и явно, не имѣлъ, и ни гдѣ никогда его невидалъ; также и съ растригою Осипомъ разговоровъ и разсужденій не бывало у него никогда, и о сочиненныхъ имъ тетрадяхъ, въ которыхъ поминается о новгородскомъ архіереѣ Ѳеофанѣ и о прочемъ, ни отъ кого неизвѣстенъ, и что это за тетрадки, и «въ какой силѣ»—не знаетъ.

Осипъ Васильевъ, между тѣмъ, предолжалъ свои показанія и уличенія. Такъ онъ не замедлилъ сообщить, что какъ жилъ въ Москвѣ, на троицкомъ подворьѣ, келарь Веніаминъ Ершовъ, то Аврамовъ часто къ нему хаживалъ. Туда же хаживалъ справщикъ монахъ Ѳеологъ, и они, сходясь, секретно говаривали; а о чемъ—того онъ не знаетъ. Аврамовъ на это отвѣчалъ, что съ келаремъ Веніаминомъ Ершовымъ говаривалъ онъ о дѣлѣ Родышевскаго и объ его освобожденіи, потому что еще прежде его сказывалъ о томъ Ершову архимандритъ Варлаамъ. Показывалъ онъ, Аврамовъ; Ершову и «извѣстную тетрадь» (Осипа Васильева) для вѣдѣнія, по той причинѣ, что Ершову же отдалъ и архимандритъ Варлаамъ сочиненную Родышевскимъ книгу о монашествѣ, а для чего—неизвѣстно. Какое же именно разсужденіе имѣлъ онъ, Аврамовъ, съ Ершовымъ о дѣлѣ Родышевскаго съ новгородскимъ архіереемъ Ѳеофаномъ—того не упомнитъ, «а совѣту противнаго никакого не было.» Прочтя «извѣстную тетрадь», Ершовъ отдалъ ее обратно ему, Аврамову, а онъ, Аврамовъ, показалъ ее архимандриту Варлааму который, прочтя тетрать возвратилъ ее, не сказавъ ничего, послѣ чего онъ, Аврамовъ, отдалъ тетрадь разстригѣ Осипу. А съ справщикомъ монахомъ Ѳеологомъ онъ, Аврамовъ, часто говаривалъ о своихъ партикулярныхъ дѣлахъ; о дѣлѣ же Родышевскаго и ни о чемъ такомъ разговоровъ у него съ Ѳеологомъ не было.

Осипъ Васильевъ не унимался и показалъ еще, что Аврамовъ имѣлъ неразъ, наединѣ, въ кельѣ архимандрита Варлаама, «разговоры довольные» о новгородскомъ архіереѣ и о Родышевскомъ съ кіевопечерскими старцами, которые били челомъ о новомъ архимандритѣ, съ архимандритомъ Малинов-

скимъ и съ намѣстникомъ Свинскаго монастыря. Аврамовъ отвѣчалъ, что съ кіевопечерскимъ архимандритомъ, по прозванію Копою, и съ старцами, именъ которыхъ не упомнитъ, видѣлся онъ въ Измайловѣ, во дворцѣ, въ покоѣ архимандрита Варлаама, и въ то время Варлаамъ, по словамъ архимандрита Малиновскаго, спрашивалъ Копу: есть ли въ Кіевѣ, въ книгохранительницѣ, печатная книга Аѳанасія Великаго, которую своею рукою переправлялъ новгородскій архіерей Ѳеофанъ; на что Копа отвѣчалъ, что есть. А онъ, Аврамовъ, съ Копою о вышепоказанномъ неговорилъ, отъ кіевопечерскихъ старцевъ свѣдѣнія никакого не получалъ, и съ другими ни съ кѣмъ, кромѣ выше показанныхъ людей, о вышеупомянутомъ и ни о чемъ подобномъ разговоровъ и разсужденій никакихъ, нигдѣ не имѣлъ.

Притянутый къ дѣлу архимандритъ Копа доношеніемъ объявилъ, что какъ былъ онъ въ Измайловѣ, во дворцѣ, въ покоѣ архимандрита Варлаама, то Варлаамъ спросилъ его: имѣется-ль въ печерскомъ монастырѣ книга Аѳанасія великаго, въ которой писалъ нѣчто новгородскій архіерей. Помня, что покойный архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ, имѣя такую книгу, т. е. Аѳанасія Великаго, печатную, на латинскомъ языкѣ, хваля ее, не разъ сказывалъ, что та книга Братскаго монастыря, и показывалъ подпись и припись на краяхъ книги, говоря, что то рука новгородскаго, Копа отвѣчалъ, что означенная книга въ монастырѣ имѣется; но что въ ней приписано—не знаетъ, потому что латинскому языку не учился. Спрашивалъ его, Копу, архимандритъ Варлаамъ и о другихъ «нѣкакихъ въ такой же силѣ латинскихъ книгахъ», но какъ онъ такихъ книгъ не вѣдаетъ и не видалъ, такъ архимандриту и отвѣтствовалъ. Книга же Аѳанасія Великаго, при этомъ доношеніи, прислана отъ него, Копы, въ тайную канцелярію и взнесена въ кабинетъ ея императорскаго величества.

До сихъ поръ Аврамовъ только лишь отвѣчалъ на дѣлавшіяся противъ него показанія и обвиненія, въ заключеніе же ему вздумалось, Богъ вѣсть по какимъ побужденіямъ, самому на себя взвести еще одно лишнее обвиненіе, сообщить о фактѣ, про которой никто не зналъ и никто не спрашивалъ. Въ Москвѣ, во дворцѣ, въ залѣ большомъ, усмотрѣлъ онъ—сказывалъ Михаилъ Петровичъ—что вверху написана исторія эллинская. Въ то же время случилось тутъ быть архимандриту Варлааму, и онъ, Аврамовъ, говорилъ ему, что лучше бы въ этой залѣ, вмѣсто эллинской исторіи, написать исторію Христову, или царя Давида, или Соломонову изъ библіи; а больше того, ни о чемъ о томъ онъ ни съ кѣмъ не говаривалъ, никакія дѣла и дѣйствія отъ принятыхъ въ Россію иностранцевъ ни какъ не нарекалъ, ни съ кѣмъ о томъ не разсуждалъ, и къ нареканію намѣренія у него не было.

Что же было во всемъ этомъ особенно важнаго? Пустой разговоръ и разговоры, подлинность содержанія которыхъ еще далеко не была доказана положительно; толки о «неправильныхъ» книжкахъ; хлопоты о человѣкѣ, сидѣвшемъ въ заточеніи тоже главнымъ образомъ изъ-за толковъ и разсужденій о «неправильныхъ» книжкахъ и ихъ авторѣ; невинныя письма; критиче-

скія замѣчанія въ родѣ замѣчаній о написанной въ дворцовомъ залѣ эллинской исторіи—все это подлежало частью осмѣянію, частью сожалѣнію, но ужъ никакъ не слѣдствію и суду въ страшной тайной канцеляріи, какъ *немаловажныя преступленія*; все это были «слова, слова, слова»—и только. Но тогда и слова судились почти наравнѣ съ дѣлами, и въ каждомъ словѣ готовы были видѣть нѣчто страшно «противное» и «бунтовское»; но слова эти касались человѣка, пользовавшагося въ ту пору громаднымъ значеніемъ и вліяніемъ—и дѣло злополучнаго мономана, Михаила Петровича Аврамова, дѣло, начавшееся съ душеспасительнаго разговора съ духовнымъ отцемъ, на исповѣди, «чтобъ очистити душу свою», тянулось цѣлыхъ шесть лѣтъ, а кончилось такимъ замѣчательнымъ и курьезнымъ приговоромъ:

«1738 года, ноября 26 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества присутствующіе господа министры да генералъ Ушаковъ, по слушаніи взнесенныхъ изъ тайной канцеляріи экстрактовъ о содержащихся въ тайной канцеляріи чернцѣ Маркелѣ Родышевскомъ и Михаилѣ Аврамовѣ, разсуждая, что оный Аврамовъ, напредь сего въ *немаловажныхъ преступленіяхъ* явился и, видя Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость, что за тѣ его немаловажныя преступленія, по именному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ 1732 году, генваря 6 дня, *всемилостивѣйше отъ смерти свобожень*, будучи въ содержаніи въ Иверскомъ монастырѣ, не имѣвъ въ себѣ воздержанія, паки дерзнулъ бывшему въ томъ монастырѣ отцу своему духовному о прежнемъ своемъ дѣлѣ, по которому онъ, Аврамовъ, виновенъ, продерзостно разглашать, и потомъ къ явному-жъ разглашенію умышленно чрезъ бывшаго у него въ означенномъ монастырѣ на караулѣ каменьщика (о которомъ уже рѣшеніе учинено), сыскавъ къ написанію случай, чего чинить было ему запрещено, писалъ къ разнымъ людямъ, прося о заступленіи въ свободѣ, а къ тому въ тѣхъ своихъ письмахъ произносилъ онъ объ ономъже прежнемъ дѣлѣ. Въ чемъ видя свою вину, паче же выше упомяненную Высочайшую къ себѣ Ея Императорскаго Величества милость, объ ономъ прежнемъ дѣлѣ разглашать и возобновлять ему не надлежало. Къ тому же по слѣдствію явилось, что и прежде начинанія прежняго о немъ дѣла, многія продерзости отъ него происходили, которыхъ при слѣдованіи онаго прежняго дѣла, въ отвѣтахъ отъ него и показывано не было, а именно: имѣвъ онъ съ помянутымъ Родышевскимъ крайнее сообщеніе, видя сочиненную онымъ Родышевскимъ и Троицкаго Сергіева монастыря іеродіакономъ Іоною, а потомъ бывшимъ разстригою Осипомъ, извѣстную противную тетрадь, не объявя о ней гдѣ по указамъ надлежитъ, разглашая бывшему келарю Веніамину Ершову, съ которымъ и о дѣлѣ онаго Родышевскаго разсужденія имѣлъ. При слѣдствіи, объ ономъ съ означеннымъ Веніаминомъ разсужденіи отговаривался онъ, Аврамовъ, безпамятствомъ; но вышеупомянутый разстрига Осипъ о бывшихъ секретахъ отъ него, Аврамова, съ нимъ Веніаминомъ въ разговорахъ показывалъ именно. Онъ-же, Аврамовъ, продерзостно разсуждалъ, что въ Мо-

сквѣ въ дворцѣ, въ залѣ вверху, не должнобы-де писать Еллинской исторіи, но лучше бы-де написать другія исторіи, въ которыхъ противныхъ своихъ разсужденіяхъ и преступленіяхъ самъ онъ винился, какъ о томъ явно по дѣлу. Приказали: за оныя его вины, и дабы впредь продерзостей отъ него не происходило, послать въ Охотскій острогъ на житье, за надлежащимъ карауломъ, и при посылкѣ объявить указомъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ и ни о чемъ, къ тому касающемся, отнюдь ни съ кѣмъ не только разговоровъ и разсужденій не имѣлъ, но ни чрезъ что никому не сообщалъ; а ежели объ ономъ будетъ онъ съ кѣмъ разговоры и разсужденія имѣть, или продерзостно о чемъ разглашать, и за то безъ всякія пощады казненъ будетъ смертію. А которое недвижимое имѣніе, ему пожалованное, оное все нынѣ отписать на Ея Императорское Величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе. А чтобъ дѣти его мужеска пола праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ, тайной канцеляріи въ контору, годныхъ написать въ солдаты, а которые явятся къ опредѣленію въ солдаты негодны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ. А вышеозначеннаго Родышевскаго въ написаніи имъ въ самовольно, безъ указу сочиненныхъ имъ о монашествѣ тетрадяхъ немаловажной продерзости и въ прочемъ распросить съ обстоятельствомъ и предложить къ докладу. Подлинный за подписаніемъ присутствующихъ въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества господъ министровъ: Тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера графа Андрея Ивановича Остермана, Оберъ-егермейстера Артемья Петровича Волынскаго, да генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковника и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова. На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: «опробуэца». Декабря 13 дня 1738 года».

По поводу этого по истинѣ и во всѣхъ отношеніяхъ безпардоннаго приговора, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ писалъ, отъ 15 января 1739 года, къ начальнику тайной канцеляріи, Андрею Ивановичу Ушакову, слѣдующее отношеніе, изъ котораго, между прочимъ, можно получить свѣдѣніе о состояніи и семействѣ Аврамова:

«Государь мой, Андрей Ивановичъ. Понеже по именному Ея Императорскаго Величества указу, изъясненному въ письмѣ вашего превосходительства... числа прошлаго 1738 году, велѣно у Михаила Аврамова, за вины его, пожалованное ему недвижимое имѣніе все отписать на Ея Императорское Величество, а собственное его и женины оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе; а чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ въ тайную контору, годныхъ написать въ солдаты, а которые явятся ко опредѣленію въ солдаты не годны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ; и оныхъ жену и дѣтей его о пожалованномъ оному Аврамову недвижимомъ имѣніи спросить и учинить о томъ надлежащую справку, и потомъ объ ономъ о всемъ исполненіе

учинить по силѣ онаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, а по исполненіи, для вѣдома, въ тайную канцелярію сообщить. И вышеозначеннаго Аврамова жена, Анна Дмитріева, да сынъ ихъ Михайло въ тайной канцеляріи сказали: за мужемъ-де ея, Аниннымъ, а за его, Михайловымъ, отцемъ, Михайломъ Аврамовымъ, пожалованное недвижимое имѣніе есть въ Серпейскомъ уѣздѣ село Щербинино съ тремя деревнями, которымъ званіе— одной Т...ова, другой Сычова, третьей Павловская; да въ Копорскомъ уѣздѣ мыза, а какъ ей званіе—не знаютъ; да въ Санктпитербурхѣ, на Санктпитербурхскомъ острову, дворъ съ деревяннымъ строеніемъ; да близъ Санктпитербурха, приморское мѣсто впустѣ. А кромѣ-де того пожалованнаго недвижимаго имѣнія, за мужемъ ея, а за его, Михайловымъ, отцомъ ничего не имѣется. А онъ-де, Михайло, въ прошломъ 1736 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ по силѣ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, явился въ сенатской конторѣ, а по указу изъ той конторы опредѣленъ для науки въ латинскую школу, понеже-де отъ роду ему двѣнадцатый годъ; а кромѣ-де его, Михайла, другихъ мужеска пола дѣтей у нея, Анны, съ онымъ ея мужемъ никого не имѣется. И по справкѣ съ сенатскою конторою о томъ, что-де оной Аврамова сынъ въ той конторѣ явился, и по желанію его, для науки, въ греколатинскую школу опредѣленъ, показано именно; и по силѣ означеннаго Ея Императорскаго Величества указу о надлежащей справкѣ и объ отписаніи на Ея Императорское Величество вышепоказанныхъ сельца Щербинина съ деревнями, въ вотчинную коллегію послана промеморія. А о которой мызѣ и дворѣ, имѣющемся въ Санктпитербурхѣ, и о приморскомъ мѣстѣ, по силѣ жъ онаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, надлежитъ исполненіе учинить въ тайной канцеляріи. И тако, объ ономъ объявя, остаюсь вашего превосходительства, государя моего, всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ».

Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, такимъ образомъ, былъ человѣкъ не бѣдный, и, при иномъ направленіи, при иномъ настроеніи умственномъ и нравственномъ, могъ бы весьма спокойно пользоваться и наслаждаться благами міра сего. Но для него эти блага существовали лишь при извѣстныхъ условіяхъ; онъ хотѣлъ добиться этихъ условій во что бы то ни стало, позабывъ мудрыя отечественныя изреченія, что *противу рожна не прати*, а *лбомъ стѣны не прошибешь*—и отправился искупать свои *продерзости, вины и немаловажныя преступленія* прелестями быта въ Охотскомъ острогѣ. Тяжелая ссылка и тяжелое заточеніе должны были бы, повидимому, окончательно сломить его, тѣмъ болѣе, что гроза застигла его далеко уже не-молодымъ человѣкомъ; но сила искренняго, глубокаго, хотя бы и глупаго убѣжденія всегда и вездѣ творила и творитъ чудеса. Что дѣлалъ, чѣмъ занимался Аврамовъ въ Охотскомъ острогѣ—неизвѣстно; но когда, въ такъ называемое кроткое царствованіе Елизаветы, онъ былъ прощенъ и появился вновь на столичной аренѣ, то появился на ней прежнимъ неугомоннымъ прожектеромъ, прежнимъ неутомимымъ бойцемъ за начала, которыя уродливо прошли чрезъ всю его

жизнь, и прежнимъ непримиримымъ врагомъ Ѳеофана Прокоповича и его сочиненій, хотя самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ это время давно уже тлѣлъ въ могилѣ. Едва почти вернувшись изъ Охотска, Аврамовъ не преминулъ уже подать Елизаветѣ Петровнѣ обширный проектъ, доказывавшій ясно, что если перенесенныя Михаиломъ Петровичемъ испытанія и треволненія и не могли сломить его окончательно, то все-таки и не прошли совершенно безслѣдно. Аврамовъ, во 1-хъ, ожесточился, о чемъ можно было судить по самому тону его проекта, тону, гораздо болѣе сильному, рѣзкому и жолчному, чѣмъ тонъ всѣхъ прежнихъ произведеній его въ этомъ родѣ; во 2-хъ онъ какъ будто бы свихнулся, что доказывали лучше всего его сужденія о нѣкоторыхъ вышедшихъ въ то время переводныхъ книгахъ, т. е. попросту, доносы на нихъ. Главною темою, о которой трактовалось въ этомъ проектѣ, были преобразованія Петра по духовному вѣдомству, преобразованія, которыя прожектеръ находилъ, разумѣется, богомерзкими. Проектъ начинается, какъ проповѣдь, цитатами изъ св. Писанія и сплетеніемъ разныхъ заповѣдей, послѣ чего Аврамовъ умоляетъ императрицу выслушать его сначала наединѣ, въ тайности. «Аще Онъ, Господь Богъ мой, Іисусъ Христосъ благоизволитъ, пишетъ Михаилъ Петровичъ—надлежитъ въ началѣ только мнѣ единому прочесть предъ единою Вашего Императорскаго Величества Богомъ избранною, Богомъ умудренною, Богомъ превознесенною, святою Вашего Императорскаго Величества монаршескою особою, понеже въ оныхъ моихъ доношеніяхъ имѣется тайна его, Божія, великая и преславная, въ началѣ слѣдующая и принадлежащая къ вѣдѣнію и извѣстію только единой Вашему Императорскому Величеству». За симъ, послѣ краткаго, похожаго на выдержку изъ акаѳиста панегирика Елизаветѣ, авторъ, конечно, скрѣпя сердце, произноситъ панегирикъ Петру и Екатеринѣ. «Всему свѣту извѣстно есть, говоритъ онъ—како блаженныя и высокодостойныя памяти благочестивѣйшій, всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ Петръ Великій, отецъ отечествія, началъ, и съ благочестивѣйшею, великою нашею Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною—купно обое любезные Вашего Императорскаго Величества родители—въ общую всенародную пользу всякихъ благихъ душеспасительныхъ дѣлѣхъ всепредѣльные имѣли свои монаршескіе труды и подвиги. Между которыми ихъ Величествъ трудами во исправленіе воинскаго и гражданскаго чина благоизволилъ Господь помощь свою ихъ Величествамъ подать, многая дѣла благая въ общую всенародную пользу благополучно исправить, а духовнаго чина и духовныхъ дѣлъ исправленіе праведными и непостижимыми своими судьбами до державы Вашего Императорскаго Величества благоизволилъ оставить». Камушекъ былъ заброшенъ, и заброшенъ очень ловко. Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти любезные родители Елизаветы Петровны исправили воинскій и гражданскій чинъ; исправленіе же духовнаго чина и духовныхъ дѣлъ самъ Господь Богъ благоизволилъ оставить до царствованія Елизаветы Петровны. Что же надлежало ей сдѣлать на этомъ поприщѣ?

Надлежало ей, во 1-хъ, повелѣть «для наиближайшаго и удобнѣйшаго спасенія, соборнѣ сочинить вновь и напечатать о любовной, мирной во обществѣ всѣхъ православныхъ христіанъ сущей должности, по всему разуму святыя, соборныя, каѳолическія и апостольскія церкви восточныя, краткіе и весьма внятные пункты, о чемъ помянуто и въ Духовномъ регламентѣ, которые во всемъ государствѣ всякаго званія жителямъ, для повседневнаго прочитанія, а не умѣющимъ грамотѣ, ради внятнѣйшаго слушанія, и дѣтемъ, ради обученія, разослать и роздать всѣмъ». Надлежало потомъ при каждой обители и при каждой приходской церкви—при обителяхъ изъ іеромонаховъ, а при приходскихъ церквахъ изъ бѣльцевъ—опредѣлить «житія добраго, воздержнаго, о святыя церкви засвидѣтельствованныхъ добрыхъ людей, которые съ помощію всемогущаго Бога, за настоящее нынѣ всенародное изнеможеніе, возъимѣютъ должность понесть на себѣ при отправленіи службы церковныя, перемѣняяся, и текущія, вышереченыя апостольскія проповѣди трудъ и всеприлежное о подтвержденіи ея стараніе.» При большихъ приходахъ такихъ «добрыхъ людей» должно было быть по девяти человѣкъ; при среднихъ по шести, а при малыхъ по три человѣка, и всѣ они должны были неустанно и неослабно наставлять прихожанъ въ правилахъ религіи и доброй нравственности. Кромѣ этихъ «добрыхъ людей», слѣдовало еще, по мнѣнію Аврамова, и въ городахъ и въ селахъ выбрать отъ каждыхъ девяноста дворовъ по тридцати человѣкъ особыхъ начальниковъ, «добраго и воздержнаго житія людей», должность которыхъ состояла бы въ томъ, чтобъ «имѣть у себя вездѣ всякаго званія жителямъ переписныя, по чинамъ и званіямъ, повсегодныя книги, и тѣ книги, когда востребуются, объявлять ихъ своей эпархіи архіерею и приходскимъ священникамъ; и по тѣмъ книгамъ, по благословенію и повелѣнію архіерейскому, при учрежденныхъ отъ святыхъ церквей священникахъ, ходить имъ въ каждомъ церковномъ приходѣ въ домы всякаго званія, къ жителемъ, къ честнымъ особамъ и ко всему посполитству, понеже во всякую недѣлю имѣютъ быть одолжены священники для ученія быть въ каждомъ домѣ своего прихода, и безъ всякаго опасенія и лицепріятія, со всякою данною отъ Бога себѣ властію, учить народъ страха Божія и добраго жительства.» Сверхъ этихъ обязанностей, изобрѣтенные Михаиломъ Петровичемъ священники и начальники должны были вмѣшиваться даже въ частную жизнь каждаго, во всѣ домашнія, семейныя, въ четырехъ стѣнахъ происходящія исторіи. Господамъ должны были они внушать, чтобы они повседневно принуждали своихъ сожителей и рабовъ отправлять должную молитву, начинать всякое дѣло со страхомъ Божіимъ и ходить въ церковь; всѣмъ и каждому должны были напоминать о повседневномъ, внятномъ прочитываніи «надлежащихъ данныхъ душеполезныхъ пунктовъ, и у всѣхъ посполито спрашивать: не имѣетъ ли кто междо женою и дѣтьми изъ сосѣды какой недружбы и ссоры, и не собираются ли куда на каковое худое дѣло, или на междоусобную брань или драку, и не имѣется ли отъ рабовъ каковыхъ крамолъ и должнаго непослушанія и прочихъ всякихъ непорядковъ, и о всякой злой жизни вывѣдывать, и, увѣдавъ,

того же дня всѣхъ, собравъ вкупѣ, приводить всѣхъ паки въ любовь и въ сущее примиреніе, меньшаго къ большимъ въ послушаніе». Если послѣ должнаго увѣщанія и наставленія, священники и начальники, чрезъ недѣлю, въ слѣдующую пятницу, найдутъ кого нибудь все еще пребывающимъ въ прежней развратной жизни, въ крамолахъ и ссорахъ, то «таковыхъ паки, со властію, отъ Бога данною, безскучно и всеприлежно, приводить всѣхъ въ любовь и въ сущее примиреніе, да не зайдетъ во гнѣвѣ ихъ солнце.» Если же кто и послѣ этого не исправится, то въ третью пятницу священникъ и начальники должны извѣстить о «таковыхъ противникахъ великаго архіерея Божія», буде онъ имѣется по близости; архіерей же долженъ немедленно ѣхать куда его требуютъ, «и ежели при наставленіи своего ученія увидитъ кого въ какомъ своевольномъ еще развращеніи и преступленіи, то таковыхъ тамъ-же, при всемъ собраніи, а потомъ и во святой церкви, по совѣту святаго, великаго вселенныя учителя Златоустаго, веліимъ и свѣтлымъ гласомъ проповѣдавъ и всѣмъ засвидѣтельствовавъ о беззаконныхъ ихъ преступленіяхъ, аще кто хощетъ исправити божественныхъ поведеній, яко же трубою нѣкою, со властію отъ Бога данною, заповѣдать на праги церкви не вступати таковому, либо князь былъ бы, либо и самъ той, иже діадиму на себѣ носяй.»—«По сему предложенію явно—такъ заключалъ Михаилъ Петровичъ эту часть своего мудраго проекта—яко съ помощію всемогущаго Бога, чрезъ труды и подвиги Вашего Императорскаго Величества, всѣ ереси и прелестная лжеученія погаснутъ, а истина Господня и жизнь во всемъ православная во всѣхъ насъ вскорѣ исправиться въ наилучшее возмогутъ.»

Тутъ, такимъ образомъ, вылились самыя завѣтныя мечты его, самыя страстныя его вожделѣнія: онъ стремился дать духовенству преобладающее мѣсто предъ всѣми сословіями, учредить нѣчто въ родѣ теократическаго правленія, къ которому болѣе всего лежала больная душа его. Не устраняя лицъ духовнаго званія, въ случаѣ совершенія ими чего либо беззаконнаго, отъ законнаго возмездія, онъ, однакоже, и здѣсь дѣлалъ для нихъ видное исключеніе. «Ежели сами духовныя или державствующія особы въ богопротивныхъ дѣлѣхъ явятся, писалъ онъ въ своемъ проектѣ—и о таковыхъ тайно духовнымъ разсмотрѣніемъ изслѣдовавъ, явно учинить и съ ними по закону Божію и по древнимъ правиломъ церковнымъ. Аще же на самихъ духовныхъ и на прочихъ святыя церкви учрежденныхъ служителей о погрѣшностяхъ ихъ отъ кого явная доказательства явятся, и о таковыхъ, окромѣ соборнаго духовнаго суда, нигдѣ не слѣдовать, а по судѣ духовномъ чинить съ ними по древнимъ-же святыя церкви правиломъ.»

Далѣе, въ проектѣ шла рѣчь о паспортахъ, монашествѣ, странничествѣ, милостынераздаваніи и т. п., и здѣсь Аврамовъ вооружался прямо на ненавистныя ему постановленія и узаконенія Петра Великаго. Петръ, очень хорошо понимавшій, что весьма многіе поступали въ монастыри чисто изъ мірскихъ цѣлей, безъ сомомалѣйшихъ признаковъ истиннаго призванія, старался затруднить это поступленіе; Петръ, не терпѣвшій бездѣльничества и туне-

ядства, издавалъ строгія постановленія противъ разныхъ странниковъ и бродягъ, бездѣльно таскавшихся изъ конца въ конецъ по Россіи и питавшихся мірскимъ подаяніемъ. Аврамовъ смотрѣлъ на это совершенно иначе, видя и въ монашествѣ (съ какою бы цѣлью кто въ монастырь ни поступалъ, лишь бы поступалъ), и въ странничествѣ, и въ безразборчивомъ милостынераздаваніи самый прямой и вѣрный путь къ спасенію. Предлагая свои преобразованія и улучшенія по этимъ предметамъ, вѣрный себѣ Михаилъ Петровичъ старался и тутъ выдвинуть на первый планъ духовенство, которое, по его мнѣнію, должно было завѣдывать и раздачею паспортовъ. Для этого слѣдовало сдѣлать «грыдорованныя на мѣдныхъ доскахъ для паспортовъ окружныя добрымъ мастерствомъ фигуры и напечатать ихъ тяжелыми, великими, чрезвычайными прасы, дабы подъ оные индѣ поддѣлываться было трудно, и таковыхъ пашпортныхъ листовъ многочисленно напечатавъ, разослать во всѣ епархіи, къ архіереямъ, и во все государство, къ приходскимъ священникомъ. И егда въ которомъ церковномъ приходѣ, кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священнику желаніе свое къ постриженію, или ради Христа кто пожелаетъ странствовать и милостынею питаться, или кто куда ради работъ и рукодѣлія проситься будетъ, и таковыхъ, въ постриженіе и на странствованіе желающихъ, обучать ихъ и наставлять по разуму закона Божія и заповѣдей Господнихъ и церковныхъ на путь истинный три мѣсяца, и потомъ отпускать въ таковой, Богомъ благословенный, спасающій, божественный путь со всякою благодаря Бога радостію, безъ задержанія. А въ работы и для рукодѣлія, аще который господинъ на то не позволитъ, таковыхъ не отпускать, а уговаривать въ домѣхъ своихъ, или гдѣ господинъ ихъ опредѣлитъ, съ послушаніемъ, всеприлежными своими трудами искать своего спасенія, что есть угодно предъ Господомъ. А отпуски чинить по сему: взявъ онаго въ монашество просителя во святую церковь, и при немъ священнику въ готовый печатный пашпортъ изъ переписныхъ книгъ, усмотря по времени отпуска, вписать его тогда настоящія лѣта и описавъ возрастъ и всѣ человѣчеству принадлежащія на немъ примѣты, и означить въ его отпускѣ, чтобъ съ отпуску его долѣе полугоду непродолжалъ бы, гдѣ хощетъ, въ монашество постриженія. А кто и ушедъ, пострижется, и о таковыхъ, отнюдь не имѣть взысканія, но быть имъ свободнымъ; а для странствія и прошенія милостыни, по тому давать печатные пашпорты на три года, а потомъ паки въ домы своя, ради житья или ради взятья вновь пашпортовъ, возвращаться; и желающихъ паки во имя Господне отпускать безъ всякаго задержанія. А для работъ и рукодѣлія, господамъ рабовъ своихъ отпускать, насколько они похотятъ.»

Хлопоча о безконтрольномъ поступленіи въ монашескій чинъ, по какимъ бы побужденіямъ поступленіе это ни совершалось и о наипривольнѣйшемъ бродяжничествѣ во имя Христово, Михаилъ Петровичъ Аврамовъ также горячо стоялъ и за милостынераздаваніе направо и налѣво, какъ за одну изъ самыхъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, какъ за одно изъ самыхъ душеспасительныхъ дѣлъ. «Отъ всея святыя церкве, писалъ онъ—о щедро-

тахъ милостыни имѣются узаконенія, ученія и повелѣнія, а нигдѣ о переборахъ и разборахъ, о бѣдныхъ нищихъ людѣхъ, кто достоинъ милостыни, кто не достоинъ милостыни, кому давать милостыня, кому недавать милостыня—искони таковаго между православныхъ христіаны закону и ученія нѣтъ и не бывало. А что приводимъ обученіе апостольское, и оное обученіе токмо принадлежитъ посполито на всѣхъ главнѣйшихъ, и среднихъ, и меньшихъ человѣкъ во отвожденіе всѣхъ отъ человѣческой всякой лѣности, приводя во общее всѣхъ житіе трудолюбное, всякого по своему званію. Ни маложе непринадлежитъ оное апостольское обученіе въ противность закону евангельскому о довольствѣ нищихъ, меньшихъ братій Христовыхъ, наипаче же во оныхъ самаго Христа, для сущаго наиближайшаго всѣхъ насъ вѣчнаго спасенія; и посему и сей вышереченный, видный, сатаническій, лукавый, тончайшій подлогъ, во опроверженіе щедротъ изъ человѣколюбія, въ противность онаго закона евангельскаго. Посему же и блаженнѣйшій монашескій спасенія путь весьма нынѣ сталъ быть затрудненъ и между всѣми огорченъ, отчего можетъ, по обычаю лютеранскому и кальвинскому, мало по малу и корень перевесться святаго, душеспасительнаго монашества.»

Вступивъ на путь прямаго порицанія дѣятельности и постановленій Петра и, стало быть, и нераздѣльныхъ съ ними въ его глазахъ дѣятельности и сочиненій Ѳеофана Прокоповича, Аврамовъ все болѣе и болѣе воодушевлялся и раздражался и, заговоривъ наконецъ о Духовномъ регламентѣ и о нѣкоторыхъ новоизданныхъ *богопротивныхъ, атеистическихъ книжичищахъ*, пришелъ въ тотъ необузданный паѳосъ, за которымъ должны непосредственно слѣдовать холодныя души и теплыя ванны. «А о проповѣдникахъ слова Божія—писалъ онъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ—якобы и добрымъ обученіемъ начато; самою же вещію всезлобнѣйшая хитрость его же сатаническимъ лукавымъ подлогомъ напечатана. Въ началѣ будтобы унимаетъ коварный сатана, якобы и неподобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, не надобно руками спляскивать, въ боки упираться, подскакивать, смѣяться, да неподобѣ и рыдать, но хотя бы возмутился духъ, надобно, елико мочно, унимать слезы—вся бо сія лишняя и неблагообразна суть, и слышателей возмущаютъ. Оле льсти сатанинская, колико смысленъ проклятый обманщикъ! Первѣе, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрецъ законопреступную присягу и на оной вкоренилъ ложь и неправду и всякое непостоянство; подъ попечительною ревностію о цѣлости государственнаго состоянія, выкралъ проклятый воръ сущее покаяніе, еще есть второе крещеніе; подъ сысканіемъ раскольщиковъ, и самую страшную обругалъ святу евхаристію и научилъ на сребрѣ продавать духа святаго; подъ наилучшимъ полицейскимъ распорядкомъ научилъ Христа ругать и обижать въ образѣ нищихъ и богоугодное, христіанское погасилъ страннопріимство; подъ многимъ и безмѣстнымъ упованіемъ на благодать Божію, ввелъ, хитрецъ, блудъ и прелюбодѣйство, пьянство и опроверженіе святаго поста и монашескаго душеспасительнаго житія, и подъ такимъ тончайшимъ злоумышленномъ покрываломъ свободно уже вводитъ во всемъ неправое, тщеславное, слабое, распутное,

сластолюбное и славолюбное языческихъ обычаевъ погибельное житіе, которое и во иностранцахъ. Посмотримъ на настоящее ихъ житіе, и узнаемъ, и разсудимъ—не отъ лукаваго ли его совѣта сія дѣла ихъ, и прилично ли христіаномъ попускать явно чрезъ печатныя атеистическія книжичища низводить въ не бытіе творца своего и Бога, и облыгать вся его божественная творенія, дѣла и содѣйствія во уничтоженіе и въ попраніе всего священнаго писанія, и прочая беззаконныя печатать и разсѣвать богопротивныя книжичища. Яко же изъ Гуенсовой и Фонтенеллевой печатныхъ книжичищъ сатанинское коварство явно суть видимо (*). Въ нихъ же о сотвореніи мира сице напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же—съ Коперникомъ—около солнца обращающуюся, и звѣздъ многія толикими же солнцы быти, и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ, и во всѣхъ множественныхъ, описанныхъ отъ нихъ глобусахъ таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ; и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждаютъ; и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и пропасти, и моря, и прочая воды, и звѣри, и птицы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыки, и дѣтородные уды, и рожденіе, и все прочее, иже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждыхъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнцы и луны быти утверждаютъ, и множественное ихъ число исчисляютъ, и на нихъ земли, и жителей, звѣри, и гады, и пажити, такожде, яко и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминаютъ, якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителемъ и всей даетъ твари; и тако вкрадчися, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжичищи авторъ написалъ сице: егда 25000 лѣтъ пройдетъ, паки полярная звѣзда на тое-жъ мѣсто пріидетъ, идѣже нынѣ стоитъ. И прочая басенные, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныя книжичищахъ на опроверженіе всего священнаго писанія, на хулу святаго духа свободно разсѣваютъ, и самихъ ихъ въ почтенныхъ достоинствахъ и во властѣхъ быти попускаютъ. Прилично здѣсь заградить ихъ нечестивыя уста. Слышите, нечестивіи, и вѣдаете о второмъ съ небесъ пришествіи Христовѣ; аще естественную совѣсть имате, съ нею же не можете отрещися о семъ исконномъ божественномъ дѣйствіи. Не вѣдѣте,

(*) Аврамовъ нападаетъ здѣсь на двѣ переводныя книги. Первая—сочиненіе извѣстнаго въ свое время астронома Гюйгенса: *Kosmoteros sive de terris coelestibus earumque ornatu conjecturae* (по русски: *Мірозрѣніе или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ*); вторая—сочиненіе Фонтенелля, переведенное княземъ Антіохомъ Кантемиромъ подъ названіемъ: *Разговоры о множествѣ міровъ*. Сочиненіе Гюйгенса казалось богопротивнымъ не одному лишь Аврамову; оно почиталось еретическимъ весьма многими, и на него были дѣланы жестокія нападки со стороны нашихъ тогдашнихъ мудрецовъ. Тѣмъ не менѣе, оно было переведено два раза, въ 1717 и 1724 годахъ. Переводъ Кантемира изданъ былъ въ первый разъ въ 1740 году.

скажите подъ совѣстію, аще тую имати: на всѣхъ ли многочисленныхъ, по вашему исчисленію, разныхъ землѣхъ вдругъ услышатъ гласъ сына Божія и оживутъ и со всѣхъ ли глобусовъ небесныхъ земель слетятся на нашу сію землю и судими будутъ, или здѣсь разсудя, Христосъ пойдетъ и на прочія на множественныхъ небесныхъ разныхъ глобусахъ утвержденныя разныя земли воскрешать и судить живыхъ и мертвыхъ?»

Послѣдняя часть аврамовскаго проекта занята финансовыми соображеніями и предложеніями мѣръ для увеличенія народнаго богатства. Дѣло, кажется, было чисто земное, житейское, и вплести въ него нѣчто *не отъ міра сего* было довольно трудно; но Михаилъ Петровичъ съумѣлъ исполнить и это, и въ проектѣ его рублевики, полтинники, денежки и полушки чудодѣйственнѣйшимъ образомъ переплетаются съ безпрестанными воззваніями къ всемогущему Богу, къ Спасителю нашему Господу Іисусу Христу и рождшей его пречистой дѣвы Маріи, при чемъ и выгоды, которыя должны были произойдти отъ предлагавшихся имъ мѣръ, объяснялись результатами довольно оригинальнаго свойства. По мнѣнію Аврамова, народное богатство должно было почти мгновенно увеличиться, если «всю казенную и ходящую золотую и серебрянную и всякую мѣдную разную монету, переклеймя, повыситъ, Богомъ благословеннымъ наложеннымъ знакомъ; и о той повышенной наднесенной цѣнѣ въ народъ показать чрезъ распубликованные указы. И таковая монета, за сущій Богомъ благословенный, скорый, государственный, общенародный, многочисленный, благихъ христіанскихъ дѣлъ прибытокъ, всѣмъ будетъ благопріятна и именоваться будетъ благою помощною монетою, понеже, съ помощію всемогущаго Бога, отъ онаго вышереченнаго о монетной прибыли прямаго распорядка, первый общаго православнаго христіанскаго житія сей имать быть Богомъ благословенный способъ и всенародная, съ благодареніемъ Богу и Вашему Императорскому Величеству, многая скорая всѣмъ польза и радость. Егда начнется онаго произвожденія дѣло, тогда кто объявитъ, напримѣръ, триста рублевъ, тому, по наложеніи знака, возвращать триста тридцать рублевъ, которые тридцать рублей возвратятся въ три дня въ настоящій всякому прибытокъ. И прочіе по сему же расчету чинить прісмы и отдачи; и за сицевой благой распорядокъ всѣ съ охотною радостію приносить будутъ къ преклейменью монету; а не такъ якоже нынѣ, заумаленіемъ въ пяти-копѣечникахъ цѣны на стоящей, всенародный настоитъ нынѣ убытокъ и сожалѣніе, а отъ бѣдныхъ людей и горестныя слезы; и происходятъ многія бѣды и напасти. А по сему предложенію, и къ духовной добродѣтели слѣдующій сицевой имѣетъ первый быть способъ: приходящій ко отцемъ духовнымъ, ради исповѣди своей совѣсти, всякаго званія народъ награждать произволяющихъ послѣ исповѣди подаяніемъ отъ святой церкви, за каждую бытность, по разсмотрѣнію, денежною суммою. Егда возможно будетъ давать, во имя пресвятыя Троицы, каждому по три рубли, а бѣднымъ по шти и по девяти рублевъ человѣку, и отъ таковаго распорядку всѣ безъ принужденія желательны бу-

дутъ приходить на покаяніе, которыхъ тогда способнѣе будетъ пастыремъ всеприлежнѣе обучать въ любовь Бога и ближняго.» За тѣмъ Аврамовъ исчисляетъ другія, могущія произойдти отъ переклейменья и возвышенія въ цѣнѣ монеты, выгоды: 1) посылаемые для обращенія и крещенія народовъ проповѣдники могутъ быть снабжаемы на свои потребы «свободною довольною суммою»; 2) всю подушную доимку можно будетъ сложить и наложить одни легчайшіе старообычные дани и поборы; 3) господамъ и всякаго званія народу можно будетъ давать взаймы деньги безъ процентовъ; людямъ же обѣднѣвшимъ по какому нибудь несчастному случаю, можно будетъ давать деньги и вовсе безъ отдачи, да еще не разъ, требуя лишь при этомъ, чтобы они прилежнѣе трудились и старались всѣми мѣрами способствовать развитію всякихъ промысловъ, рукодѣлій и земледѣлія; 4) всякіе свои и иностранные товары безпрепятственно можно будетъ покупать на казенныя деньги высочайшею, а въ народъ изъ казны продавать пониженною цѣною; 5) во имя Господне, и въ селахъ, и въ деревняхъ возможно будетъ построить на казенный коштъ каменное строеніе; 6) во всѣхъ городахъ и селахъ возможно будетъ имѣть запасные всякаго хлѣба и фуражу магазины; 7) «во славу Божію, ради наилучшаго и наиближайшаго душъ человѣческихъ спасенія, святыя церкви, святыя обители, святыя страннопріимницы вездѣ распространить и удоволить возможно; и тако, съ помощію Божіею, чрезъ монетную скоро обращающуюся прибыль имѣетъ быть Богомъ благословенное, во всенародное общество, всякое довольство и жизнь благополучная.»

Кромѣ переклейменья ходячей монеты, Аврамовъ предлагалъ еще, по примѣру другихъ государствъ, завести бумажные билеты, «которые съ премудрою, добраго и чистаго мастерства фигурою и съ секретомъ великими и чрезвычайно тяжелыми прасы напечатать, дабы въ малыхъ станахъ поддѣлаться было невозможно.» Такихъ билетовъ, по проекту, слѣдовало выпустить на сумму до тридцати милліоновъ рублей, и ими бы управились всѣ государственныя нужды.

Въ заключеніе, Михаилъ Петровичъ не преминулъ вставить въ проектъ свой то, что̀ составляло неизмѣнный припѣвъ всѣхъ его проектовъ и завѣтнѣйшую мечту его бѣдной жизни—требованіе о возстановленіи патріаршества. «Все усердно тайно доношу, писалъ онъ—аще заблагоизволите разсудить: видѣтся весьма прилично и зѣло нужно—надобно изобрать единаго духовника, мужа въ православной вѣрѣ, надеждѣ и любви по всему разуму святыя, соборныя, каѳолическія церкви живуща... учинить его во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ полномочнаго патріарха, который, по данной ему отъ Христа власти и силѣ, одолженъ смѣло, право и истинно содержать и управлять святую церковь и собирать къ себѣ повсегодно помѣстный соборъ.»

Соорудивъ это произведеніе, въ которомъ на каждой страницѣ отражались доброе, гуманное сердце и необразованная да еще полурастроенная голова, Аврамовъ счелъ долгомъ, на исповѣди, повѣдать отцу своему духовному, что имѣетъ намѣреніе подать императрицѣ «нѣкоторую сочиненную имъ кни-

гу». Отецъ духовный отвѣчалъ: «ежели въ той книгѣ нѣтъ ничего противнаго святой церкви, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай.» И Михаилъ Петровичъ подалъ.

Царствованіе Елизаветы слыло кроткимъ, и было, дѣйствительно, кроткимъ въ сравненіи съ грозной, кровавой *бироншиной*; но и кроткое правительство не любило, чтобы вмѣшивались въ дѣла его безъ приглашенія и лѣзли къ нему съ совѣтами, не имѣя на званіе совѣтниковъ никакого права. Аврамовъ надѣялся объясниться съ самою императрицею, да еще наединѣ, «въ тайности»; а пришлось ему объясниться съ начальникомъ тайной канцеляріи, графомъ Шуваловымъ, да еще въ застѣнкѣ, и послѣднія, сохранившіяся извѣстія о судьбѣ злополучнаго прожектера заключаются въ слѣдующемъ донесеніи Шувалова императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ:

«По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію повелѣно статскаго совѣтника Михаила Аврамова взять, такожъ и имѣющіяся въ домѣ его книги, письма и тетради забрать въ тайную канцелярію и онаго Аврамова—въ томъ, что для чего онъ, Аврамовъ, въ поднесенной имъ Вашему Императорскому Величеству, ноября 21 дня 174... года, книгѣ важныя и въ укоризну Вашего Императорскаго Величества противности и о вселюбезнѣйшемъ Вашего Императорскаго Величества родителѣ, государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, противныя разсужденія, что будто бы за подписаніе Его Императорскаго Величества не право сочиненнаго новгородскимъ архіереемъ Ѳеофаномъ «Духовнаго регламента», во время св. литургіи при немъ, Аврамовѣ, по сочиненіи онаго регламента и по учрежденіи синода, пѣтъ былъ благодарный молебенъ, то-де Его Императорское Величество въ здравіи своемъ вдругъ измѣнился, почему-де онъ признаваетъ, что оная въ здравіи Его Императорскаго Величества перемѣна воспослѣдовала, по волѣ всемогущаго Бога, за подписаніе Его Императорскимъ Величествомъ онаго регламента, такожъ и ни мало до него, Аврамова, касающіяся представленія, о которыхъ Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстно и въ тайной канцеляріи явствуетъ, именно писалъ, и не имѣетъ ли онъ, Аврамовъ, къ сочиненію той книги какого злаго намѣренія и къ сочиненію той книги не было-ль у него съ кѣмъ каковаго согласія и противнаго разсужденія, и о написаніи той книги не показывалъ ли онъ, Аврамовъ, другимъ кому—распросить обстоятельно.

«И по оному Вашего Императорскаго Величества высочайшему соизволенію, оный Аврамовъ въ тайную канцелярію взятъ, и сперва въ распросѣ, а потомъ и по приводѣ въ застѣнокъ, въ пристрастномъ распросѣ-жъ, показалъ: объявленную-де книгу Вашему Императорскому Величеству, онъ, Аврамовъ, подалъ, и въ той книгѣ многія важныя во укоризну Вашему Императорскому Величеству противности, тако-жъ и другія, ни мало до него, Аврамова, слѣдующія представленія, писалъ онъ, Аврамовъ, съ сущей простоты своей, желая Вашему Императорскому Величеству спасенія, чтобъ повелѣніемъ и попеченіемъ Вашего Императорскаго Величества житіе христіанское было

во всемъ благочестное, по преданію св. церкви, и такожъ чтобъ люди препровождали житіе свое по закону христіанскому и по ученію и преданію св. апостолъ и отецъ; а злаго-де Вашему Императорскому Величеству противнаго никакого умыслу и намѣренія въ сочиненіи оной книги, онъ, Аврамовъ, не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ, но оное-де болѣе учинилъ онъ, Аврамовъ, отъ объявленной своей простоты; такожъ и означенныя о Его Императорскомъ Величествѣ Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ предписанныя рѣчи написалъ же онъ съ сущей простоты своей. А оную-де поднесенную Вашему Императорскому Величеству книгу, какъ начерно сочинялъ, такъ и переписывалъ самъ онъ, Аврамовъ, и въ сочиненіи-де оной не имѣлъ и ко вписанію-де въ ту книгу ни о чемъ никто ему, Аврамову, совѣту и разсужденія не придавалъ, и оной-де книги, какъ черной, такъ и бѣлой, никому онъ, Аврамовъ, никогда ни для чего не показывалъ, и другихъ-де таковыхъ же сочинителей никого, ни чрезъ что онъ, Аврамовъ, не знаетъ, но только-де какъ оную книгу начерно и набѣло онъ, Аврамовъ, переписалъ и тогда-де, при исповѣди, отцу своему духовному церкви Гребенскія Пресвятыя Богородицы священнику Степану Ананьину говорилъ, что-де намѣренъ онъ, Аврамовъ, нѣкоторую Вашему Императорскому Величеству сочиненную имъ книгу подать. Который-де, попъ на то сказалъ, ежели-де, что не противно церкви святѣй, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай. Токмо, что въ оной было написано, оному попу онъ, Аврамовъ, не сказывалъ, и оный попъ ни почему о томъ не зналъ.

«По всенижайшему тайной канцеляріи мнѣнію, разсуждается: оный Аврамовъ, за сочиненіе имъ вышепоказанныхъ противныхъ книгъ, а паче, что онъ всѣми своими сочиненно-противными и до него, Аврамова, ни мало принадлежащими книгами подачею дерзновенно утруждалъ Ваше Императорское Величество,—подлежалъ онъ жестокому наказанью; но понеже, какъ изъ распросу Аврамова, такъ и по приводѣ въ застѣнокъ и съ пристрастнаго распроса оказалось, что онъ тѣ противныя книги сочинялъ и Вашему Императорскому Величеству подачею утруждалъ съ сущей простоты своей; къ тому жъ, по усмотрѣнію тайной канцеляріи, явился онъ, Аврамовъ, весьма въ престарѣлыхъ лѣтахъ, чего ради, а паче для многолѣтняго Вашего Императорскаго Величества и Высочайшей Вашего Императорскаго Величества фамиліи здравія—не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество отъ того наказанія учинить его, Аврамова, свободна; а дабы впредь отъ него таковыхъ весьма противныхъ сочиненій происходить не могло, не чиня ему наказанья, послать въ пристойный монастырь, гдѣ велѣть содержать его подъ крѣпкимъ присмотромъ, до кончины живота его, ни куда неисходна; а ежели же онъ, Аврамовъ, пожелаетъ въ томъ монастырѣ принять монашескій чинъ, и въ томъ ему, Аврамову, позволить; такожъ перьевъ и чернилъ ему, Аврамову, не давать. Все же оное предается въ высочайшее милосердое соизволеніе Вашего Императорскаго Величества. Графъ Александръ Шуваловъ.»

Что сталось затѣмъ съ Михаиломъ Петровичемъ Аврамовымъ, чѣмъ выразилось относительно его, и выразилось ли чѣмъ нибудь, *высочайшее мило-*

сердое соизволеніе Ея Императорскаго Величества; былъ ли онъ прощенъ, или, по совѣту графа Шувалова, заточенъ въ монастырь; пожелалъ ли тамъ принять монашескій чинъ; умеръ ли своей, естественной смертью отъ старости и дряхлости, или кончина его была ускорена *пристрастнымъ распросомъ* въ застѣнкѣ—свѣдѣній объ этомъ никакихъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ, конецъ его жизни не могъ быть радостенъ, а цѣлая жизнь служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, какъ гибельно дѣйствовало (и дѣйствуетъ) на русскихъ людей извѣстное направленіе, если противовѣсомъ ему не служило (и не служитъ) образованіе, и изъ за чего бились противники петровской реформы, чѣмъ тщились они замѣнить внесенное въ русскую жизнь великимъ государемъ. Добрый, гуманный и далеко не глупый Аврамовъ, при иныхъ обстоятельствахъ и иной обстановкѣ, могъ, вѣроятно, быть бы весьма не безполезнымъ членомъ въ обществѣ молодомъ, перерождавшемся и требовавшемъ хоть сколько нибудь похожихъ на людей дѣятелей. Иначе направленный, иначе окруженный, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ бы и въ борьбу за настоящее, правое, разумное дѣло ту силу искренняго, глубокаго убѣжденія, которая не допускала его задумываться при совершеніи разныхъ «продерзостей» и «противностей» въ такія времена, когда самые пустые или, просто, пьяные разговоры считались *немаловажными преступленіями*, а за одну лишь подачу какого нибудь сочиненія или проекта главѣ государства, человѣкъ подлежалъ *жестокому наказанію*. Но судьба судила иначе, и Аврамовъ, исказивъ и загубивъ свою жизнь, можетъ теперь, не смотря на свои неоспоримо честныя стремленія, возбуждать одно лишь чувство сожалѣнія, не исключающее порою и невольнаго, неудержимаго смѣха. Это была еще одна *жертва вечерняя*; ихъ было много, такихъ жертвъ, и было бы гораздо больше, если бы скверный вечеръ не погасъ, къ счастію, довольно скоро, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее за нимъ утро возсіяло надъ русскою землею совершенно инымъ свѣтомъ.

І. Шишкинъ.

ЮНКЕРСКАЯ ГАЗЕТА.

(ИЗЪ ФАЛЛЕРСЛЕБЕНА).

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Она говоритъ о былыхъ,
Исчезнувшихъ дняхъ золотыхъ,
Когда появилось на свѣтъ,
Одѣтое въ пышный колетъ,
Цѣннѣйшее міра убранство—
Нѣмецкое наше дворянство.

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Она разсуждаетъ о томъ,
Съ чѣмъ каждый отлично знакомъ,—
О томъ, что дворянство давно
На свѣтѣ живетъ, что оно,
По силѣ и древности рода,—
Величье и слава народа.

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Она, въ двѣститысячный разъ,
Ведетъ вдохновенный разсказъ
О томъ, что бѣднякъ—человѣкъ
Погибнулъ бы жалко на вѣкъ,
Не будь на землѣ христіанской
Высокой породы дворянской.

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Она утверждаетъ опять,
Что было бы странно равнять
Съ дворянами, прочихъ людей:
Что полны зловредныхъ идей
И страшно—безумнаго чванства
Враги привилегій дворянства.

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Она поясняетъ намъ вновь,
Что часто—дворянская кровь
Одна человѣку даетъ
Величіе, силу, почетъ;
Что можно назвать гражданиномъ
Того лишь, кто сталъ дворяниномъ.

Что новаго въ нашей «Господской Газетѣ?»
Все тотъ-же и тотъ-же напѣвъ
Про блескъ родословныхъ деревъ,
Растущихъ въ несмѣтномъ числѣ
На доброй нѣмецкой землѣ
Съ незыблемо—гордою силой...
Помилуй насъ, Боже, помилуй!

П. Вейнбергъ.

ОЧЕРКИ ОБОЗНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Приготовленія къ дорогѣ.

Нужно мнѣ было ѣхать изъ Екатеринбурга въ Пермь, а денегъ у меня было только восемь рублей. Въ Екатеринбургъ я ѣхалъ съ чиновникомъ на земскихъ и обывательскихъ и заплатилъ ему только четыре рубля, такъ какъ онъ платилъ прогоны только тамъ, гдѣ нѣтъ ни земскихъ, ни обывательскихъ лошадей. Теперь мнѣ такого случая не представлялось, потому что въ городѣ или въ земскомъ судѣ у меня знакомыхъ не было. Въ это время сибирское купечество, такъ сказать, валомъ валило въ Нижній на ярмарку и мнѣ посовѣтовали сходить въ контору вольныхъ почтъ для того, чтобы найти попутчиковъ или не согласится ли кто взять меня ради компаніи пополамъ, или какъ тамъ придется. Прихожу въ контору вечеромъ; никого нѣтъ. Немного погодя вышелъ писарь.

— Позвольте васъ спросить: нѣтъ ли у васъ попутчиковъ? спросилъ я.

— А вы кто такіе?

Я назвался губернскимъ чиновникомъ; онъ посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ, что никого нѣтъ, а если мнѣ будетъ угодно, то онъ меня запишетъ. Я согласился.

— А сколько стоитъ до Перми на парѣ? спросилъ я изъ любопытства.

— Въ нашемъ экипажѣ двадцать четыре рубля, а если у васъ свой есть, то и дешевлѣ.

Я вышелъ и думалъ: вотъ если бы желѣзную дорогу построили, такъ сбавили бы имъ спѣси; отъ Петербурга до Перми болѣе двухъ тысячъ верстъ и я издержалъ съ пищей, водкой и извощиками всего

двадцать три рубля, а здѣсь за триста шестьдесятъ верстъ просятъ только за провозъ 24 р., да еще ямщикамъ нужно давать. На улицѣ жарко, душно. Горожане ждутъ грозы и граду. Передъ конторой вольныхъ почтъ, на улицѣ, стоятъ двѣ повозки. Повозки эти старинныя, сибирскія, пространныя. Въ одной покрытой, кожанымъ *фартукомъ*, почиваютъ на пуховикѣ два купца, съ красными, точно разбухшими, отъ жара лицами. Въ другой повозкѣ, съ откинутой накладкой, лежатъ куча подушекъ и разныхъ величинъ узлы. Къ обѣимъ повозкамъ ямщики запрягали лошадей, ругая ихъ, какъ только можно.

— Просто каторга это время! ни часу нѣтъ роздыху... Жара...

— И на водку, что есть мало даютъ, штобъ имъ провалиться...

Я подошелъ къ ямщикамъ и спросилъ—нѣтъ ли такихъ ямщиковъ, которые бы увезли меня на обратныхъ. Я думалъ, что ямщикъ, возвращаясь домой съ лошадьми, возьметъ съ меня копѣекъ двадцать.

— А ты изъ кутейниковъ, што-ли?

— Нѣтъ.

— Разсказывай: по облику видно... Вонъ тамъ во дворѣ спроси.

Во дворѣ суетня. Ямщики перебѣгаютъ отъ лошадей къ телѣгамъ и повозкамъ; въ двѣ повозки два человѣка, одѣтые въ сюртуки, укладываютъ подушки, чемоданчики, сакъ-вояжи. Нашелъ ямщика, запросилъ три рубля. Я сказалъ что дорого, ямщикъ сталъ издѣваться надо мной.

— Ты бы попутчиковъ искалъ, сказалъ мнѣ другой ямщикъ, сидѣвшій на крылечкѣ.

— То-то што нѣтъ.

— Нынѣ купцы—одно слово, што жиды: почитай со своей братьей ѣздятъ, а со стороны не берутъ, потому боятся — денегъ у нихъ пропасть! Да имъ не жалко денегъ, объяснялъ мнѣ ямщикъ. А потомъ, помолчавъ, опять началъ: одново разу, при мнѣ камедь была. Ѣхалъ, знаешъ ты, купецъ, богачь, одно слово. Вотъ и подвернись какой-то кутейникъ, и пошелъ этотъ кутейникъ къ купцу проситься съобща ѣхать, а купецъ ѣхалъ одинъ, съ прикащикомъ. Ладно. Приходитъ этотъ кутейникъ въ горницу, купецъ лежитъ на диванѣ въ рубахѣ— отъ жары просто не въ моготу ему было... Ну, тотъ и говоритъ, такъ и такъ... Кто ты, говоритъ, такой?—Тотъ сказалъ.—А я, говоритъ купецъ, не люблю товарищей, а тебя, говоритъ, возьму, коли, говоритъ, ты сейчасъ десять разъ перекувырнешся, позабавишъ мою милость, а коли неперекувырнешся—въ полицію представлю и владыкѣ твоему лично донесу, што ты меня на большой дорогѣ безпокоить изволишъ... Ну што-жъ бы ты думалъ? парень и давай перекувыркиваться—смѣхъ!

да только не въ моготу должно быть... на пятомъ разѣ остановился: не могу, говоритъ сердешный. А потъ такъ и льетъ, такъ и льетъ... Купецъ хохочетъ... Што-жъ ты, говоритъ, на самомъ забавномъ мѣстѣ остановился? Валяй. — Не могу!! вопитъ кутейникъ... И я, говоритъ купецъ, не могу везти. Ну и прогналъ... А тотъ такъ-таки съ обозомъ и уѣхалъ.

Послѣ такого разговора я рѣшилъ ѣхать съ обозомъ; что нужды, думалъ я, что я проѣду недѣлю, за то сколько удовольствія будетъ для меня въ этомъ тихомъ путешествіи, а какъ заставятъ кувыркаться — обидно... Цѣлые два дня я проходилъ безъ толку, потому что, не зная гдѣ останавливаются тѣ ямщики, которые ѣдутъ въ Пермь, я все натыкался на такихъ, которые ѣхали въ Тюмень. Наконецъ, мнѣ сказали куда идти. Напротивъ полукаменнаго дома стояло до десятка пустыхъ телѣгъ на улицѣ; на землѣ подъ телѣгами и немного подальше колесъ бѣгали курицы и клевали въ трухѣ овесъ, который, вѣроятно, сыпался изъ кошелей, когда ихъ убирали изъ телѣгъ; тутъ же тощая коровенка, махая отъ жару хвостомъ, что есть мочи засовывала подъ одну телѣгу свою голову, стараясь достать клочекъ сѣна. Ворота заперты. Я вошелъ во дворъ. Слѣва новый полукаменный домъ, а справа одноэтажный деревянный, уже старый; потомъ тянется длинный дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго навѣсы, а подъ навѣсами стоятъ телѣги и лошади, достающія изъ кошелей сѣно; четыре лошади лежатъ. Недалеко отъ крылечка дома, по правую руку, пятилѣтній мальчуганъ, въ ситцевой розовой рубахѣ и съ бѣлыми волосами, старается сѣсть верхомъ на большую черную собаку, только та не дается и когда мальчуганъ потащитъ ее за хвостъ, она визжитъ.

— Мальчикъ! окликнулъ я мальчугана, но онъ, поглядѣвъ на меня, еще пуще сталъ тормошить собаку; та, наконецъ, укусила ему руку, убѣжала, а мальчикъ заплакалъ и пошелъ на крыльцо.

Я подошелъ къ одной телѣгѣ: въ ней лежитъ желѣзное ведро, веревка, зипунъ. Въ другой телѣгѣ спитъ на животѣ мужчина, въ синей изгребной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, босикомъ.

— Чево тебѣ? вдругъ услыхалъ я женскій голосъ.

Я обернулся. Изъ окна дома, направо отъ воротъ, глядѣла на меня старушка. Я подошелъ къ окну. Она хотя и выглядывала старушкой, но казалась бодрой и въ голосѣ ея не слышалось ничего болѣзненнаго.

— Ково тебѣ? спросила она меня снова.

— Тетушка, здѣсь какіе ямщики?

— На што тебѣ?

— Мнѣ въ Пермь хотѣлось бы нанять.

— Здѣсь такихъ нѣтъ: здѣсь съ кладью поѣдутъ въ Пермь.

— А скоро?

— Завтра надо быть.

— А берутъ они ѣздоковъ?

— Заходи ужо. Теперь спятъ, и она заперла окно.

Вечеромъ, часовъ въ семь, я пришелъ опять на этотъ постоялый дворъ. Шесть ямщиковъ, въ синихъ изгребныхъ и голубыхъ ситцевыхъ рубахахъ, въ шляпахъ на подобіе горшковъ и въ фуражкахъ, мужчины здоровые, краснощекіе, собравшись въ кучу о чемъ-то толковали. При моемъ входѣ они, разговаривая, стали смотрѣть на меня. Я подошелъ къ нимъ, снялъ фуражку, двое тоже сняли; говорить перестали.

— Вы не въ Пермь-ли?

— Въ Пермь, а што?

— Да мнѣ тоже бы туда надо.

— Мы не примамъ нони, потому съ кладью.

— Да я ничего...

— А ты видно изъ духовныхъ?... Ишъ нони стекла проявили на носу н сить. Это отъ моды што-ли? спрашивалъ одинъ.

— Такъ ты говоришь—въ Пермь?... А што у тѣ много клади? спросилъ другой ямщикъ, съ плутоватыми глазами, привлекательнымъ лицомъ, съ курчавыми волосами, небольшой черной бородкой, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ.

— У меня только узелокъ.

Ямщикъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и вступилъ въ разговоръ съ товарищами.

— Нѣтъ, пятнадцать, ребята, дорогонько... Кабы десять.

— То-то. Ужъ рядился, рядился...

— Разѣ мнѣ сходить, а?

— Какъ хошь. Ну а ты, Верещагинъ, што? ряди.

— Не знаю... сказалъ тотъ ямщикъ, который спрашивалъ меня о вещахъ, и почесалъ голову обѣими руками, положивъ шляпу въ телѣгу.

— Ну а ты сколько бы далъ? спросилъ меня другой ямщикъ.

— Какъ вы? Я думаю придется пѣшкомъ идти больше.

— Это обнаковенно: устанешь—присядешь; ну и заснуть можно.

— Такъ сколько бы вы взяли?

— Да мы што! вонъ ево проси... Верещагинъ, ряди...

Верещагинъ отошелъ отъ ямщиковъ, пошелъ медленно къ воротамъ, почесывая голову и спину, что-то шепталъ, смотря въ полъ. Я шелъ за нимъ.

— Такъ какъ, дядя?

— Да пять рублей-бы? спросилъ онъ меня негромко и хитро посмотрѣлъ на меня.

— Много. Я бы три далъ. Самъ подумай: я вѣшу не много, да и не всегда буду сидѣть. Опять тоже дождь...

— На счетъ дождя несумлѣвайся: рогозкой прикрою.

— Верещагинъ! иди въ баню, кликнули ямщики.

Верещагинъ не говорилъ ни да, ни нѣтъ; я молчалъ, онъ тоже молчалъ; и, повидимому, тяготился мной, но отойти отъ меня ему тоже, должно быть, не хотѣлось.

Наконецъ мы разошлись. На другой день таже исторія; только вечеромъ онъ согласился, по совѣту другихъ ямщиковъ, взять меня за три рубля. Онъ мнѣ далъ денегъ полтину.

— Это на что? спросилъ я.

— Ужъ заведеніе такое, потому это задатокъ, што я тебя не обману.

Однако, денегъ я не взялъ; онъ, ради знакомства, позвалъ меня въ питейную лавочку и угостилъ на свой счетъ осьмушкой водки, сказалъ, что его зовутъ Семеномъ Васильичемъ, спросилъ мое имя, велѣлъ приходить завтра въ десять часовъ и мы разстались, пожавъ другъ другу руки: первый протянулъ онъ.

Идя домой, я раздумался о здѣшней простотѣ крестьянъ и удивлялся: неужели ихъ не учили такіе господа, какъ мазурики? Вѣдь въ подобномъ случаѣ мазурику очень легко выманить у ямщика полтинникъ. Однако, здѣсь уже такъ заведено, что вмѣсто жестянокъ, ямщики даютъ деньги.

Въ десять часовъ я уже былъ на постояломъ дворѣ, но тамъ не было ни ямщиковъ, ни телѣгъ. Я испугался. Пошелъ въ полукаменный домъ. Кухня большая съ большимъ столомъ въ переднемъ углу. Въ ней душно, жарко, два окна почти-что залѣплены мухами, по столу и лавкѣ бродятъ табуны мухъ. Но хотя я сперва и назвалъ это помѣщеніе кухней, однако это вовсе не кухня, а комната, потому что направо двери въ кухню, съ печью, а изъ кухни въ хозяйскія комнаты. Въ кухнѣ около печи суетилась высокая, толстая, годовъ сорока пяти женщина; въ комнатѣ пили чай молодая женщина недурной наружности и двое дѣтей: мальчикъ, котораго я видѣлъ вчера во дворѣ, и дѣвочка лѣтъ восьми.

Не глядя на меня, хозяйка сказала, что ямщики поѣхали за кладью и къ обѣду, вѣроятно, пріѣдутъ. Хотѣлъ я спросить ее—могу ли я посидѣть въ комнатѣ, но она была слишкомъ занята своимъ дѣломъ и меня вовсе никогда отъ роду не видала. Однако я присѣлъ на лавку у окна.

Скучно. Не знаю сколько я просидѣлъ, только хозяйка, спасибо ей, крикнула:

— Чево ты разсѣлся, разстрига? Што у насъ разѣ для всякаго проходящаго постоялый-то устроенъ?

Я растерялся и не зналъ, что сказать ей въ свое оправданье.

— Пошелъ, пока бока не наломали!

Я посмотрѣлъ на нее, вижу женщина, пожалуй, втрое мясистѣе и сильнѣе меня, отвозитъ кулаками такъ, что въ другой разъ совѣстно будетъ и показаться сюда.

Пошелъ бродить по рынку, зашелъ въ трактиръ, но дѣлать въ немъ мнѣ было нечего: коли пришелъ, то, стало быть, нужно водку пить, кушанье брать, а я ни того, ни другаго не хотѣлъ, да и на дворѣ такъ жарко, что готовъ бы, кажется, весь день въ водѣ пробыть. Но, ужъ если я зашелъ въ трактиръ, то долженъ непремѣнно хоть рюмку водки выпить, а то сочтутъ меня Богъ знаетъ за какого человѣка. Дѣлать нечего, выпилъ рюмку; водка оказалась мерзѣйшая и стоитъ пятакъ. Спросилъ газетку, нѣтъ. Служителя глядятъ на меня подозрительно; прошлась какая-то женщина сомнительнаго поведенія. А народу въ трактирѣ нѣтъ, должно быть рано, да и Ильинъ день.

Постоялый дворъ былъ уже запруженъ возами и пустыми телѣгами; лошади распряжены и ѣли кормъ. Въ полукаменномъ домѣ говоръ. Вышелъ изъ него одинъ ямщикъ и отъ него я узналъ, что Верещагинъ и его товарищи пьютъ чай и что они послѣ обѣда поѣдутъ. Я присѣлъ на крылечко и отъ нечего дѣлать сталъ наблюдать за лошадьми, этими работниками на большомъ сибирскомъ трактѣ. Недалеко отъ меня стояли между двухъ телѣгъ двѣ лошади бурой шерсти, лошади здоровыя и крѣпкія. Одна изъ нихъ, съ сивою гривой, повидимому, уже наѣлась, но все-таки ѣла, только ужъ такъ лѣниво, что ее можно было сравнить съ екатеринбургской мѣщаночкой, сидящей вечеркомъ за воротами и балующей себя кедровыми орѣхами; другая лошадь съ чернымъ хвостомъ лизала гриву этой лошади, причемъ сивогривая лошадь очень благосклонно взглядывала на чернохвостую. Кончила ѣсть сивогривая, уперла морду внизъ, чернохвостая еще усерднѣе стала лизать ея лобъ и спину, потомъ вдругъ подошла къ кошелю и стала доставать изъ него сѣно, но сѣна тамъ не было. Все-таки она продолжала жевать, изрѣдка вытаскивая изъ кошеля морду, а сивогривая лошадь стала лизать гриву этой чернохвостой подруги. Та хотѣла лечь, но лечь некуда. Я думалъ, что этѣ любезности исключеніе, но замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ тоже, только тамъ двѣ лошади лизали одну. При этомъ мнѣ представилось то, какъ за барскими лошадьми

ухаживаютъ кучера, мо̀я и чистя ихъ, а такъ какъ крестьянскихъ лошадей хозяева не чистятъ щетками, то они сами заботятся о себѣ. Подъ телѣгами и между ногъ лошадей сновали въ разныхъ мѣстахъ курицы и пѣтухи, нисколько не думая о томъ, что ихъ могутъ раздавить; изъ нихъ были даже такіе, которые взлѣтали въ телѣгу и храбро клевали овесъ.

— А, будь ты за болотцомъ! здорово Петръ Митричъ! — проговорилъ знакомый голосъ.

Я обернулся. Верещагинъ въ чистой, вчера надѣтой, рубахѣ, безъ шапки. стоялъ недалеко отъ меня и утиралъ раскраснѣвшееся отъ горячей воды лицо рукавомъ. Я подошелъ къ нему, мы поздоровались: онъ крѣпко стиснулъ мою ладонь.

— Почемъ кладь-то взялъ?

— Да дешево, ну да!.. шестьдесятъ двѣ коп. съ пуда... А корма́-то нонѣ не приведи Богъ какъ дороги... И онъ пошелъ къ своимъ лошадямъ, которыя у него стояли почти назади двора.

Стали выползать изъ дому и другіе ямщики. Всѣ они были въ поту, такъ что плечи рубахъ были мокрыя; говорили всѣ весело, бойко; два молодыхъ извощика, по мѣстному—парни, годовъ восемнадцати, острили надъ пожилыми извощиками, которые на ихъ остроты сами отвѣчали или желаніемъ отколотить парней, или обругивали. Всѣ ямщики разсыпались по всему двору. Немного погодя пять извощиковъ присѣли на крылечко и, не обращая на меня вниманія, о чемъ-то весело стали продолжать прежде начатый разговоръ и хохотали.

— Это што?... А вотъ Яшка-то Крюковъ?! Ахъ, будь онъ проклятъ, штобъ ему ни дна, ни покрышки.

— Да, да!... Вѣдь цѣлую бочку вызудилъ, штобъ ему лопнуть!

— Какъ такъ?

— Да ты не слыхалъ што-ли? Камедь, какая, братецъ ты мой!... первый сортъ. Это повезли они съ Иваномъ Кирьяновымъ вино. Ну, ладно. А Крюковъ и давай лакать...

— Вино-то?

— Ну. Да какъ: нужно трогаться, а онъ спитъ тамъ у телѣги и плевать на все, говоритъ; хоть убете его такъ въ ту же пору. Ну знамо дѣло, не бросать же его: у него тоже двѣ лошади; свалили... Только голова болтается, какъ поѣхали... А какъ проснулся—стали его ѣсть, а онъ, гляди, опять пьянъ... На другой день опять... Просто сдивовались всѣ! Ну и стали примѣчать: потому въ кабакъ не ходитъ ровно, а только что-то ужъ часто ведро полощетъ въ рѣченкахъ, да воду пьетъ и съ воды пьянъ дѣлается... Только Степанъ Макушевъ и примѣтилъ: што-де Яшка около своей бочки подпрыгиваетъ, да ведро под-

совыватъ на ходу, ну и словилъ. Это онъ, знаешь, дыру просверлилъ въ бочкѣ, да и заляпалъ тѣстомъ. Ну, Степанъ-то промолчалъ сперва, а какъ къ рѣкѣ подъѣхали, да пошли за водой, и Яшка съ ведромъ, пошатыватъ его, таку-бѣду!.. Только Степанъ и говоритъ ребятамъ: а што-то Яшка-то у насъ нони ужъ черезъ чуръ лошадей-то поитъ, у него пошто-то и телѣга-то вино пьетъ?.. Кабы намъ, братцы, въ убыткѣ не быть?.. Ну, значитъ, острамилъ, что называется, на всѣхъ, а Яшка и говоритъ: бочку доливаю, потому—текетъ очинно. Иванъ Кирьяновъ очинно осерчалъ, да мы общимъ сговоромъ рѣшили не показывать эту бочку, а сказать што она разбилась; ужъ лучше всѣмъ испробовать заморскаго вина—какъ оно есть... Ну, а Яшку въ лѣсу знатно выстегали... И не поморщился, будь онъ проклятъ...

Въ продолженіи этого разсказа слушатели и разскащикъ хохотали.

— Што-жъ, убытку-то много?

— Сѣло таки: рубля два только и пришлось получить при расчетѣ. А Яшку отъ себя прогнали. Въ Тюмень, сказываютъ, съ Безобразовымъ кожи повезъ.

— А со Степкой Мокроносовымъ-то какая оказія вышла. Слышали?

— Бочка съ Суксуна улетѣла.

— Да... И чортъ ее угораздилъ слетѣть. Гора-то, е! страсть какъ крута... Бочка только подпрыгиватъ... Щепка-щепкой... Страсти...

— Не приведи Богъ... Ужъ эта гора сидитъ намъ, Христосъ съ ней.

Пришелъ Верещагинъ и спросилъ меня: обѣдалъ ли я? Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, но я не зналъ куда идти, да и боялся, что ямщики меня не станутъ дожидаться.

— Подемъ въ избу.

— Неловко какъ-то, народу много. Еще помѣшаю; да и хозяйкѣ я не понравился.

— А, будь ты за болотцомъ! Подемъ.

Во дворѣ, кромѣ Верещагина, ямщиковъ не было. Я пошелъ.

Въ комнатѣ, за большимъ столомъ, сидѣло человѣкъ пятнадцать ямщиковъ. Они хлебали щи; запивая водкой. Всѣ, или говорили, или хохотали, или ругались.

— Хозяюшка, можно мнѣ пообѣдать? Я заплачу, спросилъ я хозяйку.

— Вотъ выдумалъ! У меня нѣтъ для тебя ничего.

— Да мнѣ-бы щей.

Хозяйка промолчала. Я сѣлъ на лавку. Короваи хлѣба скоро исче-

зали одинъ за другимъ; хозяйка то и дѣло наливала въ деревянныя чашки щи; ямщики то и дѣло просили хозяйку прибавить щецъ и говядинки. Я закурилъ папироску. Надъ Верещагинымъ острили, онъ хихикалъ въ руку и говорилъ только: «а будь ты за болотцомъ», но потомъ его чѣмъ-то попрекнули, заговорили всѣ противъ него, онъ только говорилъ обиднымъ голосомъ: «развѣ я виноватъ! Бога бы вы побоялись обижать бѣднаго человѣка.»

— Вотъ ужъ! ты всегда больше другихъ клади накладывашъ.

— За то у меня лошади не вамъ чета.

— А вотъ мы попробуемъ въ переднія пустить.

— Эй ты, долговязая бестія! Пошолъ отселева, крикнулъ на меня одинъ здоровый ямщикъ, съ черными волосами.

Я не трогался, потому что не зналъ, за что я не понравился ямщику.

— Тебѣ говорятъ, стеклянные шары. Ты слѣпъ што ли, што мы ѣдимъ, а ты тутъ съ твоимъ проклятымъ табачищемъ...

— Да ты поди, коли тебѣ говорятъ, до грѣха... будь ты за болотцомъ, обратился ко мнѣ сочувственно Верещагинъ—не равенъ часъ—рабята изобьютъ.

Опять я сѣлъ на крылечко и думалъ о томъ, что я глупо сдѣлалъ, что сталъ курить табакъ тогда, когда ямщики обѣдаютъ. Я еще не зналъ обозной жизни и мнѣ сдѣлалось совѣстно. Возражать тутъ нельзя: изобьютъ такъ, что и никогда не выѣдешь изъ Екатеринбурга.

Изъ избы вышелъ высокій, пьяный ямщикъ, онъ то и дѣло натыкался па что нибудь и доползши до меня, грохнулся ко мнѣ и взялъ правой рукой за мои волосы.

— Ты меня знашь!! Я Иванъ Пантелеичъ. Да! я во какъ орудую!.. И онъ потянулъ руку съ моими волосами, такъ что я чуть не вскрикнулъ. Вдругъ онъ обнялъ меня и давай цѣловать.

— Ты мнѣ понравился... Ты!! А ты скажи, подлецъ я, али нѣтъ?.. У меня деньги отняли, спрятали... А я гуляю... во!! Я исправенъ. Исправенъ я или нѣтъ?

— Исправенъ.

— Исправенъ!.. А они деньги зачѣмъ взяли, подлецы? Ты это скажи... Ты грамотной?

— Грамотной.

— Ну! и онъ плюнулъ такъ, что свалился на землю.

Въ это время стали выходить изъ комнаты ямщики, тяжело отпыхивая и завязывая пониже животовъ пояски. Стали они смѣяться надъ пьянымъ ямщикомъ, тащили его спать, но онъ барахтался такъ, что съ нимъ ничего не могли сдѣлать.

Я пошелъ опять въ комнату, для того, чтобы попросить ѣсть. Тамъ, сидя въ переднемъ углу, толстый лысый ямщикъ, въ ситцевой розовой рубашкѣ, отсчитывалъ бумажки и отдавалъ ихъ ямщикамъ. Это значило, что ямщики получали деньги, но за то ли, что они подрядились везти кладь, или за то, что привезли и сдали кладь, я не зналъ. Хозяйка сказала, что для меня не приготовлено кушаньевъ и вдругъ, когда я пошелъ изъ комнаты, она сказала:

— Эй ты, долговолосый кутехлебъ! Щи остались: коли хошъ, за полтинникъ накормлю.

— Нѣтъ, этакъ дорогонько.

— Видно што христарадникъ! О-охъ, штобъ васъ...

Ямщики поили изъ ведеръ лошадей, потомъ одни изъ нихъ запрягли лошадей, а другіе отчасти легли спать въ пустыя телѣги, отчасти разбрелись.

Скучно было ужасно. Ямщики то переминаясь, разговаривали другъ, съ другомъ, то выходили зачѣмъ-то за ворота и, постоявъ тамъ, возвращались обратно во дворъ, то куда-то уходили и долго не возвращались. Я чуть было не потерялъ терпѣнія и хотѣлъ совсѣмъ идти на квартиру, но Верещагинъ подошелъ ко мнѣ и, какъ видно, что-то хотѣлъ сказать, но молчалъ.

— Скоро-ли тронемся-то?

— Совсѣмъ готово... А жара-то какая, пресвята богородица!

— Непріятна она, я думаю, вамъ?

— Зима лучше, только тогда лопоть носится, а теперь ходи хоть нагишомъ. Жарко!.. и онъ заговорилъ съ подошедшимъ ямщикомъ о какихъ-то бичевкахъ.

— Я было хотѣлъ попросить тебя... Одолжи рубликъ, проговорилъ онъ мнѣ нерѣшительно.

Я далъ и попросилъ его выпить водочки.

— Покорно благодарны, Петръ Митричъ.

— А што?

— Да вишь! и такъ сопрѣлъ... Ужо на ночь... Ночевать-то мы нони не будемъ.

Наконецъ, часу въ седьмомъ, ямщики засуетились. Кто почему нибудь не успѣлъ смазать колеса, теперь смазывалъ на скорую руку. Вывели одну лошадь съ возомъ, за ней другую, третью—это выведеніе продолжалось четверть часа, потому что ямщики мѣшкали, а по дорогѣ шелъ къ другому постоялому двору длинный обозъ, возовъ въ тридцать. Вторая лошадь была привязана за задокъ первой телѣги, третья за задокъ второй, четвертая за задокъ третьей телѣги, пятая

лошадь не была привязана, за то послѣ нее двѣ лошади были привязаны. Выползъ нашъ обозъ, но не весь — только двѣнадцать возовъ, а во дворѣ ихъ было еще много. Хозяева переднихъ лошадей, выведенныхъ на улицу, стояли впереди обоза и понукали остальныхъ ямщиковъ. Наконецъ выползъ и Верещагинъ на улицу, держа за поводья лошадь; къ задку телѣги привязана лошадь, а за другую телѣгу тоже привязана лошадь. Верещагинъ крестился и говорилъ: Господи благослови!

— Петръ Митричъ, садись благословясь.

— Куда? спросилъ я.

— А вотъ, и онъ указалъ мнѣ на передокъ второй телѣги. Мѣста передъ возомъ, т. е. кладью, покрытою крѣпко-на крѣпко циновками, было столько, что сидѣть можно свѣсивши ноги, а спать можно было, скорчившись поперекъ дороги и телѣги. Я не сѣлъ и отговорился тѣмъ, что еще успѣю устать.

II.

Путешествіе.

Нашъ обозъ, состоявшій изъ тридцати двухъ лошадей, тащившихъ тридцать два воза съ саломъ, свѣчами и стекломъ, шагомъ подвигался впередъ по улицѣ и занималъ пространство на протяженіи, по крайней мѣрѣ, саженъ полутораста. Вотъ первая лошадь повернула и, мало по малу, мы были уже на тракту, т. е. по улицѣ идетъ телеграфъ. Ямщики идутъ въ разсыпную по дорогѣ, лошади идутъ ровно, тихимъ человѣчьимъ шагомъ и не останавливаются, вѣтерокъ поднимаетъ впереди пыль, по дорогѣ то и дѣло впередъ и обратно ѣдутъ проѣзжающіе на тройкахъ, на двухъ лошадяхъ, ѣдутъ городскіе жители въ телѣгахъ и пролеткахъ, мастеровые верхомъ. Воздухъ сперся отъ жару и пыли, а наши лошади еще болѣе поднимаютъ ее съ дороги и эта пыль въ четверть часа успѣла покрыть уже наши сапоги, фуражки и шляпы.

Я торжествовалъ: во первыхъ, радовался что наконецъ-то тронулся въ путь и черезъ шесть дней непремѣнно буду въ Перми, во вторыхъ, я, неходившій никогда по сотнямъ верстъ, могъ теперь испробовать себя. Городскіе жители, ѣдущіе и глядящіе изъ оконъ на обозъ не изъ любопытства, а ради развлеченія, удивленно смотрятъ на меня и вѣроятно думаютъ: бѣдный семинаристъ поѣхалъ объ мѣстѣ хлопотать. Я оборачиваюсь нѣсколько разъ, съ радостью гляжу на большой пест-

рѣющійся городъ и мнѣ то улыбнуться хочется, то вдругъ дѣлается скучно, и Богъ знаетъ о чемъ и о комъ...

— Петръ Митричъ, ты ѣлъ-ли?

— Ѣлъ, солгалъ я. А въ роту у меня сохло отъ трубки. Хотѣлось больше всего пить.

— Не выпить, ли на дорожку-то? спросилъ меня Верещагинъ.

— Пожалуй.

Зашли—выпили по стаканчику; водка известкой отзываетъ; купилъ на двадцать коп. десять сухихъ крендельковъ, попотчивалъ Верещагина, самъ сталъ ѣсть—горло сохнетъ, въ горло пыль лезетъ. Прошло полчаса, вдругъ я взглянулъ впередъ—ямщиковъ нѣтъ, назадъ—тоже. Неужели, подумалъ я, у ямщиковъ такое заведеніе, что они заходятъ по выѣздѣ изъ города выпить на дорожку? Но выпивающимъ-то оказался только я, какъ я узналъ послѣ, потому что всѣ ямщики, въ томъ числѣ и Верещагинъ, уже крѣпко спали, кто на возахъ, кто въ телѣгахъ. Для обращика я приведу двѣ картины. Идетъ обозъ на протяженіи полутораста саженъ; лошади бо́льшею частью привязаны къ телѣгамъ; тѣ, которыя не привязаны, идутъ на шагъ отставши, но не сворачиваютъ съ линіи направо или налѣво, однимъ словомъ, имѣютъ видъ цѣпи, такъ что если бы случилось сдвинуть съ дороги средній возъ въ сторону, то нужно начать движеніе съ передняго воза. Лошадямъ жарко; онѣ или взмахиваютъ хвостами, головами, или стараются, во что бы то нибыло достать изъ телѣги сѣно или желѣзное ведро, чтобы облизать его. Передней лошади предоставлено право глядѣть во всѣ стороны, остальнымъ же только въ желѣзныя ведра и мѣшки съ сѣномъ, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма трудно достать хоть клочекъ сѣна, а по сторонамъ лошадямъ ничего не видно. Если же передняя лошадь остановится, тогда остальныя лошади, стукнувшись лбами объ возъ, останавливаются и начинаютъ неистово тормошить мѣшокъ съ сѣномъ. Поверхъ втораго воза на животѣ лежитъ ямщикъ, такъ что ноги болтаются, а голова лежитъ въ шляпѣ, руки засунуты подъ циновку, обѣ ладони, сходясь съ двухъ сторонъ, на подобіе обхвата, находятся какъ разъ подъ горломъ, циновка же, крѣпко привязанная толстой веревкой, ни по какому случаю не сорвется. Такимъ же точно образомъ лежалъ другой ямщикъ въ телѣгѣ на передкѣ, и такъ какъ доски на передкѣ небыло, то голова и туловище его лежали въ телѣгѣ, а ноги болтались на ея краѣ. Верещагинъ лежалъ тоже на своемъ первомъ возу; но я еще и садиться не пробовалъ на его вторую телѣгу.

Проѣхали острогъ, началось кладбище; на кладбищѣ гулянье. Мужчины и женщины ходятъ или попарно, или по нѣскольку человѣкъ;

группы въ разнообразныхъ костюмахъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ на могилкахъ, курятъ папиросы, сигары, разговариваютъ, хохочутъ, напѣваютъ веселыя пѣсни. Я подошелъ ближе къ рѣшеткѣ кладбища и, по мѣрѣ того, какъ я шелъ, я замѣчалъ разныя картины: въ одномъ мѣстѣ играли въ карты, въ другомъ двое мужчинъ подчивали молодую женщину водкой, въ третьемъ цѣловались, вѣроятно клялись у могилъ въ вѣчной любви... Я слышалъ отъ горожанъ, что это кладбище теперь превратилось въ гулянье съ особенною цѣлью, только на немъ еще пока не танцуютъ.

Вотъ уже и лѣсъ по обѣимъ сторонамъ трактовой дороги, но этотъ лѣсъ стоитъ точно на показъ начальству, потому что сквозь него просвѣчиваютъ огромныя пространства пустыхъ мѣстъ. Ноги устали, петербургскіе сапоги съ каблуками кажется начинаютъ стаптываться; я сѣлъ въ назначенную мнѣ телѣгу—неудобно: сѣлъ я точно въ яму, но ногамъ въ этой ямѣ нѣтъ мѣста, нужно ихъ свѣсить къ лошади; я свѣсилъ—колѣни выше головы, трясетъ ужасно, спину отбиваютъ ящики, ноги отбиваетъ передокъ телѣги, хвостъ лошади зацѣпливается за сапоги съ каблуками. Кое-какъ я высвободился изъ ямы и сѣлъ поперегъ телѣги — удобно, ноги упираются въ телѣгу, подъ спиной узелокъ, только на бокъ лечь невозможно; спать не хочется, да и лечь на животъ боюсь. Такъ я просидѣлъ немало, бока болятъ, ноги ноютъ, глядѣть рѣшительно не стоитъ—то тощее поле, то лѣсъ, да и глядишь въ одну сторону. Закурилъ трубку. Вдругъ подходитъ сзаду Верещагинъ. Лицо у него въ пыли, грязное, ладони черныя.

— Ладно ли сидѣть-то? спросилъ онъ меня.

— Несовсѣмъ.

Онъ взялъ мѣшочекъ, но безъ мѣшочка сдѣлалось еще хуже.

— Ты бы далъ мнѣ мѣшочикъ-то.

— О, будь ты за болотцомъ! и онъ кинулъ мѣшочекъ на передній возъ.

— А тебѣ ловко-ли самому-то на возу?

— Ничего. Съ семнадцати лѣтъ въ обозахъ хожу, а теперь никакъ съ новаго года сорокъ первый пошелъ... Брюхо только што-то, Господь со мной, покалыватъ.

— Это отъ того, что ты наѣлся-то ловко, да потомъ и легъ животомъ на возъ, а трясетъ-то знатно, объяснилъ я.

— Не знаю... Не отъ того это: прежъ не баливало же.

— А я вотъ што хочу тебя спросить, Семенъ Васильичъ: пошто это у васъ одни лошади привязаны къ телѣгамъ, а другія нѣтъ?

— О, будь ты за болотцомъ! и этого-то не знашъ: ужъ заведенье такое.

Въ это время у одной его лошади дуга развязалась и онъ остановилъ свою переднюю лошадь; половина обоза пошла, оставивъ за собой другую половину обоза, которая стояла. Я слезъ съ телѣги.

— Скорѣе копайся, вахлакъ! кричалъ на Верещагина лежащій на возу ямщикъ.

— Ну-ну!... о, будь-ты за болотцомъ, козленокъ! Ишъ вѣдь все непорядки у тебя, соколикъ, наговаривалъ лошади Верещагинъ; но лошадь только тяжело вздыхала, изрѣдка переминаясь съ ноги на ногу.

— Скоро-ли?... аль ночевать намъ здѣсь? кричалъ ямщикъ сзади. Голосъ его далеко раздавался въ лѣсахъ.

Верещагинъ слегка свистнулъ передней лошади и она пошла. Онъ сѣлъ на козлы и сталъ погонять ее витнемъ. Лошади пошли нѣсколько скорѣе прежняго и черезъ четверть часа мы нагнали другую половину нашего обоза, которая поджидала насъ.

Стало темнять; свѣжо такъ, что меня въ легкомъ пальтишкѣ безъ подкладки стало пробирать, но зато теперь было не въ примѣръ лучше того времени, въ которое мы выѣхали изъ города: главное, мнѣ казалось, что пыль не попадала въ ротъ, а садилась скоро опять на землю; дышалось свободнѣе. Я шелъ по мягкой травѣ, растущей около телеграфныхъ столбовъ и пѣлъ, отъ избытка чувствъ, во все горло, не обращая вниманія на часто проѣзжавшія тройки, съ закрытыми фартуками, повозками.

Должно быть было часовъ десять, а темно. Привлекательнаго ничего нѣтъ, вѣроятно потому, что я мимо этихъ мѣстъ проѣзжалъ не одинъ разъ, да и что привлекательнаго въ небольшихъ холмахъ, кустарникахъ березы, тощихъ поляхъ, покосахъ, на которыхъ разложены огоньки... Вотъ, наконецъ, попало какое-то село. Проѣхали нѣсколько домовъ, въ окнахъ огня невидно, на трактовой улицѣ пусто, на одной телеграфной проволокѣ бичевочка болтается. Не спитъ только одинъ кабакъ; я пошелъ въ него и позвалъ Верещагина, онъ пошелъ съ удовольствіемъ, сказавъ: теперь къ ночи—холодно будетъ еще не такъ, особливо на этѣхъ горахъ.

— А ты будешъ спать? спросилъ я Верещагина.

— Нѣтъ. Ночью боязно. Хоть мѣсто и неопасное, да все же. И пора-то хорошая: днемъ жара... Дождичка бы.

Въ кабакѣ сидѣла женщина. Выпили.

— А есть у тѣ, тетушка, огурчики? спросилъ я ее.

— Гдѣ бы я взяла?

— Не садите?

— Не родятся.

У нее я купилъ два яйца.

Опять пошли. Верещагинъ, похлопывая по травѣ витнемъ, напѣвалъ, тоже вѣрно отъ избытка чувствъ: «милосердіе двери разверзи, благословенная богородица дѣва». Однако, скоро замолчалъ.

Съ часъ я шелъ съ Верещагинымъ. Это былъ человѣкъ неговорливый: онъ или насвистывалъ сквозь зубы, или что-то мурлыкалъ и на рѣдкіе мои вопросы отвѣчалъ. Отъ него я только и узналъ, что онъ ямщичитъ двадцать лѣтъ; имѣетъ три лошади, остальныя лошади принадлежатъ другимъ ямщикамъ; что въ ихнемъ обозѣ теперь идетъ девять ямщиковъ; тѣ лошади, что идутъ на привязи, принадлежатъ разнымъ ямщикамъ, и въ обозѣ есть начальникъ, Андрей Степанычъ Крюковъ, который ведетъ четыре лошади, но въ чемъ заключается его начальство, онъ не объяснилъ. Девять ямщиковъ, одѣвшись въ свои зипуны, шли около телѣгъ молча. Переговаривались они неохотно и очень рѣдко.

Залѣзъ я въ телѣгу, прикрылся, какъ можно плотнѣе, пальтишкомъ, но отъ холода не могъ заснуть. Бока болѣли, ноги ныли, верхняя часть лба такъ чесалась, что не радъ былъ и житью. Припомнилось мнѣ о томъ, какъ я прежде въ дѣтствѣ ѣздилъ съ почтами, сидя на чемоданахъ. Я тогда тоже испытывалъ, что и теперь, сидя въ телѣгѣ, но за то не ходилъ и ѣхалъ очень скоро.

И все-таки я заснулъ. Проснулся. Холодно. Пальто открывать не хочется, но мнѣ кажется, что телѣга стоитъ. Да. Ее не взбалтываетъ на разные манеры, лошади стучатъ копытами, хрумкаютъ... Я открылъ пальто и взглянулъ: темно. Кое-какъ я увидалъ въ темнотѣ бревенчатую стѣну. Я всталъ, поглядѣлъ въ другую сторону и узналъ, что я на постояломъ дворѣ, подъ навѣсомъ. Направо высокое крыльцо, окно видно въ домѣ; солнце уже начинаетъ пробиваться въ верхній уголъ стекла. Ямщиковъ нѣтъ. Я пошелъ къ крыльцу, поднялся: большія сѣни, въ родѣ темной комнаты; налѣво, въ углу, большая кровать, на ней спитъ, кажется, женщина, около нее молодая, высокая, толстая женщина раздѣвается. Но она меня не замѣтила и я вошелъ въ избу направо. Тамъ на скамьяхъ и на полатяхъ спали наши ямщики; старая, но высокая, толстая женщина, въ ситцевомъ сарафанѣ, босикомъ, щипала лучину.

— Богъ на помочь! сказалъ я этой женщинѣ.

Она съ трудомъ выпрямилась, кашлянула и совсѣмъ охриплымъ голосомъ спросила:

— Ты съ ямщиками?

— Съ ямщиками. Можно лечь?

— Ложись.

Мнѣ хотѣлось спать и я, не разбирая мѣста, свернулся на полу между лавкой и дверьми и тотчасъ заснулъ; но спалъ немного.

— Ишъ стерва, будь ты проклятая! до коихъ поръ шаталась.. Вставай! говорила то настоящимъ, то охриплымъ голосомъ старая, толстая женщина.

На это ей никто не отвѣчалъ.

— Ахъ, какъ учну я тѣ щипать, прокляненую!

— Мамонька... Я сичасъ.

Въ избу ввалилась старая толстая женщина, тяжело ступая босыми ногами, она двигалась медленно и если ей нужно было повернуть въ которую нибудь сторону голову, она поворачивалась всѣмъ туловищемъ; если ей нужно было наклониться, то она кряхтѣла, лицо становилось краснымъ. Печка уже истопилась и хозяйка садила въ нее хлѣбы. Вошла, неторопясь, ея дочь, та самая, которая недавно раздѣвалась; она куксила глаза и ежеминутно зѣвала, какъ бы стараясь убѣдить свою мать, что она не выспалась. Но матери было некогда, она торопилась, а въ это хлопотливое время она, вѣроятно, была очень раздражительна и забывала всѣ услуги своей дочери, такъ что ее и спрашивать нужно осторожно.

— Ишь, гостьюшка, выплыла... До коей поры пролюбезничала?

— Да я... Ишь какая! проговорила дочь обидчивымъ голосомъ.

— Што, по твоей милости голодать коровамъ-то, да курицамъ?

— Да я сичасъ! крикнула дочь и пошла къ двери.

— Ахъ ты проклятая!... Куда ты пошла? Умойся сперва, стерва.

Во все это время мать мыла чашки и ложки. Дочь стала умываться.

Мать и дочь молчали. Потомъ дочь сходила въ комнату и босикомъ ушла во дворъ. Я всталъ, подошелъ къ окну, набилъ трубку нѣжинскими корешками и незналъ, что дѣлать съ трубкой? гдѣ курить? однако, отворилъ окно, закурилъ и старался пускать дымъ на улицу. Домъ этотъ на тракту, налѣво трактъ или улица заворачиваетъ; дома старенькіе, построены другъ къ другу тѣсно и хотя я нѣсколько разъ проѣзжалъ мимо этихъ домовъ, но теперь не могъ понять по нимъ: что это такое, станція, или село, или заводъ? Однако, по одному дому и по нѣкоторымъ словамъ хозяйки я узналъ, что это заводъ, но какой?

— Ты, почтенный, не кури здѣсь: я не люблю. Поди, выдь на улицу.

Я ушелъ.

Солнышко уже поднялось, примѣрно, на вершокъ выше крыши дома налѣво. Вѣтра нѣтъ, и не жарко. Въ нижнемъ этажѣ сосѣдняго угло-

ваго полукаменнаго дома говоръ: тамъ мужчины и женщины пьютъ чай и ѣдятъ пироги. Изъ воротъ противоположнаго дома, тоже полукаменнаго, выѣхали въ телѣгѣ четыре женщины и одинъ мужчина; изъ телѣги выходятъ наружу литовки и грабли. Къ этимъ домамъ, и преимущественно къ постоялому, то и дѣло подбѣгаютъ десятками, пятками, тройками мальчики и дѣвочки очень бѣдно одѣтыя, босыя, съ набирухами и безъ набирухъ и неистово вопіютъ: «милостинку, ради Христа!» Имъ кидаютъ изъ оконъ ломти ржанаго хлѣба. Подошли и ко мнѣ штукъ десять ребятъ отъ пяти до семнадцати лѣтъ (одной дѣвочкѣ было около семнадцати лѣтъ) и завопіяли. Я поглядѣлъ на нихъ: тѣло немытое, рубашонки грязныя, по нимъ бѣгаютъ огромныя вши, ноги по колѣна въ грязи и имѣютъ видъ чугуна, волосы на головахъ всклокоченые.

— Богъ подастъ, сказалъ я. Они стали поодаль и начали ругать меня. Подошелъ ко мнѣ мальчикъ лѣтъ восьми, съ бѣлыми волосами, за нимъ другой, поменьше, и оба, протягивая руки, робко простонали: милостинку, баринъ...

— У тѣ есть отецъ-то? спросилъ я мальчика.

Онъ дико смотрѣлъ на меня, мальчикъ поменьше отошелъ прочь и издали смотрѣлъ на насъ.

— Тятька-то живъ?

— Не!...

— А мамка?

— Не...

Я ему далъ пятакъ и спросилъ, куда онъ дѣваетъ деньги, но онъ убѣжалъ.

Нищихъ ребятъ было такъ много, что они осаждали почти на каждомъ шагу; я прошелся нѣсколько по улицѣ, увидалъ церковь и потомъ круглую, красную крышу вдалекѣ и узналъ по нимъ Шайтанскій заводъ.

Ямщики, между, тѣмъ встали, сходили къ лошадямъ и начали умываться, умылся и я, вытеръ лицо бѣлымъ платкомъ — зачернилъ платокъ. Въ волосахъ было такъ много песку, что гребенка не лѣзла, пришлось отложить попеченіе о волосахъ. Ямщики свои волосы не расчесывали. Хозяйка поставила на столъ полутораведерный самоваръ, чайную посуду, принесла двѣ большія булки. Ямщики перекрестились и сѣли за столъ. Въ переднемъ углу сидѣлъ тощій угреватый ямщикъ. Хозяйка подсѣла къ нимъ на табуреткѣ.

— Совсѣмъ, ребята, охрипла: квасу холоднаго напилась! говорила хозяйка, поминутно кашляя.

Ямщики на это говорили, что нужно пить малину или траву такую-то. Всѣ говорили, но первую чашку еще никто не выпилъ.

— А ты, дворничиха, много-то не растобарывай! забыла? сказалъ ей сидѣвшій въ переднемъ углу ямщикъ.

— Ахъ, Господи! изъ ума вонъ! прости, ради Христа... Марья! а Марья? крикнула она.

— Ну-у!

— Принеси бутыль, да стаканъ.

— Это дѣло. А то горло засохло.

Начали говорить о погодѣ; всѣ желали небольшаго дождичка. Рѣчь зашла объ овсѣ и сѣнѣ.

Дочь дворничихи принесла бутыль и стаканъ. Дворничиха налила въ стаканъ водки, поднесла его сидѣвшему въ переднемъ углу; тотъ перекрестился, пожелалъ хозяйкѣ добраго здоровья, выпилъ и сказалъ: «Важно! вотъ это дѣло! а ну-ка повторную?..» Всѣ ямщики, за исключеніемъ парней, выпили по два стакана, парни выпили только по одному стакану. Началось чаепитіе, и въ десять минутъ, за первой же чашкой, двухъ большихъ булокъ не стало; дворничиха принесла еще три. Мнѣ хотѣлось тоже попить чайку, у меня и чай и сахаръ былъ, но просить посуды было неловко при ямщикахъ: они на меня подозрительно смотрѣли, и каждый, какъ будто порывался сказать мнѣ, чтобы я убирался изъ избы.

— Хошь чаю? спросила меня дворничиха.

— Покорно благодарю. Если позволишь, я своего всыплю.

— Ну! у меня чаекъ прямо съ Китаю. Пей, да бери сливокъ и булки.

Дѣлать нечего, я взялъ чашку, налилъ сливокъ и взялъ ломоть булки. Булка сырая, кислая, но, за неимѣніемъ лучшей, на голодный желудокъ и за это слава Богу.

— Ты, кутейна балалайка, отколь? спросилъ меня одинъ ямщикъ.

— Родомъ што-ли?

— Ну?

— Чердынскаго уѣзда.

— А зачѣмъ ѣздилъ?

— Жениться.

— Што-жъ много взялъ приданава?

— Домъ въ селѣ, да дьяконское мѣсто. Лошадь есть... Только невѣста вдвое старше меня.

— По приказу значитъ?

— Да.

— То-то! Одново разу также ѣхалъ семинарщикъ по невѣсту; а назадъ какъ пріѣзжаетъ, съ обозомъ же, я и спрашиваю; а онъ и говоритъ: «впутали, Анна Герасимовна: на другую недѣлю послѣ сватьбы дочь родила.»

Всѣ бывшіе въ кухнѣ захохотали, и хохотали минутъ пять.

Отъ этого перешли къ семейной жизни. Одинъ ямщикъ очень плакался на то, что у него умеръ большенькій паренекъ, которому послѣ Николина дня пошелъ десятый годъ и котораго онъ намѣревался взять на слѣдующій годъ съ собой. Другой ямщикъ говорилъ: «да у тебя ещё, никакъ, трое парней?»

— Все же жалко. Хоть этотъ, этотъ и этотъ палецъ откуси, все больно! доказывала дворничиха, показывая, какъ примѣръ, свои пальцы.

Съ этимъ всѣ согласились. Хозяйка, какъ я замѣтилъ, была женщина практическая и до тонкости понимала свое дѣло. У ней, какъ видно, даже совѣтуются ямщики. Верещагинъ, рѣдко принимавшій участіе въ разговорахъ, вдругъ сказалъ:

— Ты не слыхала, Анна Герасимовна, Илья Дуранинъ продаетъ телѣгу?

— Продаетъ, сказываютъ; да сказываютъ, не стоитъ того, што онъ проситъ. А ты што, покупать што-ли хошь?

— Надо бы. Задняя-то у меня што-то больно разваливатся.

— А вотъ Осипъ Покидкинъ, знашь, што съ Ключаревымъ Степкой ходитъ, продаетъ новую. Эту бы я посовѣтовала тебѣ взять.

— И то! Покидкинъ ни какой нибудь прощалыга. Ему вѣрить можно завсягды! сказалъ сидѣвшій въ переднемъ углу ямщикъ.

Начали говорить о плутняхъ разныхъ ямщиковъ и подрядчиковъ. Языки ямщиковъ, послѣ выпивки водки, точно развязались: каждый старался что нибудь сказать отъ себя такое, чтобы это удивило всѣхъ и онъ бы одинъ разсказывалъ, но верхъ брала все таки дворничиха. Разсказывали про какого-то подрядчика. Всѣ о немъ кое-что знали, но самой сути не знали: вѣроятно, они слышали объ этомъ подрядчикѣ отъ хозяевъ и хозяекъ другихъ постоялыхъ домовъ, которые, въ свою очередь, получаютъ свѣдѣнія тоже отъ ямщиковъ.

— Нѣтъ, вы все не такъ судите; я достовѣрно знаю, откуда онъ пріобрѣлъ капиталы. Онъ мнѣ ни сватъ, ни братъ, ни большая родня... Онъ одново разу купца везъ съ любовницей, купецъ-то умеръ въ дорогѣ, а его любовница денежки подобрала, только онъ эти деньги-то укралъ у нее и спряталъ потомъ въ косякъ. Любовница-та не посмѣла назваться, а онъ все помалчивалъ.

— Экое, подумашь, счасье человѣку!

Каждый ямщикъ выпилъ по десяти чашекъ чаю. Выпили два самовара, поблагодарили хозяйку за чаекъ и пошли во дворъ попоить коней. Сидѣвшій въ переднемъ углу ямщикъ сталъ шептаться съ дворничихой и отдалъ ей красненькую бумажку, потомъ и самъ вышелъ на дворъ.

— Трудновато, поди, вамъ одной-то? спросилъ я дворничиху.

— Што сдѣлашь... одна. При покойникѣ мужѣ легче было.

— А вы заводскіе?

— Онъ-то прикащикомъ былъ по каравану, да простудился. Поправиться-то поправился, да дохтура не послушался: сталъ табакъ проклятый курить и вино пить... А вотъ ты хоть и ученый, а табакъ куришь, а того и не знаешь, поди, што грѣхъ.

— Это, тетушка, ничего: что въ уста идетъ ничего, а изъ устъ...

— Справедливы твои рѣчи, только табакъ я тебѣ не совѣтую курить, потому человѣкъ аки былинка сохнетъ.

— Это точно: на легкія садится...

Запищали подъ окнами нищіе.

— Ахъ, штобъ имъ околѣть проклятымъ... Съ Богомъ! крикнула дворничиха.

Немного погодя опять пискъ.

— Вотъ ужъ сегодня третью ковригу подаю, сказала она, отрѣзывая три маленькіе ломтика.

— Господь сторицею вознаградитъ за ваше благотвореніе къ неимущимъ, сказалъ я.

— Охъ!.. И што это за напась такая! и откуда взялись эти нищіе? Прежде и отродясь этого не бывало... Вишь ли, до воли-то никто не смѣлъ изъ завода отлучаться, держали такъ крѣпко всѣхъ, што всѣ въ повиновеніи были, тише воды, ниже травы жили, а какъ уволили, и пошли они въ другія мѣста...

— Однако, я замѣчалъ мужчинъ.

— Ну, вѣдь не всѣмъ же мужчинамъ уходить. Ушли пьяницы, да кои не хочутъ за покосы платить... Ну, и дѣтей побросали... Бабы тоже, кои нищенками живутъ въ городахъ, а кои здѣсь работами занимаются.

— Какими?

— Да вотъ хоть бы я на покосъ созвала. Ну, накормлю, спасибо скажетъ.

Черезъ полчаса дворничиха накрыла скатертью столъ. Ямщики,

умывъ черныя ладони, перекрестились и сѣли за столъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и чаевали.

— А ты што, поповичъ, не садишься? спросилъ меня сидѣвшій въ переднемъ углу ямщикъ.

— Боюсь, какъ бы не помѣшать вамъ.

— Не помѣшашъ, коли самъ не брезгливъ. Чать со вчерашняго-то утра окромя чая ничѣмъ не питался.

Я сѣлъ. На столѣ стояли три большія деревянныя чашки, деревянная солонка съ солью, коврига хлѣба и нѣсколько деревянныхъ ложекъ, смѣшанныхъ съ двумя ножами и двумя вилками.

Дворничиха налила изъ чугуна щей въ чашки. Щи были очень вкусные, со свѣжей капустой, картофелью и морковью, бульонъ жирный. Ложки тоже аппетитныя, такія, что не влезали въ мой ротъ. Всѣ говорили, только я молчалъ сперва, но потомъ ко мнѣ привязался парень-ямщикъ и сталъ спрашивать: «Пошто я стеклышки ношу?» Отъ очковъ разговоръ перешелъ къ татарамъ, которые не любятъ семинаристовъ. Одинъ ямщикъ разсказывалъ мнѣ, какъ одинъ семинаристъ стащилъ въ татарскую мечеть свинью; но это была уже старая исторія. Дворничиха нѣсколько разъ подливала щей въ чашки и приносила, кажется до трехъ караваевъ хлѣба. Изъ той чашки, изъ которой я бралъ щи, хлѣбали еще трое, но я уже былъ сытъ на второй чашкѣ и четверть часа сидѣлъ, поглядывая на ямщиковъ. Сидящій въ переднемъ углу ѣлъ не торопясь и преспокойно разговаривалъ о какомъ-то плотникѣ; сосѣдъ его по правую руку хлѣбалъ больше всѣхъ и первый требовалъ прибавки щей; двое безбородыхъ ямщиковъ вторую чашку прозѣвали, потому что занимались крошеніемъ хлѣба, тогда какъ товарищи уписывали. Верещагинъ горячился, двое подзадоривали его, а третій трепалъ его по волосамъ. Послѣ щей дворничиха наклала говядины. Надо замѣтить, что крестьяне и вообще ямщики не хлѣбаютъ съ говядиной, а говядина у нихъ второе блюдо. Съѣли шесть тарелокъ. Я былъ сытъ до нельзя, но меня заставляли.

— Ты поповское отродье, што модничаешь? спросилъ меня одинъ ямщикъ.

— Сытъ.

— Врешь. Ѣшъ! по нашему ѣшъ.

— Да не могу.

— Ребята, давайте ему въ ротъ накладывать? сказалъ сосѣдній со мной ямщикъ. Но, къ моей радости, этого, впрочемъ, не исполнилъ никто. Выйти изъ-за стола было неловко: я бы не почелъ столъ.

Подали большой горшокъ каши не грешневой, а просовой и бѣлаго

хлѣба. Кашу выхлебали, но до бѣлаго хлѣба никто не дотронулся: значитъ, всѣ были сыты.

Поблагодарили хозяйку. Я спросилъ ее, сколько ей нужно за чай и обѣдъ, она спросила двадцать пять копѣекъ. Ямщики стали поить, потомъ запрягать лошадей.

— Выгодно ли вамъ, хозяюшка, содержать постоялый домъ? спросилъ я дворничиху.

— Богъ милостивъ: кое-какъ на харчи сходится. Все одна — это безпокоитъ.

— Ну, вотъ дочь выдашь замужъ.

— Ну ужъ и зятья-то всякіе есть. Есть у меня знакомая въ Билимбаихѣ, ну да она, правда, строга очень, выдала дочку, а зятекъ и плевать хочетъ и жену отъ дѣла отводитъ; такъ она и мается одна. Вѣдь шутка: ни днемъ, ни ночью отдыху нѣтъ... За мою-то дочь двое сватаются, да я еще и не отдамъ, потому мнѣ нужно помощника: вѣдь у меня четыре коровы, курицъ однѣхъ сорокъ пять... Жениховъ-то нони хорошихъ нѣтъ: пьяницы да лѣнивцы, прости Господи.

— А другіе у васъ останавливаются, кои не съ обозомъ ѣдутъ, а обратно.

— Такихъ я не принимаю; разѣ ужъ хорошаго знакомаго. Расчету нѣтъ, потому разъ: такому много ли надо овса на одну лошадь? а другой насоритъ, да съѣстъ на сколько... Нѣтъ, невыгодно.

— Должно быть вы не мало за это платите казнѣ?

— Што?

— Да вѣдь постоялые дома берутъ, кажется, свидѣтельства.

— Я не плачу, потому у меня только ямщики останавливаются.

— Здѣсь должно быть много постоялыхъ домовъ?

— До десятка наберется: обозовъ-то вѣдь много ходитъ.

Поѣхали. Я сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ; ямщики шли въ разсыпную; въ заводѣ мало движенія, тихо, только изъ Перми проѣхало девять троекъ; въ телѣгахъ сидѣло по четыре, по пяти человѣкъ ссыльныхъ. Поднялись на гору, опять спустились. Животъ колетъ, сидѣть невозможно, я слѣзъ. Верещагинъ тоже шелъ.

— Животъ болитъ, Семенъ Васильичъ!

— О будь ты за болотцомъ!

— Сперло. Много наѣлся; истрясло...

Верещагинъ захохоталъ.

— А баба славная. Мы у нее всегда останавливаемся, ни въ чемъ не отказываетъ.

— Много ли она съ васъ беретъ?

— Да чево ей брать-то съ насъ? Вѣдь она за маленку-то овса беретъ съ каждаго по восьми гривенъ, а въ маленкѣ полпуда, а пудъ овса ей обходится по восьми гривенъ.

— Ну вы бы у другихъ брали.

— Охъ ты, у другихъ брали? Тогда, значитъ, намъ какъ быть:—голодомъ? А вотъ мы за то и уважаемъ ее, што она насъ кормитъ хорошо. Такого обѣда нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найдешь, окромя дворниковъ.

— Значитъ дворники вами кормятся и наживаются... Я думаю и тебѣ хочется быть дворникомъ.

— Куды!

Въѣхали возы на гору. Съ горы видъ великолѣпный: видѣнъ Шайтанскій заводъ, который сидитъ точно въ ямѣ; надъ нимъ со всѣхъ сторонъ возвышаются разныхъ величинъ горы; лѣсъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше кажется чернымъ; кое-гдѣ въ этихъ черно-зеленыхъ, черно-синихъ группахъ, слояхъ попадаются сѣрые и красные четырехъ, пяти и многоульники, которые отсюда кажутся очень маленькими, какъ и все, что находится впереди, но они, эти угольники, заключаютъ въ себѣ, по словамъ Семена Васильича, цѣлые десятки верстъ.

III.

Крестная мать.

Проѣхали Билимбаевскую контору вольной почты, биткомъ набитую проѣзжающими, проѣхали постоялые дворы, биткомъ набитые телѣгами и ямщиками. Жизнь кипитъ въ заводѣ; по случаю праздника Ильина дня, народъ идетъ въ церковь, много ѣдетъ во дворы домовъ телѣгъ съ мужчинами и женщинами съ литовками, граблями и травой. Заводъ по тракту очень чистенькій, но чѣмъ дальше во внутрь, тѣмъ онъ больше походитъ на большое село. И здѣсь, по тракту, въ двухъ мѣстахъ ребята стараются закинуть на телеграфныя проволоки клочекъ рогожки съ камешкомъ, бичевочку.

Опять лѣсъ, но лѣсъ рѣдкій. Мы ѣхали не по тракту.

— Отчего мы не по тракту ѣдемъ? спросилъ я Верещагина.

— Черезъ Чусовую бродомъ поѣдемъ. Крюкъ большой, да што дѣлать! Тамъ на паромѣ-то деньги берутъ, да и до вечера прождешь, потому господъ больше нашева уважаютъ, хочь и даромъ перевозятъ.

— А перевощикамъ поди убытокъ?

— Дуракъ разѣ какой на паромѣ поѣдетъ теперь...

— Ну, а несчастныхъ случаевъ не было?

— Былъ разъ: съ чаемъ возъ утонулъ, такъ давно, не туда поѣхалъ, ночью.

Около деревни Коноваловой мы перешли черезъ Чусовую-грозу въ весеннее время для дорогъ. Здѣсь она имѣетъ ширины сажень тридцать, а, судя по песчанымъ берегамъ, весной она имѣетъ глубины сажени на полторы, теперь же она хотя и разливается по всему дну рѣки, но имѣетъ глубины въ этомъ мѣстѣ полторы четверти. За деревней я увидалъ вдругъ около нашего обоза двухъ женщинъ и одного мужчину. Женщины были одѣты въ пальто; на головахъ у нихъ платки, въ рукахъ палки; мужчина шелъ въ халатѣ, въ фуражкѣ, за плечами у него болтается мѣшечекъ, въ рукахъ палка, а лицо его избито.

— Это что за люди? спросилъ я Верещагина.

— А тоже, какъ ты, ѣдутъ: двѣ-то богомолки, а тотъ-то не знаю кто. Всежъ перепадетъ имъ.

Четыре ямщика спали на возахъ, двое шли, остальные сидѣли на передкахъ телѣгъ. Я пошелъ около женщинъ; ихъ узлы лежали въ телѣгахъ.

— И што я тебѣ скажу, Офросинья Ивановна: такъ-таки и зарѣзала. А какъ зарѣзала, цѣлая исторія, я тѣ скажу. Вишъ, отецъ-то прикащикъ, ну знамо-первый богатей. А она и влюбись, и въ кого?

— Мать пресвята Богородица!

— Въ ково бы ты думала?... Это матушка загадка...

— Въ управляющаго?

— И! куда хватила... Потомъ она увидѣла меня и спросила:

— Вы, господинъ, изъ духовенства?

— Да.

— Изъ какихъ мѣстовъ уроженецъ?

— Екатеринбургскаго уѣзда.

— Фамилья?

— Федоровъ, Петръ Митріевъ.

— Знаю, знаю. Вашъ батюшко не служилъ ли въ Сысертскомъ заводѣ?

— Служилъ.

— Ну, а вы меня не узнали?

— Нѣтъ.

— Вѣдь я крестная мать ваша.

— Что вы? какъ это?

— Да, я жена..... и она назвала мастера, фамилію котораго я позабылъ. Я васъ воспріимала, когда гостила у вашего батюшки...

— Ваша фамилія?

— Подосенова, Агнія Потаповна.

— Такъ вы вѣрно ошиблись; у меня другая была крестная.

— Неужели?... А я вѣдь васъ такъ и приняла... Извините, Христа ради... Што же вы жениться ѣздили? спросила она меня, смотря на кольцо на рукѣ.

— Да, женился.

— Гдѣ взяли?

— А въ Крестовоздвиженскомъ селѣ дьяконскую дочь.

— А какъ ее по фамиліи? спросила другая.

— Пантелѣева.

— Эдакое вамъ счастье: вѣдь я отъ купели принимала Анну-то Павловну? Я дьячиха была, да потомъ мужъ-то мой въ солдаты нанялся. Я въ селѣ-то восемь лѣтъ не бывала... Хорошую вы жену выбрали?

Я былъ въ западнѣ и не зналъ вѣрить или нѣтъ этой женщинѣ, которую я ни за что, ни про что долженъ былъ называть крестной матерью и оказывать ей почтеніе. Я-то вралъ по необходимости, только на меня навернулись бабы ловкія, какъ видно, а можетъ быть онѣ и правду говорятъ.

— Куда вы идете? спросилъ я крестную мать.

— Да иду ко святымъ мощамъ до Кіева... Ахъ, ты мой батюшко! сподобилъ таки Господь увидать мнѣ зятька. Ну, а матушка-то ее, какъ ее...

— Анна Ивановна, вралъ я.

— Да, да... жива ли?

— Умерла. Поэтому-то мнѣ и предложили въ консисторіи эту дѣвицу и мѣсто, а она оказалась старуха и я этимъ очень недоволенъ.

— Што ты, Христосъ съ тобой! духовный человѣкъ и говоришь такія рѣчи. Анна-то Павловна дѣвушка-то была все равно, что лебедь.

Разговоръ о мнимыхъ моихъ родныхъ продолжался долго. Женщина считала меня дѣйствительно зятемъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ была воспріемницей какой-то Анны Пантелеевой.

Товарка ея встрѣтилась съ ней въ Рѣшотахъ и онѣ скоро подружились. Крестная мать своей попутчицѣ что-то мало довѣряла: такая подмазуня, что и не говори!.. А баба воръ! Спасибо што родственнаго человѣка встрѣтила: все-таки веселѣе и опаски меньше будетъ до Перми.

— Въ Перми-то я въ семинаріи живу, поэтому намъ не приведется вмѣстѣ жить.

Женщина обидѣлась. Она разсказывала, что мужъ ея былъ горькій пьяница и таскался съ крестьянской дѣвкой и, наконецъ, за буйство былъ отставленъ отъ службы, а потомъ нанялся въ солдаты за сына кабачника, который почти что самъ его стурилъ.

«Видишь ли, дѣло-то какое, говорила она—мужъ-отъ мой все пьянствовалъ, да водилъ компанью съ писаремъ, и писаря отдалъ подъ судъ: поссорился съ нимъ, да жеребьевый списокъ и укралъ, да и бросилъ въ огонь, а тотъ не узналъ, кто эту штуку сдѣлалъ, такъ его и отдали подъ судъ, вмѣстѣ съ старшинами; мужъ еще прошенье отъ одного мужика написалъ, што неправильно сдали его единственнаго сына, а самъ онъ слѣпой... Ну такъ и бился, а потомъ и совсѣмъ спился и жилъ въ кабакѣ. На ту пору наборъ заслышали. Вотъ кабачникъ-то и не выпускаетъ его изъ кабака: пей говоритъ, ты мнѣ нуженъ, одну бумагу нужно заключить... Ну, а потомъ и подсунулъ ему условіе подписать: согласенъ-де въ рекруты за его сына идти и взялъ впередъ денегъ въ разное время полтораста рублей... Шутка сказать!.. Ну и поитъ, и поитъ, а потомъ и увезъ въ городъ, а потомъ и въ рекрутское... Я это узнала, пошла въ городъ къ губернатору, тотъ велѣлъ просьбу подать... Ну стали спрашивать моего мужа: по согласью ты идешь? а онъ пьянъ, бурлитъ только... Приняли... Ужъ этотъ кабачникъ замаслилъ тамъ всѣхъ... Только мой несчастный голубчикъ не дождался и ученья, сгорѣлъ.

— Жалко! Что же у васъ дѣтки есть?

— Дѣвочка. Въ городѣ въ кухаркахъ живетъ, а я въ своемъ-то селѣ калачами торговала, да што-то ужъ больно лѣвая рука разболѣлась, такъ я пошла къ Симеону Верхотурскому, не помогло, теперь иду къ Кіевскимъ, они можетъ сильнѣе.

— Вѣру нужно имѣть; побольше надѣяться на милосердіе Господне; молиться, говорилъ я.

— Охъ!

— Ты што? за говорила другая тетушка а вотъ я-то, какъ мыкаюсь... Охъ-хо-хо! мужа-то моего ни за что, ни прочто въ Сибирь, да еще въ каторгу сослали... А у меня четверо дѣтей... За покосъ вонъ деньги просятъ, а какой покосъ-то? Гора, а на ней и травка что есть, на столько не поднимается (и она показала четверть пальца)... Просила, просила, ходила... сколько слезъ-то было, говорятъ не стоишъ лучше этого; не ты одна; есть-де и почище тебя.

Вы бы лучше въ городъ пошли.

— Охъ, голубчикъ! молодъ ты еще, неопытенъ. Ну, што я буду въ городѣ-то дѣлать, къ чему я обучена? Стара ужъ я стала.

— Ну, а до Кіева какъ вы доѣдете?

— Какъ нибудь подаяньями... А сходить надо — по обѣту... Кабы мужт-то былъ дома, такъ не то бы было.

Я отсталъ отъ нихъ и познакомился съ мужчиной. Это былъ заводскій человѣкъ и посовѣтовалъ мнѣ быть осторожнѣе съ бабами.

— Почему? спросилъ я.

— Я слышалъ такіе разговоры, што онѣ непремѣнно воровствомъ промышляютъ.

— Вотъ у насъ такъ нечего украсть, сказалъ я весело. Съ этимъ онъ согласился и сказалъ, что его въ Шайтанскомъ заводѣ ночью избили и обокрали какіе-то неизвѣстные люди.

Однако, и я ему недовѣрялъ, потому что личность его казалась мнѣ довольно подозрительною.

Жарко и душно было по вчерашнему; пыль почти съ каждымъ дыханіемъ садилась въ горло; вся одежда пожелтѣла отъ пыли. Обозъ шелъ не по самому тракту, а по бокамъ его, на правой или на лѣвой сторонѣ, гдѣ проложено обозами даже по двѣ дороги, потому что по тракту невозможно ѣхать даже на почтовыхъ, такъ какъ щебень не мелко избитъ, а песокъ пока ссыпанъ въ кучи и находится тутъ для прикрасы тракта. Въ лошадяхъ я еще замѣтилъ новую для меня черту: хозяинъ передней лошади, онъ же и подрядчикъ, часа два спалъ на возу. Въ это время передняя лошадь часто останавливалась, за ней останавливались и прочія лошади, не забѣгая впередъ, не сворачивая въ стороны. Проснувшись, хозяинъ свистѣлъ, и лошадь шла и съ линіи не сворачивала. Если ей не нравилось идти по тракту, или она видѣла, что отъ тракта идетъ дорога налѣво, около тракта, она поворачивала налѣво и шла по этой дорогѣ до тѣхъ поръ, пока эта дорога не вела снова на трактъ. Встрѣчные обозы, гдѣ тоже спалъ передній ямщикъ, не сталкивались съ нашею переднею лошадью: онѣ или шли по двумъ разнымъ дорогами, или, если гдѣ была одна дорога, расходились на такое разстояніе, что колеса не задѣвали другъ друга. Также точно переднія лошади сторонились и отъ почтовыхъ лошадей, а за ними сторонились и прочія лошади.

Верещагинъ объяснилъ мнѣ, что тѣ лошади, которыя ходятъ въ обозѣ нѣсколько лѣтъ, по привычкѣ идутъ и знаютъ трактъ, какъ люди даже, онѣ знаютъ — у какихъ воротъ остановиться нужно въ селѣ.

— А что же этотъ подрядчикъ — капиталъ имѣетъ?

— Нѣтъ. Вся сила въ лошадяхъ и въ томъ, што онъ человѣкъ из-

вѣстный. Видишь ли: есть у тебя лошади, хочется кладь везти, а кто тебѣ довѣритъ кладь, когда тебя никто не знаетъ и у тебя только три лошади. А извѣстенъ ты можешь тѣмъ быть, што много лѣтъ съ обозами ходилъ, всѣ эти обозныя дѣла маракуешъ и ямщики тебѣ довѣряютъ. Ну вотъ ты и говоришь прикащику: у меня есть, къ примѣру, тридцать лошадей и я на пристани извѣстенъ, ну и отберутъ отъ тебя такую бумагу, свидѣтельство што ли, и условія тутъ разныя включатъ, а ты потомъ и говоришь своимъ знакомымъ: кто ко мнѣ? А то больше бываетъ такъ: соберутся ямщики и давай рядить: какой нони товаръ везти, и почемъ, и какъ? Кого надо въ подрядчики выбирать? А выбирать надо тоже не пьяницу, такого, што бы человѣкъ былъ добрый, не обсчитывалъ и што бы на постоялыхъ ямщикамъ уваженіе было, и деньги штобы наши онъ у себя держалъ и въ цѣлости потомъ намъ представилъ.

— А если онъ обманетъ?

— Ну, этого не бываетъ, потому, мы выбираемъ человѣка надежнаго и онъ отъ насъ не убѣжитъ, постоянно при насъ находится. И опять онъ тоже на свой страхъ товаръ приматъ, а это важно: не всякъ на это рѣшится, потому съ нашимъ братомъ тоже и несчастья бываютъ. Ну мы и не отстаемъ отъ него, коли онъ необидитъ, а обидитъ— другова найдемъ: есть ихъ.

— Что же вы ему за это платите?

— По полторы, а если кладь хорошая и по двѣ копѣйки съ пуда платимъ. Потому нельзя.

— Ну а бываетъ, подрѣзываютъ товары, напримѣръ, чай?

— Бываетъ, только теперь рѣдко, потому мы по ночамъ-то по такимъ мѣстамъ, гдѣ воровъ много, не ѣздимъ; ежели товаръ неважный такъ ничего, небоязно...

— Мнѣ въ Билимбаихѣ хозяйка постоялаго двора предлагала купить чаю, и дешево. Я у нее видѣлъ два цибика. Откудова же она ихъ покупаетъ?

— О, будь ты за болотцомъ! У кого ей лучше купить, какъ не у насъ. У насъ тоже бываетъ такъ, што мы всей артелью бываемъ должны, хоть той же Аннѣ Герасимовнѣ рублей по десяти, ну вотъ и отдаемъ ей сообща мѣсто чаю, и квитъ, а потомъ и объявимъ, што срѣзали, а если будутъ взыскивать, такъ опять-таки сообща заплатимъ и меньше. Одново разу такъ мы четыре мѣста ухнули. Одново разу у ямщика лошадь пала почти на самомъ большомъ переходѣ. Ну, а самъ знашъ, ему горько, да и намъ-то непріятно, потому—хлопотъ сколько, нужно на себя примать съ пустой телѣги кладь, а мы накладываемъ

на телѣги лѣтомъ 18 и 20 пудовъ, а зимой и 22 пуда, въ окуратъ постоянно... Ну, подрядчикъ и говоритъ: такъ нельзя, надо, какъ нибудь, довезти возъ до постоялаго, да ему купить лошадь. А хорошая лошадь, для обоза годная, стоитъ восемьдесятъ и сто рублей. «Такъ, говоритъ подрядчикъ, надо чаи задѣть». Ну, конешно, всѣ съ этимъ согласны, потому свой—человѣкъ, съ маленькихъ лѣтъ съ нимъ ходимъ,—жалко. Пріѣхали къ дворнику, такъ и такъ говоримъ: подрѣзали, одно мѣсто взяли и ямщиковъ избили. А дворникъ смѣется: разсказывайте, говоритъ, сказки, здѣшнее мѣсто еще Богъ миловалъ; это, говоритъ, не подъ Ключами или Тамисками. Ну, мы иговоримъ какое дѣло. Ладно, говоритъ, за мѣсто чаю, я свою лошадь отдамъ, а што бы вамъ опаски не было, давайте еще два мѣста: одно мнѣ за то, што я старшина въ волости, а другое становому — онъ вамъ бумагу дастъ и будетъ слѣдствіе производить. Тутъ нашъ подрядчикъ и говоритъ: ты, дворникъ и старшина, скажи становому-то, што, молъ, у насъ четыре мѣста срѣзали: одно мѣсто мы еще себѣ возьмемъ, съ дворникомъ въ городѣ нужно расчитаться... Ну и получили бумагу отъ становаго, што у насъ четыре мѣста подрѣзали и насъ избили ловко.

Съ послѣднимъ словомъ Верещагинъ сталъ влезать на возъ.

Я начиналъ проклинать дорогу; такъ она была невыносима, что готовъ былъ послѣднія деньги отдать, только бы сѣсть въ повозку и умчаться скорѣе отъ обозныхъ. Хочется курить, а покуришь—пить хочется, возьмешь въ ротъ свинчатку—не дѣйствуетъ, и радъ не радъ, что увидишъ ручеекъ. Сапоги начинаютъ отказываться — каблуки стоптались, сидѣть невозможно—трясетъ; солнышко палитъ и радъ не радъ, когда оно на минутку скроется за бѣлую тучку, медленно подвигающуюся куда-то; а куда—этого ни я, ни всѣ ямщики не могли сказать, только по солнцу, высоко стоящему впереди насъ, можно было заключать гдѣ какая часть свѣта, но и эти предположенія разсѣевались тѣмъ, что какъ ни изгибалась дорога, солнце стояло все впереди насъ...

Пошелъ я опять съ женщинами, которыя, кажется, уже привыкли къ путешествію, потому что шли скоро, подпираясь палочками, и только сѣтовали, что солнце жжетъ и надо бы дождя. Мнѣ хотѣлось вникнуть въ этѣхъ женщинъ, но онѣ были очень хитры и каждый мой щекотливый вопросъ искусно заговаривали постороннимъ, ненужнымъ для меня предметомъ. Мы всѣ не довѣряли другъ другу.

— Вы, давеча, тетушка, какой-то интересный разговоръ начали объ убійствѣ, да я помѣшалъ вамъ. Я тоже не прочь бы послушать, спросилъ я мастерскую жену.

— Да! Вотъ я тебя, Офросинья Ивановна, спрашивала... да бишь, загадку заганула, въ кого дѣвка влюбилась?

— Не знаю.

— Въ кучера.

— Мать Пресвята Богородица! Неужели? говорила, крестясь, крестная мать.

— Да, ей-Богу! А кучеръ-то былъ красивой... Ну, она и влюбись, и никто, вѣдь, не зналъ, окромя ее сестры, коей было годовъ двѣнадцать всего-то.

— Господи!

— Ну... Вотъ маленькая сестра и говоритъ ей: мамонькѣ скажу, и примѣчать стала за ней, а та сердится: сестра покою ей не даетъ. Ну и приди же ей въ голову мысль: зарѣзать сестру. Одново разу онѣ въ банѣ парились, а старшая-то сестра и спрячь бритву въ башмакъ, пошла за бритвой, не могла найти; страшно ей таково сдѣлалось. Ну, значитъ, и задумала зарѣзать меньшую сестру... Не залюбила она ее больно; родители-то, вишь, больше къ меньшой дочери ластились, а большая все около дому была. Ну, не можетъ терпѣть меньшой сестры, и баста!.. И Богу-то молится, штобы онъ помогъ ей зарѣзать сестру и все-таки невидимая сила не допускаетъ ее до этого. Только тотъ вечеръ, какъ зарѣзать сестру, она ужинала съ отцомъ, матерью и съ меньшей сестрой. Ну, ѣда нейдетъ на умъ, а отецъ жалуется, што ему што-то скушно. А у него съ дѣтьми все несчастья бывали: помирали нехорошей смертью. Ну онъ и говоритъ: не долго, говоритъ, ужъ и тебѣ Аннушка въ дѣвкахъ сидѣть, скоро выдамъ, останется одна Маша, да и ту придется тоже, Богъ дастъ, выдавать. Одинъ я останусь... А Маша и глядитъ на Анну такъ сердито и та на нее глядѣть не можетъ. Только мать и говоритъ мужу своему: а ты не примѣчалъ, Иванъ Петровичъ, што между нашими дочками што-то нехорошее доспѣлось?.. Отецъ это поблѣднѣлъ, только ничего не сказалъ. Ну, пошли спать. Дочери спали съ бабушкой, только бабушка въ этотъ день въ гостяхъ была. Ну, легли обѣ спать. Маша заснула скоро, только Анна не спитъ. Ну и встала, стала молиться, плачетъ и бритву держитъ въ рукѣ. Подползла это къ меньшой сестрѣ и чиркъ ее по горлу два разъ, а потомъ и выскочила въ окно, да къ дядѣ. Тѣ перепугались: на дѣвкѣ лица не знать, платье въ крови... Што, спрашиваютъ, съ тобой доспѣлось? Она дрожитъ и слова сказать не можетъ, а потомъ и сказала: сестру зарѣзала, потому она ревновать стала.

— Господи! Што-жъ, ее плетями драли?

— Нѣтъ. Сказываютъ, она теперь съ ума сошла, простили. Отецъ-то много потратилъ денегъ. Одному судьѣ, сказываютъ, ввалилъ пять тысячъ.

IV.

Мы пріѣхали на праздникъ.

Часовъ въ семь вечера нашъ обозъ подкатилъ къ Гробовскому селу. Значитъ мы въ сутки проѣхали семьдесятъ шесть верстъ. Верещагинъ благодарилъ Бога за то, что онъ помогъ имъ проѣхать какъ разъ столько верстъ. А надо замѣтить, что у обозныхъ ямщиковъ время расчитано: когда отправляться, гдѣ сколько пробыть и въ какое время пріѣхать. Каждый ямщикъ хорошо знаетъ, что его лошадь только тогда идетъ скорѣе, когда она простоится, отдохнетъ, хорошо поѣстъ, а потомъ шагу не прибавитъ и пройдетъ въ часъ ровно четыре версты. Обозныхъ лошадей стегаютъ нѣжно и никогда не дерутъ нещадно, палки здѣсь не существуютъ; «за то, говорилъ мнѣ Верещагинъ, наши лошади не годятся для другой ѣзды. Случается, што я возвращаюсь домой пустой и тогда лошади не прибавятъ шагу и я постороннему человѣку ни за что не дозволю ударить мою лошадь кнутомъ». Село расположено по косогору и перерѣзывается рѣчкой, черезъ которую перекинутъ деревянный мостъ. Сперва мы поднялись, потомъ спустились, трактъ повернулъ налѣво, опять поднялись. Дома стоятъ тѣсно другъ къ другу; на улицу выходитъ много сараевъ съ крытыми соломой крышами. Изъ многихъ домовъ слышатся пѣсни, пляски, наигрыванья на гармоніяхъ; на самомъ тракту передъ окнами дѣвки кружатся и поютъ пѣсни. Въѣхали мы во дворъ. Направо въ домѣ пѣсни, пляска; подъ навѣсомъ направо бродятъ двѣ лошади благороднаго вида, запряженныя въ линейки и съ ними никакъ не можетъ справиться семилѣтній мальчикъ въ ситцевой розовой рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ. Изъ оконъ глядѣли на насъ красныя лица, съ половѣвшими глазами, въ которыхъ все-таки замѣчалась удаль, какъ будто доказывающая, что «мнѣ теперь ничто ни почемъ». Вышла пожилая женщина въ новомъ ситцевомъ платьи и съ косынкой на головѣ. Она поклонилась ямщикамъ, ямщики поздравили ее съ праздникомъ и попросили овсеца.

— Сичасъ, сичасъ, дорогіе гости, и она убѣжала въ домъ, изъ котораго немного погодя вышла молодая женщина. Ее тоже поздравили съ праздникомъ, а одинъ молодой ямщикъ ущипнулъ ее за руку, на что она сама отвѣтила ему кулакомъ.

Всѣ ямщики пошли сперьва съ мѣшками за овсомъ, потомъ съ кошелями за сѣномъ и возвращаясь отъ амбара, вздыхая говорили:

— Охъ, времена!... Какъ нони овесъ-то прыгаетъ.

Между тѣмъ, въ домѣ неумолкали пѣсни. Мало по малу стали слышаться изъ дома раздирающіе крики на разные тоны, голосили женщины. Изъ дома провели въ сарай какого-то толстаго низенькаго человѣка, который и на ногахъ не могъ держаться. Это, какъ я узналъ вскорѣ, былъ самъ хозяинъ постоялаго двора. Ямщиковъ то и дѣло зваливъ домъ, но они капризничали, говоря, что имъ еще недосужно, что они заняты своими лошадьми. Наконецъ, стали умывать руки, лица и повалили въ избу налѣво. Направо помѣщеніе хозяина и тамъ веселились гости.

— Што же, Семенъ Васильичъ, здѣсь праздникъ што ли? спросилъ я Верещагина, оставшись съ нимъ наединѣ.

— О, будь ты за болотцомъ! Вѣдь вчера Ильинъ день былъ, ну дакъ вѣдь хорошій праздникъ бываетъ три дни.

— Понимаю. Значитъ, со страдой покончили?

— Вѣрно.

— А чѣмъ же они промышляютъ?

— Чѣмъ? овсомъ да рѣпой торгуютъ; капусту еще садятъ. А больше извозомъ занимаются. Вонъ Иванъ Панкратьевъ, што утирается, Гробовской, а прочіе на земскихъ и обывательскихъ ѣздятъ.

— А што же хлѣбъ-то, не ростетъ што-ли?

— Немногіе занимаются: мѣста неподходящія, не прокормишься.

Въ комнатахъ дрались; потомъ, человѣкъ пять сѣли на линейку и съ пѣснями уѣхали, но въ комнатѣ продолжались по прежнему пѣсни и пляска.

Подали самоваръ, бѣлаго хлѣба; ямщики пошли въ комнату поздравлять или выпить. Немного погодя въ избу вошелъ высокій здоровый мужчина, въ черномъ кафтанѣ на распашку, и, пошатываясь, подошелъ ко мнѣ.

— Кутейникъ! крикнулъ онъ.

Я промолчалъ.

— Тебя спрашиваютъ?

— Кутейникъ.

— А што жъ ты не поздровляшъ меня съ праздникомъ? Я хозяинъ, а ты гость.

Дѣлать нечего: я всталъ, подошелъ къ нему и, протянувъ руку, извинился въ своей невѣжливости.

— То-то! Меня и нашъ домъ вся губерня знатъ!... Я люблю вашего брата. Цѣлуйся.

Мы поцѣловались. Онъ нѣсколько разъ цѣловалъ меня и заслюнилъ все мое лицо.

— Иди-же къ гостямъ, я те честь воздамъ... и онъ крѣпко сжалъ мою правую руку и потащилъ меня въ комнаты.

— Ей вы, дуры!... Смирно! Не плясать!... Перемскаго на тракту словилъ кутейника... Ей, Марь?... водки, живо... Пирога сюды? Я асъ! кричалъ хозяинъ, не выпуская мою руку.

Въ комнатѣ въ два окна, между которыми приколочено простенькое зеркало съ конфектными картинками на рамкахъ, съ лавками, крашенымъ столомъ въ переднемъ углу, съ двуми дверьми направо и налѣво, топталось и сидѣло штукъ восемь мужчинъ и женщинъ; женщины одѣты нарядно въ ситцевыя сарафаны и платья, съ простенькими шалями на плечахъ, съ платками и косынками на головахъ, мужчины—двое въ розовыхъ ситцевыхъ рубахахъ и плисовыхъ шароварахъ, одинъ въ черномъ кафтанѣ. Когда я пришелъ въ комнату двѣ женщины пѣли и топтались, одинъ мужчина игралъ на гармоникѣ, другой отдергивалъ трепака; прочіе—мужчина спорилъ съ хозяйкой, а гостьи щелкали орѣхи. На столѣ стоялъ крашеный жбанъ съ пивомъ, пирогъ съ рыбой, пирогъ съ малиной и еще что-то лежало, что я не могъ различить съ издали. Женщины посмотрѣли на меня, присмирѣли; мужчины хохотали.

— Ты ужъ вѣчно што нибудь состроишь... сказала недовольно одна женщина, обращаясь къ державшему меня человѣку.

— Ужъ я сказалъ, што позабавлю и исполню... Слышъ, што я тѣ спрошу... Ну. Што теперь у меня въ головѣ сидитъ? спросилъ онъ меня. Гости присмирѣли, но готовы были разразиться смѣхомъ.

— Хмѣль, сказалъ я.

Всѣ захохотали.

— Такъ ты думаешь, што моя голова хмѣль?... Я значитъ хмѣль? Слышите, што онъ сказалъ.

— Это вѣрно, што хмѣль, подтвердилъ другой мужчина. Женщины голосили, называя меня прозорливымъ.

— Ну, а вотъ въ ее головѣ што сидитъ? спросилъ онъ меня, показывая на одну толстую женщину.

Я подумалъ и сказалъ: пѣсни, потому что она во все горло поетъ.

Опять всѣ захохотали, но баба обидилась. Мужчины прозвали эту бабу *пѣсней*.

— А въ твоей што сидитъ?

— Пирогъ съ малиной...

Всѣ захохотали.

— Молодецъ братъ ты! недаромъ вашего брата на наши капиталы обучаютъ... Дѣло! Ну-ко, братецъ, дергани съ дорожки-то, сказалъ онъ мнѣ, трепля меня по затылку и подвелъ къ столу. Гостьи голосили громко, непріятно для городскаго уха.

— Очень жарко, пыльно, хозяинъ, сказалъ я, желая навести его на разговоръ.

— Вотъ я тѣ попотчую... Онъ налилъ мнѣ стаканъ водки, я выпилъ, онъ еще налилъ, я сталъ отказываться, но онъ погрозилъ за воротъ вылить. Я закусилъ пирогомъ съ рыбой.

— Степка! играй! крикнулъ хозяинъ.

Заиграла гармоника; бабы, подобравъ подолы, принялись плясать такъ, что половицы трещали, платки спадывали съ головы, а одна такъ даже вскрикивала отъ удовольствія: и-ихъ ты! Хозяинъ обхватилъ меня и сталъ плясать. Меня стала отнимать молодая женщина. Началась свалка, однако хозяинъ меня отпустилъ. Женщины, окруживъ меня, сцѣпились руками, топтались, кружились и напѣвали, дѣлая мнѣ глазки и толкая другъ друга: «ужъ я золото хороню, хороню». Ямщики, стоя у дверей, глядѣли на эту сцену и хохотали.

— Поповичъ-то! камедь!..

— Цѣлуйте ево, бабы!..

Начали меня цѣловать: отъ одной пахло чеснокомъ, другая отрыгивала чѣмъ-то кислымъ. Ямщики хохотали. Бабы пустились въ плясъ, припѣвая громко:

Попьемъ-ко мы!
Посидимъ-ко мы!
Право есть у кого!
Право есть у него!

Вдругъ одна женщина задаетъ мнѣ загадку:

— Отгадай, разцѣлую: лѣтомъ въ шубѣ, зимой въ шабурѣ? и она подмигнула.

— Будто не знаю? сказалъ я.

— Нѣтъ, не знаешь.

— Лѣсъ, сказалъ я.

— А въ лѣсу што дѣлаютъ?

— Грибы сбираютъ, малину.

Лицо женщины покраснѣло, она захохотала; ее стали уличать въ чемъ-то нехорошемъ.

— Петръ Митричъ, иди чай пить? сказалъ мнѣ Верещагинъ.

— Не хочу, сказалъ я и не пошелъ.

Гости хохотали, разговаривали, прощались. Я вышелъ на крылечко и закурилъ трубку.

Скоро гости прошли мимо меня и весело распростились со мной, а женщина, задававшая мнѣ загадку, въ шутку поцѣловала меня и убѣжала.

Богомолки сидѣли за воротами, потому что ямщики непустили ихъ въ избу. Послѣ обѣда, который прошелъ довольно весело, я вышелъ за ворота съ трубкой. Тамъ, противъ нашего постоялаго дома, шесть дѣвицъ играли въ мячикъ съ четырьмя парнями. Это были дочери и сыновья содержателей постоялыхъ дворовъ и отличались отъ прочихъ крестьянскихъ дѣтей дородствомъ, красотой и костюмомъ. Такъ дѣвицы были всѣ въ ситцевыхъ платьяхъ, а на одной высокой семнадцати-лѣтней, черноволосой было даже шерстяное платье. Дѣвицы играли умѣючи въ мячикъ, ловко отворачивались отъ ударовъ мячикомъ, скоро бѣгали и ихъ очень забавляло то, какъ бы имъ попасть въ парня. При моемъ появленіи на улицѣ, они сперва смѣшались, но потомъ стали еще усерднѣе играть, какъ бы стараясь доказать, что они не ударятъ себя лицомъ въ грязь. Играя, они часто посматривали на меня, потомъ вдругъ собрались въ кучку, парни отошли прочь, а дѣвицы стали шептаться, потомъ захохотали и начали играть безъ парней. Вдругъ мячикъ упалъ къ моимъ ногамъ. Я не трогался. Дѣвицы разсыпались, но подойти ко мнѣ не рѣшались. Стали толкать другъ друга.

— Не съѣмъ. Подходите хоть всѣ, крикнулъ я.

— Слышь, стеклянны шары всѣхъ зоветъ... Дунька, иди ты бойчее...

— Не схожу што-ли?

Одна дѣвица въ голубомъ платьѣ бойко подошла къ мячику и вдругъ бросила его въ меня; а сама кинулась бѣжать, но я успѣлъ попасть мячикомъ ей въ спину.

— Свинья! сказала дѣвица. Прочіе хохотали и кричали мнѣ:

— Очкастый! очкастый! стеклянны шары.

— Примайте што ли играть-то? крикнулъ я.

Дѣвицы захохотали и закрыли лица ладонями. Потомъ сѣли всѣ на завалину и запѣли, но пѣли на одинъ голосъ, стараясь перекричать другъ друга. У воротъ въ это время сидѣли старики и бабы съ грудными ребятами и безъ ребятъ и надзирали за дѣтьми. Впрочемъ по случаю праздника имъ предоставлена была полная свобода. Парней на улицѣ не было; поэтому дѣвицы и пѣли, но одна дѣвица крикнула: Степа-анъ! За это подруги ударили ее по плечу, но дѣвица не покраснѣла. Явился парень лѣтъ восемнадцати, одѣтый франтовски, игра началась

и ужъ устроивалось такъ, что бросать мячь приходилось только Степану или только высокой дѣвицѣ въ шерстяномъ платьѣ и играли только они двое, что ненравилось остальнымъ, но никто имъ не мѣшалъ. Если Степанъ попадалъ въ спину дѣвицы, что ей, впрочемъ, нравилось, то она вскрикивала: ахъ ты подлецъ! если дѣвица попадала въ Степана, то онъ грозился: ужъ я же те, толстопятую...

Солнышко сѣло; стало прохладно. Нашъ обозъ тронулся.

— Поповичъ! гдѣ стеклянны шары? кричали дѣвицы. Я былъ во дворѣ и вышелъ. Въ меня попали мячикомъ, я забросилъ мячикъ въ чей то дворъ, мнѣ пожелали «околѣть»; я сѣлъ въ свое гнѣздо. И по мѣрѣ того, какъ мы проѣзжали домъ за домомъ, кучка за кучкой сидѣвшихъ людей около своихъ домовъ изчезала изъ глазъ, мнѣ дѣлалось невыносимо скучно. Мнѣ хотѣлось пожить здѣсь, приглядѣться къ здѣшней жизни.

— Богатый здѣсь народъ? спросилъ я Верещагина.

— Откуда имъ богатымъ-то быть? Такъ живутъ, какъ и всякіе, особливо нынѣ не наживешь много-то денегъ. Не стара пора.

— А прежде чѣмъ же лучше было?

— Хлѣбъ былъ дешевле... А теперь вонъ съ меня сходитъ оброку да другихъ повинностей чуть не семьдесятъ рублей. А прежде и тридцати не выходило.

— Ты должно быть всю мѣстность на протяженіи тракта знаешь?

— О, будь ты за болотцомъ! Какъ не знать-то, коли съ дѣтства хожу? Этѣ деревни всѣ наперечетъ знаю, а постоялые дворы чуть ли не всѣ испробовалъ—все одно, што одинъ.

— А што если желѣзную дорогу построятъ?

— Не построятъ; это только пугаютъ.

— Ну а если предположить, што построятъ.

— Ну тогда мы въ конецъ раззоримся. Мы только тѣмъ и кормимся, што съ обозами ходимъ. Къ другимъ ремесламъ мы неспособны, што есть и съ пашнями у насъ жены да работники управляются. А будь это дѣло—ну и пойдемъ по міру.

— Есть ли хоть польза-то теперь?

— Какая польза! кое-какъ на харчи сходится: самъ подумай: у меня жена, дѣти, ну и содержаніе лошадей што стоитъ.

V.

Расправа.

Я начиналъ привыкать къ обозной жизни и вполнѣ понялъ ямщиковъ. Они, съ дѣтства пріученные къ обозной жизни, такъ сказать за-

калили себя къ этому занятію: имъ не страшенъ былъ зной, морозъ, не злилъ дождь, они привыкли къ нимъ и только говорили, что лѣтомъ ѣздить лучше, потому что можно идти безъ зипуна и безъ шапки, днемъ можно спать и безъ сапогъ, а зимой нужно кутаться въ полушубокъ, да еще сверьхъ полушубка надо одѣвать азямъ (родъ зипуна), нужно часто грѣться, т. е. выпивать на свой счетъ водки. Виды съ горъ ихъ теперь уже нисколько не интересуютъ, потому что они уже примелькались и въ нихъ они не видятъ для себя никакой пользы. У нихъ даже сложилась совсѣмъ иная жизнь, жизнь обозная: въ своихъ деревняхъ, селахъ они были только гостями и гостили много-много раза по четыре въ году, да и тутъ имъ скучно было, тянуло на большую дорогу, гдѣ раздолье, хорошо поятъ, кормятъ, много пріятелей, гдѣ только одна забота: благополучно доставить кладь и получить рублей пятнадцать денегъ. Они не интересовались ни политикой, не тревожили себя пустыми вопросами; вся ихъ мозговая дѣятельность сосредоточивалась только на обозной жизни, а разговоры объ урожаяхъ и другихъ насущныхъ предметахъ были для нихъ только препровожденіемъ времени. Дорогой, когда они шли, они больше молчали, но что они думали, того никто не знаетъ, а вѣроятно ихъ мысли были одинаковы у всѣхъ. Были ли они поэтами въ душѣ, я сказать не могу, только можно сказать, что они болѣе сообразительны и толковы, чѣмъ другіе ямщики; у нихъ еще много поговорокъ подъ рифму и этѣ поговорки въ видѣ остротъ, высказываются только навеселѣ.

О дальнѣйшемъ путешествіи писать не буду, потому что оно однообразно, только развѣ упомянуть о томъ, что мои петербургскіе сапоги послѣ двухъ-суточнаго странствованія пришли въ такое состояніе, что я въ нихъ не могъ ступить и шагу — стоптались очень и продрались въ двухъ мѣстахъ на каждомъ сапогѣ, и я купилъ въ Кунгурѣ мужицкіе, которые тоже привелось чинить въ кузницѣ, потому что гвозди проходили насквозь и ихъ присутствіе послѣ десятиверстнаго странствія стало весьма непріятно, а я положительно хромалъ на *обѣ ноги*. Кормили меня хорошо и я, сознаюсь, наѣдался до того, что едва могъ передвигать ноги. И все это удовольствіе мнѣ стоило 20—15 к., тогда какъ въ передній путь златоустовскій смотритель почтовой станціи, знакомый мнѣ человѣкъ, за два дрянныхъ блюда взялъ съ меня сорокъ копѣекъ. Къ обозной жизни я привыкъ совсѣмъ на пятые сутки, вѣроятно потому, что до Перми оставалось немного; да и самъ Верещагинъ болѣе и болѣе становился веселѣе, попѣвалъ веселыя пѣсни.

— Слава Богу, скоро доѣдемъ, говорилъ онъ.

— Домой поди съѣздишь?

— Надо... Ужъ я ей, будь она за болотцомъ! говорилъ онъ и дѣлалъ руками штуки и лицомъ гримасы.

— Совѣтно ты живешь съ хозяйкой?

— И!.. Она у меня баба золотая. Вотъ баба?! и нужды нѣтъ, што третья. Молодая, а славная.

— Поди-ко вѣдь ей скушно?

— Чево ей скучать-то: знаетъ, што я съ обозами хожу и домой пріѣзжаю не съ пустыми руками. Работа тамъ есть у нее, чево еще ей надо?

Виды тоже описывать не стану, потому что они до того разнообразны и неуловимы на мѣстахъ, что ихъ едва ли кто съумѣетъ вѣрно срисовать; да и мнѣ на мѣстахъ или на интересныхъ пунктахъ и въ голову не приходило набрасывать карандашемъ, хотя одинъ клочекъ интересной для перваго впечатлѣнія мѣстности, а въ памяти у меня такъ разсѣяны эти впечатлѣнія, что я нахожу за самое лучшее не фантазировать или не искажать природу. Не мѣшаетъ упомянуть о Суксунской горѣ, которую ямщики недолюбливаютъ за то, что она очень крута. Виды съ нее очень хороши и ее видно за нѣсколько десятковъ верстъ, но объ ней уже упоминалъ Максимовъ въ книгѣ «Поѣздка на Востокъ». Только, описывая ее, онъ упустилъ изъ виду то, что не весь Уралъ таковъ. Кромѣ Суксуна, близь Кунгура есть еще двѣ горы, стоящія на тракту другъ противъ друга, Иренская и Бакинская, такъ что съ одной спускаются—на другую поднимаются и между ними село, а около одной рѣчка съ очень холодною водой. Черезъ эту рѣчку перекинутъ мостъ, но этотъ мостъ почему-то ежегодно починивается и обозы переходятъ рѣчку бродомъ. На горахъ большія пространства степей и подъ Кунгуромъ насъ припугнула гроза, о которой говорить тоже нестану: нужно быть на горѣ, чтобы имѣть понятіе о грозѣ.

На пятые сутки мы ночевали на большой дорогѣ. Мы ночевали такимъ манеромъ уже два раза и на это у ямщиковъ были свои уважительныя причины. Лошади, конечно, были отпряжены; къ ихъ горламъ были привѣшаны колокольцы, и онѣ ходили у изгороди, доставая высокую, еще нескошенную траву, но, впрочемъ, недалеко отъ своихъ возовъ. Одинъ ямщикъ не спалъ; прочіе хотя и спали на травѣ около возовъ, но, какъ обыкновенно у нихъ водится, при каждомъ сильномъ стукѣ, при сильномъ звяканьи колокольцовъ, они поднимали головы.

А раньше я забылъ сказать, впрочемъ, мнѣ тогда еще не приводилось замѣчать, что ямщики, лежа на возахъ и въ телѣгахъ, при каждой остановкѣ лошадей просыпались и поднимали голову. Ужъ такая привычка. Двѣ богомолки ѣхали тоже съ нами до Кунгура, но я къ нимъ не питалъ особеннаго уваженія и особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Златоустѣ онѣ развѣсили сушить свое бѣлье, и я убѣдился, что онѣ не такъ бѣдны, какъ онѣ себя выказывали: у нихъ были даже шелковыя платья и мелькомъ я видѣлъ у нихъ золотыя серьги и кольца. Между собой онѣ были дружны, но въ Кунгурѣ поссорились и жена мастера скрылась, не доплативъ ямщику денегъ; осталась только одна крестная мать моей мнимой жены.

Я спалъ крѣпко, не смотря на холодъ. Вдругъ слышу — ямщики кричатъ. Я открылъ пальто.

— А, ты грабить!

— Бей ее, проклятую.

— Нѣтъ, постой. Бить не надо; надо дѣло распознать, кричали ямщики. Я подошелъ къ нимъ. Моя крестная мать лежала на травѣ съ связанными руками и ногами крѣпко накрѣпко.

— Что такое случилось? спросилъ я ямщиковъ, собравшихся въ кучу и разбирающихъ узлы женщины.

— Да што, воровка! По запазухамъ чужимъ лазитъ, проклятая, штобъ ей семь чертей!.. Вонъ Петро углядѣлъ. Подошла она къ Ѳадѣю Степанычу и засунула руку въ сапогъ. Вотъ оно што.

— Что-жъ вы теперь думаете дѣлать?

— А обыщемъ. Вонъ Пермяковъ все жаловался: два, говоритъ, цалковыхъ потерялъ.

— Вотъ лопни мои глаза, штобы я совралъ... Ничего не покупалъ, никому не давалъ, а денегъ не стало, жаловался рыжебородый ямщикъ.

— Нашелъ! Яковъ?! Это не твой ли платъ-то?

— Мой, мой! ищи, нѣтъ ли Пермякова-то?

— Это не твой ли, Петръ Митричъ?

Я подошелъ; дѣйствительно, бѣленькій платокъ—мой, но я сказалъ, что я ей подарилъ.

— Зачѣмъ дарить? Мы не хотимъ! Возьми!.. галдили ямщики.

Я взялъ.

Нашли и Пермяковскій платокъ. Стали допрашивать женщину.

— Ну, сознавайсь. Зачѣмъ ты воровала?

— Простите, ребятушки! Богъ попуталъ... впередъ не буду.

— А билетъ есть?

— Въ тряпкахъ...

— Гдѣ? Ну-ко?

— Тамъ.

— Да ты насъ не тяни, намъ ѣхать нужно.

— Потеряла, ребятушки... Пустите... я уйду отъ васъ.

— Ну, ладно. Ребята завязывайте узелъ. Гляди, стерва, не будь на насъ въ претензіи, што мы тебя ограбили, проговорилъ спокойно подрядчикъ.

Женщину подняли; она плакала. Одинъ ямщикъ складывалъ и увязывалъ вещи женщины.

— Ведите ее, голубушку, въ лѣсъ, говорилъ опять спокойно подрядчикъ.

Четыре ямщика повели женщину въ лѣсъ.

— Это зачѣмъ вы ее въ лѣсъ-то увели? спросилъ я ямщиковъ.

— Поучить маленько, постегать, штобъ не баловалась, объяснили они мнѣ. Черезъ нѣсколько времени откуда-то слышались стоны, но по дорогѣ никто не ѣхалъ, а черезъ четверть часа вышли изъ лѣсу ямщики и женщина.

— Ну, теперь будешь воровать? спросилъ ее подрядчикъ.

Женщина поклонилась въ ноги и сказала:

— Дозволь, батюшко, мнѣ доѣхать.

— Нѣтъ, ужъ кончено: сиди здѣсь, коли не умѣла ладомъ ѣхать. Такъ мы и покинули женщину на тракту. Ямщики говорили, что выстегать вора самое благое дѣло, потому что они люди дорожные, представлять вора у нихъ времени нѣтъ, да и онъ еще ускользнетъ, а какъ дашь острастку, такъ впередъ не посмѣетъ по чужимъ сапогамъ, да по запазухамъ лазить.

На седьмыя сутки мы пріѣхали въ Пермь. Голова и бока у меня болѣли; лицо было точно въ пеплѣ, а въ волоса даже частый гребень не лезъ, и я кое-какъ отмылъ въ банѣ песокъ изъ головы. За то мнѣ поѣздка изъ Екатеринбурга стоила только шесть рублей.

Черезъ недѣлю я шелъ на пароходъ. На одной улицѣ меня окликнулъ Верещагинъ.

— Петръ Митричъ!

— А, здравствуй, Семенъ Васильичъ. Куда?

— За кладью; въ Тюмень завтра ѣду.

— Што мало погостилъ дома-то?

— Будетъ .. Всѣ здоровы, ну и слава Богу. Счастливо оставаться.

— Прощай.

Мы простились за руки. Онъ спросилъ меня, когда я поѣду въ *Екрембургъ*, я сказалъ, что не знаю.

— Хорошо, кабы ты опять со мной поѣхалъ. Ну, прощай.

Мы разстались, онъ часто оборачивался и мнѣ отъ чего-то скучно сдѣлалось; такъ и хотѣлось опять съ нимъ же ѣхать по Уралу, только пора было и въ Питеръ отправляться.

Ѳ. Рѣшетниковъ.

---

* * *

Ни что не ново подъ луной.
Повѣря въ призракъ обновленья,
Все ждетъ, свершая путь земной,
За поколѣньемъ поколѣнье,
Что вотъ повѣетъ вкругъ весной,
Но въ мірѣ вмѣсто возрожденья
Встрѣчаемъ тьму и смерти тлѣнье...
Ни что не ново подъ луной.

Какъ прежде, міръ бредетъ въ потемкахъ,
Бросая на вѣтеръ свой трудъ
И на поруганныхъ обломкахъ
Кумиры новые встаютъ.
Какъ прежде, путь нашъ—мгла и степи...
И носитъ гордо свѣтъ больной
Цивилизованныя цѣпи...
Ни что не ново подъ луной.

Какъ прежде, дикая причуда
Сама себѣ вѣнокъ сплела,
И безнаказанно Іуда
Готовъ предать изъ за угла;
Мы дипломата чтимъ въ Пилатѣ,
Мы не считаемъ ложь — виной,
Находимъ Каина мы въ братѣ...
Ни что не ново подъ луной.

Нѣтъ прочныхъ, вѣчныхъ истинъ въ мірѣ,
Мы ихъ мѣняемъ каждый разъ
И, даже, дважды два—четыре
Едва-ли истина у насъ.
Впередъ мы рвемся дружно. вмѣстѣ
И—часто цѣлою страной

Назадъ уходимъ лѣтъ на двѣсти...
Ни что ни ново подъ луной.

Ни что не ново подъ луною
И эту пѣсню, наконецъ,
Сильнѣй и съ новой глубиною
Споетъ намъ будущій пѣвецъ.
Не рѣдко солнце скроетъ туча,
Вѣртеться будетъ шаръ земной,
Но эта истина живуча:
Ни что не ново подъ луной.

Дмитрій Минаевъ.

ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРАСТЫ.

(Введеніе къ ненаписанной книгѣ).

Вы, вѣроятно, помните, читатель, трогательную исторію юнаго Кандида и несравненнаго доктора Панглосса, для котораго все шло къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Вы помните, можетъ быть, и одинъ интересный эпизодъ изъ этой трогательной исторіи, пребываніе Кандида въ Эльдорадо. На случай же, если вы его забыли, я вамъ его разскажу.

Послѣ разныхъ треволненій, Кандидъ, сопровождаемый своимъ вѣрнымъ Какамбо, попалъ въ какую-то незнакомую страну, въ которой ему на каждомъ шагу пришлось изумляться. Прежде всего вниманіе нашихъ путешественниковъ остановилось на нѣсколькихъ великолѣпно одѣтыхъ дѣтяхъ. Ребятишки играли золотыми слитками, рубинами и изумрудами, изъ которыхъ каждый составилъ бы лучшее украшеніе трона Великаго Могола, и безжалостно трепали свои парчевыя платья. Многострадальныя путники рѣшили, что это дѣти мѣстнаго государя. Черезъ нѣсколько времени явился какой-то человѣкъ, позвалъ ребятишекъ, и тѣ отправились за нимъ, оставивъ свои драгоцѣнныя игрушки на землѣ. Обстоятельство это чрезвычайно поразило Кандида и Какамбо, привыкшихъ къ болѣе почтительному обращенію съ презрѣннымъ металламъ, который здѣсь оказался уже дѣйствительно презрѣннымъ. Кандидъ быстро подобралъ слитки и камни и, принимая человѣка, отозвавшаго ребятишекъ, за гувернера царской фамиліи, догналъ его и почтительно подалъ драгоцѣнности; при этомъ онъ старался объяснить знаками, что вотъ дескать, ихъ высочества забыли свои игрушки. Гувернеръ съ удивленіемъ посмотрѣвъ на него, отвернулся и пошелъ своей дорогой. Странники были поражены, но тѣмъ не менѣе нагрузили себѣ карманы презрѣннымъ металломъ и драгоцѣнными камнями. Идутъ дальше. Видятъ домъ, въ сравненіе съ которымъ могутъ идти развѣ богатѣйшіе европейскіе дворцы. Оттуда слышится чарующая музыка и несется самый раздражающій кухонный запахъ. Оказывается, что это гостинница. Присутствующіе, блистающіе золотомъ и алмазами, говорятъ на родномъ нарѣчіи Какамбо — перувіянскомъ, и потому странникамъ удается безъ дальнѣйшихъ препятствій сѣсть за столъ. Обѣдъ былъ самый роскошный, такъ

что Кандидъ рѣшился раскутиться и вынулъ два полновѣсныхъ золотыхъ слитка для расплаты. Но хозяинъ гостинницы расхохотался, назвалъ слитки булыжникомъ и, понявъ, что имѣетъ дѣло съ иностранцами, объяснилъ имъ, что они попали въ одну изъ даровыхъ гостинницъ, содержимыхъ на счетъ правительства, и что во всякомъ случаѣ ихъ «булыжники» никуда не годятся. Путники разинули ротъ отъ изумленія, и Кандидъ началъ соображать, что это-то должно быть и есть именно та страна, гдѣ все идетъ хорошо. Онъ разочаровался даже въ своей Вестфаліи и съ нѣкоторымъ скептицизмомъ отнесся къ мнѣніямъ доктора Панглосса о прелестяхъ роднаго замка Тундеръ-тенъ-транка. Дальше его ждали еще и не такіе сюрпризы. Во дворцѣ правителя страны, золото было уже совершенно въ загонѣ...

Но какъ хотите, читатель, а я ужъ вамъ не буду разсказывать о дальнѣйшихъ похожденіяхъ Кандида въ Эльдорадо: слюнки текутъ. Оказалось, что ребятишки, игравшіе золотомъ и изумрудами, были не царскія дѣти, а просто уличные мальчишки; оказалось, что въ Эльдорадо всѣ счастливы, добродѣтельны, довольны, просвѣщенны и т. д. Наконецъ, наши путники не выдержали, однако, этого просвѣщенія и довольства и уѣхали изъ Эльдорадо, захвативъ съ собою цѣлые возы тамошняго «булыжника». Согласитесь, что разсказывать о такихъ прелестяхъ непріятно. Пожалуй придешь, вмѣстѣ съ Кандидомъ, къ грустному заключенію, что замокъ Тундеръ-тенъ-транкъ и въ самомъ дѣлѣ не лучшее мѣсто въ мірѣ...

И такъ, въ Эльдорадо царствуютъ добродѣтель, довольство и просвѣщеніе, и все это благодаря тому обстоятельству, что природа распорядилась усыпать землю въ этомъ благословенномъ уголкѣ золотомъ. Ясно, слѣдовательно, что еслибы мы имѣли возможность воспроизвести эту игру природы во всякомъ другомъ уголкѣ, то и тамъ стали бы процвѣтать добродѣтель, довольство и просвѣщеніе.

Благоразумный и проницательный читатель осмѣетъ меня за это умозаключеніе, выставитъ цѣлую гору доводовъ противъ него и докажетъ, какъ дважды два—четыре, что это самый грубый и прозрачный софизмъ, давнымъ давно разоблаченный экономистами; онъ объяснитъ мнѣ, что Эльдорадо—идеалъ сумасшедшихъ алхимиковъ, разскажетъ исторію того несчастнаго адепта великой науки, котораго какой-то нѣмецкій князь за неудачные опыты повѣсилъ на вызолоченной висѣлицѣ, и проведетъ остроумную параллель между Эльдорадо и этимъ мертвецомъ, висящимъ на золоченой висѣлицѣ. Со всѣмъ этимъ я долженъ буду согласиться. Значитъ, вы сознаетесь, что вы сказали вздоръ? спроситъ читатель. — Сознаюсь. — Зачѣмъ же вы не вычеркнете того, что вы написали?—Затѣмъ, что этотъ вздоръ мнѣ нуженъ для яснаго уразумѣнія послѣдующихъ умозаключеній, какъ говорится не помню въ какомъ русскомъ ученомъ сочиненіи. Значитъ, вы написали это съ злостною цѣлью—хотите осмѣять алхимію и алхимиковъ? Ничуть не бывало, читатель. Это старая пѣсня, и пѣть ее я не намѣренъ, потому что нахожу, что вся она фальшива. Ни въ алхиміи, ни въ алхимикахъ я не нахожу ничего смѣш-

наго. Смотря на алхимію, какъ на предшественницу химіи, и, слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ ту ерунду, которую алхимики приплетали къ изученію природы, надо сознаться, что она имѣетъ свое почтенное прошедшее и свое будущее. Что же касается до алхимиковъ, то ихъ очень удобно можно раздѣлить на два отдѣла: вѣрующихъ и невѣрующихъ въ свою науку. Послѣдніе, шарлатаны, обиравшіе добрыхъ людей, не представляютъ, разумѣется, ничего смѣшнаго. Вѣрующихъ алхимиковъ можно опять раздѣлить на два разряда. Одни искали философскаго камня (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. средства для превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные) съ цѣлью нажиться; это были просто, такъ называемые практическіе люди, и если смѣяться надъ ними, такъ надо ужъ осмѣивать всѣхъ практическихъ людей. Другіе были честные, горячо желавшіе блага своимъ ближнимъ люди, посвятившіе себя на служеніе человѣчеству. Найдутся охотники посмѣяться и надъ ними, но это будетъ скверный смѣхъ. Есть святыя заблужденія, на которыя должно указывать, но не съ пошлымъ смѣхомъ тупаго самодовольства, уползшаго впередъ черепашьимъ ходомъ, а съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннимъ сожалѣніемъ. Заблужденіе честныхъ алхимиковъ заключалось не въ выборѣ *цѣли* — цѣль ихъ была высокая: избавить общество отъ гнойныхъ ранъ, покрывающихъ его тѣло, а въ выборѣ *средства*. Еслибы Тезей, войдя въ извѣстный лабиринтъ, не захватилъ съ собой Аріаднина клубка, почему тамъ и погибъ бы, то одно то обстоятельство, что онъ вошелъ туда съ цѣлью убить Минотавра, должно бы было оградить его отъ насмѣшекъ и презрѣнія. Презрѣнія заслуживаютъ тѣ, которымъ наука—Аріадна дала свою нить, но которые все-таки не идутъ искать Минотавра—причину несчастій человѣческаго рода, и, мало того, еще дѣлятся добычей съ этимъ Минотавромъ, заключаютъ съ нимъ безмолвную, но тѣмъ не менѣе, позорную сдѣлку. Они нагло тычатъ всѣмъ въ глаза свое превосходство, и, если профанъ, умирая медленною смертью въ бездонной пасти Минотавра, спроситъ ихъ: что вы сдѣлали для меня, вы, имѣющіе средство для моего спасенія? они отвѣтятъ: намъ, братецъ, до тебя дѣла нѣтъ, а что мы не сложа руки сидимъ, такъ вотъ тебѣ доказательство. И покажутъ тутъ они несчастному профану тысячи хитрѣйшихъ узелковъ и петелекъ, навязанныхъ ими изъ обрывковъ Аріадниной нити. Наше дѣло, скажутъ они, все больше и больше рвать эту нить, вязать изъ нея узоры все замысловатѣе и мельче и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ тому самому Минотавру, на котораго ты жалуешся. Мы съ нимъ въ долѣ и питаемся твоей плотью и кровью заодно съ нимъ. Молчи же несчастный, невѣжественный профанъ! Молчи и ступай, куда тебя ведетъ твоя судьба—прямо въ пасть Минотавра! Но профанъ не замолчитъ. И его охрипшій отъ голода, холода и пьянства голосъ будетъ для самодовольныхъ обладателей Аріадниной нити вѣчнымъ memento mori, или, что то же, вѣчнымъ memento vitae, потому что для этихъ искусниковъ жизнь заключается въ смерти и смерть въ жизни; они—какъ совы, для которыхъ день начинается съ закатомъ солнца и кончается съ восходомъ его. Кстати же сова вѣдь эмблема мудрости...

При обсужденіи проекта баварскаго уложенія 1861 года правительство объявило, между прочимъ, что оно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, не можетъ рѣшиться на отмѣну смертной казни, на томъ основаніи, что наука уголовнаго права еще ничего не выяснила по этому пункту. И такъ, тогдашнее баварское правительство прислушивалось, значитъ, къ голосу науки. А представители этой науки, которымъ, какъ Вѣчному Жиду, ихъ судьба подсказываетъ: думай! думай! думай! пиши! пиши! пиши! думали цѣлые годы, писали томы за томами и ни до чего не додумались и не дописались. Ступай же, профанъ, на висѣлицу смѣло, съ увѣренностью, что представители науки, свѣтилы умственнаго міра, додумаются, наконецъ, до рѣшенія—слѣдовало ли тебя вѣшать... (Въ той же Баваріи вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ поднятъ снова въ настоящемъ году и опять рѣшенъ отрицательно благодаря все тѣмъ же столпамъ науки).

Вотъ объ этихъ-то искусникахъ я и хочу побесѣдовать съ вами, читатель. И объ алхимикахъ я заговорилъ, во-первыхъ, затѣмъ, чтобы показать, что они, въ самомъ заблужденіи своемъ, стоятъ гораздо выше большинства современныхъ цеховыхъ ученыхъ, очень часто говорящихъ истину; а во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы указать на одну черту, общую алхимикамъ и меньшинству современныхъ ученыхъ.

Алхимики третьяго отдѣла были благородные труженики, мученики идеи, только и жившіе этой идеей, тратившіе время, здоровье и состояніе на осуществленіе своей мысли. Ихъ нельзя назвать мономанами, потому что это слишкомъ широкое понятіе. Мономанъ можетъ очень хорошо сознавать цѣль, къ которой онъ стремится, можетъ стараться достигнуть этой цѣли самыми разнообразными путями, а эти люди знали только одинъ путь и притомъ ложный. Они упрямо, съ энергіей, достойной болѣе благодарной работы, шли по этому единственному, находившемуся въ ихъ распоряженіи пути и погибли на немъ. Это были спеціалисты, люди недодумавшіеся, и недодумавшіеся именно потому, что они были спеціалистами. Такіе люди отличаются крайнею самоувѣренностью, и это легко объясняется узкостью и односторонностью взгляда, какъ результатами спеціализаціи умственнаго труда. Общественныя условія образуютъ такую сложную сѣть, такъ перекрещиваются и взаимно проникаютъ другъ друга, что если мы будемъ имѣть въ виду только одну какую нибудь спеціальную силу и оставимъ въ сторонѣ всѣ остальныя, то неизбѣжно придемъ къ одностороннимъ и потому ошибочнымъ выводамъ. Глухонѣмой не можетъ имѣть полнаго представленія объ окружающемъ его мірѣ, хотя бы его органъ обонянія былъ развитъ вполнѣ нормально; для слѣпорожденнаго не существуютъ ни цвѣта, ни свѣта, и потому, какъ бы ни было развито его ухо, онъ не въ состояніи охватить предметъ во всей его цѣлости. А попробуйте сказать глухонѣмому или слѣпорожденному, что понятія его о внѣшнемъ мірѣ не полны и не могутъ быть полными, онъ вамъ не повѣритъ и даже не пойметъ васъ. Точно также и алхимики, педагоги, юристы, политико-экономы, словомъ спеціалисты вообще, имѣя въ своемъ распоряженіи только одинъ масштабъ, только ему и вѣрятъ, только и пони-

маютъ въ суммѣ человѣческихъ отношеній ту ничтожную долю ихъ, которая доступна этому масштабу, и наивно воображаютъ, что ихъ рецепты суть какія-то панацеи. Мы до такой степени не привыкли къ цѣлостному, энциклопедическому мышленію, что можемъ разсматривать предметъ только съ какой нибудь спеціальной точки зрѣнія, между тѣмъ, какъ объектъ нашего мышленія имѣетъ множество свойствъ, на него дѣйствуетъ множество силъ, равнодѣйствующая которыхъ для насъ какъ бы не существуетъ. Спеціалисты увѣрены, что перестроиваютъ все зданіе, тогда какъ вся ихъ работа сводится къ сваливанью въ кучу самыхъ разнокалиберныхъ и разноцвѣтныхъ кирпичиковъ, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ ничего нельзя построить. О матеріялѣ, изъ котораго складывается *цѣлое* зданіе, спеціалисты имѣютъ очень смутное понятіе. Но это-то и даетъ имъ самоувѣренность и смѣлость. Человѣкъ бываетъ именно тѣмъ самоувѣреннѣе, чѣмъ уже его кругозоръ. Въ этомъ, отмѣренномъ имъ самому себѣ уголкѣ знанія онъ полный владыка и, не видя ничего внѣ этого уголка и даже не заглядывая туда, онъ естественно привыкаетъ безаппеляціонно рѣшать всѣ вопросы съ своей спеціальной точки зрѣнія. И это совершенно понятно. Алхимики видѣли, что бѣдность со всѣми ея послѣдствіями, болѣзнями нравственными, умственными и физическими уничтожается при помощи денегъ; заключеніе это они вывели изъ непосредственнаго и историческаго опыта. И такъ, ключъ къ загадкѣ былъ въ ихъ рукахъ: стоило только изобрѣсти средство для искуственнаго приготовленія золота, и бѣдность, а за нею невѣжество, преступленія и болѣзни исчезнутъ съ лица земли. Какъ же имъ было не сдѣлаться самоувѣренными въ виду этого утѣшительнаго вывода? какъ имъ было не отдаться своему дѣлу душой и тѣломъ, безповоротно? Могли ли они, найдя, какъ они думали, ту точку опоры въ пространствѣ, которой требовалъ Архимедъ, могли ли они приняться за исканіе другой точки? «Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ», и честные алхимики были счастливы, умирая съ вѣрою, что загадка рѣшена, что еще одинъ опытъ, и больной міръ выздоровѣетъ, и настанетъ на землѣ *золотой* вѣкъ, и настанетъ именно указаннымъ ими путемъ.

Прошли вѣка, и наука доказала, что алхимики заблуждались. Идея алхимиковъ блеснула слабымъ отблескомъ въ ученіи меркантилистовъ и пала окончательно подъ ударами либеральныхъ экономистовъ. Но что же поставила экономическая наука на мѣсто этой идеи? Вотъ что говоритъ патентованное свѣтило науки, Милль: «Политическая экономія разсматриваетъ человѣчество, *какъ будто оно занято только пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства*, и цѣль ея—показать, каковъ будетъ образъ дѣйствій, къ которому пришли бы люди, живя въ обществѣ, *еслибы этотъ мотивъ*, за исключеніемъ той степени, въ которой онъ задерживается двумя вышеупомянутыми противоположными мотивами (желаніе насладиться дорогими удовольствіями въ настоящемъ и отвращеніе къ труду), *былъ абсолютнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій*. Она показываетъ, что люди, подъ вліяніемъ этого желанія, накопляютъ богатства и употребляютъ его для произведенія другихъ бо-

гатствъ; что они освящаютъ, по взаимному согласію, учрежденіе собственности; что они установляютъ законы, препятствующіе однимъ недѣлимымъ силою или хитростью захватывать собственность другихъ; что они принимаютъ различныя средства, способствующія возрастанію производительности ихъ труда; что они, по соглашенію, устраиваютъ распредѣленіе продуктовъ подъ вліяніемъ конкурренціи; что они употребляютъ извѣстныя средства для облегченія распредѣленія. *Всѣ эти дѣйствія, хотя въ дѣйствительности нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ результатъ многихъ мотивовъ, политическая экономія разсматриваетъ, какъ проистекающія изъ одного желанія богатства.* Затѣмъ, наука изслѣдуетъ законы, управляющіе этими дѣйствіями, при томъ предположеніи, что человѣкъ есть существо, которое, по необходимости своей природы, предпочитаетъ бо́льшую массу богатства меньшей, во всѣхъ случаяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ указанными выше двумя противоположными мотивами *Не то, чтобы какой нибудь политико-экономъ былъ настолько нелѣпъ, что считалъ бы людей имѣющими такую натуру, нѣтъ, но таковъ именно путь, которымъ необходимо должна идти наука*» (*).

При этомъ Милль совершенно забываетъ то, что онъ говорилъ за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ о геометрическомъ методѣ въ соціальной наукѣ. Тамъ онъ говорилъ какъ чистый логикъ, какъ человѣкъ здраваго смысла, а не какъ спеціалистъ политико-экономъ. Приведу опять его собственныя слова: «Въ геометрической теоріи общества, повидимому, предполагается, что каждое изъ соціальныхъ явленій происходитъ всегда отъ одной только силы, отъ единичнаго свойства человѣческой природы... Истинный характеръ соціальныхъ явленій не таковъ. Между этими, самыми ложными и (по этой причинѣ) наиболѣе измѣнчивыми явленіями нѣтъ ни одного, на которое не оказывали бы вліянія безчисленныя силы и которое не зависѣло бы отъ соединенія нѣсколькихъ причинъ». (**) Это противорѣчіе между словами Милля—логика и Милля—политико-эконома многознаменательно. Онъ разстается съ здравымъ смысломъ, какъ только вступаетъ въ узкую рамку спеціальности. И такое сожженіе кораблей здраваго смысла ожидаетъ всякаго спеціалиста на границѣ его спеціальности, потому что онъ, избравъ одно какое-нибудь средство для достиженія цѣли, необходимо смѣшиваетъ это средство съ цѣлью. У политико-экономовъ, также какъ и у честныхъ алхимиковъ, благо человѣчества, если не на умѣ, то на языкѣ. Но, принявъ за средство къ достиженію этой цѣли исключительно богатство, они уже забываютъ о благѣ человѣчества, и цѣлью ихъ стремленій становится богатство. Оно такъ выростаетъ въ ихъ глазахъ, становится на такой высокій пьедесталъ, что первичная цѣль изъ-за него едва виднѣется. Не такъ разсуждаютъ люди, недопущенные въ храмъ науки, люди, которымъ тѣсно въ этомъ храмѣ. (Впрочемъ, метафорическое выраженіе «храмъ науки» по моему мнѣнію совершенно неудачно; «храма науки» нѣтъ, а есть только «храмини наукъ», потому что

(*) Дж. С. Милль. Система логики. Т. II, стр. 479.
(**) Ibid. ст. 463.

нѣтъ солидарности между науками, а потому понятно, что есть умы, которымъ тѣсно въ этихъ жалкихъ храмикахъ). Вотъ что говоритъ Прудонъ, котораго цеховые ученые такъ любятъ называть софистомъ, подтверждая своимъ примѣромъ слова Беранже:

Si des rangs sortent quelques hommes,
Tous nous crions: «A bas les fous!»

Вотъ что говоритъ этотъ софистъ: «экономическая наука основана не на двучленномъ синтетическомъ понятіи, которое даетъ положительное рѣшеніе и вводитъ справедливость въ задачу выгодъ; она основана на элементарныхъ, одностороннихъ понятіяхъ, которыя сами не могутъ опредѣлиться и придти въ равновѣсіе, и вслѣдствіе этого обращаютъ науку въ вѣчное противорѣчіе..... Возможна-ли добродѣтель, возможна-ли честность въ обществѣ, которое признаетъ основными слѣдующія положенія: что экономическая наука не имѣетъ ничего общаго съ справедливостью; что она отъ нея не зависитъ; что идея экономическаго права, есть утопія; что экономическій порядокъ существуетъ самъ по себѣ и не основанъ ни на какихъ юридическихъ данныхъ; что люди могутъ обѣщать другъ другу все, что угодно, но въ экономическихъ отношеніяхъ ничѣмъ другъ другу не обязаны; что, слѣдовательно, каждый имѣетъ право преслѣдовать исключительно свою личную выгоду, и потому другъ можетъ законно, разумно, научно раззорить друга, сынъ покинуть отца и мать, работникъ продать хозяина и проч.?» (*)

Такъ говоритъ софистъ. Это, конечно, утѣшительно. Но вдуматься въ его слова все-таки не мѣшаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за странное чудовище— объектъ экономической науки? Это не человѣкъ, потому что человѣкъ есть существо гораздо сложнѣйшее, въ чемъ сознается и Милль. Это и не низшее животное, потому что тѣ не имѣютъ понятія о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ. Что же это такое? Это животное небывалое, невозможное, это нѣкоторая доля человѣка, вырѣзанная изъ всего его существа и поставленная особнякомъ. Старанія экономистовъ влить жизнь въ эту долю человѣка, необходимо должны остаться безплодными, потому что часть жить не можетъ, живетъ только цѣлое. Это не человѣкъ, созданіе природы, а созданіе экономистовъ, и на немъ вполнѣ отражается личность творца—односторонней науки.

Есть у насъ въ Россіи Общества покровительства животнымъ. Не знаю, какъ ведутъ себя эти общества на Западѣ, у котораго мы ихъ позаимствовали, но у насъ они представляютъ собой замѣчательный примѣръ недодуманности. Цѣль ихъ есть поднятіе уровня нравственности и образованности въ народѣ. Иной цѣли я непонимаю, потому что покровительство животнымъ, собственно ради нихъ, непредосудительно и законно только въ такомъ же обществѣ, въ какомъ непредосудительно и законно существованіе науки для

(*) П. Ж. Прудонъ Французская демократія. (De la capacité politique des classes ouvrières). Ст. 215, 217.

науки и искуства для искуства; т. е. въ обществѣ абсолютно счастливомъ, въ которомъ нѣтъ ни преступленій, ни невѣжества, ни нищеты, ни одного изъ соціальныхъ золъ. Такой Утопіи мы незнаемъ въ дѣйствительности, а вслушиваться въ вой собаки съ перешибленной ногой и затыкать въ тоже время уши, когда услышишь жалобный голосъ нищаго, нахальныя рѣчи публичной женщины или нелѣпыя разсужденія невѣжественнаго мужика,—поступать такимъ образомъ, по малой мѣрѣ, неблагоразумно. Неблагоразумно потому, что нельзя ожидать смягченія сердца нищаго дикаря, пока онъ остается нищимъ дикаремъ; нельзя ожидать, чтобы голодный нищій, публичная женщина и невѣжественный мужикъ вообще перестали перешибать собакамъ ноги, пока они сами голодны и невѣжественны; словомъ, нельзя покровительствовать собакамъ и лошадямъ, когда нуждаются въ покровительствѣ люди. Сколько мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ заявленіе одного изъ нашихъ Обществъ покровительства животнымъ, въ которомъ истинная цѣль Общества была упомянута. Таковъ принципъ; а вотъ фактъ. Я какъ-то ѣхалъ на извощикѣ, который немилосердно стегалъ свою кляченку. Извощикъ былъ еще совсѣмъ мальчишка. (Извѣстно, что дѣти и дикари самые жестокіе люди). Я показалъ ему на объявленіе отъ Общества покровительства животнымъ, прибитое на углу дома, и постращалъ его штрафомъ.—Такъ я ее дома еще не такъ,—отвѣчалъ бойкій мальчуганъ. И закаялся я съ тѣхъ поръ стращать штрафомъ извощиковъ, немилосердно стегающихъ своихъ лошадей. Потомъ я имѣлъ случай убѣдиться, что мой мальчуганъ составляетъ не исключеніе, а общее правило. Спрашивается: отчего-же благія намѣренія нашихъ Обществъ покровительства животнымъ достигаютъ результатовъ, діаметрально противоположныхъ ихъ идеалу?... Да оттого-же, отчего богатство экономистовъ ведетъ къ нищетѣ. Покровители животныхъ забыли свою первичную цѣль и приняли за цѣль средство, а это обусловливается тѣмъ, что они спеціализировали свою дѣятельность. Сложность и запутанность соціальныхъ отношеній образуютъ для многихъ такой туманъ, сквозь который они видятъ только ближайшій къ нимъ предметъ, и на него-то и обрушивается ихъ совершенно законная, но близорукая ярость. Замѣчая въ жизни общества или индивидуума какое нибудь патологическое явленіе, они не думаютъ о томъ, чтобы проникнуть до корня болѣзни, а принимаютъ ближайшій къ нимъ симптомъ ея за первичную причину и окружаютъ больнаго подставными условіями собственной фабрикаціи. Одна англійская писательница утверждаетъ, что газовое освѣщеніе въ Лондонѣ имѣло огромное вліяніе на уменьшеніе количества преступленій. Рѣшеніе это имѣетъ, повидимому, всѣ признаки солидности, а между тѣмъ оно нелѣпо. Благоразумно-ли было бы закупоривать кратеры волкановъ для предотвращенія изверженій? Если бы въ крышкѣ чайника не было отверстія для выхода пара, то паръ все-таки нашелъ бы себѣ выходъ, разорвавъ чайникъ. Если бы всѣ лондонскія улицы были освѣщены газомъ, то преступленіе все-таки нашло бы себѣ исходъ, и мы имѣли бы открытый грабежъ вмѣсто воровства. Причина преступленій заключается не въ темнотѣ улицъ — это

только условіе, выгодное для проявленія преступныхъ покушеній, а всякая причина, пока она существуетъ, необходимо произведетъ свое дѣйствіе, несмотря на всѣ препятствія. Причина рухнетъ только тогда, когда мы будемъ подрываться подъ нее дружно и равномѣрно со всѣхъ сторонъ. А это-то и невозможно при теперешнемъ состояніи нашего знанія, когда каждая наука изображаетъ изъ себя того неблагоразумнаго городоваго, который, слыша крикъ: грабятъ! — хладнокровно философствовалъ, что это-де не въ моемъ участкѣ.

Въ своей прекрасной книгѣ о воспитаніи, Комбъ говоритъ, между прочимъ: «Оскорбленіе чувства справедливости (совѣстливости) въ дѣтяхъ исходитъ не только отъ намѣренныхъ нарушеній нравственности, но еще чаще отъ того, что родители не сознаютъ его свойствъ. Этимъ объясняется почему, не смотря на принимаемыя противъ этого мѣры, мы такъ часто встрѣчаемъ обманъ и всякаго рода ложь во всѣхъ промыслахъ и занятіяхъ. Самая дѣйствительная мѣра для водворенія чувства справедливости между людьми заключается въ усовершенствованіи домашняго и общественнаго воспитанія». Конечно, Александръ Македонскій былъ великій герой, но зачѣмъ же стулья ломать. Конечно, воспитаніе есть великая сила, но это все-таки не тотъ рычагъ, которымъ можно повернуть, какъ надѣется Комбъ, общественныя отношенія вверхъ дномъ, или вѣрнѣе, внизъ дномъ. Рычагъ этотъ есть равнодѣйствующая множество силъ, и, чтобы найти его, нужно принять въ соображеніе всѣ его составляющія. Впрочемъ, о воспитаніи надо бы было сказать слишкомъ многое, чтобы основательно затронуть этотъ вопросъ въ настоящей бѣглой замѣткѣ. Замѣчу только одно. Педагоги, больше чѣмъ кто нибудь, имѣютъ право съ увѣренностью смотрѣть въ будущее и ожидать тѣхъ или другихъ результатовъ своей дѣятельности. Но и здѣсь спеціализація приноситъ свои плоды. Афоризмъ незабвеннаго Кузьмы Пруткова: «спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя», этотъ афоризмъ справедливъ и здѣсь.

То презрѣніе къ физической сторонѣ человѣка, которое проглядываетъ въ нашемъ домашнемъ воспитаніи, есть результатъ полнаго и всесторонняго невѣжества. Кормятъ ли нѣжные родители ребенка, какъ на убой, тѣлесной или духовной нищей — они дѣлаютъ это по простотѣ сердечной. Наоборотъ, презрѣніе къ физическому воспитанью въ наукѣ — педагогикѣ и отчасти въ школѣ, есть плодъ односторонней учености, или ученой односторонности. Это высокомѣрное пренебреженіе объясняется тѣмъ тѣснымъ союзомъ, который педагогика заключила съ психологіей, наукой односторонней по самому существу своему. Кафедры психологіи и педагогики занимаются обыкновенно во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ читаются этѣ науки, однимъ и тѣмъ же лицомъ. Всякій педагогъ считаетъ себя великимъ сердцевѣдомъ, а всякій психологъ непремѣнно желаетъ воспитывать юношество. Поэтому, свойства психологіи не могутъ не отражаться на теоріи и практикѣ воспитанія. Свойства же эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что психологія видитъ въ че-

ловѣкѣ два совершенно отдѣльныя существа: одно чистое и высокое, а другое грязное и низкое, и, будучи наукою, крайне чистоплотною и возвышенною, занимается исключительно первымъ. Она совершенно справедливо считаетъ духовную сторону человѣка высшимъ проявленіемъ его природы, но поступаетъ крайне неразумно, во-первыхъ, отдѣляя высшее отъ низшаго, а во-вторыхъ, стремясь изучить высшее, не зная низшаго. Тотъ же самый психологъ, который проповѣдуетъ независимость своей науки отъ физіологіи, очень хорошо понимаетъ невозможность заниматься высшимъ анализомъ, не умѣя извлечь квадратнаго корня, или изучать біологическіе законы, не зная законовъ химическихъ и физическихъ. И физіологія не разъ протягивала и протягиваетъ руку психологіи, но та всегда отворачивается съ неумѣстною и совершенно необъяснимою гордостью. Такое пренебреженіе наукъ къ своимъ собратьямъ есть явленіе очень обыкновенное, и, пока дѣло касается чистой истины, вредъ такой нетерпимости не слишкомъ осязателенъ. Но онъ выступаетъ во всей своей яркости въ наукахъ, обусловливающихъ собою искуство (не изящное, конечно), какова педагогика. Прилѣпившись къ психологіи, педагогика весьма естественно стремится къ развитію только тѣхъ сторонъ человѣческой природы, которыя она, со словъ психологіи, считаетъ высшими. Поэтому, если педагогика и тычетъ всѣмъ въ глаза свою любимую фразу: mens sana in corpore sano, то это и слѣдуетъ принимать только въ смыслѣ фразы.

Кромѣ искуственной связи съ психологіей, есть и еще причина, вліяющая на развитіе педагогики въ этомъ направленіи. Воспитательныя теоріи строятся только для цивилизованныхъ классовъ, въ составъ дѣятельности которыхъ физическій трудъ, вообще говоря, не входитъ, а потому педагогика, имѣя въ виду будущую дѣятельность своихъ питомцевъ, налегаетъ преимущественно на то, что имъ можетъ быть полезно въ практической жизни. Съ своей точки зрѣнія педагогика права, но вѣдь здоровье, надо полагать, не совсѣмъ удобно исключить изъ числа предметовъ, полезныхъ въ жизни. Впрочемъ, вопросъ этотъ не подлежитъ обсужденію въ настоящей замѣткѣ. Во всякомъ случаѣ, представьте себѣ здравомыслящаго педагога, съумѣвшаго если не рѣшить, то устранить споръ между физіологіей и психологіей, между тѣломъ и духомъ. Представить себѣ такого педагога не особенно трудно, хотя въ наличности такого можетъ быть и не найдется. Этотъ здравомыслящій педагогъ установитъ въ своихъ воспитанникахъ гармонію силъ физическихъ и духовныхъ, и тѣ будутъ, безъ сомнѣнія, прекрасные люди. Но вотъ эти воспитанники вступаютъ въ жизнь, и равновѣсіе силъ, установленное въ нихъ здравомыслящимъ педагогомъ, оказывается не только излишнимъ, но съ извѣстной точки зрѣнія даже вреднымъ. Спеціалистъ-педагогъ забылъ, что существуетъ экономическая наука, которая цѣлостныхъ личностей не терпитъ. Забыть о существованіи экономической науки, это была бы еще не большая бѣда, если бы о ней не напоминала ежеминутно дѣйствительность. Кто-то совершенно вѣрно назвалъ политическую экономію

«отвлеченіемъ безнравственной дѣйствительности», и съ этой-то точки зрѣнія она и получаетъ особенное значеніе. При вступленіи въ жизнь цѣлостныя личности, воспитанныя нашимъ фиктивнымъ педагогомъ, сталкиваются съ этою дѣйствительностью, воспѣтою политическою экономіей. Начинается борьба, конецъ которой предвидѣть не трудно. Практическая жизнь или согнетъ, или сломитъ нашихъ смѣльчаковъ, и, такимъ образомъ, наибольшее, что можетъ сдѣлать разумная педагогія, состоитъ въ томъ, что люди, созданные ею, станутъ въ сторонѣ отъ практической жизни, что не всегда удобно и чего, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ въ виду современная педагогія. Утопистъ Р. Оуэнъ, развивая свои педагогическіе планы, убѣждалъ людей «на время пожертвовать своимъ спокойствіемъ, счастіемъ и предразсудками» (*), въ ожиданіи будущихъ благъ. Несостоятельность этого предложенія очевидна. Ясно, слѣдовательно, что педагогика не имѣетъ никакого права забывать о существованіи политической экономіи. Ясно, слѣдовательно, и то, что Комбъ глубоко ошибается, видя въ правильномъ воспитаніи какую-то панацею. Совѣтую читателямъ просмотрѣть статью: «Торговая нравственность» (**) Герберта Спенсера, котораго, между прочимъ, издатель его сочиненій въ русскомъ переводѣ, г. Тибленъ, рѣшительно ни за что, ни про что произвелъ въ величайшіе изъ современныхъ мыслителей. Изъ этой статьи читатель убѣдится, можетъ быть, что есть такія положенія, такія мѣста, которыхъ не скраситъ никакой человѣкъ, но которыя сами выкрасятъ кого угодно. Спенсеръ, правда, приходитъ къ болѣе утѣшительному выводу, но это зависитъ отъ того, что онъ вообще любитъ утѣшительные выводы.

Итакъ, экономисты требуютъ, чтобы человѣкъ богатѣлъ quand même; криминалисты надѣятся, что введеніе той или другой системы наказанія замажетъ общественныя раны; педагоги ожидаютъ спасенія отъ осуществленія того или другаго педагогическаго плана. Сколько головъ, столько умовъ! Сколько наукъ, столько идеаловъ! И каждый изъ этихъ идеаловъ такъ-же нелѣпъ и невозможенъ, какъ и осмѣянный, оплеванный Эльдорадо! И каждый изъ нихъ исключаетъ всѣ остальные! Мы видѣли, что педагогика забываетъ о существованіи политической экономіи. Но экономическая наука помнитъ, что есть педагоги и, прикинувъ на счетахъ, объясняетъ: трудъ педагога непроизводителенъ, а потому общество тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше въ немъ педагоговъ и тѣмъ богаче, чѣмъ ихъ меньше, т. е. чѣмъ большими затрудненіями обставлено дѣло воспитанія. За неимѣніемъ подъ руками какого нибудь сочиненія, въ которомъ высказывалась бы эта мысль специфически относительно педагоговъ, я могу сослаться на слѣдующія слова Милля: «Непроизводительнымъ трудомъ будетъ называться у меня трудъ, неимѣющій своимъ окончательнымъ результатомъ созданіе матеріальнаго богатства; трудъ, который, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ и съ какимъ бы успѣхомъ ни производился, оставляетъ общество и, въ окончательномъ выводѣ весь міръ, не богаче прежняго ма-

(*) Образованіе человѣческаго характера. Ст. 15.
(**) Гербертъ Спенсеръ. Собраніе сочиненій. Т. II.

теріальными продуктами, а, напротивъ, бѣднѣе ими на все то количество, какое было потреблено работниками во время занятія этимъ трудомъ..... Спасеніе жизни друга будетъ производительнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если имъ спасенъ производительный работникъ, производящій больше нежели потребляетъ». (Основанія политической экономіи. Т. I, ст. 62, 63) И такъ если у васъ есть другъ, сидящій безъ работы и потому потребляющій больше нежели производящій, и если этотъ другъ пожелаетъ утопиться, то вы ему помогите.... умереть....

Вотъ что говоритъ наука, и вотъ какъ косятся другъ на друга различныя отрасли соціальной науки....

Я не могъ докончить описанія Эльдорадо, потому что, какъ я объяснялъ, у меня потекли слюнки. Но что со мной сдѣлалось, когда я только подумалъ о томъ, чтобы изобразить идеалы соціальныхъ наукъ! Одинъ идеалъ политической экономіи привелъ уже меня въ совершенный экстазъ. Мнѣ представилась настоящая муравьиная куча. Тутъ были и безполые работники и, другіе муравьи, нѣжные, пользующіеся всѣми благами жизни; и всѣ были добродѣтельны, довольны и просвѣщены, совершенно какъ въ Эльдорадо. И замѣтьте, что описанное мною Эльдорадо есть плодъ вольтеровскаго остроумія, и по отношенію къ алхимикамъ оно представляетъ reductio ad absurdum. А я только повторяю слова экономистовъ, говоря о муравьиной кучѣ.

Соціальныя науки, если не на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, на словахъ стремятся осчастливить человѣчество. Такъ или иначе, прямо или косвенно, но критерій ихъ есть все-таки благо человѣка, и привязаться къ нимъ на этой почвѣ трудно. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Пока предположимъ, что соціальныя науки ошибаются только въ средствахъ и въ концѣ концовъ смѣшиваютъ эти средства съ цѣлью. Поэтому, мы видимъ здѣсь только плачевные результаты спеціализаціи умственнаго труда. Не таковы другіе отрасли умственной дѣятельности. И здѣсь спеціализація и смѣшеніе цѣли со средствами, недодуманность, играютъ свою роль, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь вырѣзывается новая характеристическая черта, обусловливающаяся иными обстоятельствами.

Посмотрите на этого ученаго, цѣликомъ погрузившагося въ свою науку, оторвавшагося отъ жизни, незнающаго ея интересовъ и нежелающаго ихъ узнать и отражающаго всѣ удары профановъ мистическою формулою «наука для науки». Этотъ многоученый мужъ сильно поработалъ на своемъ вѣку, пользуется репутаціей глубокаго ума, но онъ не додумался до той простой истины, что наука есть средство, а не цѣль. Вотъ художникъ, живущій только для искуства; онъ патентованный талантъ, а все-таки не додумался до истиннаго значенія искуства. Онъ не понялъ, что искуство не цѣль, а только средство, и его палладіумъ «искуство для искуства» грозитъ разрушеніемъ подъ напоромъ неумолимыхъ требованій жизни.

Итакъ, узенькія рамки, недодуманность, существуютъ и здѣсь, но, какъ я

сказалъ уже, здѣсь выступаетъ новая характеристическая черта, на которой стоитъ остановиться.

Сто шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ появилось небольшое сочиненіе, которое и по сіе время остается для большинства, такъ называемыхъ, образованныхъ людей какимъ-то сфинксомъ. Я говорю о знаменитомъ разсужденіи Руссо о вредѣ наукъ. Обстоятельства, сопровождавшія появленіе этой рѣчи и вызвавшія ее, придавали ей еще болѣе странности въ глазахъ современниковъ. Дижонская академія наукъ предложила на премію задачу: «Способствовало-ли очищенію нравовъ возстановленіе наукъ и искуствъ?» При этомъ добрая академія имѣла въ виду только оцѣнку степени пользы занятій классическою древностью—вопросъ, такъ интересовавшій недавно и россійскихъ публицистовъ. Она, эта добрая покойная академія, не шла дальше пункта, волнующаго сердца рьяныхъ писателей «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей», и ожидала мирнаго ученаго трактата, снабженнаго въ достодолжномъ количествѣ цитатами и ссылками, словомъ приправленнаго всѣми пряностями цеховой эрудиціи. Но цеховая эрудиція потерпѣла страшный афронтъ. Академическая награда досталась сочиненію, не только неимѣвшему ученой наружности, но проклинавшему всю ученость огуломъ, обличавшему ее въ безсиліи, лицемѣріи и развратѣ. Почему академія рѣшилась на такой шагъ—увлеклась-ли она блестящимъ краснорѣчіемъ автора, убѣдилась-ли она въ истинности его положеній и отрицаній, просто-ли была оглушена громовою, хоть и непонятною для нея рѣчью—я рѣшить не берусь. Но фактъ присужденія награды разсужденію Руссо тѣмъ болѣе долженъ былъ поразить всю читающую Европу, что Руссо оставилъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о вліяніи возрожденія наукъ и искуствъ древности, который собственно задала академія. Онъ отвѣчалъ самому себѣ на вопросъ: какое вліяніе на нравственность имѣло развитіе наукъ и искуствъ вообще? Какъ извѣстно, онъ рѣшилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ, что прогрессъ знанія обусловливаетъ упадокъ добродѣтели. Понятно, что такое рѣшеніе взволновало присяжныхъ мудрецовъ и имѣющихъ претензіи на мудрость. Они провозгласили, что это парадоксъ, похвала невѣжеству, обскурантизмъ, а немудрецы, разумѣется, повѣрили имъ, хоть ихъ, вѣроятно, и сбивала съ толку академическая награда. Правду-ли провозгласили мудрецы, и хорошо-ли сдѣлали немудрецы, что повѣрили имъ? Обыкновенно говорятъ, что судить о какомъ нибудь явленіи гораздо легче, когда дѣйствіе его ослабѣваетъ, когда оно отходитъ въ область прошедшаго; тогда, говорятъ, наступаетъ пора исторической оцѣнки. Что это не всегда бываетъ такъ, видно изъ судьбы разсужденія Руссо. Оно поставило современникомъ въ тупикъ; очнувшись отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія, они стали вдумываться въ это явленіе, не увидали въ немъ ничего, кромѣ анафемы наукѣ и вознегодовали. Прошло полтора вѣка, и разсужденіе Руссо все-таки остается загадкой, надъ которой люди понапрасну ломаютъ свои разнокалиберныя головы. Мало того, для насъ немыслима даже та откровенность и смѣлость, съ которою относились

къ Руссо ближайшія къ нему поколѣнія. Для нихъ онъ еще не успѣлъ стать ни авторитетомъ, ни чудовищемъ; у нихъ еще не сложилось совершенно законченное понятіе о всей послѣдующей дѣятельности Руссо и его вліяніи на цѣлый историческій періодъ и потому они относились къ нему свободно, по крайнему своему разумѣнію. Мы-же, кромѣ своего неразумія связаны еще по рукамъ и по ногамъ авторитетами и традиціями. Какъ отнесется къ Руссо всероссійскій либералъ 96-й пробы, додумавшійся до либеральнѣйшей мысли, что не нужно быть честнымъ человѣкомъ, чтобы быть честнымъ писателемъ? Руссо либералъ и онъ либералъ, ну и поневолѣ приходится стать въ тупикъ. Я, впрочемъ не намѣренъ проводить параллели между Руссо и полупочтенными всероссійскими либералами, потому что всякій вправѣ назвать такую параллель профанаціей. Притомъ-же у меня есть параллели и контрасты поинтереснѣе. Я хотѣлъ только показать, что такимъ людямъ, какъ Руссо или Прудонъ, суждено вѣчно оставаться явленіями загадочными и непонятными даже для многихъ честныхъ и умныхъ людей, неговоря уже о пигмеяхъ мыслящаго міра. Пигмеи эти еще осмѣливаются время отъ времени лягать, напримѣръ, Прудона, потому что могила его еще свѣжа, и вліяніе его мысли еще недостаточно ясно отразилось на исторіи, а отличительное свойство пигмеевъ въ томъ именно и состоитъ, что успѣхъ для нихъ все, а мысль—ничто. Совсѣмъ другое дѣло Руссо, его считаютъ своимъ братомъ... Свой братъ! Да понимаете-ли вы, что онъ свой братъ только всему человѣчеству, среди котораго онъ все таки стоитъ совершенно особнякомъ. У него нѣтъ братьевъ между вами, обскурантами и либералами, либеральными консерваторами и консервативными либералами. Не по плечу ему масштабы этихъ казенныхъ фракцій, а потому и не понять вамъ его (Впрочемъ, все это я говорю на тотъ случай, еслибы нашимъ публицистамъ вздумалось обратить свои словоизверженія на Руссо, случай, который есть просто фикція, потому что эти велемудрые публицисты такими пустяками не занимаются). Умный и добросовѣстный Шлоссеръ тоже не могъ переварить умственную изолированность Руссо и, говоря объ немъ, удивляется, что тотъ становится въ своихъ двухъ первыхъ сочиненіяхъ «тѣснымъ союзникомъ обскурантовъ и піэтистовъ, жестоко нападая на науку и цивилизацію». Между тѣмъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что совпаденіе отрицательныхъ сторонъ разныхъ доктринъ есть дѣло очень естественное.

«Знаніе—сила», это будутъ скоро кричать на всѣхъ перекресткахъ. Да, въ принципѣ знаніе дѣйствительно сила, но Руссо былъ тѣмъ не менѣе правъ, говоря, что фактически дѣло идетъ совершенно на выворотъ. Многихъ гадостей избѣжало бы человѣчество, еслибы ученыхъ, литературныхъ и общественныхъ дѣлъ мастера не торопились возводить факты въ принципы; еслибы они зарубили себѣ на носу, что, благодаря историческому ходу цивилизаціи, фактъ самъ по себѣ, а принципъ самъ по себѣ. Великая и единственная цѣль науки и цивилизаціи состоитъ въ улучшеніи положенія человѣка. Взгляните же вокругъ себя, взгляните назадъ, загляните впередъ, если мо-

жете, и скажите: что сдѣлала наука на этомъ пути? Если вы не окончательно закружились въ шабашѣ либерализма и учености, который празднуется вокругъ васъ, вы должны будете отвѣтить: слишкомъ мало.

Было время, что людей жгли за отрицаніе геометрической теоріи о неподвижности земли. Это время проходитъ и изчезаютъ уже послѣдніе остатки его; наукѣ удалось вырваться на этомъ пунктѣ отъ постороннихъ, стѣсняющихъ ее вліяній. Но за то для нея наступалъ или долженъ бы былъ наступать новый періодъ борьбы, въ которой она не только не осталась до сихъ поръ побѣдительницей, а просто играетъ позорную роль прихвостня и подстеги своего естественнаго противника. Она, воплощеніе истины, не только не борется съ ложью во всѣхъ ея видахъ неправды, несправедливости, уродства, разврата, безполезности, а даетъ еще ей поддержку своего авторитета. Представители науки, сами принадлежа къ числу тѣхъ, кому ложь доставляетъ выгоды, спокойно доятъ свою корову. Махнувъ рукой на все живое, они, какъ черепахи, уходятъ въ свою скорлупу — науку для науки, и какъ отъ стѣны горохъ, отскакиваютъ отъ этой скорлупы тревоги жизни.

Принципъ науки для науки, совершенно также какъ и принципъ искуства для искуства, есть продуктъ разобщенности общественныхъ интересовъ, нарушенія солидарности всѣхъ частей цѣлаго. Наука для науки есть роскошь; и, какъ всякая роскошь, она непредосудительна только тогда, когда всѣ насущныя потребности уже удовлетворены, иначе это будетъ бланманже вмѣсто куска мяса. Еслибы ученое сословіе сознавало себя дѣйствительнымъ членомъ общества, еслибы оно не изображало изъ себя status in statu; еслибы между нимъ и остальнымъ обществомъ была полная солидарность, возможная только при совпаденіи интересовъ, оно само отказалось бы отъ бланманже и подумало бы о доставленіи простымъ смертнымъ, которые ничего не смыслятъ въ этомъ нѣжномъ кушаньи, чего нибудь болѣе питательнаго. Всякій ученый, живущій на счетъ общества и неотплачивающій этому обществу ничѣмъ, есть тунеядецъ. Раскроетъ общество глаза, и тотъ незаслуженный почетъ, которымъ оно окружаетъ науку для науки, смѣнится заслуженнымъ презрѣніемъ.

Часто можно встрѣтить такую классификацію человѣческихъ стремленій: человѣкъ, говорятъ, стремится къ познанію, пріобрѣтенію и наслажденію. Если эти три элемента разсматривать, какъ три послѣдовательные момента одного и того же стремленія, если видѣть въ совокупности ихъ не классификацію, а только градацію, то построеніе окажется вѣрнымъ: предметъ познается, затѣмъ пріобрѣтается и, наконецъ, доставляетъ наслажденіе. Но, какъ отдѣльныя, самостоятельныя цѣли, познаніе и пріобрѣтеніе не имѣютъ никакого содержанія; это не цѣли, а средства. Ихъ принимаютъ иногда за цѣли только по близорукости, и то ради той доли счастія, которая входитъ въ нихъ, какъ составная часть. Эта доля ничтожна, и если люди иногда довольствуются ею, то только потому, что не знаютъ высшаго, болѣе полнаго блага. Въ такихъ случаяхъ эгоизмъ человѣка, эта присущая ему сила, принимаетъ совершенно извращенное направленіе и превращаетъ

людей въ нравственныхъ уродовъ. Типъ Плюшкина, Гарпагона, человѣка, остановившагося на полъ-дорогѣ и ищущаго наслажденія въ голомъ пріобрѣтеніи, заклейменъ общимъ презрѣніемъ. Но — странное дѣло — совершенно аналогичный типъ искателя истины для истины пользуется почетомъ и мѣстомъ въ переднемъ углу общества; общество кланяется ему въ поясъ, поитъ и кормитъ его, и онъ принимаетъ это какъ должное, тогда какъ самъ считаетъ, по принципу, унизительнымъ для себя и пальцемъ пошевельнуть на пользу этого общества. Разница между нимъ и Плюшкинымъ состоитъ собственно въ томъ, что, на ряду съ чистымъ познаваніемъ, онъ не отказывается и отъ пріобрѣтенія, и отъ наслажденія; Плюшкинъ же весь, беззавѣтно, предался одному пріобрѣтенію. Такимъ образомъ, Плюшкинъ является совершенно *безкорыстнымъ пріобрѣтателемъ*, когда какъ нашего поборника науки для науки отнюдь нельзя назвать *безкорыстнымъ ученымъ* — за этимъ громкимъ титуломъ кроются очень мелкія поползновеньица. Сходство же между обоими этими типами увеличивается еще тѣмъ, что оба они владѣютъ часто громаднымъ капиталомъ, который остается мертвымъ, потому что они не дѣлаютъ изъ него никакого употребленія. Да и какой расчетъ имъ, замкнувшимся въ самихъ себѣ, пускать въ ходъ этотъ капиталъ, когда именно въ мертвенности его они и полагаютъ всю свою душу. Плюшкинъ пересталъ бы быть Плюшкинымъ, еслибы сталъ добиваться отъ жизни чего нибудь, кромѣ пріобрѣтенія. Болѣе сложное отношеніе къ жизни поборника науки для науки вызываетъ и болѣе сложныя проявленія его тупаго, односторонняго эгоизма. Чичиковъ увѣрялъ, что онъ разъѣзжаетъ собственно «для познанія разнаго рода мѣстъ». Но, какъ извѣстно, онъ ѣздилъ просто скупать мертвыя души. Такъ-то и безкорыстные ученые, прикрываясь на первый взглядъ благовидною цѣлью—науки для науки, просто хотятъ съ возможно меньшимъ трудомъ пользоваться благами жизни, той самой жизни, на которую они, на словахъ, смотрятъ съ такимъ презрѣніемъ. Въ своей книгѣ «Höhlen des Karstes», Шмидль называетъ какого-то энтомолога «der glückliche Entdecker» за то, что онъ нашелъ новое жесткокрылое. Георгъ Маршъ, изъ книги котораго («Человѣкъ и природа») я заимствую этотъ поучительный анекдотъ, замѣчаетъ по этому поводу: «Какъ различны бываютъ источники счастія! Ученый нѣмецкій профессоръ дѣлается знаменитъ въ лѣтописяхъ науки, безсмертенъ, счастливъ потому, что нашелъ какого-то жука». Представьте же себѣ теперь цѣлое сонмище почтенныхъ ученыхъ, *безкорыстно* преданныхъ исканію новыхъ жуковъ, собственно въ видахъ истины для истины, чтобы знать, что вотъ, молъ, есть такіе и такіе-то жуки. Каждый изъ нихъ открылъ на своемъ вѣку не одинъ новый видъ, всѣ они извѣстны и, благодаря этой извѣстности, сыты, счастливы и потому ликуютъ. Вдругъ среди всего этого ликованія, какъ бомба разражается теорія Дарвина. Я прошу васъ вообразить тѣ измѣненія, которыя въ эту траги-комическую минуту должны претерпѣть физіономіи многоученыхъ энтомологовъ. Извѣстность ихъ меркнетъ, потому что на рынкѣ учености ихъ труды падаютъ въ цѣнѣ, а это отражается и на степени ихъ мате-

ріальнаго благосостоянія И вотъ счастье человѣка нарушено. Стоило-ли же послѣ этого работать для такого мелкаго, эфемернаго счастья, когда кругомъ сами собой напрашиваются на разрѣшеніе тысячи вопросовъ, за откликъ которымъ человѣчество было бы вѣчно благодарно. Но у цеховаго ученаго нѣтъ ничего общаго съ интерессами человѣчества; онъ оторвался отъ нихъ, и его собственныя выгоды идутъ совершенно въ разрѣзъ съ этими интерессами, онъ—паразитъ. Этотъ паразитизмъ окончательно втянулъ его въ себя, какъ втягиваетъ человѣка вонючее болото, и для него остается только одинъ выходъ: отречься отъ истины, не смотря на всю ея очевидность, какъ Петръ отрекся отъ Христа. Такъ велитъ логика положенія цеховаго ученаго. Кто посмѣетъ сказать, что такое знаніе — сила?

Есть мнѣніе, что древніе египетскіе и индійскіе жрецы обладали значительными, хоть и безсвязными свѣдѣніями въ естествознаніи. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, но какъ расходовались эти свѣдѣнія? Жрецы имѣли въ виду вовсе не благоденствіе своего народа, а напротивъ, порабощеніе его, и въ этомъ именно направленіи и пускали въ ходъ свои свѣдѣнія. Они достигали своей цѣли разными фокусничествами, одурманивая народъ и дѣлая его послушнымъ рабомъ своихъ велѣній, якобы согласовавшихся съ велѣніями божества. Въ рукахъ жрецовъ знаніе было дѣйствительно силой. Но кто посмѣетъ сослаться на эту силу? Наука можетъ играть роль и темной, и свѣтлой силы. Это своего рода Ормуздъ и Ариманъ.

Въ головахъ нашихъ учащихъ «отцевъ» сидитъ, вѣроятно, бездна фактическихъ знаній, которыя они и перекладываютъ въ головы учащихся «дѣтей». Развѣ это знаніе—сила? Это все равно, какъ еслибы курица только несла яйца и никогда ихъ не высиживала. Мы довольствуемся яйцомъ и не хотимъ добиться цыпленка.

Наука забыла о своей обязанности служить человѣчеству. У насъ есть физики, геометры, историки, говоритъ Руссо, но нѣтъ гражданъ. И тотъ же Руссо говоритъ: «Наука очень хорошая вещь сама по себѣ, и чтобы сказать противное, пришлось бы отказаться отъ здраваго смысла». Въ чемъ же дѣло?

Здѣсь передъ нами выступаетъ во всей своей силѣ вѣчная борьба принципа съ фактомъ. Справиться съ существующимъ фактомъ составляетъ для очень многихъ непреодолимое затрудненіе. Ложная идея закрѣпляетъ фактъ, въ свою очередь сама закрѣпляется имъ; эта чета производитъ цѣлое безчисленное потомство такихъ же идей и фактовъ. Человѣку, попавшему въ этотъ круговоротъ, можетъ казаться, что онъ открываетъ все новыя стороны вопроса, между тѣмъ какъ онъ натыкается все на то же плодовитое семейство первичной идеи, закрѣпленной существующимъ фактомъ Это я называю *дѣлать стойку* надъ вопросомъ. Съ точки зрѣнія зависимости между фактомъ и принципомъ, современная наука распадается на двѣ рѣзко разграниченныя половины. Естествознаніе принадлежитъ къ первому отдѣлу, а такъ называемыя соціальныя науки ко второму. Естествознаніе стремится исчерпать всю природу; вслѣдъ за этимъ послѣднимъ моментомъ, за этою пѣснью лебедя

наука должна бы была остановиться: она сдѣлала свое дѣло. Моментъ этотъ, правда, никогда не наступитъ, природа безконечно глубока, но пока не въ томъ дѣло. Современное естествознаніе, по самому смыслу своему, все таки должно идти впередъ и впередъ къ своему концу. Законы природы вѣчны и неизмѣнны, потому-то и наукѣ ничего не осталось бы дѣлать, еслибы она ихъ изучила. Здѣсь нѣтъ розни между фактомъ и принциномъ; все существуетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно неизбѣжно должно существовать. Совсѣмъ иное дѣло судьба соціальныхъ наукъ, объекты которыхъ способны измѣняться во времени и пространствѣ, и въ которыхъ факты болѣе или менѣе могутъ уклоняться отъ принцина. Поверхностному взгляду можетъ показаться, что указанное стремленіе къ самоуничтоженію въ естествознаніи существуетъ и въ экономической наукѣ и въ наукѣ права, въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ задача уголовнаго права, напримѣръ, состоитъ не въ томъ, чтобы истребить преступленіе и, такимъ образомъ, сдѣлать ненужнымъ свое собственное существованіе? Развѣ политическая экономія не стремится прочнымъ образомъ устроить правильныя экономическія отношенія и, затѣмъ, отойти въ сторону? Такъ, да не такъ. Криминалисты, замѣчая фактъ существованія преступленія, умозаключаютъ, что оно и должно существовать; они утверждаютъ, что преступленіе присуще человѣческой природѣ (т. е. не всѣ криминалисты утверждаютъ это, но они поступаютъ при этомъ совершенно непослѣдовательно, потому что это логическій выводъ изо всякой теоріи наказанія). Ясно, что они не могутъ видѣть задачи своей науки въ уничтоженіи преступленія, потому что съ ихъ точки зрѣнія это равнялось бы уничтоженію человѣческой природы. Существенную часть уголовнаго права составляетъ теорія наказанія; и если преступленіе есть зло неизбѣжное, то неизбѣжно и наказаніе, а, слѣдовательно, неизбѣжно и уголовное право. То же самое относится и къ политической экономіи, международному праву, гражданскому и проч., которыя точно также возводятъ въ принцинъ случайный порядокъ.

Въ обществѣ А существуетъ въ данную минуту извѣстный экономическій и правовой порядокъ (а можетъ быть и экономическій и правовой безпорядокъ). Порядокъ этотъ не явился, разумѣется, совершенно готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Онъ прошелъ черезъ рядъ метаморфозъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою отличительную физіономію, и въ будущемъ ему предстоитъ пройти еще много новыхъ ступеней. Такимъ образомъ мы имѣемъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отошли въ область прошедшаго (назовемъ ихъ a, b, c и т. д.) *одинъ* существуетъ (A), а остальные неизвѣстны (a', b', c' и т. д.). Наука права и экономическая наука, не задумываясь, санкціонируютъ существующій порядокъ А на томъ именно основаніи, что онъ одинъ существуетъ. Порядокъ А силою историческаго хода вещей исчезаетъ и на мѣсто его становится порядокъ a', отличный отъ предъидущаго. Соціальныя науки не смущаются этимъ обстоятельствомъ и возводятъ въ перлъ созданія новый порядокъ, не задавая себѣ непріятнаго вопроса—дѣй-

ствительно-ли это порядокъ или безпорядокъ. Идеала у соціальныхъ наукъ нѣтъ, и если я говорилъ, напримѣръ, объ идеалѣ экономической науки, такъ вѣдь это собственно не идеалъ, а именно только отвлеченіе дѣйствительности. Если экономисты говорятъ, что заработная плата есть такое вознагражденіе, которое позволяетъ рабочимъ существовать и размножаться, но не увеличивая и не уменьшая численной величины своего сословія (Рикардо); если юристы утверждаютъ, что выраженіе *положительное право* есть плеоназмъ, а *естественное право* — противорѣчіе (Данквартъ), то ясно, что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ и, что все существующее разумно; а потому очевидно, что наукѣ остается только поддерживать факты и оставить принципы въ покоѣ. Какъ образецъ необузданнаго идолопоклонства передъ фактомъ, я рекомендую читателю книгу французскаго статистика Дюфо «De la méthode d'observation dans son application aux sciences morales et politiques» (Paris, 1866). Читатель понимаетъ, разумѣется, о какомъ идолопоклонствѣ передъ фактомъ я говорю. Слова Жуффруа; «Tout ce que nous pouvons connaître de la réalité se reduit à des faits que nous observons et à des inductions tirées de ces faits» — слова эти, взятыя Дюфо эпиграфомъ къ своей книгѣ, вовсе не неизбѣжно обусловливаютъ собою санкцію факта, т. е. факта соціальнаго; что касается до фактовъ естественныхъ, то они и не нуждаются ни въ какой санкціи. Представители соціальныхъ наукъ съ особенною гордостью указываютъ на то обстоятельство, что они основываютъ свои теоріи на существующихъ фактахъ и никакихъ утопій не строятъ. Да отъ васъ, господа, утопій никто и не требуетъ. Отъ васъ требуютъ только оцѣнки фактовъ, а это-то для васъ и невозможно, потому что вы смотрите на факты только съ одной, произвольно вами выбранной стороны, и потому цѣлый фактъ остается для васъ непонятнымъ. Еслибы соціальныя науки ограничивались простымъ описаніемъ существующаго, онѣ были бы правы, но имъ этого мало. Понятно, что чѣмъ быстрѣе смѣняются факты, подлежащіе вѣдѣнію той или другой науки, довольствующейся фактами, какъ они есть, тѣмъ несостоятельнѣе сама наука, тѣмъ меньше имѣетъ она права на названіе науки. Таково, напримѣръ, положеніе международнаго права, уморительнѣйшей изъ наукъ, если только его стоитъ называетъ наукой (*). Вслѣдствіе такого хода вещей соціальнымъ наукамъ никакъ не приходится расчитывать на долговѣчное существованіе. Болѣе или менѣе близкое будущее можетъ измѣнить группировку соціальныхъ фактовъ, что необходимо отразится и на

(*) Международное право теперь уже окончательно обратилось въ отдѣлъ исторіи и, такимъ образомъ, само отказалось отъ званія науки. Исторія до сихъ поръ не наука. Масса свѣдѣній только въ такомъ случаѣ можетъ стать наукой, масса фактовъ только въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлаться объектомъ науки, когда открыты законы, по которымъ факты являются, существуютъ и исчезаютъ. Исторія до сихъ поръ еще почти ничего не сдѣлала въ этомъ направленіи (физіологическая школа—первая удачная попытка). По этой же причинѣ нельзя назвать науками и тѣ отрасли соціальной науки, которыя не признаютъ законосообразности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Группа явленій случайныхъ, независящихъ ни отъ какихъ законовъ—не можетъ быть предметомъ науки.

соціальныхъ наукахъ. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, они-то именно, въ противоположность наукамъ естественнымъ, и не обнаруживаютъ стремленія къ самоуничтоженію. Такимъ образомъ, въ зданіи соціальныхъ наукъ заключается коренное противорѣчіе: стремленіе къ устойчивости въ нихъ обратно пропорціонально самой устойчивости.

Обратное этому внутреннее противорѣчіе заключается и въ современномъ естествознаніи. Стремясь исчерпать природу, естествознаніе стремится къ своему концу, но, вслѣдствіе неисчерпаемости природы, это стремленіе никогда не удовлетворится, этотъ конецъ никогда не наступитъ. Этими двумя противорѣчіями и объясняется вся несостоятельность современной науки. Принимая за цѣль науки благо человѣка и сводя, такимъ образомъ, науку съ пьедестала цѣли на степень простаго средства, мы придемъ къ тому результату, что нечего искать истины для истины въ естествознаніи, потому что абсолютная истина недостижима; здѣсь истина должна подчиниться пользѣ. Говорить о томъ, что ученый, принимаясь за какую нибудь работу, не можетъ знать, принесетъ-ли пользу его изслѣдованіе; говорить, что Гальвани, наблюдая содраганіе лягушечьихъ лапокъ отъ прикосновенія къ нимъ металлической проволоки, не зналъ, что его открытіе разрѣшится телеграфами; что Галилей, наблюдая колебанія лампы, точно также не могъ предвидѣть результатовъ этого наблюденія—говорить такимъ образомъ, значитъ не понимать въ чемъ дѣло. Во первыхъ, еслибы наука помнила свое назначеніе, то полезныя открытія были-бы не исключеніемъ, и случайностью, а общимъ правиломъ; во вторыхъ есть вещи поважнѣе телеграфовъ, есть выводы, которыми естествознаніе можетъ немедленно снабдить соціальную науку, но которыхъ оно тѣмъ не менѣе не дѣлаетъ. Телеграфы безъ всякаго сомнѣнія вещь хорошая и полезная, но вѣдь ими, вообще говоря, пользуется только меньшинство, то самое меньшинство, которое и безъ того имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно комфорта. Кстати о комфортѣ. Недавно въ англійскихъ газетахъ происходила чрезвычайно любопытная полемика по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли продавать книги неразрѣзанными, какъ это обыкновенно дѣлается, или издатели и типографщики должны позаботиться о комфортѣ читающаго люда и заранѣе обрѣзывать книги. Я не читаю англійскихъ газетъ и потому не могу сообщить читателю подробности этой поучительной полемики, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣю никакой причины не вѣрить самому факту, тѣмъ болѣе, что и невѣроятнаго въ немъ нѣтъ ничего. Споръ былъ окончательно рѣшенъ Дарвиномъ, который, въ длинной статьѣ, побѣдоносно доказалъ, что книги слѣдуетъ обрѣзывать, но только съ боку. Вотъ какъ ревниво охраняютъ свой комфортъ первоклассные ученые!

Экономисты, для которыхъ богатство есть все (хотя они и сами хорошенько не знаютъ, что это за богатство такое), безъ всякаго сомнѣнія очень довольны современнымъ состояніемъ естествознанія, потому что оно, во-первыхъ, оставляетъ ихъ въ покоѣ, а во-вторыхъ, дѣйствительно очень много сдѣлало для промышленности. Но, принимая въ соображеніе все выше ска-

занное, можно бы было уже a priori рѣшить, что этѣ услуги практической жизни и ея панегиристамъ, вообще-то говоря очень подозрительнаго свойства. И дѣйствительно, способствуя возвышенію уровня промышленности съ чисто технической стороны и не касаясь въ то же время экономическихъ основаній ея, естествознаніе только еще крѣпче ставитъ на ноги существующія экономическія условія, хотя оно могло бы и должно бы было работать въ діаметрально противоположномъ направленіи. Если естествознаніе открываетъ, напримѣръ, какой нибудь новый фабрикатъ, то оно считаетъ, что уже и сдѣлало свое дѣло, а что же оно сдѣлало? Оно открыло только новое поприще для вѣчной глухой борьбы труда съ капиталомъ. Но вѣдь оно открыло и новое приложеніе для труда, скажутъ, можетъ быть. Гм! Открыло-то, открыло, да только вѣдь и Дарвинъ могъ бы сказать въ своей громоносной статьѣ о разрѣзанныхъ и неразрѣзанныхъ книгахъ, что онъ, требуя предварительнаго разрѣзыванія книгъ, расширяетъ область труда. Онъ могъ бы объяснить, что вотъ дескать какъ я великодушенъ: я даю новое занятіе рабочимъ и т. д., вообще могъ бы сказать прекрасную рѣчь. Но это было бы лицемѣріе, а зачѣмъ ему лицемѣрить, ему, автору «Ученія о происхожденіи видовъ?» Большому кораблю большое и плаваніе. Ну, онъ и объяснилъ откровенно, что это предварительное разрѣзываніе ему нужно для собственнаго удобства. Дѣло очень простое и естественное.

Слышалъ я въ юности такую сказку: ходилъ журавль по болоту, хотѣлъ клюнуть лягушенка, да и завязилъ клювъ въ трясинѣ. Долго не могъ онъ его выдернуть, но, наконецъ, такъ сильно дернулъ, что клювъ-то вытащилъ, а за то завязилъ хвостъ. Такъ журавль и стоитъ по сіе время въ болотѣ: хвостъ вытащилъ, носъ увязъ; носъ вытащилъ, хвостъ увязъ и т. д. Это эмблема современной науки.

И такъ, истина для истины въ естествознаніи есть просто ученый пуфъ. Она, во-первыхъ, недостижима, а во-вторыхъ, за этой формулой прячется эгоизмъ въ самой грубой его формѣ. Совсѣмъ иной случай представляютъ соціальныя науки. Здѣсь-то именно и нужна истина для истины, а не для поддержанія существующаго порядка и вообще не для какихъ нибудь побочныхъ цѣлей. А между тѣмъ мы видимъ, что на каждомъ шагу эта истина жертвуется постороннимъ соображеніямъ. «Записка бельгійскаго правительства отъ 20-го января 1858 года видитъ въ политическихъ преступленіяхъ такія дѣйствія, существо которыхъ измѣняется съ каждымъ періодомъ времени; одна правительственная система смотритъ на нихъ, какъ на преступленія, между тѣмъ какъ другая ихъ наказываетъ» (*). Слѣдить за всѣми этими измѣненіями факта, гнуться и пресмыкаться, какъ змѣя, мѣнять цвѣта, какъ хамелеонъ, это-ли назначеніе науки? Чудныя дѣла дѣлаются на свѣтѣ! Величайшая сила въ мірѣ поддѣлывается подъ тонъ всякой мелкой и преходящей силы, вторитъ ей, заискиваетъ у нея; а завтра, когда эта мелкая сила пала и на мѣсто ея встала другая такая-же, наука продѣлываетъ и передъ ней тѣ же эволюціи. И за

(*) Миттермайеръ. Смертная казнь и проч., стр. 135.

какую чечевичную похлебку продаетъ эта сила свое старшинство! Какую ничтожную взятку берутъ представители науки съ дѣйствительности за свое раболѣпство! За какое жалкое счастье они продаются! Нѣтъ, ихъ наука не наука. Ихъ наука идетъ за фактомъ, а не сама ведетъ его за собой; здѣсь не принципъ вліяетъ на фактъ, а наоборотъ. Такое жалкое и недостойное поведеніе науки объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что представители ея смотрятъ на вещи только однимъ глазомъ, тогда какъ принципъ можно усмотрѣть только въ оба глаза и то при условіи, чтобы оба они хорошо видѣли; а во вторыхъ, соціальнымъ положеніемъ этихъ представителей. Гоббесъ говорилъ, что еслибы даже математическія аксіомы были связаны съ человѣческими страстями, то даже и онѣ подверглись бы колебаніямъ. Въ этомъ мрачномъ афоризмѣ проглядываетъ глубокое пониманіе не человѣческаго сердца вообще, а поползновеній представителей науки. Читатель видитъ, что обѣ причины, вліяющія на болѣзненное развитіе науки, заставляющія ее сотворить себѣ кумиръ изъ факта, сводятся къ одной: къ хваленому принципу раздѣленія труда, который экономисты и философствующіе историки ставятъ краеугольнымъ камнемъ общественнаго зданія. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ это начало зломъ, но зломъ неизбѣжнымъ. Этотъ то вопросъ и составляетъ предметъ моей ненаписанной книги; а здѣсь я могу только увѣрять, если не увѣрить читателя, что человѣкъ, самъ по себѣ, вовсе не похожъ на того журавля, который хвостъ вытащилъ, такъ у него носъ увязъ, носъ вытащилъ, хвостъ увязъ.

Я окончу свою замѣтку, на которую и прошу смотрѣть только какъ на замѣтку, нѣсколькими словами объ одномъ проектѣ реорганизаціи ученаго сословія. Не то, чтобы я придавалъ ему какое нибудь особенное значеніе, но въ немъ видны искренность и нѣкоторое, хотя и далеко неполное пониманіе дѣла. Проэктъ этотъ принадлежитъ Сенъ-Симону.

Этотъ наивный человѣкъ предлагалъ такой планъ: открыть у гробницы Ньютона (?) добровольную подписку; всякій, подписавшійся на какую бы то ни было сумму, долженъ назвать трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ, которыхъ онъ считаетъ лучшими представителями своей спеціальности; подписка возобновляется каждый годъ; подписная сумма раздѣляется между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими больше всего голосовъ; деньги для раздачи должны быть вручены въ первый годъ президенту Лондонскаго Королевскаго Общества, а въ слѣдующіе годы тому, кто больше всѣхъ пожертвовалъ; избранные такимъ образомъ ученые и художники не должны получать ни откуда никакого вознагражденія, кромѣ подписныхъ денегъ. Изъ всего этого должны произойти всякія благодати. Сенъ-Симонъ надѣялся, что «если человѣчество будетъ такимъ образомъ *сообща* вознаграждать представителей умственнаго труда, то послѣднимъ не зачѣмъ будетъ заниматься *частными* интересами нѣкоторой доли человѣчества, которая, вознаграждая ихъ, парализируетъ

часть ихъ силъ.» (*) «Таковъ, говорится дальше, будетъ путь, которому послѣдуетъ разумъ, поставленный въ независимое положеніе, между тѣмъ какъ цеховая ученость (esprit academique) будетъ продолжать идти по противоположному пути; цеховая ученость всегда будетъ стоять за разъ принятыя ею убѣжденія, смотря на себя, какъ на сокровищницу истины. Какъ горячо преслѣдовали всегда академіи тѣхъ, кто осмѣливался съ ними не соглашаться! Прослѣдите ходъ развитія цеховой учености: вы увидите какъ она то гордо поднимала голову, то пресмыкалась, какъ ловко душила она попытки открыть людямъ глаза, когда затрогивалось ея собственное существованіе. Такой порядокъ обусловливается двумя причинами: пожизненнымъ назначеніемъ академиковъ и зависимостью ихъ отъ правительства.» (**) Далѣе Сенъ-Симонъ дѣлитъ человѣчество на три класса: къ первому относятся ученые, литераторы, артисты, словомъ представители умственнаго труда; къ второму—собственники и капиталисты; къ третьему—пролетаріи. Ко всѣмъ этимъ тремъ классамъ Сенъ-Симонъ поочередно обращается съ самыми дѣтскими увѣщаніями принять его проектъ. Проповѣдуя независимость науки отъ правительства, Сенъ-Симонъ не замѣчаетъ, что забываетъ всѣй основы государства и современной общественности. Кто можетъ больше всего пожертвовать по предложенной имъ подпискѣ? Кто можетъ заставить выбрать тѣхъ или другихъ ученыхъ, долженствующихъ посвятить себя на служеніе человѣчеству, а не «заниматься частными интересами нѣкоторой доли его, которая, вознаграждая ихъ, парализируетъ часть ихъ силъ»? Все та же нѣкоторая доля человѣчества. Штука, значитъ, опять-таки не въ томъ. Сенъ-Симонъ не попалъ въ цѣль и не попалъ потому, что видѣлъ одну только сторону вопроса.

Н. Михайловскій.

(*) Oeuvres choisies de C. H. de Saint-Simon. Bruxelles 1859, T. 1, p. 6.
(**) Ibidem p. 7.

КАРЛЕЙЛЬ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

(по тэну).

«Когда вы спрашиваете,—говоритъ Тэнъ,—у англичанъ, въ особенности у тѣхъ, которымъ менѣе сорока лѣтъ, кто у нихъ люди мыслящіе, они указываютъ вамъ прежде всего на Карлейля, но въ то же время совѣтуютъ вамъ не читать его, предупреждая васъ, что вы ничего въ немъ не поймете. Послѣ такого отвѣта, вы, разумѣется, спѣшите запастись двадцатью томами сочиненій Карлейля, заключающими въ себѣ критику, исторію, политическіе памфлеты, фантазіи, философскія статьи. Читая ихъ, вы ощущаете странное чувство и опровергаете каждое утро свое вчерашнее мнѣніе. Наконецъ, догадываетесь, что вы передъ необыкновеннымъ существомъ, остаткомъ исчезнувшей породы, чѣмъ-то въ родѣ мастодонта, по ошибкѣ попавшаго въ современный міръ, который приходится ему не по мѣркѣ. Этой зоологической находкѣ, разумѣется, радуешься, анатомируешь его съ кропотливымъ любопытствомъ, говоря себѣ, что во второй разъ, можетъ быть, не найдешь ничего подобнаго». Такимъ страннымъ вступленіемъ начинаетъ Тэнъ статью свою о Карлейлѣ. Надобно сознаться, что вызывая любопытство читателя съ первыхъ же строкъ, статья эта необыкновенно вѣрно характеризуетъ Карлейля, какъ писателя и мыслителя. Громадное значеніе Карлейля въ англійской литературѣ, его безспорно обширный умъ и необыкновенная глубина знанія, ставятъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ той великой литературѣ, которая считаетъ въ своихъ рядахъ Маколея, Стюарта Милля и Бокля. Великое вліяніе, которымъ Карлейль пользуется до сихъ поръ не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, важно для насъ въ особенности еще и съ той точки зрѣнія, что онъ имъ обязанъ, кромѣ качествъ, о которыхъ мы только что сказали, еще и тѣмъ, что олицетворяетъ въ себѣ одну сторону англійскаго характера, сторону, благодаря которой Англія создала сперва пуританъ и пуританское движеніе, а потомъ то политическое и соціальное устройство, которымъ теперь пользуется. Въ настоящей статьѣ мы постараемся характе-

ризовать Карлейля именно съ этой точки зрѣнія и, что важнѣе, опредѣлить отношенія Карлейля къ современному англійскому обществу.

I.

Прежде всего, при чтеніи какого бы то ни было сочиненія Карлейля, васъ поражаетъ его въ высшей степени странный и вычурный слогъ. Идеи, слогъ, тонъ, постройка фразы — все это до такой степени странно и ново, что сначала трудно съ нимъ помириться, и что необходимо большое усиліе, чтобы войти въ кругъ его понятій и идей. «У Карлейля, — говоритъ Тэнъ, — парадоксы играютъ роль принциповъ, здравый смыслъ принимаетъ форму абсурда: кажется, будто находишься въ неизвѣстномъ мірѣ, жители котораго ходятъ внизъ головами, выкидываютъ смѣшныя движенія ногами, въ одеждѣ паяца, или полусумашедшаго, съ прискакиваньемъ и криками.» Такое зрѣлище поражаетъ непривычнаго самымъ непріятнымъ образомъ и прежде, чѣмъ поймешь что либо, является желаніе швырнуть книгу въ сторону. Такъ, прочитайте только заглавіе, въ его знаменитой Исторіи Французской революціи: Реализированные идеалы, Astroea redux, Брольи— богъ войны и т. д. Скоро, однакожъ, вы замѣтите, что онъ всегда говоритъ загадками и метафорами, и что у него это нормальное состояніе, тогда какъ у другихъ(напр. у Бокля), нормальное состояніе—изложеніе полное и законченное чистой идеи, безъ всякихъ прикрасъ. «Карлейль не въ состояніи выражаться просто, на каждой строчкѣ у него является фигура, всѣмъ своимъ идеямъ онъ придаетъ тѣло, онъ чувствуетъ необходимость формъ. Видно, что онъ одержимъ блестящими и мрачными видѣніями; всякая мысль въ немъ превращается въ толчокъ; цѣлая волна бѣшенной страсти наплываетъ, кипучая, къ этому переполненному мозгу. Онъ не въ силахъ разсуждать, онъ принужденъ рисовать.» Вотъ, напр. обращикъ этого слога: «міръ (онъ говоритъ о европейскомъ, современномъ мірѣ), разваливающійся, разшатанный, погружающійся въ бездну, какъ старый римскій міръ, когда мѣра его неправды переполнилась; пропасти и подземныя наводненія подтачиваютъ его со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ бѣшенномъ хаосѣ блѣдноватаго свѣта исчезли всѣ звѣзды небесныя. Глазъ человѣческій едва можетъ замѣтить одну звѣзду въ выси неба; зловредные туманы, нечистыя испаренія, сдѣлавшись постоянными, скрыли отъ взоровъ всѣ небесныя звѣзды. Блуждающія сіянія, перебѣгающія съ одного мѣста на другое, различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, заняли мѣсто звѣздъ. На дикой почвѣ хаоса, въ свинцовомъ воздухѣ, слышны только нечаянные взрывы революціоннаго блеска; потомъ, опять настаетъ тьма съ фосфорическимъ блескомъ филантропіи — этого пустаго метеора. Тамъ и сямъ вы замѣтите покосившееся свѣтило, привѣшенное къ старымъ, сгнившимъ балкамъ, утверждающее будто оно до сихъ поръ еще луна и солнце, хотя ясно, что теперь это не болѣе какъ китайскій фонарь, по преи-

муществу состоящій изъ бумаги, съ огаркомъ свѣчи, которая тускло тлѣетъ въ его сердцѣ (*).»

Кромѣ всей своей странности, такой языкъ еще утомителенъ до чрезвычайности, а этимъ языкомъ написано все, что когда либо писалъ Карлейль. «Карлейль — это пуританскій *ясновидящій* который видитъ передъ собой эшафоты, оргіи, рѣзни, сраженія, и который, въ минуты этого припадка, пророчествуетъ, ободряетъ, или проклинаетъ. Если вы не бросите книгу съ досады, то потеряете сужденіе; мысли ваши улетучиваются, у васъ появляется кошмаръ; цѣлая толпа скорченныхъ и дикихъ физіономій крутится въ нашей головѣ; вы слышите вой возстанія, крики войны; вы больны; вы похожи на тѣхъ слушателей монастырскихъ иступленниковъ, которыхъ пророчество наполняло отвращеніемъ или энтузіазмомъ и которые въ бѣшенствѣ умерщвляли пророка, если только не дѣлали его своимъ предводителемъ.»

Этотъ неизсякаемый источникъ страсти, вѣчно бушующій внутри и вѣчно рвущійся наружу,—причина чрезвычайно богатой и роскошной фантазіи, которую вы такъ часто встрѣчаете у Карлейля. Только Байронъ можетъ сравняться съ Карлейлемъ въ описаніяхъ картинъ природы, которыя поминутно являются подъ его перомъ, и которыя играютъ столь важную роль въ его произведеніяхъ. «Могильная тишь... говоритъ онъ, разсказывая о закатѣ солнца на Сѣверномъ мысѣ; кругомъ—лишь гранитныя скалы съ ихъ пурпуровой окраской, да мирный плескъ Сѣвернаго океана, тихо волнующагося, надъ которымъ въ крайнемъ Сѣверѣ виситъ великое солнце, опустившееся и лѣнивое, какъ будто и оно тоже захотѣло вздремнуть. А между тѣмъ, облачное ложе его, соткано изъ багреца и золотыхъ нитей его, свѣтъ течетъ по зеркалу водъ, какъ огненный столбъ, который дрожитъ, спускаясь къ пропасти и ложась у моихъ ногъ. Въ такія минуты нѣтъ ничего дороже уединенія; кто захотѣлъ бы говорить или быть видимымъ, когда позади его лежатъ Европа и Африка, погруженныя въ глубокій сонъ, и когда передъ нимъ открывается безмолвное безбрежье и храмъ Предвѣчнаго, въ сравненіи съ которымъ наше солнце не болѣе какъ лампада?» (**) Это чуткое пониманіе красотъ природы, которыя такъ всецѣло поражаютъ его, въ связи съ складомъ его ума, привело его къ извѣстному, трудно опредѣляемому мистицизму. «Никто не созерцалъ съ болѣе потрясающимъ волненіемъ молчаливыя свѣтила, вѣчно плывущія по блѣдному своду и окружающія нашъ бѣдный міръ. Никто не созерцалъ съ болѣе религіознымъ ужасомъ безконечную тьму, въ которой появляется наша бѣдная мысль на мгновеніе, какъ молнія, а тутъ же возлѣ насъ мрачная пропасть, гдѣ потухнетъ «горячее бѣшенство жизни». Но рядомъ съ этимъ напряженнымъ, болѣзненнымъ состояніемъ, вы встрѣчаете жалкую остроту, грубость, отчасти дикое веселье; рядомъ съ

(*) Life of Sterling. стр. 55.

(**) Sartor resartus.

этимъ внезапно прорвавшимся потокомъ роскошной, скандинавской поэзіи, вы видите странныя, грязныя выходки; такъ, напр., для него «вселенная въ одно и тоже время — оракулъ и храмъ, кухня и конюшня (*).» Дипломата, ищущаго популярности, онъ сравниваетъ «съ собакой, утонувшей прошлогоднимъ лѣтомъ: трупъ ея плаваетъ взадъ и впередъ по Темзѣ, гонимый теченіемъ и приливомъ; вы ее знаете, благодаря вашимъ глазамъ и вашему носу, вы натыкаетесь на нее при каждой вашей прогулкѣ, и вонь ея становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нестерпимой.» Всегда у Карлейля торжественность и серьезность тона соединена съ насмѣшкой и каррикатурой, каламбуры такъ и сыпятся. Вотъ, напр., что онъ говоритъ объ англійскомъ геніѣ. «Англійскій геній не устремляетъ болѣе свои взоры къ солнцу, вызывая міръ на бой, какъ орелъ въ бурю. Англійскій геній, болѣе похожій на жаднаго страуса, вполнѣ занятаго своею пищею и заботящагося о своей шкурѣ, выставляетъ свою *другую* оконечность на солнце, засовывая свою страусовую голову подъ первый попавшійся кустъ, подъ ветхія мантіи и гербы, подъ защиту всякаго стараго хлама, находящагося тамъ. Въ этомъ положеніи онъ ожидаетъ исхода. Исходъ заставилъ себя ждать, но теперь видно, что онъ неизбѣженъ. Нѣтъ такого страуса, какъ бы онъ не былъ занятъ своею пищею, съ головой, засунутой въ старый хламъ, который бы не былъ разбуженъ ужаснымъ образомъ, a posteriori, если не иначе» (**).

Этою фразою онъ заканчиваетъ свою лучшую книгу, не оставляя, впрочемъ, ни на минуту серьезнаго, болѣзненнаго тона, среди проклятій и пророчествъ. «Систематическія построенія искуства и человѣческой мысли, разсѣянныя и перемѣшанныя, укладываются подъ его рукой въ гигантскую кучу безформенныхъ остатковъ, на вершинѣ которой онъ, какъ варварскій завоеватель, размахиваетъ руками и борется.»

«Такого рода складъ ума,—говоритъ Тэнъ,—производитъ *юморъ* (humor), слово непереводимое, потому что самаго понятія недостаетъ намъ. Юморъ — это такого рода способность, которая можетъ нравится германцамъ, людямъ Сѣвера; онъ также идетъ къ ихъ уму, какъ пиво и водка къ ихъ нёбу. Для людей другой расы, людей юга, юморъ непріятенъ. Наши нервы находятъ его слишкомъ тяжелымъ и слишкомъ горькимъ. Эта способность, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ стремленіе къ контрастамъ. Свифтъ шутитъ съ серьезной миной священника, совершающаго обрядъ и, какъ человѣкъ вполнѣ убѣжденный, развиваетъ самыя странныя нелѣпости. Гамлетъ, въ ужасѣ и отчаяніи мечетъ шутками. Гейне издѣвается надъ собственными впечатлѣніями и въ то же самое время весь отдается имъ. Они любятъ маскарадное платье, надѣваютъ торжественную одежду на комическія идеи, куртку паяца—на серьезныя. Другая черта юмора заключается въ полномъ пренебреженіи автора къ читателю. Авторъ объясняетъ, что ему нѣтъ ни малѣй-

(*) Latter day Pamphlets.

(**) Cromwell's Letters,

шаго дѣла до насъ, что ему вовсе не надо, чтобы его поняли и одобрили, что онъ мыслитъ и забавляется лишь для себя одного и что, если его вкусы и идеи не нравятся намъ, то мы можемъ убираться. Онъ хочетъ мудрствовать и оригинальничать на просторѣ; онъ въ своей книгѣ у себя и съ закрытыми дверями; онъ надѣваетъ халатъ и туфли, часто подымаетъ ноги къ верху, а иногда сидитъ просто безъ рубашки. У Карлейля свой собственный слогъ; онъ по своему опредѣляетъ каждую идею; понимать его наше дѣло.—Онъ намекаетъ на ту или другую фразу Гете, Шекспира, на анекдотъ, поражающій его въ эту минуту — если мы ихъ не знаемъ, тѣмъ хуже для насъ. Онъ кричитъ, когда приходитъ охота—тѣмъ хуже для насъ, если уши наши не мирятся съ этимъ. Онъ пишетъ, отдаваясь всѣмъ капризамъ воображенія, всѣмъ прихотямъ выдумки—тѣмъ хуже для насъ, если умъ нашъ подвигается инымъ шагомъ. На лету схватываетъ онъ всѣ оттѣнки, всѣ странности своей концепціи—тѣмъ хуже для насъ, если умъ нашъ не поспѣваетъ за нимъ. Послѣдняя черта юмора есть взрывъ внезапной веселости, скрытой подъ цѣлой грудой тоски и печали. Вдругъ является нелѣпая сальность. Физическая натура, скрытая и подавленная привычкой къ грустнымъ размышленіямъ, появляется на мгновеніе безъ покрывала. Вы замѣчаете гримасу, ребяческій жестъ, потомъ все снова приходитъ въ обычную торжественность. Прибавьте, наконецъ, ко всему этому неожиданный блескъ воображенія; въ юмористѣ вы всегда отыщите поэта; въ однообразномъ тонѣ прозы, въ концѣ разсужденія, вдругъ выдвигается пейзажъ, красивый или нѣтъ—не въ томъ дѣло, достаточно, если онъ поражаетъ. Этѣ неровности отлично характеризуютъ германца, уединеннаго, энергическаго, съ пылкимъ воображеніемъ, любителя внезапныхъ контрастовъ, въ основѣ котораго лежитъ грустное, личное размышленіе, съ внезапнымъ возвратомъ физическихъ инстинктовъ, столь различнаго отъ расъ романскихъ и классическихъ, расъ ораторовъ или артистовъ, гдѣ пишутъ лишь ради публики, гдѣ нравится лишь строгая послѣдовательность идей, гдѣ счастье заключается въ созерцаніи гармоническихъ формъ, гдѣ воображеніе подчинено, гдѣ сладострастіе кажется естественнымъ.»

Такого-то рода юмористомъ и является Карлейль. Чтобы показать въ какомъ совершенствѣ и съ какимъ искуствомъ онъ владѣетъ юморомъ, возьмемъ его первую книгу: Sartor resartus, заключающую въ себѣ философію одежды и въ которой вы встрѣтитесь по поводу фартуковъ и панталонъ съ метафизикой, политикой, психологіей. Онъ говоритъ, что человѣкъ есть одѣтое животное; въ основѣ всякаго общества лежитъ сукно. «Ибо какимъ образомъ безъ платья могли мы бы обладать господствующей силой, мѣстопребываніемъ души, настоящей мозговой железой соціальнаго тѣла—*кошелькомъ?*» Да къ тому же, что такое человѣкъ въ глазахъ чистаго разума? «Духъ, божественное проявленіе, таинственное *я*, которое подъ этими холщевыми лохмотьями носитъ одежду изъ тѣла, сотканную въ небѣ, при помощи которой онъ обнаруживается существомъ себѣ подобнымъ, посредствомъ которой онъ созерцаетъ и образуетъ для самаго себя цѣлую вселенную лазурныхъ про-

странствъ...» И такъ дальше въ этомъ тонѣ написана цѣлая книга. Парадоксъ въ одно и то же время и комиченъ и исполненъ мистицизма, подъ шуткою, скрываются теоріи; тутъ вы увидите все вмѣстѣ, и рѣзкую иронію, и чувствительныя идилліи, любовные эпизоды, взрывы негодованія и картины карнавала. Онъ великолѣпно доказываетъ, что «замѣчательнѣйшее событіе новѣйшей исторіи не осада Вормса, не аустерлицкое и ваграмское или всякое другое сраженіе, а мысль, пришедшая квакеру Фоксу сдѣлать себѣ кожанное платье», потому что одѣвшись такимъ образомъ на всю жизнь, живя въ дуплѣ дерева и питаясь дикими ягодами, онъ могъ не работать и на волѣ выдумать пуританизмъ, т. е. религію совѣсти. Вотъ какъ обращается Карлейль съ идеями, наиболѣе ему дорогими. Онъ издѣвается надъ ученьемъ, которое должно было завладѣть всею его жизнью, и поглотить всю его душу».

Подобнаго рода отношеніе къ ученію, которому человѣкъ отдаетъ всю свою жизнь, можетъ показаться болѣе чѣмъ страннымъ, можетъ возмутить; но не надобно забывать, что Карлейль англичанинъ и, по складу ума, глубокій юмористъ, юмористъ, котораго образецъ и прототипъ мы видимъ въ Свифтѣ. Тѣ черты юмора, о которыхъ мы здѣсь говорили, въ Свифтѣ достигли высокой степени совершенства и подобному складу ума—Свифтъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, половиною той славы, которою пользуется; достаточно вспомнить его «Сказку о бочкѣ», чтобы убѣдиться, какія великія произведенія можетъ создавать такой складъ ума, и какое широкое и благотворное вліяніе онъ можетъ имѣть. Въ этомъ отношеніи, Карлейль нѣсколько сродни Свифту и, насмѣшка и сарказмъ — у него орудія не только для пропаганды, а часто—орудія мести. Желаете ли вы, напримѣръ, познакомиться съ его политическими взглядами и мнѣніемъ его о родинѣ? Онъ говоритъ, что въ современномъ броженіи религіозныхъ идей въ Англіи выдвинулись и установились главнымъ образомъ двѣ секты: одна—секта носящихъ лохмотья, другая—секта денди. «Первая состоитъ изъ лицъ, давшихъ обѣтъ оставаться бѣдными и послушными, и которыхъ можно считать за поклонниковъ Герты, земли, потому что они роются съ усердьемъ и постоянно работаютъ въ ея лонѣ, или же, запершись въ особыя божницы придумываютъ и увеличиваютъ количество веществъ, добытыхъ ими изъ ея нѣдръ. Съ другой стороны, они, какъ друиды, живутъ въ мрачныхъ жилищахъ, часто даже выбиваютъ стекла изъ своихъ оконъ и законапачиваютъ ихъ кусками матеріи или другими непрозрачными веществами, до тѣхъ поръ, пока не произведутъ нужной для нихъ степени темноты Они—ризофаги или *корнеядные;* нѣкоторые изъ нихъ—ихтіофаги и питаются солеными селедками, удерживаясь отъ всякой другой животной пищи, за исключеніемъ животныхъ, умершихъ естественною смертію, что можетъ быть указываетъ на браманическое чувство, страннымъ образомъ исковерканное. Корень, именуемый картофелемъ, который они жарятъ на огнѣ, служитъ имъ общимъ питательнымъ веществомъ. Во всѣхъ ихъ религіозныхъ обрядахъ, жидкость, называемая уиски (whisky) играетъ, какъ говорятъ, важную роль и

употребляется въ большомъ количествѣ.» Другая секта, секта денди выказываетъ великую чистоту и сепаратизмъ, отличаясь особымъ костюмомъ и насколько возможно особымъ языкомъ; главною ея цѣлью — сохранить въ высшей степени безукоризненный видъ и защититься отъ пятенъ міра; вотъ нѣкоторыя главнѣйшія основанія соблюдаемаго ими культа: панталоны должны очень плотно прилегать къ бедрамъ при извѣстныхъ условіяхъ человѣчеству позволено носить бѣлые жилеты; чтобъ никакая наглость моды не можетъ разрѣшить человѣку тонкаго вкуса прибавочную, нижнюю роскошь Готтентотовъ. Нѣкоторый оттѣнокъ манихеизма можетъ быть узнанъ въ сектѣ, а также довольно большое сходство съ тѣми созерцателями, которые, въ силу того, что разсматривали съ полнымъ вниманіемъ свой пупъ, кончили тѣмъ, что нашли въ немъ большое сходство съ истинами природы и неба. По моимъ собственнымъ соображеніямъ, секта эта есть не болѣе, какъ видоизмѣненіе, приспособленное къ нашему времени, предразсудка, называемаго поклоненіемъ самому себѣ.» Теперь послушайте заключеніе, которое онъ выводитъ: «Я охотно назову этѣ двѣ секты двумя громадными электрическими машинами, не имѣющими себѣ ничего подобнаго (приводимыми въ движеніе большимъ соціальнымъ колесомъ) съ батареями разныхъ электричествъ; машина носящихъ лохмотья заряжена отрицательнымъ электричествомъ, а дендизма—положительнымъ; одна—привлекаетъ къ себѣ и поглощаетъ усердно все положительное электричество націи (т. е. деньги), другая, въ свою очередь, занята присвоеніемъ себѣ отрицательнаго (т. е. голода), — одинаковой силы съ первымъ. До сихъ поръ мы видѣли только блескъ и искры, одиночныя и преходящія; но подождите до тѣхъ поръ, пока все жизненное электричество націи будетъ раздѣлено на двѣ отдѣльныя части, одну положительную, другую отрицательную (т. е. на деньги и голодъ), и заключено въ двѣ лейденскія банки, величиной въ цѣлый міръ! Прикосновеніе дѣтскаго пальца приведетъ ихъ тогда въ соединеніе и.....» На этой половинѣ фразы онъ останавливается, какъ бы удерживая потокъ страсти, готовый хлынуть; онъ предоставляетъ самому читателю окончить. Въ отрывкѣ, приведенномъ нами, точно также, какъ и въ большинствѣ произведеній Карлейля, вы видите эту жолчную, нервную, болѣзненную веселость, готовую разразиться бѣшеннымъ взрывомъ. Онъ находится почти всегда подъ вліяніемъ этой могучей страсти, которую, благодаря только самообладанію онъ всегда сдерживаетъ, не даетъ ей свободно излиться, и принужденно смѣется, хотя по временамъ вдругъ внезапная дрожь обнаруживаетъ его страсть вполнѣ. Онъ гдѣ то говоритъ, что въ основѣ англійскаго характера, подъ всѣми привычками цивилизаціи и образованности, существуетъ непотухаемое горнило, средоточье страшнаго изступленія скандинавскихъ *берсеркеровъ*, которые, бросившись въ центръ сраженія, не чувствовали ранъ и жили, сражались, убивали подъ страшными ударами, изъ которыхъ незначительнѣйшій былъ бы смертеленъ для обыкновеннаго человѣка. Ту же самую черту, только въ другой формѣ вы встрѣтите у Шекспира въ Гамлетѣ, Отелло, Макбетѣ, во всѣхъ драмахъ, гдѣ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ яв-

ляется какая нибудь страсть, или мономанія. То же самое чувство необыкновенно сильно обнаруживается у Байрона, въ его поэмахъ, въ Манфредѣ. «Это то неистовство, это возстаніе внутреннихъ и малоизслѣдованныхъ силъ,—этотъ взрывъ бѣшенства, энтузіазма, воображенія безпорядочнаго и неудержимаго; проявился въ Англіи во время Возрожденія и Реформы Карлейль отчасти отравитель этихъ силъ».

Вотъ напр. его заключительное слово о времени, въ которое мы живемъ.

«Предположимъ,—говоритъ онъ,—что двѣ свиньи (я подразумѣваю двѣ свиньи на четырехъ ногахъ), обладающія чувствительностью и логическою послѣдовательностью въ высшей степени, достигши извѣстнаго развитія, захотѣли бы, послѣ зрѣлаго размышленія, оставить на бумагѣ въ нашу пользу свои идеи о вселенной, объяснить свои интересы и обязанности. Этѣ идеи, безъ сомнѣнія, заинтересовали бы нашу, столь разборчивую публику. Взгляды этѣхъ свиней въ общихъ чертахъ могутъ быть резюмированы въ слѣдующемъ:

«1-е. Вселенная, на сколько здравое предположеніе можетъ допустить, есть громадныхъ размѣровъ свиное корыто, заключающее въ себѣ твердыя и жидкія вещества, а также и другія видоизмѣненія и контрасты, но въ особенности заключающее помои, до которыхъ можно добраться, и помои, до которыхъ добраться нельзя, и эти послѣднія въ количествѣ безконечно бо́льшемъ для большинства свиней.

«2-е. Нравственное зло заключается въ невозможности добраться до помой. Нравственное добро — въ возможности добраться до нихъ.

«3-е. Поэзія свиней состоитъ въ общемъ признаніи всей прелести помой, въ томъ же самомъ состоитъ и блаженство свиней, корыто которыхъ въ порядкѣ и брюхо набито.

«4-е. Свинья узнаетъ погоду. Она должна высовывать рыло, чтобы узнать какова будетъ погода.

«5. Откуда произошли свиньи? — неизвѣстно; можетъ быть ихъ просто сочинилъ мясникъ.

«6-е. Опредѣлите всѣ обязанности свиней. Назначеніе всеобщаго *свинства* и обязанности, которымъ неизмѣнно должны слѣдовать свиньи всѣхъ временъ — состоитъ въ уменьшеніи количества помой, до которыхъ нельзя добраться, и въ увеличеніи количества—тѣхъ, до которыхъ добраться можно. Всякое знаніе, всякая промышленность, всякое усиліе должны быть направлены къ этой цѣли. Наука свиней, энтузіазмъ ихъ, самопожертвованіе не имѣютъ другой цѣли. Вотъ всѣ обязанности свиней.» (*)

«Вотъ грязь, — прибавляетъ Тэнъ, выписавши это мѣсто,—въ которую онъ погружаетъ современную жизнь и прежде всего жизнь англійскую, топя сразу и въ той-же помойной ямѣ положительный умъ, стремленіе къ комфорту, промышленную науку, философію и т. д.». Не кажется ли вамъ, что читая этотъ

(*) Latter day Pamphlets, jesuitism, стр. 28.

отрывокъ, вы читаете мѣсто изъ «Сказки о бочкѣ» или изъ «Путешествія Гулливера» Свифта?

По нашему мнѣнію, избѣжать полнаго, всеобщаго отрицанія и полнаго, всеобщаго презрѣнія къ людямъ можно только двумя путями—посредственностью натуры или же широкимъ, всеобъемлющимъ умомъ. Первая принадлежитъ нищенствующимъ духомъ, ничтожнымъ натуришкамъ, безстрастнымъ и пустымъ, второй является достояніемъ художника и мыслителя — въ этомъ и состоитъ вся разница. Посредственность состоитъ въ томъ, что человѣкъ ничего не замѣчаетъ, кромѣ своего знаменательнаго носа, широкій же умъ, напротивъ, замѣчаетъ все и все объясняетъ. Вы будете уважать всѣми уважаемыя вещи, если смотрите на нихъ поверхностно, если позволите себя обмануть заманчивою ихъ наружностью; вы увидите только роскошную, богатую мантію, въ которую человѣкъ часто наряжается, и не увидите тѣхъ темныхъ пятенъ, той грязи, которая скрыта подъ этой роскошью. Вы падете ницъ, въ нѣмомъ благоговѣніи передъ великими, красивыми фразами, произносимыми съ пафосомъ и съ напыщенною торжественностью, и никогда не увидите у человѣка подъ мышкой того наслѣдственнаго учебника, изъ котораго этѣ фразы почерпаются; привычку вы станете разсматривать какъ непреложный законъ и, наконецъ, вы примете ученіе, «по которому» конечная цѣль гуся—быть сжареннымъ». Отъ всей этой пошлости и ограниченности есть только одно средство спасенія—ширина взгляда и глубокій умъ. Вы полюбите міръ, когда, проникая въ тайники природы, вы станете вникать въ механизмъ міра. Страсти васъ будутъ интересовать или вслѣдствіе вашей художнической впечатлительности, или вслѣдствіе пониманія; вы увидите въ мірѣ великую грандіозную драму или роковое непреложное развитіе коренныхъ законовъ. Такимъ образомъ, вы избѣжите, съ одной стороны пошлости посредственной натуры, съ другой отвращенія, вы избѣжите ненависти или совершеннымъ ничтожествомъ взгляда или высотой и широтой его.

Въ натурѣ Свифта и въ складѣ его ума не лежало этихъ данныхъ; онъ былъ слишкомъ великій умъ, чтобы унизиться до посредственности, до мѣщанской точки зрѣнія, но въ то же самое время, данныя организма и условія жизни помѣшали ему возвыситься до точки зрѣнія безпристрастнаго цѣнителя; чрезвычайная страстность натуры, болѣзненность воображенія, условія тогдашней общественной жизни и его личныхъ отношеній къ міру, въ которомъ онъ жилъ, развили въ немъ негодованіе и горечь; оттого у Свифта не было дѣла, которому онъ могъ бы отдаться, не было ученія, которое онъ могъ бы проповѣдывать; у него остались только ѣдкая, злостная насмѣшка и желаніе разрушать.

Карлейль, точно также какъ и Свифтъ—слишкомъ исключительная натура, англійская, страстная и сдержанная, могучая и широкая. Если онъ избѣжалъ исключительности Свифта, если онъ встрѣтилъ доктрину, которой отдалъ всю свою жизнь и которой посвятилъ всю свою дѣятельность, то это объясняется чисто внѣшними, видимыми условіями жизни; но сквозь все его широкое раз-

витіе, образованность и умъ постоянно прорываются природныя черты англійскаго характера, такъ полно выразившагося въ пуританахъ. Въ приведенномъ нами отрывкѣ ясно звучитъ, какъ намъ кажется, преобладающая нота этого страннаго ума; «его талантъ,—говоритъ Тэнъ, — состоитъ именно въ этомъ насильственномъ напряженіи. Эта нота вызываетъ и объясняетъ его образность, его выходки, его сарказмъ и негодованіе. Существуетъ непереводимая англійская фраза, рисующая это состояніе и показывающая все физическое строеніе расы: his blood is up. И въ самомъ дѣлѣ, флегматическій и холодный темпераментъ покрываетъ поверхность, но когда взволнованная кровь закипѣла въ жилахъ, то животное, въ лихорадочномъ состояніи, утоляется только опустошеніемъ и довольствуется только излишествомъ.».

Тѣ же самыя господствующія, рѣзко выдающіяся черты натуры вы замѣчаете у пиратовъ, поэтовъ XVI столѣтія, пуританъ XVII; поэтому-то ихъ и можно считать настоящими предшественниками Карлейля; его направили и удержали двѣ причины, принадлежащія исключительно англійскому уму: чувство дѣйствительности и мистическій строй мысли.

Чтобы увидѣть до какой высокой степени онъ владѣетъ чувствомъ дѣйствительности, нужно прочесть его лучшее произведеніе, его *Кромвелля*, гдѣ именно выразилась вполнѣ эта черта его таланта; тутъ только вы увидите всю глубину его взгляда. Всѣ мельчайшія подробности изучены имъ съ невѣроятной точностью; онъ возстановляетъ и провѣряетъ тексты и числа, преданія и генеалогію, посѣщаетъ историческія мѣста, разсматриваетъ деревья, ручьи, земледѣліе, цѣны, всѣ интересы тогдашней обыденной жизни, всѣ политическія или тературныя обстоятельства. Съ удивительною точностью и щепетильностью онъ возсоздаетъ передъ собственными и нашими глазами внѣшнюю картину предметовъ и дѣлъ, внутреннюю картину идей и впечатлѣній. Но все это является у него не результатомъ сознанія, привычки или расчета, напротивъ это страсть и необходимость. Передъ читателемъ встаетъ великолѣпная живая картина съ необыкновенной ясностью и отчетливостью; всѣ этѣ подробности, мелочи, частности, которыя, кажется, лишены всякаго интереса для посторонняго читателя — группируются, и образуютъ одно общее, грандіозное цѣлое. Но это только одна сторона дѣла; существуетъ и другая, болѣе важная и болѣе глубокая. «Мой другъ,—говоритъ онъ,—неужели ты никогда не размышлялъ о другой сторонѣ дѣла, т. е. о томъ, что эти люди имѣли *душу*, не только по наслышкѣ и фигурально, но какъ истину, которую сознавали и по законамъ которой поступали (*)».

«И вотъ,—прибавляетъ Тэнъ,—онъ старается возсоздать передъ нами эту душу; вотъ это-то и составляетъ его исключительную черту, черту принадлежащую каждому историку, имѣющему сознаніе дѣйствительности—понять, что запыленные фоліанты, стѣны, одежда, даже тѣло — не болѣе какъ оболочки и документы, «что дѣйствительнымъ, непреложнымъ фактомъ людей

(*) Past and Present, стр. 65.

является внутреннее ихъ чувство, складъ и мысли людей, сколько нибудь жившихъ, что единственно важный фактъ есть состояніе и строеніе ихъ души, и что все дѣло историка состоитъ въ томъ, чтобы проникнуть въ этотъ фактъ, и только проникнуть — больше ничего». Всю силу своего великаго ума, все свое историческое чутье Карлейль употребляетъ, чтобы воскресить и возсоздать передъ нами все нравственное настроеніе и строй мысли людей описываемыхъ имъ эпохъ; все это онъ *буквально* видитъ и лично чувствуетъ, не какъ человѣкъ, который только въ половину видитъ предметы, «въ сѣромъ туманѣ», неопредѣленно и неполно, но со всею силою симпатіи, какъ убѣжденный зритель, для котораго прошедшее, если только оно дѣйствительно доказано—также *дѣйствительно*, какъ и вещественные предметы, которые можно ощущать Это сознаніе дѣйствительности и эта природная склонность развили въ Карлейлѣ его теоретическіе взгляды на исторію. По его мнѣнію «характеръ каждаго героя, во всякое время, во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ положеніи заключается въ постоянномъ возвратѣ къ дѣйствительности и въ отыскиваніи точки опоры въ фактахъ, а не въ кажущихся явленіяхъ» (On heroes). Съ его точки зрѣнія, какой нибудь великій человѣкъ открываетъ неизвѣстный или непризнанный фактъ, объявляетъ его; его слушаютъ, ему слѣдуютъ — и вотъ вамъ вся исторія; «и не только открываетъ его и дѣлаетъ его всеобщимъ достояніемъ, но вѣритъ въ него и видитъ его; онъ вѣритъ въ него не по наслышкѣ, какъ въ истину просто вѣроятную и переданную, а видитъ его собственными глазами, лицомъ къ лицу съ абсолютной и непреложной вѣрой.» Благодаря этому взгляду онъ предпочитаетъ убѣжденіе—общественному мнѣнію, внутреннее сознаніе—преданію. Эта точка отправленія такъ всецѣло овладѣваетъ Карлейлемъ, что онъ приписываетъ ее всѣмъ великимъ людямъ. Съ этими теоретическими взглядами, съ этой философіей исторіи, разумѣется, согласиться нельзя; она носитъ на себѣ слишкомъ личный и односторонній отпечатокъ; она, изъ-за великихъ историческихъ личностей, не въ состояніи разглядѣть другихъ могущественнѣйшихъ двигателей, великихъ пружинъ, всегда и всюду дѣйствующихъ по непреложнымъ историческимъ законамъ, указаннымъ Боклемъ. Теоретическая точка зрѣнія Карлейля осталась позади, строгое современное развитіе науки не позволяетъ намъ въ настоящее время видѣть въ исторіи — исторію только великихъ людей; глубокія историческія изслѣдованія доказали, что въ исторіи существуютъ столь же постоянные и столь же непреложные законы, какъ и въ физической природѣ, и одна изъ величайшихъ заслугъ XIX столѣтія, по нашему мнѣнію, состоитъ именно въ томъ, что въ исторію вводятся теперь методы и пріемы, благодаря которымъ естественныя науки могутъ такъ широко и роскошно развиваться.

Но, оставляя въ сторонѣ теоретическіе взгляды Карлейля, взгляды, которые явились у него вслѣдствіе личныхъ условій ума и натуры, нельзя не замѣтить, что чувство дѣйствительности, о которомъ мы говорили и которымъ Карлейль владѣетъ съ такимъ совершенствомъ, это стремленіе проникнуть, главнымъ образомъ, въ нравственное состояніе, въ нравственную и умствен-

ную структуру извѣстной эпохи, извѣстнаго народа—придаетъ необыкновенную важность и значеніе его историческимъ трудамъ и въ особенности его *Кромвеллю*. «Онъ вездѣ идетъ дальше политической и офиціальной исторіи; онъ угадываетъ характеры, понимаетъ духъ прошедшаго времени; ему внятны лучше всякаго другаго англійскаго писателя, лучше даже Маколея, великіе перевороты души. Онъ *почти* нѣмецъ силою своего воображенія, своею антикварскою проницательностью, своими широкими общими воззрѣніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не фантазеръ. Здравый національный смыслъ и страстная потребность глубокаго вѣрованія удерживаютъ его на краю предположеній; когда же онъ дѣлаетъ предположенія, то всегда предупреждаетъ объ этомъ читателя. Онъ не охотникъ до фантастическихъ исторій; онъ отводитъ въ сторону слухи и легенды; этимологію и нѣмецкія гипотезы онъ принимаетъ только въ половину, съ оговорками; изъ исторіи онъ хочетъ извлечь положительный и активный законъ для самого себя и для другихъ». Онъ такъ ловко умѣетъ сопоставить историческіе факты, такъ ярко ихъ освѣтить, придать жизнь и воскресить строй мысли цѣлой эпохи, что впечатлѣніе сообщается и читателямъ, которые невольно возвышаются до силы его вѣрованія и его прозрѣнія. Въ этой точкѣ зрѣнія, какъ намъ кажется, исторія дѣлаетъ громадный шагъ впередъ; нѣкоторые нѣмецкіе критики, Бокль—начали его, они хотѣли внести въ исторію строгій научный методъ и историческія описанія замѣнить научнымъ изслѣдованіемъ историческихъ законовъ. Въ настоящее время, представителемъ этого раціональнаго взгляда во Франціи является Тэнъ, знаменитый критикъ Карлейля, который въ своей «Histoire de la litterature anglaise», въ «Essais de critique et d'histoire», въ «Les philosophes français du XIX siècle» доказалъ какіе, необыкновенно богатые результаты можно извлечь изъ этого метода. Возвратимся однакожъ къ Карлейлю.

Особенная страстность натуры Карлейля придаетъ его историческимъ изслѣдованіямъ слишкомъ странный оттѣнокъ. «Факты, захваченные этимъ пылкимъ воображеніемъ расплавляются въ немъ, какъ въ пламени; благодаря этому бѣшенству мысли все зыблется. Идеи, измѣненныя галлюцинаціей, теряютъ свою твердость, люди кажутся призраками... Человѣкъ перестаетъ находить разницу между сновидѣніями и дѣйствительными ощущеніями; мистицизмъ, какъ паръ переходитъ въ перегрѣтыя стѣнки ума, который трещитъ». Вотъ этотъ-то именно мистицизмъ, который всюду является у него и который всюду оставляетъ свой мрачный отпечатокъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ слабѣйшихъ сторонъ историческихъ и философскихъ опытовъ Карлейля; конечно, часто этотъ мистицизмъ придаетъ совершенно вѣрный оттѣнокъ рисуемой эпохѣ, но это вѣдь только одна случайность, а въ строгомъ, научномъ изслѣдованіи случайности не допускаются. «Пуритане, которыхъ можно считать настоящими предшественниками Карлейля, увлечены были въ ту же сторону. Шекспиръ доходилъ до этого восторженнаго состоянія вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія своей поэтической мечты, и Карлейль по-

стоянно повторяетъ за нимъ, что «мы сотворены изъ того же матеріала, какъ наши сновидѣнія».—«Твой хлѣбъ, твое платье, говоритъ онъ, все въ природѣ является чудомъ; природа сверхъестественна». — «Да, въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой вещи есть божественный, невыразимый смыслъ, полный блеска, удивленія и ужаса, т. е. присутствіе Бога, сотворившаго человѣка и всякую вещь. Освободимся отъ этихъ жалкихъ оболочекъ, отъ этихъ номенклатуръ, отъ этихъ научныхъ предположеній, мѣшающихъ намъ открыть глаза и увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ страшную тайну вещей...»—«Природа—это живой предметъ; предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе, поверженіе ницъ, смиреніе души, обожаніе въ молчаніи, если не въ словахъ».—«И дѣйствительно,—прибавляетъ Тэнъ,—таково обычное состояніе Карлейля; оно оканчивается столбнякомъ. Ниже и выше вещественнаго міра онъ видитъ какую-то пропасть, и голосъ его прерывается дрожью. Въ *Исторіи французской революціи* вы часто можете замѣтить его въ этомъ положеніи. Это восторженное состояніе, этотъ мрачный, тяжелый и страстный мистицизмъ, эта идея роковаго фатализма оставляютъ самое тяжелое впечатлѣніе на читателѣ». «Цѣлый движущійся хаосъ великолѣпныхъ видѣній, безконечной перспективы, начинаетъ волноваться и кипѣть при малѣйшемъ событіи, до котораго онъ касается; идеи — крайнія, отрывистыя, падающія со всѣхъ концовъ горизонта — наплываютъ среди тьмы и молніи. Мысль его — буря, и потому-то онъ приписываетъ вселенной торжественность, тьму и ужасъ бури...»

Такой безспорно великій и странный складъ ума способенъ создать великія вещи и производить громадное вліяніе; интересно поэтому пріискать ему настоящее мѣсто и опредѣлить его значеніе. Выписываемъ страницу изъ Тэна, въ которой онъ касается этого вопроса съ обычною глубиной воззрѣнія и ясностью взгляда.

«Съ того мгновенія, какъ вы начинаете мыслить, передъ вами является полный и вполнѣ очерченный предметъ, т. е. группа частей, связанныхъ между собой и отдѣленныхъ отъ всѣхъ окружающихъ подробностей. Каковъ бы ни былъ предметъ — дерево, животное, чувство, событіе, всегда бываетъ такъ; онъ всегда состоитъ изъ частей, и этѣ части составляютъ цѣлое; эта группа, болѣе или менѣе значительная, обнимаетъ другія и сама заключается въ нихъ, такъ что малѣйшая часть вселенной, точно также какъ и вся вселенная, составляютъ *группу*. Поэтому, все дѣло человѣческой мысли состоитъ въ воспроизведеніи группъ...

«Что же мы понимаемъ подъ словомъ: воспроизведеніе группы? Во-первыхъ — отдѣленіе всѣхъ ея частей, во-вторыхъ,—расположеніе этѣхъ частей въ ряды, слѣдуя ихъ общимъ чертамъ; потомъ соединеніе этихъ рядовъ въ отдѣлы и, наконецъ, соединеніе этихъ отдѣловъ въ какомъ нибудь общемъ и господствующемъ понятіи; однимъ словомъ, все дѣло состоитъ въ точномъ подражаніи научнымъ классификаціямъ. Конечно, это такъ, но этимъ задача еще не рѣшена, потому что эта градація не есть искуственное и внѣш-

нее расположеніе, а естественная и внутренняя необходимость. Предметы не мертвы, они живы; существуетъ сила, производящая и организующая эту группу, повторяющая основной типъ во всѣхъ его частяхъ. Это-то силу умъ и долженъ воспроизвести въ самомъ себѣ, со всѣми ея послѣдствіями; необходимо, чтобы онъ ощущалъ въ себѣ ее по сочувствію и симпатіи, чтобы эта сила образовывала въ немъ цѣлую группу представленій, чтобы они развивались въ немъ точно также, какъ развивались предметы внѣ него, чтобы рядъ внутреннихъ идей шелъ паралельно ряду внѣшнихъ предметовъ, чтобы душевное волненіе примѣшивалось къ концепціи, чтобы анализъ оканчивался творчествомъ, чтобы духъ дѣлался такимъ же творцомъ, какъ и природа. Тогда только мы можемъ сказать, что обладаемъ *знаніемъ*.

«Всѣ умы идутъ по тому или другому пути. Эти коренные, органическіе пріемы раздѣляютъ ихъ на два большіе класса и соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ темпераментамъ. Къ первому классу принадлежатъ простые ученые, популяризаторы, ораторы и вообще классическія эпохи и романское племя. Къ второму принадлежатъ поэты, пророки, большинство изобрѣтателей всей эпохи романтизма и германская раса. Первые подвигаются шагъ за шагомъ, отъ одной идеи къ другой ближайшей; они методичны и осторожны, ихъ рѣчь обращена ко всѣмъ, и все, что они говорятъ, доказывается ими самымъ тщательнымъ образомъ; все поле, которое желаютъ пройдти, они подраздѣляютъ предварительно на части, чтобы было удобнѣе изслѣдовать весь предметъ; они идутъ по прямымъ и ровнымъ дорогамъ, чтобы никогда не спотыкаться; отъ общихъ заключеній они переходятъ къ заключеніямъ еще болѣе общимъ; они производятъ точную и полную классификацію группы. Когда они идутъ дальше простаго анализа, то талантъ ихъ сводится на краснорѣчивое защищеніе тезисовъ; изъ современниковъ Карлейля — Маколей можетъ служить лучшимъ образцомъ ума такого рода.

«Другіе, порывшись быстро и безпорядочно въ частяхъ группы, кидаются внезапнымъ скачкомъ въ основную идею; тогда они ее видятъ сразу всю; они чувствуютъ силы ее организующія, они воспроизводятъ ее угадываніемъ, они рисуютъ ее въ ракурсѣ самыми выразительными и странными словами, они неспособны разлагать ее въ правильные ряды, они замѣчаютъ ее всегда вдругъ и всегда вполнѣ. Процессъ ихъ мышленія состоитъ всегда во внезапныхъ концентраціяхъ крайнихъ идей. Передъ ними являются призраки далекихъ слѣдствій и живыхъ дѣлъ; это творцы и поэты. Мишле во Франціи представляетъ лучшій образецъ такой формы ума, а Карлейль—это англійскій Мишле.

«Онъ это знаетъ и совершенно справедливо утверждаетъ, что геній есть интуиція, зрѣніе извнутри (insight). «Методъ Тайфельдрэка,—говоритъ онъ о лицѣ, въ которомъ изображаетъ самого себя,—никогда не сливается съ рутинной логикой школы, гдѣ всѣ истины поставлены въ рядъ, и каждая держится за полу другой; это методъ практическаго ума, дѣйствующій широкими взглядами, обнимающими группы и цѣлыя система-

тическія области; это производитъ величавую сложность въ его философіи, почти похожую на сложность самой природы; это — умозрительное изображеніе природы, грандіозное изслѣдованіе, нел ишенное, однакожъ, плана». — Конечно такъ, но и въ этомъ методѣ существуютъ недостатки и на первомъ планѣ неясность и варварство пріема. Чтобы понять его, необходимо его прилежно изучить, или же имѣть точно такой же складъ ума; но немногіе — критики по призванію, или ясновидящіе по характеру; вообще пишутъ для того, чтобы быть понятыми, и разумѣется, читателю очень непріятно когда съ нимъ говорятъ загадками. Съ другой стороны, этотъ методъ ясновидящаго — вещь крайне рискованная; когда желаешь однимъ скачкомъ перескочить въ первичную основную идею предмета, то легко упасть на сторону. Прогрессивный и постепенный ходъ медленнѣе — это правда, но за то вѣрнѣе: методисты, надъ которыми такъ ѣдко издѣвается Карлейль, имѣютъ передъ нимъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что могутъ провѣрять всѣ свои шаги. Прибавьте къ этому еще и то, что всѣ эти смѣлыя предсказанія и утвержденія очень часто бездоказательны; Карлейль возлагаетъ на самого читателя заботу пріискивать доказательства; часто читатель не хочетъ обременять себя этимъ и отказывается вѣрить на слово пророку. Къ тому же, при этихъ условіяхъ аффектація необходима; значитъ ужъ она неизбѣжна, если даже Шекспиръ переполненъ ею. Простой писатель, прозаикъ и неясновидящій, всегда можетъ разсуждать и оставаться прозаикомъ, его вдохновеніе не испытываетъ перерывовъ и не требуетъ усилій. Напротивъ того, пророчество есть насильственное состояніе, не всегда прочное. Когда его не достаетъ, то приходится замѣнять его кривляньями и рѣзкими жестами. Карлейль горячитъ себя, чтобы внутренній жаръ не потухъ; онъ бѣснуется, и эта добровольная, постоянная эпилепсія составляетъ самое непріятное зрѣлище. Нельзя выносить человѣка, который бредитъ, восклицаетъ и желаетъ во чтобы то ни стало, раздражить наши нервы, какъ плохой, напыщенный актеръ. Наконецъ, когда при подобнаго рода складѣ ума встрѣчаются въ гордой душѣ привычки мрачнаго проповѣдника, то естественно является неприличіе и безтактность. Многіе найдутъ Карлейля высокопарнымъ, грубымъ; они слѣдуя его теоріямъ и обращая вниманіе на тонъ его рѣчи — заподозрятъ его въ томъ, что онъ считаетъ себя непризнаннымъ великимъ человѣкомъ, изъ породы героевъ, о которыхъ онъ такъ много говорилъ, что, по его мнѣнію, родъ человѣческой долженъ отдаться въ его руки и поручить ему всѣ свои дѣла. Онъ съ высоты своего величія читаетъ намъ урокъ. Онъ презираетъ эпоху, въ которую живетъ; тонъ его рѣчи угрюмъ и непріятенъ, онъ охотно взлѣзаетъ на ходули, и презираетъ противорѣчія. Онъ грубо обращается со своими предшественниками; когда онъ говоритъ о біографахъ Кромвелля, то придаетъ себѣ видъ геніальнаго человѣка, попавшаго въ кругъ людей пошлыхъ и ничтожныхъ. На лицѣ его блуждаетъ божественная улыбка, смиренная снисходительность героя, дѣлающагося мученикомъ, и эту роль онъ

онъ оставляетъ только въ такомъ случаѣ, когда придетъ ему охота кричать во всю ивановскую, подобно грубому невѣжѣ.» (*)

Такова характеристика Карлейля, сдѣланная Тэномъ; мы полагаемъ, что она чрезвычайно близко подходитъ къ истинѣ, и по этому то именно привели ее. Во всякомъ случаѣ, умъ такого рода не могъ не имѣть громаднаго вліянія на окружающихъ его людей, и прибавимъ—вліянія благотворнаго. Теперь намъ остается объяснить это вліяніе и роль, которую онъ играетъ въ англійской литературѣ.

II.

Такой исключительный складъ ума, какой мы замѣчаемъ у Карлейля и тотъ путь, которому онъ слѣдуетъ, составляютъ по мнѣнію Тэна, единственное и могущественнѣйшее средство проникнуть глубоко въ природу. Этимъ пользовались и Шекспиръ и Гете, только у Шекспира этотъ способъ находился въ видѣ инстинкта, а у Гете въ видѣ совершенно сознаннаго и научнаго метода. Это одно изъ самыхъ могучихъ средствъ знанія. «Нѣтъ метода болѣе способнаго возстановить наши идеи, извлечь формулы, освободить насъ отъ предразсудковъ, которыми покрываетъ насъ воспитаніе, уничтожить заборы, окружающіе насъ. Благодаря этому способу Карлейль, освободившись отъ офиціальныхъ англійскихъ идей, проникъ въ философію и науку Германіи, чтобы по своему передумать германскія открытія и дать свою собственную теорію человѣка и вселенной.» Карлейль учился въ Германіи, полюбилъ нѣмецкую литературу и науку, и знаетъ въ совершенствѣ нѣмецкій языкъ; нѣмецкую литературу онъ ставитъ чрезвычайно высоко и всѣми своими великими идеями онъ обязанъ Германіи. Онъ не болѣе какъ посредникъ, который ввелъ нѣмецкія возрѣнія въ Англіи; Тэнъ прибавляетъ: «это немаловажное дѣло, потому что этому именно дѣлу служитъ все мыслящее сегодня.» Попробуемъ, по этому опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе Германіи для цивилизаціи XIX столѣтія.

Въ извѣстныя эпохи появляется самобытная *форма* ума, которая преобразуетъ медленно и сначала незамѣтно весь строй мысли и придаетъ извѣстный характеристическій оттѣнокъ всей эпохѣ, къ которой относится; искусство, наука, литература, философскія воззрѣнія и системы поддаются невольно вліянію этой формы ума и, наконецъ, принимаютъ общій характеристическій оттѣнокъ эпохи. Это своего рода потокъ, который въ своемъ движеніи захватываетъ все и которому нельзя поставить преграды, потому что онъ является продуктомъ всей политической, соціальной и экономической жизни народа и непосредственно, органически вытекаетъ изъ условій предшествовавшей эпохи. Когда въ этомъ направленіи, и вызванное этимъ быстрымъ

(*) Taine—Histoire de la litterature anglaise, Томъ IV, ст. 270.

движеніемъ потока, искуство произвело всѣ свои произведенія, философія—всѣ свои теоріи, наука—всѣ свои открытія, то высшая точка развитія данныхъ преобладающихъ элементовъ времени достигнута и потокъ самъ собой останавливается. Возникаетъ новая форма ума, болѣе удовлетворяющая новымъ потребностямъ жизни и времени, или же человѣкъ перестаетъ мыслить и въ этомъ послѣднемъ случаѣ народъ исчезаетъ съ политической арены. Это не голословное предположеніе или фантастическій продуктъ больного воображенія, а историческій фактъ. Такъ, «въ эпоху возрожденія появился артистическій и поэтическій геній, который возникъ въ Италіи и Испаніи и потухъ въ этихъ странахъ, черезъ полтораста лѣтъ, а перенесенный въ Францію и Англію покончилъ свое существованіе еще черезъ сто лѣтъ, среди изысканной и вычурной литературы, создавъ реформу, утвердивъ свободную мысль и основавъ науку (*). Точно также возникла вмѣстѣ съ Драйденомъ и Малербомъ ораторская и классическая форма ума, которая, вызвавъ литературу XVII столѣтія и философію XVIII, исчерпалась при послѣдователяхъ Вольтера и Попе, образовавъ Европу и вызвавъ французскую революцію. Также точно возникъ въ концѣ прошлаго столѣтія германскій философскій геній, который породилъ новую литературу, теологію, метафизику, поэзію, лингвистику, проникаетъ теперь въ науки, и до сихъ поръ является активнымъ двигателемъ».

У насъ нѣтъ ни мѣста, —ни возможности подробно опредѣлить эту новую форму ума, мы бы слишкомъ удалились отъ предмета, еслибы желали развить тѣ общіе тезисы и общіе выводы, о которыхъ Тэнъ въ своей критикѣ упоминаетъ только вскользь; чтобы изложить только то, что говоритъ Тэнъ по этому предмету, намъ нужно было бы вдаться въ подробности, которыя здѣсь неумѣстны и которыя въ сущности немногимъ уяснили бы дѣло. Къ тому же это столь важный предметъ, онъ захватываетъ столько сторонъ, что объ немъ можно говорить только въ отдѣльномъ и чисто научномъ изслѣдованіи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, мы укажемъ только на главныя основныя идеи Тэна объ этомъ предметѣ и непосредственно перейдемъ къ дѣятельности Карлейля.

Та самобытная и новая форма ума, о которой мы говорили, заключается главнымъ образомъ въ способности открывать общія идеи. Никакой народъ и никакая эпоха не владѣли ею въ такой высокой степени, какъ нѣмцы; это ихъ преобладающая способность и она-то именно произвела тотъ нравственный переворотъ въ мысли человѣческой, котораго послѣдствія переживаются въ настоящее время современной Европой. Изъ этой способности къ пониманію общности могла возникнуть только идея общности; и дѣйствительно, всѣ идеи, выработанныя въ Германіи въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, сосредоточиваются въ одной, въ идеѣ *развитія* (Entwickelung), благодаря которой, всѣ части группы считаются солидарными и дополняющими другъ друга,

(*) Подробности вліянія этого артистическаго и поэтическаго генія на Англію читатель найдетъ въ Histoire de la litterature anglaise, Тэна.

такъ что каждая изъ нихъ необходимо обусловливаетъ всѣ прочія, а всѣ вмѣстѣ взятыя являются выраженіемъ свойства, соединяющаго и производящаго ихъ. Всѣ многочисленныя системы. всѣ ученія, возникшія до сихъ поръ въ Германіи покоятся на этой основной идеѣ, которая въ наиболѣе простой своей формѣ есть только идея взаимной зависимости, соединяющей звѣнья одного порядка и приковывающая ихъ къ какому нибудь отвлеченному свойству ихъ сущности. «Если эту идею,—говоритъ Тэнъ,—приложить къ природѣ, то міръ представится намъ, какъ лѣстница формъ и послѣдовательныхъ состояній, имѣющихъ въ самихъ себѣ причину ихъ послѣдовательности и бытія, заключающихъ въ своей сущности причину ихъ конечности, составляющихъ въ своей общности одно недѣлимое цѣлое, которое удовлетворяетъ самого себя, исчерпываетъ всѣ возможности и связываетъ все сущее, отъ пространства и времени до жизни и мысли... Прилагая эту идею къ человѣку, мы будемъ разсматривать чувства и мысли, какъ естественные продукты, связанные между собой, подобно превращеніямъ животнаго или растенія, что приведетъ насъ къ широкому пониманію различныхъ формъ вѣры, философскихъ системъ, литературъ, всѣхъ инстинктовъ и всѣхъ душевныхъ движеній; во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы увидимъ необходимое слѣдствіе состоянія духа...»

Эта основная идея однакожъ, развилась въ чрезвычайныя крайности и еще болѣе странныя системы; чтобы нормально и органически развиваться, ей недоставало точныхъ научныхъ данныхъ; вся наша наука покоится пока только на трехсотъ-лѣтнемъ опытѣ, а историческіе документы, съ помощью которыхъ мы изучаемъ прошедшее, даютъ лишь сомнительный свѣтъ. Такого рода матеріалъ совершенно недостаточенъ для правильнаго развитія идеи общности. Какъ только мы принимаемся соединять въ одной какой нибудь общей причинѣ самое незначительное число фактовъ, то мы принуждены употреблять до того общія идеи, такъ какъ онѣ равно относятся ко всѣмъ фактамъ; вотъ почему по необходимости прибѣгаешь къ гипотезѣ и отвлеченію, и, думая выводить дѣйствительные законы, вы производите только самыя странныя предположенія. «Системы являлись одна за другой и образовали непроходимую чащу, куда никакой иностранецъ не смѣлъ войдти, зная впередъ, что каждое утро является новый отпрыскъ и что рѣшительное открытіе, объявленное наканунѣ, стушуется новыми открытіями, столь же несомнѣнными, способными просуществовать лишь до завтрашняго утра. Европейская публика приходила въ изумленіе, видя такое богатство воображенія и такое полное отсутствіе здраваго смысла, столь гордыя претензіи и столь пустыя теоріи, подобное наводненіе фантастическихъ существъ и такое переполненіе ненужныхъ отвлеченностей, такой странный недостатокъ разборчивости и такую невѣроятную роскошь нелѣпицы». Въ такомъ видѣ, разумѣется, нѣмецкія идеи составляютъ совершенно ненужный хламъ, но это, по мнѣнію Тэна, одна изъ тѣхъ необходимыхъ переходныхъ формъ, которыя, при всей ихъ несостоятельности, способны на коренное преобразованіе и на широкое развитіе. Помогать этому развитію и есть, какъ говоритъ Тэнъ, дѣло, которому служитъ въ

настоящее время все мыслящее въ Европѣ; но каждый отдѣльный народъ, внося въ это дѣло свои личныя особенности и особенности расы, невольно преобразуетъ по своему полученный матеріалъ и придаетъ ему личный и мѣстный оттѣнокъ. Таковъ всегда историческій процессъ; такъ, напр., французы XVIII столѣтія расширили по своему и распространили свободныя идеи, созданныя англичанами въ политикѣ и религіи. То же самое должно случиться и теперь съ наслѣдствомъ, оставленнымъ Германіей роду человѣческому. Франція и Англія давно уже работаютъ въ этомъ направленіи, но каждая страна вноситъ въ основныя германскія идеи свои національныя особенности и по своему преобразуетъ ихъ.

Въ Англіи этой дѣятельности посвятилъ себя Карлейль и въ этомъ отношеніи дѣятельность его заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, тѣмъ болѣе что ему стоило большаго труда и усилій, чтобы провести нѣмецкія идеи въ англійское общество. Не смотря на племенное родство этихъ двухъ народовъ, ихъ политическія, соціальныя судьбы, вмѣстѣ съ различіями мѣстности, до того были не сходныя, что въ каждомъ изъ этихъ народовъ выработался особенный складъ ума и особые пріемы мысли. Въ Англіи не имѣетъ доступа, или проникаетъ въ общество съ чрезвычайными только усиліями всякая идея, которая, прямо или косвенно вредитъ практической нравственности или установленнымъ соціальнымъ формамъ. Путь, избранный Карлейлемъ для проведенія нѣмецкихъ идей въ англійское общество былъ, можетъ быть, единственный, слѣдуя которому былъ возможенъ успѣхъ. Дѣло въ томъ, что Карлейль *переводитъ* на поэтическій и мистическій языкъ нѣмецкія обобщенія. Какъ Фихте, онъ говоритъ «о божественной идеѣ міра, о реальности присущей на днѣ всего кажущагося». Какъ Гете, онъ говоритъ «о духѣ, вѣчно ткущемъ живое одѣяніе Бога.» Онъ пользуется ихъ метафорами съ тою только разницею, что принимаетъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ. Понятіе, которое у нѣмцевъ является въ идеѣ формы и закона, у Карлейля преобразуется въ какое-то таинственное и недосягаемое существо. Помощью восторженности, болѣзненнаго раздраженія, неяснаго чувства связи всѣхъ вещей, оно возвышается до того единства природы, до котораго нѣмцы доходятъ силой мысли и отвлеченія. Понятно, что нѣмецкія идеи, переодѣтыя въ такую странную маскарадную одежду, представляютъ необыкновенное зрѣлище, къ которому русскій умъ не привыкъ, благодаря своей способности проникать въ отвлеченныя идеи. Посмотримъ, однако-жъ, каково это зрѣлище?

«Это не метафизика,—говоритъ Карлейль,—или какая нибудь другая отвлеченная наука, берущая начало лишь въ одномъ мозгу; это философія жизни, исходящая изъ сердца и говорящая сердцу.» «Подъ именемъ Тайфельдрэка,—прибавляетъ Тэнъ,—Карлейль разсказалъ цѣлый рядъ душевныхъ волненій, которыя ведутъ къ этой философіи. Это—чувства современнаго пуританина. Вы встрѣчаете здѣсь сомнѣнія, отчаяніе, внутреннюю борьбу, восторженность, страданія, посредствомъ которыхъ прежніе пуритане достигли вѣры. Это та же вѣра въ другой только формѣ. У него точно также какъ и у нихъ, внутрен-

ния и духовная сторона человѣка отдѣляется отъ стороны внѣшней и тѣлесной, человѣкъ видитъ долгъ среди стремленій къ наслажденію, открываетъ Бога въ кажущейся природѣ и за границею вселенной и чувственныхъ инстинктовъ видитъ вселенную и инстинкты сверхъестественные.

Карлейль въ своей философіи является настоящимъ мистикомъ и поэтому во всякомъ предметѣ видитъ двойной смыслъ. «Въ глазахъ обыкновенной логики, говоритъ онъ, что такое человѣкъ? — Всеядное двуногое животное, носящее панталоны.—Но что такое человѣкъ въ глазахъ чистаго разума?— Душа, духъ, божественное проявленіе.» «Существуетъ таинственное *я*, скрытое подъ этой оболочкой тѣла. Глубоко оно скрыто подъ этой странной оболочкой, среди звуковъ, цвѣтовъ и формъ. И однако-жъ оболочка эта соткана въ небѣ и достойна Бога..» (*) «Всѣ видимые предметы—не болѣе какъ эмблемы: то, что ты видишъ—не въ самомъ дѣлѣ видишь. Говоря точно, тутъ и нѣтъ ничего. Матерія существуетъ только поскольку существуетъ духъ съ цѣлью обнаруженія какой нибудь идеи и олицетворенія ея внѣшнимъ образомъ»... «Развѣ все то, что человѣкъ дѣлаетъ—не дѣлаетъ онъ символически? Развѣ жизнь его не есть осязаемое откровеніе дара Божья, мистической силы, которая существуетъ въ немъ?... Нѣтъ ни времени, ни пространства, это только великія иллюзіи... Корень нашъ въ вѣчности, кажется, будто мы родимся и умираемъ, но въ дѣйствительности мы *существуемъ*...»

Вотъ вамъ обращикъ тѣхъ философскихъ взглядовъ, которые проповѣдываются Карлейлемъ. Мы не будемъ продолжать дальше эту выписку; то что мы привели, совершенно достаточно, для опредѣленія характера этихъ взглядовъ, да кромѣ того, мы жалѣемъ нашихъ читателей, на которыхъ могутъ подѣйствовать этѣ фантазіи самымъ тяжелымъ образомъ. Складъ русскаго ума слишкомъ положителенъ, чтобы находить смыслъ въ подобнаго рода мистическихъ теоріяхъ, которыя, скажемъ мимоходомъ, имѣютъ самое реальное значеніе для англичанина и которыя въ этой мистической формѣ являются только переложеніемъ пантеистическихъ взглядовъ Германіи. Въ критикѣ Тэна проведена и великолѣпно набросана параллель этихъ мистическихъ взглядовъ Карлейля съ нѣмецкими теоріями и доказана родственная ихъ связь. Оставляя въ сторонѣ эту параллель, мы прямо переходимъ къ изложенію взглядовъ Карлейля на нравственность.

III.

Этотъ мистицизмъ Карлейля, о которомъ мы сказали нѣсколько словъ, имѣетъ въ основѣ чисто англійское чувство: онъ практиченъ. «Пуританинъ, — говоритъ Тэнъ,—безпокоится не только о томъ, во что вѣрить, но также и о томъ, что дѣлать; онъ требуетъ отвѣта на свои сомнѣнія и въ особенности

(*) Sartor стр. 75, 76, 83, 259.

желаетъ отъискать правила для своего поведенія; его мучитъ не только чувство его невѣдѣнія, онъ ужасается кромѣ того зрѣлищемъ своихъ пороковъ». Долгъ играетъ самую важную роль въ мистическихъ воззрѣніяхъ пуританина. «Развѣ слово *долгъ*, говоритъ Карлейль, не имѣетъ смысла?» «Въ себѣ мы открываемъ нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ любовь къ наслажденію, а именно любовь къ самопожертвованію. Вотъ божественная часть нашей души. Ею и въ ней мы замѣчаемъ Бога, который иначе вѣчно остался бы для насъ скрытымъ. Ею мы проникаемъ въ извѣстный и возвышенный міръ. Существуетъ особенное состояніе души, благодаря которому она стряхиваетъ съ себя эгоизмъ, отказывается отъ наслажденія, не заботится о самой себѣ, превозноситъ страданіе, понимаетъ святость...» Всѣ этѣ теоріи, туманныя мечты, приводятъ къ утвержденію доктрины долга, и тутъ-то именно обнаруживается весь практическій смыслъ и чисто англійская ихъ основа. «Здѣсь, прибавляетъ Тэнъ, мы касаемся англійской узкой черты этого нѣмецкаго широкаго воззрѣнія. Есть множество ученій, которыя вовсе не нравственны, есть еще болѣе такихъ, которыя вовсе не практичны. Карлейль желаетъ низвести всего человѣка къ чувству долга, а воображеніе человѣка—къ англійскому чувству уваженія. Цѣлая половина человѣческой поэзіи ускользаетъ отъ него, потому что если частица насъ самихъ влечетъ насъ къ самопожертвованію и добродѣтели, то другая приводитъ насъ къ наслажденію. Обѣ этѣ стороны одинаково законны; природа—двулицый Янусъ; многія племена, какъ напр., Индія, Греція, Италія поняли только вторую часть, и ихъ религіи выражали только поклоненіе безконечной силѣ и восторженность грандіознаго воображенія, или же благоговѣніе передъ гармонической формой съ культомъ сладострастія, красоты и счастія.» — Мы не можемъ войти въ бо́льшія подробности этихъ взглядовъ Карлейля на нравственность, точно также, какъ не можемъ касаться его воззрѣній на христіанство, воззрѣній, которыя сами по себѣ чрезвычайно интересны и которыя обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ его, во всякомъ случаѣ, безспорно широкій умъ. Переходимъ прямо къ его критикѣ и критическимъ пріемамъ.

Его критика литературныхъ произведеній отличается тѣми же качествами, какъ и критика его религіозныхъ воззрѣній. «Онъ ввелъ въ свою критику идеи Гегеля и Гете и сжалъ ихъ въ узкую строгость пуританскаго чувства; онъ разсматриваетъ поэта, писателя, художника, какъ объяснителя божественной идеи, которая находится въ основѣ всего кажущагося, какъ открывающаго безконечное, какъ представителя своего вѣка, своего народа, своего времени». Т. е., по просту, Тэнъ говоритъ, что писатель, художникъ—есть только продуктъ окружающей природы и людей, слѣдовательно въ его произведеніяхъ, какъ въ фокусѣ, отражаются всѣ характеристическія черты народа и времени. Этотъ чисто нѣмецкій взглядъ на критику, введенный въ Англію, гдѣ до тѣхъ поръ критика играла роль добронравнаго проповѣдника, необыкновенно оживилъ ее. Въ этомъ направленіи написаны его лекціи о Шекспирѣ и Данте, его этюды о Гете, Джонсонѣ, Борнсѣ, Руссо, и это его

лучшія вещи; но и здѣсь, какъ и во всѣхъ его произведеніяхъ, видна извѣстная узкость взгляда. «Онъ сдѣлался послѣдователемъ и поклонникомъ Гете, онъ хвалилъ его съ горячностью новичка, такъ что ему даже относительно его не достало проницательности; онъ называетъ его героемъ, представляетъ жизнь его какъ образецъ, которому должны слѣдовать всѣ люди нашего времени, и вовсе не хочетъ видѣть его язычества, столь видимаго и столь враждебнаго для пуританина. Въ противоположность этому и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ изъ Жанъ-Поля Рихтера онъ дѣлаетъ аффектированнаго шута, сумасброднаго юмориста «великана», нѣчто въ родѣ прорицателя; онъ осыпалъ похвалами Новалиса, и мистическихъ мечтателей; демократа Борнса онъ поставилъ выше Байрона, онъ превознесъ Джонсона, этого добродушнаго педанта. Его основная идея состоитъ въ томъ, что форма въ произведеніи ума — вещь второстепенная, одно содержаніе важно». Этотъ односторонній взглядъ мѣшаетъ ему много видѣть и многое понять; такъ, нельзя еще видѣть особеннаго генія въ Джонсонѣ, потому только, что онъ былъ искрененъ и религіозенъ. На этомъ основаніи онъ отрицаетъ искуство, презираетъ художниковъ и видитъ въ нихъ лишь одинъ только вредъ.

Съ другой стороны, онъ терпѣть не можетъ французскую литературу и въ особенности Вольтера. Вотъ что по этому поводу говоритъ Тэнъ: «Онъ старается понять Вольтера, а между тѣмъ лишь поноситъ его. «Нѣтъ ни одной великой идеи,—говоритъ Карлейль,—въ его тридцати шести томахъ... Взоръ Вольтера скользилъ только по поверхности природы; все великое съ его красотой и безконечнымъ тайнымъ величіемъ—никогда, ни на одно мгновеніе не было имъ понято; онъ разсматривалъ и замѣчалъ тотъ или другой атомъ, потомъ другой, ихъ различія, ихъ особенности... Его теорія міра, его картина человѣка и человѣческой жизни—мелочны, жалки, даже для поэта и философа. Онъ разсматриваетъ исторію, не съ точки зрѣнія ясновидящаго, или даже критика, а помощью простыхъ антикварскихъ очковъ. Для него, исторія—не величественная драма, представляемая на сценѣ безконечнаго, съ солнцемъ, вмѣсто лампъ, и съ вѣчностью, вмѣсто подмостковъ... но жалкая зала диспутовъ, состряпанныхъ десятью вѣками между энциклопедіей и Сорбонной...» И такъ, все въ томъ же тонѣ продолжается очень долго. Нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго, что Карлейль не понялъ Вольтера; этѣ двѣ натуры столь діаметрально противоположны, что несправедливыя ругательства Карлейля не могутъ вызвать даже досады; это тѣмъ болѣе неудивительно, что Карлейль никогда не можетъ отрѣшиться отъ своей личной точки зрѣнія и посмотрѣть безпристрастно на предметъ, не вводя въ свое сужденіе своихъ личныхъ теоретическихъ взглядовъ, и своихъ симпатій. Въ этомъ-то именно, какъ намъ кажется, и заключается самая слабая сторона Карлейля.

IV.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ историческихъ трудахъ Карлейля; это лучшая часть его дѣятельности и ею онъ пріобрѣлъ въ Европѣ наибольшую извѣстность. Да иначе и быть не могло. Его философскіе этюды, политическіе памфлеты, писаны только для Англіи и для ней только имѣютъ серьезное значеніе. Въ Англіи они были поняты и оцѣнены; благодаря имъ, онъ сдѣлался для своей родины однимъ изъ наиболѣе передовыхъ людей, потому что въ этѣхъ статьяхъ онъ осмѣлился идти прямо въ разрѣзъ со всѣми общепринятыми понятіями и рутиной общественнаго мнѣнія. Надобно было имѣть силу убѣжденій Карлейля и его смѣлость, чтобы это сдѣлать. Исторія же его—интересна не только для Англіи, и пріобрѣтаетъ для насъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что уясняетъ много сторонъ, которыя могли быть объяснены только англичаниномъ и только человѣкомъ перепитаннымъ идеями пуританъ.

«Всеобщая исторія,—говоритъ Карлейль (*),—исторія того, что человѣкъ совершилъ въ мірѣ, есть въ сущности исторія великихъ людей; они были образователями, образцами и, въ широкомъ значеніи слова, творцами всего того, что масса людей, вмѣстѣ взятыхъ, успѣла совершить, или до чего достигла. Все, что мы видимъ въ мірѣ,—есть въ сущности внѣшній матеріальный результатъ, практическое осуществленіе и воплощеніе идей великихъ людей, низпосланныхъ въ міръ. Душою всей исторіи міра будетъ ихъ исторія»—«Герой—это посланникъ, отправленный къ намъ изъ глубины безконечнаго, съ извѣстіями для насъ... Онъ исходитъ изъ внутренней сущности вещей. Онъ живетъ въ этой сущности и долженъ жить въ ежедневномъ общеніи съ нею. Онъ исходитъ изъ сердца міра, изъ первоначальной реальности вещей вдохновеніе Всемогущаго даетъ ему разумъ и въ дѣйствительности все, что онъ произноситъ, есть нѣчто въ родѣ откровенія». Ни время, ни его личное несовершенство не затемняютъ чистоту его зрѣнія, онъ всегда достигаетъ до открытія какой нибудь великой истины. То что открыто имъ—безсмертно и неизмѣнно...

Намъ приходилось уже упоминать объ этой теоріи героизма, въ которой сосредоточивается для него вся философія исторіи. Безспорно это оригинальный и чрезвычайно странный взглядъ на исторію; онъ слишкомъ страненъ и слишкомъ голословенъ, чтобы мы могли его принять въ той формѣ мистическаго олицетворенія, въ которой мы видимъ его у Карлейля. Какими путями онъ создалъ подобную теорію? Дѣло въ томъ, что вся эта теорія—не болѣе и не менѣе какъ простой переводъ нѣмецкой теоріи на англійскій ладъ; мы уже упомянули, какъ принимается Карлейль для распространенія нѣмецкихъ идей въ англійскомъ обществѣ, и знаменитая его теорія героизма есть преобразованная, сжатая и расширенная теорія Гегеля. Гегель говорилъ, что

(*) On Heroes, томъ I, стр. 71.

всякая нація, всякій періодъ, всякая цивилизація выработываетъ и развиваетъ извѣстную *идею*, т. е. такую отличительную и преобладающую черту, отъ которой исходятъ всѣ остальныя, такъ что философія, религія, искусство, нравы, соціальныя и семейныя формы жизни даннаго народа и данной эпохи могутъ быть дедуктированы изъ какого нибудь основнаго качества, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается. Вся разница теоріи Карлейля и теоріи Гегеля заключается въ томъ, что тамъ, гдѣ Гегель ставилъ основную идею, идею составляющую результатъ всей умственной, соціальной и политической жизни эпохи извѣстнаго народа, Карлейль ставитъ *героическое чувство*. Это осязательнѣе и нравственнѣе. Чтобы окончательно выйти изъ тумана, онъ олицетворяетъ это чувство въ героѣ. Онъ по необходимости даетъ тѣло и душу отвлеченіямъ и чистымъ идеямъ; ему не по себѣ въ отвлеченныхъ понятіяхъ, онъ хочетъ касаться реальнаго существа.

Но точно также, какъ основная идея Гегеля, это фантастическое существо, созданное Карлейлемъ, въ одинаковой степени представляетъ сокращеніе всего остальнаго. «Герой,—по его мнѣнію,—заключаетъ въ себѣ и является представителемъ извѣстной цивилизаціи. Онъ открылъ, провозгласилъ и осуществилъ самобытное воззрѣніе и вся эпоха послѣдовала за нимъ». И такъ, значеніе героическаго чувства даетъ значеніе цѣлой эпохѣ. Этимъ Карлейль пошелъ дальше простыхъ біографій. Онъ отъискалъ великіе виды своихъ учителей. Онъ почувствовалъ, какъ и они, что цивилизація какъ бы ни была велика и растянута во времени и пространствѣ,—образуетъ нераздѣльное цѣлое. Подъ маской героизма онъ соединилъ всѣ тѣ разъединенныя части, которыя у Гегеля скованы закономъ. Изъ общаго чувства онъ вывелъ событія, которыя нѣмцами выводились изъ общаго понятія. Онъ понялъ глубокія и далеко раскинутыя нити событій, которыя соединяютъ великаго человѣка съ его временемъ, нити, соединяющія произведенія вполнѣ законченной и завершенной цивилизаціи съ первыми проявленіями только что рождающейся мысли, связывающія ученыя сложности современныхъ конституцій съ безпорядочными проблесками первобытнагова варварства. «Эти древніе короли моря,—говоритъ онъ,—молчаливые, съ сжатыми губами, которые издѣвались надъ бѣшеннымъ океаномъ и его чудовищами, были прямыми средниками нашихъ Блэковъ и Нельсоновъ. Грольфъ или Ролло, норманскій князь, имѣютъ и теперь свою долю въ правленіи Англіи (*)». — «Еслибы не было св. Доминиковъ и Ѳиваидскихъ отшельниковъ, то не было бы и гармоническаго Данта. Страшныя усилія въ Скандинавіи и въ другихъ мѣстахъ отъ Одина до Вальтера Ралега, отъ Ульфилы до Кранмера—дали возможность Шекспиру писать свои драмы...» Кромѣ того, я часто замѣчалъ, что появленіе великаго поэта есть симптомъ того, что эпоха достигла своей высшей цивилизаціи, закончилась, и что вскорѣ наступитъ новая эпоха и явятся новые реформаторы. «Великія произведенія поэта только распространяютъ или прилагаютъ эту основную идею; исто-

(*) On Heroes.

рикъ пользуется ею, чтобы воскресить первичное чувство, образовавшее эти великія произведенія, и образовать общій взглядъ, соединяющій ихъ».

При введеніи этого взгляда въ исторію, исторія превращается въ эпопею героизма; такъ какъ герой есть средоточіе и олицетвореніе эпохи, то разумѣется, прежде всего и главнымъ образомъ необходимо обратить вниманіе на него. Такимъ образомъ, Карлейль даетъ вамъ великолѣпную, мастерски исполненную картину эпохи, въ лицѣ героя этой эпохи, и не только картину, такъ какъ, по его мнѣнію, герой составляетъ причину всякаго движенія, то героемъ слѣдовательно, можно объяснить всякое движеніе. «Чтобы представить исторію буддизма, необходимо показать спокойное отчаяніе аскетовъ, которые, будучи поражены мыслью безконечной пустоты и ожиданіемъ окончательнаго уничтоженія, достигли въ своемъ однообразномъ квіетизмѣ до чувства всеобщаго братства. Чтобы разсказать исторію христіанства необходимо показать душу св. Іоанна или св. Петра, неожиданное пробужденіе совѣсти, вѣру въ невидимыя вещи, преображеніе души, проникнутой пресутствіемъ Бога-Отца, порывы нѣжности, великодушія, самоотверженія, довѣрія и надежды, которыя явились освободить несчастныхъ, задавленныхъ тираніей и господствомъ Римлянъ». Карлейль болѣе чѣмъ кто либо другой способенъ былъ создать подобную историческую картину. Если въ ней вы не найдете строгой послѣдовательности безпристрастнаго мыслителя, то увидите великолѣпную картину времени и объясненіе всѣхъ событій. По характеру, по складу ума, Карлейль въ особенности способенъ возсоздать исторію англійской революціи, революціи, имѣвшей источникомъ совѣсть, воздвигнувшей долгъ въ законъ и возбудившей строгій и мрачный героизмъ. «Пуританинъ—лучшій историкъ эпохи пуританъ». Вотъ почему *Кромвель* Карлейля не только его лучшее произведеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ великихъ историческихъ сочиненій; а между тѣмъ это не болѣе какъ собраніе писемъ и рѣчей, связанныхъ непрерывнымъ разсказомъ и комментированныхъ. Впечатлѣніе производимое этою компиляціей, необыкновенно. Вы шагъ за шагомъ, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ слѣдите за Кромвеллемъ, видите его у себя дома, въ палаткѣ, въ Совѣтѣ, вы слышите звукъ его голоса и дѣлаетесь свидѣтелемъ всей его жизни и великая душа, душа Кромвелля, величайшаго изъ пуританъ, дѣлается для васъ понятною и наполняетъ своимъ присутствіемъ всю великую эпоху. «Я бы желалъ,—говоритъ Тэнъ—чтобы каждое историческое сочиненіе было похоже на эту книгу, чтобы оно составляло извѣстный выборъ документовъ, дополненныхъ комментаріями; за одно такое сочиненіе я отдалъ бы всѣ сухія разсужденія, всѣ краснорѣчивые, разноцвѣтные разсказы Робертсона и Юма. Читая эту книгу я могу провѣрить автора; я думаю по своему, а не такъ, какъ онъ думаетъ: историкъ не становится между мной и предметомъ; я вижу фактъ, а не разсказъ о фактѣ; ораторская, личная оболочка, которою разсказъ покрываетъ истину—исчезла. Я осязаю самую истину».

Эта сторона сочиненія имѣетъ чрезвычайную важность, потому что мы не имѣемъ на малѣйшаго права не вѣрить автору и точно сами присутствуемъ при всѣхъ обстоятельствахъ. И Кромвелль, вмѣстѣ со своими пуританами,

выходитъ изъ этого испытанія возобновленнымъ и преображеннымъ. «Правда, мы и прежде догадывались, что онъ былъ не просто тщеславный человѣкъ, не лицемѣръ, но смотрѣли на него какъ на буйнаго и грубаго фанатика. Мы считали этихъ пуританъ печальными безумцами, ограниченными, суевѣрными людьми....» Теперь мы видимъ нѣчто другое. Въ нихъ прячется великое чувство и, благодаря именно этому чувству, возможенъ былъ тотъ переворотъ, который былъ сдѣланъ ими. Они были поражены идеей долга; они строго, безъ пощады, разсматривали и взвѣшивали всѣ свои дѣйствія; они создали величественный образецъ непогрѣшимой и законченной добродѣтели и слѣдовали ему; они напитались имъ; они окружили этою абсорбирующею мыслью всѣ свои занятія и всѣ чувственныя наклонности; они ринулись въ жизнь съ твердою рѣшимостью все перетерпѣть и все сдѣлать, лишь бы ни на шагъ, ни на мгновеніе не свернуть съ дороги, слѣдовать которой предписывала имъ совѣсть. «Эти бѣдные люди, эти фермеры и лавочники, говоритъ Тэнъ, всѣмъ сердцемъ своимъ вѣрили въ грознаго и великаго Бога и имъ было далеконе все равно—въ какой формѣ обожать его. Предположите, что вы заняты дѣломъ, касающимся жизненнаго и чрезвычайно важнаго для васъ вопроса, что душа ваша, потрясенная великимъ волненіемъ, не находитъ словъ для выраженія этого состоянія, и поэтому предпочитаетъ молчаніе всякому возможному выраженію. Что скажете вы о человѣкѣ, который явится къ вамъ съ желаніемъ выразить это состояніе за васъ какимъ нибудь пошлымъ, напыщеннымъ наборомъ словъ? Пусть онъ поскорѣе убирается прочь, если только дорожитъ своею жизнью!—Вы потеряли единственнаго сына; вы поражены, убиты горемъ, у васъ нѣтъ даже слезъ, и вдругъ какой нибудь болванъ пристанетъ къ вамъ со всякаго рода утѣшеніями и глупостями и предложитъ вамъ отпраздновать смерть вашего сына похоронными играми, какъ это дѣлалось у Грековъ?—Вотъ что вызвало революцію, а не налогъ или какая-либо другая политическая несправедливость. «Вы можете отнять у меня кошелекъ, но не отнимете моей души; душа моя принадлежитъ Господу и мнѣ.» Оскорбленное религіозное чувство, такъ глубоко пустившее корни въ англійскомъ характерѣ, желаніе сдѣлать изъ религіи настоящую путеводительницу людей, и судъ ихъ совѣсти — были настоящими коренными причинами того взрыва, которому подверглась Англія. Такъ объясняетъ причины революціи Карлейль, и нужно сознаться, что это единственно раціональное и глубоко честное объясненіе. Мы могли указать только въ самыхъ общихъ, неудовлетворительныхъ чертахъ на идеи Карлейля объ этомъ предметѣ. Только въ его книгѣ, читатель вполнѣ можетъ увидѣть и провѣрить до какой степени идеи Карлейля и его взглядъ справедливы. «Пуритане, говоритъ Тэнъ, — истинные герои Англіи; они въ рѣзкой и ясной формѣ обнаруживаютъ самобытные типы и благороднѣйшія черты этой страны — практическое благочестіе, господство совѣсти, мужественную волю, непреклонную энергію; они основали Англію, не смотря на испорченность водворенную Стюартами, и изнѣженность современныхъ нравовъ, утвержденіемъ долга, какъ величайшаго

закона, водвореніемъ справедливости, упорствомъ труда, захватомъ правъ, сопротивленіемъ угнетенію, водвореніемъ свободы, подавленіемъ порока. Они основали Шотландію; они основали Сѣверо-Американскіе штаты. Въ настоящую минуту ихъ потомки основываютъ Австралію и колонизуютъ міръ. Карлейль до такой степени имъ сродни, что даже извиняетъ и восхищается ихъ крайностями, казнью короля, ихъ религіозною нетерпимостью, инквизиціей, деспотизмомъ Кромвелля... Изъ нихъ онъ дѣлаетъ идеалъ для насъ, и судитъ какъ прошедшее, такъ и настоящее, съ ихъ точки зрѣнія».

Вотъ вслѣдствіе какихъ причинъ и сцѣпленіемъ какихъ условій Карлейль, не только несправедливъ къ французской революціи, но до того одностороненъ, что не увидѣлъ въ ней ничего хорошаго. Относительно французской революціи онъ сдѣлалъ совершенно то же, что сдѣлалъ относительно Вольтера. «Онъ такъ же плохо понимаетъ образъ дѣйствія французовъ, какъ худо понимаетъ строй французской мысли». Съ его точки зрѣнія, какъ и вообще съ англійской точки зрѣнія, только идея долга, только религіозный духъ могутъ преобразовать испорченное общество. Во Франціи всего этого не было и въ поминѣ, вотъ почему Карлейль не признаетъ, не видитъ никакихъ благотворныхъ послѣдствій во французской революціи, и клеймитъ ее. «Теорія правъ человѣка,—говоритъ онъ,—заимствованная у Руссо, была только реторической игрушкой, педантствомъ, почти столь же удобнымъ, какъ и теорія неправильныхъ глаголовъ. Модными нравами былъ Фобласовскій эпикуреизмъ; модною моралью—обѣщаніе всеобщаго счастья. Невѣріе, пустая болтовня, чувственность—были главными пружинами этой реформы. Животному инстинкту была дана воля и запоры были сдвинуты. Испорченную власть замѣнили бѣшенной анархіей. Когда разрушеніе было приведено въ исполненіе, то осталось пять неутоленныхъ чувствъ и шестое чувство—тщеславіе; обнаружилась вся демоническая натура человѣка, а съ нею и канибальство». Вотъ взгляды его на одно изъ важнѣйшихъ историческихъ событій новаго времени. Какъ только онъ пробуетъ понять и объяснить себѣ событія и прошлое не англійскаго народа, то сейчасъ же обнаруживается это узкое, личное, одностороннее чувство, взамѣнъ того широкаго, глубокаго и раціональнаго воззрѣнія, которое онъ вноситъ въ изученіе англійской исторіи, и такихъ чертъ человѣческаго характера, которые какою-либо стороною отвѣчаютъ его требованіямъ и складу его ума... И вотъ, вслѣдствіе всего этого, является еще большая странность: онъ одинаково отрицательно относится къ современной Англіи и рѣшительно поноситъ ее, употребляя, съ видимымъ злорадствомъ, весь ядъ своей насмѣшки и всѣ стрѣлы своего юмора. «Мы забыли Бога, говоритъ онъ («Past and Present», стр. 185), или спокойно закрыли глаза передъ вѣчною сущностью вещей и смотримъ только на кажущееся и обманчивое. Мы преспокойно увѣрены, что эта вселенная есть въ сущности великое, непонятное—Можетъ Быть; оно пожалуй и ясно, разсматривая внѣшность: это скотный дворъ весьма большихъ размѣровъ; исправительный домъ съ кухонными и трактирными столами, не менѣе большими, гдѣ тотъ счи-

таетъ себя мудрецомъ, кто отыщетъ себѣ мѣсто! Всякая истина этой вселенной недостаточно достовѣрна. Только барышь и убытокъ, пуддингъ и похвалы ему—остаются осязательными для практическаго человѣка. У насъ нѣтъ болѣе Бога! Божественные законы превращены въ принципъ *возможно большаго счастья* и въ парламентскія увертки; небо разстилаетъ надъ нами свой сводъ лишь для того, чтобы служить намъ астрономическими часами, цѣлью для телескоповъ Гершеля, матеріаломъ для формулъ, предлогомъ къ сентиментальничанью. Вотъ въ дѣйствительности пораженная часть, центръ всеобщей соціальной гангрены, угрожающей всѣму современному міру ужасною смертью. Для мыслящаго человѣка, это — мансенилла, вмѣстѣ со своими отростками, корнями и стеблемъ, покрытая вѣтвями, которыя разрослись на всю вселенную, съ тѣми проклятыми заразительными эксудатами, подъ которыми лежитъ міръ и изворачивается въ атрофіи и агоніи. Прикасаясь къ этой болячкѣ, вы затрогиваете центръ всѣхъ нашихъ золъ. Нѣтъ болѣе ни религіи, ни Бога! Человѣкъ потерялъ свою душу и тщетно ищетъ противоядія, которое бы остановило разложеніе тѣла. Напрасно онъ употребляетъ съ этою цѣлью убійства королей, билли реформъ, французскія революціи, манчестерскія возстанія. Онъ открываетъ, что это вовсе не лекарства. Отвратительная слоновая проказа утихаетъ на часъ и часъ спустя появляется снова съ такою же силой и также отчаянно». Вотъ какими красками онъ рисуетъ картину современнаго состоянія Англіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Англія погибнетъ, если цѣна аршина холста понизится на одинъ льярдъ; при остановкѣ фабрикъ милліонъ пятьсотъ тысячъ работниковъ принуждены будутъ жить на счетъ общественной благотворительности; все соціальное устройство, покоющееся лишь на одной промышленности не твердо стоитъ на своихъ подставкахъ и при малѣйшемъ толчкѣ готово рухнуть... и Карлейль прибавляетъ, что единственное спасеніе Англіи — новый Лютеръ и новый Кромвелль. Она должна воскресить въ себѣ снова великое чувство долга, которое возвратитъ всѣхъ сыновъ ея къ культу героизма, или, другими словами, вызвать новое пуританское движеніе.

Таковы крайніе результаты, до которыхъ доработался Карлейль. По нашему мнѣнію, несравненно выше въ этомъ отношеніи французскій историкъ Мишле, который имѣетъ столько общаго по складу ума съ Карлейлемъ. Та широкая симпатія всѣмъ великимъ, всестороннимъ проявленіямъ народныхъ силъ, та глубокая, почти юная до сихъ поръ вѣра въ народное движеніе и соціальный прогрессъ, во всей его ширинѣ, которыми Мишле пропитанъ, придаютъ великую силу и громадное вліяніе его дѣятельности; между тѣмъ, какъ всей глубины ума и всего громаднаго таланта Карлейля достало только на то, чтобы въ концѣ концовъ совѣтовать Англіи возвратъ къ старому и возобновленіе уже прожитой жизни. Путь, указываемый имъ, не только ложенъ во всѣхъ отношеніяхъ и ставитъ заборы всестороннему развитію Англіи; путь этотъ, кромѣ того, обнаруживаетъ чрезвычайно осязательно, что личное чувство и личныя симпатіи помѣшали Карлейлю, отнесясь безпристрастно

къ современному міру, уяснить себѣ ясно и отчетливо тѣ историческія законы, которымъ покоряется всякій соціальный прогрессъ, и при основательномъ и серьезномъ изученіи которыхъ можно въ самыхъ общихъ чертахъ опредѣлить путь, по которому пойдутъ—извѣстная нація, извѣстная эпоха, извѣстная цивилизація.

Всѣ качества и недостатки Карлейля обнаруживаютъ, какъ бы въ фокусѣ сосредоточиваютъ и олицетворяютъ въ ясный типъ одну сторону англійскаго характера. Тэнъ называетъ эту сторону «англійскимъ идеализмомъ»; это необыкновенно вѣрно, потому что только въ такой формѣ идеализмъ можетъ найдти себѣ мѣсто въ англійскомъ характерѣ. Изъ современныхъ великихъ мыслителей Англіи, Джонъ Стюартъ Милль представляетъ другую, противоположную сторону этого характера — англійскій позитивизмъ. Любопытно и въ высшей степени интересно было бы сопоставить рядомъ этѣ двѣ великія современныя фигуры, въ которыхъ вы видите ярко очерченными самыя рѣзкія и выдающіяся стороны англійскаго генія. Изучивъ умъ Карлейля, безпокойство, религіозное чувство, мистицизмъ, экзальтацію, подъ вліяніемъ которыхъ Карлейль всегда находится, любопытно и интересно было бы указать на ясно очерченныя стороны великаго ума Стюарта Милля; любопытно было бы прослѣдить вслѣдствіе какихъ естественныхъ и органическихъ данныхъ и вслѣдствіе какихъ условій окружающей среды выработались у Стюарта Милля его широкіе философскіе взгляды и его политическія убѣжденія. Тогда только явилась бы полная картина англійскаго генія и англійскаго характера, тогда для насъ стало бы ясно, что всѣ великіе дѣятели, всѣ великіе писатели и мыслители Англіи подходятъ или къ одной, или къ другой изъ этѣхъ двухъ разновидностей цѣльнаго англійскаго характера. Мы бы увидѣли, что Карлейль принадлежитъ къ тому разряду, изъ котораго, кромѣ пуританъ, вышли Шекспиръ, Мильтонъ, Свифтъ, Байронъ, Шелли, Диккенсъ; что величайшія произведенія поэзіи, которыми гордится родъ человѣческій, созданы ими и что именно въ Англіи, и въ этомъ разрядѣ, эта сторона духа человѣческаго достигла величайшаго своего развитія и конечнаго разцвѣта. Мы бы увидѣли, что позитивизмъ Стюарта Милля не единичное явленіе, не имѣющее корней въ далекомъ прошедшемъ и самой человѣческой натурѣ, что рядомъ съ Миллемъ и прежде его, стоятъ Локъ, Юмъ, Бэконъ, Ньютонъ, Гоббесъ, Гершель, Бокль. Въ философію эти великіе мыслители ввели англійскій національный духъ; они были позитивисты и люди практическіе; они никогда не возвышались надъ фактами; они не слѣдовали необыкновеннымъ путемъ; они очистили умъ человѣческій отъ иллюзій и фантазій. Они употребили его только такъ, какъ онъ можетъ дѣйствовать; они желали только поставить вехи по дорогамъ, проложеннымъ уже точными науками. Они не хотѣли безполезно истощаться на работѣ внѣ прочищенной дороги. Всѣми своими силами они помогали великому современному дѣлу — открытію приложимыхъ законовъ; они, какъ и нѣкоторые изъ ученыхъ спеціалистовъ, способствовали увеличенію человѣческаго могущества и благосостоянію націи. Поэтому, они

заслуживаютъ признательность рода человѣческаго, какъ заслуживаютъ ее и великіе дѣятели перваго порядка, своею широкою симпатіею ко всему человѣческому и всему живому.

Возвратимся, однакожъ, въ послѣдній разъ къ Карлейлю; не смотря на всѣ великія качества ума и таланта Карлейля, онъ, въ послѣднихъ своихъ выводахъ и въ послѣднемъ своемъ словѣ о современной Англіи, пришелъ къ страннымъ, по меньшей мѣрѣ, результатамъ. Вотъ какъ заключаетъ Тэнъ свою критику: «Странное предложеніе дѣлаетъ Карлейль Англіи, когда совѣтуетъ ей какъ исходъ—тиранію и фанатизмъ пуританъ. Общество и строй мысли, предлагаемые Карлейлемъ, какъ идеалъ для рода человѣческаго, существовали только мгновеніе и не могли существовать долѣе. Аскетизмъ республики вызвалъ развратъ реставраціи; Гаррисоны вызвали Рочестеровъ, Буньяны—Гоббесовъ, и сектаторы, утверждая деспотизмъ энтузіазма, возбудили какъ реакцію, авторитетъ положительнаго ума и культъ животнаго наслажденія. Экзальтація не можетъ быть постоянною и отъ человѣка ее требовать нельзя безъ очевидной несправедливости и безъ опасности. Французская революція завершилась цинизмомъ Директоріи и рѣзней Имперіи. Рыцарское и поэтическое благочестіе испанской монархіи лишило Испанію людей и мыслей. Господство генія, вкуса и ума привело Италію къ концу вѣка къ сладострастной инерціи и политическому рабству. «Qui fait l'ange fait la bête» говоритъ пословица, и совершенный героизмъ, какъ и всякая крайняя страсть, оканчивается отупѣніемъ и столбнякомъ. Человѣческая натура имѣетъ свои взрывы, но только промежутками; энтузіазмъ хорошъ, но только тогда, когда онъ—порывъ. Крайнія состоянія общества вызываются крайними обстоятельствами; нужны великія несчастія, чтобъ возникли великіе люди, и вы по неволѣ принуждены желать кораблекрушенія, если желаете видѣть спасителей. Если энтузіазмъ хорошъ, то слѣдствія и начала его ужасны, это только болѣзненный кризисъ, а здоровье лучше. Въ этомъ отношеніи самъ Карлейль можетъ служить примѣромъ. Можетъ быть у Маколея менѣе геніальныхъ способностей, чѣмъ у Карлейля но когда вы питались въ продолженіи нѣкотораго времени этимъ демоническимъ и исключительнымъ языкомъ, этой странной и болѣзненной философіей, этой пророческой исторіей, этой насильственной и зловѣщей политикой — вы охотно возвращаетесь къ спокойному краснорѣчію, къ здравому уму, къ умѣреннымъ видамъ, къ доказаннымъ и общимъ теоріямъ великодушнаго и сильнаго ума, потеряннаго Европой. Вся Англія уважала его и для нее никто его не замѣнитъ».

Пользуясь въ настоящей статьѣ *Исторіей англійской литературы* Тэна, мы строго придерживались взглядовъ знаменитаго критика и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ позволили себѣ уклоняться отъ нихъ. Мы думали, что по

лезно и необходимо познакомить русскую публику съ глубокими воззрѣніями Тэна на философію исторіи и на критику и дать обращикъ этихъ воззрѣній. Тэнъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ глубокихъ умовъ и серьезнѣйшихъ критиковъ современной Европы и, при необыкновенной силѣ ума и таланта, владѣетъ самымъ широкимъ и всестороннимъ знаніемъ. Онъ отрѣшился отъ исключительной французской точки зрѣнія, отъ ненависти Англіи изъ-за патріотическихъ видовъ и, если характеристика Карлейля вышла у Тэна именно такою, какою мы старались представить ее въ настоящемъ очеркѣ, то именно благодаря всестороннему и глубокому уму Тэна и его громадному знанію народной жизни.

Вл. Чуйко.

НАРОДНЫЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Не дивись, что ты прекрасна,
Ты—дитя страны прибрежной,
Ласки моря сдѣлать властны
Лигурійку—розой нѣжной.

Пусть среди полей завялыхъ,
Розъ не видимъ мы зимою,
Прелесть бѣлыхъ розъ и алыхъ
Замѣняешь ты собою.

II.

Мѣсяцъ сумраченъ и грустенъ
И свѣтить землѣ не хочетъ,
Такъ какъ на небѣ сіянья
Онъ обычнаго не встрѣтилъ.

Проходя по небосклону
Онъ считалъ дорогой звѣзды,
И впервые, съ изумленьемъ,
Цѣлыхъ двухъ не досчитался.

Цѣлыхъ двухъ не досчитался,
Самыхъ яркихъ и блестящихъ,
Тѣхъ, что свѣтлыми очами
На челѣ твоемъ зажглися!

III.

Я пришелъ къ тебѣ—покупку
Сдѣлать—яркихъ глазъ твоихъ,

Только золота сегодня
Я не дамъ тебѣ за нихъ.

Серебра не дамъ я тоже,
Я съ собой его не взялъ,
Такъ какъ я—во что оцѣнишь
Ты глаза свои, не зналъ.

Но въ замѣнъ того, я сердце
У тебя оставить радъ,
Пріюти ты сердце это
И любви найдешь въ немъ кладъ.

IV.

Еслибъ ты въ лань обратилась,
Чтобъ убѣжать отъ меня,
Львомъ бы я сдѣлался тотчасъ,
Чтобы настигнуть тебя.
Еслибы пташкою вольной
Ты унеслась въ небеса,
Ястребомъ въ высь полетѣлъ бы
Я за тобою, краса!
Еслибы рѣзвою рыбкой
Въ глубь ты нырнула морей,
Въ сѣти бы я обратился
Смѣлыхъ пловцовъ-рыбарей.
Еслибъ ты яркимъ зажглася
Въ темную ночь огонькомъ,
Все вкругъ него я леталъ бы,
Все бы леталъ мотылькомъ!

V.

Въ цѣломъ мірѣ—пѣсни
Нѣтъ тебѣ достойной,
Хоть ее ищу я
Долго и усердно.

Еслибъ подъ землею
Могъ ее найти я,
Я ее съискалъ бы
Даже подъ землею.

Я бы добылъ пѣсню
Для тебя такую,
Что подобной, люди
Сроду не слыхали.

Было бы въ ней столько
Свѣжести и чувства,
Что весь міръ невольно
Сталъ бы удивляться.

Стали бы дивиться
Юноши и дѣвы,
А за ними слѣдомъ
Старики сѣдые,

Что̀ такого чувства
Не пришлось доселѣ
Пережить душою
Никому на свѣтѣ.

VI.

Я подъ окнами твоими—
Ты дремоту отгони,
И глазами голубыми
На меня скорѣй взгляни.
Если слушать ты готова—
На окно поближе сядь,
Чтобъ тебѣ четыре слова
Могъ я важныхъ передать.
Слово первое: тебя я
Всей душой своей люблю;
А второе, что себя я
Безъ взаимности сгублю;
Третье слово: дорогая
Безъ тебя мнѣ трудно жить;
А четвертое: всегда я
Стану такъ тебя любить.

VII.

Юноши пойте, пока
Свѣжи и молоды вы,
Старость людская горька —

Негдѣ склонить головы.
Люди, своихъ стариковъ
Цѣнятъ на свѣтѣ, увы!
Меньше завялыхъ цвѣтовъ,
Ниже поблеклой травы...
Лиліи пышенъ разцвѣтъ,
Но отцвѣти она... глядь,
И ужъ охотниковъ нѣтъ
Ею себя украшать.

VIII.

Я на улицу окошка не запру,
Ни подъ вечеръ не запру, ни поутру,
Потому что мнѣ изъ этого окна
Вся околица открыта и видна.

И лишь только мимо милый другъ идетъ,
Сердце вѣсть о томъ мнѣ тотчасъ подаетъ,
У окна тогда сажусь я своего
И любуюсь долго, долго на него.

Увидать ли друга ночью захочу,
Я отъ звѣздъ его тотчасъ же отличу;
Онъ пройдетъ ли торопливо — при лунѣ:
Это онъ!—подскажетъ сердце мнѣ!

Н. Курочкинъ.

ВЕСНОЮ.

Провинціальный очеркъ.

Святая недѣля шла къ концу; въ городскихъ балаганахъ раздавались послѣдніе удары турецкихъ барабановъ; паясы въ бѣлыхъ колпакахъ, цѣлую недѣлю горланившіе на утѣшеніе гулявшихъ массъ народа, охрипли и посинѣли отъ шуточныхъ ударовъ палками, которыми награждали ихъ лбы и спины въ утѣшеніе той же гуляющей толпы круговыя качели обезлюдѣли и только изрѣдка возносили къ небу какого нибудь общипаннаго и тщедушнаго мужичонка; повсюду доѣдались остатки священыхъ куличей, пасхъ и яицъ; чиновники начинали подумывать о канцеляріи, школьники о грамматикахъ, розгахъ и единицахъ. На всемъ замиравшемъ весельи лежалъ колоритъ какой-то унылости, которая вдвое непріятнѣе дѣйствовала на меня, одинокаго, на родинѣ, человѣка. Ни родныхъ, ни знакомыхъ моихъ, въ эту пору, уже не было на родинѣ: все это умерло или разбрелось по свѣту. Я видѣлъ знакомые дома сосѣдей, знакомые деревья и заборы, но людей знакомыхъ не видалъ, вездѣ виднѣлись чужія лица, смотрѣвшія на меня чужими глазами. Все это до нѣкоторой степени болѣзненно дѣйствовало на меня и мѣшало всецѣло отдаться прелестямъ наплывавшей весны. Святая въ тотъ годъ была ранняя; кое-гдѣ подъ дровами или подъ кучами щепокъ, можно было еще видѣть затвердѣвшую ледяную кору; въ садахъ, на дорожкахъ виднѣлись еще тоненькіе, какъ кружева, слойки льду; подъ вечеръ, подъ ногой прохожаго еще раздавался легкій трескъ затянутой холодкомъ воды; деревья стояли вымытыя, чистыя и готовыя пробудиться. Весна была уже близко, близко... Она виднѣлась въ воздухѣ, въ небѣ, въ солнцѣ. На солнечной сторонѣ, подъ заборами пролегали почти уже сухія тропинки, и собака моихъ хозяевъ, называвшаяся по обыкновенію Шарикъ, не сходила съ освѣщеннаго и нагрѣтаго солнцемъ камня, служившаго ступенью

къ крыльцу; протянувъ переднія лапы, она держала голову подъ ударами солнечныхъ лучей и жмурилась отъ наслажденія, дремала, слабо раскрывая глаза, и словно таяла. Куры изнѣженно покряхтывали и ворчали что-то про себя, сидя на завалинкѣ, на которую, по временамъ, падала съ крыши капля таялой воды... Пѣтухи звонко, невѣроятно звонко горланили повсюду, взлетая на кучу дровъ, на вершины заборовъ, и хлопали своими крыльями... Но не было знакомыхъ лицъ, и въ знакомой картинѣ чего-то не доставало.

Глядя изъ окошка, на толпы дѣтей, игравшихъ на солнцѣ, я вспоминалъ, что въ былое время одиночество бѣдныхъ дѣтей не было такъ беззащитно. За недосугомъ отцовъ и матерей, однообразную тоску ихъ игръ, доходившихъ отъ однообразія до дракъ, разгоняли посторонніе люди, неимѣвшіе другой, болѣе любимой, профессіи. Въ нашей улицѣ было два такихъ дѣтскихъ забавника; теперь ихъ уже нѣту... Одинъ изъ нихъ, поваръ большой провинціальной барыни, Закоморовой, былъ отставной военный солдатъ, по прозванію Гришка, высокаго роста, съ черными курчавыми волосами, покрывавшими большую голову съ высокимъ и крутымъ лбомъ; громадные усы и орлиный носъ сдѣлали-бы его физіономію страшною и пугающею, если-бы ужасамъ этимъ неизмѣняя необыкновенно добродушные глаза и мягкій, слегка дрожащій голосъ, вслѣдствіе чего лицо моего героя невольно располагало къ себѣ всякаго и тѣмъ болѣе дѣтей. Ни осенью, ни зимою, ни въ теченіе почти всей весны, курчавая голова и усы Закоморовскаго повара не показывались въ нашей улицѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда его провозили на извощикѣ чуть живаго домой, или когда онъ возвращался съ рынка, неся подъ мышкою кулекъ съ провизіей; но все это не было интересно для его питомцевъ, да кромѣ того, имъ вообще рѣдко приходилось встрѣчать его даже и въ этихъ видахъ. Они ждали полнаго разцвѣта весны, вмѣстѣ съ которою долженъ былъ появиться и Гришка. Вмѣстѣ съ весною, Закоморовская барыня, обыкновенно уѣзжала куда-нибудь въ чужіе краи, и Гришка оставался хозяиномъ въ пустой барской кухнѣ, среди пустыхъ кастрюль и безжизненно протянувшихся въ углу ухватовъ. Почувствовавъ себя свободнымъ, Гришка первымъ дѣломъ отправлялся въ кабакъ и не выходилъ оттуда въ теченіе двухъ недѣль, оставляя здѣсь весь свой заработокъ, скопленный имъ въ теченіе зимняго сезона деньгами, одеждой, обувью и проч. Все это поступало въ вѣдѣніе цѣловальника, и скороуспокоивалось въ его кошеляхъ и сундукахъ. Когда на Гришкѣ оставались одни военные, очень древніе, зеленоватаго цвѣта брюки, надѣтые на босыя ноги, и единственная рубашка съ боль-

шой военной пуговицей у ворота, Гришка понималъ, что насталъ сезонъ весенній и вступалъ въ новую весеннюю должность.

— Ну-ко Григорій Иванычъ, говорилъ онъ тогда—покажико-съ, каковъ ты есть!

И съ этими словами онъ шелъ въ барскій сарай. Здѣсь изъ-за старинныхъ, ободранныхъ возковъ съ окнами, опушенными выщипаннымъ медвѣдемъ, изъ-за высочайшихъ каретъ съ крутыми рессорами, саней перевернутыхъ вверхъ полозьями и цѣлыхъ лѣсовъ оглоблей, вытаскивалъ онъ своего Григорія Иваныча.

Это былъ особаго рода увеселительный аппаратъ; состоялъ онъ изъ маленькаго столика, на одной ношкѣ, нижній конецъ которой упирался въ средину деревяннаго креста—для устойчивости; на другомъ концѣ ея былъ плашмя придѣланъ деревянный кружокъ, величиною съ тарелку. Посреди этого кружка было просверлено буравцомъ отверстіе, проходившее до половины ношки столика, во внутренность каковаго отверстія вдвинута была тоненькая палочка, и, такъ какъ палочка эта должна была двигаться, то наравнѣ съ ней, въ ношкѣ столика была сдѣлана боковая вырѣзка; къ нижнему концу палки привязывалась струна, зацѣплявшаяся за мизинецъ Гришки, во время игры на балалайкѣ, а на верхнемъ концѣ палки, возвышавшемся надъ верхней деревянной площадкой, сидѣлъ самъ Григорій Иванычъ—кукла съ разставленными въ стороны руками, тотъ самый Григорій Иванычъ, отъ котораго Закоморовскій поваръ получилъ названіе Гришки, и который былъ единственною утѣхою не только дѣтей, но рѣшительно всѣхъ обывателей нашей улицы.

Отыскавъ свою утѣху, въ пыли и паутинѣ, Гришка говоривалъ:

— Здорово другъ! Какъ поживаешь? Какъ-то ты, другъ, зиму зимовалъ?

Григорій Иванычъ стоя передъ своимъ хозяиномъ, напоминалъ мумію, лишенную всѣхъ признаковъ жизни. Но вдругъ онъ вскакивалъ, какъ ужаленный и болталъ своими руками и ногами, высоко поднявшись на палкѣ...

— Живъ! Слава и благодареніе Богу—живехонекъ! говорилъ хозяинъ, снова дергая за струну и снова вскидывая Григорія Иваныча вверхъ и заставляя трепетать его руки и ноги.

— А ну-ко еще?

И Григорій Иванычъ еще и еще выказывалъ признаки жизни.

— Живъ и здоровъ! заключалъ хозяинъ и тащилъ свое дѣтище въ кухню.

Какъ только Закоморовскій поваръ убѣждался, что Григорій Иванычъ дѣйствительно не совсѣмъ отошелъ на тотъ свѣтъ, что кучера и конюхи, возившіеся цѣлую зиму въ сараѣ, не совсѣмъ переломали ему дряхлыя кости, онъ тотчасъ же приступалъ къ переодѣванью своего дѣтища. Нужно сказать, что Григорій Иванычъ всегда являлся въ костюмѣ соотвѣтственномъ духу времени. Если былъ онъ наряженъ черкесомъ—значитъ, что наши недавно одержали побѣду надъ этимъ племенемъ; если солдатомъ—значитъ, что слава русскаго воинства гремитъ въ настоящую минуту повсюду. Во время Севастопольской компаніи Григорій Иванычъ былъ украшенъ ополченскимъ костюмомъ, и имѣлъ на крошечной груди своей большущій мѣдный знакъ, закрывавшій всю его крошечную рожицу. Когда-же времена оскудѣвали событіями, и не оказывалось ни единаго животрепещущаго интереса, Григорій Иванычъ являлся въ видѣ франта, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, и хозяинъ обращался съ нимъ крайне презрительно. Соображаясь съ духомъ вѣка, принимался Гришка устроивать костюмъ своему другу; доставались по этому случаю изъ подъ кроватей, изъ печей, набитыхъ соромъ, всякія тряпки и обрѣзки, и начиналось шитье. Напяливъ на глаза мѣдные очки, Гришка сидѣлъ у открытаго кухоннаго окна, съ особеннымъ стараніемъ орудуя иглою и бормоталъ:

— Скоро, скоро, Григорій Иванычъ, покажемъ мы себя передъ публикой, скоро!

Григорій Иванычъ, помѣщавшійся въ отдаленномъ углу кухни, не спускалъ глазъ съ хозяина...

— Заскучалъ? спрашивалъ послѣдній, взглядывая на него.—Скучно?

Скучно было Григорію Иванычу...

— Не тужи!. Не тужи, другъ, не горюй!.. Въ скоромъ времени мы съ тобой изукрасимся... Скорехонько! А то, что скучишь-то, по пусту...

— Дяденька! голосила подъ окномъ толпа мальчишекъ - скоро?

— Скоро, милые други, скоро теперича...

— Какой онъ? военный?

— Нельзя этого знать... Не приказано объ эфтомъ пустыя слова разговаривать... Что значитъ пустое слово? грѣхъ! Потерпите, и увидите все...

— Поскорѣича-бы, клянчили мальчишки...

— Не могу я раньше времени! На все есть время! У каженнаго человѣка во всемъ свой расчетъ ...

— Голу-убчикъ! умоляли истомленные ожиданіемъ зрители.

— Что пустые слова говоритъ! Зачѣмъ пустое разговоривать? от-

вѣчалъ на все это Гришка, и оставался непреклоннымъ, продолжая свою работу.

Иногда, въ промежуткахъ ея, онъ поднимался съ своего сидѣнья, чтобъ выпить квасу, и проходя мимо Григорія Иваныча, дергалъ за струну и говорилъ:

— Живъ и здоровъ! Благодареніе Богу моему! Не скучи!

Григорій Ивановичъ, по обыкновенію, въ какомъ-то неистовствѣ дергалъ въ воздухѣ руками и ногами и потомъ въ изнеможеніи падалъ колѣнками на верхнюю доску увеселительнаго снаряда.

Наконецъ, Григорій Иванычъ одѣтъ; новый костюмъ сидитъ на немъ мѣшковато, морщитъ и неуклюжитъ всю его фигуру; розовый кисейный галстухъ закрылъ собою, вмѣстѣ съ новомоднымъ воротникомъ сюртука, уши и глаза героя, протянувшись вплоть до темени и до самой высшей точки затылка; новый картузъ, переформированный изъ бумажной крышки отъ коробка съ пилюлями, съѣзжаетъ на ухо или на воротникъ, вслѣдствіе своей ширины. Гришка, однако, тотчасъ же устраняетъ всѣ эти неудобства: онъ подбираетъ воротникъ бекеши и галстухъ Григорія Иваныча подъ картузъ, напяливая послѣдній до самыхъ плечь, которыя Григорій Иванычъ любитъ держать по военному, кверху, и мало помалу все приводится въ надлежащій порядокъ. Недостаетъ только струнъ на балалайкѣ...

А мальчишки между тѣмъ ждутъ-недождутся своего утѣшителя. Весна настала, высохла земля, начались скучныя послѣобѣденныя игры въ бабки и въ войну, при чемъ въ ходъ пускалась, по обыкновенію, пыль, ослѣплявшая войновъ. Давно уже возятся ребята посреди улицы, съ горя затѣваютъ драки, плачутъ, а кругомъ царятъ сонъ и безлюдье; деревья не шелохнутся, собаки спятъ, солнце палитъ, и нигдѣ не слышно человѣческаго звука и слова. Снова дерутся и плачутъ ребята и снова тоска и скука...

— Вотъ! вотъ! вотъ!!. раздается за угломъ невѣроятно радостный голосъ Гришки и бреньканье балалайки, и вслѣдъ затѣмъ курчавая голова его и его фигура, въ костюмѣ, соотвѣтствующемъ весеннему сезону, вылетаетъ изъ-за угла. Боже, какъ торопливо идетъ онъ! Чтобы скорѣе порадовать ребятъ, онъ какъ-то выпятился впередъ, и словно летитъ, размахивая балалайкой въ одной рукѣ и увеселительнымъ снарядомъ въ другой...

— Ахъ, вотъ, готово, готово, готово! покрикиваетъ онъ не переставая быстро идти впередъ— и стаи дѣтей уже бѣгутъ за нимъ, въ какомъ-то изступленіи, не обращая вниманія на то, что у нихъ подъ ногами, надъ головой и впереди.

— Гришка пришелъ! Гришка пришелъ! слышится отовсюду радостно-замирающіе голоса.

— Скоррѣй! Живѣй! Ахъ! ахъ! ахъ! покрикиваетъ Гришка, не переставая бѣжать...

И вылезаютъ изъ воротъ заспанныя фигуры обывателей; тутъ и мастеровые, съ загрязненными фартухами и съ ремешками на головахъ,— тутъ и чиновники въ халатахъ, съ распотѣлыми и зелеными лицами, тутъ и толстыя, жирныя чиновницы съ раскаленными на пуховой подушкѣ щеками, и ветхія-ветхія старухи, неимѣющія возможности удержаться на ногахъ, не схватившись предварительно за притолку калитки. Бѣгутъ, и высовываются, и вылезаютъ со всѣхъ сторонъ...

— Каковъ то онъ? Кто такой? военный?.. Слышится между зрителями, а Гришка все бѣжитъ впередъ, все помахиваетъ балалайкой и покрикиваетъ.

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! Поспѣшайте!..

Отворяются ставни, закрытыя по случаю жары; высовываютъ свои головы протопопы, протодіаконы, протоіреи и діаконы; показываются въ отворенныя калитки вершины купеческихъ животовъ, оттопыривающихъ остроконечіемъ своимъ, какъ-бы висящимъ надъ бездной, распоясанныя рубахи. На многихъ запертыхъ еще окнахъ, виднѣются дѣти, стучащія своими маленькими кулаками въ стекла и заливающіяся слезами; сердитыя лица нянекъ, отрывающихъ дѣтей отъ оконъ, устремлены на бѣгущаго Гришку; все заинтересовано и поглощено имъ, все ждетъ—что-то будетъ... А онъ все еще бѣжитъ впередъ, покрикивая и помахивая балалайкой; толпа зрителей затопила его уже кругомъ, и только курчавая голова его шевелится и какъ будто подпрыгиваетъ надъ нею... Но вотъ надъ головой Гришки поднялась балалайка и осталась неподвижною... Толпа стала и раздалась полукругомъ, очистивъ мѣсто для увеселительнаго аппарата и его хозяина.

Гришка цѣпляетъ струну, привязанную за конецъ подскакивающей палки, на мизинецъ и дѣлаетъ на балалайкѣ предварительные аккорды, вслѣдствіе чего Григорій Иванычъ слегка пошевеливается. Но вотъ балалайка настроена.

— Ппокклонъ!! возвѣщаетъ Гришка, издавая на балалайкѣ соотвѣтственный салюту звукъ, и когда Григорій Иванычъ дѣлаетъ, что приказано, хозяинъ прибавляетъ:

— Такъ! Господамъ особо!

Григорій Иванычъ раскланивается господамъ.

— Баррышнямъ—кррасавицамъ книксъ!

И это исполняется съ тою-же точностью.

За тѣмъ слѣдуютъ реверансы другимъ сословіямъ, по порядку и по положенію ихъ въ обществѣ. Въ заключеніе Григорій Иванычъ не забывалъ и черный народъ, раскланиваясь съ «мужиками неотесами.» Поклонами оканчивалась прелюдія и начиналась самая суть дѣла—танцы. Подъ звуки *барыни*, начинавшіе по немножечку слетать со струнъ балалайки, Григорій Иванычъ начиналъ подергивать то колѣномъ своей переломленной по поламъ ноги, то плечомъ; мало по малу движенія его оживлялись, онъ пускался въ присядку, размахивалъ руками и фалдами, а хозяинъ его—Гришка, въ то же время подпѣвалъ:

Рруки ловянныя;
Н-ноги деревянныя...

И прибавлялъ, приготовляясь начать слѣдующій куплетъ:

— На пяточки, на носочки, разъ, два, три, четыре...

Ай барыня съ перехватомъ,
Попиралася ухватомъ,
Рразъ, два, три, четырре... и т. д.

Негромкіе, но неумолкаемые и казавшіеся огрубѣлому уху слушателей необыкновенно разнообразными, звуки балалайки, приковывали все вниманіе ихъ къ пляшущему Григорію Иванычу и убаюкивали. По временамъ, среди куплетовъ пѣсни, Гришка заставлялъ Григорія Иваныча сдѣлать кому нибудь изъ зрителей соотвѣтственное нравоученіе: то осуждалъ онъ франтоватаго мастероваго, подвязавшаго подъ грязную шею красный шелковый платокъ бантомъ; то подтрунивалъ надъ горничной, желавшей разфрантиться по барски, и затѣмъ снова шло дребезжанье балалайки и подпѣваніе интереснѣйшихъ куплетовъ неменѣе интереснѣйшей пѣсни... Закоченѣла, застыла толпа; но звуки балалайки сдѣлались какъ-то чаще и громче... Пальцы Гришки, быстро начали съѣзжать по струнамъ, направляясь къ основанію грифа... Тонъ звуковъ поднялся втрое выше, раздались два-три громкихъ и полныхъ аккорда, Григорій Иванычъ взлетѣлъ на воздухъ и дрыгалъ ногами, балалайка виднѣется надъ головой Гришки и изъ устъ его раздается команда:

— Къ генералу!...

Увеселительный снарядъ подхваченъ съ земли, Гришка снова пускается впередъ, а за нимъ и вся масса зрителей; скоро вся толпа вваливаетъ въ ворота отставнаго генерала Пыжова. Генералъ уже проснулся и сидитъ у отвореннаго окна; публика, впрочемъ, не видитъ

его. Глазамъ ея ясно представляется полукругъ богатырской груди, начинающейся у одного конца подоконника и оканчивающейся на срединѣ противоположной вертикальной стороны окна; кромѣ того, на подоконникѣ покоится массивная рука, слегка задрапированная, какъ и и грудь, парусиннымъ халатомъ, и какъ бы подкрадывающаяся къ бѣлой кружкѣ, наполненной ледянымъ квасомъ. Голова генерала, по всей вѣроятности покоющаяся на спинкѣ кресла, невидна публикѣ. Послѣ нѣкотораго безмолвія, припухлые генеральскіе пальцы дѣлаютъ легкое движеніе и музыка начинается. Все идетъ въ прежнемъ порядкѣ. Генеральская рука по временамъ вяло бьетъ тактъ, по временамъ беретъ кружку, медленно поднимаетъ ее на воздухъ и потомъ тащитъ вверхъ, словно на гору, на вершинѣ которой, за плинтусомъ оконной рамы, кружка эта и исчезаетъ на довольно долгое время. Наконецъ, ручная кисть генерала поднимается во весь ростъ, какъ бы защищаясь отъ набѣга кружки съ квасомъ, и Гришка мгновенно прекращаетъ увеселеніе; вслѣдъ за этимъ успокоивается и рука генерала.

— Какой? спрашиваетъ генералъ, не показывая головы...

— Штацкій-съ, вашескобродіе!... отвѣтствуетъ Гришка.

— Молодца!...

— Ужъ, истинно, только для васъ...

— Иванъ! возвѣщаетъ генералъ... Вынеси ему... Благодарю! Довольно! — Иванъ выноситъ Гришкѣ горсть мѣдныхъ денегъ и музыкантъ вмѣстѣ съ публикой, отъ которой обыкновенно очень плохая пожива, уходитъ со двора, весело пощипывая балалайку.

Вплоть до сумерокъ, бывало, потѣшаетъ Гришка публику нашихъ закоулковъ, и въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ увеселительнымъ инструментомъ исчезалъ въ черныхъ дверяхъ кабака. Продолжались такія увеселенія вплоть до глубокой осени, до тѣхъ поръ пока громадная карета Закоморовской барыни не показывалась снова около воротъ ея дома. Наставали въ то же время дожди и мятели—и обыватели наши, скучая темными осенними вечерами, часто вспоминали Григорія Иваныча.

Но незамѣтно перемѣнились времена и нравы. Подошли откуда-то такіе интересы и такія радости, которые не переваривались уже въ стариковской головѣ Гришки и поэтому никакъ не могли нарисовать новаго костюма для Григорія Иваныча; да и въ зрителяхъ, вмѣсто безотчетнаго удивленія искуству сего героя и его подвигамъ, начала проглядывать иронія самаго злѣйшаго и безпощаднѣйшаго свойства; къ тому же умеръ и генералъ, единственный поощритель хореграфи-

ческо-сатирическихъ мистерій Гришки. Не оставалось ему никакого дѣла, и отбился онъ, поэтому, отъ рукъ, и сталъ пить... Каждый день можно было видѣть его на нашей улицѣ; возвращаясь изъ кабака, онъ что-то бормоталъ про себя, махая въ отчаяніи рукою или садился на тротуарный столбъ и разговаривалъ...

— Чтээ-э-?... съ презрѣніемъ обращался онъ къ пустынной улицѣ. Кто я?... Повваръ, подлая ты душа... Поннимаешь? Повваръ ея высоко-превосходитель....

И при этомъ онъ съ гордостью поднималъ вверхъ голову, выпрямлялъ спину, такъ что являлась опасность, какъ бы онъ не перевернулся черезъ тумбу, и тыкалъ пальцемъ въ грудь, при каждомъ слогѣ титула своей госпожи... Пустынная улица не выказывала ни малѣйшаго удивленія заслугамъ Гришки. Это подзадоривало послѣдняго къ дальнѣйшимъ монологамъ; съ энергическими жестами начиналъ онъ распространяться объ торжественныхъ обѣдахъ, за которыми присутствовали знаменитѣйшіе вельможи, о кушаньяхъ съ мудренѣйшими названіями, и въ пустынной улицѣ долго раздавались названія французскихъ блюдъ, шатобрево—совусъ... Или опять, къ примѣру, это бламанжде? э?... Или хучь фрикадонъ?...

Но терпѣніе уличнаго безмолвія, наконецъ, лопалось. Передъ Гришкой являлась сухая стариковская фигура въ сюртукѣ до пятокъ, изъ широкаго ворота котораго, выдвигалась худая шея, а на шеѣ сидѣла сухая голова, съ острымъ клочкомъ сѣдой бороды и сѣдыхъ кудрей, выглядывавшихъ изъ подъ приплюснутаго картуза. Фигура эта останавливалась прямо противъ Гришки, закладывала за спину руки и вытянувъ впередъ клинообразную бороду, произносила:

—Суета! Для чего ты, суета, горланишь? пьяное и безумное рыло твое,—для чего?

Упрекавшая Гришку фигура обыкновенно сильно пахла водкой и покачивалась.

— Неужели, ничтожная персть, желаешь ты тщеславіемъ возвеличить себя?

Гришка съ изумленіемъ глядѣлъ на своего порицателя, который по прежнему смотрѣлъ ему въ самые глаза.

—Дубина! говорилъ прорицатель. Скимна у печки господской прокопчонная! Что ты возмнилъ о себѣ, персть земная?...

— Да ты... да ты... что же... начиналъ бормотать Гришка, пошевеливая рукой и сжимая кулакъ...

— Осстановись, и— встань!

— Д-да ты что же...

— Встань!... Опомнись и иди за мной въ геенну огненную...

— Падёмъ! безсознательно говорилъ Гришка.

— На свои угощаю, дабы лишь свинскія рѣчи твои, тщеславьемъ преполненыя, прекратить. Встань и гряди!

— Падёмъ!... Въ кабакъ-ту?... Это пад-демъ братъ!...

— О тщеславіе! О суета!... вздыхая взывалъ порицатель и вмѣстѣ съ Гришкой входилъ въ кабакъ...

Порицатель суеты и тщеславія былъ другой изъ покровителей нашихъ дѣтей. Въ молодости онъ не мало видѣлъ нужды и горя, и получивъ послѣ смерти купца, родителя своего, капиталъ, пустился во всѣ тяжкія. Нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ московскихъ трактировъ, и циганскихъ семействъ въ Грузинахъ, помнятъ великія щедроты и бѣснованія Алексѣя Кузмича въ моментъ проматыванія отцовскаго наслѣдства. Но прошло это золотое время, и умудрило оно Алексѣя Кузмича. «Други мои! говорилъ онъ въ кабакѣ—видѣлъ я все, до самаго дна, и до самаго корня, и все други мои—суета и прахъ!.. Видѣлъ я вельможу тщеславнаго и превозвышеннаго, но далъ ему злата—и сталъ онъ рабомъ моимъ!... Видѣлъ я дѣвицу, ахъ какая была то дѣвица непорочная!... Но... и увы! увы!... Все прахъ, все суета, все—тьфу!... Видѣлъ это я, и сказалъ себѣ: отрясу прахъ отъ ногъ моихъ, и пойду... И пошелъ... И пришелъ къ вамъ болваны и скимны! Но болваны вы и дурачье, и я не уйду отъ васъ, ибо вы только дурачье...»

Такія рѣчи Алексѣй Кузмичъ говорилъ послѣ того, какъ, промотавшись въ первопрестольной столицѣ, воротился онъ въ родной городъ. Здѣсь никто изъ родныхъ не принялъ его, но нашелся добрый человѣкъ, уже видѣнный нами генералъ, любитель всякихъ оригиналовъ и оригинальностей, и поселилъ Алексѣя Кузмича въ кухнѣ, изрѣдка слушая его разсказы. Ничѣмъ опредѣленно не занятый, Алексѣй Кузмичъ или присутствовалъ въ кабакѣ и произносилъ тамъ свои монологи, или возился съ дѣтьми, которыя очень любили его. Сколько труда захолустному ребенку раздобыть обрывокъ бѣлеваго чулка для того, чтобы размотать его и запустить потомъ змѣй! Тутъ непремѣнно нужно воровство, преступленіе, за которымъ естественно слѣдовало и наказаніе... Алексѣй Кузмичъ избавлялъ дѣтей отъ того и другаго—онъ шелъ прямо къ владѣлицѣ чулка и упрашивалъ ее отдать ребятамъ это сокровище. Помогалъ онъ имъ запускать и самый змѣй и участвовалъ въ другихъ играхъ, но главное, за что любили его, это то, что онъ съ доброжелательствомъ смотрѣлъ на ребятъ и съ готовностью слушалъ ихъ разговоры...

Преимущественно же—онъ посѣщалъ кабакъ...

Нѣту уже теперь этихъ утѣшителей нашихъ захолустныхъ дѣтей. Платья и имущества ихъ, отъ картуза и сапогъ до балалайки и длиннополаго сюртука, лежатъ въ залогѣ, въ кабакѣ, а владѣльцы ихъ — на кладбищѣ.

Въ Фоминъ понедѣльникъ, когда кончилась совсѣмъ святая недѣля, толпы народа повалили на кладбище—поминать умершихъ родственниковъ. Женщины несли въ рукахъ стаканы съ медомъ и съ воткнутой въ нихъ восковой свѣчей. У кладбищенскихъ воротъ стояли толпы калачниковъ, и поминающіе запасались этимъ продуктомъ въ количествѣ равномъ числу умершихъ родственниковъ. На церковной паперти, биткомъ набитой народомъ, подъ сводами, раздавался голосъ дьячка, записывавшаго въ поминанья имена умершихъ: «Анны, Анны, Мелланіи, Параскевы...» басилъ онъ. По могилкамъ двигались толпы народа. Слышался плачь и грустное пѣніе погребальныхъ мотивовъ... И было здѣсь много народу, который не забылъ помянуть Закоморовскаго повара и раба Божія Алексѣя.

Гл. Успенскій.

ШУТЪ.

Распахнулися портьеры —
И король выходитъ къ свитѣ;
Говоритъ онъ: я скучаю.....
Вы шута мнѣ позавите!
Вмигъ—пажи и кавалеры
За шутомъ бѣгутъ толпою.....
— «Шутъ, пойдемъ! король желаетъ
Посмѣяться надъ тобою!»
— «Какъ учтивъ мой повелитель!
Шутъ, смѣясь, имъ отвѣчалъ:
Я дуракъ, и онъ за мною
Сотню умныхъ посылаетъ.....
Но и мой колпакъ дурацкій
Вѣдь свою имѣетъ цѣну,
И его при вашихъ шляпахъ
Ни за что я не надѣну!
Ну! пойдемъ, конвой почетный!»—
И съ улыбкой ядовитой
Шутъ идетъ по пышнымъ заламъ,
Окружонъ блестящей свитой.
Къ королю они приходятъ;
Говоритъ король привѣтно:
— «Посмѣши насъ, шутъ!... Съ тобою
Время мчится незамѣтно!»...
— «Принимаемъ комплименты!
Шутъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Но, ей-ей, не понимаемъ,
Какъ король безъ насъ скучаетъ?
Здѣсь шутовъ нарядныхъ много...
Всѣ глядятъ они такъ важно,
Всѣ они передъ тобою
Другъ на друга лгутъ отважно.....
Я шучу вѣдь... Что-жъ со смѣху

Здѣсь никто не помираетъ?.....»
— «Шутъ! смѣшить не можетъ дерзость!»
Вдругъ король перерываетъ.
— «А? я дерзокъ... Хорошо-же:
Я представлю предъ тобою,
Какъ голодные грызутся
Изъ-за хлѣба межъ собою.....
И смѣшно представлю... Смѣйся:
Но смотри—предупреждаю:
Въ этомъ хохотѣ и смѣхѣ—
Я вѣдь плачу и страдаю!...

А. Вол—нъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ.

Исторія представляла хронологическіе сборники полезныхъ для составителей свѣдѣній, списки любопытныхъ событій, тенденціозные обвинительные акты противъ лица или партіи, или не менѣе тенденціозныя апологіи, доказательства въ пользу и противъ какого либо мнѣнія, изящныя попытки оживленія предъ глазами читателя картины событія или быта эпохи; но можно ли ее назвать наукою?

Наука начинается съ точнаго опредѣленія фактовъ, подготовляется правильной ихъ группировкой, устанавливается открытіемъ неизмѣнныхъ законовъ, связывающихъ факты при ихъ повтореніи, и растетъ съ увеличеніемъ числа этихъ законовъ, съ ихъ обобщеніемъ, упрощеніемъ и съ увеличеніемъ возможности предсказать результатъ, когда извѣстны данныя. Можно ли сказать, что исторія установила неизмѣнные законы связи событій?

Могутъ отвѣтить, и совершенно справедливо, что здѣсь затрудненіе въ отсутствіи повторенія фактовъ. Если бы два раза въ исторіи человѣчества повторилась *совершенно одинаковая* совокупность событій во всѣхъ ихъ частностяхъ, то конечно результатъ былъ бы одинаковъ. Но этого не бываетъ. Чрезвычайная сложность историческихъ событій дѣлаетъ каждый фактъ *собственно* исторіи человѣчества, *единственнымъ* экземпляромъ въ своемъ родѣ; въ немъ встрѣчаются *элементы*, подобные прежнимъ, но цѣлое его не повторяется. Поэтому предсказаніе становится не исполнимымъ и путь наведенія не приложимъ.

Конечно, это затрудненіе большое, но тѣмъ не менѣе, существуютъ въ наукѣ пріемы, съ помощью которыхъ можно, если не рѣшить подобный вопросъ точно, то приблизиться къ его рѣшенію. При сложныхъ явленіяхъ открыть законы путемъ наведенія почти невозможно, но можно то же сдѣлать приблизительно путемъ вывода. Для этого стараются раздѣлить цѣлое явленіе на его элементы, разсматриваютъ важнѣйшіе изъ нихъ каждый особо, прилагая къ ихъ изслѣдованію тотъ методъ, который они допускаютъ по своей природѣ; если удается открыть законы, управляющіе отдѣльно каждымъ изъ главныхъ элементовъ явленія, обращаются путемъ *вывода* къ розысканію, что получится отъ ихъ совокупности. Здѣсь элементы или дѣйствуютъ

въ совокупности каждый особо, такъ что одинъ не измѣняетъ дѣйствія другого (какъ движенія, скорости, силы въ механикѣ); или, при сосуществованіи своемъ, они вліяютъ одинъ на другой, такъ что дѣйствіе каждаго измѣняется (какъ при химическомъ составѣ); или, наконецъ, тотъ и другой случай представляются одновременно. Если и этотъ вопросъ удается рѣшить, то *приблизительное* рѣшеніе нашей задачи найдено: законъ совокупности *главныхъ* элементовъ явленія открытъ. Остается разсмотрѣть въ частныхъ случаяхъ *отклоняющее*, *пертурбаціонное* дѣйствіе такъ называемыхъ *случайныхъ* причинъ и обстоятельствъ на главную совокупность элементовъ, открыть *предѣлы* отклоненій, постараться, при удобныхъ случаяхъ, еще одно или другое вліяніе перевести изъ *случайныхъ* въ *главныя* и т. д. Нельзя ли этимъ путемъ достичь хотя *приблизительнаго* установленія законовъ исторіи?

Въ нашъ вѣкъ уже сдѣланъ шагъ къ этому. Постарались выдѣлить изъ всей массы историческихъ событій *главную* совокупность историческихъ явленій и пытаются возсоздать *исторію цивилизаціи*, какъ основную струю всего историческаго теченія. Но этого мало. Цивилизація есть все-таки слишкомъ сложное явленіе. Надо его разложить на элементы и для каждаго изъ этихъ элементовъ повторить по возможности процессъ анализа; затѣмъ поискать законы историческаго развитія каждаго изъ простѣйшихъ элементовъ цивилизаціи, постараться опредѣлить ихъ взаимодѣйствіе, и тогда лишь можно надѣяться, что исторія цивилизаціи приблизится нѣсколько къ состоянію науки.

Конечно, это дѣло многихъ поколѣній; рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, начатыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, можетъ лишь привести къ успѣху. Одни попытаются угадать законы болѣе сложной совокупности общественныхъ процессовъ; другіе будутъ трудиться надъ однимъ мелкимъ элементомъ; а будущее возьметъ изъ отдѣльныхъ трудовъ то, что удобнѣе для главной цѣли. Я предлагаю здѣсь читателямъ не болѣе, какъ нѣсколько мыслей объ одномъ изъ элементовъ исторіи цивилизаціи; можетъ быть что либо изъ этого и пригодится. До иныхъ вопросовъ я только коснусь, другіе разсмотрю подробнѣе, смотря по тому, какъ они подходятъ въ моей задачѣ, въ той мѣрѣ, въ какой я ее представляю читателю. Моя задача—разложить на элементы исторію мысли, какъ одну изъ главныхъ сферъ исторіи цивилизаціи, и показать, приблизительно, какимъ образомъ каждый изъ элементовъ исторіи мысли долженъ, по моему мнѣнію, войти въ эту исторію, въ ея цѣломъ.

Въ жизни общества, какъ въ жизни лица, есть внутренній и внѣшній міръ, причемъ второй не всегда есть проявленіе перваго. Общество, какъ и человѣкъ, руководствуется во внѣшнихъ проявленіяхъ своей жизни весьма часто привычкою, случайностью, примѣромъ другихъ и, переживъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ уже давно свою прежнюю внѣшнюю обстановку, на практикѣ долго еще держится за нее, или перенимаетъ новую форму жизни извнѣ, не усвоивъ себѣ ея смысла. И такъ, эти два элемента могутъ развиваться различно, но ни того, ни другаго, конечно, никто не исключитъ изъ цивилиза-

ціи общества, а вѣроятно не многіе станутъ спорить и о томъ, что эти два элемента исчерпываютъ понятіе цивилизаціи. Назовемъ внутренній міръ общества его *мыслью*, внѣшній — его *культурою* (*). Тогда исторія цивилизаціи должна будетъ заключать два элемента: *исторію мысли* и *исторію культуры*. Мнѣ хотѣлось бы преимущественно поговорить о томъ, что заключаетъ въ себѣ первая, а потому, какъ объ исторіи цивилизаціи вообще, такъ и объ исторіи культуры я буду упоминать лишь попутно.

Исторія цивилизаціи не есть однако *сумма* исторій двухъ указанныхъ элементовъ. Понятно, что въ спеціальную исторію мысли и въ спеціальную исторію культуры могутъ войдти такіе факты, которые не достаточно крупны для исторіи цивилизаціи. Спеціальная исторія мысли остановится на явленіи одиночномъ, по случайнымъ обстоятельствамъ оставшемся безъ подражанія и безъ особеннаго вліянія на окружающій міръ, если только это явленіе выказываетъ особенную силу или оригинальную сторону человѣческой мысли. Точно также отнесется исторія культуры къ подобному явленію внѣшней жизни. Исторія цивилизаціи пройдетъ подобныя явленія молчаніемъ или упомянетъ о нихъ мимоходомъ, потому что они остались *отдѣльными* явленіями въ общей жизни. Такъ, ученые труды Діофанта и Леонарда да Винчи, при всемъ ихъ научномъ значеніи, въ исторіи цивилизаціи займутъ довольно второстепенное мѣсто, потому что остались для современниковъ, и еще долго послѣ того, совершенно неизвѣстными. Напротивъ, исторія цивилизаціи остановится долѣе, чѣмъ исторія мысли, на какомъ нибудь явленіи изъ сферы послѣдней, которое, какъ развитіе мысли, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но, вслѣдствіе случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, отозвалось сильно въ проявленіяхъ внѣшней жизни;—*вліятельный* авторъ и ораторъ имѣетъ бо́льшее значеніе для исторіи цивилизаціи, чѣмъ оригинальный мыслитель: Вольфъ болѣе Спинозы, Ѳома Аквинатъ болѣе Роджера Бэкона, введеніе неоплотаника Порфирія въ логическіе труды Аристотеля (**), болѣе его неоплатоническихъ сочиненій. Такимъ же разсужденіемъ можно показать, что и внѣшняя жизнь общества можетъ представлять явленія, имѣющія бо́льшее значеніе для исторіи цивилизаціи, чѣмъ для исторіи культуры. Словомъ, исторія цивилизаціи восприметъ явленія исторіи мысли и исторіи

(*) Въ сущности, это раздѣленіе почти совпадаетъ и съ тѣмъ, что Гизо называетъ l'état moral и l'état social, хотя мнѣ кажется что надо строже отличить въ этихъ двухъ сферахъ, съ одной стороны—общественныя формы и явленія, служащія выраженіемъ современной мысли, и слѣдовательно, по справедливости, принадлежащія къ исторіи мысли; съ другой стороны—тѣ произведенія литературы и искуства, которыя суть только отраженіе традиціи, привычекъ, моды, и потому относятся къ исторіи культуры. Слово *культура* вошло болѣе и болѣе въ употребленіе въ Германіи послѣ сочиненія Гизо, но до сихъ поръ предѣлы его строго не установились, хотя значеніе *формальныхъ, внѣшнихъ* проявленій жизни отъ него почти нераздѣльно (особенно у Клемма и Риля, менѣе у Карьера и Гонеггера). Я счелъ себя, во всякомъ случаѣ, вправѣ употребить его въ томъ смыслѣ, какой ему приданъ въ текстѣ.

(**) Оно обусловило борьбу реализма и номинализма въ средніе вѣка.

культуры по мѣрѣ ихъ *вліянія*, а не по мѣрѣ ихъ безусловнаго значенія въ своей области. Но для того, чтобы оцѣнить вліяніе явленія на разныя сферы, необходимо усвоить себѣ его относительное значеніе въ той области, которой оно спеціально принадлежитъ, а потому надлежащая исторія цивилизаціи будетъ написана лишь тогда, когда, заранѣе, надлежащимъ образомъ будетъ разработана исторія мысли и исторія культуры.

Для этого, прежде всего, необходимо уяснить себѣ, что принадлежитъ къ исторіи мысли и что къ исторіи культуры. Я преимущественно, какъ сказано уже выше, остановлюсь на первой.

Когда мы говоримъ о человѣческой мысли, намъ естественно искать ее въ словесности, въ искуствѣ, въ религіи, въ знаніи, въ философіи, но подъ этими словами, мы подразумѣваемъ въ разныхъ случаяхъ весьма различныя вещи, и, для того, чтобы надлежащимъ образомъ отвѣтить на вопросъ, важно, прежде всего, надлежащимъ образомъ его поставить. Область, разсматриваемая въ спеціальномъ сочиненіи о которомъ либо изъ названныхъ предметовъ, обнимаетъ, во первыхъ, нѣкоторый элементъ мысли, во всѣхъ его проявленіяхъ, и во вторыхъ—рядъ внѣшнихъ явленій, историческихъ процессовъ и событій, связанныхъ съ проявленіями этого элемента. Но, для опредѣленія отношенія названныхъ выше предметовъ къ исторіи мысли, конечно, важно особенно опредѣлить элементъ мысли, характеризующій каждую изъ этихъ областей, и выдѣленіе этого элемента составитъ главную нашу задачу въ послѣдующемъ разсужденіи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что каждая изъ названныхъ областей, заключаетъ лишь одинъ элементъ мысли, что этѣ области, въ своемъ историческомъ развитіи, вполнѣ войдутъ въ исторію мысли и что онѣ ее исчерпаютъ. Но это не совсѣмъ такъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что внимательный разборъ того, что составляетъ многія изъ названныхъ областей покажетъ, что онѣ не только заключаютъ, каждая, разнородные элементы мысли, но захватываютъ еще и область культуры.

Начнемъ со словесности. Неужели всѣ многочисленныя произведенія беллетристики и публицистики, расхватываемыя сегодня въ десяткахъ и въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и забытыя завтра, суть выраженія общественной мысли? Неужели многія изъ нихъ не играютъ въ жизни общества такую же роль, какъ модная куафюра или полезное улучшеніе въ устройствѣ самоваровъ? Неужели, наконецъ, и въ иныхъ, болѣе значительныхъ литературныхъ произведеніяхъ не легко замѣтить, что они представляютъ удобную форму для отраженія общественныхъ привычекъ, для удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ минуты, но что они такъ же безсознательно удовлетворяютъ этимъ потребностямъ, какъ бо́льшая часть культурной обстановка общественной жизни? Мнѣ кажется, что всякому внимательному наблюдателю должно быть, напротивъ, ясно, что *самая малая* часть литературныхъ произведеній имѣетъ какое нибудь значеніе въ исторіи мысли, а большинство печатнаго слова, какъ большинство остатковъ устной словесности прежняго времени, едва ли

имѣетъ значеніе даже въ исторіи культуры. Конечно, для періодовъ давно минувшихъ, гдѣ памятники рѣдки, дорожишь и второстепенными произведеніями, какъ слѣдами традиціи мысли. Плохой учебникъ эпохи конца римской имперіи для насъ имѣетъ случайную важность, какъ указаніе на путь, которымъ передавалось и поддерживалось ученіе, потому что иначе этотъ путь намъ оставался бы совершенно неизвѣстенъ; но масса учебниковъ *такого же достоинства* начала XVIII вѣка имѣетъ для насъ лишь статистическое значеніе. Намъ важно знать: сколько появлялось подобныхъ учебниковъ, во сколькихъ изданіяхъ, и въ какомъ числѣ экземпляровъ они расходились, чтобы по этому судить о *культурѣ* той или другой страны. Традицію научной мысли мы станемъ искать въ другихъ произведеніяхъ. Точно также по немногимъ періодическимъ изданіямъ мы будемъ судить о ходѣ политической и эстетической мысли въ данной мѣстности; большинство же этихъ изданій будетъ служить лишь указателемъ жизненныхъ *привычекъ* даннаго общества. Поэтому, исторія литературы, собственно какъ литературы, *вовсе не входитъ* въ исторію мысли; послѣднюю исторія заключаетъ лишь на столько, на сколько словесныя произведенія служатъ выраженіями движенія мысли въ различныхъ ея элементахъ, о которыхъ намъ еще придется говорить.

Повидимому, то, что мы сказали о словесности, прилагается почти въ тѣхъ же словахъ къ искуству. И такъ, при крайне маломъ числѣ произведеній, отражающихъ развитіе вкуса, сознаніе стройной и патетической формы, или иллюстрирующихъ общественную мысль, мы видимъ громадное число произведеній рутины, минутныхъ общественныхъ увлеченій, жизненыхъ привычекъ и т. под. Съ одной стороны, нужно крайне тонкое чутье, чтобы провести грань между ловко обдуманнымъ и тщательно отдѣланнымъ произведеніемъ ремесла (уже конечно относящагося къ культурѣ) и нѣкоторыми произведеніями искуства; съ другой стороны, столь же трудно сказать, гдѣ — напримѣръ, въ сферѣ политической каррикатуры—кончается дѣятельность художниника и начинается прямая борьба публициста. Но тѣмъ не менѣе эта область имѣетъ уже нѣчто *свое*; тутъ мы замѣчаемъ *особое проявленіе мысли*; и, кромѣ того, здѣсь мы должны упомянуть еще объ отдѣлѣ произведеній, которыя даже для исторіи мысли имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ для исторіи искуства.

Во первыхъ, всякій поворотъ общественнаго вкуса, всякое улучшеніе или пониженіе въ умѣньи улавливать стройность и патетичность формы, есть событіе, совершающееся во внутреннемъ мірѣ человѣка или общества. Есть періоды и мѣстности, въ жизни которыхъ отсутствіе сознанія красоты (т. е. патетической стройности) или сила этого сознанія составляетъ весьма характеристическую черту. Какое бы значеніе ни придавали этой сторонѣ человѣческаго духа, будутъ ли считать ее здоровой потребностью или паталогическимъ проявленіемъ (съ чѣмъ, въ скобкахъ, я совершенно несогласенъ), но должно признать, что человѣческій духъ имѣетъ и эту сторону, а если она проявляется, мы не имѣемъ права ее исключать изъ исторіи человѣческой

мысли. И такъ, всѣ тѣ художники, произведенія которыхъ выказываютъ повышеніе или ослабленіе сознанія красоты, въ которой либо изъ сферъ ея проявленія, всѣ тѣ произведенія искуства, которыя характеризуютъ подобное повышеніе или ослабленіе, или признаніе ея въ новой сферѣ, до тѣхъ поръ эстетически не оцѣненной, должны имѣть мѣсто въ исторіи мысли.

Но есть значительное число произведеній искуства, къ которымъ страстный художникъ относится недоброжелательно, которыя художественный критикъ просматриваетъ съ пренебреженіемъ, и которыя историкъ искуства проходитъ молчаніемъ или заноситъ, какъ довольно второстепенныя произведенія на свои страницы, а между тѣмъ историку мысли приходится на нихъ остановиться иногда долѣе, чѣмъ на многихъ замѣчательныхъ, истинно—художественныхъ произведеніяхъ. Я говорю о томъ, что лучше всего, какъ кажется, назвать бы *иллюстраціею мысли.* Форма произведенія искуства можетъ быть до извѣстной степени несовершенна, требованія стройности нарушены, характеристическія черты предмета схвачены не вполнѣ или утрированы; но, между тѣмъ, разсматриваемое произведеніе, можетъ быть, лучше ученой диссертаціи позволяетъ понять данное явленіе; лучше философскаго трактата позволяетъ сблизить разбросанныя данныя знаній и жизни въ одномъ стройномъ міросозерцаніи. Для исторіи мысли подобныя произведенія тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что, независимо отъ своего содержанія, они имѣютъ, вслѣдствіе доступности своей формы, весьма обширный кругъ дѣйствія и служатъ едва ли не лучшими проводниками идей, тогда какъ, собственно для исторіи искуства, ихъ значеніе остается если не ничтожнымъ, то весьма второстепеннымъ. Между многочисленными примѣрами этого рода произведеній приведу романы и драмы Вольтера, и аллегорическую живопись и скульптуру. Однако понятно, что послѣдняя группа произведеній искуства, которую я отнесъ къ области *иллюстраціи мысли*, занимая лишь внѣшнюю форму отъ искуства, получаетъ въ исторіи мысли значеніе не отъ этой формы, а во имя своего содержанія, принадлежащаго которому либо изъ элементовъ мысли, еще нами не разсмотрѣнныхъ, и потому, при бо́льшей спеціализаціи исторіи мысли на отдѣльныя группы, объ упомянутыхъ произведеніяхъ слѣдуетъ говорить, какъ объ членахъ той группы, которой они служатъ иллюстраціей, а не той художественной группы, которой они принадлежатъ по внѣшней формѣ. Мѣсто трагедій Вольтера въ исторіи мысли не тамъ, гдѣ разсматривается постепенное уясненіе требованій сценической красоты, а тамъ, гдѣ изучается развитіе раціонализма XVIII вѣка; картины Овербэка и Корнеліуса относятся не къ извѣстному фазису вкуса въ живописныхъ изображеніяхъ, а къ опредѣленному моменту религіозной реакціи XIX вѣка.

И такъ, въ концѣ концовъ, собственно исторія искуства входитъ въ исторію мысли лишь тою своею долею, которая обозначаетъ фазисы возвышенія или пониженія сознанія красоты въ различныхъ ея проявленіяхъ; затѣмъ, нѣкоторая доля произведеній искуства войдетъ въ исторію мысли, какъ иллюстраціи фазисовъ исторіи религіи, знанія, философіи; и затѣмъ

остается еще много произведеній искуства, имѣющихъ только значеніе для исторіи культуры, или даже не входящихъ и въ этотъ отдѣлъ.

Относительно участія исторіи религіи въ исторіи мысли приходится говорить съ бо́льшою осторожностью, потому что тутъ вопросъ несравненно сложнѣе. Не подлежитъ сомнѣнію, что часть разсматриваемой области относится къ культурѣ, именно это приходится сказать о культахъ, формальномъ выраженіи религій. Но и внѣ этого, безспорно—культурнаго элемента, въ исторіи религіи можно замѣтить еще другіе элементы, или относящіеся къ другимъ мотивамъ человѣческой мысли, или даже вовсе не принадлежащіе къ развитію внутренняго міра человѣка.

Прежде всего религія представляется какъ система догматовъ. Каждый догматъ есть выраженіе извѣстнаго міросозерцанія, имѣющаго свое историческое развитіе; кромѣ того, различные догматы той же религіи иногда вышли изъ весьма различныхъ міросозерцаній. Понятно, что исторія міросозерцаній принадлежитъ къ исторіи мысли, но она относится къ проявленію другаго элемента мысли: исторія міросозерцаній есть исторія философіи. Слѣдовательно, собственно *внутренняя* исторія развитія догматовъ въ умѣ человѣческомъ входитъ въ отдѣлъ, который намъ придется разсмотрѣть далѣе. *Содержаніе* догматовъ входитъ въ исторію мысли настолько, насколько оно носитъ въ себѣ слѣдъ *философскаго* развитія.

Но въ догматѣ, кромѣ міросозерцанія, важна еще форма, въ которой это міросозерцаніе выразилось въ извѣстную эпоху, и эта форма, миѳъ, имѣетъ свою исторію. Она, бо́льшею частью, коренится въ языкѣ, въ прежнихъ условіяхъ жизни, въ привычныхъ представленіяхъ, въ традиціонныхъ художественныхъ произведеніяхъ и т. п. Очевидно, бо́льшая часть этихъ источниковъ миѳа относится къ внѣшнимъ проявленіямъ жизни, къ культурѣ. Иногда физическія или нравственныя воззрѣнія общества обусловливаютъ частности миѳа, и тогда онъ входитъ въ исторію развитія теоретическихъ или практическихъ міросозерцаній, т. е. въ исторію философіи; такъ, внесеніе въ древне-греческій миѳъ трехъ загробныхъ судей принадлежитъ къ развитію представленія о справедливости и воздаяніи; аваторы Вишну принадлежатъ къ одной изъ формъ міросозерцанія о вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ дѣла человѣческія, съ цѣлью помощи. Наконецъ, въ первоначальномъ своемъ складѣ, миѳъ весьма часто есть лишь выраженіе грубаго первобытнаго наблюденія, первый отвѣтъ на безсознательную потребность знанія, первая форма человѣческаго знанія, впослѣдствіи потерявшая для общества всякое содержаніе и комбинированная съ другими подобными же формами самымъ прихотливымъ образомъ; такова бо́льшая часть миѳовъ Риг-Веды; такова первобытная форма всего множества разсказовъ, вытекшихъ изъ простаго метеорологическаго наблюденія: когда тучи пронесутся, солнце засвѣтитъ (*). По этому миѳъ, при своемъ происхожденіи, входитъ довольно часто

(*) См. *Schwarz*: «Ursprung der Mithologie», кромѣ того извѣстны сочиненія Куна, Макса Мюллера и др.

извѣстною долею въ исторію человѣческаго знанія. Все это вмѣстѣ показываетъ, что исторія миѳологій, формъ догматовъ, входитъ въ значительной степени въ исторію культуры, лишь въ самомъ началѣ своемъ; въ теоріи происхожденіе первыхъ простѣйшихъ миѳовъ относится къ исторіи знанія, а иногда, насколько самый складъ миѳа обусловливается философскими взглядами, принадлежитъ исторіи философіи.

Исторія религій представляетъ не только теоретическое установленіе, измѣненіе и распаденіе догматовъ, но еще ихъ фактическое принятіе болѣе или менѣе обширными кружками личностей; ихъ добровольное или насильственное распространеніе въ обществѣ; болѣе или менѣе драматическую, болѣе или менѣе кровавую борьбу приверженцевъ различныхъ, противоположныхъ одинъ другому или даже, просто, нѣсколько отличныхъ одинъ отъ другаго догматовъ, и рядъ событій общественной жизни, гдѣ тотъ или другой догматъ являлся лишь орудіемъ борьбы національныхъ, политическихъ или соціальныхъ партій. Лишь внимательный разборъ предмета можетъ показать, насколько эта пестрая лѣтопись, прежде игравшая такую важную роль въ исторіи вообще, принадлежитъ къ исторіи мысли, и даже къ исторіи цивилизаціи вообще.

Для насъ важно знать, что между событіями исторіи религіи заключаются такія, которыя выказываютъ въ личностяхъ и въ обществѣ особенное состояніе духа, характеристичное во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы должны признать религіозную дѣятельность личностей искреннею. Признавъ нѣкоторое положеніе *догматомъ* своей вѣры, религіозный человѣкъ уже не подвергаетъ его критикѣ; оно становится высшею истиною, предъ которою умолкаетъ требованіе повѣрки и само становится исходнымъ пунктомъ мышленія, служитъ безусловнымъ источникомъ критики для всего остальнаго. Обыкновенно при этомъ истинно религіозный человѣкъ готовъ на всякую жертву, жаждетъ практически содѣйствовать распространенію и утвержденію своего вѣрованія. При высшемъ своемъ развитіи (обыкновенно называемомъ фанатизмомъ) подобное состояніе духа не допускаетъ правомѣрности, никакой личной и общественной, теоретической или практической дѣятельности, не обусловливаемой прямо основными вѣрованіями лица или общества. Это состояніе духа, и и *религіозное чувство*, какъ бы мы его не оцѣнивали, есть историческій фактъ, и притомъ фактъ внутренняго міра человѣка. Оцѣниваютъ его до крайности различно, смотря по обстоятельствамъ: для вѣрующаго магометанина религіозное чувство огнепоклонника возмутительно, а религіозное чувство другаго вѣрующаго магометанина крайне почтенно; для буддиста они оба живутъ извращенною жизнью духа, а лишь буддисты проникнуты истиннымъ религіознымъ чувствомъ; наконецъ, для скептика всякое подобное проявленіе есть процессъ патологическій. Тѣмъ не менѣе, какъ фактъ, независимо отъ предмета человѣческаго почитанія, религіозное чувство должно быть признано за весьма распространенный процессъ человѣческаго духа. Его проявленія, независимо отъ формъ и предметовъ религіознаго почитанія, довольно одно-

образны, но въ минуту борьбы оно проявляется несравненно сильнѣе, и, кромѣ того, нельзя не допустить, что въ данную эпоху это чувство было болѣе распространено въ одной мѣстности, чѣмъ въ другой; а въ одной и той же странѣ было распространеннѣе въ одну эпоху, чѣмъ въ другую. Поэтому религіозное чувство имѣетъ свою особую исторію, а такъ какъ оно есть явленіе внутренняго міра человѣка, то мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что его исторія принадлежитъ исторіи мысли, входя въ послѣднюю какъ самостоятельный религіозный элементъ, точно также какъ исторія сознанія красоты представляла въ ней элементъ художественный.

Но, убѣдившись въ существованіи этого особаго элемента въ исторіи мысли, мы должны обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, при обсужденіи подобныхъ вопросовъ, вообще слишкомъ мало берутъ въ соображеніе. Религіозное чувство со своими характеристическими признаками, указанными выше, составляетъ ли принадлежность *только* того, что принято называть религіями? Если оно есть особое настроеніе духа, то не встрѣчается ли подобное чувство въ приложеніи къ вопросамъ знанія, философіи, жизненной дѣятельности?—Мнѣ кажется, что на первый вопросъ приходится отвѣчать отрицательно, а на послѣдній положительно. Если въ тѣхъ историческихъ процессахъ, которые принято называть религіозными движеніями, всего наглядѣе и поразительнѣе проявляется чувство, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, то тѣмъ не менѣе, всѣ характеристическія его особенности прилагаются и къ другимъ сферамъ. Отрицаніе критики для данной группы положеній, самоотверженіе при ихъ отстаиваніи и нетерпимость относительно всего, что не согласно съ этими положеніями, даже готовность допускать какъ правомѣрное явленіе лишь то, что связано болѣе или менѣе съ принятыми положеніями, какъ высшею истиною,—это настроеніе духа крайне обычно, какъ въ партіяхъ политическихъ и общественныхъ, такъ и между людьми, называющими и считающими себя художниками, философами или учеными. Мы назовемъ это состояніе духа, въ приложеніи ко всѣмъ сферамъ человѣческой дѣятельности—*догматическимъ* чувствамъ.

Присутствіе догматическаго чувства придется разсмотрѣть въ исторіи мысли, какъ одинъ изъ элементовъ духа, проявляющійся въ весьма разнообразныхъ формахъ. Понятно, что для исторіи мысли, всѣ эти проявленія важны. Она должна прослѣдить въ данную эпоху присутствіе догматическаго чувства тамъ, гдѣ оно проявляется; затѣмъ его ослабленіе съ теченіемъ времени въ данномъ обществѣ въ одной или въ нѣсколькихъ изъ сферъ человѣческой дѣятельности или, наконецъ, во всѣхъ сферахъ; его усиленіе подъ вліяніемъ историческихъ событій и его видоизмѣненія.

И такъ, съ одной стороны, исторія религій лишь нѣкоторою своею долею входитъ въ исторію мысли; нѣкоторыя существенныя ея рубрики относятся къ исторіи элементовъ духа, еще нами неразсмотрѣнныхъ; но она указываетъ на важный элементъ исторіи мысли, гораздо болѣе общій, чѣмъ сфера соб-

ственно такъ называемыхъ религій, именно на *исторію догматическаго чувства* во всѣхъ его проявленіяхъ. (*)

Исторія знаній, конечно, вся входитъ въ исторію мысли, но здѣсь можетъ быть затрудненіе относительно самаго понятія о *знаніи* и относительно его предѣловъ.

Прежде всего, на первоначальныхъ ступеняхъ его, не всегда легко отдѣлить *знаніе* отъ *умѣнья*. Я читалъ гдѣ-то анекдотъ—помнится, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованный, что одинъ фабрикантъ въ наше время нанялъ дорогою цѣною на свою фабрику работника, который чрезвычайно искусно смѣшивалъ краски для составныхъ цвѣтовъ въ данномъ производствѣ. Фабрикантъ хотѣлъ лишь подмѣтить пропорцію смѣшенія; но работникъ бралъ смѣшиваемыя краски горстями и, когда его попросили брать ихъ опредѣленною мѣрою, онъ отказался, говоря, что *не умѣетъ* дѣлать иначе. *Зналъ* ли онъ процессъ смѣшенія красокъ до полученія составного цвѣта? Едва ли; онъ только *умѣлъ* различать свои ощущенія, соотвѣтствующія требуемому окончательному результату. Весьма много простѣйшихъ техническихъ процессовъ совершаются лишь съ помощью подобнаго *умѣнья*, и во многихъ случаяхъ его лишь можно признать у нѣкоторыхъ народовъ, находящихся на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія. Да и внѣ техники существуютъ *умѣнья*, которыя иными принимаются за *знаніе*, хотя правильнѣе различать эти два процесса. Пастухъ, отличающій по звѣздамъ, что полночь прошла, *умѣетъ* узнавать нѣкоторые періоды времени, но не всегда *знаетъ* теченіе звѣздъ. Вообще говоря, когда между ощущеніемъ и окончательнымъ результатомъ мысли человѣкъ не замѣтилъ посредствующихъ моментовъ, онъ еще не обладаетъ знаніемъ; оно возникаетъ лишь тогда, когда въ мысляхъ человѣка связано сосуществованіе или послѣдовательность двухъ или болѣе *внѣшнихъ* для него событій, или когда, во внутреннемъ мірѣ, онъ возвысился отъ ощущеній до *представленій* и *понятій*. Когда изъ таблицы замѣченныхъ затмѣній полученъ былъ выводъ—хотя и эмпирическій—что затмѣніе случается чрезъ такой-то періодъ времени, это было уже знаніе (хотя не наука). Когда было вылито первое оружіе изъ мѣди, то *узнали*, что надо дѣйствовать огнемъ на мѣдь, чтобы привести ее въ жидкое состояніе, и что, охлаждаясь, она получаетъ прежнюю твердость. Конечно, трудно во многихъ случаяхъ провести черту между умѣньемъ и знаніемъ, но съ нѣкоторою вѣроятностью можно сказать, что почти всюду, гдѣ человѣкъ совершаетъ процессъ прямо съ помощью членовъ своего тѣла или при самыхъ элементарныхъ орудіяхъ, тамъ онъ лишь *умѣетъ* его совершать, но не развился до *знанія*. При нѣкоторомъ

(*) Лекки, въ своей «Исторіи раціонализма въ Европѣ» написалъ нѣкоторыя главы, относящіяся частію къ *отрицательной* сторонѣ этой исторіи, именно къ исторіи анти-религіознаго чувства, но онъ соединилъ съ этимъ и исторію анти-религіознаго *мышленія*, относящуюся къ исторіи философіи. Важно лишь то, что онъ не ограничился сферой собственно религіи, но захватилъ и сферу общественную, отдѣлъ, который, впрочемъ, у него обработанъ слабѣе другихъ.

усложненіи орудій, при введеніи промежуточнаго процесса между человѣческимъ органомъ и результатомъ—является *знаніе*. *Умѣнье* относится къ первоначальной культурѣ; позднѣе, процессъ полученія результата есть все-таки принадлежность культуры, но въ каждомъ процессѣ уже есть зерно *знанія*, и исторія мысли ловитъ въ техникѣ дикаго это зерно, чтобы занести его на свои страницы. Она ловитъ его въ зародышахъ миѳа, въ формѣ слова, измѣнившаго впослѣдствіи свое значеніе и, такимъ образомъ, исторія знанія черпаетъ свое начало въ элементахъ техники и формахъ миѳа. Здѣсь именно всего труднѣе отдѣлить то, что принадлежитъ исторіи культуры отъ исторіи мысли, потому что, на этѣхъ начальныхъ ступеняхъ, внѣшнее проявленіе всего тѣснѣе связано съ внутреннимъ содержаніемъ. Но и при позднѣйшей техникѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что можно отнести къ знанію и что осталось лишь на степени умѣнья, а потому не должно войдти въ область исторіи мысли.

Хотя дальнѣйшее развитіе знанія не представляетъ случая, гдѣ бы оно вышло изъ предѣловъ исторіи мысли, но для яснаго пониманія состава этой исторіи важно и здѣсь различать элементы, въ нее входящіе, потому что лишь точный предварительный анализъ элементовъ можетъ повести къ правильному построенію цѣлаго. И такъ, мы остановимся нѣсколько на различеніи, въ дальнѣйшемъ развитіи процесса знанія, того, что собственно принадлежитъ *его* исторіи, отъ того, что принадлежитъ другимъ процессамъ.

Факты знанія, накопляясь, иногда остаются лишь полезными средствами для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, идя пареллельно съ исторіей техники, относящейся къ культурѣ общества. Въ другомъ случаѣ, возбуждая воображеніе, они дѣлаются источниками вѣрованій, становящихся преградою дальнѣйшему накопленію знанія, и тогда результатъ ихъ входитъ въ исторію догматическаго чувства. Иногда они становятся причиною общественнаго раздѣленія на классы и касты, что даетъ отрасль въ исторіи общественныхъ формъ, входящихъ въ исторію культуры — или въ исторіи общественныхъ теорій, что относится къ исторіи философіи. Всего чаще разбросанные факты знанія возбуждаютъ стремленіе къ цѣльнымъ представленіямъ о природѣ и частяхъ ея, прежде чѣмъ накопленіе ихъ достаточно велико, чтобы могло повести къ открытію точныхъ законовъ явленій; исторія подобныхъ міросозерцаній входитъ также въ исторію философіи. Но иногда въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія, при удобной исторической обстановкѣ, накопленіе фактовъ ведетъ къ желанію *понять* связь между ними, поставить опредѣленный вопросъ и опредѣлить методъ его рѣшенія. Тогда знаніе переходитъ въ *науку* и исторія накопленія знаній группируется около *исторіи науки*. Послѣдняя составляетъ часть, и едва ли не самую важную, въ исторіи знанія, можетъ быть съ пользою разсмотрѣна самостоятельно, но тѣмъ не менѣе нельзя ее назвать *особымъ* элементомъ отъ знанія: наука составляетъ лишь высшее развитіе знанія; если исторія научной мысли можетъ быть разсмотрѣна отдѣльно, то исторія знанія, которая бы не заключала исторіи науки, немыслима.

Наука, въ своемъ развитіи, стремясь сблизить все бо̀льшее и бо̀льшее количество фактовъ и ихъ группъ, переходитъ отъ частныхъ законовъ къ болѣе общимъ. При этомъ, законы связи явленій заключаютъ въ себѣ или формулы, служащія для опредѣленія одной группы явленій по другой, или гипотезы, выказывающія предполагаемую связь тамъ, гдѣ она только весьма вѣроятна.

Формулы составляютъ, конечно, результатъ точнаго знанія, но гипотезы вносятъ въ него элементъ, какъ будто, ему чуждый. Впрочемъ, тутъ необходима оговорка. Иногда гипотеза допускаетъ повѣрку, которая ее *доказываетъ*; объ этомъ случаѣ я не говорю. Здѣсь дѣло идетъ о предположеніи, которое мы, собственно, повѣрить не можемъ, но которое, не противорѣча *ни одному*, положительно извѣстному намъ, факту, связываетъ цѣлыя группы ихъ, до тѣхъ поръ разрозненныя, въ одно связное цѣлое. Такова гипотеза ледяныхъ періодовъ въ геологіи, гипотеза состава солнца и т. под. Выбросить всѣ гипотезы подобнаго рода изъ науки было бы странно, но, тѣмъ не менѣе, признавая въ нихъ нѣсколько чуждый знанію элементъ, полезно указать, по крайней мѣрѣ, предѣлы, за которыми гипотезы не могутъ быть признаны научным, предоставляя, современемъ, болѣе точному и строгому анализу провести точнѣе черту, отдѣляющую науку отъ другого, сопредѣльнаго процесса мысли. При сближеніи небольшой группы фактовъ гипотезы иногда получаютъ такую степень вѣроятности для человѣческаго ума, что она крайне мало отличается отъ достовѣрности. Но чѣмъ общнѣе законы, чѣмъ обширнѣе группа фактовъ, ими связываемыхъ, тѣмъ больше гипотетическая доля разсужденія возрастаетъ, такъ что для положеній, обобщающихъ и связующихъ главныя области природы, мы не можемъ считать гипотезы достовѣрными, не можемъ сказать, что мы *знаемъ* съ достаточною вѣроятностью, что наша гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такъ, многія частныя гипотезы въ геологіи почти безспорно научны, но въ цѣломъ—исторія развитія земнаго шара есть еще лишь *представленіе* процесса, увлекательнаго по своей цѣлости, но принадлежащее къ области частныхъ міросозерцаній. Конечно, *количественное* распространеніе данной гипотезы есть плохой критерій, но есть еще другой, уже несравненно болѣе значительный. Въ иныхъ гипотезахъ мы, для связи фактовъ дѣлаемъ предположеніе, всѣ элементы котораго у насъ есть; въ другихъ случаяхъ мы вносимъ въ построеніе связи фактовъ элементъ, котораго наблюденіе не представляетъ вовсе, который мы придумали. Первыя гипотезы еще можно назвать *научными* и способствующими лишь *пониманію* предмета, но послѣднія нельзя иначе назвать какъ *философскими*, потому что онѣ ограничиваются удобнымъ *представленіемъ*, которое остается невполнѣ понятнымъ. Такъ теоріи Грове и Дарвина можно еще признать въ извѣстной степени научными, такъ какъ онѣ не предполагаютъ ничего, не представляющагося уже наблюдателю въ другихъ, болѣе тѣсныхъ областяхъ природы. Переходъ движенія въ теплоту, въ свѣтъ, въ электрическія явленія—есть фактъ; сохраненіе количества работы силъ при движеніи массъ тоже фактъ; существованіе молекулярнаго движенія, въ иныхъ случаяхъ по край-

ней мѣрѣ, тоже фактъ. Весь вопросъ въ томъ: существуетъ ли при всѣхъ случаяхъ, обнимаемыхъ теоріею Грове, переходъ движенія массъ въ молекулярное движеніе и обратно, при сохраненіи количества работы? Точно также въ теоріи Дарвина данныя всѣ существуютъ: борьба за существованіе есть совершенно-научная формула для реальнаго процесса; подборъ родичей въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть фактъ наблюденія; различіе видовъ существующихъ отъ существовавшихъ—есть обобщеніе совершенно дозволительное; несостоятельность теоріи постоянства видовъ, такъ, какъ эта теорія теперь формулируется, едва-ли можетъ быть оспариваема. Остается вопросъ: достаточно-ли принять борьбу за существованіе и подборъ родичей для объясненія всего современнаго органическаго міра? Конечно, и въ этѣхъ теоріяхъ связующее начало обобщающаго весьма вѣроятнаго *представленія* неоспоримо, а, потому, и это, въ извѣстной степени, философскія міросозерцанія, но такъ какъ, едва знаніе сдѣлалось наукою, оно почти не можетъ обойтись безъ нѣкотораго участія міросозерцаній, то еще трудно рѣшиться исключить этѣ теоріи изъ числа научныхъ теорій. Мы здѣсь находимся на крайней грани раздѣленія этихъ элементовъ и, строго говоря, указанныя теоріи настолько же *въ настоящее* время принадлежатъ наукѣ, насколько и философіи.

Но, если въ нашихъ гипотезахъ предполагаются предметы или процессы, неимѣющіе ничего аналогическаго въ сферѣ наблюденія (невѣсомыя вещества, нарушенія неизмѣнности законовъ природы, психическіе процессы безъ организмовъ, въ которыхъ бы они совершались, количественное увеличеніе и уменьшеніе или, даже, происхожденіе вещества и т. п.), то мы не имѣемъ ни малѣйшаго права ставить подобныя гипотезы въ область знанія, а прямо видимъ въ нихъ болѣе или менѣе стройныя, болѣе или менѣе удачныя философскія міросозерцанія.

И такъ исторія знанія, коренясь въ области техническаго умѣнья и первобытныхъ миѳовъ, мало по малу расширяется, покрывается явленіями другаго рода, частью принадлежащими исторіи культуры, частью другимъ элементамъ исторіи мысли, и образуетъ въ своей средѣ крѣпко объединенную исторію науки, которая окончательно входитъ, своими высшими обобщеніями, въ исторію философіи.

Считаю полезнымъ здѣсь прибавить, что въ исторію знанія входятъ, конечно, и всѣ истины, добытыя путемъ наведенія и вывода и въ области человѣческаго духа. Нѣтъ ни малѣйшей причины исключать то, что формулировано въ законъ въ психологіи, логикѣ, эстетикѣ и вообще въ феноменологіи духа, изъ сферы знанія вообще. Насколько оно принадлежитъ *наукѣ*, т. е., насколько въ этѣхъ областяхъ господствуетъ ясное пониманіе и точный методъ? это другой вопросъ. Насколько въ нихъ смѣшаны гипотезы, неимѣющія никакого права на научность, но составляющія философскія міросозерцанія, съ фактами знанія? опять дѣло другое. Но, насколько психологія, логика,

эстетика и т. п. представляютъ безспорныхъ фактовъ, настолько онѣ принадлежатъ области знанія и ихъ исторія должна войдти въ исторію знанія.

Я это считалъ нужнымъ сказать потому, что по бо̀льшей части исторію этихъ предметовъ считаютъ принадлежащею къ области исторіи философіи, на что собственно нѣтъ ни малѣйшей причины, если только считать философію особымъ элементомъ человѣческаго духа, а не особою наукою, къ чему еще склоняются многіе авторы, вполнѣ достойные уваженія. Обратимся же къ этой формѣ процесса мысли и къ ея исторіи.

Ни по одному отдѣлу исторіи мысли не существуетъ такой обширной, разработанной и достойной глубокаго уваженія литературы, какъ по исторіи философіи, и между тѣмъ, какъ это ни дерзко, я долженъ признаться, что, по моему мнѣнію, самые лучшіе труды, сюда относящіеся, не охватили всего предмета, и это потому, что, какъ ни странно это высказать, но едва ли кто либо изъ историковъ философіи, написалъ эту исторію согласно собственному своему опредѣленію философіи; причемъ должно замѣтить, что именно это опредѣленіе составляетъ часто самый слабый пунктъ въ философскихъ сочиненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое философія?... Пусть читатель не пугается, я его не поведу чрезъ длинный рядъ опредѣленій, ей данныхъ; обращаясь къ самымъ сподручнымъ и добросовѣстнымъ источникамъ, онъ можетъ вычитать эти опредѣленія въ статьѣ Гайма: Philosophie, въ знаменитой энциклопедіи Эрша и Грубера (отд. III, т. XXIV); или на первыхъ страницахъ маленькаго, но едва-ли не лучшаго учебника исторіи философіи, Ибервега (Ueberweg, 1863), хотя не совсѣмъ полно. Я замѣчу только, что большинство современныхъ авторитетовъ признаютъ философію отдѣломъ болѣе обширной рубрики-науки. Но если философія есть наука, то о чемъ? Каковъ бы ни былъ ея предметъ, разъ онъ установленъ, она должна строго его держаться, не забѣгая за его предѣлы, и исчерпывая его въ этихъ предѣлахъ; какъ всякая другая наука, она должна собрать факты, установить ихъ точность, опредѣлить методъ ихъ повѣрки, группировать ихъ и получить полные и общіе законы для нихъ. Кромѣ того, какъ всякая наука, она должна заимствовать свой предметъ извнѣ, и только развивать его внутри себя. Такъ, всѣ естественныя науки берутъ явленіе или предметъ изъ *жизненнаго* наблюденія, и указываютъ, какъ путемъ науки слѣдуетъ его наблюдать и что, въ такомъ случаѣ, мы въ немъ откроемъ. Такъ математическія науки берутъ число, протяженіе, движеніе, вѣроятность, какъ нѣчто данное, и къ этимъ даннымъ прилагаютъ свое разсужденіе. Но я надѣюсь показать, что когда дѣло идетъ о философіи, то не думаютъ, да и не могутъ удовлетворять этому условію, и что историки философіи никогда не слѣдуютъ своему опредѣленію философіи, если они ее считаютъ особою наукою. Мало того, въ большинствѣ случаевъ они указываютъ у одного писателя такіе факты, о которыхъ не упоминаютъ у другаго. Напримѣръ, отчего классификацію животныхъ Аристотеля, иногда Окена, вы найдете въ обѣихъ исторіяхъ философіи, а классификацій Линнея, Кювье и многихъ другихъ, тамъ нѣтъ? Почему чисто ученое доказательство Канта,

что сущность вещей (вещь сама въ себѣ) недоступна уму, относится къ философіи, а доказательство, что флогистонъ не существуетъ, относится къ наукѣ? Вольфъ опредѣлялъ философію—наукою возможнаго, насколько оно возможно; анатомическія аномаліи въ прикрѣпленіи мышцъ суть случаи возможныхъ строеній; разсматривалъ-ли и считалъ-ли нужнымъ кто либо изъ вольфіанцевъ разсматривать предѣлы возможныхъ аномалій въ этомъ случаѣ? Гегель считалъ философію наукою безусловнаго въ его діалектическомъ развитіи; но безусловное—есть именно результатъ философскаго процесса мысли.

Болѣе обыкновенно опредѣленіе, что философія есть наука духа. Если оно такъ, то іонійская школа, говорившая почти исключительно о *природѣ*, не входитъ въ исторію философіи, всѣ теоріи природы должны быть исключены изъ нея и, самая натуръ-философія войдетъ въ нее лишь крайне малою долею. Затѣмъ отпадутъ всѣ философіи исторіи, эти изящные продукты новыхъ школъ, составляющіе въ журналѣ гегеліанцевъ постоянную рубрику (впрочемъ, имѣющую тамъ весьма мало смысла). Но куда же дѣть это все? Естествознаніе не приметъ въ себя многочисленныхъ построеній природы, а для философіи исторіи нѣтъ даже большой рубрики, къ которой бы она примкнула, да и какой же историкъ философіи отбрасывалъ іонійцевъ, натуръ-философію и исторію философіи?

И такъ, философія, какъ оказывается изъ дѣятельности самихъ философовъ, не есть *только* наука духа. Она даже не есть *вся* наука духа, потому что какой же историкъ новѣйшей философіи вносилъ на свои страницы всѣ результаты и методы новѣйшей психіятріи, всю физіологическую часть теоріи ощущеній? А вѣдь ощущеніе есть процессъ духа; методы психіятріи суть настолько же методы изслѣдованія, входящіе въ науку духа, насколько методы измѣренія силы галваническаго тока суть методы изслѣдованія, входящіе въ науку электрическихъ явленій. И такъ, никто не очертилъ исторіи философіи такъ, чтобы видно было, что онъ признаетъ философію наукою духа, или особою *областью* мысли.

Правда, на всѣ предъидущія замѣчанія есть возраженія. Философія, какъ наука духа, отличается отъ другихъ наукъ еще пріемами. Іонійцы и натуръ-философы *строили* природу по началамъ духа. Философія исторіи есть именно внесеніе духовнаго начала разума въ эмпиризмъ исторіи. Психітрія настолько не входитъ въ философію, настолько она *эмпирична*, насколько ея пріемы отрывочны и не представляютъ разумнаго цѣлаго, а общіе ея взгляды входятъ въ философію. Я изъ этого позволю себѣ заключить лишь слѣдующее: духъ, какъ обобщающая формула опредѣленнаго ряда явленій, *не есть* предметъ философіи ни вполнѣ, ни исключительно, но всюду, гдѣ процессы, входящіе въ эту рубрику, являются средствами для цѣлостнаго, стройнаго представленія, они суть орудія философской мысли.

Гораздо проще и ближе къ дѣлу, что философія есть наука принциповъ. Оставляю въ сторонѣ, что самое слово есть опять-таки не готовый предметъ, а результатъ философскаго мышленія; но спрашивается, что это значитъ?

Возьмемъ опять скромнаго Ибервега: онъ точенъ, не увлекается и имѣетъ въ виду учениковъ. Онъ поясняетъ это тѣмъ, что философія занимается сущностью, законами и связью дѣйствительнаго. Относительно законовъ, прямо говорю, что это несогласно съ самымъ изложеніемъ Ибервега. Эвклидъ нашелъ законы въ геометріи, Гиппархъ—въ астрономіи, Архимедъ—въ механикѣ, Эразистратъ, Галенъ—въ анатоміи; отчего Ибервегъ не внесъ ихъ въ свою исторію до христіанской философіи? Потому, что это законы частные и вся сила опредѣленія въ двухъ другихъ словахъ: сущность и связь. Но сущность есть опять-таки представленіе основного свойства, связывающаго предметъ съ другими предметами, съ нашими взглядами и т. д. И такъ, философія наука о связи предметовъ. Но внѣ самыхъ малыхъ группъ, можно ли доказать, повѣрить и подвести подъ безспорный законъ связь явленій и предметовъ? Какъ только мы ставимъ себѣ эту задачу, не выходимъ ли мы неизбѣжно изъ элемента знанія? имѣемъ ли мы право употреблять слово *наука?* Нѣтъ-ли противорѣчія въ словахъ: наука принциповъ?

Иные отождествляли и отождествляютъ философію съ метафизикою, системою воззрѣній на сущность вещей, и должно сознаться, что дѣйствительно, въ исторіяхъ философіи, метафизика занимаетъ видное мѣсто, но не исключительное. Нравственныя и политическія теоріи едва ли справедливо относить къ метафизикѣ, между тѣмъ, отдѣлъ, такъ называемой практической философіи входитъ во всѣ исторіи философіи. Слѣдовательно, философія не есть и метафизика.

Но, тѣмъ не менѣе, *постоянное* присутствіе метафизики въ исторіяхъ философіи можетъ, нѣкоторымъ образомъ, намъ служить указаніемъ на существенный признакъ элемента, который мы разсматриваемъ, точно также, какъ этотъ признакъ мы нашли въ предъидущихъ опредѣленіяхъ. Метафизическія сущности: бытіе, вещество, духъ, душа Богъ природа, и т. п. суть воплощенныя формулы, обобщающія огромное число процессовъ, явленій и предметовъ, но отличающіяся отъ словесныхъ формулъ тѣмъ, что онѣ доставляютъ *представленіе*, помощью котораго мы вносимъ единство, цѣлость, стройность въ разрозненные факты. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ словъ очень просто употребляются наукою для обобщающаго *понятія*, но въ метафизикѣ они говорятъ *воображенію*, и лишь въ этомъ смыслѣ они—*сущности*. И такъ, отдѣлъ, доставляющій цѣлостныя представленія, придающій цѣлость и стройность группѣ фактовъ, которыхъ наука соединить не можетъ ничѣмъ, кромѣ формулы, этотъ отдѣлъ составляетъ характеристическую принадлежность философіи.

Если мы обратимся къ практической философіи,—къ философіи исторіи, мы замѣтимъ и здѣсь тотъ же признакъ. Въ практической философіи мы найдемъ теорію высшаго блага, теорію общества, государства, права, и каждая изъ этѣхъ теорій отличается отъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ обществознанія, государствовѣдѣнія, правовѣдѣнія, тѣмъ, что она, не остановливаясь на частныхъ явленіяхъ и частныхъ законахъ, направляется къ обобщенію разсматриваемой области, да еще къ такому обобщенію, которое бы давало предста-

вленіе, то, что называютъ *идеаломъ* въ этой области, а, слѣдовательно, говорило бы воображенію. Въ философіи исторіи характеристическій и исключительный признакъ, отличающій сочиненія, сюда входящія, отъ нефилософскихъ исторій, это поставленіе такого принципа, который бы связалъ въ одно стройное цѣлое весь процессъ исторіи, доставилъ бы ему наглядность, создалъ бы изъ него одно цѣльное представленіе, говорящее нашему воображенію.

Во всѣхъ упомянутыхъ опредѣленіяхъ, выбранныхъ нами, какъ самыя обиходныя, мы видѣли отсутствіе самыхъ существенныхъ условій всего того, что называется наукою во *всѣхъ* прочихъ случаяхъ, и кромѣ того, въ этихъ опредѣленіяхъ, точно также какъ и въ трехъ отдѣлахъ, безспорно входящихъ въ философію, мы нашли особый характеристическій признакъ; это—внесеніе въ точныя данныя знанія связующаго начала, представленія, придающаго разрозненнымъ фактамъ цѣлость, говорящую воображенію.

Характеристическій признакъ, подмѣченный нами, отличается еще тѣмъ, что онъ не принадлежитъ прочимъ элементамъ мысли. Онъ совершенно независимъ отъ религіознаго чувства, потому что ни что не мѣшаетъ сознавать наше представленіе, связующее во едино огромную группу фактовъ, какъ вѣроятнѣйшее, какъ допускаемое на время, до другаго, болѣе вѣрнаго. Онъ не вызывается и требованіями знанія, для котораго отдѣльный фактъ, точно признанный и повѣренный, вполнѣ удовлетворителенъ, а частный законъ—вѣнецъ науки. Какая нибудь теорема Фермата или законъ кровообращенія Гарвея могутъ служить примѣрами требованій науки въ этомъ отношеніи, что далеко отъ признака, теперь нами разсматриваемаго. Значительный отдѣлъ искуства, правда, живетъ представленіями, но эти представленія не обобщающія, а единичныя; они говорятъ воображенію не въ связи цѣлаго, а въ экземплярахъ, характеристичныхъ для группы. Если создавать названіе для новаго элемента духа, которое бы охватывало этотъ признакъ и имъ характеризовалось, тогда этотъ элементъ войдетъ въ философію, какъ часть въ цѣлое, но что же ее будетъ характеризовать еще? Я, для себя, не нахожу отвѣта на этотъ вопросъ, и потому признаю философіею не особую *область* человѣческаго духа (всего менѣе особую науку), а тотъ элементъ человѣческой мысли, для котораго характеристическимъ признакомъ служатъ: стремленіе къ стройности въ мышленіи, стремленіе создать представленія, обобщающія для человѣка отдѣльные факты и ихъ научныя группы, и сообщающія частнымъ и общимъ міросозерцаніямъ единство и цѣлостность, говорящія воображенію.

Если допустить эту характеристику, то легко замѣтить, что область исторіи философіи, изъ которой мы выкинули кое-что выше, какъ относящееся къ исторіи знанія, значительно расширится въ другомъ отношеніи, противъ того, что входитъ въ нее обыкновенно.

Понятно, что стремленія къ цѣльному міросозерцанію можетъ встрѣчаться не только въ мыслителяхъ, ученія которыхъ достигли извѣстной степени отдѣлки. Это стремленіе войдетъ въ догматъ, будетъ иллюстровано про-

изведеніемъ искуства, выскажется въ миѳѣ, въ первобытной пѣсни, осуществится въ дѣятельности лица, воплотится въ общественную форму, одушевитъ собою процессъ общественнаго переворота. Въ иную эпоху найдется мыслитель, который всецѣло внесетъ это стремленіе въ стройную систему; въ другую эпоху такого мыслителя не будетъ, но въ господствующей литературѣ народа, въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ чертахъ множества писателей, болѣе или менѣе даже второстепенныхъ, выльется воззрѣніе, которое, въ этой совокупности, составитъ весьма характеристическое и многобъемлющее цѣлое. Часто, наконецъ, можно будетъ замѣтить два и болѣе міросозерцаній, рядомъ стоящихъ въ обществѣ, изъ которыхъ одно, можетъ быть, нашло себѣ систематическаго представителя, а остальныя остались *философіею общества*. По какому праву, какъ большею частью дѣлаютъ, вносить въ исторію философіи только фильяцію системъ, которыя имѣли себѣ личныхъ представителей? Почему міросозерцанія, живущія въ обществѣ, одушевляющія его и составляющія одинъ изъ самыхъ важныхъ двигателей въ успѣхахъ и въ паденіи цивилизацій, почему эти міросозерцанія не должны имѣть своего историка? Скажутъ что оно такъ, но это не дѣло историка философіи. Въ такомъ случаѣ — чье же? Гдѣ та рубрика, еще несуществующая, но очевидно весьма важная для историка цивилизаціи вообще, которая охватила бы этотъ вопросъ? Если признакъ, поставленный выше для философіи, вѣренъ, то онъ приложимъ сюда, и потому историкъ философіи долженъ обнять и этотъ вопросъ.

Но, замѣчательно то, что это иногда допускается на практикѣ, но для предварительныхъ періодовъ. Знаменитый историкъ греческой философіи, Целлеръ, посвятилъ довольно длинную главу указаніямъ на міровоззрѣнія, подмѣчаемыя въ произведеніяхъ писателей, предшествовавшихъ греческимъ философамъ, но вѣдь это можно найдти, и еще съ бо́льшею пользою, въ писателяхъ всѣхъ временъ. Каждая эпоха даетъ литературу, въ которой существуютъ нѣсколько главныхъ міросозерцаній, изъ которыхъ однѣ слабѣютъ, другія усиливаются, и историку философіи слѣдуетъ преслѣдить за этимъ колебаніемъ общественной философіи столь же тщательно, какъ лучшіе изъ нынѣшнихъ историковъ философіи слѣдятъ за фильяціей идей въ разныхъ личныхъ системахъ философовъ.

Но этого мало. Какъ стремленіе къ цѣлости, говорящее воображенію, философія не только придаетъ единство внутреннему міру, она обусловливаетъ *дѣятельность*. Соотвѣтственность между мыслью и дѣломъ, послѣдовательность въ жизни, *человѣчность въ самомъ широкомъ жизненномъ смыслѣ этого слова* — суть проявленія философской мысли. Когда личность воплощаетъ въ своей жизни свое міросозерцаніе, то жизнь этой личности служитъ живою и столь же полною иллюстраціею этого воззрѣнія, какъ произведеніе искуства. Когда общественный строй проникнутъ единствомъ мысли, онъ есть воплощеніе опредѣленной философіи. Когда цѣлое общество, въ минуту потрясенія, руководится опредѣленнымъ взглядомъ, то событіе политической исторіи становится примѣромъ соотвѣтствующей теоріи. Здѣсь именно мѣсто, гдѣ

біографическій, политическій, драматическо-историческій элементы входятъ въ исторію мысли, и лишь настолько, насколько жизнь личности или событіе общественной жизни иллюструетъ собою философское міросозерцаніе, настолько они достойны занять мѣсто въ исторіи мысли; но *настолько* войдти они *должны* въ исторію философіи, и, какъ часть исторіи философіи, перейдти въ исторію мысли вообще.

Но здѣсь, указавъ распространеніе философскаго элемента, нельзя обойти вопросъ о той группировкѣ философскихъ мнѣній, которая изъ трактатовъ и учебниковъ перешла въ обыденную литературу и въ разговоръ. Часто слышимъ мы и читаемъ о философскихъ школахъ и ученіяхъ, охватывающихъ длинные періоды времени и значительное число личностей, между которыми встрѣчаются цѣлые ряды замѣчательныхъ мыслителей. Какъ долженъ историкъ мысли отнестись къ подобнымъ дѣленіямъ и группамъ? Придаетъ ли онъ имъ существенную важность, или только употребилъ ихъ, какъ временное пособіе? Не придется ли ему сказать, что каждый самостоятельный мыслитель, даже каждый самостоятельный человѣкъ имѣетъ *свою* философію?

Когда говорятъ о философскихъ школахъ, то бо́льшею частью смѣшиваютъ двѣ, существенно различныя вещи. Есть люди, *исповѣдующіе* нѣкоторый заимствованный философскій догматъ, не подвергая его критикѣ и вѣря въ *слово* Гегеля, Бэкона, Кузена, Фейербаха, Ѳомы Аквината, какъ въ пунктъ катехизиса, по убѣжденію, по рутинѣ, или въ видахъ личной выгоды. Это люди, стоящіе не на философской точкѣ зрѣнія, но, или ихъ сочиненія и ихъ дѣятельность, какъ результатъ случая и обыденныхъ жизненныхъ цѣлей, не имѣютъ никакого значенія, или они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ догматическаго чувства и ихъ сочиненія или дѣятельность могутъ служить въ исторіи культуры мѣрою распространенія вліянія того или другаго ученія, а въ исторіи мысли мѣрою религіознаго чувства, въ приложеніи къ сферѣ философскихъ системъ, но никакъ не указаніемъ на міросозерцанія, возникшія въ данную эпоху подъ вліяніемъ научнаго и эстетическаго развитія, при данной степени напряженія религіознаго чувства и при данныхъ личныхъ особенностяхъ. Но въ исторіяхъ философіи обыкновенно понимаютъ слово *школа* несравненно шире, и изъ школъ составляютъ рубрики, подъ которыя подводятъ различныхъ мыслителей, представляющихъ нѣкоторыя общія характеристическія черты, хотя безспорно самостоятельныхъ и вполнѣ усвоившихъ свое ученіе. Въ этомъ случаѣ, какъ при большей части классификацій встрѣчаются системы *искуственныя* и попытки угадать систему *естественную*. Бо́льшею частью исторію философіи писали философы и потому группировали своихъ собратій во имя *своего* міросозерцанія, т. е. прилагали къ нимъ рубрики такой системы, которая могла не охватывать особенностей данныхъ воззрѣній. Конечно, *вѣрное* міросозерцаніе *должно* было охватить *всевозможныя* воззрѣнія и, при всѣхъ, болѣе или менѣе искусныхъ, попыткахъ, пробовали именно *это* сдѣлать. Но степень удачности этѣхъ попытокъ замѣтна изъ того, что относительно новой философіи, рубрики крайне разно-

образны, а относительно древней, хотя и установились, но едва-ли не благодаря тому обстоятельству, что намъ осталось весьма немного полныхъ сочиненій древнихъ мыслителей, а переданныя намъ отрывки уже выбраны подъ вліяніемъ опредѣленныхъ классификацій. Вообще, обобщающія названія философскихъ школъ надо употреблять крайне осторожно, потому что прилагаемыя къ сферѣ крайне разнообразныхъ умственныхъ организмовъ, они, бо́льшею частью, даже не помогаютъ памяти (какъ зоологическія и ботаническія искуственныя классификаціи), позволяя по одному признаку, встрѣчающемуся въ заголовкѣ группы, угадать рядъ другихъ. Ничего не можетъ быть даже вреднѣе иныхъ ходячихъ рубрикъ, которыя особенно удобны для невѣжественныхъ говоруновъ и для тенденціозныхъ публицистовъ. Чего, чего не подводили подъ группы пантеистовъ, атеистовъ, соціалистовъ, вольтерьянцевъ, реалистовъ, раціоналистовъ и т. п.! Подобныя группы несравненно менѣе имѣютъ смысла, чѣмъ классификація растеній на деревья, кустарники и травы. Ни одна важная черта міросозерцанія не обусловливаетъ *непремѣнно* другой важной черты его, и способность разнообразныхъ комбинацій въ этомъ отношеніи для ума человѣческаго превосходитъ все, что можетъ допустить, сколько нибудь удобная на практикѣ, классификація.

Школы философовъ могутъ имѣть два значенія. Есть мыслители, которые вносятъ въ свой литературный трудъ или въ свою жизнь столько характеристическихъ особенностей своей эпохи, что ихъ современники и ближайшіе послѣдователи усвоиваютъ себѣ или значительное число ихъ частныхъ взглядовъ, или ихъ пріемы мышленія. Но, должно замѣтить, что, бо́льшею частью, подобное заимствованіе въ обширныхъ размѣрахъ принадлежитъ къ наиболѣе научной части ученія (если оно не есть догматическое вѣрованіе), каково, напримѣръ, было вліяніе критики Канта, эмпирическаго закона тройственности процесса мысли въ психологіи, указаннаго Гегелемъ и т. под. Сюда же принадлежатъ тѣ части міросозерцаній, руководящихъ философовъ, которыя обусловились положеніемъ политическихъ и соціальныхъ партій, политическими событіями, общими экономическими и культурными условіями. Такъ какъ всѣ эти обстоятельства въ такой же мѣрѣ вліяли на ихъ современныхъ и ближайшихъ послѣдователей, то не мудрено, что между міросозерцаніями послѣднихъ и первыхъ были общія черты. Здѣсь руководящимъ мыслителямъ принадлежитъ лишь заслуга, что они прежде или лучше другихъ отразили опредѣленное вліяніе, и названіе школы именемъ того или другаго мыслителя выкажетъ лишь группу лицъ, отразившихъ на себѣ *въ извѣстной степени* тѣ же вліянія, которыя обусловили литературную и жизненную дѣятельность того, кто названъ главою школы, при чемъ самостоятельность ихъ мышленія нисколько не отвергается этою группировкою.

Но, иногда бываетъ крайне удобно употребить и другое обобщающее названіе, чтобы имъ характеризовать различныя направленія, существующія въ данную эпоху и такимъ образомъ облегчить ея обозрѣніе. Въ такомъ случаѣ, историкъ долженъ быть крайне остороженъ въ употребленіи термина. Онъ дол-

женъ помнить, что этотъ терминъ есть не болѣе какъ *временное*, вспомогательное средство, несущественный признакъ, а внѣшняя черта, болѣе принадлежащая къ характеристикѣ общественныхъ раздѣленій, культурныхъ группъ, чѣмъ къ различенію міросозерцаній. Или употребленный терминъ есть обозначеніе новой черты, проявляющейся въ рядѣ разнообразныхъ міросозерцаній эпохи, и эта черта характеризуетъ эпоху, но въ міросозерцанія отдѣльныхъ личностей она входитъ лишь какъ особенность, вовсе не обусловливающая всего цѣлаго, которое *одно* существенно въ міросозерцаніи. Такъ, вольтерьянизмъ, піэтизмъ и т. д. составляютъ клички общественныхъ группъ, а вовсе не характеристики міросозерцаній; номинализмъ—опредѣленный признакъ ряда средневѣковыхъ мыслителей, нисколько не обусловливающій цѣльнаго міросозерцанія. Историкъ не долженъ увлекаться тѣмъ, что иногда сами современники придаютъ чрезвычайно важное значеніе крайне частнымъ признакамъ ученія; борьба между общественными партіями данной эпохи есть слишкомъ часто борьба личностей, группъ, связанныхъ случайнымъ культурнымъ признакомъ, и полемика ведется по случайному поводу, съ тѣмъ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, что хотятъ уничтожить *противника*, а не противоположное *мнѣніе*. Подобная борьба принадлежитъ болѣе исторіи культуры; для историка же мысли важно лишь указаніе, какъ разнообразно спорный вопросъ примѣшивался къ различнымъ міросозерцаніямъ личностей, участвовавшихъ въ борьбѣ.

Въ вспомогательныхъ рубрикахъ, обозначающихъ философскія ученія, заключаются лишь нѣкоторыя общія черты движенія мысли, и, по этому и енно, этѣ рубрики имѣютъ значеніе для историка мысли в ообще, даже болѣе, чѣмъ для спеціальнаго историка философіи. Но тотъ и другой должны постоянно помнить, чта этѣ рубрики не имѣютъ самостоятельной важности, не характеризуютъ личности, въ нихъ входящія, что, напротивъ, какъ сказано выше, каждая самостоятельная личность имѣетъ *свою* философію, вполнѣ прилаженную, какъ къ ея общественной обстановкѣ, такъ и къ ея личному развитію.

Такимъ образомъ, исторія философіи должна уловить въ словахъ языковъ, въ первобытной словесности, въ развивающемся миѳѣ, проявленіе цѣльныхъ міросозерцаній. Она должна прослѣдить ихъ формулированіе въ различныхъ догматахъ, въ чертахъ литературы, въ характеристическихъ личностяхъ, въ поразительныхъ событіяхъ, въ стройныхъ общественныхъ формахъ. Она должна указать моменты, когда эти міросозерцанія находили себѣ воплощенія въ личной системѣ и, когда снова они расплывались въ обществѣ, сталкиваясь между собою, то слабѣя, то усиливаясь. Личныя системы составятъ лишь узлы этой исторіи, узлы, отъ которыхъ нити тянутся въ прошедшее и будущее, развѣтвляясь въ отдѣльныхъ чертахъ литературныхъ произведеній, въ частной жизни, въ общественныхъ формахъ и въ событіяхъ политическо йисторіи. Личныя системы являются намъ, не какъ фильяціи умовъ, живущихъ въ безусловной пустотѣ, но какъ факты исторіи мысли, обусловливаемые вѣрованіями и общественными привычками, развитіемъ знанія и

историческими событіями, наконецъ, частною жизнью и антропологическими особенностями мыслителей, настолько же, насколько существующими уже философскими ученіями. Тѣ же самыя условія существуютъ для переливовъ общественной философіи и для философіи, воплощенной въ дѣятельность лицъ и обществъ.

Разсмотрѣвъ одинъ за другимъ элементы исторіи мысли, нами перечисленные, можетъ быть не дурно отвѣтить на возбужденное сомнѣніе, которое непремѣнно должно быть возбуждено читателями съ нѣкоторыми философскими требованіями. Мы перечислили эти элементы эмпирически, безъ всякаго указанія, что они существенно различны одинъ отъ другаго, и что они исчерпываютъ область мысли. Но подобный ходъ разсужденія не раціоналенъ. Надо еще показать, что разсматриваемыя рубрики дѣйствительно исчерпываютъ область мысли. Это я и постараюсь теперь сдѣлать возможно короче.

Ощущенія возбуждаютъ въ человѣкѣ разнообразные процессы, которые группируются подъ главныя типическія рубрики чувства (Gefühl), представленія и понятія, переходя за тѣмъ въ болѣе сложныя сплетенія этихъ основныхъ элементовъ. Чувство проявляется, во первыхъ, какъ потребность или какъ влеченіе и на этѣ двѣ группы чувствъ отвѣчаютъ многоразличныя проявленія человѣческой культуры. Затѣмъ, лишь тогда, когда оно соединяется съ міромъ представленій и понятій, собственно составляющихъ область мысли, только тогда оно обусловливаетъ и характеристическую группу этой области. Но тутъ представляются различные случаи. Чувство (влеченія и отвращенія) можетъ преобладать намъ всѣмъ міромъ представленій и понятій, не принимая классификаціи этого міра на группы, допускающія авторитетъ чувства или его недопускающія. Подобное преобладаніе чувства влечетъ за собою признаніе за нѣкоторыми представленіями и понятіями высшаго авторитета, не допускающаго критики, и судъ надъ всѣмъ остальнымъ во имя этихъ высшихъ началъ вѣрованія; это даетъ намъ элементъ догматическаго чувства. Или чувство можетъ быть принято судьею въ особой группѣ, которья именно допускаетъ только судъ чувства, и которую мы, во имя этого, опредѣляемъ критически, какъ въ ея объемѣ, такъ и въ достоинствѣ предметовъ, къ ней относящихся; это можетъ быть или группа представленій, или группа настроеній духа. Эти представленія должны носить въ себѣ характеръ тѣхъ жизненныхъ началъ, на которыхъ человѣкъ упражняется во влеченіи и въ отвращеніи, какъ настроеніяхъ духа, должны быть такія, въ которыхъ всего чище выражаются подобныя влеченія (веселость, торжественность, грусть, уныніе, отчаянье и т. под.). Человѣкъ привлекается и отталкивается отдѣльными экземплярами предметовъ, и эти влеченія въ немъ характеризуются особенными настроеніями духа. Область представленій сюда относящаяся есть область стройныхъ индивидуальныхъ представленій, патетически дѣйствующихъ на человѣка. Но и рядъ ощущеній можетъ прямо вызвать стройный рядъ патетическихъ потрясеній, соотвѣтствующихъ характеристическому настроенію духа. Это есть проявленіе элемента

сознанія красоты, элемента *искуства*. Критически выдѣливъ элементъ мысли, предполагающій по праву судъ чувства, мы точно также выдѣлимъ въ міръ мысли и группу, не имѣющую ни малѣйшаго права быть подвергнутой такому суду. Таковы отвлеченныя формулы, которыя должны быть судимы во имя искренности ихъ, и только во имя ея; область, гдѣ патетическое потрясеніе служитъ лишь помѣхою, требованіе стройности — путами: это область понятій, соотвѣтствующихъ элементу *знаній*. Наконецъ, остается еще группа процессовъ мысли, въ которой *господство* суда чувства точно также неумѣстно, какъ и полное *отсутствіе* элемента чувства. Такъ какъ здѣсь мы стремимся не къ точной истинѣ, то процессы эти не приложимы къ области понятій, формулирующихъ точные факты; это процессы представленій. Если они допускаютъ судъ чувства, то лишь во имя стройности, цѣлостности представленій. И такъ, это процессъ *вѣроятныхъ* представленій, возбуждающихъ въ насъ воображеніе своею стройностью, цѣлостностью; это процессъ *философскихъ* міросозерцаній.

Насколько въ мысли человѣка критика отступаетъ предъ преобладаніемъ чувства, настолько человѣкъ догматиченъ. Насколько онъ умѣетъ воспринимать въ рядахъ ощущеній и въ индивидуальныхъ предметахъ ихъ красоту, настолько онъ постигаетъ *искуство*. Насколько онъ устраняетъ всякое личное настроеніе, чтобы схватить факты въ ихъ истинѣ, настолько онъ стремится къ *знанію*; и это знаніе *научно*, насколько онъ желаетъ понять усвоиваемые факты. Насколько онъ ищетъ связать всѣ научно извѣстные ему факты и жизненныя событія въ стройное міросозерцаніе, настолько онъ *философъ*.

Схема предъидущаго можетъ быть представлена такъ:

МЫСЛЬ судитъ
- при преобладаніи чувства, недопускающемъ критики, и даетъ элементъ догматическій
- критически
  - путемъ чувства *красоту*, и даетъ элементъ искуства
  - при отсутствіи чувства *истину*, и даетъ элементъ знанія, въ частности науки
  - при содѣйствіи чувства *цѣлостность*, и даетъ элементъ философіи.

Повторяю, это не особыя *области* духа, имѣющія каждая свои объекты; это особые *элементы* духа, возбуждаемые однимъ и тѣмъ же предметомъ. Тотъ же самый видъ съ точки зрѣнія искуства есть стройный рядъ очертаній, красокъ и свѣтотѣни, возбуждающій настроеніе грусти или веселья, сочувствія, отвращенія, довольства или раздраженія; съ точки зрѣнія науки, это опредѣленные предметы минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, сгруппированные въ опредѣленныя массы, соотвѣтствующія извѣстному объему, вѣсу, теплопроводимости, химическому составу, указывающія на опредѣленное количество затраченнаго труда, выражающія опредѣленную цѣнность, соотвѣтствующія извѣстнымъ предѣламъ развитія населенія и по-

зволяющія надѣяться въ ближайшемъ будущемъ на нѣкоторое увеличеніе или улучшеніе его благосостоянія. Съ точки зрѣнія философіи—это одно звѣно цѣпи, связывающей всю вселенную и всю исторію въ одно цѣльное представленіе, звѣно, имѣющее смыслъ *лишь* въ этой цѣпи. Съ точки зрѣнія религіи, это лишь поводъ къ благодарственной или просительной молитвѣ, къ оживленію въ воображеніи того начала, которое *одно* имѣетъ право на вниманіе. Одно и то же слово: *свѣтъ*, *реформація*, возбуждаетъ самые многоразличные процессы мысли, въ которыхъ могутъ участвовать всѣ эти элементы въ различныхъ комбинаціяхъ.

Къ тому же надо замѣтить, что нѣтъ ни одного человѣка, въ которомъ мысль могла бы исключительно заключать въ себѣ лишь одинъ изъ указанныхъ элементовъ. Это было бы, повидимому, еще всего возможнѣе для элемента знанія, но трудно допустить существованіе подобнаго экземпляра, и замѣчательно, что люди знанія, тщательно избѣгающіе въ своей мысли всякой примѣси философскаго міросозерцанія или художественнаго увлеченія, всего чаще вносятъ, сами того не замѣчая, въ свое мышленіе религіозное поклоненіе любимой мысли и религіозную нетерпимость относительно всего, съ этой мыслью несогласнаго; между ними весьма обыкновенны рутинеры (я допускаю ихъ искренность), нехотящіе знать о новыхъ методахъ, вычеркивающихъ изъ числа истинъ нѣкоторые факты *ихъ* знанія и ставящихъ на пустое мѣсто новые, открытые факты. Бо̀льшею частью одинъ и тотъ же человѣкъ, въ процессѣ мысли, употребляетъ то тотъ, то другой элементъ ея, но тѣмъ не менѣе, для каждаго человѣка тотъ или другой элементъ привычнѣе, согласны съ его складомъ ума и позволяетъ поставить его съ нѣкоторымъ приближеніемъ, въ группу религіозныхъ людей, людей съ эстетическимъ вкусомъ, ученыхъ, философовъ; или въ болѣе сложныя группы: религіозныхъ эстетиковъ, религіозныхъ философовъ, философствующихъ ученыхъ, ученыхъ философовъ и т. п.

Не только цѣлая дѣятельность отдѣльной личности не можетъ заключать одного лишь изъ указанныхъ элементовъ, но въ каждомъ отдѣльномъ литературномъ произведеніи, какъ и въ любомъ историческомъ событіи, бо̀льшею частью можно прослѣдить участіе бо̀льшей части ихъ, хотя при преобладаніи того или другаго. Философское міросозерцаніе безсознательно руководитъ художника, ученаго, религіознаго проповѣдника. Пріобрѣтенныя знанія обусловливаютъ дѣятельность каждаго человѣка. Самый безпристрастный мыслитель вноситъ въ свое міросозерцаніе свои вѣрованія.

Точно также различныя общества и различныя эпохи заключаютъ личности всѣхъ упомянутыхъ группъ и представляютъ явленіе изъ всѣхъ упомянутыхъ элементовъ, но въ каждую эпоху и въ каждомъ обществѣ проявляются характеристическія, преобладающія черты въ ходѣ мысли, принадлежащія тому или другому изъ этихъ элементовъ. Лишь сознавая различіе ихъ характеристическихъ признаковъ и вникая въ это различіе, историкъ мысли можетъ правильно возсоздать физіономію эпохи, ея отличія отъ предшествую-

щей и предъидущей, и указать на связь ея проявленій съ ея прошедшимъ и будущимъ. Поэтому я и позволилъ себѣ сначала разобрать отличительныя черты исторіи каждаго изъ элементовъ мысли, чтобы усвоивъ ихъ особенности, удобнѣе было бы прослѣдить камбинаціи, получаемыя при ихъ общемъ развитіи.

Самый постоянный, общій фонъ картины для всѣхъ эпохъ и странъ, при Рамзесѣ и при Ньютонѣ, у подошвы Шварцвальда и Гималая, это — религіозное чувство; его объекты измѣняются, его проявленіи, вообще говоря, остаются тѣ же. Если оно имѣетъ исторію, то она обусловливается борьбою. Когда два догматическія ученія, различныя или въ философскомъ содержаніи, или въ культурныхъ формахъ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ, развиваются рядомъ, то эта борьба вызываетъ возвышеніе религіознаго чувства. За безусловнымъ торжествомъ одного ученія, слѣдуетъ ослабленіе религіознаго чувства. Но, возвышеніе послѣдняго вызывается еще другою борьбою, неимѣщею того характера случайности, который свойственъ предъидущей, но выходящаго изъ самой сущности двухъ элементовъ мысли: чувства и понятія, которыя оспариваютъ другъ у друга господство надъ процессомъ мысли. Мы объ этомъ скажемъ вслѣдъ за симъ. Но, хотя временное возвышеніе въ эпохи борьбы и характеризуетъ исторію религіознаго чувства, тѣмъ же менѣе проявленія этого чувства въ борьбѣ повторяются, точно также, какъ и проявленія его при спокойномъ состояніи общества, и это-то постоянство дѣлаетъ изъ его исторіи постоянный фонъ исторіи мысли.

Накопленіе знаній, любопытство, обращающееся къ постояннымъ сосуществованіямъ и къ размѣщеніямъ явленій и предметовъ въ природѣ, въ самыхъ элементарныхъ своихъ проявленіяхъ представляетъ, также какъ и первый элементъ мысли, весьма обширное распространеніе. Но, обращаясь въ науку, оно становится исключеніемъ, которое характеризуетъ счастливыя физическія и историческія условія общества. Элементъ науки, при своемъ развитіи, составляетъ, конечно, достояніе меньшинства и, по самому своему требованію *пониманія*, вступаетъ въ борьбу съ элементомъ, гдѣ преобладаетъ *чувство*. Предъ педагогическимъ дѣйствіемъ научно-развитаго меньшинства расширяется масса знающихъ и убыстряется процессъ знанія; общій фонъ отступаетъ и процессъ развитія въ мысли идетъ всѣ сильнѣе. Но часто историческія обстоятельства позволяютъ усилиться противодѣйствующему элементу; развитое меньшинство не успѣваетъ или не умѣетъ оказать достаточное педагогическое дѣйствіе, чтобы обезпечить прочность за научнымъ развитіемъ, и исторія мысли представляетъ упадокъ научнаго развитія, даже гибель его въ иныхъ случаяхъ, причемъ жалкія его остатки представляютъ едва замѣтныя слѣды въ залившемъ ихъ морѣ преобладанія чувства, недопускающаго критики, чувства, проявляющагося въ разнообразныхъ формахъ предметовъ его вызывающихъ—что довольно мало интересно для исторіи мысли—но повторяющаго все тѣ же процессы своихъ проявленій. Борьба

этихъ антагонистическихъ элементовъ составляетъ главную канву исторіи мысли.

На этой канвѣ, въ иныхъ случахъ, подъ вліяніемъ особенностей страны и расы, и хода историческихъ событій, возвышается признакъ усиленія эстетическаго чувства, но, можетъ быть, всего труднѣе дать раціональное объясненіе возвышенію и ослабленію этого элемента. Объяснить предметы, имъ выбираемые, форму его проявленія, относительно, легко, но самое возбужденіе сознанія красоты въ данную эпоху составляетъ, мнѣ кажется, весьма мало изслѣдованный пунктъ въ исторіи мысли.

Самыя блестящія эпохи этой исторія характеризуются соединеннымъ процвѣтаніемъ науки и искуства.

Но, если канва исторіи мысли опредѣляется перипетіями исторіи религіознаго чувства и знанія, причемъ наростаніе и расширеніе науки составляетъ руководящую основу всей ткани, то узоръ, вышиваемый по этой канвѣ, принадлежитъ исторіи философіи. Требованіе цѣльнаго міросозерцанія такъ присуще духу человѣка, что нѣтъ состоянія духа, нѣтъ историческаго или индивидуальнаго положенія, которое бы не могло привести къ опредѣленному міросозерцанію, и это послѣднее видоизмѣняется со всѣми особенностями количества и качества знанія, со всѣми возвышеніями и пониженіями религіознаго чувства, со всякимъ улучшеніемъ или ослабленіемъ эстетическаго вкуса, со всѣми изысканіями культуры, со всѣми случайностями политической исторіи, со всѣми особенностями личности. Оттого состояніе философіи, въ томъ обширномъ смыслѣ, который я себѣ дозволилъ ей приписать, представляетъ полнѣйшее отраженіе состоянія всѣхъ прочихъ элементовъ мысли въ обществѣ, вмѣстѣ съ состояніемъ его культуры и вмѣстѣ съ разнообразными личными вліяніями тѣхъ людей, которые разсматриваются нами, какъ представители философіи, и изъ сочиненій или изъ жизни которыхъ мы заимствуемъ матеріалы для характеристики міросозерцаній данной эпохи. Я сказалъ уже, что каждый самостоятельный человѣкъ имѣетъ *свою* философію, но, разматривая вмѣстѣ рядъ замѣчательнѣйшихъ личностей даннаго періода, мы улавливаемъ характеристическія черты, отличающія *стремленія* эпохи, дающія ей *образъ* и позволяющія намъ оживить ее въ ея особенностяхъ въ нашемъ воображеніи. Религіозный элементъ указываетъ связь мысли данной эпохи съ минувшимъ; научный элементъ измѣряетъ *силу* этой мысли; эстетическій — ея *привлекательность*; философскій элементъ составляетъ ея *жизнь*.

Изъ этихъ четырехъ элементовъ строится человѣческая мысль, изъ ихъ развитія состоитъ и исторія мысли. Традиція предъявляетъ свои требованія; наука и знаніе завоевываютъ новыя области; искуство украшаетъ путь своими нестарѣющими, безсмертными созданіями; философія организуетъ воспоминанія минувшаго, заботы настоящаго и стремленія къ будущему въ одно цѣлое.

Мнѣ бы очень было жаль, еслибы читатель вывелъ изъ предъидущаго, что я считаю исторію мысли особой сферой, совершенно независимой отъ

исторіи культуры. Далеко нѣтъ. Вполнѣ сознавая, что вся дѣятельность личности, точно также какъ вся жизнь общества, составляютъ *одно* нераздѣльное цѣлое, я очень хорошо понимаю, что выдѣленіе всякаго элемента изъ этого цѣлаго есть процессъ абстракціи, но лишь этимъ путемъ устанавливается наука. Лишь разсматривая отдѣльно всѣ элементы сложнаго цѣлаго, мы *подготовляемъ* знаніе этого цѣлаго, которое, представляясь какъ комбинація элементовъ, въ своихъ проявленіяхъ выкажетъ частью простое сосуществованіе проявленій отдѣльныхъ элементовъ, частью ихъ взоимодѣйствіе. Поэтому, понятно, что и развитіе мысли, какъ элементъ исторіи цивилизаціи, частью идетъ рядомъ съ развитіемъ культуры, отставая отъ послѣдняго или опережая его; но, во множествѣ случаевъ, и даже всего чаще, движеніе мысли совершается подъ вліяніемъ движенія въ культурѣ, и, въ свою очередь, на него вліяетъ. *Насколько* это взаимодѣйствіе можетъ быть указано, настолько исторія культуры войдетъ дополнительнымъ и поясняющимъ элементомъ въ исторію мысли.

Потребности и влеченія, опредѣляющія культуру, составляютъ самый прочный, если можно такъ выразиться — самый *натуралистическій* элементъ цивилизаціи. Они даютъ тѣ неизмѣнные экономическіе и статистическіе законы, то взаимное опредѣленіе физическихъ условій страны и ея цивилизаціи, которыя лежатъ въ основѣ всякой исторіи и которыя Бокль и Тэнъ въ наше время поставили такъ ярко на видъ. Поэтому, весьма естественно, что исторія мысли при самомъ началѣ опирается на исторію культуры. Потребности, влеченія и степень умѣнья удовлетворить имъ возбуждаютъ религіозное чувство, вызываютъ первыя знанія, вызываютъ тѣ зрѣлища, изображенія и формы слова, которыя составляютъ необходимое условіе для развитія произведеній искуства. Слѣдовательно, культура эпохи является уже при самомъ своемъ происхожденіи, неизбѣжнымъ опредѣлителемъ различныхъ элементовъ мысли. Но, при дальнѣйшемъ развитіи общества, она представляетъ еще могущественный элементъ, вліяніе котораго, безспорно, высказывается во всѣхъ отрасляхъ міра мысли: это привычки и преданія. Онѣ-то придаютъ догматическому чувству его самую прочную почву; онѣ являются противниками новаго знанія или поводами къ его направленію въ опредѣленную сторону. Онѣ сообщаютъ вкусу эпохи опредѣленный характеръ, изощряя его въ одномъ отношеніи, притупляя въ другомъ. Онѣ, наконецъ, обусловливаютъ въ весьма видной степени характеръ міросозерцаній данной эпохи, даже въ самыхъ самостоятельныхъ личностяхъ. Поэтому, историкъ мысли не можетъ не брать ихъ въ соображеніе и вообще не можетъ не обращать никакого вниманія на культуру страны и эпохи, которую онъ разсматриваетъ. Но весьма важно, чтобы онъ сознавалъ и отдѣлялъ въ своемъ умѣ то, что въ процессѣ мысли данной эпохи обусловливалось внѣшнею средою, неизбѣжнымъ вліяніемъ потребностей, влеченій, пріобрѣтенныхъ умѣній, привычекъ и преданій, и что принадлежитъ самому развитію мысли. Первое сообщаетъ ему *предѣлы*, въ которыхъ движеніе мысли было возможно. Второе указываетъ,

насколько личности, жившія въ данную эпоху, сознавали, каковы историческія условія ихъ существованія, и на то, каковы были силы этихъ личностей совершить все для нихъ возможное въ данную эпоху. Если случается, что движеніе мысли вызываетъ безплодную борьбу личностей противъ культурныхъ условій, преодолѣть которыя личности еще не въ состояніи, то случается и наоборотъ, что безсиліе личностей отдаляетъ успѣхъ мысли, уже возможный въ данную эпоху. Не всѣ растенія, возможныя на данной почвѣ, всегда на ней встрѣтятся, какъ не всегда личности съ опредѣленными нравственными и умственными силами встрѣчаются въ данную эпоху при надлежащихъ условіяхъ долговѣчности и общественной обстановки. Все неизбѣжно въ исторіи, какъ въ природѣ; но въ той и въ другой встрѣчаются не только неизмѣнные законы сосуществованія и послѣдовательности; встрѣчаются и *распредѣленія*, которыя, для современной науки, суть случайности (*). Законы планетнаго притяженія неизмѣнны, но распредѣленіе существующаго числа планетъ и ихъ спутниковъ въ пространствѣ солнечной системы, есть случайная данная. Точно также распредѣленіе личностей съ данными условіями физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей въ различныхъ группахъ общества въ данную эпоху есть данная, которую не всегда можно рѣшиться объяснить, т. е. свести на неизмѣнные законы. Этотъ элементъ случайности біографическихъ распредѣленій едва ли нестоль же долго останется въ исторіи, какъ элементъ случайности распредѣленій вещества во вселенной и на поверхности земли останется въ естествознаніи.

И такъ, исторія культуры должна войти обусловливающимъ элементомъ въ исторію мысли, въ различной степени въ разныя эпохи, и историкъ мысли имѣетъ ее постоянно, какъ почву. Эта почва наиболѣе вліяетъ на всѣ тѣ явленія міра мысли, гдѣ наиболѣе участвуетъ чувство, и наименѣе—на процессъ образованія отвлеченныхъ понятій; слѣдовательно, преимущественно опредѣляетъ искуство, религіозное чувство, въ извѣстной степени—путемъ личныхъ и историческихъ вліяній—философію, менѣе всего науку.

Обратное вліяніе развитія мысли на культурныя измѣненія не менѣе безспорно. Степень религіознаго чувства и формы міросозерцаній, къ которымъ оно прилагается, даютъ главныя черты въ картинѣ культуры каждой страны. Появленіе великихъ художниковъ, соотвѣтствующее усиленію или ослабленію эстетическаго вкуса въ извѣстной сферѣ искуства—не остается безъ вліянія на формы увеселеній, общественныхъ торжествъ, вообще на культурную обстановку общественности, что составляетъ другой весьма важный элементъ культуры. Наконецъ, знанія и наука опредѣляетъ собою ту огромную сторону жизни, которая, если не такъ бросается въ глаза въ *картинѣ* культуры, за то составляетъ, можно сказать, весь ея матеріалъ—это все, обнимаемое словомъ: *техника*, т. е. всѣ средства удовлетвореній потребностей и влеченій,

(*) Я надѣюсь, читатель пойметъ, что здѣсь случайность есть лишь совпаденіе обстоятельствъ, которое *для насъ* не имѣетъ себѣ объясняющей причины. *Объективно*, причина всегда есть.

которыя идутъ далѣе простаго умѣнья, начиная съ первобытнаго средства получать огонь, до пароваго молота, шелковой ліонской матеріи, гастрономическаго кушанья, хронометра и анатомическаго препарата. Но, кромѣ того, по мѣрѣ развитія одного изъ элементовъ мысли въ обществѣ, этотъ самый элементъ становится потребностью, пораждаетъ особаго рода влеченья, входитъ въ число привычекъ и преданій, и, такимъ образомъ, становится культурнымъ элементомъ, который, подобно прочимъ элементамъ культуры, становится опредѣляющимъ условіемъ среды для дальнѣйшаго движенія мысли; и это справедливо, какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную сторону, т. е., какъ при усиленіи, такъ и при ослабленіи даннаго элемента мысли. Оно весьма понятно: при существованіи привычки къ извѣстному строю мысли въ большинствѣ даннаго общества, весьма вѣроятно, что большинство способныхъ и высшихъ по силамъ личностей этого общества подвергается дѣйствію этихъ привычекъ, а потому направитъ свои силы и способности подобнымъ же образомъ, и, слѣдовательно, будетъ содѣйствовать новому успѣху въ томъ же направленіи. Напротивъ, элементъ, къ которому общество охладѣло, привлекаетъ меньшинство не только всѣхъ личностей, но и талантливѣйшихъ изъ нихъ, и потому результатъ получается обратный.

И такъ, исторія культуры, въ различныхъ ея отрасляхъ является и какъ результатъ исторіи мысли, но, конечно, въ этомъ отношеніи, историкъ мысли можетъ ею воспользоваться въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ предъидущемъ ея значеніи. Тамъ, ему необходимо было указать *всѣ* существенныя черты культурной почвы, на которой развивается мысль. Здѣсь, ему достаточно выбрать *немногіе* характеристическіе *примѣры*, какъ иллюстраціи вліянія движенія мысли въ культурномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, исторія мысли за данный періодъ прежде всего должна бы опредѣлить условія существующей культуры, состояніе религіознаго чувства и знаній въ началѣ періода. Затѣмъ она могла бы разсмотрѣть міросозерцанія, обусловленныя этимъ состояніемъ цивилизаціи. На этѣхъ данныхъ развились бы, какъ канва исторіи мысли — взаимныя отношенія наростающаго или падающаго знанія къ проявленіямъ религіознаго чувства, такъ и узоръ исторіи мысли — міросозерцанія, развивающіяся въ системахъ личныхъ мыслителей, въ литературѣ и искуствѣ данной эпохи, въ частной жизни личностей и въ перипетіяхъ политической исторіи, и вызывающія, въ свою очередь, измѣненіе догматовъ, новыя направленія въ сферѣ знанія, новыя произведенія искуства, новыя проявленія личной и общественной дѣятельности. Все это иногда разнообразилось бы измѣненіями въ эстетическомъ вкусѣ и завершилось бы характеристикою измѣненія культуры, совершающагося подъ вліяніемъ измѣненія совершившагося въ процессѣ мысли.

Можетъ быть, читатель скажетъ, что многое, тутъ сказанное, лишнее, потому что оно само собою разумѣется. Я бы ничего болѣе не желалъ какъ то, чтобы онъ нашелъ это относительно *всего*, здѣсь сказаннаго. Тогда оно вѣр-

но. Могутъ сказать и то, что результатъ всего разсужденія представляетъ сухую формулу, схоластически стѣсняющую личный взглядъ историка. На это я отвѣчу, что до тѣхъ поръ, пока личный произволъ историковъ будетъ играть главную роль въ исторіи, она останется искуствомъ, а историкъ-художникомъ. Первый шагъ науки, это—*законъ*; первое условіе закона, это—*формула*. Если бы можно было подчинить не только схему исторіи, но самый ея матеріалъ—формуламъ, она сдѣлалась бы наукою.

П.—овъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

изъ Густава Надó

I.

ЧУЖІЯ ДѢТИ.

Я былъ красивъ, когда былъ молодъ,
Скрывать не стану... и на грѣхъ,
Зналъ обо мнѣ тогда весь городъ,
Что я у дамъ имѣлъ успѣхъ.
За то теперь мнѣ нѣтъ пощады
Отъ клеветы и сплетень злыхъ,
И всѣ мои сосѣдки рады
Мнѣ навязать дѣтей своихъ.
Я вздоровъ всѣхъ не повторяю,
Пускай и я влюблялся...и...
Но, я васъ честью завѣряю,
Всѣ эти дѣти—не мои!

Въ дѣвицахъ зналъ я Лизу, точно,
Съ ней поболтать бывалъ не прочь,
И чтожъ? Отъ мужа, какъ нарочно,
У ней въ меня родилась дочь.
Про это сходство, безъ умолку
Болтаютъ злые языки,
Понять, вишь, не хватаетъ толку,
Что сходство—случай, пустяки.
Я Лизѣ нравился, я знаю,
Мы были дружны, наконецъ,

Но я васъ честью завѣряю,
У дочки Лизы—свой отецъ.

Крестилъ я сына у Адели,
Она кума моя—и чтожъ?
И тутъ молву пустить съумѣли,
Что крестникъ на меня похожъ;
Я сѣдъ—онъ рыжъ, я толстъ—онъ тонокъ.
Въ чемъ наше сходство?—не пойму.
Онъ мнѣ совсѣмъ чужой ребенокъ,
За что клевещутъ на куму?
Но... и ее сосѣдки сбили:
Зоветъ отцомъ меня уродъ!
Я не отецъ уродамъ!—или
Самъ чортъ тутъ правды не найдетъ!

Я не женатъ—и это худо
(Разборчивъ былъ и прихотливъ)...
Вотъ мой хозяинъ—просто чудо,
Какъ онъ въ семьѣ своей счастливъ;
Его жена (да въ мірѣ цѣломъ
Я не видалъ жены вѣрнѣй)...
Всегда одна... всегда за дѣломъ,
И славный парень, сынъ у ней.
При мнѣ родился этотъ малый,
И вышелъ бравый молодецъ,
Какъ я же... Вотъ ему, пожалуй,
Всего скорѣе—я отецъ!

II.

НЯНЯ.

У насъ въ семьѣ есть гостья дорогая,
Издавна всѣмъ намъ ставшая родной—
Старушка няня; тихо догарая,
И скромный вѣкъ оканчивая свой,
У комелька весь день она уныло
Сидитъ, качая дряхлой головой...

Ложитесь спать, Гудула: восемь било
На колокольнѣ церкви городской.

И нянчимъ мы старушку и лѣлѣемъ,
Какъ нянчила насъ нѣкогда она,
Заснетъ она... мы говорить не смѣемъ,
Чтобъ чуткаго не потревожить сна.
Минувшаго—всего, чѣмъ сердце жило,
Для насъ старушка—памятникъ живой.

Ложитесь спать, Гудула: восемь било
На колокольнѣ церкви городской.

Ворчитъ она порой добросердечно.
Всегда, во всемъ, давая свой совѣтъ...
Никто ему не слѣдуетъ, конечно,
Но слушаемъ ее мы – нужды нѣтъ.
Дѣтьми—она насъ искренно любила
И дорогъ намъ за то ея покой.

Ложитесь спать, Гудула: восемь било
На колокольнѣ церкви городской.

Усталые отъ жизни—въ часъ досуга
Охотно мы ей сказки говоримъ,
Тѣ самыя... что съ ласковостью друга
Она передавала намъ самимъ;
И сказокъ тѣхъ чарующая сила
Властна надъ няни дѣтскою душой

Ложитесь спать, Гудула: восемь било
На колокольнѣ церкви городской.

Всегда была расчетлива старушка,
И... скупость въ ней растетъ не по часамъ:
У ней стоитъ у изголовья кружка—
Гудула деньги копитъ въ ней—*дѣтямъ*,
Хоть юность всѣмъ давно намъ измѣнила
И мы своей старѣемъ чередой...

Ложитесь спать, Гудула: восемь било
На колокольнѣ церкви городской..

Н. Курочкинъ.

ПЛАВАНЬЕ ПО ТИГРУ

И

ШАТТЪ-ЭЛЪ-АРАБУ.

(Изъ записокъ, веденныхъ во время странствованій въ Азіи русской коммисіи по турецко-персидскому разграниченію).

I.

МОСУЛЪ.

Домъ, приготовленный для насъ въ Мосулѣ, былъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ. Англійская коммисія (*), за девять дней до нашего прихода отправившаяся въ Багдадъ, занимала его въ свою очередь. Какъ и всѣ хорошіе мосульскіе дома, онъ построенъ былъ изъ тесанаго ноздреватаго камня, добываемаго по близости; стѣны комнатъ искусно покрыты доброкачественнымъ гипсомъ и смазаны деревяннымъ масломъ, отчего принимаютъ видъ мраморныхъ; на широкій мощеный дворъ, черезъчуръ уже ярко освѣщенный

(*) Смѣшанная коммисія по турецко-персидскому разграниченію состояла изъ двухъ коммисаровъ заинтересованныхъ правительствъ, турецкаго и персидскаго, и двухъ медіаторскихъ, русскаго и англійскаго. Четыре коммисара эти сошлися въ Багдадѣ и начали занятія свои у Персидскаго залива только въ декабрѣ 1849 года, а окончили ихъ у Арарата въ ноябрѣ 1852 г., послѣ чего и возвратились въ Константинополь. Открывшаяся затѣмъ компанія прервала ходъ переговоровъ, и только въ 1862 году окончена карта турецко-персидской границы, долженствующая послужить основаніемъ будущихъ переговоровъ для рѣшенія этого вопроса. Нѣкоторыя выдержки изъ записокъ этѣхъ, т. е. съ выѣзда коммисіи изъ Константинополя—были помѣщены въ журналѣ, «Современникъ» въ 1850 и 1859 годахъ, подъ заглавіемъ: «О Турціи и Персіи», и въ журналѣ «Время» въ 1861 и 1862 г. подъ заглавіемъ: «Отъ Босфора до Персидскаго Залива». *Примѣч. авт.*

и подогрѣтый солнцемъ, широко открывались и двери и окна обоихъ этажей, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго небольшою наружною каменною лѣсенкою. На дворѣ два-три сикомора, въ свѣжей листвѣ которыхъ возились, шушуркали сотни крикливыхъ воробьевъ, и, подымаясь цѣлыми сотнями, перелетали съ дерева на дерево, дрались и возились между собою немилосердно. Главный входъ, какъ водится на всей мусульманщинѣ, замаскированъ изнутри каменною стѣною противъ любопытнаго глаза проходящихъ по улицѣ. Но, что составляло вѣнецъ удобствъ нашего дома, это была гладкая, полированная терраса его, обнесенная довольно высокою стѣною. Террасы этѣ можно назвать третьимъ этажемъ дома, только безъ крыши и оконъ; мѣстахъ въ двухъ, до вершины стѣнокъ, устроены каменныя лѣсенки, такъ что, съ нѣкоторыми предосторожностями, намъ можно было поглазѣть и на сосѣднія террасы; а посмотрѣть иногда было на что!... Къ закату солнца все народонаселеніе подымается на террасы свои, гдѣ ужинаетъ, спитъ и остается до солнечнаго восхода; и потому, кромѣ вида на городъ, рѣку и далекія окрестности, любознательность наша находила и другую пищу въ сценахъ домашняго быта мосульцевъ, въ изученіи народныхъ обычаевъ. Тутъ совершали мы вечернюю трапезу, то есть обѣдали, при звукахъ вечерняго эзана, раздававшагося съ городскихъ минаретовъ; и затѣмъ, часикъ, другой посвѣщали разнымъ наблюденіямъ, пока ночь не завѣшивала театра своими покровами. Тамъ и здѣсь сверкали черные глазки и живописный нарядъ молодой женщины; бородатые члены семействъ бросали на террасу коврикъ или рогожку и отвѣшивали на западъ земные поклоны вечерняго намаза; мальчишки пускали чудовищнаго змѣя съ фонаремъ или гоняли голубей, замѣчательныхъ своею породою (*). Но городская сторожевая колотушка раздавалась все чаще и чаще, и убаюканный городъ уже въ десятомъ часу погружался въ глубокій сонъ.

На зарѣ, впрочемъ, картины рисовались явственнѣе и полнѣе; такъ, мы могли видѣть, какъ семейства подымались съ тюфяковъ своихъ; женщины вставали ранѣе и спускались во внутренніе покои; старики и дѣти оставались послѣдними. Хозяева, въ колпакахъ своихъ, присѣвъ на тюфякѣ, набивали кальянъ или трубку; жены выносили имъ жаровенку, и тѣ и другіе принимались воскуривать табачный фиміамъ восходящему солнцу; нѣкоторые изъ этихъ господъ, не покидая постели и даже одѣяла — потому что утра еще были свѣжи,—придвигали къ себѣ прялки или прядильные станки и тянули шелковыя нити.

По утрамъ также мы могли попристальнѣе разсматривать городъ, потому что днемъ жаръ становился черезъ чуръ ласковъ; въ первый день Реомюръ показывалъ 26°, а въ послѣдующіе дошелъ до 35° въ тѣни. Съ восходомъ солнца, при первыхъ нотахъ эзана, пробужденіе жителей на террасахъ,

(*) Въ Мосулѣ, Багдадѣ и Басрѣ и до сихъ поръ не совсѣмъ еще вывелась голубиная почта, для которой тамошняя порода голубей съ значительно загнутымъ клювомъ, особенно способна.

торчащихъ однѣ надъ другими; а за городомъ, гладкая степь, съ вырѣзавшимися на ней силуэтами холмовъ Ниневіи и Неби Юнуса (пророка Іоны); колебаніе туманнаго горизонта — составляли самую оригинальную и заманчивую картину.

Мосулъ, или правильнѣе *Мусель*, какъ произносятъ арабы, давшій извѣстной кисеѣ свое названіе, потому что *муслинъ* впервые сталъ проходить изъ Индіи въ Европу чрезъ этотъ городъ, былъ всегда значительнымъ городомъ по числу жителей, положенію своему и торговлѣ. Стѣны его, со времени извѣстнаго путешественника Оливье, посѣтившаго Мосулъ въ концѣ минувшаго столѣтія, не были исправлены; быть можетъ даже сѣверная часть ихъ осталась въ этомъ растерзанномъ видѣ съ 1516 года, когда. Мосулъ былъ взятъ и сожженъ Мехмедъ-пашею, въ царствованіе Селима I. Очевидно, до той эпохи городъ занималъ гораздо бо̀льшее пространство. Его громили и Саладины и Тамерланы, но побѣдоносный Надиръ-шахъ не могъ, однакожъ, взять его. Кѣмъ онъ былъ построенъ—неизвѣстно. Первые владѣли имъ Ата-Беки, ленные князьки Багдадскаго халифата.

Въ настоящее время Мосулъ, не смотря на множество хорошихъ зданій, на нѣкоторомъ разстояніи, имѣетъ видъ груды развалинъ сгорѣвшаго города, по серединѣ которыхъ, какъ труба какого нибудь завода, чернѣется необыкновенной величины и немного покосившійся минаретъ мечети *Джерджисъ-Пейгамбера* (пророка Георгія). Сотни другихъ минаретовъ не доходятъ вершинами и до одной трети его высоты. Домовъ считается въ городѣ отъ десяти до одиннадцати тысячъ, изъ которыхъ пятая часть принадлежитъ несторіанскимъ семействамъ. Базары, не смотря на хорошую постройку свою и на богатство своего содержанія, также грязны и тѣсны, какъ и улицы; городскія стѣны, какъ я сказалъ выше, въ совершенномъ упадкѣ, особенно на берегѣ Тигра, гдѣ плотныя стѣны домовъ, во многихъ мѣстахъ, замѣняютъ валъ. Крѣпостной замокъ тоже похожъ на руину. Только многочисленные купола мечетей, вершинки мавзолеевъ, съ непремѣнными гнѣздами аистовъ, которыхъ здѣсь необыкновенное множество, да до десяти развалинъ большихъ мечетей, придаютъ его наружности нѣкоторую привлекательность. Христіанскихъ церквей хотя и много, но онѣ, какъ водится, не выдаются рѣзкими чертами на этой картинѣ каменнаго хаоса.

Кромѣ мусульманъ и несторьянъ, въ Мосулѣ проживаетъ нѣсколько армянскихъ, курдскихъ и езидскихъ семействъ.

По свидѣтельству Оливье, въ его время, то есть лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, весь пашалыкъ мосульскій вносилъ не болѣе ста кошельковъ, или ста тысячъ франковъ податей. Ашкаръ-паша, правившій Мосуломъ въ наше время, взыскалъ съ одного города, какъ намъ сказали, шестьсотъ тысячъ кошельковъ или около милліона восьмисотъ тысячъ рублей серебромъ. Надо полагать, что эта цифра или преувеличена, или, что такая сумма податей сбиралась имъ со всего пашалыка.

Климатъ Мосула славится своею доброкачественностью; чума, во время

своего царствованія, снимала тамъ скудную жатву; холера также туго принимается. Лихорадокъ почти нѣтъ вовсе, особенно въ сравненіи съ Багдадомъ или съ чахлой Басрою. За то, любо посмотрѣть на тѣлосложеніе здѣшняго населенія, на развитость и упругость мускуловъ, на ихъ бронзовыя груди, руки и ноги, которыя почти всегда обнажены. Работаютъ они бодро, съ одушевленіемъ и всегда что нибудь напѣвая; бросаютъ ли кирпичъ каменьщикамъ на постройкахъ, тянутъ ли барку, гребутъ ли на лодкѣ—однимъ словомъ, гдѣ только соберется на работѣ два, три человѣка, непремѣнно раздается монотонная пѣсня, не крикливая, какъ у Феллаховъ Египта, а покойная, въ которой обыкновенно слышны имена мусульманскихъ святыхъ, призываемыхъ на помощь. Одинъ *годовой вередъ* (салекъ) неослабно тянетъ свою канитель и почти у всѣхъ на лицѣ оставляетъ клеймо. Бѣдный Льоко, закупившій у арабовъ, въ окрестностяхъ Багдада лошадей для испанской королевы, схватилъ, по выѣздѣ изъ Багдада, этотъ вередъ и доведенъ былъ имъ въ Мосулѣ до крайне жалкаго положенія. Мы его застали съ гноившимися руками отъ плечь до концовъ пальцевъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, онъ былъ буквально убитъ этою язвою, или въ Діарбекирѣ, или въ Самсунѣ, хорошенько не помню. Онъ былъ очень переносчивъ и, не смотря на свои страданія, не только успѣлъ показать намъ пріобрѣтенныхъ имъ кровныхъ лошадей—двадцать семь жеребцовъ и четырнадцать кобылъ, всѣ превосходныхъ статей—но и передалъ намъ многое о жизни бедуиновъ, у которыхъ онъ провелъ четыре мѣсяца.

«Привольное житье этимъ пустыннымъ арабамъ! говорилъ онъ. Просторъ, свобода, чистый, благорастворенный воздухъ... вотъ условія ихъ существованія. Няньченье съ лошадьми, отыскиванье пастбища, охотничьи набѣги на сосѣднія племена и удалыя и ловкія воровскія продѣлки, вотъ ихъ занятія. Безприхотность, простота жизни, необыкновенная переносчивость, вѣрность данному ими слову, презрѣніе къ городскимъ жителямъ, слѣпое повиновеніе своимъ племеннымъ шейхамъ; а съ другой стороны, жестокость, даже кровожадность, наклонность подстеречь на пути чужестранца, только что ими обласканнаго въ своемъ кочевьѣ, ограбить его, а при сопротивленіи и убить, фанатизмъ и, наконецъ, феноменальная нечистоплотность—таковы хорошія и дурныя качества бедуиновъ. Конечно, всѣ они, болѣе или менѣе, извѣстны обоимъ полушаріямъ, но я разсказываю вамъ о нихъ, какъ очевидецъ, какъ человѣкъ, собственнымъ опытомъ убѣдившійся въ истинѣ этихъ положеній.

«И во первыхъ мнѣ, вмѣстѣ съ ними, случалось по нѣсколькимъ недѣлямъ обходиться безъ воды; мы пили одно верблюжье молоко и даже дѣлились имъ съ лошадьми; арабы, какъ извѣстно, и какъ повелѣлъ имъ пророкъ ихъ, при безводьѣ дѣлаютъ свои омовенія пескомъ, женщины для обмыванія волосъ и для приданія имъ шелковистой мягкости, довольствуются средствами, дотсавляемыми верблюдомъ, кромѣ молока. Насѣкомыя доводили меня до бѣшенства; изъ бѣлья я выкуривалъ ихъ огнемъ. Я питался вмѣстѣ съ арабами растертой пшеницей, смоченной водою, когда могли достать ее, тумбаланами или

трюфелями, безъ всякаго запаха и вкуса, финиками въ растопленномъ маслѣ, молокомъ, сушеною стрекозой или саранчей. Во всемъ они себѣ отказываютъ или скорѣе вовсе не думаютъ о нуждахъ своихъ; за то всю любовь, всѣ заботы обращаютъ на лошадей своихъ, которыхъ они считаютъ какъ бы своими крыльями... Вѣдь жизнь ихъ состоитъ или въ набѣгахъ или утекѣ отъ преслѣдованій: и потому они употребляютъ все свое стараніе, чтобы развить въ животномъ силу и прыткость; такъ многіе доводятъ лошадей своихъ до того, что онѣ пробѣгаютъ безъ пищи и питья, отъ заката до восхода солнечнаго, около ста двадцати верстъ; не принимайте это за сказку.

«Арабы ѣздятъ большею частью на кобылахъ, которыя иногда доведены у нихъ до такой худобы, что похожи на скелетовъ; но за то легкость ихъ и сила мускуловъ невообразимы. Рѣдко кто изъ нихъ разстанется съ своею кобылою за деньги; а если продаетъ ее, то за дорогую цѣну; онъ рѣшится на такое святотатство только въ случаѣ, если имѣетъ въ виду пріобрѣтеніе какой нибудь другой, приглянувшейся ему матки. И надо видѣть, какъ они ухаживаютъ за жеребенкомъ. Они стерегутъ его появленіе въ свѣтъ, принимаютъ его на руки, окутываютъ въ войлокъ, уносятъ къ себѣ въ шатеръ, кладутъ возлѣ своей постели, холятъ его, однимъ словомъ, няньчатся съ нимъ, какъ съ ребенкомъ; и когда онъ начинаетъ подрастать, самымъ осторожнымъ образомъ пріучаютъ его къ движеніямъ. Въ извѣстный день сажаютъ на него, для начала, двухъ годовалаго ребенка; черезъ нѣсколько дней сажаютъ мальчика постарше, и такъ далѣе, пока жеребенокъ не укрѣпится совершенно, и тогда только, то есть не прежде какъ ему минетъ два года съ половиною, взрослымъ позволяется осѣдлать его и то только для незначительныхъ прогулокъ. И потому вы можете судить сколько трудовъ, терпѣнья, денегъ, ловкости мнѣ пришлось употребить для достиженія моей цѣли. Каждую лошадь мнѣ приходилось, такъ сказать, завоевывать отдѣльными компаніями. Но мнѣ удалось пріобрѣсть животныхъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ фамилій, въ чѣмъ свидѣтельствуютъ не одни ихъ наглядныя качества, но и генеологическія таблицы, добытыя мною вмѣстѣ съ ними. Я убѣдился, что предки нѣкоторыхъ пользуются извѣстностью не только въ пустыняхъ *Неджда*, этого цвѣтника арабскихъ лошадей, но даже въ Персіи, Сиріи и Египтѣ. Лучшія мои лошади принадлежатъ къ аристократической породѣ *Кохейланъ*.

«Что касается хорошихъ качествъ самаго народа, то я имѣлъ случай ихъ испытать на самомъ себѣ. Бени-Ламы принимали меня, какъ своего брата, исполняли охотно, разумѣется за плату, всѣ мои порученія, переносили на далекія пространства большія суммы денегъ. Такъ, мнѣ случилось получить однажды, въ ихъ песчаномъ захолустьѣ, двадцать пять тысячъ піастровъ, посланные мнѣ изъ Мосула, въ совершенной цѣлости. Я удивился, между прочимъ, тому, что курьеръ мой уберегъ ихъ отъ бродящихъ въ пустынѣ воришекъ; но арабъ объяснилъ, что, завидѣвъ издали приближеніе какого нибудь всадника, или одного, или нѣсколькихъ, онъ живо зарывалъ сумму въ землю

и ложился на томъ мѣстѣ, притворяясь спящимъ, а ветошка, покрывавшая часть наготы его, немогла прельстить никого.

«Воришекъ своихъ они судятъ и даже наказываютъ самымъ оригинальнымъ образомъ. За украденнаго барана онѣ взимаютъ съ вора шесть піастровъ, за верблюда берутъ барана и двѣнадцать піастровъ, за лошадь берутъ верблюда и нѣсколько барановъ. Дневнаго вора, въ случаѣ поимки, они накормятъ и прогонятъ; ночнаго положатъ въ палаткѣ, со связанными руками, на землю и наваливъ на него весь домашній скарбъ, душатъ его, требуя отъ него лучшей части его имущества, а если у него ничего нѣтъ, то онъ долженъ дать слово добыть воровствомъ выговоренный выкупъ. Если кто ищетъ себѣ покровительства, то ему стоитъ только бросить въ извѣстное лице камешкомъ или схватить полу его плаща, и тотъ обязанъ поклясться—вездѣ и всегда защищать прибѣгшаго къ нему и произнести для этого, напримѣръ надъ травкой, слѣдующую фразу: «клянусь Тѣмъ, Кто произрастилъ ее, сдѣлалъ ее зеленою и можетъ высушить». Клятва у нихъ не нарушается. Покрывало женщины, брошенное на голову бѣглеца, останавливаетъ всякое противу него преслѣдованіе и дѣлаетъ его неприкосновеннымъ».

Бѣдный, бѣдный Льоко! Нужно было ему переносить такіе труды и лишенія, и обогатить испанскій дворъ такимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, чтобъ пасть отъ алепскаго вереда чуть не на порогѣ своего дома (въ Константинополѣ), гдѣ ждало его многочисленное и прекрасное семейство! Слухъ о его смерти дошелъ до насъ въ Багдадѣ и мы отъ души пожалѣли о немъ, а при этомъ не на шутку призадумались и о собственной нашей будущности.

Консулъ Жиле, страдавшій водяною, угостилъ насъ вкуснымъ обѣдомъ, съ хорошимъ мѣстнымъ виномъ, напоминавшимъ мнѣ бѣлыя крымскія вина наши, и показалъ намъ множество добытыхъ имъ въ окрестностяхъ антиковъ и старыхъ монетъ, и все время разсказывалъ о подвигахъ предшественника своего Боты, инициативѣ котораго остатки Ниневіи обязаны своимъ открытіемъ.

Французскій и англійскій агенты въ Мосулѣ, какъ и вообще на всемъ Востокѣ, составляютъ два враждующіе между собою лагеря въ дѣлѣ вліянія на мѣстное христіанское населеніе.

Для обращика приведу здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, исторію тогдашнихъ дѣйствій этихъ двухъ агентовъ въ отношеніи къ несторьянцамъ.

Доминиканскій монахъ, обѣдавшій съ нами у Жиле, объяснилъ намъ положеніе дѣла и для большей ясности разсказалъ подробности ихъ водворенія въ Мосулѣ. Въ 1715 году,—говорилъ онъ,—былъ назначенъ въ Мосулъ губернаторомъ одинъ паша. Передъ выѣздомъ своимъ изъ Константинополя приглашалъ онъ одного изъ доминиканцевъ, имѣвшаго свѣдѣнія въ медицинѣ, ѣхать съ нимъ въ Мосулъ, въ качествѣ домашняго лекаря. Доминиканецъ обратился за позволеніемъ по начальству своему и вскорѣ изъ Рима былъ полученъ отвѣтъ, состоявшій въ томъ, что паша, если пожелаетъ, можетъ взять , но не иначе, какъ *двухъ* монаховъ; одному монаху ѣхать не позво-

лялось. Паша согласился и взялъ отъ Порты фирманъ, которымъ разрѣшалось двумъ доминиканцамъ поселиться въ Мосулѣ, въ качествѣ медиковъ. Паша Амадіи, узнавъ о ихъ пребываніи въ Мосулѣ, пожелалъ тоже имѣть доктора и выпросилъ у мосульскаго губернатора, одного изъ монаховъ. Святые отцы начали обращать несторьянскихъ христіанъ въ католичество, и «въ паствѣ нашей,—говорилъ «Padre»,—уже теперь считается, въ Мосулѣ съ окрестностями, не менѣе пятнадцати тысячъ прозелитовъ. Съ 1815 до 1840 г доминиканцевъ не было въ Мосулѣ, вслѣдствіе гоненій; но тутъ они опять водворились и уже окончательно. Въ 1842 г. католическіе халдеи рѣшили, на мѣсто наслѣдственныхъ патріарховъ своихъ, избирать въ это званіе лица по достоинству, и Маръ-Шимонъ занялъ такимъ образомъ патріаршій престолъ. Но первый выборъ халдейскихъ христіанъ былъ неудаченъ. Новый патріархъ велъ себя очень дурно и въ 1846 г. Римъ потребовалъ у него отчета въ его дѣйствіяхъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Европу, Ма[illegible]монъ подалъ отреченіе и былъ отставленъ. Народъ избралъ другого. Черезъ нѣсколько времени старый патріархъ принялся интриговать, чтобы захватить снова управленіе церковью, прибѣгнулъ къ миссіонерамъ, и съ тѣхъ поръ возникли двѣ партіи. Доминиканцамъ, съ помощью французскаго консула, удалось было на время потушить дѣло. Но съ пріѣздомъ американскихъ методистовъ изъ Уруміи дѣло должно снова возгорѣться. Они привезли съ собою брата Маръ-Шимона; мы надѣемся, однакожъ, что новый патріархъ будетъ утвержденъ Портою, тѣмъ болѣе, что въ этомъ состоитъ желаніе всей паствы. Быть можетъ, что въ дѣлѣ этомъ помогутъ намъ и меджлисъ (губернское правленіе), и даже англійскій вице-консулъ Хормуздъ-Рессамъ, если они захотятъ поступить добросовѣстно».

Мы познакомились впослѣдствіи и съ настоятелемъ доминиканскаго монастыря. Это была интересная личность. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ свѣжъ, бодръ, живъ необыкновенно; одинъ одинешенекъ бѣгалъ по горамъ и ущельямъ; собиралъ травы, братался съ жителями отдаленнѣйшихъ захолустьевъ, лечилъ ихъ, старался поселить въ средѣ ихъ начала просвѣщенія, былъ извѣстенъ всѣмъ, любимъ всѣми и успѣвалъ, такимъ образомъ, незамѣтно дѣлать прозелитовъ.

Французское консульство, въ бытность нашу въ Мосулѣ, компроментировало себя и другою исторіею. Драгоманъ его, мѣстный христіанинъ, держалъ на откупу мосульскую таможню. Вздумалось ему наложить по шести піастровъ (30 к.), на каждую вьючную лошадь, пошлины. Три деревни въ виду самого Мосула, въ которыхъ приводилась эта мѣра въ исполненіе, были разграблены арабами, не желавшими ей подчиняться.

Это послѣднее событіе узнали мы уже въ другомъ лагерѣ, а именно у ходжа (*) Рессама, который, впрочемъ, въ разсказахъ, не щадилъ и своихъ.

(*) По арабски господинъ или мастеръ, учитель. Такъ величаютъ великобританскаго агента въ Мосулѣ. Это халдей, принявшій въ Англіи протестантское исповѣданіе.

Простота его и безпристрастіе въ этомъ отношеніи были выше всякихъ похвалъ. Правда, онъ утверждалъ, напримѣръ, что Бота ничего самъ не открылъ въ курганахъ Ниневіи, что ученый міръ всѣмъ этимъ обязанъ Лейарду и что въ курганахъ Нимруда дѣло идетъ особенно успѣшно съ тѣхъ поръ, какъ работы поручены управленію и завѣдыванію мистрисъ Рессамъ, его супругѣ; но, съ другой стороны, вотъ какъ разсказывалъ онъ намъ и объ англичанахъ.

Когда у насъ разговоръ коснулся маршрута нашего, затрудненій, съ которыми сопряжено собираніе по дорогѣ свѣдѣній, и невѣрности показаній проводниковъ—онъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Я состоялъ,—началъ онъ,—при полковникѣ Чесни, во время его ефратской экспедиціи, когда онъ извѣдывалъ степень проходимости рѣки, на пароходѣ, отъ Биреджика до Персидскаго залива. У насъ на стимерѣ былъ лейтенантомъ нѣкто Морфе, умершій послѣ того черезъ нѣсколько времени въ Басрѣ отъ послѣдствій солнечнаго удара. Во время плаванья, Морфе велъ маршрутъ и имѣлъ постоянно при себѣ туземцевъ, у которыхъ спрашивалъ о названіи мѣстностей; но такъ какъ онъ восточныхъ языковъ не зналъ, то всякій разъ, когда ему нужно было спросить названіе какого нибудь предмета или мѣста, онъ просто звалъ проводника по имени, указывая пальцемъ на берегъ. Первымъ дѣломъ проводника, какъ водится, было воскликнуть, если то былъ арабъ: *наамъ* (да, т. е. слушаю), или *хаваджа* и *сиди* (сударь!), или *эйшъ-хаза*? (что это?) или *исму*? (имя его?) и пр., и Морфе пресерьезно вносилъ всѣ эти слова въ маршрутъ свой, надписывая одно на курганѣ, другое на пальмовой рощѣ, на памятникѣ, на деревнѣ. Такъ дѣлалъ онъ со словами и другихъ восточныхъ языковъ, на которыхъ объяснялись другіе проводники. Однажды, на курганѣ, на который показывалъ проводнику лейтенантъ Морфе, стояла женщина, и вокругъ нея паслось стадо; проводникъ, воображая, что инглизи спрашиваетъ его, кто это женщина, отвѣчалъ *Умм-уль-генамъ*, т. е. мать барановъ, что по-европейски значило—хозяйка барановъ, лейтенантъ нанесъ курганъ на бумагу и написалъ: курганъ *Уммулыгенамъ*. Одинъ армянинъ, сопровождавшій его на берегѣ, во время съемокъ, вовсе не знакомъ былъ съ мѣстностью, но чтобъ не показаться невѣждою, давалъ возвышеніямъ вымышленныя имена; одно называлъ онъ св. Діонисіемъ, другое св. Стефаніемъ и т. д.; имена эти и остались за мѣстностью на картахъ, такъ что армянинъ этотъ прозвалъ себя *крестнымъ отцомъ горъ*. Этого подлога я не успѣлъ предупредить; но на пароходѣ, какъ-то разъ, я заглянулъ въ черновую книжку лейтенанта и былъ крайне удивленъ, увидѣвъ ее испещренною, вмѣсто названій, словами изъ обыденнаго разговора въ родѣ: *что? какъ? господинъ! слушаю, имя?* и другими. Я открылъ лейтенанту глаза; но время уже было потеряно и съемка, за нѣсколько дней, испорчена совершенно».

Потѣшилъ насъ добрякъ Рессамъ этимъ разсказомъ.

Мы посѣтили каравансарай, гдѣ помѣщается office или канцелярія агент-

ства и консульская конюшня; и тамъ, и здѣсь нашли мы чистоту и порядокъ примѣрные. Въ счетныя книги Рессама мы, разумѣется, не заглядывали; за то полюбовались на его арабскихъ лошадей, изъ которыхъ, особенно одна, вороная, была чудо красоты.

По рекомендаціи Рессама мы должны были посѣтить, кромѣ развалинъ Ниневіи и гробницы пророка Іоны, еще Хорсабадъ, Арбеллы, а главное Эль-Хатръ въ пустынѣ.

Въ Эль-Хатръ (*Хатра* Амміена Марцеллина) мы не поѣхали, потому что путешествіе это сопряжено съ большими трудностями какъ всякое путешествіе по безводной пустынѣ. Мы, конечно, не боялись встрѣтиться въ Эль-Хатрѣ, по примѣру Севера и Траяна, съ опасностью погибнуть тамъ съ нашими воинами, но мы отказались отъ этой экспедиціи потому, что она потребовала бы не менѣе четырехъ или пяти дней, а насъ извѣстили, что турецкій коммисаръ долженъ былъ прибыть черезъ два дня въ Мосулъ, а англійская и персидская коммисіи были уже на мѣстѣ, въ Багдадѣ. И потому намъ валандаться-то слишкомъ не приходилось. Намъ разсказывали чудеса про этѣ развалины; цѣлые фасады зданій съ колоннами, хорошо сохранившіеся; обломки украшеній чудесной красоты. Но всего нельзя видѣть!

Я также не могъ, по нездоровью, сопровождать моихъ спутниковъ на Арбельское поле и въ Гаугамеллы, мѣста побоищъ Александра съ Даріемъ; но съ крыши нашего дома, по направленію къ юго-востоку, я могъ составить себѣ ясное понятіе о расположеніи мѣстности, потому что разстояніе отъ Мосула до Арбелъ не болѣе двадцати пяти верстъ. Примѣняя къ ней, по Діодору, Арріану и Квинту Курцію, движенія македонскихъ и персидскихъ войскъ, нельзя не убѣдиться, по тождеству разстояній и топографическимъ посылкамъ, что исторія въ этомъ случаѣ списывала съ натуры и съ достовѣрныхъ свѣдѣній; всѣ подробности этого событія можно по нимъ прослѣдить на мѣстѣ безъ малѣйшаго затрудненія.

Въ *Хосрабадѣ*, куда насъ провожалъ каввасъ Рессама, ужасный простофиля, мы не видали ничего. Всѣ открытыя древности были засыпаны. При въѣздѣ въ деревню, расположенную на берегу р. *Коусеръ*, видѣли мы только лежавшія на дорогѣ два мраморныя копыта быка огромныхъ размѣровъ. Тамъ показали намъ и домикъ Боты, разрушенный фанатическими турками, которые, изъ зависти и изувѣрства, выдали Портѣ эту хижину за возводимое французскимъ консуломъ укрѣпленіе. Рессамъ увѣрялъ насъ, что жители даже прибили Боту, о чемъ, однакожъ, онъ не говоритъ въ своемъ описаніи этого происшествія. На возвратномъ пути оттуда мы увидѣли на водахъ Тигра великолѣпную птицу; то былъ фламинго. Три араба бросились въ рѣку и поймали птицу, которая была подстрѣлена. Она имѣла форму и размѣры огромнаго аиста, но клювъ широкій и горбатый; цвѣтъ перьевъ ея темно розовый.

Гробница пророка Іоны стоитъ на высокомъ холмѣ, на югъ отъ города, и окружена довольно большимъ селеніемъ *Нинуа*; имя это, какъ видимъ,

напоминаетъ Ниневію, и точно, въ холмѣ Нинуа открыты Лейардомъ самые интересные остатки древнихъ зданій. Памятникъ пророка, снаружи и внутри, содержится самымъ тщательнымъ образомъ. Кругомъ всего склепа, стѣны украшены надписями изъ корана; турецкіе стихи, въ честь возобновителя мавзолея, какого-то Номана, начертаны искуснымъ калиграфомъ у входа въ склепъ, и рядомъ съ ними вдѣлано въ стѣну не большое зеркальце.

Наконецъ, большую долю вниманія нашего посвятили мы, разумѣется, такъ называемымъ остаткамъ древней Ниневіи. Спустившись въ глубокія траншеи *Куюнджукъ*, мы поражены были громадностью стѣнъ, покрытыхъ сплошь, сверху до низу, кромѣ безчисленныхъ гвоздеобразныхъ надписей, рельефными изображеніями цѣлыхъ процессій фигуръ, царей, воиновъ съ пращами, копьями, плѣнниками въ цѣпяхъ, народа съ ношами на головахъ, верблюдовъ, колесницъ, лошадей, слоновъ и другихъ животныхъ, жрецовъ и жертвенниковъ, земледѣльцевъ съ плугами, людей съ мусикійскими орудіями, рѣкъ съ тщательнымъ изображеніемъ теченія воды и рыбъ и обезображенныхъ человѣческихъ тѣлъ безъ головы, съ берегами, украшенными деревьями и растеніями, наконецъ, башень, замковъ и городовъ, окруженныхъ осаждающими ихъ войсками. Многое уже распалось, многое распадается, многое носитъ на себѣ слѣды огня... но все удивляетъ громадностью размѣровъ, искуствомъ, тщательностью отдѣлки, и громко говоритъ воображенію... Но точно ли это была Ниневія? Нѣкоторые археологи, и въ головѣ ихъ французскій ученый Хоферъ, положительно отвергаютъ это; послѣдній, можно сказать, математически доказываетъ нелогичность подобнаго предположенія.

И во первыхъ, онъ говоритъ, выводя заключенія свои изъ положеній, почерпнутыхъ и въ священномъ писаніи, и въ источникахъ историческихъ, что Ниневія была не на восточномъ, а на западномъ берегу Тигра.

Дилетанту, конечно, не пристало спорить съ ученымъ спеціалистомъ; но все-таки я осмѣлюсь выразить свое мнѣніе, что подобное доказательство доказываетъ немногое, потому что такой громадный городъ, какъ была Ниневія, естественно, не могъ ограничиваться однимъ берегомъ рѣки.

Посмотримъ далѣе. Хоферъ говоритъ еще, что св. писаніе и свѣтскіе лѣтописцы ясно выражаются о сравненіи Ниневіи съ землею и совершенномъ уничтоженіи ея зданій... Иначе бы, продолжаетъ онъ, и Геродотъ, и Ктезій, и Ксенофонтъ, и даже самъ Люціанъ, посѣтившіе страну эту, видѣли бы хотя какіе нибудь остатки знаменитаго города. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ! Ботѣ и Лейарду стоило запустить лопату на нѣсколько футъ—и Ниневія воскресла со многими частями своихъ зданій, почти вовсе нетронутыми разрушеніемъ! Неужели послѣ двухъ тысячь четырехъ сотъ лѣтъ она могла остаться такъ близко къ поверхности грунта и укрыться отъ глазъ людей?

Въ третьихъ, ученый нашъ указываетъ на нѣкоторыя части одеждъ изображенныхъ фигуръ, на ихъ вооруженія и символы богопоклоненія, неимѣющіе ничего общаго съ ниневійскимъ вѣкомъ, на куски открытаго въ курганѣ

дерева, которое не могло не сгнить, не уйти отъ совершеннаго уничтоженія въ продолженіе столькихъ столѣтій, на искусную отдѣлку желѣзныхъ орудій, до которой не доходили Ассирійцы.

И такъ далѣе, на многихъ страницахъ, съ Библіею и историками въ рукахъ, старается онъ разбить, одинъ за однимъ, всѣ доводы въ пользу тождества откопанныхъ въ Мосулѣ остатковъ съ великолѣпною столицею Сарданапала, отъ которой, по словамъ Меркурія, *не осталось и слѣдовъ, такъ что никто не узнаетъ мѣста, гдѣ она возвышалась.*

Хоферъ даже не соглашается, по нѣкоторымъ признакамъ на изображеніяхъ, отнести откопанный городъ ко временамъ Ашеменидовъ, гораздо позднѣйшимъ. Онъ относитъ существованіе его къ эпохѣ нео-персидской.

Но какой же это былъ городъ? Что онъ былъ громаденъ и великолѣпенъ, что онъ былъ блестящимъ пребываніемъ великихъ царей—это несомнѣнно. Но какъ же исторія не сохранила его имени, не упоминаетъ нигдѣ о его положеніи!!.

Странно г. Хоферъ! Какъ же согласить все это!?

И между тѣмъ, уже огромное количество великолѣпныхъ обломковъ, колосальные быки, грифоны и проч. перешло отсюда въ British museum, подъ именемъ остатковъ древней Ниневіи, и удивляетъ посѣтителей отчетливостью, искуствомъ и оригинальностью своихъ барельефовъ и своими размѣрами.

Задача остается еще неразрѣшенною.

Посреди всѣхъ этихъ поѣздокъ загородомъ, мы имѣли случай хорошо ознакомиться съ окрестностями Мосула; нѣсколько разъ объѣхали вокругъ стѣнъ и садовъ, состоящихъ бо̀льшею частью изъ фисташковыхъ, грушевыхъ и фиговыхъ деревьевъ, широко разставленныхъ на пашняхъ, на которыхъ зрѣли бобы, пшеница, а ячмень уже былъ снятъ и продавался по двадцати семи копѣекъ ассигнаціями за пудъ. По дорогѣ встрѣчали мы много женщинъ въ ихъ безобразномъ уличномъ нарядѣ. Но терраса нашего дома доставляла намъ, какъ я сказалъ выше, возможность видѣть ихъ безъ масокъ и домино. Горожанки не уродуютъ себя, какъ крестьянки или бедуинки, татуировкою, но многія изъ нихъ, къ сожалѣнію, носятъ въ ноздрѣ или въ носовой перегородкѣ между ноздрями большія, серебряныя кольца. Какъ досадно было видѣть намъ съ этимъ сомнительнымъ украшеніемъ одну премиленькую мосулку на сосѣдней террасѣ, кокетничавшую съ нами почти каждый вечеръ! Костюмъ женскій извѣстенъ; онъ мало чѣмъ, въ Мосулѣ, отличается отъ одеждъ прочихъ городовъ Востока: та же бѣлая коротенькая рубашечка изъ прозрачной шелковой кисеи, тѣ же шальвары, держащіяся на бокахъ, та же открытая на груди куртка, та же феска на головѣ съ легонькою чалмою, изъ подъ которой спускаются длинныя плетенки волосъ. Сосѣдка наша выходила на крышу не одна; при ней была дѣвочка лѣтъ восьми; ей же было не болѣе семьнадцати. Чего только онѣ не продѣлывали, лукаво поглядывая въ нашу сторону..!

Заказанный нами *келекъ* уже готовъ и зоветъ въ Багдадъ.

Ходжа-Рессамъ подбивалъ насъ посѣтить неподалеку еще одну интерес-

ную развалину монастыря Халдейскаго, который онъ называлъ *Дейръ-эль Хенафисъ*, т. е. монастырь жуковъ. Въ извѣстную эпоху, говорилъ онъ, на стѣнахъ монастыря, какъ было во дни его процвѣтанія, такъ и въ настоящее время, появляется, на три дня, въ изумительномъ количествѣ, особый родъ жуковъ и потомъ исчезаетъ совершенно до слѣдующаго года. Езиды собираютъ этихъ насѣкомыхъ и ѣдятъ, какъ благостыню. Но эпоха появленія монастырскихъ жуковъ еще не наступала... а намъ пора было выбираться изъ Мосула, и мы поплыли внизъ по Тигру.

II.

НА ТИГРѢ.

Пловучій пріютъ нашъ былъ необыкновеннаго устройства. Это былъ келекъ—плотъ, составленный изъ ста пятидесяти надутыхъ мѣховъ, плотно связанныхъ между собою; на нихъ наброшенъ былъ хворостъ, и на этомъ фундаментѣ устроенъ досчатый полъ, бо́льшая половина котораго была занята четырьмя будочками, построенными изъ вѣтвей, жердей, хворосту; а надъ ними сплошной навѣсъ изъ парусины. Въ будкахъ поставлены были наши походныя кровати и нужнѣйшія изъ вещей. На этомъ плоту или келекѣ помѣщались мы съ небольшимъ числомъ слугъ и тремя конвойными баши-бозуками. Четыре гребца управляли келекомъ посредствомъ четырехъ огромныхъ веселъ, водная часть которыхъ состояла изъ плотнаго ряда ивовыхъ прутьевъ. Кромѣ прочаго народа, былъ съ нами толстый халдей, состоявшій на службѣ у мистриссъ Рессамъ, которая отрядила его съ нами до Нимрудскихъ развалинъ, бывшихъ у нея въ вѣдѣніи.

Другой, такой же величины, келекъ съ остальными вещами и людьми, слѣдовалъ за нами на нѣкоторомъ разстояніи.

Быстро шли мы по теченью, по извилинамъ рѣки, и черезъ три часа остановились у асфальтоваго ключа *Хаммами-Али-Паша*, гдѣ устроена купальня въ двухъ стахъ саженяхъ отъ рѣки. Мы вышли на берегъ, чтобъ посмотрѣть поближе на это заведеніе, около котораго бродило въ то время нѣсколько человѣкъ. Пройдя по смолистой хляби, черными ручьями протянувшейся къ Тигру, мы подошли къ каменному строенію, довольно, впрочемъ, дурно содержанному, съ намѣреніемъ войти въ него; но насъ остановили, потому что тамъ купались дамы; минутъ черезъ двадцать, двери были отворены. Строеніе состояло изъ обширнаго покоя съ глубокимъ бассейномъ, наполненнымъ чѣмъ-то въ родѣ чернилъ; это и была цѣлительная вода Хаммами-Али. Около стѣнъ оставлено было только небольшое пространство, шага въ два шириною.

Въ чернильницѣ этой устроены, въ трехъ четырехъ, мѣстахъ каменныя ступеньки. Термометръ нашъ показалъ во всѣхъ трехъ ключахъ 40°.

Затѣмъ, черезъ полчаса, мы поплыли снова, посреди цѣлаго населенія пеликановъ, цаплей, куликовъ, чаекъ и другихъ птицъ. А черезъ полтора часа показался холмъ съ развалинами *Нимруда*. Привязавъ келеки къ берегу и предводимые *Шишманъ Тома* (толстымъ Ѳомою), агентомъ мистриссъ Рессамъ, мы отправились къ развалинамъ, обязаннымъ г. Лейарду своимъ раскрытіемъ и разработкою.

Названіе развалинъ этѣхъ достаточно, повидимому, свидѣтельствуетъ о прямомъ отношеніи дворца, здѣсь существовавшаго, съ основателемъ Ассирійской монархіи; но глядя на эти, превосходно сохранившіяся, хотя большею частью уже въ обломкахъ, произведенія искуства, нельзя не принять ученія Хофера, отказывающаго открытіямъ Боты и Лейарда въ такомъ древнемъ происхожденіи.

Остатки, открытые въ Нимрудѣ сохранились гораздо лучше Ниневійскихъ, и представляютъ не менѣе разнообразія и богатства подробностей и матеріаловъ къ изученію древней исторіи. Кладка стѣнъ, матеріалъ, небольшіе размѣры покоевъ, а, наконецъ, и многія изображенія на стѣнахъ съ феруеромъ или парящимъ геніемъ въ кольцѣ и отдѣльныя колосальныя фигуры быковъ, львовъ, сфинксовъ, грифоновъ, кентавровъ, іероглифовъ и гвоздеобразныхъ надписей напоминаютъ Персеполисскія развалины и въ самомъ дѣлѣ носятъ на себѣ печать построекъ Хосроевъ и Даріевъ. Но что же это была за резиденція, на которую потрачено столько громадныхъ издержекъ, столько искуства и тщанія!! И всѣ до сихъ поръ открытые остатки городовъ, дворцовъ и памятниковъ, въ Куюнджукѣ, Неби-Юнусѣ, Карамлесѣ, Кала-Шергатѣ, Нимрудѣ и другихъ, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи — не должны ли были составлять одно громадное цѣлое, нисколько не уступавшее самому Вавилону или Ниневіи и уже во всякомъ случаѣ превосходившее и Ктезифонъ, и Селевкію своими размѣрами! И тогда какъ эти послѣдніе наполняютъ страницы исторіи именами своими, какъ могла уйти отъ вниманія громадная столица сѣверной Месопотаміи, которой великолѣпнѣйшіе памятники выходятъ изъ земли одни за другими, на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ! Эти, чудовищной величины быки или, напримѣръ, человѣческія фигуры въ шестнадцать съ половиною футовъ вышины, отрытые въ Нимрудѣ, стѣны комнатъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ гранитныхъ плитъ, поставленныхъ рядомъ, не ясно ли говорятъ о чудовищныхъ размѣрахъ самаго зданія, котораго украшеніемъ онѣ служили, — и, наконецъ, о громадности столицы, обладавшей, въ стѣнахъ ли своихъ или за стѣнами, такими колосальными зданіями!

Загадка эта ждетъ новаго Эдипа.

Лучшіе изъ остатковъ, барельефы, а въ томъ числѣ и знаменитую охоту на львовъ, быки, сфинксы, обелиски, Лейардъ отправилъ въ Лондонъ водой,

черезъ Басру и Бомбей. Нѣкоторые изъ нихъ, по распоряженію директрисы, отправлены были при насъ на келекахъ.

Въ числѣ изображеній, видѣнныхъ нами на Нимрудскихъ стѣнахъ, насъ заняло, между прочимъ, изображеніе судовъ, употребляемыхъ жителями здѣшнихъ мѣстъ и въ настоящее время для плаванья по Тигру и описанныхъ такъ подробно Геродотомъ. Это *куфы*, имѣющія форму котла; онѣ плетутся изъ ивовыхъ прутьевъ, обшиваются кожей, смазываются внутри смолою; одинъ или два гребца, стоя на днѣ этого судна, управляютъ имъ посредствомъ первой, попавшейся въ руки палки, которою они проворно толкутъ воду. Теченье, вертя куфу какъ щепку, быстро несетъ ее, не грозя никакою опасностью.

Келекъ тоже не новое изобрѣтеніе, конечно современное куфѣ. Его также, какъ и послѣднюю, вертитъ теченіемъ, но, съ точки зрѣнія помѣстительности, онъ удобнѣе куфъ.

День былъ жаркій; реомюръ показывалъ 30° въ тѣни и со степи дулъ довольно сильный горячій вѣтеръ. Мошки и мухи роились въ будкахъ и около нихъ въ ужасномъ количествѣ. Жутко было. На ночь мы остановились посреди рѣки и заснули на холодкѣ самымъ пріятнымъ образомъ. Къ берегу мы не причаливали изъ опасенія воровскихъ попытокъ кочевыхъ арабовъ.

Плаванье на слѣдующій день было замѣчательно. Тутъ, съ лѣвой стороны, увидѣли мы устье *Большаго Заба* (Ликуса древнихъ), а вслѣдъ за тѣмъ и высоко поднявшійся надъ рѣкою *Зіаретъ Султанъ-Абдуллахъ, не пропускающій мимо себя пароходы*! Напрасно,—говорятъ мѣстные жители,—ухитрялись подняться на немъ къ Мосулу, молились, рѣзали, въ жертву святому, барановъ, верблюдовъ—имамъ остался неумолимъ. И въ самомъ дѣлѣ пороги въ этомъ мѣстѣ были очень замѣтны. Къ счастью нашему, воды было много и мы пронеслись по нимъ успѣшно, съ ужасающею быстротою. Затѣмъ, мимо насъ, мелькнулъ *Маль-Шергатъ*, о которомъ я говорилъ выше. Тутъ уже глубина Тигра дошла опять до тридцати сажень. Въ 6 часовъ вечера мы остановились у лѣваго берега, противъ развалинъ укрѣпленія *Калаатъ-Эль-Макхуль*, стоящаго на скалѣ, и въ первый разъ еще обѣдали на открытомъ воздухѣ.

12 Мая плыли мы мимо береговъ, поросшихъ кустами и деревьями. Мошки и тепленькій вѣтерокъ не измѣняли намъ. Съ правой стороны тянулись высоты Макхульскія; лѣвый берегъ тутъ низокъ и ровенъ. За устьемъ *Малаго Заба* (Капруса древнихъ), у турокъ *Алтунъ-Сую* (Золотой рѣки), Тигръ становится замѣтно шире, стали появляться острова, далѣе *Кала-Бурейашъ* и горы того же названія; а вотъ опять новый притокъ; это рѣка *Нахръ-Хафу* или, какъ ее теперь вообще называютъ, *Нахръ-Эль-азхаръ*, и начало Хамринскихъ горъ. Въ *Хауиль-Мутарда*, Тигръ принимаетъ триста пятьдесятъ сажень ширины; а за *Даръ-Эль Бенатъ* (Дѣвичье селеніе) показался съ правой стороны *Тикритъ*—родина Саладина (Селах-эд-дина), и двѣ пальмы, составлявшія новое зрѣлище для моихъ спутниковъ. Берегъ поднялся высоко обрывистыми уступами; всѣ они были унизаны молодымъ населеніемъ Тикрита,

безъ всякихъ одеждъ стоявшаго на вытяжку, въ ожиданіи нашего приближенія. Когда мы подплыли почти къ самой скалѣ, весь этотъ народъ, какъ стая лягушекъ, побросался в ь рѣку, нѣкоторые изъ нихъ съ высоты двадцати сажень, и ныряя, плескался около келека. Проводники доложили намъ, что эта народная встрѣча была не безкорыстною учтивостью. Актеры были вознаграждены и мы пристали къ берегу.

Родина знаменитаго султана была большое селеніе изъ трехсотъ домовъ, съ мюдиромъ, который осчастливилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, а съ нимъ вмѣстѣ пожаловали въ первый разъ и комары. Но кто плывалъ по Волгѣ, на югъ отъ Саратова, тотъ нѣсколько знакомъ съ этими удовольствіями.

31-го мы неслись по теченью, посреди понижавшихся все болѣе и болѣе береговъ; рѣка становилась все шире и шире. Вотъ д. *Имамъ-Дура* изъ двухъ сотъ домовъ; вотъ и большая пальмовая роща у подошвы какихъ-то возвышенностей, и двѣ мечети; вотъ развалины *Эски-Багдада* (стараго Багдада), ни чѣмъ не замѣчательныя; вотъ и огромное мѣстечко *Хасанъ-Ель;* вотъ *Хашкеръ* и *Хамделъ-Хади* и обширныя развалины *Сенамъ.*

Горячій вѣтеръ, однако, крѣпчалъ часъ отъ часу, и, наконецъ, сталъ рвать крышу съ келека, а въ довершеніе удовольствія занесъ насъ въ одинъ изъ мелкихъ рукавовъ Тигра. Келекчи ничего не могли сдѣлать и волею или неволею мы остались ночевать у пустыннаго берега, въ глухой мѣстности, незнакомой даже и сопровождавшимъ насъ арабамъ. Не совсѣмъ-то мы были покойны на счетъ ночи. Но мы *ждали* воровъ, потому-то, вѣроятно, они и не показывались. Воздухъ былъ раскаленъ и, буквально, наполненъ тучами комаровъ. Послѣ заката солнца завыли чекалки. То была увертюра оперы, которую мы осуждены были, съ того дня, слушать каждый вечеръ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Жаръ съ каждымъ днемъ усиливался; жгучій вѣтеръ подымался регулярно съ десяти часовъ и становился все порывистѣе и назойливѣе. Келекчи наши то и дѣло поливали мѣха, чтобъ они не разсыхались и ревизовали каждый изъ нихъ, чтобы ни одинъ не оставался безъ воздуха. Туча комаровъ все гуще; мошки по вечерамъ все злѣе. И когда подумаешь, что это только было начало.

14-го намъ предстояло насладиться спектаклемъ въ родѣ *тикритскаго*, но тутъ дѣйствующими лицами былъ исключительно одинъ прекрасный полъ. Въ одномъ мѣстѣ пустыннаго берега мы увидѣли группу изъ семи, восьми человѣческихъ фигуръ. Она стояла неподвижно; но прежде чѣмъ келекъ поравнялся съ нею, вся группа сошла въ рѣку и, не раздѣваясь, поплыла къ нему на встрѣчу. Мы не понимали, кто бы могли быть эти посѣтители; но когда группа эта приблизилась на нѣкоторое разстояніе, мы увидѣли, что то были арабки въ своихъ длинныхъ темносинихъ рубахахъ и съ большими сережками въ носу; на головѣ у каждой была крынка съ молокомъ, а у двухъ старухъ, сверхъ того, въ зубахъ торчало по дымившемуся *себилю*. Себиль, это глиняная трубка безъ чубука—обыкновенный способъ куренья здѣшняго народа. Подплывъ къ келеку, онѣ одной рукою ухватились за края его, другою

протягивали къ намъ деревянныя крынки, приглашая купить кислое молоко, въ нихъ содержавшееся; сами же онѣ стояли въ водѣ прямо, какъ будто касаясь ногами дна. Красивыхъ лицъ между ними не было, любоваться было нечѣмъ и мы поспѣшили промѣнять ихъ товаръ на піастры и самихъ отпустить въ кочевье, котораго, съ середины рѣки, мы не могли видѣть.

Когда пловучій рынокъ этотъ отвалилъ отъ келека, гребцы наши снова принялись за работу; но мы успѣли видѣть какъ арабки подплыли къ берегу, вышли на него, и не выжавъ рубахъ своихъ, даже не пріостановясь, безъ оглядки направились въ степь съ важностью, подобающею бедуинскому аристократизму.

Берега стали опять обрывисты и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до трехъ саженей высоты; зачастили пальмовыя рощи, стада лебедей наполняли берега и рѣку, которой ширина дошла здѣсь до версты и болѣе. Влѣво мелькнула мимо насъ вершина башни *Самары*, прятавшейся отъ насъ за высокимъ берегомъ.

Въ Самарѣ, которую шіиты называютъ по арабски *Сурра манъ-ра* (то-есть, возвеселился кто увидѣлъ), похоронены имамъ Али-Наги и Хасанъ-Эль-Аскери, но главная замѣчательность его состоитъ въ колодцѣ, въ которомъ, по повѣрью шіитовъ, скрылся въ 250 г. хиджры двѣнадцатый ихъ имамъ Мехди, одинъ изъ потомковъ Али. Шіиты ожидаютъ его появленія; они вѣрятъ, что онъ долженъ явиться когда нибудь снова на землѣ для того, чтобы возстановить исламизмъ во всей чистотѣ его. Мы узнали о существованіи этого колодца уже въ Багдадѣ, но все было равно: фанатики не допустили бы насъ до этой святыни. Эту ночь провели мы, при 20° жара, противъ селенія Мансурійе. Во время плаванья нашего небо начало темнѣть; духота была страшная, грозило ураганомъ, но онъ прошелъ стороною и мы, причаливъ къ пустынному берегу, остались на мѣстѣ до утра.

16-го мая, съ разсвѣтомъ, пустились далѣе по крутымъ извилинамъ Тигра, замѣтно терявшемъ ширину свою. Уже берега его сплошь всѣ покрыты были садами, между которыми потянулись селенія и куты или загородные домики, и вдругъ надъ пальмами сверкнули верхи золотыхъ куполовъ *Имама-Мусы*. А вотъ и самъ городъ Халифовъ!

Какъ не разыграться было воображенію при видѣ столицы «Тысячи и одной ночи»! Было еще восемь часовъ утра, когда мы подходили къ Багдаду; жаръ еще не былъ силенъ. Городъ, сады и рѣка, съ колыхавшимися въ ней куфами, утратили еще не всѣ утренніе тоны и оттѣнки свои; вѣтеръ еще не подымался, воздухъ былъ чистъ, рѣка какъ зеркало, пальмовыя рощи, направо и налѣво, такъ картинно вырѣзывались на голубомъ полѣ чистаго неба! Видъ былъ восхитительный. И въ самомъ дѣлѣ, пока мы издали любовались этою картиною, воображенію нашему было гдѣ разгуляться и отыскивать себѣ пищу; но когда мы поравнялись съ городомъ, когда увидѣли, на лѣвомъ берегу, грязный и непривѣтный хаосъ городскихъ строеній, скученныхъ на высокихъ или-

стыхъ берегахъ, мы отрезвились внезапно, и изъ дворцовъ Шехеразадиныхъ выведены были на землю холодною рукою прозы.

Съ келека намъ указали домъ Багдадскаго губернатора, и мы увидѣли поднявшуюся въ немъ, при нашемъ приближеніи, суматоху. Сотни глазъ устремлены были на нашъ келекъ изъ оконъ, и изъ-за головъ замѣтна была бѣготня по комнатамъ.

Вскорѣ затѣмъ мы причалили и на берегу были встрѣчены людьми полковника Роулинсона (*), резидента Ост-Индской компаніи. Отъ имени ихъ господина они передали намъ привѣтствіе и приглашеніе пожаловать въ резиденцію, гдѣ ждала насъ и англійская коммиссія. Мы вступили на обѣтованный, хотя и грязный берегъ не безъ удовольствія, въ надеждѣ найти и пріятное общество, и отрадное убѣжище отъ жаровъ и мошекъ.

III.

Багдадъ.

Багдадъ! Великое, знаменитое имя!.. Не жалко ли, что его носитъ теперь этотъ заброшенный въ пустыню, грязный, бѣдный, общипанный городъ, съ размытыми кварталами, съ грязными улицами, протянувшимися между однообразными, глухими стѣнами домовъ песочнаго цвѣта, съ темными, заглохшими базарами, въ которыхъ, тамъ и здѣсь, обвалившіеся своды замѣнены дырявыми рогожками или грязною парусиною; съ едва ли восьмидесяти тысячнымъ населеніемъ, одѣтымъ бо́льшею частью, въ жалкій костюмъ турецкой реформы! Неужели этотъ печальный, этотъ сонный городъ былъ когда-то мѣстопребываніемъ халифовъ, столицею Харун-Аррашида, волшебнымъ театромъ Шехеразадиныхъ разсказовъ! Багдадъ, при взглядѣ на него со стороны, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ выродившійся потомокъ великаго предка, какъ босомыга, промотавшій богатое наслѣдіе отцовъ, скитающійся по міру въ лохмотьяхъ, у людей въ пренебреженіи, и ни одной чертой не напоминающій ни минувшаго блеска своего дома, ни его славы и могущества.

Жилъ я и въ другомъ городѣ Востока, въ которомъ тоже возвышался нѣкогда тронъ халифовъ; но какая разница съ этимъ! Бывшая столица Фатимидовъ, расположенная на Нильскихъ берегахъ, сохранила въ чертахъ своихъ печать благороднаго и славнаго происхожденія — въ характерѣ построекъ, изъ которыхъ многія уцѣлѣли во всей свѣжести со временъ отдаленнѣйшихъ и въ характерѣ жителей, въ ихъ наружности, одеждѣ, обычаяхъ, выдержкѣ... Чего, напримѣръ, стоятъ однѣ мечети Каирскія: Хасанъ, Султанъ-Калаунъ, Эль-Муайедъ, Султанъ-Гури, Тулунъ, Ситти-Зейнебъ, Эль-Азхаръ, Эмиръ-Хюсейнъ и, такъ называемый, тронъ Фараоновъ, и потомъ эта почтенная

(*) Нынѣ генералъ Сэръ-Генри Роулинсонъ.

древность, мечеть Амру, построенная побѣдоноснымъ полководцемъ халифа Омара и дожившая до нашихъ дней со всѣми своими колоннами; наконецъ, этотъ городъ великолѣпныхъ султанскихъ мавзолеевъ, уже тронутыхъ разрушеніемъ, но удержавшихъ еще большую часть своихъ очаровательныхъ деталей—жемчужной лѣпной работы, яркихъ красокъ, сталактитообразныхъ орнаментовъ — эти чудесные базары, караван-сараи и, наконецъ, типическіе лица и пріемы жителей, ихъ религіозныя и свѣтскія празднества, обряды свадебные и погребальные!.. Однимъ словомъ, все, оставляя уже въ сторонѣ памятники Фараоновъ, во всемъ своемъ величіи, возвышающіеся въ виду Каира, на противоположномъ берегу Нила, все, въ этомъ городѣ, напоминаетъ древній Востокъ, со всею его обстановкою, и сказки «Тысячи и одной ночи». Въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ Каира, вы какъ будто узнаете домъ и лавку, описанные Шехеразадою; въ каждомъ лицѣ вы видите или Аладдина, или Синдбада и другихъ. При видѣ каждой женщины, выступающей въ черной хабарѣ своей и бѣлой маскѣ, на гордомъ бѣломъ ослѣ, въ сопровожденіи ли евнуха или мальчика, вамъ мерещится, что вы встрѣтились съ одною изъ тѣхъ плутовокъ, которыя такъ заманчиво нарисованы мастерскою кистью Шехеразады. Тамъ все улыбается вашему воображенію, щекотитъ его какою-то таинственностью, какою-то своеобразною прелестью. Самый Нилъ, катитъ ли онъ густыя и желтыя воды свои между старымъ Каиромъ и островомъ Роуда, гдѣ дочь Фараона изловила плывшаго въ корзинкѣ Моисея, омываетъ ли, по ту сторону острова, берегъ Джизы, гдѣ блисталъ громадный Мемфисъ, завѣщавшій намъ свои несокрушимыя временемъ пирамиды, онъ шепчетъ вамъ о чемъ-то чудесномъ, давно, давно минувшемъ!..

Даже новѣйшія сооруженія геніальнаго албанца и его дѣтей-преемниковъ приняли разомъ какой-то древній колоритъ и сливаются съ постройками мамлюковъ, султановъ, халифовъ, въ одну общую, стройную, величавую массу...

Здѣсь же, говоря все-таки собственно о городѣ, нѣтъ и тѣни ничего подобнаго. Въ Багдадѣ есть много развалинъ, но все это развалины позднѣйшихъ построекъ. Отъ временъ халифовъ уцѣлѣлъ на берегу Тигра одинъ клочекъ стѣны, покрытой обрывками куфическихъ надписей; это одна изъ четырехъ стѣнъ багдадской таможни, вошедшая въ составъ новѣйшаго строенія, и потому опошленная своимъ прозаическимъ назначеніемъ и обстановкою.

Первые, по сотвореніи міра, города были основаны людьми на берегахъ Тигра и Ефрата. Вавилонъ и Ниневія, такимъ образомъ, были родоначальниками большихъ городовъ всего земнаго шара; а по словамъ бытописателей, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великолѣпными и обширными столицами древнѣйшаго времени. Но прежде чѣмъ Вавилонъ былъ разрушенъ до основанія, и такъ сказать, стертъ съ лица земли, прежде чѣмъ исчезли волшебные сады его и заглохли его каналы, покрывавшіе своею живительною сѣтью всю Месопотамію, онъ уступилъ, въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х., первенство свое въ этихъ краяхъ, Селевкіи, процвѣтавшей на правомъ берегу Тигра, верстахъ въ пятнадцати ниже Багдада. Селевкія, въ свою очередь, задавлена

была, возникшей на противоположномъ ей берегу Тигра, зимней резиденціей парѳянскихъ царей, Ктезифономъ. Отъ этихъ трехъ городовъ остались одни песчаные холмы, въ которыхъ лопаты Ричей, Роулинсоновъ, Лейардовъ, Тейлоровъ, Лофтусовъ, не могли ни до чего дорыться; только на мѣстѣ, гдѣ возвышался Ктезифонъ, видна еще какая-то развалина, съ аркой колосальныхъ размѣровъ въ восемьдесятъ шесть футовъ вышиною, называемая Таки-Кесра (хосроева арка).

Послѣ Ктезифона, на берегахъ Ефрата, поднялась Куфа; но и отъ нея уцѣлѣли одни слѣды стѣнъ давно уже разрушенныхъ и разобранныхъ на постройку другихъ городовъ, да нѣсколько плитъ и каменныхъ настилокъ.

Теперь, какъ я сказалъ выше, и отъ Багдада, основаннаго всего пять столѣтій тому назадъ аббасидскимъ халифомъ Аль-Мансуромъ, не осталось также въ сущности ничего, кромѣ воспоминаній. Разрушенный монголами, и потомъ завоеванный оттоманами, онъ чахъ все болѣе и болѣе, утрачивалъ, въ наводненіяхъ Тигра, свои памятники, одни за другими, подымался и опять падалъ все ниже и ниже, лишенный разумнаго, твердаго управленія и поддержки, и дошелъ, наконецъ, до того изнуреннаго, инвалиднаго положенія, въ которомъ мы его застали.

И когда подумаешь, сколько разрушительныхъ элементовъ осаждали Багдадъ въ послѣдніе годы, нельзя не удивиться, что онъ еще не занесенъ песками пустыни такъ же, какъ и города Семирамидъ, Селевковъ, Арзасовъ. Не заглядывая даже въ первую четверть нашего столѣтія, посмотримъ, что перенесъ Багдадъ въ послѣднее время, незадолго до нашего прибытія. Это любопытная исторія.

Уже давно никакой завоеватель не подступалъ подъ стѣны этой столицы Месопотаміи, а, между тѣмъ, она имѣетъ видъ города, какъ будто недавно еще перенесшаго продолжительную осаду. Вообще Багдадъ, хотя въ сложности и пользуется благорастворенным воздухомъ, но томительные жары, царствующіе здѣсь впродолженіе восьми мѣсяцевъ, палящій вѣтеръ пустыни, постоянные разливы Тигра, порождающіе лихорадки съ наступленіемъ жаровъ, злокачественный (огневой) алепскій вередъ, опасность отъ кочующихъ арабовъ, ненасытная алчность властей, угнетаютъ багдадцевъ всею тяжестью невыносимаго наказанія; таково нормальное положеніе края; но положеніе это можетъ быть названо благосостояніемъ въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя разомъ обрушились на Багдадъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы слышали подробности этихъ ужасовъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями или вѣрнѣе дѣйствующими лицами потрясающей багдадской драмы, помѣченной замѣчательными особенностями, исключительнымъ колоритомъ, и такъ какъ никто изъ моихъ читателей, по крайней мѣрѣ, за очень малыми исключеніями, быть можетъ и не слыхалъ о ней, я считаю умѣстнымъ набросать здѣсь въ нѣсколькихъ чертахъ ея содержаніе.

Къ исходу 1830 г. въ Багдадъ была занесена чума, въ началѣ дѣйствовавшая слабо, какъ бы нерѣшительно, отрывочно; но съ наступленіемъ ве-

сны 1831 г. она вдругъ какъ бы открыла всѣ свои баттареи. Въ послѣдніе дни марта смертность приняла ужасающіе размѣры и народъ побѣжалъ изъ города; но смерть гналась за народомъ по пятамъ и поражала многихъ въ пустынѣ, или въ дорогѣ, или на мѣстѣ ихъ убѣжища. Домà губернатора, грознаго Давудъ-паши, и нѣсколькихъ европейцевъ, жившихъ въ то время въ Багдадѣ, были, что называется, заколочены и сообщались съ наружнымъ міромъ посредствомъ извѣстныхъ въ подобномъ случаѣ предосторожностей. Но проводники чумы, въ лицѣ кошекъ, мышей, крысъ и пр., занесли страшную гостью и за эти затворы. Въ первые десять дней уже насчитано было до семи тысячь жертвъ; къ тому же времени Тигръ, выступая изъ береговъ, сталъ угрожать жителямъ новою неожиданною опасностью; а вмѣстѣ съ тѣмъ и арабы, какъ хищные звѣри, почуявшіе вѣрную добычу, окружили городъ и грабили бѣжавшихъ изъ него жителей до послѣдней рубашки, не обращая никакого вниманія на заразу и смерть, переходившія въ ихъ семейства вмѣстѣ съ похищенными одеждами.

Послѣ 10 Апрѣля, каждый день уносилъ отъ тысячи до тысячи пяти сотъ и, наконецъ, до двухъ тысячь жителей. Не успѣвали подбирать охладѣвшія тѣла; весь матеріалъ на саваны былъ израсходованъ, потому что многіе заранѣе запасались ими для себя, и, не смотря на разливъ, съ трудомъ доставали воды для омовенія тѣлъ, потому что носить ее ужъ было некому; базары были закрыты; а если показывались на улицахъ люди, то только съ гробами. Чума глотала разомъ цѣлыя семейства; почти во всѣхъ полкахъ гарнизона, изъ семи сотъ человѣкъ, уцѣлѣло не болѣе двухъ сотъ. Въ окрестностяхъ зараза свирѣпствовала еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ городѣ, который былъ наполненъ печальнѣйшими сценами; валявшіеся трупы, часто еще не совсѣмъ охладѣвшіе, раздираемы были голодными собаками, или гнили по нѣскольку дней, заражая воздухъ невыносимымъ смрадомъ, да и хоронить ужъ было негдѣ; дворы мечетей были загромождены могилами, улицы и площади также. Женщины, готовыя всегда подавать помощь страждущимъ, жертвуя собственною жизнью, подбирали маленькихъ дѣтей, брошенныхъ родителями и, унося ихъ въ домъ свой, падали сами подъ ударами заразы, вмѣстѣ съ ними.

Въ концѣ апрѣля, когда уже около трети населенія успѣло выбраться изъ города, число погибавшихъ ежедневно доходило до пяти тысячь и Тигръ, выступивъ изъ береговъ, бросился на городъ, наполняя сердабы—жилые подвалы, разрушая дома, и вдругъ, поваливъ часть городскихъ стѣнъ, ворвался въ улицы. Ужаса, который за тѣмъ послѣдовалъ, описать невозможно; стоны умирающихъ, крики и суматоха въ домахъ, тщетныя попытки къ бѣгству, посреди наводненія, колебаніе и потомъ шумное паденіе стѣнъ. Въ одномъ европейскомъ кварталѣ въ нѣсколько часовъ упало двѣсти домовъ; часть цитадели обрушилась. Распаденіе угрожало каждому дому; въ слѣдующую за тѣмъ ночь вся низкая часть города была подъ водою, которая унесла и мертвыхъ, и умиравшихъ, и здоровыхъ въ одну общую могилу. Уцѣлѣвшая,

на набережной, часть домовъ, куда бросились спасаться несчастные, изгнанные водою изъ затопленныхъ кварталовъ города, была еще съ большею яростью осаждена язвою, нашедшею для себя свѣжую добычу. Палаты правителя представляли груды развалинъ, и грозный Давудъ, до того время утопавшій въ роскоши, окруженный многолюднымъ дворомъ и войскомъ, передъ кѣмъ дрожалъ весь Иракъ и Хеджазъ и сама Порта задумывалась, пораженный стрѣлою язвы, почти безъ помощи и самыхъ необходимыхъ пособій, стоналъ въ одной уцѣлѣвшей горенкѣ, въ ожиданіи, что вода унесетъ и его, рядомъ со вчерашними жертвами его тираническаго управленія. Бѣгство для него было уже невозможно; ни лодки не было, ни гребцовъ. Изъ оконъ его дома переживавшіе бросали въ разливъ тѣла своихъ товарищей. Конюшни дворцовыя обвалились также, и цѣнныя лошади паши, очутившіяся на свободѣ, попали въ руки безпардонныхъ арабовъ.

Еще до наводненія, изъ Багдада вышли два огромные каравана, одинъ на западъ, въ Дамаскъ, другой въ противоположную сторону, въ Хамаданъ.

Первый изъ нихъ, внезапно окруженный разливомъ, провелъ на одномъ, сравнительно возвышенномъ мѣстѣ пустыни три недѣли, и изъ него мало кто спасся. Персидскій караванъ потерялъ на дорогѣ болѣе половины своего состава.

Часть жителей, успѣвшая укрыться загородомъ, въ шатрахъ, разбитыхъ на менѣе опасныхъ точкахъ, были тоже скоро окружены водою. Они умирали отъ язвы, захлебывались, или попадались въ воровскія руки кочевниковъ.

Когда вода дошла до нѣсколькихъ футовъ высоты, зловѣщая тишина, воцарившаяся надъ сценою катастрофы, была исполнена ужаса; не раздавались уже давно ни обычное пѣніе съ вершинъ минаретовъ, ни голоса плакальщицъ, не смотря на тысячи жертвъ, уносимыхъ смертью.

Что же должны были чувствовать тѣ, которые, переживъ роковой мѣсяцъ, услышали, въ первыхъ числахъ мая, внезапно поднявшееся въ воздухѣ первое пѣніе муэззина: *Аллаху Акбаръ!* когда одинъ, потомъ другой и третій водоносы появились на подсыхавшихъ пустынныхъ улицахъ города! Тигръ и чума удалялись, каждый въ свою сторону; развалины зашевелились людьми.

Болѣе двухъ третей багдадскихъ жителей, то есть, вмѣстѣ съ окрестностями, около ста тысячь народа, въ продолженіе сорока дней, были унесены этими двумя бичами. И изъ тринадцати тысячь домовъ, болѣе семи тысячь обратились въ груды развалинъ.

Чума, распространившаяся отсюда по всей Персіи, надѣлала тамъ много бѣдъ, особенно въ Керманшахѣ, Хамаданѣ, Курдистанѣ, наконецъ въ Мазандеранѣ, Астрабадѣ, Гиланѣ, трехъ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи. Мнѣ говорили въ Рештѣ, главномъ городѣ этой послѣдней провинціи, что изъ жителей его уцѣлѣла одна десятая часть и то только потому, что успѣла укрыться или въ горахъ Талышинскихъ, или въ Астрахани.

Долгое время Багдадъ не могъ отрезвиться отъ этого угара; по площадямъ его стояли озера; множество домовъ, подмытыхъ водою, падали одни за

другими; торговля, промышленность, довольство не возвращались. Голодъ добивалъ семейства, возвратившіяся на свои пепелища... Однако, жители окрестныхъ деревень, тѣснимые расшалившимися арабами, приходили укрываться въ стѣнахъ города, и Багдадъ поднялся мало по малу; но и теперь слѣды, оставленные на немъ катастрофою 1831 года, еще поразительны. Вся восточная часть города, составляющая около трети пространства имъ занимаемаго, покрыта сплошь клѣтками фундаментовъ, на которыхъ нѣкогда возвышались стѣны смытыхъ домовъ, и некому заботиться объ ихъ возстановленіи; однѣ только стѣны городскія были исправлены. (*)

Впрочемъ, чума возвращалась въ Багдадъ изъ Персіи и въ послѣдующіе года, часто отъ жадности правителя, который не хотѣлъ лишиться доходовъ своихъ отъ персидскихъ богомольцевъ, приходящихъ ежегодно десятками тысячъ чрезъ Багдадъ въ Кербеля. И хотя удары ея сравнительно были слабы, но все-таки она ставила постоянныя преграды возвращенію города къ прежнему состоянію. Сверхъ того, за катастрофою, описанною мною, послѣдовала, исполненная драматическихъ перипетій, смѣна Давуда-паши, посланнаго Портою въ Мекку, гдѣ послѣдніе годы своей жизни исполнялъ онъ должность прислужника у гробницы пророка Мухаммеда, съ обязанностью ежедневно сметать съ нея пыль; и кровожадный деспотъ Али-паша занялъ въ Багдадѣ его мѣсто, предательски истребивъ клевретовъ своего предмѣстника. Мы застали тамъ Неджиба-пашу, девятый годъ управлявшаго краемъ, но при насъ же и смѣненнаго въ свою очередь.

Наружность Неджиба была очень привлекательная. Онъ имѣлъ видъ почтеннаго, стараго вельможи, съ прекраснымъ лицомъ, сѣдою какъ лунь бородою, подстриженною по оттоманскому обычаю, съ достоинствомъ въ обращеніи, съ добродушною и пріятною рѣчью, съ барскимъ обычаемъ въ сношеніяхъ. Это не мѣшало, однакожъ, Неджибу-пашѣ пользоваться въ краю репутаціею плохаго администратора и безсовѣстнаго грабителя; не хотѣлось вѣрить, но доказательства были слишкомъ очевидны и надо было преклониться передъ ними. При этихъ условіяхъ систематическихъ насилованій можетъ ли подняться отъ упадка своего страна эта! А страна то какая! Много ли нужно усилій для того, чтобъ поднять ее на высокую степень процвѣтанія и возвратить ей бо́льшую часть того блеска, который былъ удѣломъ ея во дни халифовъ!

Упираясь на великую артерію средней Азіи, Багдадъ, съ другой стороны почти касается границъ Персіи, отъ которой отдѣляютъ его два, три небольшихъ перехода. Тигръ соединяетъ его съ Индіей. Большая караванная дорога бѣжитъ съ высотъ Загроса, къ стѣнамъ Багдада и приводитъ къ нему безконечные караваны купцовъ и богомольцевъ Персіи. Западные пути связываютъ Багдадъ съ Сиріею; сѣверный съ Мосуломъ, а черезъ Дамаскъ и Мосулъ, съ Европой. Добрыя сношенія съ восточной его сосѣдкой, еслибъ

(*) Нѣкоторыя подробности этого событія добавлены изъ Ainsworth'a.

онѣ могли когда нибудь серьезно упрочиться, и заключеніе посредствомъ благородной и умной администраціи, неразрывной связи съ Курдистаномъ и передовыми его твердынями—Шехризуромъ и Сулейманіей—вещь тоже неосуществимая, могли бы способствовать къ заселенію въ обширныхъ размѣрахъ, какъ береговыхъ подступовъ къ Багдаду, такъ и небольшаго промежутка, отдѣляющаго городъ отъ пограничной цѣпи горъ; и заселеніе это, такъ или иначе, послужило бы, конечно, твердымъ оплотомъ для Багдада и постоянною угрозою противъ сильныхъ арабскихъ племенъ, не дающихъ ему въ настоящее время, что называется, перевести духа, или отдѣльными погромами или даже настоящею осадою, или наконецъ постоянною блокадою всѣхъ его путей сообщенія! Но все это, повторяю, дѣла несбыточныя! Прославившагося въ послѣднее время отставнаго сераскира Намыка-пашу, теперь уже нѣсколько лѣтъ губернаторствующаго въ Багдадѣ, мы сами видѣли тамъ въ томъ же званіи. Что онъ тогда сдѣлалъ для края? И что, поэтому, можно ожидать отъ него въ настоящее время! А это одинъ изъ способнѣйшихъ и надежнѣйшихъ столповъ оттоманскаго правительства.

Турки основываютъ большія надежды для береговъ Тигра и особенно для Ефрата на желѣзной дорогѣ, которою англичане хотятъ связать метрополію съ своею ост-индскою колоніею. Нынѣ компанія уже составилась. Линія должна, какъ видно, пойдти отъ Суейдійе, лежащей на югъ отъ Александреты, у устьевъ Оронта, на Средиземномъ морѣ, къ Калеи-Джеббаръ, на Ефратѣ. Оттуда, до Корны, при сліяніи Тигра съ Ефратомъ, будутъ ходить малые пароходы, отъ Корны до Басры и далѣе до Бомбея, большіе. Такимъ образомъ, время переѣзда отъ Лондона до этого послѣдняго города, сократится болѣе чѣмъ на половину, издержки на перевозъ товаровъ и на путешествіе—на три четверти, а именно, тогда какъ, напримѣръ, въ настоящее время за вьюкъ, вѣсомъ въ одинъ тоннъ или шесть пудъ двадцать четыре фунта, отъ Александреты до Алепа, платятъ отъ двадцати одного до сорока двухъ рублей серебромъ — по желѣзной дорогѣ, согласно сдѣланному англійскими инженерами разсчету, перевозка той же тяжести обойдется не болѣе девяти рублей серебромъ. Шестнадцать городовъ, расположенныхъ на Ефратѣ до Басры, говоритъ *Джеридеи-Хавадисъ*, газета, издающаяся въ Константинополѣ, на турецкомъ языкѣ, перейдутъ, по милости этого сообщенія, отъ крайняго упадка къ высокой степени процвѣтанія, получивъ возможность отправлять въ Европу свой шелкъ, хлопокъ, табакъ и другія произведенія. Багдадъ, въ такомъ случаѣ, конечно, выигралъ бы много въ свою очередь, потому что онъ неминуемо соединился бы желѣзною вѣтвью, напримѣръ, съ Хиллою, у вавилонскихъ развалинъ, отстоящихъ отъ Багдада не болѣе какъ на сто съ чѣмъ нибудь верстъ. Все это, вѣроятно, такъ, если въ разсчетъ берется одна постройка дороги; но какихъ суммъ будетъ стоить ея ремонтъ и поддержка въ этомъ палящемъ климатѣ, посреди самума, безводныхъ пространствъ и самоуправныхъ хищныхъ арабскихъ ордъ! Какъ-то не вѣрится въ сбыточность блистательныхъ надеждъ этѣхъ! Посмотримъ, долго ли

англичане уберегутъ телеграфъ, который долженъ пойдти отъ устья Оронта, черезъ Хитъ, къ окрестностямъ Багдада и черезъ Вавилонъ и Хиллу къ Корнѣ! Съ другой стороны, насъ уже пріучили знанія, предпріимчивость и настойчивость англичанъ ничему не удивляться.

Изъ замѣчательностей самаго города можно, пожалуй, упомянуть о двухъ, трехъ зіаретахъ или молельнахъ довольно хорошей постройки: Шахабеддинъ, Шейхъ Абдуль-Кадыръ, Имамъ-Мухаммедъ-Таки-Эддинъ; но намъ, навѣрнымъ, не дано было войдти въ ихъ священные затворы. Лучшіе памятники Багдада находятся внѣ стѣнъ его, на лѣвомъ берегу Тигра; верстахъ въ трехъ отъ города къ сѣверу, стоитъ суннитская мечеть *Имамъ-Аазамъ*, обнесенная крѣпкою, прекрасною стѣною. На лѣвомъ берегу, въ предмѣстіи *Казимейнъ*, заселенномъ персіянами, сверкаетъ золотыми главами своими великолѣпный Шіитскій храмъ *Имамъ-Муса*. Всѣ этѣ мусульманскія святыни были для насъ запрещеннымъ плодомъ; не смотря на всѣ наши попытки проникнуть въ нихъ, фанатизмъ настоялъ на своемъ, и мы *остались при желаньи*. Въ Казимейнѣ, когда мы въ первый разъ подошли къ наружной двери главной мечети, муллы и нѣсколько человѣкъ простаго народа, воображая, что мы захотимъ войдти силою, вооружились дубинами и встрѣтили непривѣтнымъ ворчаньемъ и угрозами одного изъ нашихъ людей, подошедшаго къ нимъ для переговоровъ. Кавасъ нашъ ухитрился, однакожъ, оттузить самаго азартнаго изъ персіянъ, хорохорившагося болѣе другихъ. На правомъ берегу расположены—бѣдное предмѣстье, служащее, между прочимъ, резиденціею нѣсколькимъ персидскимъ принцамъ, и, такъ называемый, памятникъ Зобеиды, жены Харуна,—Аррашида. Это послѣднее есть конусообразное осьмигранное зданіе, вымазанное известкой и замѣчательное только тѣмъ, что около него бываетъ годичная конная ярмарка, на которую Шамары, Мунтефики, Анизе и другія племена арабовъ приводятъ на продажу жеребцовъ. Но въ тотъ годъ ярмарка была ничтожна, потому что англичане незадолго увели множество лучшихъ лошадей въ Индію, для своей арміи; вмѣсто коней, мы видѣли тамъ одногорбыхъ быковъ и однокочныхъ верблюдовъ или дромадеровъ. Городъ съ предмѣстьемъ этимъ соединяетъ мостъ, жалкій, грязный, узенькій, въ одну сажень ширины и сто сажень длины и пловучій, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что брошенный на плашкоуты, связанные между собою, но не укрѣпленные порядочно якорями, онъ уступаетъ напору теченья и образуетъ какую-то смѣшную, изломанную линію.

Съ западной стороны городъ защищенъ рѣкою; восточная сторона открыта, потому что съ 1831 года стѣны тамъ не были возстановлены; сѣверная же и южная укрѣплены плотною, хорошо построенною стѣною, изъ жженаго кирпича, и нѣсколькими массивными башнями съ бойницами, изъ которыхъ одна, *Бурджи-Тылысмъ*, или талисманная, называемая также *Шейтанъ-Куллеси*—чортова башня, по повѣрью жителей, наполнена духами и потому, во внутренность ея никто не рѣшается войдти.

Дома Багдадскіе не щеголяютъ наружностью; только глухіе балконы ихъ,

забранные со всѣхъ трехъ сторонъ трельяжемъ, и осѣняющія ихъ пальмы придаютъ имъ пріятный для глаза характеръ; но внутренность домовъ красиво отдѣлана и разрисована со вкусомъ. Дома, стоящіе надъ рѣкою, имѣютъ преимущество надъ остальными, потому что пользуются живописною панорамою рѣки съ его мостомъ, куфами и келеками, противоположнаго берега, съ его предмѣстьями, притаившимися въ сѣни апельсинныхъ садовъ и пальмовыхъ рощей, съ золочеными куполами и бѣлыми шпилями его памятниковъ. Тутъ, кромѣ дома губернатора, находятся, между прочимъ, домъ резиденціи ост-индской компаніи и домъ богатѣйшаго въ Багдадѣ капиталиста, персіянина Хаджи-Мирзы-Хади-Джевахири.

Съ внутренностью этихъ домовъ мы скоро познакомились; туда направлены были наши первые визиты. Но первый шагъ нашъ, на Багдадскомъ берегѣ привелъ насъ къ дому резидента, куда приглашены мы были, какъ я сказалъ въ концѣ предъидущей главы, людьми полковника Роулинсона.

Пройдя нѣсколько шаговъ по пыльной и смрадной улицѣ, между высокими стѣнами дворовъ и прилегающими къ нимъ домами, мы издали увидѣли у одной двери двухъ часовыхъ, съ черными лицами, съ красными мундирами, бѣлыми панталонами и такого же цвѣта шапками. То были спахи или, по произношенію англичанъ, сипаи ост-индской компаніи, принадлежавшіе къ почетной стражѣ резиденціи. Они сдѣлали на караулъ русскому коммисару и мы вступили на широкій дворъ палатъ англійскихъ агентовъ. Это былъ дворецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, по обширности помѣщенія, множеству прислуги, убранству комнатъ, меблированныхъ по европейски, со всею возможною роскошью, со всѣмъ комфортомъ англійскихъ домовъ.

Полковникъ Уильамсъ, впослѣдствіи славный защитникъ Карса, и бывшій въ послѣднее время генералъ-губернаторомъ Канады (*), встрѣтилъ насъ со всѣми членами коммисіи, изъ которыхъ не всѣ были эскуайры, но всѣ кровные джентльмены. Между ними былъ одинъ французъ, нанятый коммисаромъ для счетныхъ дѣлъ коммисіи. Эти любезные люди, вмѣстѣ съ своимъ принципаломъ, до конца нашего странствованія, остались отличными, добрыми для насъ товарищами, всегда веселыми собесѣдниками, пріятными гостями въ нашихъ палаткахъ, радушными хозяевами въ своихъ. Никакая тѣнь размолвки или даже простаго недоразумѣнія, въ продолженіе почти четырехъ лѣтъ, не проходила ни разу между нашими двумя лагерями, постоянно становившимися въ ближайшемъ другъ отъ друга разстояніи. Я съ удовольствіемъ заношу этотъ фактъ въ мою лѣтопись. Никогда не изгладятся во мнѣ пріятныя воспоминанія о нашихъ отношеніяхъ съ ними. И конечно, исходною точкою постоянной безоблачности этихъ отношеній, въ теченіе такого долгаго времени, былъ высокій характеръ самихъ коммисаровъ.

Обильная закуска, сервированная на серебрѣ, ожидала насъ въ залѣ. Но только что мы разсѣлись около стола, въ комнату вошелъ Кавасъ-баши

(*) Нынѣ онъ имѣетъ чинъ генералъ-аншефа и посланъ генералъ-губернаторомъ въ Новую Шотландію.

губернатора и обратился къ намъ съ поклонами отъ своего начальника и сожалѣніями его о томъ, что мы не предупредили о нашемъ приближеніи, для устройства намъ приличной, почетной встрѣчи. Отъ излишняго усердія, сожалѣнія эти выражены были турецкимъ чиновникомъ въ видѣ довольно крупныхъ упрековъ, чуть ли не выговора. Это была забавная сцена. За нимъ явился драгоманъ губернатора, молодой образованный человѣкъ, изъ грековъ, Аристархи, нынѣшній посланникъ Порты въ Берлинѣ. Комплименты, привѣтствія, увѣренія сыпались каскадомъ; наконецъ, явились и лошади Неджиба-паши для услугъ нашихъ. Но насъ провели въ отведенный намъ домъ, въ центрѣ города.

Это было превосходное помѣщеніе по удобствамъ, простору, чистотѣ, красивой размалевкѣ стѣнъ, на которыхъ изображенія птицъ, звѣрей, цвѣтовъ состояли изъ калиграфически и чрезвычайно искусно написанныхъ стиховъ корана, именъ Бога, пророка и имамовъ. Обширный дворъ, деревянная вокругъ него галлерея въ верхнемъ этажѣ, открытые покои съ диванами и съ стульями, присланными для насъ губернаторомъ, все шло какъ нельзя болѣе одно къ другому. У каждаго изъ насъ была особая комната, но она служила только для помѣщенія вещей. Кровати же наши, съ кисейными пологами противъ мошекъ, комаровъ и другихъ крылатыхъ кровопійцъ, поставлены были на террасѣ дома, на открытомъ воздухѣ. На крышѣ этой, проводили мы, какъ и въ Мосулѣ, утра, вечера и ночи и предавались такимъ же какъ и тамъ, кровельнымъ наблюденіемъ. Днемъ же, первое время, мы сидѣли въ открытомъ покоѣ, гдѣ насъ допекали огромные шмели, съ басовымъ жужжаньемъ носившіеся около насъ въ страшномъ количествѣ, а съ ними вмѣстѣ комары и мухи. Но черезъ нѣсколько дней жаръ усилился и тутъ уже сидѣть не было никакой возможности; намъ указали тогда на подвалъ дома, чисто оштукатуренный и содержанный. *Сердабъ* нашъ, такъ называютъ турки этого рода подвалы, былъ не глубокъ, и потому жаръ въ немъ былъ немногимъ слабѣе, чѣмъ на верху и мы стали раздумывать, какъ бы перебраться въ какой нибудь садъ; что, недѣли черезъ три, и было исполнено нами.

Во время нашего пребыванія въ городскомъ домѣ, мы успѣли свести знакомство со всѣмъ Багдадскимъ обществомъ, которое было довольно многочисленно. Нѣсколько словъ о главныхъ личностяхъ будутъ не лишними.

Я уже говорилъ о самомъ Вали и о его драгоманѣ Аристархи. Однимъ изъ значительнѣйшихъ лицъ двора Наджиба-паши былъ гнусный, безбородый старикашка мулла Али, производившій себя отъ священнаго у мухаммеданъ племени Корейшитовъ. Онъ славился своею кровожадностью, наглостью, цинизмомъ и шутовствомъ. Въ то время онъ былъ поставленъ начальникомъ одного изъ мирныхъ арабскихъ племенъ. Какъ потомокъ ихъ пророка, онъ былъ въ чрезвычайной чести у своихъ фанатическихъ единовѣрцевъ, и въ особенности при дворѣ правителей, начиная отъ Давуда; какъ правитель, онъ набивалъ себѣ карманы безъ зазрѣнія совѣсти; какъ шутъ, онъ имѣлъ даръ смѣшить своихъ принципаловъ площадными, отвратительными остро-

тами и выходками. Наружностью онъ походилъ на старую обезьяну; безволосый подбородокъ его и визгливый сопрано обнаруживали его уродство.

Послѣ него слѣдовалъ шейхъ Уади, племенной начальникъ одного большаго арабскаго общества. Онъ пользовался общею ненавистью въ краѣ и особенно въ своемъ обществѣ, гдѣ распоряжался самымъ тираническимъ образомъ и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ владѣтелей.

Сераскиръ Хеджазо-Иракскаго корпуса, Абди-паша, разбитый впослѣдствіи княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыклярѣ, былъ простой въ обращеніи, но тяжелый и лѣнивый человѣкъ.

Резидентъ Роулинсонъ (*), извѣстный въ Европѣ своею многостороннею ученостью, въ особенности какъ филологъ, изучившій гвоздеобразную грамоту, а съ нею вмѣстѣ и, археологію Вавилоніи, Халдеи и Ассиріи, удивлялъ насъ своими разнообразными талантами, неутомимостью въ ученыхъ занятіяхъ, которымъ онъ предавался съ увлеченіемъ, не смотря на свои головные, жестокіе ревматизмы, и, притомъ, пріятнымъ свѣтскимъ обращеніемъ, ловкостью наѣздника и стрѣлка. Онъ началъ съ того, что былъ военнымъ инструкторомъ въ Персіи, потомъ командовалъ тамъ полкомъ и прямо оттуда былъ назначенъ резидентомъ въ Багдадъ, послѣ извѣстнаго своимъ путешествіемъ и ученостью Рича.

У него въ домѣ познакомились мы съ его большимъ пріятелемъ, индѣйскимъ принцемъ Икбаль-Эд-доуле, однимъ изъ наввабовъ Уда, жившимъ въ Багдадѣ на пансіонѣ у англичанъ. Принцу было лѣтъ сорокъ; наружностью своею онъ походилъ на слона, такъ онъ былъ громаденъ, тученъ и смуглъ; манерами онъ дѣлалъ честь своему высокому происхожденію и вліянію европейскаго общества, съ которымъ онъ познакомился въ кратковременное пребываніе въ Англіи. Онъ былъ весельчакъ, острякъ и также отличался цинизмомъ въ рѣчахъ. Въ домѣ своемъ онъ намъ впослѣдствіи показалъ свою богатую восточную библіотеку и гробъ, приготовленный имъ для себя, отдѣланный внутри бархатомъ и атласомъ; европейскихъ языковъ онъ не зналъ, и жилъ, въ своемъ изгнаніи, настоящимъ философомъ (**).

Въ персидскомъ предмѣстіи Имамъ-Муса познакомились мы съ персидскимъ принцемъ Зилли-Султаномъ, вторымъ, послѣ Аббаса Мурзы, сыномъ Фетх-Али-Шаха; онъ царствовалъ девять мѣсяцевъ подъ именемъ Али-Шаха а теперь живетъ здѣсь уже многіе годы, въ изгнаніи, на пансіонѣ у турецкаго правительства. Клинообразная каджарская борода, искусно выкрашенная въ черную краску, кинжалъ съ дорогими каменьями за кушакомъ, золотой кальянъ съ эмалью, немудреная, обыденная рѣчь, вотъ все, чѣмъ отличалось его высочество. Воздушная крошечная пріемная, на тѣсномъ двори-

(*) Нынѣ генералъ и живетъ въ Лондонѣ.

(**) Въ прошломъ году Икбаль-эд-доуле навѣстилъ Петербургъ и Москву, проѣздомъ въ Лондонъ, гдѣ и теперь находится по дѣламъ своего пансіона. Онъ очень жаловался мнѣ на англійское правительство, которое, по его словамъ, поступаетъ съ нимъ нехорошо. Пансіонъ его состоитъ изъ 100,000 руб., сереб. но не хотятъ что-то, съ нѣкотораго времени, его выплачивать.

кѣ, была замѣчательна бѣдностью своего убранства. Внутреннихъ покоевъ его дома мы не видѣли; вѣроятно, они составляютъ совершенный контрастъ съ этою переднею.

Хаджи-Миръ-Хади былъ визиремъ втораго сына Фетх-Али-Шаха, покойнаго Мехмедъ-Али-Мирзы, знаменитаго губернатора Керманша хана. Намъ разсказывали, что послѣ смерти своего принца, онъ присвоилъ всѣ его сокровища, которыя, по завѣщанію, долженъ былъ отвезти въ священный городъ шіитовъ Кербелу.

Были тамъ еще и венгерскій купецъ Свобода, живущій уже лѣтъ двадцать съ своимъ семействомъ въ Багдадѣ, и сынъ его, сопровождавшій насъ въ поѣздкахъ по окрестностямъ, Тейлоръ, драгоманъ резиденціи, путешественникъ Додсонъ, Джонсъ—командиръ парохода *Тигръ*, его офицеры, два англійскихъ купца, три евангелическихъ миссіонера, жена одного изъ нихъ, очень толстая и высокая дама, дивизіонные и бригадные паши, и наши будущіе спутники по границѣ, коммисары турецкій и персидскій, съ ихъ многочисленною свитой секретарей, офицеровъ, такъ называемаго генеральнаго штаба, докторовъ, начальниковъ конвоя, состоявшаго изъ отрядовъ пѣхоты, кавалеріи, регулярной и иррегулярной, и 4-хъ легкихъ орудій, и многія другія второстепенныя лица, армяне—граждане и духовенство,—халдеи, турки, арабы, персіяне, путешественники.

Вотъ какое огромное общество открылось для насъ въ Багдадѣ, такъ что мы едва успѣвали мѣняться съ ними визитами.

Разъѣзды по городу были крайне непріятны отъ невыносимаго жара, огромныхъ дистанцій, пыли, тѣсноты въ узкихъ улицахъ и базарахъ. Разговоры были утомительны своимъ однообразіемъ. Все это были жалобы и жалобы. Всѣ вообще жаловались на жары, на насѣкомыхъ, на сырость, оставленную въ сердабахъ необыкновеннымъ въ этомъ году разлитіемъ Тигра, на распространяющіяся вслѣдствіе этого лихорадки; и кромѣ того, турки жаловались на арабовъ; арабы, а въ особенности христіане, на турокъ; европейцы были недовольны всѣмъ—и турками, и арабами, и климатомъ, и жизнью Багдадскою.

Но вотъ англійская коммисія выбралась изъ города и расположилась въ саду около небольшой деревушки, *Грара*, верстахъ въ семи отъ города, съ южной его стороны. На самомъ берегу Тигра, подъ пальмами, были разбиты ихъ огромныя палатки, гостиная, столовая и другія. Спальня же ихъ была на крышѣ небольшаго *кута*, въ самомъ саду. Мѣсто это было незавидное, садъ дрянной, и воздухъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не изъ здоровыхъ.

Мы были счастливѣе англичанъ. За сѣверными воротами Багдада, называемыми *Баби-Муаззамъ*, потому что онѣ обращены къ мечети и предмѣстіемъ *Имамъ-Аазамъ*, находится кладбище; за нимъ садъ, въ которомъ помѣстился губернаторъ; потомъ пальмовая роща; а за нею великолѣпный садъ, принадлежавшій какому-то *Диванъ-Эффенди*; отъ него будетъ съ версту до городскихъ стѣнъ; съ запада омываетъ его Тигръ; съ востока, мимо его, прохо-

дитъ большая дорога къ Имаму; а по ту ея сторону другой садъ того же Диванъ-Эффенди. Оба-то эти сада и заняла русская коммисія. И въ томъ, и въ другомъ было по домику. Въ большомъ, расположились Е. И. и я; въ маломъ— наши офицеры. Въ нашемъ саду широкая пальмовая аллея вела отъ наружныхъ дверей черезъ весь садъ, наполненный апельсинными и другими деревьями, къ самому берегу, гдѣ стояла бесѣдка, служившая намъ, до ноября, постояннымъ пребываніемъ во время дня. Кровати же наши стояли на крышѣ домика, расположеннаго у входа на улицу.

Бесѣдка имѣла широкій выходъ въ садъ; восточная стѣна ея была глухая и обращена въ садъ же, сѣверная глядѣла въ поле, а западная на Тигръ; въ этѣхъ двухъ послѣднихъ были огромныя отверстія, заставленныя трельяжемъ изъ пальмовыхъ вѣтвей; клѣтки трельяжа были наполнены *агулемъ*, степною колючкою, любимымъ лакомствомъ верблюдовъ; арабъ, приставленный нарочно для этого, въ продолженіе цѣлаго дня, поливалъ снаружи *агуль* водою, для того, чтобы горячій вѣтеръ, постоянно дувшій съ пустыни, проходя сквозь колючку, охлаждался поливкою и водворялъ въ бесѣдкѣ сравнительную свѣжесть; такимъ образомъ, въ пріютѣ этомъ Реомюръ съ 38 и 39° опускался до 33 и до 32°. C'était autant de gagné sur l'ennemi. За то, отъ пчелъ и шмелей, гнѣздившихся въ сосѣднихъ деревьяхъ, не было никакого спасенія, ни житья; напрасно мы ихъ выкуривали порохомъ; Богъ знаетъ откуда онѣ набирались снова и не давали намъ покоя. Стрѣляли мы и летучихъ мышей, осаждавшихъ насъ послѣ заката; арабы ихъ подбирали, а можетъ быть и ѣли, по своему обыкновенію. Скорпіоновъ было также множество; но тѣ, по крайней мѣрѣ, не жужжатъ и не летаютъ, а аммоніакъ былъ у насъ въ запасѣ. Въ бесѣдкѣ еще поселяла нѣкоторую прохладу и оживленіе проточная вода, струившаяся въ желобкѣ по известковому полу. На самой окраинѣ берега разбиты были наши палатки; но въ нихъ могли мы заглянуть только по закатѣ солнца; обѣдали же на крышѣ бесѣдки, тоже вечеромъ; при солнцѣ взойти на нее не было возможности отъ палящаго жара и вѣтра, дувшаго какъ изъ горящей печи, наполненной гнилыми яицами. Изъ любопытства мы взошли было разъ вверхъ по лѣсенкѣ, но въ ту же минуту обратились вспять, ошеломленные самумомъ.

Житье вообще было плохое днемъ. Каково же было горемычнымъ мусульманамъ справлять ихъ рамазанъ, начавшійся въ этомъ году девятаго іюля! Четырнадцать часовъ ничего не ѣсть, не глотнуть даже воды! А въ Багдадѣ не то, что въ Константинополѣ, и нарушать поста не приходится! Ночи за то были хороши и достаточно прохладны.

Какъ великолѣпно это чистое Багдадское небо, усѣянное миріадами звѣздъ; алмазный блескъ моего стараго египетскаго пріятеля Канопуса на горизонтѣ; серебристый мѣсяцъ въ высотѣ, отражавшійся въ зеркалѣ Тигра, на которомъ, отъ времени до времени, появлялись плавучіе свѣтильники; то были гаданья багдадцевъ. Кто, напримѣръ, желаетъ узнать—можно ли ему надѣяться на выздоровленіе больнаго родственника или друга, или на скорое

возвращеніе любимаго человѣка изъ дальнаго путешествія, тотъ на дощечкѣ укрѣпляетъ лампадку, пускаетъ ее по теченью и смотритъ: если свѣтильникъ погаснетъ прежде, чѣмъ дощечка уйдетъ изъ глазъ, или ее прибьетъ къ берегу не въ данное время, онъ вѣритъ, что ему нечего ждать хорошаго. Гаданья эти придавали неизъяснимую прелесть общей картинѣ багдадской ночи. Нерѣдко слышали мы посреди ночной тишины, какъ раскаты отдаленнаго грома, рыканье льва, рыскавшаго на противоположномъ берегу. Этѣ минуты были полны необыкновенной торжественности.

Самое пріятное время, послѣ ночи, были утра и вечера. Ни вѣтру, ни жару. Мы тутъ или катались верхомъ, или, сидя на берегу, любовались видомъ Тигра и зеленью его береговъ. На восходѣ и закатѣ солнца, окрестность подергивалась розовыми оттѣнками; зелень сверкала свѣжестью, хотя въ этѣхъ странахъ росы не бываетъ; берега шевелились народомъ, какъ будто замиравшимъ во время дня, вмѣстѣ съ насѣкомыми и звѣрями. Грѣшно было бы пожаловаться на подобныя минуты. Рѣдко позволено намъ было взглянуть на пустыню. Между прочимъ, въ числѣ предметовъ, представлявшихся намъ въ отдаленіи, была одна древняя развалина, слывущая у жителей подъ названіемъ *Акеръ-Куфа* или *Бабиль-Тепеси* (вавилонскій холмъ). Это четыреугольная глыба, состоящая, какъ и другіе вавилонскіе памятники, изъ множества рядовъ огромнаго размѣра нежженыхъ кирпичей, каждые семь или восемь рядовъ которыхъ переложены камышемъ и рогожками, отлично сохранившимися. Глыба эта, имѣющая семьдесять футовъ высоты, почти округлилась по бокамъ, и на вершинѣ своей имѣетъ пластъ земли. Жители принимаютъ ее за остатки вавилонскаго столба; археологи же недоумѣваютъ, какое назначеніе могла имѣть эта постройка, было ли то основаніе какого нибудь храма, или обсерваторіи, или чего другаго. Но никто изъ нихъ не задумывается отнести возведеніе этого памятника къ первымъ днямъ человѣческой дѣятельности. Вблизи я не видалъ ее. Но Акеръ-Куфъ служилъ для насъ предметомъ интересныхъ наблюденій изъ нашего убѣжища. Миражъ очень часто совершенно измѣнялъ его форму; то вытянетъ его высоко, давая ему видъ пирамиды; то придавитъ къ землѣ; то нарисуетъ надъ нимъ въ воздухѣ его отраженіе основаніемъ вверхъ и окружитъ развалину подобіемъ озеръ...

Персидскій коммисаръ уже возвратился изъ богомольнаго путешествія своего въ Кербелу и мы познакомились. Муширъ-Эд-Доуле-Мирза-Джафаръ-Ханъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ Персіи, былъ генералъ артиллеріи и говорилъ по англійски; но пользовался плохимъ здоровьемъ (*). Турецкаго коммисара еще не было (**), но его скоро ждали.

А между тѣмъ въ іюнѣ лихорадки приняли въ Багдадѣ тревожный характеръ. Не буду утомлять читателя, заставляя его слѣдить, шагъ за шагомъ, за

(*) Онъ умеръ въ Кумѣ, губернаторомъ, три года тому назадъ.

(**) Дервишъ-паша живетъ въ Константинополѣ.

успѣхами эпидеміи. Скажу коротко, что въ теченіе іюня, іюля и августа, изъ восьмидесяти тысячъ жителей, въ одномъ городѣ, умерло отъ лихорадки и отъ тифа двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Коммисіи англійская, персидская и турецкая пострадали жестоко; многіе изъ прислуги ихъ умерли или разбѣжались; ни одинъ членъ коммисій этѣхъ не ушелъ отъ болѣзни, страдая постоянно рецидивами; въ особенности поплатился англійскій коммисаръ; но у насъ, русскихъ, болѣла только прислуга, да у младшаго изъ членовъ коммисіи былъ одинъ пароксизмъ лихорадки. Каждый день ждали мы со страхомъ роковой гостьи, но она пощадила насъ, такъ-же какъ пощадилъ и алепскій вередъ, отъ котораго не спасся ни одинъ изъ нашихъ товарищей смѣшанной коммисіи; а болѣе всѣхъ помучился съ нимъ все-таки полковникъ Уильямсъ и Дервишъ-паша. Нашему необыкновенному, исключительному счастью въ этомъ случаѣ, нельзя было не позавидовать.

Жаръ и болѣзни связывали руки смѣшанной коммисіи и она провела въ Багдадѣ семь томительныхъ мѣсяцевъ, почти безъ всякой пользы для своего прямого порученія.

Мы довольно часто посѣщали нашихъ товарищей; но тяжелы были наши выѣзды. Не говоря уже о томъ, что доставалось намъ отъ солнечнаго припека, отъ пыли и зловонія, распространеннаго въ воздухѣ, — это страшное множество больныхъ по улицамъ и въ домахъ, нами посѣщаемыхъ, ложилось свинцомъ на душу. Домъ англійской коммисіи былъ настоящимъ госпиталемъ, и самъ докторъ Олгинъ, молодой медикъ обѣихъ коммисій нашихъ, заплатилъ порядочную дань климату. Мы точно были заколдованы и неуязвимы; стрѣлы всевозможныхъ физическихъ бѣдствій носились вокругъ насъ съ ожесточеніемъ и поражая всѣхъ, щадили однихъ насъ. До меня одного только дошла впослѣдствіи очередь: солнечный ударъ, полученный мною въ Бендеръ-Буширѣ, три года сряду угнеталъ меня своими послѣдствіями, отъ которыхъ я только въ Петербургѣ окончательно излечился..... Есть же люди, которые выздоравливаютъ и въ Петербургѣ отъ хроническихъ болѣзней!

Случалось мнѣ... когда припоминаю, морозъ подираетъ по кожѣ — случалось мнѣ, при страшныхъ моихъ приливахъ къ головѣ, сидѣть въ пустынѣ, подъ открытою со всѣхъ сторонъ палаткою, подъ которой накоплялось бывало жару до 43°; обтянутый кисейнымъ пологомъ, вмѣстѣ со столомъ, бумагами, лексиконами, корпѣлъ я надъ головоломными переводами или надъ перепиской, приподымая высоко надъ бумагой локоть, чтобъ незамочить бумаги; въ рукѣ перо, на темени примочка, на плечахъ одно тонкое полотно, въ глазахъ туманъ, а тутъ, сквозь незамѣтную скважину въ пологѣ, пробьется комаръ или муха; ловить ихъ не было возможности, не то повалишь столъ, разольешь чернила, оборвешь пологъ; но вотъ налетаетъ горячій вихрь... и пологъ, и столъ съ чернильницей, книгами, бумагами, и тряпка съ примочкой летятъ.... лови свое добро, крутящееся въ пустынѣ и снова усаживайся по прежнему и начинай работу съизнова.

Въ Багдадѣ я еще держался, исключая довольно сильныхъ припадковъ

хандры... Да и мудрено ли! дни наши тянулись безконечною нитью въ совершенномъ отчужденіи отъ остального міра, подъ гнетомъ негостепріимнаго климата и тоски по Европѣ, въ томительномъ, лихорадочномъ ожиданіи курьера изъ Константинополя, нерѣдко оставлявшаго насъ безъ писемъ. Одна, почта, даже и совсѣмъ не дошла до насъ, оставшись въ рукахъ хищниковъ. Занятія наши ограничивались чтеніемъ, отрывочными разговорами, бесѣдами съ леопардомъ—охотникомъ, купленнымъ Е. И-мъ и сдѣлавшимся совершенно ручнымъ. Игры этого животнаго, сказать мимоходомъ, совершенно похожи были на игры котенка. Кромѣ *мурлыки*, такъ называли мы леопарда нашего, были у насъ двѣ газели, чекалка, гончая—красавица изъ Самары и борзая, Лофъ. Надо было видѣть какъ мурлыка гонялся за газелями, которыя иногда убѣгали въ степь, но опять возвращались. Каждое изъ этихъ животныхъ, въ свою очередь, служило для насъ спасительнымъ развлеченіемъ въ нашей отшельнической жизни. Ловили мы и скорпіоновъ и дѣлалали надъ ними извѣстные опыты съ горячими угольями: сдѣлавъ изъ нихъ вѣнокъ на землѣ бросали въ середину скорпіона, который, силясь выйти изъ очарованнаго круга и палимый жаромъ, при судорожномъ приближеніи къ угольямъ, корчился, вилялъ хвостомъ и ударялъ имъ себя, конечно, нечаянно, въ спину; надъ ранкой вскипала немедленно бѣлая пѣна и ядъ мгновенно производилъ свое дѣйствіе: животное растягивалось и умирало. Жители увѣрены, что скорпіонъ, въ этомъ случаѣ, убиваетъ себя съ преднамѣреніемъ. Сажали мы скорпіона и въ банку вмѣстѣ съ врагомъ его, страшнымъ тарантуломъ. Ожесточенная драка ихъ на смерть была интереснымъ, но отвратительнымъ зрѣлищемъ.

Случались развлеченія и другаго рода; такъ напримѣръ, раза два ночью забрались въ садъ къ офицерамъ воры; но у насъ стояли караульные; подымалась тревога, раздавались выстрѣлы, и неуловимые воры исчезали, не успѣвъ унести ничего. Разъ нашъ кавасъ прицѣлился въ араба и убилъ... дикаго гуся, котораго на другой же день мы и съѣли за обѣдомъ.

По пятницамъ, мимо насъ, проходилъ народъ на молитву къ Имамъ-Аазаму; тянулась процессія губернатора, ѣхавшаго въ сопровожденіи войска, двора своего и кавасовъ; проѣзжали дамы въ своихъ хабарахъ и черныхъ маскахъ, верхомъ на кровныхъ жеребцахъ или на дорогихъ бѣлыхъ ослахъ, такихъ же какъ и въ Каирѣ, въ сопровожденіи евнуховъ... Желтыя сафьянныя ботинки ихъ были иногда такія маленькія, что воображеніе разыгрывалось по неволѣ. Случалось намъ видѣть и открытыя лица и костюмы,... особенно съ городской террасы нашей; но восточныя лица и одежды извѣстны, и описывать ихъ было бы лишнее. Въ харемахъ же я не бывалъ и для описанія болѣе подробнаго и интимнаго, мнѣ бы пришлось говорить по разсказамъ или списывать съ печатнаго, и потому лучше пройду молчаніемъ эту заманчивую статью и буду продолжать передавать собственныя похожденія.

Ежедневный пилавъ и ежедневная баранина и дичина не надоѣдали намъ. Это была прекрасная и питательная пища. Фруктовъ было вдоволь: ви-

ноградъ, арбузы, персики, шелковица, апельсины, фиги, финики, которыхъ считаютъ здѣсь девяносто родовъ, были постояннымъ нашимъ лакомствомъ; кромѣ того, подавали намъ и лимоны и померанцы, но аппетитъ очень часто совершенно измѣнялъ намъ; а о свѣжей водѣ нечего было и думать. Однажды, изъ сосѣднихъ горъ пришли нѣсколько вьюковъ льду къ персидскому коммисару; но онъ прислалъ намъ его неболѣе тарелки, потому что ледъ дорогою почти весь растаялъ, не смотря на искусную упаковку. Отсутствіе воды было однимъ изъ самыхъ большихъ лишеній нашихъ. Это было мученіе Тантала: Жить на берегу широкой рѣки и томиться постоянною жаждою!

Въ первый разъ, когда мы обѣдали у резидента, на террасѣ его дома, при великолѣпнѣйшемъ освѣщеніи полной луны и звѣздъ, неговоря уже объ искуственномъ освѣщеніи, со мной случилась забавная исторія; я сидѣлъ по правую сторону резидента, который самъ разливалъ супъ въ тарелки; но не смотря на многочисленную прислугу и на близость мою къ самому хозяину, я къ удивленію моему, не получилъ своей порціи. Я вертѣлся на стулѣ, посматривалъ направо и налѣво и неловко мнѣ какъ-то становилось; но мнѣ поставили супъ тогда, какъ ужъ всѣ мои сосѣди опорожнили свои тарелки. Слѣдующія кушанья стояли по англійскому церемоніалу всѣ на столѣ въ серебряныхъ блюдахъ, и потому мое неловкое положеніе во время супа, уже болѣе не повторялось. Но я успѣлъ замѣтить, при напряженномъ наблюденіи, что, кромѣ меня одного, за каждымъ изъ тридцати двухъ собесѣдниковъ стоялъ его собственный слуга, бо́льшею частью индѣецъ или персіянинъ, въ чалмѣ или остроконечномъ кюлахѣ, и прислуживалъ только своему господину. По окончаніи обѣда, когда шери и кларетъ, какъ называютъ англичане хересъ и бордо, начинали безконечное свое путешествіе вокругъ стола, слуги эти подавали своимъ господамъ витую трубку кальяна и держали кальянъ за стуломъ. Тутъ я въ первый разъ, такимъ образомъ, познакомился съ этимъ ост-индскимъ обычаемъ.

Можно себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали наступленія благопріятнаго времени года, чтобы двинуться съ мѣста и начать нашу кочевую жизнь, Но одинъ изъ нашихъ англійскихъ друзей не захотѣлъ его дожидаться. Туристъ Додсонъ, не смотря на слабость груди, на постоянную лихорадку, которою страдалъ, на страшный жаръ и самумъ, наконецъ, на опасность дороги, рѣшился отправиться обратно въ Англію, и по какой же дорогѣ? Черезъ пустыню и Дамаскъ! Нанявъ пять верблюдовъ, одного проводника, который не позволилъ ему даже взять съ собой палатки, чтобы не привлечь ею вниманія бедуиновъ, онъ пустился въ путь и мѣсяцевъ черезъ шесть получено было нами извѣстіе изъ Лондона о благополучномъ его прибытіи домой.

Я понимаю, что для араба ничего не значитъ ни жаръ, ни самумъ, ни отсутствіе воды и горячей пищи; напротивъ, онъ тутъ становится какъ будто еще предпріимчивѣе и задорнѣе, и до насъ каждый день доходили вѣсти о новыхъ продѣлкахъ этихъ дѣтей пустынь; а, наконецъ, заговорили и о приго-

товленіи одного многочисленнаго племени открыто аттаковать Багдадъ, встревожившійся этимъ не на шутку, потому что сераскиръ, съ войскомъ, стоялъ довольно далеко; но со стороны европейца это былъ истинный подвигъ и я чистосердечно сознаюсь, что у меня не достало бы духу совершить его.

Между тѣмъ, послѣдовала смѣна и отъѣздъ Неджибъ-паши, увезшаго съ собою, говорили, несмѣтныя суммы, награбленныя имъ въ девяти-лѣтнее правленіе краемъ. Мѣсто его занялъ сераскиръ Абди-паша.

По случаю назначенія своего, Абди-паша задалъ народный праздникъ; тутъ же подошелъ и байрамъ или праздникъ окончанія поста. Загородомъ были разставлены огромныя палатки, изъ которыхъ одну занимали европейскія коммисіи. Милиція и отряды разныхъ арабскихъ племенъ, съ своими важными шейхами, выѣхали на арену, вокругъ которой устроены были качели, коверкались плясуны въ женскихъ платьяхъ, гремѣли военная музыка и артиллерія, и начался одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ джеридовъ, какіе когда либо мнѣ случалось видѣть. Отряды баши-бузуковъ сшибались съ арабами, бросая другъ въ друга джериды и даже пернатыя копья свои, стрѣляя холостыми зарядами подъ ноги лошадей противниковъ, налетали, гонялись другъ за другомъ, исчезали въ облакахъ пыли и снова показывались, одни, въ своемъ блестящемъ нарядѣ, другіе въ ветошныхъ эпанчахъ, съ щитами и длиннымъ камышевымъ копьемъ, колебля ихъ надъ своими головами и потомъ бросая въ землю; а между ними, на дорогихъ лошадяхъ, носились взадъ и впередъ офицеры регулярныхъ войскъ и частныя лица изъ багдадскихъ жителей. Движеніе было необыкновенное. Военная музыка разыгрывала довольно дурно Мейербера или Доницети, орудія гремѣли. Абди-паша, окруженный дворомъ своимъ и шейхами, въ чалмахъ и бѣлыхъ аба съ золотымъ плечомъ, сидѣлъ, съ ними, на стульяхъ, поставленныхъ въ рядъ, и угощался трубками, кальянами, кофеемъ, шербетомъ. Конечно не забывали и насъ. Но этимъ не кончились угощенія Абди-паши. Онъ сдѣлалъ для коммисіи обѣдъ въ своемъ саду, около фонтана. Иллюминація, фейерверкъ, музыка, плясуны, фокусники... чего тутъ не было!

Но вскорѣ прибылъ и Дервишъ-паша, турецкій коммисаръ; ему сдѣлана была великолѣпная встрѣча губернаторомъ; и въ самомъ дѣлѣ, картиненъ былъ поѣздъ его по Тигру, посреди множества барокъ, подъ краснымъ оттоманскимъ флагомъ, наполненныхъ свитою и губернаторскими людьми и при пушечныхъ выстрѣлахъ.

Затѣмъ, послѣдовала смѣна Абди-паши: и на мѣсто его назначенъ былъ сераскиръ Намыкъ-паша. И опять торжества, пріемы, визиты, фразы и фразы, угощенія, обѣды, фейерверки, пушечная пальба, военная музыка, пляски, джериды и прочая, обычная въ такихъ случаяхъ, суматоха, отличающаяся своею односторонностью и потому незаслуживающая описанія.

Но пора сказать нѣсколько словъ и о походахъ нашихъ въ окрестностяхъ Багдада.

IV.

Вавилонія.

Мы нѣсколько разъ посѣщали съ англичанами развалины Ктезифона или *Аль-Медаинъ* или *Медаини-Кесро* (Кесаревы города). Онъ находится, какъ уже сказано мною въ предъидущей главѣ, на лѣвомъ берегу Тигра, на юго-востокѣ отъ Багдада и въ тридцати пяти верстахъ отъ этого города. Первый предметъ, съ которымъ встрѣчаешься, подъѣзжая къ развалинамъ, это небольшая часовенка мусульманскаго святаго *Сальманъ-Пакъ* или Соломона чистаго, бывшаго, если вѣрить преданіямъ мухаммеданъ, брадобреемъ ихъ пророка. Къ часовенкѣ этой стекаются *правовѣрные* на поклоненіе. Она, какъ зданіе, рѣшительно ничѣмъ не замѣчательна, исключая своего красиваго купола.

Въ Аль-Медаинѣ, по легкой возвышенности почвы, можно прослѣдить направленіе городскихъ стѣнъ, на протяженіи почти восемнадцати верстъ. Отъ городскихъ строеній не осталось ни какихъ признаковъ, кромѣ громадной развалины дворца, о которой я также упоминалъ; она называется *Таки-Кесро* (Кесарева арка) или *Айвани-Кесро* (Кесаревъ дворецъ). Эта глыба сооружена изъ вавилонскихъ квадратныхъ кирпичей большаго размѣра, жженныхъ въ печи; фасадъ ея обращенъ на востокъ и имѣетъ, въ длину, сто семьдесять футъ, а въ вышину, восемьдесять шесть. Посрединѣ открывается арка въ семьдесять шесть футовъ у основанія; въ глубину имѣетъ она сорокъ восемь, а въ высоту восемьдесять пять футовъ. По сторонамъ арки шесть глухихъ и двѣ открытыя двери. Надъ ними четыре яруса глухихъ оконъ или неглубокихъ нишей. Западные и восточные углы зданія, также какъ задняя или западная часть свода, во многихъ мѣстахъ, обвалились и вся масса, около основанія, подмыта разливами Тигра. Западная сторона Тàка представляетъ собою, особенно на нѣкоторомъ разстояніи, какую-то безобразную каменную массу, болѣе похожую на великанскій обломокъ утеса, скатившійся въ пустыню, чѣмъ на развалину царскихъ палатъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это могло быть лѣтнее убѣжище Парѳянскихъ владыкъ отъ дневнаго жара. И въ самомъ дѣлѣ, даже при настоящемъ ея разрушенномъ состояніи, подъ громаднымъ сводомъ этого зданія, мы находили невообразимую прохладу. Стѣны его пронизаны во многихъ мѣстахъ какими-то круглыми скважинами, уже не служившими-ли вентиляторами!? Въ настоящее время, этотъ заглохшій, заброшенный чертогъ сильныхъ царей служитъ пріютомъ для летучихъ мышей и дикихъ голубей, гнѣздящихся на высокихъ карнизахъ свода; днемъ забредетъ сюда пастухъ со своимъ стадомъ, какъ я это видѣлъ въ другомъ знаменитомъ памятникѣ древности, въ Аргосѣ, а именно въ гробницѣ Агамемнона, находящейся близъ развалинъ Микены;—а ночью и царь звѣрей нерѣдко

посѣщаетъ ее. Такъ, въ первую же ночь кочовки европейцевъ у этой древности, весь лагерь нашъ вздрогнулъ отъ львинаго рыканья, раздавшагося у насъ надъ ушами. Все притихло, прислушиваясь съ невольнымъ ужасомъ; лошади рвали коновязи, дрожа всѣмъ тѣломъ; караульные подкладывали въ костры свои новаго топлива и посылали въ сторону, откуда послышался ревъ, ругательства и проклятія, въ родѣ слѣдующихъ: «Вонъ! безсовѣстный разбойникъ! пошелъ! убирайся! анаѳема проклятый! лопни! провались! стыдился-бы!» и такъ далѣе. Остальные всѣ ждали новаго рева; черезъ нѣсколько секундъ онъ раздался опять, но уже на далекомъ разстояніи; третій разъ онъ былъ едва слышенъ въ отдаленіи и походилъ на мяуканье; и такъ продолжалось довольно долго и все въ разныхъ направленіяхъ, какъ будто левъ выгадывалъ минуту и мѣсто, чтобы снова приблизиться; а потомъ все стихло. Караульные сказали намъ, что левъ былъ отъ нихъ въ двухъ шагахъ и что устрашенный огнемъ и ругательствами ихъ, онъ удалился, поглощая пространство пятисаженными прыжками. Это его обыкновенный способъ передвиженья. Наши страстные охотники зашевелились, желая подстеречь страшнаго обитателя пустыни. Въ особенности расходился бѣдный Вудъ (*). Къ слѣдующей ночи былъ зарѣзанъ баранъ и положенъ приманкой у самой развалины, на одинъ изъ уступовъ которой вскарабкался охотникъ нашъ съ двумя арабами, кавасомъ и полдюжиной англійскихъ ружей. Но льву дали, вѣроятно, знать объ опасности, его ожидавшей, и онъ не пожаловалъ. Напрасно Немвроды наши напрягали слухъ и зрѣніе, пустыня спала мертвымъ сномъ до утра; не слышно было даже и чекалокъ, этихъ ночныхъ пѣвцовъ пустыни и только небо насмѣшливо мигало имъ своими алмазными глазками. Но эту неудачу Вуда, поплатившагося за свои кровожадные замыслы безсонную ночью, охотники, которыхъ было много въ обоихъ лагеряхъ, выместили днемъ на кабанахъ, стрепетахъ и вкусномъ степномъ рябчикѣ, котораго мусульманы называютъ *дураджемъ*, а французы *франколиномъ;*—этой дичи на берегахъ Тигра и Ефрата необыкновенное множество.

Въ другой разъ, во время стоянки нашей у этѣхъ развалинъ, левъ утащилъ дѣвочку и растерзалъ нѣсколько барановъ. Львы постоянно посѣщаютъ холмы Медаина. Арабы утверждаютъ, что они много разъ видѣли, въ окрестностяхъ развалинъ этѣхъ, ручнаго льва, вырвавшагося во время наводненія, вмѣстѣ съ лошадьми, изъ дворца Давуда-Паши. Они узнаютъ звѣря этого по золотому его ошейнику. Здѣсь, между прочимъ, по увѣренію жителей, одинъ старикъ и одна женщина ходятъ на львовъ, вооруженные коломъ, заостреннымъ съ двухъ концовъ. Колъ этотъ они туго привязываютъ къ ладони лѣвой руки; въ правой рукѣ у нихъ длинный ножъ. Левъ хватаетъ пастью протянутую лѣвую руку и колъ вонзается обоими остріями въ нёбо и нижнюю челюсть звѣря; въ это время охотникъ распарываетъ ему брюхо ножемъ.

Арабы, на чемъ-то, основали повѣрье, что Даніилъ былъ брошенъ въ львиную яму именно въ Медаинѣ.

(*) Секретарь англійской коммисіи, умершій, черезъ годъ послѣ того, въ Лурристанѣ.

Въ холмы Селевкіи мы не заглядывали; тамъ, во первыхъ, равно нечего смотрѣть, а во вторыхъ и не на чемъ было переправиться черезъ рѣку.

Но походъ нашъ къ развалинамъ Вавилона и къ святилищамъ шіитовъ, Кербелу и Неджефъ, былъ преисполненъ интереса.

Мы выступили изъ Багдада 2-го сентября, въ 8 часовъ утра и перейдя черезъ мостъ, направились на югозападъ по пустынѣ. Караванъ нашъ шелъ подъ прикрытіемъ полуэскадрона турецкой кавалеріи и тридцати человѣкъ внутренней стражи—забтійе.

Эту ночь мы провели въ двадцати верстахъ отъ столицы въ лагерѣ пашемъ у *Ханъ-Азада*, довольно хорошаго каравансарая въ пустынѣ, гдѣ соединились съ англійскою и турецкою коммисіями, вышедшими изъ Багдада наканунѣ. На другое утро, въ 5 часовъ, мы выступили всѣ вмѣстѣ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, считая тутъ и конвой. Впереди шелъ эскадронъ уланъ, за нимъ турецкій коммисаръ и другой паша, командовавшій отрядомъ войскъ здѣсь расположеннымъ; потомъ слѣдовали европейцы; за нами гарцовали наши люди и тянулся длинный хвостъ каравана трехъ коммисій. По сторонамъ всего поѣзда шли два отряда забтійе, офицеры корпуса топографовъ и генеральнаго штаба трехъ націй заключали шествіе.

Сдѣлавъ верстъ восемь отъ каравансарая мы перешли черезъ знаменитый каналъ Fluvius regius, *Нахръ-Малька*, нынѣ почти сравненный съ пустынею. Онъ вырытъ былъ, какъ повѣствуютъ, Навуходоносоромъ съ тройною цѣлью, для соединенія Тигра съ Ефратомъ, для орошенія полей и для защиты Вавилона отъ разлива Ефрата. Но изъ Квинта Курція видно, что каналъ этотъ заглохъ еще до прибытія въ Вавилонъ Александра Македонскаго. По словамъ Рича, огромный левъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, рыскалъ по берегамъ Нахръ-Малька и былъ грозою путешественниковъ; но одинъ зобеидскій арабъ наконецъ доканалъ его.

Сильная жара заставила насъ остановиться около *Мызракчи-Чифте Хана*, очень хорошаго каменнаго каравансарая, къ которому мы подошли около девяти часовъ утра. Смѣшанный обѣдъ смѣшанной коммисіи былъ шуменъ и веселъ; послѣ обѣда послѣдовала партія въ вистъ, а въ четыре часа скомандовали подъемъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы остановились у каравансарая *Биръ-Эннусъ*, замѣчательнаго по глубокому колодцу своему, искусно выложенному каменными плитами, въ который спускаются къ водѣ по прекрасной лѣстницѣ. Здѣсь ловятъ соколовъ, съ которыми охотятся на газелей. Сѣвъ на голову этого прелестнаго животнаго, птица выклевываетъ ему глаза и предаетъ его такимъ образомъ въ руки охотника.

Сдѣлавъ всего верстъ тридцать пять отъ Мызракчи-Хана, мы пришли къ Хану *Мухаскиль*, гдѣ соснули часовъ до трехъ утра на уладныхъ кроватяхъ нашихъ въ открытой пустынѣ. Лагеря на этотъ разъ не разбивали, чтобы не замѣдлять выступленія въ дальнѣйшій путь.

Рѣшено было дѣлать переходы по ночамъ для избѣжанія солнечнаго припека.

Этотъ первый ночной переходъ нашъ показался мнѣ чѣмъ то волшебнымъ. Ночь была тиха и дышала прохладою; звѣзды и луна ярко сверкали надъ головами нашими; но пустыня была окутана таинственными тѣнями, посреди которыхъ мерцали огоньки отдаленныхъ арабскихъ костровъ у незримыхъ кочевій. Караванъ плелся въ тишинѣ; только слышно было побрякиванье бубенчиковъ вьючныхъ лошадей и муловъ; большая часть всадниковъ, болѣе или менѣе, дремала на сѣдлахъ; я же не могъ отвести глазъ отъ здѣшняго неба, полнаго неописаннаго величія и прелести и отъ огоньковъ въ пустынѣ. Отъ времени до времени раздавался въ сумрачной дали жалобный вой чекалокъ, тихое мяуканье хищнаго звѣря и вдругъ свиснетъ далеко, далеко какая нибудь ночная птица; или одно серебристое пѣніе кузнечиковъ нарушало торжественную тишину этой упоительной ночи. И всѣ эти звуки колыхались въ воздухѣ съ какою то особенною чистотою и нѣгою.

Что и разсказывать про эффекты разсвѣта, и постепеннаго освѣщенія этихъ, чистыхъ, какъ стекло, небесъ! Напрасно старался бы я дать о нихъ хоть блѣдное понятіе! Ночь и утренняя заря въ пустынѣ — это самая чудная поэтическая греза, какую только можно себѣ представить.

Не смотря на то, что утренній воздухъ усиливаетъ сонливость или нагоняетъ дрему на упорно открытые глаза, спутники мои стали, мало по малу, бодриться и сильнѣе жать колѣнями своихъ лошадей, потому что грунтъ все чаще и чаще пересѣкался довольно высокими грядами, означавшими окраины каналовъ, высохшихъ и заглохшихъ одновременно съ паденіемъ Вавилона, къ первымъ холмамъ котораго подъѣхали мы въ восемь часовъ.

Гряды этѣ слывутъ подъ названіемъ *Касри Хосроу*—дворца Хосроя, по остаткамъ древняго зданія, стѣны котораго сохранились съ удивительною свѣжестью (*). За ними, въ двухъ стахъ саженяхъ, течетъ Ефратъ посреди густыхъ пальмовыхъ рощей. Тутъ мы увидѣли отрытаго гранитнаго льва—неблистательное произведеніе искуства; а саженяхъ въ сорока отъ него тамарисковое дерево, единственное на всемъ необъятномъ пространствѣ вавилонскихъ холмовъ. Податливое воображеніе нѣкоторыхъ ученыхъ путешественниковъ видитъ въ немъ уцѣлѣвшій до нашихъ дней остатокъ одного изъ семи чудесъ свѣта, *висячихъ садовъ Семирамиды*. И въ самомъ дѣлѣ, дерево это, какъ нарочно, торчитъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, по соображенію, основанному на нѣкоторыхъ данныхъ Геродота и Діодора, долженъ былъ возвышаться дворецъ ассирійскихъ монарховъ, гдѣ, будто бы, окончилъ дни свои герой македонской. Мусульманы объясняютъ присутствіе здѣсь этого дерева по своему. Они называютъ его *атети* и разсказываютъ, что имамъ Али, послѣ битвы подъ Хиллой, пришелъ сюда отдохнуть и, воткнувъ въ землю пал-

(*) За подробными свѣдѣніями о развалинахъ Вавилона предлагаю желающимъ обратиться къ извѣстнымъ описаніямъ бывшаго резидента въ Багдадѣ Рича, Реннсля, Реймона, Бокингема, Фрезера, Керъ-Портера, Кеппеля и др.

ку, привязалъ къ ней коня своего; съ той минуты палка расцвѣла и стала деревомъ. Много вообще чудесъ шіиты разсказываютъ про этого Али: тамъ-вонъ лежитъ огромный утесъ, отсѣченный имъ отъ горы однимъ ударомъ своего обоюдуостраго *зульфикара*; здѣсь, на скалѣ, слѣды удара этого послѣдняго; далѣе, показываютъ они знаки, оставленные на гранитной плитѣ копытами коня его, пестраго *Дульдуля*; тутъ, онъ оставилъ на землѣ отпечатокъ ступни своей, когда возносился на небо!! Здѣсь, наконецъ, по молитвѣ имама, такъ же какъ и по молитвѣ Іисуса Навина, Богъ остановилъ солнце!!. На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ *совершилось* это чудо, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣнъ Хиллы, построена была мечеть *Месджидъ Эшшемсъ* (Солнечная мечеть), которую мы въ тотъ же вечеръ осмотрѣли. Маленькое зданіе это замѣчательно только своимъ минаретомъ, имѣющимъ видъ конуса, съ наружными лѣпными украшеніями, такими же, какъ и на куполѣ памятника Зобеиды въ Багдадѣ. Украшенія эти напоминаютъ собою наружность ананаса. На этой мечети, однакожъ, преданія мусульманъ перепутались, потому что гробницу, находящуюся подъ ея сводами, они приписываютъ Іисусу Навину. Евреи не признаютъ этой гробницы, также какъ не признаютъ и гробницы Іова, на которую мусульманы указываютъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда къ югу. За то они стекаются изъ далекихъ странъ на поклоненіе гробамъ пророковъ Эздры на Тигрѣ, по пути къ Басрѣ, и Іезекіила, которую мы посѣтили по выходѣ изъ Вавилонскихъ развалинъ.

Отъ Касра мы поднялись на высокіе холмы *Амранъ*, прозванные такъ по небольшому памятнику, въ которомъ, будто бы, схороненъ, съ семью своими товарищами, какой то герой хилльской битны, носившій это имя.

Оттуда мы пошли къ небольшой арабской деревушкѣ *Уардійе*, расположенной на самомъ Ефратѣ не вдалекѣ отъ г. *Хиллы*.

Не доходя до этого пункта, мы были встрѣчены начальникомъ здѣшнихъ войскъ, полковникомъ Тахиръ-Беемъ, однимъ изъ пріятнѣйшихъ турокъ, съ какими я когда-либо встрѣчался.

Изъ-за холмовъ Вавилона доносились до насъ веселые аккорды «Севильскаго Цирюльника», исполненные очень отчетливо хоромъ военной музыки; наконецъ, загремѣли и пушки, привѣтствуя приближеніе султанскихъ гостей. На одной сторонѣ дороги показались музыканты, на другой выстроенъ былъ почетный караулъ изъ роты низама.

Лагерь нашъ ожидалъ насъ. Не успѣли мы размѣститься и осмотрѣться, какъ уже стемнѣло, и намъ возвѣстили дивертисментъ.

Не буду описывать красотъ ночи; она не уступала ни на волосъ своимъ предшественницамъ. Луна еще была во всемъ блескѣ; но для пущей торжественности, сцена, очищенная около палатокъ для танцора, была освѣщена факелами. Разставленные люди удерживали жителей Уардійе и Хиллы, съ любопытствомъ толпившихся вокругъ и составлявшихъ живописныя группы, фантастически освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, воткнутыхъ въ землю. Четыре уродливыхъ араба усѣлись на землѣ, сложивъ подъ себя

ноги калачикомъ, настроили свои инструменты—пискливую скрипочку, на которой одинъ изъ нихъ игралъ какъ на віолончели, и азіятскую балалайку; у третьяго была *тарабука*, нѣчто въ родѣ длиннаго барабанчика, съ выемкой посерединѣ, для вставленія инструмента подъ мышки лѣвой руки; десять пальцевъ музыканта исполняли ловко должность барабанныхъ палокъ; у четвертаго въ рукахъ вертѣлись бубны и всѣ четверо заголосили вдругъ любовную пѣсню. Тутъ выступилъ на сцену плясунъ. Это былъ незабвенный для насъ Хамза.

Также какъ на развалинахъ Вавилона дано было намъ встрѣтиться съ пріятнѣйшимъ изъ турецкихъ полковниковъ, такъ же точно мы имѣли случай увидѣть тамъ лучшаго изъ восточныхъ плясуновъ.

Это былъ молодой арабъ, лѣтъ восемьнадцати, одѣтый въ разноцвѣтную шелковую женскую юбку, падавшую отъ пояса въ безчисленныхъ складкахъ; серебряный поясъ, съ большою того же металла бляхою, былъ тонкой работы; на рукахъ и ногахъ серебряные запястья и браслеты; куртка его была вышита золотыми узорами; на головѣ красная феска съ длинною синею кистью, а изъ-подъ нея висѣли его длинныя, черныя косы; ноги босыя. Онъ былъ высокъ ростомъ, очень строенъ, чрезвычайно смуглъ и нѣсколько рябоватъ; черты лица его были самыя обыкновенныя; но прекрасныя глаза блестѣли подъ черною бровью, какъ у всѣхъ арабовъ. Ловкость его, удивительная грація въ движеніяхъ и замѣчательный хореграфическій талантъ, каждую минуту вырывали у нашего общества громкіе знаки одобренія и выраженія удовольствія. Описать его танцы, продолжавшіяся не менѣе двухъ часовъ, безъ малѣйшей остановки, невозможно. Между прочимъ, они были замѣчательны совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ безстыдныхъ движеній, безъ которыхъ почти никогда не обходятся этого рода пляски. Наконецъ, Хамза подъ музыку выкинулъ одинъ tour de force, заслуживающій подробнаго описанія. Прекративъ внезапно свои порханья, онъ остановился и принялся кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ *вертящійся дервишъ*, съ постепенно-возростающею быстротою, такъ, что у насъ зарябило въ глазахъ. Не останавливаясь и, такъ сказать, не переводя духа, онъ снималъ съ себя одно украшеніе за другимъ и свои верхнія одежды; когда же остался въ этомъ полуодѣяньи, ему бросили изъ толпы толстое стеганое одѣяло, которое онъ принялъ на концы своихъ пальцевъ и, поднявъ руки высоко надъ головою, придалъ движеніемъ воздуха, совершенно горизонтальное положеніе одѣялу, подъ навѣсомъ котораго онъ продолжалъ крутиться вихремъ, не сходя съ первоначально избранной имъ точки и не показывая на лицѣ своемъ, какъ бы окаменѣвшемъ, ни малѣйшаго признака усталости. Потомъ онъ швырнулъ одѣяло въ толпу, откуда метнули ему два меча и, наконецъ, двѣ тарелки; съ ними онъ продолжалъ, все таки вертясь безъ остановки, выкидывать самыя ловкія эквилибрическія штуки; а затѣмъ, побросавъ все, что было въ рукахъ, въ сторону, онъ занялся своимъ туалетомъ, принимая на лету, подаваемые ему изъ толпы, одну одежду за другою, одно украшеніе за другимъ. Когда одѣванье было кончено, Хамза

остановился и раскланялся коммисарамъ; мы посмотрѣли на часы и, къ удивленію своему, увидѣли, что безостановочное верченье его продолжалось около часу, а онъ даже не запыхался и не отеръ лица своего.

Между тѣмъ, смѣшанный обѣдъ былъ поданъ, и во время стола гремѣла музыка и неутомимый Хамза порхалъ около насъ. Вмѣстѣ съ жаркимъ подано было *теплое* шампанское. Мотивы изъ Россиніевской Семирамиды раздавались въ то время, когда мы пили въ память этой великой царицы Ассиріи, въ память Навуходоносоровъ, Александровъ и за здоровье нашихъ отсутствующихъ друзей.

Тутъ, въ первый разъ мы замѣтили, что собственный лагерь нашъ представлялъ собою настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ. И въ самомъ дѣлѣ, было-ли какое изъ нарѣчій европейскихъ и азіятскихъ, которое бы не раздавалось между нами ежеминутно, считая господъ и людей!

Ночь эту изъ насъ, вѣроятно, никто не забудетъ.

На другой день, когда мы шли по улицамъ Хиллы, опять встрѣчи, опять музыка, опять почетный караулъ, и при переходѣ нашемъ по мосту, черезъ Ефратъ, опять пушечные выстрѣлы изъ орудій, поставленныхъ у другаго конца моста.

Не буду останавливать читателя передъ каждымъ холмомъ и передъ остатками древнихъ стѣнъ и грудъ кирпича, мусора, усѣянными битымъ стекломъ, кувшинами, иглами дикобраза; не остановлю его передъ углубленіями, гдѣ сотнями гнѣздятся летучія мыши, ни даже передъ прославленной *Муджаллибе*, о которой распространяются путешественники древнѣйшіе и новѣйшіе. Не буду приводить ни разныхъ повѣрій мѣстныхъ жителей объ этихъ развалинахъ, ни, между прочимъ, о присутствіи въ пустынѣ, ихъ окружающей, *дикихъ барановъ съ человѣческими лицами!* Обо всемъ этомъ можно прочесть въ упомянутыхъ мною сочиненіяхъ.

Но *Бирсъ-Нимрудъ*, у подошвы котораго мы разбили свой лагерь, не можетъ быть пройденъ мною совершеннымъ молчаніемъ. Ученые узнаютъ въ немъ несомнѣнные остатки того храма Бела, который видѣлъ и описалъ Продотъ и который вообще принимается за вавилонскую башню. Мы провели у этой почтенной развалины, занимающей возвышеннѣйшій изъ вавилонскихъ холмовъ, не менѣе двухъ часовъ, и закусили у ея основанія. Не вдаваясь въ подробное описаніе памятника, скажу только, что стѣны этого четыреугольнаго зданія построены частью изъ нежженыхъ, частью же изъ жженыхъ кирпичей огромныхъ размѣровъ, съ клинчатыми надписями; нѣсколько рядовъ этихъ послѣднихъ кирпичей переложены слоемъ отлично сохранившагося камыша и залиты смолою, что составило массу, до того затвердѣлую, что никакими усиліями нельзя отдѣлить отъ стѣнъ ни порошинки. Мы только могли взять на память по нѣскольку кусковъ камыша. Высота зданія, отъ подошвы холма до втораго этажа, котораго края высовываются изъ этой земляной массы, имѣетъ шестьдесятъ футовъ; вышина втораго этажа—двѣсти; верхняя часть, оставшаяся совершенно внаружѣ и возвышающаяся, какъ обломокъ

башни, у которой мы и расположились, тридцать пять; всего сто девяносто пять футъ или почти двадцать восемь саженъ. Весь памятникъ, передъ остатками котораго разрушеніе уже давно остановилось въ трепетномъ безсиліи, носитъ на себѣ всѣ признаки сильнѣйшаго пожара, въ особенности съ сѣверной стороны, гдѣ стѣны, облизанныя пламенемъ, покрыты витрификаціей всѣхъ цвѣтовъ, красной, желтой, голубой и широкими черными пятнами; глыбы обломковъ колоссальныхъ стѣнъ лежатъ въ этомъ направленіи, стремительно брошенныя на уступы высокаго холма, служащаго ему основаніемъ, размытаго потоками и усѣяннаго множествомъ обломковъ, кусковъ чернаго камня, песку и мрамора. Стѣны зданія покрыты небольшими четыреугольными скважинами, такими же какъ и въ Акеръ-Куфѣ.

«Если Бирсъ-Нимрудъ, говоритъ Хоферъ, есть въ самомъ дѣлѣ остатокъ вавилонской башни или храма Бела, надо сознаться, что это древнѣйшая въ свѣтѣ развалина!»

Александръ Великій, по свидѣтельству Страбона, напрасно употребилъ два мѣсяца и десять тысячь работниковъ, чтобы очистить отъ земли эту башню; онъ умеръ не достигнувъ своей цѣли.

«Это ли точно, говоритъ далѣе намъ, быть можетъ, слишкомъ скептическій французскій ученый, это ли точно тотъ знаменитый памятникъ, который Александръ Великій пытался очистить отъ земли? Согласиться съ этимъ, мнѣ кажется, такъ же трудно, какъ и оспоривать. Но какъ бы то ни было, достовѣрно то, что зданіе это, по своему возвышенію и пирамидальной постройкѣ, должно было какъ нельзя лучше служить для астрономическихъ наблюденій. Наконецъ, я полагаю, что мы не ошибемся, если признаемъ Бирсъ-Нимрудъ за почтенную развалину древней халдейской обсерваторіи».

Но храмъ Бела не могъ развѣ служить въ одно время и для религіозныхъ и для ученыхъ цѣлей, если принять въ разсчетъ связь, существовавшую у первыхъ людей, между астрономіей и богопоклоненіемъ.

Но вотъ и довольно объ этомъ предметѣ. Замѣчу только, что всѣ эти холмы давнымъ давно служатъ полемъ эксплуатацій, доставляя разнымъ еврейскимъ и другимъ барышникамъ обильную жатву антиковъ, состоящую изъ дорогихъ и недорогихъ вещицъ древней и иногда весьма искусной отдѣлки; между ними, вавилонскіе цилиндрики изъ металлической композиціи и дорогихъ камней, съ клинчатыми надписями и изображеніями, играютъ, быть можетъ, главную роль; цилиндрики эти, очевидно, служили у вавилонянъ вмѣсто печати. Множество этѣхъ вещей перешло въ кабинеты европейскихъ антикваріевъ и музеи. Пріобрѣли и мы всѣ по нѣскольку такихъ диковинокъ.

Съ высоты Бирсъ-Нимруда видны, на сосѣднихъ холмахъ, двѣ часовенки: одна, называемая *Макамъ-Ибрахимъ-Халиль*, на мѣстѣ, гдѣ по повѣрью мусульманъ, Авраамъ былъ поверженъ въ огненную пещь, по повелѣнію Немврода, будто бы глядѣвшаго на эту сцену съ высоты Бирса!!, другая, уже въ развалинахъ, слыветъ подъ названіемъ *Макамъ-Сахаби-Земанъ*. Сахаби-Земанъ (повелитель вѣка) есть прозваніе двѣнадцатаго имама Мехди;

неизвѣстно только какое отношеніе имѣетъ это мѣсто (Макамъ) къ жизни шіитскаго святаго.

Съ этого же возвышенія видѣнъ вдали каналъ *Хиндійе*, прозванный такъ потому, что онъ былъ вырытъ или возобновленъ иждивеніемъ какого-то индѣйскаго принца Навваба Шуджа-Эд-доуле. Онъ служитъ для проведенія воды въ Кербелу, для орошенія полей и оберегаетъ страну отъ разливовъ Ефрата.

Передъ закатомъ солнца мы простились съ этою чудесною развалиною и пошли къ *Кербелѣ*. Въ тотъ вечеръ мы успѣли сдѣлать верстъ тридцать до *Кефиля*, мѣстечка расположеннаго на возвышеніи, на которомъ стоитъ памятникъ пророка Іезекіила. Здѣсь живутъ бо̀льшею частью евреи, стерегущіе памятникъ, который привлекаетъ единовѣрцевъ ихъ на поклоненіе со всѣхъ концовъ свѣта.

Переходъ этотъ былъ замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что караванъ турецкаго коммисара и одинъ изъ нашихъ офицеровъ, потеряли въ пустынѣ дорогу, и только какой-то встрѣчный арабъ привелъ ихъ благополучно къ Кефилю.

Стоянка наша здѣсь составляла ненаглядную картину. Ночь была такая же, какую я описывалъ выше; высокій холмъ Іезекіила и на немъ памятникъ съ коническимъ шпилемъ; у подошвы его двѣ-три пальмы, изъ которыхъ одна, очень высокая, покосилась и не имѣла своего хохолка листьевъ на вершинѣ. Къ стволу каждой пальмы прикрѣплено было по нѣскольку фонарей и около нихъ групировались наши походныя кровати съ кисейными пологами. Палатокъ опять не разбивали. Съ высоты неба мѣсяцъ освѣщалъ этотъ чужеземный таборъ, съ невиданными въ странѣ затѣями и обстановкой. Все это, конечно, привлекало судорожное вниманіе туземныхъ жидковъ, показавшихъ себя намъ такими же фанатиками, какими мы повсемѣстно находили мусульманъ. Между ними, на тотъ разъ, былъ одинъ русскій еврей изъ Бѣлоруссіи, являвшійся къ нимъ въ Багдадѣ, но онъ не смѣлъ пикнуть и прятался.

Еврейскій фанатизмъ не помѣшалъ намъ однакожъ удостовѣриться собственными глазами, что гробница пророка не имѣетъ ничего особенно замѣчательнаго въ своей наружности.

Дорога дальнѣйшаго нашего слѣдованія была занята разливомъ, и мы въ семь часовъ утра, усѣвшись на лодки, поплыли, сначала цѣликомъ черезъ наводненіе, а часа черезъ два, промежду рисовыхъ полей и высокаго тростника по Нахревану, каналу, вырытому, какъ гласитъ преданіе, Семирамидой; а потомъ опять по разливу. Черезъ четыре часа плаванья мы достигли Куфы.

Куфа была основана при Омарѣ въ 636 г., послѣ паденія Ктезифона, и служила первымъ престольнымъ городомъ восточнаго халифата. Она была, въ свое время, богатѣйшимъ, цвѣтущимъ городомъ, и играетъ значительнѣйшую роль въ исторіи раскола, раздѣляющаго мусульманство на двѣ враждебныя

другъ другу секты суннитовъ и шіитовъ... Постараюсь объяснить его въ нѣсколькихъ словахъ.

По смерти Мухаммеда, первымъ халифомъ или намѣстникомъ его былъ Абубекръ, вторымъ Омаръ, третьимъ Османъ, четвертымъ Али, двоюродный братъ, зять и любимецъ Мухаммеда. Этотъ Али и есть патронъ шіитовъ, которые не признаютъ правъ первыхъ трехъ халифовъ и называютъ ихъ самозванцами и тиранами, тѣмъ болѣе, что Али погибъ мученическою смертью отъ руки Умміадскаго халифа Моавіи въ *Куфѣ;* что Хасанъ, сынъ Али, бывшій халифомъ въ Куфѣ, былъ отравленъ сыномъ Моавіи; что Хюсейнъ, другой сынъ Али, призванный жителями *Куфы* изъ Мекки для наслѣдованія брату своему, послѣ его смерти, прибылъ къ Ефрату въ сопровожденіи ста человѣкъ и въ окрестностяхъ Багдада, а именно тамъ, гдѣ теперь возвышается его гробница, въ Кербелѣ, называемой также *Мешхеди-Хюсейнъ* (мѣсто мученичества Хюсейна), былъ окруженъ войсками Езида, сына Моавіи, и послѣ кровопролитнаго побоища, палъ вмѣстѣ съ своими родственниками и, сподвижниками, задавленный числительностью непріятеля. Послѣ именъ первыхъ трехъ халифовъ, имена Моавіи, Езида и его полководца Шимра, проклинаются шіитами. Въ воспоминаніе встрѣчи и побоища съ Езидомъ и мученической смерти Хюсейна, подъ общимъ именемъ ашура (декада), они ежегодно справляютъ мистеріи, сопровождаемыя плачемъ. Мистеріи этѣ состоятъ изъ ряда драматическихъ представленій, обстановленныхъ съ большимъ великолѣпіемъ; а главное исполняются иногда и съ большимъ искуствомъ. Теперь Куфа—развалина, замѣчательная, это правда, но все-таки не болѣе какъ развалина. Имя ея значитъ плетень, плетеная ограда для жилья и всякій плетеный сосудъ; отъ этого, и описанное мною въ предъидущихъ главахъ суденышко, на которомъ испоконъ-вѣка плаваютъ по Тигру и Ефрату (называется такъ же).

Въ этомъ городѣ изобрѣтены были первыя арабскія письмена, такъ и извѣстныя подъ названіемъ *куфическихъ.* Посреди огромнаго параллелограма прекрасныхъ каменныхъ стѣнъ, составляющихъ священную ограду, намъ указали мѣсто, гдѣ палъ Али отъ руки своего противника и другое мѣсто, гдѣ учились корану сыновья его, шіитскіе мученики Хасанъ и Хюсейнъ; все это очень естественно и не похоже на выдумку, но въ то же время намъ указаны были мѣста намаза перваго человѣка!! Архангела Гавріила!! Ноя!! и многихъ мусульманскихъ угодниковъ, перечисленіе которыхъ было бы здѣсь совершенно лишнимъ. Намъ назвали съ полсотни именъ. Но вотъ камень изъ синяго мрамора, который Али бросилъ изъ Басры на это мѣсто! Высота его двѣ сажени, діаметръ аршинъ. Кто, обнявъ его, можетъ соединить пальцы обѣихъ рукъ, тотъ имѣетъ право надѣяться на всевозможныя удачи въ жизни! Такъ, есть, въ каирской мечети Амру, двѣ колонны, поставленныя въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Повѣрье считаетъ безгрѣшнымъ того человѣка, который проползаетъ между этихъ двухъ колоннъ... и потому тучнымъ у нихъ нѣтъ спасенья!

Али тѣло свое завѣщалъ положить на верблюда и похоронить тамъ, гдѣ остановится животное. Верблюдъ остановился въ безводной пустынѣ. Тѣло Али предали землѣ и около гробницы святаго построенъ былъ Неджефъ, называемый также мѣстомъ мученичества Али: *Мешхеди-Али*. Къ этому-то послѣднему городу, процвѣтающему въ пустынѣ, по милости персидскихъ поклонниковъ, также какъ и сосѣдній ему, близнечный городъ Кербела, и направили мы шаги свои. Шіиты составляютъ бо̀льшую часть населенія обоихъ городовъ. Несмотря на взаимную ненависть, они здѣсь уживаются съ суннитами, потому что зависятъ другъ отъ друга. Суннитскій элементъ представляетъ собою поземельное господство; шіитскій, содержитъ въ себѣ питательныя силы края. Нельзя повѣрить, какія суммы переносятся сюда изъ Персіи, Индіи и другихъ мѣстъ, вкладами, а главное издержками на прожитье! Чѣмъ богаче и знатнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе шансовъ, что онъ, на концѣ дней своихъ, переселится на жительство въ Неджефъ и Кербелу, гдѣ уже живетъ теперь большое число каджарскихъ и индѣйскихъ принцевъ.

Мы шли отъ Куфы всего одинъ часъ до Неджефа, гдѣ опять встрѣчены были выстрѣлами изъ орудій и почетнымъ карауломъ, и стали лагеремъ на городской площади, у самыхъ стѣнъ. Это была непріятнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ стоянокъ. Смертельная жара, пыль, миріады насѣкомыхъ, но болѣе всего, смрадъ отъ мертвыхъ тѣлъ, привезенныхъ наканунѣ изъ Персіи для погребенія въ этомъ священномъ мѣстѣ, не давали намъ покоя.

Шіиты не только стекаются сюда ежегодно десятками тысячь на поклоненіе, но привозятъ съ собою тѣла своихъ покойниковъ, положенныя въ деревянные ящики, и каждый день новыя пирамиды ящиковъ, съ этимъ зловоннымъ товарамъ, громоздятся на площадяхъ Кербелы и Неджефа, заражая собою городской воздухъ. Потомъ идутъ, съ ключарями мечетей и старостами, торги о мѣстѣ погребенія и иногда тѣламъ приходится дежурить на площади по нѣскольку дней, прежде чѣмъ состоится торгъ о ихъ послѣднемъ жилищѣ.

Храмъ неджефскій превосходный памятникъ съ золочеными узорчатыми куполами, со стѣнами, покрытыми великолѣпнѣйшими изразцами, съ непрерывнымъ на нихъ сплетеньемъ куфическихъ надписей, арабесковъ и цвѣтовъ. Вторженіе во внутренность храма было для насъ невозможностью. Одна мысль о немъ, посреди этого гнѣздилища иступленнѣйшаго фанатизма, была бы чудовищной нелѣпостью. И безъ того, толпы изувѣровъ, съ налитыми кровью глазами, на насъ устремленными, и съ громкимъ ворчаньемъ, ходили около насъ шпалерою и становились на пути ко входу въ храмъ, когда имъ казалось, что мы къ нему приближались.

Надо было видѣть неджефскихъ муллъ, во время ихъ визита турецкому коммисару. Мы тогда всѣ были у него. Весь этотъ чалмоносный кагалъ, съ лоснящимися бородами, пропитанными, по ихъ обыкновенію, розовымъ масломъ, бросая на европейцевъ косые, недружелюбные взгляды и размахивая четками, приводилъ, въ разговорѣ съ пашою, разные намеки изъ корана и хадисовъ (преданій) насчетъ нечестія и нечистоты христіанъ! Особенно отли-

чался одинъ рыжій дикарь, кажется, Муджтехидъ или духовный старшина. Съ пѣною у рта, съ горящими угольями въ глазахъ и съ восторженными жестами, декламировалъ онъ священныя тирады, клонившіяся къ тому, чтобы паша и не думалъ допускать невѣрныхъ до *высочайшихъ пороговъ* (атаботиалійотъ), какъ они называютъ эти два города. Паша успокоилъ фанатиковъ, какъ только могъ.

Мы долго любовались, съ одной городской возвышенности, постояннымъ разливомъ, называемымъ Неджефскимъ моремъ (Бахри Неджефъ), черезъ который, впродолженіе восьми дней тянутся караваны, идущіе отсюда въ Мекку.

Однажды одинъ караванъ, отправленный купцомъ Свободою въ Дамаскъ, былъ атакованъ въ этомъ разливѣ арабами, не смотря на то, что имѣлъ до двухъ сотъ человѣкъ конвоя; но арабовъ было до двадцати тысячь и на силу отъ нихъ отдѣлались, давъ имъ выкупу тысячу золотыхъ *игирмиликовъ* или тысячу рублей серебромъ.

Ночью мы пошли далѣе, провожаемые тѣмъ шумомъ и тѣми церемоніями, къ которымъ пріучилъ насъ Вавилонъ и Тахиръ-Бей, тогдашній его повелитель...

Пройдя восемь часовъ, мы остановились въ пустынѣ, подъ нашими палатками; а въ слѣдующую ночь, другіе восемь часовъ, впродолженіе которыхъ мы блуждали въ камышахъ, а передъ разсвѣтомъ чуть и не потеряли направленія, довели насъ, наконецъ, до *Кербелы*, знаменитой въ лѣтописяхъ шіитскаго толка. Пушки и тутъ не преминули задать намъ концертъ свой. Въ городѣ приготовленъ былъ для насъ домъ градоначальника, очень хорошее помѣщеніе, и сытный турецкій обѣдъ съ долмами и пилавами. Послѣ закуски ключари здѣшнихъ златоглавыхъ мечетей *Аббаса* и *Имама-Хюсейна*, богачи и вельможи здѣшняго общества, привели насъ въ свои великолѣпные дома, стоявшіе возлѣ самыхъ мечетей, и мы, съ широкихъ террасъ этихъ домовъ, выступавшихъ на подобіе балконовъ, могли въ подробности разсмотрѣть и наружность самихъ мечетей и ихъ дворы. Это было то же, или почти то же, что и въ Неджефѣ, и потому распространяться не буду о наружности храмовъ. Дворъ кипѣлъ народомъ, который все на насъ посматривалъ. Двое или трое изъ нашихъ людей-христіанъ, думая, что ихъ не узнаютъ подъ эгидою ихъ одеждъ, общихъ съ мусульманами, пробрались прехладнокровно на эту священную почву, но въ ту же минуту были узнаны. Батюшки! Какая пошла сумятица; бѣдняковъ, въ глазахъ нашихъ, чуть было не принесли въ жертву праху мучениковъ. На любопытныхъ горемыкъ посыпались проклятія и палочные удары; но каввасы наши ихъ вытащили во-время за двери. Досталось имъ таки!..

Между замѣчательностями Кербелы показываютъ мѣсто, называемое *Хыйме-га* (мѣсто палатки), гдѣ Аббасъ, для утоленія жажды Хюсейна, во время битвы съ войсками Езида, велѣлъ вырыть колодецъ. Вотъ что о жаждѣ Хюсейна разсказываетъ мистерія декады: Хюсейнъ взялъ въ правую руку

свою мѣхъ (кербе), наполненный водою, чтобы напиться. Одинъ изъ воиновъ непріятельской арміи отрубилъ ему эту руку; Хюсейнъ взялъ кербе въ лѣвую, воинъ отрубилъ и лѣвую; имамъ тогда схватилъ кербе зубами; непріятель распоролъ кербе саблею, и пролилъ всю воду. Мѣхъ этотъ названъ *Кербе-беля*, т. е. мѣхъ бѣдствія, или роковой мѣхъ, а въ сокращеніи—*Кербеля*; названіе это и осталось за городомъ, гдѣ умеръ имамъ мученическою смертью. Есть также въ *Мешхеди-Хюсейнъ* одно забавное повѣрье. Въ годовщину смерти Хюсейна, увѣряютъ шіиты, передъ гробомъ его бьетъ фонтаномъ кровь; но вотъ уже тридцать лѣтъ какъ это чудо не повторяется—вѣроятно, за смертью фокусника, его производившаго. Одинъ персіянинъ, въ избыткѣ фанатическаго изступленія, закололъ себя у фонтана, когда чудо было еще въ ходу.

Келиддары—ключари или старосты, угощали насъ хорошимъ чаемъ, превосходными шербетами. Эти господа разсказывали намъ про разграбленіе Кербеля Али-пашею, стоившемъ городу болѣе пяти сотъ тысячъ рублей серебромъ.

Богатства, скопленныя по милости вкладовъ, у гробницъ имамовъ въ этихъ двухъ городахъ, и въ подвалахъ храмовъ доходятъ, говорятъ, до баснословныхъ размѣровъ.

Кальяновъ, однакожъ, не подавали намъ, и мы въ Кербелѣ же имѣли случай, у одной кофейни, ознакомиться съ фанатическими выходками шіитовъ, которые не только христіанамъ, но даже и суннитамъ не даютъ курить изъ своей трубки, и не подадутъ имъ напиться воды изъ своихъ сосудовъ! Не разъ мнѣ, впослѣдствіи, приходилось видѣть, какъ персіяне, не имѣя возможности, по какой бы ни было причинѣ, отказать европейцу въ чашкѣ воды, при немъ же разбивали сосудъ этотъ, опоганенный, по ихъ понятіямъ, прикосновеніемъ *невѣрныхъ* губъ.

Помѣнявшись визитами съ Каджарскими принцами, стараго и молодого поколѣнія, здѣсь поселившимися, 9-го сентября мы выступили въ обратный путь черезъ Мусайибинъ, а оттуда, черезъ Мызракчи и Азадъ-ханъ, пришли въ Багдадъ.

Переходы наши и на этотъ разъ были ночью и потому не тяжкіе; послѣдняя же ночь была темна и мы шли уже съ зажженными фонарями и факелами. Эффектъ былъ удивительный! По пути мы встрѣтили много персидскихъ богомольцевъ и каравановъ съ гробами. Этѣ процессіи картинны и театральны въ высшей степени; красные значки коноводовъ или, если это ночью, то факелы, мелькающіе во мракѣ, какъ блудящіе огоньки, и отрывочное пѣніе стиховъ въ честь имама Али и имама Хюсейна, пѣніе торжественное, восторженное, производящее особенно поразительный эффектъ посреди ночной тишины, возвѣщаютъ издали приближеніе поклонниковъ. Между ними всегда множество женщинъ, скорючившихся, заодно съ старцами, больными и дѣтьми, въ своихъ *кеджовс* или перекидныхъ сидѣньяхъ. Эти будущіе или настоящіе *Кербелаи*, т. е. посѣтившіе Кербеля, не умѣютъ защищаться во

время нападенія арабовъ; и много ихъ попадается въ плѣнъ, или, разбѣгаясь въ пустынѣ, гибнетъ отъ жажды и всякаго рода лишеній.

Но пора проститься съ Багдадомъ и добраться до конечной точки пограничной линіи, береговъ Персидскаго залива. Остывшій воздухъ позволялъ намъ, наконецъ, на мѣстѣ приняться за работы наши.

V.

На Шаттъ-эль-арабъ.

Выступленіе изъ Багдада назначено было къ началу ноября. Пароходъ резиденціи «Тигръ» ожидалъ гостей своихъ; на немъ помѣстилось насъ одинадцать человѣкъ, считая капитана и его офицеровъ. Множество судовъ нанято было четырьмя коммисіями. На нихъ пошли паша и ханъ, со своими свитами, домомъ и вещами, также какъ и англійскіе и русскіе офицеры. Лошади отправлены были подъ прикрытіемъ нашего сильнаго конвоя при двухъ орудіяхъ, правымъ берегомъ Тигра, на *Сукъ-Эшшуюхъ* (Базаръ шейховъ) и *Зобеиръ*, къ *Басръ*.

Наконецъ, огромная флотилія смѣшанной коммисіи, каждая подъ національнымъ флагомъ своимъ, по данному знаку, поплыла внизъ по Тигру. Никогда еще берега эти не видали подобнаго зрѣлища и, во всякомъ случаѣ, русскій флагъ въ первый разъ еще развѣвался на библейской рѣкѣ.

Воды благороднаго Тигра, бѣгущія посреди дремлющихъ береговъ своихъ, внезапно оживились необыкновеннымъ движеніемъ. Въ первый разъ привелось ему служить проводникомъ благородной цѣли умиротворенія, просвѣщеннаго и дружелюбнаго вмѣшательства европейцевъ въ политическія распри, разъединяющія два великія мусульманскія государства. Онъ до сихъ поръ носилъ на себѣ одни товары, или турецкихъ солдатъ, отправляемыхъ, отъ времени до времени, на драку съ сосѣдями. Пароходъ резиденціи, служащій для индѣйской корреспонденціи, уже нѣсколько лѣтъ составлялъ исключеніе въ этомъ общемъ положеніи дѣлъ; но и онъ никогда до сихъ поръ не служилъ общему дѣлу съ такимъ видимымъ безкорыстіемъ и такою предупредительностью. Береговые арабы уже приглядѣлись къ пароходу; но въ началѣ, они называли его, да многіе изъ нихъ и теперь еще называютъ, по привычкѣ, *чортовымъ судномъ*; и въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли не поражать этихъ дикарей быстрота, съ которою пароходъ пробѣгаетъ пространство отъ Багдада до Басры, и въ особенности изъ Басры до Багдада, противъ теченія, для чего ихъ лодки употребляютъ, при попутномъ вѣтрѣ, отъ двѣнадцати до пятнадцати дней, а при безвѣтріи и до тридцати дней, тогда какъ *чортово судно* пробѣгаетъ пространство это меньше чѣмъ въ трое сутокъ при всякой погодѣ!

Мы же шли на немъ до Басры двадцать дней; мы не торопились, а останавливались на каждомъ шагу, чтобы пострѣлять на берегахъ кабановъ, зайцевъ, франколиновъ, которыхъ, такимъ образомъ, въ первые же два дня, настрѣлено было ровно двѣсти штукъ. А не торопились мы для того, чтобы дать время паруснымъ судамъ добраться до мѣста, расположить и устроить нашъ лагерь; иначе пришлось бы намъ жить безъ вещей своихъ подъ открытымъ небомъ.

Для бо́льшей ясности я долженъ прежде всего сдѣлать маленькое описаніе мѣстности, гдѣ мы должны были собраться и основать нашъ лагерь.

На южной оконечности турецко-персидской границы, у Персидскаго залива, стоитъ арабскій городокъ *Мухаммера*, столица *Хаджи-Джаберъ-Хана*, шейха сильнаго колѣна *Чябскаго* племени. Онъ расположенъ на широкой рѣкѣ *Хаффаръ*, соединяющей *Шаттъ Эль-арабъ* (арабскую рѣку) съ р. *Каруномъ* (Паситигрисъ древнихъ). Островъ *Хыдръ*, отрѣзанный отъ материка Хаффаромъ, который очень похожъ на каналъ, прорытый рукою человѣка, быть можетъ и Александромъ, во время его плаванья изъ Сузы къ Эритрейскому морю, по Элеусу и Каруну, отдѣляетъ Мухаммеру отъ Персидскаго залива; а отъ этого городка до Басры, сухимъ путемъ, всего восемь часовъ. Орошаемый съ такимъ изобиліемъ, край этотъ, при благодатной почвѣ своей, при могучемъ солнцѣ, его согрѣвающемъ, при своемъ здоровомъ благорастворенномъ воздухѣ, могъ бы сдѣлаться садомъ земнаго шара; а пользуясь великолѣпнѣйшею якорною стоянкою въ безопасномъ Хаффарѣ, самымъ выгоднымъ положеніемъ на перепутьи въ Индію, Мухаммера соединяетъ въ себѣ главнѣйшія условія для достиженія высшей степени благосостоянія и процвѣтанія. Но неопредѣленность ея политическихъ отношеній къ двумъ сосѣднимъ мусульманскимъ государствамъ, на точкѣ соприкосновенія которыхъ она стоитъ; постоянная вражда между этими послѣдними, вражда жертвою которой она становилась уже не разъ; самоуправство, безтактность, или нерадѣніе, невѣжество и алчность пограничныхъ властей обѣихъ сторонъ, а оттого и неурядица, царствующая на границѣ и исконная вражда между арабскими племенами, населяющими край, и этѣ вѣчныя ссоры, вѣчная кровь между ними и вѣчныя драки въ открытомъ полѣ или внезапныя другъ на друга нападенія, все это какъ будто сговорилось, чтобы держать въ первобытной неразвитости, въ мертвенномъ застоѣ и запустѣніи этотъ замѣчательный уголокъ земли.

Мухаммера, однимъ словомъ, стоитъ въ пустынѣ, гладкой какъ паркетъ и бывшей когда-то морскимъ дномъ; пальмовыя рощи, по берегамъ рѣкъ, однѣ оживляютъ окрестность ея; между рядами деревьевъ нѣсколько лоскутковъ пашень и огородовъ составляютъ пріятное исключеніе...

Городъ состоитъ изъ дрянныхъ домишекъ, сложенныхъ изъ кирпича, еще сносныхъ снаружи, но внутри похожихъ на стойла. Быть можетъ, нѣсколько харемныхъ отдѣленій и устроены, относительно, съ изысканностью, но и это сомнительно. Бо́льшая же часть строеній ниже всякой критики: это все пле-

теныя или рогожныя хижинки или землянки, похожія болѣе на логовища дикихъ звѣрей, чѣмъ на обиталища людскія. Базары—это насмѣшка надъ всѣми базарами, а казалось бы имъ ли не процвѣтать? Товары Европы и Индіи жедневно проходитъ мимо самой Мухаммеры...

И потому, гдѣ было намъ найти себѣ пріютъ на берегахъ Хаффара, иначе какъ въ своемъ лагерѣ?!

И такъ мы шли, не шли по Тигру, и не могли очень пожаловаться. Жаркое время миновало; во многихъ мѣстахъ берега зеленѣлись; пальмовыя рощи очень часто появлялись по обѣимъ сторонамъ рѣки; куты и развалины древнихъ зданій, какъ будто выскакивали изъ воды при нашемъ приближеніи. Тутъ и тамъ нарисуется на берегу верблюдъ, арабъ или арабка, заяцъ или чекалка, стадо барановъ, часовенка, всадникъ въ буромъ плащѣ на сѣрой тощей кобылѣ и съ копьемъ на плечѣ.

Однажды, два такихъ молодца подскакали изъ глубины пустыни къ самому берегу; начали махать намъ и кричать изо всей силы; пароходъ шелъ посреди рѣки на полныхъ парахъ, капитанъ былъ чѣмъ-то занятъ.

Ему доложили и онъ скомандовалъ, стопъ! Спустили шлюбку, послали къ берегу, чтобы узнать въ чемъ дѣло... Оказалось, что джентльмены пустыни имѣли надобность въ горсти курительнаго табаку. И капитанъ Джонсъ... послалъ имъ фунтъ табаку въ подарокъ. Вотъ какимъ образомъ задобриваютъ англичане этихъ дикарей и уступчивостью и обходительностью популяризируютъ въ странѣ имя *инглизи*. Пароходъ, со всѣми своими гостями, потерялъ около часу времени, чтобъ исполнить прихоть двухъ наглыхъ оборванцевъ пустыни!

Время проходило очень пріятно между бесѣдою, сытными завтраками, вкусными обѣдами съ непремѣнными блюдами картофеля и риса, замѣнявшими хлѣбъ, со всевозможными пикльсами и индѣйскими пикантностями, въ родѣ *кери* и разныхъ *четни* или перцовыхъ соусовъ и сой, съ *шери*, *кларетомъ*, шампанскимъ, и одного элю выпито было, девятью человѣками общества, между Багдадомъ и Басрой, семьдесять одна дюжина бутылокъ; это фактъ. Я былъ все время болѣнъ нервами, сидѣлъ въ шубѣ на палубѣ, мало ѣлъ и вовсе не пилъ. Весь этотъ запасъ напитковъ остался на душѣ у восьми англичанъ и у одного француза. Въ концѣ стола никогда не обходилось безъ пѣсенъ и, по англійскому обычаю, всѣ собесѣдники пѣли поочереди, а иногда и хоромъ; и часто смѣялись до слезъ. Одинъ изъ офицеровъ парохода, между прочимъ, человѣкъ старый и серьозный, наклонивъ голову и насупившись, пѣлъ каждый вечеръ одну и ту же пѣсню погребальнымъ голосомъ, хотя пѣсня была презабавная. Она вызывала постоянно общій хохотъ и крики одобренія; а между тѣмъ обычное: *позвольте выпить съ вами рюмку вина*, перелетало безпрестанно черезъ столъ отъ одного собесѣдника къ другому, и за этими словами двое брались за рюмку, серьозно глядѣли другъ на друга, кивали головою и отправляли въ ротъ вино.

Мы проѣхали, не останавливаясь, мимо *Кутъ-эль-Амара*, большаго селенія,

лежащаго почти на полпути между Багдадомъ и Басрой. Селеніе это, состоящее изъ хижинъ и окруженное четыреугольною стѣною, служитъ мѣстомъ пребыванія главному шейху сильнаго племени Бениламовъ. Отсюда отходитъ *Шаттъ-эль-хай*, значительный рукавъ Тигра, впадающій въ Ефратъ. За Кутомъ прошли мы мимо *Алъ-Шарги*, часовенки подъ сѣнью сикоморовъ и пальмъ,—то самое мѣсто, гдѣ *Али оставилъ отпечатокъ—ноги своей на землѣ*; мимо разныхъ кочевій; мимо живописной гробницы пророка *Эздры*, съ ея куполомъ, покрытымъ изразцами бирюзоваго цвѣта и посреди неизбѣжныхъ пальмъ. Тутъ, говорили, водится много дичи, между прочимъ бекасовъ и водяныхъ рыбъ, пеликановъ, гусей, лебедей, фламинго; и часто львы забѣгаютъ сюда.

Бо̀льшею же частью оба берега смотрѣли на насъ потухшими глазами безжизненной пустыни и наводили тоску.

Однажды утромъ, я проснулся въ обыкновенное время, около восьми часовъ и, одѣвшись, поднялся на палубу; все общество уже было тамъ , облокотясь на борты парохода, смотрѣло въ бинокль на берега.

«Что это вы, господа, поднялись такъ рано, и на что вы смотрите?»

«О!... Гдѣ вы были?

«А что такое?

«Да мы только что миновали Корну...»

«Гдѣ, гдѣ она?»

Я бросился къ кормовой части, приставилъ бинокль къ очкамъ своимъ, глядя на сѣверъ, но Корны уже не было видно. Мы плыли по *Шаттъ-эль-Арабу*. Оставалось мнѣ въ утѣшеніе обратиться съ упреками къ моимъ спутникамъ... Но тѣ не хотѣли будить и тревожить больнаго товарища, вотъ была ихъ отговорка!

А досадно мнѣ было ужасно! И такъ, я не увидѣлъ того мѣста, гдѣ, по мнѣнію *нѣкоторыхъ*, былъ земной рай!! И такъ, я не видѣлъ, какъ Тигръ сбѣгается съ Ефратомъ... Я зналъ, правда, что Корна, *Апамеа* или *Дигбе* древнихъ, представляетъ собою жалкое, грязное, ничѣмъ незамѣчательное арабское селеніе; что окрестность ея — голая пустыня, рѣшительно ничѣмъ не оправдывающая собою идею о земномъ раѣ; наконецъ, я въ жизни своей видѣлъ много сліяній двухъ рѣкъ или двухъ рукавовъ рѣки, и увѣренъ былъ, что въ этомъ отношеніи Тигръ и Ефратъ не явили бы глазамъ моимъ ничего чрезвычайнаго и особеннаго. Но обаяніе, заключающееся въ идеѣ о какомъ нибудь замѣчательномъ предметѣ, въ дѣйствительности совершенно ничтожномъ, бываетъ сильнѣе впечатлѣній, производимыхъ самыми картинными, любопытными явленіями.

Отъ Корны оставалось сорокъ миль до *Басры* и мы добрались до нее на слѣдующее утро.

Пароходъ бросилъ якорь противъ *Магиля*, каменнаго магазина пароходовъ ост-индской компаніи, на правомъ берегу Шаттъ-эль-араба, имѣющаго здѣсь четверть мили ширины. На противоположномъ берегу указали намъ,

посреди пальмовой рощи, на полуразрушенный кутъ *Гырдилянъ*. Другихъ строеній нигдѣ не было видно. Гдѣ же Басра?

Ее не видно съ рѣки; она ушла отъ береговъ ея верстъ на семь во внутренность пустыни, гдѣ лежитъ посреди безграничныхъ разливовъ, грязи и вони, жалкая, полуживая отъ небреженія и злокачественнѣйшихъ въ мірѣ лихорадокъ, съ дрянными домишками, изъ которыхъ мало который заслуживаетъ это названіе—все это бо́льшею частью мазанки; но и дома и лавки грязные, полуразрушенные, на три четверти ихъ числа, заколочены; хозяева или больны, или умираютъ, или умерли. Мы не видали тутъ на улицахъ ни одного здороваго лица. Кругомъ насъ бродили, какъ тѣни, люди съ желтыми, отекшими лицами, дѣти съ раздутыми животами, на тоненькихъ ножкахъ.

Мы не могли попасть въ городъ до морскаго прилива, который два раза въ сутки наполняетъ водою канавку, проведенную отъ города къ рѣкѣ. По узенькой канавкѣ этой могутъ ходить только мѣстныя лодки, сдѣланныя изъ дупла дерева, такъ называемыя *душегубки*, которыхъ мы видѣли, даже въ меньшихъ размѣрахъ, и въ Багдадѣ. А душегубки онѣ потому, что при малѣйшей зыби, при малѣйшемъ неловкомъ движеніи, онѣ опрокидываются вверхъ дномъ. Разсѣвшись въ нѣсколько душегубокъ, которыми управлялъ арабъ, стоя на носу, мы пустились по канавкѣ, изумившей насъ тропическою растительностью своихъ береговъ; широкія листья растеній безпрестанно шаркали по нашимъ шапкамъ, а изъ-за нихъ выглядывали на насъ какія-то привидѣнія. Черезъ полчаса мы были въ домѣ агента ост-индской компаніи, зажиточнаго армянина, и—нечего скрываться... если на улицахъ ни одно существо человѣческое не польстило глазамъ нашимъ, за то въ домѣ Ага-Парсеха они разбѣжались при видѣ цвѣтущей здоровьемъ и плѣнительною красотою его дочери. Сидя на диванахъ гостинной агента, куда пожаловала и красавица, въ своемъ живописномъ восточномъ костюмѣ, по настоятельному требованію капитана Джонса, видавшаго ее прежде и желавшаго угостить наше зрѣніе давно невиданнымъ и лакомымъ зрѣлищемъ, мы въ безмолвіи любовались ею.

Это правда, что она, изъ восточнаго приличія, не сказала съ нами ни слова; правда и то, что когда одинъ изъ нашего общества подалъ ей великолѣпный букетъ цвѣтовъ, она преспокойно положила его на диванъ и усѣлась на букетъ со всею возможною граціей, но въ Басрѣ ли намъ было удивляться отсутствію свѣтскости въ обращеніи и пріемахъ дамъ!

Басра была построена, одни говорятъ, Омаромъ, другіе—Траяномъ; но достовѣрно только то, что она занимала прежде мѣсто настоящаго города *Зобеира*, въ двухъ миляхъ далѣе въ пустынѣ.

Кто бы, глядя на нынѣшнюю Басру, повѣрилъ, что она была нѣкогда великолѣпнѣйшею столицею халифовъ, отличалась богатствомъ своихъ дворцовъ и роскошными садами, славу которыхъ увѣковѣчила, между прочимъ, Шехеразада!

Нѣтъ сомнѣнія, что Басра близится быстрыми шагами къ своему совер-

шенному исчезновенію. Наводненія размоютъ ея земляныя строенія, тифозныя лихорадки изведутъ ея жителей.

Она славится пока самыми лучшими въ мірѣ финиками, изъ которыхъ нѣкоторые роды служатъ для производства очень крѣпкой и очень вкусной водки, и своею зеленоватаго цвѣта глиною, употребляемою въ азіятскихъ баняхъ для смягченія кожи.

Въ тотъ день мы отобѣдали, въ послѣдній разъ до Мухаммеры, у англичанъ, въ палаткѣ, разбитой возлѣ Магильскаго магазина.

А на другой день утромъ вступили въ Хаффаръ, при громѣ одного выстрѣла изъ испорченной пушки на турецкомъ кораблѣ, произведенномъ въ это достоинство изъ небольшаго арабскаго судна съ обгрызанными временемъ боками, и бросили якорь подъ стѣнами Мухаммеры.

Лагерь европейскихъ коммисій, съ небольшимъ промежуткомъ между русскими и англійскими палатками, красовался на гладкой равнинѣ, будто угрунтованной нарочно. Передній фасъ его былъ обращенъ въ пустыню, гдѣ, на разстояніи какой нибудь версты, зеленѣлась пальмовая роща. Въ тылу у него былъ берегъ Хаффара, отъ котораго отдѣленъ онъ былъ группою пальмъ и огородовъ; справа былъ такъ называемый городъ; слѣва, до самаго Шаттъ-эль-араба, тянулись рощи, пашни, огороды. Лучшаго лагернаго мѣста, лучшаго плацъ-парада нельзя себѣ представить.

Въ одно время съ нами прибыла персидская коммисія, а дня черезъ два пожаловалъ и Дервишъ-паша. И составной лагерь нашъ принялъ не шуточные размѣры. Считая турецкія и персидскія войска, регулярныя и иррегулярныя, насъ было около тысячи человѣкъ; 4 орудія, съ паркомъ своимъ, составляли главную нашу силу.

По вечерамъ гремѣли зоревыя пушки двухъ мусульманскихъ лагерей, раздавалась дробь барабанная и неприхотливое завыванье персидскихъ горновъ. Ночью же, подъ самымъ ухомъ у насъ выли чекалки.

Тутъ открылись наши конференціи и продолжались до іюня 1850 года.

М. Гамазовъ.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ СИЛЫ.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.)

— Ну ужъ этого вамъ не удастся, господа, что бы обложить казенные лѣса наровнѣ съ владѣльческими! Ужъ это, знаете-ли, какъ вы тамъ хотите, а сдѣлать вамъ не дозволятъ—вотъ что-съ! Лучше, знаете-ли, ужъ это вы бросьте!

Такія слова съ азартомъ были произнесены старымъ, отставнымъ лѣсничимъ, съ торчащими сѣдыми усами, изображавшими собою нѣчто въ родѣ щетки, посредствомъ которой снимается съ потолка паутина. Старый лѣсничій проповѣдывалъ вышеизложенную истину въ многолюдной компаніи съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ гласныхъ, такъ какъ черезъ день назначено было въ томъ уѣздномъ городкѣ, въ который я переношу читателя, первое земское собраніе.

Компанія эта собралась потолковать о предстоящемъ новомъ дѣлѣ, въ домѣ одного изъ мѣстныхъ гражданъ-домовладѣльцевъ, который, не смотря на свое природное тупоуміе, считалъ себя человѣкомъ передовымъ и любилъ, что-бы всѣ подобнаго рода сходки собирались именно у него, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ. Такъ какъ хозяинъ не жалѣлъ при этомъ ни вина, ни закуски, то, понятно, что пріѣзжій народъ охотно собирался у него, тѣмъ болѣе, что въ плюгавомъ городкѣ другаго и мѣста не было; причемъ на хозяина обращали такое-же вниманіе, какъ въ трактирѣ на полового; даже звали-то всѣ его, почему-то, не полнымъ именемъ, а попросту Петинькой, или Петрушей, хотя Петруша былъ человѣкъ уже женатый и семейный.

— Почему-же это вы, Семенъ Андреичъ, говорите все: *вамъ* не удается, *вамъ* не позволятъ, когда вы и сами гласный? Вѣдь все это относится на столько-же и къ вамъ самимъ, насколько и къ намъ. Дѣло-то, вѣдь, у насъ общее! — замѣтилъ одинъ изъ публики разгорячившемуся лѣсничему.

Замѣчаніе это, впрочемъ, пропало безслѣдно, потому что старый лѣсничій, разгорячившись, терялъ способность что нибудь слышать и видѣть. Не обративъ никакого вниманія на замѣчаніе оппонента, онъ продолжалъ:

— Я съ этимъ дѣломъ, господа, знаете-ли, знакомъ близко и могу вамъ заявить, что казенные лѣса мѣстами такъ жестоко порублены, что иногда на пяти-шести верстахъ кругомъ ничего вы, кромѣ малинника, не встрѣтите! Вѣдь это только по дорогѣ-то вамъ деревья въ глаза бросаются, такъ что вы думаете это лѣсъ дремучій, а подите-ко въ глубь—только плѣшь да лысина и больше ничего-съ! Ну, какъ-же, знаете, послѣ этого, облагать-то подобные лѣса наравнѣ съ другими, непорубленными? Нѣтъ, ужъ объ этомъ лучше бросьте и думать, господа: неудастся!

—Энто ужъ мы опосляувидимъ: обложимъ-ли мы, не обложимъ-ли, али-бы насъ обложатъ, замѣтилъ одинъ, солиднаго вида, купецъ—а вотъ, подумать бы надо: каво мы въ предсѣдатели-то себѣ выберемъ? Вѣдь, хоть шаромъ покати!

— А предводителя если? заикнулся кто-то.

— Не пойдетъ!

Извѣстное дѣло—не пойдетъ! подхватило нѣсколько голосовъ — была ему неволя идти! Онъ и изъ предводителей-то наровитъ только, какъ-бы удрать... а вотъ-бы господа, Ѳедора Антоныча въ предсѣдатели-то? Вотъ ужъ былъ-бы у насъ предсѣдатель!

Рѣчь шла про уѣзднаго судью, котораго большинство купечества любило за его отмѣнное смиренство и умѣнье умиротворить. Иной разъ, посмотришь, дѣло-то и уголовщиной пахнетъ, а какъ примется за него Ѳедоръ Антонычъ—и выйдутъ одни только пустяки, вниманія нестоющіе. Разъ, прикащики зазывали при въѣздѣ въ городъ деревенскихъ мужиковъ съ хлѣбомъ, да одного и уходили до смерти, потому что сопротивляться вздумалъ; дѣло, кажись, важное, а все уладили, и все благодаря миротворнымъ способностямъ Ѳедора Антоныча: вотъ-бы мировымъ-то судьей! — говорили многіе. При всемъ этомъ, судья и взятокъ не бралъ. Каждый, конечно, зналъ, что Ѳедоръ Антонычъ въ шесть лѣтъ службы успѣлъ сколотить тысченокъ десятокъ, не скряжничая и не отказывая себѣ ни въ чемъ; но каждый зналъ также, что все это онъ просто выигралъ въ карты и, притомъ, самымъ честнѣйшимъ манеромъ. Кто имѣлъ въ судѣ дѣльце, тому и проиграть было даже лестно, потому что услужливый Ѳедоръ Антонычъ все-то во время игры объяснитъ и всѣ пути укажетъ. Однимъ словомъ, не человѣкъ, а чистое серебро.

Не всѣ, однако, признавали Ѳедора Антоныча за чистое серебро; нѣкоторые считали его чѣмъ-то въ родѣ ляписа, который тоже, хотя изъ серебра-же дѣлается, но свойства имѣетъ опасныя. По этому, и вопросъ о выборѣ Ѳедора Антоныча въ предсѣдатели возбудилъ сильнѣйшія пренія. Многіе изъ гостей, въ пылу спора, сошли даже съ мѣстъ и разбились на группы. По крику и оранью, поднявшимся въ комнатѣ, можно было заключить, что въ гласные выбрали всѣхъ этихъ господъ совершенно основательно: голоса у всѣхъ оказались здоровенные, что твои колокола!

Въ это самое время въ сосѣдней, затворенной комнатѣ раздался взрывъ хохота и, притомъ, такой сильный, что заглушилъ даже оранье дѣловыхъ людей, и въ дверь влетѣла молодая хозяйка дома, съ картами въ рукахъ.

— Pierre, Pierre, гдѣ ты? Иди скорѣе: посмотри пожалуйста!.. Скорѣе Pierre!... проговорила хозяйка, задыхаясь отъ смѣха...

Pierre, принимавшій живое участіе въ земскомъ спорѣ, а въ особенности въ интересномъ вопросѣ объ уѣздномъ судьѣ, разумѣется бросилъ все и побѣжалъ къ женѣ. За нимъ послѣдовали нѣкоторые изъ гласныхъ.

— Что такое? что такое Соня? скажи, а? Что тамъ такое?.. бормоталъ встревоженный Pierre, отличительной чертою котораго было необыкновенное, чисто женское любопытство.

Оказалось, что въ угловой комнатѣ публика занималась игрою въ рамсъ, придуманный, какъ извѣстно, взамѣнъ стуколки. Взрывъ хохота произошелъ отъ того, что одна изъ играющихъ неудачно взяла плохой рамсъ въ то время, когда на столѣ стоялъ большой ремизъ. Расчетливаа барыня чуть не заплакала, и это обстоятельство именно и послужило поводомъ къ взрыву хохота. Даже самъ уѣздный судья — худой господинъ, съ лицомъ сѣропепельнаго цвѣта — и тотъ сложилъ такимъ образомъ губы, что можно было подумать, будто и онъ тоже захохоталъ.

— Ахъ, Pierre, сказала хозяйка, разъяснивъ ему въ чемъ дѣло— ну, что тебѣ за охота тамъ, о какомъ-то земствѣ толковать? Присѣлъ бы вотъ лучше!

— Нельзя же, Соничка, вѣдь дѣло это очень важное, современное— оправдывался Pierre, прилаживаясь къ женинымъ картамъ...

— О, Господи! проговорила жена, съ улыбкой—ужъ и важное! Кто бы ужъ говорилъ, только не ты! Вѣдь какъ говоритъ-то серьезно, точно ему въ самомъ дѣлѣ...

— Конечно важное, Соничка, подтвердилъ Pierre, вглядываясь все

пристальнѣе и пристальнѣе въ женины карты.—Ты, конечно, и сама знаешь, въ какомъ печальномъ положеніи находится у насъ это... ну, тово... Мы давно ужъ ждемъ тово, какъ ево? ну... Ахъ, Соничка, да что же ты это дѣлаешь-то? закричалъ онъ, совершенно неожиданно, круто повернувъ разговоръ—да зачѣмъ же ты съ девятки-то ходила? Ахъ, Господи! Ну-ну-ну смотри, ну-смотри!.. съ этими словами онъ даже схватился за женины карты.

— Петръ Васильичъ! строго произнесла одна изъ играющихъ, дама пожилая и весьма почтенной наружности—вы смотрите въ чужія карты, вмѣшиваетесь въ игру, это непозволительно!

— Извините, пожалуйста, отвѣтилъ Pierre—я вѣдь такъ только, на одну секунду; мнѣ опять сейчасъ нужно туда, по земскому дѣлу... Я вѣдь, тово... Ахъ, Соничка! Закричалъ опять онъ въ страшномъ волненіи — ну какъ же это можно? Вѣдь ты ее опять изъ капкана-то выпустила!

— Петръ Васильичъ! заговорила опять та же солидная дама, которую, по мнѣнію Петруши, только что выпустили изъ капкана—позвольте вамъ замѣтить, что я такъ не играю! Я вамъ ужъ замѣтила, кажется, разъ: неужели вамъ этого мало?

Солидная дама съ достоинствомъ сложила свои карты на столъ и, даже отодвинула нѣсколько стулъ.

— Послушай, Pierre! замѣтила, наконецъ, и жена—ты вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мѣшаешь только! Дѣлай что нибудь одно: либо съ нами садись, или въ земство тамъ свое иди!..

— Мой гольцъ! Володька, отдай мнѣ гольцъ! Папа, Володька гольцъ у меня отнялъ!.. Всѣ этѣ отрывистыя фразы, пронзительно выкрикиваемыя дѣтскимъ голосомъ, послышались изъ дальней комнаты. Крики сопровождались страшнымъ ревомъ и еще чѣмъ-то похожимъ на глухіе удары дѣтской руки по нѣжному, дѣтскому лицу.

— Что такое, что еще тамъ за шумъ? Спросили заразъ и мужъ, и жена. Pierre, сказала жена—сходи, пожалуйста, туда, угомони ихъ, мнѣ некогда! Ахъ, Господи, какіе несносные!

Въ дальней комнатѣ дѣтей оказалось множество. Кромѣ четверыхъ своихъ собственныхъ, были еще и чужія, потому что туземныя маменьки, отправляясь на ночь на карточную игру, имѣли обыкновеніе забирать съ собою и ребятъ съ няньками.

Гвалтъ между дѣтьми поднялся изъ-за картъ. Дѣти играли въ стуколку и одинъ изъ игравшихъ, постарше, отнялъ у другаго, по праву сильнаго, взятый имъ гольцъ, и въ добавокъ, вцѣпился обиженному въ

волосы. Ревъ поднялся ужаснѣйшій: точно въ овчарнѣ, въ которую загнали нѣсколько сотъ голодныхъ овецъ.

— Володя, зачѣмъ ты братнинъ гольцъ взялъ? внушительно проговорилъ отецъ, который, покуда не выходилъ изъ себя, обращался съ дѣтьми съ большимъ педагогическимъ тактомъ. Ну, молчать! разскажите мнѣ подробно, какъ дѣло было: тогда я узнаю, кто правъ, кто виноватъ.

Не смотря на разъясненія, крикъ нисколько, однако же, не унимался; даже сдѣлался нѣсколько значительнѣе, потому что и отецъ, выведенный изъ терпѣнія, тоже началъ орать.

И во всемъ-то домѣ гулъ стоялъ; всюду проявлялась жизнь, всюду била она ключемъ: въ залѣ земскіе люди горячо и крупно разговаривали, въ диванной ссорились игроки, въ дѣтской юное поколѣніе изъ-за картъ ревъ подняло. По всему было замѣтно, что переживали мы тогда великую историческую эпоху; что были наканунѣ чего-то.

Не смотря на позднее время, въ залу прибывали новыя лица, изъ тѣхъ, которые успѣли побывать и у предводителя. Къ числу вновь прибывшихъ принадлежалъ одинъ, совершенно рыжій господинъ, съ значительной величины красной лысиной и съ лицомъ, тоже подъ цвѣтъ къ лысинѣ и рѣдкимъ волосамъ, краснымъ же. Вообще физіономія этого, вновь прибывшаго, господина, изображала нѣчто въ родѣ ученическаго ландшафта, нарисованнаго краснымъ карандашомъ. Злые, подвижные глаза довершали красоту однотоннаго ландшафта.

— Серьезно вѣрить въ то, что нашему простому народу можно принести какую нибудь пользу, что можно развить его, образовать,— проповѣдывалъ красный господинъ—тоже самое, что вѣрить въ возможность научить, напримѣръ, лошадь исторіи, географіи, или математикѣ! Все это, господа, увлеченіе только одно! Толкуютъ, что увлеченіе благородно—вздоръ-съ! Всякое увлеченіе прежде всего глупо, а что глупо, то не можетъ быть благородно. Кто добровольно отказывается отъ хорошаго, удобнаго житья, тотъ, по моему, дуракъ и больше ничего-съ! Я имѣлъ и имѣю всѣ способы къ изученію нашего народа и убѣдился только въ одномъ, что мужикъ нашъ такая закорузлая скотина, что заботиться о немъ можетъ развѣ только тотъ, кто согласенъ чистить навозъ съ заднихъ дворовъ-съ! Чѣмъ лучше вы будете поступать съ мужикомъ, тѣмъ онъ хуже будетъ относиться къ вамъ, тѣмъ грубѣе. Я далекъ отъ того, чтобы хвалиться; но посмотрите, какой я вездѣ порядокъ завелъ. Въ уѣздъ я, правда, ѣзжу не часто, но за то ужъ меня будутъ тамъ помнить: ужъ я каждый разъ, хоть кого нибудь, а отпорю; за то посмотрите какой порядокъ! Пріѣзжайте въ какую угодно де-

ревню моего участка, въ какое угодно время, хоть въ пашню, хоть въ бороньбу, когда мужику лошадь необходима, вы увидите вездѣ у меня на дежурствѣ пожарныхъ лошадей, всегда наготовѣ. Положимъ, что пожарныхъ инструментовъ нигдѣ нѣтъ—въ этомъ я уже не виноватъ, но вѣдь главное то дѣло тутъ не въ пожарныхъ кишкахъ, а въ принципѣ: хоть волкомъ воютъ, а лошадей все-таки не смѣютъ не вывести! Распустили ихъ нынче очень всѣ этѣ...

— Какая же польза изъ того, что у васъ вездѣ лошади дежурятъ, когда пожарныхъ инструментовъ нигдѣ нѣтъ? замѣтилъ кто-то.—Вѣдь это, по моему, одно только раззоренье для крестьянъ...

Красный резонеръ до такой степени озлился на это замѣчаніе, что сразу даже и отвѣчать не могъ. За него отвѣчалъ уже старый лѣсничій, который, видимо, склонялся на сторону краснаго.

— Нынче, видите-ли, въ большой модѣ толковать о бѣдности, о какомъ-то безвыходномъ положеніи крестьянъ, началъ лѣсничій, саркастически улыбаясь — нынче, видите-ли, одни только мужички бѣдны-то-съ, а другіе всѣ богаты-съ!.. Да, бѣдны они, эти мужички-то ваши, чего и говорить! Разъ, помню, еще ревизоромъ, на слѣдствіе я поѣхалъ по случаю порубки въ корабельной рощѣ... Тутъ я близко узналъ, какіе они бѣдные, эти мужички-то ваши...Чуть не у каждаго у подворотни горшокъ съ деньгами зарытъ... Повѣрьте, они лучше насъ съ вами знаютъ всю суть ихней поговорки: береги денежку на черный день...

— А какимъ же способомъ вы узнали, что у мужика въ горшкѣ, что у подворотни? Развѣ вы и мужицкіе карманы тоже ревизовали?

Старый лѣсничій видимо стѣснился, замѣтивъ, что сказалъ лишнее. Онъ немножко даже покраснѣлъ, началъ приглаживать щетинистые усы, которые пригладить, и самъ онъ очень хорошо зналъ, не было ни какой возможности. Пробовалъ было что-то такое сказать, но ничего изъ этого не вышло; только и слышались его любимыя *видите* да *знаете*, такъ что, возвратившійся съ усмиренія дѣтскаго бунта, Петруша, счелъ долгомъ какъ нибудь замять непріятный разговоръ.

— Мнѣ всегда досадно, право, слушать, Егоръ Павлычъ, обратился онъ къ красному господину—когда вы съ своей точки зрѣнія, начинаете говорить о крестьянахъ. Неужели-же вы думаете, что между ними вовсе нѣтъ порядочныхъ людей? Неправда — есть-съ! Развѣ мало выходитъ изъ крестьянъ въ купцы, напримѣръ: что же вы на это скажете?

— Ты-бы, Петруша, молчалъ лучше! замѣтилъ красный, тономъ школьнаго учителя приниженному ученику.—Развѣ я тебя не знаю?

Развѣ я не знаю, что ты вѣтряная мельница? Въ душѣ ты—человѣкъ хорошій, благонадежный, а вотъ настрочитъ тебя кто нибудь,—ты и начнешь молоть! Полно, братъ, Петруша!

Петруша, какъ видно, обидѣлся, потому что дѣло шло при гостяхъ.

— Однако вы, Егоръ Павлычъ... началъ было онъ фразу, но такъ и не докончилъ, потому что красный господинъ, вставъ со стула, хлопнулъ хозяина ладонью по спинѣ и что-то такое сморозилъ, хотя и не совсѣмъ таки приличное, но, должно быть, очень смѣшное, потому что и самъ Петруша и вблизи сидѣвшіе гости расхохотались.

Вообще, красный господинъ слылъ въ такъ называемомъ высшемъ слоѣ мѣстнаго общества—человѣкомъ въ высшей степени остроумнымъ, хотя постоянно и исключительно говорилъ только однѣ пошлости и плоскости; особенными успѣхами онъ пользовался въ мѣстномъ дамскомъ обществѣ, которое до страсти любило только три вещи: плоскія, сальныя остроты, да стуколку съ рамсомъ.

Вдали отъ главныхъ спорщиковъ образовался особенный, отдѣльный кружокъ людей, болѣе мирнаго свойства, которыхъ мало интересовали общіе предметы. Тамъ разговоръ преимущественно сосредоточивался на вопросахъ денежныхъ, насколько они касались земства.

— А какъ-зе теперь на сцетъ залованья городскому врачу? спросилъ мѣстный городской врачъ, маленькій, субтильный брюнетикъ, выдававшій себя за кровнаго итальянца—не узели зе земство оставитъ то-зе залованье? Неузели оно поскупиться прибавить врачу?

Петруша, у котораго жена постоянно рожала чуть-ли не по два раза въ годъ, и у котораго вертлявый врачъ считался другомъ дома, нашелъ нужнымъ утѣшить интересующагося земскимъ дѣломъ врача.

— Ну ужъ, конечно, мы вамъ прибавимъ! сказалъ онъ съ сознаніемъ своего могущества—разумѣется, прибавимъ! И городской бабкѣ тоже прибавимъ!

— То-то, скороговоркой, потирая ладонью о ладонь, проговорилъ развеселившійся худенькій врачъ;—я такъ и думалъ, а то какое бы такое было земство? Цто-зе-бы-то за земство?

— Кушать пожалуйте! провозгласилъ появившійся изъ корридора лакей, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

— Дамъ зови прежде! Господа, пойдемте къ дамамъ! предложилъ кто-то, и всѣ отправились, гурьбой, въ угловую комнату, изъ которой періодически слышались отрывистыя фразы: Рамсъ!.. Гольцъ!.. Позвольте, позвольте—мой-съ! Извольте начинать!

Этимъ закончилось предварительное совѣщаніе по дѣламъ земскимъ.

Наконецъ, наступилъ и настоящій канунъ того, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, дня, въ который у насъ введено въ дѣйствіе земское Положеніе. Осенняя непогода такъ разыгралась, что и удержу ей никакого не было. На какія нибудь сто сажень вдоль—и то уже ничего не было видно: все только туманъ, да туманъ, и больше ничего. Съ самаго ранняго утра разверзлись хляби небесныя и частый, маленькій дождь, какъ изъ сита, зарядилъ на цѣлыя сутки, а можетъ быть и больше. Улицы, которыя, для удобства, жители обыкновенно заваливали навозомъ, сдѣлались буквально непроходимыми. Тротуары, перегнившіе и издыравленные, до такой степени казались опасными, что даже привычные къ нимъ мѣстные жители, предпочитали лучше лезть въ грязь. Маленькая рѣчка въ овражкѣ, чрезъ которую былъ перекинутъ мостъ почтовой дороги, вразъ прибыла, забурлила и оторвала подъ мостомъ временныя подставки, вдѣланныя вмѣсто давно сгнившихъ свай, такъ что мостъ оказался висячимъ и его можно бы было, пожалуй, причислить къ чудесамъ свѣта, если бы у насъ на Руси подобныхъ чудесъ было нѣсколько поменьше. Почтовые ямщики, подъѣзжая къ этому мосту и чуя опасность, хоть люди они и привычные, а все-таки крестились на великолѣпную колокольню и пускали чрезъ мостъ тройку во весь махъ. Долго послѣ этого мостъ весь дрожалъ и поскрипывалъ жалобно, какъ бы приговаривая: почините меня, Христа ради!

Вообще не только люди, но и бездушныя искуственныя сооруженія, какъ въ городѣ, такъ и возлѣ города, съ большимъ нетерпѣніемъ ждали открытія земскихъ учрежденій: у всѣхъ и оставалась на нихъ только надежда.

На улицахъ нечистаго городка появилась вереница запачканныхъ мужиковъ съ лычными пещерами и котомками за плечами — это были тѣ самые гласные, на которыхъ сосредоточивались всѣ надежды, какъ одушевленныхъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ, требующихъ починки и перестройки. Впрочемъ, гласные, казалось, не понимали своего великаго значенія; они о чемъ-то сильно тужили и жаловались, что ихъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, *прислали* въ городъ по слякоти этакой. Гласные, вообще, были очень мрачны и бродили, повидимому, безцѣльно, взадъ и впередъ по убійственно-грязнымъ улицамъ, не обращая никакого вниманія на частый и мелкій осенній дождь. Долго искали они по городу такой фатеры, на которой можно бы было за двѣ копѣйки въ сутки пользоваться приблизительно теплымъ угломъ съ мебелью; о столѣ, т. е. о пищѣ эти представители народныхъ интересовъ не очень заботились, потому что у каждаго въ пещерѣ и котомкѣ было

достаточное количество хлѣба и гороховыхъ лепешекъ, отъ которыхъ человѣкъ очень скоро сытымъ дѣлается, потому что крутое гороховое тѣсто ложится въ желудкѣ камнемъ. О пищѣ имъ привелось потужить послѣ уже, когда дѣло на собраніи затянулось на лишніе сутки. Къ вечеру гласные кое-какъ размѣстились, гдѣ Богъ послалъ, такъ что улицы окончательно обезлюдѣли. Только мелкій дождь, по прежнему, лупилъ, какъ изъ сита.

Ночью, середи улицы, въ глубокой лужѣ, утонулъ выпившій мужикъ, пріѣхавшій въ городъ продавать капусту. Возвращаясь изъ питейнаго на квартиру, мужикъ нечаянно поскользнулся, упалъ въ лужу лицомъ внизъ, да такъ и остался въ этомъ положеніи до утра, не обертываясь. Трупъ, разумѣется, вскрыли, въ желудкѣ нашли значительное количество водки и нѣсколько крутыхъ яицъ, но знаковъ насилія на кожѣ никакихъ не оказалось, почему и преданъ былъ мужикъ христіанскому погребенію, а лошадь съ телѣгой и кочанной капустой взяты въ полицейское управленіе, впредь до востребованія. Кромѣ этого происшествія, канунъ великаго дня введенія въ дѣйствіе земскаго Положенія, ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался.

На другой день дождь не унимался, но въ городѣ замѣтно было съ ранняго утра кое-какое движеніе. Къ бѣлой харчевнѣ, въ которой помѣщался и постоялый дворъ, рано поутру подъѣхалъ порыжѣвшій тарантасъ, парой, а въ него, повидимому, залегло лицо довольно значительное, потому что харчевникъ самъ бросился отворять ворота и вытаскивать изъ тѣснаго, глубокаго кузова, залегшаго туда гостя. Хозяинъ единственной въ городѣ гостинницы для господъ пріѣзжающихъ тоже съ утра былъ на ногахъ. Хотя въ номерахъ его никто не жилъ, но оттуда выносили навозъ цѣлыми лукошками; изъ этого было видно, что въ номерахъ кто нибудь помѣщался же, только не господа пріѣзжающіе. Хозяинъ безпрестанно бѣгалъ въ нижній этажъ дома, гдѣ устроена была швальня квартировавшаго въ уѣздѣ полка. Онъ нѣсколько разъ принимался о чемъ-то слезно упрашивать солиднаго унтеръ-офицера, съ желтыми нашивками на рукавѣ, который, усѣвшись на нижней лѣсенкѣ подъѣзда, покуривалъ трубку.

— Ужъ и я вамъ службу сослужу, вкрадчиво говорилъ хозяинъ, если только вы мою просьбу исполните. Ужъ, пожалуйста, хоть на эти-то дни, покуда гости у меня будутъ, что бы воровства этого не было!

— Будьте покойны! отвѣчалъ служивый, а долго ли у васъ гости-то пробудутъ?

— Да всего-то какихъ нибудь дней пятокъ, али бы съ недѣлю. Ужъ я буду надѣяться, а то вѣдь, сами посудите, при гостяхъ-то нехорошо: тутъ господа будутъ. Вотъ намедни, какъ ваши солдатики портки, да три рубахи съ подволоки стащили, а потомъ лукошко яицъ изъ чулана... ужъ я смолчалъ, что станешь дѣлать? А какъ при гостяхъ, да какъ еще у нихъ стибрятъ, ей Богу не хорошо!

— Ужъ будьте покойны, за пять дней головой ручаюсь, повторилъ служивый успокоительнымъ тономъ, затягиваясь при этомъ своимъ солдатскимъ гютюномъ и сплевывая въ сторону.

Чѣмъ ближе подходило время къ обѣднямъ, тѣмъ и движеніе въ городѣ дѣлалось значительнѣе, потому что различныя *подраздѣленія* земства (о сословности тогда говоритъ стыдились) вставали разно: кто раньше, кто позже. Пригнанные изъ деревень гласные поднялись вмѣстѣ съ городскими пѣтухами и опять, какъ вчера, печально, повѣсивъ головы, бродили по улицамъ, перебираясь отъ времени до времени чрезъ жидкую грязь по жердочкамъ. Гласные направлялись къ квартирѣ дворянскаго предводителя, но, такъ какъ у него ворота еще были заперты, то представители расположились подъ крышкою подъѣзда и на лавочкѣ у калитки.

— Скоро-ли насъ отпустятъ-то, братцы? задумчиво спросилъ старикъ гласный, въ сущности ни къ кому не обращаясь съ этимъ вопросомъ

— Ужъ не знай, какъ-бы долго не продержали! отвѣтилъ кто-то на высказанную мысль, которая, повидимому, одинаково мучила всѣхъ. — А бѣда, братцы, если недѣлю продержатъ: хлѣба-то больше, какъ на двое сутокъ не хватитъ!

На этомъ разговоръ и перервался. Слышались только тяжкіе вздохи.

— Да на что это, братцы, пригнали-то насъ?

— На што? Извѣстно на што; начальниковъ выбирать! развѣ вамъ посредственникъ-то не толковалъ?

— Нѣтъ, намъ не толковалъ. У насъ вѣдь что? Безтолковщина только одна, и жалости ни у кого нѣтъ. Въ отлучкѣ я былъ, а тутъ меня какъ разъ и выбрали; семья, баютъ, не малая, да и отъ солдатства всѣ ушли. Ужъ я кланялся—кланялся; ослобони, говорю, міръ православный, не раззори въ конецъ! Да куда тебѣ! Вонъ Михайло Антонычь и одинокой мужикъ, а два ведра какъ поставилъ—ну и ослобонили!

— Ужъ не знай, что будетъ? Что станешь дѣлать, на все воля Божья!

— О-хо-хо-хо! пробормоталъ старикъ гласный, позевывая и осѣняя ротъ двуперстнымъ знаменіемъ.... Все-то суета суетъ, всяческая суета... Господи помилуй! Господи помилуй!

Долго тянулся монотонный разговоръ, все въ томъ-же родѣ. Ясно только было замѣтно, что крестьяне - гласные рѣшительно не понимали, зачѣмъ они пріѣхали. Печалились только о томъ, что дома у нихъ брошены, да и хлѣбъ-бы нужно молотить, если, Богъ дастъ, погодка измѣнится.

Во время звона къ обѣднѣ, закопошились и другія подраздѣленія земства. Часу въ девятомъ, къ дому дворянскаго предводителя подъѣхалъ какой-то, франтовски одѣтый, бородатый господинъ, въ крытой пролеткѣ, на лихомъ рысакѣ.

Мужики-гласные встали, сняли шапки и низко поклонились.

— Здравствуйте господа гласные! закричалъ бородатый господинъ, приподымая шляпу и ловко соскакивая съ пролетки на крыльцо.

— Вотъ оно что! замѣтилъ одинъ мужикъ, улыбаясь—въ господа и мы нынче попали!

— Это кто?

— Купецъ здѣшній—Александра Прокофьичъ. Помнишь еще нашихъ мужиковъ на овсѣ-то поддѣлъ?

— А-а! Такъ этотъ!.. Помню, какъ не помнить?

— Ну, голова, ловокъ-же онъ! Какъ скотину какую насъ тогда загнали во дворъ-то, ворота заперли и шабашъ! У меня тогда съ одного только воза пуда полтора утянули, да это что? Благодаренье Богу, что живы-то остались! Вѣдь вонъ у нихъ арава какая!

Въ это время бородатый господинъ опять появился на крыльцѣ; должно быть, предводитель не принялъ. Раскланявшись снова съ гласными, онъ вступилъ съ ними даже въ разговоръ.

— Приходите, господа гласные, послѣ собранья ко мнѣ: водкой угощу, обѣдомъ накормлю—слышите?

— Благодаримъ покорно, Александра Прокофьичь! проговорили, кланяясь, гласные, а потомъ въ догонку прибавили:

— Экой конь-то у него—чего стоитъ? А вѣдь изъ нашего-же брата отецъ-то былъ: все вѣдь Синеслободски! Послѣдняя фраза видимо относилась уже не къ жеребцу, а къ самому Александру Прокофьичу.

Только къ полудню съ точностью опредѣлилось направленіе этаго необыкновеннаго движенія: всѣ стремились къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ было назначено первое засѣданіе. Закорузлые полы залы присутственныхъ мѣстъ были вымыты и вылощены. Сторожа разостлали безчисленное множество аршинъ узкаго холста по лѣстницѣ и

въ залѣ, вокругъ стола, такъ какъ предполагалось, что одно изъ подраздѣленій земства легко можетъ испортить своими подкованными сапожнищами казенные полы до такой степени, что послѣ и поправить уже нельзя будетъ.

Первыми появились, разумѣется, мужики, которые всей гурьбой привалили сюда прямо отъ воротъ дворянскаго предводителя и расположились въ сѣняхъ, по лѣстницѣ и въ прихожей. Нѣкоторые изъ гласныхъ снимали грязные сапоги и лапти, чтобы явиться въ залу засѣданія въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ или онучахъ; эта мысль съ особеннымъ стараніемъ поддерживалась сторожемъ присутственныхъ мѣстъ. Изъ боковыхъ, стеклянныхъ дверей выглядывали любопытствующіе судейскіе чиновники, которые надъ чѣмъ-то неудержимо хохотали: должно быть нашли во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ что нибудь, очень комичное. Начали собираться и гласные изъ другихъ подраздѣленій земства. Мужики каждый разъ вставали, кланялись и пропускали приходившаго сквозь строй.

— Что же вы, братцы, въ залу-то нейдете? замѣтилъ одинъ изъ пришедшихъ — вонъ тамъ, у стола, стулья-то, вѣдь для васъ приготовлены....

— Да вотъ, подождемъ маленько.... отвѣчалъ кто-то за всѣхъ. А то и въ самомъ дѣлѣ, братцы? прибавилъ онъ, искоса посматривая на свирѣпаго сторожа.

— Подожди, голова! Вотъ ужо всѣ соберутся!...

Наконецъ, прибылъ и самъ предводитель, а вслѣдъ за нимъ и вся свита, т. е. всѣ остальные гласные, изъ тѣхъ, которые считали себя почему либо почище и повыше другихъ. Привезли съ собой и соборнаго протопопа съ евангеліемъ, такъ что дѣло начало принимать оборотъ серьезный. Вздохи и оханье значительно усилились. За молебномъ мужики отвѣшивали усердные земные поклоны, хотя очень немногіе знали, о чемъ именно молились. Только иновѣрцы да старовѣры принимали во всемъ этомъ пассивное участіе.

— Господа! сказалъ предсѣдатель, сегодня мы собрались поздно и потому много сдѣлать не успѣемъ; я предлагаю сегодня избрать только секретаря и потомъ потолковать о величинѣ жалованья будущимъ членамъ.

— Коммисію, непремѣнно коммисію нужно составить, забормотало нѣсколько голосовъ — коммисію земскихъ пользъ и нуждъ ...

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, господа! подхватилъ предсѣдатель.—Составимъ коммисію; но не забывайте только, что намъ предстоитъ работа поважнѣе: дополнительная смѣта и раскладка ..

— И для этого нужно особую коммисію, забасили опять голоса, это будетъ смѣточная и раскладочная коммисія...

— И такъ, господа, исполняя общее желаніе, приступимъ сегодня къ выбору секретаря и двухъ коммисій.... впрочемъ, вы какъ думаете? догадался онъ обратиться къ мужикамъ.

— Мы ничего! отвѣчалъ одинъ изъ гласныхъ — мы, какъ вашей милости будетъ угодно....

При выборѣ двухъ коммисій и секретаря оказалось маленькое затрудненіе: людей-то и не хватило. Между крестьянами, составлявшими больше половины всего количества гласныхъ, оказался только одинъ полуграмотный; между дворянскимъ подраздѣленіемъ замѣчено было много людей старыхъ, уже негодныхъ къ серьезному употребленію, а изъ торговаго подраздѣленія почти половина отказалась наотрѣзъ, отговорившись тѣмъ, что убытки терпѣть никто ихъ заставить не въ силахъ. Вполнѣ способныхъ людей — и то только по однимъ предположеніямъ — оказалось только человѣкъ пять, и изъ нихъ то нужно было составить двѣ коммисіи! Въ силу этого затрудненія, для счета больше, выбрали и мужиковъ, хотя безграмотныхъ.

Вечеромъ, у предводителя, собралась первая коммисія — пользъ и нуждъ. Мужикамъ подавали чай на подносѣ, наравнѣ съ прочими, при чемъ лакеи едва сдерживали смѣхъ, пугливо посматривая на барина. Разговоръ вообще велся на короткую ногу.

Къ крестьянамъ подсѣлъ какой-то усатый помѣщикъ, не изъ гласныхъ.

— Ну, ребята, теперь понимаете-ли, хоть маленько, въ чемъ дѣло-то?

— Нѣтъ еще, плохо какъ-то, Митрій Павлычъ! отвѣтилъ за всѣхъ одинъ изъ мужиковъ, побойчѣе, улыбаясь во весь ротъ.

— Эхъ вы, народъ православный! Ну, да вѣдь вы понимаете-же, что сидите теперь на стульяхъ, наряду съ нами?

— Это точно.... придакнули мужики.

— Ну, а то понимаете, что прежде, напримѣръ, какой нибудь годъ назадъ, васъ бы дальше прихожей не впустили, въ шею-бы вытолкали?

— Эфто мы понимаемъ, какъ не понять?

— Ну вотъ это земство-то и есть самое; права, значитъ, даны вамъ большія. Теперь, напримѣръ, если у тебя нужда какая есть, ну ты и заяви объ ней. Ну вотъ, постой: ну, ты чувствуешь нужду какую нибудь, а?

— Я не знай, какъ, Митрій Павлычъ отвѣчалъ стѣснившійся мужикъ,—извѣстно, нуждѣ какъ не быть.

— Ну, ты и заяви, заяви сейчасъ-же, приставалъ помѣщикъ — вотъ это-то и есть земство, это-то и есть новыя права....

— Покорнѣйще благодаримъ! проговорилъ мужикъ, обращаясь къ предводителю, оборачивая на блюдечкѣ допитый стаканъ чая вверхъ дномъ.

— Ну вотъ, ребята, секретарь намъ бумагу составилъ; нужно только подписать. Мы полагаемъ, что предсѣдателю управы нужно положить жалованье въ полторы тысячи, а членамъ по тысячѣ двѣсти. Согласны-ли?

— Отчего-же?—отвѣчали мужики—деньги хорошія!

— Дѣло не въ томъ, хорошія ли это деньги или нѣтъ; а согласны-ли вы на эту сумму? Быть можетъ, это вамъ много кажется?

— Какъ вашей милости будетъ угодно! Вѣдь мы мужики, народъ темный, гдѣ же намъ это знать?

— Ну однако-же, какъ? Вѣдь и вы такіе же плательщики, какъ и всѣ. Вѣдь и вы можете изъ своихъ члена-то выбрать.

Эта послѣдняя фраза, какъ видно, засѣла въ мужицкія головы крѣпко. Гласные сдѣлались сосредоточеннѣе и разошлись съ какой-то думой.

Вечеромъ, послѣ совѣщанія коммисіи пользъ и нуждъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ грязнаго городка, въ окнахъ дома городскаго крестьянина-гласнаго виднѣлся очень яркій свѣтъ. Изъ растворенныхъ оконъ вырывались неистовые звуки русской пѣсни, въ которой описывалась положеніе семейнаго мужика, взятаго въ рекруты. Замѣтно было, что пѣвцы подгуляли, потому что подъ часъ вырывались такія нотки, какихъ не подслушаешь у трезваго человѣка...

— Вишь какъ гласные-то наши раскутились! разговаривали двѣ любопытствующія бабы изъ сосѣдокъ, отходя отъ окна прочь. Сказываютъ—два ведра поставилъ!

— Еще бы, да не поставитъ! Слышь, какъ выберутъ, то тысячу слишкомъ рублей выдадутъ...

— Тысячу двѣсти, голубка, сама слышала. Ужъ, говоритъ, если удастся, такую говоритъ, лавку заведу и лещей и собакъ, говоритъ, всего будетъ въ избыткѣ. Приходи, говоритъ, тетка Прасковья двухъ лещей подарю. Вотъ они, времена-то какія пришли!

Бабы подогнувши подолы, начали перебираться чрезъ улицу, на другую сторону. Изъ освѣщенныхъ оконъ лучь свѣта падалъ на жидкую уличную грязь, указывая на тѣ мѣста, по которымъ нельзя было идти; не указывалъ онъ только такихъ мѣстъ, по которымъ можно бы было пройдти, не запачкавшись, потому что грязь лежала по всей улицѣ сплошной массой.

Н.—ертъ.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

(La prison).

ПОЭМА

Альфреда де-Виньи.

I.

«Не оскорбляйте стараго монаха!..
Мнѣ незнакомы здѣшнія мѣста,
Такъ для чего-жъ повязкою тяжелой
Хотите вы прикрыть мои глаза?
Остановитесь, дерзкіе солдаты!
Предъ вами здѣсь—служитель алтаря:
Во мнѣ вы оскорбите образъ Бога,
Который я несу въ своихъ рукахъ...»
Онъ говорилъ, но просьбамъ не внимая,
Съ собой влекли солдаты старика
По темнымъ, подземельнымъ переходамъ;
Вотъ подъ ногами чувствуетъ монахъ
Цѣпной, дрожащій мостъ... то замираетъ
Его безвучный голосъ, то опять
Въ пространствѣ залъ пустынныхъ раздается.
По лѣстницѣ отвѣсной, наконецъ,
Ввели въ тюрьму дрожащаго монаха.
Не видя ничего изъ-подъ повязки,
Сѣдой старикъ ощупывалъ рукой
Лишь сырость стѣнъ въ холодномъ корридорѣ.
Гремятъ ключи, засовы и, скрипя,

У входа дверь тяжелая открылась.
По тремъ, скользящимъ, каменнымъ ступенямъ
Монахъ спустился въ мрачную тюрьму,
Гдѣ видѣнъ былъ едва горящій факелъ.
«Здѣсь — говорятъ ему проводники —
Здѣсь помощи духовной ожидаетъ
Предъ смертью умирающій больной
Отъ Божьяго служителя...» Его
Заставили не долго дожидаться —
И кто-то молвилъ: «Принцъ! святой отецъ
Пришелъ сюда». «А мнѣ какое дѣло!..»
Имъ отвѣчалъ со стономъ незнакомецъ.
Межъ тѣмъ монахъ за дѣло принялся
И медленно приблизившись къ постели,
Которая задернута была
Завѣсою изъ ткани драгоцѣнной,
Сталъ совершать долгъ пастыря надъ нимъ.

Монахъ.

О, выслушай меня, мой сынъ.

Умирающій.

Увы!
Какъ не силенъ мой гнѣвъ, но я готовъ
Внимать твоимъ рѣчамъ, почтенный старецъ.
Вѣдь этотъ голосъ — голосъ человѣка,
Я былъ рожденъ, чтобъ слышать этотъ голосъ,
И хоть мнѣ зломъ платили только люди,
Но все-жъ ихъ не любить я не могу.
Я никогда не зналъ той нѣжной дружбы,
Которая — я слышалъ — утѣшаетъ;
Подъ этимъ сводомъ каменнымъ мой сонъ
Не услаждался пѣсней колыбельной.
Теперь, услыша ласковую рѣчь,
Я на минуту сердцемъ оживаю.
Старикъ! Ты незнакомъ мнѣ... Еслибъ ты
Ко мнѣ имѣлъ хоть каплю сожалѣнья,
То здѣсь навѣрно былъ бы ужъ давно...

Монахъ.

Ктобъ ни былъ ты, несчастный мой страдалецъ,
Лишенный благъ и счастія земли,

Повѣрь: за гробомъ ждетъ тебя свобода.
Покайся и отпустятся грѣхи:
Черезъ свои страданія земныя,
Ты близокъ къ двери рая. Въ этотъ часъ
Тебѣ я приношу, какъ исповѣдникъ,
Послѣднее прощеніе. Стоишь
Теперь ты предъ судилищемъ небеснымъ —
Покайся въ прегрѣшеніяхъ... Самъ Богъ...

Умирающій.

На небѣ Богъ, а я страдалъ такъ много!..

Монахъ.

Но ты страдалъ не столько, сколько Онъ —
Ужель твой вздохъ послѣдній есть проклятье?
Тебѣ ли на страданія роптать,
Когда и самъ Божественный Спаситель
Страдалъ и пролилъ кровь свою за насъ,
Испытывалъ всѣ немощи людскія.
Я умоляю именемъ Христа —
Какъ христіанинъ съ жизнію разстанься...

Умирающій.

Я королемъ быть могъ...

Монахъ.

Страдалъ Христосъ
А Богомъ былъ онъ... Кротость и терпѣнье
Онъ завѣщалъ всѣмъ людямъ на землѣ.
Взгляни ты на меня: отъ искушеній
Желая плоть и душу уберечь,
Надѣлъ я власяницу и вериги;
Я сорокъ лѣтъ въ стѣнахъ монастыря
За прошлые грѣхи свои молился,
Но этого все мало.. Человѣкъ
Лишь послѣ долгихъ, тяжкихъ испытаній
Прощенье получаетъ отъ небесъ...
Но время все уходитъ... Бѣдный сынъ мой!
Во имя прошлыхъ бѣдствій и скорбей,
Предъ смертью мнѣ открой всѣ заблужденья
И—отъ грѣховъ очистится душа.
Съ тобой, передъ крестомъ животворящимъ,

Передъ крестомъ, гдѣ распятъ былъ Христосъ,
Я стану вмѣстѣ плакать и молиться...

II.

И на лицѣ сѣдого старика
Замѣтно стало сильное волненье.
У изголовья узника упалъ
Монахъ на ослабѣвшія колѣни
И деревянное распятье поднялъ вверхъ
Передъ больнымъ, дрожащими руками;
Онъ горячо молился за него,
Шепталъ надъ нимъ отходныя молитвы—
И въ горести, склонивъ свое чело,
Хотѣлъ онъ разглядѣть лицо больнаго.
Мерцалъ въ углу едва горѣвшій факелъ
И въ полу-мракѣ старецъ увидалъ
Его лицо въ желѣзной, темной маскѣ:
Черты лица подъ маской были скрыты.

III.

Напуганъ страшной тайною монахъ,
Припомнилъ, что еще въ монастырѣ онъ
Объ узникѣ таинственномъ слыхалъ.
Кто онъ такой, никто не зналъ въ народѣ,
А между тѣмъ украдкою о немъ
Въ толпѣ ходили странные разсказы.
Носился слухъ, что онъ похищенъ былъ
Въ младенчествѣ изъ дѣтской колыбели,
Что онъ былъ царской крови, и въ тюрьму
Посаженъ былъ подъ маскою желѣзной.
Былъ также слухъ, что узникъ, какъ-то разъ
Успѣлъ бѣжать тихонько изъ темницы,
Но снова пойманъ былъ и заключенъ.
Черты его однако разсмотрѣли:
Однажды въ францисканскій монастырь
Явилась молодая Провансалка,
Съ слезами на глазахъ она клялась,
Что узникъ злополучный былъ невиненъ

И судъ надъ нимъ былъ беззаконенъ. Онъ
Былъ молодъ, добръ, похожъ на короля,
Въ его словахъ величье отражалось,
А голосъ прямо въ душу проникалъ.
Ну, словомъ, то былъ узникъ вѣнценосный.
Еще одинъ таинственный разсказъ
Теперь припомнилъ пастырь сѣдовласый:
Однажды бенедиктинскій монахъ
Нашелъ у башни чашу золотую,
Вошелъ туда, но, говорятъ, назадъ
Изъ этой башни онъ не возвращался,
И запретилъ игуменъ говорить
Въ монастырѣ о старомъ томъ монахѣ,
И тайна неразгаданной осталась
Никто не зналъ, какую надпись могъ
Прочесть монахъ на чашѣ драгоцѣнной...
Съ годами этотъ случай позабыли.

IV.

Въ молчаніи задумчивый монахъ
Смотрѣлъ на знаменитаго страдальца,
Смотрѣлъ на блескъ сѣдыхъ его кудрей,
Подъ сводами темницы побѣлѣвшихъ.
Старикъ хотѣлъ опять заговорить,
Но, приподнявшись тихо на постели,
Несчастный узникъ тихо простоналъ:
«Монахъ! Мои ужасныя мученья
Тебя заставили умолкнуть, и теперь
Не слышу я совѣтовъ безполезныхъ.
Да, мой отецъ, вглядись въ мои черты
И ужъ потомъ увѣрь меня, что небо
Защитой служитъ правымъ и невиннымъ...
Отъ самой колыбели за собой
Не сознавалъ такого я проступка,
Который вызывалъ бы наказанье.
Одинъ, всегда одинъ, я умираю
Отягощенъ несчастьемъ и годами.
Ты хочешь знать, я вижу, отъ меня
Моихъ страданій горестную повѣсть,

Но для чего будить воспоминанья
О жизни неудачной? Вѣрь, старикъ—
Я не имѣлъ прошедшаго... не зная
Могу ли я о будущемъ мечтать,
Я счетъ годамъ велъ на стѣнахъ тюрьмы:
Всѣ стѣны мной исписаны—и все же
Я жилъ еще... Кругомъ былъ мракъ зловѣщій.
Для свѣта я ненужнымъ сталъ, и свѣтъ
Сталъ для меня потеряннымъ на вѣки.
Передо мной бѣжалъ за годомъ годъ
И ждалъ я, какъ награды, часа смерти...
Но, если бы въ моихъ рукахъ была
Вся жизнь того, кто жизнь мою испортилъ,
Во мнѣ бы столько звѣрства не нашлось,
Я муками не сталъ бы мстить за муки...
Бывали дни,—и нѣжности приливъ
Съ какой-то силой новой, непонятной,
Охватывалъ меня въ моей тюрьмѣ,
И призраки прелестнѣйшихъ созданій
На мой призывъ являлись въ чудныхъ снахъ.
Я обливалъ слезами черствый хлѣбъ,
Который мнѣ тюремщики носили;
Я плакалъ и рвалась отъ стоновъ грудь,
И воплями пугалъ я часто стражу.
Такъ проходили ночи всѣ, а ихъ
Я измѣрялъ лишь вздохами своими...
И совамъ, вившимъ гнѣзда по стѣнамъ,
Я искренно завидовалъ...»

V.

Рыданья
Прервали голосъ узника. Монахъ,
Склонившись надъ страдальцемъ неизвѣстнымъ,
Еще шепталъ молитву, какъ тюремщикъ
Сказалъ ему, что нужно торопиться,
Не то больной въ безпамятство впадетъ,
И началъ рѣчь монахъ съ одушевленьемъ!
«Мой сынъ, твоя страдальческая жизнь
Ужъ получила облегченье... Счастливъ трижды
Тотъ, кто предъ смертью муки испыталъ;

Грѣшно отъ испытаній уклоняться,
Когда ихъ людямъ Небо посылаетъ.
Твои страданья, вѣрь мнѣ, драгоцѣнны:
Чрезъ нихъ теперь откроется тебѣ
Дверь въ лучшій міръ. О тѣлѣ не заботься,
Но размышляй лишь только о душѣ.
Господь сказалъ: мгновенна жизнь людская
И горькихъ слезъ достойна на землѣ...
Земныя блага скоро пресыщаютъ...
Я, какъ и ты, жду смерти каждый часъ
И впереди одно мнѣ утѣшенье —
Могила. Я завидовать могу
Твоимъ мученьямъ долгимъ: этѣ муки
Тебѣ даютъ въ спасеніе надежду,
И ангелы, быть можетъ, предъ тобой
Дверь райскую отворятъ. Только слово
Скажи теперь, и Богъ тебя проститъ...»
Такъ призывалъ больнаго къ покаянью
Съ молитвою служитель алтаря...
Напрасный трудъ!.. Но вдругъ въ бреду горячки
Заговорилъ въ безуміи больной...
—«Опять дышу... О, берега Прованса!..
О, горизонтъ далекій! Вижу я,
Какъ въ берегахъ струятся тихо воды...
Темницы нѣтъ... Въ дали синѣетъ море,
Въ немъ корабли... Какъ море широко!..
О, Боже!.. Я завидую матросамъ,
Я, какъ они, желалъ бы унестись
Въ морскую даль по голубымъ волнамъ...
Земля—и всѣ мы на берегъ выходимъ,
А паруса—недвижны... Отъ солдатъ
Я убѣжалъ, мой слѣдъ для нихъ потерянъ...
Свободенъ я, свободенъ — и бѣгу,
И на лицѣ нѣтъ маски страшной... Вѣтеръ
Перебираетъ волосы мои
И солнца свѣтъ въ лицо мнѣ ударяетъ.
— О, женщины! Куда бѣжите вы?
Останьтесь на лугахъ своихъ зеленыхъ
И пойте снова пѣсни. Для чего
По хижинамъ скрываться?.. Лишь одна

Бѣжать не захотѣла и безъ страха
Меня ждала... О, неужель она
Желѣзной Маски вовсе не боится?
О, нѣтъ, на молодомъ ея лицѣ,
Лицѣ прекрасномъ, слезы я замѣтилъ,
Въ ея чертахъ сіяло состраданье...
Солдаты вновь... Что нужно вамъ солдаты?
Ищу я только солнца и любви...
На эту женщину взгляните вы и съ нею
Позвольте убѣжать мнѣ: вѣдь она
Зоветъ меня, вдвоемъ съ ней жить я буду...
Идите же, скажите королю,
Что для него я больше не опасенъ.
Съ моей подругой въ горы я уйду
И откажусь отъ прошлаго безъ мщенья.
Мое безславье скрою я отъ всѣхъ,
Я ваше преступленіе забуду
Хотя ужасно ваше преступленье...
Я васъ прощу;—свободу дайте мнѣ...
Нѣтъ, вновь въ тюрьму влекутъ меня, о Боже!
Я родился быть жертвой... Стойте! Вотъ
Я вижу предъ собой свою могилу
И съ радостью сойду въ нее: она
Отъ вашей власти узника избавитъ,
И ужъ въ гробу я не услышу вновь
Ключей тюрьмы ужаснаго бряцанья...
Но кто ты, человѣкъ въ одеждѣ мрачной?...
Не тѣнь-ли ты несчастнаго, давно
Окончившаго жизнь въ темницѣ этой?...
Онъ слезы льетъ... О, неужель, бѣднякъ,
Ты плачешь о потерянной свободѣ?»

Монахъ.

Я плачу о тебѣ, мой сынъ... Смотри.
Передъ тобою—вѣчность...

Умирающій.

Что мнѣ вѣчность!
И въ ней опять оковы я найду.

Монахъ.

Нѣтъ, въ ней найдешь ты милость и прощенье,

Произнеси одно лишь только слово
Раскаянья и—Богъ тебя спасетъ.

Умирающій.

Старикъ, оставь меня!...

Монахъ.

Произнеси:
Я вѣрую—и будешь жить ты снова.

Умирающій.

Ни кто всю жизнь не думалъ обо мнѣ,
А смерть моя... Старикъ, объ этой смерти
Заботиться теперь ужъ слишкомъ поздно...»
Послѣднія усилія собравъ
Своей рукой больной ударилъ въ стѣну.
«О, Боже! говорилъ сѣдой монахъ,
Приди ты самъ для помощи къ страдальцу!»
И вынулъ онъ изъ чаши хлѣбъ святой,
Вся стража опустилась на колѣни...
Но было уже поздно: испустилъ
Послѣднее дыханье бѣдный узникъ.

VI.

Одинъ, всю ночь читалъ въ тюрьмѣ молитвы
Монахъ у изголовья мертвеца;
По временамъ рыданія мѣшали
Ему читать, тогда святой водой
Кропилъ монахъ того, кто, въ озлобленьи,
Безъ покаянья бросилъ этотъ міръ...
И снова онъ читалъ надъ нимъ молитвы,
И глухо раздавался по тюрьмѣ
Дрожащій голосъ стараго монаха.
Съ разсвѣтомъ дня онъ чтенье прекратилъ.
Чу! раздались шаги и голоса:
Одна минута только оставалась...
Старикъ желалъ хоть послѣ смерти знать
Черты лица высокаго страдальца.
Дрожа всѣмъ тѣломъ, пастырь подошелъ
Къ покойнику, но подъ желѣзной маской
Лежалъ предъ нимъ таинственный мертвецъ:
Онъ въ маскѣ жилъ и съ ней сошелъ въ могилу.

Дмитрій Минаевъ.

ОСТРОВЪ КРИТЪ И КАНДІОТЫ.

(Изъ воспоминаній путешественника (*)).

I.

ОПИСАНІЕ КРИТА.—ОБЛАСТЬ БѢЛОГОРЬЯ.

Критъ, какъ и бо́льшая часть острововъ Архипелага, пересѣченъ длиннымъ хребтомъ горъ, идущимъ съ Востока на Западъ, отъ одного берега къ другому. Этотъ хребетъ состоитъ изъ трехъ возвышенностей, на первый взглядъ кажущихся какъ бы совершенно отдѣльными высотами, но на самомъ дѣлѣ составляющихъ одну цѣпь. На Востокѣ острова возвышается Диктэ (нынѣ называемая Лассити или Ситіа), въ центрѣ—Ида (нынѣ Псилорити), на Западѣ—Монъ-Бланъ, Бѣлыя горы (или Сфакійскія), названныя такъ въ древности, потому ли что ихъ вершины бо́льшую часть года бываютъ покрыты снѣгомъ, или вѣрнѣе, если я не ошибаюсь, вслѣдствіе ихъ бѣлаго цвѣта, такъ какъ это известковыя скалы, иногда напоминающія своимъ видомъ мраморъ. Этѣми тремя возвышенностями островъ дѣлится на три, весьма различныхъ округа, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой отличительный характеръ и свою физіономію.

(*) Жоржа Перро. Статья эта—частію извлеченіе, частію переводъ только что вышедшей въ Парижѣ его книги: «*L'ile de Crète*, souvenirs de voyage, par George Perrot, ancien membre de l'Ecole francaise d'Ahtenes (Paris, 1867),» въ которой перепечатаны письма Перро во время путешествія его на Критѣ, помѣщавшіяся нѣкогда въ «Revue de deux mondes». Важность событій, совершающихся въ настоящее время на островѣ Критѣ и желаніе познакомить русскую публику съ его этнографіей—заставили насъ помѣстить въ «Невскомъ Сборникѣ» эту статью, въ которую вошла вся фактическая часть сочиненія Перро. Выпущены нами только пристрастныя разглагольствованія ея автора, не отличающагося особенною искренностію своихъ симпатій къ грекамъ, о несвоевременности настоящаго возстанія, о будущихъ судьбахъ Греціи и т. д. и т. д.—все, изложенное съ присущимъ французскимъ писателямъ *турколюбіемъ* и съ точки зрѣнія самодовольнаго мѣщанина—француза. Выпущено нами также словообильное предисловіе Перро, обнимающее древнюю исторію Крита, какъ имѣющее только археологическій интересъ. Вообще изложеніе Перро довольно вяло и, еслибы намъ въ европейской литературѣ встрѣтилось какое нибудь другое описаніе современнаго состоянія этой малоизвѣстной страны и ея жителей, съ болѣе литературнымъ изложеніемъ, мы бы конечно его предпочли, но къ сожалѣнію всѣ поиски наши въ этомъ направленіи не имѣли успѣха, — и для ознакомленія русской публики съ географіей, этнографіей и исторіей Кандіи и Кандіотовъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что можно было найти.

Ред.

Такъ какъ параходъ, держащій сообщеніе острова Крита съ Афинами, пристаетъ въ Канеѣ, и такъ какъ Канея находится у подошвы Бѣлыхъ Горъ и въ центрѣ мѣстности, господствующей надъ этѣми суровыми возвышенностями, то мы и начнемъ наше описаніе съ Канеи, слѣдовательно съ западнаго округа (*). Когда подъѣзжаешь къ Криту со стороны Канеи, то при первомъ взглядѣ онъ не особенно поражаетъ своимъ видомъ глаза путешественника, въ особенности если вспомнить, что когда-то жители сравнивали его съ раемъ, а Арабы думали найдти на немъ ту обѣтованную землю, текущую медомъ и млекомъ, о которой имъ предвѣщалъ Коранъ. Канея, стоящая теперь, въ чемъ никакъ нельзя сомнѣватся, на мѣстѣ древней Кидоніи, есть небольшой городъ, въ которомъ живетъ около 18 тысячъ жителей; дома его выкрашены всѣ бѣлой краской; при полномъ отсутствіи садовъ и зелени его видъ далеко не имѣетъ той пріятности и того красиваго разнообразія, какое обыкновенно представляютъ издали почти всѣ турецкіе города. Вокругъ Канеи простирается небольшая равнина, каменистая и сожженная солнцемъ; въ то время, въ которое я въ первый разъ увидалъ эту страну т. е. въ сентябрѣ 1857 года, она уже давно была лишена своего единственнаго украшенія:— тощіе хлѣба, вырастающіе здѣсь съ большимъ трудомъ, были уже сжаты; съ восточной стороны—стоятъ голыя и печальныя скалы Шалепы и находится огромный холмистый мысъ Акротири; съ запада — небольшой островокъ съ мысомъ, не менѣе пустыннымъ и скалистымъ, жалкая зелень, котораго также вся выжжена солнцемъ. Въ глубинѣ картины возвышаются величественныя массы Бѣлыхъ Горъ; горамъ этѣмъ, чтобъ быть дѣйствительно прекрасными, мѣшаетъ только однообразіе и гладкость ихъ контуровъ и недостатокъ оригинальности въ ихъ формахъ. Благодаря удивительной прозрачности воздуха, глазъ можетъ разсмотрѣть покатости, проникнуть въ лощины, окинуть округленныя и похожія одна за другую вершины, но вездѣ встрѣчаетъ одинаковое отсутствіе растительности; все тѣ же голыя скалы, да сѣроватый, землистый цвѣтъ грунта. По скату горъ не видно ни лѣсу, ни зелени, только въ глубинѣ долинъ едва замѣтишь нѣсколько скучныхъ оливъ. Подлѣ города поля окружены громадными алоями; что, взятое все вмѣстѣ, какъ бы напоминаетъ Африку. Деревня Феллаховъ, построенная подъ самыми стѣнами города, еще болѣе производитъ это сходство; Феллахи пришли на Критъ съ Ибрагимомъ; они составляли его армію и по окончаніи войны эти урожденцы Египта и Сиріи предпочли лучше остаться на островѣ, чѣмъ возвращаться на родину; переселили сюда своихъ женъ и дѣтей или пережелись на африканкахъ, которыхъ привозили на островъ, какъ рабынь — для

(*) Тому, кто пожелалъ бы имѣть подробное описаніе замѣчательныхъ развалинъ о-ва, и познакомиться съ древнею и новою его географіею, мы не можемъ рекомендовать ничего лучше, какъ описаніе и карту острова, составленныя англичаниномъ Пашлэ. Пашлэ (Pashley) осматривалъ Критъ въ 1834 году, и его книга появилась въ Лондонѣ, въ 2-хъ томахъ въ 8°, съ довольно вѣрными литографіями и гравюрами, рѣзанными на деревѣ, подъ заглавіемъ: *Travels in Crete, 1837*. Кромѣ того существуетъ еще описаніе о-ва, подъ заглавіемъ; *Les cent villes de la Crete*, принадлежащее Тенону (Thenon). Сочиненіе это было представлено во Французскую Академію Надписей и Словесн. Наукъ, но до сихъ поръ еще не издано, такъ какъ авторъ не успѣлъ его кончить. Для науки это большая потеря, такъ какъ Тенонъ посѣщалъ о-въ два раза и съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ всѣ его округа. Описаніе его гораздо лучше составлено, гораздо болѣе систематично, нежели трудъ Пашлэ. Но въ особенности оно превосходитъ послѣдній своею полнотою; Пашлэ осматривалъ весь о-въ и заносилъ все въ свой дорожникъ и на карту, но не извѣстно, почему пропустилъ восточный округъ и тѣ развалины, которыя находятся въ немъ. Книга Пашлэ имѣетъ еще другой недостатокъ: она переполнена разными примѣчаніями, и даже въ самомъ текстѣ, мы находимъ, что интересные разсказы о самомъ путешествіи перемѣшаны и испорчены несостоятельными претензіями на ученыя толкованія видѣннаго имъ.

продажи. Вмѣсто того, чтобы поселиться внутри острова, они поселились на берегу, воспроизведя собѣ тутъ, какъ бы небольшой клочекъ Египта. При видѣ ихъ бѣлыхъ и низкихъ домовъ почти безъ оконъ, плоскихъ кровель, попокрытыхъ высушенными листьями, при видѣ арабскихъ и нубійскихъ женщинъ, сидящихъ безъ покрывалъ на порогахъ своихъ домовъ, и другихъ, возвращающихся съ фонтана съ кувшинами изъ красной глины на головѣ, поддерживаемыми загорѣлыми руками бронзоваго цвѣта, подумаешь, что находится на Дельтѣ, около Даміеты или Александріи. Сходство острова съ Африкой, въ то время, когда я прибылъ въ Канею, увеличивало еще то, что подлѣ самой Канеи, кочевало въ шатрахъ цѣлое племя Арабовъ Бенгазисовъ, которыхъ нищета выгнала изъ Африки. Какъ мало нужно этимъ людямъ, чтобъ укрыться отъ непогоды и прикрыть свое тѣло! Ихъ шатры состоятъ изъ четырехъ палокъ, воткнутыхъ въ землю, на которыхъ натянута черноватая матерія изъ козьей шерсти, а бока загорожены плетенымъ тростникомъ и тряпками. Платье, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ сѣраго холщеваго балахона. Почти всѣ женщины съ раннихъ лѣтъ сожжены и высушены солнцемъ — онѣ какъ бы выдублены условіями своей жизни подъ солнцемъ, вѣтромъ и дождемъ. Грязныя лохмотья, служащія имъ одеждой, не придаютъ имъ особенно привлекательнаго вида; голубоватая татуировка, которой онѣ украшаютъ свои подбородки, плечи и руки нисколько не краситъ ихъ: вообще онѣ имѣютъ большое сходство съ колдуньями; но между очень молодыми есть нѣсколько очень хорошенькихъ, и иногда, проходя мимо какой нибудь палатки, не трудно замѣтить выглядывающія оттуда чудныя, граціозныя головки или сверканіе пары блестящихъ глазъ. Какъ въ деревнѣ Феллаховъ, такъ и въ ставкѣ племени Бенгазисовъ раздаются только жестокіе и гортанные звуки арабскаго языка.

Войдя въ городъ, мы не нашли въ немъ ничего замѣчательнаго. Онъ защищенъ оградой (стѣной), построенной по новѣйшей системѣ, съ укрѣпленіями, насыпь которыхъ едва доходитъ до рва, и пятью бастіонами съ земляными гласисами, поросшими сожженою солнцемъ травою. Широкій и глубокій ровъ служитъ жителямъ для произрастанія овощей. Базаръ не представляетъ никакой оригинальности; на немъ можно найдти только европейскіе товары низшаго достоинства, бракъ, обыкновенно идущій на рынки востока. Возбудить интересъ въ путешественникѣ могутъ только остатки публичныхъ и частныхъ построекъ венеціанцевъ, именно портъ и магазины, крытыя навѣсами мѣста стоянокъ галеръ, да дома знатныхъ венеціанцевъ, весьма хорошо сохранившіеся, съ гербами надъ входами. Большая часть этихъ домовъ разукрашена рѣзною работою во вкусѣ XV и XVI столѣтій; но ни одинъ изъ нихъ далеко не напоминаетъ дворцовъ Большаго Канала. Провинціальная пышность кандіотовъ не могла равнятся роскоши патриціевъ метрополіи. Можетъ быть, впрочемъ, эти остатки—развалины не лучшихъ домовъ. Точно также я не нашелъ ничего замѣчательнаго ни въ развалинахъ католическихъ церквей, обращенныхъ въ послѣдствіи въ мечети, ни въ развалинахъ монастырей, подчинявшихся нѣкогда этимъ церквамъ. Что касается до остатковъ древней Кидоніи, то, не смотря на свидѣтельства нѣкоторыхъ туристовъ послѣдняго столѣтія, я не могъ ничего найдти, ни въ самомъ городѣ, ни въ его окрестностяхъ. Розысканія, которыя я предпринялъ съ однимъ изъ моихъ товарищей по аѳинской французской школѣ, г. Тенономъ, не привели ни къ чему. Новый городъ употребилъ на свои постройки всѣ остатки древняго города, о которомъ упоминаетъ еще Гомеръ. И такъ, въ Канеѣ нѣтъ ничего, что могло бы надолго удержать вниманіе путешественника и потому и въ описаніи нашемъ поспѣшимъ проникнуть во внутрь о-ва и будемъ держать путь

вдоль западнаго берега, черезъ интересные округа Селинойскій и Сфакійскій. Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Канеи къ западу стоитъ Платанія, деревня, обязанная своимъ названіемъ прекраснымъ платанамъ (чинары), растущимъ по берегамъ ея рѣки. Немного дальше встрѣчается монастырь *Гонія*, построенный, какъ показываетъ самое его названіе, въ крайнемъ углѣ канейскаго залива, при началѣ мыса Спада (древняя Диктимнейская гора). Отъ монастыря до конца мыса нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ и безплодныхъ скалъ. Переваливъ черезъ хребетъ, соединяющій мысъ Спада съ центральнымъ узломъ Бѣлыхъ Горъ, къ концу втораго дня путешествія приходишь въ *эпархію* или округъ Киссамосъ. Главнымъ городомъ его Киссамосъ-Кастели, состоящій изъ двадцати домовъ и обязанный своимъ административнымъ значеніемъ стѣнамъ своей маленькой крѣпости, когда-то построенной венеціанцами, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ латинскія надписи надъ главнымъ входомъ въ нее. Позднѣйшая изъ этихъ надписей относится къ 1653 году и принадлежитъ Контарини, который велѣлъ привести крѣпость въ оборонительное положеніе, для защиты отъ турокъ, уже и тогда угрожавшихъ ей, а вскорѣ послѣ того и завладѣвшихъ сю. Во время войны за независимость мусульманское населеніе округа, чувствуя себя слабымъ вести борьбу въ полѣ, заперлось въ крѣпости Киссамосы и долго защищалось въ ней. Чума сильно уменьшила ихъ число и они, послѣ долгихъ и страшныхъ страданій, кончили тѣмъ, что сдались Грекамъ.

Не въ далекѣ, къ югу отъ Киссамоса, стоитъ деревня Палеокастро, занимающая теперь небольшое пространство древней Померреніи, когда то весьма важнаго города острова Крита. Этотъ городъ стоялъ на крутомъ и высокомъ холмѣ въ разстояніи $1^1/_2$ часовъ отъ моря. Только съ сѣверо-востока холмъ этотъ на вершинѣ котораго былъ Акрополь, примыкалъ къ сосѣднимъ горамъ, съ прочихъ же сторонъ его окружали пропасти, крутыя, покатистыя, долины, доходившія до самыхъ Бѣлыхъ Горъ. Остались отъ древности только многочисленныя пещеры, высѣченныя въ скалѣ, и составлявшія, вѣроятно, зады домовъ. Можно распознать еще развалины храмовой ограды и остатки самаго храма, подлѣ котораго находится нѣсколько надписей въ честь разныхъ римскихъ императоровъ: между ними одна посвящена Андріану. Но самое замѣчательное, что намъ осталось отъ древней Полирреніи, — это ея водопроводы. Городъ, расположенный на возвышенности, нуждался въ водѣ; ручей, бѣжавшій въ глубинѣ долины, былъ оченъ далекъ и при томъ первые лѣтніе лучи солнца обыкновенно изсушали его. Цистерны, устроенныя первоначальными жителями, мало удовлетворяли потребностямъ города, когда онъ сталъ населеннѣе.

Обыкновенно бываетъ, что, если жители какой либо мѣстности вынуждены довольствоваться водою только изъ цистернъ, то на воду такъ скупятся, что изъ за безпокойства и заботы о будущемъ, испытываютъ почти угрызенія совѣсти, когда приходится мыть руки. И при томъ, лишь только резервуаръ становится пустымъ, то одни только дожди могутъ наполнить его, а на Критѣ, какъ и въ Аттикѣ, лишь пришла весна, то Богъ вѣсть, когда пойдетъ дождикъ. А потому, весьма естественно, что жителямъ хотѣлось имѣть ближе воду, хотѣлось имѣть фонтанъ, въ которомъ женщины могли бы утромъ хотя промывать шерсть, а вечеромъ безъ боязни наполнить свои вмѣстительные кувшины, имѣть водопой, у котораго пастухи могли бы вдоволь поить свои стада. На сѣверной сторонѣ горы нашли источникъ, тогда прорыли гору и провели воду на югъ города.

Теперь сохранились два водоема, высѣченныхъ въ скалѣ, которая по счастію оказалась состоящей изъ мягкаго известника; одинъ имѣетъ 1 метръ 35

центиметровъ ширины при 2 метрахъ 30 цент. высоты, другой меньшихъ размѣровъ. Бо́льшій изъ водоёмовъ по видимому и охранялся старательнѣе; внутри онъ раздѣленъ на двѣ части; вода течетъ по жолобку; работникъ, приставленный смотрѣть за водоемомъ, можетъ весьма удобно ходить по воронкѣ. Многіе крестьяне говорили мнѣ, что они проникали весьма далеко въ водопроводъ и ходили въ немъ болѣе часу, не встрѣчая препятствій, но не дошли до источника. Судя по ихъ словамъ, въ скалѣ устроенъ родъ колодъ, по которымъ проходитъ вода; онѣ безъ сомнѣнія устроены были для того, чтобы вода могла отстаиваться въ нихъ и такимъ образомъ избавляеться отъ песку и разныхъ постороннихъ примѣсей, механическаго образованія.

Источникъ этотъ никогда не высыхаетъ и теперь онъ одинъ только даетъ людямъ возможность существовать на этѣхъ развалинахъ когда-то славнаго и большаго города.

Но жителямъ древней Полирреніи мало было того, чтобы обезпечить свой городъ чистою водою, имъ, какъ истымъ Грекамъ, хотѣлось, чтобъ ихъ водопроводъ кромѣ своей полезности, былъ еще и красивъ; для этаго они устроили два фонтана, не въ дальномъ разстояніи одинъ отъ другаго, представляющіе памятникъ, не лишенной изящества и оригинальности. При входѣ въ подземные ходы водопровода, сдѣланъ гротъ, который по всей вѣроятности, былъ посвященъ нимфѣ—покровительницѣ источника; ниша въ гротѣ, до сихъ поръ еще уцѣлевшая, указываетъ на то, что тутъ стояла ея статуя Не вдалекѣ отсюда, въ грудѣ развалинъ нашли остатки карниза іонійской, рѣзной работы, прекрасно исполненной. При помощи этихъ остатковъ, нетрудно себѣ представить, что передъ входомъ въ водопроводъ, внѣ грота былъ построенъ красивый фасадъ, родъ входа въ святилище. На право и на лѣво отъ этого входа, отвѣсная скала, по видимому была покрыта мраморомъ.

Небольшая равнина, находящаяся въ глубинѣ залива киссамоскаго, и которая когда-то принадлежала къ городскому округу, сохранила и теперь свое древнее названіе Мезогеи. Мысъ Корикосъ, горы котораго окружаютъ эту равнину съ восточной стороны, голъ и лишенъ растительности: на немъ нѣтъ ни одной деревни, ни одной дороги. Узенькая тропинка, по которой и на мулѣ едва можно пробраться, ведетъ къ небольшому острову, на которомъ стоитъ замокъ Грабузъ, нѣкогда игравшій большую роль въ войнѣ Венеціи съ Турками и въ недавней борьбѣ грековъ за независимость. Самый опасный переходъ по этой тропѣ есть, такъ называемый Каки-скала, слово въ слово дурная лѣстница; красная, красивая скала совершенно отвѣсно виситъ надъ голубой водою, по ней то идетъ дорожка, по которой трудно повѣрить, чтобъ могли вскарабкаться коза или бѣлка, а между тѣмъ по ней проходятъ мулы и люди; но какимъ способомъ—это трудно рѣшить. Красный цвѣтъ скалы, ея остроконечная форма, безчисленное множество камней, наконецъ самая мысль, что одинъ невѣрный шагъ можетъ васъ увлечь въ пропасть, все это внушаетъ страхъ и приводитъ въ ужасъ путника. Острова Грабуза и берегъ подлѣ котораго они лежатъ производятъ не менѣе сильное впечатлѣніе.

Надъ всею мѣстностью господствуетъ конусообразная возвышенность горы Корикосъ, сѣрой, печальной и голой; къ сѣверу и къ югу отъ нее идутъ высокія и страшныя скалы. Самые островки, отстоящіе недалеко отъ материка, суть ничто иное, какъ отроги скалъ, стоящіе отвѣсно надъ водою. Самый меньшій изъ нихъ есть тотъ, на которомъ стоитъ знаменитая, почти неприступная крѣпость, въ которой венеціанцы продержались до 1699 г., несмотря на то что весь Критъ былъ завоеванъ турками уже въ 1666 году.

Къ ней можно подойти только съ одной стороны и то отъ пристани до платформы, на которой стоитъ самая крѣпость, нужно пройти еще крутую покатость, которая можетъ быть прекрасно защищена. Между островомъ и берегомъ лежитъ прекрасный рейдъ, на которомъ во всякое время, могутъ стоять самые большіе суда. Мы не ѣздили на островъ, потому что съ нами не было лодки, на которой можно было бы переправиться на него и пришлось бы потерять много времени прежде, чѣмъ мы дозвались бы съ острова, кого нибудь изъ солдатъ составляющихъ гарнизонъ крѣпости. Съ берега видны, на утесѣ остатки греческихъ домовъ, построенныхъ ими во время войны за независимость. Единственными обитаемыми Грабуза только 40 человѣкъ солдатъ, которые подъ начальствомъ своего несчастнаго поручика, проводятъ на островѣ четыре мѣсяца самой жалкой жизни; но во время борьбы за независимость, въ продолженіи многихъ лѣтъ, она вмѣщала въ себѣ не одну тысячу народа, со всѣхъ сторонъ стекавшагося подъ защиту ея неприступныхъ стѣнъ и множества пушекъ, въ ней находившихся. Грабузъ былъ взятъ греками у турокъ благодаря смѣлому подвигу Дмитрія Калерджи, совершенному зимнею ночью. Калерджи былъ тогда еще очень молодымъ человѣкомъ а потомъ, послѣ аѳинской революціи 1843 года, долго былъ представителемъ Греціи въ Парижѣ. Тотчасъ послѣ взятія крѣпости, она составила убѣжище для бѣглецовъ, преимущественно это были Критяне съ ихъ женами и дѣтьми, румелиты, гидріоты, спеціоты. Всѣ эти бѣглецы должны были питаться только произведеніями моря, такъ какъ безплодный островъ не давалъ даже травы для скота, перевезеннаго ими съ материка. Небольшая вооруженная флотилія, скоро образовалась подъ защитою баттарей крѣпости; на этихъ судахъ Греки совершали свои набѣги на турецкія владѣнія, добывали себѣ лѣсные припасы и грабили турецкія суда на морѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ у приморскихъ народовъ корсарство скоро превращается въ пиратство и Греки на своихъ гальотахъ и бригахъ, при удобномъ случаѣ нападали на суда европейскихъ купцовъ: англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ; экипажъ они убивали, грузы—разграбляли. Такія безчинства не могли быть допущены: и и въ Февралѣ 1828 года, англійская эскадра расположилась передъ Грабузомъ. Самые смѣлые изъ пиратовъ, тѣ, которые опасались, что имъ достанется больше всѣхъ—бѣжали; оставшіяся греческія суда были сожжены; англичане заняли самую крѣпость, за предѣлами населенія Грабуза, разсылая кого было можно, обратно, на мѣста прежняго ихъ жительства; товары, награбленные пиратами были возвращаемы тѣмъ изъ владѣльцевъ, кого можно было розыскать. Мнѣ разсказывалъ одинъ очевидецъ, что между награбленнымъ были вещи самыя разнообразныя, бо́льшая часть которыхъ была совершенно безполезна для завладѣвшихъ ими пиратовъ.

Самые дорогіе предметы были сложены въ кучу, подъ навѣсомъ изъ досокъ, построеннымъ на скорую руку; прочіе просто валялись на берегу. Бо́льшею частью это были предметы роскоши, произведенія парижскихъ фабрикъ: ленты, перчатки, шляпы, которыя предназначались щеголямъ Смирны и Пирея. Такъ какъ на маленькомъ Грабузѣ не процвѣтали французскія моды, то всѣ этѣ вещи валялись на берегу, въ ожиданіи, что кто нибудь купитъ по сходной цѣнѣ эти плоды кроваваго грабежа. Подлѣ кипъ шелковыхъ матерій лежали кипы бумаги; но на Грабузѣ на что можно было употребить эту бумагу, кромѣ только пыжей для ружей? Когда англичане заняли островъ, то они дали знать черезъ консуловъ во всѣ порты Средиземнаго моря, что всѣ негоціанты, суда которыхъ были разграблены, могутъ получать обратно все, что имъ принадлежитъ и что только будетъ узнано ими. Но немногіе явились за полученіемъ; эти грабежи были произведены уже за нѣсколько

мѣсяцевъ, даже лѣтъ тому назадъ, и тѣ, которые подверглись имъ, успѣли уже по бо́льшей части, если только сами не были убиты, понаверстать свои потери. Въ продолженіи долгаго времени вещи лежали въ такомъ видѣ, ожидая своихъ владѣльцевъ, многія испортились, многія были украдены и, такимъ образомъ, мало по малу, эти оригинальные магазины опустѣли.

Если, окинувъ взоромъ Грабузъ, продолжать идти по направленію къ югу, по пустынному берегу, то скоро наткнешься на развалины, которыя суть ничто иное, какъ остатки города Фалосарны, о которомъ часто упоминаютъ древніе писатели. Хотя Фалосарна и была построена на материкѣ, но должна была быть также неприступна, какъ и Грабузъ на своемъ островѣ. Городъ былъ расположенъ на отлогостяхъ высокой скалы, окруженной съ одной стороны моремъ, а съ другой небольшой равниной. Со стороны моря нѣтъ никакой возможности взобраться на нее, такъ какъ съ этой стороны скала представляетъ чрезвычайно крутой обрывъ, даже безъ тропинокъ, и на ней гнѣздятся только голуби. Со стороны материка, Фалосарна была тоже хорошо защищена; по долинѣ, недалеко отъ подошвы горы, была выстроена двойная стѣна съ квадратными башнями; позади ея высилась скала, доступная развѣ только козамъ. Только въ одномъ мѣстѣ, покатость, довольно, впрочемъ, крутая, но все-таки доступная для всхожденія, образовывала какъ бы брешь города и раздѣляла городъ на двѣ половины. Съ этой покатости двѣ лѣстницы, частью изсѣченныя въ скалѣ, частью на подвижныхъ блокахъ, вели на двѣ платформы, на которыхъ собственно и были расположены зданія и дома. Остались еще слѣды этѣхъ построекъ, хотя время и стремится ихъ уничтожить. Когда мы были у этого мѣста, то не смотря на то, что на кручу первымъ взошолъ проводникъ нашъ—поселянинъ, легкій какъ серна, и подалъ намъ буксиръ, мы все-таки, на каждомъ шагу, рисковали сломать себѣ шеи. Спрашивается теперь не о томъ, какимъ образомъ могъ взобраться непріятель—ему, я думаю, такая мысль и въ голову не приходила; но какимъ образомъ сами жители входили на нее и сходили назадъ? Чтобы богатый и населенный городъ, оставившій слѣды своего могущества, могъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, между небомъ и землею, существовать на крутой скалѣ, которая, повидимому, могла служить только убѣжищемъ орламъ и коршунамъ, нужно предположить, что общественный строй острова былъ весьма плохъ, что миръ и безопасность на немъ не были прочны. Отсутствіе воды должно было еще значительно усиливать неудобства жизни въ этомъ городѣ. Насъ самихъ жажда согнала съ этѣхъ высотъ, и мы только съ большимъ трудомъ отыскали на берегу въ пескѣ, довольно далеко уже отъ развалинъ, небольшой ручеекъ, который по каплямъ сочится изъ подошвы скалы, поросшей мохомъ. Два невысокихъ, но объемистыхъ фиговыхъ дерева простирали у ручья свои вѣтви, повидимому, всѣми силами стараясь какъ можно ближе быть къ землѣ, чтобъ воспользоваться свѣжей сыростью, доставляемой ручьемъ. Вся окрестность Фалосарны также гола, печальна и пустынна, какъ сѣверо-западная часть Крита, тогда какъ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, по направленію къ югу, лежитъ округъ *Енія-хорія* (слово въ слово—«девять деревень»), въ которомъ растетъ лѣсъ и много проточной воды, но въ которомъ нѣтъ никакихъ остатковъ старины. Первые жители Крита выбирали мѣста для жительства не по плодородности почвы или удобствамъ для поселенія, а скорѣе обращали вниманіе, насколько мѣстность защищена отъ непріятеля, а потому и селились на берегу моря, но на неприступныхъ скалахъ; нынѣшніе поступаютъ наоборотъ и руководствуются въ своемъ выборѣ другими побужденіями. Впрочемъ, за исключеніемъ только что описанной нами скалы, вся эта часть острова Крита замѣчательно прекрасна. Едва только выйдешь

изъ безплодныхъ песковъ подножья раскаленныхъ скалъ, какъ глазамъ открывается роскошная мѣстность, на которой оливковыя деревья, платаны и каштаны даютъ обширную тѣнь, и гдѣ журчащіе ручейки и довольно сильное благоуханіе дикой мяты производятъ освѣжающее дѣйствіе. Послѣ мѣстности, бѣдной по растительности, каштановыя деревья, растущія только въ этомъ округѣ, кажутся взору какими-то великанами. И дѣйствительно, эти деревья достигаютъ здѣсь поражающихъ размѣровъ, въ особенности около одной деревеньки, сохранившей свое древне-греческое названіе Елосъ. Эта долина Елосъ выдается своею особенною красотою среди всѣхъ восхитительныхъ мѣстностей, по которымъ мы странствовали цѣлыхъ два дня. Въ глубинѣ ея бѣжитъ маленькая рѣчка, огибающая оливковыя плантаціи, по сторонамъ идутъ тучныя пастбища съ густою и пахучею травою. Выше, по скату холма, высятся огромныя каштановыя деревья, громадныя вѣтви которыхъ спускаются въ быстрые ручьи. Мы были въ этомъ округѣ въ октябрѣ; осень была въ разгарѣ; и мы видѣли какъ женщины и дѣти, опустивъ голову и вперивъ глаза въ землю, ходили по лѣсу и подбирали созрѣвшіе и отпавшіе каштаны; подъ тѣнью деревъ прятались дома, расположенные въ лѣсу.

Въ разстояніи часа отъ Елоса оканчивается округъ киссамоскій и начинается округъ селиносскій, занимающій весь юго-западъ Крита. Мало по малу перестаютъ попадаться каштановыя деревья, но за то входишь въ прекрасные оливковые лѣса. Ни въ Аттикѣ, въ которой копье Палады заставило рости это священное дерево, ни на холмахъ Тиволи, Амальфи или Соренты, ни въ прекрасныхъ садахъ, окружающихъ Палермо, нигдѣ, ни въ Греціи, ни въ Италіи, ни въ Сициліи, я не видалъ такихъ прекрасныхъ оливковыхъ деревъ, какъ въ селиносскомъ округѣ.

Наши жалкія оливковыя деревья, растущія въ Провансѣ, не даютъ никакого понятія о критскихъ оливковыхъ деревьяхъ, съ ихъ могучими вѣтвями и множествомъ плодовъ. Здѣсь только человѣка недостаетъ природѣ, такъ какъ изъ этихъ прекрасныхъ плодовъ, которые земля приноситъ безъ всякаго ухода, здѣшній крестьянинъ умѣетъ только извлекать масло весьма дурного качества. Все масло, вывозимое съ Крита въ Марсель и Тріестъ, предназначается тамъ для промышленной обработки; наши нервы не могли бы вынести вони этой дурно приготовленной жидкости, какою она представляется здѣсь. Отвратительный запахъ здѣшняго масла происходитъ отъ того, что во время его приготовленіи, въ прессъ, вмѣстѣ съ хорошими маслинами, бросаютъ и гнилыя (*). Когда мы проходили черезъ этотъ округъ, то было время жатвы; деревни были пусты; но за то плантаціи оглашались криками и пѣснями. Подъ деревьями были разосланы широкія простыни, на которыя падали оливки; то снизу, то сверху, деревья колотили длинными шестами. Молодыя дѣвушки, чтобъ снять плодъ съ верхнихъ вѣтвей, взбирались на деревья и, полузакрытыя зеленью, выглядывали оттуда на насъ. Здѣсь не мѣсто описывать подробно интересныя развалины, которыя находятся въ селиносскомъ округѣ; скажемъ только, что тутъ сохранилось нѣсколько башень въ древне-греческомъ стилѣ, остатки города, стоявшаго подлѣ деревни Теменія, города, стѣны котораго были почти также толсты и массивны, какъ и у Тиринфа, и который въ древности былъ покинутъ ради Елироса, большаго города, владычествовавшаго когда-то надъ всей мѣстностью, носящей теперь названіе селиносской. (**)

(*) Касательно вопроса о важности масла для пропитанія критянъ, смотри Пашлэ т. II стр. 148.

(**) Двѣ надписи, найденныя мною и г. Тенономъ въ деревнѣ Родовани, въ первый разъ свидѣтельствуютъ положительнымъ образомъ о мѣстѣ нахожденія Елироса. Этѣ надписи еще не изданы.

Изъ деревни Родовани, находящейся подлѣ развалинъ Елироса, видна по направленію къ западу, не въ дальнемъ разстояніи, центральная масса Бѣлыхъ горъ, скрывающая въ своихъ изгибахъ сфакійскія ущелья. Здѣсь греческое населеніе сохранилось во всей своей первобытной чистотѣ и, какъ подъ владычествомъ турокъ, такъ и венеціанцевъ, всегда отстаивало свою независимость, на которую рѣдко рѣшался нападать завоеватель; до сихъ поръ въ этомъ округѣ слышится интересный языкъ, въ которомъ можно подмѣтить характеръ дорическаго нарѣчія, на которымъ когда-то говорилъ весь Критъ. Горы, со стороны селиносскаго округа, отдѣляющія долины сфакійскія, такъ высоки и неприступны, что до сихъ поръ самый кратчайшій путь въ Сфакію проходитъ черезъ Канею.

Дорожка, которая насъ привела въ этотъ округъ, проходитъ черезъ деревню Аликіану, знаменитую на Критѣ своими богатыми виноградниками. Лимонныя и померанцовыя деревья, которыя въ Италіи и на берегу сирійскомъ, даже въ самой Яфѣ только что достигаютъ высоты нашихъ яблонь, окаймляющихъ дороги въ Нормандіи, доходятъ здѣсь, какъ и оливковыя деревья въ Селиносѣ, до высоты и размѣровъ, какихъ я нигдѣ не видалъ. Здѣсь только можно понимать тѣ восхваленія, которыя поэты и путешественники расточаютъ померанцовымъ деревьямъ. Обработка и посадка этихъ деревьевъ на Критѣ началась, какъ меня увѣряли, въ Канеи, только въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но между тѣмъ, Турнефоръ въ 1700 году уже восхищался этими деревьями на островѣ и находилъ ихъ почти столь же прекрасными и высокими, какъ и лиссабонскія.

Сады Аликіану производятъ среднимъ числомъ до 4 мильоновъ померанцевъ въ годъ. Эти критскіе померанцы очень велики и пахучи и весьма цѣнятся на всемъ Востокѣ; въ Аѳинахъ, Константинополѣ и Смирнѣ, торговцы кричатъ по улицамъ: «критскіе померанцы!» точно такъ же, какъ въ Парижѣ кричатъ: «сладкій фонтеньблоскій виноградъ!».

Десять часовъ ходьбы отдѣляютъ отъ Канеи округъ Риза (буквально *коренъ*) страны, расположенной у самой подошвы и какъ бы подъ тѣнью сѣвернаго склона Бѣлыхъ горъ. Ручей, бѣгущій по небольшой долинѣ Карпи составляетъ границу съ Сфакійскимъ округомъ; путешественники, желающіе проникнуть далѣе въ страну, обыкновенно поятъ здѣсь лошадей, такъ какъ отсюда узкимъ дефиле начинается трудная дорога. Съ обѣихъ сторонъ дефиле стоятъ, совершенно отвѣсно, горы, покрытыя кустарникомъ и зелеными дубами. Если бы непріятелю, аттакующему Сфакію съ сѣвера, вздумалось кинуть тропинку и взобраться на вершины, то ему придется ползти по утесамъ, по камнямъ, съ шумомъ выкатывающимся изъ подъ его ногъ, и встрѣчать врага за каждой группой деревъ. Такъ въ августѣ 1821 года турки дѣлали такую важную попытку и она имъ стоила около тысячи человѣкъ. Тринадцать лѣтъ спустя послѣ этого происшествія, англійскій путешественникъ Пашлэ, которому мы обязаны единственной картой Крита, видѣлъ еще вдоль тропинки кучи костей, побѣлѣвшихъ отъ дождя. Черезъ три четверти часа пути по этому извилистому и узкому ущелью приходишь въ первые кантоны сфакійскіе, въ долину Аскифо.

Аскифа—долина со всѣхъ сторонъ замкнутая горами, и своимъ наружнымъ видомъ очень похожа на высокія равнины восточной Аркадіи. Вода, которая скопляется въ ней отъ дождей и тающаго снѣга прокладываетъ себѣ ходы подъ землей, а послѣ бурь и дождя почти буквально затапливаетъ низменности, родъ лощинъ, находящихся на сѣверо-западѣ равнины. Очевидно долина

Аскифо была прежде озеромъ; но ни преданіе, ни исторія не сохранили намъ воспоминаній объ этой эпохѣ, которую напоминаютъ только маленькіе скалистые холмы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышающіеся на гладкой поверхности долины; это, безъ всякаго сомнѣнія, были островки посреди озера. Камень, изъ котораго состоятъ эти холмы совершенно другаго цвѣта, чѣмъ окружныя горы и носитъ на себѣ слѣды долгаго вліянія воды. Во время зимы здѣсь бываетъ довольно значительный холодъ; снѣгъ здѣсь долго не таетъ, и въ Аскифо существуетъ одно только оливкое дерево, которое показываютъ, какъ рѣдкость. Всходы хлѣба бываютъ плохіе и жители сѣютъ только ячмень и разводятъ виноградники. Здѣсь, какъ и во всей Сфакіи, жители — коренные греки; они занимаютъ шесть деревень, стоящихъ въ долинѣ подлѣ горъ; но этѣ деревни бываютъ почти пусты во время зимы, потому что бо̀льшая часть аскифіотовъ имѣютъ дома и оливковые сады на морскомъ берегу и переселяются туда въ концѣ октября. Нѣсколько семействъ, которыя остаются на своихъ мѣстахъ, должны дѣлать запасы провизіи на продолжительное время; они иногда впродолженіе шести недѣль остаются отрѣзанными отъ остальнаго міра. Дорога, ведущая изъ долины Аскифо на южную сторону имѣетъ тотъ же характеръ, что и дорога изъ Канеи. Направляясь къ югу изъ долины, приходится проходить родъ ущелья и потомъ войдти въ узкое дефиле, извѣстное подъ именемъ *аскифійскаго горла*. Впродолженіи двухъ часовъ, дорога идетъ по высохшему ложу ручья, гдѣ приходится ступать по камнямъ, обточеннымъ водою. Нужно очень осторожно ставить ногу на землю; мулы скорѣе чуть дотрогиваются, нежели идутъ по гладкой и кремнистой скалѣ, которая звучитъ подъ ихъ копытами. Въ другихъ странахъ можно встрѣтить болѣе глубокія долины, горы гораздо выше, но я сомнѣваюсь, чтобы гдѣ нибудь на свѣтѣ существовало болѣе узкое ущелье. Собственно говоря, это не лощина, но разсѣлина, пробитая усиліями потока; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно, протянувши руки, сразу дотронуться до обѣихъ сторонъ разсѣлины.

На протяженіи мили ширина этой бреши не достигаетъ 5 или 6 метровъ; не болѣе, какъ только на полчаса пути разступаются нѣсколько ея стѣны и дорога дѣлается поудобнѣе.

Сильная зелень, прицѣпляясь къ всякой трещинѣ въ скалѣ, придаетъ еще больше эффекта этому ущелью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикія смоковницы ниспадаютъ надъ нашими головами, перекидываютъ свои вѣтви съ одной стороны на другую и, такимъ образомъ, составляютъ родъ навѣса, дающаго обширную тѣнь. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ дефиле немного расширяется, кипарисы и сосны растутъ по скату горы и спускаются до самаго ручья.

Еще бо̀льшее впечатлѣніе производитъ выходъ изъ этого ущелья, когда послѣ темноты и тѣсноты, вдругъ передъ вами открывается видъ на море съ его блещущими волнами, съ его островами, теряющимися въ легкомъ и прозрачномъ туманѣ, съ его необозримымъ горизонтомъ, въ глубинѣ котораго воображеніе ищетъ, а глазъ какъ бы находитъ отдаленную Африку.

Не далеко отъ берега лежитъ долина Франко-Кастели, съ развалинами замка того же имени, находящимися на высокой возвышенности; потомъ, поворачивая на западъ вдоль берега, мимо пустынной и дикой страны, скоро достигаешь Сфакіи—главнаго города всей этой мѣстности. Въ немъ считается до 500 домовъ; но видъ его не представляетъ ничего пріятнаго для глазъ. Бо̀льшая часть его строеній, разрушенная въ послѣднюю войну за независимость, не была возобновлена; другіе, въ которыхъ живутъ только во время зимы были еще заперты въ то время, когда мы были въ Сфакіи. На портъ нѣтъ и намека; нѣсколько каиковъ (особый видъ лодокъ) были просто вставлены на пес-

чаный берегъ и были тутъ оставлены, чуть не безъ всякаго призора. При помощи этихъ перевозочныхъ средствъ мы перебрались изъ Сфакіи въ Гагію Румели; сухимъ путемъ мы не рискнули идти, такъ какъ тропинки, ведущія въ этотъ округъ едва доступны самимъ горцамъ и даже *агриміямъ* (мѣстный видъ дикихъ козъ, живущихъ въ Бѣлыхъ Горахъ, головы которыхъ мы находимъ изображенными на многихъ монетахъ древнихъ городовъ этой мѣстности). При попутномъ вѣтрѣ нашъ каикъ шелъ полъ дня вдоль скалистыхъ береговъ, въ которыхъ прибоемъ вымыто множество пещеръ. На полдорогѣ между Сфакіей и Гагія-Румели, мы прошли мимо Лутро, древней гавани Фениксъ, единственной якорной стоянки у этихъ негостепріимныхъ береговъ. Нѣсколько гальотовъ стояли въ гавани на якорѣ. Деревня Гагія-Румели стоитъ на мѣстѣ древняго города Тарры и отстоитъ на 20 минутъ отъ берега, при входѣ въ долину того же имени. Деревня эта не велика, всего изъ сорока домовъ, защищенныхъ двумя высокими стѣнами скалъ, на которыя можетъ взобраться лишь одна серна. Долина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на столько широка, что позволяетъ жителямъ разводить небольшіе садики. Отъ этого мѣста послѣ трех-часоваго пути, который можно совершить неиначе, какъ пѣшкомъ, лежитъ деревня Самарія, расположенная при началѣ долины, или лучше сказать въ серединѣ Бѣлыхъ Горъ. Въ этомъ мѣстѣ ущелье менѣе съужено, чѣмъ долина Аскифо, а потому здѣсь больше разнообразія, больше воды, которая, какъ лѣтомъ, такъ и въ другое время года бѣжитъ въ изобиліи и, журча посреди скалъ, придаетъ мѣстности много эффекта. Виды постоянно мѣняются: то долина широка, скаты горъ поросли лѣсомъ: то вдругъ два колосальныхъ, лишенныхъ растительности утеса, такъ близко подходятъ другъ къ другу, что какъ бы хотятъ преградить дорогу путнику; красныя, отвѣсныя скалы висятъ надъ вашею головою. Въ иныхъ мѣстахъ передъ вами встаетъ совершенно прямая возвышенность, на которую приходится взбираться не безъ опасеній и страха. Эта тропинка проложена не человѣческими руками, но, какъ и въ Аскифо, сила потока проложила этотъ путь. Когда ручей не обиленъ водою, то онъ оставляетъ даже мѣсто для прохода людямъ; но лишь только дождь или тающій снѣгъ наполняютъ его, онъ расширяется и съ страшной силой напираетъ на мраморныя стѣны, тѣснящія его, онъ загромождаетъ ущелье пѣною, волнами и деревьями, вырванными имъ съ покатостей горъ. Тогда, какъ выражаются мѣстные жители, дверь заперта и обитатели Самаріи, впродолженіе всего времени, пока стоитъ полая вода, остаются запертыми въ ихъ лощинѣ, не имѣя никакой возможности пробраться въ Румели и къ морю.

Далѣе горы снова расходятся и образуютъ, такимъ образомъ, родъ круга, посреди котораго стоитъ группа высокихъ кипарисовъ и сосенъ, прикрывая своею тѣнью древнюю полуразрушенную церковь. Немного выше этого мѣста, посреди платановъ и дубовыхъ деревьевъ, бьетъ ключемъ обильный водою источникъ. Потомъ долина съуживается и, извиваясь, идетъ такъ до самой Самаріи. Въ Самаріи всего десятокъ домовъ, между которыми проходитъ источникъ. Позади этой деревушки долина оканчивается и тутъ начинаются самыя высокія горы хребта и въ изгибахъ его, на голубомъ фонѣ неба, можно ясно видѣть Елино-Сели, самую высокую изъ всѣхъ возвышенностей, соперницу самой Иды. По дорогѣ, самой опасной изъ всѣхъ дорогъ острова и которая проходима только въ нѣкоторые лѣтніе мѣсяцы, черезъ бугристыя лощины взбираешься на одну изъ возвышенностей, лежащую среди возвышенностей Бѣлыхъ Горъ и которая называется Омало (слово въ слово—ровный, гладкій).

Омало принадлежитъ къ селиносскому округу. Съ нее идетъ въ Сфакію тропинка, по которой весьма рѣдко проходятъ навьюченныя животныя. Даже

у муловъ дѣлается головокруженіе и случалось, что они, вмѣстѣ съ вьюками, падали въ пропасть. Эта дорога называется Ксилосъ скала (деревянная лѣстница), потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобъ была какая нибудь возможность взобраться на скалу, принуждены были, отъ одной извилины до другой, положить кипарисныя бревна и укрѣпить ихъ перекладинами.

По страшной дорогѣ, по которой мы должны были пуститься, чтобъ безъ приключеній доставить нашъ багажъ, мы отправились изъ Румели на каменистыя и холодныя нагорныя равнины Анополисъ и Арадена, которыя перерѣзываетъ узкая и глубокая разсѣлина, по которой идетъ тропинка. Кипарисы, растущіе тутъ по склонамъ, тощи, но дубы достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Этѣ нагорныя равнины, на которыхъ произростаетъ только ячмень, составляютъ вмѣстѣ съ долиною Румели тотъ сфакійскій округъ, который доступенъ со стороны Канеи только чрезъ ущелье Карпи, въ которомъ такъ легко остановить непріятеля при первыхъ его попыткахъ проникнуть въ округъ. Я не знаю страны, которая была бы лучше защищена самой природой, и которая могла бы служитъ лучшимъ убѣжищемъ для независимости и давала бы больше способовъ для долгихъ сопротивленій побѣжденной націи и угнетенной религіи. Остальная часть провинціи канейской не представляетъ ничего столь замѣчательнаго, какъ эта громадная цитадель, съ ея страшными стѣнами, узкими проходами, которые — снѣгъ и вода дѣлаютъ недоступными, впродолженіе бо́льшой части года.

Одинъ холмистый полуостровъ Акротиръ (въ древности мысъ Кіамонъ), отдѣляетъ заливъ канейскій отъ южной бухты, которая на своихъ глубокихъ водахъ, защищенная отъ всѣхъ вѣтровъ, могла бы вмѣстить флоты всего міра. Стоитъ только хорошенько построить и вооружить венеціанскій за̀мокъ, стоящій при самомъ входѣ въ бухту и здѣсь образуется прекраснѣйшій военный портъ. Акротиръ теперь почти пустыня и на немъ растутъ только оливковыя деревья, бо̀льшею частью принадлежащія большимъ монастырямъ св. Іоанна и св. Троицы; самыя деревья не высоки и тощи, но они даютъ самое лучшее масло, на всемъ Критѣ. Медъ, добываемый въ Акротирѣ, славится также на всемъ островѣ. Повидимому, при венеціанцахъ, развалины домовъ которыхъ повсюду видны, вся равнина была обработываема и приносила прекрасныя жатвы. Отъ южной бухты начинаются прекрасныя поля округа Апокорона, заключающагося между Бѣлыми-Горами, продолженія которыхъ, проходя черезъ Акротиръ, вмѣстѣ съ рѣкою Мурцула (древняя Месапосъ) составляютъ восточную границу канейской провинціи. Округъ апокоронскій не есть равнина, но огромная отлогость, съ холмами, которые могли бы казаться высокими, съ долинами, которыя могли бы казаться глубокими, если бы подлѣ не возвышалась страшная масса Бѣлыхъ-Горъ. Почва округа почти вездѣ обработывается и множество деревень виднѣется посреди оливковыхъ деревъ. Въ этомъ округѣ находятся интересныя развалины, въ особенности двухъ когда-то очень знаменитыхъ городовъ Крита: Аптеры и Лампа. Аптера (нынѣшній Палеокастръ) построена на плоской возвышенности, доступъ къ которой, впрочемъ, очень труденъ; она владычествовала надъ южной бухтой, на которой у нее былъ свой портъ Киссамосъ. Часть ея ограды существуетъ до сихъ поръ, мѣстами она сложена изъ массивныхъ, многоугольныхъ камней, мѣстами кирпичная, правильной кладки и напоминаетъ собой стѣны Мессены. Но самое интересное, что намъ осталось отъ Аптеры, это ея обширныя, сводчатыя цистерны: одна изъ нихъ длиною 25 метровъ, а шириною 12, имѣющая три ряда арокъ, въ особенности хороша и кажется прекрасною даже послѣ Константинопольскихъ водопроводовъ. Многія трубы изъ обожженной земли, проводившія воду въ этотъ резервуаръ, до сихъ

поръ находятся на своихъ мѣстахъ. Большая часть цистерны сдѣлана изъ кирпича, но арки сложены изъ обтесанныхъ камней. Внутри, бока цистерны выложены чѣмъ-то въ родѣ штукатурки, столь крѣпкой, что она почти вездѣ сохранилась до сихъ поръ (*).

Тогда какъ мѣстность Аптеры пустынна или, вѣрнѣе сказать, на ней живутъ только нѣсколько монаховъ, принадлежащихъ къ большому Патмосскому монастырю и смотрящихъ здѣсь за мызой, построенной почти по серединѣ развалинъ, довольно большая деревня стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое когда-то занималъ городъ Лампэ или Лаппа. Эта деревня носитъ нѣсколько названій; ея жители зовутъ ее Аргирополисъ, золотой городъ, Палеополисъ, древній городъ, или просто Полисъ, городъ; но крестьяне сосѣднихъ кантоновъ зовутъ его иногда, не знаю почему, Гайдурополисъ — ослиный городъ, или Самарополисъ—вьючный городъ.

Мнѣ разсказывали, что жители деревни убивали людей, приносившихъ письма, на которыхъ стояло одно изъ этихъ оскорбительныхъ прозвищъ. Антикварій находитъ здѣсь римскія надписи и развалины римскихъ построекъ; довольно обширные остатки послѣднихъ свидѣтельствуютъ, что городъ процвѣталъ при императорахъ. Его значеніе было также велико во время войны, такъ какъ онъ господствуетъ надъ ущельемъ, которое, не представляя, впрочемъ, очень затруднительнаго прохода, пересѣкаетъ высокіе холмы, посредствомъ которыхъ Бѣлыя-Горы соединяются съ Идой. Въ этомъ мѣстѣ, на самой серединѣ Крита, проходитъ самая кратчайшая дорога отъ одного берега къ другому (**).

II.

Область Иды.

Между тѣмъ какъ Бѣлыя Горы сплошною стѣною простираются съ Запада на востокъ, Ида, въ этомъ центрѣ Кандіи возвышается въ видѣ огромной пирамиды, вершина которой достигаетъ 2,500 метровъ. Отъ подошвы горы тянутся многочисленные контрфорты, служащіе какъ бы подпорой гиганскому конусу, который опираясь на нихъ, господствуетъ въ тоже время надъ ними. Развитіе этѣхъ прибавочныхъ цѣпей и долинъ, образуемыхъ ими и составляетъ въ этомъ мѣстѣ наибольшую ширину острова.

Мѣстность, орошаемая потоками Иды, заключаетъ два значительные пункта: Ретимо и Кандію. Ретимо, древній *Ретимносъ*, въ настоящее время служитъ резиденціей паши и есть главный городъ провинціи, обнимающей всю мѣстность между Бѣлыми-Горами и Идой. Городъ этотъ очень не великъ, имѣетъ цитадель съ полуразрушенными стѣнами, гавань, хотя и безопасную, но очень тѣсную; число его жителей простирается отъ 7до8,000 человѣкъ. Гавань посѣщается торговыми судами, которыя приходятъ сюда за оливковымъ

(*) Развѣдки, произведенныя въ Палеокастро Вешеромъ, доказали, что догадка Пашлэ была вѣрна, что дѣйствительно тутъ нужно искать развалинъ Аптеры. Г. Вешеръ нашелъ въ этихъ мѣстахъ большой декретъ, писанный на критскомъ нарѣчіи, выданный сенатомъ и народомъ городу Аптерѣ. Archives des missions scientifiques et littéraires; 2-e série, T. I, p. 439.

(**) Г. Тенонъ и я сняли копіи въ Агрирополисѣ двухъ декретовъ ламнейцевъ, которые, такимъ образомъ, положительно свидѣтельствуютъ о мѣстѣ нахожденія древняго города, о чемъ до сихъ поръ судили только по догадкамъ. Этѣ надписи еще не изданы.

масломъ, производствомъ котораго, хотя и занимаются на всемъ Критѣ, но которое здѣсь, отъ почвенныхъ условій провинціи Ретимо, лучшаго качества и спорить въ достоинствѣ съ ократирскимъ. Кромѣ своего древняго имени, городъ не сохранилъ въ себѣ никакого отпечатка древности и путешественникъ не найдетъ въ немъ ничего достойнаго вниманія; но вблизи его въ округѣ Милопотамо находится извѣстный гротъ Мелидони, который по своимъ сталактитамъ и странной ихъ формѣ, нисколько не уступаетъ знаменитому гроту на Антипаросѣ. Интересъ, возбуждаемый, какъ въ ученомъ, такъ и въ простомъ посѣтителѣ этой пещерой и ея извѣстковыми образованіями, увеличивается еще болѣе тѣми грустными и кровавыми воспоминаніями, на которыя наводитъ посѣщеніе этаго мѣста, воспоминаніями о самыхъ несчастныхъ эпизодахъ войны за независимость.

Входъ въ пещеру открывается среди внутренней поверхности скалъ, отесанныхъ еще въ въ древности рукою человѣка; между землею и поросшими мохомъ камнями еще донынѣ сохранились первые стихи древней надписи, современной римской эпохѣ. Надпись эту легко можно прочесть, она свидѣтельствуетъ, что во времена имперіи здѣсь покланялись Гермесу, подъ именемъ *Талмеена*; но культъ этотъ не на столько древенъ и, какъ кажется, гротъ этотъ въ прежнія времена посвященъ былъ Талосу, этому *бронзовому человѣку*, которому критяне поклонялись одновременно съ поклоненіемъ Миносу.

Въ очень отдаленную эпоху въ Кандіи кажется, существовали человѣческія жертвоприношенія, точно такъ-же, какъ и во многихъ другихъ частяхъ Греціи; нѣкоторыя черты изъ легенды Талоса заставляютъ предполагать, что именно этому божеству и приносились подобныя жертвы; очень вѣроятно, что пещера эта, въ ту эпоху служила театромъ таинственныхъ и кровавыхъ религіозныхъ церемоній.

Человѣческая бойня, совершенная здѣсь турками въ послѣднюю войну также можетъ быть была не первою бойнею, свидѣтелями которой были мрачные своды этой пещеры; можетъ быть кости другихъ жертвъ погребены также подъ ея твердымъ, блестящимъ и прихотливымъ саваномъ.

Гротъ очень глубокъ. Мы пробыли въ немъ болѣе двухъ часовъ съ крестьянами сосѣдней деревни, служившими намъ проводниками; каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку большихъ восковыхъ факеловъ. Залы смѣнялись залами, галереи—галереями и, принимая всевозможныя направленія, мы снова возвращались на только что оставленныя мѣста прежде, чѣмъ находили передъ собою путь загражденнымъ. Чтобы свободно слѣдовать по этой неровной почвѣ и посреди этѣхъ подземныхъ пропастей, необходимы были веревки и лѣстницы. Внутренность пещеры представляетъ очень неправильную форму, и трудно представить ее себѣ даже послѣ того, какъ исходишь гротъ по всѣмъ направленіямъ. Въ началѣ это были, какъ я полагаю, обширныя пустыя пространства, гдѣ вода, падая капля за каплею съ высоты пещеры впродолженіи многихъ тысячелѣтій, образовала мало по малу стѣны и своды, воздвигла препятствія, соорудила эти залы и галереи, различныя по формѣ и виду. Въ Мелидонѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ я видѣлъ сталактиты, они не имѣютъ ни прозрачности, ни блестящей грани, которыми надѣляютъ ихъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, болѣе поэтичныхъ, нежели вѣрныхъ; напротивъ, они имѣютъ бѣловатый, матовый почти земляной цвѣтъ. Разнообразіемъ, случайностью, странностью ихъ формъ объясняется тотъ эффектъ, который они производятъ: здѣсь, представляются ряды колоннъ и пилястровъ, похожихъ на наши кафедральныя готическія колонны; тамъ, тонкія колонки тѣснящіяся одна отъ другой, напоминаютъ собою органныя трубы; далѣе, раздѣляя два зала, одну отъ другой, большими складками виситъ огромная

драпировка, чудесная занавѣсь, похожая и на бархатную и на бѣлую глазетовую. Плафонъ, откуда спускаются эти неподвижныя украшенія, поднимается иногда такъ высоко, что совершенно скрывается отъ взора. Наши факлы, вдѣланные въ большіе деревянные отрубки, не могли своимъ дымнымъ пламенемъ свѣтить намъ на такое далекое разстояніе, чтобы можно было осмотрѣть границы мрачныхъ залъ, по которымъ мы бродили: сердце сжималось отъ какого-то неопредѣленнаго безпокойства, которое испытываетъ человѣкъ находясь такъ сказать, въ нѣдрахъ земли, далеко отъ живящихъ лучей солнца и отъ того «нѣжнаго, пріятнаго» свѣта, къ которому взываютъ и о которомъ сожалѣютъ, умирая всѣ героини греческой трагедіи.

Разсказы, переданные намъ во время нашей долгой прогулки, нашими вожатыми, о грекахъ Мелидони, способствовали еще болѣе къ увеличенію того печальнаго настроенія, которое испытывали мы. Лѣтомъ 1822 г., болѣе трехъ сотъ христіанъ скрылись въ этомъ гротѣ; это были бо́льшою частію женщины, дѣти и старики. Но съ ними было достаточное число людей, способныхъ къ защитѣ даже противъ цѣлой арміи, узкаго входа, куда можно было войти не иначе, какъ ползкомъ. Бѣглецы имѣли провизію и турки: горя мщеніемъ, не хотѣли остановиться на блокадѣ и ждать послѣдствій голода. Однажды, пользуясь вѣтромъ, который съ силою дулъ въ отверстіе грота, мусульмане навалили у подошвы скалы всякаго рода горючаго матерьяла и огня. Гонимый вѣтромъ, густой и ѣдкій дымъ ворвался во внутренность пещеры. Несчастные христіане искали убѣжища въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ ея, въ самыхъ глубокихъ подземельяхъ, но и тамъ губительный дымъ преслѣдовалъ ихъ. Всѣ, безъ исключенія, лица, находившіяся въ гротѣ, задохнулись. Турки, сомнѣваясь въ успѣхѣ своего ужаснаго изобрѣтенія, девятнадцать дней не отходили отъ грота. Наконецъ, не слыша никакого звука изъ этой могилы, они впустили туда плѣнника, которому стоило большаго труда убѣдить ихъ, что въ пещерѣ не оказалось ни единаго живаго существа и, что они не должны опасаться никакой засады. Напрасно посланный представлялъ имъ даже различныя доказательства того, что онъ говоритъ правду, мусульмане еще три дня не рѣшались вступить въ пещеру. Наконецъ они отважились и вошли для того, чтобы обобрать мертвыхъ.

Немного времени спустя, когда еще турецкіе беи не снимали осады съ Мелидони, шесть христіанъ посѣтили гротъ. Въ то время, какъ трое изъ нихъ оставались у входа на сторожѣ, остальные трое спустились въ подземелье. Двое изъ этихъ послѣднихъ, мѣсяцъ тому назадъ, укрыли въ этомъ убѣжищѣ своихъ женъ и дѣтей, полагая, что такимъ образомъ они будутъ здѣсь въ безопасности отъ всякаго несчастія и насилія. Можно себѣ вообразить, что почувствовали они, найдя распростертыми на землѣ, обнаженными и обезображенными, трупы, почти неузнаваемые ими дорогихъ имъ существъ, къ вѣчной разлукѣ съ которыми, они вовсе еще не были приготовлены! Отчаяніе было такъ велико, что ни тотъ ни другой не оправились отъ него и оба, спустя нѣсколько времени, умерли. Когда греки, въ концѣ 1822 года, снова сдѣлались владѣтелями провинціи, въ самомъ гротѣ отслужена была торжественная панихида по погибшимъ и, чтобы продолжить какъ можно дольше воспоминаніе о жестокости турокъ, кости жертвъ были сложены непогребенными на землѣ. Многія изъ нихъ и до сихъ поръ можно увидать подъ грудами камней.

Послѣ этихъ разсказовъ проводниковъ нашихъ—сыновей и племянниковъ этѣхъ жертвъ, мы оставили Мелидони, чтобы отправиться по не совсѣмъ удобнымъ дорогамъ отыскивать развалины *Аксоса*, мѣсто которыхъ до сихъ поръ означено небольшой деревушкой, носящей тоже названіе. Развалины

этѣ не представляютъ много интереса; бо́льшаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ же округѣ, развалины *Элевѳерна*. Древній городъ былъ расположенъ, какъ и большая часть городовъ Крита, довольно далеко отъ берега, у подножія бо́льшихъ горъ, при сліяніи двухъ долинъ. Узкая площадка на вершинѣ высокихъ скалъ составляла Акрополь. Ниже, по уступамъ, нисходившимъ въ долину, растилался городъ. И здѣсь, какъ въ Полирреніи и въ Аптерѣ, болѣе всего поражаютъ зрѣніе и воображеніе работы, произведенныя древними обитателями страны, противъ сухости почвы, и для удовлетворенія жажды, особливо если принять во вниманіе трудности, съ какими они для этого боролись. Ниже цитадели устроены двѣ цистерны, выдолбленныя въ скалѣ; плафонъ надъ ними поддерживался массивными стропилами, также высѣченными изъ камня. Эти большіе резервуары имѣютъ каждый около двадцати метровъ длины на десять ширины и восемь высоты; тутъ было достаточно воды, чтобы городъ не терпѣлъ въ ней недостатка, даже впродолженіи нѣсколько-мѣсячной осады. Все было такъ расположено, чтобы грозовый дождь могъ въ нѣсколько часовъ наполнять эти вмѣстительные резервуары; для этого, не довольствуясь тѣмъ, что чрезъ вертикальныя отверстія стремился весь потокъ воды, съ возвышенныхъ частей города, для того, чтобы не терялось при паденіи ни одной капли, въ камнѣ были высѣчены стоки, шедшіе вокругъ массивнаго утеса, который возвышался надъ цитаделью.

Развалины Аксоса, Элевѳерны и *Сибриціи*, которыя мы нашли близь небольшой деревни Вени, находятся внутри цѣпи посредственной вышины, извѣстной теперь подъ именемъ Кендроса, и соединяющейся съ Бѣлыми Горами и Идой. Въ этомъ самомъ кантонѣ находится Аркадіанскій монастырь, получившій въ послѣднее время такую печальную извѣстность. Церковь взорваннаго монастыря была построена въ семнадцатомъ столѣтіи и имѣла фасадъ коринѳскаго ордена; но, подобно всѣмъ прочимъ монастырямъ Кандіи, обитель эта еще во время прошлой революціи лишились всего; своихъ дипломовъ, манускриптовъ, книгъ, древнихъ иконъ, и т. д. Все это было расхищено, разрушено, сожжено. Широкая долина, извѣстная подъ названіемъ Амари-Кастели отдѣляетъ цѣпь Кендроса отъ центральной массы Иды. Долина эта не такъ прекрасна, какъ поля Милопотамо; нерѣдко снѣга причиняютъ вредъ оливкамъ и порывистые, горные вѣтры ломаютъ ихъ вѣтви. Множество деревень гнѣздятся на западныхъ склонахъ Иды и христіане живутъ бокъ о бокъ съ мусульманами. Ида не наводитъ такого страха на турокъ, какъ Бѣлыя Горы; въ ея открытыхъ и доступныхъ долинахъ, населеніе болѣе смѣшано, чѣмъ въ другихъ, болѣе недоступныхъ мѣстахъ.

Слѣдуя по растилающимся къ юго-востоку отъ Иды контрфортамъ, спускаешься въ Мессару, занимаемую въ прежнія времена городами: *Фестосомъ* и *Гортиной*. Мессара есть наибольшая, или лучше сказать единственная равнина Кандіи. Простираясь къ югу отъ меньшей цѣпи холмовъ, идущихъ отъ Иды, отдѣляющей ея отъ моря, она идетъ съ запада на востокъ на цѣлыхъ пятнадцать лье, представляя широту въ три лье. Узкимъ дефилеемъ, открывающимся на склонъ возвышенности, увѣнчанной Фестосомъ, она раздѣляется на верхнюю и нижнюю равнину. Въ срединѣ протекаетъ Іеропотамо, древній *Электрасъ*, который даже и лѣтомъ не высыхаетъ. Почти на всемъ протяженіи равнина эта воздѣлывается; почва производитъ всякаго рода зерновые хлѣба, хлопчатникъ, табакъ; вокругъ селеній, пріютившихся у подножія холмовъ, растутъ рощи апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, также тутовыя деревья, среди которыхъ вьется виноградъ. Оливковыя деревья преимущественно произрастаютъ въ глубокихъ лощинахъ, простирающихся къ Идѣ.

Гортина, остатки которой находятся близь греческаго селенія Хагіусъ-

Дека, придлежала къ числу трехъ сильныхъ городовъ независимой Кандіи; во время римской имперіи, она пріобрѣла безспорное первенство и благосостояніе ее было продолжительнѣе благосостоянія двухъ остальныхъ городовъ. Только завоеваніе аравитянами было причиною ея разрушенія. Развалины ея, между которыми мы нашли архаическую любопытную надпись (*), занимаютъ значительное пространство; самый замѣчательный и прямо бросающійся въ глаза изъ памятниковъ древности представляетъ безспорно базилика, нѣкогда посвященная святому Титу, сподвижнику святаго Павла и патрону Кандіи (**). Отъ церкви сохранилась только часть купола, очень тщательной работы въ чисто римскомъ стилѣ. Архитектура ея относится никакъ не позже, какъ къ четвертому или пятому столѣтію нашей эры, такъ какъ не замѣтно ни малѣйшаго вліянія византійскаго искуства, совершенный памятникъ котораго намъ представляетъ святая Софія. Какъ ни заброшенъ и не разрушенъ древній соборъ, но христіанское населеніе окрестностей стекается сюда ежегодно, въ день праздника святого; литургія совершается на импровизированномъ алтарѣ, и у подножія этѣхъ высокихъ позлащенныхъ лучами солнца стѣнъ, надъ которыми пронеслось столько вѣковъ рабства и униженія тѣснится болѣе десяти тысячъ народу, привлекаемаго сюда религіозной церемоніей. Это—въ одно и тоже время служитъ благочестивымъ воспоминаніемъ прошедшаго и вмѣстѣ протестомъ противъ настоящаго и, какъ бы выраженіемъ ничемъ неразрушимой надежды на болѣе лучшее будущее.

Въ окрестностяхъ Гортины, вниманіе путешественника преимущественно привлекается обширными рытвинами, которыми изборождены склоны сосѣдней горы, близъ турецкой деревни Руфо, построенной на часъ пути отъ Хагіусъ-Дека, къ сѣверо-востоку отъ развалинъ. Уже съ давняго времени, воображеніе жителей соединило съ этѣми рытвинами названіе и преданія о томъ знаменитомъ лабиринтѣ, мѣсто котораго относится преданіямъ то къ Гортинѣ, то къ окрестностямъ Кносса, и даже этотъ послѣдній городъ изображалъ его на своихъ монетахъ. Безполезно говорить, что не слѣдуетъ придавать никакой цѣны подобнымъ указаніямъ, которымъ первые изъ новѣйшихъ путешественниковъ, между тѣмъ, придали такое значеніе. Этотъ мнимый лабиринтъ—ничто иное, какъ обширная каменоломня, камни изъ которой пошли всѣ на постройку зданій и домовъ Гортины (***). Входъ въ нее почти совершенно недоступенъ; чтобы проникнуть во внутренность, нужно, ползя на животѣ, сдѣлать такимъ образомъ 30 или 40 метровъ; почва въ иныхъ мѣ-

(*) Она была вывезена оттуда въ слѣдующемъ же году г. Тсономъ во Францію и помѣщена въ Луврѣ. Снимокъ съ нее можно видѣть въ Revue archéologique, nouvelle série, t. VIII, p. 441. Близь церкви лежитъ на землѣ группа Юпитера и Европы, къ несчастію уже очень попорченная. Нѣсколько позже, какъ меня увѣряли, она была увезена въ Англію. Мнѣ неизвѣстно, находится ли она въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ. Работа, какъ кажется, была очень посредственная.

(**) О святомъ Титѣ и легендѣ объ немъ. см. Пашлэ т. I стр. 6.

(***) Между тѣмъ какъ Турнефоръ и Савари, посѣтившіе островъ, одинъ въ началѣ, другой въ концѣ послѣдняго столѣтія, видятъ въ этихъ галлерсяхъ памятникъ легенды, прошедшей чрезъ уста всѣхъ новѣйшихъ языковъ, Піерръ Белонъ и Ришаръ Пококъ узнали и придали этому настоящее значеніе. Въ глубинѣ подземелья, мы ясно прочли начертанное на камнѣ концомъ ножа имя Покока, путешествовавшаго по Востоку съ 1737 по 1742 г. Белонъ, извѣстный въ настоящее время очень не многимъ, одинъ изъ самыхъ точныхъ и наблюдательныхъ путешественниковъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей шестнадцатаго вѣка. Въ царствованіе Франциска II, онъ былъ посланъ на Востокъ, какъ мы нынѣ называемъ, съ *ученою цѣлью*; тамъ онъ провелъ четыре года и въ 1553 напечалъ свои путешествія, подъ заглавіемъ: *Примѣчанія о многихъ особенностяхъ и достопамятныхъ вещахъ, находящихся въ Греціи, Азіи, Египтѣ, Іудеѣ, Аравіи и другихъ мѣстахъ.* (Три части P. Belon, du Mans). Книга эта, изъ которой и теперь многое можно узнать, выдержала нѣсколько изданій.

стахъ нѣсколько понижается, но все же не на столько, чтобъ можно было стоять прямо, и, идти надо согнувшись, что дѣлаетъ эту экскурсію слишкомъ утомительною Галлереи, вытянутыя въ прямую линію и поддерживаемыя четыреугольными столбами, достигали, какъ кажется, въ былое время, многихъ метровъ въ вышину; но, не говоря объ осадкахъ, образовавшихся отъ воды, тамъ и сямъ просачивающейся чрезъ сводъ, безчисленное множество летучихъ мышей, поселившихся въ этомъ влажномъ и тепломъ мѣстѣ, мало по мало отложили на землѣ густой слой гуана, такъ что галереи современемъ совершенно переполнятся этою массою удобренія, которою земледѣльцы страны съ успѣхомъ могли бы воспользоваться, еслибы въ томъ имъ не мѣшали рутина и невѣжество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ черный и скользкій коверъ не скрываетъ отъ глазъ скалистаго пола, легко можно замѣтить колеи, оставшіяся на извѣстнякѣ отъ колесъ телѣжекъ, употреблявшихся при работахъ. Высѣченные камни обыкновенной величины, во многихъ мѣстахъ, въ порядкѣ разставлены по обѣ стороны галереи, какъ бы приготовленные для увозки. Здѣсь ничего нѣтъ ни ужаснаго, ни таинственнаго; и смѣло, безъ нити Аріанды, развѣ только съ проводникомъ крестьяниномъ, нѣсколько знакомымъ съ мѣстомъ, чтобы указать болѣе удобные и менѣе загроможденые проходы, можно исходить весь лабиринтъ. Какое бы направленіе вы ни избрали, легко достигнуть конца галлерей и обратно входить въ нихъ. Единственная предосторожность, о которой слѣдуетъ позаботиться, это запастись фонаремъ; летучія мыши, разбуженныя звукомъ нашихъ голосовъ, тяжело поднявшись, махая намъ въ лице своими холодными и клейкими крыльями два раза гасили наши факелы. Лишь бы не заблудиться въ темнотѣ, никакой другой опасности при этомъ быть не можетъ Самая небольшая рудокопня, имѣющая какое либо значеніе, представляетъ болѣе интереса, чѣмъ эта каменоломня; удивлятся ей могутъ развѣ только наивные и ограниченные поселяне, замѣнившіе въ этой странѣ сильныя поколѣнія древнихъ обитателей.

Во время войны за независимость, около пяти сотъ семействъ, впродолженіи трехъ лѣтъ жили въ этомъ лабиринтѣ и, несмотря на свою зловѣщую репутацію, мѣсто это послужило имъ болѣе вѣрнымъ убѣжищемъ, чѣмъ для другихъ бѣглецовъ гротъ Мелидони. Днемъ выходили они подышать чистымъ воздухомъ и пасти въ окрестностяхъ свои стада и вьючную скотину; вечеромъ, люди и животныя возвращались въ гротъ, а впродолженіе ночи, караульные бодрствовали у узкаго входа. Въ галлереяхъ пылали неугасимыя лампады, тамъ совершалось и богослуженіе и происходили веселье и танцы; широкій перекрестокъ, откуда расходились дороги по многимъ направленіямъ, служилъ бальной залой. Турецкія шайки захватывали иногда изъ ихъ стадъ нѣсколькихъ овецъ, нападали на отдалявшихся отъ грота критянъ, но никогда не рѣшались аттаковать входа.

На Критѣ ходитъ много чудесныхъ исторій объ этомъ апокрифическомъ лабиринтѣ. Вотъ одна изъ нихъ, разсказываемая какъ турками, такъ и греками. Въ концѣ одной изъ галлерей находилась, искусно скрытая, незамѣтная обыкновенному глазу, мраморная дверь, отворявшаяся только при звукѣ нѣкоторыхъ магическихъ словъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, европейскіе путешественники, *франки*, какъ ихъ тамъ называютъ, взяли себѣ въ провожатые крестьянина изъ сосѣдней деревни. Войдя въ пещеру, путешественники направляются въ самую глубину; придя туда, они останавливаются и объявляютъ вожатому, что онъ будетъ щедро награжденъ, если поклянется не открывать никому того, что онъ увидитъ; при этомъ они его успокоиваютъ, что бояться ему нечего, что ему не угрожаетъ никакой опасности, и что отъ

него требуютъ лишь послушанія и скромности. Несчастный, дрожа всѣми своими членами, выговариваетъ требуемую отъ него клятву. Тутъ одинъ изъ франковъ произноситъ какую то таинственную формулу и касается пальцемъ стѣны; скала раздвигается, большая дверь беззвучно ворочается на своихъ петляхъ и взору представляется огромная зала. Дерзновенные, увлекая за собою полумертваго отъ страха проводника, вступаютъ туда и пламя ихъ факеловъ вдругъ освѣщаетъ золото, наполняющее множество ящиковъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ. Въ глубинѣ комнаты, неподвижно на каменномъ пьедесталѣ, съ шпагою въ рукѣ, стоитъ бронзовый негръ, какъ бы сторожа эти сокровища. Нисколько не пораженные этимъ видомъ, европейцы схвативъ менѣе тяжелые ящики, заключавшіе болѣе драгоцѣнныя монеты, удалились съ ними изъ пещеры. Набравъ столько, сколько можно было навьючить на своихъ муловъ, они велѣли своему проводнику наполнить секинами свои карманы. Бѣдняга имѣлъ большую охоту исполнить приказаніе— такъ привлекалъ его этотъ блестящій металлъ, но съ другой стороны, видъ ужаснаго негра, который, казалось, такъ и устремлялъ на него свои пламенные и сердитые взоры, удерживалъ его. Въ смятеніи, онъ обращаетъ умоляющій взоръ на странную фигуру, которая вдругъ, какъ бы отвѣчая на его нѣмую просьбу, потрясая головою, какъ бы дѣлаетъ знакъ согласія и поощренія. При этомъ всякое колебаніе исчезаетъ, крестьянинъ запускаетъ руки въ золото, хватаетъ его горстями, запрятываетъ въ одежду, наполняетъ имъ сапоги; потомъ, слѣдуя за европейцами устремляется вонъ изъ комнаты и дверь за нимъ затворяется. Путешественники уѣзжаютъ съ своей добычей; что же касается до крестьянина, служившаго имъ проводникомъ, онъ скупаетъ виноградники и, дѣлается, не возбуждая ни въ комъ никакихъ подозрѣній, однимъ изъ богатѣйшихъ собственникомъ страны. Только на смертномъ одрѣ онъ сыновьямъ своимъ повѣдалъ тайну своего обогащенія.

Изъ Гортины и лабиринта, дневной путь по восточнымъ склонамъ Иды ведетъ въ Кандію, городъ аравійскій, византійскій и венеціанскій. Съ этой стороны Ида представляется очень изрытою и очень пустынный; дорога идетъ песчанными, нагорными, каменистыми равнинами, однообразіе которыхъ нарушается полетомъ куропатокъ, съ большимъ шумомъ поджимающихся изъ-подъ ногъ лошадей. На половинѣ пути, близъ селенія Гагіосъ-Томасъ находятся любопытныя гробницы, обозначающія мѣсто, гдѣ, можетъ быть, находилась *бѣлая Ликастосъ*, о которой упоминаетъ Гомеръ. Высѣченныя въ пустынныхъ скалахъ, получившія снаружи архитектурныя украшенія, гробницы этѣ, подобныхъ которымъ я нигдѣ еще не встрѣчалъ на островѣ, напоминаютъ собою гробницы, сохранившіяся въ большомъ количествѣ близь городовъ Понта и Ликіи. Видъ этого некрополиса, самъ по себѣ довольно странный, пріобрѣтаетъ большую оригинальность отъ землетрясеній, очень не рѣдкихъ въ окрестностяхъ Иды, которыя отрывая обломки скалъ, катятъ ихъ по склонамъ, гдѣ они и останавливаются на различныхъ высотахъ, въ положеніяхъ самыхъ разнообразныхъ. Поэтому-то эти погребальныя зданія и представляютъ самый разнообразный видъ разрушенія: однѣ изъ нихъ лежатъ теперь на склонѣ горы, другія, погрузивъ въ землю верхушку своего фронтона и главы своихъ пилястровъ, стоятъ какъ бы склоня голову. Нѣкоторыя же, наконецъ, раздроблены на многія части.

Кандія, гдѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе паша, которому подвластна вся часть острова, простирающаяся къ западу отъ Иды, — городъ находящійся въ совершенной агоніи. Его обширная, укрѣпленная ограда, работа венеціанцевъ, слишкомъ обширна для его теперешняго населенія отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ человѣкъ; поэтому, кромѣ домовъ съ ихъ принад-

лежностями, она заключаетъ огромныя пустыя пространства, поля и сады. Въ Кандіи менѣе народу и движенія на улицахъ, чѣмъ въ Канеи. Землетрясеніе, бывшее въ 1856 году, сообщило еще болѣе печальный видъ городу, въ то время когда мы его посѣтили. Не болѣе двадцати домовъ были обитаемы, всѣ остальные пострадали въ различной степени, нѣкоторые же совсѣмъ были разрушены. Хотя многіе были возобновлены, но глазъ всюду встрѣчалъ еще обломки на улицахъ, каждый шагъ замедлялся сломанными балками и кучами щебня.

Укрѣпленія, исправленныя турками послѣ знаменитой осады, отдавшей въ ихъ руки городъ, съ тѣхъ поръ поддерживаются довольно хорошо и были бы достаточны, еслибы ихъ вооружить, для противодѣйствія всякой мятежной силѣ, могущей собраться на островѣ. Но, построенныя по старинной системѣ и открытія со всѣхъ сторонъ для ядеръ, онѣ и двухъ дней не выдержали бы подъ огнемъ европейскихъ судовъ или армій. Прекраснѣйшій памятникъ древности въ Кандіи безспорно представляютъ остатки церкви Святаго-Францика (*). Архитектура ея относится къ четырнацатому столѣтію и принадлежитъ къ готическому стилю, въ богатомъ и изящномъ вкусѣ. Послѣ осады обращенная въ мечеть, она не была исправлена во время, а послѣднее землетрясеніе докончило ея разрушеніе. Она была построена изъ самаго лучшаго мрамора и, несмотря на ея настоящій разрушенный и упадшій видъ, можно все-таки составить идею о ея прежнемъ великолѣпіи. Самый соборъ, посвященный святому Титу, сохранился лучше; въ немъ и до сихъ поръ совершается мусульманское богослуженіе. Начатый въ 1240 году и оконченный къ началу слѣдующаго столѣтія, онъ, хотя и болѣе церкви святого Франциска, но весьма уступалъ ей въ красотѣ. Большая улица, которая нѣкогда проходила вдоль дворцовъ благородныхъ венеціанцевъ, мало сохранила слѣдовъ своего прежняго величія; землятресенія и пожары довели ее до этаго. Изъ памятниковъ болѣе прочихъ сохранился арсеналъ. Своимъ общимъ видомъ онъ напоминаетъ коллонаду, которая составляетъ главнее украшеніе фасада Garde Meuble въ Парижѣ на площади Конкордіи; но она не такъ велика и менѣе прекрасна, чѣмъ дворецъ построенный Габріелемъ. Въ арсеналѣ можно еще видѣть много очень древняго оружія и между прочимъ большое собраніе стрѣлъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что въ шестнадцатомъ столѣтіи венеціанцы, или по крайней мѣрѣ наемныя войска, которыя они содержали, употребляли еще подобнаго рода метательное оружіе. Дѣйствительно, изъ разсказовъ путешественниковъ извѣстно, что сфакіоты, необузданные потомки древнихъ дорійскихъ стрѣлковъ, долго еще сохраняли оружіе, любезное ихъ предкамъ, и только въ позднѣйшія времена оно было замѣнено длиннымъ албанскимъ ружьемъ, которымъ они въ настоящее время владѣютъ съ такою ужасающею ловкостью.

Кандійскій портъ плохо закрытъ и не совсѣмъ безопасенъ; греческіе, тріестскіе и марсельскіе гальоты и бриги, посѣщающіе его ежегодно для нагрузки масломъ и сладкими рожками, нерѣдко рискуютъ быть сорванными съ якорей. А между тѣмъ, въ счастливые дни венеціанскаго владычества, здѣсь процвѣтала дѣятельная и успѣшная торговля. «Со всѣхъ частей свѣта,—говоритъ путешественникъ, флорентинецъ Буондельмонти, посѣтившій Кандію въ пятнадцатомъ столѣтіи—сюда приходятъ корабли, для нагрузки отличнымъ виномъ и пшеницей». Въ прежнее время это былъ портъ Кноссъ, извѣстный

(*) Франциска ассизскаго чтутъ и православные греки: въ 1414 году они получили позволеніе отъ папы Іоанна XXIII совершать въ этой церкви богослуженіе ежегодно въ день праздника святого, между двумя католическими службами. Cornelius, Creta sacra t. II, p. 15.

подъ именемъ *Гераклеіона*. Этимъ объясняется привычка, которая съ недавняго времени принята греками, желающими прослыть за людей порядочныхъ, называть Кандію Гераклеіономъ. Какъ между христіанами, такъ и между мусульманами, съ одного конца острова до другаго, городъ извѣстенъ подъ именемъ Мегало-Кастронъ, слово въ слово—*Большая крѣпость*.

Самый древній городъ Кандіи, городъ, обладавшій до римскаго владычества несомнѣннымъ благосостояніемъ, Кноссъ, не оставилъ послѣ себя развалинъ. На высотахъ, которыя на юго-западѣ господствуютъ надъ небольшой равниной, гдѣ возвышается Кандія, названіе ничтожной деревушки, Макритико или *Длинная стѣна*, объясняетъ антикварію, что на этомъ мѣстѣ существовали великія сооруженія, но отъ нихъ не осталось никакого достойнаго слѣда, а валяется лишь нѣсколько безформенныхъ обломковъ кирпича. А между тѣмъ, нѣсколько выше этѣхъ лачугъ, встрѣчаются гробницы, подобныя гробницамъ Хагіосъ-Томаса, и обширныя залы, устроенныя въ рыхломъ песчанникѣ этихъ холмовъ. Исчезновеніе Кносса легко можетъ быть объяснено: рядомъ съ нимъ стала возникать Кандія, которая, обстроиваясь на его счетъ, употребляла блоки его стѣнъ и мраморъ его зданій, камень за камнемъ на свои постройки, уничтожая все, что только могло отъ него остаться, послѣ всѣхъ невзгодъ и опустошеній, перенесенныхъ этимъ падшимъ городомъ.

III.

Область Диктэ.

Намъ остается описать область Диктэ, которая далеко не представляетъ такого интереса, какъ область Иды или Бѣлыхъ-горъ. Диктэ гораздо ниже этѣхъ двухъ горъ, она не имѣетъ ни величія Иды, ни ея плодоносныхъ долинъ, которыя развертываются между ея вытянутыми контрфортами, ни суровыхъ лощинъ и непроходимыхъ дефиле Бѣлыхъ-горъ, ни тѣхъ дикихъ и неприступныхъ убѣжищъ, гдѣ долгое время можно легко удерживаться противъ напора сильной арміи. Вершины начинаютъ понижаться къ востоку, а самый островъ съуживается. Отъ глубокаго залива, который открывается у подножія мыса Спина-Лонга, отъ одного морскаго берега до другого, островъ простирается только на 12 — 13 километровъ. Вскорѣ ширина принимаетъ бо́льшіе размѣры, но горы округа Ситіи, которыми оканчивается Кандія съ востока, не достигаютъ той высоты и развитія, какъ горы въ провинціи Канеи, извѣстныя подъ именемъ мыса Грабузъ и горы Селино и образующія западную часть острова. Даже и въ административномъ отношеніи страна эта не имѣетъ подраздѣленій; пашалыкъ Ситіи, образовавшійся послѣ завоеванія острова турками, уже давно упраздненъ и вся мѣстность къ западу отъ Иды причислена къ провинціи Кандіи.

Замѣчательно, что всѣ воды, берущія начало изъ Диктэ и орошающія равнину Лассити, окружены со всѣхъ сторонъ горами. Воды этѣ кажутся стоячими. Когда снѣгъ таетъ и во время осеннихъ дождей почти вся равнина превращается въ озеро; вода все прибываетъ и, поднявшись до уровня извѣстныхъ воронокъ, вся въ нихъ уходитъ. Воронки этѣ извѣстны въ Аркадіи подъ именемъ καταβοθρα; тутъ и находится бо́льшая часть этѣхъ запертыхъ долинъ. Весьма любопытны явленія, зависящія отъ этого неопредѣленнаго и непостояннаго теченія водъ, и достойны близкаго и точнаго изученія. Селенія Лассити весьма бѣдны; нѣкоторыя мѣстности остаются подъ водою въ про-

долженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, другія же — цѣлые годы; это зависитъ отъ подземныхъ каналовъ, которые не всегда могутъ вмѣщать въ себя одинаковое количество воды.

На сѣверномъ берегѣ есть нѣсколько довольно порядочныхъ портовъ, которые, какъ кажется, въ древности имѣли значеніе, напримѣръ порты Спина-Лонга и св. Николая; города вообще не имѣли большаго значенія; отъ нихъ остались незначительныя и неинтересныя развалины. Самый замѣчательный и могущественный изъ нихъ: *Ликтосъ*, лежалъ въ двухъ часахъ пути отъ Кносса, въ восточной части Диктэ; онъ извѣстенъ теперь подъ именемъ Лассити. Имя же Ликтоса сохранилось въ мѣстныхъ преданіяхъ одной пустынной страны, около деревни Ксади; мы тамъ нашли случайно нѣсколько надписей и двѣ римскія статуи. Бывши самымъ близкимъ сосѣдомъ Кносса, Ликтосъ, тѣмъ не менѣе, былъ самымъ отчаяннымъ врагомъ его. Эта долгая вражда двухъ мѣстностей изображена въ трогательномъ разсказѣ Полибія, который, несмотря на свойственную ему холодность, съ душевнымъ волненіемъ разсказываетъ объ ужасной развязкѣ этой упорной и кровавой борьбы. «Однажды,— говоритъ онъ,—жители Ликтоса толпами отправились въ экспедицію противъ непріятеля; жители Кносса, во время предупрежденые объ этомъ, отправились въ Ликтосъ, который былъ оставленъ безъ всякой защиты, и овладѣли имъ; отославъ женщинъ и дѣтей въ Кноссъ, они зажгли городъ, до тла разрушили его и, ограбивъ, возвратились домой. Ликтіяне, возвратясь изъ похода, впали въ ужасное отчаяніе, при видѣ этѣхъ развалинъ и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился войти въ свое раззоренное отечество; они обошли его съ воплями и рыданіями, оплакивая свою горькую участь, и пріютились у лампеянъ. Тамъ ихъ приняли весьма радушно; въ одинъ день превратясь изъ гражданъ въ изгнанниковъ и чужестранцевъ, они отправились съ своими союзниками отомстить жителямъ Кносса. Такимъ образомъ погибъ и Ликтосъ — колонія Лакедемоніи, союзница Аѳинъ — самый древній городъ Крита, заключавшій въ себѣ лучшихъ гражданъ всего острова» (*).

Ликтосъ, по своему мѣстоположенію, принадлежалъ къ центральной области Иды и къ двумъ большимъ областямъ Кносса и Гортины, и три эти города оспаривали другъ у друга первенство. На узкомъ перешейкѣ, отдѣляющемъ восточный конецъ отъ прочей части Крита, и называющемся теперь округомъ Ситіи, находился въ древности, также могущественный городъ *Гіерапитна*, который имѣлъ совершенно другую участь. Защищенная всей массой Диктэ, обращенная къ Ливійскому морю, при которомъ она имѣла свой портъ, уединенная по своему положенію и по своей исторіи (преданіе приписывало основаніе ея азіатскимъ эмигрантамъ), Гіерапитна не принимала участія во внутреннихъ борьбахъ острова, и старалась овладѣть мѣстностью между перешейкомъ и восточнымъ берегомъ. Тамъ ей встрѣтились *Ампелосъ*, *Драгмосъ*, *Презосъ* и *Итаносъ*, города, существовавшіе ранѣе вторженія дорянъ, обязанные своимъ происхожденіемъ первобытнымъ жителямъ Крита—этеокритянамъ или *истымъ критянамъ* Около второго вѣка до Р. Х. ей удалось покорить всѣ эти города и паденіе Презоса, разрушеннаго гіерапитнянами, послѣ долгой упорной осады, сдѣлало ихъ первенствующими во всей этой области. Подъ владычествомъ римлянъ, этотъ городъ владѣлъ всей страною, судя по тѣмъ остаткамъ, которые покрываютъ почву и по дошедшимъ до насъ надписямъ, которыя свидѣтельствуютъ о его бывшемъ благосостояніи. Онъ теперь нѣсколько перемѣнилъ свое старинное названіе и носитъ имя Гіерапетры, имѣетъ болѣе 400 домовъ, окруженныхъ старою стѣ-

(*) Полибій, IV, 53.

ною. Интереснѣе всего, что Гіерапетра частью расположена на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ портъ, который отъ наносныхъ частицъ земли, мало по малу сдѣлался сушею. Страшно становится за эти тѣснящіеся другъ къ другу дома, когда подумаешь, что они расположены именно на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда покачивались суда гіерапитнянъ. Искуственный портъ представлялъ обширный круглый бассейнъ, образованный двумя молами, остатки которыхъ находятся до сихъ поръ почти повсемѣстно. Можно видѣть и прослѣдить слѣды этѣхъ гатей, остатки которыхъ видны прежде всего въ морѣ, потомъ въ деревнѣ, наконецъ и на равнинѣ, гдѣ они служатъ къ отвердѣнію жидкой и болотистой почвы. Другіе остатки этого древняго города видны въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшнихъ селеній, на почвѣ болѣе возвышенной. Тамъ виднѣются набережныя, театръ и даже амфитеатръ. Этотъ послѣдній памятникъ древности достоинъ замѣчанія. Здѣсь рѣчь идетъ не о значительности размѣровъ его: онъ имѣетъ всего шестьдесятъ шаговъ въ діаметрѣ, но дѣло въ томъ, что амфитеатры, если судить по оставшимся отъ нихъ развалинамъ, вообще представляли рѣдкое явленіе во всѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ вкусъ и традиціи Греціи. Во всей малой Азіи я зналъ только два подобныхъ амфитеатра въ Цизикѣ и Пергамѣ. Чтобы объяснить присутствіе у гіеропетнянъ зданія, назначеннаго для боя звѣрей и гладіаторовъ—зрѣлища жестокаго и грубаго, которое всегда отталкивало развитое чувство грековъ, слѣдуетъ предположить, что торговля Гіерапетра съ Италіею была на столько дѣятельна, что привлекала на востокъ большое число итальянскихъ негоціантовъ, римскихъ всадниковъ и возвысившихся отпущенниковъ, которые никакъ не могли обойтись безъ подобныхъ зрѣлищъ, и желали слышать рычаніе пантеръ и видѣть текущую кровь. Именно для забавы этимъ иностранцамъ и былъ выстроенъ этотъ амфитеатръ въ миніатюрѣ, который даже не составляетъ и половины римскаго амфитеатра.

Одинъ изъ промысловъ жителей западнаго берега состоитъ въ добываніи морскихъ губокъ, что и составляетъ предметъ довольно дѣятельной торговли. Такъ какъ мы не имѣли случая присутствовать при ловлѣ ихъ, то и приводимъ описаніе о ней одного англійскаго путешественника, помѣщенное въ «Le Globus»:

«Ловля эта сопряжена съ большими трудностями; губка растетъ обыкновенно на глубинѣ 40 сажень, куда водолазъ можетъ достигнуть лишь обладая достаточною тяжестью и гдѣ громадная масса воды напираетъ на него въ пропорціи 75 фунтовъ на каждый квадратный дюймъ его тѣла и затрудняетъ ему дыханіе.

«Бѣдняга ловецъ раздѣвается въ лодкѣ и привязываетъ къ себѣ кусокъ мрамора, вѣсомъ около 25 фунтовъ; послѣ этого, онъ начинаетъ дѣлать медленныя и сильныя вдыханія, чтобы наполнить воздухомъ свои легкія. Никто не говоритъ съ нимъ ни слова и ничѣмъ не безпокоитъ его. Наконецъ, настаетъ минута, онъ крестится, читаетъ молитву, бросаетъ кусокъ мрамора въ волны, прыгаетъ самъ вслѣдъ за нимъ и, достигнувъ глубины, беретъ мраморъ подъ руку, чтобы имѣть возможность держаться подъ водою, отдираетъ губки отъ скалы и наскоро кладетъ ихъ въ сѣтку, которая привязана у него къ шеѣ. Помощью веревки, прикрѣпленной къ его тѣлу, онъ имѣетъ сообщеніе съ своими товарищами, оставшимися на поверхности воды; по первому знаку, который дѣлаетъ онъ, дернувъ за веревку, его немедленно вытаскиваютъ съ его ношей, такъ какъ жизнь или смерть водолаза зависятъ часто отъ нѣсколькихъ секундъ. Бѣднякъ является на свободный воздухъ совершено изнеможденнымъ и извергаетъ проглоченную имъ воду. Разсказываютъ, что одинъ звукъ человѣческаго голоса чудеснымъ образомъ оживляетъ водолаза,

только что возвратившагося изъ глубины моря и почти лишеннаго всякой животной теплоты.

«На восточномъ берегу Кандіи считается отъ пятидесяти до ста лодокъ для добыванія губокъ; на каждую изъ лодокъ приходится обыкновенно по семи или восьми водолазовъ, ведущихъ самый несчастный образъ жизни, между тѣмъ какъ ихъ патроны получаютъ огромные барыши. Обыкновенно первые бываютъ должниками послѣднихъ и находятся въ полной отъ нихъ зависимости. Чтобы увеличить еще болѣе свои барыши, патроны прибавляютъ песку въ поры губокъ, чтобы придать этимъ имъ тяжести, такъ какъ губки продаются на вѣсъ.

«Между опасностями, которыя угрожаютъ водолазамъ, слѣдуетъ назвать акулъ, присутствіе которыхъ часто прерываетъ работу впродолженіе многихъ дней. Нерѣдко отвергали существованіе акулъ въ Средиземномъ морѣ, между тѣмъ имѣются несомнѣнныя доказательства противнаго. Акулы, встрѣчаемыя тамъ, даже отличаются значительною величиною. Чтобы не приводить многихъ примѣровъ, можно удовольствоваться двумя случаями: близь Александріи поймано было одно изъ этихъ чудовищъ, и въ желудкѣ его нашли цѣлую половину человѣка, только что проглоченнаго, а въ Корфу, видѣли какъ акула проглотила англійскаго солдата.»

Вся область Диктэ, настолько же бѣдная лѣсомъ, какъ и прочія части Кандіи, производитъ въ достаточномъ изобиліи нѣсколько древесныхъ породъ, которыхъ нѣтъ въ округахъ Селино и Сфакіи, какъ напримѣръ: сосна и рожковое дерево. Рожковое дерево, растущее въ провинціи Кандіи, на пространствахъ довольно значительныхъ, приноситъ безъ обработки, всякому, кто только возьметъ на себя трудъ собирать стручки, довольно значительныя выгоды. На склонахъ горъ Лассити, груша и яблоня, воздѣланныя съ нѣкоторымъ стараніемъ въ деревняхъ, приносятъ плоды лучшія, чѣмъ въ прочей части острова; наконецъ, на юго-западной оконечности Кандіи встрѣчается и финиковое дерево. Пальмы этѣ, не встрѣчающіяся на прочихъ островахъ Архипелага, группируясь на мысѣ, вдающемся въ Ливійское море, представляютъ какъ бы отдаленный авангардъ Африканской флоры, ободряютъ и подаютъ надежду мореплавателю, который огибаетъ берега острова, направляясь къ Александріи.

Въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., дорійцы Теры получили повелѣніе отъ дельфійскаго оракула послать колонію въ Ливію; они всюду стали искать кормчаго, который могъ бы управлять ихъ кораблями и доставить эмигрантовъ ихъ въ тѣ отдаленныя страны, куда ни одинъ грекъ не зналъ еще дороги. Наконецъ, въ Кандіи былъ отъисканъ старый морякъ, выброшенный когда то бурею на ливійскіе берега. Повинуясь опредѣленію боговъ, критянинъ рѣшился провести экспедицію и доставилъ дорійцевъ въ эту плодоносную страну, гдѣ они и основали богатую и славную Цирену.

Исключая нагорныхъ долинъ Бѣлыхъ Горъ и Иды, виноградъ успѣшно обработывается на всемъ островѣ Кандіи и, не смотря на нерадивость и грубость производства, мусульмане и христіане дѣлаютъ изъ него прекрасное вино, нѣсколько напоминающее вкусомъ сицилійское.

Венеціанцы, обращавшіе особенное вниманіе на качество гроздъ и на хорошее броженіе, высоко цѣнили вино нѣкоторыхъ округовъ по близости къ столицѣ; ихъ историки и поэты часто восхваляютъ его подъ именемъ *Кандійской мальвазіи*. Олива, какъ и виноградъ, распространена почти всюду. Кромѣ этихъ двухъ произрастеній, всѣ остальныя имѣютъ на Критѣ опредѣленную область своего распространенія, внѣ которой не встрѣчаются; такъ напримѣръ, каштанники растутъ только въ Энія-Хоріи и около деревень

въ горахъ Селино; горный дубъ—въ провинціи Ретима, а корубія (стручковое дерево) попадается въ большомъ количествѣ только въ восточныхъ провинціяхъ. Въ Сфакіи произрастаютъ кедръ и разныя породы каменнаго дуба, въ Диктэ—сосна. Не то было въ древности; когда островъ былъ населеннѣе и лучше обработанъ, то это различіе въ естественныхъ произведеніяхъ обусловливалось только мѣстностью и высотою: по условіямъ своей почвы, каждая провинція могла производить почти всѣ, свойственныя климату растенія.

Не безъ грусти мы осмотрѣли и описали Критъ въ томъ положеніи, въ какое онъ приведенъ теперь, благодаря случайностямъ времени, опустошеніямъ, произведеннымъ многократными вторженіями варваровъ и бездѣятельностью отвратительнаго правительства. Богатая и разнообразная сѣть лѣсовъ и плантацій, разостланная нѣкогда рукой природы и человѣка по горамъ и равнинамъ повсюду была, такъ сказать, изодрана въ лохмотья. Здѣсь природа утратила одно, тамъ другое; нигдѣ не встрѣтишь того гармоническаго разнообразія, которое нѣкогда составляло цѣлостную красоту. Жители острова, какъ мы увидимъ потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не думали заботиться о завтрешнемъ днѣ, потому что не могли положиться на него и не предпринимали никакихъ мѣръ, чтобы помочь бѣдѣ: гдѣ каштанникъ уцѣлѣлъ отъ пожара и другихъ опустошеній, тамъ народъ питается каштанами; гдѣ остался каменный дубъ, тамъ ѣдятъ желуди. Не то ли самое дѣлается всюду на Востокѣ, гдѣ слабый, униженный долгимъ гнетомъ народъ, рабски повинуется природѣ, будучи не въ силахъ восторжествовать надъ ней? Онъ, какъ нищій, протягиваетъ къ ней руку и довольствуется тою милостынею, которую она ему подаетъ въ память прошлаго — послѣднюю дань уваженія къ нѣкогда сильнымъ расамъ, столь мужественно побѣдившимъ еще дѣвственную почву и подчинившимъ своему торжествующему мужеству ея своенравное и непокорное плодородіе. Въ Греціи, на островахъ Эгейскаго моря и въ малой Азіи, человѣкъ—низложенный монархъ, которому, освобожденные удачнымъ возмущеніемъ подданные, изъ жалости назначили скудный, неисправно платимый пенсіонъ; покорный и утомленный, умѣривъ свои желанія до уровня своего положенія, онъ питается этой милостыней и кой какими остатками своего исчезнувшаго богатства и крохами съ пышнаго стола, за которымъ нѣкогда гордо сидѣли его великіе предки.

IV.

Исторія острова въ новѣйшее время: Критъ до войны за независимость.

Когда въ первый разъ увидишь выступающіе среди волнъ берега этой длинной, узкой полосы земли, сохранившей древнее названіе Крита и послѣ перваго взгляда на этотъ островъ обойдешь и осмотришь его берега и долины, то невольно поражаешься препятствіями, которыя встрѣчались здѣсь въ условіяхъ самой мѣстности, для образованія государства и для созданія политическаго единства. Кто послѣдуетъ нашему примѣру и примется потомъ изучать исторію древняго Крита по памятникамъ прошлаго, то не безъ удовольствія увидитъ блестящее подтвержденіе этѣхъ невольныхъ догадокъ и первыхъ впечатлѣній. Нигдѣ греческая раса, какою она является намъ въ своей первобытной свободѣ до временъ римлянъ, не могла найдти для себя страны, бы болѣе благопріятствовала одному изъ самыхъ глубокихъ и дороинстинктовъ; нигдѣ она не могла довести и не довела до бо̀льшихъ

размѣровъ своей наклонности къ самостоятельности и къ обособленной жизни муниципій; нигдѣ, наконецъ, опасность и неудобство этой системы и этого духа не являются въ болѣе высокой степени. Исторія Крита лучше всего можетъ объяснить, почему, рано или поздно, Римъ долженъ былъ восторжествовать надъ Греціей и поработить ее.

Изученіе современнаго состоянія Кандіи и быта критянъ представляетъ тоже интересъ немаловажный. И съ этой точки зрѣнія въ характерѣ, нравахъ и въ языкѣ нынѣшнихъ обитателей Крита найдется много пищи для наблюденій. Ни въ одной странѣ турецкой имперіи, не оказалось такихъ странныхъ и любопытныхъ результатовъ столкновенія мусульманскаго завоеванія и его гнетущей силы съ одной стороны, а съ другой, той удивительной жизненности и той энергіи сопротивленія, которыя греческая раса сохранила повсюду. Желательно было бы представить здѣсь нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ этой вѣчной борьбы, этаго стремленія къ независимости, благодаря которому побѣжденные, мало по малу, пріобрѣли верхъ надъ побѣдителями, и почти помѣнялись ролями.

Когда Константинополь въ 1459 г. былъ взятъ оттоманскими турками, Магометъ II и его преемники старались присоединить къ своимъ континентальнымъ владѣніямъ Европы и Азіи всѣ острова восточнаго бассейна Средиземнаго моря. Въ концѣ семнадцатаго вѣка предпріятія ихъ увѣнчались успѣхомъ: въ 1522 г. Родосъ былъ отнятъ отъ рыцарей св. Іоанна, а Кандія въ 1669 г. сдалась на капитуляцію; венеціанцы удержали за собой только Іоническіе острова, которые не были никогда серьезно аттакованы. Не смотря на то, народонаселеніе на всѣхъ почти греческихъ островахъ оставалось исключительно христіанское. Османли—земледѣлецъ и рыцарь, любитель равнинъ и текучихъ водъ — неохотно селился на неровной и бо̀льшею частью безплодной почвѣ, среди голыхъ скалъ, гдѣ вода и зелень встрѣчаются рѣдко. Притомъ мусульмане не могли чувствовать себя въ безопасности среди моря, которое, казалось, подшучивало надъ ихъ большимъ, тяжелымъ флотомъ и было соучастникомъ легкихъ венеціанскихъ эскадръ и всѣхъ христіанскихъ корсаровъ; живя на этихъ открытыхъ берегахъ, они ежечасно должны бы были страшиться внезапнаго нападенія, ожидать, что ихъ возьмутъ, закуютъ въ цѣпи и всю жизнь заставятъ грести на какой нибудь генуезской или мальтійской галерѣ. На бо̀льшей части малыхъ островов не было ни одного турка; капитанъ-паша ежегодно объѣзжалъ съ своимъ флотомъ Архипелагъ и греческіе примасы съ податью отправлялись къ нему на Паросъ; на нѣкоторыхъ островахъ ага, имѣвшій при себѣ небольшое число албанскихъ солдатъ, былъ намѣстникомъ султана; ему было поручено смотрѣть за порядкомъ, но этотъ несчастный чиновникъ былъ постоянно въ смертельномъ страхѣ. Мнѣ разсказывали на Ѳазосѣ, что въ прежнее время, когда часовой давалъ сигналъ о приближеніи какого нибудь подозрительнаго судна, то воевода (такъ на сѣверѣ Архипелага назывались эти губернаторы) спѣшилъ со всѣхъ ногъ въ густые сосновые лѣса, покрывающіе здѣшнія горы; онъ скрывался въ самой густой чащѣ, пока судно, бывшее причиной его ужаса, не скрывалось изъ виду. На болѣе значительныхъ островахъ, каковы Кипръ, Родосъ, Мителена и Хіосъ, нѣсколько мусульманскихъ семействъ поселилось въ укрѣпленныхъ городахъ, подъ защитою крѣпостныхъ пушекъ; земледѣльческое же и торгующее народонаселеніе береговъ и внутреннихъ селеній состояло изъ христіанъ. Только на двухъ островахъ мусульмане осмѣлились зайти за предѣлы зубчатыхъ стѣнъ и разсѣялись по деревнямъ и селамъ: я говорю объ Эвбеѣ и Критѣ — Негропонтѣ и Кандіи послѣдняго столѣтія, имена которыхъ заимствованы съ итальянскаго языка. Критъ и Эвбея были,

по крайней мѣрѣ по своему мѣстоположенію, достаточно орошены, довольно плодородны и лѣсисты, и могли привлечь мусульманъ — этихъ лѣнивыхъ созерцателей, которые любятъ только тогда жатву, когда она не стоитъ большихъ трудовъ; имъ послѣ работы необходимъ былъ шелестъ листьевъ и журчанье водъ, которые убаюкивали бы ихъ мечтательность. Въ то же время острова эти настолько обширны, что здѣсь мусульмане могли считать себя столько же безопасными, какъ и на континентѣ, и, раздробясь на тѣсныя и многочисленныя группы, были наготовѣ поддерживать другъ друга и не допускать высадокъ на берега.

Столь благопріятныя для магометанъ условія съ самаго начала привлекли ихъ въ Эвбею. Первымъ завоевателямъ, разсѣявшимся по долинамъ Ѳессаліи и Беотіи, легко было переплыть проливъ и очутиться на островѣ. Какъ только у венеціанцевъ былъ отнятъ въ 1470 г. Негропонтъ, онъ былъ раздѣленъ на тимары или военные округи. Еслибы венеціанцамъ вздумалось снова отнять островъ или другіе непріятели напали бы на него, стоило только перейти халкидскій мостъ или броситься въ барку и тотчасъ очутиться на континентѣ; Еврипъ въ этомъ мѣстѣ такъ узокъ и такъ спокоенъ, что его прекрасныя голубыя волны скорѣй походятъ на большую рѣку безъ теченія, или, лучше, съ перемѣнчивымъ теченіемъ, чѣмъ на проливъ: при Халкидѣ онъ уже парижской Сены.

Положеніе Крита значительно разнится отъ Эвбеи. Изъ всѣхъ греческихъ острововъ, онъ наиболѣе отдаленъ отъ континента и изолированъ; для турокъ было бы затруднительнѣе переселиться сюда, потому что для морскаго путешествія требовалось болѣе одного дня, а турки, какъ извѣстно, не одарены особенною любовью къ мореплаванію; наконецъ, здѣсь, въ случаѣ нападенія, имъ долго пришлось бы ожидать помощи отъ своихъ собратьевъ съ твердой земли и имъ грозила опасность слишкомъ поздно получить ее. Чѣмъ же объяснить многочисленность мусульманскаго населенія, разсѣянаго вдоль и поперегъ всего Крита и не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, населенныхъ христіанами, во внутреннихъ округахъ и даже среди высокихъ горъ? Почему на Критѣ, до войны за независимость, турокъ было болѣе, чѣмъ на Эвбеѣ? Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, половина жителей Крита принадлежала къ исламизму, по крайней мѣрѣ, по виду и по наружному исповѣданію (*). Эту аномалію можно объяснить исторіей завоеваній и владычества турокъ и изученіемъ положенія раій; но гдѣ мы отыщемъ эту исторію, гдѣ соберемъ разрозненныя черты этой картины? Большія препятствія встрѣтятся каждому, кто пожелаетъ разомъ обнять судьбу греческой расы и прослѣдить ея неукротимый и живучій геній черезъ пространство вѣковъ до нашего времени.

Болѣе трехъ вѣковъ прошло со времени побѣды турокъ до возстанія грековъ въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ теченіе этого времени восточные христіане, собственно говоря, не имѣютъ исторіи. Не имѣя жизни національной, принужденные покоряться грубому и своевольному насилію, лишенные всего, что составляетъ смыслъ гражданской жизни и притомъ впавшіе въ глубокое невѣжество, они, разумѣется, не желали вспоминать о прошломъ, стыдились и своего настоящаго и не слишкомъ еще надѣялись на будущее; что же могли они сообщить бумагѣ? Какой могъ быть интересъ для нихъ самихъ и для по-

(*) Одинъ французскій путешественникъ, Оливье, имѣвшій случай видѣть реестръ, по которому взимались подати *харача*, опредѣлилъ народонаселеніе острова въ 1795 г. въ 240,000 жителей, изъ которыхъ 120,000 было мусульманъ. По другимъ даннымъ, готовъ думать, что эта цифра преувеличена.

стороннихъ въ монотонномъ разсказѣ о несчастіяхъ, униженіяхъ, оскорбленіяхъ, которыя они постоянно испытывали? Нѣкоторые монастыри и церкви, напримѣръ, въ Янинѣ и Константинополѣ вели свои хроники, гдѣ можно прочесть длинную таблицу именъ и чиселъ, цѣлый рядъ игуменовъ, епископовъ и патріарховъ; что же касается до подробностей о людяхъ и земляхъ, о томъ, что думала и чувствовала эта безмолвная, уничиженная масса людей, ничего подобнаго нельзя почерпнуть изъ этѣхъ сухихъ и тощихъ лѣтописей. Турецкая имперія имѣла своихъ офиціальныхъ исторіографовъ; нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, были люди достойные, по крайней мѣрѣ, судя по сочиненію Гаммера, которое почти все заимствовано изъ восточныхъ источниковъ, но эти гордые мусульмане могли ли интересоваться положеніемъ *гяуровъ*, этихъ *раий*, которыхъ они ненавидѣли и презирали? Впродолженіе трехъ вѣковъ христіане, и преимущественно греки, не смотря ни на что, продолжали свое существованіе; оказывали завоевателямъ хотя и пассивное, но тѣмъ не менѣе неутомимое сопротивленіе, сохранили свою вѣру, свой языкъ, память о своемъ происхожденіи и чувство національности. Нужно пополнить этотъ пробѣлъ исторіи и соединить славное прошлое съ настоящимъ, которое полно надеждъ и упованій. Дѣло это трудно. Много разорванныхъ и потерянныхъ звеньевъ. Чтобы отыскать ихъ, нужно прибѣгнуть къ изустнымъ преданіямъ, сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ и въ вѣрной памяти стариковъ—живыхъ хроникахъ прошлаго; конечно, воспоминанія эти неопредѣленны и несвязны; для полученія болѣе точныхъ свѣдѣній слѣдуетъ обратиться къ европейскимъ путешественникамъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ заражены предубѣжденіемъ, большинство ихъ не можетъ не сочувствовать тѣмъ несчастнымъ, которые также носятъ имя христіанъ; съ большою симпатіею разсказываютъ они, какъ страдаютъ жалкіе потомки того народа, имя котораго живетъ въ памяти каждаго. Говоря о временахъ, предшествовавшихъ войнѣ за независимость, намъ часто придется цитировать Белина, Турнефора, Пококка, Оливье и другихъ, посѣщавшихъ въ разныя эпохи берега Крита; свѣдѣнія эти дополнятся анекдотами и разсказами, которые мы слышали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ устъ селиніотовъ и сфакіотовъ, сидя въ длинные осенніе вечера около очага, на который женщины и дѣвушки бросали большія горящія виноградныя лозы, чтобы зажечь огромные пни оливъ, каштанника или кедра.

Задолго передъ тѣмъ, какъ Кандія въ 1669 г. была отнята турками, греки, жившіе на островахъ, призывали ихъ къ себѣ и въ различныхъ случаяхъ давали имъ полезные совѣты; многократно они сами поощряли ихъ къ высадкамъ, которыя со стороны турокъ дѣлались съ цѣлью узнать насколько сильна Венеція и убѣдиться до какой степени она можетъ сопротивляться турецкимъ силамъ, когда Порта приметъ окончательное рѣшеніе вступить съ нею въ борьбу. Невольнику обыкновенно кажется, что его господинъ хуже другихъ; поэтому, всякій рабъ, особенно если онъ, подобно греку, одаренъ пылкимъ воображеніемъ и легкомысліемъ, убѣжденъ, что новое рабство для него будетъ сноснѣе настоящаго: уже одна только перемѣна цѣпей служитъ ему облегченіемъ и развлеченіемъ. Пріятно было бы видѣть побѣжденнымъ и униженнымъ дерзкаго притѣснителя, передъ которымъ такъ долго трепетали и котораго сами не могли низвергнуть и наказать. Надо сознаться, что синьорія Венеціи не слишкомъ была снисходительна къ греческой націи, судя по свидѣтельствамъ ея собственныхъ агентовъ; конечно, администрація эта была разумнѣе той, которая впослѣдствіи заняла ея мѣсто и которую придется, за неимѣніемъ другаго слова, назвать турецкой администраціей; прежняя администрація тоже не слишкомъ заботилась объ интересахъ Греціи, столь же

мало щадила ея кровь и не оказывала особеннаго уваженія къ ея религіознымъ вѣрованіямъ (*). Во время господства венеціанцевъ Критъ, il regno di Candia, какъ его тогда называли, былъ обширнымъ владѣніемъ за моремъ и эксплуатировался въ пользу метрополіи судьями, которыхъ она туда посылала; бо́льшая часть греческихъ крестьянъ доведены были до степени крѣпостныхъ холоповъ (**). Когда чрезмѣрныя притѣсненія производили возстанія, какъ это случилось въ 1283 и въ 1363 г., возмутившіеся были наказываемы жесточайшимъ образомъ. Венеція не довольствовалась смертью предводителей мятежа; цѣлые округа въ провинціяхъ Сфакіи и Лассити были опустошены; подъ страхомъ смерти было запрещено сѣять хлѣбъ и это пространство, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые современники, впродолженіе цѣлаго вѣка оставалось пустыннымъ и безплоднымъ. Никогда мусульмане не оказывали грекамъ того презрѣнія, которое католики оказывали православнымъ; греческое духовенство, почитаемое $^{9}/_{10}$ частью жителей, нуждавшихся въ его молитвахъ, было лишено почти всего своего имущества въ пользу латинскаго духовенства, которое совершало службу только для нѣкоторыхъ иностранцевъ и высшіе сановники котораго жили внѣ Крита, пользуясь въ Италіи своими огромными доходами. Эти притѣсненія становились невыносимѣе еще потому, что производились правильно, методически и послѣдовательно; такъ, холодное и жестокое венеціанское правительство имѣло обыкновеніе поступать съ своими колоніями; владычество турокъ могло быть сноснѣе: они болѣе безпечны и разсѣяны, ихъ легче можно было усыпить и провести! При такихъ обстоятельствахъ понятно, что кандіотскіе греки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, служившихъ подъ знаменами Венеціи солдатъ, какъ будто протянули руку туркамъ и помогли имъ ступить на островъ; безъ сожалѣнія и даже съ чувствомъ радости и торжества смотрѣли они на удалявшійся флотъ, увозившій навсегда отъ критскихъ береговъ Морозини и другихъ его товарищей-героевъ.

Турки поспѣшили организовать вновь пріобрѣтенную страну, по крайней мѣрѣ насколько они въ этомъ смыслили. Островъ былъ раздѣленъ на четыре пашалыка или санджака, но вскорѣ былъ обращенъ въ три, уничтоженіемъ Ситіи; было прислано трое пашей, которые не зависѣли одинъ отъ другаго и жили, одинъ въ Ханіи (настоящее греческое названіе города, превращеннаго венеціанцами въ Канею), другой—въ Ретимо, третій—въ Кандіи или, какъ ее еще называютъ въ Критѣ, Мегало-Кастро. По временамъ одному изъ этихъ трехъ сановниковъ, который былъ важнѣе другихъ, внезапно приходило въ голову, обнаружить передъ двумя своими собратьями свое первенство и свой контроль. Каждый изъ санджаковъ заключалъ въ себѣ опре-

(*) Лучшее руководство къ исторіи о господствѣ Венеціи надъ Критомъ есть Creta sacra Фламиніо Корнаро, по латыни Корнеліуса, 2 тома въ in—4. Этотъ Корнаро принадлежалъ къ семейству, главная отрасль котораго поселилась въ Критѣ и занимала тамъ значительное мѣсто, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій; одинъ изъ этихъ Корнаровъ-кандіотовъ написалъ на ново-греческомъ языкѣ рыцарскую поэму, которая съ XVI-го столѣтія слыветъ на Востокѣ народной поэмой и много разъ была перепечатана: я говорю о «Erotocritas»; авторъ ея Винченто Корнаро названъ былъ Кореемъ «Гомеръ простонароднаго языка». Можно также съ пользою пересмотрѣть различные отрывки, заимствованные Пашлэ изъ библіотеки Сенъ-Марка и напечатанные въ концѣ его «Travels in Crete». У него найдется много выписокъ изъ старинныхъ рукописныхъ хроникъ и изъ офиціальныхъ донесеній проведиторовъ къ синьоріи. Можно найти любопытное изображеніе острова Кандіи среднихъ вѣковъ въ сочиненіи подъ названіемъ: «Urkunden zûr ältern Handels und Staatsgechichte der Republik Venedig, mit besonderer Beziehung auf Bizanz und die Levante», von D-r Tapel und D-r Thomas. 2 тома, Вѣна 1855—1856.

(**) См. тексты, выписанные Пашлэ, т. 1, стр. 30 и 31.

дѣленное число малыхъ и большихъ пожизненныхъ помѣстій, называвшихся, первые *зіаметами*, вторые *тимарами*. Въ провинціи Кандіи назначено было сдѣлать 8 большихъ и 1400 малыхъ помѣстій, въ Ханіи 5 зіаметовъ, а въ Ретимо 4, между тѣмъ въ первой было 800, а во второй 350 тимаръ (*). Владѣтелямъ этихъ помѣстій ставилось въ обязанность въ случаѣ нужды давать султану заранѣе опредѣленное число людей, смотря по времени и по провинціямъ.

Эти имѣнія, безъ сомнѣнія, образовались изъ общественныхъ владѣній, принадлежавшихъ венеціанскимъ дворянамъ или латинскому духовенству. Они были розданы агамъ и пашамъ, которые принимали участіе въ осадѣ и теперь желали поселиться на островѣ, познакомясь и оцѣнивъ достоинства его климата. Вѣсть объ изгнаніи венеціанцевъ и о побѣдѣ, одержанной надъ ними, быстро распространилась по всей имперіи; это должно было привлечь въ Критъ разныхъ авантюристовъ, янычаръ и спаговъ, которые, разорившись войной на Дунаѣ, обратились сюда, чтобы поправить свои обстоятельства щедротами султана, который раздавалъ имъ, въ своемъ новомъ завоеваніи, земли и оливковыя плантаціи. Найти женщинъ для своего гарема, руки для обработки своихъ помѣстій, предоставлялось имъ самимъ. Деревни, ближайшія къ городамъ и къ морю и самыя плодородныя равнины раньше другихъ были населены; дикое буйство распространилось по всему острову и, по произволу новыхъ владѣльцевъ, заходило и за предѣлы ихъ помѣстій, отведенныхъ имъ правительствомъ; они насильно отнимали у грековъ сады и поля, принуждали ихъ платить аренду на тяжелыхъ условіяхъ, похищали ихъ дочерей и сестеръ.

Отчаяніе овладѣло греками, когда они увидѣли, что съ ними такъ поступаютъ. Имъ не оставалось болѣе никакой надежды на измѣненіе правительства и на улучшеніе своей участи: новые властелины, которымъ они сами способствовали къ завоеванію своей страны, не скоро выпустили бы изъ своихъ рукъ это выгодное пріобрѣтеніе, стоившее имъ золота и крови; къ тому же, подъ управленіемъ такого визиря, каковъ былъ Купрули оттоманская имперія съ каждымъ днемъ пріобрѣтала больше и больше могущества. Новое странное явленіе, извѣстное уже въ исторіи Крита среднихъ вѣковъ, снова повторилось. Въ IX и X вѣкахъ, во время владычества сарациновъ, христіанство почти совершенно исчезло на островѣ, и когда Никифоръ Фока снова отнялъ его у невѣрныхъ, нужно было послать туда миссіонеровъ, которымъ было поручено обратить къ прежней религіи и къ вѣрѣ отцевъ грековъ, впавшихъ въ странное суевѣріе и употреблявшихъ такіе обряды, въ которыхъ смѣшаны были обѣ религіи. Во главѣ этихъ миссіонеровъ былъ извѣстный святостью своей жизни армянскій монахъ, Никонъ, которому не малыхъ трудовъ стоило воздвигнуть христіанскіе алтари, очистить церкви, учредить литургію, возстановить духовенство и порядокъ(**). Послѣ вторичнаго покоренія мусульманъ повторилось почти то же самое, что и послѣ перваго: цѣлые кантоны отступили отъ своей прежней вѣры; это свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, посѣщавшіе Грецію въ теченіе столѣтія, слѣдовавшаго послѣ покоренія Кандіи; такъ напримѣръ, Шевалье, Турнефоръ и Полаккъ (***). Турнефоръ утверждаетъ, что «бо́льшая часть островскихъ турокъ ренегаты или сыновья ренегатовъ».

(*) Финлэ History of Greece under the ottoman and venetian domination, стр. 5.

(**) Корнеліусъ, Creta sacra, т. I, стр. 206.

(***) Путешествіе Луи Шевалье находится между рукописями библіотеки арсенала; Шевалье записывалъ со словъ архіепископа кандійскаго и подтверждаетъ фактъ этѣхъ многократныхъ перемѣнъ религіи. Полаккъ говоритъ также: «есть много деревень, жители которыхъ были прежде христіанами, теперь же они почти совсѣмъ магометане».

Для внимательнаго и проницательнаго наблюдателя достаточно видѣть обычаи и нравы, услышать языкъ критскихъ турокъ, чтобы догадаться о ихъ происхожденіи. Они носятъ только названіе турокъ; наружностью же, обычаями и нарѣчіемъ они тѣ же греки. Не трудно перемѣнить религію— стоитъ только узнать дорогу въ мечеть, но не такъ легко и не такъ скоро можно перемѣнить языкъ и выучиться другому; для грековъ, по крайней мѣрѣ, это очень трудно. Нѣкоторые звуки, часто встрѣчающіеся въ турецкомъ языкѣ, напримѣръ ш и j не существуютъ въ греческой азбукѣ. На Критѣ никогда не существовало и теперь не существуетъ иного языка, кромѣ греческаго; дѣти настоящихъ турокъ, поселившіеся здѣсь, скоро должны были выучиться народному греческому языку, который допускалъ ихъ входить въ сношенія съ новыми своими собратами — вѣроотступниками и райями. Критскіе мусульмане, случайно принужденные жить въ Стамбулѣ или Анатоліи, едва знаютъ десятка два турецкихъ словъ и нѣсколько молитвъ, говорятъ же и пишутъ по гречески. На этомъ же языкѣ читаютъ и пишутъ всѣ указы Порты, всѣ ея фирманы и постановленія (*).

Критскіе греки, принимая исламизмъ, не считали необходимымъ оставлять свои обычаи, какъ повелѣвалъ новый законъ: они пользовались снисходительностью корана, который позволялъ удовлетворять нѣкоторымъ страстямъ, но въ то же время не хотѣли отказаться отъ того, что запрещалось имъ. Такимъ образомъ, въ нихъ соединялись пороки христіанъ съ пороками магометанъ, пьянство съ многоженствомъ. Всѣ островяне-мусульмане, какъ гяуры, публично пьютъ вино, къ немалому скандалу своихъ континентальныхъ единовѣрцевъ. «Кандійскій турокъ, — говоритъ одинъ путешественникъ,— не пользуется уваженіемъ въ другихъ частяхъ имперіи; это неуваженіе происходитъ отъ того, что кандійскіе мусульмане, не исполняютъ нѣкоторыхъ правилъ корана» (**). Это до сихъ поръ сохранилось. Въ 1857 г. одинъ константинопольскій турокъ, офицеръ, съ явнымъ презрѣніемъ говорилъ мнѣ о критскихъ мусульманахъ, съ которыми ему по службѣ приходилось входить въ сношенія впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. «Они только умѣютъ напиваться пьяными и во все горло пѣть на дурномъ греческомъ языкѣ разныя глупости. Ни одинъ не путешествовалъ, ни одинъ не знаетъ своего роднаго языка и не имѣетъ даже желанія выучиться ему. Если захочешь съ кѣмъ нибудь дѣльно поговорить, то все-таки придется обратиться къ греку».

Хотя настоящіе турки и не признавали этихъ импровизированныхъ мусульманъ, такъ безцеремонно обращавшихся съ кораномъ, и, не смотря на то, что греческая кровь текла въ жилахъ большинства этихъ людей, называвшихъ себя впродолженіе цѣлаго столѣтія турками, ни въ одной странѣ, господствующіе мусульмане не обращались болѣе жестоко съ греками, какъ на островѣ Критѣ. Ни одинъ христіанинъ не былъ господиномъ своей земли, своего дома, своей жены и дочери. Достаточно было одного каприза, чтобы лишить его всего, что было ему дорого. Всѣ турки, жившіе на островѣ были записаны въ одинъ изъ четырехъ янычарскихъ полковъ, стоявшихъ на Критѣ; благодаря этому титулу, они попирали всякую справедливость и право и не

(*) Одинъ критскій грекъ напоминаетъ объ этомъ туркамъ въ весьма любопытномъ письмѣ, которое было публиковано въ Критѣ въ 1858 г. и часть котораго г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ перевелъ (см. Journal des Débats 27 августа того же года). «Мало есть между вами,» говоритъ грекъ, авторъ этой статьи, «кто бы зналъ турецкій языкъ. Можетъ быть найдется нѣсколько господчиковъ, прочитавшихъ даже Amen-Tzoutzou, остальные не знаютъ даже Elif-be-Tzoutzou (азбуку) и, совершая namaz (молитва), вы можетъ быть и говорите Allah-Ekber, Allah-Ekber, но навѣрное не знаете, что это значитъ».

(**) Танкуань. Путешествіе по Архипелагу и на о-въ Критъ, т. I, стр. 99.

признавали надъ собою никакой власти. Въ теченіе прошлаго столѣтія вообще мало обращали вниманія на приказанія султана, на Критѣ же менѣе, чѣмъ гдѣ либо. Нѣсколько разъ кандійскіе турки возмущались противъ пашей, присланныхъ Портою и заставляли Константинополь признавать того пашу, котораго они сами себѣ выбирали, и утверждать его указомъ. Такимъ образомъ, губернатору было невозможно предпринять ничего съ успѣхомъ для защищенія жизни и собственности христіанъ противъ ежедневныхъ звѣрскихъ нападеній; земледѣліе и торговля, по причинѣ безпорядковъ, съ каждымъ годомъ приходили въ упадокъ.

Жестокость, съ которою мусульмане обращались съ христіанами, происходила, вѣроятно, отъ той ненависти, которую ренегаты обыкновенно питаютъ къ тѣмъ, кто исповѣдуетъ ихъ прежнюю религію. Твердость въ вѣрѣ нѣкоторыхъ христіанъ, не смотря на всѣ бѣдствія, навлекаемыя этимъ на нихъ, была для вѣроотступниковъ горькимъ и постояннымъ упрекомъ. Они вымѣщали свою злобу всевозможными притѣсненіями и обидами. Правда, упреки эти не мучили сыновей измѣнниковъ, но привычка была сдѣлана, а къ дурнымъ привычкамъ легче привыкнуть, чѣмъ отвыкнуть отъ нихъ.

Трудно вообразить себѣ до какого неистовства доходила эта ужасная тираннія тамъ, гдѣ для нея не было такихъ припятствій, какія, напримѣръ, можно встрѣтить во внутреннихъ горныхъ округахъ. Можно судить объ этомъ по нѣкоторымъ анекдотамъ, которые я слышалъ отъ одного французскаго семейства, издавна поселившагося на Критѣ; оно собрало многія, весьма интересныя подробности о войнѣ за независимость и о тяжкомъ времени, предшествовавшемъ возстанію. Деревенскій домъ, въ Халепѣ, близъ Канеи, въ которомъ жилъ глава этого семейства, принадлежалъ 50 лѣтъ тому назадъ очень богатому бею. Подобно всѣмъ критскимъ туркамъ, онъ пилъ вино, а часто и водку. Говорятъ, что трезвый онъ не былъ злодѣемъ, но стоило ему только выпить — и ему не было никакого удержу. Однажды, напившись пьянымъ, онъ услыхалъ, что на слѣдующій день одна изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ выходитъ замужъ за молодаго грека, тоже весьма красиваго; онъ тотчасъ же отправляетъ двухъ служителей за невѣстой и ея отцемъ, будто бы для того, чтобы ихъ поздравить. Невозможно было ослушаться; женихъ въ это время былъ въ городѣ для закупокъ къ свадьбѣ, слѣдовательно, не могъ за нихъ вступиться. Несчастные съ трепетомъ явились къ бею, который велѣлъ дѣвушкѣ приблизиться и началъ осыпать ее любезностями, смыслъ которыхъ былъ очень оскорбителенъ. Къ несчастью стыдъ и страхъ, краска, покрывшая ея лице, еще болѣе увеличили ея красоту; возгорѣвшій страстью повелитель приказалъ увести отца и оставить его вдвоемъ съ дѣвушкой. Старикъ тщетно противился дюжинѣ сильныхъ рукъ; его съ побоями, чуть живаго, вытолкали вонъ. Удовлетворивъ своей прихоти и обезчестивъ дѣвушку, бей вскочилъ на лошадь и поѣхалъ прогуляться и освѣжиться, въ сопровожденіи своихъ янычаръ; онъ галопомъ помчался изъ Халепи въ Канею. Дорогой ему повстрѣчался женихъ, который, ничего не зная о случившемся, спокойно возвращался съ подарками невѣстѣ. Бей бросается на него, выхватываетъ пистолетъ, прицѣливается и на повалъ убиваетъ несчастнаго. Нечего и говорить, что, все это осталось безнаказаннымъ; это была просто барская забава; высшая власть и не думала возмущаться такими пустяками. Негодяй этотъ былъ убитъ въ войнѣ за независимость, только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Вотъ еще другой анекдотъ, почерпнутый изъ вѣрныхъ источниковъ. На островѣ Критѣ много стариковъ, которые сами не мало видѣли подобныхъ продѣлокъ и, конечно, не могли забыть и простить ихъ. Въ началѣ нынѣшняго

столѣтія въ Канеѣ жилъ одинъ христіанинъ, по ремеслу пирожникъ; онъ былъ извѣстенъ своимъ искуствомъ печь какіе-то особенные пироги. Много хвалили также и его жену, которая слыла между греками красавицей; но ни одинъ турокъ никогда ее не видалъ; какъ всѣ другія женщины греческихъ городовъ, она никогда не выходила изъ дому (*). Однажды утромъ канейскій бей, одинъ изъ тѣхъ, которому было опасно прекословить, входитъ въ лавку пирожника. «Приготовь мнѣ сегодня вечеромъ пирогъ, говоритъ онъ хозяину, я приду съ моими друзьями, чтобы закусить съ ними у тебя. Къ двумъ часамъ ночи накрой на столъ, поставь хорошаго вина и крѣпкой водки. Тебѣ заплатятъ хорошо» Пирожникъ разсыпается въ изъявленіяхъ благодарности: «онъ изумленъ такою честью и надѣется, что его милость останется довольнымъ»; Такое порученіе доставило ему много хлопотъ, но нисколько не тревожило его. Нѣкоторые беи, несовсѣмъ еще утратившіе человѣческое чувство, избѣгали преступать законъ пророка въ присутствіи своихъ женъ и слугъ, и для этого устроивали свои буйные пиры по ночамъ, подъ навѣсомъ какого нибудь уединеннаго кафе, при хорошо закрытыхъ дверяхъ; хозяинъ могъ только опасаться, что ему или мало заплотятъ или вовсе не заплотятъ. Впрочемъ, нашъ пирожникъ не очень тревожился объ этомъ и принялся за приготовленія; вечеромъ все, что могло прійтись по вкусу гостей, разставлено было на столѣ. Въ назначенный часъ являются беи, садятся на коверъ и начинаютъ пить. Вскорѣ хозяину понадобилось за чѣмъ-то сходить въ кухню; «Пришли сюда жену свою, чтобы она прислуживала намъ», повелительно сказалъ глава шайки. Несчастный начинаетъ клясться и божиться, что ему невозможно исполнить приказанія его милости, потому что жены нѣтъ дома. Никто ему не вѣритъ; ему говорятъ, что если онъ ослушается, то его тотчасъ же убьютъ и обыщутъ весь домъ, напротивъ, если онъ исполнитъ приказаніе, то не сдѣлаютъ никакого вреда. Устрашенный угрозами, пирожникъ отправляется къ женѣ и приводитъ ее, еле живую отъ страха; вдругъ кто-то постучался въ дверь: «Поди отвори, говорятъ мужу, это гость, котораго мы ждемъ». Тотъ поспѣшно выбѣжалъ, чтобы поскорѣе воротиться и охранять на всякій случай жену. Онъ отворяетъ дверь; на него тотчасъ же бросаются, убиваютъ его и бросаютъ трупъ на улицу. Покончивъ съ мужемъ, дверь снова затворяютъ и начинается оргія, продолжающаяся до самаго утра. Можно себѣ представить, какъ несчастная молодая женщина, беззащитно преданная въ руки негодяевъ, провела ночь, и какія вынесла оскорбленія.

Мы желали выставить въ этихъ грустныхъ разсказахъ характеръ и нравы критскихъ турокъ передъ тѣмъ, какъ ихъ постигла ужасная участь, сперва во время правленія Хаджи-Османъ-паши, имя котораго наводило страхъ на жителей острова, а потомъ во время греческой революціи. Чтобы наказаніе не показалось слишкомъ строгимъ, нужно было разсказать до какихъ громадныхъ размѣровъ доходила ихъ жестокость. Рука турка нанесла первый ударъ этому кровавому деспотизму. Критскіе беи, одобренные безнаказанностью, съ каждымъ днемъ становились непослушнѣе и своевольнѣе; жестокости, притѣсненія, лихоимство мало по малу опустошали страну. Порта съ горестью видѣла, что скоро настанетъ время, когда этотъ островъ, нѣкогда столь богатый и плодородный, не будетъ приносить никакого дохода. Четверо пашей,

---

(*) О затворничествѣ греческихъ женщинъ и о происхожденіи обычая у христіанокъ покрывать лице см. замѣтки Пашлея, т. 1 стр. 183. Онъ замѣчаетъ, что по Дисеарку ѳиванскія женщины за два вѣка до нашего времени носили такія же покрывала, какъ нынѣшнія турчанки въ Смирнѣ или Трапизондѣ. «Видѣлъ однѣ только глаза,—замѣчаетъ путешественникъ,—остальныя части лица совершенно закрыты покрываломъ».

назначенныхъ султаномъ, были одинъ за другимъ низложены кандійскими янычарами и отосланы въ Стамбулъ.

Въ 1813 г. Диванъ рѣшилъ послать въ Кандію въ качествѣ генералъ-губернатора Хаджи-Османъ-пашу, который извѣстенъ былъ своимъ энергическимъ характеромъ и твердостью, въ случаѣ необходимости, доходившей до жестокости. Привыкнувъ, чтобы ему повиновались, Хаджи-Османъ скоро понялъ, до чего дошли турки и принялъ свои мѣры; онъ зналъ, что въ сильныхъ болѣзняхъ нужны сильныя лекарства, и ему нечего было колебаться въ выборѣ средствъ. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что у него не было въ распоряженіи войска: бей и ага турецкіе, тѣ самые, которыхъ онъ собирался низложить и наказать, составляли полицію острова; нечего было и думать звать албанцевъ и другихъ солдатъ. Это могло возбудить недовѣріе турокъ, которые не допустили бы ихъ высадиться на берегъ; портовыя батареи, стѣнныя пушки, ключи отъ воротъ и даже жизнь самаго паши—все было въ ихъ рукахъ. Нужно было искать поближе, на островѣ, и среди этихъ укрѣпленныхъ городовъ, силу, которую можно бы было вооружить, не возбуждая подозрѣній, и въ день схватки имѣть ее подъ рукой; нужно было обратиться къ христіанамъ. Хаджи-паша тайно снесся съ греческими примасами, черезъ нихъ роздалъ райямъ оружіе и велѣлъ имъ быть готовыми. Всѣ, у кого были старинные счеты съ притѣснителями, охотно вступили въ этотъ союзъ.

Для исполненія своего плана, паша выбралъ Канею, гдѣ мусульмане были менѣе многочисленны и не столь сильны, какъ въ Мегало-Кастро. Въ Мегало-Кастро и Ретимѣ онъ оставилъ нѣсколькихъ преданныхъ людей, на которыхъ было можно расчитывать. Когда приготовленія были окончены, приказанія союзникамъ розданы, Хаджи-Османъ, подъ разными предлогами, вызвалъ въ Канею, которая была его резиденціей, самыхъ буйныхъ и страшныхъ кандійскихъ беевъ. Онъ ихъ принялъ очень милостиво и успѣлъ успокоить самыхъ подозрительныхъ; когда всѣ собрались въ городѣ, онъ утромъ пригласилъ ихъ въ сераль, для чтенія фирмана, присланнаго изъ Константинополя. Они отправились туда; когда всѣ были собраны въ пріемной залѣ, слуги паши и разные приверженные ему албанскіе авантюристы бросились на нихъ, повалили на землю и связали прежде, чѣмъ тѣ успѣли опомниться, тотчасъ же появились вооруженные христіане и именемъ султана и паши взяли ихъ. Другія шайки, подъ предводительствомъ опытныхъ начальниковъ направились по домамъ тѣхъ турокъ, которые больше другихъ производили безпорядки и насилія; ихъ схватили и бросили въ тюрьму. Къ вечеру на молъ, защищающій канейскій портъ, приведено было 20, самыхъ именитыхъ плѣнниковъ, головы которыхъ были отрублены Пушечный выстрѣлъ возвѣщалъ городу о казни преступниковъ. По приказанію паши, казнь эта должна была сопровождаться публичнымъ праздникомъ турокъ и грековъ: въ ту минуту, какъ раздавался пушечный выстрѣлъ, должны были начинаться игры и танцы, и горе тому, кто не хотѣлъ веселиться! Это служило доказательствомъ, что сожалѣютъ о смерти непріятелей султана—непокорныхъ подданныхъ, и отказывавшіеся отъ веселья должны подвергнуться той же участи!

Въ тотъ же самый день и тѣмъ же способомъ поступили паши Ретимо и Кандіи. Они прислали своихъ плѣнниковъ въ Канею, потому что Хаджи Османъ хотѣлъ распорядиться съ ними самъ. Около двухъ мѣсяцевъ въ Канеѣ продолжалось кровопролитіе. Къ солнечному закату медленная стрѣльба возвѣщала городу число отрубленныхъ головъ. Тотчасъ послѣ этого начинались празднества и радостные клики. Турки боялись Хаджи-Османа и громкими криками выражали свою радость, а греки танцовали и пьянствовали.

Безъ сомнѣнія это была слишкомъ поспѣшная и жестокая расправа. Было много варварскаго въ этой радости, которую заказывалъ паша всѣмъ зрителямъ казни; но нужно отдать ему справедливость, что почти всѣ казненные были вполнѣ достойны своей участи. Притомъ, съ другой стороны, если онъ и поступилъ безжалостно, то и ему не было оказано ни справедливости, ни прощенія. Онъ слишкомъ усердно служилъ Портѣ и не могъ долго оставаться въ милости. Жестокость его, случайно обращавшаяся на родственниковъ и на друзей вліятельныхъ лицъ въ Стамбулѣ, снискала ему смертельныхъ и опасныхъ враговъ.

Воспользовались смѣною визиря — и, наговоръ какой-то женщины или евнуха, былъ достаточнымъ поводомъ для очернѣнія въ глазахъ султана его жестокаго, но, безъ всякаго сомнѣнія, преданнаго и вѣрнаго слуги.

Тогда существовалъ еще извѣстный обычай, что увольняемымъ отъ должности сановникамъ посылался отъ султана шелковый снурокъ. (*) Такой снурокъ посланъ былъ и къ Хаджи-Осману; какъ истый мусульманинъ стараго закала, благоговѣйно принялъ онъ эту посылку, совершилъ омовеніе, сотворилъ молитвы и подставилъ покорно шею роковой петлѣ. По смерти его, всѣ прежнія злоупотребленія возобновились и островъ снова подпалъ подъ власть прихотливой и кровожадной турецкой аристократіи.

Подъ тяжелымъ гнетомъ такого тиранскаго управленія и подъ наплывомъ другихъ разнообразныхъ золъ, христіанское населеніе должно было, наконецъ, или покинуть островъ, исчезнуть, или всецѣло отречься отъ своей религіи, чтобы не было и помину о греческомъ имени. Къ счастію для критянъ, населявшихъ гористыя мѣста Бѣлыхъ горъ, болѣе возвышенныхъ, чѣмъ Ида, и раздѣленныхъ разными склонами, долинами и грубокими оврагами, мѣстоположенія это было почти недоступно, тамъ они могли сохранить болѣе и вѣрнѣе свою независимость. То были тѣ бѣлогорскіе греки, которые еще со временъ Венеціанскаго владычества постоянно отличались воинскими достоинствами; они никогда не пренебрегали употребленіемъ оружія; во время мира, если только можно было такъ назвать смутное и неопредѣленное время загадочнаго покоя, они поддерживали свое воинственное настроеніе, свои силы и ловкость, опасною охотой за дикими звѣрями.

Привычные къ трудамъ и лишеніямъ, окруженные мѣстностью, которую не трудно было отстаивать, на высокихъ вершинахъ своихъ жилищъ, посреди лѣсовъ, окружающихъ ихъ, въ средѣ пещеръ и недоступныхъ овраговъ, греки могли быть относительно спокойны. Все благопріятствовало имъ и предохраняло ихъ отъ нападеній мусульманъ, боявшихся имѣть столкновенія съ такими отчаянными сосѣдями, какими казались имъ ризіоты, селеніоты и сфакіоты, всего болѣе населявшіе островъ, сохранявшіе на немъ свое имя, народныя преданія и надежды, когда нибудь осуществить упованіе на цвѣтущее положеніе греческаго племени.

Покровительствуемые болѣе прочихъ райевъ христіанскаго вѣроисповѣданія счастливымъ устройствомъ земнаго грунта, оберегаемые кремнистыми и снѣжными оградами, раздѣленными быстрыми ручьями, ущельями и трудно проходимыми оврагами, Сфакіоты пользовались съ незапамятныхъ временъ тою независимостью, съ которою никогда не смогло вполнѣ совладать турецкое владычество.

Первое сказаніе объ островѣ Критѣ встрѣчается у флорентинскаго путешественника Буондельмонти, въ началѣ пятнадцатаго столѣтія.

(*) Обычай этотъ прекратился лишь при султанѣ Махмудѣ, и послѣдній визирь, подвергнувшійся этой участи былъ Петревъ-паша въ 1837 году.

«На этомъ островѣ, говоритъ онъ, находится очень древній городъ Спихія (Sphichium), въ настоящее время разрушенный и лишенный стѣнъ. Бо́льшую часть занимавшаго прежде его пространства занимаютъ теперь поселяне; но обитатели города не воздѣлываютъ гористо-каменистой мѣстности и не обработываютъ земли, а пропитываются пиленіемъ кипарисныхъ досокъ и молокомъ отъ козьихъ стадъ, разводимыхъ ими во множествѣ. Поселенцы эти высокаго роста, неутомимы и ловки на своей гористой мѣстности, и грозны на войнѣ. Они доживаютъ до ста лѣтъ, не испытывая никакихъ болѣзней; вмѣсто вина они пьютъ только козье молоко».

Изъ этихъ словъ Буондельмонти, подтвержденныхъ Корнеліусомъ, ясно видно, что Бѣлые горы были въ старину гораздо болѣе лѣсисты, чѣмъ онѣ теперь. Корнеліусъ добавляетъ, ссылаясь на одну рукопись своихъ предковъ, «что пожаръ, начавшійся съ одной стороны острова Крита, въ огромномъ кипарисномъ лѣсу продолжался 3 года и такъ сильно, что его никакъ не могли потушить».

Предположивъ даже, что сказаніе это преувеличено, все-таки должно думать, что мѣстность острова Крита, теперь почти безлѣсная, была въ древности гораздо лѣсистѣе. Теперь отъ прежнихъ, первобытныхъ ея лѣсовъ остаются только рѣдкіе, жиденькіе остатки; понятно, что прежде густая лѣсистость могла способствовать сфакіотамъ къ защитѣ ихъ территоріи отъ враговъ, мусульманъ. Когда Белонъ, около 1550 года, посѣтилъ *Спахію*, какъ онъ ее называетъ, сфакіоты не знали огнестрѣльнаго оружія, они употребляли только лукъ и стрѣлы.

«Каждый изъ нихъ, говоритъ Белонъ, носитъ за плечами до ста пятидесяти стрѣлъ и лукъ, повѣшенный или на рукѣ, или на поясѣ. Предъ каждой битвою они начинаютъ пляску, живую, отважную, воинственную».

Венеціанцы находились въ довольно дружескихъ сношеніяхъ съ сфакіотами и оставляли въ покоѣ ихъ владѣнія, пользуясь отъ нихъ незначительною податью и обязательною службою, во время войнъ съ турками, за условленную цѣну. Долгое время венеціанцы не могли уговорить критянъ оставить оружіе ихъ предковъ, лукъ и стрѣлы, и употреблять огнестрѣльное оружіе; но видимый успѣхъ ружей на охотѣ, заставилъ, наконецъ, многихъ критянъ прибѣгнуть къ карабинамъ, и огнестрѣльное оружіе вошло въ общее употребленіе. Греки начали просить Венеціанскую республику о присылкѣ къ нимъ карабиновъ и ружей. Въ 1580 году прислано было довольно значительное количество ружей, и одинъ изъ венеціанскихъ коммисаровъ, посланный Венеціанскою республикою для развѣдыванія Критскаго острова, представилъ замѣчательную записку объ искуствѣ сфакіотовъ въ метаніи стрѣлъ. Другой венеціанскій коммисаръ, посланный въ 1586 году, доноситъ о нихъ, какъ о самомъ храбрѣйшемъ племени цѣлаго острова. «Отважность и благородство характера придаетъ имъ убѣжденіе, что они происходятъ отъ древнихъ римлянъ, и вотъ почему они и не покорились произволу венеціанскихъ нобилей, подобно другимъ племенамъ, не смотря на частыя схватки съ турками, которыми въ первую войну за Кандію, они жестоко дали почувствовать свое превосходство мусульманамъ. Тщетно предлагали имъ турки свободное исповѣданіе христіанской религіи и помощь свою въ случаѣ нападенія венеціанцевъ, сфакіоты оставались непреклонны. Начальники сфакіотовъ—Зимби, Бальзамо и Каламо преимущественно отличались во многихъ сраженіяхъ съ непріятелями и, послѣ одной извѣстной побѣды заслужили своему племени всеобщее уваженіе. Въ продолженіи цѣлаго столѣтія турки не смѣли требовать отъ нихъ иной подати, какъ только нѣсколько льду, который они должны были ежегодно доставлять съ своихъ горъ въ Мегало-Кастро, Ретимъ и въ Ханію, въ подарокъ пашамъ и другимъ высшимъ турецкимъ чиновникамъ. Сфакія

имѣла обычай посылать также каждогодно нѣкоторые подарки султаншѣ-матери (султанша-валидэ), и этимъ и оканчивался ихъ налогъ, *харачь*, который платили прочіе райи острова.

Воинственныя привычки сфакіотовъ и постоянно отличное состояніе ихъ оружія, во время мира съ турками, поддерживались наслѣдственными враждами, существовавшими между ихъ семействами и цѣлыми деревнями; вражды эти были своего рода междоусобныя войны, опустошавшія иногда цѣлыя селенія. Какъ вообще всѣ горцы, напримѣръ: маніоты или черногорцы, и сфакіоты доходили до послѣднихъ крайностей фанатизма и изступленія въ своихъ *вендетахъ*. Донесеніе одного изъ венеціанскихъ коммисаровъ, Фоскарини, показываетъ, что у сфакіотовъ существовалъ одинакой обычай съ корсиканцами: какъ только кто нибудь изъ нихъ убитъ врагомъ, ближайшій родственникъ убитаго даетъ клятву не снимать бѣлья и не расставаться съ окровавленною рубашкою покойнаго, покуда не отмститъ за смерть его, или надъ самимъ убійцей, или надъ кѣмъ нибудь изъ его родственниковъ. Подобныя кровавыя отмѣстки продолжались иногда сорокъ, пятьдесятъ и болѣе лѣтъ. «Мало людей въ Сфакіи, — говорятъ старожилы, — умирали въ старое время естественною смертью; таковы были нашиобычаи!» добавляютъ они, со вздохами (*). Ссоры, возникавшія иногда изъ-за бездѣлицы, оканчивались ножами и пистолетами и если у убитаго или раненаго было много родственниковъ, убійцѣ не оставалось никакихъ болѣе средствъ спасти свою жизнь, какъ бѣжать съ острова; такая эмиграція изъ Крита случалась очень часто. Семейство жертвы вздорнаго поединка, поспѣшно устремлялось къ жилищу убійцы, грабило, разрушало и жгло все его имущество. Мѣстечко Анополисъ было разъединено на двѣ партіи враговъ, во главѣ которыхъ находились Гиро и Кампи, которые постоянно перестрѣливались другъ съ другомъ изъ своихъ лачугъ; точно также семейники Калликрати и Аскифо, вели нескончаемую войну съ семейниками Нипроса и Асфенто.

Когда какому нибудь сфакіоту не удавалось обмѣниваться пулями въ какой-либо семейной враждѣ, онъ удалялся въ ночныя экспедиціи, въ окрестности Бѣлыхъ горъ, похищать женщинъ, воровать и отгонять стада. Чтобы оградить себя отъ такихъ грабительскихъ вторженій, очень часто случалось, что христіанское и магометанское населеніе острова заключали съ сфакіотами нѣкоторый родъ условія, обязываясь давать имъ, въ обезпеченіе своей собственности, одного барана съ десяти головъ имѣющагося стада, итогда сфакіоты брались охранять благосостояніе своихъ данниковъ, признавая ихъ своими подданными, *райями*, и вѣрно держали-данное слово.

Къ несчастью для сфакіотовъ, чувствовавшихъ себя сильными и самостоятельными, въ концѣ прошлаго столѣтія они были увлечены въ разорительное возстаніе 1770 года. Возстаніе было начато и ведено нѣкоторымъ *дѣдушкой Иваномъ*, какъ его называли (Ασκαλος Ιανιος), имя и воспоминаніе о которомъ сохранились въ народныхъ пѣсняхъ, напѣваемыхъ старухами и из-

(*) Пашлэ разсказываетъ много любопытныхъ примѣровъ сфакіотской вендеты, выказывающихъ сколько въ этой мести было дикой энергіи; молодая дѣвушка, совершившая ошибку, обличенная или иногда только подозрѣваемая въ прелюбодѣяніи женщина были осуждаемы на смерть и наказуемы самыми близкими родственниками. Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ подобной драмѣ разсказывалъ Пашлэ* исторію одной сфакіотки, которая, будучи осуждена молвою въ невѣрности мужу, съ согласія роднаго отца, взята была родственниками и привязана къ дереву предъ своимъ жилищемъ. Сорокъ человѣкъ присутствующихъ разрядили надъ нею свои карабины. Она еще дышала и родной ея братъ пистолетнымъ выстрѣломъ закончилъ ея мученія.

данными Арнольдомъ Пассовымъ въ Лейпцигѣ въ 1857 году, подъ заглавіемъ: «Popularia carmina Graeciae recentiores».

«Дѣдушка Иванъ», какъ повѣствуетъ преданіе о немъ, одолженъ былъ этимъ почетнымъ названіемъ какимъ нибудь высшимъ нравственнымъ, умственнымъ достоинствомъ. Онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Сфакіи, великій дипломатъ, способный сооружать и приводить въ дѣйствительность огромныя предпріятія и терпѣливо ждать ихъ осуществленія для пользы своего племени. Онъ «желалъ,—какъ говорятъ народныя пѣсни о немъ,—увѣковѣчить свое имя и возстановить еллинскую національность».

«Каждое Рождество, каждую Пасху, онъ надѣвалъ на голову свою феску и говорилъ духовенству:

— Я призову къ намъ русскихъ!

— Замолчите, дѣдушка Иванъ! вамъ не слѣдуетъ такъ говорить. Чтобы съ вами было, если бы услыхалъ васъ султанъ? Онъ послалъ бы намъ не мало турокъ.

— Пусть посылаетъ онъ всю свою армію и весь свой флотъ! Въ Сфакіи есть люди съ честью и храбрымъ сердцемъ! Есть свои палликары! пусть покажутся къ намъ султанскія знамена! Развѣ не найдется у насъ столько сподвижниковъ, сколько сучковъ на нашихъ вѣковѣчныхъ лѣсахъ, горделиво отвѣтствовалъ дѣдушка Иванъ.»

При появленіи русскаго флота и первыхъ успѣхахъ возстанія въ Мореи, слухи достигли до острова Крита и «дѣдушка Иванъ» возстановилъ противъ турокъ всю Сфакію.

Нѣсколько лѣтъ онъ уже велъ сношенія съ Бенаки, мессинскимъ приматомъ и маніотскими предводителями; оружіе и воинскіе запасы были давно, хоть и медленно, приготовлены.

Сфакіоты, въ началѣ военныхъ дѣйствій, имѣли огромный успѣхъ. Они разграбили и разорили всѣ турецкія поселенія и вытѣснили турокъ изъ фортовъ.

«Дѣдушка Иванъ» поѣхалъ тогда въ Паросъ, къ русскому военачальнику графу Орлову, чтобы просить его о воспомоществованіи, но тотъ, по какимъ-то соображеніямъ, не осуществилъ желаній «дѣдушки Ивана», и Морея снова была порабощена албанскою солдатчиною. Дѣло было проиграно. Въ остальной части острова Крита райи оставались спокойными; одна только Сфакія была все еще вооруженной. Паши соединили всѣ свои войска и двинулись на сфакіотовъ. Сфакіоты были разъединены; одни готовы были покориться, другіе упорствовали, а между тѣмъ турки перешли дефиле, разграбили и сожгли деревни Аксифо и Анополисъ и удалились съ многочисленными плѣнными и значительнымъ грабежемъ разныхъ цѣнныхъ вещей.

«Дѣдушка Иванъ» продолжалъ сопротивляться, но, не находя достаточной помощи, претерпѣвалъ пораженія, и его собственный братъ былъ взятъ въ плѣнъ турками, но, не смотря на ихъ успѣхи, мусульмане не почитали возстаніе вполнѣ оконченнымъ, не имѣя у себя въ рукахъ начальника сфакіотовъ «дѣдушки Ивана.»

Изъ своего мѣстопребыванія, Мегало-Кастро, турецкій паша посылалъ къ нему предложеніе прощенья и мира, предлагая пріѣхать въ Мегало Кастро и остаться прежними, добрыми сосѣдями. Чтобы еще болѣе усилить эти обманчивыя обѣщанія, паша принудилъ угрозами взятаго въ плѣнъ брата «дѣдушки Ивана», написать ему письмо, въ которомъ онъ ручался за исполненіе даннаго честнаго слова паши. Но, покоряясь необходимости и повинуясь волѣ того, отъ котораго, по единому его движенію, могла скатиться съ плечь его голова, хитрый сфакіотъ нашелъ таки случай предупредить въ своемъ письмѣ брата.

Въ концѣ письма плѣнникъ трижды выставилъ букву μ и, чтобы не на-

клечь подозрѣнія, подчеркнулъ ее, полагая, что братъ пойметъ ея значеніе. Буква эта ознаменовывала сокращенную мысль— μή (ἔρθῃς), μή, μή «не приходи, не приходи»!. Братъ дѣдушки Ивана надѣялся, что онъ пойметъ это краткое поясненіе тайнаго смысла слова, не покинетъ родныхъ горъ и такимъ образомъ, избѣжитъ ожидающей его смерти; но храбрый предводитель, наскучивъ своею властью и бѣдствіемъ, которое навлекалъ онъ на свою родину и, подстрекаемый при всемъ этомъ мнимыми своими друзьями, подкупленными пашею, поспѣшилъ воспользоваться дружелюбнымъ предложеніемъ и попалъ въ подготовленную ему западню. Его встрѣтили предварительно съ большимъ радушіемъ и пріязнью; потомъ, когда онъ совершенно увѣрился въ искренности пріема, обращеніе съ нимъ измѣнилось; онъ былъ повѣшенъ въ Кандіи, какъ разбойникъ, и цѣлый островъ подпалъ подъ самое тяжелое иго. Первый разъ сфакіоты были обложены *харачемъ*, этимъ оскорбительнымъ для нихъ налогомъ, который они глубоко почувствовали и поклялись отмстить за него, какъ только встрѣтятся благопріятныя обстоятельства (*). Нѣкоторые изъ болѣе отважныхъ и самыхъ храбрыхъ присоединились тогда къ Ламбросу, подвиги котораго такъ поразили поэтическое воображеніе Байрона. Отъ этого-то Ламброса, каковымъ описывается онъ въ разсказахъ, которые Байронъ съ такою любовью слушалъ во время путешествія своего по Востоку, заимствовалъ поэтъ многія характерическія черты для своего *Корсара* и привелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ двухъ самыхъ лучшихъ пѣсняхъ своего Донъ-Жуана, въ эпизодѣ о Гайдѣ. Прочіе критяне предпочли искать убѣжища въ Россіи и, поселившись въ Одессѣ обогатились коммерческими оборотами и торговлею. Благодаря сношеніямъ, которыя сохранили они съ своими соотечественниками они совѣтовали имъ быть на сторожѣ, подготовляя тѣмъ возстаніе Сфакіи въ іюлѣ 1826 года. Между самыми богатыми и вліятельными критянами въ Одессѣ, поселившимися въ Россіи и готовыми жертвовать и своимъ состояніемъ и своею жизнью для освобожденія своей родины было семейство Калержи, которое еще въ тринадцатомъ вѣкѣ первенствовало между критскими населенцами. Въ 1299 году, одинъ изъ Калержи, состязавшійся восемнадцать лѣтъ своимъ богатствомъ съ венеціанскими нобилями, былъ признанъ Венеціею венеціанскимъ нобилемъ со всѣмъ нисходящимъ отъ него потомствомъ.

V.

Война за независимость и настоящее состояніе страны.

Я не считаю нужнымъ распространяться о военныхъ событіяхъ, театромъ которыхъ былъ Критъ во все время борьбы за независимость, продолжавшейся почти девять лѣтъ; событія эти разсказаны во всякой исторіи этой войны; притомъ же разсказъ обо всѣхъ этѣхъ битвахъ былъ бы скученъ и однообразенъ; одинаковая храбрость обѣихъ воюющихъ сторонъ была причиною того, что ни одна изъ битвъ не имѣла рѣшительнаго характера, ни одна геройская попытка не удавалась вполнѣ, по причинѣ недостатка един-

(*) Подробности этѣ о личности, имя которой не было упомянуто нигдѣ печатно на западѣ, узнаны были авторомъ на самомъ мѣстѣ, изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, сохранившихъ дѣянія героя, и подтверждены потомъ въ Афинахъ однимъ критяниномъ г. Антоніадисомъ, знавшимъ подробно исторію острова и мужественно участвовавшимъ въ возстаніи.

ства военачальниковъ и нужды въ провіантѣ и въ осадныхъ орудіяхъ. На Критѣ, какъ и въ континентальной Греціи были одинаковые успѣхи и неудачи, блестящіе начатки, ничего неосуществившіе, счастливыя стычки, оказывавшіяся безполезными по недостатку наступательныхъ средствъ и соперничества христіанскихъ вождей. Впрочемъ, въ 1823 году турки не держались въ открытомъ полѣ, а по всему протяженію острова, съ одного конца до другаго, держались въ крѣпостяхъ. Одна изъ этихъ крѣпостей, Кизамо-Кастели, сдалась на капитуляцію послѣ того, какъ почти цѣлый гарнизонъ, заключившійся въ нее съ своими женами и семействами, вымеръ отъ голода и чумы. Около этого времени даже гарнизонъ Мегало-Кастро поговаривалъ о сдачѣ и греки готовились уже овладѣть этимъ самымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ острова; Канея и Ретимъ готовы были также послѣдовать такому примѣру, такъ что весь Критъ едва не очутился въ рукахъ христіанъ. Султанъ находился, кажется, не въ состояніи поддерживать войну; русскіе угрожали ему на Дунаѣ, а турецкія войска, расположенныя въ Греціи, плохо управляемыя дурно пропитываемыя, тревожимыя клефтами и изнуряемыя лихорадками и чумою, уничтожались и исчезали. Христіане, между тѣмъ, ничего не выигрывали. Сознавая свое безсиліе, султанъ призвалъ къ себѣ на помощь своего могущественнаго вассала, египетскаго пашу. Мехметъ-Али съ жадностью поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, представлявшимъ ему впереди столько счастья, испытать свое войско и разузнать способности офицеровъ и храбрость солдатъ, въ особенности же выказаться самому, предъ цѣлымъ востокомъ, въ такую критическую минуту, единственнымъ дѣйствительнымъ защитникомъ и истиннымъ поборникомъ исламизма. Одинъ изъ подчиненныхъ Ибрагима-паши высадился на берегъ Крита съ нѣсколькими египетскими полками, подчиненными строгой дисциплинѣ и выученными европейскими офицерами. Крѣпости были очищены и сфакіоты отброшены къ горамъ, въ которыя послѣдовали за ними и бо́льшая часть жителей острова. Непріятель не могъ проникнуть въ долину Хагія-Румели; но греческія семейства, скрывшіяся въ ней, нуждались въ пропитаніи и страдали отъ голода. Многіе изъ критянъ удалились изъ отечества, другіе покорились. Въ 1825 и 1826 годахъ, когда лучшія войска Ибрагима-паши дѣйствовали въ Мореѣ, дѣлаемы были нѣкоторыя попытки возобновить войну, но всѣ онѣ имѣли только минутный успѣхъ. Критъ находился почти въ спокойномъ положеніи, когда, не смотря на всѣ усилія, на всѣ пожертвованія христіанъ и на все превосходство, которое они пріобрѣли надъ турками, лондонскій протоколъ 2-го февраля 1830 года и трактаты, за нимъ послѣдовавшіе, исключили Критъ изъ новаго обдуманнаго греками королевства и присудили островъ оттоманскому владычеству.

Нигдѣ не лилось столько крови, нигдѣ стычки не были такъ упорны, такъ жестоки и такъ отчаянно свирѣпы, какъ на Критѣ. Въ селеніяхъ Ризы, жители помнятъ, какъ въ 1821 году, послѣ разбитія турокъ въ дефиле Крапи и преслѣдованія ихъ въ горахъ, «точно дикихъ козъ», они бѣжали, безъ оглядки, блуждая въ расщелинахъ и кустарникахъ и осмѣливаясь продолжать путь только ночью, чтобы какъ нибудь поскорѣе прибыть въ Ретимъ. Многіе изъ турокъ, обезсиленные голодомъ и жаждой, рѣшались заходить въ селенія и припадать къ ногамъ перваго попадавшагося имъ на встрѣчу грека, умоляя его даровать имъ жизнь и хоть нѣсколько капель воды. Можно было бы, кажется, подумать, что при видѣ врага, полумертваго отъ истощенія силъ, въ душу побѣдителя проникнетъ жалость. Худо, значитъ, знать, послѣ этого, характеръ сфакіотовъ и всѣ тѣ ихъ чувства, которыя накопили въ ихъ груди ненависть, вражда, злоба и воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ свирѣпствахъ, кото-

рыхъ они были жертвами въ продолженіи двухъ столѣтій. Христіанинъ, всегда вооруженный пистолетомъ, отодвигался на шагъ отъ умоляющаго бродяги, отклоняя отъ себя его дрожащія руки и отвѣтствуя на его мольбы злымъ сарказмомъ, спускалъ курокъ, оставляя трупъ своей жертвы на съѣденіе коршунамъ. Нѣсколько дней послѣ одного сраженія, какой-то турокъ вошелъ около полудня въ одну изъ сфакіотскихъ деревень. Онъ былъ истомленъ и голоденъ, но вооруженъ. Была еще ранняя пора и всѣ поселяне находились въ полѣ. Женщины, остававшіяся однѣ въ хижинахъ, ласково приняли путника, выказали сердечное участіе къ его печальному положенію, накормили, напоили его и обѣщались клятвенно спасти ему жизнь. Когда успокоенный ихъ увѣреніями онъ легъ отдохнуть на коврѣ, и уснулъ, сфакіотки отобрали у него оружіе и изрубили въ куски топоромъ. Даже турецкія женщины—и греки не отвергаютъ этого—не были пощажены. По крайней мѣрѣ, въ первые годы войны за независимость, прежде чѣмъ обѣ противныя стороны, видя колебаніе успѣха и неопредѣленный исходъ военныхъ дѣйствій, возымѣли мысль брать заложниковъ и сберегать плѣнныхъ, чтобы имѣть ихъ на случай размѣна, христіане на самомъ мѣстѣ предавали смерти всѣхъ мусульманокъ, попадавшихся имъ въ руки (*).

Другой фактъ, подтвержденный съ разныхъ сторонъ, доказываетъ какое огромное вліяніе имѣло религіозное чувство надъ этими живыми воображеніями, подстрѣкаемыми и направляемыми фанатическимъ духовнымъ клиромъ. Пашлэ высказываетъ очень положительно, насколько критскіе горцы способны къ религіозному энтузіазму. Отъ времени до времени, проповѣди нѣсколькихъ монаховъ, приходившихъ съ Аѳона или изъ другихъ монастырей острова, производили въ Сфакіи общій нравственный, душевный переворотъ. Самыя огрубѣлыя сердца умилялись; самые закоренѣлые враги примирялись; отъявленные разбойники возвращали ограбленное ими; всѣ плакали и цѣловались. Такое доброе душевное настроеніе, какъ утверждаютъ, продолжалось довольно долгое время и сохранялось на островѣ много лѣтъ и даже до начала нынѣшней войны; ссоръ, кончавшихся убійствомъ, было гораздо менѣе.

Когда наступила «священная» война, бо́льшая часть христіанъ дала клятву не сообщаться съ своими женами до тѣхъ поръ, пока она не будетъ окончена и турки не оставятъ острова. Этою жертвою, этимъ отреченіемъ отъ своихъ правъ, благословленныхъ священниками, греки налагали на себя какъ бы добровольную *эпитимью*, чтобы всецѣло уже предаться чувству мести. Почти всѣ сдержали клятвенное обѣщаніе, въ теченіе лѣта и осени, въ которыя продолжалась первая компанія. Наступила зима, непринесшая никакихъ благопріятныхъ результатовъ, и тогда только, когда можно было вѣрно предвидѣть, что непріязненныя дѣйствія продолжатся на нѣсколько лѣтъ, сфакіоты и селиніоты, возвратившіеся съ битвы и задержанные въ своихъ селеніяхъ дурною погодою, позабывали одинъ за другимъ данное ими клятвенное обѣщаніе, слабѣли воинственнымъ духомъ; но все то время, когда греки оставались вѣрными своему обѣщанію, лишенія, наложенныя ими на себя, увеличивали въ нихъ жажду мести, ихъ обурѣвавшую и дѣлали ее безпощаднѣе и неукротимѣе, чѣмъ когда либо. Изгладивъ изъ души всякое нѣжное чувство, воспламеняемые священниками, взявшимися тоже за оружіе и выступавшими въ первыхъ рядахъ, свирѣпые крестоносцы эти не довольствовались и не на-

(*) То же самое происходило въ десятомъ столѣтіи, когда византійскія войска отбили у арабовъ обратно завоеванный ими Критъ. Въ Кандіи было всеобщее истребленіе жителей, безъ различія возраста и пола, и критскій поэтъ Ѳеодосій Діаконусъ, передавшій потомству это происшествіе, восхваляетъ императора, допустившаго такое истребленіе жителей и запретившаго пользоваться правами побѣдителя надъ женщинами.

сыщались однѣми побѣдами; чтобы сколько нибудь успокоить лихорадочное волненіе ихъ крови, имъ необходимы были, послѣ сильныхъ ощущеній битвы, наслажденіе и разгулъ убійствъ и безотчетнаго истребленія (*). Грабительство и разбои, послѣ неосуществившагося возстанія Эпира и Ѳессаліи, приняли въ Греціи такіе громадные размѣры, что Франція и Англія вознамѣрились одно время устранить греческое управленіе и подчинить своей власти все греческое королевство. Не было ни одной жестокости, ни одного извергскаго поступка, предъ которымъ отступила бы разбойническая шайка Давелиса; но, между тѣмъ, не было примѣра, чтобы разбойники злоупотребили свою власть надъ дѣвушками и женщинами, ими захваченными. Когда родные отказывались заплатить за нихъ выкупъ, назначенный атаманомъ, злодѣи умерщвляли ихъ, подвергая жестокимъ мученіямъ; но никогда не случалось, чтобы разбойники изнасиловали женщину, ибо за такое посягательство ожидала провинившагося неизбѣжная смерть. Наказаніе слѣдовало тотчасъ за совершеніемъ проступка.

Обстоятельства, сопровождавшія эту продолжительную борьбу людей, знавшихъ другъ друга и говорившихъ на одномъ и томъ же языкѣ, жителей одного и того же округа, иногда одной и той же деревни, нерѣдко напоминали собою какъ бы отрывки изъ Иліады. Противники, встрѣчаясь съ оружіемъ въ рукахъ, посылали другъ другу такія восклицанія и вызовы, какими обмѣнивались герои Гомера. Такъ, предводитель мусульманъ, Али-Глемеди, въ день, когда онъ долженъ былъ пасть отъ христіанскаго ядра, увидя бѣгущихъ отъ него грековъ, кричалъ имъ вслѣдъ: «Остановитесь! Трусы, куда бѣжите вы? Остановитесь, поглядите, какъ сражаются честные люди!» На это греческій капитанъ Анагностисъ отвѣчалъ словами, которыя сохранились преданіемъ, такъ какъ они, подобно послѣднимъ словамъ умирающаго Патрокла, служили какъ бы пророчествомъ: «Ты оставилъ домъ твой сегодня, Али-Ага, чтобы идти сражаться, но я надѣюсь, что Богъ не допуститъ тебя возвратиться къ себѣ обратно, что мать твоя не увидитъ тебя болѣе въ живыхъ и что нынѣшній день будетъ твоимъ послѣднимъ днемъ (**).»

Другой христіанскій предводитель, Антоній Мелидони, въ началѣ войны, явилъ такія чудеса энергіи и дѣятельности, что паша провинціи Мегало-Кастро, удивляясь такимъ достоинствамъ и успѣху, просилъ позволенія у Мелидони видѣть его. Критянинъ отправилъ на это отвѣтъ, который, вѣроятно, былъ бы сдѣланъ и спартанцемъ древней республики. «Чрезъ нѣсколько дней, отвѣчалъ онъ, ты будешь плѣнникомъ въ моей палаткѣ и на досугѣ можешь вдоволь насмотрѣться на меня». И это не было пустымъ хвастовствомъ; вскорѣ дѣйствительно паша былъ взятъ въ плѣнъ греками. Доблести Мелидони принесли ему несчастіе; онъ вскорѣ погибъ жертвою зависти, которую подвиги его внушили жестокому капитану Руссосу, предводителя сфакіотовъ. Антоній Мелидони былъ уроженцемъ деревни, расположенной у подошвы горы Иды. Тщетно стараясь отдѣлаться отъ своего соперника, посылая его сражаться противъ враговъ, превосходящихъ его численностью, Руссосъ, взбѣшенный популярностью, которую тотъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ между христіанами при каждой новой стычкѣ, пригласилъ горца къ себѣ на пиръ; Мелидони довѣрчиво принялъ предложеніе. Оскорбленный предводителемъ сфакіотовъ, обвинявшимъ его въ честолюбіи и тайныхъ интригахъ, Мелидони, оправдавшись нѣсколькими полными благородства словами, обращенными къ солдатамъ, удалился среди рукоплесканій самихъ сфакіотовъ, которые тор-

(*) Румелійскіе разбойники, какъ я имѣлъ случай наблюдать, тоже, подобно сфакіотамъ, налагали на себя обѣтъ дѣвственности.

(**) Пѣснь Глемеди, записанная Пашлэ (t. I, p. 110).

жественно обѣщали ему сражаться и умереть за него. Гнѣвъ и ненависть Руссоса, покинутаго своими, не знали болѣе предѣловъ; притворясь, что хочетъ примириться съсоперникомъ, онъ при свиданіи разможжилъ голову Мелидони. Такая зависть и честолюбіе достойны времени саламинскаго или платейскаго сраженій.

Любопытная черта, свойственная лишь, если я не ошибаюсь, Криту, не встрѣчающаяся нигдѣ на греческомъ континентѣ, состоитъ въ роли, которую во время войны за независимость играли нѣкоторыя фамиліи, повидимому, принявшія, со времени покоренія, магометанство, но втайнѣ остававшіяся вѣрными всемъ сердцемъ и душею религіи своихъ отцовъ. Едва представлялся долгожданный случай нанести вредъ втайнѣ ненавидимому непріятелю и освободить отечество, они поспѣшно сбрасывали съ себя маску, тяготившую ихъ, чтобы открыто исповѣдывать вѣру отцовъ и проливать кровь свою за нее, упрекая себя уже тѣмъ, что они могли хоть даже одну минуту отречься отъ нее. Самая знаменитая изъ этихъ фамилій, о которой съ чувствомъ вспоминаютъ кандіоты, есть фамилія Курмулидовъ, теперь совершенно ограбленная и почти раззоренная. Прежде же это былъ богатый и старинный родъ *архонтовъ*, какъ на островахъ называютъ высшее сословіе, имѣвшій свое наслѣдственное жилище въ Кузѣ, въ плодоносной долинѣ Мессары, большая часть которой составляла его владѣніе. Главы клана, вскорѣ послѣ взятія Кандіи, сдѣлали видъ, что приняли исламъ, втайнѣ же продолжали крестить своихъ дѣтей и давать имъ христіанскія имена. По совершеніи обрядовъ крещенія тайно какимъ нибудь священникомъ, приверженнымъ фамиліи, ребенокъ былъ обрѣзаемъ по закону магометанскому имамомъ и получалъ мусульманское имя, Ибрагимъ, Гуссейнъ или какое нибудь другое, подъ которымъ онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ и которое онъ носилъ офиціально. Эта богатая фамилія, по свидѣтельству всѣхъ жителей острова, никогда не отказывалась употреблять свой кредитъ, который она имѣла, вліяніе, которымъ пользовалась въ округѣ, чтобы покровительствовать, насколько ей это было только возможно, бѣднымъ райямъ и защищать ихъ противъ безпрестанно угрожавшимъ имъ притѣсненій. Впрочемъ, иногда на Курмулидовъ нападало безпокойство, когда они помышляли о будущей жизни и о наказаніи, которое ихъ тамъ можетъ быть ожидало за ихъ наружное отщепенство (*). Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, одинъ изъ нихъ въ началѣ столѣтія рѣшился отправиться на поклоненіе къ Святому Гробу и посовѣтываться съ патріархомъ-можетъ ли спастись искренній христіанинъ, наружно исповѣдующій исламъ. Патріархъ отвѣчалъ напрямикъ, что христіанинъ, скрывающій свою вѣру и открыто поклоняющійся ложному пророку, не можетъ питать ни малѣйшей надежды на спасеніе. Старикъ, услыхавъ такой отвѣтъ, тотчасъ же принялъ твердое рѣшеніе отречься отъ магометанства и, возвратясь домой, убѣдилъ сдѣлать тоже самое многихъ изъ членовъ своего семейства. Тридцать Курмулидовъ рѣшили отпроситься къ пашѣ, въ Мегало-Кастро, и объявить ему, что они христіане и готовы принять даже смерть за подобное признаніе. Пришедши въ городъ, они прежде всего пошли къ архіепископу и объявили ему о своемъ намѣреніи; митрополитъ, конечно, понималъ дѣло иначе и не былъ согласенъ съ мнѣніемъ патріарха іерусалимскаго; поэтому, онъ сталъ ихъ отговаривать отъ такого намѣренія и убѣдилъ, что этимъ они обрекаютъ на мученическую

(*) Подробности этѣ большею частью заимствованы нами отъ Пашлэ; онъ же узналъ ихъ отъ одного изъ членовъ этой фамиліи, который послѣ войны, оставался главою ея, Яниса Курмулиса, котораго онъ зналъ въ 1833 году изгнанникомъ въ Наполи-ди-Романія. Личность эта, имя которой также встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ Кандіи, прежде революціи извѣстна была подъ именемъ Ибрагима-Аги (t. I, p. 105).

смерть не только себя, но и многихъ другихъ христіанъ, которыхъ постигнетъ одинаковая съ ними участь и которые совсѣмъ не подготовлены къ этому. Ужасное наказаніе могло обрушиться и на всѣхъ священниковъ, соглашавшихся вѣнчать христіанъ или крестить ихъ дѣтей, на всѣхъ епископовъ, которые разрѣшали эти браки, и, наконецъ, даже и на тѣхъ, кто ничего не зналъ объ этомъ; однимъ словомъ, поступокъ Курмулидовъ могъ произвести ужасныя послѣдствія и цѣлые потоки христіанской крови обагрили бы эту страну. Архіепископъ закончилъ свои увѣщанія увѣреніемъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія патріарха іерусалимскаго; онъ нѣсколько разъ повторялъ имъ что вполнѣ убѣжденъ въ возможности достигнуть царства небеснаго, не смотря на наружное и вынужденное отреченіе отъ прежняго закона. Многихъ трудовъ стоило убѣдить Курмулидовъ оставить городъ и не дѣлать никакихъ признаній пашѣ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ членовъ этого семейства былъ Гуссейнъ-Ага, стяжавшій себѣ славу еще прежде революціи, во многихъ войнахъ Порты въ началѣ столѣтія. Въ первый періодъ возстанія онъ извѣстенъ былъ подъ своимъ христіанскимъ именемъ, капитана Михали Курмулиса. Онъ былъ *архлосомъ* или греческимъ начальникомъ всей провинціи Мегало-Кастро и умеръ въ Гидрѣ въ 1824 г. Мѣсто его заступилъ его сынъ Рисванъ-Ага, подъ именемъ капитана Димитріоса; онъ былъ убитъ въ Аѳинахъ. Его братъ Мустафа-Ага (капитанъ Манолисъ) погибъ вскорѣ въ Мокго, въ Критѣ. Такимъ образомъ, изъ этого семейства, состоявшаго въ 1821 г. изъ 64 человѣкъ, осталось въ живыхъ только двое. Разсказываютъ, что въ 1824 г. въ Ретимѣ трое курмулидовъ были казнены по приказанію турецкаго генерала Мустафа-Бея. Имъ предлагали отреченіемъ отъ христіанства искупить собственную жизнь и свободу ихъ женъ и дѣтей, они одни только оставались бы плѣнниками; но, какъ передъ нашею, такъ и на мѣстѣ казни, подъ ударомъ палача, они съ негодованіемъ отвергли подобное предложеніе. Сохранилось мѣстное преданіе, что на мѣстѣ, гдѣ трое сутокъ тѣла ихъ были безъ погребенія, выходило пламя; одежды мучениковъ были раздѣлены между жителями и имъ долго приписывалось цѣлебное дѣйствіе.

Религіозный элементъ и нѣкоторая степень суевѣрія вообще играли значительную роль въ борьбѣ грековъ съ Турціей, но къ чувству христіанской надежды, присоединялось еще другое чувство: не смотря на столько вѣковъ притѣсненія и бѣдствія, Греція никогда не переставала вѣрить въ будущность своей націи и тайно надѣяться, что когда нибудь ударитъ часъ ея возрожденія и отмщенія. Какъ ни тяжки были событія войны, сопровождавшіяся всяческими бѣдствіями, но въ совокупности своей они имѣли нравственное вліяніе на грековъ-кандіотовъ, придавая имъ увѣренность въ ихъ собственную силу и надежду на лучшее будущее.

Вообще война за независимость, продолжавшаяся девять лѣтъ, раззорила, истощила и опустошила островъ (*); зараза, пожары, торгъ невольниками, содѣйствовали оружію въ опустошеніи городовъ и селъ и въ лишеніи земле-

(*) Въ 1834 г., Пашлэ нашелъ въ деревнѣ Влиѳіа, въ Селино, всего одного мужчину; въ домахъ остались однѣ вдовы. Ему называли одну деревню въ провинціи Лассити, въ которой не осталось рѣшительно никого, кромѣ вдовъ (Т. II стр. 121). Видъ большей части объѣханныхъ имъ деревень напомнилъ ему описаніе Фокиды послѣ священной войны, у Демосѳена: «Мы должны были видѣть все это, говоритъ ораторъ, эти разрушенные до основанія дома, упавшія стѣны, эту страну, лишенную всѣхъ своихъ взрослыхъ мужчинъ и не имѣющую иныхъ жителей, кромѣ нѣсколькихъ несчастныхъ женщинъ и малолѣтныхъ дѣтей». Не менѣе печальныя подробности этого опустошенія находимъ мы и у французскаго консула въ Канеѣ г. Фабргета, въ запискѣ, помѣщенной имъ около того времени въ *Bulletin de la société de geographie*.

дѣлія рабочихъ рукъ. Огромныя пространства земли, покрытыя когда-то плодоносными пашнями, оставались въ запустѣніи. Тамъ, гдѣ путешественникъ дивился когда-то великолѣпнымъ оливковымъ плантаціямъ, остались только обгорѣлые пни и земля, усѣянная золою и хворостомъ. Продолженіемъ бѣдствій войны сдѣлался злѣйшій изъ бичей: голодъ, похитившій не многихъ уцѣлѣвшихъ жителей острова.

Въ 1795, французскій путешественникъ Оливье полагалъ, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, населеніе острова въ 240,000 душъ, почти пóровну на каждую религію; а въ 1834, Пашлэ, основываясь на изслѣдованіи, сдѣланномъ имъ съ величайшею точностью, во время пребыванія на островѣ, нашелъ тамъ всего около 129,000 жителей, и въ томъ числѣ не болѣе 40,000 мусульманъ.

Такимъ образомъ, не смотря на все, что претерпѣли христіане, численная пропорція измѣнилась въ ихъ пользу и по окончаніи этой борьбы, въ которой они остались побѣжденными, они составляли двѣ трети всего населенія острова Крита. Это объясняется тѣмъ, что они, воюя въ открытомъ полѣ, страдали менѣе мусульманъ, запертыхъ въ крѣпостяхъ, гдѣ болѣзни и голодъ производили между ними страшныя опустошенія; но въ особенности тѣмъ, что христіане, болѣе воздержные, болѣе дѣятельные, трудолюбивые и экономные, болѣе чтущіе бракъ, были способнѣе турокъ загладить свои потери, размножить поредѣвшее народонаселеніе и пробудить въ недрахъ земли заглохшее плодородіе. Христіане не падали духомъ; они гордились собою; только что одержанныя ими побѣды ручались имъ за успѣхи въ будущемъ. Не на ихъ-ли сторонѣ оказалось значительное превосходство, пока островъ былъ предоставленъ самому себѣ и критскіе греки имѣли передъ собою противниками на этой аренѣ однихъ туземныхъ турокъ? Не понадобилось-ли для возвращенія острова, уже почти избавленнаго отъ своихъ притѣснителей, чтобы египетскій паша, котораго могущество было въ ту пору неотразимо, вмѣшался въ дѣло съ многочисленною и дисциплинированною арміею? Европа, правда, казалось покинула островъ Критъ; она даже согласилась оставить его во власти Порты, но не иначе, какъ выговоривъ въ его пользу извѣстныя условія, на которыхъ она, конечно, настоитъ. Прошли уже тѣ времена, когда канейскій паша могъ, какъ въ 1765, безнаказанно срывать и попирать ногами флагъ великой европейской націи, требуя къ себѣ ея консула, и обращаясь съ нимъ съ крайнимъ презрѣніемъ (*), съ тѣхъ поръ все перемѣнилось; по восточнымъ морямъ плавали блестящія эскадры подъ флагами державъ, истребившихъ при Наваринѣ египетскій флотъ и принудившихъ Турцію признать греческое королевство. Отнынѣ, повсюду, гдѣ эти державы имѣютъ своихъ агентовъ, райи будутъ защищены, а турки обузданы и подъ надзоромъ. Въ столицѣ—султанъ и его визири, въ провинціяхъ—паши, каймаканы и мудиры всегда встрѣтятъ между собою и райями третейскаго судью въ лицѣ посланника или консула; а за этимъ передовымъ постомъ дипломатовъ, изъ которыхъ многіе-люди съ сердцемъ и головою, стоитъ внимательная Европа; она рѣшилась, по крайней мѣрѣ, какъ тогда казалось, не допускать до дремоты бдительности своихъ представителей и содѣйствовать имъ вооруженною рукою, по первому ихъ знаку. Общественное мнѣніе, возбужденное разсказами путешественниковъ, пѣснями поэтовъ, громкими рѣчами великихъ ораторовъ и неутомленное еще девятилѣтнимъ сочувствіемъ и напряженнымъ вниманіемъ, упрекало кабинеты за то, что они сдѣлали менѣе, чѣмъ оно желало для восточныхъ христіанъ; оно вмѣняло въ обязанность правительствамъ

(*) Пашлэ, *Travels in Crete*, т. I, стр. 170.

вознаградить доброжелательнымъ и дѣйствительнымъ покровительствомъ тѣ изъ греческихъ провинцій, которыя были возвращены Портѣ на лондонской конференціи, съ согласія Россіи, по недоброжелательству Австріи и по ревнивому недовѣрію Англіи.

Умные и проницательные греки быстро сообразили выгоды такого положенія и сами турки, при всей ихъ несмѣтливости и неопытности въ дѣлахъ Запада, смутно подозрѣвали, что старый порядокъ уже не можетъ возстановиться, что даже возвращенныя имъ провинціи не принадлежатъ имъ болѣе на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ до возстанія.

Въ особенности критскіе турки были глубоко обезкуражены; они не могли позабыть тяжелыхъ неудачь, испытанныхъ ими въ борьбѣ съ соотечественниками; они видѣли себя малочисленными, обѣднѣвшими, ослабленными во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ многихъ семействъ остались одни старики да дѣти; все время, пока мусульмане были заключенывъ укрѣпленіяхъ, ихъ земли лежали необработанными и они нашли по возвращеніи свои поля заваленными хворостомъ, свои оливковыя деревья повырванными. У нихъ не было ни денегъ, ни рукъ, чтобы вновь поднять въ цѣнѣ эти земли, и многіе изъ нихъ поспѣшили продать ихъ по низкой цѣнѣ тѣмъ изъ христіанъ, у которыхъ еще уцѣлѣлъ какой нибудь капиталъ, лишь-бы получить немного наличныхъ денегъ. Нечего было и помышлять теперь заставить райевъ по прежнему безплатно работать на агу и беевъ, или подчинять ихъ себѣ насиліемъ и угрозами. Египетскія войска, сохранившія островъ Критъ исламу, продолжали занимать его и въ 1830; этотъ островъ присоединился къ вице-королевству Мехмета-Али, по соглашенію союзныхъ державъ, утвержденному вскорѣ фирманомъ Порты. Европа потому приняла эту мѣру, что египетское правительство было сильно и дѣйствовало искусно; оно было способнѣе турецкаго заставить повиноваться себѣ, а султанъ не могъ отказать въ такомъ маломъ вознагражденіи великодушному вассалу, пожертвовавшему для него столькими людьми и деньгами, лишившемуся ради него въ Наваринскомъ заливѣ лучшаго флота, какой только плавалъ подъ оттоманскимъ флагомъ. Египетская администрація выказалась на островѣ Критѣ такою-же, какъ и на берегахъ Нила, какъ и въ Сиріи, т. е. жесткою, неумолимою, безчувственною, алчною до денегъ, но нерѣдко умною, постоянно твердою, рѣшительно подчинявшею все своей волѣ, исключавшею, изъ расчета, всякій фанатизмъ и довольно безпристрастною между мусульманами и христіанами.

На Западѣ, въ особенности во Франціи, Мехмета-Али нерѣдко возводили, по пристрастію, находившему себѣ оправданіе, по крайней мѣрѣ, въ искренности, въ апостолы соціальнаго прогресса, въ реформаторы, въ филантропы; ничто не могло быть ложнѣе и, по правдѣ сказать, смѣшнѣе подобной оцѣнки. Для Мехмета-Али, Египетъ и присоединенныя къ нему провинціи всегда были чѣмъ-то въ родѣ обширной плантаціи, подобной, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, тому, что называется этимъ именемъ въ Южно-Американскихъ Штатахъ и на островѣ Кубѣ. Всѣ эти огромныя земли были полнымъ достояніемъ одного человѣка, государя, который эксплуатировалъ ихъ въ свою пользу руками многихъ тысячъ рабочихъ, такъ называемыхъ *феллаховъ*, трудившихся подъ палкою нѣсколькихъ сотъ турецкихъ и албанскихъ управляющихъ и надзирателей, имѣвшихъ большія доли въ выгодахъ предпріятія. Вычисливъ на звонкую монету всю прибыль, какую можно извлечь изъ благоустроеннаго порядка и изъ западныхъ искуствъ и наукъ Мехметъ-Али привлекалъ и удерживалъ около себя европейцевъ; оцѣнивъ административныя, промышленныя и торговыя способности восточныхъ христіанъ, онъ защищалъ ихъ отъ всякихъ притѣсненій, которыя могли-

бы задерживать развитіе ихъ плодотворной дѣятельности; зная, наконецъ, что производительность уменьшается и, наконецъ, совершенно прекращается тамъ, гдѣ не достаетъ безопасности, онъ ограждалъ своихъ подданныхъ отъ всякихъ насилій и вымогательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя исходили отъ него самаго. Онъ принуждалъ ихъ жить въ добромъ согласіи, какъ умный плантаторъ не дозволяетъ своимъ неграмъ тратить время на ссоры и драку.

Тѣми же самыми принципами или, вѣрнѣе расчетами должны были руководиться и люди, которымъ Мехметъ-Али ввѣрилъ управленіе островомъ Критомъ. Для египетскаго вице-короля было очень выгодно казаться заслуживающимъ довѣрія, выказаннаго къ нему Европою; притомъ же ему легче было расположить къ себѣ христіанъ, чѣмъ привлечь мусульманъ. Турки, пережившіе войну, съ негодованіемъ склонялись подъ строгою рукою сильнаго и властолюбиваго правительства и худо скрывали сожалѣнія о прежней анархіи и о терпѣливо допускавшей ее, чисто номинальной власти султана. Мехметъ-Али не поколебался дѣйствовать на нихъ примѣрами. Многіе знатные турки, выразившіе свое неудовольствіе и покусившіеся возобновить прежнія злоупотребленія, были, кто обезглавленъ, кто изгнанъ или заключенъ въ тюрьму въ 1830 и 1831 годахъ. Строгость произвела впечатлѣніе. Греки, эмигрировавшіе съ острова при извѣстіи о договорѣ, возстановившемъ на немъ мусульманскую власть, возвращались толпами. Въ Мегало-Кастро и въ Канеи были учреждены два совѣта, рѣшавшіе по аппеляціи всякаго рода процессы; эти совѣты состояли на половину изъ грековъ и на половину изъ турокъ и, казалось даже, что если иногда, рѣшенія ихъ были не совсѣмъ справедливы, то вліяніе паши клонило вѣсы на сторону грековъ. Сверхъ того, въ каждомъ округѣ были учреждены другіе подобные совѣты, рѣшавшіе въ первой инстанціи. Чтобы содѣйствовать исполненію верховныхъ предписаній, былъ организованъ, преимущественно изъ албанцевъ, иррегулярный корпусъ жандармовъ и черезъ годъ такого порядка, островъ наслаждался такимъ спокойствіемъ и благоустройствомъ, какого онъ давно уже не знавалъ; никогда, со времени паденія венеціанской власти, христіане не чувствовали своей жизни и собственности въ такой безопасности. Они были обязаны этими благами преимущественно двумъ лицамъ, Осману-Нуреддину и Мустафѣ-пашѣ, организовавшимъ новую египетскую провинцію. Османъ-Нуреддинъ-Бей, одинъ изъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей на службѣ вице-короля, исполнялъ на островѣ Критѣ только временную должность; но Мустафа, вступившій на островъ въ 1824 г., съ войсками Ибрагима, правилъ имъ впродолженіе 22 лѣтъ, съ 1830 по 1852, и ему же выпало на долю играть такую видную роль и при настоящихъ событіяхъ, потому объ немъ не излишне поговорить подробнѣе. Онъ—албанецъ, изъ окрестностей Кавалы, также какъ и самъ Мехметъ-Али, съ которымъ онъ, какъ говорятъ, связанъ дальнимъ родствомъ и сосѣдствомъ. Мнѣ говорили люди, хорошо знавшіе и часто видавшіе его, что по прибытіи на островъ Критъ, онъ былъ настоящимъ дикаремъ, незнавшимъ даже грамотѣ; онъ платилъ тогда своимъ солдатамъ по 25 піастровъ за каждое, принесенное ему греческое ухо. Къ счастью, ему встрѣтился одинъ французъ, докторъ Капораль, человѣкъ умный и образованный, котораго онъ назначилъ къ своей особѣ. Мустафа былъ отъ природы человѣкъ справедливый и умный; онъ далъ руководить собою. Совѣтникъ его не училъ его ни французскому языку, ни математикѣ, но онъ развилъ его умъ и выучилъ вести дѣла, предоставляя ему въ то же время все относить къ себѣ. Подъ его руководствомъ, Мустафа съумѣлъ сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ; онъ понравился европейцамъ и, не смотря на нѣсколько промаховъ и на нѣсколько случаевъ безполезной жестокости, ему удалось даже располо-

жить къ себѣ христіанское населеніе, служа въ то же время интересамъ своего правительства. Возстановивъ миръ на островѣ, онъ принудилъ турокъ и грековъ заключить родъ перемирія и жить въ согласіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время. Впрочемъ, Мустафа не позабывалъ и о себѣ; какъ паша, знающій людей, онъ подумалъ и о своемъ будущемъ. Въ настоящее время, у него, въ Константинополѣ (гдѣ онъ былъ нѣсколько разъ великимъ визиремъ), роскошный домъ и обширныя земли во всѣхъ частяхъ острова Крита. Это одинъ изъ богатѣйшихъ турецкихъ помѣщиковъ.

Въ 1866 году, когда Измаилъ-паша, правившій нѣсколько лѣтъ островомъ, былъ застигнутъ возстаніемъ, котораго онъ не съумѣлъ предупредить, турецкое правительство опять прибѣгло въ отчаянномъ положеніи къ Мустафѣ-пашѣ, и старикъ, которому уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, не побоялся взяться за возложенное на него дѣло...

Главное средство, которымъ Мустафа-паша внушалъ къ себѣ повиновеніе, когда правилъ островомъ Критомъ отъ лица Мехмета-Али, состояло въ томъ, чтобы исключать нѣкоторымъ образомъ туземныхъ турокъ изъ мѣстной администраціи; почти всѣ *мудиры* или кантонные правители были изъ албанцевъ, и въ 1857 году, въ корпусѣ *заптіе* или иррегулярныхъ жандармовъ, которымъ былъ порученъ полицейскій надзоръ на островѣ, насчитывалось еще не болѣе пяти или шести критскихъ турокъ. Иностранцы, не имѣя въ странѣ ни собственности, ни интересовъ, живя однимъ жалованьемъ и ожидая благъ только отъ милостей паши, бываютъ болѣе преданы и лучше служатъ верховной власти. Всѣ мелкіе правители, найденные мною въ критскихъ городахъ и селахъ, были изъ этихъ солдатъ-авантюристовъ, поселившихся на островѣ тридцать лѣтъ тому назадъ. Они не видали болѣе своего отечества, но не забыли роднаго языка. Арнауты составляютъ въ Критѣ такую многочисленную колонію, что преобладающій языкъ на островѣ, послѣ греческаго, ужъ никакъ не турецкій, а албанскій Старые полководцы призвали изъ своихъ родныхъ горъ сыновей своихъ родственниковъ и друзей и поопредѣлили ихъ въ корпусъ жандармовъ, расположенный въ главныхъ деревняхъ отрядами изъ 10, 15, 20 человѣкъ, смотря по обширности кантона. Этимъ бѣднякамъ очень плохо платятъ, такъ что большинство ихъ ходитъ въ рубищѣ. Въ другихъ провинціяхъ, они сильно вредили бы народу и существовали бы на счетъ обывателей, но здѣсь, уединенные среди воинственнаго населенія, ловко владѣющаго ножемъ и ружьемъ, они боятся и ведутъ себя смирно. Впрочемъ, и мѣстная власть не даетъ имъ воли, вовсе не желая хлопотать съ укрощеніемъ возстаній.

Мы часто останавливались днемъ, а иногда проводили и ночи въ албанскихъ кордегардіяхъ. Эти пристанища несовсѣмъ привлекательны, но за недостаткомъ лучшаго въ пустынныхъ мѣстахъ, приходилось и ими довольствоваться. Насъ вводили въ низкую, закоптѣлую комнату, гдѣ вдоль стѣнъ висѣло оружіе, не отличавшееся хорошимъ содержаніемъ. Походныя койки, съ узкими, грязными матрацами и съ изорванными одѣялами, возмутительно неопрятны. На нихъ нельзя присѣсть безъ того, чтобы не почувствовать, что онѣ всегда заняты, даже въ отсутствіи владѣльца, и чтобы не раскаяться въ своей смѣлости. На нѣкоторыхъ койкахъ лежатъ и курятъ арнауты, закаленные привычкою противъ того, что для насъ составляетъ муку. Они всѣ въ неглиже; макушка головы прикрыта у нихъ когда-то бѣлымъ колпакомъ вмѣсто фески, приберегаемой къ парадным выходамъ. Съ плечь висятъ длинные волоса, повидимому, незнакомые съ гребнемъ. Вся одежда состоитъ изъ разодранной рубахи и широкихъ, пышныхъ шароваръ. Ноги обуты въ дырявые башмаки или въ изношенные мягкіе сапоги. За немногими уклоненіями, всѣ

эти лица имѣютъ между собою фамильное сходство, которое поражаетъ съ перваго взгляда; на всѣхъ одно выраженіе, не то что злости, а какого-то дикаго удивленія и тупой апатіи. Офицеры, бо́льшею частью, стоятъ солдатъ. Въ три мѣсяца, мы встрѣтили двухъ мудировъ, которые понравились намъ своею умною физіономіею, привѣтливостью и достоинствомъ обращенія; но за то сколько мы видѣли *аги*, или сельскихъ начальниковъ, такъ какъ во всякой значительной деревнѣ имѣется администраторъ албанецъ,—которые почти всѣ показались намъ тупоумными и во всѣхъ отношеніяхъ ниже населенія, которымъ они были призваны управлять.

Мы видимъ изъ этого, что порядокъ, установленный Мустафою въ первые года египетскаго господства, не былъ еще измѣненъ въ основныхъ частяхъ и въ общихъ чертахъ. Въ 1840 г., когда Мехметъ-Али былъ принужденъ тройнымъ союзомъ, вопреки Франціи, отказаться отъ Сиріи и ограничиться Египтомъ, островъ Критъ также былъ возвращенъ султану; но Мустафа-паша былъ слишкомъ предусмотрителенъ чтобы непринять заранѣе своихъ мѣръ и не упрочить за собою искусными происками и неотразимыми доводами благосклонности высшихъ лицъ имперіи. Его оставили въ занимаемой имъ должности, на которой онъ спокойно оставался до 1852. Частные мятежи, вызываемые предписаніями увеличить налоги, приходившими изъ Александріи или изъ Константинополя, укрощались почти безъ кровопролитія и правительство всегда дѣлало уступки, хотя и не особенно существенныя. Послѣ этого искуснаго администратора, удалившагося наконецъ въ Стамбулъ для занятія должности великаго визиря, островомъ Критомъ правилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ Мехмедъ-Эминъ-паша. Это былъ вполнѣ честный человѣкъ, со всѣми патріархальными добродѣтелями старинныхъ турокъ, но безъ ихъ предразсудковъ и ненависти къ Европѣ и къ преобразованіямъ. Мехмедъ-Эминъ уступалъ можетъ быть въ ловкости и хитрости Мустафѣ, но у него были твердая воля и прямой умъ; онъ былъ доброжелателенъ и справедливъ ко всѣмъ. Его волю уважали и островъ оставался спокоенъ при немъ, не взирая на то, что крымская война возбудила надежды христіанъ; все дѣло при этомъ ограничилось нѣсколькими враждебными демонстраціями райевъ противъ англійскихъ и французскихъ судовъ останавливавшихся въ Канеѣ. Преемникомъ Мехмеда-Эмина сдѣлался, въ 1855, Вели-паша, сынъ Мустафы, родившійся и выросшій на островѣ Критѣ, и съ дѣтства говорившій по гречески. Посольство въ Парижъ, гдѣ ему выпала честь подписать союзный договоръ между Франціею, Англіею и Турціею, доставило ему репутацію, неоправданную имъ ни въ Босніи, гдѣ онъ потерпѣлъ полную неудачу, ни на островѣ Критѣ, откуда его изгнало, спустя три года, поголовное возстаніе. Предпринятыя имъ реформы, шумно провозглашенныя всей Европой, прежде чѣмъ къ нимъ приступили, привели только къ тому, что утомили и раздражили все населеніе острова, какъ христіанское, такъ и мусульманское. Въ нѣкоторыхъ изъ проектированныхъ преобразованій высказывалась даже положительное незнаніе края; такъ напримѣръ, паша намѣревался проложить между Кандіею и Канеею экипажный путь, такой же широкій и удобный, какъ лучшія французскія шоссе, тогда какъ единственный экипажъ на цѣломъ островѣ, была его собственная французская коляска, и горныя тропинки, единственные пути, по которымъ товары могутъ достигать въ порты изъ внутреннихъ частей страны, становились съ каждымъ днемъ опаснѣе и непроходимѣе. Всѣ хорошо понимали, что прежде слѣдовало подумать о необходимомъ, исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шоссе, починить венеціанскіе мосты, которые чуть не разваливаются каждую зиму. Но кто же сталъ бы говорить на Западѣ о такихъ скромныхъ дѣлахъ? Сожалѣю, что не могу ска-

зать лучшаго о человѣкѣ, который сдѣлалъ намъ, мнѣ и моему товарищу, такой радушный и даже пышный пріемъ на островѣ Критѣ; но во всякомъ случаѣ, говорю во всеуслышаніе, что я считаю Вели-пашу совершенно невиннымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя взваливала на него, въ своихъ напыщенныхъ рѣчахъ, аѳинская печать, готовая вѣрить самымъ невѣроятнымъ клеветамъ, когда дѣло идетъ о турецкомъ пашѣ. Но такъ какъ мнѣ приходится говорить о событіяхъ, о которыхъ нельзя умолчать, то я не скрою, что Вели-паша наказанъ по моему мнѣнію, довольно справедливо, тѣмъ же самымъ, чѣмъ онъ самъ грѣшилъ. Онъ погубилъ себя, слишкомъ погнавшись за одобреніями и похвалами Парижа: recederat mercedem suam, vanus vanam (*).

Возстаніе на островѣ Критѣ, которое мы очертимъ здѣсь только въ его главныхъ эпизодахъ, началось въ маѣ 1858г., тѣмъ, что двѣсти вооруженныхъ грековъ собрались въ Периволіи, близь самой Канеи. Не совершая ни малѣйшаго насилія или враждебнаго дѣйствія, они прислали оттуда протестъ консуламъ противъ всѣхъ мѣръ генералъ-губернатора, прося ихъ переслать этотъ протестъ въ Константинополь. Вели-паша пригрозилъ; сборище росло и въ немъ насчитывалось уже до 8,000 человѣкъ. Начальникъ небольшаго числа войскъ, находившихся въ распоряженіи губернатора, отказывался нападать на людей, которые объявляли себя вѣрноподданными султана и возставали противъ одного паши. Въ началѣ и турки примкнули, по крайней мѣрѣ, въ душѣ и въ намѣреніи, къ сопротивленію грековъ; но вскорѣ это сосредоточеніе силъ внушило имъ опасенія: подстрекаемые при томъ же Вели-пашею, который старался довести дѣло до крайности, чтобы отмстить за свое оскорбленное самолюбіе, турки покинули свои деревни и скопились со всѣми своими женами, дѣтьми и частью скота, въ запертыхъ городахъ. Тамъ эта праздная толпа, раздраженная раззорительнымъ переселеніемъ, едва не покусилась нѣсколько разъ, противъ христіанъ, на такія крайности, кототорыя зажгли бы страшное возстаніе на всемъ островѣ. Христіане нѣсколько разъ думали, что всеобщее истребленіе не только близко, но уже наступило: множество греческихъ семействъ искали убѣжища въ Сирѣ; другіе укрывались въ консульствахъ, когда турки начинали сильно угрожать и ходили по улицамъ, стрѣляя и грозя смертью христіанамъ. Всѣ консульства отворяли имъ свои двери, исключая англійскаго. 21-го іюня, пришло извѣстіе объ отрѣшеніи Вели-паши; слѣдственная коммисія, присланная Диваномъ на островъ Критъ, при первомъ извѣстіи о вспыхнувшихъ тамъ безпорядкахъ, имѣла совѣщанія съ предводителями инсургентовъ и предсѣдатель ея, адмиралъ Ахметъ-паша высказался противъ генералъ губернатора; но Сами-паша, новый критскій *вали*, заставилъ себя ждать, а Вели-паша не уѣзжалъ изъ Канеи, гдѣ его присутствіе и происки его агентовъ поддерживали опасное броженіе умовъ. Ахметъ-паша, при всей своей осторожности и умѣренности,

(*) Возстаніе 1858 описано очень подробно въ любопытной статьѣ Correspondent (въ маѣ 1861), г. Леономъ Тэнономъ, который возвратился на островъ въ началѣ кризиса и былъ свидѣтелемъ всѣхъ его перипетій. Мы очерчиваемъ событія 1858, по словамъ этого неоспоримо умнаго и добросовѣстнаго очевидца. Тотъ, кому хотя сколько нибудь знакомъ островъ Критъ, ни на минуту не повѣритъ неточнымъ показаніямъ Вели-паши, его усиліямъ обмануть Западъ на счетъ дѣйствительныхъ причинъ и истиннаго характера движенія. Впрочемъ, друзья, или вѣрнѣе кліенты, которыхъ Вели сохранилъ себѣ въ парижской прессѣ, уже такъ захвалили его, со времени самаго прибытія его на островъ, и такъ неловко преувеличивали его достоинства, что заставили многихъ остерегаться. Реакція послѣдовала быстро. Что касается до оттоманскаго кабинета, то ему не пришлось разочаровываться, потому что въ Константинополѣ никогда не смотрѣли слишкомъ серьезно на Вели-пашу. Если, не взирая на его неудачу въ Босніи, Порта ввѣрила ему управленіе большою провинціею, то это болѣе съ тѣмъ, чтобы угодить сильнымъ покровителямъ, которыхъ Вели съумѣлъ пріобрѣсть себѣ въ Парижѣ.

съ трудомъ могъ сдерживать страсти, разгоравшіяся все сильнѣе и сильнѣе, и предупреждать грозившій взрывъ. Наконецъ, 12-го іюля пріѣхалъ Сами-паша и всѣ вздохнули свободнѣе, въ особенности, когда ему удалось на слѣдующій день, какъ-то врасплохъ удалить своего бѣднаго предшественника, не рѣшавшагося бѣжать опальнымъ, униженнымъ изъ этого края, куда онъ торжественно вступилъ, три года тому назадъ, предшествуемый громомъ славы.

Христіане добились желаемаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; пользуясь случаемъ, они выхлопотали себѣ удовлетвореніе даже по многимъ другимъ вопросамъ, относящимся до налоговъ и до организаціи муниципальныхъ совѣтовъ, или *меджилисъ*. Превосходная дисциплина, которую христіане съумѣли соблюдать впродолженіе трехъ мѣсяцевъ съ импровизированными начальниками, среди всевозможныхъ опасностей, ихъ старанія не оскорбить европейскихъ коммисаровъ и не дать Турціи ни малѣйшаго повода начать вооруженную борьбу — все это дѣлало честь ихъ политическому такту и ловкости ихъ полководцевъ. Лишь только уѣхалъ Вели-паша, какъ сборище разошлось и христіане вернулись къ своимъ пашнямъ и оливамъ. Турокъ было труднѣе разогнать по деревнямъ; пришлось пріѣхать бывшему губернатору Мехметъ-Эмину, тогдашнему министру полиціи въ Константинополѣ, чтобы помочь Сами-пашѣ своими совѣтами и вліяніемъ. Нельзя сказать, чтобы турки крѣпко стояли за Вели-пашу и сожалѣли о немъ; но они не могли не чувствовать себя униженными и не тревожиться за будущее послѣ этого новаго успѣха христіанъ, послѣ этой побѣды, которую греки одержали, не истративъ ни одного патрона.

При Сами-пашѣ, человѣкѣ ловкомъ и находчивомъ, и при его преемникѣ Измаилъ-пашѣ, который оставался губернаторомъ Крита до возвращенія Мустафы, спокойствіе на островѣ приблизительно не нарушалось до мая 1866г. Только въ 1863 г., губернаторъ предписалъ небольшую военную экспедицію противъ Сфакіи, съ тѣмъ чтобы наказать нѣсколькихъ сфакіотовъ за совершенные ими разбои и насилія. Общественное мнѣніе самихъ грековъ въ низменной части страны и въ городахъ побуждало пашу къ этѣмъ строгимъ мѣрамъ, и если его упрекали, такъ за то, что онъ слишкомъ щадилъ сфакіотовъ. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, давшихъ время виновнымъ бѣжать съ острова, сфакіоты уступили и допустили войска пройти въ ихъ ущелья и занять нѣкоторыя изъ ихъ деревень. Затѣмъ они возвратили часть награбленныхъ вещей. Надо сознаться, что Сфакія находится въ полномъ упадкѣ. Этѣ дикія горы, этѣ холодныя и каменистыя равнины съ трудомъ даютъ скудное пропитаніе тѣмъ, кто работаетъ на нихъ, не щадя силъ. Въ прежнія времена, среди общества, постоянно волнуемаго частными и общими войнами, сфакіоты дополняли грабежемъ скудную производительность своихъ земель; но теперь, когда на островѣ установилось нѣчто въ родѣ порядка, имъ нельзя уже было расчитывать на этотъ источникъ дохода, не рискуя подвергнуться большимъ опасностямъ. Вотъ почему многіе изъ нихъ покупаютъ теперь пахатныя земли и оливковыя плантаціи въ Селино, въ Киссамо, Апокоронѣ или Миссопотамо и поселяются на равнинахъ и прибрежьяхъ, не уходя даже на лѣто въ свои родныя горы. Поэтому, многіе дома въ деревняхъ Аскифа, Хагіа-Румели и Анополисѣ стоятъ теперь пустыми; Сфакія уже не такъ населена, какъ до войны за независимость и не можетъ уже, во время возстанія, выставить въ поле столько солдатъ.

За то, на всемъ остальномъ островѣ, христіанское населеніе замѣтно возрастаетъ и богатѣетъ. Въ 1834 г. Пашлэ полагалъ на островѣ Критѣ 129,000 душъ, въ томъ числѣ 40,000 мусульманъ; въ 1847 г. Гитье, тогдашній французскій консулъ въ Канеи и одинъ изъ людей наилучше изучившихъ настоя-

щее положеніе острова, полагалъ населеніе его въ 160,000 душъ, также считая въ этомъ числѣ 40,000 мусульманъ. Слѣдовательно, увеличилось только христіанское населеніе. Послѣ ревизіи, начатой въ 1857 г., по предписанію Вели-паши, были обнародованы результаты, добытые ею въ ханійской провинціи (*). Предположивъ, что этѣ цифры точны, и въ другихъ провинціяхъ населеніе возросло въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, мы получимъ сумму населенія всего острова въ 172,000 душъ, спустя десять лѣтъ послѣ приблизительнаго вычисленія г. Гитье. Если предположить теперь, что во всѣхъ провинціяхъ имѣется одинаковое численное различіе между греками и турками, то, въ 1858 г., на 123,000 христіанъ приходится 49,000 мусульманъ. Такимъ образомъ, въ 23 года, подчиненное греческое населеніе возрасло отъ 90,000 до 123,000 душъ, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ на одну треть, тогда какъ мусульманъ, считаемыхъ до сихъ поръ, хотя номинально, господствующими, не прибыло даже на одну четверть, отъ 40,000, до 49,000 душъ (**).

Владѣніе землею ускользаетъ изъ рукъ турокъ, по мѣрѣ того, какъ численная пропорція измѣняется къ ихъ невыгодѣ. Съ 1829 г., на островѣ не было, собственно говоря, явной и вооруженной борьбы, не было кровопролитія; а, между тѣмъ, греки и со времени замиренія продолжали дѣятельно вести войну, только измѣнивъ ея способъ и форму. Ихъ новое оружіе — деньги, и они владѣютъ имъ лучше всякаго другаго. На островѣ Критѣ, какъ и повсюду, гдѣ райи многочисленны и пользуются нѣкоторою свободою, турки всегда продаютъ и никогда не покупаютъ. Съ 1829 г., бо̀льшая часть земель, которыми владѣли прежде мусульмане въ самыхъ плодоносныхъ равнинахъ, перешли въ руки христіанъ; такимъ образомъ, полное лишеніе турокъ владѣнія землею есть дѣло самаго времени. Аги и беи, лишаясь своихъ земель вслѣдствіе продажи, къ которой обыкновенно прибѣгаютъ въ трудныя времена, когда цѣны стоятъ низкія, приливаютъ въ города, гдѣ они ищутъ средствъ жизни въ какой нибудь номинальной должности съ окладомъ, на которые такъ щедра для мусульманъ турецкая администрація, не будучи, однако, въ состояніи удовлетворить всѣхъ тунеядцевъ (***). Племя, доведенное до такихъ крайностей, перестаетъ возрождаться, постепенно вымираетъ и, наконецъ, угасаетъ.

Критскіе турки сами сознаютъ свой упадокъ и перевѣсъ христіанъ; меня увѣряли даже, что многіе изъ нихъ не прочь искать спасенія въ обращеніи, или вѣрнѣе, въ возвращеніи въ христіанство. Въ 1856 г., послѣ провозглашенія *гатти-гумаюна* и прибытія Вели-паши, громко заявлявшаго свою религіозную терпимость, въ округѣ Мегало-Кастро, около 600 мусульманъ возвратились въ христіанство. Въ эпархіи Педіада, цѣлая деревня, Пископи, перешла отъ корана къ евангелію. Вели-паша далъ почувствовать свое неудовольствіе и движеніе прекратилось; но греки утверждаютъ, что множество мусульманъ готовы были бы послѣдовать этому примѣру, еслибы не опасались начальства, ко-

(*) *La verité sur les événements de Candie*, Парижъ, 1858. Эта брошюра, неподписанная авторомъ, составлена другомъ и бывшимъ секретаремъ Вели-паши.

(**) Заимствую эти цифры и выводимые изъ нихъ результаты изъ сочиненія г. Роелна, французскаго ученаго, изслѣдовавшаго островъ Критъ въ 1845 г., съ содѣйствіемъ музея естественной исторіи. Онъ издалъ въ 1857 г., *Физическое описаніе острова Крита* (Бордо, in—8, 292 стр.), содержащее въ себѣ много любопытныхъ фактовъ, даже для людей, чуждыхъ собственно наукамъ.

(***) Вотъ что мы читаемъ въ одномъ письмѣ изъ Канеи, въ «Восточномъ Вѣстникѣ» отъ 25-го іюля 1863 г.: «Замѣчу вамъ, по этому поводу, что греки, до 1730 г. не владѣли ни однимъ вершкомъ земли въ нашей провинціи; теперь же большая часть нашихъ деревень принадлежитъ имъ. Лишь только турокъ заявляетъ желаніе продать участокъ земли, къ нему тотчасъ же является покупщикъ—христіанинъ».

торое смотритъ неблагопріятно на этѣ перемѣны и всегда находитъ случай наказать отступниковъ, вопреки султанскому *гатти* и всѣмъ офиціальнымъ увѣреніямъ. Меня многіе увѣряли, что слышали на этотъ счетъ весьма частыя признанія отъ мусульманъ, но въ этомъ случаѣ, и грекамъ нельзя безусловно вѣрить, такъ какъ они весьма склонны къ преувеличенію и сверхъ того, всѣ люди всегда готовы вѣрить тому, чего имъ хочется.

Впрочемъ, критскіе турки и по привычкамъ, и по обращенію, весьма мало отличаются отъ райевъ, такъ что путешественникъ безпрестанно рискуетъ ошибиться. Они носятъ такую же одежду, говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и христіане. Они охотно отдаютъ справедливость послѣднимъ за бутылкою мальвазіи. Даже жены ихъ часто показываются безъ покрывалъ, если не иностранцамъ, то, по крайней мѣрѣ, знакомымъ мужчинамъ. Когда мы жили въ турецкомъ домѣ, то женщины, правда, не выходили къ намъ—кушанье носили въ гаремъ и выносили оттуда мужчины изъ членовъ семьи; но сколько разъ я видѣлъ издали, что греки входили въ дома турокъ, съ которыми они были коротко знакомы, и женщины встрѣчали ихъ на порогѣ безъ покрывалъ! Намъ случалось также часто встрѣчать турецкихъ женщинъ въ поляхъ, у колодцевъ, и когда ихъ заставали въ расплохъ, онѣ вовсе не спѣшили, какъ въ другихъ мѣстахъ, отворачивать лицо или прятаться за дерево: онѣ оставались стоять, повернувшись къ намъ лицомъ, и спокойно смотрѣли на насъ, когда мы проходили мимо.

До войны за независимость, браки между турками и греками были не рѣдки; христіанину трудно было отказать въ рукѣ своей дочери какому нибудь агѣ, или бею, который требовалъ ея; лучше было отдать ее добровольно, чѣмъ доводить чтобы взяли силою. Дѣти становились мусульманами, но женѣ предоставлялась полная свобода сохранять свою вѣру и ходить въ церковь. Но съ той поры, какъ прекратилась система насилій, такіе браки стали очень рѣдки, почти совершенно вывелись. Турки, нерѣдко малочисленные въ какомъ нибудь кантонѣ и по этому самому болѣе ограниченные въ выборѣ, весьма бы охотно женились на красивыхъ гречанкахъ, которыми изобилуютъ критскія деревни; но христіанки не хотятъ и слышать о бракѣ съ мусульманиномъ и готовы отвѣтить, въ такомъ случаѣ, народною пѣснею, приведенною у Форіеля и до сихъ поръ остающеюся въ большомъ ходу повсюду на востокѣ: «скорѣе соглашусь, чтобы моя кровь обагрила землю, чѣмъ допущу турка цѣловать мои очи». (*) Такіе случаи, какъ бракъ по любви между молодымъ туркомъ и греческою дѣвушкою, бываютъ, какъ меня увѣряли, едва ли одинъ разъ въ пять-шесть лѣтъ и обыкновенно считаются великимъ скандаломъ у христіанъ.

Оба пола туземнаго племени отличаются здоровьемъ и силою на всемъ островѣ, въ особенности у населенія Бѣлыхъ-Горъ, какъ христіянскаго, такъ и мусульманскаго. Турки абадійскаго округа, (**) на восточномъ склонѣ Иды, и въ Селино, на западѣ острова, и греки селиніоты и сфакіоты представляютъ на каждомъ шагу такіе типы, которые способны привести въ восторгъ живописца и скульптора. Сфакіоты въ особенности превосходные солдаты по своему тѣлосложенію. Они вообще очень высоки и сила ихъ, которой мы бы-

(*) Форіель, *Народныя пѣсни новѣйшей Греціи.* Т. 1, стр. 138.

(**) Увѣряли, что абадіоты—арабскаго происхожденія и происходятъ по прямой линіи отъ саррацинскихъ завоевателей. Одинъ изъ людей, наиболѣе изучавшихъ о. Критъ, г. Фабргетъ, бывшій долгое время французскимъ консуломъ въ Канеѣ, опровергаетъ это мнѣніе, высказанное Савари и нѣкоторыми другими путешественниками; оно не основано ни на какихъ доказательствахъ и ничто теперь, говоритъ Фабргетъ, побывавъ въ абадіотскихъ деревняхъ, не отличаетъ этого населенія отъ другихъ горныхъ островитянъ. *Bulletin de la société de la géographie,* 2-й выпускъ, т. III, стр. 125—126.

ли свидѣтелями въ бѣгѣ и въ борьбѣ, выказывается болѣе въ изумительной гибкости движеній, чѣмъ въ развитіи мышцъ; послѣднее меня особенно поражало у анатолійскихъ турокъ. Сфакіоты бо́льшею частью бѣлокуры, съ длинными, ниспадающими на плечи волосами, съ большими свѣтлыми глазами, съ довольно большимъ, но не толстымъ носомъ, съ тонко очерченнымъ ртомъ, который украшенъ блестящими и ровными зубами, во всей ихъ внѣшности есть что-то горячее, нервное, напоминающее кровную лошадь. Одеждою они мало отличаются отъ остальныхъ критянъ: она состоитъ изъ рубахи, съ широкими рукавами, изъ синяго жилета, открытаго на груди, изъ вышитой куртки съ широкимъ краснымъ кушакомъ, опоясаннымъ нѣсколько разъ вокругъ тальи, и изъ широкихъ синихъ шароваръ, засунутыхъ внизу въ высокіе желтые сапоги. Этотъ костюмъ дополняется широкимъ бѣлымъ плащомъ, съ которымъ сфакіотъ никогда не разлучается. Рѣдко также можно встрѣтить его безъ длиннаго карабина; оставляя его дома, онъ, по крайней мѣрѣ, не забываетъ заткнуть за поясъ, изъ предосторожности, своей длинный ножъ и тяжелые пистолеты, всегда заряженные по самое дуло.

Одежда женщинъ имѣетъ большое сходство съ одеждою албанокъ въ Элевзисѣ и въ деревняхъ Аттики и Беотіи. Она состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣлыхъ холщевыхъ шароваръ и надѣтой сверху длинной рубахи, зимою шерстяной, а лѣтомъ изъ холста; рубаха подвязана на тальѣ шнурками и имѣетъ на груди прорѣху, которую однѣ молодыя дѣвушки стараются нѣсколько прикрывать. Замужняя критянка, почти всегда имѣющая груднаго ребенка, не даетъ себѣ труда застегивать пуговицъ, которыя ей надоѣло бы безпрестанно отстегивать. Разъ пріобрѣтенная привычка не покидается и уже Турнефоръ замѣтилъ, «что одежда критскихъ дамъ весьма проста и совсѣмъ не скрываетъ ихъ груди.»

Греческія женщины почти всегда хороши собою и нерѣдко красавицы,— чтобы ни говорилъ Турнефоръ,—внушаютъ молодымъ людямъ сильныя страсти, которыя создали цѣлый родъ любовной поэзіи, на островѣ Критѣ, такъ называемыя madinadoes или четверостишія, которыя поются съ пляскою (*). Приводимъ нѣсколько обращиковъ такихъ пѣсень, взятыхъ нами наудачу изъ числа тѣхъ, которыя мы записывали во время путешествія со словъ сфакійскихъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, смѣясь, диктовавшихъ ихъ намъ. Надѣюсь, что читатель найдетъ ихъ не лишенными граціи и прелести. Вотъ, напримѣръ, жалобы несчастнаго любовника:

«Мое сердце и мысль стремятся къ одной тебѣ и я остаюсь недвижимъ и безчувственъ, прислушиваясь, не услышу-ли твоего имени.

«Мое сердце заперто, какъ большіе Ханійскіе ворота, ночью; оно не отворится и не улыбнется болѣе по прежнему.

«Увы! я лишился разсудка отъ любви къ греческой дѣвушкѣ, которую я видѣлъ всего однажды у ея окна!

«Я люблю тебя, очи мои, и никто не замѣчаетъ этого; хотя бы Богъ избавилъ меня отъ внушенной мнѣ тобою любви!

«Когда ты обращаешь ко мнѣ твои свѣтлые глаза, искры жгутъ мое лицо, искры колятъ и жгутъ всего меня!»

А вотъ образы, заимствуемые поэтомъ для описанія красоты своей любовницы; вотъ радостныя восклицанія и томленія счастливой любви:

«О ты, обожаемая, ты стройна, какъ кипарисъ; и когда говоришь, то изъ устъ твоихъ падаютъ слова, сладкія, какъ медъ.

(*) Μαδινα δαις есть, мнѣ кажется, ничто иное, какъ мѣстное искаженіе слова πατινάδαις которымъ называются по всей Греціи, тѣ пѣсни, которыя поются во время медленныхъ и однообразныхъ хороводовъ, изъ которыхъ состоятъ почти всѣ греческіе танцы. Это названіе очевидно происходитъ отъ βάδην шагъ за шагомъ, и отъ ᾄδω пѣть. Пашлэ производитъ слово μαδινάδαις отъ δυάδι собраніе (1,246), но только омикронъ для краткости выпускается.

«Рѣка увлекаетъ вѣтви, море увлекаетъ суда, а взглядъ любимой мною дѣвы увлекаетъ Палікаровъ.

«Я слышу запахъ базилики и не вижу вазы, въ которой она цвѣтетъ; она цвѣтетъ на груди моей подруги и оттуда льетъ свой ароматъ.

«Твои очи черны, волоса бѣлокуры и снѣгъ нашихъ горныхъ вершинъ черенъ, въ сравненіи съ тобою, моя подруга!

«Я объѣхалъ всю вселенную, обошелъ всѣ деревни, и нигдѣ ничего не встрѣтилъ краше тебя.

«Я объѣхалъ всю вселенную, ища сладкаго винограда; но нигдѣ не нашелъ такого сладкаго, какъ твои уста.

«Я пришелъ поцѣловать твои розовыя губы; но подожди, я боюсь что это вино опьянитъ меня.

«Положи въ стаканъ меду, чтобы онъ растаялъ и мы выпьемъ его для того, чтобы уста наши были сладки, когда мы будемъ цѣловаться.

«Стройный жасминъ мой, моя ситійская роза, о твоей красотѣ наслышалась даже далекая Венеція.

«Твоя красота воспламеняетъ пашей, твои брови воспламеняютъ визирей, ангельскія прелести твоего тѣла прельщаютъ владѣльцевъ кораблей.

«Ахъ, еслибы я могъ хотя однажды прикоснуться рукою къ твоей мраморной груди и потомъ умереть!»

Не проявляется ли во всемъ этомъ живое воображеніе, удачная и оригинальная мысль, а въ особенности искренность и страсть? Въ переводѣ невозможно передать легкости оборота, живыхъ и сильныхъ словъ, заимствованныхъ изъ лучшихъ сокровищъ древняго языка. Всѣ этѣ граціозныя пѣсни даются совершенно легко народному инстинкту.

Эта любовная поэзія не всегда состоитъ изъ небольшихъ отрывковъ: уже Форіель издалъ, а вслѣдъ за нимъ Россъ съ нѣкоторыми варіантами, родъ баллады, подъ названіемъ: *возвращеніе любовника*, которая напоминаетъ, подразумѣвая должную разницу, эпизодъ изъ Одиссеи, встрѣчу Пенелопы съ Улиссомъ. Вотъ эта пѣсня, которой языкъ достаточно свидѣтельствуетъ о ея критскомъ происхожденіи и которую Россъ дѣйствительно записалъ на островѣ Критѣ:

«Пью, мать моя, пью опьяняющее вино: пью его передъ отъѣздомъ, съ желаніемъ возвратиться.

Это родъ пролога, набросаннаго въ двухъ стихахъ, какъ принято въ новѣйшей греческой поэзіи, всегда нѣсколько отрывочной, какъ будто неконченной, порванной. Затѣмъ слѣдуетъ безъ перехода описаніе возвращенія любовника, послѣ неизвѣстно сколькихъ-то мѣсяцевъ или годовъ отсутствія:

«Отворись дверь бѣлокурой красавицы съ черными глазами». — «Кто ты? Какъ тебя зовутъ?» — Я тотъ, кто приносилъ тебѣ въ платкѣ яблоки, — и яблоки, и персики, и сладкій виноградъ, я тотъ, кто цѣловалъ тебя въ свѣжія уста».—Прежде чѣмъ я отворю тебѣ, прежде чѣмъ ты войдешь, опиши мнѣ расположеніе моего двора.—«У твоихъ дверей ростетъ яблоня, на твоемъ дворѣ ростетъ виноградъ —виноградъ этотъ бѣлый и даетъ вино мушкатное; а кто пьетъ это вино, тотъ освѣжается и проситъ еще».—Ты обманываешь меня, сынъ хитреца; все это сказалъ тебѣ кто нибудь изъ сосѣдей; прежде чѣмъ отворю тебѣ, прежде чѣмъ ты войдешь, опиши мнѣ расположеніе моего дома».— «Посреди твоей комнаты виситъ золотая лампа; она освѣщаетъ тебя, когда ты раздѣваешься и растегиваешь пуговицы твоей одежды».—Лжешь, сынъ хитреца, это все кто нибудь изъ сосѣдей сказалъ тебѣ. Прежде чѣмъ отворю, прежде чѣмъ ты войдешь, назови мнѣ какія нибудь примѣты самой меня.—«У тебя родимое пятнышко на щекѣ, другое на плечѣ, а между твоими персями, луна со звѣздами».—«Бѣгите, служанки, отпирайте двери, а ты, кормилица, готовь брачное ложе».

«О Христосъ, не давай пѣть утренней птицѣ, не давай свѣтить утренней зарѣ, потому что я держу въ объятіяхъ мою бѣлую голубку!» (*)

Языкъ, которымъ написаны эти стихотворенія, въ особенности двустишія, собранныя мною въ Сфакіи, любопытенъ еще и съ другой точки зрѣнія:

(*) Форіель. *Chants populaires de la Grèce moderne*, II, 423. Россъ, *Inselreise*, III, 184.

это—сфакійское нарѣчіе, въ которомъ уже замѣчено много особенностей, отличающихъ его отъ другихъ формъ новогреческаго языка, и показывающихъ въ тоже время, что оно прямо происходитъ отъ древняго дорическаго нарѣчія на островѣ Критѣ, тогда какъ языкъ, употребляемый въ остальныхъ частяхъ этого острова отличается только нѣкоторыми мѣстными выраженіями отъ языка, которымъ говорятъ на архипелагѣ, и на греческомъ материкѣ (*).

Критскіе греки имѣютъ вообще много сходства со своими соотечественниками въ Румеліи и на другихъ островахъ; они также хитры, увертливы, даже лживы, когда находятъ въ этомъ пользу, также корыстолюбивы, чтобы не сказать жадны. Но при всемъ томъ, въ ихъ рѣчахъ и пріемахъ болѣе благородства, достоинства и прямодушія, чѣмъ у другихъ греческихъ подданныхъ султана. Въ ихъ обращеніи съ турками, властелинами ихъ, нѣтъ и тѣни того инстинктивнаго страха, который почти всегда сквозитъ въ словахъ, жестахъ и на лицѣ райевъ, когда онъ подходитъ къ мусульманину. Глядя на критскихъ грековъ и слушая ихъ рѣчи, догадываешься, что эти люди умѣютъ драться и доказали это; что они самоувѣренны и скорѣе внушаютъ страхъ другимъ, чѣмъ ощущаютъ его сами. Они все болѣе и болѣе сознаютъ себя въ силахъ требовать льготъ, заставить считаться съ собою и внушать къ себѣ должное вниманіе. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ имъ не только разрѣшено звонить въ колокола, какъ и всѣмъ райямъ въ имперіи, въ настоящее время, но имѣть ихъ по всюду и трезвонить сколько угодно. Смѣшанные совѣты или *меджилисы*, которыхъ составъ и назначеніе мы описали выше, (**) суть ничто иное, во многихъ изъ турецкихъ провинцій, какъ родъ конституціоннаго призрака; но на островѣ Критѣ, онѣ оказываютъ дѣйствительныя услуги (?) и христіане смотрятъ весьма серьезно на дарованное имъ право имѣть примасовъ своими представителями въ этихъ совѣтахъ. Въ другихъ мѣстахъ: райи, допущенные въ эти совѣты, трепещутъ передъ своими турецкими властелинами, стараются быть какъ можно незамѣтнѣе и выражаютъ свое мнѣніе только пассивно: они никогда не покусятся быть одного мнѣнія съ предсѣдательствующимъ туркомъ. На островѣ Критѣ, со всѣмъ иное дѣло; здѣсь не рѣдко бываютъ бурныя засѣданія. Здѣсь по выраженію одного грека, съ которымъ я разговаривалъ, съ турками объясняются, заломивъ феску на ухо.

Дѣйствительно, нельзя не подивиться откровенности и свободѣ критскихъ грековъ въ бесѣдахъ съ турками; они очень охотно разговариваютъ, въ присутствіи мусульманъ и даже съ ними самими о событіяхъ войны за независимость и вмѣсто того, чтобы стараться заставить забыть о своихъ возстаніяхъ, какъ будто съ умысломъ безпрестанно напоминаютъ о нихъ своимъ властителямъ. Въ бытность нашу въ Киссамо-Кастели, насъ посѣтилъ мудиръ въ греческомъ домѣ, гдѣ мы остановились; комната тотчасъ наполнилась любопытными, привлеченными желаніемъ присутствовать при разговорѣ высшаго мѣстнаго администратора съ важными иностранцами, прибывшими наканунѣ. Эти незванные гости сейчасъ же вмѣшались въ разговоръ и вскорѣ уже играли въ немъ главную роль. Говорили преимущественно о событіяхъ девятилѣтней войны и въ которыхъ участвовалъ тотъ или другой изъ собесѣдниковъ. Мудиръ былъ старый солдатъ, прибывшій на островъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, съ первыми войсками, присланными туда

(*) О формулахъ присяги, употребляемыхъ у сфакіотовъ, присяги, въ которой тщательно избѣгается имя Бога, смот. Пашлэ, II, 189 и I, 249. Объ ихъ языкѣ. смот. II, 191—192. Объ ихъ суевѣріяхъ, сказкахъ о вампирахъ, смот. II, гл. XXXVI.

(**) См. *Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure* (Парижъ, 8°, 1864, Мишель Леви.) ст. 343.

египетскимъ пашею. «Много-ли васъ было въ такомъ-то дѣлѣ?» спросилъ его одинъ изъ грековъ. «Столько-то», былъ отвѣтъ. «А сколько вы потеряли?» тотъ отвѣчалъ безъ увертокъ и припомнилъ, что въ этомъ дѣлѣ семсотъ или восемсотъ сфакіотовъ, не только боролись съ 12 тысячною арміею, въ которой находился и самъ мудиръ, но и побѣдили ее. Заговорили о сфакійскихъ горахъ и ихъ непроходимыхъ дефиле, и одинъ изъ грековъ весело замѣтилъ мудиру: «Въ нихъ-то, почтенный Эффенди, мы и заберемся, едва вы только нанесете намъ какое либо оскорбленіе—и тогда, если угодно, милости просимъ къ намъ пожаловать.»

Событія, какъ извѣстно не заставили долго ждать этого свиданія. Продолжительный голодъ, новые налоги, тяжелые и обременительные, жалкое состояніе правосудія на островѣ — переполнили чашу бѣдствій угнѣтеннаго народа, и можетъ быть, недалеко то время, когда Критъ сдѣлается независимымъ. Героизмъ, проявленный съ такимъ блескомъ кандіотами въ наши дни, доказываетъ на сколько они достойны своей будущей свободы и избавленія отъ *отеческой* опеки (такой, какъ видѣлъ читатель, считаетъ ее отчасти и Жоржъ Перро) османлійскаго правительства.

ЖНИЦА ИЗЪ САПРИ

[ЛУИДЖИ МЕРКАНТИНИ (*)]

Eran trecento, eran-giovanile forti,
E sono morti!

Шла я на жниву, гляжу—на волнахъ
Съ скоростью, глазу замѣтной
Судно несется на всѣхъ парусахъ,
Флагъ развѣвая привѣтно.
Къ острову *Понца* пристало оно,
Но не осталося тамъ,
Высадку сдѣлать, казалося, къ намъ
Было на немъ рѣшено.
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
Много оружія было на нихъ,
Но, безъ боязни напрасной,
Я посмотрѣла и, лицъ молодыхъ
Помню я образъ прекрасный.

(*) Въ настоящее время, когда энтузіазмъ всего русскаго общества къ геройскимъ подвигамъ Кандіотовъ охватилъ всю Россію, я счелъ не лишнимъ напечатать это, переведенное мною уже нѣсколько лѣтъ назадъ, стихотвореніе, одного изъ популярнѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ, Луиджи Меркантини, извѣстнаго своими искреннѣйшими симпатіями къ дѣлу греческаго возрожденія. Онъ посвятилъ этому дѣлу нѣсколько самыхъ горячихъ своихъ пѣсень (La bandiera Ellenica, Spiros d'Alastro di Zante, Inno a Constantino Riga Ferreo, In morte di Dionigi Salomos и т. д.). Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту у меня нѣтъ подъ рукою этихъ его произведеній, и я, по крайней мѣрѣ, въ 1-мъ томѣ «Невскаго Сборника» не могъ познакомить съ ними русскую публику. Изъ его національно-итальянскихъ стихотвореній «Жница» едва ли не лучшее. По русски переведено и напечатано до сихъ поръ всего только одно изъ его стихотвореній (покойнымъ Л. А. Меемъ)—знаменитый «Гарибальдійскій гимнъ».

На берегъ выйдя, къ землѣ дорогой
Каждый устами приникъ;
Можно ль, чтобъ въ души такія проникъ
Умыселъ злобный какой?
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
Я поняла, что любовью полны,
А не враждою ихъ груди,
Не на грабежъ и разбои войны,
Видно пришли эти люди.
Дружный ихъ кликъ и доселѣ живетъ
Въ сердцѣ глубоко моемъ:
«Братья! за родину дружно умремъ,
Дѣло насъ славное ждетъ!»
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
Юноша велъ ихъ: задумчивъ былъ онъ,
Съ твердой походкой героя,
Ясныя очи и кудри, какъ ленъ
Не позабуду его я!
Что со мной сталось, мнѣ трудно понять,
Но, я спросила его
Смѣло, куда онъ идетъ? для чего?
Онъ отвѣчалъ: «умирать!»
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
«Родинѣ нашей», онъ такъ мнѣ сказалъ,
«Славное время настало»,
Кротко—сестрою меня онъ назвалъ;..
Сердце во мнѣ застучало.
Я въ этотъ день работать не могла...
Я полюбила ихъ всѣхъ!
Съ горькимъ предчувствіемъ, будто на смѣхъ,
Я вслѣдъ за ними пошла.
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
Боже мой! что мнѣ увидѣть пришлось!
Дважды солдатъ мы встрѣчали,
Дважды намъ дѣло легко обошлось,
Ружья мы ихъ отобрали!

Но, лишь до стѣнъ мы Чертозы дошли
Встрѣтили войско, и градъ
Пуль полетѣлъ въ насъ—дымъ черный и смрадъ
Клубомъ вставали вдали...
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!
Болѣе тысячи было солдатъ,
Ихъ только триста, но смѣло
Бились они—не сдаваясь назадъ
Кровь ихъ рѣкою алѣла...
Тщетно съ тоской я молилась за нихъ
Всѣ они пали... и онъ—
Ясныя очи и кудри, какъ ленъ
Палъ, проклиная злодѣевъ своихъ.
Было ихъ триста: все юношей цвѣтъ,
Смерть ихъ скосила—ихъ нѣтъ!

Н. Курочкинъ.

О ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Гг. ТУРГЕНЕВА и ГОНЧАРОВА.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Пятидесятые года были годами громкой и завидной славы гг. Тургенева и Гончарова. Много было въ то время въ беллетристикѣ и другихъ крупныхъ именъ, стоитъ вспомнить гг. Писемскаго, Островскаго, Толстаго, Авдѣева, Григоровича и проч., но ни одинъ изъ этихъ писателей не пользовался такою популярностью, какъ Тургеневъ и Гончаровъ. Всѣ прочіе оспоривались, рядомъ съ поклонниками имѣли и порицателей; но Тургеневъ и Гончаровъ пользовались безусловнымъ поклоненіемъ со стороны людей самыхъ противоположныхъ мнѣній и направленій. Они пользовались такою славою, какая мало чѣмъ уступала славѣ Пушкина въ лучшіе годы его жизни. Вся Россія наперерывъ зачитывалась ихъ повѣстями и романами. Имена: Рудинъ, Обломовъ, Адуевъ сдѣлались нарицательными. Стоило которому нибудь изъ этихъ олимпійцевъ омокнуть въ чернилицу перо, какъ тотчасъ же разносилась повсюду вѣсть, полная тревожнаго и нетерпѣливаго ожиданія: Тургеневъ новую повѣсть пишетъ, Гончаровъ задумалъ романъ, и вотъ издатели журналовъ наперерывъ, не жалѣя денегъ, спѣшили завербовать новое твореніе на страницы своихъ журналовъ. Помѣстить безсвязный отрывочекъ изъ романа Гончарова, напечатать хоть одно имя въ объявленіи о подпискѣ, значило навѣрное пріобрѣсть лишнюю тысячу подписчиковъ.

Но особеннымъ поклоненіемъ пользовались эти два писателя со стороны женщинъ, и Тургеневъ стоитъ въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ. Тур-

генева можно безспорно назвать любимымъ женскимъ писателемъ. Первою запрещенною книжкою подъ подушкой 16-ти лѣтней барышни была, въ прошломъ десятилѣтіи, повѣсть Тургенева, первая книжка, которую молодой человѣкъ приносилъ своей возлюбленной, въ видахъ ея развитія, былъ опять-таки Тургеневъ. До сихъ поръ еще приходится слышать отъ многихъ женщинъ, что онѣ первымъ развитіемъ своимъ обязаны Тургеневу, что повѣсти этого писателя впервые пробудили въ нихъ чувство, мысль и заставили ихъ задуматься надъ разными высокими вопросами жизни.

Нынѣ это живое обаяніе, какое производили когда-то любимые писатели, это зачитыванье ихъ повѣстями и безконечные споры по поводу ихъ, съ претензіею на анализъ—все это представляется чѣмъ-то уже прошедшимъ. Мода на этихъ писателей прошла и слава ихъ до такой степени померкла, что, не говоря уже о явной оппозиціи противъ нихъ нѣкоторыхъ людей, даже страстные почитатели искуства для искуства, бредящіе стихотвореніями Майкова и Фета, и тѣ съ бо̀льшимъ интересомъ бросаются на передовыя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Вѣсти», чѣмъ на новую повѣсть Тургенева. Какъ въ прошломъ мѣсяцѣ московскія изданія извѣстнаго сорта не муссировали общественное мнѣніе по поводу новаго тургеневскаго романа «Дымъ» — волненія и тревоги публики, по поводу его, очевидно лишены искренности; тріумфы автора въ Москвѣ и Петербургѣ на литературныхъ чтеніяхъ представляли совершенно не тотъ характеръ, какой имѣли бы они, еслибы происходили нѣсколько лѣтъ назадъ.

До «Дыма», въ послѣднее время, г. Тургеневъ написалъ три произведенія: «Призраки», «Довольно» и «Собаку» и произведенія эти рѣдко кто даже и прочелъ; они не возбуждали даже тѣхъ соболѣзнованій, которыя обыкновенно являются со стороны почитателей таланта, когда этотъ талантъ вдругъ обнаружитъ явное паденіе. Г. Гончаровъ уже много лѣтъ пишетъ какой-то романъ, но никто и не думаетъ о томъ, допишетъ ли онъ его когда нибудь до конца или не допишетъ. И вотъ теперь, имѣя въ виду такое всеобщее охлажденіе къ бывшимъ любимцамъ, имѣя въ виду, что школа Тургенева, если не сошла еще съ поприща жизни въ область исторіи, то близка къ этому — теперь, представляется мнѣ, настала пора хладнокровно обдумать: дѣйствительно ли повѣсти гг. Тургенева и Гончарова имѣли такое воспитательное значеніе, какое имъ приписывалось. Не преувеличивалось ли это значеніе въ чаду того восторга, какой производили эти повѣсти. Не былъ ли это тотъ оптическій обманъ, по которому иногда предметы, производящіе на насъ сильное впечатлѣніе, представляются намъ полезными, хотя бы они были положительно вредны для насъ. Было время, когда сантиментальнымъ повѣстямъ Карамзина приписывалось такое же значеніе, если не болѣе. Повѣстями этѣми такъ же восхищались, проливали на нихъ слезы умиленія; москвичи бѣсновались до того, что ходили отыскивать прудъ, гдѣ утонула бѣдная Лиза. Бабушки наши говорили тогда по поводу Карамзина то же, что теперь говорятъ внучки ихъ по поводу Тургенева: что повѣсти Карамзина научили ихъ чувствовать, страдать, стремиться къ высокому. Но теперь какой же педа-

гогъ дастъ 16-ти-лѣтней дѣвушкѣ повѣсти Карамзина съ воспитательною цѣлью? И какая барышня, даже самая неразвитая и недалекая, прочтетъ этѣ повѣсти безъ скуки и безъ смѣха? Можетъ быть, и повѣсти Тургенева будутъ производить на потомковъ нашихъ такое же впечатлѣніе, т. е. смѣхъ и скуку; можетъ быть, не далѣе, какъ наши внуки будутъ смотрѣть на этѣ повѣсти, какъ на печальный памятникъ того, чѣмъ питались и восхищались современники г. Тургенева; можетъ быть, внуки эти скажутъ: несчастныя бабушки наши, и эти книжонки составляли всю вашу пищу, по нимъ вы развивались, учились мыслить и жить!.. Какъ намъ жалко васъ!

Будутъ ли произведенія г. Тургенева въ такой же мѣрѣ возбуждать когда либо смѣхъ и скуку, въ какой теперь возбуждаютъ ихъ повѣсти Карамзина; это вопросъ будущаго и мы оставимъ его нашимъ внукамъ; но что обаяніе этихъ писателей падаетъ съ каждымъ днемъ, это фактъ настоящаго времени, совершающійся передъ нашими глазами, фактъ несомнѣнный. Почему же падаетъ это обаяніе? Не потому ли, что люди инстинктивно разочаровываются въ томъ значеніи, которое приписывали этимъ повѣстямъ? Не потому ли, что люди кругомъ обмануты своими любимцами: цѣлые годы прибѣгали къ этимъ учителямъ въ надеждѣ, что учителя научатъ жить; но научили ли жить учителя, внушили ли, къ чему стремиться и чего избѣгать, или, наоборотъ, оказалось, что учителя отвлекали отъ того, что разумно и прекрасно, обольщая тѣмъ, что неразумно и пошло? Можетъ быть, послѣ этихъ учителей съизнова приходится всему переучиваться? Критика наша подвергла уже грозному суду одно изъ послѣднихъ произведеній г. Тургенева—«Отцы и дѣти». Но выше ли «Отцевъ и дѣтей» всѣ предъидущія произведенія гг. Тургенева и Гончарова? Не скрывается ли и въ «Рудинѣ», и въ «Накануне», и въ «Обломовѣ» тѣхъ же элементовъ, которые такъ рѣзко выставились въ «Отцахъ и дѣтяхъ»? И вся дѣятельность обоихъ писателей не составляетъ ли послѣдовательнаго развитія этихъ элементовъ? Вотъ вопросы, на которые должна отвѣтить эта статья, чтобы опредѣлить воспитательное значеніе гг. Гончарова и Тургенева.

II.

Воспитательное значеніе и успѣхъ писателя опредѣляются двумя положеніями его въ массѣ своихъ читателей. Міросозерцаніе и сфера жизни массы могутъ быть очень узки и жалки; противъ такой массы можетъ стоять писатель, обладающій сильнымъ художественнымъ талантомъ, но міросозерцаніемъ своимъ нисколько не возвышающійся надъ массою. Такой писатель можетъ имѣть громадный успѣхъ. Успѣхъ этотъ, ужъ не говоря о художественности произведеній, обусловливается тѣмъ, что каждый читатель будетъ видѣть въ произведеніи любимаго писателя самого себя, свои мысли, свои взгляды, но можетъ ли имѣть такой писатель воспитательное значеніе? Подвинетъ

ли онъ массу, возвыситъ ли ея интересы, когда онъ самъ вполнѣ раздѣляетъ всѣ ея предразсудки, всю узкость ея взглядовъ и бѣдность интересовъ? Очевидно, что какъ бы ни былъ громаденъ успѣхъ такого писателя, нечего и говорить о воспитательномъ его значеніи.

Есть другаго рода положеніе, противоположное первому: при узкости міросозерцанія и бѣдности интересовъ массы можетъ явиться писатель, выработавшій широкое міросозерцаніе и проникнутый высшими интересами. Такой писатель можетъ далеко не имѣть того успѣха, какъ первый; онъ можетъ возбудить даже ненависть и ожесточеніе со стороны людей, окаменѣвшихъ въ своихъ узенькихъ предразсудкахъ. Тѣмъ не менѣе воспитательное значеніе такого писателя неоспоримо: онъ расширяетъ узкое міросозерцаніе массы; онъ возвышаетъ массу, призывая ее къ интересамъ болѣе высокимъ и человѣчнымъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ она копошится. Значеніе такого писателя рѣдко оцѣняется при жизни, но съ каждымъ поколѣніемъ оно дѣлается ощутительнѣе и важнѣе.

Руководствуясь этими двумя положеніями для опредѣленія воспитательнаго значенія произведеній г. г. Тургенева и Гончарова, мы должны разсмотрѣть, какое міросозерцаніе, какіе интересы имѣла масса въ самый разгаръ ихъ дѣятельности, т. е. въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ; а за тѣмъ опредѣлить, возвышается ли міросозерцаніе разбираемыхъ нами писателей надъ міросозерцаніемъ массы.

Міросозерцаніе и интересы массы въ 50-ые года не отличались особенною широтою. При полномъ отсутствіи всякой общественной жизни, семейная проникала все и вся: все изъ нея выходило и все тонуло въ ней. Говоря это, я нисколько не отрицаю семейной жизни и не желаю унизить семейныхъ интересовъ. Они всегда составляли и всегда будутъ составлять одинъ изъ важныхъ элементовъ жизни человѣческой. Вопросы о томъ, какъ быть хорошимъ мужемъ и хорошею женою, хорошимъ отцемъ и хорощею матерью всегда были и будутъ одними изъ первыхъ вопросовъ жизни. Но съ самыхъ незапамятныхъ временъ, какъ только люди вышли изъ родоваго патріархальнаго быта и какъ только сложились первыя общества, рядомъ съ семейными интересами явились и интересы общественные и сдѣлались для многихъ людей дорогими сердцу и важными не менѣе семейныхъ. Къ величайшему несчастью человѣчества общественные интересы до сихъ поръ еще не приведены въ равновѣсіе съ семейными: до сихъ поръ еще на каждомъ шагу приходится людямъ жертвовать или первыми въ пользу послѣднихъ, или наоборотъ. Съ идеальной точки зрѣнія казалось бы, что между тѣми и другими интересами не должно существовать ни малѣйшаго разлада; напротивъ того, они должны были бы идти рука въ руку и помогать другъ другу: единственная разумная цѣль общественнаго союза заключается въ процвѣтаніи личной семейной жизни каждаго члена общества; а съ другой стороны, единственная разумная цѣль союза семейнаго — воспитать хорошаго общественнаго дѣятеля. Но не такъ это выходитъ на дѣлѣ; въ жизни на каждомъ шагу

человѣку приходится дѣлать мучительный выборъ, по какой дорогѣ идти: быть ли хорошимъ гражданиномъ или хорошимъ семьяниномъ. Этотъ антагонизмъ между семейными и общественными интересами проходитъ всюду: въ религію, въ законодательство, въ частную жизнь; плодомъ этого антагонизма является безбрачіе латинскаго духовенства и законы, ограничивающіе вступленія въ бракъ нижнихъ военныхъ чиновъ, особенно морскихъ. Въ частной жизни составились въ силу этого антагонизма двѣ системы нравственности, при чемъ каждая тянетъ въ свою сторону, представляя свои особенные идеалы и обязанности: общественная нравственность считаетъ человѣка дряннымъ эгоистомъ, если онъ не пожертвуетъ семьею общественному благу, не пойдетъ, напримѣръ, сражаться съ общимъ врагомъ; семейная нравственность, съ своей стороны, негодуетъ на человѣка, жертвующаго семейными благами въ пользу общественныхъ: она называетъ, напримѣръ, взбалмошнымъ сумазбродомъ человѣка, который, ради убѣжденій, отказывается отъ выгоднаго положенія, обезпечивающаго семью, и въ свою очередь считаетъ такого человѣка черствымъ эгоистомъ, объясняя общественныя стремленія его плодомъ разыгравшагося самолюбія, для удовлетворенія котораго человѣкъ жертвуетъ благомъ своихъ близкихъ. Въ силу того же самаго антагонизма между семейными и общественными интересами жизнь каждаго общества, вмѣсто того, чтобы представлять дружное преслѣдованіе обоихъ интересовъ въ одно и то же время, заключается въ судорожныхъ скачкахъ: наступаетъ эпоха, въ которую семейные интересы приносятся совершенно въ жертву общественнымъ; люди до такой степени увлекаются общественными вопросами, что каждую минуту готовы бываютъ на всѣ пожертвованія въ пользу своихъ стремленій, нисколько не заботясь, что семья пострадаетъ отъ этихъ пожертвованій; такъ, нижегородскіе граждане выносили къ Минину весь свой домашній скарбъ, а французы, покидая семьи, шли за Наполеономъ умирать въ египетскихъ пескахъ и снѣгахъ Россіи... Но, проходитъ подобное увлеченіе общественными интересами, наступаетъ реакція и водворяется другая эпоха, другой порядокъ; подобно тому, какъ прежде вся жизнь сосредоточивалась на общественныхъ интересахъ, теперь все проникается интересами исключительно семейными; люди начинаютъ думать, что единственная цѣль въ жизни—составленіе семьи, единственное благо въ жизни—семья; въ такомъ случаѣ, для блага семьи они готовы бываютъ всѣмъ пожертвовать: общественными интересами, убѣжденіями, а весьма нерѣдко и самою честью.

Вотъ почему, не желая унижать семейныхъ интересовъ, я сказалъ, что одностороннее, исключительное преслѣдованіе ихъ дѣлало жизнь мелкою, жалкою, прозябающею, а воззрѣнія людей—узкими и близорукими. Въ то время (я говорю про конецъ 40-хъ годовъ и первую половину 50-хъ), совершенно согласно съ исключительнымъ господствомъ однихъ семейныхъ интересовъ, высшимъ результатомъ жизни считалась сексуальная любовь. Никто не станетъ спорить, любовь составляетъ важный элементъ жизни; выведите любовь изъ узкой сферы семейной жизни и возьмите это понятіе въ болѣе обширномъ

смыслѣ, вы увидите, что любовь—единственная пружина всѣхъ нашихъ дѣйствій. Но такою пружиною является не одна сексуальная любовь, а любовь вообще, разумѣя подъ этимъ словомъ стремленіе нашей природы къ чему нибудь такому, что доставляетъ намъ наслажденіе: любовь можетъ быть къ своему дѣлу, къ людямъ, которые имѣютъ на насъ нравственное и умственное вліяніе, къ людямъ, на которыхъ мы имѣемъ нравственное и умственное вліяніе, наконецъ, и любовь половая. Въ нашей душѣ можетъ существовать цѣлый рядъ привязанностей: мы можемъ въ одно и то же время любить свое дѣло, учителя, ученика, женщину; и всѣ этѣ привязанности не только не будутъ мѣшать одна другой, а напротивъ взаимно усиливаться и пополняться. Чѣмъ болѣе такихъ привязанностей, чѣмъ обширнѣе кругъ жизни, тѣмъ полнѣе жизнь, тѣмъ прочнѣе наше счастіе; въ такомъ случаѣ и потери, какъ-бы онѣ ужасны ни были, выносятся съ бо́льшимъ терпѣніемъ, не производя такихъ мукъ, какъ потеря единственной привязанности. Но сведите понятіе о любви, какъ основной пружинѣ жизни, въ узкую сферу семейныхъ интересовъ; представьте себѣ, что единственная цѣль жизни—сексуальная любовь, и подумайте только, какою жалкою, узкою дѣлаете вы жизнь. Ужъ не говоря о томъ, что, въ такомъ случаѣ, вы низводите разумнаго, мыслящаго, дѣятельнаго человѣка на низкую степень безсмысленнаго самца, вы вознаграждаете себя за это униженіе такимъ незавиднымъ счастіемъ, которое каждую минуту будетъ висѣть на волоскѣ: какъ бы вы не блаженствовали въ восторгахъ любви, можете-ли вы поручиться, что черезъ минуту ваше блаженство не обратится въ адъ, и все ваше счастіе не разрушится мгновенно отъ какой нибудь ничтожной случайности? Въ такомъ случаѣ, вы являетесь азартнымъ игрокомъ, всю жизнь ставите на карту любви: полюбила васъ женщина, въ которую вы влюбились, не умерла она—и вы счастливы; въ противномъ же случаѣ вамъ ничего не остается, какъ смерть Вертера или увяданіе въ чахоткѣ лишняго человѣка... Большинство женщинъ до сихъ поръ еще видитъ въ сексуальной любви единственное содержаніе жизни, въ замужествѣ—единственное счастіе. Но и мужчины не далеко расходились съ женщинами въ то время, о которомъ мы говоримъ. Каждый молодой человѣкъ только о томъ и мечталъ, какъ бы встрѣтиться съ идеаломъ красоты и доброты, въ образѣ женщины и соединиться съ нимъ на вѣки и это желаніе считалось единственнымъ, возвышающимъ человѣка надъ такъ называемою грязною прозою жизни. Единственный вопросъ жизни, который задавалъ себѣ юноша, былъ вопросъ о томъ, способенъ-ли онъ сильно полюбить, внушить любовь предмету страсти и затѣмъ составить счастіе любимаго существа. Человѣкъ способный на все это, считался сильною натурою, неспособный, натурою—слабою. Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ о семейномъ счастіи. Тѣ люди, которые презирали мірскія блага и мечтали о счастьи любви подъ соломенною крышею, назывались отсталыми романтиками; тѣ-же люди, которые мечтали о практичности, объ умѣньи вести дѣла, не пренебрегали земными благами, а напротивъ того, стремились вкусить ихъ, наживали для этого капиталы и полагали семейное счастье въ обставленіи любимаго существа шелками на барха-

тами; такіе люди считались передовыми людьми; отсталые романтики называли ихъ грязными матеріалистами, а сами себя грязные матеріалисты называли реалистами. Такимъ образомъ, слова: матеріализмъ, реализмъ—были въ 50-ые года въ модѣ не менѣе, чѣмъ и теперь, но имѣли тогда совсѣмъ другое значеніе, читатель видитъ какое. Доведенный до крайней послѣдовательности, реализмъ 50-хъ годовъ былъ знаменемъ взяточниковъ и казнокрадовъ. Болѣе умѣренные реалисты мечтали о наживаніи капиталовъ честнымъ способомъ, такъ, чтобы и невинность соблюсти и деньги пріобрѣсти.

III.

Таковъ былъ духъ времени во вторую половину 40-хъ и первую половину 50-хъ годовъ. Что же дѣлала тогда литература? Какъ она относилась къ своему времени? Литература была, повидимому, на хорошей дорогѣ. Тогда «натуральная школа» только что успѣла произвести свой переворотъ и вотъ какъ привѣтствовалъ эту школу Бѣлинскій: «Прежніе поэты представляли картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человѣкъ, и, во имя милаго или милой сердца, водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ была бѣдность и нищета, и благодарныя слезы орошали благодѣтельную ручку—и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь!—посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы—убѣжища нищеты, отчаянья и разврата, до которыхъ надо доходить по двору, грязному по колѣни; какой нибудь пьянчушка—подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, — все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь,—жди ночью тяжелыхъ словъ... Такъ, или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой піитики. Въ сущности, ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать, и засыпать. Странные люди, счастливые люди! Имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями, и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте свои старыя сказки — никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя несовершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего... Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина — эгоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ самомъ

дѣлѣ, представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ быть богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ, съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы—и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! Книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо, какъ онъ, что есть углы, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ отъ холоду цѣлое семейство, что есть на свѣтѣ люди, рожденьемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копѣйка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянья. И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта. А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для своего удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку. Прочь ее! «Книга должна пріятно развлекать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ. Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданья должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ...» Такими словами привѣтствовалъ и защищалъ отъ разныхъ тупоумныхъ и злобныхъ нападокъ Бѣлинскій «натуральную школу». Изъ этихъ словъ видно какія надежды возлагались въ концѣ сороковыхъ годовъ критикою на эту школу. Литературѣ представлялось богатое поприще—раскрывая и освѣщая застарѣвшія язвы общества, пробуждать общественное сознаніе и тѣмъ самымъ выводить людей изъ узкой сферы исключительно семейной жизни, въ сферу болѣе широкую.

Литература наша, возбуждаемая съ одной стороны критикою Бѣлинскаго, съ другой—находясь все еще подъ вліяніемъ Гоголя, пошла было по этому пути, но послѣ первыхъ нетвердыхъ шаговъ, во главѣ которыхъ можно поставить «Записки Охотника», она быстро повернула назадъ, словно испугалась своей прыти... Въ дальнѣйшей дѣятельности г. Тургенева мы уже не видимъ никакихъ слѣдовъ «натуральной школы»; Гончарова же «натуральная школа» коснулась одною своею внѣшностью: страстью писать картинки во фламандскомъ вкусѣ. Въ повѣстяхъ гг. Тургенева и Гончарова литература снова является передъ нами выглаженною, умытою, припомаженною; мужики въ лаптяхъ и сермягахъ изгоняются изъ нея; изъ угловъ отчаянья, нищеты и разврата дѣйствіе переносится въ тѣнистые сады усадебъ, въ комфортабельныя гостиныя; герои и героини являются передъ читателями во фракамъ и лайковыхъ перчаткахъ; они нѣжно изъясняются въ любви, вздыхаютъ, томятся, таютъ; и снова начинаютъ изображать писатели, какъ благодарныя слезы орошаютъ благодѣтельную ручку (смотри начало повѣсти «Рудинъ»).

Причиною такого внезапнаго обращенія вспять было именно то, что пи-

сатели, которыхъ мы разбираемъ, стояли по своему міросозерцанію и по своимъ интересамъ нисколько не выше массы; общественные интересы были для нихъ столь же чужды, какъ и для массы; они точно также, какъ и масса, вращались исключительно въ сферѣ семейныхъ интересовъ, причемъ послѣднимъ результатомъ жизни, единственнымъ содержаніемъ ея, они считали счастливую любовь и одѣванье любимаго существа въ шелки и бархаты. Возьмите вы любую повѣсть г. Тургенева, и въ каждой вы увидите рѣшеніе одного и того же неизмѣннаго вопроса: способенъ или не способенъ герой составить счастье любимой женщины. Содержаніе каждой повѣсти занято исключительно анализомъ любви, такъ что г. Тургенева можно по истинѣ назвать поэтомъ любви, какъ называютъ такимъ прозвищемъ Петрарку. Утонченный анализъ любовныхъ ощущеній доходитъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ до болѣзненности, до маніи, какъ напримѣръ, въ «Перепискѣ» или «Дневникѣ лишняго человѣка». Если но прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій отъ русскаго народа останутся одни только произведенія Тургенева, то потомки наши заключатъ изъ этихъ произведеній, что, подобно тому, какъ нѣмцы занимались философіею, англичане торговлею, а итальянцы музыкою, русскіе только и дѣлали, что влюблялись и разработывали теоретически и практически вопросы о любви во всѣхъ ея тончайшихъ ощущеніяхъ. Сцены объясненія въ любви, любовныхъ восторговъ, мукъ неизвѣстности, надеждъ и отчаянья—все это развито въ произведеніяхъ г. Тургенева съ такою тщательною художественостью, что послѣ г. Тургенева трудно кому нибудь подвизаться на этомъ поприщѣ съ такимъ же успѣхомъ. Впрочемъ, у г. Гончарова любовныя сцены не уступятъ тургеневскимъ. Но, къ какому же нравственному результату клонится весь этотъ анализъ любви у обоихъ писателей? Результатъ одинъ: противъ людей безхарактерныхъ и неспособныхъ создать счастье любимаго существа выставляются люди энергическіе, готовые всю свою энергію положить къ ногамъ предмета страсти. У обоихъ писателей, личностями, которымъ они сочувствуютъ, которыхъ они выставляютъ въ образецъ, являются практическіе мудрецы вѣка, реалисты, какъ они себя называли, умѣвшіе къ сорока-лѣтнему возрасту нажить брюшко, состояньице и Анну на шею. У г. Гончарова подобные идеалы особенно рѣзко выставляются въ его обоихъ романахъ. Въ «Обыкновенной исторіи» такимъ идеаломъ является дядюшка Адуевъ, представляющій торжество реализма надъ взбалмошнымъ и пошлымъ романтизмомъ, караемымъ въ лицѣ Александра Адуева. Что такое этотъ дядюшка Адуевъ? Это бюрократъ въ родѣ Фамусова и филистеръ 84 пробы, постоянно довольный самимъ собою; единственными принципами его служатъ: практическое дѣло и холодный расчетъ на каждомъ шагу; отличные принципы, если бы они вмѣщали въ себѣ какую-нибудь высокую цѣль; но въ томъ-то и бѣда, что подъ практическимъ дѣломъ ничего болѣе не разумѣется, какъ наживанье состоянія и устройство такъ называемаго положенія, а холодной расчетъ—это расчетъ грошей и копѣекъ, усчитыванье рабочихъ на заводѣ и веденіе домаш-

нихъ приходо-расходныхъ книжекъ. Г. Гончаровъ относится весьма сочувственно къ этому господину; по его мнѣнію, всѣмъ этотъ господинъ хорошъ: практическій хозяинъ завода (заводъ доставлялъ ему 40,000 чистаго барыша въ годъ), почти тайный совѣтникъ, человѣкъ съ умомъ, съ тактомъ, не часто встрѣчающимся, тонкій, проницательный, ловкій. За одно только не хвалитъ его авторъ: за то, что своею черствою безсердечностью онъ чуть не вогналъ въ гробъ жену, по крайней мѣрѣ своимъ тонкимъ домашнимъ деспотизмомъ убилъ въ ней всякую энергію и довелъ ее до совершенной апатіи. Вотъ что говоритъ г. Гончаровъ объ отношеніяхъ Адуева къ женѣ: «домашній міръ ея былъ ничто иное, какъ крѣпость, благодаря методѣ его, неприступная для соблазна, но за то въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогатки и патрули и противъ всякаго законнаго проявленія чувства. Методичность и сухость его отношеній къ ней простерлись, безъ его вѣдома и воли, до холодной и тонкой тиранніи, и надъ чѣмъ? надъ сердцемъ женщины!... За эту тираннію онъ платилъ ей богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и, сообразными съ его образомъ мыслей, условіями счастья — ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что она сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго понятія о ея сердцѣ—онъ зналъ его—а отъ небрежности, отъ эгоизма! Онъ забывалъ, что она не служила, не играла въ карты, что у ней не было завода, что отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины, а между тѣмъ онъ заставлялъ ее жить этою жизнью».

Изъ этихъ словъ, особенно изъ послѣднихъ, можно было бы подумать, что г. Гончаровъ ставитъ здѣсь вопросъ о самостоятельности женщины, что апатію и увяданіе Лизаветы Александровны онъ объясняетъ отсутствіемъ этой самостоятельности. Ничуть не бывало; единственный недостатокъ въ жизни Лизаветы Александровны заключается въ томъ, что супругъ не тѣшитъ ее любовью. «Ему что-то говорило,—поясняетъ далѣе г. Гончаровъ,—что еслибъ онъ могъ пасть къ ея ногамъ, съ любовью заключить ее въ объятія и голосомъ страсти сказать ей, что *жилъ только для нея, что цѣль всѣхъ трудовъ, суеты, карьеры, стяжанія — была она*, что его методическій образъ поведенія съ ней внушенъ былъ ему только пламеннымъ, настойчивымъ, ревнивымъ желаніемъ укрѣпить за собой ея сердце.... Онъ понималъ, что такія слова были бы дѣйствіемъ гальванизма на трупъ, что она вдругъ процвѣла бы здоровьемъ, счастьемъ и на воды не понадобилось бы ѣхать.» Въ этихъ словахъ представляется ясно вся философія г. Гончарова, относительно положенія женщины въ семьѣ: и такъ, мы имѣемъ право лишать женщину полной самостоятельности, лишь бы только платили ей за это лишеніе любовью, лишь бы мы ей одной посвящали всѣ наши труды, суету, карьеру, стяжаніе, однимъ словомъ—всю жизнь; и въ дядюшкѣ Адуевѣ одного только этого недостаетъ, чтобы быть безукоризненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Недостатокъ Адуева щедро восполняетъ Штольцъ. Въ Штольцѣ г. Гончаровъ представилъ намъ полнѣйшій образецъ, какимъ долженъ быть россійскій гражданинъ. Подобно тому, какъ Адуевъ выставленъ въ противовѣсъ своему пле-

мяннику, Штольцъ составляетъ противоположность Обломову. Добролюбовъ въ критикѣ своей на этотъ романъ разбираетъ Обломова, какъ типъ общественный; въ этомъ отношеніи критика Добролюбова далеко и широко выступаетъ изъ узенькихъ рамокъ романа, потому что въ романѣ все сводится къ вопросу исключительно семейному. Сущность романа можно передать въ слѣдующихъ словахъ: вотъ вамъ человѣкъ до такой степени дряблый, излѣнившійся, что ему лѣнь пальцемъ пошевельнуть для того, чтобы составить счастье Ольги—для составленія этого счастья ему лѣнь пробрать хорошенько крестьянъ и собрать съ нихъ хорошіе оброки; а вотъ Штольцъ, такъ точно умѣетъ пробирать, кого слѣдуетъ и собираетъ даже больше, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы Ольга каталась, какъ сыръ въ маслѣ. Вообще Штольцъ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ прекрасныя качества, которыя мы видимъ въ Адуевѣ, да къ этому еще нужно прибавить, что онъ не лишаетъ Ольгу главнѣйшаго блага—любви, и щедро платитъ ей этою любовью за все то, чего онъ лишаетъ ее.

IV.

У г. Тургенева подобные же идеалы встрѣчаются во многихъ его произведеніяхъ, хотя и не такъ рельефно, какъ у г. Гончарова. Вообще у г. Гончарова болѣе послѣдовательности, чѣмъ у г. Тургенева Послѣдній очень часто хвалитъ въ одномъ мѣстѣ то, что порицаетъ въ другомъ, и увлекается порою тѣмъ, что совершенно противорѣчитъ его основнымъ принципамъ и взглядамъ. Эти основные взгляды г. Тургенева совершенно сходны со взглядами г. Гончарова. Изображая безхарактерныхъ людей, неспособныхъ составить семейное счастье, г. Тургеневъ любитъ успокоивать сердце читателя на свѣтлыхъ личностяхъ, безъискуственныхъ натурахъ, черноземныхъ силахъ, выставляющихся, конечно, способными сильно любить и даровать счастье любимымъ предметамъ. Таковы—Лаврецкій въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Лежневъ и Волынцевъ въ «Рудинѣ», Бизьменковъ въ «Дневникѣ лишняго человѣка», Петръ Васильевичъ Крутизинъ въ «Двухъ пріятеляхъ» и проч. Всѣ эти люди суть практическіе реалисты въ духѣ Штольца и умѣютъ сколачивать копѣйку не хуже Адуева. Въ сущности они являются такими же филистерами, пошлыми и узкими, какъ и цѣлая масса ихъ современниковъ, но за то, какъ сильно умѣютъ они любить и какъ они таютъ при этой любви. Правда, при этомъ исключительномъ преслѣдованіи однихъ семейныхъ интересовъ, г. Тургеневъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ стоитъ на твердой почвѣ; это именно тогда, когда онъ рисуетъ дряблыя и безхарактерныя личности въ родѣ «лишняго человѣка», героя повѣсти «Ася» или «Гамлета щигровскаго уѣзда». Дѣйствительно, праздное филистерство выработывало такихъ дряблыхъ, растлѣнныхъ людей, которые не только что не были способны на какую либо общественную дѣятельность, но оказывались вполнѣ несостоятель-

ными даже и въ узкой сферѣ семейной жизни. Но, когда г. Тургеневъ этою же мѣркою начинаетъ мѣрить и такихъ людей, каковъ былъ Рудинъ, онъ попадаетъ въ рѣшительный просакъ. Если человѣка, исключительно вращающагося въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, мы можемъ считать безхарактернымъ или сильнымъ, смотря по тому, какъ онъ проявляется въ этомъ кружкѣ, то о людяхъ, у которыхъ рядомъ съ семейными интересами стоятъ и общественные, мы никакъ не можемъ судить по однимъ ихъ семейнымъ интересамъ. Очень часто случается, что человѣкъ сильный, въ общественномъ отношеніи, можетъ явиться кругомъ несостоятельнымъ въ семейномъ. И потому, для произнесенія справедливаго приговора надъ человѣкомъ, отказывающимся отъ женитьбы на любимой женщинѣ, мы должны взвѣсить и измѣрить этого человѣка со всѣхъ сторонъ, опредѣлить время, въ которое живетъ онъ, среду, которою онъ окруженъ, наконецъ, сравнить этого человѣка съ его современниками, поставленными въ такія же обстоятельства, какъ и онъ. Что-жь мы увидимъ, если мы всѣ подобныя измѣренія сдѣлаемъ надъ Рудинымъ? Мы не будемъ говорить пока о Рудинѣ; поговоримъ сначала о честныхъ людяхъ 40—50 годовъ вообще. Если мы сравнимъ честныхъ людей нашего времени съ честными людьми времени Рудина, мы увидимъ, что намъ рѣшать вопросъ о женитьбѣ неизмѣримо легче, чѣмъ было въ то время. Въ настоящее время честная дѣвушка говоритъ честному юношѣ: «я тебя люблю, но именно потому, что я тебя люблю, я и не хочу быть тебѣ ничѣмъ обязанною, не хочу, чтобъ ты бралъ на себя каторжный трудъ возить меня на своей шеѣ, какъ ломовая лошадь; и потому ты трудись для себя, а я буду трудиться для себя; звѣномъ же, связывающимъ насъ, да будетъ одна взаимная любовь.» Въ то время женщина говорила совсѣмъ другое: «я тебя люблю и поэтому желаю тебѣ предаться вся и душою, и тѣломъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ и ты сдѣлалъ тоже самое; если ты хочешь заслужить и сохранить мою любовь, ты долженъ показать, что способенъ создать мое счастье, будучи моимъ отцемъ, благодѣтелемъ и опорою моей жизни». При такихъ условіяхъ жениться въ то время значило взять себѣ на шею тяжелую ношу, и чѣмъ женщина была умнѣе и развитѣе, чѣмъ любовь къ ней была больше со стороны мужчины, тѣмъ ноша была тяжелѣе, потому что тѣмъ болѣе разныхъ высшихъ потребностей заявляла жена и всѣмъ этимъ требованіямъ долженъ былъ удовлетворить мужъ своей грудью. При такой организаціи семейной жизни, вопросъ о женитьбѣ могъ-бы быть рѣшаемъ честными людьми того времени легко только въ такомъ случаѣ, если бы общественные интересы были въ гармоніи съ семейными, т. е., если-бы честный общественный трудъ доставлялъ такое вознагражденіе, при которомъ ничего не стоило-бы содержать на свой счетъ семейство. Но въ томъ-то и дѣло, что въ то время общественный трудъ могъ обеспечивать семейную жизнь только при условіи такихъ уступокъ, на которыя честные люди не могли согласиться ни въ какомъ случаѣ. Положеніе этихъ людей было по истинѣ трагично: встрѣчая вокругъ себя повсюду безвыходную пошлость, тупое и мертвое прозябаніе,

беззастѣнчивое обращеніе общественныхъ интересовъ въ личную пользу, эти люди нигдѣ не находили мѣста и не видѣли исхода своимъ общественнымъ стремленіямъ. Куда было дѣться имъ? Служить—значило прислуживаться, смотрѣть сквозь пальцы на обдѣлыванье разныхъ темныхъ дѣлишекъ и быть мертвымъ колесомъ какой нибудь бюрократической машины; возсѣсть на кафедру — читать какую нибудь схоластику; ѣхать въ деревню — заняться дрязгами съ крестьянами изъ-за недоимокъ или украденнаго клочка сѣна.

По неволѣ эти люди отказывались отъ любви и семейной жизни; отказывались не потому, что-бы они отвергали семейство; они очень высоко его ставили, но потому, что отъ семейнаго человѣка требовались такія сдѣлки съ жизнью, на которыя они были вовсе неспособны. Иногда, впрочемъ, они и женились, но и въ такомъ случаѣ были семейными людьми совершенно не въ духѣ практическихъ мудрецовъ своего времени. Чудаки, вмѣсто того, чтобы обѣщать невѣстамъ горы золотыя, они говорили имъ: не выходите за меня лучше замужъ; незавидная доля ждетъ васъ со мною, потому что я неспособенъ наживать деньги и скорѣе уморю и себя, и васъ съ голоду, чѣмъ уступлю какой нибудь подлости. Весьма естественно, что такіе люди казались чуть что не сумашедшими, и практическіе мудрецы смотрѣли на нихъ, какъ на безхарактерныхъ самолюбцевъ, ни на что не способныхъ и безпокойныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте вы себя гуманнымъ реалистомъ того времени; вы кончили курсъ наукъ въ университетѣ, имѣете дипломъ на кандидата, пожалуй даже золотую медаль; вы устроили свою карьеру блестящимъ образомъ; у васъ связи, почтенное знакомство въ орденахъ, самъ князь Б. у васъ обѣдаетъ; или вы помѣщикъ 1000 душъ крестьянъ, воображаете себя агрономомъ, выписываете машины изъ Англіи; вы полюбили дѣвушку и безъ колебаній предложили ей руку, вы любящій мужъ, добрый отецъ, вашъ домъ полонъ, какъ чаша, васъ всѣ такъ любятъ и уважаютъ, вы имѣете вліяніе и вѣсъ. Какими же глазами должны вы смотрѣть на какого нибудь жалкаго оборванца, который нигдѣ не кончилъ курса, подобно Бѣлинскому, потому что нигдѣ не могъ поладить, нигдѣ не приткнулся, потому что ни съ кѣмъ не ужился; только и дѣлаетъ, что бредитъ отвлеченностями Гегеля; онъ говоритъ о томъ, что стыдно спать, что надо дѣйствовать, а самъ ничего не дѣлаетъ; онъ говоритъ о святости любви и семейной жизни, а самъ отвергъ дѣвушку, которая его полюбила. Какимъ безхарактернымъ, жалкимъ, дряннымъ покажется вамъ этотъ человѣкъ въ вашемъ гордомъ величіи! Если еще вдобавокъ онъ будетъ смѣяться надъ вашими мирными сдѣлками съ окружающею васъ пошлостью, какимъ негодованіемъ исполнитесь вы на этого бездѣльника! Отчего онъ смѣется надъ вами? Очевидно оттого, что самъ онъ ничего не достигъ и ему завидно ваше положеніе; нечѣмъ похвастаться, такъ вотъ онъ и тѣшитъ свое напыщенное самолюбіе, рисуясь протестомъ противъ всего міра и приправляя этотъ протестъ отвлеченностями изъ Гегеля.

Таковы были честные люди въ 50-ые года, въ дѣйствительности. Теперь

посмотримъ какимъ является передъ нами Рудинъ въ романѣ г. Тургенева. Но отвѣчать на это весьма затруднительно, потому что трудно встрѣтить въ какомъ либо другомъ произведеніи литературы характеръ до такой степени невыдержанный, противорѣчащій самому себѣ, какъ Рудинъ въ повѣсти г. Тургенева. Въ первой половинѣ повѣсти является передъ вами холодный, рисующійся резонеръ, человѣкъ, у котораго умъ развитъ на счетъ всей прочей природы, такъ что г. Тургеневъ называетъ его китайскимъ болванчикомъ, котораго голова постоянно перевѣшивала. Такой господинъ очень умно умѣетъ обо всемъ разсуждать, но едва застаетъ его въ расплохъ дѣло, какъ онъ смущается, робѣетъ, весь умъ его уходитъ въ пятки и онъ оказывается никуда негоднымъ, дряблымъ трусомъ. Чтобы выставить рельефно такое качество своего героя, г. Тургеневъ вывелъ на сцену неизмѣнную свою исторію любви. Рудинъ очень глубоко понимаетъ любовь, очень тонко анализируетъ ее, но чуть дѣло касается осуществленія любви въ дѣйствительности, чуть является передъ нимъ любящая женщина съ предложеніемъ бѣжать отъ родныхъ и посвятить всю жизнь для него, онъ теряется, падаетъ духомъ, говоритъ о томъ, что слѣдуетъ покориться злой судьбѣ и роднымъ Натальи и является, такимъ образомъ, самымъ безпардоннымъ, немощнымъ трусомъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо; если-бы г. Тургеневъ покончилъ свою повѣсть отъѣздомъ Рудина отъ Ласунскихъ—повѣсть его была-бы однимъ изъ варіантовъ исторіи неудачной любви, а Рудина читатель ставилъ-бы на ряду съ Пигасовымъ, Лишнимъ человѣкомъ, Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда, и смотрѣлъ-бы на него, какъ на одного изъ дряблыхъ филистеровъ, неспособныхъ даже размножать человѣчество... Критика наша, впрочемъ, до сихъ поръ такъ и дѣлала: она ограничивалась первою половиною повѣсти и разбирала Рудина, согласно съ этаго первою частью, какъ безстрастнаго, безхарактернаго резонера. Но въ повѣсти г. Тургенева есть вторая половина—описаніе дальнѣйшей судьбы Рудина послѣ отъѣзда отъ Ласунскихъ. Въ этой второй половинѣ Рудинъ является передъ нами человѣкомъ, совершенно противоположнымъ тому, какимъ онъ былъ въ первой. Если въ первой части онъ является передъ нами Гамлетомъ, то во второй части онъ Донъ-Кихотъ въ полномъ смыслѣ этого слова (я здѣсь сообразуюсь съ характеристикою этихъ обоихъ типовъ, представленною г. Тургеневымъ въ статьѣ «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» въ Совр. 1860 № 1). Если въ первой части онъ способенъ только умно разсуждать и пасовать передъ дѣломъ, то во второй части онъ, напротивъ того, является способнымъ сразу броситься на рискованное, безумное дѣло, а потомъ уже, при неудачѣ, обсуждать это дѣло заднимъ умомъ. Представьте вы себѣ безумца, который въ 40-е годы—самъ, одинъ со своими маленькими сплеками возмечталъ учинить радикальныя преобразованія въ гимназіи, гдѣ онъ былъ учителемъ; представьте себѣ безумца, который, не имѣя ни гроша денегъ, задумалъ сдѣлать судоходною одну рѣку въ Россіи и, съ этою цѣлью, шесть мѣсяцевъ провелъ въ землянкахъ, питаясь однимъ хлѣбомъ... Наконецъ, возьмите вы самую смерть его, въ далекой странѣ, въ борьбѣ за чужое дѣло, до

него вовсе некасающееся... Гдѣ же тутъ безстрастный, холодный резонеръ, способный только анализировать тонкимъ умомъ и теряющійся передъ дѣломъ. Напротивъ того, тутъ есть все: пламенный энтузіазмъ, отвага, безуміе, непрактичность, а холоднаго, все предварительно взвѣшивающаго ума тутъ именно и нѣтъ. Холодный резонеръ, какимъ является Рудинъ въ началѣ, остался бы и до конца жизни холоднымъ резонеромъ; если онъ струсилъ передъ Натальею, то онъ струсилъ бы и передъ гимназіею, и передъ рѣкою... Если-же онъ былъ способенъ на такіе безумные замыслы, какъ прорытіе рѣки и былъ способенъ не на одни слова, но и на выполненіе ихъ, если онъ отъ выполненія своихъ плановъ отказывался тогда только, когда не оставалось у него никакихъ болѣе средствъ на это и всѣ пути ему были закрыты, то неужели такой человѣкъ струсилъ-бы передъ вопросомъ о женитьбѣ. Напротивъ того, можно было ожидать въ такомъ случаѣ, что какъ, безъ копѣйки въ карманѣ, онъ бросался на капитальныя дѣла, подобно тому онъ и женился-бы, очертя голову, не думая о томъ, какъ ему удастся устроить семейную жизнь при его средствахъ. А если-бы онъ отказался отъ женитьбы, то и это онъ сдѣлалъ бы также очертя голову, скорѣе изъ горячаго протеста противъ всего окружающаго, доведеннаго до фанатизма, а ужъ никакъ не изъ трусости.

Но въ такомъ случаѣ, какъ же согласить первую часть повѣсти со второю? Въ чемъ же заключается тайна этой невыдержанности характера, этого рѣзкаго противорѣчія между Рудинымъ первой части и тѣмъ же Рудинымъ второй? Объяснить это можно очень просто: г. Тургеневъ видѣлъ въ жизни нѣсколько типовъ, охарактеризованныхъ нами въ видѣ честныхъ людей 50-хъ годовъ; видѣлъ онъ, какъ бросались они на всѣ дѣла и какъ имъ ничего не удавалось; видѣлъ, какъ горько мыкалися они по свѣту; видѣлъ онъ, какъ эти люди отказывались часто отъ семейнаго счастья и не бросались въ объятія своихъ любезныхъ, когда тѣ простирали имъ свои объятія. Какъ художнику-мыслителю г. Тургеневу слѣдовало разобрать этотъ фактъ со всѣхъ сторонъ, вдуматься глубоко въ жизнь, чтобы разъяснить себѣ, почему Рудинымъ ничего не удавалось. Онъ, можетъ быть, увидѣлъ бы, что неудачи Рудиныхъ происходили не отъ недостатка энергіи, не отъ неумѣнья взяться за дѣло, а оттого, что всѣ пути были закрыты для нихъ, дѣла ихъ съ тупоумнымъ недоброжелательствомъ разрушались въ самомъ зародышѣ и имъ ничего больше не оставалось, какъ оплакивая старыя неудачи, приниматься за новыя предпріятія въ ожиданіи новыхъ неудачъ. Г. Тургеневу слѣдовало также понять, что при такихъ условіяхъ этимъ людямъ было не до семейныхъ радостей; имъ и жизнь-то самая была въ тягость при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они жили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсти г. Тургеневъ возвышается до подобнаго пониманія; такъ, онъ объясняетъ неудачи Рудина въ его различныхъ предпріятіяхъ не столько неумѣньемъ взяться за дѣло, сколько недоброжелательствомъ разныхъ эгоистовъ и пошляковъ, мелочные интересы которыхъ страдали отъ этихъ предпріятій Рудина: такъ, изъ гимназіи, Рудина, съ его радикальнымъ преобразованіемъ, выжили рутинеры-учителя, въ дѣлѣ проры-

тія фарватера, оказали препятствіе владѣтели мельницъ. Еслибы г. Тургеневу удалось, возвысившись до такого пониманія, остановиться на немъ и отрѣшиться разъ навсегда отъ узенькихъ, филистерскихъ взглядовъ своего времени, тогда Рудинъ предсталъ бы передъ нами во всемъ своемъ истинномъ свѣтѣ и повѣсть г. Тургенева была бы замѣчательнымъ произведеніемъ русской литературы; но г. Тургеневъ не могъ отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ, и они взяли перевѣсъ надъ проблесками болѣе глубокаго пониманія жизни. Г. Тургеневъ взглянулъ на Рудина съ чисто-филистерской точки зрѣнія, которую мы изложили въ началѣ этой главы: филистерская точка зрѣнія не знала иной цѣли въ жизни, иного дѣла, кромѣ наживанья денегъ для устройства узенькаго семейнаго счастья; Рудинъ этого не дѣлалъ, слѣдовательно, онъ былъ бездѣльникомъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ цѣлый рядъ выводовъ, которые прямо ведутъ къ мысли о Рудинѣ, какъ безстрастномъ рисующемся резонерѣ и трусѣ: Рудинъ не захотѣлъ всего себя посвятить счастью любимой женщины, слѣдовательно, онъ не способенъ любить, умъ беретъ у него перевѣсъ надъ чувствомъ; Рудинъ, которому и одному-то жутко на свѣтѣ, не захотѣлъ взвалить себѣ на шею ношу въ видѣ жены, избалованной прежнею жизнью, слѣдовательно, онъ безхарактерный трусъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ представить себѣ энергическаго, храбраго, любящаго человѣка въ иномъ видѣ, какъ не героемъ, отважно похищающимъ Сабинянку, чтобы потомъ быть готову броситься для нея въ воду. Въ своей повѣсти «Первая любовь» онъ заставляетъ, между прочимъ, молодаго героя броситься съ высокой стѣны, для предмета своей страсти, и не шутя любуется этимъ подвигомъ, заставляя любоваться имъ и героиню. Что касается до рисованья Рудина, то такова ужъ судьба всѣхъ нашихъ умныхъ людей со временъ Чацкаго, что стоитъ имъ сказать въ обществѣ два, три умныя слова, чтобы быть заподозрѣнными сейчасъ же въ рисованьи. Г. Тургеневъ, впрочемъ, не ограничивается однимъ рисованьемъ; вѣрный филистерской точкѣ зрѣнія, онъ взваливаетъ на Рудина всѣ тѣ обвиненія, которыми осыпали филистеры умныхъ людей съиспоконъ вѣку. Такъ, напримѣръ, ученое филистерство, у котораго вся мудрость заключается въ точномъ знаніи мелкихъ и часто ни къ чему не нужныхъ фактиковъ, постоянно видѣло и видитъ въ умныхъ людяхъ неуваженіе къ наукѣ, поверхностный диллетантизмъ и отсутствіе ученыхъ свѣдѣній. Кто только не подвергался у насъ подобному обвиненію, начиная съ Бѣлинскаго, котораго и теперь многія архивныя крысы считаютъ недоученымъ фразеромъ. Вѣрный и этому филистерскому взгляду г. Тургеневъ не упускаетъ случая, чтобы кольнуть Рудина диллетантизмомъ: въ концѣ повѣсти онъ заставляетъ его самого признаваться, что у него нѣтъ терпѣнія дочитывать книгъ до конца и что учитель математики сбилъ его, учителя словесности, на какомъ-то памятникѣ XV вѣка. Наконецъ, г. Тургеневъ не посовѣстился бросить въ Рудина и такою грязью, какою отдѣлываются отъ умныхъ людей филистеры самаго послѣдняго разряда. Умный и честный человѣкъ стоитъ обыкновенно бѣльмомъ на глазу у филистеровъ, обдѣлываю-

щихъ разныя темныя дѣлишки; онъ слишкомъ ярко оттѣняетъ ихъ подлость и безчестность; подкупить и подольстить его на такія же подлости невозможно; но ничего не стоитъ распустить по свѣту объ немъ дурную молву, выдумать на него, оклеветать его самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чтобы показать людямъ: вотъ, смотрите, этотъ человѣкъ рисуется передъ нами своею честностью, а въ сущности онъ дѣлаетъ такія же подлости, какъ и мы, и ничѣмъ отъ насъ не отличается. На кого не выдумывали у насъ разныхъ небылицъ и не сплетничали самымъ возмутительнымъ образомъ. Но что всего жальче, такъ это то, что люди, въ сущности добрые и даже не глупые, но не привыкшіе размышлять, а принимающіе все на вѣру, услыша подобную клевету, вѣрятъ ей безусловно и начинаютъ спроста распространять ее и еще болѣе утверждаютъ нелѣпый слухъ, потому что имъ, какъ людямъ честнымъ и уважаемымъ, отъ души всякій вѣритъ. Такимъ-то людямъ уподобился въ своихъ произведеніяхъ и г. Тургеневъ. Я убѣжденъ, что про каждаго Рудина, жившаго въ 50-ые года, ходила своя сплетня.

— Умникъ-то нашъ, что противъ взятокъ-то читаетъ, какъ по книгѣ, — слышали вы,—самъ-то онъ каковъ? говорилъ въ то время одинъ взяточникъ другому...

— А что онъ? скажите, это любопытно...

— А то, что онъ у каждаго занимаетъ безъ отдачи... Это видите лучше, возвышеннѣе взятокъ!... Вонъ намедни у помѣщика Толстопузова занялъ, у моего брата въ долгъ просилъ...

— Скажите!.. Я это такъ и думалъ... ужъ кто слишкомъ много о честности говоритъ, да другихъ ею въ глаза коритъ, такъ ждите, что и за нимъ что нибудь водится. По снисходительности-то лучше... кто у насъ не безъ грѣха...

И подобнымъ сплетникамъ повѣрилъ г. Тургеневъ при созданіи типа Рудина; не посовѣстился онъ бросить и этою грязью въ страдальца 50-хъ годовъ, представивши Рудина занимающимъ деньги на каждомъ шагу. Какой же результатъ выходитъ изъ повѣсти г. Тургенева, вслѣдствіе всего вышесказаннаго? какое впечатлѣніе выноситъ изъ нея читатель? Рудинъ сходитъ со сцены опозоренный, униженный до послѣдней крайности и сердце читателя успокоивается на свѣтлыхъ личностяхъ Волынцева и Лежнева, которые великодушно осчастливливаютъ героинь романа и водворяется безоблачная картина семейнаго счастья. Хороши эти свѣтлыя личности, нечего сказать! Еще Волынцеву, туда-сюда, можно отпустить его грѣхи; если онъ, въ пылу ревности, и вознамѣрился убить наповалъ Рудина за то, что Наталья увлеклась Рудинымъ, а не имъ, Волынцевымъ, то съ этою беззастѣнчивою прямотою и безхитростною простотою дикаря еще можно кое-какъ помириться. Но что сказать о Лежневѣ, который изъ ревности старался нравственно очернить передъ Александрой Павловною человѣка, которому онъ былъ обязанъ своимъ развитіемъ!

И этотъ человѣкъ до такой степени наивенъ, что нисколько не стыдится своей низости и самъ признается въ ней передъ предметомъ страсти.

— Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша! говоритъ предметъ страсти,

лаская его рукою по лбу—какъ ты умно и благородно говорилъ! Но сознайся, что ты немного увлекался въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него...

— Лежачаго не бьютъ... отвѣчаетъ Лежневъ, а я тогда боялся, какъ-бы онъ тебѣ голову не вскружилъ.

И такъ, Лежневъ, боясь, чтобы Рудинъ не вскружилъ голову Александрѣ Павловнѣ, клеветалъ на него, а потомъ, когда врагъ пересталъ быть опасенъ началъ говорить про него правду. Мы выпишемъ болѣе характеристическія мѣста изъ этой правды, потому что въ этой правдѣ мы прочтемъ взгляды самаго г. Тургенева на Рудина.

... Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ!

Какое, повидимому, глубокое пониманіе Рудина таится въ этихъ словахъ? Какъ вѣрно опредѣляется этими словами значеніе Рудина для своего времени. Недаромъ мы говорили, что у Тургенева мѣстами прорывается глубокое пониманіе своего времени... Но вѣдь эти слова противорѣчатъ представленію Рудина, какъ безстрастнаго резонера, вѣдь надо что нибудь одно избрать: или холодный резонеръ или энтузіастъ. Г. Тургеневъ самъ не могъ не замѣтить этого противорѣчія и чтобы вывернуться онъ вкладываетъ въ уста Лежнева далѣе такія слова: «Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ правъ и неправъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина, а не въ головѣ... Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего, именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто вправѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣньи исполнять свои замыслы?. Въ этой тирадѣ Рудинъ представляется энтузіастомъ ума, энтузіастомъ однихъ словъ, но неимѣющимъ силы ѣдятельности, неспособнымъ исполнять свои замыслы.. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же заставлять просиживать Рудина по нѣскольку мѣсяцевъ въ землянкахъ? Зачѣмъ-же говорить, что каждое его предпріятіе вначалѣ какъ-будто и удавалось, но было разрушаемо недоброжелательствомъ лицъ. Вѣдь въ такихъ объясненіяхъ мы видимъ уже не одного только энтузіаста словъ, но и энтузіаста дѣла. Противорѣчіе это трудно объяснить иначе, какъ задавши г. Тургеневу вопросъ, что разумѣетъ онъ подъ силою дѣятельности, подъ способностью исполнять свои замыслы?... Ужъ не разумѣетъ-ли г. Тургеневъ здѣсь мудрую практичность Адуева и Штольца, при которой тѣ умѣли устроивать свои отношенія къ окружающимъ людямъ такъ, что люди не мѣшали имъ въ ихъ предпріятіяхъ, а напротивъ того способствовали?... Можетъ быть подъ неспособностью исполнять замыслы г. Тургеневъ разумѣетъ именно то, что Рудинъ не умѣлъ ладить съ людьми?... Если это такъ, то мы

вполнѣ согласны съ г. Тургеневымъ: да, въ Рудинѣ не было того умѣнья исполнять замыслы, какое было въ Адуевѣ и Штольцѣ, онъ не умѣлъ ладить съ людьми, но это именно и обличало въ немъ энтузіазмъ не одной головы, но и крови, не однихъ словъ, но и дѣла; это самое качество и отличало его отъ прочихъ людей его вѣка...

Въ заключеніе выписываю нѣсколько роковыхъ и рѣшительныхъ приговоровъ г. Тургенева о Рудинѣ. Эти приговоры такъ ясны, такъ говорятъ сами за себя, что не требуютъ никакихъ объясненій. Вотъ они:

«Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ— чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи...»

V.

Обстоятельства измѣнились, и въ концѣ 50-хъ годовъ общество наше, увлеченное реформами, зажило лихорадочною жизнію. Возникло столько живыхъ общественныхъ вопросовъ и всѣ были такъ заняты этими вопросами, что писатель не могъ уже удовлетворить публику одними картинами любви и семейнаго счастія, какъ-бы нибыли эти картины художественны. Да писатель и самъ увлекся общими вопросами и вотъ плодомъ этого увлеченія является «Наканунѣ».

Въ «Наканунѣ» семейныя рамки раздвигаются. На первомъ планѣ рисуется передъ вами женщина, мечтающая не о такомъ только героѣ, который, растаявши въ любви, осыпалъ бы ее золотымъ дождемъ. Такихъ героевъ встрѣчаетъ Елена Николаевна на каждомъ шагу. Берсеневъ и Шубинъ готовы броситься въ Этну, чтобы осчастливить ее; но такое счастье кажется ей приторнымъ, мелкимъ и жалкимъ: она мечтаетъ о какой-то иной жизни, полной дѣятельнаго добра... Она мечтаетъ о такомъ героѣ, съ которымъ она пойдетъ рука въ руку и будутъ они дѣлать великое дѣло. Такимъ героемъ является Инсаровъ. Его живой энтузіазмъ, его увлеченіе не одною личною любовью къ героинѣ, но и любовью къ родинѣ, наконецъ увлеченіе Елены имъ въ силу его общественнаго энтузіазма — все это представляется чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ и невиданнымъ въ прежней дѣятельности г. Тургенева. Казалось съ этой повѣсти начнется поворотъ въ дѣятельности г. Тургенева, вмѣстѣ съ вѣкомъ, и г. Тургеневъ представитъ намъ новые типы, новыя положенія, новые вопросы... Но кто могъ думать, что подъ новою оболочкою таилась старая гниль. Эта новая оболочка, эти широкіе вопросы, которые поставлены въ основаніи повѣсти, взяты авторомъ

напрокатъ и разработаны отвлеченно, безъ всякаго примѣненія ихъ къ русской жизни, безъ всякаго анализа русской жизни на основаніи ихъ. Для того, чтобы создать типъ живого сильнаго человѣка, увлеченнаго благимъ дѣломъ, г. Тургеневъ взялъ совершенно чуждый русской жизни типъ Болгара, жаждущаго освободить свою родину. Инсаровъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ Рудина. Его замыселъ освободить Болгарію такой же рискованный и безумный, какъ и прорытіе фарватера Рудина, какъ и всякое подобное предпріятіе, выходящее изъ ряда мелкихъ дѣлишекъ Адуева, Штольца и прочихъ мудрецовъ вѣка сего. Рудинъ, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, способенъ на рискованную женитьбу не менѣе Инсарова; а съ другой стороны и самъ Инсаровъ, если онъ и женился такъ отважно на Еленѣ, то это потому, что встрѣтилъ дѣвушку, готовую вмѣстѣ съ нимъ дѣлать дѣло въ такую минуту, когда дѣло было въ рукахъ, и счастье жизни Инсарова—свобода родины,—было такъ близко. Но Богъ знаетъ, женился-ли бы Инсаровъ, если бы онъ былъ въ положеніи Рудина? Женился бы онъ на Еленѣ послѣ крымской войны, когда оказалось бы, что дѣло его потеряно и Болгарія продолжаетъ находиться подъ властью Турокъ? Если же Инсаровы встрѣчаются и въ русской жизни, какъ бы ни было ихъ мало, по почему же г. Тургеневу нужно было насиловать свое воображеніе и придумывать Инсарова, вмѣсто того, чтобы взять его изъ нашей среды?.. А потому, вотъ видите, что въ Россіи такихъ людей совсѣмъ нѣтъ, по мнѣнію г. Тургенева: «нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустаго въ порожнее переливатели, да палки барабанныя!...» «Будутъ», утѣшаетъ себя вслѣдъ за тѣмъ г. Тургеневъ, словами Увара Ивановича. Почему же будутъ, если ихъ нѣтъ теперь?.. Откуда они явятся? Съ неба свалятся, что ли?... Въ томъ и дѣло, что такіе люди всегда были и всегда будутъ, только мы долго еще не будемъ понимать ихъ; долго еще они не будутъ маяться и увядать безъ дѣла; долго еще они будутъ казаться намъ или холодными резонерами, или жалкими безумцами и мы будемъ бросать въ нихъ грязью и смѣшивать ихъ съ шулерами, берущими въ долгъ безъ отдачи. Г. Тургеневу ничего не стоило отвлеченно создать типъ освободителя Болгаріи, но въ то же время онъ привыкъ мѣрять русскую жизнь на узенькій филистерскій аршинчикъ, и тотъ же Инсаровъ — въ русской жизни чуждъ и противенъ для него, что онъ и показалъ, какъ въ «Рудинѣ», такъ и въ «Отцахъ и дѣтяхъ»...

Характеръ Елены, представляющій, повидимому, столько новыхъ, неслыханныхъ до того времени мотивовъ, въ свою очередь, скрываетъ подъ новою оболочкою старую гниль... Елена является передъ нами женщиною, какихъ до нашего времени совсѣмъ не было, а если и было, то очень мало. Она мечтаетъ не объ однихъ нарядахъ и не объ одной любви, но и о жизни, полной дѣятельнаго добра... Но почему же она только мечтаетъ объ этой жизни, почему она не живетъ ею? Почему для осуществленія этой жизни, ей непремѣн-

но нужно героя, который повелъ бы ее по дорогѣ дѣятельнаго добра. А сама она не можетъ идти по этой дорогѣ?... Я нисколько не отрицаю необходимости встрѣчи Елены съ Инсаровымъ. Конечно, ужъ если выходить замужъ Еленѣ, то выходить за такого человѣка, какъ Инсаровъ... Но какое же отношеніе имѣетъ замужество и жизнь полная дѣятельнаго добра? Мнѣ представляется, что это два интереса въ жизни, совершенно различные, и если они имѣютъ взаимное отношеніе, то скорѣе вопросъ о замужествѣ долженъ зависѣть отъ вопроса о жизни, полной дѣятельнаго добра; у г. Тургенева же это выходитъ наоборотъ: вопросъ о жизни полной дѣятельнаго добра является у него совершенно подчиненнымъ вопросу о замужествѣ; для того, чтобы осуществить такую жизнь, Еленѣ непремѣнно нужно встрѣтить Инсарова... Ну, а если бы она Инсарова не встрѣтила, неужели она въ такомъ случаѣ должна была вѣчно ограничиваться одними мечтаніями?... Что за жалкое существо въ такомъ случаѣ женщина! Неужели не можетъ она шагу ступить, если услужливый кавалеръ не протянетъ ей руку... Женскій вопросъ въ «Наканунѣ» представляется, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ вопроса о кадрилѣ или вальсѣ: ангажируетъ кавалеръ,—барышня протанцуетъ съ нимъ нѣсколько туровъ на поприщѣ дѣятельнаго добра, а если кавалеръ пройдетъ мимо, барышня такъ и остается сидѣть возлѣ своей маменьки. А отчего происходитъ такой курьезный взглядъ г. Тургенева на женскій вопросъ? Опять таки оттого, что на первомъ планѣ у г. Тургенева стоитъ семейный вопросъ, сквозь который онъ смотритъ на всѣ прочія отношенія жизни. Г. Тургеневъ никакъ не можетъ понять, что женщина можетъ любить, одерживать побѣды, страдать отъ неудачной любви, быть, наконецъ, хорошею женою и матерью,—и въ то же самое время, совершенно безотносительно отъ всего этого вести жизнь, полную дѣятельнаго добра. Вѣрный своему принципу, г. Тургеневъ предписываетъ и здѣсь свой неизмѣнный ультиматумъ: или любовь, или смерть.

VI.

Въ заключеніе представляется разрѣшить возраженіе, которое можетъ сдѣлать читатель при чтеніи моей статьи; возраженіе это прямо вытекаетъ изъ міросозерцанія того времени, къ которому относятся лучшія произведенія Тургенева и Гончарова; имъ звучитъ каждая строка разбираемыхъ нами писателей.

Вы говорите, что въ произведеніяхъ Тургенева анализъ любви преобладаетъ надъ всѣмъ, восклицаетъ читатель въ недоумѣніи, въ то же время вы говорите, что Тургеневъ не имѣетъ никакого воспитательнаго значенія; не явное-ли это противорѣчіе! Я согласенъ, продолжаетъ читатель, что любовь не составляетъ всего, что кромѣ любви существуютъ въ жизни другіе интересы, можетъ быть важнѣйшіе; но возьмите лю-

бовь самое по себѣ — развѣ любовь не облагораживаетъ человѣка, не возвышаетъ его надъ пошлостью? Вы говорите, что въ 40-е года люди видѣли въ любви единственное содержаніе жизни; но вѣдь это въ то время были лучшіе люди, которые такъ смотрѣли на жизнь; большинство же стояло еще ниже, оно не достигало хотя бы даже и этого взгляда на цѣль жизни: большинство смотрѣло на женитьбу, какъ на будничную, юридическую сдѣлку, болѣе или менѣе выгодную, причемъ вопросъ о любви считался не только лишнимъ, но даже и чѣмъ-то мѣшающимъ дѣлу женитьбы; составилось даже ходячее мнѣніе о томъ, что браки по любви всегда бываютъ несчастны, а чтобы быть счастливу въ женитьбѣ, нужно жениться по расчету. Если же умственный кругозоръ большинства былъ такъ жалокъ, такъ мелокъ, то какъ же отвергать всякое значеніе писателя, который положилъ себѣ задачею внушать людямъ, что человѣкомъ можетъ быть названъ только тотъ, кто умѣетъ глубоко и сильно любить, кто каждую минуту готовъ для любви жертвовать всѣми мелкими и пошлыми интересиками жизни, жертвовать комфортомъ, родными, мнѣніемъ свѣта!... Какъ ни узка спеціальность такого писателя, но имѣемъ ли право мы обвинять его за эту узкость, если мы примемъ въ расчетъ нравственный уровень массы. Намъ останется только жалѣть, что учитель, у котораго въ головѣ бродили, можетъ быть, великія идеи, долженъ былъ тратить время съ ученикомъ на обученіе его азбуки, такъ какъ ученикъ не умѣлъ еще ни читать, ни писать...

Возраженіе это такъ важно, что я нарочно помѣстилъ его въ концѣ статьи на самое видное мѣсто. Я чувствую, что если я не опровергну этого возраженія—все, что я выше этого написалъ, окажется несостоятельнымъ и ничтожнымъ. По этому случаю я попрошу читателя внимательнѣе прочесть нижеслѣдующія страницы; онѣ должны служить окончательнымъ приговоромъ или надъ моей статьею или надъ дѣятельностію двухъ классическихъ русскихъ писателей.

Въ началѣ статьи я говорилъ, что міросозерцаніе массы въ 40-е года было очень узко и жалко; вслѣдствіе такого міросозерцанія масса прозябала въ грязной пошлости... Теперь же мнѣ приходится защищать эту самую массу противъ излишнихъ нападокъ на нее читателя. Я не беру назадъ своихъ словъ: да, масса была пошла; пошла она и теперь, но только пошла совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, нежели въ какомъ принимаетъ это читатель. Читатель видитъ пошлость массы въ томъ, что она не умѣетъ даже любить и что писателю нужно учить ее влюбчивости. А мнѣ сдается, что этого добра, то-есть любви, въ массѣ сколько угодно, и что масса тѣмъ именно и пошла, что главные ея интересы не превышаютъ интересовъ любовныхъ.

Масса видѣла и до сихъ поръ видитъ въ женитьбѣ одинъ денежный расчетъ. Но такъ ли это? Спросите вы у самаго пошлѣйшаго изъ пошляковъ, который только о томъ и думаетъ, какъ бы найти невѣсту съ приличнымъ прилагательнымъ, не желаетъ ли онъ въ то же время, чтобы эта невѣста бы-

ла хороша собою? Неужели онъ отвѣтитъ: нѣтъ не желаю. А не желаетъ ли онъ, чтобы эта невѣста любила его?.. Неужели онъ и этого не желаетъ? Что, если бы этому пошляку предстояли двѣ невѣсты: у обѣихъ было бы приданое въ 200,000, но въ то же время одна была бы косая, кривая, злая и питала бы полное отвращенье къ нашему пріятелю, а другая была бы красива и къ нему неравнодушна, неужели онъ выбралъ бы первую? А если онъ выберетъ вторую, то это показываетъ, что въ пошлякѣ нашемъ есть и чувство изящнаго и потребность любви. И, слѣдовательно, онъ вовсе не такой пошлякъ, какимъ представляется съ перваго взгляда читателю. Но почему же эта потребность любви, это чувство изящнаго заглушены въ массѣ людей? Почему у нашего пошляка на первомъ планѣ стоятъ все-таки 200,000, а не красивое лицо, не любовь? Но мы взяли здѣсь очень крупный примѣръ: людей, которые мечтаютъ о 200,000 приданомъ, не много, слѣдовательно ихъ меньшинство, а мы говоримъ о массѣ, то-есть большинствѣ. Большинство же питаетъ болѣе скромныя желанія: для него вопросъ о женитьбѣ очень часто есть вопросъ о новомъ фракѣ, о шести продыравленныхъ стульяхъ, зипунѣ или вопросъ о лишней парѣ здоровыхъ рукъ, которыя были бы въ состояніи сжать поле. Какое ужасное профанированье высокаго чувства— любви: жениться для того, чтобы имѣть возможность починить заплаты на локтяхъ вицъ-мундира!... Не показываетъ ли это, что въ подобномъ господинѣ забота о дырявыхъ заплатахъ убила всякое чувство изящнаго, всякую потребность любви!... Что можетъ быть пошлѣе этого!... Да, читатель, согласенъ—ужасно пошло!... Но что же сдѣлать, чтобы жалкіе канцелярскіе чиновники женились по любви, а не ради починки старыхъ сапогъ?... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, читатель, что они не увлекаются красотою, не желаютъ, чтобы жены любили ихъ, а не били ухватами, не желаютъ, чтобы дѣти ихъ не выростали такими же идіотами, каковы они сами? Да, ты думаешь это, читатель, ты думаешь, что только ты одинъ, да нѣсколько гуманныхъ писателей способны любить, наслаждаться изящнымъ и питать разныя высокія стремленія; всѣхъ же прочихъ ты не считаешь даже и за людей. Ты никакъ не можешь понять, что во всѣхъ классахъ, во всѣхъ состояніяхъ и на всякой степени развитія можно встрѣтить одинаковыя потребности, составляющія основаніе человѣческой природы. Такова потребность любви. Если тебѣ лѣнь или ты гнушаешься заглянуть подъ кровлю бѣдняка, то прочти хоть народныя пѣсни Сахарова. Ты увидишь въ этѣхъ пѣсняхъ самый полный и глубокій анализъ любви во всѣхъ ея видахъ: любви торжествующей, любви подавленной, любви обманутой и т. п. Многія изъ этихъ пѣсень относятся къ незапамятнымъ временамъ. Что показываетъ это? Смѣшно даже и высказывать такія пошлыя истины: это показываетъ, что люди умѣютъ любить не только теперь, вслѣдствіе чтенія произведеній г. Тургенева, но что они и прежде любили, при царѣ Горохѣ, когда ни одинъ писатель не училъ еще ихъ любви. Да, любовь есть такая же естественная потребность человѣческой природы, какъ сонъ, голодъ и пр... Разныя есте-

ственныя потребности могутъ быть заглушаены на время или совсѣмъ, но можно-ли ихъ возбудить, не отстранивши той причины, которая заглушаетъ ихъ; можно-ли, напримѣръ, силою убѣжденія возбудить сонъ въ человѣкѣ, у котораго страшно болятъ зубы и которому не до сна; какъ ни представляйте вы такому человѣку пользу сна для организма, онъ все-таки не заснетъ, пока потребность сна не пересилитъ боли зубовъ. Такъ точно и относительно любви: сколько вы ни представляйте канцелярскому служителю сладость любви и возвышенность ея, онъ будетъ ухмыляться, вздыхать, а самъ все таки женится ради новаго фрака, потому что для его простого, здраваго смысла гораздо понятнѣе фракъ безъ любви, чѣмъ любовь безъ фрака. И потому, если ты желаешь, чтобы твой герой женился по любви, то не лучше-ли тебѣ вмѣсто того, чтобы тратить попустому слова, доставить возможность ему достать новый фракъ внѣ женитьбы; повѣрь, что тогда онъ и безъ твоихъ словъ предпочтетъ женитьбу по любви, если въ немъ не заглохла потребность любви; а если она окончательно заглохла, т. е. человѣкъ очерствѣлъ, тогда, какъ ни распространяйся передъ нимъ о возвышенности любви, онъ останется глухъ къ твоимъ словамъ.

То же самое мы должны сказать и о повѣстяхъ г. Тургенева. Приписывать имъ такое значеніе, какъ пропагандѣ любви, значитъ отвергать у нихъ всякое значеніе: если полезно писать повѣсти о томъ, что слѣдуетъ любить, то послѣ того можно писать повѣсти и о томъ, что слѣдуетъ спать, класть пищу въ ротъ и т. п. Но писать такія повѣсти, мало сказать, безполезно, но въ то же время и не гуманно: гуманно-ли обольщать бѣдняка запахомъ ананасовъ, нарочно тыкать ему этими ананасами въ носъ, когда онъ не имѣетъ возможности пользоваться ими? Гуманно-ли прельщать нищаго прелестями театра и укорять его за сидѣнье въ кабакѣ, не принимая въ расчетъ, что ему по плечамъ, кабакъ или театръ? Но мало сказать, что такія повѣсти безполезны и не гуманны, онѣ положительно вредны: онѣ распаляютъ воображеніе разными упоительными образами, отвлекаютъ отъ дѣйствительной жизни, отъ насущныхъ потребностей и вопросовъ въ міръ фантазіи; наконецъ, возбуждаютъ преждевременно чувствительность и тѣмъ истощаютъ, ослабляютъ силу настоящаго чувства. Жертвами такого чтенія являются слабонервныя, слабохарактерныя существа, живущія исключительно воображеніемъ, болѣе способныя воображать любовь, чѣмъ любить, анализировать свои ощущенія, чѣмъ чувствовать.

Я не желаю этимъ сказать, чтобы изображеніе любви было совершенно излишне въ романѣ. Я уже неоднократно повторялъ, что любовь составляетъ одинъ изъ важныхъ элементовъ жизни, заслуживающихъ вниманія писателей. Въ силу этого любовь встрѣчается въ произведеніяхъ всѣхъ почти европейскихъ писателей; но вездѣ она занимаетъ второстепенное мѣсто, является въ романѣ или драмѣ въ видѣ эпизода, какъ является она въ видѣ эпизода и въ жизни каждаго человѣка, живущаго полною жизнью; на первомъ-же планѣ въ произведеніяхъ западныхъ писателей стоятъ обыкновенно тѣ или другія міро-

выя, общественныя идеи, характеристика разнообразныхъ общественныхъ положеній и столкновеній. Шекспиръ отвелъ Офеліи скромный уголокъ въ своей трагедіи; но подумайте, какъ съузилось значеніе трагедіи, если-бы она была написана съ исключительною цѣлью показать, какъ безхарактерный и вѣроломный Гамлетъ не умѣлъ составить счастья Офеліи. Что вышло-бы изъ Фауста Гете, если-бы любовь Гретхенъ занимала въ этой трагедіи первое мѣсто? Тогда не нужно было-бы ни философіи, ни чертей, а достаточно было-бы нѣмецкаго бурша въ видѣ соблазнителя. Какъ было-бы нужно обкорнать Диккенса, чтобы вставить его романы въ рамки произведеній г. Тургенева? Къ чему служили-бы мрачныя картины нищеты лондонскихъ подваловъ, чопорной, бездушной роскоши Сити и скаредности разныхъ пуританскихъ лицемѣровъ, если-бы дѣло шло объ одномъ только утонченномъ анализѣ любви? Нужно-ли прибавлять, что съ одной стороны, идеи, которыя лежатъ въ произведеніяхъ лучшихъ европейскихъ писателей, съ другой—глубокій и *всесторонній* анализъ жизни на основаніи этѣхъ идей—это именно и составляетъ воспитательное значеніе писателей, въ родѣ Шекспира, Шиллера, Гете, Диккенса, Жоржъ-Зандъ и пр. Но, какія идеи можно вынести изъ произведеній нашихъ писателей. Развѣ такія идеи, что космополитизмъ — нуль, что мы уже за то заслуживаемъ наказаніе, что живемъ, потому что ни одинъ человѣкъ, какъ-бы онъ ни былъ полезенъ, не можетъ сказать, что онъ имѣетъ право жить (см. «Наканунѣ»), что праздность вредна и можетъ довести человѣка до апоплексическаго удара, что полюбивши дѣвушку, надо предаться ей душою и тѣломъ, ожидая и отъ нея того-же? Но, въ такомъ случаѣ неужели-же писатели эти не имѣютъ ровно никакого значенія для своего времени? Неужели дѣятельность ихъ является совершенно безполезною? Какъ же объяснить въ такомъ случаѣ то огромное впечатлѣніе на массу публики, какое производили они? Почему такъ зачитывались ими, почему они имѣли такой громадный успѣхъ?

Мы отвергаемъ только воспитательное значеніе произведеній гг. Тургенева и Гончарова; мы говоримъ только, что они не имѣли развивательнаго вліянія на массу, что послѣ чтенія произведеній ихъ люди не чувствовали себя развитѣе, не замѣчали, чтобы въ нихъ являлись какія нибудь новыя идеи, новые взгляды на жизнь, новыя требованія отъ нея. Люди читали произведенія любимыхъ писателей и умилялись, оплакивая однихъ героевъ, радуясь счастью другихъ и оставались тѣми же людьми, каковы и прежде были. Но за тѣмъ остается за произведеніями гг. Тургенева и Гончарова значеніе художественнаго и вѣрнаго воспроизведенія нравовъ барской жизни своего времени. Писатели эти послужили живымъ отголоскомъ своего вѣка и потомки наши будутъ изучать 40-е и 50-е года, между прочимъ, по ихъ произведеніямъ. Мы не винимъ ихъ, что они не возвышались надъ уровнемъ своего вѣка; мы написали свою статью не противъ нихъ, а противъ тѣхъ господъ, которые, придавая имъ развивательное значеніе, ставятъ ихъ на такую высоту, которой любимцы ихъ не выдерживаютъ. Вся тайна ихъ успѣха въ

томъ именно и заключается, что они стояли на одномъ уровнѣ съ массою (*) и всякій находилъ въ нихъ отголосокъ своимъ собственнымъ желаніямъ и взглядамъ. Почтенные, солидные Адуевы и Штольцы находили себя польщенными, возвеличенными до идеаловъ; практическій матеріализмъ ихъ выставлялся на показъ, какъ послѣднее слово европейской мудрости и рачительный писатель не забылъ даже вычислить сумму ихъ доходовъ, какъ образецъ ихъ доблестной энергіи. Молодая барышня, жаждущая любви, находила въ нихъ такія упоительныя свиданія, объятія и поцѣлуи, что головка ея кружилась, а влюбленный юноша — раздѣляя съ писателемъ презрѣніе къ Рудину, спѣшилъ къ любимой дѣвушкѣ, чтобы отважно предложить ей руку и сердце и повести ее по дорогѣ благоденствія, подобно Штольцу, а ужъ никакъ не Обломову... Чего-же было надо больше?..

А. Алкандровъ.

(*) Новая повѣсть Тургенева: «Дымъ», только что напечатанная, и которую мы едва успѣли наскоро прочитать, представляетъ новое и полное подтверженіе взглядовъ, высказанныхъ Г. А. въ этой статьѣ. И въ ней главное дѣло въ любви, любви необычайной и дарящей героя повѣсти какими-то невыразимыми блаженствами и упоеніями. Интрига эта — составляетъ основный фондъ повѣсти; всякія беззубыя тенденціи, то обскурантно-обличительныя, то псевдо-либеральныя только пристегнуты и пришиты на живую нитку къ брюссельскимъ кружевамъ изящнаго изложенія и утонченностей слога самаго разсказа, написаннаго, можетъ быть, и съ многоразличными и хитрыми цѣлями, но на дѣлѣ представляющаго только чуть ли не одинъ апоѳеозъ ароматовъ и благоуханій, распространяющихся отъ «свѣжаго, молодаго, женскаго тѣла». *Ред.*

Редакторъ Невскаго Сборника: Н. КУРОЧКИНЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первый томъ «Невскаго Сборника», задуманнаго нами въ концѣ прошлаго года—на лицо. Лица, знакомыя съ неблистательнымъ состояніемъ современной литературы оцѣнятъ, сколько труда надо было употребить для того, чтобы составить его даже въ томъ, далеко неосуществляющемъ нашихъ стремленій видѣ, въ какомъ онъ является въ публику. Лица, понимающія издательское и типографское дѣло, конечно, увидятъ, что и въ этомъ отношеніи издателемъ были употреблены всѣ мѣры для того, чтобы «Невскій Сборникъ» могъ представить возможно бо̀льшее количество матерьяла для чтенія, по отношенію къ своему объему. Къ составленію втораго тома мы располагаемъ приступить немедленно, и даже не стали бы дѣлать никакихъ объясненій съ публикою, благо изданію нашему, сборнику, а не журналу не предстоитъ никакой надобности отчуровываться отъ *направленія*, какого-то bête noire современной журналистики, но мы должны объясниться по другому поводу.

Нѣкоторыя изъ объявленныхъ нами въ концѣ прошлаго года статей не вошли въ составъ перваго тома, но всѣ онѣ, за исключеніемъ «Горнорабочихъ» г. Рѣшетникова, войдутъ во второй. «Горнорабочіе» не напечатаны нами потому, что въ «Дѣлѣ» печатается другой романъ г. Рѣшетникова «Глумовы», совершенно одинаковаго содержанія съ «Горнорабочими».

Кромѣ того, въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» было уже напечатано въ другомъ извлеченіи изъ сочиненія Перро: «Кандія и кандіоты». Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ уже тогда, когда было поздно останавливать печатаніе нашей статьи, да и кромѣ того, мы полагали, что интересъ самой статьи нѣсколько выкупаетъ одновременное появленіе извлеченія изъ нея въ двухъ разныхъ изданіяхъ, хотя намъ все-таки очень жаль, что такъ случилось. «Островъ Критъ и кандіоты», единственная прозаическая переводная статья въ нашемъ сборникѣ и мы не хотѣли бы ея помѣщеніемъ конкурировать съ какимъ бы то не было изданіемъ. Во второмъ томѣ «Невскаго Сборника», вѣроятно, никакихъ такихъ случайностей уже болѣе не встрѣтится.

Н. Курочкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

МИЗАНТРОПЪ, комедія *Мольера*, перев. **В. Курочкина** . . 1
ТРЕМЪ СИЛАМЪ. Стих. **Н. Кроля** 78
НОВОЖЕНЫ и БРАКОБОРЦЫ (очеркъ исторіи раскольничьяго брака), изслѣд. **А. Вишнякова** 79
МУЗѢ. Стих. **Д. Минаева** 114
ФАРИСЕЙКА. Разсказъ въ стихахъ *Карло Порта*, пер. **Н. Курочкина** 115
ИДЕАЛЪ. Стих. **П. Шумахера** 118
ТЕМНЫЕ ЛЮДИ. Повѣсть **М. М. Стопановскаго** 119
БЕЗПОЛЕЗНЫЕ ВОПЛИ (изъ Мюссе). Стих. **Д. Минаева** . . 213
ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМѢ (статья первая). **Грыцко** . 217
ПОБѢДИТЕЛЬ (изъ Барбье). Стих. **В. Буренина** 246
АРАБЕСКИ:
1. *Изъ жизни Святоши-Повсемѣстнаго* 247
2. *Изъ міра добрыхъ намѣреній*. **Н. Бажина** 251
Отрывокъ изъ поэмы Гейне «ГЕРМАНІЯ». **П. Вейнберга** . . 262
РАБОТНИКЪ-БРОДЯГА. Изъ наблюденій путешественника надъ бытомъ рабочаго класса. **С. Навалихина** 265
КЪ БОЛВАНАМЪ. Стих. **А. Пальмина** 296
ФИЛИППЪ, трагедія *Альфьери*, пер. въ стихахъ **Н. Курочкина** 297
МИХАИЛЪ АВРАМОВЪ, одинъ изъ противниковъ Петровской реформы (историческое изслѣдованіе). **І. Шишкина** . . . 375
ЮНКЕРСКАЯ ГАЗЕТА, стих. изъ *Фаллерслебена* **П. Вейнберга** 430
ОЧЕРКИ ОБОЗНОЙ ЖИЗНИ. **Ѳ. Рѣшетникова** 432

*** Стихотвореніе **Д. Минаева** 473
ПАРАЛЛЕЛИ и КОНТРАСТЫ: Введеніе къ ненаписанной книгѣ. **Н. Михайловскаго** 475
КАРЛЕЙЛЬ. (Критическій этюдъ) **В. Чуйко** 498
НАРОДНЫЯ ИТАЛІЯНСКІЯ ПѢСНИ. I—VIII. **Н. Курочкина** 529
ВЕСНОЮ. Провинціальный очеркъ. **Г. Успенскаго** 533
ШУТЪ, стих. **А. Вол—на** 544
НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ. **П—ова** . 546
ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ГУСТАВА НАДО:
1) *Чужія дѣти* 576
2) *Няня* **Н. Курочкина** 577
ПЛАВАНІЕ ПО ТИГРУ И ШАТТЪ-ЭЛЬ-АРАБУ. (Изъ записокъ, веденныхъ во время странствованій въ Азіи Русской коммисіи, по Турецко-Персидскому разграниченію). **М. Гамазова** 579
ЧЕРНОЗЕМНЫЯ СИЛЫ. (Отрывокъ изъ неоконченнаго романа). **Н—ерта** 632
ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА. Поэма *Альфреда де-Виньи*. **Д. Минаева** 646
ОСТРОВЪ КРИТЪ И КАНДІОТЫ. *Жоржа Перро* 655
ЖНИЦА ИЗЪ САПРИ, стихотвореніе *Меркантини*, переводъ **Н. Курочкина** 712
О ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ Гг. ТУРГЕНЕВА и ГОНЧАРОВА (Критическій очеркъ). **Александрова** 715
ОТЪ РЕДАКЦІИ 741
Библіографическія объявленія.

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ,

1-го тома НЕВСКАГО СБОРНИКА.

Въ «Мизантропѣ»

Напечатано. Стр.		Строка.		Слѣдуетъ читать.
35	—	20	уже	ужь
36	—	14	она	скорѣй
44	—	28	жалобно	набожно
61	—	26	табой	тобою
63	—	18	тутъ	плутъ

Въ статьѣ «объ исторической драмѣ»

239	—	33	Генуэзскій защитникъ	Генуэзецъ Веррина

Въ предисловіи къ «Филиппу»

299	—	9	Между словами: *Фонъ-Дима* и *Если* пропущено: да небольшой, весьма удачной попытки въ стихахъ Г. Д. Минаева.	
314	—	2	умерать	умирить
—	—	19	ея	ее
327	—	36	предъ мной обвинены вы	предо мной теперь обвинены вы
354	—	13	со мною.	со мной
362	—	5	вспомить	вспомнитъ
365	—	26	возвратясь въ себя	къ себѣ
367	—	37	она себѣ	она себя

Въ стихотв. ***

474	—	8	втртеться	вертѣться
—	—	9	пстина	истина

Въ ст. Паралели и контрасты.

480	—	40	храмини наукъ	храмики наукъ,

На страницѣ 535-ой нѣсколько разъ вмѣсто слова *ножки*, напечатано ношки.

Въ стихотвореніи Шутъ.

480	—	4	позавите	позовите
544	—	9	имъ отвѣчалъ	имъ отвѣчаетъ

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

БЕККЕРА и К°.

(БЫВШ. СЕНЬКОВСКАГО и К°.)

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова Дворца, въ д. Глазунова, № 60.

ПРОДАЮТСЯ:

Аббатъ ***, авторъ Проклятаго и Монахини. Іезуитъ. Перев. съ франц. 2 тома. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Агассисъ, Л. Геологическіе очерки. Перев. В. Ковалевскаго. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Автократовъ, С. Учебникъ Психологіи. Спб. 1866. Ц. 80 к.

Авдѣева, Е. Руководство къ устройству фермъ и веденію на нихъ хозяйства. Спб. 1863. Ц. 1 р.

Андреевъ, В. Очеркъ всемірной выставки 1867 г. Спб. 1867. Ц. 40 к.

Ансіо и Мазіонъ. Практическое руководство къ выдѣлкѣ желѣза и стали посредствомъ пуддлингованія. Переводъ В. Ковригина, горнаго инженера. Спб. 1863. Ц. 3 руб.

Антоновъ, Л. Русская грамматика, младшій 3-лѣтній гимназическій курсъ, изд. 4. Спб. 1866. Ц. 70 к.

Араго, Ф. Избранныя статьи изъ записокъ о научн. предметахъ. Пер. и изд. подъ ред. М. С. Хотинскаго. Спб. 1866. Ц. 4 р. 50 к.

Ауэрсвальдъ и Росмеслеръ. Ботаническіе бесѣды. Переведены А. Н. Бекетовымъ, 2-е исправл. и пополн. изданіе. Спб. 1865. Ц. 3 р. 50 к.

Байронъ, Лордъ. Сочиненія въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. 3 Тома. Спб. 1864—66. Ц. 3 р. 75 к.

Балатайнъ. Міръ льдовъ. Приключ. и происшеств. изъ жизни въ популярн. странахъ. Перев. Подеревскій. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Бауэръ, В. Д-ръ. Исторія философіи въ общепонятномъ изложеніи для образованія публики и для учащихся. Перев. съ нѣмец. подъ ред. М. Антоновича. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Безобразовъ, В. Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бернеръ, А. О смертной казни. Спб. 1865. Ц. 40 к.

Бернеръ, А. Ф. Учебникъ уголовнаго права, части общая и особенная. Съ прим. приложен. и дополнен. по исторіи русск. права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Вып. 1—7. Спб. 1865—67. Ц. 5 р. 60 к.

Бильротъ. Теодоръ, д-ръ. Общая хирург. патологія въ 50 лекціяхъ. Руков. для учащихся и врачей. Перев. со 2-го нѣмец. изд. подъ ред. Н. Гейнаца. Спб. 1866. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Бирнбаумъ. Почвовѣдѣніе и климатологія. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1864. Ц. 1 р.

Биша. Физіологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Перевелъ съ французскаго П. А. Бибиковъ. Съ примѣчаніями переводчика и статьей о жизни, трудахъ и значеніи Биша. Спб. 1865. Ц. 1 р. 75 к.

Бланкъ. Популярный курсъ математической и физической географіи, перев. А. Е. Разина. Спб. 1864. Ц. 3 р.

Бокль, Г. Т. Этюды. Съ портрет. Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Пер. Бестужева-Рюмина. 2 т. Спб. 1866. Ц. 4 р. 50 к.

Бокъ. Д-ръ. Будьте здоровы! Популярно-медицинскія бесѣды. Изд. 4-е, исправл. и дополн. подъ ред. П. Конради. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Бокъ, К. Здоровье за рубль. Сохраненіе человѣческ. здоровья домашними средствами. Перев. П. Ольхина. Спб. 1865. Ц. 4 р.

Боттеръ, Х. Осязательная ариѳметика. Руководство для обученія дѣтей съ 4-хъ лѣтняго возраста, незнакомыхъ съ чтеніемъ и письмомъ. Спб. Ц. 75 к.

Бреа, А. Дочь Императора. Историч. романъ изъ временъ крестьянской войны. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Брэмъ и Цимерманъ. Очерки изъ жизни животныхъ. М. 1866. Ц. 2 р.

Брэмъ, К. Э. Иллюстрированная жизнь животныхъ. Спб. 1865 и 66. 2 т. Ц. 8 р.

Бунге, Н. Курсъ статистики, составлен-

ный въ 1865—66 учебномъ году, для студентовъ Имп. унив. св. Владиміра. Кіевъ. 1866. Ц. 1 р.

Бурбоновъ. Здравія желаю! стихотворенія. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Бутлеровъ. Введеніе къ полному изученію органической химіи. Казань. 1866. Ц. 3 р.

Бухаревъ. А. Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ. М. 1866. Ц. 75 к.

Бухаревъ, А. О подлинности Апостольскихъ посланій. М. 1866. Ц. 50 к.

Бухаревъ, А. Печаль и радость по слову Божію. М. 1865. Ц. 1 р.

Бухгеймъ, Р. Руководство къ фармакологіи. Перев. В. Бакстъ. Спб. 1865. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлохъ, П. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 4-е. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Бэтсъ, Г. Б. Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Разсказъ о путевыхъ приключеніяхъ автора и нравахъ животныхъ, очерки жизни бразильцевъ и индѣйцевъ, и картины природы подъ Экваторомъ, изъ одиннадцатилѣтняго путешествія. Спб. 1865. съ 6 рис. 1 карт. и полит. Ц. 3 р.

Бюхнеръ, Л. авторъ: «Kraft und Stoff». Физіологическія картины. Пер. съ нѣм. С. А. Усовъ. Изд. 2-е. М. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Вамбери, А. Путешествіе по средней Азіи. Описаніе поѣздки изъ Тегерана чрезъ Туркменскую степь по восточн. берегу Каспійск. моря въ Хиву, Бухару и Самаркандъ, совершенной въ 1863 г. Съ картою Средней Азіи. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Васильевъ, В. Книга для купцовъ, купеческихъ прикащиковъ, конторщиковъ, коммисіонеровъ и вообще для лицъ занимающихся и желающ. заниматься коммерческими дѣлами. М. Ц. 3 р.

Веневитиновъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій, изданное подъ редакціею А. П. Пятковскаго. Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к.

Венюковъ, М. Физическая географія. 2 части. Спб. 1865. Ц. 1 р. 40 к.

Вержбиловичъ, В. В. Краткій учебникъ всеобщей географіи. 3 ч. Изд. 2-е. Спб. 1865. Ц. 2 р. 95 к.

Вернъ, Жюль. Англичане на сѣверн. полюсѣ. Приключенія капитана Гаттераса. 2 т. Спб. 1866. Ц. 2 р. 60 к.

Вернъ, Ж. Путешествіе въ центръ земли. Съ рисунк. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Вестъ. Объ уходѣ за больными дѣтьми. Наставленіе для матерей, нянекъ и воспитательницъ вообще. Съ англ. перев. М. Ловцова. Спб. Ц. 60 к.

Вигель, Ф. Ф. Воспоминанія. Въ 3-хъ томахъ. М. 1864. Ц. 3 р. 50 к.

Виммеръ, Ф. Растительное царство или описаніе растеній, расположенныхъ по естеств. системѣ. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціею А. Бекетова. Спб. 1864. Ц. 3 р.

Вирховъ, Р. Клодъ-Бернаръ, Молешотъ, Пидеритъ, Вагнеръ. Общій выводъ положительнаго метода. Пер. подъ ред. Н. Неклюдова. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ, Р. О древнихъ могилахъ и постройкахъ на сваяхъ. Двѣ лекціи. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Вирховъ, Р. Четыре лекціи о жизни и болѣзненномъ состояніи. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Вишняковъ, А. Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ. Спб. 1865. Ц. 60 к.

Віолетъ, Г. Упрощенныя химическія манипуляціи или дешевая домашняя лабораторія. Съ 30 табл. и 254 политип. въ текстѣ. М. 1864. Ц. 2 р.

Водовозовъ, В. Разсказы изъ русской исторіи. Изд. 3-е. 2 вып. Спб. Ц. 1 р.

Волковъ, Е. Разсказы для дѣтей. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Вороновъ, В. и Левитовъ, А. Московскія норы и трущобы. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

Вудъ, Д. Г. Гнѣзда, норы и логовища, постройки, возводимыя безъ помощи рукъ, съ описаніемъ образа жизни, нравовъ, привычекъ и находчивости животныхъ. Съ 130 рисунками. Перев. Н. Страховъ. Спб. 1866. Ц. 6 р.

Вундтъ, В. Душа человѣка и животныхъ. Перев. Е. К. Кемница. Томъ I. Спб. 1865. Ц. 3 р.

Высота, А. Разсказы изъ записокъ стариннаго письмоводителя. Спб. 1865. Ц. 75 к.

Высота, А. П. Новые разсказы, автора разсказовъ изъ записокъ стариннаго письмоводителя. Спб. 1866. Ц 1 р.

Вышеславцевъ, А. Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія. Спб. 1865. Ц. 5 р.

Гаммъ, д-ръ. Винный погребокъ, или открытіе такъ называем. секретныхъ рецептовъ, какъ приготовлять въ больш. и маломъ видѣ всяк. рода спирты, водки,.... летуч. масла, искуств. вина,.... и всѣ вообще составн. напитки, перев. съ 4-го нѣмец. изд. М. 1865. Ц. 2 р.

Гано, А. Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій, перев. съ 12 франц. изд. Ф. Павленковъ. Спб. 1866. Ц. 4 р.

Гартвигъ, Георгъ. Богъ въ природѣ или единство мірозданія. Перев. съ нѣм. В. В. Григорьевъ. М. 1866. Ц. 2 р.

Гартвигъ. Чудеса подземнаго міра. Пер. съ нѣм. А. Корсакъ. Изд. 2-е. М. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Гаусъ, Бессель и Ганзенъ. Геодезическія изслѣдованія. Спб. 1866. Ц. 1 р. 75 к.

Гейзе. Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русск. языка. Спб. 1862. Ц. 3 р.

Гейнце, Р. Очеркъ англійскаго судоустройства въ связи съ судомъ присяжныхъ. Съ приложеніемъ статьи о различіи между

функціями судей и присяжныхъ. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Гексли, Т. Г. Начальныя основанія сравнительной Анатоміи. «О классификаціи животныхъ и о черепѣ позвоночныхъ». Пер. съ англ. Спб. 1865. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Гексли, Т. Г. Наши свѣдѣнія о причинахъ явленій въ органической природѣ. Шесть популярныхъ лекцій, прочитанныхъ въ музеѣ для практической геологіи, съ предисловіемъ Карла Фохта, приложеннымъ къ нѣмецкому переводу. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Гельмгольцъ, Г. Популярныя научныя статьи. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Гельфтъ, Г. Руководство для пользующихся за границею минеральными водами, сывороткою, виноградомъ, морскими ваннами и климатомъ, перев. съ нѣмецк. Ф. Журковскаго. Спб. Ц. 75 к.

Гемиліанъ, А. Учебникъ французск. языка. Христоматія, замѣчанія къ каждой статьѣ, словарь корней и производныхъ. М. 1865. Ц. 2 р.

Герберштейнъ. Записки о Московіи. Rerum-Moscoviticarum commentarii. Пер. И. Анонимовъ. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Гервинусъ, Г. Исторія девятнадцатаго вѣка, отъ времени Вѣнскаго конгресса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича. Изд. О. Бакста. 3 т. съ введен. Спб. 1863. Ц. 7 р. 50 к.

Герштеккеръ, Ф. Очерки лѣсной прирѣчной жизни въ западной Америкѣ. Пер. П. Ольхина. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Герцель. Міръ практической жизни или энциклопедія практич. свѣдѣній и современ. открытій по всѣмъ отраслямъ знаній. М. 1866. Ц. 3 р.

Гете, В. Сочиненія въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга. 3 тома. Спб. 1866. Ц. 3 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVII-го вѣка. 2 т. Спб. 1866. Ц. 4 р.

Гехтъ. Очеркъ исторіи еврейскаго народа отъ заключенія библіи до нашихъ временъ. Перев. съ нѣмец. съ нѣкоторыми измѣненіями. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Гизо. Историческій очеркъ жизни Вашингтона. Переводъ съ французскаго. Редакція Я. Ивановскаго. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Гильеменъ, А. Міры. Популярная астрономія. Перев. подъ ред. и съ примѣчан. А. М. Пальховскаго. М. 1866. Ц. 1 р.

Главинскій, И. Начала линейн. черченія. Учебн. пособіе для приходск. и сельск. училищъ. (140 чертеж. въ текстѣ и 141 лит. рис. въ приложеніи). Изд. 2-е. Спб. 1865. Ц. 60 к.

Глазеръ и Шенгутъ. 1200 опытовъ по винокуренію. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Гокъ, К. Государственное хозяйство. Налоги и Государственные долги. Перев. профес. Н. Бунге. Кіевъ 1865. Ц. 2 р.

Гонегеръ, У. У. Очеркъ литературы и культуры XIX стол. Перев. В. А. Зайцева. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Гоппе, Карлъ, д-ръ. Постукиваніе и выслушиваніе въ діагностическ. отношеніи. Руководство для студентовъ и практич. врачей. Перев. съ нѣмецк. В. Богословскаго. просмотрѣн. проф. І. В. Варвинскимъ. М. 1866. Ц. 30 к.

Горизонтовъ, А. Естественная исторія для женск. учебн. заведеній и для домашняго обученія. Изд. 5-е. Спб. Ц. 2 р.

Гофманъ, А. В. Введеніе къ изученію современной химіи, экспериментальной и теоретической. Курсъ читанный въ королевскомъ химическомъ институтѣ въ Лондонѣ. Перев. подъ ред. Ѳ. Савченкова. Съ 65 рисунками въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Гражданскіе мотивы. Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданныхъ подъ редакціею А. П. Пятковскаго. Спб. 1863. Ц. 50 к.

Григорьевъ, В. В. Руководство къ ботаникѣ. Изд. 4-е М. 1866. Ц. 3 р.

Григорьевъ, В. В. Элементарный курсъ естеств. исторіи. Краткая ботаника. М. 1865. Ц. 2 р.

Гризингеръ, В. Душевныя болѣзни. Переводъ съ 2-го нѣмецк. изд. подъ ред. професс. и академика Овсянникова. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Гринвудъ, Дж. Разсказы о семилѣсныхъ четвероногихъ. Перев. съ англ. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Гриневскій, А. О приготовленіи навозовъ, компостовъ и жидкихъ удобреній. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Гриневскій, А. Сельско-хозяйственный календарь на 1867. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Гумбольдтъ. Космосъ. Опытъ физическаго мірооописанія. Перев. съ нѣмецк. Н. Фроловъ. Съ примѣчан. и рисунк. Изд. 2-е. 4 т. М. 1862—1864. Ц. 7 р.

Гумилевскій, С. Краткое изложеніе литургіи, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ главнымъ свящ. Кавказской арміи. Изд. 8-е. Спб. Ц. 50 к.

Гуэ-Глунекъ. О судѣ присяжныхъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. О. А. Филипова. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Гэте, Аббатъ. Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, сочин. Эрнеста Ренана Перев. съ франц. В. Тимковскаго. 4 ч. Спб. 1865. Ц. 2 р. 40 к.

Гюкъ и Габе. Путешествіе чрезъ Монголію въ Тибетъ къ столицѣ Тале-Ламы. Перев. съ франц. М. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Гюкъ, Е. Р. Воспоминанія и путешествія по Татаріи. Перев. съ франц. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Гюнтнеръ, А. и Лаукартъ, Ц. Ф. Пер. И. Бѣлова. Путешествія и удивительн. приключенія Робинзона Крузоэ, вновь обработанныя, съ прибавленіемъ жизнеописанія Даніеля-де-Фоэ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 3 р.

*

Дарвинъ, Ч. О происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, путемъ естественнаго подбора родичей или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Перев. съ англ. професс. Моск. унив. С. А. Рачинскій. Спб. 1864. Ц. 2 р. 50 к.

Дебольскій, Г. Дни Богослуженія Православн. Каѳол. восточ. церкви. Изд. 6-е Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Демисъ, Л. Земскія учрежденія. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Демисъ, Л. Сборникъ новыхъ судебныхъ законовъ и распоряженій по отправленію правосудія со включеніемъ личнаго состава новыхъ судебныхъ учрежденій на 1866. Ц. 85 к.

Державинъ. Сочиненія. съ объяснительными замѣчаніями, Я. Грота. Изданіе Имп. Акад. Наукъ. 3 тома. Спб. 1866. Ц. 9 р.

Диппель Начальныя основанія ботаники Изд. подъ ред. П. Степанова. Изд. 2-е дополнен. Съ 171 политипаж. (въ текстѣ). Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Для чтенія. Сборникъ повѣстей, разсказовъ, стихотвореній и популярныхъ статей для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Составлено и издано Е. Лихачевой и А. Суворпной. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Доброе чтеніе православнымъ. Изд. 2-е, украшенное 14 картин. Спб. 1865. Ц. 30 к.

Добронравинъ К. Очеркъ исторіи Христіанской церкви. Составленный приспособительно къ гимназическ. прогр. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Записки изъ мертваго дома. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е, просмотр. и дополнен. новой главой. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Преступленіе и наказаніе. Романъ въ 6 частяхъ. Издан. исправл. Спб. 1867. Ц. 3 р.

Достоевскій, Ѳ. М. Сочиненія. 3 тома Ц. 9 р.

Драгомировъ, М. Курсъ тактики для г. офицеровъ учебн. пѣхотн. баталіон. Издан. 2-е. Спб. 1867. Ц. 2 р. 50 к.

Дружининъ, А. В. Собраніе сочиненій. Томы 1—7. (Редакція изд. Н. В. Гербеля). Спб. 1865. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.

Дрэперъ. Джонъ Вильямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. подъ ред. А. Н. Пыпина. Спб. 1866. Ц. за 2 тома 4 р.

Дрэперъ, Дж. В. Гражданск. развитіе Америки. (Мысли о будущей гражданской политикѣ Америки). Перев. съ англ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 30 к.

Дубровинъ Закавказье, отъ 1803—1806 года. Спб. 1866 Ц 3 р.

Дюма, Александръ. Виконтъ де-Бражелонъ. Окончаніе «Трехъ мушкатеровъ» и «Двадцать лѣтъ спустя». М. 1866. Ц. 3 р.

Дюма, А. Графиня де-Монсоро. Романъ, перев. съ франц. Н. Р. Щеглова. 4 ч. Спб. 1860. Ц. 2 р. 50 к.

Жаменъ и Вюльнеръ. Полный курсъ физики. Составленъ Н. Филипповымъ. 3 т. Спб. Ц. 10 р.

Жераръ и Шансель. Аналитич. химія, изд. подъ ред. Д Менделѣева. Количествен. анализъ. Вып. I, опредѣленіе металловъ и металлоидовъ путемъ взвѣшиванія по аналитической химіи. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Жеребцовъ, Н. Хозяйственныя замѣтки объ Англіи и Шотландіи. 2 ч. М. 1862. Ц. 1 р. 50 к.

Жозанъ. Дм. Д-ръ. Преждевременное истощеніе человѣка, зависящее отъ болѣзней полов. орган. и мочев. путей у мужчины и женщины. Въ 5 частяхъ. М. 1866. Ц. 3 р.

Жувансель, Поль. Потопы. Геологія. Съ 106 политипажами. Перев. съ французскаго. М. 1866. Ц. 2 р.

Жуковскій, Ю. Матеріалы для общественной науки. Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Жуковскій, Ю. Матеріалы для общественной науки. Прудонъ и Луи Бланъ. Спб. 1866. 1 р. 25 к.

Завалишинъ. Описаніе Западн. Сибири. Томская губернія. 2 т. М. 1865. Ц. 1 р. 30 к.

Залѣскій, Ф. С. Ученіе о горячкѣ. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Іосифа Гарибальди съ его портретомъ. 3 ч. Спб. 1860. Ц. 1 р. 50 к.

Звѣрева, А. Нѣмецкая грамматика съ русск. перевод. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Зибель, Генрихъ. Исторія французск. революціи и ея временъ (1789—1795). Перев. съ нѣмец. подъ редакц. В. Ососова. Часть I, II и III. Спб. 1863—65. Ц. 4 р. 50 к.

Зиновьевъ, Ф. Сцены и разсказы. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Зонтагъ, А. Священная исторія. Изд. 8-е. 2 ч. М. 1864. Ц. 2 р.

Зуэрзенъ, Б. Руководство къ сохраненію зубовъ и уходъ за полостью рта. Перев. д-ра Гиршгорна. Спб. 1865. Ц. 75 к.

Иванинъ, М. Русская стенографія или полное руководство къ изучен. скорописи. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Иваницкій. Собраніе ариѳметическихъ задачъ, расположен. по ариѳметикѣ, академика Буняковскаго. Изд. 7-е. Спб. 1865. Ц. 40 к.

Игнатій, Еписк. Поученія. Спб. 1863. Ц. 1 р. 80 к.

Игнатій Еписк. Слово о смерти. Спб. 1863. Ц. 1 20 к.

Игнатій Еписк. Слово о различн. состояніяхъ естества человѣческаго по отношенію къ добру и злу. Спб. 1863. Ц. 80 к.

Иловайскій, Д. Руковод. къ всеобщей исторіи. 2 ч. М. 1866. Ц. 1 р. 10 к.

Иловайскій, Д. Сокращен. руководство къ русск. исторіи, для младш. возраста, изд. 7-е М. 1867. Ц. 35 к.

Иловайскій, Д. Краткіе очерки русск. исторіи. Изд. 7-е. М. 1866. Ц. 90 к.

Ильинскій, А. Офталмологія. Полное практич. руковод. для врачей, содержащее ученіе о здоровомъ и больномъ глазѣ. Составл. сообразно современн. состоян. науки. Въ 2 томахъ. Съ 72 политип. въ текстѣ и 18 хромолитогр. изображеніями глаза. Варшава. 1866. Ц. за оба тома 10 р.

Кабанисъ. Отношенія между физическ. и нравственн. природою человѣка. Перев. съ французск. П. А. Бибиковъ; со статьею переводчика: Значеніе Кабаниса въ наукѣ о человѣкѣ. Спб. 1866. 2 тома. Ц. 3 р.

Календарь Искры за 1866 и 1867 г. Съ каррикатур. Ц. по 50 к.

Калмыковъ, П. Д. Учебникъ уголов. права составленный А. Любавскимъ. Спб. 1866. Ц. 3 р. 50 к.

Каметанъ, О. Новый свѣтъ. Нравы, обычаи и сцены изъ жизни американцевъ. М. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Канлеръ. Записки сыщика, или политическія тайны Франціи. Изложенныя въ формѣ разсказовъ бывш. начал. парижск. тайн. полиціи. Спб. 1865. Ц. 75 к.

Карачоло, Э. Тайны женск. монастырей въ Неаполѣ. Перев. съ италіянск. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Карелинъ, В. Донъ-кихотизмъ и демонизмъ. (Приложеніе къ Донъ-Кихоту). Критическій этюдъ по поводу Донъ-Кихота. Съ приложен. кратк. жизнеописан. Сервантеса. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Каремъ, Антонъ. Искуство французск. кухни XIX столѣтія. Гастрономическое и практическ. руководство. Перев. и издается Т. Т. Учителевымъ. Т. I и II. Спб. 1866. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ

Карлейль. Исторія французск. революц. Перев. подъ ред. Н. Ляпидевскаго. Т. I. Бастилія. М. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Карреръ-Бель. Наставница, или пансіонъ въ Брюсселѣ. Романъ, перев. съ англ. П. Новосильскаго. Въ 2 част. Спб. Ц. 1 р.

Качковскій, С. Мурделіо. Повѣсть, переводъ съ польскаго. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Керберъ, Ф. Космосъ. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. 3 ч. съ раскрашен. таблицами. Спб. 1860. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к.

Кетле. Соціальная система и законы ею управляющіе, перев. Л. Н. Шаховскій. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Класовскій, В. Русская грамматика. Курсъ I и II. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Кленке, Г. Д-ръ медиц. Практическое примѣненіе естественныхъ наукъ къ требованіямъ личнаго существованія. Перев. съ нѣмец. М. 1866. 5 вып. Ц. 1 р. 50 к.

Клетке. Кругомъ свѣта, чтеніе для юношества, изъ новыхъ путевыхъ картинъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 4 раскрашенными рисунками. Спб. 1860. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Клодъ-Бернаръ. Лекціи физіологіи и патологіи нервной системы. Перев. подъ ред. профес. Спб. универс. В. Овсянникова. Томъ 1-й, Вып. 1 Спб. 1866. Ц. съ подпискою на 2-й вып. 1 р. 75 к.

Клодъ-Бернаръ. Введеніе въ науку опытной медицины. Перев. Н. Страховъ. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Книжный Вѣстникъ 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 гг. Ц. по 2 р. 50 к. за годъ.

Ковалевскій, В. Краткій учебникъ зоологіи. Спб. 1866. Съ 315 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Ковальскій, Д. Очерки изъ физіологіи видовой жизни человѣка и животныхъ. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Ковалевскій, О. Примѣненіе электричества къ терапіи, акушерству и хирургіи; къ глазнымъ и ушнымъ болѣзнямъ, со включеніемъ галванокаустики, обработанной по неизданнымъ рукописямъ профессора А. О. Миддельдорфа и зубной галванокаустической методы доктора медицины и хирургіи Брука. Съ 74 политипажами. Лейпцигъ. 1866. Ц. 4 р. 50 к. Тоже т. I. Ц. 3 р.

Ковенъ, Ж. Осада Монтобана, историческій романъ изъ царствованія Лудовика XIII. Съ портретами Ришелье, Маріи Медичи, Людовика XIII, Гастона Орлеанскаго, Герцога де-Люина, Валентины де-Нанкрей. Спб. 1866. Ц. 3 р.

Комбъ, А. Уходъ за дѣтьми, физіологическій и нравственный. Составилъ преимущественно для родителей. Переводъ съ англійскаго 2-го изданія. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Комическій годъ. Альбомъ карикатурн. рисунковъ. Ц. 50 к.

Коммисіонеръ. Комедія изъ нѣмецко-русскаго купеческаго быта. Въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Посвящена П. Садовскому. М. 1865. Ц. 75 к.

Корневъ, В. Во снѣ и на яву. Спб. 1864. Ц. 50 к.

Корнеліусъ, К. Переселяющія животныя. М. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Корнель. Предварительныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, изложенныя по американской методѣ. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Корнель. Начальный курсъ географіи, по американской методѣ. Изд. 5-е. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Костомаровъ, Н. Историческія монографіи и изслѣдованія 2 т. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к.

Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вечеваго уклада. 2 т. Спб. 1862. Ц. 3 р. 50 к.

Краткіе Библейскіе разсказы изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, для дѣтей, съ картинами. Спб. 1860. Ц. 1 р. 25 к.

Краткій курсъ политической экономіи. Пособіе для слушающихъ лекціи по этому предмету. 2 выпуска. Спб. 1866. Ц. 1 р. 35 к.

Крестовскій, В. Петербургскія трущобы. 4 т. Спб. 1867. Ц. 6 р.

Крестовскій, В. Романы и повѣсти. Т. 7-й и 8-й. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Тожъ. Томъ 1—6. Ц. 6 р.

Кривошапкинъ, М. Енисейскій округъ и его жизнь. Съ 2 табл. и картою. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Басни въ IX книгахъ. Съ біографіею, написанною И. А. Плетневымъ. Рисунки академика К. А. Трутовскаго. 8-е полное изданіе. Спб. 1864. Ц. 5 р.

Кто виноватъ? Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Кудрявцевъ, Н. Н. Повѣсти и разсказы. М. 1866. Ц. 3 р.

Кукольникъ, Н. Двѣ сестры. Эпизодъ изъ послѣдней польской смуты. Спб. 1865. 3 части. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. 4 т. Спб. 1865. Ц. 10 р.

Куперъ, Ф. Американскія степи. Пер. Д. Коковцова. Спб. 1866. Съ 3-мя рисун. Ц. 1 р. 50 к.

Куперъ. Ф. Поселенцы. Перев. Д. Коковцова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Куперъ, Ф. Послѣдній изъ Могиканъ. Повѣсть. Перев. Д. Коковцова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Купечество (наше) и торговля съ серьезной и карикатурной стороны. Сборникъ, издающійся подъ редакц. русск. купца. М. 1866. 2 ч. Ц. 2 р. 25 к.

Куровскій, И. Объ устройствѣ безбарщиннаго хозяйства, преимущ. относительно введенія многопольн. системы. Спб. 1864. Ц. 85 к.

Курочкинъ, В. Собраніе стихотвор. переводы. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Кунце, К. Ф. д-ръ. Руководство къ практической медицинѣ. Перев. съ 2-го нѣм. изд. Э. Клинъ и К. Никитинъ. М. 1866. Ц. 3 р.

Кэмпфенъ, А. Исторія чайной чашки. Пер. съ франц. съ рисунками. Спб. 1866. Ц. 1 р. 30 к.

Кэнъ, К. Путешествія и открытія второй Гринельской экспедиціи въ сѣверн. популярн. страны, для отысканія сэра Джона Франклина, совершенныя въ 1853, 1854 и 1855 г. Перев. съ нѣмец. А. Тихменева. 2-е исправл. изд. Спб. 1866. Ц. 3 р.

Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ. Переводъ съ англійскаго кн. Л. Шаховскаго. Вып. 1. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Кюне, В. Учебникъ физіологической химіи. Переводъ съ нѣмец. подъ ред. Н. Сѣченова. Выпускъ 1—3. Ученіе о пищевареніи. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Кюнеръ, С. Элементарная грамматика греческаго языка, изд. 3. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Лампертъ. Естественно-историческая христоматія. Сборникъ лучшихъ отрывковъ по естествознаніи и сочин. извѣстн. современ. авторовъ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Ланге, М. Авраамъ Линкольнъ. Великая борьба между Сѣверными и Южными Американскими штатами. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Ласковскій и Болдыревъ. Курсъ фортификаціи. Часть I. Долговременная фортификація. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1864. Ц. 3 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. Апраксинцы. Сцены и очерки. (Допожарная эпоха). Изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1864. Ц. 1 р.

Леффлеръ, К. Популярное изложеніе началъ химіи и физики, въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Спб. 1863. Ц. 50 к.

Лоевскій, Ф. Д-ръ. Полный настоящій простонародный русскій лѣчебникъ, содержащій въ себѣ: ясное и полное опис. всѣхъ болѣзней, средства предупреждать ихъ, ихъ причины, признаки и лѣченія съ помощію сам. вѣрн. и прост. лѣкарствъ, безъ пособія врача и аптекар. медикаментовъ, съ присовокупленіемъ лѣченія скотск. болѣзней. М. 1866. Ц. 2 р.

Льюисъ, Г. На берегу моря. Зоологическіе этюды. Перев. А. Мина. Съ 7-ю таб. М. 1862. Ц. 2 р.

Льюисъ. Физіологія обыденной жизни. М. 1866. Ц. 3 р.

Льюисъ, Д. Г. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящ. временъ. Древняя исторія философіи подъ ред. В. Спасовича. Спб. 1865. Ц. 3 р. 50 к.

Любавскій, А. Русскіе уголовные процессы. Спб. 1866. Ц. 3 р. 50 к.

Любавскій, А. Сборникъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Люди (Русскіе). Жизнеописанія соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и обществ. пользы. Съ портретами гравир. на стали по рис. А. Шарлемань. Спб. 1866. Ц. за 2 тома 5 р.

Ляйель. Ч. Древность человѣка. Перев. со 2-го англ. изданія А. Ковалевскаго. Спб. 1864. Съ 34-ми рисунками въ текстѣ и 1-й таблицей. Ц. 2 р. 50 к.

Ляйель, Основные начала геологіи, или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Перев. съ англ. А. Минъ. М. 1866. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 5 р.

Лякуба, П. О покушеніи на преступленіе по началамъ теоріи и современнымъ законодательствамъ. Спб. 1866. Ц. 40 к.

Майнъ-Ридъ. Сочиненія. Охотничьи разсказы изъ жизни африканск. и американск. обитателей. 6 т. Спб. 1866. Ц. 12 р.

Маклеодъ, Г. Д. Основанія политической экономіи. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

Маколей. Полное собраніе сочин. 16 т. Спб. 1866. Ц. 25 р.

Максимовъ, Н. П. Полный сводъ судебн. уставовъ Высочайше утвержденныхъ 20 ноября 1864. Со включеніемъ текста всѣхъ ста-

тей Св. Зак., на которыя указаны ссылки М. 1866. Ц. 3 р.

Максъ-Мюллеръ. Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ Королевскомъ Британскомъ Институтѣ; перев. съ 4-го Англійскаго изд. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Макшеевъ, А. Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Спб. 1867. Ц. 2 р.

Малининъ, А. Ѳ. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій. Изд. 2-е. М. 1865. Ц. 60 к.

Маршъ, Г. Человѣкъ и природа или о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географич. природы, перев. Н. А. Невѣдомскій Спб. 1866. Ц. 3 р.

Массе. Слуги желудка. Описаніе органовъ движенія. Перев. съ франц. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Медвѣдевъ. Минералогія, съ 65-ю политипажами. Спб. 1863. Ц. 3 р.

Между дѣломъ. Сборникъ для юношества. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Межовъ. Повременныя изданія въ Россіи 1860—1861 съ добавленіемъ 1862—64. Матеріалы для русской журналистики. Спб. 1861. Ц. 1 р. Отдѣльно добавленіе. Ц. 25 к.

Мейеръ, Л. Новѣйшія теоріи химіи и ихъ значеніе для химич. статистики. Перев. съ нѣм. П. Аѳанасьина. Спб. 1866. Ц. 70 к.

Миль, Джонъ Стюартъ. Система логики. 2 т. Спб. 1867. Ц. 7 р. 50 к.

Мининъ, Н. Учебная теорія словесности. Изд. 5-е дополн. Спб. 1866. Ц. 40 к

Минье. Исторія Французской революціи, Пер. съ 9-го изд. подъ редакц. и съ предислов. К. К. Арсеньева. 2 т. Спб. 1866. Ц. 3 р.

Миттермайеръ, У. Ю. Смертная казнь. Перев. А. Саранчова. Спб. 1864. Ц. 90 к.

Миттермайеръ, У. Судъ присяжныхъ въ Европѣ и Америкѣ. Юридико-политическое изданіе подъ ред. Н. Ламанскаго. Спб. 1866 Ц. 2 р. 50 к.

Михайловъ, А. Гнилыя Болота. Романъ. Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Михельсонъ. Ариѳметика для дѣвицъ изд. 3. Спб 1866. Ц. 50 к.

Михельсонъ. 30,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ, съ объясненіемъ ихъ корней. Составлено по словарямъ Гейзе, Рейфа и другихъ. Собственное изданіе автора. М. 1866. Ц. 2 р.

Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Гражина. Поэмы. Переводъ В. Бенедиктова. Съ рисунк. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к.

Модзалевскій, А. Быть студентовъ въ Германіи. Изъ заграничныхъ писемъ. Съ 10 рисунками Н. И. Лебедева. Спб. 1865. Ц 1 р. 50 к.

Модзалевскій, А. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнихъ до нашихъ временъ. Состав. по Шмидту, Раумеру и др. 2 тома. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Молешотъ, Я. Круговоротъ жизни. Физіологич. отвѣты на письма о химіи. Харьковъ 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Молешотъ, Я. Физіологическая лекція. Перев. Д. Саранчова. Спб. 1865. Ц. 40 к.

Молешотъ, Я. Ученіе о пищѣ. Популярное сочиненіе. Перев. съ нѣм. 3-го изд. А. Смирнова. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Мори, А. Сонъ и сновидѣнія. Психолог. изслѣд. и наблюд. Перев. Пальховскаго. М. 1867. Ц. 2 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи и основаніе республики соединен. провинціи, т. 2. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Муратовъ, Л. Огородъ, садъ и цвѣтникъ или практическое руководство огородничества, садоводства и цвѣтоводства. Съ 125 рисунками. М. 1866. Ц. 3 р.

Мѣшковъ, А. Курсъ высшей алгебры. Спб. 1866. Ц. 2 р. 75 к.

Наке, А. Курсъ химіи, основанн. на современ. теоріяхъ. Пер. Ф. Лесгафтъ. Спб. 1867. Ц. 2 р.

Наставленіе, практическое въ добыванію смолистыхъ веществъ: смолы, пека, вара, скипидара (терпентина,) дегтя, сажи, древесныхъ кислотъ, креозота, поташа, шадрика, камфина и пр. изъ различныхъ древесныхъ породъ, находящ. въ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1864. Ц. 75 к.

Невельскій, Д. Казанскія захолустья и трущобы. Казань 1867. Ц. 50 к.

Невскій проспектъ. Юмористическій альбомъ съ рисунками. Спб. 1865. Ц. 30 к.

Негели, Е. Происхожденіе естество-историческаго вида и понятіе о немъ. Перев. съ нѣм. Лек. Стофъ. М. 1866. Ц. 50 к.

Нейманъ. Исторія американскихъ соед. штатовъ. Т. I. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Николаевъ, К. Н. Очерки исторіи поповщины съ 1846. М. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Николай, арх. Историческія свѣдѣнія о началѣ и судьбѣ православной церкви въ нынѣшней Минской епархіи. Спб. 1864. Ц. 30 к.

Николай. Историко-статистическое описаніе Минской епархіи. Спб. 1864. Ц. 2 р.

Никольскій, К. Пособія къ изученію устава богослуженія Православн. Церкви. Изд. 2-е исправ. и дополн. Спб. 1865. Ц. 2 р. 75 к.

Нимейеръ. Леченіе тучности по системѣ Бантинга. Популярно-научная лекція, читанная въ Штутгардѣ 23 дек. 1865. М. 1866. Ц. 50 к.

Нимейеръ, Ф. Частная патологія и терапія, основанная преимущественно на физіологіи и паталогич. анатоміи. Перев. съ нѣм. Н. Паржницкій. Изд. 2-е вновь обраб. и дополн. 4 т. Спб. 1865. Ц. 7 р. 50 к.

Новаковскій, В. Гдѣ я? и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Номис. М. Украінски Приказки, прислівъя. Спб. 1864. Ц. 2 р. 70 к.

Овсянниковъ, Н. Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ концентрическихъ, при-

способленныхъ къ развитію учащихся курсахъ. 2 тома. Спб. 1866. Ц. 1 р. 85 к.

Одлингъ. В. Животная химія. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Ольхинъ, П. Руководство къ русской стенографіи по началамъ Габельсбергера. Изд. 2-е. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Островскій, А. Н. Сочиненія. Т. 3 и 4. Спб. 1867. Ц. 3 р. 50 к.

Пабстъ. Руководство къ разведенію крупнаго регатаго скота. Перев. Н. Литке, подъ редакц. А. Совѣтова, съ 25-ю хромолитогр. изобр. Спб. 1862. Ц. 4 р.

Пабстъ. Руководство къ сельск. хозяйству. Перев. Я. Калинскимъ, подъ редакц. А. Совѣтова. Ч. 1-я, 3 вып. Спб. 1862. Ц. 3 р.

Пансонъ дю-Террайль. Таинственное наслѣдство. Романъ съ прологомъ. Перев. съ франц. Спб. 1867. Ц. 1 р. 30 к.

Парашинъ лѣсокъ. Разсказъ для дѣтей. И. Х. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Паульсонъ, Г. Ариѳметика по способу нѣмецк. педаг. Грубе. Изд. 5-е. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Пекарскій, П. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. 2 тома. Описаніе славяно-русскихъ книгъ и типографій (1698—1725). Спб. 1862. Ц. за оба тома 7 р.

Перевлѣскій, П. Славянская грамматика съ изборникомъ. Изд. 5-е. Спб. 1865. Ц. 80 к.

Перти, М. Психическая жизнь животныхъ. Факты и наблюденія. Пер. Н. К. Зенгеръ. М. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Пестржецкій, И. Сельско-хозяйственное счетоводство. Удостоено Учен. Комит. Мин. Гос. Имущ. первой конкурсной преміи. Спб. 1864. Ц. 3 р.

Петровъ, К. Русская историческая христоматія. (1862—1850.) Съ теоретическимъ указателемъ. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Петрушевскій, А. Разсказы про старое время на Руси. Отъ начала рус. земли до Петра Великаго. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Пидеритъ, Т. Д-ръ. Мозгъ и его дѣятельность. Популярн. очеркъ физіологической психологіи. Съ 8 чертежами. Перев. Н. Хмѣлевскій. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Писаревъ, Д. Н. Сочиненія. Части I, III и V. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1866. Ц. по 1 р. за вып.

Писемскій, А. Сочиненія. 3 т. Спб. 1861—62. Ц. 9 р.

— Взбаломученное море. Романъ въ 3-хъ част. М. 1863. Ц. 4 р.

Погоскій. Повѣсти и разсказы. 3 тома. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашн. хозяйствѣ.... 2-е дополн. изд. сост. и издала Е. М—цъ. Спб. 1866. Ц. 3 р. 50 к.

Пожаровъ, И. О движеніи и покоѣ въ отношеніи къ здоровью человѣка съ объясненіемъ пособій, изобрѣтенныхъ Лудовикомъ Корженевскимъ. Спб. Ц. 80 к.

Полевой, П. Н. Историческіе очерки средневѣковой драмы. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Полонскій, Я. Н. Кузнечикъ-музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы, съ добавленіемъ новыхъ стихотвореній за послѣдніе годы. Съ 25 политипажами, рисованными В. Гартманомъ, гравированными Гогенфельденомъ. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Помпери, Эд. Женщина въ отношеніи къ мущинѣ въ исполненіи ею материнскихъ, сестринскихъ и супружескихъ обязанностей, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. М. 1866. Ц. 1 р.

Потѣхинъ, П. Наши безобразники. Сцены. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к.

Преображенскій, П. Общепонятное руководство къ практич. сельск. хозяйству. 7 томовъ. Съ политипаж. рисунк. Изд. 2-е. М. 1860—63. Ц. 10 р. 30 к.

Пржибыльскій. Франц. грамматика съ упражненіями въ переводѣ и разговорѣ или теоретико-практическое изученіе франц. языка. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Прогулка съ дѣтьми по зоологическому саду. М. 1865. Ц. 1 р.

Проказы Чорта на желѣзной дорогѣ. Юмористическая поэма въ стихахъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1863 г. Ц. 30 к.

Прокоповичъ, П. И. Школа пчеловожденія или практич. руководство къ изуч. жизни пчелъ и правильн. уходу за ними. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 127 политип. М. 1866. Ц. 2 р.

Прописи чистописанія и скорописанія, изданыя Н. А. Сеньковскимъ. Спб. Ц. 6 к.

Прудонъ. Война и миръ. Изслѣдованія о принципѣ и содержаніи международнаго права. Перев. съ франц. 2 т. М. 1864. Ц. 2 р. 50 к.

— Искуство, его основанія и общественное назначеніе. Переводъ подъ редакціею Н. Курочкина. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

— Франц. демократія. Пер. Н. Михайловскаго. Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Пуликовскій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Путешествіе въ Іерусалимъ на поклоненія св. мѣстамъ или путевыя записки. Спб. 1866. съ планомъ. Ц. 1 р.

Пушкинъ. Сочиненія. Новое издан. Я. А. Исакова, съ портретомъ автора. 6 т. съ библіогр. указателемъ Геннади. Спб. 1859—60. Ц. 7 р. 75 к.

Пфейфферъ, Эдуардъ. Объ ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Перев. съ нѣмец. подъ ред. М. Антоновича. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Пютцъ, В. Сборникъ историческ. очерковъ. Учебной пособіе для учащихся и преподавателей. Перев. съ нѣм. и дополн. мног. статьями, преимущественно изъ рус. историч. сочиненій А. Чацкинъ. 3 т. М. 1866. Ц. 3 р. 20 к.

Рау, К. Б. Основныя начала финансовой науки. Спб. 1867. Ц. 3 р.

Рего, Е. Естественная исторія растительнаго царства преимущественно въ примѣненіи къ русской флорѣ средн. губерній. Съ рис. Шуберта и Хохштегера. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 1865. Съ 54 л. раскраш. рис. Ц. 6 р.

Рего, Э. Ѳ. Руководство къ изученію садоводства и огородничества, 3-е исправленное изд., въ 3 частяхъ. Спб. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

Рейнботъ, П. И. Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи по простой и по двойной системамъ. Въ 2-хъ томахъ. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Рейнботъ, П. Счетоводство розничной и мелочной торговли, и ремеслен. заведеній. Спб. 1866. Ц. 90 к.

Рейфъ, Ф. Новые параллельные словари языковъ русск., франц., нѣм. и англ. Ц. по 2 р. 50 к. каждый томъ.

Рекламъ. Питаніе и выборъ пищи по возрастамъ, временамъ года, занятіямъ и состоянію здоровья. Спб. 1865. Ц. 35 к.

Реутъ, д-ръ. Половое отправленіе человѣка. Анатомич. описаніе дѣтородн. органовъ и родов. частей, физіологія половой жизни, зачатія и рожденія, кратк. изложеніе сущности сифилитич. болѣзни и послѣдніе выводы о средствахъ, могущіе предупреждать всякое сифилит. зараженіе. Перев. съ нѣм. Съ 12 табл. рисунковъ. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова (рисов. Іевлевымъ и А. Лебедевымъ). 2 тетр. содерж. 20 рисунковъ. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Риттеръ, д-ръ. Врачь, какъ другъ дома, указывающій вѣрныя, простыя и дешев. лѣкарства для исцѣленія болѣзней, свойственн. каждому возрасту и обоему полу, безъ пособія доктора и аптеки, содержащ. опис. признаковъ, причинъ болѣзненн. припадковъ и средствъ къ предупрежденію ихъ. Изд. 2-е. М. 1864. Ц. 1 р. 50 к.

Розенблюмъ, В. Н. Онанизмъ. Спб. 1867. Ц. 40 к.

— Секретныя наставленія мущинамъ, 2-е изд. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Рончевскій, А. Д-ръ. Популярныя лекціи о холерѣ, читанныя въ Тифлисѣ въ 1866. Тифлисъ. 1866. Ц. 50 к.

Россмеслеръ, А. Лѣсъ. Переводъ съ значит. дополн. подъ редакціею Ѳ. К. Арнгольда и Н. Е. Попова. Вып. 1-й и 2-й. Спб. 1867. Ц. за все сочин. 4 р.

Ростовская, М. Ѳ. Крестьянская школа. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Рохау, А. Исторія Франціи отъ низверж. Наполеона I до возстановленія Имперіи 1844—1852. Съ нѣмецк. перев. и изд. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина, въ двухъ частяхъ. Спб. 1865. Ц. 3 р. 50 к.

Рупрехтъ, д-ръ. Тайный совѣтникъ и домашній врачь для всѣхъ возрастовъ человѣка, или 1500 самыхъ лучш. домашн. средствъ противъ 145 болѣзней. Перев. д-ра Ѳедоровскаго. М. 1866. Ц. 2 р.

Руфини. Докторъ Антоніо. Романъ. Спб. 1861. Ц. 75 к.

Савваитовъ, П. Адмиралъ-сенаторъ Сем. Афан. Пустошкинъ. Спб. Ц. 30 к.

Савицкій, А. Памятная книжка для винокуренныхъ заводчиковъ при дѣйствіи новой акцизной системы, съ одобренія департамента податей и сборовъ. Спб. Ц. 50 к.

Савицкій, А. Памятная книжка для занимающихся торговл. напитками, подлежащими акцизу, съ одобр. департам. податей и сборовъ. Спб. Ц. 50 к.

Самариинъ, Ю. Ѳ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. М. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Сегюръ. Записки о пребываніи его въ Россіи въ царствов. Екатерины II (1758—1789). Перев. съ франц. съ примѣч. переводчика. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Семеновъ, Д. Міръ въ картинахъ или краткое изображ. главнѣйш. предмет. изъ естествен. наукъ и исторіи. Пояснительн. текстъ составл. подъ ред. Семенова. Спб. 1866. Ц. тексту съ атлас. крашен. рис. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Семеновъ, П. Географическо-статистич. словарь Росс. Имп. Составл. по поручен. Имп. русск. Географ. Общества. Томъ III. Вып. 1—4. Спб. 1866. Ц. по 75 к.

Тожъ. Томъ 1 и 2. Ц. 6 р. 75 к.

Сервантесъ. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Перев. съ испанск. В. Карелинъ. Спб. 1866. Ц. за 2 части 3 р.

Серенъ, А. Физіологія половой производительности или философ. гигіена брака. М. 1866. Ц. 2 р.

Серре, А. Курсъ ариѳметики, съ нѣкот. измѣнен., перевелъ Н. Юденичъ. М. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Сигизмундъ, Б. Дитя и міръ. Посвящается отцамъ, матерямъ и друзьямъ дѣтей. Спб. 1866. Перев. съ нѣмецк. Ц. 60 к.

Симашко, Ф. Начальныя основанія алгебры. Изд. 3-е исправл. и дополн. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Симашко, Ф. Ариѳметика. Изд. 4-е. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Симашко, Ф. Геометрія. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Симашко, Ю. Учебный атласъ всеобщ. географіи. Съ 500 изображ. замѣчат. животныхъ и растеній, водящихся въ различ. частяхъ свѣта и въ Россіи. Спб. 1862. Ц. 3 р. 60 к.

Скальковскій, К. А. и **Краевскій,** Д. М. Стоитъ ли поощрять русск. промышлен.? Съ 4-мя таблиц. колебаній вексельн. курса въ Спб. и Нью-Іоркѣ и разн. фондовъ на Спб. биржѣ. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Скальковскій, К. Женщины-писательницы XIX столѣтія. Съ портретами. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Скоттъ, Вальтеръ. Ивангоэ. Романъ. Обработан. для юношества. Д. Коковцовымъ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Скоттъ, Вальтеръ. Квентинъ Дорвардъ. Романъ, обработан. для юношества. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Слѣпцовъ, В. А. Сочиненія, исправл. и дополнен. 2 тома. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Смайльсъ, С. Самодѣятельность. Перев. Н. Кутейникова. 3-е изд. Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, К Учебная книга сравнит. географіи. Европа, въ физич., этнографич. и политич. отношен. Курсъ гимназическій. 4-е изд. исправл. Спб. 1866. Ц. 70 к.

Смирновъ, К. Учебная книга сравнит. географіи. Общія свѣдѣнія изъ географич., математич., физич. и политич. Курсъ низшихъ учебн. заведеній. Изд. 4-е исправл. Спб. 1866. Ц. 40 к.

Смитъ, Адамъ. Изслѣдованія о природѣ и причинѣ богатства народовъ. Съ примѣчаніями Бентама, Буханана, Гарнье, Макъ-Кулоха, Мальтуса, Милля, Рикордо, Сея, Сисмонди и Тюрго. Перев. П. А. Бибиковъ. 3 тома. Спб. 1866. Ц. 6 р.

Соковичъ, А. Учебникъ математическ. географіи. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Соколовъ, Н. В. Экономическіе вопросы и журнальное дѣло. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Соловьевъ, С. М. Учебная книга русской исторіи. Изд. 5-е. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Сорокинъ, Н. Прѣсноводн. акваріумъ, или комнатный садокъ для водныхъ растеній и животныхъ. По Росмеслеру, Греффе и др. Съ 13 рисун. въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 70 к.

Сорокинъ, Н. Способы размноженія насѣкомыхъ. Спб. 1866. Ц. 40 к.

Сосницкій, И. Курсъ русскаго языка. М. 1866. Ц. 1 р.

Спенсеръ, Г. Классификація наукъ со статьею о причинахъ разногласія съ философіей Канта. Перев. А. Н. Тибленъ. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Станюковичъ, К. Изъ кругосвѣтнаго плаванія. Очерки морскаго быта. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Стасюлевичъ, М. Опытъ историческ. обзора главн. системъ исторіи философіи. Спб. 1866. Ц. 3 р.

Стебницкій, И. Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Степановъ, М. Внутренній государств. кредитъ. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Стифенъ, Дж. Уголовное право Англіи въ кратк. очертаніи. Перев. съ англ. В. Спасовича. Спб. 1865. Ц. 3 р.

Столпянскій, Н. Девять губер. западн. края въ топографич. геогностич. статистич. экономич. этнографич. и историч. отношеніяхъ. (Съ картою девяти губерній края). Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Стюартъ Милль и Тэнъ. Наведеніе какъ методъ изслѣдов. природы. 1) Шилль, Г. Методъ индуктивн. изслѣдов. какъ методъ изслѣдов. природы, въ сжатомъ изложеніи главн. образомъ по Джону Стюарту Миллю. II) Тэнъ, Г. Англійскій позитивизмъ. Этюдъ о Стюартѣ Миллѣ. Перев. Н. Хмѣлевскій. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Суворинъ, А. Русскіе замѣчательные люди. Разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1866. Ц. 40 к.

Суворовъ, И. Управл. и счетоводство на частн. и горныхъ заводахъ, составлено по практич. занятіямъ управленія. М. 1866. Ц. 3 р.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Съ изъясненіемъ статей законовъ, на которыя содержатся въ уставахъ ссылки и съ прибавл. указат. Карманное неофиціальное изданіе. Спб. 1866. Ц. съ подробн. къ нимъ указателемъ 1 р. 25 к.

Сѣченовъ, Н. и Пашутинъ, В. Новые опыты надъ головн. и спин. мозгомъ лягушки. Спб. 1865. Ц. 40 к.

Сѣченовъ, Н. Физіологія нервной системы. Спб. 1866. Ц. 3 р.

Тайны изъ жизни одной кушетки. Рукопись, найденная послѣ апраксинскаго пожара. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Тайны французской полиціи. Описаніе истинныхъ и интересн. событій изъ государствен. и семейной жизни французскаго народа. Перев. съ франц. М. 1866. Ц. 2 р.

Темный человѣкъ. Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ, сокращен. и исправл. по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ. Съ приложен. 5 рисунк. работы художника Н. И. Лебедева. Спб. 1866. Ц. 40 к.

Тэнъ, Г. О. Лекціи о искуствѣ, читанныя въ парижской школѣ изящн. искуствъ въ 1865. Перев. и изданіе В. Чуйко. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Тернеръ, Ѳ. О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к.

Тернеръ, Ѳ. Краткое руководство къ изученію политической экономіи. Спб. 1863. Ц. 1 р.

Тиндаль, Дж. Альпійскіе ледники. Перев. съ англ. С. А. Рачинскій. М. 1866. Ц. 2 р. 50 к.

— Лучи свѣта и теплоты. Перев. съ англ. подъ редакціею А. Шимкова, доцента физики въ Харьковскомъ университетѣ. Берлинъ. 1866. Ц. 50 к.

Толстой, А. К. Смерть Іоанна Грознаго, трагедія въ 5 дѣйств. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Толстой, Ѳ. Сочиненія, 2 т. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Томасъ. Вальтеръ-Горингъ. Романъ. Перев. съ англійск. Спб. 1867. Ц. 1 р. 30 к.

Тургеневъ. Сочиненія 5 т. 1865. Ц. 6 р.

Туръ, Е. Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Передѣлано съ англійскаго. М. 1866. Ц. 1 р.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки знаменит. Шехеразады. Пер. Голандомъ. М. 1866. Ц. 4 р.

Урусова, В. Д. княжна. Маленькія души. Фантастич. сказка для дѣтей. М. 1866. Ц. 1 р.

Успенскій, Г. Въ будни и праздникъ Московскіе нравы. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Ушаковъ, А. Драгоцѣнные камни въ промышленномъ и минералогическомъ отношеніи. Со многими политипажами въ текстѣ. Спб. Ц. 90 к.

Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и христоматія. Книга для классного чтенія, приспособлен. къ постепенно умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изд. 6-е, 2 части. Спб. 1865. Ц. каждой части 60 к.

Фарадей, М. Силы природы и ихъ соотношенія. Перевелъ съ англійскаго 3-го изданія В. Лугининъ. Съ 59 политипажами въ текстѣ. Спб. 1865. Ц. 80 к.

Фербернъ, В. Желѣзо. Историческій обзоръ желѣзнаго производства. Свойства желѣза. Руды его. Различныя способы выдѣлки желѣза, стали и чугуна. Химическій составъ различныхъ сортовъ желѣза. Статистическія данныя о торговлѣ желѣзомъ. Броненосныя суда. Спб. 1864. Ц. 2 р.

Фигье, Луй. Картины древняго міра или земля до потопа. Съ послѣдн. французск. изданія перев. и издалъ А. Д. М.; М. 1866. Ц. 2 р.

Филаретъ, архіеп. Черниговск. Русскіе Святые, чтимые всею Церковью, или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Изд. 2-е. 12 мѣсяцевъ. Черниговъ 1865. Ц. 5 р. 50 к.

Филоновъ, А. и Радонежскій А. Книга для первоначальнаго чтенія. Спб. 1866. Ц. 80 к.

Фишеръ, К. Францискъ Бэконъ Веруламскій. Реальная философія и ея вѣкъ пер. Н. Страхова. Спб. 1866. Ц. 1 р. 75 к.

Фламмаріонъ, К. Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Перев. съ франц. П. Ольхина. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Флетчеръ. Истор. Американской войны. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Фогель, Ю. Тучность, ея причины, предотвращеніе и леченіе простыми діэтетическ. средствами. На основаніи системы Бантинга. Перев. съ 8 нѣмецк. изд. 2-е изд. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Фогтъ. Зоологическіе очерки, или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ. Перев. подъ редак. В. Ковалевскаго. Съ портр. автора и 55 рис. въ текстѣ. Спб. 1864. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.

Фохтъ, Карлъ. Статьи по естествовѣдѣнію и другія. Переводъ П. Конради. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Фохтъ, К. Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, изд. 2. Спб. 1866. 2 т. Ц. 3 р.

Франклинъ, Д. Естествен. исторія въ разсказ. 2 т. Съ рис. Спб. 1862. Ц. 6 р.

Фредоль. Морской міръ. Перев. съ франц. М. 1866. Ц. 3 р.

Фробель. Америка, ея жизнь и природа. Путешест. М. 1866. Ц. 3 р.

Фуке. Описаніе различныхъ способовъ улучшенія и удобренія почвы, переводъ съ франц. съ примѣчаніями. Животныя, растительныя и минеральныя удобренія. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к.

Халколивановъ, I. Слова и поученія на всѣ недѣли въ году, на праздники господскіе и богородичные, на дни святыхъ, особенно чтимыхъ св. Православною Церковью, на дни высокоторжеств., на нѣкоторые особые случаи и на св. четыредесятницу. Спб. 1865. 2 Тома. Ц. 2 р. 50 к.

Хлѣбниковъ, П. А. Физиказемнаго шара. О явленіяхъ производим. на земн. шарѣ теплотою. Спб. 1866. Ц. 3 р. 50 к.

Хотинскій, М. С. Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Циглеръ, А. Д-ръ въ Бернѣ. Изслѣдованіе мочи у постели больнаго. Руководство для врачей, переводъ съ 2-го нѣмецк. изд. М. 1866. Ц. 50 к.

Циммерманъ, А. Человѣкъ. Таинствен. явленія нравств. и физической его природы. Происхожденіе и первобытная исторія рода человѣческаго, постепенный переходъ людей изъ естественнаго состоянія къ цивилизаціи. Популярное изложеніе по новѣйш. изслѣдованіямъ естествознанія и исторіи. Спб. 1866. Ц. за 2 т. 5 р.

Червяковъ, А. П. Путеводитель по С.-Петербургу. Съ прилож. программъ всѣхъ учебн. заведеній и плана Петербурга. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Чудовскій, В. Война за Шлезвигъ-Гольштейнъ 1864. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Шванъ, Т. Анатомія человѣческаго тѣла. Общепонятное изложеніе. Спб. 1865. Ц. 75 к.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Полное собраніе драматич. произведеній. Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. 3 тома. Спб. 1866. Ц. 10 р. 50 к.

Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Пер. А. Н. Пыпина, изд. 2. Спб. 1867. Ц. 3 р.

Шиллеръ. Собраніе сочиненій, въ пер. русскихъ писателей, издан. подъ ред. Н. В. Гербеля. 7 томовъ. Спб. 1866. Ц. 8 р. 75 к.

Шлейденъ, М. И. Море; жизнь въ морѣ и у моря. Пер. Н. Ольхина. Спб. 1867. Ц. 3 р. 50 к.

Швейгеръ. Н. Лекціи Офтальмоскопіи. Перев. Н. Воронихинъ. Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Шимановскій, Ю. Операціи на поверхности человѣческаго тѣла. Съ атласомъ содержащимъ на 108 таблицахъ 602 рисунка. Кіевъ. 1865. Ц. 5 р.

Шлоссеръ, К. Всемірная исторія. Спб. 1861—65. 12 т. Ц. каждому тому 1 р. 50 к.

Шлютеръ, Г. Обозрѣніе всеобщей исторіи музыки. Перев. В. Бессель. Спб. 1866. Ц. 1 р. 75 к.

Шмитъ, Г. Исторія польскаго народа.

Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями Ю. О. Шрейеръ. 3 т. Спб. 1866. Ц. 5 р. 25 к.

Шмидтъ, Ф. Карманная фармакологія. (Для начинающихъ врачей и клиническихъ кураторовъ.) Съ нѣм. перевелъ и дополнилъ В. Манасейнъ. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Шнейдеръ, К. Секретныя наставленія къ безопасн. наслажденію любовью, съ присовокупленіемъ правилъ къ предохраненію отъ вредныхъ послѣдствій болѣзней. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1866. Ц. 50 к.

Шоппенгауэръ, К. Метафизика любви. Перев. съ нѣм. Спб. 1864. Ц. 30 к.

Шраубе, О. Ученіе о здоровьѣ. Популярное изложеніе гигіенич. и медиц. наставленій для всѣхъ возрастовъ и различн. родовъ труд. жизни. Перев. А. Герда. Спб. 1867. Ц. 1 р. 30 к.

Штейнгаузенъ, А. д-ръ. Руководство къ изученію женскихъ болѣзней. Съ нѣм. перевелъ В. Манасейнъ. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1866. Съ 2 таблиц. рис. Ц. 1 р. 50 к.

Щебальскій. П. Начало и характеръ Пугачевщины. М. 1865. Ц. 75 к.

Щегловъ, Н. Т. Ариѳметика. 2-е изд. исправл. и дополн. Спб. 1865. Ц. 75 к.

Щербина, Н. Сборникъ для народн. чтенія и для употребленія при народн. обученіи, 2-е исправл. и значительно дополн. изданіе. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Эберманъ, А. Руководство механической и физической діагностики болѣзней мочеваго канала, предстательной железы и мочеваго пузыря. Вып. I, съ 4 чертежами и 1 раскраш. таблиц. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Эккеръ, А. Анатомія лягушки. Руководство для физіологовъ, врачей и учащихся. Переводъ С. Ламанскаго. Выпускъ первый. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Экономическое значеніе публичныхъ торговъ. Четыре засѣданія политико-экономическаго комитета при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Спб. 1863. Ц. 1 р.

Эстерленъ, Фр. Человѣкъ и сохраненіе его здоровья. Общепонятныя гигіеническія письма. Пер. съ нѣм. Д. Фридбергъ. Спб. 1866. Ц. 2 р.

Этюды философическіе. 1) Смыслъ исторіи. 2) Духъ и матерія. Изд. Н. Неклюдова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Якобсъ, Ф. Греческая учебная книга. Часть I. Первый и второй курсъ. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Якушкинъ, П. Былины и Небывальщина. Спб. 1867. Ц. 60 к.

Учебныя заведенія, полковыя библіотеки и Земскія Учрежденія, выписывающія книги изъ книжной торговли БЕККЕРА и К°, пользуются уступкою отъ 10 до 15 %, частныя лица же при единовременной выпискѣ книгъ на 25 р. пользуются 10 % уступки или по желанію получаютъ безплатно журналъ „КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ заключающ. въ себѣ всѣ вновь выходящ. книги съ краткимъ критическимъ отзывомъ о нихъ.

Книжная торговля БЕККЕРА и К° высылаетъ гг. иногороднымъ всѣ книги и учебныя пособія, по цѣнамъ объявленнымъ другими книгопродавцами и издателями; а также принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты и выдаетъ книги на чтеніе съ платою 10 % со стоимости книги.

Всѣ порученія исполняются аккуратно.

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

въ 1867 году.

Будетъ выходить ежемѣсячно книжками до 20-ти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ 1867 году, **десятомъ** со времени своего основанія, «**Военный Сборникъ**» будетъ издаваемъ по прежней программѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Главная цѣль журнала: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній, сообщать свѣдѣнія о современномъ состояніи военнаго дѣла у насъ, въ Россіи, и въ иностранныхъ государствахъ и служить посредникомъ для обмѣна мыслей и наблюденій между военнослужащими и вообще всѣми лицами, интересующимися успѣхами военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Послѣдняя задача «**Военнаго Сборника**» пріобрѣтаетъ еще большее значеніе съ развитіемъ въ журналѣ, съ 1862 года, особаго отдѣла — по *сообщенію всѣхъ главнѣйшихъ предположеній военнаго министерства относительно предпринимаемыхъ и уже предпринятыхъ преобразованій по улучшенію устройства и быта нашей арміи.* Значеніе этой задачи одинаково важно какъ для самаго военнаго министерства, такъ равно и для читающей публики. Съ одной стороны, названный отдѣлъ удовлетворяетъ весьма понятному любопытству военнослужащихъ и публики относительно общаго хода военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; съ другой — открываетъ полную возможность каждому дѣльному мнѣнію, основанному на глубокомъ изученіи предмета и каждой свѣтлой мысли способствовать успѣхамъ военнаго дѣла. Основныя предположенія военнаго министерства могутъ вызывать людей знающихъ и опытныхъ на посильное выясненіе дѣла и на разработку частностей онаго, что, въ свою очередь, влечетъ за собою сопоставленіе различныхъ мнѣній, проникнутыхъ одною цѣлію, однимъ стремленіемъ—достигнуть наивозможно лучшаго рѣшенія вопроса.

Вполнѣ сознавая важность этой задачи, редакція «**Военнаго Сборника**», съ своей стороны, принимаетъ всѣ мѣры для возможно болѣе удовлетворительнаго исполненія оной, но въ то же время надѣется на дружное содѣйствіе членовъ военнаго общества, безъ котораго усилія редакціи не вполнѣ бы достигали своей цѣли.

Другая задача—способствовать распространенію въ нашей арміи основательныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній—составляетъ предметъ тѣхъ же заботъ и усилій редакціи. Имѣя въ виду наивозможно болѣе удовлетворить этой важной цѣли, редакція надѣется въ будущемъ развить отдѣлъ *военно-историческихъ и тактическихъ* статей, по преимуществу относящихся къ новѣйшимъ войнамъ, обративъ при этомъ вниманіе, по мѣрѣ матеріяльныхъ средствъ, на возможно большее помѣщеніе *картографическихъ* приложеній.

Поставивъ себѣ задачею—постоянное усовершенствованіе изданія журнала, редакція «**Военнаго Сборника**», тѣмъ не менѣе, вовсе не полагаетъ, чтобы кругъ чтенія постоянныхъ подписчиковъ на редактируемый ею

журналъ могъ ограничиться только этимъ изданіемъ. А потому, признавая огромную пользу за *войсковыми библіотеками* и имѣя въ виду въ недавнее время затронутый военнымъ министерствомъ вопросъ объ ихъ возможномъ улучшеніи и благоустройствѣ, редакція «**Военнаго Сборника**», желая хотя въ нѣкоторой степени содѣйствовать этой важной задачѣ, и въ особенности раціональному пополненію войсковыхъ библіотекъ, намѣрена возможно-болѣе развить *библіографическій отдѣлъ*. Въ этихъ видахъ, въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ извлеченій изъ наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, будутъ помѣщаемы болѣе или менѣе подробные отзывы о всѣхъ военныхъ журналахъ, книгахъ и картахъ, полезныхъ для пріобрѣтенія войсковыми библіотеками, а также о прочихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ или представляющихъ значеніе для всякаго образованнаго общества.

Программа «**Военнаго Сборника**,» ВЫСОЧАЙШЕ одобренная, остается неизмѣнною и въ 1867 году:

I. **отдѣлъ офиціальный**: а) Извлеченія изъ приказовъ военнаго министра, главнокомандующихъ арміями, генералъ-инспектора по инженерной части, генералъ-фельдцейхмейстера, по главному штабу, главному управленію военно-учебныхъ заведеній и командующихъ войсками военныхъ округовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій главныхъ управленій и департаментовъ военнаго министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое-либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній.

II. **отдѣлъ военныхъ наукъ**: а) Тактика; б) Военная исторія; в) Военная администрація; г) Военная статистика и географія; д) Фортификація и артилерія.

По **тактикѣ** будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артилеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искуства способахъ обученія войскъ и т. п.

По **военной исторіи** будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соотвѣтствующіе карты и планы.

По **военной администраціи**—все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ такъ и иностранныхъ.

По **военной статистикѣ и географіи**—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По **фортификаціи и артилеріи** будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціяльные журналы.

III. **отдѣлъ литературный**: Разсказы изъ военнаго быта; б) Записки военныхъ людей (мемуары); в) Путешествія, имѣющія военный интересъ; г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. **современное обозрѣніе**. Отдѣлъ этотъ въ настоящее время получилъ большое развитіе. Онъ состоитъ изъ: 1) **Библіографіи**, въ которой помѣщаются: библіографическіе разборы русскихъ періодическихъ военныхъ изданій; извѣстія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ (этой части отдѣла редакція имѣетъ въ виду придать большее развитіе). 2) **Русское военное обозрѣніе**—предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по военной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. 3) **Иностранное военное обозрѣніе**—свѣдѣнія о ходѣ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «**Военномъ Сборникѣ**» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію журнала. При этомъ редакція предлагаетъ лицамъ, неиспытавшимъ своихъ силъ на военнолитературномъ поприщѣ, не стѣсняться литературною формою изложенія статей, лишь бы онѣ

отвѣчали общей цѣли и направленію журнала, которыя достаточно извѣстны читателямъ. Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ неодобренія—возвращается автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ-либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, редакція проситъ составлять, повозможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ статьи для печати подписывать имена свои и адресы *четко* и *ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «**Военномъ Сборникѣ**», опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи до 30 руб. сер., а за оригинальныя статьи до 50 руб. сер. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „**Военный Сборникъ**“ принимается:

Въ **С.-Петербургѣ**: *въ конторѣ редакціи „Военнаго Сборника“, на Литейной, домъ Денфера, № 13.*

„**Военный Сборникъ**“ выходитъ *ежемѣсячно*, книжками въ 20 листовъ и болѣе въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двѣнадцать книжекъ*, **6 руб. 50 коп.** съ пересылкою, а въ Петербургѣ съ доставкою на домъ. (*)

Редакція „**Военнаго Сборника**“ покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на „**Военный Сборникъ**“, съ тою цѣлію, чтобы книжки журнала могли быть отправлены на имя каждаго подписчика, чрезъ газетную экспедицію С.-Петербурскаго почтамта, въ наглухо-задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя пріодическія изданія.

Желающіе имѣть „**Военный Сборникъ**“ за 1859 годъ, съ *картою Италіи*, и за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы съ соотвѣтствующими *приложеніями*: „Тактика“ *Грисгейма* и „Исторія и тактика кавалеріи“ *Нолана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ редакцію. *Цѣна годоваго изданія, съ доставкою и пересылкою*—**шесть рублей.**

Главный Редакторъ „Военнаго Сборника“,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ **Меньковъ.**

(*) При этомъ лица, мѣняющія свой адресъ послѣ подписки: иногородный на городской обратно, въ этихъ случаяхъ приплачиваютъ еще 50 коп. сер.

ПОДПИСКА НА 1867 ГОДЪ

„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

К. В. ТРУБНИКОВЫМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города.

На годъ . . . . 7 руб. На мѣсяцъ. . . . 60 коп.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Вечерней Газеты» (въ Большой Конюшенной, домъ Утина).

О ПОДПИСКѢ НА

НОВЫЙ

РУССКІЙ БАЗАРЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ 1-го апрѣля до конца 1867 года. Цѣна 4 р. 50 к., съ доставкою 5 р., съ пересылкою 6 р. 50 к.

Издатель извѣстнаго нѣмецкаго журнала „DER BAZAR" заключилъ съ нами условіе, на основаніи котораго мы имѣемъ исключительное право на всѣ рисунки и художественныя приложенія этого изданія для Россіи. Всѣ эти рисунки помѣщены будутъ и въ „НОВОМЪ РУССКОМЪ БАЗАРѢ", и та-же типографія въ Лейпцигѣ, которая печатаетъ нѣмецкое, будетъ печатать рисунки русскаго изданія. Такимъ образомъ мы пріобрѣли возможность сдѣлать нашъ журналъ **самымъ богатымъ и разнообразнымъ** по этой части; кромѣ того, платя значительныя суммы за право собственности рисунковъ, мы не дозволимъ никакому другому русскому изданію заимствовать эти, намъ принадлежащіе рисунки.

Вотъ преимущества „НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА" предъ другими русскими изданіями по этой части. Раскрашенныя парижскія модныя картины (мы будемъ прикладывать ихъ ежемѣсячно) взяты будутъ изъ „Mode illustrée, онѣ, какъ извѣстно, далеко превосходятъ по величинѣ и по изяществу всѣ другія модныя картинки.

Текстъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. I. Женскія рукодѣлія, моды, домашнее хозяйство: II. Воспитаніе дѣтей. Діэтетика. Популярная медицина. III. Стихотворенія. Романы, Повѣсти, Разсказы. Очерки и Біографіи. Естествознаніе, Путешествія. IV. Смѣсь: Критика. Библіографія. Театръ. Художества. Новости.

ЕЖЕМѢСЯЧНО выходятъ **три** нумера, изъ которыхъ **два** съ рисунками модъ и всевозможныхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета (въ теченіи года болѣе 1,000 рисунковъ) и съ приложеніемъ выкроекъ — и **одинъ** нумеръ литературный по вышеприведенной программѣ. Мы уже имѣемъ для литературнаго отдѣла стихотворенія лучшихъ нашихъ поэтовъ, статьи любимыхъ писателей и рисунки извѣстныхъ художниковъ.—Особенное вниманіе обращено будетъ на содержаніе литературнаго нумера, при содѣйствіи лучшихъ писателей, поэтовъ и художниковъ. **Одинъ** листъ нашего формата равняется **двумъ** листамъ обыкновенной печати.

Постоянно поступающія требованія на **Новый Русскій Базаръ** принуждаютъ насъ объявить, что **все изданіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ распродано** и что съ Апрѣля мѣсяца изданіе это будетъ печататься въ увеличенномъ числѣ экземпляровъ. Новые подписчики будутъ получать кромѣ всѣхъ нумеровъ съ Апрѣля (№ 11—36) еще три первые литературные нумера (за Январь, Февраль и Мартъ) въ которыхъ напечатано, кромѣ другихъ статей, начало романа Ауэрбаха «**На Высотѣ**». Лица, выславшія по прежнимъ объявленіямъ подписную сумму за весь годъ, будутъ получать вмѣсто первыхъ трехъ мѣсяцовъ 1867 года — три первые мѣсяца 1868 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви, входъ рядомъ съ магазиномъ Юнкера.** Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ издателя В. Е. ГЕНКЕЛЯ, у Пѣвческаго моста, въ домѣ Утина, № 37, для московскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ И. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго и у А. Ѳ. Черенина, на Рождественкѣ, д. Торлецкаго.

«НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ», издаваемый нами, не имѣетъ ничего общаго съ прекратившимся изданіемъ Г. Мамышева «Русскій Базаръ».

Печатаются и поступятъ въ продажу 1-го мая 1867 г.,

изданіе С. В. ЗВОНАРЕВА:

ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

соч. **А. ЧЕРКАСОВА.**

БОЛЬШОЙ ТОМЪ, ОКОЛО СОРОКА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ, ВЪ 8-Ю Д. Л. СЪ РИСУНКАМИ.

Цѣна 3 руб.

Сочиненіе это, плодъ многолѣтнихъ наблюденій автора, обнимаетъ всѣ роды звѣриныхъ промысловъ Восточной Сибири, въ связи съ природою страны и нравами звѣропромышленниковъ. По закрытіи журнала «Современникъ», въ которомъ предполагалось печатаніе большихъ извлеченій изъ этого сочиненія, издатель получилъ рукопись отъ Н. А. Некрасова, по указанію и при содѣйствіи котораго и предпринято настоящее изданіе.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ

ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

САМОДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

(SELF-HELP FOR YOUNG WOMEN).

соч. **Джесси Бушеретъ.**

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО НАРОДА

Іоахима **ЛЕЛЕВЕЛЯ.**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЗЕМЛЯ

И ЧТО НА НЕЙ ЕСТЬ.

ГЕОГРАФІЯ ДЛЯ САМОУЧЕНІЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАНА

„УЧЕНЬЕ—СВѢТЪ“

РУССКАЯ АЗБУКА

ДЛЯ НАГЛЯДНАГО ОБУЧЕНІЯ,

съ 40 рисунками Маркова,

ГРАВИРОВАННЫМИ М. СТАРИКОВЫМЪ.

составилъ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

изданіе **В. АРИСТОВА.**

ЦѢНА **1** РУБ.,

на веленевой бумагѣ, въ папкѣ, **1 руб. 50 коп.** съ пересылкою.

Главный складъ у Аничкова моста, въ домѣ Дебольцовыхъ, въ кв. № 17, у В. И. Аристова.

„ИСКРА“

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

1867 Г.

Выходитъ по прежнему еженедѣльно при сотрудничествѣ слѣдующихъ литераторовъ и художниковъ: **А. В. Бордгели.—В. П. Буренина.—А. М. Волкова.—П. А. Гайдебурова.—И. С. Генслера.—И. Ѳ. Горбунова.—Я. Я. Громова.—К. Д-ва.—Г. З. Елисеева.—Г. И. Жулева.—Р. К. Жуковскаго.—М. М. Знаменскаго.—Н. С. Курочкина.—М. П. Крупянскаго.— А. И. Лебедева.—А. Левитова.—Д. Д. Минаева.—Олесина (псевд.)—Л. И. Пальмина.—Ѳ. П. Рѣшетникова.—В. А. Слѣпцова.—М. М. Стопановскаго.—Н. Н. Страннолюбскаго.—В. В. Толбина.—К. А. Трутовскаго.—Н. В. Успенскаго.—Г. И. Успенскаго. — П. В. Шумахера.—В. Шрейдера.—П. И. Якушкина.**

Всѣ вновь подписывающіеся получаютъ «Искру» съ 1-го № и съ первою-же отправкою:

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КАЛЕНДАРЬ „ИСКРЫ“

НА 1867 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ С.-Петербургѣ **6 р.**, въ Москвѣ при подпискѣ въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева **6 р. 50 к.**, съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **7 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **7 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ *К. Ѳ. Беккера и К°* и въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.* Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.* Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія, надписывая ихъ:

ВЪ РЕДАКЦІЮ «ИСКРЫ» ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изъ редакціи можно выписывать также слѣдующія изданія:

КОМИЧЕСКІЙ ГОДЪ, каррикатурный альбомъ—цѣна **50 к.**

КАЛЕНДАРЬ «ИСКРЫ» на 1866 годъ—цѣна **50 к.**

«ИСКРА» 1866 года (большой томъ 670 страницъ) — цѣна **6 р.**

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

БЕККЕРА и К°.

бывшая СЕНЬКОВСКАГО и К°

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

на Невскомъ просп., противъ Аничкина дворца, въ д. Глазунова, № 60.

ВЫДАЧА НА ЧТЕНІЕ

КНИГЪ

ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЙ.

Условія выдачи книгъ:

1) Книги для чтенія выдаются **на 10 дней** съ платою по 10% со стоимости книги и со взносомъ залога, равнаго цѣнности книги.

2) Книги могутъ быть оставлены и на слѣдующій 10-дневный срокъ съ платою еще 10%.

3) По возвращеніи книги, залогъ, за вычетомъ платы за чтеніе, выдается **обратно.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СТАРИННАГО ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ

АЛЕКСАНДРА ВЫСОТЫ.

ЦѢНА 75 КОП.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Мертвое тѣло. — 2) Темное дѣло.—3) Кража.—4) Починка крыши.—5) Исполненіе рѣшенія. — 6) Замѣтки. — 7) Судейскіе ерши. — 8) Капиталъ съ процентами. — 9) Судейскій ершъ и полицейскій карась.—10) Судейскіе ерши.—11) Выигрышъ дѣла.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

А. П. ВЫСОТЫ.

ЦѢНА 1 Р.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Смерть и опись имущества послѣ умершаго.—2) Драка.—3) Ночь въ аулѣ.—4) Мировая.—5) Безобразникъ.—6) Урокъ для многихъ.—7) Женитьба.—8) Помѣшанный.—9) Секретарь. — 10) Казусъ (разсказъ квартальнаго).—11) Воръ.—12) Взысканіе денегъ по обязательству.—13) Развитость нашего мужика. — 14) Вексель.

КЪ РУССКИМЪ ДАМАМЪ И ДѢВИЦАМЪ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ БЕРЛИНСКАГО МОДНАГО ЖУРНАЛА «MODEN-WELT» (МОДНЫЙ МІРЪ).

Имѣемъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что основанный нами модный журналъ «MODEN-WELT», издаваемый въ Европѣ на восьми языкахъ, а именно:

Въ **Гагѣ** на голандскомъ, подъ названіемъ «**De Bazar**».

» **Лондонѣ** на англійскомъ, подъ названіемъ «**The young ladies' Journal**».

» **Парижѣ** на французскомъ, подъ названіемъ «**L'Illustrateur des dames**».

» **Туринѣ и Флоренціи** на итальянскомъ, подъ названіемъ «**Il mondo elegante**».

» **Мадридѣ** на испанскомъ, подъ названіемъ «**El correo de là moda**».

» **Копенгагенѣ** на датскомъ, подъ названіемъ «**Dagmar**».

» **Берлинѣ** на нѣмецкомъ, подъ названіемъ «**Die Moden-Welt**».

» **Варшавѣ** на польскомъ, подъ названіемъ «**Tydotnik Mod**».

и пріобрѣвшій въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія до **120,000** подписчиковъ, на основаніи заключеннаго условія, предоставляющаго исключительное право пользованія всѣми статьями и рисунками восьми вышеупомянутыхъ изданій, будетъ выходить и на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ:

МОДЫ И НОВОСТИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

съ тѣмъ, что печать рисунковъ, для доставленія этому новому изданію необходимой изящности, будетъ производиться подъ моимъ наблюденіемъ за границею.

Съ нашей стороны, мы не будемъ щадить никакихъ матеріаловъ, лишь бы только въ удовлетвореніе требованіямъ публики и нашему самолюбію—дать петербургскому издателю возможность поставить его изданіе на полную степень совершенства. И потому всѣ статьи, которыя мы получаемъ отъ мѣстныхъ и заграничныхъ сотрудниковъ, всѣ рисунки, которые исполняютъ для насъ лучшіе рисовальщики и граверы, всѣ образцы выкроекъ и рукодѣлій, которые составляются здѣсь, при участіи опытныхъ закройщиковъ и мастерицъ, мы предоставляемъ въ полное распоряженіе русской редакціи, такъ что она, при нашемъ содѣйствіи, обладаетъ средствами обогатить русскую модную литературу новымъ, дешевымъ и доступнымъ каждому сословію журналомъ.

ЛИПЕРГЕЙДЕ и К°. Въ Берлинѣ.

Контора ГОППЕ и КОРНФЕЛЬДА, какъ главная контора журнала «Моды и Новости» въ Петербургѣ, по Больш. Садов., противъ гостинаго двора, въ д. Ильина, № 16.

Принимаетъ на себя отвѣтственность за выходъ журнала «**Моды и Новости**» въ теченіе 1867 года по слѣдующей програмѣ:

24 нумера въ годъ или 2 нумера въ мѣсяцъ **собственно журнала**: 24 нумера въ годъ или 2 нумера въ мѣсяцъ **литературнаго приложенія**, 12 раскрашенныхъ **парижскихъ картинокъ** въ теченіе года, и 12 листовъ **выкроекъ** въ теченіе года.

Годовая цѣна 4 р. безъ доставки и 5 р. 75 к. съ пересылкою.

Журналъ этотъ полнотою и изящностію не уступитъ ни одному изъ издаваемыхъ въ Петербургѣ модныхъ журналовъ, отличается же отъ нихъ тѣмъ, что онъ гораздо дешевле.

Мы намѣрены конкурировать **не обѣщаніями**, но добросовѣстнымъ возмездіемъ публики за деньги, которыя она намъ ввѣряетъ, что лучше всего подтверждаютъ вышедшіе уже на судъ общества, десять нумеровъ журнала «**Моды и Новости**».

Издатели «Всеобщаго Календаря» ГОППЕ и КОРНФЕЛЬДЪ.

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ

КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССІИ.

Издается въ 1867 году по той-же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предъидущихъ годахъ. Въ составъ программы входятъ: библіографія всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ, журнальное обозрѣніе, новости по иностранной литературѣ, извѣстія и замѣтки по вопросамъ издательскимъ, книгопродавческимъ, типографскимъ и т. п. Извѣстія о выходящихъ книгахъ сообщаются по мѣрѣ поступленія ихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, о важнѣйшихъ произведеніяхъ печати помѣщаются критическіе отзывы. Вообще «Книжный Вѣстникъ» можетъ служить необходимою справочною книгою для читателей, книгопродавцевъ, издателей, и всѣхъ лицъ занимающихъ чѣмъ либо спеціально.

Въ «Книжномъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе гг.: **А. Г. Вишняковъ, Г. Н. Геннади, А. К. Гриневскій, В. А. Зайцевъ, Н. С. Курочкинъ, Н. С. Кутейниковъ, Н. Л. Лавровъ, И. А. Махотинъ, Н. К. Михайловскій, Л. Н. Модзолевскій, П. А. Муллов, А. Н. Пятковскій, А. А. Стойковичъ, А. В. Фрейгангъ, І. А. Шарловскій, І. И. Шишкинъ,** и др.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 24 нумеровъ (отъ 1 ½ до 2 печатн. листовъ) 2 р. 50 к. съ доставк. и пересылк. 3 р., за полгода 1 р. 40 к. съ дост. и перес. 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «Книжнаго Вѣстника» при книжной торговлѣ Беккера и К°. (бывш. Сеньковскаго и К°.) въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ д. Глазунова № 60 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Объявленія для напечатанія въ Книжномъ Вѣстникѣ принимаются исключительно при Главной конторѣ.

Гг. иногороднымъ, выписывающимъ изъ книжной торговли Беккера и К°. (бывш. Сеньковскаго и К°.) единовременно книгъ на 25 р. Книжный Вѣстникъ высылается безплатно.

ОБЪ ИЗДАНІИ
АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ЖУРНАЛА
ВЪ 1867 ГОДУ.

«Артиллерійскій Журналъ», по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ издаваться по слѣдующей программѣ (*).

Официіальный отдѣлъ.

I. Приказы по артиллеріи: измѣненія въ личномъ составѣ по артилерійскому вѣдомству (производства, награды, переводы, назначенія и т. п.), циркулярныя распоряженія (постановленія по части матеріальной, строевой, технической и пр.).

II. Перечни занятій артиллерійскаго комитета.

III. Годичные отчеты трудовъ артиллерійскаго комитета.

Неофиціальный отдѣлъ.

I. Здѣсь помѣщаются всѣ статьи, относящіяся собственно до артиллеріи, какъ науки и искусства, во всей ея обширности; статьи, касающіяся администраціи и управленія артиллеріею, а также статьи изъ области естественныхъ наукъ.

II. *Библіографія*. Обзоры новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ военныхъ журналовъ, извѣстія о замѣчательныхъ журнальныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ по части артиллеріи, выборъ книгъ для солдатъ, перечни новѣйшихъ книгъ военнаго содержанія и обзоръ книгъ и руководствъ, которыя, по мнѣнію редакціи, могутъ быть полезны для образованія батарейныхъ библіотекъ.

III. *Смѣсь*. Здѣсь помѣщаются всѣ статьи, неподходящія содержаніемъ своимъ ни подъ одинъ изъ предшествующихъ разрядовъ, но имѣющія соотношеніе съ военнымъ бытомъ вообще; мелкія извѣстія, извлекаемыя изъ ежедневныхъ и періодическихъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ, касающіяся артиллеріи и пр.

Въ теченіи 1867 года редакція «Артиллерійскаго Журнала» предполагаетъ издать, по мѣрѣ возможности, особыя приложенія къ журналу.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», приглашаются доставлять ихъ въ редакцію, за подписью своего званія, имени и фамиліи, и съ обозначеніемъ мѣста жительства. Ежели авторъ пожелаетъ, имя его можетъ быть скрыто отъ публики, но статьи неподписанныя, редакція печатать не можетъ. Статьи должны быть ТЩАТЕЛЬНО обработаны, а также ЧИСТО и ЧЕТКО перепи-

---

(*) Съ будущаго 1868 года редакція надѣется достигнуть возможности издавать журналъ свой безъ личной обязательной для офицеровъ подписки. *Ред.*

саны, а чертежи, къ нимъ прилагаемые, должны имѣть при себѣ масштабъ и быть составлены, по возможности, въ форматѣ осьмушки печатнаго листа.

При статьяхъ переводныхъ, или составленныхъ по какимъ-либо другимъ сочиненіямъ, непремѣнно должны быть прилагаемы указанія на источники.

Статьи, признанныя неудобными къ напечатанію, возвращаются по востребованію авторовъ или переводчиковъ, безъ всякаго объясненія со стороны редакціи.

За статьи, помѣщенныя въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», авторамъ или переводчикамъ уплачиваются изъ редакціи деньги, по разсчету печатныхъ листовъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ каждой книжки. Сверхъ того авторъ, ежели пожелаетъ, имѣетъ право на полученіе безплатно 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

Плата за печатный листъ «Артиллерійскаго Журнала» установлена слѣдующая: За оригинальныя статьи **40 р. сер.**, а за переводныя **16 р. сер.**

«Артиллерійскій Журналъ» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ, съ чертежами, политипажами, картами и планами.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна, за годовое изданіе двѣнадцати книгъ «Артиллерійскаго Журнала», **четыре рубля 50 коп. сер.**, съ пересылкою и доставкою на домъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала, при Артиллерійскомъ Комитетѣ, на углу Литейнаго проспекта и Захарьевской улицы, домъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

У коммисіонера «Артиллерійскаго Журнала», Я. А. Исакова, въ Гостиномъ дворѣ, № 24.

Гг. подписчики приглашаются доставлять адресы, четко и обстоятельно написанные, и въ случаѣ перемѣны мѣста жительства, увѣдомлять о томъ редакцію, для исправной разсылки книжекъ.

Оставшіеся нераспроданными экземпляры «Артиллерійскаго Журнала» за прежнее время, начиная съ 1841 года, можно получать въ редакціи, по цѣнѣ 2 р. 85 коп. сер. за годовое изданіе съ прибавленіемъ за пересылку шести книжекъ 50-ти коп. сер.; за 1856-й, 1857-й и проч. годы по цѣнѣ 4 руб. 50 к. сер. съ пересылкою.

Редакторъ **КУЗНЕЦОВЪ.**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

ПО КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОМУ ДѢЛУ.

Справочная книга для писателей, издателей, книгопродавцевъ, преподавателей и вообще для всѣхъ, интересующихся русскою литературой и развитіемъ книгопечатнаго дѣла въ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ „СБОРНИКА" СЛѢДУЮЩЕЕ:

I. Каталогъ книгъ, брошюръ и пр., вышедшихъ въ 1866 году на русскомъ языкѣ.

II. Содержаніе главнѣйшихъ журналовъ, вышедшихъ въ 1866 году.

III. Полный списокъ періодическихъ изданій, имѣющихъ выходить въ обѣихъ столицахъ въ 1867 году.

IV. Списокъ провинціальныхъ изданій, имѣющихъ выходить въ 1867 году.

V. Списокъ книжныхъ магазиновъ и лавокъ обѣихъ столицъ, съ обозначеніемъ ихъ адресовъ.

VI. Списокъ книгопродавцевъ провинціальныхъ.

VII. Списокъ типографій въ обѣихъ столицахъ, съ обозначеніемъ ихъ адресовъ.

VIII. Библіотеки общественныя и частныя, музеи, условія посѣщенія ихъ, ученыя общества и т. п., находящіяся въ столицахъ, съ обозначеніемъ цѣли и характера дѣятельности послѣднихъ, личнаго состава, времени и мѣста засѣданій и т. п.

IX. Законы о печати: постановленія объ изданіи сочиненій безъ предварительной цензуры. Постановленія о цензурѣ внутренней и иностранной и духовной. Законы объ авторской собственности. Постановленія относительно издателей, книжной торговли и пр. О наказаніяхъ за преступленія и проступки по дѣламъ печати и судопроизводство по этимъ предметамъ.

X. Тарифъ почтовой пересылки періодическихъ изданій, книгъ, брошюръ и объявленій.

XI. Личный составъ и мѣстонахожденіе главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго.

XII. Полный и подробный списокъ предостереженій, данныхъ періодическимъ изданіямъ съ 1-го сентября 1865 года. Отчетъ о замѣчательныхъ процессахъ по дѣламъ печати съ того же времяни.

Цѣна «**Сборнику**» **одинъ рубль** съ пересылкою. На «**Сборникъ**» принимается подписка въ **книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черенина,** въ Москвѣ, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

Издатель А. ЧЕРЕНИНЪ.

ЛИТОГРАФІЯ

БЕККЕРА и К°

(Бывш. СЕНЬКОВСКАГО и К°.)

на Невскомъ просп., противъ Аничкова дворца, въ домѣ Глазунова № 60.

100	визитн. карточ. на глянцов. бум.	1 р. 50 к.	съ перес.	1 р. 75 к.
100	„ съ коронкой	1 „ 75 „	„	2 „ — „
100	„ на бристольск. бум.	2 „ — „	„	2 „ 50 „
100	„ „ съ коронкой	2 „ 25 „	„	2 „ 75 „
100	свадебныхъ билетовъ	6 „ — „	„	7 „ — „
100	Похоронныхъ билетовъ	5 „ — „	„	— „ — „

Печатаніе бланковъ, этикетовъ, счетовъ и т. д. по соглашенію. **Всѣ** требованія исполняются **отчетливо** и въ **самомъ скоромъ времени.**

Гг. иногородные при требованіяхъ высылаютъ деньги **впередъ.**

191 91

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
APR 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025336197